

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

057
VIE
v. 15
no. 11-12

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

**Theft, mutilation, and underlining of books
are reasons for disciplinary action and may
result in dismissal from the University.**

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 3 1975

JUL 0 8 1982

JUL 0 9 1982

JUN 15 1982

JUN 18 2008

90/

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ф/54/13025

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 7.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1880

(568)

057

VIE

V. 15

no. 11-12

ДУХОВНЫЕ ХРИСТИАНЕ

О Ч Е Р К Ъ .

Рядомъ съ вѣтвью русскихъ отщепенцевъ, носившихъ названіе «старовѣровъ», у насъ издавна существовала другая группа, принявшая въ послѣднее время названіе «духовныхъ христіанъ». Они же сами ведутъ свое происхожденіе отъ вольнодумцевъ, появившихся въ Россіи, въ половинѣ XVI столѣтія, слѣдовательно за сто лѣтъ раньше «старовѣрія». Прежде только «старовѣріе» считалось истинно русскимъ направленіемъ религіозной мысли, такъ какъ оно, по мнѣнію образованной части нашего общества, защищало русскую старину, было приверженцемъ косности мысли, буквы священнаго писанія и вообще всякаго обскурантизма. Наша интеллигенція, со временъ Петра Великаго, считала себя идущей во главѣ русскаго прогресса, а такъ какъ народъ противится этому прогрессу, то она и привыкла смотрѣть на него, какъ на источникъ всякаго рода инерціи. Но вотъ въ концѣ прошлаго столѣтія появились въ русскомъ народѣ ученія (съ массою послѣдователей), которыя, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ними, не могли подойти подъ типъ «старовѣрія», — надо было найти объясненіе этому факту. Привычка видѣть въ народѣ только одно невѣжество заставила искать такое объясненіе въ постороннемъ вліяніи — вліяніи «тлетворнаго Запада». Это объясненіе было принято почти всеми на вѣру, никто не потребовалъ доказательствъ, всемъ казалось, что только такое объясненіе достойно вѣры; да притомъ оно, по мнѣнію многихъ, дѣлало честь русскому народу, такъ какъ онъ оказывался неспособнымъ производить идеи, идущія въ разрѣзъ съ косностью мысли, съ приверженностью къ обряду, къ буквѣ. Но извѣстно, что старовѣры, въ крайнемъ развитіи своего ученія, достигли такого же раціонализма, какъ и

духовные христiане; таковы, напримѣръ, немояки; а потому мы считаемъ неосновательнымъ приписывать внесенiе рaціoнализма въ религіозное міросозерцанiе русскаго народа только вліянію Запада. Тѣ изслѣдователи русскихъ раскольниковыхъ учений, которымъ не нравятся идеи рaціoналистовъ, старались доказать, что эти идеи не имѣютъ тѣсной связи съ характеромъ русскаго ума, противны его нравственности и — ничего больше какъ зараза, внесенная западными протестантами; но очевидно, что такое объясненiе не имѣетъ никакихъ основанiй. Мы этимъ не думаемъ отрицать умственнаго вліянія народовъ другъ на друга; мы хотимъ только указать, что успѣхи рaціoнизма очень мало зависятъ отъ вліянія со стороны. Щаповъ утверждаетъ, что молоканско-духоборческое ученiе возникло «отчасти подъ вліяніемъ западныхъ мистико-соціальныхъ идей» ¹⁾, не указывая ни какимъ путемъ шло это вліяніе, ни времени его появленiя. По нашему же мнѣнію, это вліяніе шло изъ славянскихъ земель черезъ Малороссію, помимо европейской образованности, которая создалась у насъ со времени Петра I. Сношенiя Малороссіи съ западными славянскими землями были довольно тѣсны задолго до «прорубки» Петромъ окна въ Европу. Такъ, напримѣръ, богумильское движенiе въ Болгаріи отразилось и въ Малороссіи; вліяніе богумильства на южно-русскую народную словесность не подлежитъ сомнѣнію ²⁾. Кромѣ того, малорусскія пѣсни представляютъ то оригинальное явленiе, что въ Малороссіи встрѣчаются вмѣстѣ всѣ варианты, какіе въ Сибири и Болгаріи, въ Германіи, Чехіи, Моравіи, Польшѣ и Великороссіи попадаются порознь» ³⁾. При такихъ тѣсныхъ сношенiяхъ Малороссіи съ западными и южными славянами, неудивительно, что въ нее могли проникнуть сначала богумильство, а потомъ и ученiе Гуса, давшее на нашей почвѣ плоды въ видѣ «духоборчества».

Духоборчество требовало отъ своихъ послѣдователей высокаго уровня нравственныхъ чувствъ, а также и недюжиннаго ума, а потому не могло быстро распространяться. Только тогда, когда оно выродилось въ молоканство, которое нѣсколько ближе къ общему нравственному и умственному уровню, оно могло распространяться нѣсколько быстрее. Но и самое молоканство, въ его чистомъ видѣ, т. е. въ томъ, въ какомъ оно отдѣлилось отъ духоборцевъ, было слишкомъ высоко для русскаго человѣка

¹⁾ „Дѣло“ 1876 года, № 10. Статья Щапова. Стр. 332.

²⁾ и ³⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1877 годъ, № 3: „Ученая экспедиція въ западно-русскій край“. Стр. 98 и 108.

конца прошлаго столѣтія, и только къ 60-мъ годамъ его пропаганда сдѣлалась успѣшнѣе и шире. Еще успѣшнѣе стали распространяться секты, которыя еще ближе молоканства стоятъ къ православію; таковы, напримѣръ, «евангелики», или иначе, «штундисты». «Евангелики» — это необходимая ступень къ молоканству, къ которому они, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени и перейдутъ. У насъ очень много говорятъ о вліяніи нѣмецкихъ колонистовъ на развитіе секты «штундистовъ»; мы же думаемъ, что въ немъ не было никакой нужды, такъ какъ существованіе многихъ сотенъ тысячъ молоканъ (не считая «немоляковъ» и «духоборцевъ») могло имѣть гораздо болѣе вліянія на появленіе секты штундистовъ, нежели присутствіе нѣмцевъ-штундистовъ, даже плохо говорящихъ по-русски. Если же сами штундисты увѣряютъ, что они заимствовали свое ученіе отъ нѣмцевъ, то это можно объяснить тѣми затрудненіями, которыми у насъ сопровождается пропаганда всякихъ религіозныхъ ученій. Очень можетъ быть, что штундисты не желаютъ указать на настоящій источникъ своего ученія. Между прочимъ, мы должны замѣтить, что ихъ ученіе почти тождественно съ ученіемъ донского толка молоканъ, или, какъ они сами себя называютъ, «евангелическихъ христіанъ». Что же касается сходства малорусской штунды съ нѣмецкой, то оно довольно ничтожно, и разница между ними, съ развитіемъ штунды, быстро увеличивается.

Къ «духовнымъ христіанамъ» мы относимъ: духоборцевъ, молоканъ, общихъ и евангеликовъ (штундистовъ), но въ своей статьѣ будемъ говорить только о первыхъ трехъ.

I.

Духоборцы.

Уже со второй половины XVI столѣтія въ Россіи стали появляться еретики, въ ученіяхъ которыхъ явно проглядывалъ рѣшительный раціонализмъ, но очень долго это было спорадическимъ явленіемъ, и только къ концу XVII столѣтія эти ученія окончательно сложились и окрѣпли; такъ, по словамъ Новицкаго, въ 1785 году «всѣ послѣдователи сихъ сектъ, доселѣ безымянныхъ, или получавшихъ названія по произволу каждаго, получаютъ опредѣленное и постоянное наименованіе — духоборцевъ» ¹⁾.

¹⁾ О духоборцахъ. Ор. Новицкаго. Кіевъ, 1832 г. Стр. 15, 16, 18.

Когда ученіе духоборцевъ было окончательно выработано, оно стало быстро распространяться. Особенно способствовала этому лихорадочная ревность къ пропагандѣ, охватившая къ этому времени умы духоборцевъ. «Югъ, казалось, особенно благопріятствовалъ ученію духоборцевъ: оно спѣшно возрастало въ губерніяхъ екатеринославской, харьковской, тамбовской и землѣхъ донскихъ казаковъ; явилось на Кавказѣ, распространилось въ Саратовѣ, Воронежѣ, Курскѣ; примѣчаемо было въ центрѣ Россіи—Москвѣ и Калугѣ; распространялось и на сѣверѣ—въ Финляндіи, островѣ Эзелѣ и губерніи архангельской; проникло въ самую Сибирь—въ Иркутскъ и даже Камчатку. Впрочемъ, ученіе духоборцевъ, какъ ни далеко распространило свой духъ, нигдѣ не коснулось людей изъ сословій высшихъ; а послѣдовалъ ему только народъ простой, необразованный, нѣсколько купцовъ, ремесленниковъ,—всѣ же прочіе суть крестьяне-земледѣльцы» ¹⁾.

Новицкій говоритъ про ученіе духоборцевъ, что «ни въ какой книгѣ не содержится ихъ ученіе въ такомъ видѣ, какъ они исповѣдуютъ» ²⁾. Оно основано на *преданіи*, которое у нихъ называется «животною книгою», то-есть «книгою, живущею въ памяти и въ сердцахъ духоборцевъ, въ противоположность нашей библіи, заключающейся, по ихъ словамъ, въ мертвыхъ буквахъ. «Животная книга» состоитъ изъ такъ-называемыхъ духоборцами псалмовъ; псалмы составлены изъ отрывочныхъ стиховъ и словъ псалмовъ Давида, изреченій ветхаго и новаго завѣта, молитвъ и ирмосовъ православной церкви, и *большей частью собственныхъ духоборческихъ* вымысловъ» ³⁾. Этихъ псалмовъ такъ много, что память одного человѣка не можетъ ихъ удерживать, а потому вся животная книга находится въ памяти членовъ всей общины, и обыкновенно отецъ передаетъ свои знанія сыну; эта передача бываетъ между 6-мъ и 15-мъ годами и считается крещеніемъ.

Одинъ изъ главныхъ учителей духоборцевъ конца прошлаго столѣтія, Иларіонъ Побирохинъ, училъ, что «Бога въ собственномъ существѣ нѣтъ, а пребываетъ онъ въ родѣ праведныхъ, и, основываясь на такомъ понятіи о Богѣ, онъ называлъ себя, какъ праведника, сыномъ Божиимъ» ⁴⁾. Другой наставникъ, Силуанъ

¹⁾ Тж. Стр. 15, 16, 18.

²⁾ Тж. Стр. 15, 16, 18.

³⁾ „Православный Собесѣдникъ“ 1859 г., ч. 1-я. „Раскольники за Кавказомъ“. Стр. 300.

⁴⁾ „Православный Собесѣдникъ“ 1858 г., ч. 3-я. „Истор. свѣд. о молок. сектѣ“. Стр. 44.

Колесниковъ, училъ, что «должно поклоняться Богу другъ въ другѣ, яко есмы начатокъ созлаиємъ его и есмы между всѣми твореніями въ мірѣ живоначертанное рукою его изображеніе, образъ Бога на землѣ» ¹⁾. Вслѣдствіе этого духоборцы, не имѣя вообще непремѣнныхъ праздниковъ, «почитають праздноствомъ, когда одинъ къ другому приходитъ для посѣщенія,—и тогда посѣщаютъ и провожаютъ гостей съ духовнымъ пѣніемъ» ²⁾.

Итакъ, духоборцы «Бога, какъ личное божество не признають, Богъ не раздѣленъ въ ихъ понятіяхъ съ человѣкомъ». «Богъ есть человѣкъ», любимое ихъ выраженіе ³⁾. «Богъ въ Троицѣ единъ: Отецъ — память; Сынъ — умъ; Духъ святой — воля», говоритъ духоборецъ ⁴⁾. Исходя изъ такого понятія о божествѣ, они отвергають существованіе загробной жизни; имъ она «представляется въ смыслѣ той памяти, которую оставляетъ послѣ себя умершій. Отсюда нѣтъ вѣры въ рай и адъ; рай, по ихъ мнѣнію, будетъ на землѣ для живыхъ. «Живый Богу въ помощь» — также одно изъ любимыхъ ихъ выраженій» ⁵⁾. «Разница между жизнью праведниковъ теперешнею и жизнью будущей состоятъ будетъ только въ томъ, что они будутъ жить одни, безъ грѣшниковъ; но родиться, трудиться и умирать будутъ такъ же, какъ и нынѣ» ⁶⁾. «Воскресенія тѣла никогда не будетъ, и самая кончина міра ограничится только истребленіемъ грѣшниковъ, а міръ не кончится; онъ останется вѣчно такимъ же, какимъ видимъ его нынѣ; и, слѣдовательно, нѣтъ существенной разницы между жизнью настоящею и будущею, земною и небесною. Наши (т.-е. православныя) понятія объ этомъ и другомъ свѣтѣ, о землѣ и небѣ неправильны: свѣтъ одинъ; и подъ небесами не что другое должно разумѣть, какъ одинъ избранный родъ Божій, а не бѣсовскій» ⁷⁾. Души человѣческія, по разлученіи съ тѣломъ, переходятъ не въ другой какой-нибудь свѣтъ, а переселяются въ тѣла другихъ людей. Въ чемъ же состоитъ это переселеніе особенно ярко выясняется изъ того ихъ убѣжденія, что «переселеніе души въ тѣло человѣка совершается, примѣрно, отъ 6 до 15-лѣтняго возраста, т.-е. въ то время, когда человѣкъ станетъ учиться по *животной книгѣ*» ⁸⁾.

Исусъ Христосъ «пострадалъ и умеръ на крестѣ не по своей волѣ»; «цѣль страданій его была единственно та, чтобы подать

¹⁾ ²⁾ Новицкій. Стр. 85.

³⁾ „Обзоръ“, 1878 г., № 237.

⁴⁾ Новицкій. Стр. 97.

⁵⁾ „Обзоръ“, 1878 года, № 237.

⁶⁾, ⁷⁾ и ⁸⁾ „Православный Собесѣдникъ“ 1859 г., ч. 1-я. Стр. 306, 307.

намъ примѣръ страданія за истину. Распяли Христа жида, а жида значитъ жители; а жители эти—православные» ¹⁾. Духоборцы говорятъ, что Христосъ «былъ Сынъ Божій, но (что однакожъ неохотно объясняютъ) въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и мы называемся сынами Божиими. Наши старики знаютъ еще болѣе, нежели Христосъ; спросите ихъ» ²⁾. На вопросъ квакеровъ, посѣтившихъ духоборцевъ въ 1817 году, о божественности Иисуса Христа, они отвѣтили: «мы вѣримъ, что Христосъ былъ хорошій человѣкъ и ничего больше» ³⁾. Не признавая божественности Иисуса Христа, они и «священное писаніе почитаютъ за ученіе младенческое и несовершенно» ⁴⁾. По ихъ словамъ, «много въ писаніи иное тому, другое другому пригодно, и мы принимаемъ, что намъ слѣдуетъ», говоритъ духоборецъ, — отсюда стремленіе духоборцевъ понимать священное писаніе иносказательно ⁵⁾. Такъ, «церковь, по ихъ понятію, есть собраніе тѣхъ, которыхъ самъ Богъ вызываетъ изъ среды людей мірскихъ, да ходятъ во свѣтѣ и жизни. Сіи избранные не отличены никакимъ особеннымъ символомъ, не соединены въ одно отдѣленное отъ другихъ общество, не связаны никакими общими законами богослуженія: они составляютъ церковь невидимую, разсѣяны по всему міру и существуютъ подъ различными титулами исповѣданій. Такимъ образомъ, въ составъ церкви входятъ и тѣ, кои не пользуются св. писаніемъ и не знаютъ изъ него объ І. Христѣ; къ ней могутъ принадлежать люди различныхъ націй, различнаго племени и языка; не только между сектами христіанскими, но и между самими іудеями и турками находятся члены сей церкви—тѣ, которые руководятся внутреннимъ свѣтомъ и стараются засѣмениться добромъ. Отсюда уже видно, съ какой точки зрѣнія должны смотрѣть духоборцы—и на св. писаніе, и на служителей видимой церкви, и на различныя въ ней учрежденія» ⁶⁾.

На основаніи словъ: «Той сотвори насъ цари и іереи»,—

¹⁾ Тамъ же. Стр. 305.

²⁾ „Отечественныя Записки“ 1828 г., ч. 33-я. Статья А. Ф—въ. Стр. 48 и 49.

³⁾ „Исслѣдованія внутр. отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учреждений Россіи“. А. Гакстаузенъ. Стр. 278.

⁴⁾ Чтенія въ Имп. Об. Ист. и Др. 1864 г., кн. 4-я. Статья И. В. Лопухина, стр. 47.

⁵⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1874, кн. 4-я. Записка архимандрита Евгения. Стр. 139.

⁶⁾ Повицій. Стр. 67 и 68.

всѣ духоборцы считаютъ себя священниками ¹⁾. По ихъ мнѣнію, чтобы быть священникомъ внутренней церкви, для сего не довольно собственнаго произволенія и простаго желанія и согласія другихъ; но нужно принадлежать какому либо извѣстному званію и сословію, необходимо даже внѣшнее приготовленіе себя, или умственное образованіе: истинный священникъ есть тотъ, кого призываетъ внутреннее побужденіе свыше, кого избираетъ самъ Іисусъ—изъ простолюдиновъ ли или изъ священниковъ внѣшней церкви, или изъ властей міра, и кого приуготовить—самъ невидимый дѣйствователь Христосъ, непосредственно просвѣщая умъ его и сердце: такимъ образомъ, призваніе, избраніе и самое приуготовленіе къ священству должно быть внутреннее, а не внѣшнее» ²⁾. Одинъ І. Христосъ, внутренній дѣйствователь, есть истинный Архіерей и Священникъ, поему никакихъ священниковъ внѣшнихъ не нужно; въ комъ дѣйствуетъ самъ Христосъ, тотъ и преемникъ его, и *для себя* самъ священникъ» ³⁾. И такъ какъ «чада Божіи должны поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, то не нужно никакого внѣшняго богослуженія. Внѣшность таинствъ не производитъ надъ человѣкомъ никакого дѣйствія; ихъ должно понимать и принимать духовно; обряды, хотя имѣютъ свою знаменательность, однако, поелику они суть только мертвые знаки внутренняго, и бѣльшею частью препятствуютъ уму приближаться къ Богу, то не только излишни, но иногда даже вредны» ⁴⁾. «Иконы суть идолы; угодниковъ Христовыхъ можно уважать за ихъ добродѣтели, но не должно имъ молиться; постъ состоитъ въ бѣганіи отъ похотей и воздержаній отъ излишняго» ⁵⁾.

Для заключенія брака нужно только согласіе родителей; обряда же при этомъ, такъ же какъ и при погребеніи, не совершается ⁶⁾. «Вообще секту сію, въ настоящемъ ея положеніи можно назвать *безвѣріемъ*», говоритъ А. Ф.—въ о духоборцахъ въ 1828 году ⁷⁾.

Понятіе духоборцевъ о Богѣ, какъ существѣ несамостоятельномъ, лично и самобытно не существующемъ, но и какъ бы слитно и нераздѣльно пребывающемъ съ родомъ избранныхъ, такъ что безъ рода этого Онъ не могъ бы открыться, ни прославиться, вытекаетъ у нихъ изъ безграничнаго, можно сказать,

¹⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1864 г., кн. 4. Статя И. В. Лопухина. Стр. 47.

^{2), 3), 4), и 5)} Новицкій. Стр 72, 99 и 100.

⁶⁾ и ⁷⁾ „Отечественныя Записки“ 1828 года, ч. 33-я. Статя А. Ф.—въ, стр. 53 и 54.

уваженія къ человѣческой личности ¹⁾. Духоборецъ говоритъ: «Есть Богъ,—Онъ есть духъ. Онъ въ насъ,—мы есмь Богъ» ²⁾. Употребляемые на ихъ собраніяхъ поклоны другъ другу они объясняютъ, какъ поклоненіе «неопытному живому лицу Божию — человеку» ³⁾.

Человѣкъ—живой ликъ Божій, вотъ основное понятіе духоборцевъ, на которомъ они стараются установить и свои общественныя отношенія. По ихъ мнѣнію, всѣ люди равны; «внѣшнія отличія не значать ничего, а по естеству всѣ люди подобны между собою и равны; ибо всѣ пали и всѣ одинаково подвержены искушенію по грѣху. Посему для раба Господня — нѣтъ слуги въ цѣломъ мірѣ, развѣ самъ кто захочетъ быть всѣмъ и во всемъ слугою—въ томъ смыслѣ, какъ былъ всѣмъ слугою Іисусъ Христосъ; можно пользоваться пособіемъ другого, но и тогда пособляющій намъ будетъ не слугою, а братомъ, намъ равнымъ» ⁴⁾. У духоборцевъ «дѣти, вмѣсто того, чтобы своихъ родителей именовать отцемъ или матерью, называютъ только старикомъ или старухою; родители не говорятъ о дѣтяхъ *мои*, а *наши*; мужья называютъ своихъ женъ сестрами, а жены мужей братьями» ⁵⁾. «Представьте себѣ, говоритъ одинъ туристъ, посѣтившій духоборцевъ очень недавно, что 80-ти-лѣтній старикъ и 10-ти-лѣтній мальчикъ называютъ другъ друга уменьшительно ласкательными именами—Степа, Викторушка, Луша, Даша и т. п. Отецъ, мать, жена, мужъ, братъ, сестра, дѣти — всѣ они называютъ другъ друга по именамъ. Только маленькія дѣти называютъ мать *няней*. Съ-разу не узнаешь, въ какой степени родства находятся всѣ члены семьи. Относительно именъ и съ посторонними то же самое. При встрѣчѣ кланяются съ одинаковымъ почтеніемъ какъ мальчишкѣ, такъ и старику, какъ мужчискѣ, такъ и женщискѣ. Въ силу этого же равенства, духоборцамъ дозволяется то, что дозволяется и мужчинамъ. Въ праздничные или, лучше сказать, свободные часы онѣ также преисправно пьютъ и курятъ, какъ ихъ мужья и братья; при этомъ онѣ вполнѣ, что-называется, нравственны» ⁶⁾. Молокавинъ донского толка, г. Столловъ, говоритъ, будто у духоборцевъ «позволяется отъ своей жены свободно ходить къ чужой женѣ, безъ зазору и ревности со стороны су-

¹⁾ „Православный Собесѣдникъ“, 1859 г., ч. I, стр. 304.

²⁾ „Отеч. Запис.“, 1828 г., ч. XXXIII, А. Ф—въ, стр. 48.

³⁾ „Правосл. Собесѣд.“, 1859 г., ч. I, стр. 314.

⁴⁾ Новицкій. Стр. 64.

⁵⁾ Новицкій. Стр. 48.

⁶⁾ „Обзоръ“, 1878 года, № 237.

пруговъ» ¹⁾. Къ такому взгляду на супружескія отношенія духоборцевъ, несомнѣнно страдающему преувеличеніемъ, привела г. Столлова большая свобода супружескихъ отношеній между духоборцами, сравнительно со всѣмъ окружающимъ населеніемъ. Свобода же супружескихъ отношеній явилась у нихъ, какъ логическій результатъ равноправности половъ.

Въ обращеніи съ посторонними духоборцы вѣжливы; но «шляпъ и шапокъ почти не снимаютъ, развѣ только изъ отличнаго передъ кѣмъ уваженія или по необходимости». «Въ обществѣ ихъ нѣтъ никакихъ старшинъ, которые бы управляли и распоряжались обществомъ; но общество управляетъ всѣмъ и каждымъ» ²⁾.

Построивши свои общественныя отношенія на глубокомъ уваженіи къ личности, а слѣдовательно, и на полномъ равенствѣ всѣхъ людей, духоборцы стараются внести тѣ же принципы въ свои отношенія къ другимъ общинамъ, ко всему народу и къ государству; но «сія мысль, какъ опасная для тѣхъ, которые захотѣли бы гласно проповѣдывать ее въ обществахъ, развилась у нихъ медленно, осторожно» ³⁾. «Всякій разъ, говоритъ Гакстаузенъ, какъ разговоръ касался высшихъ и опасныхъ ученій ихъ секты, они начинали говорить двусмысленности и забрасывали меня такими высокопарными и фантастическими выраженіями, которыя сдѣлали бы честь самому заклѣтому софисту, одаренному діалектическими способностями» ⁴⁾. Но, несмотря на осторожность духоборцевъ, ихъ мнѣнія объ общественномъ устройствѣ Россіи болѣе или менѣе извѣстны. Такъ, они и царское достоинство приписываютъ единому токмо Богу» ⁵⁾. «Силуанъ Колесниковъ училъ, что должно повиноваться властямъ и господіямъ сего міра, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ,—повиноваться всѣмъ, хотя бы и въ зломъ дѣлѣ, насильно. Но послѣдователи его, духоборцы екатеринославскіе, говорятъ о властяхъ обширнѣе и иначе. Человѣческія общества исполнены людей злыхъ, движимыхъ мятежными, зловредными страстями: общество злыхъ стоять не можетъ, они истребили бы взаимно другъ друга; по сей-то причинѣ мудрѣйшіе и учредили между собою различныя власти, дабы онѣ удерживали ихъ безпутства; въ семъ отношеніи власти благодѣтельны и поставляются на

¹⁾ „Отеч. Зап.“ 1870 г. № 6. Статья г. Столлова.

²⁾ Новицкій. Стр. 88.

³⁾ Новицкій. Стр. 64.

⁴⁾ „Изслѣдованія... Авт. Гакстаузена“, стр. 279.

⁵⁾ „Дѣло“ 1867 г. № 10. Статья Щапова, стр. 332.

землѣ для сыновъ міра самимъ Богомъ. Но Господь говоритъ: *Азъ отъ міра нѣсть и мои отъ міра не суть*; а для сущихъ не отъ міра и власти мірскія не нужны. Чада Божіи (т.-е. духоборцы) сами избѣгаютъ зла не ради страха, а для того, чтобы имъ возродиться въ душахъ вѣчнымъ благомъ; они сами стараются жить такъ, какъ заповѣдалъ имъ Іисусъ Христосъ; посему Онъ и освободилъ ихъ отъ всѣхъ человѣческихъ законовъ относительно ихъ воли; Онъ далъ имъ свой Духъ св., творящій въ нихъ новое сердце, имѣющее свободную волю въ исполненіи всѣхъ царскихъ потребъ — по плоти, а богоугодныхъ дѣлъ по духу безъ всякаго ихъ принужденія. Духоборцы тамбовскіе осмѣливались уже дѣлать различіе между добрыми и злыми властями и отличить ихъ происхожденіе: «милостивые отъ Бога, твердили они, а немилостивые неизвѣстно отъ кого». Мелитопольскіе духоборцы не разсуждаютъ о происхожденіи властей, а прямо утверждаютъ, что на землѣ не нужно быть никакимъ властямъ; развѣ подлежить, по ихъ мнѣнію, быть царю надъ злыми, татями и разбойниками для укрощенія ихъ наказаніемъ, а не надъ добрыми. Посему они хотя и не возстаютъ противъ учрежденныхъ властей, но не имѣютъ къ нимъ всецѣлой покорности; если и уважаютъ ихъ, то дѣлаютъ сіе притворно, а внутренно и между собою всякую подчиненность, и тѣмъ болѣе монархическое правленіе, признаютъ противнымъ своему образу мыслей. Самыя судебныя расправы не нужны для сыновъ Божіихъ. На что тому суды, говорятъ они, кто самъ во вѣкъ не захочетъ кого-либо обидѣть? Если кто ударить его въ ланиту, то безъ сопротивленія онъ представитъ ему и другую, а хотящему снять съ него кафганъ, безспорно отдастъ и рубаху. Этотъ духъ миролюбія они хотятъ простирать и на враговъ общественныхъ; ибо войну признаютъ недозволительною, утверждаясь на евангельскомъ ученіи о любви ко врагу (Матѣ. V, 38 и 9). Непозволительна и клятва; а посему они отказываются давать присягу въ какомъ бы то ни было случаѣ» ¹⁾. «Признавая войну дѣломъ непозволительнымъ, они говорятъ, что поставляютъ себѣ за правило не носить съ собою оружія: впрочемъ, за враговъ не молятся, такъ какъ всякъ у нихъ долженъ молиться за себя, а не за другихъ; посему же они не молятся ни за царя, ни за тѣхъ, иже во власти суть» ²⁾.

Въ настоящее время духоборцы ведутъ себя кротко и исполняютъ всѣ требованія властей. Впрочемъ, они до сихъ поръ

¹⁾ и ²⁾ Новицкій. Стр. 64, 65, 66 и 68.

отказываются носить оружіе и присягать. Еще въ 1817 году комитетъ министровъ положилъ: «духоборцевъ принимать въ службу безъ принужденія къ присягѣ, отсылая ихъ въ отдѣльный корпусъ войскъ, въ Грузіи находящійся». Потомъ, 8 января 1820 года, высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о томъ, чтобы, «не освобождая духоборцевъ ни отъ какихъ государственныхъ обязанностей, не принуждать, однако же, къ совершенію присяги, по какой бы то формѣ или обряду ни было» ¹⁾. Это высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта относится и къ молоканамъ. Такъ какъ духоборцы и молокане «упорно отказываются принимать оружіе, то ихъ распределяютъ въ санитарныя части, въ госпитали, въ обозъ и т. п.» ²⁾. Государство, такимъ образомъ, успѣваетъ утилизировать силы строптивыхъ подданныхъ, не возбуждая ихъ фанатизма. А примѣры проявленія этого фанатизма уже бывали; такъ, И. В. Лопухинъ говоритъ, что въ первую турецкую войну духоборцы, находившіеся въ вологодскомъ полку подъ Перекопомъ, бросили оружіе ³⁾.

Въ прошлой жизни духоборцевъ есть много фактовъ ихъ борьбы съ государствомъ. Такъ, на примѣръ, при Екатеринѣ II, «возбуждаемые своимъ ученіемъ, они явно шли противъ устройства общественнаго благосостоянія, и явно стали выказывать противленіе гражданской власти» ⁴⁾. То же повторялось и при Павлѣ I. Такъ, въ 1799, въ Малороссіи они «начали *гласно* проповѣдывать, что высшія власти въ государствѣ не нужны» ⁵⁾; по этому поводу именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 28 августа 1799 года было повелѣно: «всѣхъ изобличенныхъ въ ереси духоборческой числомъ 31 человѣка, отослать въ Екатеринбургъ вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, содержа ихъ всѣхъ скованными и употребляя въ наитягчайшія работы, дабы сіи духоборцы, отвергающіе вышнюю власть на землѣ, предѣломъ Божиимъ постановленную, восчувствовали черезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на земли власти Богомъ опредѣленные на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе» ⁶⁾. «Но бѣдственная судьба людей, понесшихъ строгое и достойное наказаніе, — говоритъ Новицкій, — еще не вразумила подобныхъ имъ еретиковъ: новгородской губерніи, въ селѣ Чудовѣ (1800)

¹⁾ „Собраніе постановленій по части раскола“. Стр. 75 и 76, кн. 3.

²⁾ „Русскій Міръ“ отъ 5-го ноября 1876 г. Раскольники въ русской арміи.

³⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. за 1864 г., кн. 4-я, статья И. В. Лопухина, стр. 48.

⁴⁾, ⁵⁾ и ⁶⁾ „Собраніе постановленій по части раскола“. Кн. 1-я, стр. 772, — Новицкій. Стр. 21, 22, 23.

опять открылись отвергающіеся церкви и не признающіе государя и предоставленной ему власти». Въ астраханской губерніи въ 1802 году духоворцы «цѣлыми толпами, съ шумомъ выступили на торжище и явно начали разсѣивать свой развратъ: призванные къ суду мѣстнаго правительства, не только не отступились отъ своихъ заблужденій, но и отложились отъ всякаго повиновенія и признанія надъ собою высшей власти» ¹⁾. Почти то же было и въ Сибири въ 1807 году. Вѣроятно, на основаніи этихъ фактовъ Новицкій утверждаетъ, что духоворцамъ «нужны только случай и средства, дабы произвести тѣ ужасающія возмущенія, тѣ кровавыя брани, коими ознаменовало себя подобное вѣрованіе въ лицѣ анабаптистовъ вестфальскихъ» ²⁾ — факты послѣдующей жизни духоворцевъ не оправдываютъ этого мнѣнія. Въ наше время они заняты больше общинно-устроительною, по выраженію Щапова, дѣятельностью, нежели борьбою съ установившимися порядками. Духоворцы стремятся создать свою общину по типу, который считаютъ справедливымъ и разумнымъ; они отличаются отъ остальнаго населенія своею высокою нравственностью, а благодаря взаимной помощи въ бѣдѣ — и зажиточностью. «Наиболѣе уважаемая, по ученію и въ жизни духоворцевъ, добродѣтель есть братолюбіе»; они «общительны и дружелюбны между собою» ³⁾; кромѣ того — «трезвы, трудолюбивы, хозяйственны; наблюдаютъ въ домахъ и одѣяніи чистоту и опрятность; заботятся объ устройствѣ своихъ полей и скотоводствѣ» и т. д. ⁴⁾. «Наказаній между братьями нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенія изъ общества, и это исключеніе бываетъ за самыя явныя преступленія» ⁵⁾. Духоворцы, отличаясь отъ окружающихъ высокою нравственностью, вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются и физическимъ здоровьемъ: «мужчины у нихъ вообще росту высокаго и сложенія крѣпкаго» ⁶⁾; женщины отличаются «по всей странѣ умомъ и красотою» ⁷⁾. Этотъ фактъ не можетъ не удивлять наблюдателя, особенно, если онъ приметъ во вниманіе, что успѣли претерпѣть духоворцы за свое ученіе. Только-что устроятся они на одномъ мѣстѣ, какъ ихъ гонять опять въ новый, невѣдомый для нихъ край, гдѣ они, разоренные насильственнымъ переселеніемъ, должны приспособляться къ новымъ условіямъ окружающей природы.

1) и 2) Новицкій. Стр. 28.

3) „Дѣло“, 1867 г., № 10. Статья Щапова, стр. 330 и 331.

4) Новицкій. Стр. 91.

5) и 6) „Дѣло“ 1867 г. № 10, статья Щапова, стр. 330 и 331.

7) „Отечественныя Записки“ за 1870 г. № 6. Нѣсколько словъ о молоканахъ, Ании Филибертъ.

Духоборцы, поселенные на Кавказѣ, окружены армянами, грузинами, турками, персами и т. п. племенами. Здѣсь они не могутъ исполнять того, что «они признають своимъ долгомъ — распространять свое ученіе между другими» ¹⁾; «чада Божіи, по ихъ увѣренію, имѣють повелѣніе отъ Отца ихъ учить другъ друга, и рабъ Господень всегда и всемѣрно тщится отдать въ долгъ неимущему свой талантъ, сколько самъ пріялъ свыше и сколько другой вмѣститъ его можетъ» (Матѣ. XXV, 14—30) ²⁾. Стремленіе духоборцевъ къ общинно-устройственной дѣятельности, при современныхъ условіяхъ, не даетъ имъ возможности исполнить свои обязанности къ пропагандѣ своего ученія.

II.

Молокане.

«Молокане сами себя называютъ во-истину духовными христианами, въ отличіе себя отъ всѣхъ другихъ, коихъ они называютъ *мірскими*» ³⁾. Они «составляютъ главнѣйшую отрасль духоборческой секты» и «ихъ признавали за одно съ духоборцами до того времени, какъ сіи послѣдніе въ 1823 году признали ихъ отличными отъ себя по нѣкоторымъ особенностямъ ихъ ученія» ⁴⁾. «Ученіе молоканъ, при однихъ и тѣхъ же началахъ съ духоборческимъ, отличается отъ него въ нѣкоторыхъ частностяхъ тѣмъ, что менѣе отступаетъ отъ ученія церкви православной» ⁵⁾. Народъ до сихъ поръ не отличаетъ собственно молоканъ отъ духоборцевъ и называетъ ихъ вообще молоканами ⁶⁾; а между тѣмъ отдѣленіе молоканъ отъ духоборцевъ произошло въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

По мнѣнію самихъ молоканъ, ихъ секта «ведетъ начало свое со временъ царствованія Алексѣя Михайловича, подъ названіемъ секты духоборцевъ» ⁷⁾ и «пошла на Руси отъ Матвѣя Семеновича», который, по мнѣнію г. Костомарова, не кто иной, какъ Башкинъ, осужденный въ Москвѣ въ 1555 году; но, «впрочемъ, говорятъ они, съ тѣхъ поръ какъ христіанство стойтъ на землѣ, всѣ истинные поклонники Божества такъ вѣрили и до конца

¹⁾ Новицкій. Стр. 66.

²⁾ Новицкій. Стр. 4, 91, 92.

^{3), 4), 5)} и ⁶⁾ „Отеч. Зап.“ 1870 г. № 6. Статья Столлова, стр. 298.

⁷⁾ „Отеч. Зап.“ 1870 г. № 6. Статья Столлова, стр. 229.

будутъ вѣрить, какъ мы» ¹⁾. Главнымъ виновникомъ отдѣленія молоканъ отъ духоборцевъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія былъ Семенъ Уклеинъ, зять извѣстнаго учителя Иларіона Поборохина—память о немъ до сихъ поръ глубоко почитается молоканами. «Проповѣдь его имѣла большой успѣхъ и увлекла за собою какъ духоборцевъ, такъ и православныхъ крестьянъ»; «сначала онъ проповѣдывалъ въ тамбовской губерніи; потомъ, преслѣдуемый властями, перешелъ въ воронежскую, а отсюда, по той же причинѣ, въ саратовскую губернію, и вездѣ приобрѣталъ себѣ много послѣдователей» ²⁾. Число послѣдователей Семена Уклеина быстро росло, и они обратили на себя вниманіе правительства, которое и начало ихъ преслѣдовать. По словамъ И. В. Лопухина, «разными образами истязывали ихъ, цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать, протянувшись, нельзя было» ³⁾. Но, несмотря на все это, молоканство имѣло большой успѣхъ, такъ что, по свѣдѣніямъ за 1842—46 гг., собраннымъ правительствомъ, въ одной тамбовской губерніи ихъ насчитывалось до 200,000, считая, конечно, какъ явныхъ, такъ и тайныхъ ⁴⁾.

Молоканъ обыкновенно дѣлятъ на три толка: тамбовскій, владимірскій и донской, но первые два почти ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются; оба толка — послѣдователи Семена Уклеина. Что же касается до донского толка, то онъ нѣсколько отличенъ, какъ въ области религіи, такъ и политики, отъ коренного уклеинскаго ученія. Мы будемъ излагать общее ученіе всѣхъ молоканъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на отличія очень малочисленнаго донского толка, или «евангелическихъ христіанъ», какъ они себя называютъ ⁵⁾.

По ученію молоканъ, «Богъ есть духъ, въ трехъ лицахъ — Отца, Сына и Святого Духа» ⁶⁾. Признавая Иисуса Христа «сыномъ Божиимъ, вочеловѣчившимся, умершимъ на крестѣ для спасенія міра сего», — они весьма благоговѣютъ къ св. писанію,

1) «Отеч. Зап.» 1869 г. № 3. Воспоминанія о молоканахъ. Н. Костомарова, стр. 78.

2) «Отеч. Зап.» 1870 г. № 6. Статья Столлова, стр. 299.

3) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. за 1860 г., кн. 3-я, Записка И. В. Лопухина. Стр. 110.

4) Варадиновъ, Исторія минист. внутр. дѣлъ, т. VIII, стр. 498.

5) «Отеч. Зап.», 1870, № 6. Статья Столлова, стр. 304.

6) Тамъ же, стр. 299.

признають оное даннымъ отъ Бога человѣку словомъ откровенія ¹⁾. Впрочемъ, они стараются толковать св. писаніе не по буквѣ, а придаютъ ему иносказательный смыслъ; такъ, напримеръ, по ихъ понятіямъ, все равно, «былъ ли Христосъ на землѣ въ самомъ дѣлѣ, или, по Божьему промыслу, книга Евангелія была написана для назиданія—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, человѣкъ равнымъ образомъ можетъ пользоваться ею для своего спасенія; слѣдовательно, если бы кто-нибудь сомнѣвался въ исторической дѣйствительности того, что представляется въ Евангеліи происходившимъ, и понималъ бы все иносказательно, тотъ еще не грѣшитъ противъ духа христіанства. Но собственно молокане не отвергають исторической части священнаго писанія; они только хотятъ объяснить, что поставляютъ сущность не въ буквѣ, а въ смыслѣ; они, однако, допускають, что все написанное въ Евангеліи дѣйствительно случилось, но такъ случилось, что всему приданъ свыше внутренній, нравственный смыслъ. Священное писаніе для нихъ — источникъ нравственнаго совершенства; послѣднее достигается тогда, когда человѣкъ усвоиваетъ божественное ученіе, заключающееся въ священномъ писаніи, и соображаетъ съ нимъ свои поступки въ теченіе своей жизни, а не тогда, когда вѣруетъ, что то, что описывается случившимся, дѣйствительно случилось» ²⁾. «Буква мертва, а духъ животворитъ», говорятъ очень часто молокане ³⁾.

«Во время земной жизни, по понятіямъ молоканъ, Христосъ основалъ церковь; сначала ее составляли апостолы, а потомъ и всѣ увѣровавшіе во Христа. Но истинная Христова церковь существовала только до IV-го вѣка, когда вселенскіе соборы и учителя церкви произвольнымъ толкованіемъ библіи извратили христіанство и ввели въ него языческія вѣрованія и обряды. Въ настоящее время, настоящую церковь составляютъ только истинно-духовные христіане, которые не приѣмлютъ преданія и уставовъ учителей, уважаемыхъ соборною церковью, а исповѣдуютъ только то, чему учить евангеліе» ⁴⁾. Поэтому у нихъ «ученіе православной церкви о таинствахъ почитается ученіемъ измышленнымъ, не имѣющимъ основанія въ словѣ Божіемъ» ⁵⁾. «Подумайте, говорятъ они православнымъ, кѣмъ и для чего вы-

¹⁾ „Отеч. Записки“, 1828 г., ч. 33-я. Статья А. Ф.—въ, стр. 56 и 57.

²⁾ „Отеч. Записки“, за 1869 годъ, № 3, статья Костомарова, стр. 71. (Конецъ фразы мы исправили сами, такъ какъ она, очевидно, въ печати перепутана).

³⁾ Тамъ же, стр. 67.

⁴⁾ „Отеч. Записки“ 1870 г., № 6, статья Столлова, стр. 300.

⁵⁾ „Православное Обозрѣніе“, 1867 г., т. 1-й, статья г. З., стр. 327.

думаны у васъ обряды и уставы церковные? Ихъ придумали ваши попы для своей наживы» ¹⁾. По мнѣнію молоканъ, «тайинства, возрождающія христіанина, должны быть понимаемы духовно» ²⁾. Такъ, *крещеніе* «состоитъ въ благовѣствованіи ученія Христова, и есть духовное очищеніе грѣховъ съ вѣрою въ трипостаснаго Бога и умерщвленіи ветхаго человѣка съ дѣяніями сего вѣрнымъ и непорочнымъ житіемъ» ³⁾. «Водное крещеніе, по ихъ мнѣнію, не имѣетъ силы; наука нужна, а не вода, говорятъ они,—наука и мысль ученія» ⁴⁾.

Причащеніе состоитъ «въ изученіи божественныхъ глаголовъ и въ исполненіи и соблюденіи заповѣдей» ⁵⁾.

Покаяніе «должно совершаться непосредственно передъ самимъ Богомъ» ⁶⁾.

Елеосвященіе состоитъ «въ усердной молитвѣ вѣрующихъ о болящихъ» ⁷⁾.

Бракъ не есть таинство. «Любовь и согласіе—вотъ въ чемъ бракъ, говорятъ молокане, а не въ обрядѣ; развѣ худое житіе мужа съ женою освящается тѣмъ, что они обвѣнчаны? Если мужчина и женщина скажутъ: будемъ вмѣстѣ жить, и станутъ жить согласно, честно,—развѣ такое житіе не богоугодно, чѣмъ житіе тѣхъ, которые обвѣнчаны въ церкви и потомъ ссорятся, не довѣряютъ другъ другу и обманываютъ другъ друга?» Заключается бракъ у молоканъ безъ всякихъ обрядовъ. Г-нъ Костомаровъ говоритъ, что «молодой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе дѣвицѣ, получаетъ ея согласіе, тогда испрашиваетъ благословеніе родителей; сходятся, по условію, въ домъ жениховыхъ или невѣстныхъ родителей; приглашаются свидѣтели, новобрачные получаютъ взаимное благословеніе отъ родителей жениха и невѣсты, и бракъ совершенъ. Свадебныхъ церемоній нѣтъ вовсе» ⁸⁾. Но, по словамъ г. Столлова, «отецъ беретъ дочь свою за руку, и, отдавая ее жениху, говоритъ: вотъ я даю тебѣ дочь мою въ жену по закону Божию, возьми ее и отведи въ домъ отца твоего». *Наставникъ читаетъ мѣста св. писанія относительно супружества, поютъ псалмы, и бракъ заключается цѣлованіемъ жениха съ невѣстою и поздравленіемъ съ законнымъ бракомъ»* ⁹⁾.

¹⁾ Варадиновъ, „Исторія Минист. Внутр. Дѣлъ“, т. VIII, стр. 617.

²⁾ „Православное Обозрѣніе“, 1867 г., т. 1-й, статья г. З., стр. 328.

³⁾ „Отеч. Записки“ 1870 г., № 6, статья Столлова, стр. 307.

⁴⁾ „Отеч. Записки“ 1869 г., № 3, статья Костомарова, стр. 69.

^{5), 6) и 7)} „Отеч. Записки“ за 1870 г., № 6, статья Столлова, стр. 307 и 308.

⁸⁾ „Отеч. Записки“, за 1869 г., № 3, статья Костомарова, стр. 70.

⁹⁾ „Отеч. Записки“ за 1860 г., № 6, статья Столлова, стр. 308.

Молокане допускают и разводъ брачный, но не иначе, какъ предварительно обсудивши, такъ-сказать, соборне, вину или причину семейнаго несогласія. По выслушаніи жалобы отъ обиженнаго и оправданія противной стороны, «старецъ» принимается за чтеніе библейскихъ текстовъ, относящихся до семейной жизни и супружеской вѣрности: «Мужъ долженъ любить жену, какъ Господь возлюбилъ церковь, говоритъ старецъ, а развѣ Христосъ оскорблялъ свою церковь? Союзъ между мужемъ и женою долженъ быть союзомъ любви, союзомъ духовнымъ. Любящій свою жену любитъ самого себя; зане преступникъ противъ заповѣди Господней тотъ мужъ, кой дурно обращается съ своею женою словомъ или дѣломъ. Ибо какая можетъ быть любовь и согласіе у враждующихъ? Безъ любви и согласія жена не можетъ быть помощницею своему мужу, какъ завѣщено самимъ Господомъ, а рабой для плотскаго тѣлеснаго только сожителства, понижающаго жену на степень безсловеснаго животнаго, и духъ и образъ подобія униженъ и обезчещенъ: зане не любовь соединяетъ узы сочетавшихся, а блудъ и прелюбодѣяніе» ¹⁾. Отношенія супруговъ опредѣляются въ «Вѣроученіи молоканъ» слѣдующимъ образомъ: «и жена намъ не волъ яремный, а помощница и подпора, другъ и сотоварищъ въ сей юдоли горькой» ²⁾.

Погребеніе совершается при чтеніи наставникомъ молитвъ и пѣніи псалмовъ; «потомъ, всѣхъ присутствующихъ, или однихъ престарѣлыхъ, приглашаютъ въ домъ родственника умершаго, молятся Богу и поминаютъ хлѣбомъ-солью, съ пожеланіемъ умершему царствія небеснаго, а живымъ — благополучной жизни» ³⁾.

Молокане утверждаютъ, что такъ какъ въ евангеліи сказано: Богъ есть духъ, и поклоняющіеся ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ (Іоан. 4, 24),—то потому все богослуженіе должно быть не внѣшнее или обрядовое, но духовное. Всѣ обряды видимыхъ церквей, какъ-то: крестное знаменіе, поклоны, молитвы, а также и храмы,—все это не установлено св. писаніемъ, а придумано людьми же по своему произволу; это они опредѣлили молиться и кланяться Богородицѣ, святымъ мощамъ и иконамъ. Святость Богородицы и апостоловъ должно признавать, но не нужно мо-

¹⁾ „Матеріалы для исторіи безпоповщинскихъ согласій въ Москвѣ“, Николая Попова, стр. 150.

²⁾ „Вракъ и положеніе женщинъ у молоканъ“. В. Майнова („Знаніе“ 1874 г. № 3).

³⁾ „Отеч. Записки“ за 1870 г., № 6, статья Столлова, стр. 308.

литься имъ и призывать въ ходатайство передъ Господомъ ¹⁾. Церковная іерархія въ томъ видѣ, какъ существуетъ у православныхъ, по мнѣнію молоканъ, не должна имѣть мѣста» ²⁾.

«Всѣ мы священники, говорятъ они. Апостолъ Павелъ всѣхъ называетъ священниками и, слѣдовательно, особыхъ священниковъ не нужно. Подъ словомъ «епископъ», упоминаемымъ у Павла, объясняютъ они, надобно понимать избраннаго обществомъ начальника, а не особенно посвященнаго совершителя обрядовъ. Христосъ избралъ апостоловъ не изъ левитовъ, не изъ священниковъ, и не посвящалъ ихъ въ священники, — слѣдовательно, священники ничуть не ближе къ Богу, чѣмъ не принимавшій посвященія въ духовный санъ» ³⁾. «Хотя у молоканъ и существуютъ наставники или, иначе, пресвитеры, старцы, но они не пользуются никакимъ особеннымъ отличіемъ или уваженіемъ. Не они истолкователи истинъ религіозныхъ; *каждый воленъ понимать и толковать св. писаніе, какъ ему угодно* ⁴⁾.

По мнѣнію молоканъ, не должно поститься, какъ постятся православные, постъ долженъ быть тайный и «не въ пищѣ, а въ духѣ» ⁵⁾. Но все-таки въ пищу нельзя употреблять то, что запрещено писаніемъ: свинины, рыбы, неимѣющей чешуи, и пр.; молокане не пьютъ вина и не ѣдятъ луку и чесноку, а также избѣгаютъ и куренія табаку, — но все это стараются объяснить вреднымъ вліяніемъ этихъ веществъ на человѣческій организмъ ⁶⁾.

Таково ученіе громаднѣйшаго большинства молоканъ ⁷⁾, — отъ этого типа нѣсколько отступаютъ «евангелическіе хрістіане», т.-е. донской толкъ молоканъ. Въ то время, какъ молокане Уклеинскаго толка «совершаютъ всѣ требы духовно», — евангелическіе хрістіане употребляютъ обряды своего собственнаго изобрѣтенія ⁸⁾. Такъ, напримѣръ, у нихъ «наставника призываютъ читать молитвы въ первый день рожденія младенца и онъ нарекаетъ ему имя. Въ 40-й день онъ читаетъ молитвы очистительныя и *присоединяетъ родильницу къ церкви*, а дитя крестить, погружая его троекратно въ воду, попросивъ предварительно невидимаго сошествія св. Духа на освященіе воды.

¹⁾ Тамъ же, стр. 301.

²⁾ „Православное Обозрѣніе“ за 1867 г., т. 1-й, стр. 327.

³⁾ „Отеч. Записки“, 1869, г. № 3, статья Костомарова, стр. 66.

⁴⁾ „Православное Обозрѣніе“, 1877 г., т. 1-й, статья 2, стр. 336.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 397.

⁶⁾ „Отеч. Записки“, 1870, № 6, статья Столлова, стр. 301.

⁷⁾ „Православное Обозрѣніе“, 1867 г., т. 1-й, статья 7, стр. 334.

⁸⁾ „Отеч. Записки“, 1870 г., статья Столлова, стр. 307.

Онъ принимаетъ также исповѣдь кающихся лицомъ къ лицу и читаетъ при этомъ принятая молитвы. Далѣе, при усвоившихъ молитвахъ, дѣлаетъ преломленіе хлѣба. На столѣ готовятъ для этого заранѣе хлѣбъ и вино красное; читаются молитвы, потомъ, возбуждая вѣрующихъ возгласомъ: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите», наставникъ ломаетъ хлѣбъ и раздаетъ каждому въ руки бѣлый платочекъ, собственно для этого имѣющійся, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, обнося всѣхъ по мѣстамъ, гдѣ каждый изъ нихъ стоитъ» ¹⁾. «Наставники же призываются также къ больнымъ, принимаютъ отъ нихъ исповѣдь, молятся надъ ними и мажутъ ихъ елеемъ, троекратно во имя св. Троицы — на челѣ, груди, рукахъ, ногахъ и хребтѣ. Еще предъ этимъ священнодѣйствіемъ, при многихъ молитвахъ, освящаютъ и призываютъ на него силу исцѣлять и читаютъ Іакова 5, 10—16, и Луки, 10, 25—37» ²⁾. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній, какое значеніе имѣютъ наставники въ обществѣ «евангелическихъ христіанъ»; но, принимая во вниманіе существованіе у нихъ нѣкоторыхъ обрядовъ, совершаемыхъ этими наставниками, можно допустить, что ихъ значеніе въ обществѣ гораздо болѣе, нежели у остальныхъ духовныхъ христіанъ.

Религіозное міросозерцаніе молоканина самымъ тѣснымъ образомъ связано съ его понятіями объ общественномъ строѣ. «Церковь, по его мнѣнію, не должна отдѣляться отъ гражданскаго общества; напротивъ, гражданское общество и есть именно церковь, и будучи церковью Христа, гражданское общество должно быть устроено на евангельскихъ началахъ, на любви и равенствѣ своихъ членовъ» ³⁾. Молокане говорятъ: «Господь есть Духъ; гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода, говоритъ св. апостолъ Павелъ (2 Посл. къ Коринѣ. 3, 17); слѣдовательно, основаніемъ нравственной жизни истиннаго христіанина должна быть совершенная свобода и независимость отъ какихъ бы то ни было человѣческихъ законовъ и принужденій. Власть людей не должна быть надъ тѣми, въ которыхъ вселилось ученіе Христово. Мірскія власти благодѣтельны на землѣ и постановляются Богомъ, но *постановляются только для сыновъ міра*; а Господь сказалъ о христіанахъ: они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра (Іоан. 17, 14); поэтому для духовныхъ христіанъ, которые не отъ міра, мірскія власти не нужны. Какъ чада свѣта, такіе христіане сами стараются жить по заповѣдямъ Іисуса Христа; исполняя запо-

¹⁾ и ²⁾ „Отеч. Записки“ 1870 г., № 6, статья Столлова, стр. 305 и 306.

³⁾ „Отечеств. Зап.», 1869 г., № 3, статья Костомарова, стр. 66 и 67.

вѣди божественныя, они не имѣютъ нужды въ человѣческихъ законахъ и не обязаны исполнять ихъ, должны избѣгать исполненія тѣхъ законовъ, которые противорѣчатъ ученію слова Божія. Такъ, они должны избѣгать рабства помѣщикамъ (это писано молоканиномъ послѣ освобожденія крестьянъ, а именно въ 1870 году), войны, военной службы, присяги, какъ дѣлъ, не позволенныхъ писаніемъ. *А какъ невозможно открыто противиться правительству* и не исполнять его требованій, то духовные христіане, подражая первымъ христіанамъ, могутъ укрываться отъ него, а братья ихъ по вѣрѣ обязаны принимать и укрывать ихъ, исполняя заповѣдь писанія: стараго и малаго между стѣнами твоими сокрыи (Ездры, 2, 22), подражая Аврааму, принявшему къ себѣ въ кущу трехъ странниковъ, и блудницы Раавъ, укрывшей у себя соглядатаевъ еврейскихъ»¹⁾.

Отвергая повиновеніе человѣческимъ законамъ, молокане говорятъ: «есть законъ высшій, единый, истинный законъ, которому слѣдуетъ повиноваться, законъ, написанный Богомъ на плотяной скрижали нашего сердца. Этотъ законъ познается и усваивается черезъ постоянное размышленіе и черезъ неуклонное исполненіе дѣлъ любви, указываемыхъ божественнымъ откровеніемъ»... «Человѣчскій законъ подверженъ временному измѣненію: что въ одно время и подъ однимъ правительствомъ почитается преступленіемъ, то въ другое время, подъ другимъ правительствомъ, признается добродѣтелью»... «Часто у насъ, говорятъ молокане, законъ предписываетъ то, что противно добродѣтели, и запрещаетъ то, что требуетъ любовь къ ближнему, и во многихъ случаяхъ мѣшаетъ дѣлать своимъ ближнимъ добро»... «Нельзя и не должно исполнять повелѣваемое властью, если то, что власть требуетъ, противно нравственнымъ требованіямъ совѣсти и правды»... «Такъ, они указываютъ на примѣръ первыхъ христіанъ, которыхъ римскіе императоры принуждали поклоняться идоламъ. Императоры были облечены законною властью, однако, христіане не исполняли ихъ повелѣній, когда эти повелѣнія были противъ ихъ убѣжденія. Такъ же точно и три отрока, брошенные въ печь халдейскую, не послушались повелѣнія царева, противнаго ихъ собственному закону. Христосъ, хотя и повелѣваетъ воздавать кесарево кесареви, но не иначе, какъ воздавая Божіе Богови; поэтому ясно, что если самъ кесарь потребуетъ чего такого, что воспрещаетъ собственный законъ и наша совѣсть, которая, по ученію св. писанія, есть истинный божественный законъ, напи-

¹⁾ «Отеч. Записки», 1870 г., № 6, статья Столлова, стр. 301.

санный на плотяныхъ скрижаляхъ нашего сердца, то не слѣдуетъ, ради кесарева повелѣнія, нарушать волю Божию, иначе это будетъ порицаемое Богомъ челоуѣкоугодничество». Вслѣдствіе этого «предпочтенія истинной добродѣтели условнымъ правилами, молокане доходятъ до пренебреженія къ положительному закону: власть, какъ источникъ закона и понужденіе къ исполненію его, въ умѣ молоканъ подвергается сомнѣніямъ и толкованіямъ» ¹⁾.

Этимъ путемъ они пришли къ слѣдующимъ умозаключеніямъ: 1) «Должно всячески избѣгать военной службы; если же кто силою правительствомъ вовлеченъ будетъ, и, безъ опасенія подвергнуться наказанію по законамъ челоуѣческимъ, не будетъ имѣть возможности противиться, таковой, памятуя о наказаніи отъ Царя царей, долженъ всемѣрно отыскивать удобный случай къ побѣгу и измѣнѣ правительству». 2) «Платить податей правительству духовные христіане не обязаны, ибо сказано: воздавайте кесарево кесареви, т.-е. подать кесарю должны платить только принадлежащіе ему, а духовные христіане принадлежатъ единому Богу». 3) «Особенно же должно принимать и сокрывать бѣглецовъ, измѣнившихъ, ради Царствія Божія, царю земному, преслѣдуемыхъ закономъ или убѣжавшихъ отъ господъ своихъ» ²⁾. Г-нъ Костомаровъ говоритъ, что «укрываніе дезертира есть, по молоканскому понятію, дѣло хорошее. Но не только дезертиръ, а и всякій убѣгающій отъ преслѣдованія законныхъ властей находитъ у молоканъ пріютъ. Мы не знаемъ, говорятъ они, виноваты или правы бѣглецы; законъ часто бываетъ несправедливъ, и судьи судятъ ошибочно, а власти преданы суетѣ, требуютъ часто противнаго божественному закону; отъ этого преслѣдуемый можетъ быть невиненъ и праведенъ; мы не судьи, разбирать не наше дѣло; кто у насъ ищетъ спасенія, мы тому и помогаемъ, помня слова св. писанія: малаго и стараго между стѣнами твоими сокрой» ³⁾.

Свои теоретическія воззрѣнія на власть и ея значеніе молокане пробовали примѣнять на практикѣ, но «попытки ихъ въ 1826 году отъ уклоненія платежа податей, поставленія рекрутовъ и проч. были подавлены правительствомъ; такъ, многихъ наказали въ то время кнутомъ и послали въ Сибирь, другихъ разослали по сумасшедшимъ домамъ, гдѣ они и погибли» ⁴⁾. Съ

¹⁾ „Отеч. Записки“, 1869 г., № 3, статья Костомарова, стр. 76 и 77.

²⁾ „Православное Обозрѣніе“, 1867 г., т. I-й, статья 2, стр. 330 и 331.

³⁾ „Отеч. Зал.“, 1869 г., № 3, статьи Костомарова, стр. 77 и 78.

⁴⁾ „Отеч. Записки“, 1870 г., № 6, статья Столлова, стр. 309.

тѣхъ поръ «мысль о неплатежѣ податей не появляется наружу» ¹⁾ и молокане, по словамъ г. Варадинова, «исправно платятъ государственныя подати» ²⁾. Но «такъ какъ они упорно отказываются принимать оружіе, то—какъ мы видѣли—ихъ распредѣляютъ въ санитарныя части, въ госпитали, въ обозъ и т. п.» ³⁾. Теперь молокане говорятъ: «надобно признавать власти, какія бы онѣ ни были, какъ скоро онѣ существуютъ; но мы думаемъ, что нельзя и не слѣдуетъ признавать превосходнымъ все то, что исходитъ изъ власти, если собственный нашъ разумъ не убѣждаетъ насъ въ превосходствѣ этого». «Слѣдуетъ покоряться,—говорятъ они,—монархической власти. Но они не уважаютъ всякіе видимые знаки ея святости, ни за что не признаютъ монарха божіимъ помазанникомъ, да и противъ самой монархической институціи указываютъ на исторію Саула. Богъ устами Самуила самъ отклонялъ израильтянъ отъ избранія себѣ царя, и пророкъ указывалъ народу на тѣ стѣсненія и несправедливости, которыя онъ терпѣть будетъ, когда станутъ управлять имъ цари»... Отвергая царскую власть, они также «отвергаютъ всякое различіе сословій; по ихъ ученію, всѣ люди равны между собою, всѣ—братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ, равнымъ образомъ, всякіе вѣншіе знаки отличій, титулы, чины, по ихъ мнѣнію, суега и противны евангельскому ученію» ⁴⁾.

Молокане «почитаютъ всякую войну непозволительною, утверждая, на основаніи словъ Іисуса Христа, что не должно противиться злу, но еще кто ударитъ кого въ ланиту, тотъ да обратитъ ему другую, и что блаженни мирно живущіе и миротворцы, яко тѣ сынове Божіи нарекутся» (Матѳ. 5, 9, 39); на этомъ-то основаніи они «отвергаютъ обычай носить оружіе» ⁵⁾ и «считаютъ возстаніе противъ всякихъ властей, хотя бы и несправедливыхъ, дѣломъ неправеднымъ и проповѣдуютъ глухое терпѣніе и упорство. Возстаніе и открытое сопротивленіе ведетъ за собою зло нашимъ ближнимъ, а нужно избѣгать всего, что можетъ произвести зло» ⁶⁾. Впрочемъ, иные подозрѣваютъ молоканъ въ томъ, что они «допускали повиновеніе властямъ по нуждѣ и только до того времени, пока секта не пріобрѣтетъ

¹⁾ „Правосл. Обозр.“, 1867 г., т. I, статья 7, стр. 331.

²⁾ Варадиновъ, Истор. Мин. Ви. Дѣлъ, т. VIII, стр. 233.

³⁾ „Русскій Міръ“ отъ 5 ноября 1876 года.

⁴⁾ „Отеч. Записки“, 1869 г., № 3, статья Костомарова, стр. 76 и 77.

⁵⁾ „Обозрѣніе русскихъ раскольниковыхъ толковъ“. Архиман. Израиля, стр. 253.

⁶⁾ „Отеч. Записки“, 1869 г., статья Костомарова, стр. 77.

столько силы, чтобы свергнуть съ себя иго языческое» ¹⁾. Но профессор Эшеръ, наблюдавшій ихъ въ наше время, пишетъ: «молоканы, издавна привыкшіе къ тому, что законъ относится къ нимъ, какъ къ опаснымъ сектантамъ, сами относятся къ власти и къ правительству такъ же, какъ къ ней относились первые христіане, строго повинуются властямъ и закону, но смотрятъ на нихъ, какъ на чужихъ. Они называютъ установленную церковь «русскою», а ея приверженцевъ «русскими», какъ будто сами они иностранцы» ²⁾.

Молокане «не одобряютъ всякой роскоши и изысканности въ пищѣ и одеждѣ и вообще въ образѣ жизни. Они насчетъ этого составили такое понятіе: если мы будемъ жить роскошно и употреблять на себя большія богатства, то тѣмъ самымъ будемъ способствовать распространенію нищеты между своими ближними. Все лишнее, что мы позволяемъ себѣ, отнимаемъ у другихъ нашихъ братій необходимое». «Хорошо,—говорятъ они,—быть богатымъ, но пусть богатство идетъ на общую пользу нашихъ братій, а не на прихоти богача, пусть богачъ въ томъ себѣ поставитъ высочайшее удовольствіе, что можетъ быть полезнѣе болѣе другихъ своему обществу, а для этого нужно, чтобы богачъ велъ простую жизнь и не пристращался къ роскоши» ³⁾. Послѣ этого ни для кого не должно быть удивительнымъ, что «молокане втрое и даже вчетверо богаче живутъ противъ православныхъ» ⁴⁾. Причина этого явленія та, что «между ними царствуетъ полнѣйшее согласіе и всегдашняя готовность выручить другъ друга. Мы говорили,—пишетъ г. Атава,—что не было еще примѣра, чтобы разорился молоканскій дворъ: до этого положительно не доустаятъ. Случилась съ однимъ бѣда—все готовы на помощь, все подбѣлится, кто чѣмъ достаточнѣе» ⁵⁾. «Большая часть изъ нихъ,—говоритъ про молоканъ А. Ф—въ,—любить дѣлать добро» ⁶⁾: они даже стараются изгнать изъ своей жизни все, что, по ихъ мнѣнію, развращаетъ человѣка. Такъ,

¹⁾ „Вѣсти. Европы“, 1879 г., № 9, статья Эшера; стр. 371.

²⁾ Ср. Варадиновъ, Исторія Минист. Ви. Дѣлъ, т. VIII, стр. 318. Въ 1812 году молокане, думая найти себѣ покровительство у Наполеона, выслали ему на встрѣчу депутацию, которая, впрочемъ, на берегахъ Вислы была перехвачена правительствомъ. (См. „Исслѣдованія внутр. отнош. и т. д. Авг. Гакстаузена, стр. 260). Во время же Крымской войны молокане толковали, что „за Цари русскаго не должно молиться, а напротивъ должно молиться о пораженіи тѣхъ, кто стѣсняетъ свободу духовныхъ христіанъ“. (См. „Православное Обзоріе“, за 1867 г., статья 7, стр. 337).

³⁾ „Отеч. Записки“ 1869 г. № 3, статья Костомарова, стр. 74.

⁴⁾ и ⁵⁾ „Отеч. Записки“ 1870 г. № 4, статья С. Атавы, стр. 621 и 623.

⁶⁾ „Отеч. Записки“ 1828 г., ч. 33, статья А. Ф—въ, стр. 58.

напримѣръ, они «порицають карточную игру и вообще всякую игру, имѣющую цѣлью пріобрѣтеніе. Они говорятъ, и время понапрасну теряется, и человѣкъ къ аличности привыкаетъ, и вражда появляется между людьми, одинъ у другого норовить отнять чужое въ свою пользу. Нѣтъ ничего вреднѣе игры; что пьянство, что игра—путь ко всѣмъ порокамъ и къ противности евангельскому житію; а потому надобно равнымъ образомъ и того и другаго избѣгать»... «Трудъ, по ихъ понятіямъ, нуженъ человѣку, какъ хлѣбъ и воздухъ; онъ не только даетъ средства къ жизни, но предотвращаетъ отъ развращенія и пороковъ, поэтому на трудъ молокане смотрятъ, какъ на религіозную обязанность» ¹⁾. «Люди эти, — говоритъ г-жа Филибертъ, — съ перваго на нихъ взгляда, обращаютъ на себя вниманіе разумнымъ выраженіемъ лицъ и особенною осмысленностію рѣчи. Вообще они отличаются своею трезвостью, хорошею нравственностію, трудолюбіемъ и предпріимчивостію. Села ихъ красиво и хорошо выстроены. Во всѣхъ отрасляхъ ихъ хозяйства много благоустройства, а въ овцеводствѣ они достигли поразительныхъ успѣховъ» (рѣчь идетъ о таврическихъ молоканахъ) ²⁾. Гейдельбергскій профессоръ Эшеръ говоритъ: «молоканъ съ-разу отличишь при первомъ же взглядѣ на нихъ по честнымъ глазамъ, мягкому выраженію лицъ, откровенности въ обращеніи» ³⁾.

Пропаганда своихъ воззрѣній—«далеко не чужда духовнымъ христіанамъ, которые обращались съ нею преимущественно къ рабочимъ» ⁴⁾; долго ихъ пропаганда была неуловима для властей, такъ какъ преслѣдованія развили въ нихъ чрезвычайную осторожность; и только послѣ смягченія этихъ преслѣдованій, она заявило себя болѣе открыто. Всякій молоканинъ «отлично знаетъ Евангеліе и при спорѣ зарѣжетъ васъ цитатами. Поэтому даже рѣдкій деревенскій священникъ рискуетъ съ ними пуститься въ споръ. Я былъ, — говоритъ г. Атава, — не разъ свидѣтелемъ ужаснѣйшихъ поражений, имѣвшихъ послѣдствіемъ несомнѣнный переходъ очень многихъ изъ слушателей мужиковъ въ молоканство» ⁵⁾. Но молокане не довольствуются знаніемъ одного св. писанія; многіе изъ нихъ «покупаютъ и достаютъ разныя книги, жадно читаютъ ихъ, въ особенности желая найти что-нибудь въ подтвержденіе ихъ ученія» ⁶⁾.

1) „Отеч. Записки“, 1869 г., № 3, статья Костомарова, стр. 74 и 75.

2) „Отеч. Записки“, 1870 г., № 3.

3) „Вѣстн. Европы“, 1879 г., № 9, статья Эшера, стр. 379.

4) „Правосл. Обзор.“ за 1876 г., т. I, статья Z, стр. 333 и 334.

5) „Отеч. Записки“ 1870 г., № 4, статья С. Атавы, стр. 622.

6) „Правосл. Обзорѣи.“ за 1867 г., т. I, статья Z., стр. 339.

Духовные хрістіане донскаго толка или, иначе, евангелическіе хрістіане въ своихъ общественно-политическихъ взглядахъ нѣсколько отличаются отъ духовныхъ хрістіанъ, послѣдователей Уклеина. Такъ, они, по ихъ словамъ, «всегда безропотно исполняли требованія правительства». Наставники «строго внушаютъ, кому судьба приведетъ быть въ рядахъ войскъ русскаго царства, чтобы они исполняли обязанности воиновъ и не забывали страхъ Божій и твердили себѣ въ умѣ слова царя Соломона: «Бойся Бога, сыне,—и Царя, и ни единому изъ нихъ не протився. Почему вы обязаны любить государя и службу исполнять вѣрно. Если отъ васъ будутъ требовать присягу, вы должны дать ее по той же формѣ, какъ и другіе, только съ изъятіемъ изъ оной словъ: «Предъ животворящимъ крестомъ», и чтобы она производилась наставникомъ одного съ вами вѣрованія передъ открытымъ евангеліемъ»¹⁾. Кромѣ того, евангелическіе хрістіане въ своихъ собраніяхъ молятся за царя и всѣ власти²⁾.

III.

ОБЩІЕ.

Секта «общихъ» появилась среди молоканъ и представляется крайнимъ, хотя и вполнѣ одностороннимъ развитіемъ началъ этой секты. Ученіе «общихъ» изложено въ 20-хъ годахъ Максимомъ Акиноіевымъ Поповымъ въ сочиненіи «Уставъ упованія общаго ученія». Щаповъ говоритъ, что по мысли Попова люди должны устроиться слѣдующимъ образомъ: «каждая слобода есть община. Каждая партія, на которая подраздѣляется союзъ «общихъ», или каждый домъ составляетъ какъ-бы домашнюю церковь. Дома для жительства каждой партіи строятся міромъ единомышленниковъ одной слободы. Имѣнья движимыя и недвижимыя, и доходы съ нихъ принадлежать братскому общему союзу, по равеніи каждаго, не разбирая, кто гдѣ и въ какой странѣ или деревнѣ находится; личной же собственности, ни движимой, ни недвижимой, ни у кого нѣтъ. Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земли, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, однимъ словомъ — все сельское хозяйство и промышленность находятся въ распоряженіи партіи,

¹⁾ „Отеч. Записки“, 1870 г., № 6, статья Столлова, стр. 309.

²⁾ „Правосл. Обзор.“, 1867 г., т. I, статья Z., стр. 331.

принадлежать цѣлой слободѣ, въ которой партіи находятся, и доходы со всего этого имущества составляютъ общую сумму общины. У «общихъ» въ каждой слободѣ одна общая денежная касса, одно общее стадо, одно общее хлѣбопашество и полеводство. Изъ общей кассы, также изъ общаго имущества, отпускають части въ партіи поголовно, на число душъ, по изравненію. Такимъ образомъ, распредѣляются по партіямъ скоть, всѣ хозяйственныя потребности, одежда, обувь и проч. А въ каждой партіи выбирается домашній или земскій распорядитель, сохраняющій все мужское верхнее платье и обувь партіи, домашняя или земская распорядительница, распоряжающаяся женщинами партіи; распорядительница надъ пищею обязана смотрѣть, чтобы хлѣбъ былъ хорошо испеченъ, пища хорошо сварена, и раздавать хлѣбъ и пищу, уравнивая ихъ; наконецъ, всеобщая распорядительница завѣдуетъ принадлежащимъ партіи всѣмъ бѣльемъ, холстомъ, нарядами, женскими сарафанами, платками, занавѣсками, холодинами и проч. Слободы управляются также выборными чинами — судьей, главнымъ учителемъ и наблюдателемъ общины, жертвенникомъ, словесникомъ, членомъ, тайникомъ, мысленникомъ. Всѣ работы, полевые и домашнія, производятся общими трудами, по наряду общинныхъ чиновъ и домашнихъ распорядителей. Въ каждой слободѣ учреждены общія училища, въ которыя обязаны отдавать своихъ дѣтей всѣ родители «общаго управленія»; книги и бумаги, потребныя для школъ, покупаются на общественную сумму. «Ученіе общее» всѣмъ рабочимъ проповѣдуетъ братство, символомъ котораго служить общее взаимное лобызаніе *соборное*, на общихъ соборныхъ сходахъ всей общины, *домашнее* — между членами каждой партіи, и *единоотъльное*, при входѣ другъ къ другу въ дома» ¹⁾. Таковы основныя начала ученія Попова, отличающія ученіе «общихъ» отъ ихъ коренного ученія — молканъ уклеинскаго толка. Какимъ же образомъ эта теорія отразилась на практической дѣятельности, — въ жизни? Поповъ, по словамъ г. Максимова, «заполучилъ большое число послѣдователей, ибо тотчасъ слово превратилъ въ дѣло: раздалъ все свое богатое имущество неимущимъ. Этотъ энергическій порывъ сильно потрясъ молоканство уклеипова ученія: во всѣхъ заводскихъ деревняхъ нашлись ему послѣдователи, а деревня Яблоновка (Яблоновой Гай) и Тяглое озеро цѣликомъ перешли на сторону Попова» ²⁾. Но въ это же время Попова арестовали и выслали

¹⁾ „Дѣло“, 1867 г. № 10, статья Щапова, стр. 325 и 326.

²⁾ „Дѣло“, 1867 г., № 6, статья С. В. Максимова, стр. 9, 10 и 12.

изъ николаевского уѣзда самарской губерніи на Кавказъ съ нѣсколькими послѣдователями. Долго бѣдствовалъ Поповъ съ своимъ кружкомъ, но, наконецъ, и тамъ около него сгруппировалась цѣлая община, снова сталъ онъ уставщикомъ и руководителемъ; но опять былъ схваченъ и высланъ изъ Шемахинской губерніи въ Мензелинскій округъ Енисейской губерніи, гдѣ и проживалъ въ Шупинской волости еще въ 1867 году ¹⁾.

«Общiе» сошлись жить семьями и сложили какъ труды, такъ и всѣ пожитки свои вмѣстѣ; избрали 12 апостоловъ, къ ногамъ которыхъ повергли все имѣніе свое, устроили общественный магазинъ, назначили казначея; «вообще устроились коммунально, но оказалось, что имъ не подъ силу такая жизнь»... «Семейно сошлись и сложились своими трудами и имѣніемъ послѣдователи Акинфія, безъ его воли, сами собою, въ неблагоразумной ревности своей къ жизни христіанъ временъ апостольскихъ: *погорячились не кстати*, говорятъ сами общiе» ²⁾. Дѣло въ томъ, что сильное возбужденіе нравственныхъ чувствъ, подъ вліяніемъ котораго «общiе» затѣяли устроить коммунальную жизнь, не могло держаться долго; оно, какъ и всякое возбужденіе, или, иначе сказать, энтузіазмъ, должно было непременно имѣть свой конецъ, и вотъ когда «общiе» успокоились, они замѣтили, что коммунальная жизнь невыносима для нихъ при обыкновенномъ уровнѣ ихъ нравственныхъ чувствъ; они замѣтили, что временный энтузіазмъ они приняли за постоянную величину и исполнѣ искренно сознались: «погорячились не кстати». Они «разобрали пожитки между собою и по прежнему зажили каждый своимъ домомъ и хозяйствомъ» ³⁾. Но опытъ устройства коммуны все-таки не прошелъ для нихъ безслѣдно. Онъ далъ имъ возможность подняться на бѣольшую нравственную высоту, чѣмъ были они до опыта. Они оставили «общественный магазинъ, куда каждый глава семейства обязанъ вносить, въ пользу неимущихъ, десятую часть отъ своего имѣнія». ⁴⁾. Такъ, «десятый рубль изъ *прибыли* общій. Десятый пудъ изъ *умолотнаго хлѣба* также общій» ⁵⁾. Кромѣ того, входя въ собраніе, каждый кладетъ на столъ подъ утиральникъ деньги, «сколько кто можетъ» ⁶⁾. Вотъ къ чему свелась на практикѣ, въ жизни, теорія Попова, за осуществленіе которой взялись люди, несомнѣнно стоящіе выше, въ нравственномъ отношеніи, средняго уровня русскихъ крестьянъ.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ и ³⁾ „Православный Собесѣдникъ“, 1859 года, ч. I, стр. 408 и 439.

⁴⁾ „Правосл. Собесѣдникъ“ за 1859 г., ч. I, стр. 439.

⁵⁾ и ⁶⁾ „Дѣло“, 1867 г. № 6, статья С. Максимова, стр. 17.

У «общихъ», по словамъ г. Варадинова, «избирался судья или жертвенникъ, которому вручали жертвуемые деньги для раздачи нищимъ и бѣднымъ; сверхъ того, у нихъ были распредѣлитель, водитель, молитвенникъ, словесникъ, членъ надъ пѣвцами, тайникъ и мысленникъ, которыхъ они почитали въ продолженіе моленія святыми особами, поклонялись имъ и принимали отъ нихъ благословеніе. Эти избранные изъясняли, по окончаніи молитвы, св. писаніе, толковали о прошедшемъ и будущемъ, но по выходѣ изъ собранія становились простыми членами общества» ¹⁾. «Изъ числа чиновъ *распорядитель* занимаетъ должность деревенскаго старшины, а словесникъ и мысленникъ—его кандидаты, прочіе же чины внѣ богослуженія наряжаются на работы и несутъ всѣ деревенскія обязанности наравнѣ съ прочими своими единомышленниками» ²⁾. Надо замѣтить, что чины избираются не всей общиной, а самими же чинами, и это избраніе только объявляется во всеуслышаніе.

У «общихъ» нѣтъ свободы въ толкованіи Евангелія, какъ у остальныхъ молоканъ,—у нихъ *«всякій обязанъ вѣрить судью и признавать его толкованіе, хотя бы сомнѣвающійся и былъ противоположнаго мнѣнія. Самъ Поповъ не любилъ противорѣчій, тѣмъ же заразилъ и послѣдователей»*. *«Непокорность чинамъ есть самый высшій проступокъ, искупаемый самой высшей мѣрой наказанія, какова такъ-называемая слезная. Попову нужно было ковать толкъ, и, не разбирая орудій, онъ брался даже и за тѣ, которыя молоканствомъ не одобряются. Деспотизмъ проглядывалъ во многихъ начинаніяхъ его, и, прощенный ему лично, да вдобавокъ и ловко прикрываемый имъ самимъ, теперь обнаружился слишкомъ ясно и грубо. «Общіе» далеко уже не пользуются у сосѣдей прежнимъ уваженіемъ; молокане-уклеины перестали переходить на ихъ сторону»* ³⁾. «Общіе» обязываются исключительнымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ (главнѣе всего Евангелія), а другими брезгаютъ по принципу. У молоканъ Уклеинова ученія этого нѣтъ: они охотно читаютъ всякую книгу» ⁴⁾.

Теперь «общіе», которые собственно не имѣютъ права на это названіе послѣ раздѣла общаго имущества въ частныя руки, находятся только въ Закавказьѣ,—«въ деревнѣ Николаевкѣ теперь 120 домовъ, число которыхъ должно увеличиться до 645,

¹⁾ Варадиновъ, Исторія Минист. Вн. Дѣлъ. III, VIII, стр. 500 и 501.

²⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. за 1864 г., кн. 4-я, статья Толстого, стр. 110 и 111.

³⁾ «Дѣло», 1867 г., № 6, статья С. Максимова, стр. 22.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 24.

если сбудутся желанія жителей и осуществятся ихъ надежды, основанныя на просьбѣ о дозволеніи всѣмъ закавказскимъ «общимъ» поселиться въ одномъ мѣстѣ» ¹⁾. Деревня Николаевка лежитъ близъ Ленкорани, — кругомъ живутъ персы, армяне, грузины и вообще инородцы. Понятно, что пропаганда примѣромъ не существуетъ; принимаютъ ли же «общіе» какія-нибудь мѣры для распространенія своего ученія — неизвѣстно; скорѣе, что нѣтъ. Впрочемъ, «высшія мѣстныя власти весьма хлопотали о прекращеніи всякихъ сношеній между закавказскими «общими» и тѣми, которые проживали во внутренней Россіи и особенно за границей. Одна изъ мѣръ для достиженія этого, которую предполагалось ввести тогда, было вскрытіе писемъ, адресованныхъ къ «общимъ», и непринятіе отъ нихъ никакой корреспонденціи безъ удостовѣренія полиціи» ²⁾. Эти мѣры ни къ чему не могли привести, такъ какъ «общіе», занимаясь извозничьимъ промысломъ, всегда могли обойтись безъ посредства почты, если бы захотѣли переписываться. Но, насколько извѣстно, «общіе» мало занимаются пропагандой своего ученія, тѣмъ болѣе, что они и сами не сумѣли жить такъ, какъ требуетъ «упованіе общихъ». По словамъ В. С. Толстого, они «не входятъ ни въ какія сужденія о другихъ вѣроисповѣданіяхъ, равно и о толкахъ, и поясняютъ свое понятіе о вѣротерпимости, приводя въ примѣръ, относительно осужденія другихъ упованій, приказаніе Мих. Ак. Попова, слѣдовать тому ученію, которое по сердцу, выражаясь, что «на базарѣ покупаютъ, что приглядится». По этому поводу «общіе» не чуждаются никакихъ исповѣданій, не исключая евреевъ и татаръ-магометанъ» ³⁾.

Въ религіозномъ отношеніи «общіе» почти ничѣмъ не отличаются отъ ученія молоканъ-уклеинцевъ. По словамъ г. Толстого, у общихъ «въ молитвахъ не поминается царь, а поютъ: «молимся за царя и яже во власти суть!» Подъ «властями» подразумѣваются: апостолы, пророки, а также и чины «общихъ» ⁴⁾. Можно думать, что и подъ словомъ царь они подразумѣваютъ что-нибудь другое; авторъ статьи «Прыгуны» увѣряетъ, что «последователи общей секты не признавали молитвъ за царя, а правительство называли бичемъ антихриста» ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 12.

²⁾ «Отеч. Запис.», 1878 г., № 10, статья «Прыгуны», стр. 428 и 429.

³⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1864 г., кн. 4-я, статья Толстого, страница 116 и 117.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 109.

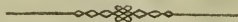
⁵⁾ «Отеч. Запис.», 1878 г., № 10, статья «Прыгуны», стр. 418.

У общихъ употребляются слѣдующія наказанія: 1) отказываютъ отъ святаго лобызанія; 2) отказываютъ отъ дѣла, т.-е., на время, не допускаютъ исполнять обязанности своего чина; 3) арестуютъ, т.-е. или понижаютъ въ чинѣ, или вовсе отказываютъ въ немъ». «Эти наказанія налагаются взрослымъ въ соборныхъ церквахъ и партіяхъ, а дѣтямъ въ школахъ» ¹⁾.

«Родители упованія общаго обязаны отдавать своихъ дѣтей обоюго пола, достигшихъ семилѣтняго возраста, въ школы, введенныя при соборныхъ церквахъ, *что и исполняютъ съ великою охотою*»... «Въ школахъ обучаются оба пола вмѣстѣ читать и писать, грамотѣ гражданской, счету, пѣть псалмы, *приучатся къ судамъ, разборамъ, примиреніямъ*, обрядамъ богослуженія, молиться, кланяться, имѣть святое лобызаніе, раскаиваться въ грѣхахъ, и всѣмъ обязанностямъ, возлагаемымъ этимъ упованіемъ» ²⁾. Существуютъ ли эти школы теперь — неизвѣстно, но въ 50-хъ годахъ, «синодъ находилъ даже вреднымъ допускать дальнѣйшее существованіе въ с. Николаевѣ школы, устроенной сектаторами, предлагалъ школу эту, *какъ средство распространенія ереси*, уничтожить, а взамѣнъ ея учредить особое полицейское управленіе для надзора за сектантами и для доставленія православному священнику возможности безопасно исполнять миссію обращенія заблудшихъ въ нѣдра православной церкви». Впрочемъ, правительствомъ было рѣшено: «школу оставить, но съ назначеніемъ учителя по одобренію епархіальнаго начальства» ³⁾. Подчинились ли «общіе» такому рѣшенію, или закрыли свои школы, какъ мы уже говорили выше, — неизвѣстно.

Ю.

¹⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1864 г., кн. 4-я, статья Толстого, стр. 117.

²⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1864 г., кн. 4-я, статья В. С. Толстого, стр. 115.

³⁾ «Отеч. Запис.», 1878 г., № 10, статья «Прыгуны», стр. 427.

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

VIII *).

БАРИНЪ ЛИСТАРКА.

Кому случилось въ былыя, до-реформенныя времена колесить крѣпостную Русь, тотъ, вѣроятно, примѣчалъ нѣкоторую особенность въ расположеніи дворянскихъ убожищъ. Богатыя, барскія усадьбы съ безчисленными службами и домомъ-дворцомъ, воздвигнутымъ по плану какого-нибудь Растрелли, въ свое время искавшаго милостей помѣщика-вельможи, гордо и одиноко громоздились гдѣ-нибудь на возвышенности, царствующей надъ окрестностями, окруженныя цвѣтниками, садами и парками, и лишь въ почти-тельномъ отдаленіи отъ такихъ усадебъ тянулись безконечными улицами, многолудныя, крѣпостныя села съ бѣлокаменными церк-вами, широкой базарной площадью, а иногда даже и съ пожар-ной каланчею. Помѣстья, принадлежавшія дворянству средней руки, съ надворными постройками, болѣе рассчитанными на солидность и прочность, чѣмъ на изысканность и щегольство, и господскимъ домомъ съ вѣчнымъ мезониномъ наверху, обыкновенно ютились себѣ гдѣ-нибудь на отлогомъ полускатѣ и отдѣ-лялись отъ деревни, потонувшей въ зелени ракушечника и въ матовомъ золотѣ многочисленныхъ скирдовъ, много-много что сквозной ка-менной оградой, на диво сложенной крѣпостными каменщиками, или узенькимъ прудомъ съ навозной плотиной, усаженной раз-вѣсистыми ветлами, и съ водяной мельницей, неустанно гремѣв-шей и брызгавшей колесомъ своего единственного постава и не-

---

*) См. выше; сентябрь, стр. 272.

милосердно пудрившей прохожихъ мелкой, мучной пылью. Около такихъ помѣстій не зеленѣлись парки и англійскіе сады съ подстриженными деревьями и таинственными павильонами, не сверкали молочной бѣлизною дебелыя Венеры и Діаны и не звенѣли свѣжими брызгами фонтаны съ неизбѣжнымъ тритономъ и полногрудыми, до излишества, наядами... Дворянство средней руки не любило затѣй во вкусѣ рококо́. Не выписывало оно соблазнительныхъ, но дорого стоящихъ, мраморныхъ изваяній, не строило фонтановъ, сочившихъ холодныя водяныя струйки устами сердитаго нелюдима Нептуна и его многочисленной челяди, не уродовало пожницами пышной древесной листвы и не воздвигало, на страхъ и грозу крѣпостныхъ дѣвокъ, вычурныхъ павильоновъ, изукрашенныхъ скоромными картинами, зеркалами и фантастическими арабесками. Вѣковой запущенный садъ, изъ конца въ конецъ оглашаемый звонкимъ соловьинымъ рокотомъ, пронзительнымъ пискомъ копчика и заунывнымъ кукованьемъ кукушки, дремучій сливнякъ и вишенникъ, тысячи яблонь и грушъ, цѣлая поляны малинника, смородины и другой ягоды, тѣнистыя, кленовыя и липовыя аллеи, березовыя рощи съ веселымъ блескомъ своихъ стволовъ и болтливымъ лепетомъ глянцевитыхъ листьевъ, — вотъ что окружало помѣстье дворянина средней руки и, въ первобытномъ изобиліи, давало неисчислимые сорта моченій и соленій, вареній и наливокъ для его неприхотливаго стола, а въ случаѣ надобности — и объемистые пучки гибкихъ розогъ для мужицкихъ, крѣпостныхъ, спинъ.

Эти помѣстья, также какъ и усадьбы богатыхъ тысячедушныхъ баръ, были раскинуты на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и только поднявшись на гористый берегъ какой-нибудь рѣки и окинувъ съ него взглядомъ привольную, низменную, даль, протянувшуюся на десятки верстъ видимо глазу, вы могли бы счесть пять-шесть дворянскихъ вотчинъ, подобно бѣлоснѣжнымъ лебедямъ улѣпившихъ тамъ-и-самъ полускаты берега. Самое пространство земли, примыкавшей къ такому помѣстью, или къ такой усадьбѣ, и иногда достигавшее размѣровъ немалого нѣмецкаго царства, обуславливало эту отдаленность другъ отъ друга барскихъ убѣжищъ.

За то, такъ-называемые во время оно «малодушные», то-есть владѣльцы двухъ-трехъ и много десяти крѣпостныхъ душъ, гнѣздились въ тѣсномъ сосѣдствѣ. Ыдешь, ѣдешь, бывало, смотришь, смотришь по сторонамъ — и вдругъ съ какой-нибудь возвышенности бросится тебѣ въ глаза цѣлая кучка тесовыхъ, камышевыхъ и иныхъ кровель, замелькаютъ частыми зелеными пятнами крошеч-

ные садишки, огороженные плетнями, сквозь которые свободно швыряют свиньи и поросята, засверкает тинистый прудъ, заросшій осокою и чапыжникомъ, и зачернѣются покоробленные, мужицкія избенки, беспорядочной толпою обступившія домики съ тесовыми, камышевыми и иными кровлями. Это и есть «малодушные». Въ подмосковныхъ губерніяхъ народъ и теперь помнитъ этихъ «малодушныхъ» подъ нѣсколько презрительнымъ прозвищемъ «поганныхъ дворянъ». Чаще всего это были либо недоросли, съ грѣхомъ пополамъ одолѣвшіе дьячковскую псалтирь, либо писцы 2-го разряда, заручившіеся этимъ возделѣннымъ званіемъ въ снисходительной предводительской канцеляріи, либо юнкера и прапорщики въ отставкѣ. Вообще народъ не чиновный. Это тѣ самые предупредительные господа, которые въ былое время смиренно терлись въ хоромахъ каждаго помѣщика средней руки, пользовались его кормами, а иногда и старымъ плафромъ съ его плеча, выпрашивали, когда патронъ находился въ духѣ, четвертку пшена, тѣлочку на заводъ, щенка отъ борзой суки, возикъ сѣнца, — причемъ подобострастно цѣловали патрона въ плечико и величали его «благодѣтелемъ». Это тѣ самые развеселые люди, которые на званныхъ помѣщичьихъ обѣдахъ и именинныхъ балахъ, такъ уморительно ходили на четверенькахъ и выплясывали трепака, въ угоду хозяину и на потѣху многочисленныхъ, подвыпившихъ гостей, такъ храбро глотали смѣсь уксуса съ деревяннымъ масломъ, сгрызали зубами рюмки — и съ такими смѣшными ужимками подражали крику пѣтуха, мяуканью кошки и хрюканью поросенка.

Тѣ изъ малодушныхъ, которые не потѣшали такимъ невиннымъ образомъ добродушнаго дворянства средней руки и не пресмыкались передъ нимъ въ чаяніи сюртука съ протертыми локтями, или засаленной венгерки, — тѣ невылазно жили въ своихъ утлыхъ домишкахъ, иногда сами и косили и пахали на ряду съ мужиками и вообще образомъ и подобіемъ мало чѣмъ отличались отъ собственныхъ своихъ крѣпостныхъ. Развѣ что, кое-какъ выбритые подбородки да лохматые усы, спѣсивая важность въ лицѣ да зычный голосъ, съ утра до вечера расточавшій ругательства, — выдавали ихъ благородное происхожденіе. У иныхъ же не было и этихъ признаковъ дворянскаго достоинства, и часто фореиторъ богатаго барина, при встрѣчѣ на узкой дорогѣ съ такимъ опростѣвшимъ дворяниномъ, лупилъ его на всѣ корки арапникомъ, ни мало не подозревая, что лупитъ благороднаго челоуѣка, а не какого-нибудь мѣщанина-щибая или двоюроднаго дьяконскаго племянника.

Обыкновенно разъ въ три года, а иногда и рѣже, какой-нибудь милостивецъ, мѣтившій въ предводители, вѣзъ малодушныхъ на свой счетъ на выборы, и тогда для нихъ настаивалъ великій праздникъ. Ихъ плохо выбритыя красныя и оплывшія фізіономіи, съ буйно растрепанными усами и насаленными «серполотовой» помадой коками (есть такая помада), ихъ венгерки и сюртуки военнаго и штатскаго покроя, съ буфами въ плечахъ и съ таліей на затылкѣ, заполняли всѣ трактиры и кафе-рестораны невысокаго разбора, а жадные рты съ азартомъ истребляли цѣлыя горы классическихъ котлетъ съ горошкомъ, невѣроятное количество поросятъ со сметаной и рѣжки кievскихъ наливокъ съ запахомъ сургуча и сквернѣйшихъ водокъ подъ громкими наименованіями тминной, полынной, анисовой и т. п. Улицы и бульвары губернскаго города оглашались тогда побѣднымъ гамомъ ихъ громкихъ до нелѣпности голосовъ и пьяными возгласами о дворянской чести, благородствѣ и о готовности во имя этой чести и этого благородства каждому мимоидущему бить морду. Визгъ дѣвицъ двусмысленнаго поведенія неумолчно стоялъ надъ городомъ во все время присутствованія въ ономъ одичавшихъ по захоластьямъ мелкихъ дворянъ. Полицейскіе чины сбивались съ ногъ, круглыя ночи объѣзжая притоны и дружески увѣщевая полчища этихъ захоластныхъ рыцарей. Въ залахъ дворянскаго собранія пахло лукомъ, сквернѣйшимъ табакомъ и сивухой... Но проходили выборы, допотопные сюртуки военнаго и штатскаго покроя бережно укладывались на дно сундуковъ до новаго чрезвычайнаго случая, и, «малодушные» кисло озирая неприхотливыя домашнія яства, съ тоскою поглаживали желудки, отчаянно хватались за разбитыя хмѣлемъ головы и съ остервененіемъ погружались въ захоластные дразги... А дразги эти широкимъ потокомъ одолевали ихъ дворянское существованіе. Смежныя поля и усадьбы, сварливыя сосѣди, одурѣвшіе со скуки и тоски, разоренные и вѣчно голодные мужики, ворующіе все, что только попадалось подъ руку и что возможно было украсть, отъ гвоздя до гнилой подошвы включительно, визгливыя барыни и барышни въ козловыхъ башмакахъ и ситцевыхъ платьяхъ, барышни обожающія душу Пушкина и съ замираніемъ сердечнымъ твердящія наизусть «Полтаву» и «Цыганъ», барыни съ непобѣдимой наклонностью къ щипкамъ, плевамъ и мордобитію—все это страшно располжало ссоры и сплетни, брань и пересуды.

И ни съ кѣмъ такъ безжалостно не поступилъ шестьдесятъ-первый годъ, ни на кого не обрушился онъ съ такой сокрушительной стремительностью, какъ на несчастныхъ «малодушныхъ».

Подобно желѣзной метлѣ, прошла по ихъ скученнымъ усадебкамъ эмансипація и разогнала по широкому лицу земли русской горемыкъ-владѣльцевъ. Почва изъ-подъ нихъ какъ-то съ-разу ушла, и ухнула въ какое-то бездонное «далеко». Мужичишки, болѣею частью оказавшіеся «дворовыми людьми», расплозились какъ тараканы и разнесли по селамъ и деревнямъ свой нищенскій скарбъ, и свои гнилыя избенки. Богачи-помѣщики, въ былое время возившіе мелкаго дворянина на выборы, поившіе и кормившіе его своими кухнями, ненавистными скудости и своими неистощимыми запасами яблоновокъ, вишневокъ и сливянокъ,—сами сидѣли по своимъ домамъ съ мезонинами въ непріятномъ предвкушеніи погибельныхъ временъ и съ тоской измѣряли взорами вновь открывшіяся перспективы всяческихъ неблагополучій. Новаго сословія, съ запросами на людей жующихъ стекло и ходящихъ на четверенькахъ, въ то время еще не нарождалось. Земля... но ея было такъ мало, и притомъ она требовала обработки, обработка же въ свою очередь вопіяла о деньгахъ, извѣстныхъ «малодушнымъ» болѣе по слуху. Приходилось разбѣгаться—и они разбѣгались. И куда-куда не заносила судьба ихъ побѣдныя дворянскія головы съ признаками и безъ признаковъ благороднаго происхожденія на лицѣ!.. Отъ заднихъ компантокъ московскихъ трактировъ двусмысленной репутаціи и до щегольскихъ переднихъ новыхъ судебныхъ учреждений, отъ окрестностей Иверской часовни и до панелей многочленныхъ петербургскихъ улицъ, вы могли бы встрѣтить и видѣть ихъ, немытыхъ и нечесанныхъ, съ пухомъ въ волосахъ и съ слѣдами синяковъ подъ глазами... Низшіе разборъ желѣзнодорожныхъ должностей, вновь объявившіяся канцеляріи мировыхъ и земскихъ и иныхъ учреждений, реформы, потребовавшія переписки, переписки и переписки—все это вплоть до нашихъ дней и до пресловутаго движенія добровольцевъ въ Сербію—подобно омуту, впитывало въ себя мелкаго дворянина. А крошечные домишки съ тесовыми и иными кровлями гнили и обрушивались и заростали чертополохомъ; «забалованная» мелкодворянская земелька покрывалась сорными травами, поростала бурьяномъ и бобовникомъ и за безцѣнокъ переходила въ руки предприимчивыхъ піонеровъ новаго сословія. Такъ погибли «малодушные». И рѣдко-рѣдко кто уцѣлѣлъ изъ нихъ до нашихъ временъ и усидѣлъ на старомъ пепелищѣ. Такіе уцѣлѣвшіе обыкновенно примѣняются къ новымъ порядкамъ, водворившимся въ захолустяхъ послѣ шестьдесятъ-перваго года, и тяготеютъ къ «новому сословію». Они при случаѣ и кабаки спимають, причесть вѣшаютъ на нихъ выѣски съ пад-

писью «ресторация», они и трактиры открываютъ, непременно съ органомъ и мамзелью за буфетомъ (это въ какомъ-нибудь селѣ Голодаловѣ-то!), и заводятъ торговлю линючимъ ситцемъ да рукавицами, рыжеватымъ плисомъ да щегольскими трубками въ оправѣ, натертой ртутью...

Но есть изъ нихъ и такіе, которыхъ можно назвать закоренѣлыми. Эти хотя и съ грѣхомъ пополамъ, но пытаются жить по старымъ порядкамъ, и до послѣдней возможности берегутъ свои до-реформенныя понятія и взгляды. Обыкновенно они не вовсе уже бѣдные и въ старину обладали не менѣе какъ десятью душами, а нынѣ— 50-ю десятинами земли. Они—любопытны, эти закоренѣлые. Они не любятъ показывать носа въ люди, и живутъ въ своихъ насиженныхъ норахъ безвыходно и безвыѣдно. Но вы можете видѣть ихъ на какомъ-нибудь избирательномъ съѣздѣ, гдѣ они присутствуютъ иногда въ качествѣ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ (это, обыкновенно, въ тѣхъ уѣздахъ, въ которыхъ «новое сословіе» не проникло еще надлежащимъ образомъ въ суть земскихъ отправленій и все еще, въ простотѣ душевной, считаетъ ихъ за времяпрепровожденіе, никакой выгоды не представляющее). Сидитъ такой закоренѣлый на высокой земской скамьѣ, багровѣетъ и задыхается отъ тугого старомоднаго галстука и съ мучительной сосредоточенностью вслушивается въ голосъ предсѣдателя. Но вотъ онъ услышалъ свою фамилію и, благоговѣйно шагая по шикарному земскому паркету, направляется къ ящичку. Тамъ онъ бережно принимаетъ шаръ изъ рукъ кротко и предупредительно улыбающагося предсѣдателя—и, либо мрачно и торжественно, либо радостно и застѣнчиво, кладетъ все въ на-лѣво, или все въ на-право: смотря по темпераменту. Кромѣ этого мѣрнаго и благоговѣйнаго хожденія отъ скамьи къ ящичку и отъ ящичка къ скамьѣ, кромѣ подобающихъ сжиманій лицевыхъ мускуловъ въ пору опусканія руки подъ сукно,—онъ неподвиженъ подобно изваянію и такъ же, какъ изваяніе, нѣмъ. Пусть нестерпимо сжимаетъ его шею жесткій какъ дерево галстукъ, пусть рѣжетъ ему подъ мышками спитый въ незапамятныя времена сюртукъ, пусть на багровомъ лицѣ проступаетъ испарина, и сосѣдъ-купчина, съ засаленнымъ животомъ, толкаетъ подъ локоть и таинственнымъ полупопотомъ спрашиваетъ: «нѣтъ-ли чего продажнаго?»—онъ не шевельнется и не промолвитъ слова.

Въ гласные такіе закоренѣлые рѣдко попадають, а если попадають, то являются лишь въ тѣ собранія, гдѣ предполагаются выборы. Тогда они изъявляютъ желаніе баллотироваться,

всѣмъ другимъ претендентамъ кладутъ на-лѣво (несмотря ужъ на темпераментъ) и обыкновенно сами получаютъ два шара изъ сорока, послѣ чего съ важнымъ и угрюмымъ видомъ, не лишеннымъ нѣкоторой величественности, удаляются изъ залы, и въ тотъ же вечеръ выбываютъ въ свои тихія палестины. Впрочемъ, несмотря на такую неудачу, они не унываютъ, и баллотируются при всякомъ удобномъ случаѣ и во всѣ должности, гдѣ полагается жалованье и не требуется ценза, и, что замѣчательно, баллотируются всегда безуспѣшно и всегда получаютъ одинаковое количество неблагопріятныхъ шаровъ.

Нужно прибавить, что на дворянскихъ выборахъ теперь ужъ не встрѣтите мелкаго дворянина, ибо нѣтъ уже теперь такихъ горячихъ искателей почетнаго, но безвыгоднаго предводительскаго мѣста, которые возили бы на эти выборы мелкаго дворянина и до отвалу кормили бы и поили его сомнительными деликатесами губернскихъ трактировъ.

Отставной писецъ 2-го разряда Аристархъ Алексѣичъ Тетеркинъ, болѣе извѣстный въ нашемъ околоткѣ подъ нѣсколько двусмысленнымъ прозваніемъ «барина - Листарки», принадлежалъ именно къ этому числу уцѣлѣвшихъ и закоренѣлыхъ мелкихъ дворянъ. Его крошечное имѣніице (однако и не такъ уже чтобы слишкомъ крошечное) отстояло недалеко отъ моего хутора. Былъ господинъ Тетеркинъ высокъ ростомъ, сѣдъ волосомъ, вдовъ и бездѣтенъ. Кромѣ ситцеваго халата и нанковыхъ штановъ, никогда и ничего не надѣвалъ и только въ парадныхъ случаяхъ, почти сверхъестественныхъ по своей исключительности, замѣнялъ халатъ вицъ-мундиромъ, спитымъ еще во время венгерской кампаніи крѣпостнымъ самоучкою Эльпидифоромъ.

Во время молодости своей Аристархъ Алексѣичъ, по его словамъ, находился въ пріятныхъ отношеніяхъ къ дому помѣщика Катай-Валева, въ торжественныхъ случаяхъ выхаживалъ «русскую» съ крѣпостными метрессами этого помѣщика, и вообще занималъ общество, въ чемъ такъ преуспѣлъ, что разъ даже, какимъ-то невиданнымъ дотолѣ способомъ подражая свисту соловья, привелъ въ восторгъ заѣзжаго генерала, за что и получилъ великодушное генеральское спасибо съ присовокупленіемъ золотого дуката (генераль только-что прибылъ изъ Венгріи). Но времена переменчивы. По случаю какой-то непріятности, имѣвшей темную и невыясненную связь съ появленіемъ у одной изъ метрессокъ шелковой юбки, Аристарху Алексѣичу пришлось прекратить свои пріятныя отношенія къ дому Катай-Валева, и пре-

кратить послѣ невольнаго, хотя и таинственнаго, путешествія на катань-валяевскую конюшню. Съ тѣхъ поръ господинъ Тетерькинъ разучился свистать соловьемъ, утратилъ веселость своего нрава и привычку къ общительности. Онъ разъ навсегда надѣлъ на себя халатъ, натянулъ нанковые панталоны и засѣлъ въ своемъ помѣстьянцѣ, гдѣ и женился и овдовѣлъ въ свое время.

Съ шестьдесятъ-перваго года нелюдимость Аристарха Алексѣича перешла даже въ нѣкоторую мрачность. Онъ почему-то возмечталъ, напустилъ на себя великую важность и спѣсь, за что и получилъ отъ сосѣднихъ мужиковъ прозваніе барина-Листарки.

Эта спѣсь и эта склонность къ уединенію усугубились въ немъ съ той поры, какъ, бывъ избранъ уполномоченнымъ въ избирательный съѣздъ и пожелавъ баллотироваться въ земскіе гласные, онъ получилъ одинъ только шаръ изъ сорока-двухъ наличныхъ. Неизвѣстно, путемъ какихъ умозаключеній, но баринъ-Листарка пришелъ тогда къ такому выводу, что только онъ одинъ, Аристархъ Алексѣичъ Тетерькинъ, есть настоящій дворянинъ и благородный человѣкъ, сохранившійся во всей своей первобытности; всѣ остальные были лишь прохвосты и проходимцы.

Вообще новое время пользовалось искреннимъ его нерасположеніемъ (особенно усилившимся опять-таки со времени упомянутаго избирательнаго съѣзда), хотя это же самое время, съ своимъ возведеніемъ всякаго дворянскаго существованія въ нѣчто независимое и прочное, вѣроятно, и содѣйствовало укрѣпленію возвышенныхъ мечтаній въ головѣ господина Тетерькина, и воспитало въ немъ пылкое желаніе — слѣть бариномъ.

Отъ покойницы жены господину Тетерькину осталось нѣсколько прочныхъ воспоминаній, а именно: вышитый бисеромъ по атласу кисетъ съ надписью «друху мово сердца», вязаная скатерть, покрывавшая пузатый комодъ, оклеенный неизбѣжной корельской березой и выложенный давно уже позеленѣвшею бронзой, и раскрашенный дагерротипъ изображавшій сочную толстуху съ носомъ, наивно приподнятомъ къ небесамъ, мужественными усами на оттопыренныхъ губкахъ и фіолетовымъ румянцемъ на лбу. Впрочемъ, несмотря на всю чарующую силу этихъ трогательныхъ воспоминаній, господинъ Тетерькинъ все-жъ-таки имѣлъ въ качествѣ хозяйки кухарку Арину, изумительно грязное, косое существо, вѣчно безмолвствовавшее и какъ-бы забытое, но твердо державшее въ рукахъ ность своего барина.

Время Аристарха Алексѣича проводилъ однообразно. Лѣтомъ, онъ съ самаго утра влѣзалъ въ свой вѣчный халатъ и, если погода была удовлетворительна, бродилъ по своимъ владѣніямъ,

заходя въ домъ только лишь затѣмъ, чтобы выкурить трубку. Цѣлый день его зычный голосъ, подобно трубѣ архангельской, гремѣлъ то въ полѣ, то возлѣ риги, болѣе похожей на хлѣвъ чѣмъ на ригу, то въ саду. Въ полѣ онъ ругалъ мужиковъ, въ ригѣ — работника своего, смиреннаго и молчаливаго старичка Архипа, въ саду — дѣвокъ, выпалывавшихъ гряды. Драться онъ не дрался, но ругался ужасно (существовала легенда, что пѣ-когда и къ дракѣ онъ питалъ склонность, но въ свою очередь былъ кѣмъ-то побитъ и утихъ). Бывало, на зарѣ ѣдешь по своему полю, а ужъ съ вѣтеркомъ несутся густыя басовыя ноты: «да я тебя... да ты у меня... да я... да ты...» (если въ это время случится около меня какой-нибудь мужичокъ, то онъ ужъ непременно замѣтитъ, тихо и снисходительно посмѣиваясь себѣ въ бороду: «эка, Листарка-то надрывается!»). Несмотря на вѣчную ругань Аристарха Алексѣича, мужики работать у него любили. Такъ какъ денегъ у него никогда почти не водилось, а если и случались онѣ, такъ всецѣло уходили на чай и сахаръ, сапоги и табакъ (все остальное было свое, нанка же на штапахъ имѣла свойство носиться десятилѣтія), то работали у него исполно. Впрочемъ, многимъ работать не приходилось; двѣ или три семьи изъ ближней деревни такъ подладились къ характеру господина Тетерькина и съ такимъ смиреніемъ сносили его «барское» обхожденіе, что безъ всякой конкуренціи выпаживали его земельку, свозили изрядную часть его хлѣба на свои гумна и вытравливали своимъ скотомъ его маленькій сѣнокосъ. Чтобы все это видѣливать благополучно, имъ только приходилось заручаться расположеніемъ косой Арины, любившей иногда выпить. Что же касается до Аристарха Алексѣича, то, несмотря на видимую его неусыпность и всестороннее вниканіе въ хозяйство, онъ ровно ничего не видѣлъ и ничего не зналъ. Если передъ нимъ стояли безъ шапокъ, если умиленно молчали, когда онъ ругался или подобострастно лепетали: «виновать, сударь, простите», если называли его жалкій домишка «хоромами», его убогенькаго работника Архипа — «барскимъ кучеромъ», а дребезжавшую и некрашенную таратайку, связанную для прочности веревками, «барскимъ тарантасомъ», — онъ былъ доволенъ, и на все остальное махалъ рукою.

Зимою баринъ-Листарка не выходилъ изъ комнаты и въ неизмѣнномъ своемъ халатѣ, съ вѣчною трубкою въ зубахъ, сидѣлъ у окна на старомъ, продавленномъ креслѣ и не спускалъ упорнаго взора съ окрестностей, занесенныхъ сугробами. Тогда ужъ онъ не ругался, а только тяжко сопѣлъ, мрачно сосалъ

длинный чубукъ свой (теперь уже нѣтъ такихъ длинныхъ чубуковъ), и въ извѣстные промежутки сердито возглашалъ: «Арина, трубку!» На зовъ появлялась косая баба, и утирая грязнымъ подоломъ заспанное лицо свое, подавала барину вновь набитую и раскуренную трубку, послѣ чего опять удалялась къ своимъ горшкамъ, а баринъ опять сопѣлъ и курилъ и неподвижно глядѣлъ въ снѣжное поле, надъ которымъ то сіяло солнце и сверкало ослѣпительное небо, то тихо тянулись печальныя, снѣговыя тучи и бѣлыми звѣздочками сѣялъ снѣгъ. Это молчаніе, сопѣніе и куреніе, въ обычные часы прерывалось обѣдомъ изъ солонины, щей и каши, ужиномъ изъ солонины, щей и каши, скверненькимъ чаемъ, имѣвшимъ способность настаиваться до черноты, подобной пиву и пахнуть пареными березовыми вѣниками, и наконецъ тяжелымъ сномъ съ безобразными сновидѣніями, мучительной отрыжкой, одурью и давленіемъ домашнего.

• Вообще однообразно проводилъ время господинъ Тетерькинъ.

Я рѣдко бывалъ у него. Надо сказать правду—онъ былъ таки-утомителенъ, и только скука хуторская заставляла меня поддерживать съ нимъ знакомство. Но случалось и такъ, что я посѣщалъ его и не раскаявался, ибо не безъ пріятности проводилъ время.

Какъ теперь помню одно весеннее воскресенье. Стояла прелестная погода, и я вздумалъ проѣхать къ Аристарху Алексѣичу. Благодаря ли празднику или вообще нерабочему времени (сѣвъ уже окончился, покосъ же еще не начинался),—но, подъѣзжая къ усадьбѣ Тетерькина, скрашенной развѣсистыми березами и цвѣтущими яблонями крошечнаго садочка, я, вопреки обыкновенію, не услышалъ зычнаго хозяйскаго голоса и только когда уже «барскій кучеръ» Архипъ взялъ у меня лошадь и потащилъ ее къ ригѣ, а я направился къ крылечку,—до меня донесся изъ «хоромъ» могучій окрикъ Листарки:—«трубку, Арина!»

Поздоровавшись и выразивъ подобающими восклицаніями нашу радость по поводу свиданія, мы расположились съ Аристархомъ Алексѣичемъ на крылечкѣ (которое, впрочемъ, онъ величалъ балкономъ), и не спѣша начали тянуть чай, поданный намъ косою Ариной въ зеленоватыхъ, толстыхъ стаканахъ и на ржавомъ желѣзномъ подносѣ какой-то до-исторической формы. Прямо противъ крылечка, зеленѣлъ густой муравой небольшой дворикъ, окруженный съ одной стороны покосившимся амбаромъ и расстрепанной ригею, съ двухъ другихъ—старымъ полусгнившимъ плетнемъ. За дворомъ, вплоть до горизонта, разстилалась и ходила сизыми волнами серебристо-зеленая рожь. Вообще мѣсто

съ балкона казалось пустыннымъ и самая усадьба скучною. Но за домомъ этой усадьбы расположенъ былъ садикъ и протекала узенькая рѣчка, окаймленная раkitами, и оттуда видъ уже не казался пустыннымъ: на противоположномъ берегу съ добрую версту тянулось большое однодворческое село съ голубою церковью, около самаго садика ютилась деревенька бывшихъ крѣпостныхъ господина Тетерькина и его многочисленныхъ сосѣдей «малодушныхъ» дворянъ, слѣды существованія которыхъ давно развѣяло вѣтромъ по чистому полю... Впрочемъ, не все развѣяло: шагахъ въ тридцати отъ усадьбы Аристарха Алексѣича, возлѣ дороги, прихотливой лентой извивавшейся по ржаному полю, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ крошечный похиленный домишка, съ гнилыми углами, провалившешюся, но когда-то несомнѣнно тесовою, кровлею, и зіяющими дырами вмѣсто оконъ. Около этого жалкаго остова, печально поникнувъ листьями, бѣлѣлась старая береза, и корявая яблоня съ прогнившей сердцевинной безпомощно распростирала полузасохшія вѣтви свои. Могушая рожь пышно разрослась на тучной почвѣ, и со всѣхъ сторонъ обступила и развалину, и одиноко умирающія деревья. При взглядѣ на эти заброшенные развалины, затерянные во ржи, и на эти сиротливыя деревья, какъ-бы оплакивающія судьбу свою, —невольнo сжималось сердце и какое-то тоскливое чувство вползало въ душу...

Въ этомъ домишкѣ нѣкогда проживалъ жизнь Мухоморкинъ, владѣлецъ шести крѣпостныхъ душъ, въ свое время переселившийся въ извѣстное лоно, и оставившій достояніе свое единственному чаду Митрофану. Митрофанъ же Мухоморкинъ, съ пѣтушинымъ видомъ расхаживая по вагонамъ въ поддевки, отороченной галунами, и зычно командуя пассажирами Богомъ забытаго третьяго класса, —вспоминалъ про отцовское достояніе лишь въ то время, когда богатый мужикъ однодворецъ, Костоглотъ, привозилъ ему аренду, впрочемъ, едва-едва хватавшую на погашеніе десятка порядочныхъ ремизовъ въ стуколѣѣ.

Аристархъ Алексѣичъ, широко распахнувъ на косматой груди халатъ свой и сосредоточенно сжавъ губами длиннѣйшій чубукъ, глубокомысленнымъ взоромъ осматривалъ даль, плевался, выпускалъ прихотливыми струйками синеватый дымокъ и внушительно морщилъ брови.

— Что новаго?—спросилъ онъ у меня отрывисто и важно.

— Да чтó новаго. Вотъ земство еще по три копѣйки наложило.

Господинъ Тетеркинъ на мгновеніе вынулъ изо-рта чубукъ, сердито сверкнулъ глазами и произнесъ:

— Грабежъ и больше ничего.

— Да вѣдь оно на общественныя нужды, любезный Аристархъ Алексѣичъ...

Аристархъ Алексѣичъ усиленно засопѣлъ и придалъ глазамъ вращательное движеніе.

— Оно на общественныя нужды, — повторилъ я.

— Какія такія?

— На школы, на больницы...

— Школы! Больницы! Могу вамъ сообщить... — жолчно и презрительно воскликнулъ Тетеркинъ, и затѣмъ съ угрюмымъ хладнокровіемъ добавилъ: — проходимцы съ мужичишками съежались и грабятъ.

— Кого же грабятъ? — удивился я.

— Дворянъ грабятъ, сударь мой! — выпалилъ Тетеркинъ.

— Помилуйте, какой же это грабежъ, — отчеты...

Но Аристархъ Алексѣичъ окончательно разсердился, возвысилъ голосъ и забрызгался слюнами.

— А па-азвольте васъ спросить, сударь мой, гдѣ эти самые распротоканальскіе отчеты ихніе-съ?.. Кто ихъ видѣлъ, эти отчеты-съ, па-азвольте полюбопытствовать... Я ихъ не видалъ-съ, могу вамъ сообщить... Я не имѣлъ чести ихъ видѣть... Понимаете — я!

Онъ указалъ на себя пальцемъ.

— Но позвольте... — попытался-было я возразить, но мой горячій собесѣдникъ уже не внималъ ничему.

— Я, сударь мой, дворянинъ и благородный че-а-эжъ! — кричалъ онъ, то возвышая голосъ до рева, то уподобляя его самому тончайшему писку, — я бла-ародный че-а-эжъ, сударь мой, и грабить себя какимъ-нибудь проходимцамъ не позволю-съ, могу вамъ сообщить... Я... я... (тутъ господинъ Тетеркинъ слегка поперхнулся)... мы... мы... Мой отецъ... и я не позволю всякимъ меррррзавцамъ... — не позволю-съ, сударь мой.

Онъ круто остановился и постучалъ кулакомъ по своей мохнатой груди.

— Вѣдь вы же выбирали этихъ проходимцевъ и мерзавцевъ? — замѣтилъ я (передъ этимъ Тетеркинъ былъ уполномоченнымъ на избирательномъ съѣздѣ).

— И! — басомъ возопилъ Аристархъ Алексѣичъ и съ негодованіемъ вскочилъ со стула, — я!.. — повторилъ онъ дискантомъ,

и затѣмъ въ какомъ-то изнеможеніи пролепеталъ: — могу вамъ сообщить... Я выбиралъ Данилку!.. Я Акимку выбиралъ...

— Да какъ же...—закнулса-было я.

— Нѣтъ-съ, ужъ это извините-съ! — съ новой энергіей прервалъ меня Аристархъ Алексѣичъ, — нѣтъ ужъ, сударь мой... Подлецовъ я выбирать не охотникъ, могу вамъ сообщить... Не имѣю этой привычки, чтобъ подлецовъ выбирать!.. Я поповича Данилку Богословскаго не выбиралъ-съ, смѣю вамъ доложить... Я муждчишку Акимку-прода и прохвоста не выбиралъ-съ, а на-лѣво ему, архибестіѣ, закатилъ... Я вора и пьяницу Ефимку не почтилъ выборомъ-съ!.. Я ему, Искаріоту, черняка влѣпилъ... Это могу вамъ сообщить... Это ужъ увольте-съ... Это ужъ мое почтеніе-съ... Я не прохождецъ какой, смѣю доложить... Я... я... Мой отецъ... мы... Я грабить себя не позволю-съ... Да-съ, могу вамъ сообщить!.. Я плюю-съ... я дворянинъ... Да, и плюю...

Тетерькинъ дѣйствительно плюнулъ, но вдругъ почувствовалъ утомленіе, вздохнулъ, сѣлъ и мало-по-малу успокоился, хотя бровями все еще шевелилъ тревожно. Косая Арина принесла намъ по другому стакану чая и на этотъ разъ соблаговолила угостить вареньемъ, вѣроятно, собственнаго свѣдого издѣлія, ибо варенье, судя по ягодѣ, было изъ малины, но отзывалось, чортъ его знаетъ почему, ладономъ и извѣстнымъ цвѣткомъ «еранью».

Мы молчали и думали каждый свою думу.

Въ саду лѣниво щелкалъ соловей и дикимъ крикомъ перемежала свои мелодичные переливы иволга. У крыши, чернымъ грибомъ нависнувшей надъ амбаромъ, дружнымъ роемъ копошились и чиликали воробы. Старая, сѣдая собака сидѣла на корточкахъ среди двора и сторожко приподнявъ одно ухо, съ внимательной серьезностью прислушивалась къ чему-то. Около риги безцѣльно бродили куры, поковыривая носами кучки навоза. Моя кобыла, привязанная къ санямъ, стоявшимъ недалеко отъ риги, флегматично жевала сѣно, а шаршавый щенокъ, съ довольнымъ видомъ помахивая куцымъ хвостомъ, лизалъ сальные оси моихъ дрожекъ. Гдѣ-то за плетнемъ безтолково болталъ индюкъ и робко перекликались индюшки. Ржаное поле то замирало въ какой-то чуткой дремотѣ и неподвижно нѣжилось въ голубомъ воздухѣ, то колыхалось, трепетало и разбѣгалось хмурыми волнами, и тогда шорохъ и шелестъ встревоженныхъ стеблей ясно доносился до насъ. Въ небѣ бѣлыми и прозрачными космами недвижимо висѣли облака. Солнце, проникая сквозь эти облака, не сіяньемъ и не блескомъ обливало землю, а какимъ-то матовымъ, мягко-желтоватымъ и, если можно такъ выразиться, тихимъ свѣтомъ.

Сладкій запахъ цвѣтущихъ яблонь и зацвѣтающей сирени, смѣшиваясь съ горьковатымъ ароматомъ молодой березы и тонкимъ благоуханіемъ резеды, Богъ вѣсть какими путями занесенной въ садикъ Аристарха Алексѣича, стоялъ въ тепломъ и слегка влажномъ воздухѣ, заглушая даже запахъ Тетерькинскаго чая.

Долго ли продолжалось бы наше молчаніе — не знаю, но ему суждено было прекратиться слѣдующей сценой.

Приземистый мальчуганъ лѣтъ девяти, въ широчайшихъ, но короткихъ порткахъ и рубакѣхъ, подпоясанный ниже живота, вынырнулъ откуда-то изъ-за плетня и трусливой, спутанной рысцою направился къ сторонѣ риги. Громадная, косматая шапка (вѣроятно, отцовская) свободно болталась на его головкѣ и то-и-дѣло надвигалась ему на глаза.

— Эй, ты! какъ тебя... Малый... малый! — оглушительно закричалъ Аристархъ Алексѣичъ.

Мальчуганъ остановился въ нѣкоторомъ раздумьи и, послѣ минутной нерѣшительности, робкой поступью подошелъ къ балкону, снявъ на ходу шапку и обнаруживъ глазенки, полные лукавства и вмѣстѣ — смущенія.

— Знаешь — кто я? — спросилъ его господинъ Тетерькинъ, грозно насупливая брови.

— Ба-ари-инъ, — пролепеталъ мальчуганъ, комкая въ рукахъ шапку.

— Баринъ! — иронически передразнилъ Аристархъ Алексѣичъ, и затѣмъ сурово добавилъ: — какъ же ты, негоддай, осмѣлился по барскому двору въ шапкѣ идти, а? (онъ сдѣлалъ удареніе на словахъ «барскій дворъ»).

Мальчуганъ молчалъ и почесывалъ одна объ другую свои босыя ножонки.

— Я тебя, каналью, спрашиваю? — повторилъ господинъ Тетерькинъ.

Мальчуганъ съ озадаченной миной спустилъ рукавъ рубашонки, старательно высморкался въ этотъ рукавъ и — молчалъ. Аристархъ Алексѣичъ долго и пристально глядѣлъ на него.

— Ты чей? — спросилъ онъ вдругъ.

— Михѣй-ки-инъ сынъ... — дрожащимъ голосомъ произнесъ мальчуганъ и внимательно сталъ разглядывать свою громадину-шапку.

Аристархъ Алексѣичъ опять пристально и напряженно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы.

— Такъ ты Михѣйкинъ сынъ, а?

— Михѣйки-инъ...

— Какъ же ты не видишь, баринъ сидитъ на балконѣ, а? Михѣикинъ сынъ безмолвствовалъ.

— Какъ же ты, свинья, не замѣчаешь — сидитъ баринъ и ты ломишься въ шапкѣ, а? — настоятельно повторилъ господинъ Тетеркинъ.

Опять безгласіе, но прерванное тихимъ вздохомъ.

— Балконъ, барскій домъ, самъ баринъ сидитъ на балконѣ — и ты, скотина, шапки не ломаешь, а?

Всѣ мы съ добрую минуту помолчали. Мальчуганъ порывисто вздернулъ штанишки и наклонилъ голову, отчего волосѣнки свѣсились ему на лобъ и закрыли глаза.

— Такъ ты сынъ Михѣикинъ? — снова спросилъ господинъ Тетеркинъ.

— Сы-и-инъ...

— Хм...

Аристархъ Алексѣичъ подумалъ, сдѣлалъ величественное мановеніе рукою и отрывисто произнесъ:

— Пшѣль вонъ!

Мальчуганъ радостно взмахнулъ волосами, сверкнулъ изъподлобья темными глазенками, на этотъ разъ уже не выражавшими смущенія и, съ удивительной поспѣшностью перебирая пятками, скрылся за амбаромъ.

Спустя нѣкоторое время по исчезновеніи Михѣикинаго сына, на дворѣ появился мужикъ, еще издалека снявшій шляпу и подходившій къ намъ съ подобострастной улыбкой.

— Къ вашей милости, сударь, пришелъ! — сладко произнесъ онъ, низко и медленно кланаясь.

— Что такое? — важно спросилъ господинъ Тетеркинъ, глядя не на мужика, а куда-то въ сторону.

— Да ужъ не оставьте, сударь, ваша милость... Вы наши отцы... — Мужикъ насмѣшливымъ и быстрымъ взглядомъ скользнулъ по моей фигурѣ.

— Что нужно?

— Мучицы бы мнѣ, сударь. Мы и то такъ-то поговорили, поговорили со домашними: Господи ты, Боже мой, куда же мы опричь своего барина пойдемъ!.. Кѣмъ живемъ, кѣмъ дышемъ... — Мужикъ вздохнулъ благодарнымъ вздохомъ и слабо кашлянулъ. — Ужель я къ цѣловальнику пойду! — Нѣтъ, я не пойду къ цѣловальнику, а пойду-ка я лучше къ сударю-барину, говорю... Авось его барская милость не оставитъ — не откажетъ мнѣ въ мучицѣ...

Аристархъ Алексѣичъ съ чувствомъ увѣреннаго въ себѣ достоинства сдѣлалъ мужика, и слушалъ до тѣхъ поръ, пока мужикъ въ нѣкоторомъ изнеможеніи остановился. И вѣроятно льстивая мужикова рѣчь была по душѣ господину Тетерькину, ибо вся фигура его какъ-то величественно напряглась, а лицо даже прояснилось сіяніемъ.

Когда мужичокъ остановился, господинъ Тетерькинъ покровительственно проронилъ (впрочемъ, все-таки не сводя своего взгляда съ какой-то безпредметной дали).

— Муки тебѣ.

— Мучицы, сударь... Это точно, что мучицы, — съ новой силою воскликнулъ мужикъ, — ужъ сдѣлайте милость — вы напишете...

Аристархъ Алексѣичъ затѣйливой спиралью выпустилъ дымокъ и, съ подобающимъ глубокомысліемъ опять выслушавъ до конца подобострастную реплику мужика, крикнулъ:

— Арина!

Явилась Арина и учинивъ своими косыми глазами нѣкую перепалку съ плутовскимъ взглядомъ мужика, недвижимо подперла притолку и по своему обычаю спрятавъ руки подъ передникъ.

— Есть мука? — спросилъ ее баринъ.

— Какъ не быть мукѣ, батюшка-баринъ... Муки — слава Богу! — Арина говорила на-распѣвъ и слегка присюсюкивала.

— Дура-баба, — возразилъ Тетерькинъ, надменно передергивая плечами. — Знаю — есть мука... Для барскаго стола, спрашиваю, хватить ли, а?

— Какъ, поди, не хватить... — Арина вскинула кверху голову и что-то пошептала. — Хватить, батюшка-баринъ...

— Хм... — Аристархъ Алексѣичъ забарабанилъ пальцами по столу: — трубку!

Арина исчезла. Мужичокъ, поникнувъ головою, неподвижно стоялъ около балкона.

— Ну, какъ ты... Какъ тебя... — свысока проронилъ господинъ Тетерькинъ, — что у васъ тамъ, какъ... Вольные вы... ну, какъ, а? — мучицы?.. жрать нечего, а?..

Мужичокъ вострепнулся и хотя не нашелся, что отвѣчать, но въ почтительномъ тонѣ пустилъ: — хе-хе-хе...

— А? вольные?.. а, мучицы, а?.. Что? — какъ тебя... сладко, а?

Мужичокъ видимо смекнулъ въ чемъ дѣло; онъ опять на-смѣшливо и быстро вскинулъ на меня глазами, и, погладивъ небольшую бородку свою, произнесъ:

— Ужъ это, какъ есть!.. Это вы правильно, сударь, рассудить изволили.

— А? правильно?—вдругъ оживился Аристархъ Алексѣичъ и даже взоръ свой устремилъ въ сторону мужика.

— Чего справедливѣй!—подхватилъ мужикъ, — при господахъ, аль нонѣ... Тогда житѣ было, прямо надо сказать—рай.

— А? рай?—все болѣе и болѣе оживлялся баринъ-Листарка,—а теперь мучицы, а?

— Знамо ужъ времена пришли... Нонѣ ему въ пору щелокомъ брюхо полоскать, мужику-то... Нонѣ онъ безперечъ безъ хлѣба сидитъ...

— Безъ хлѣба!..—радостно воскликнулъ баринъ.

— Еще какъ безъ хлѣба-то!—наставительно протянулъ мужичокъ,—по нонѣшнимъ временамъ, прямо надо сказать—издыхать мужику: нѣтъ-те у мужика ни земли, ни покосу, ни скотины, чтобъ...

— А? ничего нѣтъ!—злорадствовала Аристархъ Алексѣичъ.

— Нонѣ у мужика одна нажива—вошь да недоимка...

— Недоимка? а?.. Ну, а прежде, прежде?

— Господи ты, Боже мой! Какъ равнять прежнія времена... Тогда мнѣ чтѣ,—тогда я на барщину сходилъ, по домашности чтѣ нужно управился, барину сдѣлалъ угожденье какое. Только мнѣ и дѣловъ!

— Ну, а теперь какъ, а?

Мужичокъ безнадежно махнулъ рукой и засмѣялся.

— Въ чистую ребятишки перевелись!—воскликнулъ онъ.

Арина принесла трубку и снова подперла своимъ тѣломъ притолку. Аристархъ Алексѣичъ нѣкоторое время пыхтѣлъ молча.

— Такъ, говоришь, перевелись?—наконецъ спросилъ онъ.

— Въ отдѣлку застряли!—отвѣчалъ мужичокъ.

— Хмъ...: Такъ мукъ есть, Арина?

— Какъ не быть мукѣ, батюшка-баринъ.

— И для барскаго стола хватить?

— Хватить, батюшка-баринъ, за глаза хватить для барскаго стола.

— Но, а если я вздумалъ бы дать кому, то какъ, а?

— И дать ежели падумаетесь, то хватить.

— Хм... Сколько, Власій, тебѣ муки? — обратился онъ къ мужику.

— Пять пудиковъ бы мнѣ, сударь... Ужъ сдѣлайте такую милость.

— Да. Такъ пять пудиковъ тебѣ. Ну, а какъ прежде, при господахъ,—какъ, а?

— Гдѣ же, сударь!.. Прогнѣвили мы Господа Бога — это прямо надо сказать...

— А?—Прогнѣвили, говоришь?..

Листарка помолчалъ.

— Ну, дай ему, Арина,—наконецъ приказалъ онъ.

— Муки?—спросила та.

— Дура-баба, чего-жъ еще?

Арина почему-то сочла нужнымъ сконфузиться, стыдливо воскликнула: «и, ужъ, баришь!» и моментально исчезла. Исчезъ и Власій.

— Вотъ!—поучительно замѣтилъ мнѣ Листарка.

Я промолчалъ. Въ молчаніи прошло съ добрыхъ полчаса. Косматые облака стали мало-по-малу расплзаться, уступая мѣсто чистой и веселой синевѣ. Горячіе солнечные лучи обильнымъ потокомъ брызнули на поля и затрепетали на нихъ сіяющими волнами. Воздухъ былъ густъ и мягокъ. Надъ горизонтомъ узкою лентой стояла какая-то бѣловатая, тусклая мгла. Дали были окутаны голубоватой дымкою. Пѣрило.

Въ кустахъ сирени, точно ножницы въ проворныхъ рукахъ артиста-парикмахера, стрекотала какая-то птичка. Соловей умолкъ; одна горlinka съ иволгой наперерывъ оглашали садикъ своими меланхолическими голосами. Лошадь моя, опустивъ уши, задумчиво поникла мордою, и только изрѣдка выходила изъ этой задумчивости, чтобъ отмахнуться хвостомъ отъ назойливыхъ, хотя и чрезвычайно маленькихъ, мошекъ. Сбѣдая собака перемѣнила свою наблюдательную позу и въ сладкомъ забытіи дремала, важно разваливъ брюхо. Шаршавый щенчишка сидѣлъ около дрожекъ, глядѣлъ на колесо и смачно облизывался. Гдѣ-то гудѣли пчелы.

— Вотъ вы все говорите, Аристархъ Алексѣичъ, у насъ въ земствѣ проходимцы... Не все же проходимцы!—Возьмемъ хоть Воронова—это ужъ дворянинъ настоящій.

— Вороновъ! Юрка! дворянинъ!—съ пренебреженіемъ воскликнулъ Аристархъ Алексѣичъ:—могу вамъ сообщить!.. Нѣтъ-съ, сударь мой!.. Настоящій дворянинъ, смѣю вамъ доложить, со всякимъ стервецомъ знакомства водить не станетъ... — Юркѣ далеко до дворянина-съ!.. У него, у срамника, мужики въ кабинетѣ садятся... да-съ!.. Могу вамъ сообщить!.. Вломится, этакъ какой-нибудь грязный мужланъ да и развалится и важничаетъ, а Юрка ему водки подноситъ, лебезитъ передъ нимъ, «вы» ему,

стервецу, говорить, по отчеству величаетъ...—Господинъ Тетерькинъ съ негодованіемъ отплюнулся, подавилъ нѣкоторое волненіе и затѣмъ уже продолжалъ:—Нѣтъ-съ, далеко Юркѣ до дворянина... Вотъ покойникъ отецъ его, Антонинъ Рафаиловичъ,—это точно былъ дворянинъ!.. Это настоящій дворянинъ былъ, смѣю вамъ доложить... Къ тому, бывало, купцы первостепенные не смѣли въ усадьбу въѣзжать, а возьметъ, этакъ, троечку, поставитъ за околицей, да пѣшечкомъ-то, да безъ шапочки и бредетъ къ барскому крыльцу... Вотъ это дворянинъ-съ... Тотъ, бывало, не задумается: чуть не по немъ—плетями! въ кнуты!.. розогъ!.. Вотъ это, могу вамъ сообщить!.. А то вы толкуете—Юрка!—Юркѣ далеко до дворянина... Юрка—прохвость, сударь мой, а не дворянинъ.

Аристархъ Алексѣичъ важно всхрапнулъ, пріосанился и строго взглянулъ на меня.

— Есть тутъ одна ррракалія—Семка Раковъ,—началь онъ, —мужичишка, могу вамъ сообщить,—дрянь. Хорошо-съ. Приказаль я въ прошломъ году посѣять просо. Посѣяли. Поспѣло просо, приказаль я нанять убрать его. Наняли. Наняли, смѣю вамъ доложить, негодяя Семку. Дали задатокъ. Оглично-съ. Просо стойтъ. Ну, я, разумѣется, спрашиваю: почему стойтъ просо?—(Тетерькинъ внезапно разсердился)—Какія-такія причины?—«Семка боленъ-съ». — А-а, боленъ,—нанять въ его счетъ!—Приказаль—наняли: семь рублей. Превосходно-съ. Узнаю ктѣ судья—Юрка судья. Великолѣпно. Прошу Юрку взыскать съ Ракова двадцать рублей убытковъ и меня, господина Тетерькина, убоготорить. Ъду къ нему самъ... Понимаете-ли—самъ ъду къ этому протоканаль!.. Прошу...—«Нельзя». — Почему?—«Должны представить доказательства». — А мое благородное, дворянское, слово?—«Не могу-съ». — А? каково вамъ покажется?.. Мнѣ, помѣщику и дворянину, Аристарху Алексѣвичу Тетерькину—и вдругъ: «не могу-съ»!.. Дальше. (Чѣмъ больше сердился и входилъ въ азартъ Листарка, тѣмъ короче и выразительнѣй становилась его рѣчь).—Выхожу. Понятно, не простился.—Лошадь!—Никто не откликается... То есть, понимаете—ни души. Лошадь стойтъ у ограды, былъ я въ легкомъ экипажѣ и кучера не взялъ. Вообразите положеніе! Кричу. Выходитъ изъ кухни какая-то бестія, въ шапкѣ, рожа красная и рябъ.—Лошадь—приказываю. Молчить!..—Лошадь!—Что же вы думаете, этотъ мерзавецъ!—Тетерькинъ многозначительно замолчалъ и затѣмъ съ разстановкой произнесъ—«а поди да самъ отважи»...—Тетерькинъ спустилъ голосъ до слабого лепета:—а? Это, изволите ли видѣть,

миѣ-то, барину-то, онъ осмѣлился!.. Можете себѣ вообразить... И онѣмѣлъ.—Тетерькинъ съ ужасомъ расширилъ зрачки и уподобилъ голосъ какому-то зловѣщему шипу.—Бѣгу къ Юркѣ. Говорю, прошу, требую, наконецъ, наказать мерзавца. Представьте себѣ—смѣется! а?.. Я, дворянинъ и помѣщикъ, требую и наконецъ прошу—и онъ смѣется!.. —Тетерькинъ съ негодованіемъ запахнулъ халатъ свой и, чуть не захлебываясь отъ сдерживаемаго волненія, возгласилъ:—трубку, Арина!—послѣ чего укоризненно, хотя и съ примѣсью нѣкоторой снисходительности сказалъ миѣ:—А вы толкуете—дворянинъ... Нѣтъ, онъ не дворянинъ, а хамъ-съ!

Онъ мрачно умолкъ и ужъ послѣ долгаго промежутка прибавилъ, безнадежно махнувъ рукою:

— Всеѣ они хамы, могу вамъ сообщить!

Солнечные лучи начинали донимать насъ: они били намъ прямо въ лицо. Аристархъ Алексѣичъ предложилъ перейти въ садъ. Перешли. Въ саду около дома дѣйствительно была тѣнь. Намъ подала Арина старенькій, выбитый коверъ, и мы улеглись на немъ въ прохладѣ. Въ саду было хорошо. Яблони, все сплошь разубранныя пахучими нѣжно-розовыми цвѣтами, вишни, точно обсыпанныя пушистымъ снѣгомъ, густо зеленая сирень, ракиты, верхушки которыхъ привѣтливо румянило солнце—все это неподвижно млѣло и нѣжилось въ душистомъ и жаркомъ какъ дыханіе воздухѣ. Пчелы съ веселымъ жужжаніемъ копошились въ цвѣтахъ и когда улетали съ добычей, то сверкали на солнцѣ и казались золотыми. Въ сочной и густой травѣ мелькали ярко-желтые одуванчики, серебрилась кашка, и подобно снѣжинкамъ бѣлѣлись лепестки цвѣтовъ, опавшихъ съ яблонь. Суетливья мошки толклись здѣсь и тамъ. Рѣчка, еще не успѣвшая затянута зеленью порослей, ясно и неподвижно сверкала сквозь ракиты. Соловей томно и тихо рокоталъ въ углу сада. Облака почти сбѣжали съ неба, и оно висѣло надъ ними свѣтлое и ласковое.

Помимо пчелинаго жужжанія, соловьиного тихаго рокота, воркованія горлинки и мягкихъ переливовъ иволги, изрѣдка прерываемыхъ крикомъ подобнымъ крику дикой кошки,—все было тихо. Все казалось погруженнымъ въ сонъ. Съ того берега не доносилось ни звука: село словно вымерло. Въ дворикахъ, видѣвшихся около сада, тоже все безмолвовало, и рѣдко-рѣдко какая-нибудь одурѣвшая со скуки собака нарушала это безмолвіе долгимъ и протяжнымъ зѣвкомъ.

Молчали и мы съ господиномъ Тетерькинымъ.

Случалось ли вамъ, читатель, въ жаркій, весенній день лежать на травѣ въ цвѣтущемъ саду, лежать и глядѣть въ необъятное синее небо? Случалось ли вамъ чуткимъ ухомъ внимать едва замѣтному шелесту и шороху высокой и прохладной травы, слабо тревожимой роями красивыхъ мошекъ и шаловливымъ дыханіемъ вѣтра, ласковымъ и теплымъ, какъ вѣяніе весны? Случалось ли вамъ до самозабвенія, до отрѣшенія отъ всего существующаго—упиваться влажно-душистымъ весеннимъ воздухомъ и густыми звуками птичьихъ пѣсенъ?..

О, какъ глубока и таинственно-величава безграничная небесная даль... Какимъ ласковымъ жаромъ и какой невозмутимой тишиною вѣетъ отъ нея... Трепещутъ ли подъ напоромъ вѣтра гибкія ракиты, слабымъ ли попутномъ отзывается трава тому вѣтру, звенятъ ли мягкія и упругія рѣчныя волны, ударяясь о берегъ, гудятъ ли заботливыя пчелы и бисерными переливами рокочетъ соловьиная пѣсня, плачетъ ли кукушка и заунывно жалуется горлица—необъятная высь вѣчно безучастна и вѣчно безмолвна.

Но берегитесь вникать въ смыслъ этого безучастія и этого безмолвія. Не оравляйте красоты. Огрѣшитесь отъ мысли, ѣдко развѣдающей душу. Раскройте эту душу одной только мирной и тихой красотѣ, и одной только этой красотѣ безхитростно внимайте... Смотрите на синеву небесную, яснымъ прозрачнымъ моремъ повисшую надъ вами. Смотрите на это пышное и круглое облако, съ торжественной тихостью плывущее по этому морю... Смотрите и любуйтесь. Вонъ, острые и блестящіе листья ракиты яркою зеленью вырѣзались на лазурномъ фонѣ неба и слабо волнуются колеблемые легкимъ вѣтромъ... Вонъ, блѣдный тополь задумчиво лепечетъ жесткими листьями своими и ослѣпительно заворачиваетъ ихъ серебристую подкладку въ упоръ этому вѣтру... Вонъ, молодая береза, радостная и ясная какъ невеста, дрожить и трепещетъ и сверкаетъ на солнцѣ... Глядите и любуйтесь. Глядите какъ свѣтлы и нарядны эти яблони, подобно гигантскимъ букетамъ украшающія садъ, и какъ-бы живущія, какъ-бы ощущающія яѣгу своего существованія... Глядите, какъ хорошъ этотъ частый, темно-сизый вишневникъ, притаившійся подъ густымъ навѣсомъ цвѣтовъ и твердыхъ темно-зеленыхъ листочковъ...

Море зелени, море цвѣтовъ, тишина и горячее солнце.

— Вотъ вы говорите — дворянство, — внезапно заговорилъ Аристархъ Алексѣичъ и заговорилъ почти ласковымъ тономъ, ибо и его дубовые нервы разнѣжились прелестью сада,—дворянство, могу вамъ сообщить, попитало. Гдѣ теперь дворянство, позвольте

васъ спросить?—Онъ задумался и затѣмъ добавилъ съ грустью:— Нѣтъ теперь дворянства, сударь мой...

Соловей разразился бойкой и раскатистой руладой. Мы помолчали, послушали и господинъ Тетерькинъ опять заговорилъ:

Катай-Валяевъ, помню... Вина, поваръ, музыканты... Можете себѣ вообразить; тридцать человѣкъ музыкантовъ!.. И все сгинуло...—Въ пріятныхъ отношеніяхъ былъ я съ этимъ домомъ... То было дворянство. Представьте — рысаки были: львы, смѣю доложить... А сады, а парки, а оранжереи... Все прахомъ пошло!.. Борзыхъ вспомню, гончихъ... Гдѣ все дѣвалось, позвольте спросить?—Господинъ Тетерькинъ даже съ какимъ-то испугомъ вперилъ въ меня глаза свои, но скоро оправился, махнулъ рукою и съ какой-то тихою печалью воскликнулъ:—Измельчалъ, сударь мой, нашъ братъ дворянинъ, опаскудился, смѣю вамъ доложить, съ мужичишками съякшался, хаму душу свою запродалъ... И сгинетъ, весь сгинетъ.

Онъ поникъ головою и задумался.

— Теперь ѣду я по селамъ. Тамъ домъ, тамъ усадьба... Да вѣдь какой домъ, какая усадьба, могу вамъ сообщить!—домъ — съ иголочки, усадьба — полная чаша... Чей домъ?—«Епифана Елдакимова». — Чья усадьба?—«Малахвѣя Евстигнѣева»...—Тѣфу!.. Кабатчики, шибай, кошкодеры—въ люди полѣзли... Брюхо растутъ, волосы масломъ мажутъ, анаемы, въ лицѣ—румяны, одѣты—чертомъ... А-ахъ ты... (Тетерькинъ крупно ругнулся).—Тоска и горе. Горе, могу вамъ сообщить, Николай Васильевичъ. Перенести не могу. Мутить, сударь мой. Десять лѣтъ въ храмъ не ѣзжу-съ!—Не могу, не выношу. Зазнались, сударь мой. Барина знать не хотятъ, шапокъ не ломаютъ, подлецы... Какой-нибудь Малафѣйка-кабатчикъ рожу воротить, къ амвону, бестія, лѣзетъ, просвиру ему, ракалѣ, на тарелкѣ выносить. Не могу-съ, сударь мой. Я дворяниномъ жилъ, дворяниномъ помру. Это могу вамъ сообщить. Чтѣ мнѣ? — позвольте васъ спросить... Имѣнье?—есть... Людей, которыхъ вижу?—уважаютъ... Церковь,—ежели?—Богъ съ ней... Я спокоенъ. Я чистъ, сударь мой, Малафѣйкиной рожки накастной—я не вижу, спѣсь его хамская—у меня за глазами... Спѣсивься, анаема!

Аристархъ Алексѣичъ перешелъ въ благодушный тонъ.

— Я—баринъ, бариномъ и останусь. Это могу вамъ сообщить, сударь мой. Я своимъ не поступлюсь. Чтѣ мое—мое. Умру, схоронять — не будетъ барина. А пока живъ — подлецу Малафѣйкѣ не уступлю. Онъ у амвона стоитъ — стой шельма, нога моя не будетъ въ церкви... Онъ по селу гоголемъ расхаживаетъ

— ходи анаема, я, гдѣ и село стойтъ, позабуду... Онъ, стервецъ, енотку напаялилъ, онъ, каналья, слышу я, калоши заказалъ—плюю я на енотку и на калоши его плюю... Я въ своемъ домѣ, сударь мой, въ халатѣ—царь.

Когда свечерѣло, мы отправились въ поле. Узкая дорожка, съ глубокими колеями и красноватой травкой по срединѣ, вела насъ вверхъ по отлогой равнинѣ. Весело было проходить этой дорожкой. Кругомъ волновалось ржаное поле, однообразное какъ море густое и прохладное. Развалины мухоморкинскаго домика, усадьба Листарки, дворики около сада—все это по самую пелену пряталось за высокой рожью и только село за рѣкой, расположенное на высокомъ берегу, господствовало надъ окрестностями и виднѣлось какъ на ладони.

Вечеръ былъ прекрасный. Легкія, какъ паутина, облака собрались на западѣ и длинными, продолговатыми полосами, протянулись надъ закатомъ, въ упоръ зарѣ, окрасившей ихъ разнообразнѣйшими цвѣтами, отъ нѣжно-розоваго до блѣдно-зеленаго, отъ ярко-фіолетоваго до янтарнаго, включительно. Воздухъ былъ прохладенъ и тихъ. Около дороги звонко перекликались перепела. Съ того берега доносилось мычаніе стада, и пыль, поднятая этимъ стадомъ, золотисто-румяными клубами стояла надъ селомъ.

Мы дошли по дорожкѣ до межи и стали на ней. Рожь, окружавшая насъ со всѣхъ сторонъ, то приныкала подъ мимолетнымъ вѣтромъ, и тогда шорохъ гибкихъ стеблей встревоженно разносился въ чуткомъ воздухѣ, то вновь поднималась и недвижимо замирала въ тонкой дремотѣ.

Аристархъ Алексѣичъ одною рукой придерживалъ полу халата, другою величественно указывалъ мнѣ на поле, отлогою равниною протянувшееся къ его усадьбѣ.

— Все мое! — гордо произнесъ онъ. — Вотъ, смотрите — это рожь. Моя-съ. За рожью парѣ — опять мои, сударь мой. Яровое, тоже мое. Видите?.. Могу вамъ сообщить — жить можно. Смотрите — это усадьба. Вонъ садъ, вонъ ракиты... Видите ракиты? — (я видѣлъ ихъ). — А вонъ межа. Глядите на межу. — Отъ усадьбы къ Мухоморкину дорожка пошла — видите? Это и есть межа, сударь мой. Моя дача къ самому его дому подходитъ. Теперь — вотъ межа — стоимъ на ней. Видите, а? — Все мое.

Дружный вѣтеръ пронесся откуда-то и ринулся на поле, и рожь, точно подтверждая слова своего хозяина, одобрительно

зашептала и зашевелилась и радостно наклонила свои блѣдно-зеленые стебли къ нашимъ ногамъ. Трепетныя волны расползлись по полю и зарябили его веселой рябью.

Лицо Листарки просвѣтлѣло; вѣчно насупленные брови приподнялись, и самые глаза, всегда мутные и упрямо-напряженные, освѣтились какимъ-то привлекательнымъ свѣтомъ. Онъ все еще стоялъ въ позѣ Марса-побѣдителя и указывалъ рукою въ даль.

— Все мое!—повторилъ онъ.—Вонъ тополь... Видите—тополь?.. Сорокъ лѣтъ тому тополю. А береза? Смотрите, какая она... Вонъ бѣлѣтъ!—Это молодая береза.

Онъ долго и неподвижно смотрѣлъ и на березу молодую, и на серебристый тополь, и на всю усадьбу; подъ конецъ жадно обвелъ глазами все поле, вздохнулъ отъ избытка чувствъ и опустилъ указующую руку.

На обратномъ пути намъ встрѣтились три мужика (мужики были изъ числа постоянныхъ работниковъ Аристарха Алексѣича); всѣ они еще издалека сняли шапки и при встрѣчѣ съ нами почтительно остановились и привѣтствовали господина Тетерькина «сударемъ». Это какъ нельзя лучше подѣйствовало на господина Тетерькина. Преисполненный счастья, торжества и величія, возвратился онъ въ свои «хоромы», и я не ошибусь, если скажу, что въ тотъ вечеръ онъ особенно чувствовалъ себя достойнымъ преемникомъ настоящихъ, коренныхъ дворянъ, въ родѣ Катай-Валяева и Антонина Рафаиловича Воронова.

Простился онъ со мною любезно, хотя и не упустилъ случая, вмѣсто всей руки, подать мнѣ три пальца, а вмѣсто поклона—надменно выпятить грудь и сдѣлать нѣкоторое мановеніе бровями.

Отъѣхавъ на довольно значительное разстояніе отъ усадьбы и услыхалъ густой и важный басъ Листарки, на добрую версту гласившій: «спать, Арина!»

Было темно. Вѣяло прохладой. Лошадь моя фыркала и взмахиwała гривой. Легкій трескъ колесъ тревожилъ ночную тишь.

Долго послѣ этого я не видалъ моего сосѣда: судьба на цѣлый годъ унесла меня далеко. Въ этотъ годъ много неожиданныхъ и интересныхъ перемѣнъ совершилось въ жизни «барина-Листарки», но объ этихъ перемѣнахъ, придавшихъ его гордому и уединенному существованію характеръ скорби и печали, я расскажу читателю въ другое время.

IX.

МОИ ДОМОЧАДЦЫ.

Прежде всего опишу Семена.

Вообразите себѣ малорослаго человѣчка съ длинными руками, бездѣльно и безпомощно болтающимися по бокамъ, съ небольшимъ ястребинымъ носикомъ, слегка искривленнымъ на концѣ, и прямыми, бѣлыми какъ ленъ, волосами, съ кроткими, вѣчно задумчивыми глазами, и безмятежнымъ выраженіемъ лица, крошечнаго и сморщеннаго въ кулачокъ, -- это и будетъ Семень.

Впрочемъ, настоящее его имя было не Семень, но объ этомъ -- послѣ.

Былъ онъ у меня не простымъ работникомъ, но, по мѣрѣ надобности, и старостою, и ключникомъ. Первую изъ этихъ обязанностей, обязанность старосты, -- несъ онъ плохо. Вы могли бы цѣлый день слѣдить за работами, гдѣ находится Семень въ качествѣ начальника, и цѣлый день не услышали бы его голоса, и это даже тогда, если рабочіе были неисправны. Обыкновенно, Семень, замѣтивъ какую-либо неисправность въ работѣ, тотчасъ же бралъ въ руки метлу или лопату, или другое соотвѣтствующее орудіе, и, вмѣсто того, чтобъ приказывать, кропотливо возился, заглаживая эту неисправность своими руками. Но бывали и такія работы, въ которыхъ невозможно было вступаться самому (напримѣръ -- пахота) и самому исправлять упущеніе, происшедшее отъ лѣни или недосмотра рабочихъ. Тогда Семень, послѣ долгихъ колебаній, подходилъ къ самому носу неисправнаго работника и въ-тихомолку просилъ его «какъ нѣможно стараться».

Вообще не по душѣ ему была должность старосты, и если онъ съ грѣхомъ пополамъ сносилъ ее, то лишь благодаря тому, что я и не требовалъ отъ него большаго усердія, а только считывалъ на одну его, дѣйствительно замѣчательную, честность.

Но обязанность ключника несъ онъ съ любовью. Весною по цѣлымъ днямъ, бывало, возится въ прохладномъ амбарѣ: тамъ подмететь, тамъ законопатить полъ, тамъ подмажетъ его глиною. Придетъ лѣто -- еще больше хлопотъ. Нужно принимать хлѣбъ съ тока, нужно отпускать его на грохота, а съ грохотовъ снова принимать и пропускать на сортировку... Тогда ключнику много работы. И отпускъ и пріемка требуютъ счета и мѣры. И вотъ Семень съ неукоснительнымъ вниманіемъ чертитъ стѣны закромовъ каблистическими знаками, означающими воза, четверти, пуды, и

является ко мнѣ вечеромъ съ цѣлой охапкою бирокъ. Кромѣ счета, есть и еще занятіе: послѣ каждаго воза чисто-на-чисто подметать корридоръ, отгребать зерно въ закромѣ и гонять изъ амбара голубей, то-и-дѣло влетающихъ туда поживиться обильнымъ кормомъ. Осенью, а иногда и зимою, тоже большія и пріятныя хлопоты Семену: отпускъ хлѣба купцамъ, наблюденіе за вѣсами, зашиваніе кулей и, опять-таки, начертаніе кабалическихъ знаковъ.

Въ амбарѣ онъ чувствовалъ себя дома: говорилъ громко, двигался смѣло, дѣлалъ все безъ колебаній и раздумываній. Но все это замѣнялось полнѣйшей нерѣшительностью, когда Семену приходилось вылѣзть изъ амбара на свѣтъ Божій и идти на токъ—наблюдать за молотьбою. Надо было видѣть его въ ту минуту, когда къ нему подходили и спрашивали, не пора ли стрясать, не довольно ли ужъ чисто вымолочено? Онъ терялся, мямлил, съ нерѣшительностью мялъ въ рукахъ солому и разсматривалъ колосики, и, въ концѣ-концовъ, выражалъ свою волю такимъ неопредѣленнымъ и сконфуженнымъ лепетомъ, что молотильщики безнадежно махали на него рукою и ужъ руководились въ своихъ дѣйствіяхъ собственно своею совѣстью. Если они рѣшали «стрясать»—Семень не противорѣчилъ, но съ тоскою ходилъ по току и тогда лишь забывался, когда попадались ему подъ руки грабли. Тогда онъ старательно перетрясалъ ту солому, въ которой ему думалось найти зерно, каждый плохо перемятый колосъ, тщательно и со вздохомъ обивалъ о ручку грабель, и вообще по мѣрѣ возможности старался наверстать кажущееся упущеніе.

Кромѣ молотьбы (молотьбу я подразумѣваю—цѣпами и телѣгами, но не машиной), особенно ненавидѣлъ Семень полку. Имѣть дѣло съ нѣсколькими десятками бабъ и дѣвокъ, обыкновенно склонныхъ къ насмѣшкамъ надъ начальникомъ, и вообще къ озорству и непослушанію, было для него сущимъ наказаніемъ, и случалось даже такъ, что когда неизбежно приходилось идти на полку, у Семена внезапно «схватывало» животъ, и онъ съ страшными стонами залѣзалъ на печку, съ которой сходилъ уже тогда, когда опасность проходила и надобности въ немъ совершенно не оказывалось. Эта конфузливость выражалась въ немъ только въ роли начальника, старосты. Въ остальное время онъ если и не былъ черезъ-чуръ разбитнымъ человѣкомъ, то и не смотрѣлъ растеряннымъ.

Впрочемъ, надо добавить, что вообще компаніи онъ не любилъ, а если ужъ приходилось быть въ народѣ, то больше

отмалчивался и слушалъ, на вопросы — отвѣчалъ односложно, и, при первомъ благопріятномъ случаѣ, удалялся куда-нибудь въ глухой уголокъ хутора, гдѣ либо посиживалъ себѣ одиноко, либо копался надъ какой-нибудь работой. Съ особеннымъ стараніемъ избѣгалъ онъ разговоровъ шумныхъ и ругани, безучастно выслушивалъ строго-дѣловые; но если заходила рѣчь о какихъ-нибудь отвлеченныхъ матеріяхъ, или рассказывалась сказка — онъ любилъ послушать, а когда предметъ уже черезъ-чуръ увлекалъ его, то и самъ пускался въ разсужденія, обыкновенно краткія и простыя, но всегда высказанныя не на вѣтеръ, а съ убѣжденіемъ и, что называется, отъ души. Чувствовалось, что разсужденія эти, на первый разъ какъ будто и избитыя, — не заимствованы и не унаслѣдованы съ тупой машинальностью отъ отцовъ и дѣдовъ, а выработаны и добыты самостоятельной мыслью.

Отличительной чертой Семенова характера было смиреніе и какое-то невозмутимое спокойствіе духа. Исключивъ тѣ случаи, о которыхъ я уже говорилъ выше, вы не подмѣтили бы на его лицѣ слѣдовъ какихъ-либо волненій житейскихъ, горя, тоски, скуки и т. п. Лицо его было всегда безмятежно и кротко, взглядъ — ясенъ и тихъ, движенія — плавно медлительны, рѣчь — нетороплива и проста. А между тѣмъ претерпѣлъ онъ столько, что, кажется, самъ дивно-терпѣливый Іовъ опѣшилъ бы. Судите сами. Была у Семена большая семья, имѣлось порядочное хозяйство и даже водились двѣ кладушки стараго хлѣба, что, какъ извѣстно, служить ужъ доказательствомъ почти богатства (разумѣется — крестьянскаго). Семья не знала, что такое «недоимка», «неотработка», «голодуха» и тому подобныя неизбѣжности крестьянской жизни. Но все это сразу рухнуло и рассыпалось прахомъ... Въ 70-мъ году свирѣпствовала холера: изъ Семеновой избы въ одну недѣлю вынесли пять гробовъ. Остались въ живыхъ — Семенъ съ женою, да ихъ сынишка, мальчикъ пяти лѣтъ. Въ 71-мъ году попрѣлъ весь хлѣбъ въ полѣ, а какой успѣли свезть на гумно — погнилъ и проросъ на гумнѣ. У Семена онъ попрѣлъ въ полѣ. Въ 72-мъ году, въ одно лѣтнее и, по обыкновенію, прекрасное утро, къ Семену въ избу принесли мальчика съ проломленнымъ черепомъ и разбитой ключицей: былъ въ ночномъ, скакалъ на лошади (это семилѣтокъ-то!) и упалъ. Исторія не рѣдкая. Не успѣли похоронить не въ мѣру шустраго мальчугана и не успѣла мать, убитая горемъ, оправиться отъ «сполоху», выражавшемуся нервнымъ трясеніемъ головы и частыми истерическими криками, случился пожаръ: «баловались» конокрады одно-

сельцы, приговоренные «міромъ» къ высылкѣ въ Сибирь. Семеново хозяйство сгорѣло до тла. Семень все крѣпился. Путемъ какихъ-то нечеловѣческихъ усилій сбиль онъ денегъ на избу и ужъ поставилъ ее: «только бы жить!» по его выраженію, но тутъ судьба ужъ окончательно его подкузьмила: жена тосковала, тосковала да и сбѣжала къ купеческому приказчику. Тогда Семень собралъ «старичковъ» и торжественно отказался отъ земли, которую находчивые «старички» тутъ же на сходѣ и пропили цѣловальнику на три года.

И, несмотря на все это, Семень сохранилъ безмятежность духа необыкновенную. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: что противопоставляетъ этотъ утлый человѣчекъ своей безпощадно-суровой долѣ? Откуда у него эта безпечальная улыбка, эта мягкая свѣтлость взгляда?—и не могъ рѣшить этого вопроса.

Онъ посилъ свое горе въ себѣ, тихо и бережно, и не любилъ дѣлиться имъ съ людьми, не любилъ толковать о немъ, подобно многимъ горемыкамъ, которые и самое горе-то свое забываютъ въ пылу жалобъ и сѣтованій. Но если ему неизбѣжно приходилось говорить съ вами о своихъ напастяхъ, — безмятежность не покидала его, и вы не могли бы замѣтить въ его голосѣ ни капли горечи.

Мягкій и теплый тонъ его простой до наивности рѣчи, его медлительныя движенія, полная какой-то важной значительности, его открытое лицо — все это я бы назвалъ величавостью... Но, Боже мой!—маленькій, плюгавенькій мужичокъ съ ястребинымъ носикомъ, желтой бородкой клинушкомъ и низкимъ лбомъ, и... вдругъ величавость!

Еще черта. Самое послѣднее, что занимало его въ этомъ мірѣ,—это собственная его особа. И если она его хоть сколько-нибудь занимала, то исключительно лишь потому, что интересы ея часто соприкасались съ чужими интересами. Такъ, онъ былъ очень чистоплотенъ, но это совершенно не означало, чтобы онъ любилъ чистоту. Онъ смѣнялъ рубашку не потому, чтобы ему было пріятно замѣнить ее свѣжей, а потому, что «люди осудятъ, если ходить въ грязной». Рубашка—примѣръ рѣзкій, но таковъ онъ былъ во всемъ. Я могу представить любопытный случай, какъ нельзя болѣе рекомендующій его равнодушное отношеніе къ своей особѣ. Напился онъ на хуторъ безъ меня. Когда и пріѣхалъ, мнѣ сказали, что новаго работника зовутъ Семеномъ. Семеномъ я его и звалъ. Года три спустя, получаю я за № 11,475-мъ бумагу слѣдующаго содержанія:

«Арендателю Батурину, Николаю Василичу.

Отъ О—го волостнаго старшины.

Отношеніе.

Какъ мы слышаны, проживаетъ на вашемъ на хуторѣ на Грязнушѣ (въ скобкахъ стояло: «на Вашего Высоко-Благородія!») крестьянинъ Ксенофонтіѣ, государственный крестьянинъ О — ой волости, богородицкаго сельца, Турманово (въ скобкахъ повторено: «Ксенофонтіѣ»), но какъ у насъ есть правила на счетъ недоимщиковъ, чтобъ не застаиваться недоимкамъ и чтобъ отдавать въ случаѣ на заработки. И какъ у насъ такія правила на счетъ недоимщиковъ, и мы покорнѣйше просимъ васъ (въ скобкахъ опять было прибавлено «ваше высоко-благородіе», но на этотъ разъ ужъ не съ восклицательнымъ, а вопросительнымъ знакомъ), какъ мы слышаны про Ксенофонтія Турманова, государственнаго крестьянина села богородицкаго... (Затѣмъ слѣдовало нѣсколько точекъ, а ужъ послѣ точекъ явственно и крупно было начертано другою рукой) взыскать 7 рублей 41³/₄ копѣйки и немедленно прислать».

Внизу было подписано страшно изломаннымъ почеркомъ (это уже третьимъ):

валасгноі сзтыргшыня эфзремз горзджын

А пониже этой ужасной подписи бойко размахнулся и закрутилъ заливчатскими завитушками: «Исправляющій должность помощника волостнаго писаря, посельный писарь Калистратъ Барабанщиковъ».

Не успѣлъ еще я вникнуть въ смыслъ «отношенія» о какомъ-то невѣдомомъ мнѣ Ксенофонтіѣ и налюбоваться образцовымъ слогомъ административной бумаги, какъ вошелъ Семень.

— Ты что, Семень?

— Да я на счетъ бумаги тутъ...

— Какой бумаги?

— А вотъ изъ волостной-то привезли.

— Да развѣ ты Ксенофонть?

Семень слегка улыбнулся.

— Ксенофонть-то я, Ксенофонть...

— Вотъ чудакъ! Съ какой же ты стати Семеномъ-то зовешься?

Семень почесалъ затылокъ.

— Что-жъ, кабыть не все одно... Какъ ни называть—все едино. Семень такъ Семень. Важности въ этомъ мало.

Я развелъ руками, и съ тѣхъ поръ началъ-было называть Семена его настоящимъ именемъ, но такъ какъ оно черезъ-чуръ

хитро, то мало-по-малу я и опять сталъ называть его по-прежнему, да и онъ на Семена откликался скорѣй, чѣмъ на Ксенофонта...

Семень не былъ приверженъ къ церкви. Говѣлъ онъ въ пять лѣтъ разъ, у обѣдни бывалъ очень рѣдко, попа уважалъ плохо, — однимъ словомъ, былъ въ этомъ отношеніи какъ и всѣ мы, грѣшныя. Этимъ я хочу сказать, что нравственныя его понятія, какъ бы на первый разъ ни казались построенными на евангельскомъ ученіи, которое онъ, какъ человѣкъ неграмотный, могъ слышать только изъ устъ дьяконскихъ, — въ сущности сложились совершенно независимо отъ церкви. Почва была въ собственной личности его, мягкой и кроткой, зерно дала жизнь путемъ безчисленныхъ и яко бы убѣдительныхъ примѣровъ, изъ которыхъ слѣдовало, что необходимо одно — *терпѣть*, ибо ничего не подѣлаешь... И вотъ изъ этого-то зерна, соединеннаго съ такою-то почвою и выросъ диковинный и, кажется, чисто-русскій, цвѣтокъ — «смирennemудріе». Говорю, церковь тутъ была не причемъ. Впрочемъ, если хотите, она дала Семену терминологію. Богъ, грѣхъ, терпѣніе, и тому подобныя слова, часто встрѣчались на языкѣ Семена.

Но пусть не подумаютъ, что Семень, съ равнодушіемъ относясь къ церкви, относился къ ней и критически, и вообще не былъ религіознымъ. О, это не было такъ. Онъ былъ религіозенъ, но его религіозныя понятія какъ-то двоились. Одни были унаслѣдованы имъ отъ среды и приняты на вѣру, какъ нѣчто несомнѣнное и необходимое, но ничуть не интересное и даже какъ-бы постороннее. Другія, смутныя и неопредѣленныя, почти безсознательно назрѣвшія гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, но очень важныя и, главное, живыя. Все формальное, наружное и, наконецъ, даже и важное, но воплощенное въ обряды — все это относилось къ первымъ. Все таинственное, недосягаемое, но величественное и могучее — принадлежало къ другимъ. У него былъ Богъ, котораго онъ не могъ обнять своею мыслью, къ которому онъ даже не могъ приблизиться, но, что несомнѣнно, — ощущалъ его въ себѣ, а можетъ быть имъ однимъ лишь и жилъ. Я не стану увѣрять, что Богъ этотъ былъ строго *православный* Богъ, и, всего вѣроятнѣе, живи мы въ стародавнія времена, Семень отвѣдалъ бы за него батовъ, но несомнѣнно, что Богъ этотъ походилъ на того, скорбнаго Бога, который «подъ ношей крестной исходилъ, благословляя, край долготерпѣнія».

Я гдѣ-то уже сказалъ, что любилъ Семень быть наединѣ съ самимъ собою. Къ этому добавлю — любилъ онъ по-часту и по-

долгу засиживаться въ какомъ-нибудь укромномъ уголку. Случалось мнѣ иногда наблюдать за нимъ въ такую пору: сидитъ какъ изваяніе, безъ слова, безъ движенія, но лицо—осмыслено, и глаза, неподвижно устремленные въ даль, по-прежнему ясны. Это, впрочемъ, случалось съ нимъ только весною и лѣтомъ, и притомъ въ хорошую погоду. Послѣ такихъ созерцаній, онъ особенно былъ тихъ и кротокъ. Все лицо его проникалось тогда выраженіемъ какой-то нѣжной ласковости и свѣтилось мягкою радостью. Такое выраженіе остается иногда на лицѣ, когда долго слушаешь болтливый лепетъ милаго ребенка, и насмотришься на его наивно-веселое личико. Казалось, поля и небо, на которыхъ съ такою пристальною мечтательностью глядѣлъ Семень, замѣняли ему этотъ невинный, ребяческій лепетъ.

Вѣроятно, благодаря этому частому и любовному общенію съ природой, Семень лучше всякаго барометра угадывалъ измѣненія въ погодѣ. Форма и расположеніе облаковъ, звѣзды и мѣсяцъ, цвѣтъ неба при закатѣ и восходѣ солнца, шумъ вѣтра и полетъ птицы—все служило ему для предсказанія. Если прибавить къ этому его умѣнье «заговаривать» кровь, «отчитывать» червей, «нашептывать» нитку, то весьма понятнымъ будетъ то уваженіе, которымъ пользовался Семень въ околоткѣ, и благодаря которому всѣ величали его «Иванычемъ», а не Семеномъ и не Ксенофонтомъ.

Была одна страсть у Семена: любилъ онъ слушать пѣсни; и не новыя, болѣею частью и по содержанію, и по напѣву—нелѣпыя, а хорошія, старинныя пѣсни. Разъ на базарѣ пропойлъ онъ послѣдній полтинникъ какому-то забулдыгѣ, который пѣсня за пѣсней пропѣлъ ему, и «Степь моздокскую», и «Поле-полюшко турецкое», и «Не бѣлы-то снѣжки въ полѣ забѣлѣлися», и «Сторонушку», и много другихъ, славныхъ, старинныхъ пѣсень.

Однажды былъ у меня пріятель, великолѣпно читавшій Кольцова. Только мы принялись-было съ нимъ за чтеніе, вошелъ съ какимъ-то вопросомъ Семень и, получивши отвѣтъ, вышелъ. Прошелъ часъ, другой... Вдругъ я услышалъ шорохъ въ сосѣдней комнатѣ. Посмотрѣлъ—вижу Семень стоитъ неподвижно среди комнаты и съ глубочайшимъ вниманіемъ слушаетъ.

— Больно хороши пѣсни,—сказалъ онъ мнѣ съ обычнымъ выраженіемъ ласковости, и долго повторялъ послѣ:—вотъ—пѣсни!

По соотвѣтствію ли съ собственнымъ своимъ положеніемъ, или почему-либо другому—болѣе всего ему понравилась «Измѣна суженой», и ужъ гораздо послѣ—въ другомъ мѣстѣ и въ дру-

гое время, я слышалъ, какъ онъ пѣлъ своимъ гнусливымъ и скрипучимъ голосомъ:

...Пала грусть тоска тяжелая
На кручинную головушку...
Мучить душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится...

Выдалось какъ-то лѣтомъ мочливое время. Цѣлую недѣлю шелъ дождь. Наконецъ выступило солнце и разогнало тучи по краямъ неба. Стало тепло. Освѣженные поля и деревья весело заблестѣли на солнцѣ. Тонкій паръ тянулся отъ земли къ небу. Влажный воздухъ насыщенъ былъ ароматомъ травъ и запахомъ пріятной затхлости.

Былъ вечеръ. Я ходилъ по гумну и, увидавъ Семена, остановился. Онъ сидѣлъ на высокой канавѣ и, облокотившись на колѣни, задумчиво глядѣлъ въ даль. Прямо передъ нимъ лежалъ пустырь, поросшій бурьяномъ и полынью, дальше зеленѣлись и бурѣли поля, а за полями закатывалось солнце. Паръ, прозрачной и тонкой пеленою, стоялъ надъ горизонтомъ. Солнечные лучи, пронизывая этотъ паръ, окрашивали его въ золотисто-зеленый цвѣтъ. Въ этомъ фантастическомъ, зеленоватомъ морѣ, дрожавшемъ, подобно мареву, толпились и млѣли розовые, голубые и багровые облака. Они то плыли какъ лебеди, тихо и плавно, насквозь проникнутые горячимъ золотомъ, то громоздились подобно крѣпостнымъ башнямъ, то хмурились и синѣли, то расплзались и таяли, какъ таетъ снѣгъ подъ весенними лучами... Наконецъ, одно облако превратилось въ густую тучу и синимъ треугольникомъ заслонило солнце. Лучи расплзлись изъ-за тучи и бѣловатымъ снопомъ ударились въ блѣдно-голубую высь, цѣлымъ моремъ багрянца брызнули на млѣющіе въ закатѣ облака, а вокругъ синей тучи зажгли ярко-огненную кайму, извилистой струею отдѣлившую блѣдное и чистое небо отъ выпуклой и густой синевы. Нѣжнѣйшіе оттѣнки зеленаго, янтарно-розоваго и мягко-голубаго цвѣта, широкими, незамѣтно сливающимися полосами повисли надъ закатомъ. Даль, подернутая легкими волнами испареній, искрилась и трепетала.

Семень что-то произносилъ нараспѣвъ. Я подвинулся ближе. «Ахъ, ты, поле мое, полюшко...» пропѣлъ онъ и смолкъ. «Ахъ, ты поле мое, полюшко-раздолье!» — и опять что-то запѣлъ въ полголоса и опять смолкъ, не спуская взгляда съ зари и съ поля. И долго еще до моего слуха доносилось: «полынь горькая травушка»... «поле-полеваньице»,... долго эти слова прерывались

какимъ-то задумчивымъ молчаніемъ, и, наконецъ, когда закатъ началъ потухать и синеватыя тѣни побѣжали по полямъ, загорѣлись звѣзды и потускнѣли дали, Семень уныло запѣлъ. То, что я разслышалъ и что разобралъ изъ этого пѣнія, передаю:

Ахъ, ты, поле мое, полюшко—
Раздолье...
А и кто же тебя, *полеваннице*,
Забросилъ...
Полыномъ ли горькой травушкой
Засѣялъ...
Что полынь ли, горькая травушка,
Уродилась—
А и все то поле-полеваннице
Покрыла...
Ахъ, ты, доля моя, долюшка—
Гореванье...
Что и вѣтъ-то вѣту у дѣтинушки
Семейки,
А и вѣтъ-то, вѣтъ у молодца
Талану...

Былъ онъ крайне незлобивъ. Помню, по какому-то дѣлу, пріѣхалъ ко мнѣ тотъ самый приказчикъ, къ которому сбѣжала жена Семена. Когда этотъ приказчикъ выходилъ изъ дома, лошадь подвелъ ему Семень. Приказчикъ насмѣшливо прищурился и произнесъ:—«а, старый знакомый, здорово!—«Свояки мы съ нимъ»,—пояснилъ онъ мнѣ, нахально усмѣхаясь. Я съ любопытствомъ взглянулъ на Семена. Онъ слегка, и, какъ показалось мнѣ, снисходительно улынулся, снялъ шапку и самымъ благодушнѣйшимъ образомъ привѣтствовалъ приказчика. Мало того—когда тотъ сѣлъ, Семень замѣтилъ какую-то неисправность въ сбруѣ, остановилъ приказчика, поправилъ неисправность и радушно произнесъ:—«Ну, теперь съ Богомъ, Филиппъ Макарычъ!»—а когда Филиппъ Макарычъ, жирно посмѣиваясь, и молодцовато передергивая поджарую кобылу свою, закричалъ ему:—«Что-жъ, поклониться Марьѣ-то?» Семень отвѣтилъ ему:—отчего не поклониться, поклонись коли...»—и самъ засмѣялся добродушнымъ, ласковымъ смѣхомъ.—«Слаба вѣдь она, баба-то!»—объяснилъ онъ мнѣ по отъѣздѣ приказчика, — съ ней и взять нечего: кормъ у *нею* сладкій, спи вволю, вотъ она и позарилась... Известно—баба!»

Опишу еще одну особенность Семена. Былъ онъ страшно трусливъ и робокъ передъ начальствомъ и вообще передъ всякимъ человѣкомъ съ околѣшемъ на фуражкѣ. Нѣсколько разъ

бралъ я его кучеромъ и вдоволь натерпѣлся съ нимъ горя. Бывало, увидить онъ, чуть еще не за версту, красный, зеленый или иной околышъ, а то такъ и просто бѣлую лѣтнюю фуражку, и спѣшить сворачивать съ дороги на пашню, на болото,—куда пришлось... Несмотря на всѣ мои старанія, отъ этого страха передъ околышемъ отъучить его я не могъ. Иногда разсудокъ ему какъ будто и говорилъ: — «э, не велика важность — околышъ!»—а рука, помимо воли, дергала возжи, направляя лошадей на кочки и рытвины, и суетливо схватывала съ головы шапку, чтобы отдать честь какому-нибудь исправляющему должность помощника волостнаго писаря Калистрату Барабанщикову, или младшему помощнику старшаго архивариуса при уѣздной дворянской опеѣ, личному дворянину Иосафату Поползновенскому... Случилось какъ-то—былъ Семенъ на базарѣ для покупки двухъ поросятъ, и имѣлъ неосторожность купить этихъ поросятъ у той торговки, у которой только-что торговалъ ихъ «помощникъ помощника исправляющаго должность секретаря при мировомъ сѣздѣ» (ей-Богу, есть такая должность!). «Помощникъ помощника» нрава былъ горячаго, да къ тому же, по близости своей къ Ѳемидѣ, мнилъ себя въ безопасности, а потому и закатилъ бѣдному Семену двѣ или три изрядныя оплеушины. Боже мой! сколько трудовъ и краснорѣчія потратилъ я, убѣждая Семена жаловаться мировому судѣ!—Но Семенъ жаловаться не согласился. Одно упоминовеніе суда, полиціи и другихъ краугольных учреждений, наводило на него уныніе и трепеть, и желаніе, какъ можно скорѣй улизнуть въ глубь и темноту своихъ милыхъ амбаровъ, въ поле, или на канаву за гумномъ, и всецѣло отдаться тамъ отрадному чувству безопасности. *Терпѣть* и *бояться*—въ этихъ словахъ заключалась вся его жизнь, хотя прошу не забывать, что боялся онъ только «околыша» и всего того, чтò, по его мнѣнію, неразрывно связано съ этимъ околышемъ.

Старикъ Наумъ, каждую уборку хлѣба пребывавшій на моемъ хуторѣ, по его собственному выраженію: «для смотрѣнія за порядкомъ», — былъ ходячею противоположностью Семена. Чинный, степенный, неторопливый, охотникъ поразсудить и поговорить—онъ такъ и просился въ комедію временъ Екатерины, чтобы въ качествѣ убѣленнаго сѣдинами и умудреннаго опытомъ Здравомысла или Правдолюба направлять на путь истины различ-

ныхъ вертопраховъ и изрекать на поученіе райка мудрыя словеса.

Какъ сейчасъ вижу я дѣдушку Наума, когда онъ, внимательно выслушавъ самый незначительный вопросъ, глубокомысленно задумается, «установивъ браду» въ землю, важно расправить эту бороду (окладистую и сѣдую) и наконецъ возговорить... Но не подумайте, что возговоритъ онъ — значитъ, отвѣтитъ на вопросъ просто и ясно, какъ отвѣтилъ бы Семенъ. О, нѣтъ, дѣдушка Наумъ не таковъ! — прежде всего онъ со всевозможныхъ точекъ обсудитъ предметъ вопроса, изложитъ исторію этого предмета и его значеніе въ жизни нравственной и общественной, наконецъ перейдетъ къ своему мнѣнію о предметѣ... Однимъ словомъ, говоритъ, говоритъ, унижаетъ, унижаетъ рѣчь свою безчисленными: «къ примѣру» и «вѣстимо», и остановится лишь тогда, когда вы его убѣдительно попросите остановиться или когда измученные слушатели одинъ за другимъ удалятся. Впрочемъ, послѣднее не всегда останавливаетъ дѣдушку Наума, и онъ часто доканчиваетъ свои разсужденія на поученіе пустыннымъ полямъ и безучастному небу.

Какъ видите, онъ былъ философъ, но, Боже мой, какой невыносимый философъ! Въ его длиннѣйшихъ рѣчахъ вамъ никогда бы не удалось подмѣтить малѣйшей пытливости мысли: начиная отъ тона его, всегда самодовольно-важнаго и недопускающаго возраженій, и кончая тѣми истинами, которыя излагалъ онъ почти въ видѣ афоризмовъ — все было строго закончено, загнато въ извѣстное пространство (очень тѣсное) и загорожено непроницаемымъ частоколомъ. Да я и увѣренъ, что дѣдушка Наумъ, пускаясь въ свои разсужденія, вовсе не за процессомъ мысли гнался, а развѣ за процессомъ рѣчи. На Руси нерѣдки такіе чудаки.

Какъ бы то ни было, обсуждать и разсуждать было страстью дѣдушки Наума, и онъ, подобно пауку, опутывалъ паутиной своихъ бесконечно-длинныхъ рѣчей все, что ни попадалось ему подъ руку — дрянная ли мошка, которой и цѣна-то грошъ, или великолѣпная зеленая муха. Ждали ли въ самоскорѣйшемъ времени свѣтопреставленія, появлялись ли новыя свѣдѣнія на-счетъ кисельныхъ береговъ и медовыхъ рѣкъ, проходили ли слухи о дѣвичьемъ наборѣ для заселенія рѣки Амура, открывались ли въ близкой перспективѣ крупныя поборы самоновѣйшаго изобрѣтенія, — дѣдушка Наумъ, съ обычной своей деревянной невозмутимостью, неуклонно разсуждалъ и о свѣтопреставленіи, и о кисельныхъ берегахъ, и объ Амурѣ рѣкѣ, и на-счетъ поборовъ

— всему удѣляя ужасное количество словъ и одинаково важное вниманіе. Съ такимъ же безпардоннымъ обиліемъ извергалъ онъ эти слова, и съ такой же значительностью пускался въ разсужденія, когда дѣло шло и не о такихъ чрезвычайныхъ матеріяхъ, какъ рѣка Амуръ, а просто шелъ толкъ о Панфиловой новой коровѣ, или о куриныхъ яйцахъ, проданныхъ тѣткой Ариной въ послѣдній базаръ.

Жилъ дѣдушка Наумъ зажиточно (не даромъ носилъ окладистую бороду). Имѣлъ онъ большую семью, которую держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Сыны его были тихіе и робкіе ребята, для которыхъ мановеніе сѣрыхъ отцовскихъ бровей равнялось ретивой ругани такого даже важнаго начальства, какъ, напримѣръ, письмоводитель станового. Невѣстки дѣда Наума такъ были вымуштрованы, что при свекрѣ не смѣли рта разинуть. И тѣхъ, и другихъ онъ поколачивалъ. Особенно доставалось бабамъ. «Напрасно ты ихъ бьешь», какъ-то сказалъ я ему, когда онъ, по возвращеніи изъ дома, въ длинномъ монологѣ заявилъ мнѣ, что «дома у него было не все въ порядкѣ» и что бабъ онъ «маленечко потрепалъ». — «А какъ же ее не бить?» глубокомысленно возразилъ онъ, поглаживая бороду и важно останавливая ногу въ громадномъ сапогѣ: «какъ же ее не бить, бабу-то? Бабы нельзя не бить. Безъ битья, это прямо надо сказать, съ ней никакъ невозможно. Баба — она ехидная. Съ ней ежели по кротости, къ примѣру, — она съѣстъ. А вотъ поучилъ ее малость...» и пошелъ, и пошелъ. Впрочемъ, младшую свою невѣстку — красивую, но дурковатую бабу, Степаниду — онъ не билъ, и даже частенько жаловалъ ее то новымъ платкомъ, то котами. «Степка у меня — золото!» бывало, хвалился онъ, и дѣйствительно баба здорова была на работу; но за то мужу ея, вялому и длинному малому, съ воспаленными глазками и свѣтлыми волосами, сбитыми въ колтунъ, болѣе другихъ братьевъ доставалось затрещинъ и встрепокъ.

Я рѣдко встрѣчалъ такого врага всякаго рода новшествъ, какимъ былъ Наумъ. Противъ желѣзныхъ дорогъ и «цыгарокъ», желѣзныхъ плужекъ и картузовъ, молотилокъ и «вытяжныхъ» сапоговъ — онъ возставалъ съ одинаковымъ озлобленіемъ. Въ старину все, по его мнѣнію, было лучше: табакъ не курили, а нюхали, если же кто и курилъ, то въ трубкѣ, молотить — молотили цѣпами, отчего и солома была лучше («ѣдовитѣе») и чище вымолачивалось зерно, пахали господскія земли хотя и сохами, за то въ-время, да и пахали-то такъ, что теперь и плу-

гой не вспашешь, ибо лошади мужицкія были тогда хорошія и сытыя.

Я любилъ въ разговорѣ съ нимъ заводить рѣчь о старинѣ. «Теперь возьмемъ, къ примѣру, сапогъ», бывало толковалъ дѣдъ Наумъ: «нонѣшній ли сапогъ или старинскій. Нонѣшній что? — подборы высокіе, кожа тонкая, выглядитъ щеголевато, а глядишь черезъ годъ и подметки разбились. Такъ, шваль-сапогъ! Нѣтъ, прежній, къ примѣру, сапогъ былъ, — это, прямо надо сказать, сапогъ! Кожу на него поставишь толстую, подошву подгонишь — дерево деревомъ... Такъ ему износу нѣту! У меня разъ — что я тебѣ скажу — десять годовъ носились сапоги! Вотъ какіе были сапоги. А нонѣ что? — нонѣ, прямо надо сказать, присловье одно, что сапоги, а на самомъ-то дѣлѣ, ежели, къ примѣру, разобрать хорошенько, да поразсудить — они и не сапоги...»

И подобно новымъ сапогамъ, на все новое глядѣлъ онъ свысока и презрительно. Если же заходила рѣчь о такой новизнѣ, которая уже неоспоримо была хороша, тогда Наумъ, не представляя противъ нея никакихъ доводовъ, напиралъ только на то, что «въ старину» и безъ этого жилось хорошо, а теперь, «съ эстими новшествами-то безперечь зубы на полку кладутъ».

Несмотря на то, что Наумъ никогда и ничего, ни важнаго (по смыслу), ни особенно умнаго не говаривалъ, онъ все-таки пользовался авторитетомъ на сельскихъ сходкахъ. Бывало, галдитъ-галдитъ эта сходка, ругается-ругается охрипшими голосами, но стоило только подойти дѣду Науму и заговорить — все тотчасъ же смолкало, и онъ безпрепятственно изрекалъ свое длинное слово, по обыкновенію, несмотря на всю свою многозначительную отрывочность, не имѣвшее никакого практическаго значенія. Но сходка внимательно и серьезно выслушивала это безтолковое слово и, уже выслушавъ, снова принималась за свое галдѣнье, изъ котораго, въ концѣ-концовъ, и вылупливалось, имъ же вѣсть какими путями, изумительно ясное и простое рѣшеніе, разумѣется, ничего общаго съ словесами дѣдушки Наума неимѣющее.

Надо сказать, что славу деревенскаго мудреца и возможность безпрепятственно изрекать свои разсужденія даже на сходкѣ дѣдушка Наумъ пріобрѣлъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, кровью.

Дѣло было въ 61-мъ году. Получился манифестъ, прочитался, болѣе или менѣе безтолково, полуграмотными сельскими попами съ высоты амвона — и, разумѣется, либо окончательно не уразумѣлся, или понялся въ такъ-называемомъ «превратномъ смыслѣ»

(слово это, благодаря склонности русскаго челоѣка къ «журавлямъ въ небѣ» — за неимѣніемъ синицы въ рукахъ — теперь уже возымѣло свойство нѣкотораго историческаго трюизма). Обитатели деревни Волохиной (однодеревенцы дѣдушки Наума) манифестъ совсѣмъ не поняли и въ простотѣ душевной даже рукой махнули, рѣшивъ: чтѣ-де прикажутъ, то и будемъ дѣлать, — народъ былъ забытый. Но тутъ-то и стяжалъ лавры мудреца дѣдъ Наумъ. По его почину, мужики раздобылись гдѣ-то манифестомъ, собрались вечеркомъ въ Наумовой избѣ, и заставили читать манифестъ отставнаго солдатака Карягу, имѣвшаго претензію на знаніе азбуки вплоть до складовъ. Каряга читалъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на точки, запятые и тому подобную мелочь; ночникъ трещалъ, разливая мигающій, дымно-багровый свѣтъ; громадная толпа, до невозможности загроздившая избу, съ страстнымъ напряженіемъ слушала «волю». Царило глубокое молчаніе, изрѣдка прерываемое вздохами и осторожнымъ покашливаніемъ въ руку. На печи слабо всхлипывала, вся преображенная радостью, столѣтняя старуха, мать Наума, тщетно унимаемая внучатами. У стола сидѣли старики, съ важной и сановитой серьезностью внимая Карягѣ. Всѣ были мокры отъ пота, красны отъ духоты и отъ мучительныхъ усилій уразумѣть волю.

И, вѣроятно, прочелъ бы Каряга манифестъ, никто бы, по-прежнему, его не понялъ, и рѣшеніе волохинцевъ: отдаться на благорасположеніе начальства — осталось бы въ силѣ. Но тутъ-то дѣдъ Наумъ и стяжалъ славу мудреца.

— Стой, Каряга, стой! — закричалъ онъ Карягѣ.

Всѣ вздохнули и притаили дыханіе. Каряга остановился.

— Читай, къ примѣру, сізнова.

Каряга высморкался и началъ:

— «Полагаемся и на здравый смыслъ...»

— Нѣтъ, не это мѣсто ты читаешь, — опять остановилъ Карягу дѣдъ Наумъ.

Каряга обидѣлся.

— Какое-жъ по-твоему — ты говори толкомъ, а то я возьму да и наплюю, — возразилъ онъ.

Взволнованная толпа напала на Карягу. Онъ смирился и уже съ покорностью обратился къ Науму: «кое же мѣсто читать?»

— «Полагаемся и на здравый смыслъ...»

— Стой, обожди малость, Каряга, — сказалъ Наумъ и, помусоливъ указательный палецъ руки своей, ткнулъ въ бумагу: — попытай отселѣ, къ примѣру.

Вниманіе толпы напряглось до степени невозможнаго. Народъ,

по неподвижности своей, казался изсѣченнымъ изъ камня. Даже обезумѣвшую отъ радости старуху — и ту уняли. Все замерло въ какой-то истомѣ, и только трескъ ночника, да сверчокъ гдѣ-то за печкою тревожили тишину.

— «... Что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права...» — на каждомъ словѣ спотыкаясь и останавливаясь, тянулъ Каряга.

— Вотъ, вотъ, — востепенулся дѣдъ Наумъ и даже приподнялся съ лавки. — Лицо его освѣтилось торжествомъ, — читай это мѣсто, Каряга...

— «... Пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности», — прочиталъ Каряга.

— Слышите, старики? — Пользоваться, къ примѣру, а повинностей, чтобы — никакихъ... Это надо прямо сказать.

Изба дрогнула отъ радостнаго гула.

— Ну-ка, промахни еще, къ примѣру.

— «Пользоваться отъ помѣщиковъ землею...» — промахнулъ Каряга.

По избѣ пронесся трепетъ.

Рѣшили прочесть еще разъ весь манифестъ. Каряга было заупрямился, но ему, во-первыхъ, прибавили полштофа къ договоренной цѣнѣ, а во-вторыхъ, посулили разныя непріятности, и дѣло уладилось. Началь онъ опять читать, а міръ — упорно вникать въ суть читаемаго; дошли и до знаменитаго «мѣста»... Вышло одно и то же, кромѣ того, что Каряга еще яснѣе и вразумительнѣй провозвѣстилъ: землей отъ помѣщиковъ пользоваться, а повинностей за землю не нести. Торжествующая толпа радостно загудѣла и ужъ почти не дослушала конецъ манифеста. Дѣдушка Наумъ съ-разу вознесся выше лѣсу стоячаго.

Слѣдствіемъ всего этого въ Волохиной если и не вспыхнулъ бунтъ, то воцарилось недоразумѣніе. Мужики на барщину ходить перестали, объ уставной грамотѣ забыли и думать, а безпорядочно слонялись по улицамъ и ждали «енарала».

Но генерала они не дождались, а прикатилъ къ нимъ исправникъ Горбылевъ, который, по своему обыкновенію, еще далеко до деревни возопилъ, нелѣпымъ, по своей пронзительности, голосомъ, и вопилъ до самой станичной ¹⁾, а у станичной произнесъ рѣчь, съ подобающимъ обиліемъ непечатныхъ выражений и сильныхъ словъ. Рѣчь мужики выслушали, какъ оно и слѣдовало, въ почтительномъ молчаніи, но на требованіе исправника

¹⁾ Станичная — изба у которой собираются сельскіе и гдѣ сосредоточивается сельская администрація.

выдать чтеца, отвѣчали отказомъ. На ихъ счастье Каряга струсилъ и по своей собственной волѣ предсталъ передъ ясными Горбылевскими очами.

— Ты чтецъ?

— Точно такъ, ваш-скавродіе!

Бацъ, бацъ.

— Одинъ читалъ?

— Точно такъ, ваш-скавродіе!—пролепеталъ бѣдный Каряга, стараясь сохранить равновѣсіе и по-прежнему держа руки по швамъ.

Бацъ, бацъ.

Съ лица Каряги текла кровь и глаза его глядѣли тоскливо, но онъ все держалъ руки по швамъ и сохранялъ равновѣсіе.

— Толковалъ кто?

— Наумъ, ваш-скавродіе!—отвѣчалъ окончательно испуганный солдатикъ.

— Подать сюда Наума!

Подали Наума. Онъ попытался-было яко змій уловить пылаго администратора мудростью и длиннотою своихъ разсужденій; но, увы, на его несчастье администраторъ ненавидѣлъ только двѣ вещи: объясненія, которыя онъ называлъ грубостью, и возраженія, почитаемыя имъ дерзостью. Не успѣлъ дѣдъ Наумъ произнести и слѣва, какъ на его голову вылился сокрушительный потокъ различныхъ, болѣе или менѣе некрасивыхъ изреченій. Потокъ этотъ заключился какимъ-то совершенно нечеловѣческимъ рыканіемъ, подобнымъ рыканію ретивой собаки, когда она, бѣшено громяхая тяжелой цѣпью и кровожадно оскаливъ зубы свои, мечется и рвется и лааетъ до хрипоты въ горлѣ, отстаивая интересы своего хозяина. Послѣ рыканія послѣдовало краткое и какъ-бы изнеможенное междометіе, а за междометіемъ произошло то обстоятельство, которое и дало мнѣ поводъ сказать, что дѣдъ-Наумъ славу деревенскаго мудреца и возможность безпрепятственно тянуть канитель даже на сходкѣ пріобрѣлъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровью.

Недоразумѣніе, разумѣется, тогда же испарилось: мужики на барщину пошли и вообще оказали послушаніе «мирнымъ увѣщеваніямъ» исправника Горбылева (такъ значилось въ его донесеніи губернатору), но и до сихъ поръ, въ глубинѣ своей мужицкой души, они увѣрены, что дѣдъ-Наумъ пострадалъ невинно, и манифестъ именно имъ, мужикамъ, отдавалъ всю помѣщичью землю безъ всякой съ ихъ стороны повинности.

Съ этихъ-то поръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовался

такъ-называемый «говорокъ» — въ качествѣ ли повѣреннаго отъ міра въ судебныхъ дѣлахъ или въ объясненіяхъ съ бариномъ и начальствомъ по какому-либо мірскому дѣлу, — всегда избирался Наумъ. Къ нему же прибѣгали односельцы за всевозможными совѣтами, а когда случалось у кого горе, то хотя и не требовалось горемыкѣ совѣта, онъ все-таки шелъ къ дѣду Науму и рассказывалъ ему про свое горе. И дѣдъ принималъ важную осанку, степенно разглаживалъ свою бороду и битые часы толковалъ на ту тѣму, что лошадь-де, какъ ты ее ни поворачивай, все будетъ лошадь, а корова, опять-таки какъ ты ее ни верти, все же останется коровою.

Кромѣ такихъ вопіющихъ истинъ, прибѣгающіе къ Науму ничего не получали, но уходили отъ него, обыкновенно, довольные. Я думаю, не такъ дѣдовы слова дѣйствовали на нихъ, какъ его осанка, важная и внушительная, его много-значительный и невозмутимо-ровный тонъ. Впрочемъ, можетъ быть, дѣйствовали и слова, но не въ силу вложеннаго въ нихъ смысла, а благодаря безконечному обилію этихъ словъ, обилію дѣйствительно усыпляющему нервы.

Однако, нѣкоторые однопоселенцы, больше изъ молодыхъ и, по крестьянскому понятію, легкомысленныхъ, дерзали называть иногда дѣдушку Наума «пустоболтомъ» и «дуботолкомъ», а когда изрекали онъ свои глубокомысленныя реплики, то смѣялись въ-тихомолку. Но, во-первыхъ, этихъ дерзкихъ было не много, а во-вторыхъ, и они возставали противъ ораторскаго значенія дѣдушки Наума робко и неувѣренно, ибо любить русскій человѣкъ процессъ рѣчи и, невольно даже, почитаетъ людей, обладающихъ даромъ хотя бы и не умнаго, но важнаго и обильнаго словоизверженія.

Какъ бы то ни было, но если бы вы пріѣхали въ деревню Волохину и спросили бы перваго встрѣчнаго: «нѣтъ-ли, молъ, у васъ человѣчка присмотрѣть за порядкомъ на хуторѣ?» вамъ сейчасъ бы отвѣтили, былъ-ли тотъ встрѣчный взрослый мужикъ или баба, подростокъ или старикъ, — «а это ужъ ты ступай къ дѣду-Науму, кромѣ Наума у насъ такихъ людей нѣту», и вы ѣхали къ Науму и дѣйствительно убѣждались, что за порядкомъ у васъ на хуторѣ смотрѣтъ онъ можетъ, ибо собственное его хозяйство было въ отличнѣйшемъ порядкѣ.

Если Семень относился къ природѣ съ какимъ-то теплымъ чувствомъ, похожимъ даже на нѣкоторое благоговѣніе, то дѣдушка Наумъ относился къ ней ужъ прямо безхитростно. Онъ не остановился бы съ невольнымъ восхищеніемъ передъ багря-

нымъ моремъ заката, не сталъ бы умиленно глядѣть на звѣздное небо. Все это интересовало его иногда, но настолько, насколько общало или могло общать, прямой, непосредственной, пользы. По его мнѣнію, и закатъ и восходъ солнца былъ устроенъ Господомъ Богомъ лишь для того, чтобы замѣчать по немъ вѣдро-ли, дождь-ли—будетъ на слѣдующій день. Для того же, то ровнымъ, то мигающимъ свѣтомъ свѣтили звѣзды. Иного значенія природа не имѣла для дѣдушки Наума. Садъ былъ ему дорогъ лишь плодами. Степь—своимъ богатымъ, дѣвственнымъ черноземомъ. Лѣсъ—годностью на ту или другую хозяйственную подѣлку.

Эта черствая черта (если она черствая) особенно выдавалась въ немъ, когда ему приходилось быть вмѣстѣ съ Семеномъ.— «Эка зорька-то благодатная—умиленно скажетъ тотъ.—«Это что толковать», — подхватилъ дѣдъ Наумъ, — «заря ничего: теплая, въ одной рубахѣ, къ примѣру, и то хоть куда, и для яровыхъ ежели, то хорошо». — «Гляди звѣздочки-то, звѣздочки-то перекатываются, ровно—молонья... Эка мудрость-то, Господи Батюшка, подумаешь!» — съ благоговѣніемъ произнесетъ Семень.— «Перекатываются-то они перекатываются, это точно», — подтвердилъ дѣдъ Наумъ равнодушно взглядывая на сверкающее небо, — «а вотъ дождечку бы надоть: по звѣздамъ-то гляди засухѣ быть...» И всегда такъ.

Впрочемъ, несмотря на такую разницу во взглядахъ, Наумъ уважалъ Семена и признавалъ его за особо одареннаго отъ Господа человѣка. — «Ему дано, — говаривалъ онъ, — онъ и хромоту въ лошади можетъ вылечить, и червей заговорить. А за то дано — человѣкъ онъ правильный и совѣсть въ ѣмъ есть. Это прямо надо сказать».

Если Семень кротостью и смиреніемъ напоминалъ робкаго голубя, а дѣдушка Наумъ походилъ на резонера Фонвизинскихъ комедій, то Михайло (нѣсколько уже извѣстный читателю) имѣлъ несомнѣнное сходство съ героемъ сказокъ русскихъ — Бóвою. Подобно этому богатырю, былъ онъ и могучъ, и румянъ, и если королевичъ-Бова любилъ потѣху — «возьметъ ли за руку — рука прочь, ухватитъ ли за ногу — нога прочь» — то и Михайло не пропускалъ ни единого живого существа безъ того, чтобы не сотворить этому существу звонкаго подзатыльника, или оглушающей затрещины. Для чего это выдѣлывалось онъ и самъ не могъ объяснить — такъ, ужъ характеръ такой былъ у человѣка.

Дѣдъ Наумъ поклонялся брюху и на весь міръ Божій смот-

рѣлъ съ точки пригодности этого міра для насыщенія тѣлесныхъ вожделѣній и уплаты оброка; Михайло же боготворилъ кулакъ, а міръ почиталъ ареною для кулачнаго боя, въ которомъ тотъ и уменъ, тотъ и достоинъ уваженія, кто раскровянилъ болѣе фізіономій и своротилъ на сторону скуль. Человѣкъ, не обладающій кулакомъ, подобнымъ молоту, по мнѣнію Михайлы, стоилъ лишь плевка. Сочувствіе его было всегда на сторонѣ силы. Кто кого одолѣлъ, тотъ и правъ. Впрочемъ, надо прибавить, что справедливость онъ признавалъ за той только силой, которая и его собственную превосходила. Разумѣется, все, что я говорю о силѣ, относится къ силѣ физической.

Однимъ словомъ, взглядъ Михайлы на жизнь граничилъ съ первобытностью. Это давало ему возможность никогда и ни надъ чѣмъ не задумываться. Что превышало его мыслительныя способности, на то онъ безъ долгихъ томленій махалъ рукой. Къ этому относилось все то, къ чему не было никакой возможности примѣнить теорію кулака.

Какъ и всѣ силачи, Михайло не имѣлъ большого ума, былъ страшно добродушенъ и терпѣливъ, но ужъ разъ если засучалъ кулаки, то стремительно разрушалъ всѣ препоны и останавливался лишь на той изъ нихъ, въ которую упирался лбомъ.

Работникъ былъ онъ великолѣпный, и если, обыкновенно, лѣнился, когда работалъ одинъ, то на виду, «на людяхъ», ворочалъ такъ, что пыль стояла въ воздухѣ. Его честолюбіемъ было быть *первымъ* вездѣ, гдѣ требовалась сила мышцъ. Надо было видѣть, съ какимъ, пожалуй-что и величественнымъ въ своемъ родѣ, задоромъ, шелъ онъ во главѣ косарей, и съ какимъ могучимъ размахомъ косы валилъ подъ корень высокую рожь, или густую траву.

Но за то совершенно пасовалъ онъ, когда приходилось ему выразить словомъ какую-либо мысль (однако не черезъ-чуръ уже первобытную). Тогда онъ и мямлил, и переступалъ съ ноги на ногу, и съ яростью расчесывалъ затылокъ. Безтолковостью онъ вообще могъ потягаться съ дѣдушкой Наумомъ, и если тотъ выражалъ эту безтолковость многословіемъ, то Михайло достигалъ того же невразумительнымъ мычаніемъ и ни къ селу, ни къ городу неидущими, безсвязными и запутанными рѣчами.

Теперь позвольте, читатель, представить вамъ моего работника Якова.

Всего вѣроятнѣе, что и Наума и Михайлу, а пожалуй даже

и Семена случилось не разъ встрѣчать вамъ. Но встрѣчали ли вы такую перелетную птицу, каковъ былъ Яковъ—сомнѣваюсь. Въ томъ вѣкѣ всевозможныхъ путей и регуляторовъ, въ которомъ имѣемъ мы счастье обитать съ вами, люди, подобные Якову, становятся чистѣйшимъ анахронизмомъ.

Въ теченіе какихъ-нибудь пяти-лѣтъ, занимался онъ ко мнѣ по крайней мѣрѣ десять разъ. Придетъ, проживетъ два-три мѣсяца и, глядишь, является смущенный и нахмуренный:

— Что ты, Яковъ?

— Воля ваша, Николай Васильичъ, разочтите!

— Что такъ?

— Да ужъ такъ... Служить больше не могу. (Глаза при этомъ устремляются куда-нибудь на уголь печки).

— Можетъ, обидѣлъ кто?

— Какъ можно чтобъ обижать! Никто не обижалъ.

— Что-жъ, развѣ пища плоха?

— Нѣтъ, что-жъ, пища какъ слѣдуетъ—лучше желать нечего. (Лицо Якова дѣлается все болѣе и болѣе тоскливымъ).

— Ну, значить, работы много?—допытываюсь я.

Яковъ снисходительно усмѣхается.

— Помилуйте, какая работа! аль мы не работали... Только воля ваша—разочтите!

Я рассчитывалъ его и потомъ узнавалъ, что онъ отправился либо въ Ростовъ, или куда-то на Кавказъ, или на Волгу. Спустя полгода, рѣдко годъ, снова являлся мой Яковъ на хуторъ, и опять занимался, и опять повторялась прежняя исторія съ тою только разницею, что я ужъ безъ всякихъ разспросовъ отдавалъ ему деньги, да и онъ привыкъ ко мнѣ и ужъ не конфузился, а только усмѣхался во все лицо и предупредительно сообщалъ, что онъ теперь идетъ «потолкаться» на Кубань, или еще куда-нибудь къ чорту на кулички. Бывало и такъ, что онъ круглый годъ проживетъ въ нашемъ околоткѣ: мѣсяцъ у меня, мѣсяцъ у моего сосѣда, потомъ у другого моего сосѣда, затѣмъ опять у меня. Казалось, бѣсъ какой-то въ немъ крылся и не давалъ ему засиживаться на мѣстѣ.

Трудно сказать, чтò именно влекло его къ странствіямъ. — «Эхъ, закатился бы теперь въ Астрахань!» — скажетъ онъ, бывало, и по обыкновенію сплюнетъ сквозь зубы. — «Да что-жъ тамъ, въ Астрахани-то?» — спросятъ его. — «Въ Астрахани-то, что? — вызывающимъ тономъ переспроситъ Яковъ, и затѣмъ опять повторитъ: — что въ Астрахани-то?» — и затѣмъ ужъ либо крѣпко и

скверно изругаетъ ни въ чемъ неповиннаго собесѣдника, либо промолчить и съ шикомъ отплюнется.

Большую частью всегда такъ оповѣщаль онъ о тѣхъ краяхъ, въ которыхъ приходилось ему бывать. Впрочемъ, иногда это выходило у него и пространнѣе. Такъ, разъ разсказалъ онъ всей компаніи, собравшейся въ кухнѣ, какъ жилъ онъ въ Царичинѣ у купца, и какая у того купца была лѣда-лошадь — «ты ее стегнешь, а она задомъ!» — или опять, какъ жилъ онъ во Владикавказѣ, тоже у одного купца: — «такъ у него куфарка была, братцы мои, — семь пудовъ тянула!» — А на вопросъ: — «вотъ жилъ ты на Кавказѣ, видѣлъ горы, черкесовъ видѣлъ, ну, каковы тѣ горы, и чтѣ за народъ черкесы?» — «А что-жъ, горы ничего, большія горы есть, и черкесы опять — какъ не быть черкесамъ, на то — Кавказъ», — отвѣтитъ Яковъ и тотчасъ же опять свернетъ разговоръ на какую-нибудь «куфарку», вѣсившую семь пудовъ. Впрочемъ, иногда, если ужъ слишкомъ расчувствуется, то покачаетъ головой и скажетъ: — «эхъ, мѣста есть, братцы, я вамъ скажу, — привольныя есть мѣста!» — и замолчитъ въ раздумьи, а черезъ часъ ужъ опять рассказываетъ, какъ онъ съ купцами къ «башкирцамъ» ѣздилъ, и какъ тамъ одна башкирка въ него врѣзалась, «старая-престарая, а строга».

Кстати о женскомъ полѣ. Яковъ питалъ къ этому полу какое-то необъяснимое пренебреженіе. По мнѣнію дѣдушки Наума, битьемъ да строгостью изъ бабы все-таки можно кое-что сдѣлать небезполезное, Яковъ же шель дальше — онъ прямо почиталъ ее пятымъ колесомъ въ телѣгѣ. Бить ее, по его мнѣнію, конечно, слѣдовало, «на то она баба», но ожидать отъ этого битья чего-либо путнаго было напраснымъ трудомъ.

И какъ нарочно это-то презрительное отношеніе и влекло къ нему бабъ. А онъ, если и снисходилъ до близкихъ отношеній съ ними, то лишь очень не на долго. И Боже избави его избранницу какимъ-нибудь образомъ дать замѣтить эту близость постороннимъ, — Яковъ немедленно колотилъ тогда неосторожную, отбиралъ у ней свое бѣлье и платье, отданное для починки и мытья, и съ достоинствомъ покидалъ бѣднягу на произволъ судьбы.

Одною изъ жертвъ его жестокости была кухарка Анна. Это была солдатка — чумазое, забитое существо, въ вѣчномъ безмолвіи, прерываемомъ одними вздохами, возившаяся съ утра до ночи около печки. Она питала къ Якову нѣчто въ родѣ любви. По крайней мѣрѣ въ его присутствіи она разглаживала вѣчныя свои морщины, меньше охала и вздыхала и даже иногда улыба-

лась. Конечно, онъ третировалъ ее какъ нельзя хуже, но, кажется, въ концѣ-концовъ, сталъ поддаваться ея упорному и нѣмому обожанію.

Несчастный случай все испортилъ. Вздумалось какъ-то Аннѣ приготовить своему возлюбленному сковородку грибовъ, конечно, секретно отъ другихъ обитателей хутора. Задумано—сдѣлано. Въ одно воскресенье, не успѣли еще обѣдавшіе въ кухнѣ разойтись изъ нея, Анна и преподнесла Якову въ видѣ десерта смачно шипящую сковороду. Всѣ, разумѣется, успѣли замѣтить это и намотать себѣ на усъ. Надо было видѣть гнѣвъ Якова. Сковорода съ грибами стремительно полетѣла въ радостно улыбающуюся фізіономію несчастной Анны, а черезъ четверть часа Яковъ стоялъ уже около притолки въ моей комнатѣ и обычнымъ своимъ тономъ произносилъ:

— Воля ваша, Николай Васильичъ, —пожалуйте мнѣ расчетъ!

Однажды всѣ мои домочадцы собрались на канавкѣ за хуторомъ. Тутъ-же, около нихъ, помѣстился Берцовскій мужичокъ Акимъ, который хотя и пришелъ за спѣшнымъ дѣломъ (занять печенаго хлѣба на ужинъ), но тѣмъ не менѣе посиживалъ себѣ на канавкѣ. Дѣло было лѣтомъ. Знойный день угасалъ. Еще не остывшій воздухъ, пропитанный запахомъ сжатой ржи, былъ сухъ и неподвиженъ. Алая заря тихо мерцала на краю неба. Въ голубой высотѣ съ радостнымъ трепетомъ вспыхивали звѣзды. Былъ праздникъ. Въ поляхъ стояла тишина.

— А у насъ позавчера странникъ проходилъ, — произнесъ Акимъ.

Всѣ молчали.

— Говорить: трясеніе скоро будетъ, —добавилъ Акимъ.

— Какъ—трясеніе?

— А такъ, значить... Земля затрясется.

Молчаніе. Одна Анна тяжело вздохнула.

— И еще, говорить, голодъ. Ужаснѣйшій голодъ, говорить, будетъ въ вашихъ мѣстахъ.

— Это когда же?

— А ужъ тамъ понимай когда... Ему что!—Онъ сказалъ... а ужъ ты понимай.

Опять замолчали.

— И гладъ, говорить, и трусъ, и мразъ.

— Это что же означаетъ?

— А то и означает, что...—разсказчикъ запнулся.—Ну, прощайте!—произнесъ онъ, торопливо поднимаясь,—мнѣ ужъ ко двору пора, небось ждуть...—и, отойдя шаговъ на пять, добавилъ:—и земля, говорить, будетъ у васъ совсѣмъ неродимая, въ родѣ какъ солонцы теперь...

По уходѣ Акима, съ добрыхъ четверть часа всѣ молчали въ какой-то задумчивости, и только одна Анна простонала раза два: «о-охъ, грѣхи наши тяжкіе!» Было тепло и тихо. Тѣни все гуще и гуще опускались на землю, но не приносили съ собой ни сырости, ни прохлады. Небо на западѣ алѣло, зеленѣло, синѣло и все какъ-бы уходило дальше и дальше отъ земли.

— Нѣтъ, я чтобы теперь,—внезапно разсердился Михайло,—взялъ бы я теперь этого странника самаго, да по шеѣ бы, по шеѣ...

— Ну, не говори, — задумчиво возразилъ Семень,—странникъ тутъ не при чемъ. Тутъ Господь насылаеть... Тутъ одно—терпи. Вотъ чтѣ другъ ты мой. А странникъ чтѣ... Онъ въ сторонѣ... Тутъ Господь, стало быть, прогнѣвался.

— Это за что же?—полюбопытствовалъ Михайло.

— А Онъ ужъ тамъ знаетъ, Батюшка, за что. Твое дѣло—терпѣть. Голодъ ли тамъ, аль опять трясеніе какое, ты все долженъ претерпѣть.

— Эта пач-чиму же?—не унимался Михайло.

— Потому. Зря тебя не тронуть, а ежели есть такое попушеніе—значить, за дѣло, за грѣхи. Вотъ почему.

— Терпѣть?—скептически произнесъ Михайло,—за грѣхи?.. Нѣ-э-эть...—Онъ еще что-то хотѣлъ добавить, но сжалъ кулакъ, сердито потрясъ имъ по воздуху и ничего не добавилъ.

— Вѣстимо—грѣхи,—важно вымолвилъ Наумъ, поглаживая бороду,—безъ грѣха нельзя. На то и человѣкъ, чтобы грѣшить. —Ну, и Господь... Господь знаетъ за что наказать, за что помиловать.—Теперь странникъ говоритъ: «земля неродимая». Это опять, я тебѣ скажу, отъ Господа. Всяко бываетъ. Въ Матренскомъ клину я еще помню: черноземъ былъ. Теперь—солонцы. Все отъ Бога.—А что на счетъ грѣховъ, къ примѣру, это опять вѣрно: какъ не быть грѣхамъ.—Наумъ глубокомысленно помолчалъ.—Или опять—«мразъ». Это такъ надо полагать—морозъ. Не иначе какъ морозъ. Что-жъ, морозы бываютъ. Это онъ опять правильно. Какъ не бывать морозамъ.

Наума всѣ выслушали внимательно, но отвѣтить ему — ничего не отвѣтили.

Помолчали. Заговорилъ Яковъ.

— Да ужъ оно и видно—къ тому идетъ!.. Годъ отъ году. Я, какъ въ позапрошломъ году въ Царицынѣ былъ, такъ тамъ тоже странничекъ одинъ... Или опять въ Астрахани разъ... Все, говорить, тлѣнь!—А то въ Тифлисѣ я жилъ у армянина—тоже кобель былъ ужасенный... — Яковъ не договорилъ и молодцовато сплюнулъ.

— А по-моему одно—по шеѣ ихняго брата!—мрачно произнесъ Михайло,—намять ему бока ежели хорошенько да всыпать, чтобъ,—онъ и знай!.. А то—мра-азъ («мразъ» онъ протянулъ чрезвычайно пренебрежительно). Ихъ много такихъ, плюющихъ-то... Нѣтъ, кабы ежели отодрать его, паскуду... Разложить бы да горррячихъ, чтобъ... Небось-бы!..—Я разъ, тоже въ Улитиныхъ дворикахъ ночеваль... Но, пристали ко мнѣ мужики и ну... и ну... Особливо одинъ... Кэ-экъ я его полыснул!—онъ съ ногъ... Другой!.. Кэ-экъ я его садану—морда вó!

— Вспухла?—сочувственно воскликнулъ Яковъ.

— А ты думаль какъ!—дай-ко я тебя засвѣчу, небось вспухнетъ!—въ скобкахъ отвѣтилъ Михайло и потомъ обычнымъ тономъ продолжалъ...—Ну, третій... Такъ я ихъ тутъ, братцы мои, перешилъ... А на утро выѣзжаю—хозяинъ за поводья:—«тебѣ чего?»—За ночевку деньги.—«Деньги?»—Кэ-экъ я его... А то—терпѣть!—Михайло самодовольно поглядѣлъ на свой здоровенный кулачище и, вѣроятно, вспомнивъ подробности побоища, весело засмѣялся.

Опять никто ничего не отвѣтилъ. Помолчали. Яковъ опять заговорилъ:

— А я такъ полагаю—на новыя мѣста!.. Удалятся на эти самыя новыя мѣста и пабашъ!.. Теперь ежели на Бѣлыя-Воды аль къ Кавказу... У, хороши есть мѣста!.. Аль опять на Дону... Я какъ въ Ростовѣ былъ, тоже проходилъ по мѣстамъ-то, вотъ мѣста!.. Аль Кубань ежели взять... Эхъ, закачусь по веснѣ на Кубань! (Онъ вздохнулъ и сплюнулъ).—А ежели не въ Кубань, такъ къ башкирцамъ ударюсь, съ купцами... Вотъ опять мѣста!

— Мѣста, что говорить, мѣста есть,—внушительно заговорилъ Наумъ.—Только захотѣть—мѣста найдутся. Какъ не быть мѣстамъ... (Онъ немного помолчалъ).

— Теперь ежели захотѣлъ ты, къ примѣру, сейчасъ тебѣ пашпортъ и—съ Господомъ.—И какой пашпортъ опять: на трили тамъ мѣсяца, аль полугодовой. А то есть и такіе, что на

годъ. Всякіе есть. Теперь взялъ ты, къ примѣру, пашпортъ и съ Бо-гамъ...—Какъ не быть мѣстамъ. Мѣстовъ много.

— Тоже вотъ въ острогѣ ежели на счетъ мѣстовъ...— хотѣлъ-было съострить Михайло, но не договорилъ и фыркнулъ. —И, вѣроятно, смѣхъ этотъ почли легкомысленнымъ, ибо опять никто ничего не сказалъ.

Помолчали.

— Пытались на эфти на новыя мѣста-то...— робко и неувѣренно произнесъ Семень.

— А то нешто не пытались-то!..—подхватилъ Наумъ,—вѣстимо, пытались. Тоже, пытались такъ-то, да и назадъ. Это что говорить. Это точно, что пытались. Снарядятся, въ примѣру, поѣдутъ, да и назадъ. Да.—А то какъ, гляди, не быть мѣстамъ. Мѣста есть.

— А на мой згадъ, живется тебѣ ежели, ну и живи,—возразилъ Семень. — Господь съ ими, съ мѣстами-то!.. Пущай ихъ... А ты ежели, накажетъ тебя Господь—терпи... вотъ! Живемъ, покуда Богъ грѣхамъ терпитъ!—и померемъ... И здѣсь померемъ, и на Кубани, ежели, — все померемъ! Конецъ одинъ.—Семень всталъ и предложилъ идти ужинать! Всѣ дружно поднялись и ужъ, по дорогѣ въ избу, говорили:

Наумъ (съ важной серьезностью и чрезвычайно глубокомысленно).—Это ты правильно, что «померемъ». Это ужъ вѣстимо. Сколько ни живи, помирать надо. Отъ смерти не откупишься—это прямо надо сказать. Ты какъ ужъ тамъ ни вертись, она тебя найдетъ. И на Кубани, ежели—вездѣ найдетъ. Это ты вѣрно, Иванычъ. Не схоронишься отъ ей, отъ смерти-то. Чтò правда, то правда. И опять живешь, говоришь, покуда,—это ты тоже правильно сказалъ. Покуда Богъ смерти не пошлетъ, къ примѣру, — все будемъ жить. Померъ — ну, и тогда—шабашъ. Тогда ужъ другой расчетъ. А покамѣстъ живы—живемъ. Живой объ живомъ думаетъ, это прямо надо сказать.

Анна (съ тоской въ голосѣ и чуть не плача).—Господи-и... Господи-и... И что же это будетъ такое, что-жъ это будетъ... Бѣда нашей головушкѣ!... О-охъ... (Съ отчаяніемъ утираетъ подоломъ носъ).

Семень (съ покорностью).—А чтò будетъ, то и будетъ... Чему быть, тому не миновать... Воля Божія... Пуще всего—терпи!

Яковъ (ухарски махая рукою).—Эхъ, уйду опять на Кубань!

Михайло (съ рѣшительностью). — Больше ничего какъ по

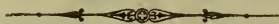
мордѣ... Взять бы да хорошенько!.. — Небось-бы... А то этакъ-то, пожалуй, всякій...

Поля облеглись сумракомъ. Заря потухла. Глубокое небо торжественно сверкало звѣздами. На ригѣ печально плакалъ филинъ. Откуда-то изъ темнаго далёка чуть слышно доносилось:

Э-ихъ курочка бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ...

А. Л. ЭРТЕЛЬ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

Изъ шестидесятихъ годовъ.

Лѣтъ около двадцати тому назадъ, въ одномъ изъ журналовъ, издававшихся въ Петербургѣ, бывшій инспекторъ татаровской гимназiи, Иванъ Петровичъ Линеинъ, напечаталъ, подъ заглавіемъ: «Гимназическая переписка», — часть собранiя писемъ, принадлежавшихъ разнымъ лицамъ и попавшихъ въ его шка-тулку, по обстоятельствамъ, поясненнымъ г. Линеинымъ въ предисловіи къ изданной имъ корреспонденціи. Остальную часть этой корреспонденціи Иванъ Петровичъ предполагалъ напеча-тать впослѣдствіи. Обѣщанное Иваномъ Петровичемъ продолже-ніе «Гимназической переписки» уже было приготовлено къ печати, какъ смерть похитила этого замѣчательнаго дѣятеля на поприщѣ отечественной педагогiи и словесности, успѣвшаго простое со-браніе писемъ, предпринимаемое съ цѣлью педагогическою, обратить въ произведеніе, не лишенное литературнаго интереса.

Пишущій эти строки связанъ узами самаго близкаго род-ства съ покойнымъ Иваномъ Петровичемъ: я сынъ его родного брата. Отецъ мой, священникъ села Загребичъ, взирая съ долж-нымъ уваженіемъ на знаки отличiя, украшавшіе грудь его брата, инспектора гимназiи, не могъ не сознавать преимуществъ свѣтской службы, и потому опредѣлилъ меня не въ духовныя, а въ свѣтскія училища, и именно въ татаровскую гимназiю, подъ наблюденіе и руководство моего дяди-инспектора. По окончаніи гимназическаго курса, я поступилъ на службу, въ качествѣ по-мощника становаго пристава 1-го стана татаровскаго уѣзда, но вскорѣ, благодаря связямъ и протекціи дяди, получилъ мѣсто особаго слѣдователя по дѣламъ конокрадства и затѣмъ (уже послѣ

смерти дяди) назначенъ былъ на должность судебного слѣдователя—все въ томъ же татаровскомъ уѣздѣ.

Покойный Иванъ Петровичъ былъ холостъ, и потому все его движимое и недвижимое имущество досталось мнѣ, какъ ближайшему родственнику. Разбирая бумаги покойнаго дяди, я нашелъ между ними и приготовленное имъ къ напечатанію продолженіе «Гимназической переписки». Разумѣется, я тогда же далъ себѣ слово привести въ исполненіе намѣреніе дяди и напечатать найденную мною рукопись. Случилось это какъ разъ въ то время, когда, наконецъ, состоялось давно желанное мною перемѣщеніе мое съ должности особаго слѣдователя по дѣламъ конокрадства на должность судебного слѣдователя. Предмѣстникъ мой по этой послѣдней должности сдалъ мнѣ нѣсколько неоконченныхъ арестантскихъ дѣлъ, которыя, какъ извѣстно, не терпятъ отлагательства, вслѣдствіе чего я не могъ немедленно заняться печатаніемъ дядюшкиной рукописи. Не успѣлъ я покончить съ арестантскими дѣлами, какъ польскій мятежъ и проявленія въ краѣ преступной пропаганды потребовали отъ меня самой усиленной служебной дѣятельности и лишили всякой возможности заняться какимъ бы то ни было постороннимъ дѣломъ. Между тѣмъ, благодаря той же служебной дѣятельности, сопряженной, между прочимъ, съ производствомъ обысковъ и конфискованіемъ книгъ и бумагъ, находимыхъ у обыскиваемыхъ, у меня, съ теченіемъ времени, накопилось значительное количество письменнаго матеріала, имѣвшаго, какъ оказалось, близкую связь съ приготовленною къ изданію рукописью дяди. Связь эта объясняется тѣмъ, что мы съ дядюшкою проходили наше служебное поприще въ одной и той мѣстности: онъ по министерству народнаго просвѣщенія, а я—по юстиціи, поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда сферы дѣятельности агентовъ этихъ двухъ министерствъ соприкасались между собою, мы съ дядюшкою занимались изслѣдованіемъ однихъ и тѣхъ же фактовъ и имѣли дѣло съ одними и тѣми же лицами. Специальный сотрудникъ мой по дѣламъ политическаго характера—мѣстный жандармскій офицеръ—былъ такъ любезенъ, что всѣ бумаги, которыя отбирались нами, при производствѣ обысковъ, передавалъ на предварительное разсмотрѣніе мнѣ, какъ получившему гражданское образованіе и, слѣдовательно, нелишенному теоретической подготовки для надлежащей оцѣнки всякаго рода словесныхъ произведеній. Ознакомившись съ содержаніемъ поступившихъ этимъ путемъ на мое разсмотрѣніе бумагъ, я убѣдился, что многія изъ нихъ бросаютъ яркій свѣтъ на событія, характеры и судьбу лицъ, о которыхъ гово-

рилось и въ дядюшкиной «Перепискѣ», но говорилось не довольно полно и ясно. Обстоятельство это навело меня на мысль осуществить идею покойнаго дяди въ болѣе широкихъ размѣрахъ, дополнивъ его «Переписку» матеріаломъ, поступившимъ въ мое распоряженіе путемъ юридической практики. Особенно обильный источникъ свѣдѣній для пополненія дядюшкиной «Переписки» я открылъ въ бумагахъ сына нынѣшняго директора татаровской гимназіи, студента Наивнаго, арестованнаго по обвиненію въ преступной пропагандѣ, и въ бумагахъ учителя татаровской гимназіи, Тропова, подвергшагося обыску, по подозрѣнію въ перепискѣ съ неблагонамѣренными лицами. Не могу при этомъ не упомянуть о слѣдующемъ странномъ явленіи: въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у директорскаго сына, нашлось нѣсколько писемъ къ нему его отца, дышавшихъ внушеніями примѣрной благонамѣренности, а въ числѣ бумагъ сомнительной благонамѣренности, найденныхъ у г. Тропова, оказалось нѣсколько писемъ его сына, дѣлающихъ честь скромности и благоразумію сего юноши. Всѣмъ извѣстно, что теперешній директоръ татаровской гимназіи, г. Наивный, съ первыхъ дней своего поступленія на службу, обнаружилъ необыкновенный талантъ постигать виды и намѣренія начальства и дѣйствовать согласно съ этими видами, несмотря на частую перемѣну начальства и его видовъ. Такъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ былъ передовымъ изъ передовыхъ и, за отличное пониманіе соціально-педагогическихъ задачъ того времени, доказанное имъ его многими журнальными статьями, произведенъ былъ изъ учителей носачовской гимназіи въ инспекторы крюкославской. Не остался онъ позади и тогда, когда виды начальства получили обратное направленіе, и, за отличное пониманіе этихъ новыхъ видовъ, доказанное имъ рядомъ его новыхъ журнальныхъ статей, получилъ мѣсто директора татаровской гимназіи. Казалось бы, примѣръ и наставленія подобнаго отца должны имѣть благотворное вліяніе на образъ мыслей и поведеніе сына. Вышло противное: сынъ благонамѣреннѣйшаго отца оказался отъявленно-неблагонамѣреннымъ. Въ то же время, сынъ учителя Тропова, человѣка безхарактернаго, фантазѣра и притомъ женатаго на католичкѣ, вышелъ юношею съ очень трезвымъ взглядомъ на жизнь. Разъяснить этотъ педагогическій курьёзъ предоставляю тѣмъ, кто болѣе меня свѣдущъ въ дѣлѣ воспитанія и политикѣ—двухъ отраслей чело-вѣческаго знанія, между которыми существуетъ, какъ видно, извѣстное отношеніе, только нельзя навѣрно сказать, какое отношеніе: прямое или обратное? Одни думаютъ, что это отношеніе

прямое, то-есть чѣмъ болѣе политика вмѣшивается въ дѣло воспитанія, тѣмъ болѣе выигрываетъ воспитаніе; другіе думаютъ, что это отношеніе обратное, то-есть чѣмъ болѣе участвуетъ политика въ дѣлѣ воспитанія, тѣмъ менѣе выигрываетъ воспитаніе.

Мой дядя Иванъ Петровичъ, въ предисловіи къ изданной имъ «Гимназической перепискѣ», между прочимъ, говоритъ: «Картина учебной жизни, которую представляетъ «Гимназическая переписка», какъ картина прошедшаго, мало имѣетъ обличительнаго значенія для настоящаго времени; тѣмъ не менѣе я употребилъ всевозможное стараніе, чтобы изображенія разныхъ лицъ, встрѣчающіяся въ этой картинѣ, какъ можно менѣе походили на портреты лицъ дѣйствительныхъ. Для этого, настоящія фамиліи я замѣнилъ вымышленными и уничтожилъ до малѣйшаго слѣда всѣ черты, указывавшія на извѣстныя личности. Пусть никто не ищетъ въ «Перепискѣ» никакихъ намековъ, никакихъ извѣстовъ; пусть никто не старается узнать здѣсь ни себя, ни своихъ знакомыхъ». Столько же изъ уваженія къ примѣру и авторитету дяди, сколько и по моимъ собственнымъ понятіямъ на этотъ счетъ, я тоже съ крайнею осмотрительностью пользовался письменнымъ матеріаломъ, съ которымъ познакомила меня моя юридическая практика. Я выбиралъ изъ этого матеріала только то, что поясняло системы и направленія, пережитыя и переживаемыя учебными заведеніями края, и тщательно исключалъ все то, что могло служить нелестнымъ указаніемъ на дѣятельность и характеръ отдѣльныхъ лицъ. Если въ иныхъ случаяхъ отзывы о системахъ могутъ казаться отзывами о лицахъ, то не моя вина, что извѣстныя системы слишкомъ тѣсно связаны съ извѣстными лицами. Отдавая полную справедливость тѣмъ правиламъ благоразумія и осмотрительности, которыми руководствовался дядя, какъ издатель интимной переписки своихъ сослуживцевъ и другихъ современныхъ ему корреспондентовъ, не могу, однако, не замѣтить, что, печатая свою «Переписку», онъ заботился только о томъ, чтобы не напечатать чего-либо обиднаго для самолюбія и добраго имени отдѣльныхъ лицъ и мало обращалъ вниманія на то, чтобы печатаемое было интересно въ литературномъ отношеніи, какъ картина учебныхъ нравовъ, начертаніе коей тоже входило въ планъ его изданія. Особенно вторая половина «Гимназической переписки», сохранившаяся въ рукописи, страдала этимъ недостаткомъ литературной интересности. Она состояла изъ писемъ, въ которыхъ директоры, инспекторы, законоучители, учителя и надзиратели разныхъ учебныхъ заведеній сообщали другъ другу свои отзывы и заявленія по поводу служебныхъ перемѣнъ и педа-

гогических нововведеній, послѣдовавшихъ въ началѣ шестидеся-
тыхъ годовъ. Обременить изданіе кучею писемъ, въ которыхъ
на разные лады повторялась одна и та же тѣма—пріемъ, недо-
казывавшій въ издателѣ особаго литературнаго такта. Впрочемъ,
въ оправданіе Ивана Петровича, можно замѣтить, что педагоги-
ческія нововведенія, составлявшія главную тѣму приготовленной
имъ къ изданію корреспонденціи, разсматривались корреспон-
дентами какъ нѣчто необыкновенное. Всѣ говорили о нихъ съ
восторгомъ, всѣ усматривали въ нихъ залогъ учебно-воспитатель-
наго возрожденія русской школы. Очень естественно, что Ивану
Петровичу, привыкшему къ старымъ учебнымъ порядкамъ, когда
дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ ограничивалась безмолв-
нымъ рукоприкладствомъ къ кассовымъ книгамъ, критическое
отношеніе чиновъ учебнаго вѣдомства къ учебнымъ вопросамъ
показалось, дѣйствительно, событіемъ необыкновеннымъ, достой-
нымъ того, чтобы всѣ относившіеся къ нему письменные доку-
менты были сохранены для потомства. Доживи Иванъ Петровичъ
до дней классицизма и торжества болѣе зрѣлыхъ педагогиче-
скихъ воззрѣній, онъ, вѣроятно, не отвелъ бы въ своей «Пере-
пискѣ» такого широкаго мѣста педагогическимъ иллюзіямъ шести-
десятихъ годовъ.

Масса писемъ, помѣщенныхъ Иваномъ Петровичемъ въ
продолженіи «Гимназической переписки», если и заслуживала
вниманія, то только какъ интересное свидѣтельство о томъ, что
педагогическимъ иллюзіямъ шестидесятихъ годовъ предавались
не только молодые педагоги, такъ-сказать, естественные побор-
ники прогрессивныхъ нововведеній, но и старые: директора,
инспекторы, законоучители, которымъ, казалось бы, подобало съ
большею осмотрительностью относиться къ проектамъ, діаметраль-
но противоположнымъ ихъ прежней педагогической практикѣ.
Къ удивленію, старые выбивались изъ силъ, чтобы перещеголять
молодыхъ въ заявленіи своихъ симпатій къ прогрессу и, *положа*
руку на сердце, наперерывъ другъ передъ другомъ, порицали
рутину. Особенною крайностью выводовъ въ духѣ новаго на-
правленія отличались педагогическія разсужденія двухъ законо-
учителей, изъ которыхъ одинъ представилъ замѣчательный образ-
чикъ примѣненія сократическаго метода къ преподаванію Закона
Божія, а другой не менѣе замѣчательное мнѣніе о недостаточ-
ности всѣхъ прежнихъ дисциплинарныхъ мѣръ и о преимуще-
ствѣ предъ ними ученическаго самосуда. Этою способностью
усвоивать духъ задаваемыхъ тѣмъ и развивать ихъ въ требуе-
момъ направленіи, съ неборимою силою логики, отличаются,

сколько я могъ замѣтить, по преимуществу наши писатели духовнаго званія.

Въ виду всего вышеизложеннаго, съ одной стороны, съ другой—не считая себя способнымъ дать болѣе интересную литературную форму матеріалу, помѣщенному дядею въ его продолженіи «Гимназической переписки», я предпочелъ большую часть этого матеріала просто исключить изъ рукописи и замѣнить его подходящими документами, добытыми путемъ моей юридической практики.

Очень возможно, что найдутся люди, которымъ не понравится сдѣланный мною выборъ письменныхъ документовъ, приводимыхъ мною съ цѣлью (которую имѣлъ въ виду и покойный дядя)—нарисовать картину современныхъ учебныхъ нравовъ и порядковъ. Недовольные этимъ выборомъ могутъ замѣтить, что судебный слѣдователь, даже получившій высшее образованіе, плохой судья въ дѣлѣ воспитанія, такъ какъ всѣ понятія и сужденія его объ этомъ дѣлѣ не могутъ отличаться тою основательностью, которую даетъ только опытъ и практическое знакомство съ дѣломъ. Но несправедливость подобнаго возраженія доказывается, во-первыхъ—а *posteriori*—служебною практикою по министерству народнаго просвѣщенія; во-вторыхъ—а *priori*—тѣмъ простымъ соображеніемъ, что если въ былое время засѣдателю земскаго суда могло быть поручаемо исправленіе должности уѣзднаго врача, если въ болѣе близкое къ намъ время инспекторъ гимназіи (какъ показываетъ примѣръ дяди) могъ дѣйствовать съ такимъ тактомъ и искусствомъ въ сферѣ обязанностей сыскной полиціи; то почему теперь, послѣ такихъ благодѣтельныхъ реформъ по части общаго образованія, членъ сыскной полиціи не можетъ быть компетентнымъ судьей въ рѣшеніи вопроса о важности или неважности извѣстныхъ документовъ, показывающихъ нравственное состояніе школы.

I.

Отъ инспектора крѣкославской гимназіи, Наивнаго, къ учителю Трезвому.
15 мая 186* года.

Итакъ, это справедливо: тотъ, на кого мы смотрѣли, какъ на вождя и руководителя, кто первый увлекъ насъ въ дѣлѣ школы на рискованный путь опытовъ, кто распаталъ старое и не упрочилъ ничего новаго, теперь оставляетъ свой постъ и, говорятъ, оставляетъ такъ равнодушно, какъ будто секціонную

залу, послѣ эксперимента *in anima vili*. Говорятъ, что многимъ показалось, что онъ уже слишкомъ сдержанно принималъ прощальныя оваціи своихъ почитателей, что многіе изъ этихъ почитателей, стоявшіе къ нему ближе другихъ, оскорбились его холодною и, съ своей стороны, заявили, что отказываются отъ всякой солидарности съ нимъ не только въ будущемъ, но и въ прошедшемъ. И это очень понятно: можно-ли отвѣчать словами холоднаго разсудка и критики на заявленія горячихъ симпатій? Хотя бы изъ уваженія къ торжественной минутѣ прощанія онъ заставилъ себя отнестись съ большимъ вниманіемъ къ требованіямъ обычныхъ приличій. Не знаю, въ какой школѣ гуманности, которую онъ такъ любитъ проповѣдывать, несоблюденіе формъ, принятыхъ въ свѣтѣ, считается признакомъ порядочнаго человѣка? По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ достовѣрнаго источника, его преемникъ иначе смотритъ на эти вещи и ничуть не расположенъ потворствовать либеральничанію, которое ведетъ отъ несоблюденія свѣтскихъ приличій къ несоблюденію требованій службы и можетъ кончиться отрицаніемъ самыхъ серьезныхъ требованій общественнаго порядка. И въ самомъ дѣлѣ, не пора ли намъ бросить всѣ эти туманныя затѣи и дать серьезный отпоръ утопіямъ, и особенно въ этомъ краѣ, гдѣ такой хаосъ разныхъ національныхъ и сословныхъ тенденцій, и гдѣ наше либеральничаніе только поощряетъ надежды и стремленія враждебныхъ намъ элементовъ. Ты, Павелъ Ивановичъ, одаренъ счастливымъ свойствомъ—не легко поддаваться впечатлѣніямъ минуты. Твой критическій умъ удерживаетъ тебя отъ увлеченій, къ которымъ способны другія, болѣе воспріимчивыя натуры. Судя по недовѣрію, съ которымъ ты относился къ педагогическимъ фантазіямъ нашего недавняго прошедшаго, не сомнѣваюсь въ твоемъ сочувствіи къ тому трезвому взгляду на требованія нашей жизни и школы, который высказываетъ наша московская газета. Мнѣ говорили, ты много работаешь; я увѣренъ, что трудъ твой посвященъ развитію идей нашего публициста-патріота. Въ наше время, умная газетная статья, разъясняющая вопросы, отъ способа рѣшенія которыхъ зависитъ будущее нашей жизни и школы, едва-ли не цѣннѣе ученыхъ изслѣдованій спеціалиста. Есть основаніе думать, что взгляды газеты, стоящей на стражѣ интересовъ солиднаго образованія, раздѣляются многими въ нашихъ высшихъ правительственныхъ сферахъ; я увѣренъ, что взгляды эти восторжествуютъ, и новое учебное начальство съумѣетъ оцѣнить услугу, которую окажетъ твое перо его видамъ.

II.

Изъ дѣлъ безуховскаго полицейскаго управленія: рапортъ исправника,
30-го апрѣля 186* года.

Рапортомъ отъ 21-го сего апрѣля, я имѣлъ честь донести вашему превосходительству о самоубійствѣ ученика 6-го класса безуховской гимназіи, Загородскаго, и вслѣдъ затѣмъ получилъ предписаніе, при производствѣ разслѣдованія, обратить особенное вниманіе, насколько справедливъ слухъ о томъ, что причиною самоубійства былъ ученическій самосудъ, допускаемый нынѣ дѣйствующими гимназическими правилами.

Разслѣдованіемъ, произведеннымъ мною совмѣстно съ уѣзднымъ страпчимъ и врачомъ, обнаружено, что комната, въ которой послѣдовало самоубійство, имѣетъ направленіе на востокъ, а пуля, раздробивъ черепъ самоубійцы, получила направленіе на сѣверъ. Самоубійца, сынъ помѣщика безуховскаго уѣзда, католическаго исповѣданія, до поступленія въ 6-й классъ, занимался науками прилежно и въ поведеніи аттестовался одобрительно; но, поступивъ въ 6-й классъ и познакомившись съ проживающею въ Безуховкѣ маршандомодою, дѣвицею католическаго исповѣданія и легкаго поведенія, пересталъ учиться и тратилъ много денегъ на подарки упомянутой маршандомодѣ. Нуждаясь въ деньгахъ и узнавъ, что одному изъ его товарищей прислана значительная сумма, на уплату за частные уроки, онъ похитилъ повѣстку почтовой конторы и, поддѣлавъ на оной подпись инспектора гимназіи, получилъ чужія деньги. Школьные товарищи виновнаго немедленно узнали о подлогѣ и похищеніи, но не довели о томъ до свѣдѣнія учебнаго начальства, а, по оставленному имъ теперь праву самосуда, сами наказали похитителя пятью ударами ремешка, которымъ они опоясываются теперь по брюкамъ, въ чемъ тоже нельзя не усматривать хлопманской демонстраціи, на основаніи сходства упомянутаго ремешка съ крестьянскимъ очкуромъ ¹⁾. При освидѣтельствovanіи, никакихъ знаковъ отъ побоевъ на тѣлѣ не оказалось, ибо удары были наносимы по платью. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что удары эти, нанесенные не установленною властію, а самоуправствомъ товарищей, поддѣйствовали внутренно на наказаннаго и были главною причиною самоубійства. Самоубійца оставилъ письмо, въ которомъ хотя и не упоминаетъ о наказаніи по само-

¹⁾ Очкуромъ называется въ здѣшней мѣстности крестьянская опояска.

суду товарищей, но говорить, что ему такъ стыдно передъ родителями и товарищами, что онъ рѣшился лишить себя жизни. Посему, согласно съ заключеніемъ врача, полагаю, что смерть ученика Загородскаго произошла отъ поврежденія жизненныхъ органовъ ружейною пулею; но что главнымъ поводомъ къ покушенію на самоубійство былъ ученический самосудъ. Не могу при семъ умолчать передъ вашимъ превосходительствомъ о томъ духѣ строптивости, который теперь вообще замѣчается между учениками безуховской гимназіи и о томъ дурномъ примѣрѣ, который подають сами учителя ношеніемъ бородъ, несоблюденіемъ формы и уклоненіемъ отъ посѣщенія храмовъ и отъ обычныхъ поздравленій начальства въ праздничные и высокаторжественные дни. При такомъ состояніи учебной части, я не могу отвѣчать за спокойствіе вѣреннаго мнѣ уѣзда. Что касается слуховъ о посѣщеніи здѣшной мѣстности заграничными эмиссарами, то, къ сожалѣнію, они подтверждаются секретными сборищами здѣшнихъ помѣщиковъ и нѣкоторыми дѣйствіями католическаго духовенства; но я не смѣю приступить къ мѣрамъ пресѣченія, безъ особаго разрѣшенія вашего превосходительства.

III.

Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ инспектору крюкославской, —
Наипному. 5 мая 186* года.

Мы рѣдко переписываемся съ тобою, Иванъ Андреевичъ, когда же, наконецъ, вздумаемъ обмѣняться письмами, то будто только для того, чтобы дать почувствовать другъ другу, какъ, съ каждымъ годомъ, все болѣе расходимся во взглядахъ.

И этотъ разъ, къ прискорбію, я принужденъ оспаривать справедливость высказанныхъ въ твоемъ послѣднемъ письмѣ мнѣній.

Во-первыхъ, позволю замѣтить, ты слишкомъ легкомысленно и несправедливо судишь о дѣятельности на учебно-административномъ поприщѣ нашего знаменитаго фізіолога-мыслителя. Не опыты производилъ онъ надъ школою, а стремился внести въ жизнь нашей школы тѣ начала, въ справедливости которыхъ убѣдился опытомъ всей своей жизни, посвященной наукѣ. Если я и не приходилъ въ восторгъ отъ всѣхъ нашихъ педагогическихъ нововведеній, то не потому, чтобы сомнѣвался въ разумности цѣлей руководителя, а потому, что не ожидалъ ничего хорошаго отъ исполнителей, большинство которыхъ интересова-

лось болѣе всего принципомъ ношенія бородъ и свободою своихъ костюмовъ или же готово было дѣйствовать въ духѣ какихъ угодно принциповъ, лишь бы получить премію за усердіе. Кромѣ того, я сомнѣвался, да и теперь не убѣжденъ въ возможности рационально устроить школу однѣми педагогическими мѣрами, при неблагопріятномъ вліяніи на школу условий жизни. Если поэтому отчасти и справедливо, что учебно - административная дѣятельность знаменитаго фізіолога получила видъ эксперимента *in anima vili*, то виною того не онъ, а та *anima*, съ которою онъ имѣлъ дѣло.

Говоря, что онъ распаталъ все старое и не упрочилъ ничего новаго, ты опять ошибаешься. Развѣ слѣпой или тотъ, кто умышленно закрываетъ глаза, можетъ не видѣть той свѣтлой черты, которая отдѣляетъ прошедшее нашей школы отъ ея настоящаго, собственно въ учебномъ отношеніи. Припомни, въ какомъ состояніи было преподаваніе исторіи, географіи и даже твоей риторики съ пѣтикою, когда визитировало наши школы полуграмотное начальство, и въ какомъ находится теперь, послѣ того, какъ намъ пришлось имѣть дѣло съ судьей вполне компетентнымъ. Развѣ тотъ изъ насъ не взялся за книгу, чтобы восполнить недостатки своего университетскаго образованія, въ комъ не было ни искры ума, ни капли совѣсти. Я знаю людей, которые, до его назначенія попечителемъ нашего округа, кромѣ картъ, ни о чемъ не думали и которые усердно стали заниматься наукою, услышавъ одно его умное и кстати сказанное имъ слово. Возбужденіе умственной дѣятельности въ средѣ учащихся и, вслѣдствіе того, успѣхи преподаванія — вотъ его заслуга.

Если и можно упрекнуть его въ чемъ либо, то развѣ въ томъ, что онъ слишкомъ вѣрилъ въ зиждительную силу идей и мало обращалъ вниманія на нравственный характеръ лицъ, которымъ поручалъ осуществленіе своихъ идей. Для ловкихъ и не очень совѣстливыхъ искателей видныхъ мѣстъ и выспихъ окладовъ не составляетъ особой трудности примѣняться къ требованіямъ какихъ угодно идей и программъ, и если давать видныя мѣста за одно исповѣданіе господствующаго въ извѣстное время учебнаго катихизиса, то можно выдвинуть впередъ толпу дѣятелей очень шаткихъ нравственныхъ понятій и убѣжденій и тѣмъ подготовить паденіе какъ своей собственной системы, такъ и авторитета школы вообще. Вотъ почему я думаю, что идеи, которыми мы такъ увлекались, не выдержать критики очень непродолжительнаго времени. Къ сожалѣнію, уроненныя людьми идеи

будутъ отвергнуты, а люди, ловкіе усвоители начальническихъ идей, по всей вѣроятности, останутся, а съ ними и ихъ нравственная пошлость. Ты говоришь, не пора ли намъ оставить всѣ туманныя теоріи и дать серьезный отпоръ утопіямъ. Не тебѣ бы говорить это, любезный другъ, и не мнѣ слушать. Ты знаешь, что ни Фурье, ни Сень-Симонъ никогда не пользовались моими симпатіями, хотя я и не переставалъ вѣрить въ торжество добра и справедливости. Но каковъ бы ни былъ мой личный образъ мыслей по вопросамъ внутренней политики, я никогда не позволю себѣ вносить политику въ школу и, въ моихъ отмѣткахъ о поведеніи и успѣхахъ учениковъ, не стану соображаться съ ихъ національностью и вѣроисповѣданіемъ. Не дѣти и не юноши выдумываютъ политическую интригу, а приходитъ она въ школу извнѣ и извращаетъ понятія и чувства юношества, незнакомаго съ разсчетами и страстями жизни. Наше дѣло противодѣйствовать злу примѣромъ справедливости и безпристрастія, а не подливать масла въ огонь, употребляя противъ интриги ея же оружіе.

Тебѣ интересно знать, чѣмъ я занимаюсь: учусь, хотя и не въ тѣхъ видахъ, чтобы прослыть спеціалистомъ, при дружескомъ содѣйствіи нашей московской періодической печати, силу которой вполне признаю, хотя и несогласенъ съ тобою на счетъ высокаго значенія этой силы. Не думаю тоже, чтобы мое перо было способно оказать услугу видамъ начальства: оно не настолько впечатлительно, чтобы вдохновляться чужими видами.

V.

Отъ Вѣры Михайловой къ Констанціи Подлипской, 8 сентября 186* года.

Васъ, безъ сомнѣнія, удивитъ мое письменное обращеніе къ вамъ, Констанція Павловна: я взялась за перо, чтобы открыть вамъ мою душу и искать себѣ опоры въ вашемъ участіи и совѣтѣхъ.

Дочь простого, полуграмотнаго солдата, получившаго, вмѣстѣ съ отставкою, офицерскій чинъ и мѣсто надзирателя за учащимися въ гимназіи, я была принята въ учебное заведеніе на казенный счетъ, и теперь, окончивъ курсъ и получивъ право быть учительницею, имѣю возможность честнымъ трудомъ зарабатывать насущный хлѣбъ. Казалось бы, я должна считать себя благодѣтельствованною и чувствовать благодарность... Напротивъ,

полученное мною образованіе только открыло мнѣ глаза на неправду общественныхъ порядковъ и научило презирать и ненавидѣть. Вы не повѣрите, сколько горечи въ моемъ сердцѣ, какъ тягочусь я жизнію, не повѣрите уже и потому, что я не въ состояніи передать вамъ всего этого словами. Чтобы тронуть сердце людей, надо умѣть подѣйствовать на ихъ воображеніе, а я не настолько краснорѣчива. Поэтому, постарайтесь понять горькую правду моихъ простыхъ словъ:—я тягочусь жизнію.

Говорятъ, назначеніе женщины быть матерью, раздѣлять съ избраннымъ человѣкомъ заботы и радости жизни, охранять въ семьѣ чувства кротости и любви. Извините, на эту удочку поймаются теперь не многія изъ насъ. Счастіе семейной жизни—это роскошь человѣческаго существованія, доступная у насъ только тѣмъ, у которыхъ есть довольно матеріальныхъ средствъ, чтобы купить себѣ эту роскошь, а не тѣмъ, для которыхъ жена и дѣти—только обстоятельства, смягчающія вину ихъ нравственнаго паденія. Суровый умственный трудъ и трезвый взглядъ на условія нашей жизни защитили меня отъ соблазновъ воображенія и помогли подавить въ сердцѣ тѣ инстинкты, которыми природа старается уловить насъ въ свои сѣти, для своихъ цѣлей; но ни трудъ, ни размышленіе не облегчили мнѣ ига жизни. Я слишкомъ хорошо понимаю возможность лучшаго для того, чтобы примириться съ тѣмъ, что есть.

Со дня моей первой встрѣчи съ вами, я не переставала думать о васъ, и чѣмъ болѣе разбирала вашъ характеръ и обращеніе, тѣмъ болѣе плѣнялась вами: вашею добротою, вашимъ спокойствіемъ и кротостью. Съ своей стороны, вы были ласковы и внимательны ко мнѣ. Вамъ я обязана знаніемъ англійскаго языка и знакомствомъ съ образцовыми произведеніями европейской литературы. Пусть это послужитъ для васъ объясненіемъ моего настоящаго обращенія къ вамъ. Скажите мнѣ, что даетъ вамъ силу относиться къ жизни такъ спокойно и дружелюбно; пролейте и въ мою душу миръ, которымъ исполнена ваша.

Долго я колебалась, прежде чѣмъ рѣшилась писать къ вамъ; но я рѣшилась, я должна была рѣшиться сдѣлать этотъ шагъ, чтобы отклонить отъ себя мысль о другомъ...

VI.

Отъ Констанціи Подлипской къ Софіи Троповой, 9-го сентября 186* года.

Не можешь ли объяснить мнѣ, *chère amie*, что такое дѣлается съ Вѣрою Михайловою. Вчера я получила ея письмо; оно очень удивило и еще болѣе огорчило меня. Я знала, что и она страдаетъ общимъ недугомъ нынѣшней русской молодежи, — знала, что и она, увлекшись мечтою о предстоящей эманципаціи женщинъ, съ презрѣніемъ относится ко многому, чего требуетъ свѣтъ отъ женщины въ ея настоящемъ положеніи. Но я думала, что этотъ духъ отрицанія не идетъ далѣе отрицанія шиньоновъ, кринолиновъ, комплиментовъ, и никогда не воображала, чтобы недовольство дѣйствительностью и увлеченіе несбыточными мечтами, столь свойственныя, впрочемъ, молодости, могли до такой степени овладѣть всѣмъ существомъ русской семнадцатилѣтней дѣвушки, такъ ожесточить ея сердце и поставить ее въ такія враждебныя отношенія къ семьѣ и обществу. Но, вѣдь, мизантропія не располагаетъ къ сердечнымъ изліяніямъ, и потому думаю, что если Вѣра обратилась ко мнѣ съ своею исповѣдью, то ея сердце еще не совсѣмъ закрылось для чувствъ, болѣе свойственныхъ ея полу и лѣтамъ. Но что я могу сказать ей для того, чтобы примирить ее съ жизнію; какіе идеалы вѣры и любви могу указать ей въ томъ мірѣ, въ которомъ живетъ она и который мнѣ чуждъ и враждебенъ?

Не желая оставить письмо Вѣры безъ отвѣта и не зная, что ей отвѣчать, я рѣшилась показать это письмо человѣку, къ уму и характеру котораго мы всѣ питаемъ безграничное довѣріе, и просить его совѣта. Догадываешься, что говорю о предводителѣ дворянства и почетномъ попечителѣ здѣшней гимназіи. Но, если не ошибаюсь, онъ слишкомъ занятъ соображеніями объ общемъ благѣ края для того, чтобы интересоваться судьбою дочери надзирателя гимназіи изъ сдаточныхъ. Все, что онъ сказалъ мнѣ, ограничивалось совѣтомъ не отвѣчать Вѣрѣ, «потому что», пояснилъ онъ, «если ваша Вѣра, отъ избытка своей гражданской скорби, отравится зажигательными спичками и если, при разслѣдованіи происшествія, въ числѣ ея бумагъ, найдется и ваше письмо къ ней, то все будетъ приписано вліянію дружбы съ полькою и католичкою и васъ привлекутъ къ отвѣтственности». За вечернимъ чаемъ, онъ еще разъ повторилъ мнѣ свой совѣтъ

не отвѣчать Вѣрѣ и, какъ бы въ поясненіе справедливости этого совѣта, прибавилъ: «нахватались разныхъ теорій со всѣхъ концовъ Европы и, не имѣя въ своей собственной жизни никакихъ традицій, кромѣ традицій произвола и грубой силы, теперь не знаютъ чего желать и чему вѣрить. Необуздываемый въ своихъ стремленіяхъ ни завѣтомъ прошедшаго, ни примѣромъ въ настоящемъ, молодой умъ, естественно, дошелъ до заключеній, возмутительныхъ для нравственнаго чувства. Чтѣ для другихъ — роковой результатъ условій жизни, смягчаемый образованіемъ и традиціоннымъ чувствомъ законности, то для нихъ плодъ абсолютныхъ теорій, вносимыхъ въ жизнь со всею необузданностью невѣжества и дикихъ нравовъ. Это ихъ прогрессъ. Чтѣ можетъ остановить фѣрію этого прогресса? Среди всеобщаго лицемѣрія и своекорыстныхъ стремленій, кому повѣрить молодежь, чей авторитетъ станетъ уважать? Примѣры жизни убѣдительнѣе всякихъ словъ, а примѣры эти слишкомъ неназидательны. Не думайте, что ваше участіе, вашъ совѣтъ могутъ измѣнить образъ мыслей и настроеніе госпожи Михайловой. Среда, создавшая ее, вновь овладѣетъ ею. Лучше всего, оставьте ее, оставьте еще и потому, что чѣмъ болѣе въ русскомъ обществѣ личностей, подобныхъ Вѣрѣ Михайловой, тѣмъ выгоднѣе это для дѣла, которому служимъ мы съ вами». Этотъ послѣдній аргументъ, какъ кажется, наиболѣе вѣскій въ глазахъ предводителя, не показался мнѣ особенно убѣдительнымъ. Дорого мнѣ дѣло моего отечества, но я дорожу и честностью моихъ личныхъ отношеній. Искреннее обращеніе Вѣры къ моей дружбѣ я не оставляю безъ равно искренняго отвѣта, но буду отвѣчать ей лично. При личномъ объясненіи, мнѣ легче будетъ высказать Вѣрѣ все то, чтѣ можетъ внушить мнѣ моя искренняя расположенность къ ней. Передай ей, чтѣ я на-дняхъ увижусь съ нею. Въ настоящую минуту мнѣ невозможно отлучиться изъ дому. Жена предводителя уѣхала въ губернскій городъ переговорить и посоветоваться съ настоятелемъ доминиканскаго монастыря, самъ предводитель занятъ въ уѣздѣ введеніемъ уставныхъ грамотъ, на моихъ рукахъ дѣти и все хозяйство. Вотъ почему, несмотря на трехверстное разстояніе, раздѣляющее насъ, раньше пятницы я не могу быть въ Татаровкѣ.

VII.

Отъ учителя новоструйской гимназіи, Зубчевскаго, къ учителю Трезвому.
3-го октября 186* года.

Вы просили меня, многоуважаемый Павелъ Ивановичъ, сообщить вамъ свѣдѣнія о мѣстоположеніи нашего города, о ближайшихъ къ нему текущихъ и стоячихъ водахъ и о рыбной въ нихъ ловлѣ. Всему педагогическому міру юго-западнаго края извѣстно, что вы такой же страстный охотникъ удить рыбу, какъ и отлчйный преподаватель исторіи. Въ виду этой истины, можно предположить, что собираемыя вами свѣдѣнія о топографіи нашего города имѣютъ для васъ не одинъ научный, но отчасти и вашъ личный интерес: не намѣрены ли вы измѣнить Татаровкѣ и перемѣститься къ намъ, на открывшуюся въ нашей гимназіи ваканцію учителя исторіи и географіи? Если такъ, то отъ души желаю, чтобы сообщаемыя ниже свѣдѣнія по части рыбной ловли были найдены вами удовлетворительными и соблазнили васъ предпочесть Новоструйскъ Татаровкѣ.

По части континентальной, нашъ городъ, подобно многимъ другимъ городамъ юго-западнаго края, не можетъ похвалиться выдающимися особенностями: кругомъ его, на далекое пространство—равнина, покрытая весною и осенью грязью, лѣтомъ жатвою, а зимою пеленою снѣга. Но, благодаря извилистому теченію нашей рѣки и множеству устроенныхъ на ней плотинъ, водою мы не бѣдны. Еще въ лѣтописи упоминается о нашемъ городѣ какъ о такомъ, въ которомъ—*кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда*. Первая половина этого лѣтописнаго свидѣтельства и теперь вѣрна; что касается второй, то, по измѣнившимся историческимъ обстоятельствамъ, она, разумѣется, не можетъ считаться характеристическою чертою одного нашего города.

Полагать должно, что обильныя воды нашего города не лишены и свойственнаго водамъ населенія: рыбы на базарѣ у насъ довольно, и не только по пятницамъ, передъ еврейскимъ шабашомъ, но и въ другіе дни недѣли. Но вотъ бѣда:

Іше-ж-то жида-рандари у тому не перестали
На славній Україні всі козацьки ріки заорондовали.
Которий бы козак схотів риби вловити
Жинку свою з дітьми покормити,
То не йди до поша благословитися,
Да пійди до жида-рандаря проситися
Да поступи йому часть одати
Щобъ позволив на річді риби вловити
Жинку свою з дітьми покормити.

Такъ было въ старину, такъ отчасти и теперь, потому что городъ нашъ владѣльческій, и всѣ окрестныя рыбныя ловли отданы владѣльцемъ евреямъ въ аренду. Впрочемъ, право *рыбы ловити* не сопряжено теперь съ такою унизительною процедурою, какою сопровождалось, если вѣрить свидѣтельству думы, въ былое время. Теперь, и окрестные крестьяне, и наши мѣщане, ловятъ рыбу безпрепятственно, съ условіемъ, однако, подѣлиться уловомъ съ арендаторомъ пруда.

Нечего и говорить, что вамъ это право будетъ предоставлено безъ всякихъ условій.

У насъ теперь гоститъ окружный инспекторъ, командированный къ намъ, для изслѣдованія слѣдующаго происшествія: въ концѣ истекшаго сентября, ученикъ 5-го класса нашей гимназіи застрѣлился. Причину самоубійства онъ объяснилъ въ слѣдующихъ двухъ строчкахъ, написанныхъ имъ на столѣ мѣломъ: «лишаю себя жизни, вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго мнѣ директоромъ». Разслѣдованіемъ обнаружено, что самоубійца, возвратившись изъ родительскаго дома, куда былъ отпущенъ на нѣсколько дней, по какой-то экстренной причинѣ, явился къ директору, для доклада о своемъ возвращеніи и для представленія отпускнаго билета, и явился къ директору, согласно требованіямъ формы, въ мундирѣ, но при этомъ, вопреки формѣ, позволилъ себѣ повязать шею цвѣтнымъ галстукомъ и выставить воротнички. Директоръ нашъ человѣкъ добрый, но формалистъ старой школы, счелъ нужнымъ сдѣлать нарушителю формы выговоръ. «Какой это у васъ на шеѣ бантъ», сказалъ онъ, «а это что такое», и при этомъ дернулъ за воротничекъ, а такъ какъ воротничекъ былъ состряпанъ ученикомъ изъ писчей бумаги, то не выдержалъ прикосновенія директорской руки и, отдѣлившись отъ галстука, остался въ рукѣ у директора. Возвратившись отъ директора на квартиру, ученикъ схватилъ привезенное имъ изъ дому заряженное ружье и застрѣлился. Странное дѣло: прежде наносили имъ по тридцати очень чувствительныхъ непріятностей — и они не стрѣлялись, а теперь одно прикосновеніе къ воротничку показалось невыносимымъ оскорбленіемъ. Заговорило ли чувство чести, пригрѣтое повѣявшею на всѣхъ насъ весною, коснулась ли директорская рука не одного только воротничка, были ли еще и другія причины самоубійства — рѣшить трудно. Нельзя, однако, не замѣчать, что вся наша гимназическая молодежь, а равно и все здѣшнее польское общество находятся теперь въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Всѣ костельныя церемоніи совершаются съ необыкновенною торжественностью; въ костю-

махъ дамъ и кавалеровъ замѣчаются эмблематическіе знаки политическаго характера, происходятъ сѣзды и совѣщанія окрестныхъ помѣщиковъ. На всѣ эти знаменія времени полиція наша не обращаетъ никакого вниманія, какъ будто и забыла о существованіи прежнихъ на этотъ счетъ инструкцій и усвоила себѣ гуманные принципы «Современника». Удивительно, какъ чутки мы къ требованіямъ духа времени и какъ быстро мѣняются у насъ точки зрѣнія даже полиціи. И еще говорятъ, что мы равнодушны къ интересамъ нашей общественной жизни.

VIII.

Отъ студента кіевскаго университета, Клыкова, къ студенту московскаго, Бородину. 8-го октября 186* года.

Тебѣ уже извѣстно, другъ Ваня, что тотъ, кому пишуцій сии строки обязанъ своимъ земнымъ существованіемъ, по-просту, мой отецъ, въ видахъ вѣщаго обрусѣнія колыбели русской народности, переведенъ на службу изъ Москвы въ Кіевъ. Разумѣется, съ перемѣщеніемъ отца изъ московской палаты въ кіевскую, должно было послѣдовать и перемѣщеніе сына изъ московскаго университета въ кіевскій.

Люди—вездѣ люди, и студенты—вездѣ студенты; тѣмъ не менѣе есть значительная разница между вопросами, разрѣшенію которыхъ посвящены студенческіе досуги на берегахъ Москвы-рѣки, и вопросами, волнующими студенческіе умы на берегахъ Днѣпра.

Вообще говоря, умы здѣшней университетской молодежи вращаются въ мірѣ задачъ, которыми исторія уже давно пропѣла вѣчную память: поляки мечтаютъ о покойномъ крулѣ, хохлы желали бы возвратиться къ жаргону, на которомъ нѣкогда писались гетманскіе универсалы. О новыхъ соціальныхъ теоріяхъ и великомъ современномъ движеніи въ средѣ народныхъ массъ здѣшняя молодежь рѣшительно не имѣетъ никакого понятія.

Переживаніе перевареннаго исторіею и незнакомство съ идеалами будущаго составляютъ общую характеристику здѣшнихъ тенденцій; въ частности же есть нѣкоторыя особенности. Такъ, поляки главнымъ образомъ раздѣляются на два лагеря: на мошродзеевъ и хлопомановъ. Мошродзеи — это своего рода консерваторы-аристократы. Разумѣется, они тоже мечтаютъ о старой Польшѣ, да и какъ имъ не мечтать о той Польшѣ, въ которой такъ хорошо жилося шляхетскому сословію. Они, однако,

готовы примириться и со всякимъ другимъ правительствомъ, которое было бы расположено принять подъ свою защиту ихъ шляхетскіе интересы и амбицію. Мошродзеями они названы въ насмѣшку, по причинѣ частаго употребленія ими въ разговорѣ словъ «мося добродзею» — старо-шляхетской поговорки. Хлопоманы — это прогрессисты - демократы. Идеаль ихъ независимая Польша, возстановленная на основаніяхъ конституціи 3-го мая 1791 года, съ добавленіемъ къ ней всѣхъ усовершенствованій, выработанныхъ позднѣйшею цивилизаціею въ либеральномъ духѣ. Само собою разумѣется, что въ Польшѣ, возстановленной по этому послѣднему рецепту, всѣ сословныя привилегіи уничтожаются, и хлопы приобрѣтаютъ полнѣйшую гражданскую равноправность, что и подало поводъ мошродзеямъ назвать приверженцевъ этой политической системы хлопоманами.

Что касается хохловъ, то, повидимому, всѣ политическія ихъ тенденціи ограничиваются стремленіемъ приобрѣсть права гражданства — своимъ чоботамъ, нѣкоторымъ другимъ орнаментамъ своего національнаго костюма да тому особенному языку, въ сочиненіи коего они теперь упражняются. Въ высшую политику они пока не вдаются, несмотря на то, что польскіе хлопоманы очень желали бы втянуть ихъ въ эту политику и не перестаютъ на разные лады нашептывать имъ о старомъ союзѣ Польши, Литвы и Руси. Есть цѣлая отрасль польской беллетристики, въ которой стихами и прозою воспѣвается Украина, какъ чудный уголокъ старой Польши, гдѣ панъ и козакъ жили въ любви и дружбѣ, пока чернь и демагоги не вздумали затѣять соціальнаго переворота, погубившаго Польшу и Украину. Польская наука съ своей стороны работаетъ въ томъ же духѣ. Недавно изданъ въ Варшавѣ польскій переводъ Несторовой лѣтописи, въ которомъ ученый переводчикъ въ предисловіи объясняетъ, что лѣтопись эту слѣдуетъ разсматривать какъ первыя страницы не русской, а польской исторіи, потому что Несторы поляне и поляки — одинъ и тотъ же народъ. Недавно я прослушалъ лекцію, въ которой лекторъ-полякъ, на основаніи анатомическихъ и фізіологическихъ данныхъ, старался доказать, что черепъ малоросса представляетъ чистѣйшій типъ черепа славянской расы, а въ черепѣ великоросса замѣчается большое сходство съ черепомъ монгольскаго племени. На всѣ эти заигрыванія хохлы отвѣчаютъ краснорѣчивымъ молчаніемъ, которое, въ переводѣ на артикулированную рѣчь, можетъ означать и то, и другое, смотря по вкусу истолкователя.

Что будетъ дальше, сказать трудно. Судя однако по періо-

личности польскихъ возстаній, полагать должно, что и этотъ разъ дѣло не обойдется безъ рукопашныхъ дебатовъ. Въ исходѣ дебатовъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Послѣ приговора произнесеннаго штыкомъ и пушкою, начнутся, безъ сомнѣнія, размышленія властей гражданскихъ о томъ, какъ водворить въ Польшѣ общерусскіе порядки и слить Польшу съ Россією. Но такъ какъ, съ одной стороны, политическая мудрость властей гражданскихъ еще до сихъ поръ не придумала вѣрнаго средства для сліянія національностей, а съ другой — процессъ этого сліянія совершается въ обществѣ самъ собою, вслѣдствіе развитія здравыхъ понятій о суетѣ всякихъ національныхъ различій и социальныхъ неравенствъ; то и не трудно предвидѣть, что мѣры политической мудрости департаментскихъ чиновниковъ только расчистятъ и подготовятъ въ Польшѣ почву для дѣйствія той всеобъединяющей силы, которую профаны называютъ русскимъ нигилизмомъ, и часть которой составляемъ мы съ тобою, другъ Ваня.

Поляки, вѣроятно, вслѣдствіе своихъ продолжительныхъ и страстныхъ стремленій къ политическимъ идеаламъ старой школы, сильно отстали въ своихъ понятіяхъ отъ здраваго ученія новой социальной науки. Для нихъ немыслимо человеческое общество безъ антуража разнаго феодальнаго хлама, и имъ придется услышать отъ насъ на этотъ счетъ не одно умное слово. Въ настоящее время они еще кичатся своею яко бы политическою зрѣлостью и смотрятъ на наши политическія теоріи, какъ на сумасбродство; но, повѣрь, въ концѣ-концовъ должны будутъ признать насъ своими учителями и подчиниться нашему вліянію.

Полагаю, что не иной будетъ конецъ и хохлацкихъ сепаративныхъ стремленій. Спеціальныя запахи дегтарныхъ чоботовъ испарятся въ атмосферѣ общерусской жизни, и русское «впередъ» покроетъ всѣ другіе племенные лозунги. Совершится же это, какъ полагаю, тоже не безъ содѣйствія мѣръ политической мудрости департаментскихъ чиновниковъ. Обуздавъ польскую интригу въ мірѣ политической сепарации, они, при сей okazji, примутся за обузданіе и хохлацкихъ сепаративныхъ тенденцій въ области пѣнія, произношенія и національныхъ костюмовъ. Разумѣется, испытанная мудрость департаментскихъ чиновниковъ прежде всего поспѣшитъ закрыть всѣ тѣ клапаны, при посредствѣ которыхъ испарялся излишекъ хохлацкихъ сепаративныхъ тенденцій; отдастъ подъ надзоръ полиціи всѣхъ носящихъ смушевыя шапки и мережаныя сорочки; запретитъ литературныя упражненія на жаргонѣ гетманскихъ универсаловъ; предпишетъ

всѣмъ кварталнымъ не допускать въ театрахъ и концертахъ малорусскаго пѣнія; учредить между сѣверомъ и югомъ періодическій обмѣнъ учителей русскаго языка и словесности, для пріученія хохлацкой глотки правильно произносить російскія слова — *пять* и *мясо*. Стѣсненные такимъ образомъ хохлацкія стремленія въ свободномъ проявленіи своихъ орнаментальныхъ, музыкальныхъ и лингвистическихъ особенностей, естественно, направляются къ намъ:

«Славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ».

Съ какой стороны: «вотъ вопросъ».

Теряютъ миллионы на обрусѣніе окраинъ, путемъ канцелярской переписки и преподаванія російской грамматики, и не замѣчаютъ тѣхъ услугъ, которыя, въ дѣлѣ обрусѣнія окраинъ, оказываемъ мы, — нигилисты. Никакая въ мірѣ сила не можетъ замѣнить объединяющей силы разума. Не даромъ же у всѣхъ народовъ земного шара и есть только общаго, что одна общая всѣмъ человѣческая логика.

Надѣюсь, что и моя здѣсь миссія не пройдетъ безслѣдно. Разумѣется теперь, когда національныя страсти возбуждены, не время толковать о глупости строить новое на гниломъ фундаментѣ старыхъ, національныхъ политикъ. Я не такъ простъ, чтобы срамить себя проповѣдью воздержанія передъ подгулявшею компанією. Напротивъ, радуюсь съ веселящимися и скорблю съ скорбящими. Но когда поулягутся страсти, когда мудрыя мѣры департаментскихъ чиновниковъ повыдернутъ всѣ сорныя травы мѣстныхъ особенностей и всѣхъ объединятъ въ общемъ озлобленіи, тогда настанетъ время и для моей проповѣди.

IX.

Отъ статскаго совѣтника Лобенанбрехъ къ генералу Анцулобенбреху 10-го октября 186* года ¹⁾.

Не нахожу словъ, чтобы дать понятіе вашему превосходительству о томъ, что теперь дѣлается у насъ, до чего дошло

¹⁾ Читатель можетъ спросить, какимъ образомъ корреспонденція такихъ высокоблагонамѣренныхъ лицъ, какъ статскій совѣтникъ Лобенанбрехъ и генералъ Анцулобенбрехъ, попала въ собраніе писемъ, составившееся путемъ инспекторскаго контроля моего дяди и путемъ моей собственной юридической практики. Разумѣется, моя практика тутъ не при чемъ, такъ какъ бумаги, принадлежавшія его высокородію г. Лобенанбреху и его превосходительству г. Анцулобенбреху ни въ какомъ случаѣ не могли

буйство здѣшняго польскаго стада. Не знаю, чему болѣе удивляться: буйству ли этого стада, или бездѣйствию властей?

По вечерамъ, какъ только стемнѣетъ, начинается битіе оконныхъ стеколъ въ домахъ и квартирахъ заслуженныхъ чиновниковъ. У меня разбито два. Камень влетѣлъ въ комнату какъ разъ въ то время, когда мы, послѣ вечерняго чаю, всюю семьею, по обыкновенію, еще оставались въ столовой. Наша старшая дочь читала своимъ меньшимъ братьямъ и сестрамъ назидательную книгу; жена моя вязала чудно-прекрасный шарфъ въ подарокъ здѣшнему аптекарю и его супругѣ ко дню двадцатипятилѣтняго юбилея ихъ бракосочетанія, а я, по тому же поводу, клеилъ изъ разноцвѣтной бумаги очень красивую корзинку. Только благодаря случайности, никто изъ насъ не былъ раненъ.

Здѣшніе студенты постоянно устраиваютъ концерты, будто бы, съ благотворительною цѣлью, но въ чью пользу поступаютъ сборы—никому не извѣстно.

Не далѣе какъ вчера, минутъ черезъ пять послѣ того, какъ ушелъ отъ меня казначейскій сторожъ, принесшій мнѣ мое мѣсячное жалованье, ко мнѣ вошелъ въ кабинетъ незнакомый человѣкъ, и съ нахальнымъ видомъ потребовалъ, чтобы я подписалъ и внесъ деньги въ пользу какихъ-то пострадавшихъ отъ пожара. Чтобы прекратить непріятное объясненіе съ человѣкомъ, очень похожимъ на бандита, я, безъ всякихъ разговоровъ, далъ ему 5 рублей, а онъ, тоже безъ всякихъ разговоровъ, взялъ ихъ и ушелъ, даже не кивнувъ мнѣ головою. Подобные собиратели пожертвованій являлись здѣсь ко многимъ. Все это идетъ на поддержаніе мятежа.

Въ костелахъ поютъ какой-то гимнъ, не-положенный по требнику, и даже не церковный, а мятежническій.

Всѣ здѣшнія польки облеклись въ трауръ, хотя положительно извѣстно, что ни одна изъ нихъ не похоронила за это время никого изъ близкихъ родныхъ. Оплакиваютъ онѣ, какъ говорятъ,

---

сдѣлаться предметомъ моихъ судебныхъ изслѣдованій. Поэтому надо полагать, что это случилось слѣдующимъ образомъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 186* года, г. статскій совѣтникъ Лобенанбрехъ былъ командированъ начальникомъ губерніи въ Татаровку, для произведенія слѣдствія по политическому дѣлу, въ которомъ были замѣшаны и ученики татаровской гимназіи. Чтобы избавить г. статскаго совѣтника отъ неудобствъ помѣщенія на постояломъ еврейскомъ дворѣ, дядя пригласилъ его занять помѣщеніе въ свободныхъ комнатахъ зданія гимназіи, которыя обыкновенно занимались лицами, пріѣзжавшими для ревизіи татаровскихъ учебныхъ заведеній. Зная склонность дяди контролировать чужую переписку, остальное угадать не трудно.

смерть какихъ-то трехъ сапожниковъ и двухъ портныхъ, убитыхъ залпомъ, даннымъ нашими войсками во время варшавскаго бунта.

Дамы наши не смѣютъ показаться на улицу въ цвѣтномъ платьѣ: тотчасъ оболъютъ негодяи ѣдкою жидкостью, отъ которой въ платьяхъ дѣлаются дыры.

Само собою разумѣется, что главные зачинщики всѣхъ этихъ безобразій—польскіе студенты и гимназисты. Недавно, по настоянію здѣшнихъ ксендзовъ-законоучителей, было устроено здѣсь торжественное шествіе учащейся молодежи изъ университета и гимназій въ костелъ на молебствіе, хотя въ табели праздничныхъ и высокоторжественныхъ дней никакого праздника подъ тѣмъ числомъ не значилось, а только въ бердичевскомъ календарѣ была отмѣчена память какихъ-то пяти мучениковъ, говорятъ, именно тѣхъ трехъ сапожниковъ и двухъ портныхъ, которые были застрѣлены во время уличнаго бунта въ Варшавѣ.

Студенты профессорскихъ лекцій не посѣщаютъ, а собираются въ университетскихъ залахъ для толковъ о политикѣ. Гимназисты низшихъ классовъ, десятилѣтнія дѣти, видя всеобщій безпорядокъ и отсутствіе всякаго надзора, во время перемѣнъ между уроками, бьютъ оконныя стекла и кричатъ «ура».

Повѣрите ли, ваше превосходительство, ни учебныя, ни гражданскія власти не принимаютъ никакихъ сколько-нибудь дѣйствительныхъ мѣръ для прекращенія этихъ безчинствъ, будто недоумѣваютъ, какъ имъ слѣдуетъ смотрѣть на все это: какъ на бунтъ или же какъ на проявленіе свободы, дозволенной въ либеральномъ государствѣ.

Родственникъ нашъ, директоръ фонъ-Лобенабрехъ, писалъ мнѣ, что и въ его гимназіи та же неурядица. Когда же, наконецъ, переполнится мѣра долготерпѣнія правительства и будутъ приняты надлежащія мѣры!

Х.

Отъ столоначальника канцеляріи учебнаго округа, Доброхотскаго, къ инспектору гимназіи Напвному.—2-го ноября 186* года.

Позвольте, почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ, поблагодарить васъ за штуку голландскаго холста, присланную вами для моей жены и купленную вами, какъ изволите писать, за семь рублей у контробандера. Удивительная дешевизна! Вотъ что значитъ близость границы! Не забывали вы насъ, когда были въ Носа-

човѣкъ, на забываете и теперь. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали изъ Носачовки на инспекторство въ Крюкославъ, я и не пробовалъ моихъ любимыхъ носачовскихъ сухихъ колбасъ.

Спѣшу подѣлиться съ вами интересными новостями. Къ намъ назначены новый начальникъ края и новый попечитель учебнаго округа. И тотъ, и другой, дѣйствуютъ очень энергично въ видахъ обрусѣнія края. Теперь, едва ли не каждая бумага по учебному вѣдомству начинается словами: «въ видахъ противо-дѣйствія польской пропагандѣ и обрусѣнія края», — и всякое ходатайство, подкрѣпленное ссылкой на эти виды, принимается начальствомъ благосклонно. Замѣьте это. Что касается мѣропріятій, то обращается особенное вниманіе на народное образованіе, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ народнымъ просвѣщеніемъ. Со дня открытія дѣйствій канцеляріи кіевскаго учебнаго округа, велась въ ней переписка по народному просвѣщенію и распре-дѣлялась, согласно штатамъ 1834 года, между тремя столоначальниками. Переписка же по народному образованію только теперь завелась, вслѣдствіе чего открыть у насъ новый, четвертый столъ, въ который поступаютъ бумаги, касательно школъ, заводимыхъ въ селахъ для простолюди. Чѣмъ собственно отличается народное просвѣщеніе отъ народнаго образованія, относительно правъ и преимуществъ служащихъ, сказать не могу, такъ какъ штаты по народному образованію еще не вышли.

Въ видахъ усиленія русскаго элемента (замѣтите, что слово *элементъ* имѣетъ теперь большую силу), приглашаются чиновники изъ внутреннихъ губерній, съ назначеніемъ имъ прибавки къ жалованію изъ суммъ процентнаго сбора.

Для противодѣйствія польской интригѣ, польскій катехизисъ будетъ преподаваться на русскомъ языкѣ.

Не смѣю судить о видахъ начальства въ другихъ отношеніяхъ, но относительно канцеляріи, теперешніе виды предпочтительнѣе прежнихъ. Слова: *процентъ*, *интрига*, *обрусѣніе*, не иностранныя, а чисто русскія, и канцелярскіе писцы ни мало не затрудняются ихъ правописаніемъ, тогда какъ слова: *катехизизація*, *протопоны*, *постулятъ*, безпрестанно повторявшіяся въ канцелярской перепискѣ, при прежнихъ видахъ, очень затрудняли писцовъ, и они перепортили не мало казенной бумаги, писавши *катехизизисъ* вмѣсто *катехизизація*, *протопоны* вмѣсто *протопоны* и *постила* вмѣсто *постулятъ*. Теперь писцы наши ошибаются только въ словѣ *элементъ*, смѣшивая его съ польскимъ словомъ *ляментъ*, которое значитъ совсѣмъ нѣчто другое.

На счетъ назначеній и перемѣщеній пока ничего не слышно, если же узнаю что-либо, то не премину сообщить вамъ.

XI.

Отъ статскаго совѣтника Лобенанбреха къ генералу Анцулобенбреху, 6-го ноября 186* года.

Мнѣ пріятно доложить вашему превосходительству, что наконецъ прекратились колебанія здѣшнихъ властей. Нѣсколько примѣровъ строгости — и вездѣ водворились порядокъ и тишина. Давно бы слѣдовало такъ поступить съ этими буянами, которые любятъ много говорить о правахъ, а повинуются только одной силѣ. Какъ увидѣли, что съ ними не шутятъ, вдругъ присмирѣли. Теперь не услышишь на улицахъ не только мятежническихъ гимновъ, но и польской рѣчи; въ селахъ польскіе помещики повинуются не только становымъ приставамъ, но и волостнымъ правленіямъ.

Что касается учебныхъ заведеній, то одинъ видъ роты солдатъ, выстроенной передъ зданіемъ гимназій, и нѣсколько энергическихъ словъ, сказанныхъ гимназистамъ новымъ попечителемъ, сдѣлали то, чего не могли сдѣлать никакія вразумленія мѣрами кротости.

Нельзя не пожелать, чтобы, послѣ всѣхъ бывшихъ здѣсь безпорядковъ, русское правительство наконецъ убѣдилось, что поблажки только усиливаютъ въ полякахъ врожденный имъ духъ неповиновенія и буйства. Поляки — это самое злое и ненавистное исчадіе славянскаго племени, которое все вообще, безъ внушенія нагайки и руководства другихъ, болѣе интеллигентныхъ расъ, не способно понимать необходимость порядка, для достиженія высшихъ цѣлей человѣческой культуры.

XII.

Отъ генерала Анцулобенбреха къ статскому совѣтнику Лобенанбреху, 28 ноября 186* года.

Очень благодаренъ вамъ, любезный другъ и двоюродный братъ, за сообщеніе свѣдѣній, изложенныхъ вами въ письмахъ отъ 10 октября и 6 ноября сего 186* года.

Какъ ни страннымъ можетъ показаться вамъ это, но я долженъ сказать вамъ, что въ ходѣ изложенныхъ вами событій я

не увидѣлъ ничего такого, что могло бы поразить меня, какъ неожиданность. Будьте увѣрены, что предусмотрительность и бдительность правительства никогда не ослабѣвали. Польскій вопросъ слишкомъ тѣсно связанъ съ интересами сосѣдней и дружественной намъ державы для того, чтобы можно было усомниться въ правильности мѣръ правительства и развязкѣ вопроса.

Правительство русское, еще со временъ вѣнскаго конгресса, увлекалось благородною мыслию привязать поляковъ, щадя особенности ихъ внутренней жизни, и слить обѣ націи въ одинъ государственный организмъ, путемъ мирнаго развитія. Духъ мятежа, свойственный, какъ вы справедливо замѣтили, полякамъ, всегда разстроивалъ благія предначертанія правительства. При мѣрѣ государства, которое прежде всѣхъ сознало необходимость потушить этотъ очагъ вѣчныхъ смутъ и мятежей, указываетъ на дѣйствительность и успѣшность другихъ мѣръ. Онѣ будутъ приняты. Считаю излишнимъ распространяться на счетъ подробностей проектируемыхъ мѣръ, и скажу только, что, въ виду этихъ мѣръ, вамъ, какъ остзейскому дворянину, можетъ открыться почетное и доходное поприще служебной дѣятельности, для обрусѣнія ополяченнаго края, въ которомъ вы служите.

Этимъ письмомъ оканчивается дядюшкина рукопись. Хотя дядя и скончался въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но свою «Переписку» довелъ только до начала шестидесятыхъ. Безъ сомнѣнія, вышедши въ отставку и ставъ самъ въ ряды простыхъ смертныхъ, подчиненныхъ всестороннему контролю дѣйствующихъ властей, дядя не имѣлъ уже ни возможности, ни права пользоваться тѣми средствами знакомства съ чужими письмами, какими пользовался, пока состоялъ на службѣ. Съ какою, однако, разборчивостію и съ какимъ тактомъ воспользовался дядя, какъ литераторъ, матеріаломъ, оставшимся у него въ рукахъ, какъ у инспектора гимназіи, видно уже и изъ того, что, опубликованіемъ своей «Гимназической переписки», онъ не навлекъ на себя неудовольствія никого изъ своихъ сослуживцевъ, разбѣянныхъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ края. Напротивъ, со всѣми сохранилъ свои прежнія добрыя отношенія, а со многими находился въ постоянной дружеской перепискѣ. Благодаря этому обстоятельству, послѣ смерти дяди, я, въ числѣ его бумагъ, кромѣ рукописи, нашелъ еще такое количество писемъ разныхъ инспекторовъ и учителей, что, на основаніи однихъ этихъ писемъ, могъ бы начертать довольно

полную картину школьных нравовъ и порядковъ ближайшаго къ намъ времени. Но, для начертанія такой картины, я обладаю матеріаломъ болѣе обильнымъ, надежнымъ и интереснымъ, чѣмъ эти письма: это письменные документы, добытые мною путемъ моей юридической практики.

Случаи моей служебной дѣятельности по дѣламъ, въ которыхъ главными участниками являлись лица учебнаго вѣдомства, стали особенно часты въ ближайшее къ настоящему время, а въ эти послѣдніе два года, я, какъ судебный слѣдователь, только то и дѣлалъ, что переходилъ отъ одного учебнаго заведенія къ другому для производства разнаго рода слѣдствій. Гимназисты и студенты допрашивались по дѣламъ политическимъ; учителя и учительницы (особенно народные) подвергались арестамъ, какъ агенты преступной пропаганды; начальники учебныхъ заведеній являлись на судѣ въ качествѣ потерпѣвшихъ оскорбленія дѣйствіемъ отъ своихъ же воспитанниковъ; цѣлыя учебныя заведенія и пансіоны обыскивались по подозрѣніямъ въ распространеніи учениками книгъ преступнаго содержанія; книги, тетради, химическіе составы, физическіе инструменты, словомъ—вся учебная амуниція и багажъ составляли *corpus delicti* на судахъ и слѣдствіяхъ. Послѣ каждаго изъ случаевъ моей служебной дѣятельности въ средѣ лицъ учебнаго вѣдомства, у меня оставалось не мало документовъ, рисующихъ духъ и направленіе современной школы. Независимо отъ того, ходъ производившихся слѣдствій часто заставлялъ меня обращаться за справками къ судебнымъ слѣдователямъ другихъ мѣстностей, и я получалъ отъ этихъ слѣдователей извѣщенія, рѣзкими чертами свидѣтельствовавшія о настроеніи учащейся молодежи. Полагаю, что этого матеріала болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы представить очень документную картину состоянія нашей школы за послѣднее десятилѣтіе. Несмотря однако на обиліе и подлинность всѣхъ имѣющихся у меня документовъ, несмотря на несомнѣнную достоверность многихъ изъ нихъ, мнѣ не такъ-то легко употребить ихъ въ дѣло. Во-первыхъ, документы эти свидѣлствуютъ о ненормальномъ, крайне болѣзненномъ состояніи школы, рисуютъ картину школьных нравовъ и порядковъ непривлекательными чертами. Безъ-сомнѣнія, обязанности моей судебно-слѣдовательской должности пріучили меня встрѣчаться съ разнаго рода общественными язвами и недугами и переносить ихъ впечатлѣнія безъ особенной скорби,—однако пріучили не до такой степени, чтобы описаніе и анализъ язвъ и недуговъ могли доставлять мнѣ удовольствіе. Ожесточеніе и гибель молодежи, стыдъ и отчаяніе

отцовъ и матерей,—не слишкомъ пріятные сюжеты для литературныхъ этюдовъ, тѣмъ болѣе, что сюжеты эти не вымышленные, въ родѣ страданій молодого Вертера, а слишкомъ реальные. Во-вторыхъ, многіе документы принадлежать перу лицъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, враждебно относящихся къ современной школѣ, и, слѣдовательно, не безпристрастныхъ; иные написаны подсудимыми, подвергшимися судебному преслѣдованію за нарушеніе именно школьныхъ порядковъ и по тому самому старающимися сложить свою личную вину на вину школы, согласно съ основнымъ началомъ современной юридической казуистики: *la société—c'est le grand coupable*. Само собою разумѣется, что на правдивость подобныхъ свидѣтелей трудно положиться. Обстоятельство это, а равно и то уваженіе, съ какимъ я привыкъ относиться ко всѣмъ мѣропріятіямъ и распоряженіямъ начальства, не могли не поколебать во мнѣ рѣшимости печатать документы, переполненные упреками современной школѣ. Я не могъ не подумать, что если эти упреки неосновательны, если нѣкоторый нравственный хаосъ, въ которомъ находится современная школа, есть только слѣдствіе одной новизны заводимыхъ въ ней порядковъ, то, разглашая путемъ печати неосновательные упреки школѣ, я дѣлаюсь нѣкоторымъ образомъ сообщникомъ злонамѣренныхъ ея порицателей. Въ-третьихъ, во многихъ документахъ критика общихъ мѣропріятій и распоряженій начальства до того перемѣшана съ самыми рѣзкими и неодобрительными отзывами объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ исполнителей, что я, придерживаясь принятаго мною правила говорить о системахъ и направленіяхъ, а не о личностяхъ, не находилъ никакой возможности напечатать эти документы даже съ пропусками. Только тотъ, кто имѣетъ очень смутныя и шаткія понятія о требованіяхъ служебнаго долга и чести, можетъ позволить себѣ повторять чужіе толки, обидные для добраго имени и чести другихъ.

Вотъ причины, по которымъ я считаю нужнымъ воздержаться отъ печатанія многихъ имѣющихся у меня документовъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока безпристрастное время не произнесетъ своего приговора о правыхъ и виноватыхъ, и ограничиваюсь печатаніемъ только такихъ, которые, даже въ случаѣ ихъ несправедливаго свидѣтельства, могутъ способствовать разъясненію вопроса о состояніи современной школы.

XIII.

Отъ окончившаго курсъ гимназій Ивана Карасевича къ его дядѣ, директору сахарнаго завода.

25-го іюня я выдержалъ мой послѣдній гимназическій экзамень; 26-го мнѣ объявлено было, что, по опредѣленію педагогическаго совѣта, я удостоенъ аттестата зрѣлости и золотой медали; 27-го распродалъ и раздарилъ всѣ свои латинскія и греческія грамматики, съ прикосновенными къ нимъ писателями — орудіями моей восьмилѣтней пытки, купилъ акустику Гельмгольца и химію Менделѣева и уѣхалъ въ родную Татаровку. Итакъ, дорогой дядя, отнынѣ и до конца дней моихъ я свободенъ отъ каторги грамматическаго водотолченія.

Простите мнѣ, дядя, если я позволю себѣ, въ видѣ прощальнаго слова курсу моего грамматическаго ученія, высказать предъ вами мои недружескія къ нему чувства, по-просту сказать, если позволю себѣ выругаться и тѣмъ облегчить душу, истомленную восьмилѣтнимъ зубреніемъ разныхъ грамматическихъ нелѣпицъ. Природѣ угодно было наказать меня непокорнымъ умомъ: я никакъ не могу усвоить себѣ чужого мнѣнія, не убѣдившись въ его справедливости, а тѣмъ болѣе никакъ не могу выдалбливать уроковъ, которыхъ не понимаю. Вся суть теперешняго гимназическаго ученія заключается въ заучиваніи разныхъ грамматикъ, а болѣе всего — грамматики латинской, этой праматери всѣхъ остальныхъ. Въ низшихъ классахъ, благодаря памяти и свойственной дѣтямъ способности понимать по-своему какую угодно словесную чепуху, заучиваніе грамматическихъ правилъ давалось мнѣ легко; но въ высшихъ, когда разсудокъ вступилъ въ свои права и сталъ требовать ясности и послѣдовательности отъ предлагаемыхъ ему къ усвоенію сужденій, заучиваніе грамматики стало для меня невыносимою пыткой. Чтобы озарить хотя какимъ-нибудь свѣтомъ разумѣнія густой мракъ школьной грамматики и тѣмъ облегчить себѣ ея изученіе, я старался познакомиться съ изслѣдованіями о языкѣ новѣйшихъ филологическихъ авторитетовъ: прочиталъ лекціи Макса Мюллера, читалъ Штейнтала, и если изъ этого чтенія не вынесъ яснаго и отчетливаго пониманія всего того, о чемъ говорится въ грамматикахъ, то по крайней мѣрѣ убѣдился въ полнѣйшей научной несостоятельности той грамматики, которая преподается намъ въ школѣ.

Чтобы слова мои не показались вамъ, дорогой дядя, пустою школьническою выходкою, я обращаюсь къ свидѣтельству фактовъ.

Въ теченіи моего гимназическаго курса, мнѣ преподавали русскую грамматику три учителя: въ двухъ низшихъ классахъ преподавалъ—одинъ, въ двухъ среднихъ—другой, въ трехъ высшихъ повѣрялъ и дополнялъ наши грамматическія познанія третій. Всѣ три, надо отдать имъ справедливость, не мучили насъ заучиваніемъ грамматическихъ правилъ по книгѣ (какъ это дѣлають учителя латинскіе), а знакомили насъ съ грамматикою практически, при разборѣ предложеній; за то каждый изъ нихъ имѣлъ свою особую грамматическую теорію и особую терминологію. У одного было три части предложенія, у другого—только двѣ; одно и то же слово одинъ называлъ нарѣчіемъ, другой—прилагательнымъ; у одного были одни правила правописанія, у другого—другія. Такимъ образомъ, въ теченіи гимназическаго курса, мы принуждены были трижды заучивать и переучивать русскую грамматику и, въ отвѣтахъ нашихъ, соображаться съ тремя различными грамматическими теоріями. Это грамматическое разногласіе скандальнѣйшимъ образомъ высказалось на нашемъ выпускномъ экзаменѣ, производившемся въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи и въ присутствіи профессора русской словесности, какъ депутата отъ университета. Разбиралось слѣдующее предложеніе: «знать много языковъ пріятно». Учитель русскаго языка въ низшихъ классахъ, опираясь на авторитетъ г. Кирпичникова, утверждалъ, что подлежащее въ этомъ предложеніи слово—*знать*, сказуемое—*пріятно*. Учитель среднихъ классовъ, почтенный старичокъ изъ воспитанниковъ духовной семинаріи, полагалъ, что подлежащее—*пріятно*, а сказуемое—*знать*. Учитель высшихъ классовъ доказывалъ, что въ данномъ предложеніи нѣтъ подлежащаго, а есть одно сказуемое—*пріятно*, съ дополнительнымъ къ нему словомъ *знать*. Учитель низшихъ классовъ, послѣдователь грамматики г. Кирпичникова, говорилъ, что если слово *знать* замѣнить словомъ *знаніе* (что всегда возможно и позволительно), то выйдетъ предложеніе «знаніе многихъ языковъ пріятно», въ которомъ слово *знаніе* играетъ несомнѣнную роль подлежащаго. Въ опроверженіе этого довода, почтенный старичокъ изъ воспитанниковъ духовной семинаріи замѣтилъ, что именно посредствомъ этого вполнѣ грамматическаго приѣма—замѣнять одно слово другимъ, онъ, замѣнивъ слово *пріятно* словомъ *пріятность* и построивъ предложеніе «пріятность присуща знанію многихъ языковъ», дошелъ до убѣжденія, что въ разбираемомъ предложеніи въ роли подлежащаго выступаетъ понятіе о пріятности, а не о знаніи. Учитель высшихъ классовъ, указавъ предварительно своимъ оппонентамъ на важность сравнительнаго языкознанія въ рѣше-

ніи грамматическихъ вопросовъ, пригласилъ ихъ фразу: «знать много языковъ пріятно» сказать по-французски или по-нѣмецки. Французское «il est agréable» и нѣмецкое «es ist angenehm» ясно показываютъ, что русское: *пріятно* есть сказуемое и употреблено въ значеніи безличнаго составнаго глагола. Приглашеніе говорить по-французски и по-нѣмецки нѣсколько сконфузило почтеннаго старичка изъ воспитанниковъ семинаріи, который, какъ кажется, не обладаетъ знаніемъ ни германскаго, ни франко-гальскаго нарѣчія; по его выручилъ изъ бѣды профессоръ университета, замѣтивъ, что ни нѣмецкій, ни французскій языкъ русскому не указчикъ, что вообще языки, въ проявленіи своихъ особенностей, очень прихотливы, и потому можетъ случиться, что подлежащее, съ точки зрѣнія одного языка, въ другомъ — является сказуемымъ. Профессорское замѣчаніе прекратило споръ; но мы, ученики, не могли не подумать: семь лѣтъ руководили насъ въ отыскиваніи подлежащихъ и сказуемыхъ, съ дополнительными и опредѣлительными, набивали намъ головы разными правилами и исключеніями, за познаніе ихъ ставили двойки, единицы и исключали изъ гимназій; но, кажется, господа, вся наука валпа не болѣе, какъ наборъ пустыхъ фразъ, въ которыхъ вы сами себѣ не можете дать отчета. Жалѣю, что въ настоящую минуту у меня нѣтъ подъ рукою моихъ грамматическихъ учебниковъ; я бы могъ взять любой изъ нихъ, выписать любое изъ него мѣсто и попросить васъ, дядя, сказать по совѣсти, насколько изложенное въ немъ грамматическое ученіе выдерживаетъ критику и можетъ быть понятно не только для дѣтей, но и для юношей, если дѣти и юноши, для усвоенія грамматики, вздумаютъ обратиться къ пособию разсудка, а не памяти. Но я еще и теперь помню буква въ букву многіе параграфы грамматической науки и попрошу васъ обратить вниманіе, на примѣръ, на слѣдующій обращикъ:

«§ 7. При помощи количественнаго измѣненія гласныхъ (§ 5) произошли: первоначально краткіе: *э, ѣ и ѣ*, иначе называемые полугласными, и первоначально долгіе, къ которымъ принадлежатъ *ы и ю*. Такъ какъ долготу и краткость гласнаго звука мы теперь не отличаемъ, то естественно могли забыть первоначальное значеніе буквъ *э, ѣ и ѣ*. Буква *э* стала для насъ то же, что *е, а ѣ и ѣ* имѣютъ теперь смыслъ только слитно съ согласными, показывая твердое или мягкое ихъ произношеніе: напр. *уголѣ* и *уголь*, *обязываетъ* и *другими*; первоначально же въ славянскомъ языкѣ *э* означало краткіе звуки *а, у, о*, а *ѣ* краткіе *и, е, а* частію *а*».

Накажи меня Господь, если я тутъ хотя что-нибудь понимаю. Мой умъ подавленъ массою разныхъ непостижимостей и противорѣчій.

Но что особенно приводитъ меня въ недоумѣніе, доводящее до пререканія, такъ это конецъ параграфа, если сравнить его съ началомъ. Въ началѣ параграфа говорится, что, при помощи количественнаго измѣненія гласныхъ, произошли: первоначально краткіе: *э, ѳ, ѱ*, и первоначально долгіе: *ы* и *ю*, разумѣется, какъ звуки самостоятельные, отличные и по своему тѣмбру отъ тѣхъ, отъ которыхъ произошли, а въ концѣ параграфа утверждается, что первоначально *э* только означало краткіе звуки: *а, у, о*, а *ѳ* — краткіе *и, е* и частью *а*. Какое тутъ «*первоначально*» первоначальнѣе — рѣшить трудно; но то несомнѣнно, что обоимъ рядомъ быть не приходится. И почему это въ концѣ параграфа говорится объ *и* и *е*, о которыхъ не упоминается въ началѣ, и какъ надо произносить это *е*: *э* или *йэ*?

Очень возможно, что всѣ изложенныя мною недоумѣнія не болѣе какъ слѣдствіе моего грамматическаго невѣжества. Но если эти недоумѣнія могли возникнуть въ головѣ окончившаго курсъ гимназіи съ золотою медалью, то еще менѣе вразумительными они могутъ показаться ученикамъ 4-го класса, для которыхъ и написаны. Къ счастью или къ несчастью, между учениками 4-го класса не возникаетъ недоразумѣній на-счетъ вразумительности правилъ грамматической мудрости, потому что вся она задалбливается ими наизусть.

Откровенно скажу вамъ, дорогой дядя, что я ненавижу и презираю школьную грамматику. Ненавижу потому, что слишкомъ высоко цѣню истинное языкознаніе, какъ высшую и благороднѣйшую отрасль естествознанія; презираю потому, что она остатокъ средневѣковой схоластики, что она наполнена вздоромъ, невыдерживающимъ критики ни науки, ни даже простого здраваго смысла, что она приучаетъ молодежь вѣрить на-слово книгѣ и тѣмъ имѣть вредное вліяніе на ея умственное развитіе. Ошибается тотъ, кто думаетъ, что грамматика — это практическое упражненіе въ логикѣ. Напротивъ, это оскорбленіе здравой логики, цѣль которой — знаніе, а не одна умственная гимнастика. Какой трезвости, основательности, осмотрительности въ мысляхъ и сужденіяхъ можете ожидать отъ того, кто не повѣрялъ и не освѣжалъ своей умственной работы неподкупнымъ свидѣтельствомъ опыта и дѣйствительности. Какой любви къ наукѣ можете требовать отъ того, для кого наука была пыткой, а не наслажденіемъ, кто занимался только затверживаніемъ пустыхъ звуковъ.

Вы скажете, что грамматика необходима, какъ ключъ къ пониманію классиковъ. Но что общаго между схоластическою грамматикою и классиками, между продуктомъ средневѣковаго невѣжества и сокровищами классической литературы? И если уже затверживаніе общихъ грамматическихъ правилъ и категорій необходимо для того, чтобъ познакомиться съ языками классической литературы, то учите насъ этой грамматикѣ настолько, насколько она необходима для пониманія классиковъ, учите съ толкомъ, не обращайтесь въ цѣль и не приносите въ жертву Молоху вашей грамматики—и классиковъ, и знаніе, и умственную жизнь молодыхъ поколѣній.

XVII.

Отъ учителя словесности безуховскаго реальнаго училища, Громова, къ учителю крѣкославской гимназій, Гусакову.

Я видѣлъ величайшее изобрѣтеніе нашего вѣка, столь богатаго всякими изобрѣтеніями,—я видѣлъ фонографъ. Въ Менло-Паркѣ, въ лабораторіи Эдисона, изобрѣтателя фонографа, при мнѣ были произведены опыты съ фонографомъ и я былъ пораженъ результатомъ этихъ опытовъ. Тебѣ, дорогой другъ, Игнатій Степановичъ, можетъ показаться страннымъ, что я, словесникъ, посланный правительствомъ за-границу съ цѣлью ознакомленія съ гимназическимъ преподаваніемъ словесныхъ наукъ, извѣщаю тебя, словесника же, объ открытіяхъ въ области наукъ естественныхъ; но ты перестанешь удивляться, когда узнаешь, въ чемъ дѣло: фонографъ—говорящая машина. И тебѣ, любезный другъ, твердили, и ты самъ учишь другихъ, что только человѣческія уста могутъ ясно и отчетливо артикулировать согласные звуки, что никакой механизмъ не способенъ воспроизвести ихъ вполне удовлетворительно, что совершеннѣйшая изъ машинъ — машина Кемпельна — издавала звуки, только напоминавшіе звуки согласныхъ: *т, к, п*; и вотъ Эдисонъ изобрѣлъ машину, которая не только говоритъ, — поетъ, декламируетъ, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей голоса любой пѣвицы и дикціи любого оратора, но и способна разъяснить для науки всѣ тайны артикулированнаго звука. Машина Эдисона отвѣчаетъ таинственными знаками на оловянной пластинкѣ, съ неподкупною правдивостью и математическою точностью, на такіе вопросы фонетики, на которые самъ Вильгельмъ Гумбольдтъ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Дай Богъ, чтобы у нашихъ филологовъ

достало довольно здраваго смысла заняться разгадкою таинственныхъ знаковъ фонографа и довольно знанія и соображенія разгадать ихъ. Тогда только важнѣйшая часть грамматики — фонетика — выйдетъ изъ того жалкаго состоянія, въ которомъ теперь находится.

Фонографъ, подобно всѣмъ другимъ великимъ изобрѣтеніямъ, отличается чрезвычайною простотою своей основной мысли. Всѣ физики знали, что звуки человѣческой рѣчи, раздающіеся въ другой комнатѣ, мы слышимъ черезъ тонкія стѣны и перегородки, благодаря движенію не тѣхъ волнъ воздуха, которыя возбуждены устами говорящихъ, а тѣхъ, которыя возбуждены сотрясеніями тонкихъ стѣнъ и перегородокъ, какъ результатомъ звуковъ, произносимыхъ въ другой комнатѣ; но до Эдисона никому не приходило въ голову, на основаніи этого простого физическаго даннаго, устроить говорящую машину, — по крайней мѣрѣ никому не удалось воспользоваться этимъ даннымъ для устройства говорящей машины съ такимъ успѣхомъ, какъ это удалось Эдисону. Эдисонъ сообразилъ, что если стѣны и перегородки замѣнить пластинкою — тонкою, упругою, вполне чувствительною къ впечатлѣніямъ звука, если сдѣлать такъ, чтобы вибраціи пластинки, возбужденныя въ ней звукомъ человѣческой рѣчи, могли отпечатлѣться на какой-нибудь движущейся поверхности, положимъ — на листкѣ олова, если потомъ, въ обратномъ порядкѣ, посредствомъ знаковъ, оставленныхъ на оловѣ колебаніями пластинки, возбудить въ самой пластинкѣ колебанія, соотвѣтствующія знакамъ, то пластинка издастъ точно такіе же звуки, какими сама первоначально была приведена въ движеніе.

Не менѣе просто и практическое осуществленіе всѣхъ этихъ соображеній: къ вибрирующей пластинкѣ придѣланъ штифтъ, который остриемъ своимъ касается листка олова, положеннаго на цилиндръ, приводимый въ движеніе ручкою. При движеніи цилиндра въ одну сторону, колебанія пластинки, возбужденныя въ ней звукомъ рѣчи, оставляютъ на оловѣ знаки, въ видѣ точекъ и черточекъ; при обратномъ движеніи цилиндра, знаки, оставленные на оловѣ, задѣваютъ остріе штифта, приводятъ въ движеніе пластинку и вызываютъ въ ней звуки точно такіе же, какъ и тѣ, которыми пластинка первоначально была приведена въ движеніе.

Эдисонъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ сказать нѣсколько словъ по-русски; я произнесъ: «Честь и слава господину Эдисону, изобрѣтателю фонографа», и фонографъ совершенно отчетливо, съ сохраненіемъ сдѣланныхъ мною удареній и даже,

какъ мнѣ показалось, моимъ собственнымъ голосомъ повторилъ мои собственные слова.

Считаю излишнимъ распространяться о возможныхъ примѣненіяхъ фонографа, толками о которыхъ наполнены въ настоящее время американскія газеты и журналы. Фонографъ, говорятъ они, замѣнитъ учителя грамотности: стѣбитъ только на крышкѣ фонографа придавить пуговку, на которой начертана буква *а* или слогъ *ба*, и фонографъ произнесетъ: *а*, *ба*. Фонографъ вытѣснитъ книгопечатанье: стѣбитъ только вертѣть ручку фонографа — и онъ, со всевозможнымъ совершенствомъ декламациі, прочтетъ вамъ романъ Диккенса, начертанный его таинственными знаками на небольшомъ листѣ олова. Фонографъ упразднитъ оперу: за 5 копѣекъ онъ пропоетъ вамъ любую арію Патти, съ сохраненіемъ всѣхъ музыкальных прелестей ея голоса, тѣмбра, манеры. Фонографъ облегчитъ композиторамъ записыванье мотивовъ, чуть мелькнувшихъ въ ихъ творческомъ умѣ, и даже поможетъ изобрѣтать новые мотивы: стѣбитъ только вертѣть ручку фонографа въ обратномъ порядкѣ звуковъ, чтобы вышли совершенно новыя и оригинальныя ихъ сочетанія. Фонографъ сдѣлаетъ ненужнымъ содержаніе громаднаго штата адъютантовъ, для передачи войску приказаній главнокомандующаго: при пособіи особаго аппарата, усиливающаго голосъ до необыкновенныхъ размѣровъ, слова главнокомандующаго будутъ слышны для миллионной арміи, какъ громъ небесный. Фонографъ въ юридической практикѣ можетъ быть употребленъ, какъ улика противъ подсудимыхъ и свидѣтелей, которые вздумали-бы отпираться отъ своихъ прежнихъ показаній. Фонографъ каждую минуту можетъ повторить послѣднюю волю умирающаго его собственнымъ голосомъ и свидѣтельствовать въ судѣ лучше всякаго письменнаго завѣщанія. Фонографъ можетъ замѣнить стенографію: онъ повторитъ вамъ рѣчи ораторовъ, адвокатовъ, обвинителей, судей, подсудимыхъ, свидѣтелей, и если при этомъ употребить въ дѣло нѣкоторые приемы и способы усовершенствованной фонографіи, то можно воспроизвести всякое засѣданіе съ полнымъ очарованіемъ не только для слуха, но и для зрѣнія. Нѣкоторыя изъ этихъ примѣненій фонографа уже практикуются въ Америкѣ; другія — пока существуютъ только въ идеѣ. Для производства фонографовъ, должествующихъ замѣнить учителя грамотности, Эдисонъ уже уступилъ привилегію извѣстной компаніи; другая компанія составляется въ Нью-Йоркѣ для эксплуатаціи фонографа-чтеца.

Представляю себѣ, какъ былъ бы счастливъ нашъ почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, если бы фонографъ былъ извѣстенъ древ-

нимъ римлянамъ и помогъ бы теперь Ивану Петровичу рѣшить терзающій его честную душу вопросъ, какъ слѣдуетъ произносить Кикеронъ или Цицеронъ, если бы, при посредствѣ фонографа, онъ могъ услышать рѣчь великаго Цицерона, произнесенную какъ-бы живымъ его голосомъ.

Меня, однако, занимаютъ не примѣненія фонографа, какъ бы ни было громадно, по своимъ послѣдствіямъ, ихъ значеніе; меня, какъ словесника, занимаютъ тѣ теоретическіе вопросы грамматики, которые можетъ разрѣшить фонографъ, если филологи съумѣютъ воспользоваться его указаніями. Къ сожалѣнію, теоретическая сторона великихъ изобрѣній Эдисона, повидимому, ничуть его не интересуетъ. Цѣль его—устроить машину, которая дала бы желанный практическій результатъ, а не разяснять вопросы и тайны науки. Въ фонографѣ еще ясны для науки тѣ физическіе законы, которые лежатъ въ основаніи его устройства; понятны и тѣ соображенія, путемъ которыхъ Эдисонъ могъ дойти до изобрѣтенія фонографа, хотя онъ объ этихъ соображеніяхъ не говоритъ ни слова; но есть такіа изобрѣтенія Эдисона, тайна которыхъ основана на нѣкоторыхъ свойствахъ вещества, необъяснимыхъ для науки, въ ея настоящемъ состояніи. Наткнулся ли Эдисонъ на открытіе этихъ свойствъ случайно, дошелъ ли до ихъ открытія вслѣдствіе своихъ несомнѣнно глубокихъ познаній въ наукѣ—одному Богу извѣстно. Эдисонъ, безъ всякихъ объясненій, пользуется этимъ свойствомъ, какъ фактомъ, устроиваетъ машину—и только. Когда видишь Эдисона, работающаго въ своей обширной лабораторіи, которую устроила ему одна изъ богатѣйшихъ американскихъ компаній телеграфныхъ сообщеній, на свой счетъ, и въ которой разрѣшила ему, на ея же счетъ, производить опыты, не стѣсняясь никакими затратами, то не знаешь кого видишь передъ собою: одного ли изъ тѣхъ профессоровъ магіи, состоящихъ штатными физиками при дворѣ его величества султана Махмуда, которые развѣзжаютъ по бѣлу свѣту и показываютъ фокусы, основанные на сложныхъ и не всѣмъ извѣстныхъ законахъ физики и химіи, но сами не умѣютъ теоретически объяснить обыкновеннѣйшаго физическаго явленія, или видишь первокласснаго современнаго ученаго, который молча примѣняетъ къ практикѣ свои глубокія теоретическія познанія въ наукѣ. При такихъ условіяхъ, да еще въ то время, когда Эдисонъ былъ весь занятъ исполненіемъ однихъ заказовъ, полученіемъ громадныхъ суммъ за исполненіе другихъ, съ моей стороны былъ бы совершенно напрасный и неумѣстный трудъ беспокоить его вопросами теоретическаго свой-

ства, да еще по части грамматической фонетики, о которой онъ, вѣроятно, и не думаетъ.

Все, что фонографъ до сихъ поръ открылъ мнѣ, вслѣдствіе моихъ собственныхъ наблюденій и замѣчаній другихъ, заключается въ слѣдующемъ. Не всѣ гласныя съ равною отчетливостью отпечатлѣваются на оловянной пластинкѣ: самый рѣзкій и опредѣленный слѣдъ оставляютъ гласныя *a*, *o*, затѣмъ гласныя *y*, *э*; но французское *и* и особенно гласная *и* оставляютъ едва замѣтный слѣдъ. Разумѣется, о нашихъ такъ-называемыхъ мягкихъ гласныхъ *я*, *ю*, *ь*, *ѣ*, фонографъ умалчиваетъ и трактуетъ ихъ, вопреки ученію россійскихъ грамматиковъ, какъ слоги: *йа*, *йу*, *йэ*, *йо*. Особенно глубоко врѣзываются въ олово тѣ слоги, въ которыхъ слышится звукъ *p*. Большая или меньшая степень ясности отпечатка извѣстной гласной, а слѣдовательно и степень отчетливости самаго ея звука, воспроизводимаго фонографомъ, зависитъ не только отъ природы гласной, но и отъ свойства той согласной, которая предшествуетъ гласной или слѣдуетъ за нею въ слогѣ. Обстоятельство это подтверждаетъ справедливость мнѣнія В. Гумбольдта, что основнымъ элементомъ человѣческой рѣчи слѣдуетъ считать не гласную или согласную въ ихъ отдѣльности, а слогъ, въ которомъ гласная и согласная составляютъ одно цѣлое, и взаимно дополняютъ другъ друга. Знакъ согласной *c* будто совершенно исчезаетъ на оловѣ, и тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе ли ожиданія слуха, встрѣтить этотъ звукъ въ произносимомъ словѣ, или по другимъ причинамъ, онъ слышится вездѣ, гдѣ слѣдуетъ ему быть. Можно ожидать, что со временемъ всѣ эти и имъ подобныя отрывочныя наблюденія и замѣчанія будутъ приведены въ систему, и подведены подъ общіе законы артикулированнаго звука.

Разумѣется, ожидать можно; блаженъ, кто вѣруетъ. Но если сказать тебѣ сущую правду, я не изъ числа вѣрующихъ. Я съ грустью и сомнѣніемъ смотрю на современную жизнь и далеко не твердо убѣжденъ въ томъ, что тяжкая борьба, которая теперь ведется въ ней, должна кончиться торжествомъ истины и справедливости по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, а тѣмъ болѣе по вопросамъ школы и просвѣщенія. Видя, какъ изобрѣтатель-практикъ, не только въ Америкѣ—странѣ житейскихъ расчетовъ, но и въ Европѣ—отчизнѣ рыцарскихъ чувствъ и безкорыстныхъ стремленій, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отодвигаетъ на второй планъ ученаго, служителя чистой науки; видя, какъ теоретическое знаніе цѣнится настолько, насколько приноситъ практическую пользу, то-есть насколько даетъ по-

четь и деньги; видя, какъ легко школа и наука обращаются въ средство партій, не думаю, чтобы нашлось много людей, готовыхъ посвятить свой трудъ безкорыстному служенію истинѣ и заниматься теоретическимъ объясненіемъ тѣхъ тайнъ природы, къ которымъ равнодушна публика и открытіемъ которыхъ пользуется знающій практикъ для своихъ прибыльныхъ изобрѣтеній. И теперь уже наука школы много отстала отъ знанія въ жизни, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, если только тогда еще будутъ школы, если говорящія и пишущія машины не сдѣлаютъ излишнимъ и самое умѣнье читать и писать, между наукою въ школѣ и знаніемъ въ жизни еще менѣе будетъ связи и взаимности. Въ школахъ будетъ идти традиціонное, теоретически отсталое и непригодное въ жизни ученіе, а въ жизни знаніе будетъ достояніемъ специалистовъ-практиковъ, неинтересующихся теоретическою стороною своихъ профессій, и дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что безкорыстнаго служенія истинѣ, что благороднаго стремленія къ теоретическому объясненію тайнъ природы не будетъ ни въ школѣ, ни въ жизни, что спеціалистъ-практикъ будетъ только знать, какъ надо дѣлать, но не сѣмѣетъ объяснить тѣхъ законовъ природы и искусства, на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ такъ, а не иначе, а получившій школьный аттестатъ зрѣлости не будетъ знать ни того, ни другого. Быть можетъ, и египтяне не оставили намъ теоретическаго объясненія нѣкоторыхъ тайнъ своего искусства потому, что въ египетскихъ школахъ занимались только классическимъ объясненіемъ тайнъ Озириса и Изиды, а въ жизни тайны искусства были достояніемъ только каменщиковъ. Быть можетъ, и теперь Китай насъ поражаетъ превосходствомъ своихъ нѣкоторыхъ издѣлій и вмѣстѣ съ тѣмъ упадкомъ теоретическаго, научнаго образованія только потому, что въ китайскихъ школахъ занимаются толкованіемъ классическихъ изреченій Конфуція, а секреты издѣлій, по преданію, извѣстны только гончарамъ. Но мы и не египтяне и не китайцы, и намъ, быть можетъ, еще рано умирать. Крайне интересуюсь, какъ идутъ дѣла школы и просвѣщенія въ дорогомъ отечествѣ, по которомъ, сказать правду, я страшно стосковался. И не безъ причины. Не весело теперь жить на бѣломъ свѣтѣ, не весело и въ Америкѣ. Борьба за существованіе, за матеріальныя выгоды, со всякимъ днемъ принимаетъ здѣсь все большіе размѣры и все болѣе грозный видъ. Толпы рабочаго люда открыто организуются въ правильныя арміи; подъ командою своихъ офицеровъ, упражняются въ стрѣльбѣ и во всѣхъ воинскихъ экзерциціяхъ для того, чтобы не сегодня—завтра рас-

правиться съ имущими и на дѣлѣ оправдать изреченіе Маркса, что «насиліе—это повивальная бабка для стараго общества, которое страдаетъ родами новаго». Съ этимъ движеніемъ американскихъ соціалистовъ имѣетъ тѣсную связь другая злоба дня—наплывъ въ Америку китайцевъ. Чуть ли не каждый день часть трехсотмилліонной китайской саранчи, умирающей съ голоду въ своемъ отечествѣ, прибываетъ въ Америку, своимъ дешевымъ трудомъ вытѣсняетъ болѣе дорогого американскаго рабочаго, наживаетъ деньги, возвращается въ свое отечество, а на ея мѣсто прибываютъ и прибываютъ все новыя толпы этой саранчи, заѣдающей хлѣбъ американскаго рабочаго и своимъ дешевымъ трудомъ способствующей сбереженію долларовъ американскихъ капиталистовъ. Чуть ли Европа и Америка, настойчиво добиваясь сношеній съ Китаемъ, сами не накликали бѣду на свою голову. Прибавъ къ этому интриги и козни демократической партіи, въ тайнѣ поощряющей соціалистовъ, въ надеждѣ воспользоваться соціальнымъ переворотомъ и добиться полной независимости отдѣльныхъ штатовъ, то-есть расторгненія американскаго союза, и ты будешь имѣть понятіе о прелестяхъ жизни въ Америкѣ: это пребываніе на вулканѣ наканунѣ изверженія. Не думалъ я никогда, чтобы диктатура была возможна въ Америкѣ; но Господь знаетъ, къ чему поведетъ та повивальная бабка, которую рекомендуетъ Марксъ. Господи, въ какое время живемъ мы! Гдѣ то знамя, подъ которое долженъ стать теперь честный человѣкъ, и гдѣ тотъ человѣкъ, который первый ясно увидитъ символъ знамени и прочтетъ подъ нимъ: *in hoc vinces*.

XVIII.

Отъ директора сахарнаго завода, Григорія Карасевича, къ его племяннику Ивану Карасевичу.

Поздравляю тебя, любезный Ваня, съ успѣшнымъ окончаніемъ гимназіи и съ золотою медалью. Дай Богъ, чтобы и твое университетское ученіе было также успѣшно, и чтобы потомъ и въ жизни твой честный и полезный трудъ не оставался непризнаннымъ.

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ ты такъ много говоришь о грамматикѣ и грамматической системѣ ученія и такъ часто отдаешь на мой судъ свои учебныя недоумѣнія, что я, если не какъ компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, то какъ акку-

ратный корреспондентъ не считаю себя въ правѣ отказаться отъ бесѣды на предложенную тобою тѣму.

Ни моимъ школьнымъ ученіемъ, ни позднѣйшими занятіями въ жизни, я не посвященъ въ таинства классической науки, поэтому и не берусь судить, въ какой мѣрѣ ваша теперешняя классическая система ученія отвѣчаетъ требованіямъ истинно классическаго образованія; благодаря, однако, щедротамъ русскаго вельможи, моего благодѣтеля, большого англомана и еще большаго патріота, я имѣлъ возможность довольно долго жить за границей и въ особенности въ Англіи и уяснить себѣ какъ общее значеніе классическаго образованія для Европы, такъ и тѣ особыя причины, по которымъ въ Англіи — этой странѣ учебнаго классицизма — школьное ученіе такъ тѣсно связано съ изученіемъ древнихъ языковъ и литературныхъ произведеній классической древности.

Чтобы познакомить тебя съ этими причинами, я приведу нѣсколько строкъ изъ разсказа Маколей о годахъ ученія одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Англіи — Вилліама Питта.

«Воспитаніе Вилліама Питта», говоритъ Маколей, «было дѣйствительно таково, что могло приготовить изъ него великаго парламентскаго оратора. Съ самаго дѣтства онъ былъ тщательно приученъ управлять своимъ голосомъ, который отъ природы былъ чистъ и глубокъ. Обучаясь въ университетѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе прочесть одну, двѣ страницы римскаго или греческаго писателя и, совершенно овладѣвъ ихъ смысломъ, читать эти мѣста прямо на родномъ языкѣ. Не удивительно, что молодой человѣкъ, одаренный большими способностями, упражняясь этимъ путемъ въ теченіи 10 лѣтъ, пріобрѣлъ необыкновенную способность излагать свои мысли безъ предварительнаго приготовленія, въ хорошо выбранныхъ и хорошо связанныхъ словахъ. Изъ всѣхъ памятниковъ классической древности онъ тщательнѣе всего изучалъ рѣчи и особенно любилъ сравнивать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ одинъ и тотъ же вопросъ разсматривался съ противоположныхъ сторонъ, любилъ анализировать ихъ и замѣчалъ, какіе аргументы перваго оратора были опровергнуты вторымъ, отъ какихъ вопросовъ онъ уклонялся, какіе пропускалъ. Въ эту эпоху своей жизни онъ изучалъ искусство парламентской борьбы не въ однѣхъ книгахъ: когда бывалъ въ родительскомъ домѣ, то имѣлъ случай слышать важныя политическія пренія и слушалъ ихъ не только съ интересомъ и удовольствіемъ, но и съ тѣмъ научнымъ вниманіемъ, съ какимъ прилежный ученикъ клиники

слѣдить за движеніемъ руки великаго хирурга, во время трудной операціи».

Изъ этихъ словъ ты можешь видѣть, какая связь существуетъ въ Англіи между классическимъ образованіемъ и политическимъ строемъ англійской жизни. Для англичанина, которому его положеніе въ обществѣ или же превосходство умственныхъ дарованій даетъ право ожидать, что со временемъ онъ будетъ засѣдать въ парламентѣ и принимать участіе въ государственномъ управленіи, классическая школа есть въ то же время и школа того искусства, отъ котораго болѣе всего зависеть въ Англіи успѣхъ политической карьеры. Изучая памятники краснорѣчія грековъ и римлянъ — этихъ великихъ художниковъ слова — англичанинъ готовится къ той парламентской дѣятельности, которая даетъ возможность государственнымъ людямъ Англіи силою слова и мысли ворочать судьбами міра.

Стремленіе къ гражданской свободѣ, основанной на законѣ и на уваженіи къ закону, дало жизнь законодательнымъ собраніямъ Англіи; парламентскія пренія научили англичанъ понимать и цѣнить преимущества образованія и дара слова; стремленіе къ пріобрѣтенію этихъ преимуществъ связало школьное обученіе англичанъ съ изученіемъ древнихъ языковъ и памятниковъ письменности Греціи и Рима. Не думаютъ ли и твои крюкославскіе педагоги, посредствомъ изученія курса латинской грамматики, связать классическую систему ученія съ какою-нибудь политикою? Но впередъ можно сказать, что это обратное движеніе — отъ грамматики къ политикѣ — приведетъ и къ результатамъ противоположнымъ тѣмъ, къ которымъ привело англичанъ движеніе отъ политики къ грамматикѣ. Очень продолжительное, но и очень скучное изученіе грамматики — этого затѣйливаго ключа къ уразумѣнію классиковъ — внушитъ ненависть къ самимъ классикамъ, а насильное изученіе классиковъ вселитъ презрѣніе къ классической наукѣ какъ къ бесполезному пустословію, и заставитъ искать другихъ путей для выраженія своихъ стремленій къ свободѣ.

Если только въ этомъ должны состоять плоды того солиднаго образованія, о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время, то я не могу назвать его солиднымъ; не могу назвать солиднымъ того образованія, которое на практикѣ ведетъ къ неуваженію школы и къ отрицанію пригодности преподаваемаго въ ней ученія. Солидное образованіе заключается въ свободномъ развитіи и образованіи тѣхъ сторонъ человѣческаго духа, которыми человекъ отличается отъ животнаго. Животному несвой-

ственно ни художественное творчество, ни теоретическая дѣятельность ума, ни чувство справедливости; животное неспособно ни наслаждаться искусствомъ, ни измѣнить къ лучшему условій своей жизни полезными изобрѣтеніями, ни, по внутреннему побужденію, принести въ жертву свои страсти и инстинкты требованіямъ справедливости. Я вѣрю, что эти одному человѣку свойственныя стремленія въ идеальный міръ знанія, искусства, правды не лишены реального основанія. Вотъ тебѣ въ двухъ словахъ вся моя теорія солиднаго образованія. Теорія эта показываетъ, что пути солиднаго образованія могутъ быть различны, что солидное образованіе, какъ и вся человѣческая цивилизація, основано на положительномъ стремленіи къ осуществленію идеаловъ знанія, искусства, правды, а не на отрицаніяхъ и сомнѣніяхъ: только животное разрушаетъ и ничего не создаетъ; что солидное образованіе есть плодъ свободнаго стремленія духа, а не дрессировки, къ которой способно и животное. Разсматривая вопросъ о солидномъ образованіи съ точки зрѣнія этой теоріи, нельзя не видѣть, что образованіе научное, реальное, основанное на свободной дѣятельности теоретическихъ силъ духа, есть такое же солидное образованіе, какъ и образованіе эстетическое, связанное по преимуществу съ упражненіями въ словесномъ искусствѣ и съ изученіемъ памятниковъ словеснаго искусства; кромѣ того, нельзя не видѣть, что образованіе принудительное, основанное на бездушномъ заучиваніи, лишено главныхъ признаковъ солиднаго образованія — свободы и внутренняго одушевленія, идею, это дрессировка, а не человѣческое образованіе, а дрессировка, какъ несвойственная человѣческой природѣ, естественно, унижаетъ и развращаетъ человѣка. Я не стану оспаривать ни важности той роли, которую играетъ слово человѣка въ дѣлѣ человѣческой цивилизаціи, ни того высокаго эстетическаго значенія, которое имѣютъ произведенія греческихъ поэтовъ и ораторовъ—этихъ великихъ жрецовъ культа слова;—но меня никто не увѣритъ, что умственные труды великихъ европейскихъ ученыхъ и естествоиспытателей лишены идеальнаго значенія, и что образованіе реальное, приобретаемое путемъ изученія природы и при посредствѣ теоретическихъ силъ духа, не есть образованіе солидное. Впрочемъ, и безъ такихъ субъективныхъ побужденій, какъ вѣра въ идеальное значеніе положительнаго знанія, одно вѣрное наблюденіе явленій современной жизни и правильный взглядъ на требованія современнаго образованія должны бы склонить къ тому, чтобы не только признать за реальнымъ образованіемъ права солиднаго образованія, но и положить въ осно-

ваніе курса нашихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній преподаваніе наукъ реальныхъ. Мы видимъ, какой разладъ господствуетъ въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ образованныхъ классовъ современнаго европейскаго общества, какія ученія, подкапывающія основы существующаго общественнаго порядка проникаютъ въ народныя массы, какія грубыя страсти и животныя инстинкты находятъ своихъ краснорѣчивыхъ защитниковъ, какъ ослабѣло религіозное чувство. Безъ сомнѣнія, причины всего этого скрываются въ историческихъ, экономическихъ и другихъ условіяхъ жизни европейскаго общества. Но если, кромѣ условій жизни, и виновато въ этомъ еще и чье-нибудь подстрекательство, то никакъ не ученыхъ реалистовъ и мыслителей, а словесниковъ. Не Галилей и не Бюффонъ, не Спиноза и не Локкъ, подожгли горючій матеріалъ, приготовленный исторіею, и были причиною взрыва, потрясшаго Европу въ концѣ XVIII вѣка. Ученые реалисты и мыслители ищутъ истины и знаютъ, что, каковы бы ни были результаты ихъ изслѣдованій, открытыя ими истины не исключаютъ возможности существованія другихъ истинъ, недоступныхъ ограниченному уму человѣка. Ученые реалисты и мыслители не станутъ навязывать толпѣ своихъ понятій и убѣжденій, не станутъ, путемъ агитаціи, стремиться къ ихъ распространенію и осуществленію.

По характеру ли моему, вслѣдствіе ли моихъ занятій, требующихъ не словъ и фразъ, а постояннаго вниманія къ дѣлу и не легкаго труда, только въ душѣ моей таится невольное презрѣніе ко всякаго рода артистамъ, обращающимъ свое искусство въ ремесло, и особенно къ артистамъ словесныхъ фантазій и громкихъ фразъ. Привыкнуши жить напускными чувствами и имѣть дѣло съ призраками своего воображенія, господа эти не знаютъ, что такое значить честно обращаться съ словомъ и, при выдѣлкѣ своихъ фразъ, не считаютъ нужнымъ справляться съ совѣстью и дѣйствительностью.

Разумѣется, мысль нельзя заковать въ оковы. Но противодействовать распространенію злыхъ и вредныхъ мыслей можно, только не палкою, а распространеніемъ и вліяніемъ мыслей честныхъ и полезныхъ; можно противодействовать и наклонности употреблять во зло даръ слова, только не поощреніемъ риторическаго пустословія въ школахъ, а занятіями, дающими реальную пищу уму, приучающими взвѣшивать слова, относиться трезво, осмотрительно, добросовѣстно къ наблюдаемой дѣйствительности.

Не спорю, ни физика и химія, ни риторика и пѣтика, не сдѣлають добродѣтельнымъ того, въ комъ испорчено сердце; но

отбучить отъ пустословія и фантазёрства могутъ скорѣе физика и химія, чѣмъ риторика и пѣтика.

Говорятъ, что классическая система ученія, выработанная вѣками учебной жизни Европы, незамѣнима, что стройная, законченная грамматическая система древнихъ языковъ есть наиболѣе пригодная для школы «*disciplina mentis*», которой, въ педагогическомъ отношеніи, не можетъ замѣнить никакая реальная наука. Я этому не вѣрю. Многое, что прежде признавалось незамѣнимымъ, потомъ, влѣдствіе измѣнившихся условій жизни, оказывалось непригоднымъ и замѣнялось. Но если чему я не вѣрю, такъ это тому, чтобы въ то время, когда стихія реального образованія все болѣе и болѣе проникаетъ въ западно-европейскія школы и не сегодня, завтра можетъ стать господствующею въ нихъ, намъ, не связаннымъ съ классицизмомъ тѣми вѣковыми традиціями, какими связана съ нимъ западная школа, подобало выступать въ роли донъ-кихотовъ — послѣднихъ защитниковъ отжившаго свой вѣкъ классицизма.

Классическая школа, основанная на эстетическихъ традиціяхъ древнихъ, не принесла Европѣ большой пользы въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія: не научила любить ближняго и не угнетать его, не вѣрить вертящимся столамъ, признавать господство права и не считать матеріальную силу верховною рѣшительницею судебъ народовъ, понимать ясно условія человѣческаго существованія и примиряться съ ними. Быть можетъ, уроки положительнаго знанія, возникшаго на христіанской почвѣ и подъ кровомъ христіанства, будутъ успѣшнѣе, быть можетъ, подъ его знаменемъ человѣчество пойдетъ вѣрнѣе по пути прогресса. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что и намъ слѣдовало стать подъ это знамя, если только намъ суждено играть самостоятельную роль въ исторіи человѣческаго прогресса. Повторяя, сквозь слезы, зады классической науки, мы останемся тѣмъ, чѣмъ были — толпою дрессированныхъ подражателей.

Ты уже достигъ того возраста, когда человѣкъ долженъ учиться жить своимъ умомъ; поэтому не думаю, чтобы то, что я скажу тебѣ о степени литературнаго образованія нѣкоторыхъ твоихъ школьныхъ начальниковъ, могло соблазнить тебя и повліять на уменьшеніе почтенія, которое ты обязанъ оказывать имъ. По дѣламъ сахарнаго завода и его финансовымъ операціямъ, я состою въ перепискѣ со многими лицами, стоящими на стражѣ нашей современной классической системы ученія, и вижу, что лица эти на практикѣ ничуть не уклоняются отъ участія въ *реальныхъ* стремленіяхъ вѣка и очень неравнодушны

къ матеріальной выгодѣ. Не разъ мнѣ приходилось удивляться даже литературному неблагообразію ихъ писемъ. Нѣсколько мыслей и вопросовъ о балансѣ, курсѣ, дивидендѣ, никакъ не могутъ уলেখся въ ихъ письмахъ въ должномъ логическомъ порядкѣ и облечься въ соотвѣтственные выраженія. Не думаю, чтобы стража классическаго образованія, которое неразрывно связано съ эстетическимъ, могла считаться вполне благонадежною стражею; не думаю, чтобы подъ охраною такой стражи могло процвѣтать и наше классическое образованіе, и если бы мое простое сужденіе, основанное на наблюденіи фактовъ, могло имѣть право голоса въ вопросѣ нѣсколько абстрактнаго свойства, то я сказалъ бы, что наша такъ-называемая система классическаго ученія не имѣетъ корней ни въ высшихъ слояхъ нашего общества, ни въ низшихъ; ни въ традиціяхъ и условіяхъ нашего прошедшаго, ни въ требованіяхъ настоящаго. На мой взглядъ, это не болѣе какъ случайность, подобная затѣѣ военныхъ поселеній его сіятельства графа Аракчеева. Вѣдь и военныя поселенія въ идеѣ вещь прекрасная, классически-грандіозная: осуществленіе древне-римскаго идеала воина-земледѣльца; но на практикѣ эта классически-грандіозная затѣя стоила русскому народу не мало слезъ.

Къ этимъ письмамъ изъ стараго времени присоединены въ заключеніе еще письма два изъ эпохи болѣе близкой къ намъ.

XIX.

Отъ возвращеннаго изъ ссылки польскаго помѣщика къ студентамъ-полякамъ Заржецкому и Бегеллѣ.

Вы спрашиваете меня, молодые друзья мои, что вамъ дѣлать, какъ вести себя и къ чему готовиться въ виду возможности новаго европейскаго столкновенія, по поводу приведенія въ исполненіе статей берлинскаго трактата. «Спросите о томъ ваше университетское начальство», слѣдовало бы отвѣтить вамъ, чтобы этимъ щелчкомъ отнять у васъ охоту совѣтаться не въ свое дѣло и не вовлекать Польшу въ напрасную и гибельную не для однихъ поляковъ борьбу, въ какую она уже дважды вовлечена была, благодаря легкомыслію подобныхъ вамъ политическихъ дѣятелей: разъ въ 1830, другой — 1863. Но въ 1830 г. я самъ былъ молодъ, у меня самого чесались руки подраться подъ благороднымъ предлогомъ, самъ я сгоралъ желаніемъ послушать свич-

цовую музыку; поэтому, вполне понимая этот критическій періодъ молодости, въ которомъ вы теперь находитесь, отвѣчу вамъ другимъ образомъ. Я изложу вамъ мой взглядъ на значеніе той попытки развязать узелъ восточнаго вопроса, которая произведена была въ послѣднюю русско-турецкую войну — и предоставляю вамъ самимъ рѣшить вопросъ, что вамъ дѣлать, какъ вести себя, къ чему готовиться.

Русско-турецкая война и ея результатъ — берлинскій договоръ, по моему мнѣнію, крупнѣйшіе и деликатнѣйшіе фрукты политики кн. Бисмарка, перлы первой величины его дипломатическаго искусства. Не пожертвовавъ ни однимъ солдатомъ, не разстрѣлявъ ни одного патрона, не уронивъ въ глазахъ всего дипломатическаго міра своей репутаціи честнаго и безкорыстнаго маклера, кн. Бисмаркъ достигъ того, чего только, въ настоящее время, могъ желать достигнуть въ интересъ нѣмецкаго фатерланда; успѣлъ заставить другихъ, и прежде всего Россію выгребать для него каштаны и, въ знакъ своего особаго благоволенія къ выгребателямъ, пообжигавшимъ себѣ руки, положилъ каштаны въ свой карманъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Бисмарку принадлежитъ и мысль, и планъ, и развязка той драмы, которая кончилась берлинскимъ трактатомъ, и которая, быть можетъ, составляетъ только первую часть задуманной имъ трилогіи. Чьи талеры вращались между герцеговинцами, въ началѣ герцеговинскаго возстанія? Кто исподтишка мѣшалъ мирному исходу константинопольской конференціи всякій разъ, какъ только дѣло клонилось къ миру? Кто всѣми мѣрами старался *локализовать войну*, то-есть устранять другихъ отъ активнаго въ ней участія и тѣмъ облегчить и упростить задачу невзбѣжныхъ послѣ войны переговоровъ и сдѣлокъ, при совершеніи коихъ кн. Бисмаркъ готовилъ для себя роль честнаго маклера и имѣлъ въ виду получить за свой маклерскій трудъ крупную часть договорной суммы? Кто тайно перебѣгалъ изъ лагеря въ лагерь и, смотря по ходу дѣла, то подстрекалъ, то застрашивалъ, чтобы привести дѣло къ желанной развязкѣ? Кто на берлинскомъ конгрессѣ торопилъ стороны, какъ можно скорѣе заключить сдѣлку и, второпяхъ, вписалъ въ маклерскія книги много темныхъ, кляузныхъ условій, могущихъ повести къ новымъ процессамъ, къ новымъ контрактамъ и новымъ барышамъ для честнаго маклера?

Для разъясненія запутаннаго уголовного процесса, обыкновенно задаютъ себѣ вопросъ: кому выгодно содѣянное преступленіе, *cui prodest*? Чтобы убѣдиться, кто болѣе всего могъ интересоваться русско-турецкою войною и желать такого, а не другого

ея исхода, довольно заглянуть въ договоры, послѣдовавшіе за войною и сообразить, кому особенно выгодны нѣкоторыя статьи этихъ договоровъ, чьимъ интересамъ онѣ отвѣчаютъ. Матеріальныя выгоды Россіи, послѣ всѣхъ геройскихъ подвиговъ и побѣдъ русской арміи, послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ русскимъ народомъ, ничтожны. Матеріальныя выгоды, полученные Англіею, не только не рѣшили въ ея пользу крайне важнаго для нея вопроса о ея престижѣ на Востокѣ, но едва-ли не сдѣлали этотъ вопросъ еще болѣе спорнымъ. Одни нѣмцы получили крупныя матеріальныя выгоды, къ нимъ однимъ можно отнести знаменательныя слова честнаго маклера: «*beati possidentes*». Австріи ни съ сего, ни съ того достались двѣ прекрасныя славянскія земли, Боснія и Герцеговина—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей открылась возможность вмѣшиваться въ дѣла другихъ окрестныхъ славянъ и имѣть вліяніе на ходъ и направленіе этихъ дѣлъ.

Что ни говори, а могущество Россіи опасно, и особенно ея ближайшему сосѣду и исконному врагу славянскаго племени; надо поскорѣе принять мѣры, чтобы къ 80 милліонамъ не прибавилось еще поль-столько, а еще лучше—надо сдѣлать такъ, чтобы эти поль-столько, а хотя бы даже и четверть-столько, вошли въ уравненіе для Россіи съ знакомъ *minus*, а для ея враговъ—съ знакомъ *plus*; славянская кровь въ жилахъ нѣмецкихъ солдатъ—это первый сортъ пушечнаго мяса. Въ виду этого, слѣдуетъ часть славянскаго населенія новыхъ провинцій Австріи, въ неравной борьбѣ, истребить, а остальную онѣмечить. Оно и кстати: нѣмцамъ стало тѣсно и въ ихъ нѣмецкомъ фатерландѣ; поскорѣе лишннихъ въ исконную нѣмецкую Америку—въ славянскія земли; социалистовъ въ Германіи поубавится, нѣмцевъ аристократовъ, ново-надѣленныхъ славянскою землею, прибавится. Австрія, передовое ополченіе нѣмецкаго племени, въ его *Drang nach Osten*, ставъ твердою ногою въ земляхъ, еще не столь давно отнятыхъ у славянъ, можетъ уступить нѣмецкому фатерланду другія, которыя уже давно и прочно онѣмечены. Свой своему поневолѣ братъ, и воронъ ворону глаза не выклюнетъ.

Нѣмецкій Мефистофель, превосходно охарактеризованный нѣмецкимъ первокласснымъ поэтомъ, совсѣмъ не похожъ на русскаго чорта. Русскій чортъ простоватъ, и самъ часто попадаетъ въ просакъ и сѣти, которыя разставилъ для другихъ. Нѣмецкій Мефистофель соблазнить, одурачить, надуетъ, введетъ въ бѣду, опозоритъ, и все-таки сумѣетъ остаться необходимымъ союзникомъ обманутыхъ и осмѣянныхъ—для новаго ихъ надувательства.

Если чему я удивляюсь, такъ это тому, что честный, хотя и

недешевый маклеръ, сохранилъ свой кредитъ у всѣхъ, заплатившихъ ему за его маклерскіе, отчасти и факторскіе труды, при совершеніи сдѣлки, которою всѣ заплатившіе остались довольны. Россія хотѣла освободить славянъ—и только успѣла замѣнить одно иго другимъ: турецкое—австрійскимъ; Россія хотѣла показать примѣръ рыцарскаго великодушія—и все-таки осталась въ глазахъ Европы варварскою и алчною Россіею: Англія стремилась обезпечить свои интересы на Востокъ—и только вездѣ возбудила вопросъ о законности этихъ интересовъ. Англія винитъ Россію, Россія Англію. Англія собирается ослабить Россію, русскій народъ пылаетъ мстью къ коварному Альбіону. Честный маклеръ тутъ не причемъ. Эготъ водоворотъ политическихъ страстей и интересовъ совершенно чуждъ ему и не имѣетъ никакого отношенія къ его скромной маклерской профессіи.

Не лучше ли, однако, было бы, чтобы и русскіе, и англичане сообразили, что всѣ въ мірѣ интересы сводятся къ интересу ѣсть и пить, и что, поэтому, ни киту, по его натурѣ, не приходится оспаривать у медвѣдя земли-кормилницы, ни медвѣдю у кита—моря, а двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ жить долго въ ладахъ трудно. Довольно помнить и старую, историческую вражду, и нѣтъ нужды прививать новую національную ненависть. Коммерческіе интересы улаживаются на биржѣ, и честнымъ и образованнымъ купцамъ выгоднѣе соединиться противъ азіатскаго вора и грабителя, чѣмъ подстрекать его къ разбою и тѣмъ подвергать опасности интересы свои и всего образованнаго міра.

Такимъ образомъ, вы видите, мои молодые друзья, что узелъ восточнаго вопроса не на востокѣ, а на ближайшемъ къ вамъ западѣ. Имѣйте это въ виду и ведите себя скромно и благоразумно. Чуть только шевельнетесь и позволите себѣ впутаться въ предусматриваемое вами столкновение, какъ разъ попадете Мефистофелю въ зубы: честный маклеръ немедленно предложитъ свои услуги, разумѣется, подъ залогъ вашего же имущества, и останется оно у него въ залогѣ, какъ остались Прага, Львовъ, Краковъ, Познань, не говоря уже о множествѣ другихъ, которымъ истекъ срокъ всякой давности.

Но не всегда же славянское племя будетъ злѣйшимъ врагомъ самого себя; не всегда славяне будутъ завидовать другъ другу, мстить другъ другу, изъ-за своихъ домашнихъ счетовъ, выдавать другъ друга своимъ врагамъ, подобно тому сербу, который выдалъ Сербію турку на Косовомъ полѣ. Очень возможно, что

со временемъ и Россія пойметъ нѣсколько иначе требованія своей внутренней и внѣшней политики.

XX.

Отъ вдовы баталіоннаго лекаря, Кувшинской, къ ея матери, вдовѣ титулярнаго совѣтника, Палинциной, 187* года.

Огорчаю я васъ, дорогая матушка, моими печальными письмами, но съ кѣмъ же и подѣлиться мнѣ моимъ горемъ, какъ не съ вами. Не прошло и мѣсяца, какъ схоронила я мужа, и меня едва не постигло новое несчастье. Саша мой заболѣлъ тифомъ, а когда выздоровѣлъ, то его чуть не исключили изъ училища.

Пока мы странствовали съ полкомъ по разнымъ палестинамъ, Саша жилъ у дяди Семена Осиповича и учился въ татаровской гимназіи; но какъ только покойный Алексѣй Павловичъ получилъ постоянное мѣсто въ безуховскомъ лазаретѣ, то мы Сашу взяли къ себѣ и перевели его изъ шестого класса татаровской гимназіи въ шестой классъ безуховскаго реальнаго училища. Въ лазаретныхъ палаткахъ, переполненныхъ тифозными больными, заразился тифомъ покойный мужъ, а черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти, заболѣлъ тифомъ и Саша. Четыре мѣсяца пролежалъ онъ въ постели, перенесъ нѣсколько мучительныхъ операцій, такъ какъ тифъ сопровождался гангренозными нарывами, наконецъ, благодареніе Всевышнему, сталъ поправляться. Объ экзаменѣ нечего было и думать. Я попросила у директора отпуска Сашѣ и отвезла его въ деревню къ брату Григорію, котораго приходъ всего въ 15 верстахъ отъ Безухова. Передъ началомъ новаго учебнаго года, отправилась я къ директору училища и просила его оставить Сашу еще на годъ въ томъ же шестомъ классѣ, такъ какъ онъ, по слабости здоровья, не могъ приготовиться къ экзамену; но директоръ объявилъ мнѣ, что онъ не приметъ Сашу въ училище, по той причинѣ, что онъ былъ годъ въ шестомъ классѣ татаровской гимназіи, годъ числился въ безуховскомъ училищѣ, а по теперешнимъ правиламъ, болѣе двухъ лѣтъ нельзя оставаться въ одномъ и томъ же классѣ. Какъ громомъ поразили меня слова директора. Я не знала, чтѣ и отвѣчать ему, и только заплакала. Вся надежда моя была на то, что Саша, окончивъ ученіе, поступитъ на службу, пріютитъ меня-страдалицу и поможетъ мнѣ воспитать меньшихъ дѣтей. Я написала о своемъ горѣ дядѣ

Семену Осиповичу и просила его совѣта и помощи. Спасибо дядѣ, немедленно пріѣхалъ въ Безуховъ. Здѣшній директоръ старый знакомый и бывшій сослуживецъ дяди. Огпрявляясь къ директору, дядя взялъ и меня съ собою, чтобы въ моемъ присутствіи поразспросить директора, не виноватъ ли Саша, кромѣ болѣзни, еще въ чемъ другомъ передъ училищнымъ начальствомъ. Директоръ показалъ видъ, что онъ очень радъ свиданію съ дядей, а о Сашѣ сказалъ, что Саша добрый и прилежный мальчикъ, но, по теперешнимъ правиламъ, онъ не можетъ быть принять въ училище ни директоромъ, ни попечителемъ. Хорошо, что дядя зналъ, какъ слѣдовало написать жалобу и куда послать, а вотъ въ прошломъ году сына капитанши Чижиковой удалили изъ гимназіи за то, что не уплатилъ имъ денегъ за ученіе и погубили мальчика. Не легко было и мнѣ уплатить эти деньги за ученіе. Откуда я возьму 15 р. въ августѣ, а 15 руб. въ январѣ, когда всей пенсіи получаю 200 р. въ годъ. На похороны мужа, да на леченіе Саши издержалась до послѣдней копѣйки и, чтобы уплатить за Сашу въ училищѣ, принуждена была продать серебряныя ложки, которыя подарила мнѣ покойная бабушка. А тутъ еще подростаютъ меньшія дѣти, которыхъ тоже учить надо. Андрюшѣ уже девятый годъ. Хотѣла опредѣлить въ приготовительный классъ; отказали; мѣста не нашлось. Главная докторша совѣтовала мнѣ отдать Андрюшу какому-нибудь мастеру въ годы на выучку. Для своихъ дѣтей выписываетъ гувернеровъ и гувернантокъ, а чужихъ отдаетъ мастерамъ на выучку. Посмотрѣла бы она, какъ мастера содержатъ мальчиковъ, которыхъ берутъ къ себѣ на выучку, чѣмъ ихъ кормятъ и какъ обращаются съ ними. Да и что за жизнь мастерового?.. Послѣдній кварташка говоритъ ему «ты» и лѣзетъ къ нему съ кулаками. Нѣтъ, продамъ все, буду питаться черствымъ хлѣбомъ, а дѣтей буду учить. Дорого намъ стѣдитъ этотъ аттестатъ, но безъ аттестата теперь ни шагу.

Остальные за симъ документы, отложенные мною для напечатанія, состоятъ изъ ряда писемъ, наполненныхъ, подобно только что прочитанному, критикою, жалобами и нареканіями на разнаго рода якобы стѣснительныя и тенденціозныя мѣры и распоряженія учебнаго начальства.

То учитель математики одной гимназіи сообщаетъ учителю физики другой,—что, на мѣсто умершаго директора той гимназіи, въ которой служить онъ, математикъ, былъ представленъ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ инспекторъ той же гимназіи,

человѣкъ, пользующійся авторитетомъ въ школѣ, уваженіемъ въ обществѣ, опытный администраторъ и превосходный педагогъ; но высшее учебное начальство не уважило представленія мѣстнаго, по той причинѣ, что представленный, по своей научной спеціальности, *математикъ, а не классикъ*. За симъ слѣдуютъ сѣтованія учителя-математика на современное пристрастіе къ классицизму, вслѣдствіе котораго знаніе латинскихъ склоненій предпочитается и административнымъ способностямъ, и педагогической опытности, и всему остальному.

То учитель гимназіи проситъ своего родственника, управляющаго акцизными сборами, дать ему мѣсто по губернскому акцизному управленію, такъ какъ онъ принужденъ оставить учебную службу, вслѣдствіе постоянныхъ придирокъ къ нему учебнаго начальства за то, что онъ имѣлъ неосторожность отказаться отъ участія въ подпискѣ на обѣдъ, въ честь какого-то высокопоставленнаго въ учебной іерархіи лица. Засимъ учитель горько плачется на очень частыя и очень обременительныя для учительскихъ кармановъ подписки на обѣды, альбомы, портреты, стипендіи, съ цѣлью выраженія чувствъ глубокаго уваженія къ высокопоставленнымъ лицамъ, которыхъ дѣятельность направлена къ водворенію спасительнаго классицизма.

То ученикъ гимназіи умоляетъ своихъ родителей какъ можно скорѣе пріѣхать къ нему и какъ нибудь пристроить его, потому что онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими учениками, уволенъ изъ гимназіи за то, что въ классѣ произошелъ шумъ и хохотъ, когда учитель латинскаго языка, изъ нѣмецкихъ славянъ, сдѣлалъ смѣшной переводъ.

То ученикъ гимназіи, въ письмѣ къ своему пріятелю, пѣхотному прапорщику, издѣвается надъ своимъ директоромъ, который взялся преподавать латинскій языкъ, едва умѣя читать по-латыни, побуждаемый къ тому какъ распоряженіемъ начальства, требующимъ... «чтобы директоры съ свойственнымъ ихъ званію авторитетомъ власти соединяли и тотъ нравственный авторитетъ, которымъ пользуются учителя въ глазахъ учениковъ», а также и собственнымъ желаніемъ заявить свое горячее сочувствіе къ классическому образованію. За симъ слѣдуетъ исчисленіе очень забавныхъ каламбуровъ, которыми обмолвился директоръ въ своихъ переводахъ съ русскаго на латинскій.

То учитель русскаго языка ропщетъ на начальство за то, что оно «въ видахъ сосредоточенія грамматическаго образованія въ рукахъ одного лица и для оживленія преподаванія, которое несомнѣнно должно произойти отъ разнообразія учительской дѣя-

тельности», навязало ему, кромѣ преподаванія русской грамматики, еще преподаваніе и латинской, которую онъ совершенно забылъ. За симъ слѣдуетъ списокъ учителей, которые, тѣмъ же распоряженіемъ о сосредоточеніи преподаванія однородныхъ предметовъ въ рукахъ одного лица, поставлены въ глазахъ учениковъ въ очень невыгодное для учительскаго авторитета положеніе и оживляютъ свое преподаваніе не разнообразіемъ дѣятельности, а развѣ своими промахами, происходящими отъ незнанія одного изъ двухъ преподаваемыхъ ими предметовъ — однородныхъ по названію, но очень не однородныхъ по содержанію.

То какая-то майорша усиливается объяснить своему отсутствующему мужу одно изъ 75 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій, требованію котораго не удовлетворилъ ихъ сынъ на экзаменѣ, вслѣдствіе чего оставленъ былъ въ томъ же классѣ. Засимъ сердитая майорша страшно бранить и прокликаетъ путаницу гимназическихъ отмѣтокъ и арифметическихъ надъ ними дѣйствій, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о переводѣ учениковъ въ высшіе классы. Извѣстно, что, по нынѣ дѣйствующимъ гимназическимъ правиламъ, рѣшеніе вопроса о переводѣ ученика зависитъ: во-первыхъ, отъ отмѣтокъ за четыре четверти года, выставляемыхъ учителями въ вѣдомостяхъ по тремъ категоріямъ: прилежанія, вниманія, успѣховъ; во-вторыхъ, отъ отмѣтки за послѣднюю четверть года, которая имѣетъ особую силу; въ-третьихъ, отъ средняго вывода изъ четырехъ-срочныхъ вѣдомостей за годъ; въ-четвертыхъ, отъ отмѣтки по устному испытанію; въ-пятыхъ, отъ отмѣтки по письменному испытанію, въ-шестыхъ, отъ отмѣтки по главнымъ предметамъ; въ-седьмыхъ, отъ отмѣтки по неглавнымъ предметамъ. По мнѣнію майорши, безъ сомнѣнія озлобленной оставленіемъ ея сына въ томъ же классѣ, путаница, происходящая отъ множества отмѣтокъ, разной силы и значенія, и отъ различныхъ комбинацій отмѣтокъ, которыми обуславливается рѣшеніе вопроса о переводѣ въ высшій классъ, до того велика, что и учителя класса и директоръ находятся въ совершенномъ невѣдѣніи степени познаній ученика до тѣхъ поръ, пока обстоятельная справка съ печатнымъ кодексомъ правилъ и съ позднѣйшими къ нему дополненіями не рѣшитъ этого темнаго для ихъ педагогической совѣсти вопроса.

То учитель одной гимназій извѣщаетъ учителя другой, — что извѣстный лѣнтый и любитель спиртныхъ напитковъ, пропускающій изъ десяти уроковъ пять и спящій въ классѣ на остальныхъ, но человѣкъ несомнѣнно даровитый, получилъ орденъ за то, что, въ одинъ изъ трезвыхъ дней своей жизни, написалъ

бойкую статью въ защиту и похвалу классицизма. За симъ слѣдуютъ грустныя размышленія учителя о томъ, какое вліяніе подобное поощреніе можетъ имѣть на вѣру въ службу и на честное отношеніе къ ней служащихъ.

То какой-то отставной учитель, въ письмѣ къ своему прежнему товарищу по службѣ, рассказываетъ, какъ его чуть не выслали изъ края, по проискамъ мѣстнаго священника и мѣстнаго врача (занимающихся, между прочимъ, и содержаніемъ ученическихъ квартиръ), которые въ своемъ доносѣ на него, посланномъ прямо въ министерство просвѣщенія, обвиняли его въ тайномъ исповѣданіи католицизма и въ противодѣйствіи классическому образованію, посредствомъ недобрительныхъ о немъ отзывовъ предъ учениками многочисленной содержимой имъ ученической квартиры. За повѣствованіемъ о томъ, какъ странствовалъ доносъ изъ министерства просвѣщенія къ попечителю округа, отъ попечителя къ директору и начальнику губерніи, отъ начальника губерніи къ исправнику, отъ исправника къ становаму приставу, который своимъ благопріятнымъ отзывомъ спасъ отставного учителя, своего бывшаго наставника, отъ угрожавшей ему бѣды, слѣдуетъ размышленіе учителя о томъ, въ какой мѣрѣ извѣстнаго рода любознательность и излишнее вниманіе къ словамъ шпионовъ и доносчиковъ могутъ способствовать мирному и благоденственному житію гражданъ и сохраненію добраго имени тѣхъ, кому оно дорого.

То какой-то чиновникъ, жившій, по обязанностямъ своей службы, прежде въ мѣстечкѣ, потомъ въ уѣздномъ городѣ и наконецъ въ губернскомъ, рассказываетъ другому чиновнику о томъ, какъ сынъ его, мальчикъ даровитый и прилежный, поступивъ въ учебное общеобразовательное заведеніе, существующее въ мѣстечкѣ, и дошедши въ немъ до второго класса, послѣ переезда на жительство въ уѣздный городъ, могъ быть принятъ въ существующее въ немъ учебное общеобразовательное заведеніе опять-таки въ первый классъ, и все это потому, что между учебными общеобразовательными заведеніями, существующими въ мѣстечкахъ, уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, рѣшительно нѣтъ никакой связи. Въ каждомъ свои особыя программы, особыя книги и даже особыя методы для однихъ и тѣхъ же классовъ, будто министерство просвѣщенія, въ устройствѣ своихъ общеобразовательныхъ школъ, сообразовалось не съ общими требованіями образованія, а съ рангомъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ школы устраивались. Живешь въ деревнѣ—учись грамотѣ по-крестьянски, живешь въ мѣстечкѣ—переучивай грамоту по-мѣ-

щански; живешь въ уѣздномъ городѣ—то, чему учился по-мѣщански, переучивай по-уѣздному, а въ губерніи, уѣздное переучивай по-губернскому. За симъ чиновникъ полагаетъ, что и для родительскаго кармана было бы выгоднѣе, и для успѣховъ просвѣщенія благоприятнѣе, если бы между одними и тѣми же классами учебныхъ заведеній, существующихъ въ мѣстечкахъ, уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, было поменьше заставъ и шлагбаумовъ.

То необразованный еврей извѣщаетъ образованнаго еврея, что безуховское городское общество, по старанію еврейской его части, послало, черезъ попечителя учебнаго округа, прошеніе министру народнаго просвѣщенія объ упраздненіи существующаго въ Безуховѣ реальнаго училища и объ учрежденіи, вмѣсто онаго, болѣе полезной классической гимназіи, причемъ необразованный еврей объясняетъ образованному, что классическая гимназія дастъ городу, т.-е. всѣмъ домовладѣльцамъ, купцамъ, ремесленникамъ и всякимъ промышленникамъ несравненно болѣе дохода, чѣмъ даетъ реальное училище, и что, въ виду этого резона, образованный еврей, конечно, не откажетъ похлопотать въ канцеляріи попечителя, чтобы прошеніе не осталось безъ движенія.

То учитель, чехъ, приглашенный въ Россію для преподаванія латинскаго языка, въ письмѣ къ своимъ чешскимъ друзьямъ, скорбитъ о томъ, что, увлекшись мыслію о славянскомъ братствѣ, необдуманно оставилъ родину и обрекъ себя на невеселую жизнь въ обществѣ, съ которымъ, несмотря на все свое желаніе, никакъ не можетъ сблизиться, вслѣдствіе незнанія языка страны и различія въ нравахъ и понятіяхъ. По этой же причинѣ, онъ въ глазахъ и учениковъ все равно что нѣмецъ, и если можетъ надѣяться, что со временемъ заслужитъ ихъ довѣріе и уваженіе, то не иначе, какъ только честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, а никакъ не по милости національныхъ симпатій.

То другой учитель изъ другихъ нѣмецкихъ славянъ, бывшій въ Россію по собственному желанію, для посвященія русскаго юношества въ тайны гомерова нарѣчія, увѣдомляетъ своихъ знакомыхъ въ Буда-Пештѣ, что въ настоящее время въ Россіи профессія учителя древнихъ языковъ очень выгодна, если взяться за дѣло умѣючи, и хотя курсъ русскихъ бумажныхъ рублей очень низокъ, но онъ на этотъ счетъ принялъ свои мѣры, и, при расчетѣ съ учениками за частные уроки и въ другихъ случаяхъ, всегда имѣетъ въ виду, чтобы количествомъ рублей наверстать убытки, вслѣдствіе упадка ихъ курса.

То директоръ гимназіи, старый служака, въ письмѣ къ своему пріятелю, отставному полковнику, разсуждаетъ о различіи между практическими и теоретическими нигилистами, каковое различіе, по его мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ: практическіе нигилисты на словахъ горячо исповѣдуютъ и честь, и совѣсть, и правду, и преданность, и любовь къ отечеству; но на практикѣ, въ своихъ поступкахъ и жизни, отрицаютъ все это и являются фарисеями, молящимися на показъ и поѣдающими домъ вдовицы, очищающими внѣшность чаши и оставляющими внутренность полною хищенія и неправды, взявшими ключи разумѣнія съ тѣмъ, чтобы затворить врата царства небеснаго для себя и для другихъ, строящими памятники и гробницы праведникамъ, которыхъ убили отцы ихъ.

Когда я собирался всѣ вышеприведенные въ краткомъ извлеченіи и нѣкоторые другіе документы вписать въ общую тетрадь документовъ, приготовляемыхъ мною къ изданію, то счелъ не излишнимъ предварительно еще разъ прочитатъ ихъ. Не знаю почему, только чтеніе документовъ произвело на меня такое же впечатлѣніе, какое, въ концѣ-концовъ, производятъ столь частыя въ наше время извѣщенія газетъ о банковыхъ расхищеніяхъ и злоупотребленіяхъ по интендантской части. Душою овладѣваютъ скорбь и негодованіе, и человѣкъ готовъ сказать иному словоохотливому корреспонденту: «полно терзать душу подробностями о томъ, сколько кто и какъ укралъ: и безъ того достаточно извѣстно, что воруютъ». Вслѣдствіе сего, и я рѣшился ограничиться вышеприведеннымъ перечнемъ документовъ и уволить читателя отъ ихъ чтенія «in extenso».

Пересматривая хранящіеся у меня письменные документы по дѣлу о преступной пропагандѣ, я часто спрашивалъ себя, гдѣ скрывается причина тѣхъ превратныхъ понятій и вредныхъ стремленій, которыя, по признанію самого министерства народнаго просвѣщенія, овладѣли въ настоящее время умами молодежи 37 губерній. Скрывается ли эта причина внѣ школы, въ условіяхъ жизни; скрывается ли она въ самой школѣ, въ ея школьныхъ порядкахъ; или, наконецъ, скрывается она въ нравственной порчѣ молодежи, подвергшейся вліянію особой заразы, неимѣющей ничего общаго ни съ условіями нашей жизни, ни съ теперешними порядками нашей школы?

Разумѣется, я—судебный слѣдователь, а не судья, и не адвокатъ, и не мое дѣло вдаваться въ обсужденіе мотивовъ раскрываемыхъ мною преступленій и тѣмъ какъ-бы выставлать ихъ въ томъ или другомъ свѣтѣ. Не могу, однако, не упомянуть здѣсь о томъ рѣшеніи занимавшаго меня вопроса, которое довелось мнѣ слышать изъ устъ стараго пріятеля моего дяди, Семена Осиповича Ковша-Кувшинскаго.

Въ маѣ 187* года, пріѣхалъ я въ Татаровку, чтобы допросить нѣсколькихъ учениковъ татаровской гимназій, по уголовному дѣлу, производившемуся въ Кіевѣ, и, по обыкновенію, присталъ у Семена Осиповича, который встрѣтилъ меня съ своимъ неизмѣннымъ радушіемъ. Семенъ Осиповичъ Ковшъ-Кувшинскій—старый холостякъ, долгое время служилъ по учебному вѣдомству въ должности учителя и, сошедши съ учебнаго поприща съ пенсією и мундиромъ, поселился въ Татаровкѣ.

Такъ какъ дѣло, по которому я пріѣхалъ въ Татаровку, было несложное, то я и кончилъ его въ тотъ же день, къ 5-ти часамъ вечера. Проработавъ, однако, нѣсколько часовъ безъ отдыха, я почувствовалъ къ вечеру нѣкоторую усталость, и потому охотно согласился съ замѣчаніемъ Семена Осиповича, что не слѣдуетъ отправляться въ дорогу *противъ ночи* и отложилъ мой выѣздъ до слѣдующаго утра. Въ семь часовъ вечера хромоногая Приська подала намъ самоваръ, къ которому мы съ Семеномъ Осиповичемъ и не замедлили подсѣсть. За чаемъ, принявъ во вниманіе поводъ моего пріѣзда въ Татаровку, поклонныя лѣга моего собесѣдника и свойственную этимъ лѣгамъ наклонность находить, что прежде все было лучше, чѣмъ теперь, я счелъ умѣстнымъ начать бесѣду слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Вотъ какія теперь настали времена, Семенъ Осиповичъ! Молодежь, у которой еще не обсохло на губахъ материнское молоко, занимается политикою и, увлекаясь политическими страстями, совершаетъ уголовныя преступленія». Къ удивленію моему Семенъ Осиповичъ не поддержалъ бесѣды на эту тѣму, а, промолчавъ нѣкоторое время, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Послушайте, Петръ Ивановичъ, вы судебный слѣдователь; отъ вашего взгляда на дѣло и отъ направленія вашихъ разслѣдованій во многомъ зависятъ взглядъ и самый приговоръ суда. Не для того, чтобы выгораживать виновныхъ и уменьшать мѣру заслуженнаго ими наказанія, а для того, чтобы обратить ваше вниманіе и на причины зла и тѣмъ самымъ дать вамъ возможность способствовать къ ихъ устраненію, скажу вамъ, какъ я

понимаю это зло и въ чемъ усматриваю одну изъ его главныхъ причинъ.

— Вы знаете, что родъ мой, равно какъ и вашъ, принадлежитъ къ старымъ дворянскимъ родамъ этого края. На страницахъ исторіи края встрѣчаются имена нашихъ предковъ, какъ дѣятелей на поприщахъ военномъ, гражданскомъ, духовномъ, и только въ позднѣйшее время, въ формулярныхъ спискахъ, въ графѣ о происхожденіи, противъ нашихъ фамилій стала выставляться отмѣтка: «изъ духовнаго званія». Но вашъ родъ остался вѣренъ православію, мой — перешелъ на унию. Воспитывался я въ литовской греко-унитской семинаріи, бывшей во Владимірѣ-Волынскомъ. По окончаніи семинарскаго курса, я, по моимъ домашнимъ обстоятельствамъ, не могъ продолжать ученія въ виленскомъ университетѣ, на богословскомъ факультетѣ, и принужденъ былъ искать мѣста учителя русскаго языка въ одномъ изъ здѣшнихъ шестиклассныхъ училищъ, которое и получилъ, благодаря протекціи родного брата моей матери, православнаго протоіерея. Когда послѣ польскаго мятежа 1830 года училище наше было преобразовано въ гимназію, то мнѣ поручено было преподавать въ ней латинскій языкъ, а для преподаванія русскаго языка и словесности были присланы особые учителя изъ внутреннихъ губерній. Въ 1839 году, я, вмѣстѣ съ другими униатами, присоединился къ православію и оставался на службѣ до конца пятидесятихъ годовъ. По выходѣ въ отставку, я поселился въ Татаровкѣ, гдѣ, вслѣдствіе моего знакомства и связей съ начальствомъ и учителями татаровской гимназіи, имѣлъ и имѣю полную возможность слѣдить за ходомъ учебной части въ краѣ. Говорю вамъ все это для того, чтобы вы видѣли, что и край, и школьное дѣло въ немъ мнѣ хорошо извѣстны.

— Часто бывали недовольны у насъ нравственнымъ направленіемъ учащейся молодежи, и всякій разъ, когда бывали недовольны, прежде всего обращали вниманіе на составъ учебнаго курса: въ немъ, въ свойствѣ преподаваемыхъ предметовъ, искали и причинъ порчи нравственности, и средства ея исправленія. Десять разъ измѣняли учебную программу, и все еще не нашли такой счастливой комбинаціи латинскаго языка съ географіею и геометрией съ исторіею, которая бы въ результатѣ школьнаго обученія дала желанную нравственность. Волновалась молодежь и тогда, когда въ составѣ учебнаго курса физика и русская словесность торжествовали надъ латынью, волнуется и теперь, когда латынь торжествуетъ надъ физикою и русскою словесностью; волновалась молодежь и тогда, когда ее учили ботаникѣ и зооло-

гін, волнуется и теперь, когда ее не учать ни ботаникѣ, ни зоологін; волновалась молодежь и тогда, когда изучала риторику, волновалась и тогда, когда перестала изучать ее,—волнуется и теперь, когда вновь стала заучивать всѣ источники риторическаго изобрѣтенія. Если, такимъ образомъ, всевозможныя измѣненія въ составѣ учебнаго курса оставались безъ всякаго вліянія на нравственность молодежи, то нельзя не придти къ заключенію, что между нравственностью и учебною программой нѣтъ непосредственной связи, что нравственность учащихся не зависитъ отъ спеціальности изучаемыхъ въ школѣ наукъ. Намъ кажется, что, для надлежащаго устройства школъ, довольно построить для нихъ приличныя помѣщенія, снабдить ихъ хорошою мебелью, послѣдняго педагогическаго фасона, позаимствовать для нихъ учебныя программы у просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы, назначить штаты съ хорошими окладами жалованья, сочинить правила и инструкціи—и остальное пойдетъ само собою. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многомъ другомъ, чтó дѣлалось и дѣлается у насъ, мы упускаемъ изъ виду нравственныя условія дѣла. Не отъ состава учебнаго курса и спеціальности наукъ, преподаваемыхъ въ школѣ, зависятъ нравственныя убѣжденія и духъ учащейся молодежи, а отъ разумной школьной дисциплины и личной нравственности начальниковъ и наставниковъ школы. Въ подтвержденіе словъ моихъ, сошлюсь не на книги и не на примѣры чужихъ и чуждыхъ намъ школъ, а на школы, въ которыхъ воспитывалась нѣкогда молодежь этого же самаго края. Не симпатичны мнѣ ни плантаторскіе инстинкты здѣшней шляхты, ни ея заносчивость и легкомысліе; но я не могу не отдать должной справедливости существовавшимъ здѣсь польскимъ школамъ. Въ учебномъ отношеніи онѣ были неизмѣримо ниже теперешнихъ, какъ по причинѣ отсталости господствовавшихъ въ нихъ педагогическихъ приемовъ и научныхъ взглядовъ, такъ и вслѣдствіе духа обскурантизма, внесеннаго въ нихъ іезуитами и допущеннаго Чацкимъ, для его политическихъ цѣлей; но въ нравственно-воспитательномъ отношеніи онѣ были далеко выше теперешнихъ. Самый патріотизмъ, такъ часто сбивавшій съ толку польскую молодежь, еще не проявлялся въ то время въ такихъ острыхъ и безнравственныхъ формахъ, какъ послѣ, когда польская молодежь познакомилась съ болѣе широкими соціальными взглядами и теоріями. Загляните и теперь въ польскія семейства: вы не встрѣтите въ нихъ столько сыновей нигилистовъ и дочерей нигилистокъ, какъ въ русскихъ. Правда, многое въ этомъ случаѣ слѣдуетъ приписать вліянію польскихъ политическихъ иллюзій,

устраняющихъ всё другія; нельзя однако не видѣть въ этомъ и извѣстной доли вліянія воспитательныхъ традицій старой школы. Въ то время правила нравственности не излагались въ особыхъ кодексахъ, не пропечатывались въ отпускныхъ билетахъ, не развѣшивались на стѣнахъ классныхъ комнатъ и въ корридорахъ; для наблюденія за исполненіемъ правилъ не существовало особаго контроля и контроля надъ контролемъ. Опорою школьной дисциплины былъ личный авторитетъ учителя, и, несмотря на то, что далеко не всё учителя того времени могли служить образцами мудрости и добродѣтели, молодежь выходила изъ школы съ чувствомъ чести и правды, а не съ тою адвокатскою изворотливостью, къ которой ведетъ упражненіе въ толкованіи правилъ, устранившихъ авторитетъ учителя. Замѣна авторитета учителя кодексомъ правилъ роняетъ въ глазахъ учениковъ достоинство учителя, ставитъ его въ ложныя отношенія къ учащимся, ослабляетъ въ учащихся нравственное чувство и развиваетъ въ нихъ духъ подъяческой казуистики, основанной на умѣннн толковать правила,—словомъ, повреждаетъ главный нервъ учебно-воспитательной жизни. А гдѣ останавливается жизнь, тамъ, естественно, начинается разложеніе.

— Я укажу вамъ еще другой, болѣе намъ близкій примѣръ того, какъ важно, для сохраненія нравственнаго авторитета школы, не опутывать непосредственныхъ дѣятелей въ школѣ излишнимъ контролемъ и правилами, сводящими личный авторитетъ наставника до нуля значенія. Припомните времена Пирогова. Правда, и тогда, по заведенному у насъ порядку, не обошлось безъ сочиненія правилъ; но тогда, по крайней мѣрѣ, правила были направлены къ тому, чтобы возвысить авторитетъ учителя. Припомните, сколько нашлось достойнѣйшихъ учителей, какое живое и искреннее участіе стало принимать общество въ вопросахъ школы. По мѣрѣ того, какъ буква правилъ стала вытѣснять авторитетъ учителя и педагогическаго совѣта, стали ослабѣвать связь школы съ обществомъ и нравственное вліяніе школы на учащихся.

— Пока правила школьной дисциплины ограничиваются требованіемъ внѣшняго порядка и субординаціи—въ родѣ застегиванія пуговицъ, носенія форменной одежды, фронта—нарушеніе правилъ хотя и выгоняетъ недоучившуюся молодежь изъ школы въ жизнь, но еще не доводитъ ее до каторги. Но горе школѣ, если посредствомъ регламентаціи, опутывающей весь школьный бытъ, захотятъ обратить школу въ орудіе высшей политики; если къ евангельскому ученію: «люби Бога и ближняго», станутъ

примѣшивать въ школѣ фарисейскія толкованія о томъ, кто ближній и кто дальній. Пусть жизнь рѣшаетъ споръ о правдѣ и неправдѣ въ жизни; школа должна оставаться чужда этому спору, не должна служить орудіемъ той или другой партіи. Молодежь, честно воспитанная въ школѣ, будетъ потомъ и въ жизни честными средствами защищать свои убѣжденія; молодежь, развращаемая въ школѣ тенденціознымъ воспитаніемъ, направленнымъ къ цѣлямъ разныхъ политикъ, еще въ школѣ теряетъ нравственную способность отличать гражданскій подвигъ отъ уголовнаго преступленія.

— Изъ всѣхъ возможныхъ политикъ, самая жестокая, самая беспощадная, готовая принести въ жертву своимъ цѣлямъ не только воспитаніе юношества, но и сотни юношескихъ жизней, это, безъ сомнѣнія, политика за права, обезпечивающія интересы кармана и желудка. Горе жизни, если роковая необходимость заставитъ ее прибѣгнуть къ этого рода политикѣ; трижды горе и школѣ, если ее употребятъ, какъ средство для достиженія цѣлей этой политики. Къ счастью, этого рода политика чужда намъ, по условіямъ нашей жизни; должна бы быть на-вѣки чужда и нашей школѣ. Каждый изъ насъ, у кого есть голова и руки и кто имѣетъ свой честный кусокъ хлѣба, можетъ не завидовать тѣмъ, кто ѣстъ бутерброды. Такъ отъ чего же зло? Отчего мы прослыли крайними социалистами и нигилистами; отчего вина этихъ явленій падаетъ, главнымъ образомъ, на нашу молодежь и на школу? Вопросъ этотъ очень сложный и отвѣтить на него не легко; думаю однако, что невѣжество, темнота и глухота играютъ здѣсь не послѣднюю роль. Гдѣ стороны имѣютъ ясное понятіе о своихъ правахъ, средствахъ, взаимныхъ отношеніяхъ, гдѣ общество имѣетъ полную возможность знать притязанія сторонъ и судить о нихъ, тамъ возможны и компромиссы передъ судомъ здраваго смысла большинства, возможно и вразумить заблуждающихся, и остановить общими силами злонамѣренныхъ. Но попробуйте вразумить мужичка, когда въ его головѣ засѣло какое-нибудь притязаніе, подсказанное ему полуграмотнымъ дьячкомъ или отставнымъ солдатомъ; попробуйте, среди мрака и глухоты, въ которые погруженъ онъ и окружающая его среда, разъяснить ему несправедливость его притязаній. Счастье — если тѣ, на комъ лежитъ прямая обязанность вразумлять и останавливать заблуждающихся, пользуются ихъ довѣріемъ и уваженіемъ и заслуживаютъ его, если они ясно понимаютъ характеръ зла и, по своему образованію и нравственнымъ качествамъ, способны принять мѣры, ведущія къ его искъленію. Къ сожалѣнію, во главѣ иныхъ

школъ случались у насъ лица, не отличавшіяся ни научнымъ образованіемъ, ни педагогическою опытностью. Вращаясь весь свой вѣкъ въ кругу идей и соображеній, не имѣвшихъ никакого отношенія къ дѣлу воспитанія, зная одну только науку служебныхъ интригъ и житейскихъ расчетовъ, они смотрѣли и на школы, какъ привыкли смотрѣть на свои имѣнія, канцеляріи, батальоны, и вздумали править умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ молодежи посредствомъ предписаній, сочиняемыхъ ихъ дѣлопроизводителями. Не скажу, чтобы это были люди ограниченаго ума или злонамѣренные; но это люди незнакомые съ дѣломъ школы. Не умѣя воспитывать, они начинали укрощать молодежь, а когда укрощеніе не достигало цѣли, начинали какъ-бы мстить молодежи и преслѣдовать ее.

— Я уже сказалъ вамъ, какъ губительно для школы упраздненіе авторитета учителя и замѣна его кодексомъ правилъ, регулирующихъ быть школы мертвою буквою закона, вмѣсто нравственнаго вліянія воспитателя. Послѣдствія подобной системы на лицо: общее имѣ имя—упадокъ нравственнаго авторитета и деморализація школы. Напрасно прикрывать нравственную несостоятельность школы именемъ временной борьбы изъ-за учебныхъ системъ, изъ-за реализма и классицизма. Здѣсь дѣло не въ реализмѣ и классицизмѣ, не въ химіи и мертвыхъ языкахъ, а именно въ деморализаціи школы. Если вы нѣсколько глубже вникните въ систему тенденціозной регламентаціи, направленной къ достиженію не прямыхъ цѣлей воспитанія, а косвенныхъ, посредствомъ извѣстной системы ученія, то замѣтите въ ней цѣлый легіонъ другихъ тенденцій, вызывающихъ въ жизни школы такой же легіонъ болѣзненныхъ явленій. Что значитъ замѣна личнаго авторитета наставника кодексомъ общихъ правилъ, сочиняемыхъ въ лабораторіи канцелярій? Другими словами, это значитъ управленіе школами по шаблону, придуманному для образованія умовъ, какъ будто для производства какой-либо лѣпной работы, а еще другими словами это значитъ подавленіе въ человѣкѣ всего, что составляетъ его духовную личность. Остановимся нѣсколько на этой послѣдней тенденціи. Вашъ мѣстный говоръ, сказка, которую вы слышали въ дѣтствѣ, пѣсня, съ звуками и словами которой соединено первое эстетическое движеніе вашего чувства, словомъ—все, что связываетъ васъ съ роднымъ очагомъ и привязываетъ къ нему подвергается опалѣ, какъ несогласное съ спеціальными цѣлями общей учебно-воспитательной системы. Но не значитъ ли это подавлять въ душѣ юноши, вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ, и любовь къ отечеству;

не значить ли это изгонять невиннаго домашнего для того, чтобы, послѣ него, поселить въ выметенномъ и убранномъ домѣ семь горшихъ духовъ космополитическаго свойства? Въ тѣ счастливыя времена, когда я учился въ греко-унитской семинаріи и когда еще было можно человѣку въ европейскомъ костюмѣ говорить на мѣстномъ нарѣчій, не подвергаясь опасности попасть въ число политически-неблагонадежныхъ, всѣ мы, семинаристы, говорили и между собою, и въ семействахъ нашихъ не иначе, какъ по-малорусски, и однако это не сдѣлало насъ сепаратистами, а напротивъ—повело къ полному слянію съ русскимъ отечествомъ. Не личное честолюбіе заронило въ душу Сѣмашки-митрополита первую мысль о воссоединеніи уніатовъ, а насмѣшки виленскихъ поляковъ надъ мѣстнымъ говоромъ и родными пѣснями Сѣмашки-студента. Не отсутствіе *filioque* въ символѣ вѣры влекло образованныхъ уніатовъ къ Россіи, а желаніе перестать быть польскими прихвостнями. Когда весь нашъ бытъ общественный и самая вѣра сближала насъ съ поляками, каждый звукъ родной рѣчи напоминалъ намъ о томъ, что мы русскіе. Дай Богъ, чтобы хотя дѣти нашихъ дѣтей увидѣли ту счастливую минуту, когда успѣхи образованности и увеличеніе благосостоянія сдѣлаютъ обще-русскій литературный языкъ домашнимъ въ послѣдней деревенской хатѣ; но пока этого нѣтъ—преслѣдовать мѣстный говоръ, какъ признакъ сепаративныхъ тенденцій, такъ же справедливо, какъ справедливо усматривать признаки сепарации въ томъ, что малороссіянеи болѣе черновыя, чѣмъ бѣлокрыя.

— Вы, любезный Петръ Ивановичъ, человѣкъ полицейскій; у вашего брата, человѣка полицейскаго, своя особая, арестантская психологія. Привыкли возиться съ разными мазуриками, которые на вопросахъ норовятъ какъ бы обмануть васъ, привыкли открывать затаенную каверзу въ самыхъ искреннихъ, повидимому, признаніяхъ, вы, господа полицейскіе, готовы мѣрять душу каждаго арестантскимъ аршиномъ. Пари держу, что въ настоящую минуту вы думаете о мнѣ вотъ что: «каковъ молодецъ! Вздумалъ защищать нигилистовъ и сепаратистовъ. Да не изъ ихъ ли компаніи и самъ онъ? Только, видно, болѣе сепаратистъ-украинофилъ, чѣмъ нигилистъ; потому что запугиваетъ нигилизмомъ, чтобы выгородить украинофиловъ». Ошибаетесь, любезный другъ, если такъ обо мнѣ думаете. Не нигилистъ я и не сепаратистъ. Я всею душою преданъ интересамъ русскаго отечества, а потому именно, что преданъ имъ, желалъ бы образумить заблуждающихся, а не губить ихъ.

— Было бы несправедливо объяснять все однимъ поголовнымъ развратомъ молодежи. Посмотрите безпристрастно на все, что происходитъ кругомъ васъ. Въ области наукъ естественныхъ дѣлаются громадныя открытія, и эти открытія получаютъ такое примѣненіе въ жизни общества, что всѣ теперешнія условія быта общественнаго могутъ быть измѣнены этими открытіями и ихъ примѣненіемъ несравненно болѣе, чѣмъ нѣкогда они были измѣнены изобрѣтеніемъ пороха и книгопечатанія. Общество, инстинктивно сознавая силу и значеніе знанія, стремится къ его приобрѣтенію. Бѣднякъ жертвуетъ послѣднею копѣйкою, чтобы учить своихъ дѣтей; юноши терпѣливо переносятъ голодъ и холодъ, чтобы не лишиться университетскаго образованія; молодыя дѣвушки, съ обезпеченнымъ состояніемъ и безъ состоянія, бросаютъ наряды и принимаются за учебныя книги. Не для одного же разврата все это дѣлается. Развратничать гораздо удобнѣе при другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ. Но разсматривать стремленіе къ знанію, какъ бѣснованіе и засадить юношей отъ пятнадцатилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста за долбленіе средневѣковой грамматики—не значитъ удовлетворить стремленію общества къ образованію. вмѣсто того, чтобы овладѣть стремленіями общества и, ставъ во главѣ движенія, направить его къ законнымъ и благимъ цѣлямъ, обратить его въ полезную для общества силу, вамъ нравится «противъ рожна прати»; такъ не удивляйтесь же и результатамъ вашей системы. Нѣтъ добраго дерева, которое приносило бы худой плодъ; и нѣтъ худого дерева, которое приносило бы плодъ добрый. Ибо всякое дерево познается по плоду своему. Неудовлетворенныя стремленія общества въ одной области его развитія неизбѣжно вызываютъ ненормальныя явленія въ другихъ. Напрасно защищать систему ученія, извѣстную у насъ подъ именемъ классической. Это система не классическая, а грамматическая. Классицизмъ возродилъ умственную жизнь Европы и далъ толчокъ научному движенію, создавшему европейскую цивилизацію; но продолжительное и почти исключительное долбленіе грамматики, наполненной въ научномъ отношеніи положеніями шаткими; но открытіе доступа къ высшему образованію только для тѣхъ, которые прошли черезъ фуркулы грамматическаго долбленія, я не могу назвать системою, способною удовлетворить требованіямъ вѣка и общества. Я не отвергаю того, что и изученіе грамматики, даже той, которая теперь преподается въ школахъ, можетъ служить средствомъ развитія въ учащихся способности формальнаго мышленія: вѣдь и птоломеева географія не была наполнена логичес-

кими абсурдами и могла формально развивать учащихся; вѣдь и астрономія, толковавшая о неподвижности земли, не была наполнена логическими абсурдами и могла формально развивать учащихся; но преподавать въ школахъ птолемею географію или астрономію, учащую о неподвижности земли, въ напѣ вѣкъ, когда великія открытія Коперника, Галилея, Ньютона, измѣнили содержаніе наукъ, было бы грѣшно и убійственно. Пусть прежде грамматика воспользуется указаніями психологіи, физики, фیزیологіи, и освободится отъ своихъ абсурдовъ; тогда я ее признаю наукою, а до того буду считать средствомъ обскурантизма, завѣщаннымъ намъ средневѣковымъ невѣжествомъ. Не со вчерашняго также дня правительство заботится, путемъ постепенныхъ улучшеній въ системѣ управленія, удовлетворить законнымъ требованіямъ общественнаго развитія. Еще императоръ Николай Павловичъ, замѣтивъ неудобства излишней централизаціи, серьезно думалъ объ ихъ устраненіи. Вопросъ объ этомъ обсуждался въ то время подъ именемъ вопроса о сокращеніи переписки. Сократить переписку значить освободить мѣстную администрацію отъ необходимости входить въ центральныя учрежденія съ представленіями и отчетами объ открытіи какой-нибудь бакалейной лавочки, другими словами, значить стремиться къ децентрализаціи. Не разъ и потомъ возникалъ и обсуждался у насъ вопросъ объ ослабленіи централизаціи, то подъ именемъ вопроса объ усиленіи власти губернаторовъ, то подъ другими; не разъ мѣстныя власти ходатайствовали предъ высшимъ правительствомъ о нѣкоторыхъ льготахъ и уступкахъ въ пользу мѣстныхъ требованій и условій, и правительство не смотрѣло на эти ходатайства, какъ на выраженіе сепаративныхъ тенденцій...

— Вѣдь не сепаратистъ же, въ смыслѣ политическомъ, губернаторъ какой-нибудь южной или сѣверной губерніи, старающійся всѣми мѣрами покровительствовать извѣстной отрасли промышленности, особенно выгодной для жителей ввѣренной ему губерніи, хотя, быть можетъ, мѣстные успѣхи этой промышленности и не вполне согласны съ коммерческими расчетами купечества центральныхъ губерній. Не сепаратистъ, полагаю, и судья, докладывающій министру юстиціи о невозможности судить дикаря, считающаго грабежъ и воровство геройскимъ подвигомъ, по уголовному кодексу, дѣйствующему внутри Россіи. Не помышляетъ о политическомъ сепаратизмѣ и земство, ходатайствующее о проведеніи дороги для сбыта лѣсу, которымъ оно особенно богато, а не для сбыта ситцевъ, которыхъ оно не производитъ. Какъ губернаторъ, судья и земство не политическіе сепаратисты, такъ

не политическій сепаратистъ и тотъ учитель, который старается развить мѣстныхъ мальчиковъ описаніями мѣстной природы и рассказами изъ мѣстной жизни, старается объяснить имъ нѣкоторыя слова языка литературнаго соотвѣтствующими словами мѣстнаго нарѣчія; старается затронуть и развить въ нихъ эстетическое чувство близкими и родными имъ звуками мѣстной народной поэзіи. Но то же лицо, которое энергически хлопочетъ о развитіи и успѣхахъ мѣстной промышленности, готово немедленно направить въ Архангельскъ черниговскаго или полтавскаго учителя за то, что непокорныя уста учителя произносятъ *пгзять*, а не *пять*, *мгзасо*, а не *мясо*. Мы признаемъ права мѣстныхъ особенностей въ сферѣ дѣятельности промышленной, торговой, фабричной, но коль скоро вопросъ коснется мѣстныхъ особенностей въ сферѣ духовнаго развитія, то предпочитаемъ стричь подъ одну гребенку, не замѣчая того, что излишняя централизація въ сферѣ духовнаго развитія, быть можетъ, несравненно болѣе вредна для успѣховъ общаго просвѣщенія и духовнаго единства, чѣмъ излишняя централизація въ сферѣ интересовъ матеріальныхъ для успѣховъ общаго благосостоянія. Неужто вы думаете, что всякій образованный малороссіянинъ, грузинъ, армянинъ, которому дороги интересы благосостоянія и просвѣщенія его родины—непремѣнно политическій сепаратистъ, мечтающій о политической самостоятельности. Ошибаетесь: здѣсь дѣло не въ національности и не въ торжествѣ національности, а въ торжествѣ одного изъ двухъ принциповъ государственнаго управления: или въ торжествѣ принципа централизаціи, подавляющей развитіе мѣстной жизни и истощающей силы государства въ борьбѣ съ самимъ собою, или въ торжествѣ принципа децентрализаціи, покровительствующей развитію мѣстныхъ силъ, для силы и блага общаго отечества. Если вы знакомы съ исторіею Франціи, то знаете къ чему можетъ повести излишняя централизація. Не развитіе мѣстной жизни вредно для государственнаго единства, основаннаго на сознаніи единства высшихъ духовныхъ и политическихъ интересовъ, а ея обезличеніе. Чѣмъ образованнѣе и нравственнѣе будетъ общество, тѣмъ дороже будутъ ему его мѣстные интересы; но тѣмъ сознательнѣе, искреннѣе, пламеннѣе, будетъ оно относиться къ священнымъ интересамъ общаго отечества; доказательствомъ тому вамъ служить Эльзась и Лотарингія, которыя говорятъ по-нѣмецки, и боготворятъ Францію. Если съ этой точки зрѣнія посмотрѣть хоть на украинофильство, то нечего слишкомъ смущаться его буршевскими проявленіями. Еще нѣтъ основанія въ ношеніи сму-

шовыхъ шапокъ, мережанныхъ сорочекъ, въ распѣваніи народныхъ пѣсенъ и даже въ литературныхъ мнѣніяхъ писателей усматривать стремленіе къ политической сепараціи, о которой народъ и общество точно такъ же думаютъ, какъ и о путешествіи на луну. Пугало политической сепараціи создано воображеніемъ и избыткомъ усердія нашихъ полицейскихъ добровольцевъ. Если и думаетъ кто-нибудь серьезно о политической сепараціи нашихъ славянскихъ окраинъ, то развѣ нѣмецкіе собиратели славянскихъ земель. Къ сожалѣнію, въ эту область соображеній взоръ нашихъ полицейскихъ прозорливцевъ не проникаетъ, а если и проникаетъ, то плохо видитъ. Пожалуй, сепаративныя тенденціи можно и привить и развить искусственно, и особенно посредствомъ розысковъ о сепараціи, да и то можно развить развѣ сепарацію внутреннюю, ведущую въ лагерь внутреннихъ мальконтантовъ, а не внѣшнюю, которая немислима. Поэтому, лучше всего и мнѣ перестать говорить о сепараціи, а то вы, Петръ Ивановичъ, еще подумаете, что мнѣ доподлинно извѣстны всѣ секреты сепаративныхъ тенденцій и, по долгу вашей службы, донесете на меня, какъ на сепаратиста, несмотря на то, что я старый другъ вашего дяди и вашъ.

— Да, большое зло сдѣлали нашей школѣ и воспитанію тѣ люди, которые въ чуждое и темное для нихъ дѣло школы вносили элементы разныхъ политикъ. Стремленіе, во что бы ни стало и какъ можно скорѣе, подчинить школу видамъ тенденціозной системы, болѣзненно отзывается не только въ жизни школы, но и въ литературѣ. Одна половина литераторовъ пишетъ книги въ духѣ системы, въ надеждѣ заслужить ея одобреніе и получить субсидію; другая — разсчитывая на сочувствіе немалаго числа недовольныхъ, пишетъ книги въ духѣ, враждебномъ системѣ. Въ этомъ хаосѣ страстей и пристрастій, мало кто думаетъ и заботится объ истинѣ.

— Но извольте-ка теперь очистить школу отъ наслоеній нѣсколькихъ политикъ и возратить ей ея чисто-педагогическій характеръ, возстановить ея нравственный авторитетъ. Чтѣ прикажете дѣлать съ этими Цаповскими, Архикарманскими, завѣщанными нашей школѣ политикою Кузьмы Демьяновича, чтѣ прикажете дѣлать съ ех-либералами Наивными, съ обрусителями фонъ-Лобенанбрехами, съ доморощенными поборниками классицизма, неумѣющими просклонять *mensa*?.. Всѣ они еще живутъ въ нашей школѣ и дѣйствуютъ рядомъ. Не пустить же ихъ по міру, да и за что? Не за то ли, что они были усердными исполнителями видовъ начальства? Но Богъ милостивъ. Я не допускаю мысли, чтобы все

прекрасное, что хранится въ условіяхъ нашей жизни и въ характерѣ народа, заглохло и погубило, безъ плода какъ для насъ, такъ и тѣхъ, для которыхъ мы, въ настоящее время, единственный оплотъ ихъ самобытнаго національнаго развитія. Стоить только намъ почувствовать необходимость быть нравственнѣе, и мы, по силѣ нашихъ природныхъ дарованій, по богатству нашихъ матеріальныхъ средствъ, можемъ быть не въ одномъ своемъ воображеніи великою націею. Перестанутъ исчезать милліоны рублей изъ казенныхъ и общественныхъ сундуковъ, перестанутъ горѣть склады казенныхъ сухарей, настанутъ ихъ ревизіи, уменьшится число кабаковъ, увеличится число школъ. Но... опять это проклятое *но!* Но что можетъ заставить насъ почувствовать необходимость быть нравственнѣе? Совѣсть? Школа? — Выходитъ *circulus vitiosus*, — кругъ, изъ котораго для логики мышленія нѣтъ выхода. Къ счастью, логика жизни часто находитъ выходъ тамъ, гдѣ его не усматриваетъ логика человѣческаго мышленія.

ПЕТРЪ ЛИНЕЙКИНЪ.

НА ЧУЖОМЪ ПИРУ

Я видѣлъ праздникъ на чужбинѣ,
Свободы славный юбилей.
Еще мнѣ грезится донинѣ
Безбрежный океанъ огней,
Толпы восторженные клики.

Признаться, съ завистью глухой
Глядѣлъ на праздникъ я чужой.
Твой образъ кроткій и великій
Въ мечтахъ, о, родина! мелькалъ,
И было сердцу такъ же больно,
Какъ если-бъ я попалъ невольно
Къ чужой семьѣ на яркій балъ,
Оставивъ мать больную дома...

Здѣсь блескъ, и жизнь, и смѣхъ, и шумъ.
А тамъ... Безсонница, истома,
Терзанья одичалыхъ думъ

. . . . .

Донинѣ празднество такое
Едва-ль гремѣло подъ луной.
То было торжество людское
Надъ побѣжденною судьбой,
Восторгъ побѣды горделивый,
Грядущихъ подвиговъ залогъ,
Забвенье распрей и тревогъ,
Гимнъ человѣчества счастливый...

Еще съ утра, какъ предъ грозой,
 Толпа кипѣла тайно. Каждый
 Томился счастья жгучей жаждой.
 Предъ набѣгавшею волной
 Въ волненьи сладкомъ замирали
 У всѣхъ сердца. Всѣ ночи ждали
 И ночь пришла...

Полна чудесъ
 Была та ночь. Не сводъ небесъ —
 Земля несчетными огнями
 Зажглась, въ мгновенье ока, вся,
 И пламенѣли небеса,
 Земными облиты лучами.
 Въ одинъ сверкающій чертогъ
 Столица міра превратилась,
 Не стало улицъ и дорогъ.
 Палаты царскія свѣтились
 Для пира царскаго. По нимъ
 Гостей разряженныхъ каскады
 Лилися съ рокотомъ глухимъ.
 Повсюду флаговъ миріады
 Вилися, рѣяли, текли,
 А тамъ, надъ городомъ, вдали,
 Скрывая огненное море,
 Спускался сводъ изъ синей мглы...

Но, чу! раздался выстрѣлъ. Вскорѣ
 Быстрѣй и выше, чѣмъ орлы,
 Ракеты къ небесамъ взлетѣли,
 Какъ змѣи, корчась, зашипѣли,
 И съ трескомъ сыпался назадъ
 Звѣздъ ярко-радужный каскадъ.
 И снова громы за громами.
 Предъ изумленными очами
 Во тьмѣ ночной, свѣтлѣе дня,
 Вдругъ выросъ городъ изъ огня.
 Горѣли портики, колонны,
 Пылали башни и дворцы.
 И между нихъ во всѣ концы
 Огнемъ дышавшіе драконы,
 Согнувъ хребты и пасть поднявъ,
 Летали, падали стремглавъ.

Но вотъ на яркія громады
Снопъ огней, какъ изъ засады
Войска на вражескій оплотъ,
Метнулись яростно. Растетъ
Все выше огненная сила,
Грохочутъ громы все сильнѣй,
И ночь въ испугѣ отступила
Предъ свѣтлымъ воинствомъ огней...
Волшебный видъ: огнемъ дожило,
Пожаромъ воздухъ былъ объятъ,
Всѣ звѣзды небо уронило,
И всѣ огни изрыгнувъ адъ.
Волшебный мигъ: толпа дрожала.
Невольно сердце зажигала
Картина огненныхъ чудесъ,
И громъ сплошной, и молній лѣсъ.
Въ порывѣ страстнаго забвенья
Хотѣлось блеска, упоенья,
Хотѣлось громомъ прогремѣть,
Пылатъ, умчаться, пламенѣть...
И вдругъ, какъ-бы отъ мановенья
Волхва, погасло все кругомъ
И смолкло. Эхо отдыхаетъ,
И ночь, надъ прогнаннымъ врагомъ
Побѣду празднуя, слетаетъ,
И мглой злорадною своей
Добычу кутаетъ плотнѣй...

Иною прелестью плѣняли
Въ тотъ вечеръ площади, сады.
Какъ ожерелія, сверкали
Огней нанизанныхъ ряды.
Бесѣдки, статуи, фонтаны,
Густые вязы и каштаны,
Подобно радуги цвѣтамъ
Сливаясь, полные движенья,
Какъ будто свѣтлыя видѣнья,
Вокругъ мерещились глазамъ.
И звуки музыки игривой,
Какъ мотыльковъ сребристыхъ рой
Вился толпою шаловливой
Надъ очарованной толпой.

Веселыхъ, праздничныхъ, безпечныхъ
 Лился потокъ народныхъ массъ.
 Никакъ не вѣрилось въ тотъ часъ,
 Что не для наслажденій вѣчныхъ
 Неувядаемой весны
 На свѣтъ всѣ люди рождены,
 Что гдѣ-то горькою заботой
 Зачѣмъ-то опечаленъ кто-то...

Но не красою площадей,
 Не блескомъ праздничныхъ огней
 Въ тотъ вечеръ сердце умилялось.
 Средь улицъ, сумрачныхъ всегда,
 Гдѣ трудъ ютится и нужда,
 Иное празднество справлялось.
 Народъ сознанья своего
 Справлялъ святое торжество.

Похожъ былъ праздникъ на сраженіе.
 Шумъ, давка, топотъ и смятеніе,
 Стрѣльба изъ оконъ, лѣсъ знаменъ,
 Восторгъ, безумье, опьянѣнье,
 И дымъ, и свистъ, и гулъ, и стонъ...

Въ избыткѣ чувствъ само собой
 Свободно окрыляясь, слово
 Лилось, правдиво и сурово,
 Передъ внимательной толпой.
 Забылъ народъ былыя раны
 И ликовалъ, какъ грудь одна.
 Всѣ отъ восторга были пьяны,
 И ни единый—отъ вина.

Толпа шумящая сливалась
 Въ семью великую гражданъ.
 Душа росла и очищалась,
 И, словно пламя въ ураганъ,
 Свободы пѣсня разливалась
 Изъ груди въ грудь, изъ устъ въ уста,
 Какъ на поляхъ тѣхъ битвъ неравныхъ,

Гдѣ всѣхъ враговъ своихъ безславныхъ
Не разъ сражала пѣсня та,
Какъ громъ разсерженной свободы,
И отъ неволи край родной,
И отъ позора всѣ народы
Спасала силой неземной...
Да, то былъ праздникъ и — сраженье.
Врагамъ свободы пораженье
Одной лишь радостью своей
Нанесъ ты, о, народъ великій!
Когда изъ тысячи грудей
Неслись ликующіе клики,
Исчадья злобы вѣковой
Завыли отъ предсмертной боли.
Ты наступилъ на грудь неволи
Своею пляшущей пятой!
Ты въ этотъ день, съ богами сходишь,
Всѣ блага высшія постигъ:
Ты былъ спокоенъ и свободенъ,
Ты былъ разуменъ и великъ!..

И внемля съ завистью чужихъ восторговъ шуму,
Отчизна, о тебѣ нерадостную думу
Невольно думалъ я... Съ твоею нищетой,
Съ твоей застывшею, безмолвною кручиной,
Передъ ликующей чужбиной
Ты показалась мнѣ библейскою вдовой,
Что на распутіяхъ безпомощно скорбѣла...

Да, на распутіяхъ, родимая страна,
Всѣ годы лучшіе ты провела одна!
Небесъ ли надъ тобой проклятье тяготѣло,
Иль обезсилилъ врагъ, иль поразилъ недугъ?
Какъ тайну разгадать твоей судьбы плачевной?
Ни глубиной ума, ни вротостью душевной
Не ниже ты своихъ счастливейшихъ подругъ.
Добрѣе нѣтъ, сильнѣе нѣтъ народа
Твоихъ сыновъ-богатырей,
И поражаетъ щедростью своей
Твоя богатая природа.
Ты изобильна всѣмъ, чѣмъ красенъ божій свѣтъ,

Что счастье людское созидаетъ.

Зачѣмъ же счастья въ тебѣ, отчизна, нѣтъ?

Зачѣмъ же твой народъ, народъ-Танталъ, страдаетъ,

Всѣмъ бѣденъ, лишь однимъ терпѣніемъ богатъ,

О лучшемъ будущемъ заботясь такъ же мало,

Какъ-бы о роскоши случайнаго привала

За часъ предъ битвою солдатъ?..

О, родина моя, о, родина терзаній!

Гдѣ тотъ, кто жизни путь откроетъ предъ тобой,

И кто отъ вѣковыхъ скитаній

Твоихъ дѣтей больныхъ вернетъ подъ кровь родной?

Нѣтъ перепутія, твои гдѣ не блуждали

Мечты высокія и честныя печали.

Нѣтъ громкихъ словъ, нѣтъ свѣтлыхъ грезъ,

За что не пролила ты крови или слезъ.

Нѣтъ тѣхъ чужихъ пировъ, гдѣ ты бы не хмелѣла,

Нѣтъ тѣхъ чужихъ скорбей, чѣмъ ты бы не скорбѣла,

Болѣзней нѣтъ чужихъ, чѣмъ ты бы не болѣла!..

О, родина моя! Ты на груди своей,

На любящей груди, и ядовитыхъ змѣй,

И кроткихъ голубей не разъ отогрѣвала,

Лишь про дѣтей своихъ всегда ты забывала...

Ты все извѣдала: высокія мечты,

Правдивой совѣсти святыя укоризны,

Паренье въ небеса и жажду красоты.

Когда же ощутишь ты жажду жизни, жизни!

Когда начнетъ народъ твой знаніе любить,

Когда про голодъ позабудетъ,

И горя горькаго не будетъ

Ни въ будни накоплять, ни въ праздники топить?..

Когда, о, мать моя, твои затихнутъ стоны,

И не дерзнутъ кичиться предъ тобой,

Народы всей земли—какъ честныя матроны

Передъ погибшею женой?

Кичиться—чѣмъ? Не ты-ль оберегала

Чертогъ, гдѣ пиръ себѣ готовили они,

И грудью ураганъ не ты ли задержала,

Грозившій потушить ихъ яркіе огни?

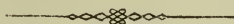

И что-жъ? Когда потомъ и ты въ чертогъ вступила,
Тамъ мѣста не было тебѣ...
Когда отъ свѣточей ты бурю отклонила,
Во тьмѣ осталась ты, подобная рабѣ...
И сталъ твой жребій—скорбь, и имя—слово брани...

О, родина моя! О, родина терзаній!..

Н. Минскій.

Парижъ.—Іюль, 1880 г.

ВОЛЬТЕРЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

II *).

Проницательныя женщины говорили извѣстному французскому писателю двухъ столѣтій, Фонтенелю, указывая на то мѣсто, гдѣ должно находится сердце: «У васъ тутъ не сердце, а такой же мозгъ, какъ и въ головѣ». Современницы Вольтера могли съ нѣкоторымъ основаніемъ сказать ему то же самое. Но умъ и натура Вольтера были совсѣмъ особенные, исключительные. Это не былъ глубокій умъ, погруженный въ ту или другую область знанія и открывающій въ этой области новыя истины, новые законы. Это былъ умъ въ высшей степени общительный и общественный, необыкновенно живой, блестящій, привлекательный, плѣнявшій не только своихъ читателей, но, можетъ быть, еще болѣе плѣнительный для слушателей, для тѣхъ, кто имѣлъ съ Вольтеромъ личныя сношенія и бесѣды. Такой чарующій умъ дается природой немногимъ; умъ Вольтера искрится, играетъ, брызжетъ и плѣнится, какъ шампанское, вино по преимуществу общественное, любимый напитокъ веселыхъ компаній, сообщникъ оживленныхъ, смѣлыхъ бесѣдъ. Необычайная живость и широкая воспримчивость такого ума естественно дѣлають его многообъемлющимъ, универсальнымъ. Таковъ былъ умъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ писателей, въ тяжелой борьбѣ окончившаго жизнь на чужбинѣ. Тайна значенія и вліянія такихъ писателей

---

*) См. «Вѣстникъ Европы», окт. 572 стр.

не исчерпывается оставшимися послѣ нихъ сочиненіями; значительная доля этой тайны заключается въ личномъ обаяніи такихъ роскошно одаренныхъ натуръ, вся прелесть которыхъ доступна только ихъ современникамъ.

Жизнь людей такого закала никогда не течетъ ровно и мирно въ томъ руслѣ, которое проложено для нея установившимися общественными условіями. Впечатлительныя, нервныя, усиленно дѣятельныя, эти натуры быстро схватываютъ смыслъ данныхъ условій, относятся къ нему критически, съ тѣмъ нервнымъ нетерпѣніемъ крупныхъ талантовъ, которое въ общежитіи нерѣдко называется преступною неосторожностью, и дорого платятся за свое умственное превосходство надъ другими. Рутинѣ не выносить ихъ, смутно, инстинктивно предчувствуя свою неминуемую гибель подъ ударами ихъ заразительнаго здраваго смысла и остроумія. Вольтеру теперь тридцать-одинъ годъ; онъ въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта, пользуется славой первокласснаго поэта своего времени; дворъ благоволяетъ къ нему: онъ уже пенсіонеръ и короля и королевы, ему покровительствуетъ всесильная фаворитка герцога Бурбонскаго. И, несмотря на все это, ему теперь же придется считаться съ данными условіями исторической дѣйствительности, испытать гоненія не отъ одной только власти, но и отъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которымъ кололо глаза превосходство этого блестящаго выскочки. Вольтеръ былъ честолюбивъ; онъ всегда хотѣлъ играть и общественную роль, какъ литераторъ, и политическую, какъ органъ правительственной власти въ той или другой спеціальности. Онъ считалъ себя не менѣе умнымъ, не менѣе свѣдущимъ и дѣльнымъ человѣкомъ, чѣмъ иной аббатъ, обязанный своимъ возвышеніемъ какой-нибудь маркизѣ. Но король, назначивъ ему пенсію, все-таки относился къ нему недовѣрчиво и холодно, а высшее общество, въ большинствѣ своихъ представителей, всего менѣе было расположено признать его любимую мысль о превосходствѣ ума и таланта надъ происхожденіемъ. Во время одной оргіи, на которой актеръ Данкуръ былъ особенно остроуменъ, графъ Ливри безъ церемоніи сказалъ своему собесѣднику: «Предупреждаю тебя, Данкуръ, что если къ концу ужина ты будешь остроумнѣе меня, я дамъ тебѣ сто палокъ». И Данкуръ принужденъ былъ умѣрить свое остроуміе. Но Вольтеръ не покорился бы подобному внушенію. Въ декабрѣ 1725 года онъ и кавалеръ де-Роганъ, членъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Франціи, были въ Оперѣ. Вѣроятно, недовольный рѣзкимъ тономъ поэта, кавалеръ де-Роганъ не затруднился насмѣшливо обратиться къ нему съ презрительнымъ вопросомъ: «Mons de Voltaire, mons Arouet,

comment vous appelez-vous?» ¹⁾ Вольтеръ, конечно, не остался у него въ долгу. Говорятъ, онъ отвѣчалъ, что не влачить за собою громкаго имени, но умѣть внушить уваженіе къ тому имени, какое носить. На этотъ разъ ихъ столкновеніе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Но дня черезъ два, они встрѣтились опять въ театрѣ, въ присутствіи артистки Лекуврёръ, и кавалеръ де-Роганъ повторилъ свой дерзкій вопросъ. Вольтеръ напомнилъ кавалеру, что уже отвѣтилъ ему въ Оперѣ. Поднявъ свою трость, Роганъ сказалъ, что на это не стоить отвѣчать иначе какъ палкой; Вольтеръ взялся за шпагу; но артисткѣ сдѣлалось дурно, и ея состояніе прекратило начавшуюся ссору. Черезъ нѣсколько дней поэтъ былъ приглашенъ обѣдать къ герцогу Сюлли, въ домъ котораго онъ всегда былъ принятъ, какъ членъ семьи. Во время обѣда, слуга приходитъ сказать гостю, что кто-то спрашиваетъ его у подъѣзда; Вольтеръ сходитъ внизъ и идетъ прямо къ извозничьему экипажу, стоявшему на улицѣ. Два человѣка приглашаютъ его войти въ карету, гдѣ онъ ожидаетъ найти того, кто его спрашивалъ; но едва онъ успѣлъ ступить въ нее, какъ былъ схваченъ и осыпанъ палочными ударами. Не участвуя физически въ этой гнусной расправѣ, храбрый кавалеръ де-Роганъ наблюдалъ изъ другой кареты за ея исполненіемъ. Говорятъ, онъ кричалъ палачамъ: «Не бейте по головѣ, изъ нея еще можетъ выйти что-нибудь путное». Кавалеръ впослѣдствіи не стыдился рассказывать друзьямъ, что самъ командовалъ экзекуціей.

Освободившись, наконецъ, изъ рукъ негодаевъ, Вольтеръ проситъ герцога Сюлли вступить за своего гостя, въ лицѣ котораго грубое насиліе нанесено и ему самому; поэтъ предлагаетъ идти къ полицейскому комиссару и составить протоколъ о разбоѣ; но герцогъ не посовѣстился отказать въ этомъ человеку, къ которому относился дружески въ теченіе десяти лѣтъ и который въ своей «Генріадѣ» прославилъ имя его предка. Герцогъ не хотѣлъ ссориться съ домомъ Рогановъ, да и подобныя расправы наемными руками были въ нравахъ того изумительнаго времени. Узнавъ о разбойничьемъ поступкѣ кавалера де-Роганъ, князь Конти, тотъ самый, который незадолго передъ тѣмъ сложилъ хвалебные стихи въ честь автора «Эдипа», отозвался, что эти палочные удары были хорошо восприняты, но дурно даны. Епископъ Блуа, аббатъ Комартенъ, хорошо и давно знавшій Вольтера, сказалъ съ своей стороны: «Мы были бы очень не-

¹⁾ „Госп. Вольтеръ, госп. Аруэ—какъ бишь васъ звать?“

счастливы, еслибъ у поэтовъ не было плечъ». Послѣ этой гнусной исторіи, Вольтеръ нарочно показывался какъ можно чаще при дворѣ, въ обществѣ, но никто не жалѣлъ его, и всѣ, кого онъ считалъ своими друзьями, повертывались къ нему спиною.

Вольтеръ спѣшилъ отъ герцога Сюлли въ Оперу, гдѣ должна была находиться г-жа де-При, любовница герцога Бурбонскаго, и рассказываетъ ей свое горе; она принимаетъ въ немъ участіе, она обѣщаетъ ему добиться справедливости въ Версали. Но и ея заступничество не принесло пользы поэту, который, чувствуя себя жестоко униженнымъ и опозореннымъ, дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобъ наказать оскорбителя. Онъ лихорадочно учится фехтованію, онъ замышляетъ нѣчто серьезное; полиція слѣдитъ за нимъ, и 28-го марта подписано приказаніе арестовать и заключить его въ Бастилію, которое нашли нужнымъ исполнить только три недѣли спустя. Встрѣтившись, между тѣмъ, съ кавалеромъ де-Роганъ въ ложѣ артистки Лекуврёръ, Вольтеръ лично вызвалъ его на дуэль, и самъ оскорбитель выбралъ мѣстомъ поединка Сень-Мартѣнскія ворота; но онъ же рассказалъ объ этомъ своему семейству, которое обратилось къ министру съ просьбой воспрепятствовать дуэли. Маршалъ Виларъ, въ своихъ запискахъ, заканчиваетъ слѣдующимъ образомъ свой рассказъ объ этомъ тяжеломъ эпизодѣ въ жизни Вольтера:

«Кавалеръ страдалъ отъ послѣдствій ушиба и не могъ владѣть шпагой. Онъ остановился на мысли избить Вольтера палками среди бѣлаго дня, а Вольтеръ, вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ суду, предпочелъ мщеніе оружіемъ. Говорятъ, онъ ревностно, но слишкомъ неосторожно искалъ къ тому случая. Кардиналъ де-Роганъ просилъ герцога Бурбонскаго заключить его въ Бастилію, приказъ объ этомъ состоялся и былъ исполненъ; и несчастный поэтъ, сначала избитый, подвергся еще и заключенію. Публика, склонная осуждать все, признала на этотъ разъ, что въ этомъ дѣлѣ всѣ неправы: Вольтеръ тѣмъ, что оскорбилъ кавалера де-Роганъ; послѣдній тѣмъ, что осмѣлился совершить преступленіе, достойное смертной казни, избивъ гражданина; правительство тѣмъ, что оставило преступленіе безнаказаннымъ и засадило побитаго въ Бастилію, чтобъ успокоить побившаго».

Герцогъ и пэръ Франціи, писавшій эти строки, уже не похожъ на своихъ тогдашнихъ собратьевъ по происхожденію. Онъ признаетъ достойнымъ смертной казни разбойническій поступокъ аристократа съ «гражданиномъ», и не затрудняется употребить это послѣднее, столь страшное тогда слово, которое къ концу

восемнадцатаго вѣка будетъ по всей Франціи единственнымъ званіемъ освобожденнаго француза.

Вольтеръ былъ арестованъ въ ночь на 16-е апрѣля и отвезенъ въ Бастилію. Такъ какъ цѣлью его заключенія была безопасность кавалера де-Роганъ, то оно было смягчено позволеніемъ обѣдать у губернатора тюрьмы и принимать нѣкоторыхъ друзей. 2-го мая онъ былъ уже освобожденъ, но подъ условіемъ немедленнаго отъѣзда въ Англію. Полицейскій чиновникъ сопровождалъ освобожденнаго до самаго Калѣ, гдѣ Вольтеръ долженъ былъ сѣсть на корабль и отплыть въ его присутствіи.

Понятно, съ какимъ озлобленнымъ чувствомъ покидалъ свое отечество человѣкъ, надъ которымъ безграничный произволъ разразился во всемъ своемъ безобразіи. Ни кавалеръ де-Роганъ и его друзья, ни оберегавшее ихъ произвольными мѣрами правительство, конечно, не предвидѣли и не ожидали, какую услугу оказываютъ они Вольтеру и въ его лицѣ идеямъ свободы, заставляя его прожить три года въ странѣ, гдѣ «умъ свободнѣе и не знаетъ принужденія». Болинброкъ, уже возвратившійся въ Англію, отнесся къ французскому поэту какъ къ старому пріятелю, а онъ былъ въ сношеніяхъ съ самыми выдающимися лицами своего времени. Мыслитель и въ то же время государственнѣйшій человѣкъ, онъ искалъ въ литературѣ утѣхи отъ политическихъ неудачъ и разочарованій. Въ числѣ его друзей блистали Свифтъ, Попъ и Ге, которыхъ онъ дружески звалъ Джонатаномъ, Александромъ и Джономъ. Черезъ этихъ литературныхъ дѣятелей, французскій изгнанникъ получилъ доступъ въ литературные и оффиціальныя кружки Англіи, познакомился и съ торіями, и съ вигами. Онъ сблизился, между прочимъ, съ однимъ богатымъ лондонскимъ негоціантомъ, у котораго было прелестное имѣніе въ Уандсвортѣ. Изъ этого помѣстья писана большая часть его писемъ въ бытность его въ Англіи; тамъ онъ углублялся въ себя, забывалъ житейскія непріятности, работалъ; тамъ, подъ вліяніемъ Шекспира, былъ имъ написанъ англійской прозой первый актъ его трагедіи: «Брутъ». Радужный хозяинъ поэта, Фокнеръ (Folker), человѣкъ очень умный, отлично поставившій свои дѣла, въ послѣдствіи былъ представителемъ интересовъ Англіи за-границей, чего еще не бывало во Франціи. Вольтеръ всегда сохранялъ о немъ самое пріятное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, поддерживавшемъ его нравственно въ трудную пору безотраднѣйшаго изгнанія. Въ то время былъ еще живъ и Ньютонъ; но этотъ гениальный человѣкъ былъ уже такъ старъ, что Вольтеру пришлось обратиться не къ нему самому, а къ его другу и ученику

Самуилу Кларку, поразившему изгнанника смѣлостью своихъ взглядовъ. «Я не нашелъ у него той осмотрительной анатоміи человѣческаго сознанія, того посоха слѣпца, съ которымъ шелъ скромный Локкъ, отыскивая дорогу и находя ее,—наконецъ, той ученой робости, которая останавливала Локка на краю пропасти», писалъ въ послѣдствіи Вольтеръ съ своимъ «Краткомъ отвѣтѣ на длинныя рѣчи нѣмецкаго ученаго»: «Кларкъ прыгалъ въ пропасть, и я дерзнулъ послѣдовать за нимъ. Однажды, поглощенный великими изслѣдованіями, чарующими своею необъятностью, я сказалъ одному весьма просвѣщенному члену общества: «Г-нъ Кларкъ гораздо болѣе великій мыслитель, чѣмъ г. Ньютонъ».—Можетъ быть, холодно отвѣчалъ мой собесѣдникъ; но это все равно, что сказать, что одинъ изъ нихъ лучше играетъ въ мячъ, чѣмъ другой. «Этотъ отвѣтъ заставилъ меня призадуматься. Съ тѣхъ поръ я отважился протѣкнуть нѣкоторые мячики метафизики, и изъ нихъ вышелъ только вѣтеръ. Когда я сказалъ г. Гревсенду: *Vanitas vanitatum, et metaphysica vanitas* ¹⁾, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Я очень жалѣю, что вы правы».

Вольтеръ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Англіи, чтобъ изучить нравы и литературу этой оригинальной страны, государственное устройство которой такъ мало походило на французское,—странѣ, гдѣ король былъ въ зависимости отъ аристократіи и высшей буржуазіи, и давно уже существовало парламентское правленіе. Литературныя знаменитости Англіи, за исключеніемъ Джонсона, отнеслись къ нему съ уваженіемъ и участіемъ. Джонсонъ не довѣрялъ Вольтеру, считая его тайнымъ агентомъ французскаго двора. Замѣчательно первое знакомство Вольтера съ крупнымъ комическимъ поэтомъ, Конгревомъ. Послѣдній приписалъ его посѣщеніе не своему литературному таланту, а своему аристократическому происхожденію. «Еслибъ вы были только дворяниномъ, то я не имѣлъ бы чести посѣтить васъ сегодня», отвѣчалъ Вольтеръ писателю, такъ мало дорожившему своимъ литературнымъ званіемъ. Вольтеръ, правда, любилъ и самъ играть роль аристократа и отлично исполнялъ ее, когда находилъ это нужнымъ; но онъ прежде всего считалъ себя литераторомъ, поэтомъ, мыслителемъ, и не промѣнялъ бы этого положенія на одно только аристократическое имя. Будучи свѣтскимъ человѣкомъ и относясь съ большимъ тактомъ къ аристократическимъ притязаніямъ среды, въ которой вращался, Вольтеръ ставилъ однако же себя и свой талантъ на ряду съ самыми громкими

¹⁾ Суэта суеть, и метафизика—суэта.

именами родовой знати. Какъ прочны были литературныя знакомства его въ Англіи, видно не только изъ его писемъ, относящихся къ этой порѣ его жизни, но и изъ позднѣйшихъ его заявленій. Года четыре спустя, онъ послалъ съ своимъ пріателемъ и повѣреннымъ Тьеріо, ѣхавшимъ въ Англію, письма ко всѣмъ своимъ тамошнимъ друзьямъ, и писалъ по этому поводу Тьеріо: «Вы знаете, что я питаю къ нимъ (т.-е. къ Попу, котораго онъ называетъ сэръ-Гомеръ-Попъ, и Ге, котораго онъ зоветъ сэръ-Овидій-Ге) чувство высокаго уваженія. Я цѣню ихъ произведенія и люблю ихъ какъ людей; я желалъ бы отъ всего сердца жить вмѣстѣ съ ними... Пейте за мое здоровье съ *прожорливымъ* Пбпомъ!»

Вскорѣ по приѣздѣ въ Англію, Вольтеръ серьезно занялся также изученіемъ англійскаго языка. Всѣ письма его во Францію писаны по-англійски и такимъ образомъ спасались отъ полицейскаго надзора. «Любезный Тьеріо», — говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ: «пишу вамъ по-англійски по той же самой причинѣ, по какой аббатъ Буало писалъ по-латыни, т.-е. для того, чтобъ меня не могли понять слишкомъ любопытные люди». Послѣ короткаго пребыванія въ Англіи, онъ написалъ и издалъ на-англійскомъ языкѣ свой «Опытъ объ эпической поэзіи» («Essay on epic poetry», 1726). Въ огромной перепискѣ Вольтера сохранились письма на англійскомъ языкѣ, писанныя даже и по возвращеніи его во Францію. Сохранились и писанные Вольтеромъ англійскіе стихи.

Въ Англіи, Вольтеръ далъ окончательную отдѣлку своей поэмѣ: «Генриада», или «Лига», и между прочимъ сдѣлалъ въ ней одно очень замѣтное измѣненіе подъ вліяніемъ своего негодованія на образъ дѣйствій герцога Сюлли въ исторіи съ кавалеромъ де-Роганъ. Первоначально, строгая фигура Сюлли была поставлена въ поэмѣ рядомъ съ героическимъ типомъ Генриха IV. Передѣлывая теперь свое произведеніе, оскорбленный, преслѣдуемый и наконецъ изгнанный поэтъ замѣнилъ личность Сюлли личностью Дюплесси-Морнэ — черта, отлично характеризующая и тогдашнее время, и самого Вольтера. Въ поднятой имъ борьбѣ таланта съ знатностью, онъ считалъ себя въ правѣ точно такъ же быть неразборчивымъ на средства, какъ и знатные его противники. Обезоруженный изгнаніемъ, раздраженный до крайней степени недостойнымъ поведеніемъ своего бывшаго пріятеля, онъ хотѣлъ отплатить ему оскорбленіемъ за оскорбленіе, дать ему почувствовать свою силу, не какъ аристократа, а какъ писателя. Открытая предварительно подписка на это лондонское изданіе

«Генріады» шла отлично; въ ней приняли участіе король и королева, которой было посвящено изданіе. Оно разошлось мгновенно. Въ теченіе трехъ недѣль, оно было повторено два раза, т.-е. разошлось три изданія «Генріады». Вольтеръ, тѣмъ не менѣе, сильно тосковалъ по Франціи, и былъ очень радъ, когда, послѣ трехлѣтняго изгнанія, ему было наконецъ разрѣшено пріѣхать въ отечество, но съ тѣмъ, чтобъ онъ сначала прожилъ нѣкоторое время внѣ столицы. Онъ возвратился во Францію въ мартѣ 1729 года, и поселился въ Сень-Жерменѣ (en Laye), усердно добиваясь разрѣшенія жить въ Парижѣ. «Пишу визирю Морепá» — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Тьеріо, «чтобъ онъ позволилъ мнѣ влечь мою цѣпь въ Парижъ». Разрѣшеніе было дано.

Нѣсколько выгодныхъ денежныхъ спекуляцій, которыми Вольтеръ занимался ревностно и постоянно, и одно прелестное стихотвореніе относятся къ первымъ мѣсяцамъ жизни его въ столицѣ послѣ долгаго изгнанія. Мы оставимъ въ сторонѣ первыя и остановимся только на послѣднемъ. Задолго до исторіи съ кавалеромъ де-Роганъ, Вольтеръ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ дѣвицей Ливри, желавшей непременно поступить на сцену. Вольтеръ училъ ее играть и старался пристроить ее къ театру; но всѣ ея дебюты были неудачны, всѣ обнаружили въ ней полное отсутствіе таланта, и кончилось тѣмъ, что дирекція Французской Комедіи отказала ей совсѣмъ. «Я очень огорченъ тѣмъ, что маленькой Ливри отдана полная справедливость», — писалъ объ этомъ Вольтеръ своей пріятельницѣ, г-жѣ де-Берньеръ: «еслибъ во всѣхъ учрежденіяхъ сдѣлано было то же самое, что сдѣлано во Французской Комедіи, то немногіе удержались бы на своихъ мѣстахъ». «Маленькая Ливри» сошлась потомъ, на глазахъ Вольтера, съ другимъ молодымъ человѣкомъ; но Вольтеръ, натурѣ котораго была чужда исключительность страсти, всегда относился болѣе или менѣе добродушно къ подобной измѣнѣ и даже оставался другомъ новой четы, оставлявшей его за штатомъ. Новая связь «маленькой Ливри» была тоже непродолжительна. Красивая дѣвушка вскорѣ плѣнила богатаго и знатнаго господина, маркиза Гувернэ, который предложилъ ей руку и сердце. Она была уже маркизой, когда Вольтеръ, сохраняя о ней дружеское воспоминаніе, прислалъ изъ Лондона, черезъ одного пріятеля, экземпляръ «Генріады» своему «давнему другу, г-жѣ Ливри». Къ великому изумленію и неудовольствію раздражительнаго поэта, швейцаръ маркизы отвергъ посылку, и поэтъ выска-

зался по этому поводу въ стихотвореніи «Вы и ты», исполненномъ граціи и ироніи:

Philis, qu'est devenu ce temps,
Où dans un fiacre promenée,
Sans laquais, sans ajustements,
De tes grâces seules ornée,
Contente d'un mauvais soupé
Que tu changeais en embroisie,
Tu te livrais, dans ta folie,
A l'amant heureux et trompé
Qui t'avait consacré sa vie?
Le ciel ne te donnait alors,
Pour tout rang et pour tous trésors,
Que les agréments de ton âge,
Un coeur tendre, un esprit volage,
Un sein d'albâtre et de beaux yeux.
Avec tant d'attraits précieux,
Helas! qui n'eût été friponne?
Tu le fus, objet gracieux;
Et (que l'Amour me le pardonne!)
Tu sais que je t'en aimais mieux ¹⁾

Поэтъ описывалъ далѣе роскошь, которою окружена теперь маркиза, и кончалъ остроумною и граціозною мыслью, что вся эта соблазнительная роскошь не стбитъ и одного поцѣлуя ея юности.

Въ томъ же году Вольтеръ окончилъ своего «Брута», набросаннаго вчернѣ еще въ Англіи, подѣ вліяніемъ Шекспирова «Юлія Цезаря» и Аддисонова «Катона». Въ декабрѣ онъ пригласилъ актеровъ обѣдать и прочелъ имъ свою новую пьесу; но представленіе ея на сценѣ замедлилось на долгое время. Поэтъ былъ недоволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на актеровъ, и, по обыкновенію, пожелалъ передѣлать ее. Передѣлки понадобились и въ другомъ отношеніи: пьеса была политически не цензурна, она слишкомъ отзывалась трехлѣтнимъ

---

¹⁾ Филиса, что стало съ тѣмъ временемъ, когда, разѣзжая въ извозничьей каретѣ, безъ лакеевъ, безъ прикрасъ, блистая только своей граціей, довольная плохимъ ужиномъ, который твое присутствіе превращало въ амброзію, ты безумно отдавалась счастливому и обманутому любовнику, посвятившему тебѣ свою жизнь? Въмѣсто всякаго званія и всякихъ сокровищъ, небо давало тебѣ въ то время однѣ лишь прелести юныхъ лѣтъ, нѣжное сердце, легкій умъ, бѣлоснѣжную грудь и чудные глаза. Кто не сталъ бы плутовкой, обладая такими безцѣнными дарами? Ты и была плутовкой, милое созданье, и (да проститъ меня Амуръ) я еще больше любилъ тебя за это.

пребываніемъ автора въ Англіи. Первое представленіе «Брута» состоялось только въ декабрѣ слѣдующаго года, и увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ; но успѣхъ этотъ не былъ продолжителенъ, несмотря на прекрасный стихъ автора. «Бруту» вредила въ глазахъ публики чрезвычайная слабость любовной интриги. Роль Тулліи совсѣмъ ничтожна въ этой пьесѣ, наполненной подробностями заговора и картинами нравовъ, которые представлялись свирѣпыми французскому зрителю прошлаго вѣка.

Лондонское изданіе «Генріады» было запрещено во Франціи, и экземпляры его, назначенные для французскихъ подписчиковъ, были конфискованы въ Калѣ. Въ Парижъ проникло лишь нѣсколько экземпляровъ, которые продавались по невозможной цѣнѣ. Но изобрѣтательные книгопродавцы придумали оригинальный способъ провозить эту контрабанду. Они употребляли «Генріаду» вмѣсто оберточной бумаги. Марэ говоритъ въ своихъ запискахъ, что видѣлъ «Жизнь Байля», Де-Мезо, завернутую въ листъ «Генріады», и пуховую шляпу, завернутую въ предисловіе къ послѣдней. «Вольтеръ былъ бы очень недоволенъ, еслибъ узналъ, что англичане дѣлаютъ такое употребленіе изъ его поэмы», прибавляетъ Марэ, не зная въ чемъ собственно дѣло.

Кромѣ «Брута», Вольтеръ писалъ въ это время и «Исторію Карла XII», которую онъ называетъ своимъ «любимымъ трудомъ», возбуждающимъ въ немъ «отеческія чувства». Первый томъ былъ уже отпечатанъ съ дозволенія цензуры, когда правительство нашло нужнымъ конфисковать все изданіе. Авторъ, рассказывая подвиги своего героя, не могъ въ одно и то же время восхвалять и польскаго короля Августа, который былъ врагомъ и соперникомъ Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV. Между тѣмъ, книга была задержана правительствомъ именно изъ опасенія сдѣлать непріятность саксонскому курфюрсту. Вольтеру оставалось только прибѣгнуть къ тайному печатанію своего сочиненія въ Руанѣ. Онъ былъ увѣренъ, что правительство не будетъ мѣшать ему, лишь бы только книга вышла безъ разрѣшенія власти. Руанскіе друзья автора добились безмолвнаго согласія перваго президента Нормандіи, и самъ авторъ успѣшилъ поселиться въ Руанѣ, сказавъ своимъ парижскимъ друзьямъ, что уѣзжаетъ въ Англію. Въ Руанѣ онъ выдавалъ себя за англичанина-аристократа, принужденнаго странствовать по политическимъ причинамъ. Кромѣ печатанія «Исторіи Карла XII» и новаго изданія «Генріады», онъ работалъ въ это время надъ двумя трагедіями: «Эрифилой» и «Цезаремъ», которыя были

окончены имъ, вмѣстѣ съ послѣднею частію «Исторіи Карла XII», въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, несмотря на крайне слабое здорье, несмотря на сильное безпокойство за собственную безопасность. Въ Парижѣ скончалась въ это время, въ цвѣтѣ силъ и таланта, первоклассная артистка Андриенна Лекуврёръ, пользовавшаяся общей любовью и уваженіемъ, не только какъ артистка, но и какъ женщина. Квартира покойной находилась въ приходѣ Св. Сульпиція. Съ вѣдома и согласія архіепископа, приходскій священникъ отказался допустить ея тѣло на кладбище, т.-е., другими словами, отказалъ покойной въ христіанскомъ погребеніи. По распоряженію полиціи, тѣло ея было отвезено вечеромъ, въ наемной каретѣ, за городъ и зарыто двумя носильщиками. Эта строгость духовенства къ труду, этотъ отказъ похоронить смертные останки отличной женщины и всѣми любимой артистки произвели въ обществѣ самое тяжелое впечатлѣніе. Вольтеръ былъ возмущенъ, какъ и другіе; но онъ яснѣе и глубже сознавалъ все значеніе того печальнаго скандала, предметомъ котораго была покойная артистка. Жестокія мѣры духовенства въ отношеніи къ дорогому всѣмъ трупу внушили ему одно изъ лучшихъ, самыхъ горячихъ его стихотвореній: «На смерть г-жи Лекуврёръ». Съ негодованіемъ говорить въ немъ поэтъ объ униженіи, въ какое повергнуть безчеловѣчными законами и предразсудками этотъ образованный народъ съ его мягкими нравами и благородными стремленіями:

Ah! Verrai-je toujours ma faible nation,
 Incertaine en ses vœux, flétrir ce qu'elle admire;
 Nos mœurs avec nos lois toujours se contredire;
 Et le Français volage endormi sous l'empire
 De la superstition ¹⁾?

Изливъ свое горе и негодованіе, Вольтеръ не хотѣлъ распространять стихотвореніе въ публикѣ, опасаясь новыхъ преслѣдованій сверху. Онъ сообщилъ его только немногимъ друзьямъ, обязавъ ихъ хранить его въ тайнѣ. Но Тьеріо первый сталъ показывать всѣмъ и всюду новые стихи своего пріятеля. Къ счастью, правительство нашло нужнымъ не напоминать публикѣ рассказаннаго нами печальнаго эпизода религіозной нетерпимости, и Вольтеръ, сильно встревоженный въ Руанѣ дошедшими до

¹⁾ Ужели и буду всегда свидѣтелемъ, какъ нашъ слабый, нетвердый въ своихъ стремленіяхъ народъ позорить то, чему поклоняется; ужели наши законы всегда будутъ въ разладѣ съ нашими нравами, и легкомысленный французъ всегда будетъ усиленъ силой суевѣрія?

него слухами о томъ, что его стихотвореніе ходитъ по рукамъ въ Парижѣ, былъ оставленъ въ покоѣ.

Возвратившись осенью въ Парижъ, Вольтеръ уже читалъ друзьямъ своего «Юлія Цезаря» и свою «Эрифилу» и, какъ всегда, уступчиво выслушивалъ ихъ сужденія, чтобы передѣлать въ пьесѣ то, что окажется неловкимъ. Но едва только «Эрифила» была исполнена на сценѣ, какъ авторъ поспѣшилъ ее припрятать, хотя публика и рукоплескала его мастерскому стиху и «гражданскимъ» намекамъ. «Я исправилъ въ «Эрифилѣ» всѣ недостатки, которые были замѣчены нами», писалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей: «чтобы пересмотрѣть эту работу съ меньшимъ самолюбіемъ, и имѣть время забыть ее, я принялся за другую». Этой другой работой была «Заира», одна изъ самыхъ трогательныхъ драмъ Вольтера, которая и теперь, несмотря на ея устарѣвшія формы и разные недостатки, читается не безъ волненія. Женщины давно упрекали Вольтера въ томъ, что онъ удѣляетъ любви слишкомъ мало мѣста и значенія въ своихъ драматическихъ пьесахъ, и онъ обѣщалъ посвятить ей цѣлую трагедію. Принявшись за работу съ обычнымъ своимъ жаромъ, онъ въ три недѣли написалъ «Заиру», которая привела въ восторгъ не только парижскую публику, но и всю Европу.

Впечатлѣнія, вынесенныя Вольтеромъ изъ Англіи, гдѣ, какъ выражался онъ въ своихъ письмахъ, нѣтъ никакой Бастиліи, готовой ежеминутно наложить цѣпи на человѣческую мысль, — эти впечатлѣнія не ослабѣвали. Бывшій изгнанникъ не могъ успокоиться, пока не изложилъ ихъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ или писемъ, изъ которыхъ одно говорило о квакерахъ, другое о парламентѣ, третье о поэтахъ и мыслителяхъ посѣщенной имъ страны. Любимымъ предметомъ его занятій была теорія Ньютона, заставившая его навсегда забыть Декарта и его вихри. Не довѣряя своимъ познаніямъ, онъ сначала далъ просмотрѣть свою рукопись Мопертюи, первому французскому ученому, дерзнувшему высказаться въ пользу Ньютоновой теоріи. Что касается цензуры, онъ предвидѣлъ неизбѣжныя затрудненія съ ея стороны. «Я принужденъ», писалъ онъ въ 1737 году, «измѣнить все, что сказано у меня о г. Локкѣ, потому что въ концѣ-концовъ хочу жить во Франціи, гдѣ нельзя быть въ такой же степени мыслителемъ, какъ это позволено въ Англіи. Въ Парижѣ надо маскировать то, что я могъ бы очень сильно высказать въ Лондонѣ. Эта злосчастная, но необходимая осмотрительность заставляетъ меня вычеркнуть многія довольно забавныя мѣста о квакерахъ и пресвитеріанахъ. Сердце обливается кровью... Я

прочелъ кардиналу Флери два письма о квакерахъ, тщательно опустивъ все, что могло раздражить его ханжествующую и мудрую особу. Онъ нашелъ довольно забавнымъ и то, что удѣлѣло въ рукописи; но этотъ нищій духомъ не знаетъ, чего онъ лишился».

Послѣдствія не замедлили показать, что Вольтеръ очень ошибался, надѣясь обойти ожидаемыя затрудненія такими предосторожностями, какъ чтеніе нѣкоторыхъ очерковъ кардиналу Флери. Напрасно надѣялся онъ также прикрыть смѣлость основной своей мысли легкостью изложенія. Гораздо раньше, по поводу уже извѣстнаго нашимъ читателямъ посланія къ Юліи, Ланглуа, секретарь канцлера д'Агессо, говорилъ ему о Вольтерѣ: «Ваше сіятельство, Вольтера надо заключить въ такое мѣсто, гдѣ не должно быть ни пера, ни чернилъ, ни бумаги. По свойству своего ума, этотъ человѣкъ способенъ погубить государство». Теперь, давая окончательный видъ своимъ письмамъ объ Англіи, Вольтеръ поднималъ противъ себя чуть не половину Парижа своими сатирическими замѣтками подъ заглавіемъ «Храмъ Вкуса». Эта поэма, писанная на половину прозой, на половину стихами, одно изъ самыхъ остроумныхъ и легкихъ сочиненій Вольтера. Онъ самъ выдавалъ «Храмъ Вкуса» за шуточную общественную бесѣду, въ которую каждый какъ-бы вставлялъ свое слово, свое мнѣніе. Но этотъ приѣмъ, эта манера были тогда большою новостью, и имѣли серьезное значеніе и вліяніе. Поэма исполнена остроумія, тонкихъ уколовъ и сужденій. Со всѣхъ сторонъ слышались крики, что это злая насмѣшка и пасквиль, что авторъ заслуживаетъ висѣлицы или костра. Но мы теперь знаемъ, что въ этой сатирѣ авторъ по справедливости воздавалъ каждому должное, и если его можно упрекнуть въ чемъ-нибудь, то развѣ только въ благосклонности нѣкоторыхъ его приговоровъ. Жестоко досталось въ ней только врагу автора, Жану-Батисту Руссо, который является, поддерживаемый двумя маленькими сатирами, покрытый лаврами и чертополохомъ, и до того неузнаваемый въ своемъ бормотаньѣ, что Критика отказывается узнать его, и ей подсказываютъ: «Это Руссо, голосъ котораго измѣнили Музы въ наказаніе за его злыя дѣла». Онъ получаетъ однако-же доступъ въ «Храмъ Вкуса» за свои первые стихотворенія. Подозвавъ Вольтера, Критика тихо говоритъ ему: «Ты его знаешь; онъ былъ твоимъ врагомъ, а ты отдаешь ему справедливость»:

Tu vis sa Muse indifferente
Entre l'autel et le fagot,
Manier d'une main savante
De David la harpe imposante,

Et le flageolet de Marot.
 Mais n'imité pas la faiblesse
 Qu'il eut de rimer trop longtemps:
 Les fruits des rives du Permesse
 Ne croissent que dans le printemps,
 Et la froide et triste vieillesse
 N'est faite que pour le bon sens ¹⁾.

Не только люди, затронутые за живое въ «Храмъ Вкуса», но и аристократы-любители литературы и искусства, люди, писавшіе сами и о которыхъ авторъ отзывался съ похвалою, были возмущены тѣмъ, что ихъ имена попали въ сатиру. Гласность считалась тогда исключительно дѣломъ литераторовъ и художниковъ по профессіи. Человѣкъ знатнаго рода могъ, конечно, кропать стихи, даже показывать ихъ знакомымъ, но онъ ронялъ свое званіе и достоинство и совершалъ поступокъ дурного тона, давая публикѣ право судить и освистать его. «Храмъ Вкуса» былъ запрещенъ во Франціи, и автору пришлось печатать новое изданіе поэмы въ Лондонѣ и Амстердамѣ.

Понятно, какая участь ожидала, при такихъ условіяхъ, письма объ Англіи и ихъ автора. Вольтеръ, впрочемъ, не торопился ихъ изданіемъ. Его занимали пока новыя сердечныя отношенія къ интересной женщинѣ, съ которой судьба связала его отнынѣ на долгіе годы, и которой принадлежитъ, поэтому, крупное мѣсто въ исторіи его жизни.

Вольтеръ зналъ г-жу Ле-Тоннелье де-Бретейль, когда она была еще ребенкомъ. Получивъ блестящее образованіе, дѣвушка съ раннихъ лѣтъ знала языки итальянскій и латинскій; пятнадцати лѣтъ, она уже переводила Виргилія. Но это нисколько не помѣшало ей оставаться женщиной, со всѣми сильными и слабыми сторонами даровитой женской натуры. Когда Вольтеръ уѣзжалъ въ Англію, она уже годъ была женою маркиза Дю-Шатлэ-Лемана. Въ 1733-мъ году, къ которому относится ея сближеніе съ Вольтеромъ, она считала уже двадцать-семь лѣтъ отъ роду и восемь лѣтъ супружества. Она знала свѣтъ, знала жизнь, знала себѣ цѣну и, что всего естественнѣе, знала ничтожество или по крайней мѣрѣ очень низменную посредственность своего мужа. У ней, конечно, были любовники; но эта страстная

¹⁾ Ты видѣлъ, какъ его равнодушная Муза, переходя отъ алтаря къ связкѣ хвороста, ученою рукой играла на величественной арфѣ Давида и на дудкѣ Марб. Но не подражай его слабости—слагать рими до сѣдыхъ волосъ: плоды пермесскихъ береговъ растутъ только весной, и только здравый смыслъ свойственъ холодной и печальной старости.

натура, жаждавшая сильной и исключительной привязанности, не находила удовлетворенія въ мимолетныхъ свѣтскихъ интригахъ. Довольно сказать, что однимъ изъ ея любовниковъ былъ знаменитый волокита своего времени, герцога Ршелле. Эта связь не могла быть продолжительна и кончилась тѣмъ, что маркиза гордо простила ему всѣ его измѣны и честно предложила свою безкорыстную и искреннюю дружбу неукротимому покорителю женскихъ сердецъ. Герцогъ принялъ предложеніе, и они всю жизнь оставались друзьями. Когда маркиза сблизилась съ Вольтеромъ, поэту было тридцать-девять лѣтъ. Онъ былъ молодъ и соединялъ съ обаяніемъ замѣчательнаго писателя то блестящее остроуміе, которое гораздо больше плѣняетъ женщинъ, чѣмъ физическія преимущества и соблазны. Ихъ сердечныя отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи и сознаніи своего умственнаго превосходства, съ каждымъ днемъ закрѣплялись больше и больше и вскорѣ изъ скрытыхъ и тайныхъ стали открытыми и явными. Вольтеръ и «божественная Эмилиа», маркиза Дю-Шатлэ, стали неразлучны и у себя дома, и въ обществѣ.

Новыя и на этотъ разъ очень серьезныя сердечныя отношенія не только не охладили, но скорѣе вдохновили Вольтера написать новую трагедію въ родѣ «Заиры», главнымъ мотивомъ которой была опять любовь. Успѣхъ «Заиры» побудилъ автора написать «Аделаиду дю-Гескленъ». «Это сюжетъ чисто французскій и весь придуманный мною», писалъ Вольтеръ объ этой пьесѣ: «я включилъ въ него какъ можно больше любви, ревности, ярости, свѣтскаго приличія, честности и великодушія». Но, вопреки ожиданіямъ автора, маркизы и ихъ друзей, «Аделаида дю-Гескленъ», въ первый разъ исполненная на сценѣ въ январѣ 1734 года, не имѣла успѣха. Онъ самъ писалъ впоследствии, что «пьеса была освистана съ перваго акта; свистки удвоились во второмъ, при выходѣ герцога Немурскаго, раненаго и съ подвязанной рукой; дѣло пошло еще хуже, когда публика услышала въ пятомъ дѣйствіи сигналъ, данный по приказанію герцога Вандомскаго. Когда, въ концѣ пьесы, герцогъ Вандомскій обратился къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ съ вопросомъ: «Довольно ли ты, Куси?» шутники изъ публики закричали: «Cousi-cousi!»¹⁾ Несмотря на эту неудачу, настойчивый авторъ все-таки достигъ своей цѣли, и много лѣтъ спустя, въ 1752 году, эта пьеса, исправленная и сокращенная авторомъ, снова была исполнена подъ другимъ заглавіемъ, а въ

¹⁾ Тагъ-себѣ!

1765 году—въ своемъ первоначальномъ видѣ, и имѣла огромный успѣхъ.

Письма объ Англіи такъ же занимали дѣятельнаго ихъ автора, какъ и трагическіе сюжеты. По самой силѣ вещей, его похвалы Англіи, ея учрежденіямъ и литературѣ неизбѣжно получали смыслъ критики, даже сатиры надъ французскими учрежденіями, правительствомъ, религіозной и гражданской нетерпимостью. Авторъ и не ожидалъ, что правительство открыто и официально разрѣшитъ печатаніе его писемъ; но, прочитавъ забавный отрывокъ о квакерахъ кардиналу Флери, онъ надѣялся, что власть дастъ свое безмолвное согласіе на изданіе, т.-е. согласится отнестись къ нему сквозь пальцы. Подъ вліяніемъ этой надежды, онъ посылаетъ свою рукопись Тьеріо, находившемуся въ это время въ Англіи, и предлагаетъ ему издать ее въ Лондонѣ въ свою пользу. «Я почту себя хорошо вознагражденнымъ за всѣ мои труды», писалъ онъ при этомъ своему пріятелю, «если это сочиненіе доставитъ мнѣ уваженіе честныхъ людей, а вамъ—ихъ деньги. Нѣтъ ничего пріятнѣе возможности пріобрѣсти почетную извѣстность и въ то же время обогатить друга». И вотъ, эти запретныя письма французскаго писателя объ Англіи появляются впервые въ Лондонѣ, на англійскомъ языкѣ, слѣдовательно выходятъ прежде въ переводѣ, чѣмъ въ подлинникѣ! При той деспотической системѣ, какая господствовала тогда во Франціи, книгопродавецъ, какъ контрабандистъ, отчаянно рѣшался на всякія средства и мѣры, способныя доставить ему большія выгоды. Парижскій книгопродавецъ Жоръ, несмотря на всѣ преслѣдованія, уже испытанныя его отцомъ и имъ самимъ, рискнулъ напечатать «Письма объ англичанахъ» (или «Философскія письма», какъ называлось еще это сочиненіе Вольтера) тайно, съ согласія Вольтера; онъ обязался, правда, передъ авторомъ не выпускать ихъ въ свѣтъ, пока самъ авторъ не изберетъ для этого благопріятной минуты; но ожидаемые барыши соблазнили торговца. Вскорѣ Жоръ уже сидѣлъ въ Бастиліи, и у самого Вольтера произведенъ тщательный обыскъ. Книга была осуждена и сожжена рукою палача, «какъ сочиненіе соблазнительное, противное религіи, добрымъ правамъ и уваженію къ власти». Его непочтительные отзывы объ англиканскомъ духовенствѣ перепосились на французское; существующій порядокъ невольно представлялся всѣмъ, даже и властямъ, до того стѣснительнымъ и ненормальнымъ, что въ ихъ глазахъ авторъ, отзываясь иронически о чужомъ духовенствѣ, не могъ при этомъ не имѣть въ виду своего отечества. Разумѣется, въ

данномъ случаѣ оно такъ и было на самомъ дѣлѣ. «Англиканское духовенство,—говоритъ Вольтеръ въ своихъ «Письмахъ»,—удержало много католическихъ обрядовъ, и въ особенности — обрядъ внимательнѣйшаго собиранія десятины. Оно имѣетъ также благочестивое притязаніе господствовать, и нѣтъ того сельскаго викарія, который не желалъ бы быть папой». — «Въ Англіи совсѣмъ неизвѣстно то неподдающееся никакому опредѣленію существо, ни духовное, ни свѣтское, которое называютъ аббатомъ; въ Англіи всѣ духовныя лица очень сдержанны и почти всѣ педанты. Когда они слышатъ, что во Франціи молодые люди, прославившіеся своимъ развратомъ и попавшіе въ духовное званіе благодаря женскимъ интригамъ, публично ухаживаютъ за женщинами, забавляются сочиненіемъ нѣжныхъ романсовъ, даютъ каждый день изысканные и долгиѣ ужины, а потомъ отправляются совершать богослуженіе, и смѣло называютъ себя преемниками апостоловъ,—то благодарятъ Бога, что сами они—протестанты. Но это—гадкіе еретики, достойные сожженія и всѣхъ чертей, какъ выражается почтенный Франсуа Раблэ, и вотъ почему я не мѣшаюсь въ ихъ дѣла». Авторъ писалъ, между прочимъ, объ Англіи: «Англійскій народъ—единственный народъ, который опредѣлилъ королевскую власть, оказывая ей сопротивленіе, и путемъ настойчивыхъ усилій учредилъ у себя, наконецъ, то правленіе, гдѣ король, имѣя всѣ средства дѣлать добро, лишенъ возможности дѣлать зло, и народъ безъ замѣшательства участвуетъ въ правленіи. Правительство Англіи лишено блестящихъ сторонъ; его цѣль — не безумныя завоеванія, а забота о томъ, чтобъ не допускать до нихъ сосѣдей; этотъ народъ ревниво относится не только къ собственной свободѣ, но и къ свободѣ другихъ. Не дешево стоило, конечно, установленіе свободы въ Англіи; идолъ деспотической власти былъ потопленъ въ потокахъ крови; но сами англичане не на-
ходятъ, чтобы ихъ законы были куплены слишкомъ дорогою цѣной. У другихъ народовъ было не меньше смутъ, и пролито не меньше крови, чѣмъ въ Англіи; но кровь, пролитая ими за дѣло своего освобожденія, послужила только къ закрѣпленію ихъ неволи». — «Вы ничего не услышите въ Англіи ни о высшей, средней и низшей юстиціи, ни о гражданинѣ, не имѣющемъ права сдѣлать ни одного выстрѣла на собственномъ полѣ», замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ «Писемъ». Какъ ни невинны эти послѣднія строки, онѣ высказывались противъ одной изъ самыхъ любезныхъ и привычныхъ привилегій высшаго и низшаго дворянства, упраздненія которой требовали потомъ

провинціальныя собранія 1788 года. Глава о реализмѣ Локка, предпочтеніе Ньютона Декарту, мысли о торговлѣ, объ англійскихъ аристократахъ, поэтахъ, театрѣ, ученыхъ учрежденіяхъ, даже похвалы прививанію оспы, съ ужасомъ отвергнутому Сорбонной, — все это казалось злою и ѣдкою насмѣшкой надъ внутренними дѣлами Франціи. Въ вышедшихъ тогда же «благодарныхъ» брошюрахъ, направленныхъ противъ «Писемъ» Вольтера, прямо высказывалось, что онъ унижаетъ отечество и свой народъ, что отсутствіе въ немъ патріотизма довело его даже до похвалъ «дикому Шекспиру» и до умолчанія о достопамятномъ происхожденіи французскаго театра.

Строгія мѣры были приготовлены не только противъ «преступной» книги, но и противъ ея автора. Власти распорядились арестовать Вольтера, но явившаяся къ нему полиція не застала его дома. У Вольтера были друзья, сообщавшіе ему заранѣе о принимаемыхъ противъ него мѣрахъ. Предупрежденный вбремя, онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Парижа, оставивъ маркизу дю-Шатлѣ въ величайшей тревогѣ и отчаяніи. «Я питаю смертельное отвращеніе къ тюрьмѣ, — писалъ въ это время Вольтеръ своему пріятелю д'Аржанталю: — я боленъ; спертый воздухъ убилъ бы меня окончательно».

Безпокойство и отчаяніе маркизы были, впрочемъ, непродолжительны. Въ Шампани, на границахъ Лотарингіи, у ней было помѣстье, знаменитое Сирѣ, гдѣ ей посчастливилось тайно дать пріютъ своему любовнику и другу. Замокъ Сирѣ лежалъ въ горахъ, въ мѣстности довольно пустынной, гдѣ гонимый писатель могъ разсчитывать на нѣкоторую безопасность, пока пройдетъ буря, разразившаяся надъ его головою въ Парижѣ. Этотъ замокъ, столь же прославленный жизнью Вольтера, какъ въ послѣдствіи его помѣстье Фернѣ, оказался въ довольно плохомъ состояніи, и Вольтеру пришлось долго возиться съ разнаго рода рабочими, прежде чѣмъ онъ сталъ дѣйствительно пріятнымъ и удобнымъ убѣжищемъ отъ политическихъ тревогъ и непогоды. Располагая болѣшими средствами, чѣмъ маркиза, Вольтеръ пристроилъ къ замку галерею для физической лабораторіи, въ которой занимались потомъ съ большимъ рвеніемъ и онъ самъ, и маркиза, питавшая особенное уваженіе къ естественнымъ наукамъ.

Вольтеръ провелъ съ маркизой въ Сирѣ не менѣе пятнадцати лѣтъ, съ 1734 до 1749 года, — разумѣется, съ болѣе или менѣе крупными перерывами. Черезъ годъ послѣ бѣгства Вольтера, когда буря миновала, любовникамъ удалось, благодаря

большимъ связямъ, получить опять возможность жить и въ Парижѣ, и въ Версалѣ, такъ какъ дворъ всегда оставался для нихъ неодолимою приманкой. Въ январѣ 1736 года на парижской сценѣ уже шла съ большимъ успѣхомъ новая трагедія Вольтера: «Альзира». Параллельно съ нею, онъ продолжалъ заниматься въ Сирѣ изученіемъ Ньютона, и на этомъ полѣ вполнѣ сошелся съ своею подругой, погруженной въ математику и физику подъ руководствомъ знатоковъ этой спеціальности — Мопертюи, Клеро, Бернулли, Кёнига, которые посѣщали Сирѣ и были приняты тамъ съ открытыми объятіями. Подъ ихъ руководствомъ маркиза перевела и снабдила примѣчаніями «Математическія начала естественной философіи», а Вольтеръ написалъ свои «Начала философіи Ньютона», посвященные его подругѣ. Для нея же написалъ онъ свой «Трактатъ о метафизикѣ», который не назначался для печати и дошелъ до насъ только благодаря счастливой случайности. Въ Парижѣ, куда постоянно доходили вѣсти о томъ, что дѣлается въ Сирѣ, удивлялись такимъ непоэтическимъ занятіямъ автора «Заиры»; но тамъ еще не знали, какъ изумительно разностороненъ литературный талантъ Вольтера и насколько онъ больше публицистъ, чѣмъ поэтъ. Вольтеръ не даромъ писалъ въ это время въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Я люблю ихъ всѣхъ (т.-е. всѣхъ Музъ); надо постараться о томъ, чтобъ быть, по возможности, счастливымъ съ такимъ количествомъ дамъ».

Одна изъ этихъ девяти дамъ, внушившая поэту лирическую сатиру: «Свѣтскій человѣкъ», подвергла его новой опасности. Въ этой сатирѣ поэтъ воспѣвалъ образованность, художества и роскошь, осмѣивая дикое, первобытное состояніе человѣчества и описывая съ своей точки зрѣнія Адама и Еву. Поэтъ изображалъ нашихъ прародителей людьми съ длинными и грязными ногтями, нечесаными волосами, грубой кожей и т. п. Все это было принято за насмѣшку надъ религіей... «Знаете ли вы, — писалъ Вольтеръ изъ Сирѣ одному своему пріятелю: — знаете ли вы, что «Свѣтскій человѣкъ» признанъ сочиненіемъ соблазнительнымъ, что этимъ жалкимъ предлогомъ воспользовались, чтобы еще разъ на меня обрушиться? Каковъ вѣкъ, въ которомъ мы живемъ! И послѣ какого вѣка! Человѣку вмѣняють въ преступленіе приписанные имъ Адаму длинные ногти и серьезно смотрятъ на это, какъ на ересь!» А сатира Вольтера даже не была напечатана, — она только ходила по рукамъ въ рукописи, и то по нескромности другихъ. Поэтъ былъ предупрежденъ, что его ожидаютъ самыя непріятныя мѣры: и онъ, и маркиза при-

знали необходимымъ разстаться на нѣкоторое время. Ихъ побуждали къ тому же и слухи о томъ, будто мужъ маркизы, находившійся въ это время въ арміи, извѣщенъ объ ихъ сожителствѣ и можетъ каждую минуту пріѣхать въ Сирѣ.

Горячій поклонникъ наукъ и литературы, прусскій наслѣдннй принцъ, будущій Фридрихъ Великій, съ юношескимъ жаромъ убѣждалъ Вольтера пріѣхать къ нему, и эти настойчивыя убѣжденія очень льстили тщеславію поэта. Но маркиза не хотѣла и слышать о такой поѣздкѣ. Она какъ-будто предчувствовала, что Фридрихъ будетъ впослѣдствіи ея соперникомъ и тайнымъ врагомъ. «Наслѣдннй принцъ—не король, — писала она д'Аржансону: — когда онъ будетъ королемъ, мы поѣдемъ къ нему вмѣстѣ, а до тѣхъ поръ ѣхать туда не безопасно. Отецъ его цѣнить въ людяхъ одно только качество — десять футовъ роста; онъ подозрителенъ и жестокъ; онъ не терпитъ и преслѣдуетъ своего сына; онъ держитъ его въ желѣзныхъ рукахъ; подозрѣвая, что Вольтеръ даетъ его сыну опасныя совѣты, король способенъ арестовать его и выдать французскому министру». Рѣшено было, что Вольтеръ поѣдетъ въ Голландію: въ Амстердамѣ печатались въ то время полное изданіе его сочиненій и его книга о философіи Ньютона. Вольтеръ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, къ великому огорченію своей страстной подруги. Уступая увѣреніямъ, что книга его о Ньютонѣ, «этотъ маленькій катехизисъ ньютоновской вѣры», можетъ быть разрѣшена къ изданію во Франціи, онъ остановилъ ея печатаніе въ Амстердамѣ; но на дѣлѣ оказалось, что правительство не терпѣло новыхъ идей даже въ математическихъ и точныхъ наукахъ и не дозволяло оспаривать Декарта. «Должно быть, бѣдному французу непозволительно сказать, что законъ притяженія возможенъ и доказанъ, что земля приплюснута у полюсовъ, что Декартовы вихри нелѣпы и т. п.», жалуется Вольтеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Нашлись однако же книгопродавцы, рискнувшіе издать эту книгу тайно, и книга читалась на-расхватъ. Правительство, отказавшее въ своемъ разрѣшеніи на ея печатаніе, не преслѣдовало ее тогда, когда она была уже въ рукахъ у всѣхъ.

Во французской литературѣ, связанной тогда по рукамъ и ногамъ, сильно интриговалъ аббатъ Дефонтенъ, давнишннй знакомый Вольтера, нѣкогда оказавшаго ему существенныя услуги, издатель «Неологическаго Словаря», «Парнасскаго Вѣстника» и «Замѣтокъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ», гдѣ онъ позволялъ себѣ очень неблаговидно затрогивать Вольтера. Литературныя приговоры его отличались незнаніемъ того, о чемъ онъ

говорилъ, и возмутительной недобросовѣстностью. Раздраженный Вольтеръ счелъ нужнымъ нанести жестокой ударъ этому литературному интригану, и въ ѣдкой сатирѣ, подъ заглавіемъ: «Предохранительное лекарство», изобразилъ его не только чело-вѣкомъ безъ вкуса и знаній, но и большимъ плутомъ. Полемика всегда имѣетъ личный характеръ тамъ, гдѣ печать находится въ тискахъ цензуры. По нѣкоторымъ причинамъ, самому Вольтеру неудобно было подписать этотъ памфлетъ, и авторскую отвѣтственность за него принялъ на себя кавалеръ де-Муи, бѣдный литераторъ, которому Вольтеръ постоянно помогалъ и который передавалъ ему дворскія, литературныя и городскія сплетни. Раздраженіе Вольтера противъ аббата Дефонтена и подобныхъ ему литературныхъ проходимцевъ было такъ велико, что онъ не ограничился однимъ памфлетомъ. Онъ написалъ еще комедію въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Завистникъ», которую хотѣлъ поставить на сценѣ. Героемъ пьесы былъ Зоилишка, шутъ и негодяй; но актеры не зная, что она писана Вольтеромъ, потому что и подъ нею стояла чужая подпись аббата Ламара, не согласились играть ее.

Враги Вольтера, неимѣвшіе ни его остроумія, ни его движущихъ общество идей, тоже не дремали. Въ Парижѣ вскорѣ вышелъ памфлетъ: «Вольтероманія, или письмо молодого адвоката, отвѣтъ на пасквиль господина Вольтера». Молодой адвокатъ былъ, разумѣется, такимъ же авторомъ этой брошюры, какъ и кавалеръ де-Муи авторомъ «Предохранительнаго лекарства». Самъ аббатъ Дефонтенъ всюду носился съ брошюрой, признавая себя за ея дѣйствительнаго автора. Вся она наполнена личностями, грязными сплетнями о Вольтерѣ и усиліями обфлить аббата Дефонтена. Напрасно старалась маркиза скрыть этотъ пасквиль отъ своего раздражительнаго друга: «Вольтероманія» дошла до него другими путями, и онъ, въ свою очередь, также напрасно скрывалъ ее отъ Эмили, никакъ не подозрѣвая, что маркиза не только прочла ее, но и написала на нее отвѣтъ, который раздумала печатать.

Вольтеръ былъ не изъ тѣхъ людей, которые готовы махнуть рукой на недостойныя сплетни грязной печати. Всѣ средства были пущены имъ въ ходъ, чтобъ отмстить аббату Дефонтену. Авторомъ «Вольтероманіи» былъ показанъ молодой адвокатъ. Вольтеръ обращается къ одному старому другу своего отца, чтобы склонить предсѣдателя и старшинъ адвокатскаго сословія на протестъ противъ этого позорнаго пасквиля. Онъ надѣется, что такой протестъ повлечетъ за собою сожженіе послѣдняго.

Онъ не гнушается даже хлопотать о полномъ запрещеніи Дефонтеновыхъ «Замѣтокъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ», и маркиза находитъ, что этотъ путь гораздо лучше уголовного процесса. Вольтеръ узналъ между прочимъ изъ «Вольтероманіи», что нѣкто Сень-Гіасентъ издалъ въ Гагѣ направленный противъ него пасквиль, въ которомъ разсказана въ самомъ грязномъ видѣ извѣстная читателямъ исторія разбойническаго нападенія Боре-гара. Сень-Гіасентъ въ стихахъ и прозѣ выставялъ Вольтера человѣкомъ, который признаетъ себя достойнымъ побоевъ и благодарить за нихъ своего оскорбителя. Ярость Вольтера противъ этого пасквилянта была безгранична. Онъ раздражилъ поэта больше, чѣмъ всѣ другія сплетни «Вольтероманіи», вмѣстѣ взятыхъ. Вольтеръ хочетъ добиться, во что бы то ни стало, чтобы Сень-Гіасентъ открекся отъ напечатанныхъ имъ гнусностей. Сень-Гіасентъ когда-то получалъ помощь отъ Вольтера и кралъ у него книги, за что былъ выгнанъ изъ дому прислугой. «Неужели я человѣкъ настолько презрѣнный, писалъ Вольтеръ д'Аржанталю, неужели я нахожусь въ такомъ униженномъ положеніи, что на меня можно смотрѣть, какъ на шута публики, который, будучи опозоренъ или нѣтъ, долженъ забавлять ее и появляться въ театрѣ съ своими ранами? Самая смерть лучше такого постыднаго положенія!» Вольтеръ поднимаетъ на ноги кого только можетъ, чтобы добиться удовлетворенія отъ Сень-Гіасента. Послѣдній соглашается наконецъ написать къ третьему лицу письмо, въ которомъ заявляетъ, что не имѣлъ въ виду лично Вольтера въ своемъ пасквилѣ. Но памфлетъ Дефонтена вышелъ во Франціи, и подлежитъ французскому суду. Вольтеръ шлетъ судѣ Гердъ свою жалобу и письмо за письмомъ, въ которыхъ говоритъ между прочимъ: «Обращаюсь къ вамъ и какъ къ судѣ, который можетъ карать по законамъ, и какъ къ покровителю литературы, примирителю гражданъ и отцу города Парижа»... «Вы сами литераторъ»... Вольтеръ требовалъ, чтобы Дефонтенъ подписалъ полное отреченіе отъ личныхъ нападокъ и оскорбленій «Вольтероманіи». Дѣло тянулось долго, но кончилось тѣмъ, что судья, пригрозивъ Дефонтену тюрьмой, заставилъ его подписать слѣдующее заявленіе:

«Объявляю, что я не авторъ печатнаго пасквиля подъ заглавіемъ: «Вольтероманія» и отрекаюсь отъ него во всемъ его объемѣ, считая клеветами всѣ факты, приписанные въ немъ г-ну Вольтеру. Я счелъ бы себя безчестнымъ, еслибъ принялъ малѣйшее участіе въ этой брошюрѣ, питая къ нему все уваженіе, подобающее его талантамъ и которое такъ справедливо оказы-

ваетъ ему публика. Писано въ Парижѣ, 4-го апрѣля 1739 года.
Дефонтенъ.»

Но это заявленіе, вопреки желанію Вольтера, не было напечатано въ Дефонтеновыхъ «Замѣткахъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ».

Въ Сирѣ, между тѣмъ, ровно текла жизнь любовниковъ, поражавшая пріѣзжихъ своею правильностью. Записки одной небогатой дамы, г-жи Граффины, гостившей у нихъ нѣкоторое время, знакомятъ насъ со всѣми подробностями этой жизни. Утромъ, когда бы кто ни всталъ въ замкѣ, всѣ оставались въ своихъ комнатахъ часовъ до одиннадцати за туалетомъ, чтеніемъ или письмомъ. Между половиной одиннадцатаго и половиной двѣнадцатаго слуги звали всѣхъ пить кофе, что происходило обыкновенно въ галереѣ Вольтера. За кофе сидѣли часъ, иногда часъ съ четвертью, рѣдко долѣе. Послѣ завтрака, гости еще полчаса бесѣдовали съ Вольтеромъ и маркизой—о литературѣ, геометріи, процессахъ, смотря по обстоятельствамъ; затѣмъ Вольтеръ вставалъ, дѣлалъ общій поклонъ всѣмъ присутствующимъ и такимъ образомъ выпроваживалъ ихъ безъ дальнѣйшихъ церемоній. Всѣ привыкли къ этому церемоніалу, которому маркиза подчинялась первая, и расходились по своимъ угламъ до ужина, т.-е. до девяти часовъ вечера. Иногда случалось, что часа въ четыре собирались опять для легкой закуски; но это было не всегда, да и не всѣ приглашались къ этому дополнительному угощенію. Единственной серьезной пищей былъ ужинъ, всегда болѣе изысканный, чѣмъ обильный. За столомъ, Вольтеръ былъ очарователенъ. Но его трудно было оторвать отъ письменнаго стола; онъ приходилъ тогда, когда ужинъ приближался къ концу. Слуга становился за его стуломъ и уже не трогался съ мѣста; другіе слуги подавали ему блюда, какъ пажи камеръ-юнкерамъ короля. Вольтеръ все время былъ крайне внимателенъ къ «божественной Эмили» и съ изысканной любезностью предупреждалъ ея желанія. Хозяинъ замка, маркизъ Дю-Шатлэ, не мѣшалъ никому въ то время, когда посѣщалъ свою жену, принадлежавшую другому. Онъ спалъ, когда не ѣлъ, обыкновенно молчалъ и предупредительно уходилъ тотчасъ послѣ ужина. Тогда-то завязывался настоящій разговоръ, оживленный и блестящій, если Вольтеръ не былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ и не дулся. Онъ не навязывалъ своего большого ума, онъ, напротивъ, держалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ, остроумно бесѣдующимъ обо всемъ, не придающимъ большого значенія своимъ словамъ и нетерпящимъ однообразія и педантизма. Вольтеръ былъ самъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы

не уважать тщеславія другихъ, и избѣгалъ всего, что могло затронуть самолюбіе его собесѣдниковъ.

Разумѣется, эта правильная жизнь нарушалась поѣздками въ Парижъ, Голландію, Пруссію и Лотарингію, удовольствіями и спектаклями, безъ которыхъ не могъ обходиться Вольтеръ. Въ Сирѣ были и свои актеры, и своя зала для представлений, въ которой исполнялись и трагедіи, и комедіи, и опера. Обычный порядокъ жизни нарушался и ссорами между любовниками. Г-жа Граффины пріѣхала въ Сирѣ, преисполненная любви и удивленія къ его главнымъ обитателямъ. Но ей пришлось вскорѣ убѣдиться, что ихъ жизнь не такъ пріятна, какъ она воображала. Несмотря на серьезную взаимную привязанность, Вольтеръ и маркиза не всегда были согласны между собою, а нетерпѣніе и раздражительность не позволяли имъ скрывать отъ гостей сценъ, которыя, конечно, не могли быть продолжительны, но иногда доходили до крайнихъ предѣловъ рѣзкости. Они говорили тогда по-англійски, и присутствующіе болѣею частью не понимали употребляемыхъ ими бранныхъ выраженій; но мимика достаточно знакомила ихъ съ характеромъ ссоры. А ссоры начинались иногда изъ пустяковъ. Избалованный любовникъ часто дулся и ворчалъ, наказывая такимъ образомъ маркизу и публику, т.-е. лишая ихъ своей веселой, остроумной, блестящей бесѣды.

Въ 1740 году, къ счастью Германіи, скончался отецъ Фридриха Великаго, и молодой его наслѣдникъ тотчасъ извѣсталь французскаго поэта о вступленіи своемъ на королевскій престолъ. «Дорогой другъ», — писалъ онъ, — «судьба измѣнила мое положеніе. Я присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ короля, при его агоніи и смерти. Принимая королевскую власть, я, конечно, не нуждался въ этомъ урокъ, чтобы питать отвращеніе къ суетѣ человѣческаго величія.

«Я задумалъ небольшое сочиненіе по метафизикѣ, а вышло сочиненіе политическое. Я думалъ состязаться съ пріятнымъ Вольтеромъ, а мнѣ приходится преломлять копья съ Макиавелли. Да, любезный Вольтеръ, не мы распорядители нашихъ судебъ. Вихрь событій захватываетъ насъ, и мы принуждены ему поддаваться. Прошу васъ видѣть во мнѣ только усерднаго гражданина, нѣсколько скептическаго философа, но вѣрнаго друга. Ради Бога, пишите мнѣ только какъ человѣку и пренебрегайте вмѣстѣ со мною титулами, именами и всякимъ внѣшнимъ блескомъ».

Вольтеръ отвѣчалъ на это письмо: «Ваше величество приказываете мнѣ думать больше о человѣкѣ, чѣмъ о королѣ, когда

я пишу вамъ. Такое приказаніе мнѣ очень по-сердцу. Я не знаю, какъ говорить съ королемъ, но чувствую себя вполне хорошо съ настоящимъ человѣкомъ, у котораго на умѣ и на сердцѣ благо человѣчества».

Вольтеръ былъ серьезно увлеченъ надеждами, возбужденными воцареніемъ Фридриха. Оно было отрадно и для его образа мыслей, и для его тщеславія. Онъ называетъ Фридриха «ваша человѣчность», сѣвернымъ Соломономъ, «своимъ любезнымъ монархомъ». По порученію Фридриха, онъ берется наблюдать въ Амстердамѣ за печатаніемъ его сочиненія «Анти-Макиавелли». Спыхватившись, что нѣкоторыя мѣста этой брошюры могли не поправиться другимъ державамъ, Фридрихъ писалъ Вольтеру, что нужно остановить печатаніе. Но издатель-книгопродавецъ, въ ожиданіи большихъ выгодъ, не соглашался на предложенную ему сдѣлку. Вольтеръ напрасно давалъ ему большое вознагражденіе, и придумалъ непозволительную хитрость, чтобъ исполнить желаніе короля. Прибывъ нарочно въ Гагу, онъ потребовалъ корректурные листы для исправленія и надѣлалъ въ нихъ множество такихъ безсмысленныхъ поправокъ, что сочиненіе получило совсѣмъ негодный видъ. Но издатель все-таки достигъ своей цѣли, и Вольтеру пришлось приступить къ новому изданію, въ которомъ онъ уничтожилъ или смягчилъ неловкія мѣста. Фридрихъ, разумѣется, не могъ считать себя менѣе свѣдущимъ въ политикѣ, чѣмъ Вольтеръ, и, охотно давая ему поправлять свои французскіе стихи, не хотѣлъ предоставить въ его распоряженіе свои политическія мысли. Повидимому, Вольтеръ распорядился слишкомъ произвольно съ его сочиненіемъ. Отрекаясь отъ обоихъ изданій, король писалъ Вольтеру: «Извините меня, но я не могъ поступить иначе; въ вашемъ изданіи такъ много непринадлежащаго мнѣ, что оно уже перестало быть моимъ сочиненіемъ».

Это обстоятельство не умалило однако горячаго желанія Фридриха увидѣться съ Вольтеромъ какъ можно скорѣе и расцѣловать его «уста, краснорѣчивыя и въ серьезныхъ вопросахъ и въ шуткѣ». Сначала онъ самъ предполагалъ пріѣхать въ Брюссель. Вольтеръ писалъ ему по этому поводу: «Если правда, что ваша человѣчность пройдетъ черезъ Брюссель, то умоляю васъ привезти съ собою англійскихъ капель, потому что мнѣ сдѣлается дурно отъ удовольствія». Фридрихъ отвѣчаетъ ему въ томъ же смыслѣ, но еще сильнѣе. «Это будетъ прелестнѣйшій день въ моей жизни; я тоже думаю, что умру отъ радости. Но утѣшаюсь тѣмъ, что нельзя выбрать болѣе пріятный родъ смерти». Поѣздка

Фридриха въ Нидерланды однако же не состоялась. Вольтеру пришлось ѣхать для свиданія съ нимъ въ Клеве. Заочные друзья свидѣлись въ первый разъ 11 сентября, близъ Клеве, въ замкѣ Мойландъ. Дворъ Фридриха составляли тогда: Мопертюи, Альгаротти, Кейзерлингъ, жившіе всѣ трое на чердакѣ зѣмка, и тайный совѣтникъ Рамбоне, въ широкихъ и грязныхъ манжетахъ, въ дырявой шляпѣ и старомъ парикѣ, одна сторона котораго уходила въ его карманъ, а другая едва касалась плеча. Стоявшій у воротъ солдатъ составлялъ всю королевскую стражу. «Меня ввели въ кабинетъ его величества, рассказываетъ Вольтеръ въ своихъ запискахъ. Тамъ не было почти ничего, кромѣ четырехъ стѣнъ. Въ углубленіи я увидѣлъ при свѣтѣ восковой свѣчи несчастную кровать шириной въ два съ половиною фута, на которой лежалъ человѣкъ небольшого роста, закутанный въ халатъ изъ толстаго синяго сукна. Это былъ король, который потѣлъ и дрожалъ подъ сквернымъ одѣяломъ въ сильной лихорадкѣ. Я раскланялся и началъ знакомство съ того, что пощупалъ его пульсъ, какъ будто былъ его главнымъ врачомъ. Когда прошелъ припадокъ, онъ одѣлся и сѣлъ къ столу. Альгаротти, Кейзерлингъ, Мопертюи и министръ короля при голландскомъ правительствѣ были приглашены къ ужину, за которымъ шелъ серьезный разговоръ о безсмертіи души, о свободѣ и о Платоновыхъ андрогинахъ». Эти строки, писанныя Вольтеромъ много лѣтъ послѣ его перваго свиданія съ Фридрихомъ, когда они уже охладѣли другъ къ другу, довольно сухи и прозаичны. Но вскорѣ послѣ свиданія Вольтеръ писалъ своему другу Сидевиллю: «Тамъ-то (т.-е. близъ Клеве) увидѣлъ я одного изъ самыхъ пріятныхъ людей въ мірѣ, человѣка, который былъ бы прелестнѣйшимъ украшеніемъ общества и котораго всѣ желали бы имѣть у себя, еслибъ онъ не былъ королемъ; философа безъ чопорности, мягкаго, любезнаго, пріятнаго, забывающаго свое королевское величіе въ бесѣдѣ со своими друзьями и заставляющаго ихъ забывать это величіе, такъ что мнѣ нужно было напрягать память, чтобы припомнить, что въ ногахъ моей постели сидитъ король, обладатель стотысячной арміи».

Очарованіе Фридриха еще сильнѣе. Вольтеръ представляется ему высшимъ существомъ, величайшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ, какого когда-либо создавала природа. Фридрихъ былъ очарованъ, потрясенъ, почти ошеломленъ первой бесѣдой съ нимъ. «Я видѣлъ того Вольтера, съ которымъ такъ желалъ познакомиться», писалъ онъ тогда же одному изъ своихъ приближенныхъ; «но я видѣлъ его, когда былъ въ лихорадкѣ, когда

умъ отказывался работать и во всемъ тѣлѣ чувствовалась слабость. А съ такими людьми, какъ онъ, нельзя быть больнымъ. Съ ними надо быть совершенно здоровымъ и, если возможно, чувствовать себя лучше обыкновеннаго. Онъ соединяетъ краснорѣчіе Цицерона съ мягкостью Плинія и мудростью Агриппы, обладая всѣми качествами и талантами трехъ величайшихъ людей древности. Умъ его работаетъ непрерывно; каждая капля чернилъ есть остроумное слово, сходящее съ его пера. Онъ декламировалъ намъ свою чудесную трагедію «Магометъ» и привелъ всѣхъ насъ въ восторгъ; мнѣ оставалось только молчать и любоваться. Какъ счастлива маркиза Дю-Шатлэ, что онъ живетъ съ нею!»

Вольтеръ, разумѣется, приглашенъ Фридрихомъ въ Берлинъ и спѣшитъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы пріобрѣсти политическое значеніе и вѣсъ въ официальныхъ сферахъ Франціи. Онъ посылаетъ кардиналу Флери экземпляръ «Анти-Макиавелли» и въ особомъ письмѣ предлагаетъ ему свои услуги въ качествѣ тайнаго французскаго агента при прусскомъ королѣ. Но эта новая роль приводитъ въ отчаяніе маркизу. Тщеславное стремленіе Вольтера въ Берлинъ представляется ей черной измѣной человѣка, которому она отдалась вполне и которому, незадолго передъ тѣмъ, выхлопотала полное прощеніе двора. Горько жалуется она въ своихъ письмахъ на сухость Вольтера; она все еще любитъ его страстно, порывисто, она боится за его будущность, которая можетъ сильно пострадать отъ настоящаго его увлеченія. Самъ Вольтеръ, чувствуя себя виновнымъ, остается лишь короткое время въ Берлинѣ и спѣшитъ оправдаться и передъ маркизой, и передъ своими ближайшими друзьями. «Считаю себя обязаннымъ извиниться передъ вами за мою поѣздку въ Берлинъ», писалъ онъ д'Аржанталю: «она была необходима; но возвращеніе было еще нужнѣе. Я отказалъ прусскому королю, желавшему удержать меня еще на два дня. Говорю это не изъ тщеславія; тутъ нечѣмъ хвалиться; но нужно, чтобы мой ангель-хранитель зналъ, по крайней мѣрѣ, что я исполнилъ мой долгъ. Маркиза Дю-Шатлэ никогда не была на столько выше королей, какъ теперь».

Поэтъ въ это время неутомимо работалъ надъ своей новой трагедіей «Магометъ», къ которой онъ относился съ особенной нѣжностью, которую считалъ болѣе достойной вниманія и рукоплесканій образованной публики, чѣмъ всѣ свои прежнія драматическія пьесы. Онъ показалъ свою рукопись кардиналу Флери, который пошелъ ее вполне приличной и осторожной въ цензур-

номъ отношеніи. Ея исполненіе на сценѣ, въ августѣ 1742 года, привлекло въ театръ самую избранную публику, которая привѣтствовала ее единодушными рукоплесканіями. Но литературные враги автора подняли крикъ, что «Магометъ» — дерзкая сатира на христіанство, и возбудили противъ него ханжей и духовенство. Второе представленіе трагедіи, имѣвшее опять огромный успѣхъ, еще усилило вопли и протесты людей, выдававшихъ себя за блюстителей интересовъ католичества. По совѣту кардинала Флери, Вольтеръ нашелъ нужнымъ прекратить представленія «Магомета», но онъ былъ глубоко озлобленъ воплями противъ пьесы, которую защитилъ бы самъ Людовикъ XIV, какъ онъ защитилъ «Тартюфа». «Сдѣлавшись жертвой янсенистовъ», писалъ онъ д'Аржанталю, «я посвящу «Магомета» папѣ и надѣюсь быть епископомъ *in partibus infidelium*, тѣмъ болѣе, что это моя настоящая епархія». И мы сейчасъ увидимъ, что онъ не остался при одномъ намѣреніи, а въ самомъ дѣлѣ посвятилъ «Магомета» Бенедикту XIV.

Тѣ же люди, которые вопили противъ «Магомета», долгое время мѣшали Вольтеру попасть въ члены Французской Академіи. Въ 1743 году, по смерти кардинала Флери, Вольтеръ усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы занять его академическое кресло. Какъ ни ѣдки были его насмѣшки надъ подобными учрежденіями, онъ придавалъ большое значеніе академическому креслу въ смыслѣ прочнаго общественнаго положенія. Но онъ имѣлъ репутацію неблагонамѣреннаго, кощунствующаго человѣка, и многіе изъ младшихъ его товарищей по литературѣ попали въ число безсмертныхъ гораздо раньше этого даровитѣйшаго изъ тогдашнихъ писателей. Уже нѣсколько разъ попытки его проникнуть въ академію оказывались безуспѣшными. Но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ отталкиваетъ неудача. Кардиналъ Флери умеръ въ концѣ февраля, а 20 февраля на сценѣ уже исполнялась новая пьеса Вольтера «Меропа», производившая фуроръ въ публикѣ. Но она не снимала съ автора репутаціи скептика въ дѣлахъ вѣры. И вотъ онъ пишетъ министру письмо, подъ которымъ не отказался бы подписать свое имя самъ «Тартюфъ» и которое мы приведемъ, какъ образчикъ политическихъ пріемовъ того времени:

«Честному человѣку позволительно защищаться, онъ обязанъ защищаться самъ не для пустого удовольствія принудить другихъ къ молчанію, но для прославленія истины. Я хочу сказать передъ Богомъ, мнѣ внимающимъ, что я благонамѣренный гражданинъ и искренній католикъ, и говорю это единственно потому,

что всегда былъ такимъ въ моемъ сердцѣ. Мною не написано ни одной страницы, которая не дышала бы челоуѣколюбіемъ, и написано много такихъ страницъ, которыя подтверждаются священнымъ авторитетомъ религіи. Моя поэма «Генріада», отъ начала до конца, есть не что иное, какъ похвала добродѣтели, покоряющейся Провидѣнію; я надѣюсь, что въ этомъ отношеніи моя жизнь всегда будетъ походить на мои сочиненія. Я въ особенности никогда не осквернялъ этихъ похвалъ добродѣтели надеждой на какую-нибудь награду и не желаю никакой другой награды, кромѣ удовольствія слыть такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ.

«Мои враги упрекаютъ меня за какіе-то «Философскія письма». Я писалъ много писемъ друзьямъ, но никогда не давалъ имъ такого громкаго заглавія. Большая часть писемъ, напечатанныхъ подъ моимъ именемъ, принадлежитъ не мнѣ, и я имѣю на то доказательства. Я читалъ кардиналу Флери тѣ письма, которыя были такъ недостойно поддѣланы; онъ прекрасно умѣлъ отличать мое отъ того, что писано не мною. Я пользовался его уваженіемъ, особенно въ послѣдніе годы его жизни. Клеветники ненавидятъ людей, которыхъ они преслѣдуютъ; но честные люди считаютъ себя обязанными уважать тѣхъ, кого они признаютъ невинными».

Это письмо ходило по рукамъ въ Парижѣ и изумило всѣхъ. Всѣ знали, что такое Вольтеръ и насколько онъ искренній католикъ; всѣ знали и его «Философскія письма». Фридрихъ Великій высказался также противъ него и въ стихахъ, и прозѣ. Но Вольтеръ хотѣлъ во что бы то ни стало попасть въ академію, а для этого требовалось правовѣріе. Онъ нашелъ пужнымъ высказаться въ томъ же смыслѣ ожесточенному противнику своей кандидатуры, архіепископу Санскому, но и это было напрасно. На мѣсто кардинала Флери былъ выбранъ въ академію епископъ Мирпуа. Вольтеръ былъ внѣ себя отъ досады и негодованія. Онъ объявилъ, что навсегда отказывается попасть въ эту «поповствующую» академію, и уѣхалъ сначала въ Голландію, а оттуда въ Пруссію, къ горькому отчаянію маркизы, которая писала въ это время: «Онъ уѣхалъ въ Голландію, откуда вѣроятно поѣдетъ въ Пруссію, чего я особенно боюсь, потому что прусскій король очень опасный для меня соперникъ. Горе мое велико, и хотя я чувствую, что онъ неправъ передо мною, потому что на его мѣстѣ я ни за что бы не уѣхала, но чувствую еще сильнѣе мое горе. Я осталась въ Парижѣ въ надеждѣ подвинуть впередъ представленіе «Юлія Цезаря» и тѣмъ ускорить возвращеніе

Вольтера; но это едва ли мнѣ удастся, а въ такомъ случаѣ я поѣду въ Брюссель, гдѣ онъ общалъ навѣститъ меня». Маркиза проводила въ слезахъ цѣлые дни; Вольтеръ, между тѣмъ, поселился въ Гагѣ, въ отелѣ прусскаго короля, «вашемъ обширномъ и развалившемся дворцѣ», какъ писалъ онъ въ заголовкѣ одного изъ своихъ писемъ къ Фридриху. Онъ уѣхалъ изъ Франціи не съ пустыми руками. Правительство дало ему секретное порученіе развѣдать намѣренія прусскаго короля, и самъ Людовикъ XV одобрилъ эту поѣздку подъ предлогомъ негодованія Вольтера на Академію. Французскому правительству хотѣлось поссорить Фридриха съ союзниками и привлечь его на свою сторону. Но въ то самое время, когда поэтъ надѣялся своими тайными дипломатическими услугами завоевать себѣ официальное положеніе во Франціи, прусскій король старался всѣми мѣрами затруднить ему возвращеніе въ отечество. Онъ писалъ въ Парижъ графу Роттембургу: «Посылаю вамъ отрывокъ изъ одного Вольтерова письма, который вы покажете окольными путями епископу Мирпуа, но такъ, чтобъ и вы и я оставались въ сторонѣ. Мое намѣреніе заключается въ томъ, чтобы поссорить Вольтера во Франціи и чтобъ ему не оставалось ничего болѣе, какъ жить у насъ». Какъ ни секретно велось это дѣло, Вольтеръ однако же узналъ о хитрости Фридриха и, разумѣется, былъ очень раздраженъ его поступкомъ. Но политическіе нравы того времени извиняли даже и такое предательство. Поэтъ тѣмъ не менѣе продолжалъ и свои литературныя бесѣды, и свои переговоры съ «сѣвернымъ Соломономъ». Отстаивая интересы своего отечества, онъ просилъ своего царственного друга передать черезъ его посредство что-нибудь пріятное французскому двору. Но Фридрихъ былъ очень остороженъ въ дѣлахъ этого рода; онъ отвѣчалъ категорически, что ничѣмъ не связанъ съ Франціей, что когда французское правительство пожелаетъ сдѣлать ему какія-нибудь сообщенія, онъ сѣмѣетъ дать на нихъ отвѣтъ. Въ виду жалкаго состоянія французской арміи и французскихъ финансовъ, Фридрихъ относился нѣсколько свысока къ международному значенію Франціи. «Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ, я васъ уважаю», отвѣчалъ онъ Вольтеру; «чтобъ имѣть васъ при себѣ, я сдѣлаю все, кромѣ глупостей и такихъ вещей, которыя предали бы меня на посмѣяніе Европѣ и въ сущности противорѣчили бы моимъ интересамъ и моей славѣ. Могу поручить вамъ одно: посоветуйте имъ вести себя благоразумнѣе, чѣмъ они вели себя до сихъ поръ».

При всемъ томъ король и поэтъ разстались очень нѣжно,

расточая другъ другу взаимныя любезности. Въ письмахъ Вольтера къ Фридриху нѣтъ и слѣдовъ неудовольствія на тѣ средства, которыя употреблялъ король, чтобы закрыть ему доступъ во Францію. Но прежнее временное увлеченіе ихъ другъ другомъ видимо угасло. Фридрихъ уже подозрѣвалъ въ Вольтерѣ тайнаго агента, и Вольтеръ зналъ навѣрное, что каждое письмо его къ прусскому королю можетъ быть передано во Францію.

На обратномъ пути Вольтеръ нашелъ въ Брюсселѣ маркизу Дю-Шатлэ. Увидѣвъ его, обрадованная маркиза охотно простила ему долгое отсутствіе. Онъ съѣздилъ еще въ Парижъ, чтобы дать правительству отчетъ о возложенномъ на него секретномъ порученіи, и въ апрѣлѣ 1744 года любовники, къ несказанному своему удовольствію, опять поселились въ Сирé, о которомъ оба они восторженно отзываются теперь въ своихъ письмахъ. Казалось, Вольтеръ желалъ бы навсегда остаться въ этомъ тихомъ и изящномъ убѣжищѣ, но это только казалось. И Вольтеръ и интересная его подруга осенью находились уже въ Парижѣ, гдѣ въ то время городское управленіе давало празднества по случаю выздоровленія короля. Секретное порученіе, съ которымъ онъ ѣздилъ въ Берлинъ, до нѣкоторой степени примирило дворъ съ кощунствующимъ поэтомъ; онъ былъ лично извѣстенъ фавориткѣ короля и пользовался ея покровительствомъ; другія связи тоже толкали его впередъ къ придворнымъ званіямъ и отличіямъ. Написанная имъ теперь небольшая поэма «О событіяхъ 1744 года», полная ловко разсыпанной лести, не могла не понравиться двору; въ ней были намеки на подвиги короля, говорилось о восторгахъ Парижа, который никогда не видѣлъ «столько фейерверковъ и такъ много плохихъ виршей». Всѣмъ было понятно также и слѣдующее двустипіе этой поэмы:

L'oeil du maître peut tout; c'est lui qui rend la vie
Au mérite expirant sous la dent de l'envie ¹⁾.

Онъ просить кого нужно показать эту «шутку» королю, «чтобы король зналъ, что и я зажегъ на окнѣ мои три свѣчки», какъ выразился онъ въ одномъ письмѣ къ д'Аржанталю. Благодаря своей ловкости, придворнымъ связямъ, своимъ и маркизы Дю-Шатлэ, онъ приглашенъ завѣдывать придворными увеселеніями во время помолвки дофина съ испанскою принцессой и пишетъ для придворнаго театра комедію-балетъ: «Принцесса На-

¹⁾ Глазъ хозяина всемогущъ; онъ возвращаетъ жизнь заслугѣ, издыхающей подъ зубомъ зависти.

варская», положенный на музыку знаменитымъ въ то время Рамбó. Дворъ награждаетъ его за это сначала титуломъ, потомъ должностію камеръ-юнкера и званіемъ исторіографа Франціи. Но, охотно принимая эти желанныя награды, Вольтеръ въ то же время мѣтко острилъ надъ тѣми, кто отказывалъ въ нихъ прежде, когда они могли быть даны по болѣе серьезнымъ поводамъ:

Mon Henri quatre et ma Zaire,
Et mon américaine Alzire
Ne m'ont valu jamais un seul regard du roi;
J'eus beaucoup d'ennemis avec très-peu de gloire;
Les honneurs et les biens pleuvent enfin sur moi
Pour une farce de la foire ¹⁾.

Побѣда, одержанная французами при Фонтенуа, привела въ восторгъ парижскую публику, и Вольтеръ, внѣ себя отъ радости, воспѣлъ этотъ день. Несмотря на хвалебный характеръ своей батальной поэмы, за которую, казалось бы, автору нечего было опасаться, онъ въ высшей степени затруднялся распредѣленіемъ похвалъ между главными участниками побѣды. «Голова идетъ у меня кругомъ», говорилъ онъ въ это время Сидевиллю: «я не знаю что дѣлать съ дамами, которыя хотятъ, чтобъ я хвалилъ ихъ кузцовъ и любовниковъ». Недовольныхъ было много. Но авторъ самъ доволенъ, и проситъ д'Аржансона сказать королю, «что въ теченіе десяти дней потребовалось *пять* изданій его славы». «Пожалуйста, забудьте этого маленькаго придворнаго маневра», прибавляетъ онъ. Склоняя въ свою пользу свѣтскую власть, Вольтеръ не забываетъ и духовной. Клерикалы заставили его снять со сцены «Магомета»; они закрыли ему доступъ въ Академію, и онъ рѣшается снискать такую благосклонность папы Бенедикта XIV, передъ которой врагамъ его оставалось бы только преклониться. Дѣло было нелегкое. Вольтеръ уже просилъ д'Аржансона помочь ему въ этомъ дѣлѣ и написать нѣсколько словъ французскому министру въ Римѣ, аббату Конильяку. Д'Аржансонъ, вѣроятно удивленный странностію такой просьбы, сначала не обратилъ на нее особеннаго вниманія. «Вы были слишкомъ осторожны, опасаясь написать нѣсколько строкъ аббату Конильяку», писалъ ему Вольтеръ. «Могу сообщить вамъ, что я въ хорошихъ отношеніяхъ съ папой и что аббатъ

¹⁾ Мой Генрихъ IV, моя Заира и моя американка Альзира не подарили мнѣ ни единого взгляда короли. Я приобрѣлъ ими много враговъ и очень мало славы. Почести и богатства посыпались на меня наконецъ за пустой ярмарочный фарсъ.

Конильякъ сдѣлаетъ ему пріятное, если скажетъ, что я читаю его сочиненія, и состою въ числѣ его поклонниковъ и овецъ. Пожалуйста, возьмите на себя эти важные переговоры. Ручаюсь вамъ за то, что буду маленькимъ любимцемъ Рима безъ всякаго содѣйствія со стороны нашихъ кардиналовъ».

Домогаясь содѣйствія министерства, Вольтеръ работалъ и самъ для достиженія своей цѣли. Онъ послалъ папѣ свою гопимую трагедію, съ слѣдующимъ латинскимъ двустипіемъ къ его портрету:

Lambertinus hic est, Romae decus et pater orbis,
Qui mundum scriptis docuit, virtutibus ornat ¹⁾.

Въ своемъ письмѣ, поэтъ просилъ святого отца прислать ему какіе-нибудь знаки своего высокаго благоволенія. Онъ зналъ нѣкоторую дѣвицу дю-Тиль, когда-то жившую въ домѣ маркизы Дю-Шатлэ, а она въ свою очередь была знакома съ аббатомъ Толиньяномъ и черезъ него повергла почтеніе и трагедію Вольтера къ стонамъ его святѣйшества. Вскорѣ поэтъ уже писалъ д'Аржансону: «Я только-что получилъ портретъ одного изъ самыхъ толстощекихъ папъ, какихъ мы когда-либо имѣли. Онъ смотритъ добрякомъ, приблизительно знающимъ всему этому цѣну. Отъ всей души благодарю васъ за эти двѣ медали съ ликомъ первосвященника... Аббатъ Толиньянъ, кардиналъ Аквивива и аббатъ Конильякъ не спѣлись бы между собою, чтобы добыть мнѣ папское благословеніе, еслибъ вы не написали въ Римъ. Теперь вамъ слѣдовало бы сказать правовѣрному королю, насколько я правовѣрный подданный». Посвящая своего «Магомета» Бенедикту XIV, Вольтеръ предпослалъ этой пьесѣ свое почтительное письмо къ папѣ. Бенедиктъ XIV, какъ истый итальянецъ, не подаль и вида, что не довѣряетъ искренности своего «возлюбленного сына». Онъ отнесся серьезно къ его любезностямъ и почтенію, и отвѣчалъ ему очень милымъ письмомъ, въ которомъ благодарилъ за «Магомета» и возбуждалъ вопросъ объ одномъ стихѣ Виргилія.

Съ этихъ поръ Вольтеръ могъ спокойно ожидать новой вакансіи во Французской Академіи. Благословеніе папы занимало ротъ его противникамъ клерикальнаго лагеря... Теперь онъ придворный человѣкъ; король былъ очень доволенъ его поэмой о битвѣ при Фонтенуа и даже высказалъ, что это сочиненіе не должно подлежать критикѣ. Поэтъ былъ посвященъ въ секреты фаворитки,

¹⁾ Это Ламбертинъ, краса Рима и отецъ земли, поучающій міръ своими сочиненіями и украшающій его своими добродѣтелями.

г-жи Помпадуръ, часто посѣщала ее въ этиольскомъ ея замкѣ, гдѣ она угощала его токайскимъ виномъ, которое, по его словамъ, несравненно выше полученнаго имъ въ подарокъ отъ Фридриха. Въ честь ея написано Вольтеромъ, въ 1745 году, стихотвореніе, гдѣ король сравнивался съ Цезаремъ, а она—съ «божественной Клеопатрой»:

Quand César, ce héros charmant,
Dont tout Rome fût idolâtre,
Gagnait quelque combat brillant,
On en faisait compliment
A la divine Cléopâtre.
Quand Louis, ce héros charmant,
Dont tout Paris fait son idole,
Gagne quelque combat brillant,
On en doit faire compliment
A la divine d'Étirole ¹⁾.

Циническая лестъ этихъ стиховъ бросается въ глаза, и въ наше время она легла бы чернымъ пятномъ на репутаціи писателя и человѣка. Но цинизмъ былъ отличительной чертой первой половины восемнадцатаго вѣка во Франціи, и писатель могъ съ спокойной совѣстью то восхвалять, то осмѣивать однихъ и тѣхъ же лицъ, одни и тѣ же общественныя явленія. А Вольтеръ былъ къ тому же памфлетистъ и сатирикъ. Ему принадлежатъ нѣсколько подобныхъ стихотвореній и не мало прозы въ томъ же родѣ. Онъ же писалъ въ это время маркизу д'Аржансону:

«Мнѣ хотѣлось бы не только пользоваться, но и дѣйствительно исполнять обязанности исторіографа Франціи. И вотъ прекрасный къ тому поводъ. Обѣ кампаніи короля достойны быть не только воспѣтыми въ стихахъ, но и описанными въ прозѣ. Моя мысль заключается не въ томъ, чтобы вы испросили для меня позволеніе описать эти кампаніи короля: такое позволеніе могло бы оскорбить его скромность, да оно и безъ того уже вытекаетъ изъ моего званія; но было бы хорошо, еслибъ вы сказали королю, что клеветы, распространяемыя печатью въ Голландіи, должны быть опровергнуты, что я работаю надъ описаніемъ этихъ походовъ, и исполняю такимъ образомъ мой долгъ; что трудъ мой будетъ оконченъ подъ вашимъ надзоромъ и покровительствомъ. Если вы, съ свойственной вамъ убѣдительностью, представите королю все то, о чемъ я имѣю

¹⁾ Когда Цезарь, этотъ плѣнительный герой, которому поклонялся весь Римъ, выигрывалъ блестящее сраженіе, съ побѣдой поздравляли божественную Клеопатру.

Когда блестящую побѣду одерживаетъ плѣнительный герой Людовикъ, идолъ всего Парижа, съ нею надо поздравлять божественную г-жу д'Этиоль.

честь говорить теперь, король будетъ мнѣ признателенъ и я буду имѣть такое занятіе, которое мнѣ по-сердцу и которое послужитъ развлеченіемъ и для васъ самихъ. Поручаю все это вашему доброму сердцу.»

И онъ принимается серьезно за работу. «Я работаю, какъ и всегда, съ страстнымъ увлеченіемъ», пишетъ онъ, приготовляя въ то же время для версальскаго придворнаго театра новую парадную драму-балетъ: «Храмъ славы». «Послѣ громкой побѣды, по взятіи семи городовъ въ виду непріятельской арміи, послѣ предложеннаго самимъ побѣдителемъ мира», говоритъ Вольтеръ въ предисловіи: «Храмъ славы» есть самое приличное зрѣлище, какое только можно предложить королю и націи, совершившимъ эти великія дѣла». Въ этой пьесѣ на сцену являлись разные завоеватели и герои, и Бель, и покоритель Индіи Вакхъ, и Траянъ: двое первыхъ—кровожадные или сладострастные, оскверняющіе свои побѣды жестокостями или пороками. Траянъ, какъ и они, давалъ и выигрывалъ сраженія; но слезы, причиненныя его побѣдами, заглажены его благодѣяніями и добродѣтелями. Траяномъ, разумѣется, былъ въ данномъ случаѣ Людовикъ XV. Пьеса понравилась, и Вольтеръ, покончивъ съ нею, усердно посѣщалъ военное министерство, работая надъ исторіей королевскихъ походовъ. «Я имѣю добродушіе даромъ дѣлать то, чего не дѣлалъ Буало, хотя ему и хорошо платили», писалъ онъ Сидевиллю въ январѣ 1746 года. Онъ въ самомъ дѣлѣ заинтересовался начатой работой, и всего менѣе ожидалъ, что она можетъ не понравиться королю. «Скажите же королю», писалъ онъ опять маркизу д'Аржансону, «скажите г-жѣ Помпадуръ, что вы довольны исторіографомъ... О настоящей войнѣ появляется такъ много сочиненій, что моя «исторія» совершенно необходима. Умоляю васъ замолвить слово королю объ этомъ трудѣ, въ которомъ заинтересована его слава».

Въ Академіи, между тѣмъ, открылась вакансія со смертью одного изъ «безсмертныхъ». Несмотря на свой зарокъ не домогаться больше чести попасть въ ея члены, Вольтеръ сталъ дѣятельно хлопотать о своемъ избраніи. Теперь онъ могъ явиться претендентомъ на академическое кресло подъ защитой папы, который называлъ его «Магомета» «прекрасной трагедіей». Но онъ не ограничился и этою опорой. Онъ написалъ отцу Латуру письмо, въ которомъ вновь называлъ себя искреннимъ католикомъ и заявлялъ свою любовь къ іезуитамъ, своимъ бывшимъ наставникамъ. На этотъ разъ и самъ король не противился болѣе его избранію, и, несмотря на всѣ усилія своихъ литера-

турныхъ враговъ, Вольтеръ былъ избранъ 25-го апрѣля 1746 года. Онъ торжествовалъ. Но успѣхъ его еще больше раздражилъ людей литературнаго круга, имѣвшихъ не меньше притязаній, но гораздо меньше таланта. Едва-ли какой-нибудь другой писатель подвергался такимъ безстыднымъ нападкамъ, такимъ неслыханнымъ клеветамъ, какія постоянно обрушивались на Вольтера и при жизни его, и по смерти. Дефонтенъ, Сень-Гіасентъ, Фреронъ, Ла-Бомелль, Клеманъ, о которыхъ аббатъ Вуазенонъ говорилъ въ стилѣ библейскаго родословія, что «Зоилъ родилъ Мевія, Мевій родилъ Дефонтена, Дефонтенъ родилъ Фрерона, Фреронъ родилъ Клемана» и т. д., — вся эта литературная тля открыла противъ него безпощадную и дикуую войну, которой мы рассказывать не будемъ, и въ которой обѣ стороны съ яростью прибѣгали то къ перу и ругательствамъ, то къ содѣйствію и покровительству властей. Эта продолжительная и ожесточенная полемика была скорѣе личной борьбой посредственности съ талантомъ, чѣмъ борьбой принциповъ и общественныхъ интересовъ. Въ характерѣ Вольтера, какъ мы видѣли, были темныя стороны, которыми воспользовались его противники, чтобы чернить его и въ прозѣ и въ стихахъ. Онъ былъ страшно тщеславенъ; тщеславіе и жажда житейскихъ благъ доводили его до публичнаго отреченія отъ дѣйствительныхъ и заявленныхъ имъ вѣрованій и мнѣній. И противники его, которыхъ безпощадно бичевало его остроуміе, иногда мѣтко попадали въ свою цѣль, хотя и не были безупречны и выше его въ гражданскомъ смыслѣ.

9-го мая Вольтеръ произнесъ свою вступительную рѣчь въ торжественномъ собраніи Академіи, въ присутствіи именитѣйшей публики. Рѣчь эта блистала новизною формъ и содержанія. Изложивъ въ бѣгломъ очеркѣ исторію и духъ французскаго языка, онъ перешелъ къ великимъ писателямъ, обогатившимъ его новыми формами и сдѣлавшими его языкомъ универсальнымъ. По этому поводу ораторъ воздавалъ хвалу прусскому королю, который говорилъ и писалъ по-французски, какъ на родномъ языкѣ, его сестрѣ—шведской королевѣ, папѣ Бенедикту XIV и русской императрицѣ. Ораторъ не поскупился также на хвалы современнымъ французскимъ академикамъ и писателямъ, и, разумѣется, не забылъ въ своей рѣчи самого Людовика XV. Рѣчь оканчивалась заявленіемъ желанія видѣть на площадяхъ Франціи статую челоуѣколюбиваго монарха, изваянную руками французскихъ Праксителей и окруженную символами общественнаго сча-

стія, и читать на подножіи этой статуи слѣдующія слова, уже начертанныя въ сердцахъ: «Отцу отечества!»

Академическая рѣчь Вольтера была неудачна, и вызвала сильныя критическія нападки. Ее сравнивали съ пестрымъ платьемъ арлекина, сшитымъ изъ разныхъ кусковъ; говорятъ, путешники приносили ее съ собой въ общество и читали ее вслухъ, начиная то съ конца, то съ середины, и находя, что она нисколько не страдаетъ отъ такой перетасовки своего содержанія. Вольтеръ, въ самомъ дѣлѣ, былъ всего менѣе академикъ. Блестящій сатирикъ, публицистъ и поэтъ, онъ прежде всего видѣлъ въ наукѣ ея публицистическую сторону, а публицистъ, какъ и академикъ временъ Людовика XV, занимая общественную должность и кресло цехового ученаго, непременно долженъ былъ льстить, кому слѣдовало, въ своемъ личномъ интересѣ.

Среди этихъ придворныхъ и академическихъ успѣховъ, судьба послала автору «Магомета» тяжелый урокъ, вытекавшій прямо изъ его тщеславной погони за выдающимся положеніемъ при дворѣ Людовика XV. Однажды вечеромъ, въ Фонтенбло, играя въ карты у королевы, маркиза Дю-Шатлэ проиграла четыреста луидоровъ, — единственныя деньги, которыя были у нея въ это время. Вольтеръ даетъ ей свои двѣсти луидоровъ, но она проигрываетъ на слѣдующій день и эту сумму. Онъ совѣтуетъ маркизѣ прекратить игру; она не соглашается, и любовники посылаютъ слугу за деньгами къ одному знакомому ростовщику. Слуга приноситъ еще двѣсти луидоровъ; сто восемьдесятъ луидоровъ присылаетъ еще г-жа Тиль. «Божественная Эмилиа» опять садится за игру, играетъ еще съ бѣлымъ жаромъ, чѣмъ прежде, и опять проигрываетъ все. Неудача и туть не охлаждаетъ ее, она рѣшается играть въ долгъ, и къ концу вечера проигрываетъ 84 тысячи франковъ. Вольтеръ, которому не удалось остановить ее во-время, очень встревоженъ этимъ проигрышемъ, и въ досадѣ говоритъ своей подругѣ по-англійски, что только ея разсѣянность помѣшала ей замѣтить, что она играла съ шулерами. Гости королевы разслышали и поняли эти слова; маркиза замѣтила даже, что они стали шептаться, и страшно испугалась послѣдствій этой исторіи; она дала понять это Вольтеру, и они поспѣшили уѣхать прежде, чѣмъ разразилась буря.

Французское свѣтское общество уже было поражено въ то время гангреной полной деморализаціи, и предположеніе Вольтера не представляло ничего невѣроятнаго. Подобные случаи бывали въ обществѣ знатнѣйшихъ лицъ тогдашней Франціи. Но

дѣло было не въ томъ, справедливо или нѣтъ подозрѣніе Вольтера въ данномъ случаѣ. Чѣмъ справедливѣе оно было, тѣмъ опаснѣе могли быть его послѣдствія. По мнѣнію Вольтера и маркизы, ему надо было скорѣе выѣхать изъ Фонтенбло, и онъ выѣхалъ въ ту же ночь съ маркизой такъ поспѣшно, что даже не успѣлъ запасться деньгами. Самымъ безопаснымъ убѣжищемъ представлялось имъ Со, имѣніе герцогини Дю-Мэнъ. Въ дорогѣ они послали къ ней крестьянина съ запиской Вольтера, въ которой онъ просилъ позволенія пріѣхать. Герцогиня радушно приняла бѣглецовъ; но такъ какъ Вольтеру надо было скрываться и сохранять строжайшее инкогнито, то онъ жилъ съ закрытыми ставнями и постоянно работалъ при свѣчахъ. Каждую ночь, часу во второмъ, когда герцогиня, простившись со всѣми, уже лежала въ постелѣ, Вольтеръ приходилъ въ ея комнату, прислуга ставила передъ нимъ столикъ и приносила ему ужинъ. Герцогиня, любезная и прелестная къ тѣмъ гостямъ, которые ее развлекали, незамѣтно проводила такимъ образомъ съ Вольтеромъ самыя пріятныя ночи. Умная отъ природы, она отлично рассказывала будущему историку Людовика XIV тысячи придворныхъ интригъ, которыхъ сама была свидѣтельницей и участницей; Вольтеръ, съ своей стороны, прочитывалъ ей какой-нибудь отрывокъ изъ новыхъ своихъ сочиненій. Потомъ оказалось, что нѣсколько прекрасныхъ его сказокъ и рассказовъ: «Бабука», «Мемнонъ», «Скарментадо», «Микромега» и «Цадикъ», писаны Вольтеромъ во время тайнаго пребыванія въ Со. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, онъ не рѣшался выдти днемъ изъ своей комнаты. Но въ одинъ прекрасный день, маркиза Дю-Шатлэ, развѣдывавшая между тѣмъ придворную почву, пріѣхала возвратить ему свободу. Она уладила дѣло, она добилась согласія противной стороны оставить выходку Вольтера безъ послѣдствій. Поэту однакоже суждено было успокоиться только на короткое время. Судьба не замедлила приготовить ему новый урокъ въ той же дворской средѣ, за которою онъ такъ гонялся. Случилось, что въ это время при дворѣ играли Вольтерова «Блуднаго сына», и роли были распредѣлены между самою маркизой Помпадуръ, герцогомъ Шартрскимъ и знатнѣйшими лицами двора. Г-жа Помпадуръ предложила королю допускать авторовъ на придворные спектакли всякій разъ, когда идутъ ихъ пьесы, и, получивъ согласіе короля, увѣдомила объ этомъ Вольтера очень любезной запиской. Поэтъ поспѣшилъ отвѣтить на любезность фаворитки мадригаломъ:

Ainsi donc vous reunissez
 Tous les arts, tous les goûts, tous les talents de plaire:
 Pompadour, vous embellissez
 La Cour, le Parnasse et Cythère.
 Charme de tous les coeur, trésor d'un seul mortel,
 Qu'un sort si beau soit eternal!
 Que vos jours précieux soient marqués par des fêtes!
 Que la paix dans nos champs revienne avec Louis!
 Soyez tous deux sans ennemi,
 Et tous deux gardez vos conquêtes ¹⁾.

Стихи, конечно, понравились фавориткѣ, которая не нашла нужнымъ тайть ихъ. Они ходили по рукамъ, и, совершенно неожиданно для автора, возбудили негодование цѣлой придворной партіи. Королева, ея дворъ и дочери Людовика XV настаивали, чтобы король удалилъ отъ себя писателя, который прибавилъ къ своимъ прежнимъ проступкамъ эти стихи, роняющіе королевское достоинство и оскорбительные для короля, какъ отца и супруга. Негласнымъ послѣдствіемъ этихъ наговоровъ было возвращеніе Вольтера въ Сирé, откуда онъ и маркиза часто предпринимали продолжительныя поѣздки въ Лотарингію, ко двору польскаго короля Станислава Лещинскаго, отца королевы, супруги Людовика XV. Тамъ познакомилась маркиза Дю-Шатле съ молодымъ офицеромъ, маркизомъ Сенъ-Ламберомъ, который вскорѣ занялъ первенствующее мѣсто въ ея жизни и сердцѣ... Вольтеръ, какъ мы видѣли, былъ по природѣ очень странный любовникъ. Онъ былъ приличенъ и уменъ, но никогда не отдавался съ тою страстью, съ какою предалась ему маркиза. Она и прежде постоянно жаловалась на это; дружба Вольтера не удовлетворяла ея страстной натуры и воображенія, разнузданныхъ ужасающими нравами, которыхъ уже не понимало слѣдующее поколѣніе. «Никому не придетъ на мысль», писалъ аббатъ Вуазенонъ, «чтобы человѣкъ въ своихъ любовныхъ письмахъ могъ заниматься какимъ-нибудь другимъ божествомъ, а не тѣмъ, которымъ наполнено его сердце, и чтобъ можно было писать больше эпиграммъ противъ религіи, чѣмъ мадригаловъ въ честь любимой женщины. А это именно случилось съ Вольтеромъ. Маркиза Дю-Шатлэ ничего не скрывала отъ меня; нерѣдко я оставался съ нею наединѣ до пяти часовъ утра, благодаря самой искренней дружбѣ между нами.

1) Итакъ, вы соединяете всѣ искусства, всѣ вкусы, всѣ таланты нравиться. Помпадуръ, вы украшаете дворъ, Парнасъ и Китеру. Очарованіе всѣхъ сердецъ, сокровище единого смертнаго, пусть столь прекрасный удѣлъ будетъ вѣченъ! Пусть ваши драгоценныя дни будутъ отмѣнены празднествами! Пусть возвратится съ Людовикомъ миръ въ наши села! Будьте безъ враговъ оба и храните оба ваши побѣды.

Она иногда говорила мнѣ, что совсѣмъ разлюбила Вольтера. Я ничего не отвѣчалъ, а раскрывалъ одинъ изъ восьми томовъ (рукописныхъ посланій Вольтера къ маркизѣ, изъ которыхъ она составила восемь изящно переплетенныхъ книгъ) и прочитывалъ нѣкоторые письма. Я замѣчалъ, что на глазахъ ея выступали слезы, быстро закрывалъ книгу и говорилъ: нѣтъ, вы еще не исцѣлились. Въ послѣднемъ году ея жизни я повторилъ тотъ же опытъ. Она уже критиковала его письма, и я убѣдился, что исцѣленіе состоялось. Она призналась мнѣ, что врачомъ былъ Сень-Ламберъ». Маркиза отдалась этому молодому человѣку со всею исключительною страстью сорокалѣтней женщины, требующей, чтобы ея любовникъ былъ занятъ только ею, чтобъ онъ принадлежалъ ей ежечасно, ежеминутно.

Вольтеръ въ это время ставилъ на сцену новую драму «Семирамида» и велъ ожесточенную борьбу съ своимъ соперникомъ по театру, Кребиллономъ. Послѣдній въ качествѣ цензора нѣкогда отказывался пропустить «Магомета»; Вольтеръ никогда не могъ простить ему ни этого цензорскаго рвенія, ни того, что онъ тоже пользовался расположеніемъ г-жи Помпадуръ и считался при дворѣ его соперникомъ. Прежде всего онъ находилъ нужнымъ принять мѣры предосторожности противъ Кребиллона, какъ цензора «Семирамиды». Надъ цензорами стоялъ въ то время начальникъ полиціи. Вольтеръ пишетъ ему красивое письмо, въ которомъ высказываетъ свои опасенія и ищетъ его высокой благосклонности. Начальникъ полиціи, Берье, отвѣчаетъ ему любезною запискою, и дѣло кончается тѣмъ, что Кребиллонъ вычерчиваетъ изъ «Семирамиды» лишь нѣсколько стиховъ; но Вольтеръ отстаиваетъ и ихъ, и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока зачеркнутое мѣсто не восстановлено вполне.

Поэтъ еще ничего не зналъ въ это время объ отношеніяхъ своей подруги къ Сень-Ламберу. Возвратившись ко двору Станислава Лещинскаго послѣ представленій «Семирамиды», онъ входитъ къ ней однажды вечеромъ и застаётъ ее съ Сень-Ламберомъ въ такомъ положеніи, которое обличало большую близость между ними. Онъ пораженъ, онъ осыпаетъ маркизу упреками и оскорбленіями; но Сень-Ламберъ, ни мало не смутившись, тутъ же предлагаетъ себя въ его распоряженіе, т.-е. предлагаетъ ему драться на дуэли. Читатели помнятъ, что Вольтеръ когда-то самъ вызывалъ кавалера Де-Роганъ; но тогда онъ былъ молодъ и подвергся такому оскорбленію, которое способно придать храбрости самому робкому человѣку. Теперь ему было пятьдесятъ-четыре года, и онъ показался бы смѣшнымъ, еслибъ

вздумалъ драться за измѣну любовницы. Онъ въ ярости выходитъ изъ комнаты маркизы и велитъ своему секретарю готовиться къ отъѣзду. Секретарь, ничего не подозрѣвая, идетъ къ маркизѣ за дальнѣйшими приказаніями; она совѣтуетъ ему задержать Вольтера подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Но поэтъ, повидимому, рѣшился уѣхать, каковы бы ни были препятствія. Испуганная маркиза входитъ къ нему въ комнату, застаётъ его въ постелѣ, садится у него въ ногахъ, и такъ какъ секретарь былъ тутъ же, начинается разговоръ по-англійски. По выходѣ секретаря, они думаютъ, что остались совершенно одни и продолжаютъ разговоръ уже по-французски, не подозрѣвая, что секретарь подслушиваетъ ихъ за перегородкой. Маркиза совершенно по-женски начинаетъ увѣрять Вольтера, будто ему только померещилось то, что онъ видѣлъ. Поэтъ протестуетъ, и тогда она бойко объясняетъ ему, что у нихъ разные темпераменты, что здоровье его требуетъ спокойствія, что поэтому было-бы благоразумно, еслибъ его замѣнялъ кто-нибудь другой.—Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ Вольтеръ. Но онъ не хочетъ, чтобъ это происходило на его глазахъ. Человѣкъ своего времени и по натурѣ спокойно относившійся къ женщинамъ, Вольтеръ убѣждается однако странной логикой своей бывшей любовницы. Успокоивъ и поцѣловавъ его, она выходитъ изъ комнаты уговаривать своего новаго любовника. Но это было гораздо труднѣе. Сень-Ламберъ считаетъ себя оскорбленнымъ, и только ссыла маркизы на лѣта Вольтера вырываетъ у него обѣщаніе сдѣлать шагъ къ примиренію. На слѣдующій день Сень-Ламберъ идетъ къ поэту, произноситъ нѣсколько извинительныхъ фразъ, говоритъ о своемъ вчерашнемъ волненіи, подъ вліяніемъ котораго онъ былъ нѣсколько рѣзокъ. Вольтеръ не даетъ ему кончить, жметъ ему руки, цѣлуетъ его и говоритъ: «Я все забылъ, дитя мое, не вы, а я былъ неправъ. Вы въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда человѣкъ любить и нравится; пользуйтесь этими короткими минутами; старый и больной человѣкъ, какъ я, негоденъ для удовольствій».

Любовь всегда была для Вольтера чувствомъ очень близкимъ къ дружбѣ. Онъ не въ первый разъ уступалъ любовницу другому. Здравый смыслъ и отчасти эгоизмъ всегда брали верхъ надъ его сердечными отношеніями. Разорвать съ маркизой значило для него лишиться пятнадцатилѣтней дружбы, основанной на общихъ умственныхъ интересахъ, на искреннемъ и глубокомъ взаимномъ расположеніи. Теряя любовницу, онъ сохранялъ привычнаго и дорогого друга.

Чтобы покончить съ этимъ характернымъ эпизодомъ въ жизни Вольтера, скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ, чѣмъ кончился новый романъ маркизы Дю-Шатлэ. Вскорѣ оказалось, что она беременна. Замѣтивъ это, она совѣщается и съ своимъ любовникомъ, и съ своимъ другомъ; рѣшено немедленно вызвать ея законнаго мужа и, пользуясь его присутствіемъ, увѣрить его, что онъ отецъ ребенка. Одураченный мужъ въ восторгѣ. Но у этой женщины, почувствовавшей себя въ интересномъ положеніи на сорокъ-четвертомъ году жизни, странныя предчувствія на душѣ. Она благополучно разрѣшается отъ бремени дочерью, въ Люневиллѣ; но черезъ нѣсколько дней, въ жару родильной лихорадки, выпиваетъ что-то холодное и заболѣваетъ смертельно. Вольтеръ былъ такъ пораженъ этой неожиданной смертью, что, вышедши изъ комнаты умершей, упалъ безъ чувствъ на мостовую.....

Такъ кончился, 10 сентября 1749 года, самый счастливый періодъ въ жизни Вольтера.

В. Коршъ.

СЕРБСКІЯ МЕЛОДІИ

1.

Золотой лимонъ на вѣточкѣ виситъ:

—Я всего на свѣтѣ краше, говорить.

Померанецъ то услышалъ и кричитъ:

—Золотой лимонъ, желтѣе я тебя!

Красоты не сыщешь въ свѣтѣ, какъ моя!

Услыхала это яблоня въ саду:

—Померанецъ желтый, я-ль не красота?

Красоты не сыщешь въ свѣтѣ, какъ моя!

То услышалъ лукъ съ некошеной травой:

—Что ты, яблоня, въ саду, передо мной!

Красоты не сыщешь въ свѣтѣ, какъ моя!

Услыхавъ то, ему дѣвушка въ отвѣтъ:

— Не хвалися, лукъ съ некошеной травой,

Краше я съ моею дѣвичьей красой!

Красоты не сыщешь въ свѣтѣ, какъ моя!

То юнакъ услышалъ, парень холостой,

Засмѣялся, да и молвилъ самъ съ собой:

— Не хвалиться-бъ красотѣ передо мной!—

Я лимономъ-то напыюсь,

Померанцемъ надушусь,

Пойду яблоки срывать,

Стану травушку косить,

Возьму дѣвушку—любить.

2.

Просыпаюсь, засыпаю —
 Все о миломъ я вздыхаю.
 Съ той поры, какъ мать родила,
 Никого я не любила,
 Одного лишь молодого,
 Молодого, дорогого,
 Да о томъ никто не знаетъ —
 Только Богъ, да насъ съ нимъ двое!

3.

— Матушка, мой милый разболѣлся,
 Приказалъ придти его провѣдать,
 Я пойду-провѣдаю, родная.
 — Не ходи, не позволяю, дочка:
 На селѣ у насъ народъ есть всякій, —
 Еще скажутъ: ты, молю, отравила.
 — Ахъ, родная, Богъ меня помилуй!
 Нешто я ему змѣя какая?
 Да и чѣмъ его же отравить мнѣ?
 Вѣдь всего-то я его поила:
 Розмариномъ, чтобъ намъ не кориться,
 Драголюбомъ, чтобъ намъ не браниться,
 Милодухомъ — чтобы миловаться,
 Да босилькомъ — чтобъ не разлучаться.

4.

Собиралось солнышко въ дорогу.
 Святой Илій самъ коня сѣдлаетъ,
 Святой Юрій самъ уздечку держитъ.
 Спрашиваетъ матушка у солнца:
 «Свѣтъ мой, солнце, Богъ тебя помилуй!
 «Далеко-ль задумало въ дорогу?»
 Отвѣчаетъ солнышко родимой:
 «Собралось я, матушка, далеко,

«Отъ востока да на самый западъ,
 «Съ запада, родная, повернуса —
 «На востокъ обратно ворочуся».
 Какъ вернулось солнышко съ дороги,
 Спрашиваетъ матушка у солнца:
 «Свѣтъ мой, солнце, Богъ тебя помилуй!
 «Какъ идешь ты въ дальней-то дорогѣ—
 «Есть съ тобою кто родной, одно-ль ты?»
 Отвѣчаетъ солнышко родимой:
 «Нѣтъ со мною никого родного,
 «Есть со мною только Богъ единый.
 «Божіихъ апостоловъ двѣнадцать
 «Меня носятъ, матушка, повсюду.
 «Какъ устану, на груди у Бога
 «Отдыхаю, матушка, до утра,
 «А поутру Богъ меня и будить:
 «Время, солнышко, пора, вставай-ко,
 «Обогрѣй сиротъ, убогихъ, слабыхъ,
 «И воловъ и пахарей на нивахъ:
 «На сиротъ они готовятъ пищу».

5.

Ахъ, постыло ты мнѣ, чисто поле!
 На тебѣ я съ милымъ распрощалась,
 Не взглянулъ онъ на меня ни разу.
 Не взглянулъ онъ, мнѣ не улыбнулся,—
 Только шляпу на брови надвинулъ,
 Только очи въ землю онъ уставишь,
 Только къ сердцу рученьку прижалъ онъ.
 Я загадку эту разгадала:
 Чтѣ онъ шляпу на брови надвинулъ —
 Значить: прощай, съ Богомъ!
 Черны очи въ землю онъ уставишь—
 Значить: жаль тебя мнѣ!
 А что къ сердцу рученьку прижалъ онъ—
 Значить: сердцу больно!

6.

У Ивана лугъ широкъ и зеленъ,
Заповѣданъ лугъ, неогороженъ.
Тамъ Иванъ воловъ пасеть и коней.
Принесла ему сестра обѣдать.

«Бѣшь-ко, братецъ, кушай на здоровье!»
Сѣлъ Иванъ обѣдать, а сестрица
Умываетъ личико водицей.
Жарко личико, какъ солнце въ небѣ,
Руки бѣлы, словно мѣсяцъ ясный,
Очи ярки, какъ на небѣ звѣзды.
Молвилъ тихо братъ своей сестрицѣ:

«Кабы-то не грѣхъ, не грѣхъ великій,—
«Цѣловаль бы я тебя, любилъ бы!»
Какъ пришла сестра домой къ родимой,
Просить: «Дай аршинъ холста, родная.
Я холстомъ лицо себѣ закрою
Отъ Ивана брата, какъ отъ турка.»

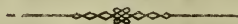
7.

У Стевана убирали ниву.
Триста было всѣхъ жнецовъ на нивѣ,
Жала съ ними и сестра Стевана.
Она жнетъ, а на лугу за нею
Пасеть Иво стадо подъ горою.
На лугу, какъ снѣгъ, бѣлѣютъ овцы,
А въ свирѣль ей Иво изъ-за горки:
«Дѣвушка, что жнешь—не отдыхаешь?
«Подъ горой цвѣтокъ-гвоздика вянетъ.»
Ему съ поля пѣсня отвѣчаетъ:
«Ты дои овечку, что съ ягненкомъ,
«Поливай гвоздику подъ горою.»
А свирѣль опять ей изъ-за горки:
«Дѣвушка что жнешь—не отдыхаешь?
«Я дою овечку, что съ ягненкомъ,
«Поливаю—все гвоздика вянетъ!»
Не смекнулъ никто, о чемъ тѣ пѣсни,
Поняла одна жена Стевана.

Какъ спустилось солнышко съ полудня,
Пошла помочь отдыхать-обѣдать,
А сестра Стевана побѣжала,
Только ведра въ домѣ захватила,
Побѣжала съ горки за водою —
И взяла младенца подъ горою.
Подошла жена Стевана къ мужу,
Научаетъ мужа господина:
«Ты пошелъ бы къ рѣчкѣ подъ горою,
«Поглядѣлъ бы, что съ сестрою сталося.»
Подъ горой сестра младенца кормить.
Издалека брата увидала,
Увидала брата дорогого,
На траву младенца опускала:
«Скрой, трава, младенца ты отъ брата!»
Побѣжала полемъ, понеслася,
Какъ звѣзда по небу ясной ночью.
Вслѣдъ за нею братъ идетъ и кличетъ:
«Не бѣги, сестра моя родная,
«Воротись, возьми опять младенца,
«Отнеси ты къ матушкѣ родимой,
«Вспоить, вскормить матушка младенца,
«Какъ и насъ съ тобой она вскормила.»

Александръ Орловъ.

Москва.

КОНСТИТУЦІОНАЛИЗМЪ

И

А. Т Ъ Е Р Ъ

Discours parlementaires de M. Thiers. t. I, II, III. — Paris, 1879.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

VI *).

Если бы нужно было въ нѣсколькихъ словахъ выразить, въ чемъ заключалась та перемѣна, которая произведена была іюльскою революціею въ общемъ политическомъ направленіи Франціи, то мы сказали бы, что перемѣна эта состояла главнымъ образомъ въ окончаніи борьбы между старымъ порядкомъ «божественнаго права» и новымъ порядкомъ, основаннымъ на идеѣ верховной власти самого народа. Идея эта, столь медленно пробивавшаяся сквозь толстую кору общественнаго невѣжества, этого главнаго фактора безсилія и непониманія обществомъ своихъ правъ и обязанностей, завѣщана была французскому обществу 1789 годомъ. Столкновеніе этой идеи съ основнымъ принципомъ стараго порядка, въ силу котораго не правительство существовало для благоденствія народа, а народъ для благоденствія сравнительно микроскопическаго меньшинства, захватившаго власть со

---

*) См. выше: февраль, 737 стр.

всѣми ея матеріальными выгодами въ свои руки, не могло не вызвать отчаянной борьбы, во время которой, какъ читатель уже видѣлъ, побѣда не всегда оставалась на сторонѣ болѣе справедливой идеи.

Каждая идея, для того, чтобы перейти изъ области теоріи въ область дѣйствительности, должна найти для себя извѣстную форму, въ которой она могла бы, такъ-сказать, олицетвориться. Самая естественная форма для идеи, унаслѣдованной отъ французской революціи, въ смыслѣ политическомъ, представлялась въ республикѣ. Но прежде чѣмъ отлиться въ свою конечную форму, почти всегда та или другая идея въ своемъ движеніи впередъ останавливается на извѣстныхъ переходныхъ формахъ. Въ такой переходной формѣ идея можетъ существовать въ теченіи болѣе или менѣе длиннаго періода времени. Идея верховной власти народа нашла себѣ такую переходную форму именно въ конституціонализмѣ. Но самое понятіе конституціонализма представляется весьма относительнымъ. Мало еще сказать: страна обладаетъ конституціей, чтобы вопросъ о формѣ правленія, объ условіяхъ, въ которыхъ поставлена власть, былъ совершенно ясенъ для каждаго человѣка, — нѣтъ, необходимо еще сказать, какова эта конституція, какія права предоставляетъ она народу, чтобы рѣшить къ какой идеѣ ближе эта страна, къ идеѣ ли стараго порядка или къ идеѣ верховной власти народа. Одинъ или два примѣра пояснять нашу мысль.

Франція при Наполеонѣ I обладала конституціей, но кто рѣшится сказать, что въ то время она обладала конституціонализмомъ? Конституціонализмъ требуетъ, чтобы дѣйствительная власть принадлежала представителямъ, которые свободно избраны народомъ. Во Франціи же во время Наполеона I законодательный корпусъ состоялъ изъ лицъ, избранныхъ въ дѣйствительности сильной администраціей, а сенатъ состоялъ изъ лицъ, назначенныхъ самимъ императоромъ. Очевидно, что при такой системѣ конституція была насмѣшкой надъ конституціонализмомъ, умышленнымъ обманомъ, на который всегда довольно легко поддается мало развитое общество. Возьмемъ другой, болѣе близкій примѣръ. Послѣ событій 1848 г. Пруссія получила конституцію. Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что въ Пруссіи водворился правильный конституціонализмъ? Конституціонализмъ требуетъ, чтобы воля представителей народа была исполняема, чтобы правительство было только выразителемъ большинства этихъ представителей, и никоимъ образомъ не допускаетъ, чтобы правительство и народное представительство вступали между собою въ борьбу.

Между тѣмъ не дальше какъ пятнадцать, шестнадцать лѣтъ тому назадъ вся Европа была свидѣтельницей траги-комическаго столкновѣнія между прусскимъ правительствомъ и парламентомъ, окончившагося полнымъ униженіемъ народныхъ представителей. На голоса ихъ не было обращено никакого вниманія, и правительство дѣйствовало такъ, какъ будто бы никогда никакой конституціи не существовало. Чтò же это доказываетъ? Ничтожность конституціонализма?—Нисколько. Оно доказало только совершенное ничтожество и призрачность quasi-конституціонализма, отсутствіе дѣйствительныхъ гарантій, обезпечивающихъ верховную власть представителей народа. Такихъ примѣровъ можно было бы привести весьма много, и всѣ они доказываютъ только то, что далеко не всякая конституція устанавливаетъ тѣмъ самымъ конституціонализмъ, что сплошь и рядомъ конституція является только декорацией, ширмой, за которой продолжаютъ дѣйствовать старые актеры.

Безъ сомнѣнія, конституція, какъ декорация, имѣетъ весьма мало или даже вовсе не имѣетъ цѣны, но общество, способное бороться, можетъ и изъ нея извлечь нѣкоторую пользу. Она является видимою брешью въ вѣковой цитадели стараго порядка, брешью, которую мало-по-малу можно превратить въ широкія ворота. Такою именно брешью была хартія 1815 года, «дарованная» Лудовикомъ XVIII; она открыла просторъ для конституціонной борьбы, окончившейся полной побѣдой надъ принципами стараго порядка. Но побѣда надъ «божественнымъ правомъ» старой монархіи вовсе не означала конца борьбы, она не влекла за собою общаго разрушенія всѣхъ партій, затишья въ политической жизни націи. Измѣнился только характеръ борьбы, измѣнились враждующія стороны, измѣнились стремленія, цѣли, идеалы политическихъ партій. Во время борьбы съ старымъ порядкомъ у всѣхъ была только одна цѣль — восторжествовать надъ ненавистною идеею, давившею общество въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ. Въ этой борьбѣ съ началомъ, рѣзко противоположнымъ идеѣ верховной власти народа, шли дружными рядами люди различныхъ интересовъ, различныхъ политическихъ направленій. Одинъ общій врагъ заставлялъ до поры до времени не поднимать такихъ вопросовъ, которые могли бы вызвать расколъ въ лагерѣ осаждавшихъ старую монархію, хотя въ этомъ лагерѣ и участвовали весьма различные элементы. Только послѣ того, какъ общій врагъ былъ сломленъ, — эти различные элементы стали заявлять притязанія на преобладающую роль. Среди ихъ были такіе, которые весьма искренно желали примѣненія къ

политической жизни Франціи новой идеи верховной власти, народа, но были и такіе, которые жаждали устраненія старой монархіи—въ надеждѣ, что ея наслѣдство достанется на долю опять-таки одного исключительно класса, хотя и болѣе широкаго, но тѣмъ не менѣе преслѣдовавшаго эгоистическія цѣли, чуждыя всему народу. Классъ этотъ—была буржуазія, но она не представляла собою единого цѣлаго, она распадалась на двѣ партіи, изъ которыхъ одна представляла собою болѣе либеральную, искренно стремившуюся къ настоящему народному представительству, къ широкому конституціонализму, между тѣмъ какъ другая не могла отрѣшиться отъ обветшалыхъ идей, отъ обветшалыхъ воззрѣній на народъ, на участіе его во власти и опасавшаяся прежде всего и больше всего, теперь, когда старая монархія рухнула, революціонныхъ движеній и всего того, что могло грозить ея незаконнымъ притязаніямъ на господство. Первая по своимъ политическимъ идеямъ, по своимъ стремленіямъ, приближалась и иногда сливалась съ передовыми элементами общества; вторая—служила звеномъ между старымъ и новымъ порядкомъ и заботилась больше всего о томъ, чтобы во всѣхъ возникавшихъ вопросахъ политической жизни государства удерживать отъ рѣшительнаго разрыва съ традиціонной политикой стараго порядка. Власть самого народа была для этой партіи такимъ же абсурдомъ, какъ и для старой монархіи. Ея конституціонныя стремленія вполнѣ удовлетворялись хартіею 1815 года, и она полагала, что революція 1830 года не должна внести никакихъ новыхъ началъ въ политическую жизнь Франціи.

Временный союзъ, заключенный между различными элементами конституціонной партіи, былъ чрезвычайно выгоденъ для торжества конституціоннаго начала надъ принципомъ стараго порядка, и, само собою разумѣется, не представлялъ собою чего либо уродливаго. Въ исторіи народовъ нѣтъ болѣе обыкновеннаго явленія, чѣмъ сліяніе различныхъ партій, несогласныхъ между собою направленій, для борьбы съ общимъ врагомъ, и тамъ, гдѣ не образуется такого союза,—тамъ общій врагъ всегда окажется живучѣе и могущественнѣе. Французское общество понимало это какъ нельзя лучше, оно стало подъ одно общее знамя во время борьбы, но лишь только побѣда была одержана, какъ союзъ, естественно заключенный, естественно и распался.

Въ самой конституціонной партіи, не говоря о республиканской, требовавшей времени для сплоченія, образовались два рѣзко отличавшихся между собою направленія, которыя долго не могли жить въ мирѣ. Между ними должна была завязаться

и въ дѣйствительности завязалась борьба, смѣнившая борьбу, наполнявшую собою періодъ Реставраціи. Борьба эта, рѣзко обозначившаяся уже чуть не на другой день побѣды надъ старымъ порядкомъ, происходила теперь на почвѣ конституціонализма и касалась самой сущности его и принциповъ, выставленныхъ революціей. Одна изъ двухъ борющихся партій получила наименованіе партіи «сопротивленія», отпора, другая — партіи «движенія». Партія сопротивленія выставляла себя защитницею конституціи, но самую конституцію рассматривала съ внѣшней стороны. Для нея конституція была формой, за неприкосновенность которой она горячо стояла, но вмѣстѣ съ тѣмъ она полагала, что форма эта можетъ быть наполнена такимъ содержаніемъ, которое мало бы чѣмъ отличалось отъ сущности стараго порядка. Она исходила изъ той идеи, унаслѣдованной очевидно отъ прошлаго, что народъ, общество требуютъ постоянной узды, что отношеніе между правительствомъ и народомъ должно походить на отношеніе между опекунами и опекаемыми, и что во всѣхъ возникающихъ вопросахъ, во всѣхъ явленіяхъ политической и экономической жизни народа, единственнымъ судьей того, что нужно и что не нужно, должно являться само правительство. Роль общества, по теоріи партіи сопротивленія, чисто пассивная, она исчерпывается повиновеніемъ правительству, усиленнымъ трудомъ, какъ основой благосостоянія и исполненіемъ обязанностей, обусловленныхъ конституціей. Затѣмъ, какія бы событія ни возникали, какъ ни дѣйствовало бы правительство — народъ не имѣетъ права заявлять какихъ-либо требованій. Все, что способствуетъ его благосостоянію — все это будетъ сдѣлано правительствомъ, которое знаетъ лучше самого народа, что для него благо, что вредъ. При такомъ доктринерскомъ воззрѣніи на характеръ правительственной власти, естественно, что люди, его державшіеся, были врагами широкаго развитія свободы, въ какой бы то ни было сферѣ: въ сферѣ ли свободы печати, расширенія избирательнаго права, устраненія тѣхъ учреждений, которыя не соотвѣтствовали идеѣ верховной власти народа, словомъ, врагами всего того, что должно было являться, какъ естественныя послѣдствія происшедшей революціи, какъ необходимые атрибуты истиннаго конституціонализма. Капитальная ошибка этой партіи заключалась въ томъ, что она полагала, будто нація, пережившая великую революцію, вынесшая ожесточенную борьбу съ реставраціей, способна будетъ удовлетвориться одною конституціонною формою. Все то, что требовалось самою сущностью конституціонализма — все это встрѣчало

съ ея стороны самое рѣшительное сопротивленіе. Шелъ ли вопросъ о расширеніи избирательнаго права, партія эта высказывалась противъ; поднимался ли вопросъ о правѣ гражданъ устраивать сходки, собранія, — партія сопротивленія не признавала такого права. Заявляются ли требованія о широкой свободѣ печати, свобода эта отрицалась; возбуждался ли вопросъ о правѣ всѣхъ общинъ вѣдать свои дѣла безъ вмѣшательства администраціи, партія эта становилась защитницей суровой опеки правительства во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Заходила ли рѣчь о болѣе соответствующемъ истинному конституціонализму расходованіи всѣхъ суммъ, собираемыхъ съ народа, партія эта рассуждала такъ, какъ будто бы конституціонализмъ не выражаетъ собою извѣстной системы, прямо противоположной системѣ стараго порядка. Она не желала, словомъ, понять, что если система конституціонализма ничѣмъ не отличается отъ той системы, которая была побѣждена іюльскою революціею, тогда, употребляя вульгарное выраженіе, игра не стоила свѣчей, а отъ конституціонализма не остается ничего, кромѣ формы, лишенной содержанія.

Другая партія, партія движенія, совершенно иначе относилась къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя должна была повлечь за собою іюльская революція. Ее не удовлетворяла одна конституціонная форма, хотя бы и соблюдаемая съ безусловною строгостью: она требовала коренныхъ реформъ въ цѣломъ строѣ политической жизни, убѣжденная, что только такими реформами Франція будетъ предохранена отъ новыхъ политическихъ переворотовъ. Она желала, чтобы конституціонализмъ выражался не на одной поверхности государства, а чтобы онъ проникъ въ самыя нѣдра страны; она понимала необходимость, чтобы народъ созналъ, что переменна, произведенная іюльскою революціею, не ограничивается переменною династіею, а что самая система государства подверглась существенной передѣлкѣ. Эта партія видѣла, что нѣтъ ничего опаснѣе для всего общественнаго строя, какъ упорное сопротивленіе правительства требованіямъ, заявленнымъ обществомъ, что такое сопротивленіе способствуетъ только скопленію горячаго матеріала, который рано или поздно долженъ будетъ вспыхнуть. Она доказывала, что неудовлетвореніе вполнѣ законнымъ желаніямъ общества обладать политической системой, основанной на серьезномъ самоуправленіи, должно повлечь за собою возникновеніе такихъ крайнихъ требованій и такихъ пріемовъ дѣйствія, которыя всегда угрожаютъ революціоннымъ потрясеніемъ. Она доказывала, что не движеніе впе-

редѣ, а реакціонная задержка движенія вызываетъ въ государствѣ ту анархическую смуту, борьба съ которой всегда обходится слишкомъ дорого.

Воззрѣнія этихъ двухъ противоположныхъ партій лучше всего обрисовались въ ихъ взаимномъ отношеніи къ іюльской революціи. По взгляду одной изъ нихъ, партіи сопротивленія, іюльская революція не имѣла другого значенія, какъ протеста противъ нарушенія хартіи 1815 года, но никакимъ образомъ она не должна была измѣнять коренныхъ основаній монархіи, и потому призваніе новой династіи не должно было быть разсматриваемо, какъ избраніе короля народомъ. «Мы не выбирали короля, говоритъ въ своихъ мемуарахъ Гизо, мы обратились къ принцу, стоявшему около трона, и который одинъ могъ, вступая на престолъ, гарантировать наше публичное право и избавить отъ революцій. Обращеніе къ народному голосованію придало бы реформированной монархіи тотъ характеръ, котораго мы преимущественно старались избѣгнуть, оно поставило бы избраніе на мѣсто необходимости и договора». Эта партія утверждала, и ей удалось восторжествовать, что измѣненная въ нѣсколько засѣданій хартія 1815 г., или, какъ ее называли, *la Charte bâclée*, и призванный на престолъ герцогъ Орлеанскій вовсе не должны были получать народной санкціи; словомъ, что палата, избранная при Карлѣ X, имѣла право безапелляціонно распоряжаться будущностію страны. Партія эта отдѣлялась общими фразами о томъ, будто вся Франція желала того, что совершила палата, и въ доказательство ссылалась на многочисленные адреса, сыпавшіеся къ подножію новаго престола и на депутаціи, являвшіяся въ столицу изъ различныхъ концовъ Франціи. Но другая партія, партія движенія, не довольствовалась такимъ фальшивымъ выраженіемъ воли французскаго народа. Мы очень хорошо знаемъ, — говорили люди этой партіи, — какъ составляются подобные адреса и какъ появляются депутаціи. Все это дѣло рукъ ловкой администраціи, которая всегда имѣетъ возможность внушить кому слѣдуетъ, что необходимо составить адрессъ и отправить депутацію для привѣтствія власти. Въ вашемъ распоряженіи, — говорили они, — всегда имѣется въ запасѣ извѣстное количество горячо выраженныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ, пускается въ ходъ при первой надобности или по первому приказанію. Слѣдовательно, — дѣлался выводъ, — всѣ такіе адреса и депутаціи не имѣютъ значенія, все это не что иное, какъ казенная шумиха, которая вводитъ въ обманъ только самыхъ наивныхъ людей, незнакомыхъ съ процедурою подобныхъ

вѣрноподданическихъ заявленій, и д. т. Между тѣмъ, такія заказныя или, вѣрнѣе, приказанныя администраціею манифестаціи принимались за чистую монету и служили поводомъ для громкихъ фразъ о сочувствіи и преданности всей націи новой династіи. Подъ прикрытіемъ такого обмана, потерявшаго даже, отъ слишкомъ частаго употребленія, характеръ цинизма, партія сопротивленія сплошь и рядомъ провозглашала: такова воля Франціи! Франція этого хочет!—въ то время, какъ эта Франція выражалась въ группѣ людей, пользовавшихся властью и желавшихъ прежде всего эскамотировать законныя и необходимыя послѣдствія іюльской революціи.

Партія движенія смотрѣла на дѣло совсѣмъ иначе. Она полагала, и полагала справедливо, что послѣдствія іюльской революціи вовсе не исчерпываются переменой династіи, что самая переменна династіи должна служить только внѣшнимъ, бюющимъ въ глаза выраженіемъ переменны въ цѣломъ политическомъ строѣ Франціи, что иначе самая переменна династіи была бы глупою и безцѣльною игрою. Первое условіе успѣха во внутренней политикѣ—это знать то, чего желаешь, имѣть опредѣленную цѣль и выработанную программу дѣйствій, не бросаться изъ стороны въ сторону, и не прикрывать маскою либерализма реакціонныхъ стремленій. «Передъ вами два пути,—говорила партія движенія:—путь реформъ, прогресса, расширенія правъ народа, и другой путь—искусственной задержки движенія, противодѣйствія прогрессивнымъ стремленіямъ общества, страха передъ верховною властью народа. Нужно быть откровеннымъ, не іезуитничать, не называть чернаго бѣлымъ и смѣло исповѣдать передъ страной свои идеалы». Спорный вопросъ между двумя партіями противоположныхъ направленій былъ поставленъ чрезвычайно ясно: какое значеніе должна была имѣть іюльская революція? «Если революція,—говоритъ въ своихъ мемуарахъ Одилонъ Барро,—была не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ реставраціи, тогда естественно было какъ можно меньше уклоняться отъ созданнаго ею порядка; слѣдовало сохранить ея учрежденія, ея пэрію, ея палату депутатовъ, ея магистратуру, ея административную организацію, и ограничиться только нѣ-скоро сдѣланнымъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ параграфовъ октроированной хартіи, которые не гармонировали съ новымъ порядкомъ: такое пониманіе революціи должно было фатальнымъ образомъ вести къ политикѣ недоувѣрія и сопротивленія, которая практиковалась съ бѣдшею или меньшею ловкостью въ теченіи восемнадцати лѣтъ, и которая получила такой пагубный исходъ. Если же, напротивъ, въ

въ іюльскихъ событіяхъ признавали всѣ элементы серьезной народной революціи, въ корнѣ измѣнявшей принципъ и условія правительства Франціи, тогда не слѣдовало опасаться распространить ея послѣдствія, расширить ея основанія и дать возможность глубоко проникнуть конституціоннымъ корнямъ въ народныя массы: въ такомъ случаѣ нужно было не продолжать и не подражать реставраціи, но радикально отъ нея отдѣлиться...»

Таковы были два противоположныя направленія, вступившія между собою въ горячую борьбу тотчасъ же послѣ іюльскихъ событій. Оба эти направленія признавали себя конституціонными; таковыми они и были въ дѣйствительности, только пониманіе ихъ сущности конституціонализма было совсѣмъ различное. Партія сопротивленія, считавшая въ своихъ рядахъ много замѣчательныхъ умовъ и талантовъ, была проникнута увѣренностью, что для упроченія конституціонализма на французской почвѣ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ расширенію конституціонныхъ основъ, такъ какъ онѣ были начерчены въ хартіи 1815 года; что сильная власть должна быть сосредоточена въ рукахъ наиболѣе богатыхъ классовъ, представляющихъ болѣе гарантій для спокойнаго развитія страны, чѣмъ большинство націи, не заинтересованное, по ошибочному мнѣнію противниковъ широкаго народнаго правленія, въ сохраненіи общественнаго порядка. Изъ такого убѣжденія исходило ея сопротивленіе всѣмъ реформамъ, которыя предлагались другою конституціонною партіею въ смыслѣ расширенія политической свободы, привлеченія большаго числа гражданъ къ участию въ управленіи общественными дѣлами, увеличенія круга избирателей, избираемыхъ, предоставленія большаго простора серьезному самоуправленію. Эта прогрессивная конституціонная партія не переставала высказывать, что конституціонализмъ можетъ окрѣпнуть лишь подъ однимъ условіемъ — проникновенія въ народныя массы его корней, обезпеченія имъ народу тѣхъ правъ и тѣхъ вольностей, которыя старый порядокъ дѣлалъ для него запрещеннымъ плодомъ. «Привлекайте къ конституціонализму какъ можно больше сторонниковъ, — говорила эта партія, — такъ какъ все то, что вы не привлечете къ себѣ, вы тѣмъ самымъ бросите въ объятія той немногочисленной группы, которая подняла уже знамя республики». Эта партія очень хорошо понимала, что упорное сопротивленіе, оказываемое примѣненію къ политической жизни истиннаго, а не бумажнаго только конституціонализма, будетъ имѣть своимъ прямымъ послѣдствіемъ усиленіе такихъ элемен-

товъ, которые не удовлетворяются даже и конституціонными началами.

Какому же изъ этихъ двухъ направленій принадлежали симпатіи новой династіи, короля Луи-Филиппа? Почти безошибочно можно сказать, что симпатіи эти принадлежали партіи сопротивленія. Забывая свое революціонное происхожденіе, новый король французовъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ этой партіей страхъ революціи. Этотъ страхъ революціи довель партію сопротивленія до того, что она стала отрицать самое существованіе іюльской революціи и всѣми средствами старалась заставить забыть о слишкомъ памятныхъ іюльскихъ дняхъ. Въ мемуарахъ Одилона Барро мы встрѣчаемъ текстуально переданный имъ разговоръ съ однимъ изъ корифеевъ партіи сопротивленія, съ знаменитымъ министромъ Казиміромъ Перье, разговоръ очень ярко обрисовывающій отношеніе двухъ враждебныхъ лагерей: «Несчастье этой страны, — сказалъ Казиміръ Перье, — заключается въ томъ, что существуетъ много такихъ людей какъ вы, господинъ Одилонъ Барро, которые воображаютъ, что во Франціи произошла революція. Нѣтъ, милостивый государь, во Франціи не было революціи, — произошла только перемѣна въ личности главы государства». — «А я утверждаю, — отвѣчалъ Одилонъ Барро, — что существуетъ гораздо большее несчастье: это то, что вы и ваши друзья полагаютъ, что не было революціи, и я боюсь поэтому, чтобы, вмѣсто одной, не было двухъ революцій». Партія, къ которой принадлежалъ Казиміръ Перье, до такой степени была поглощена страхомъ революціи, что она заботилась только объ одномъ, какъ бы поскорѣе уничтожить даже воспоминаніе о ней, помѣшать развитію ея естественныхъ послѣдствій. Если бы она могла ее вычеркнуть, она бы вычеркнула ее, — и во всякомъ случаѣ люди этой партіи дѣйствовали такъ, «какъ-будто бы ея никогда не существовало».

Король, съ своей стороны, говорилъ почти то же, что и люди партіи сопротивленія. Въ своемъ отступничествѣ отъ революціи, доставившей ему престолъ Франціи, онъ дошелъ до того, что въ письмѣ къ императору Николаю, стараясь заставить простить себѣ узурпаторство, онъ называлъ іюльскую революцію «катастрофою». Онъ охотно готовъ былъ вѣрить Гизо, говорившему съ трибуны, что новая династія была съ умысломъ избрана, «какъ самая близкая къ прежней», и онъ радъ былъ забыть знаменательныя слова, сказанныя въ отвѣтъ Гизо: «Между Луи-Филиппомъ и престоломъ былъ достаточный промежутокъ, чтобы вступленіе его на престолъ не носило характера наследствен-

ности. Его выбрали не потому, чтобы онъ принадлежалъ къ семейству, но — несмотря на то, что онъ былъ его членомъ — подъ условіемъ не только не походить на него, но существенно отъ него отличаться». Несмотря на явную симпатію новаго короля къ партіи сопротивленія, онъ былъ все-таки слишкомъ уменъ, чтобы всецѣло отдаться этому направленію; онъ не могъ не понимать, что если одна революція возвела его на престолъ, то другая можетъ также легко сорвать съ него корону. Вотъ почему, и особенно въ началѣ своего царствованія, онъ старался соблюдать равновѣсіе между двумя боровшимися между собою партіями, и своею разсчитанною податливостью не разъ предотвращалъ, казалось, готовый разразиться острый кризисъ.

Нельзя не признать, что положеніе правительства послѣ іюльской революціи было въ высшей степени затруднительное. Если легко установить конституціонную форму, то далеко не такъ легко дать жизнь истинному конституціонализму. Нація состоитъ изъ различныхъ общественныхъ слоевъ, часто враждебныхъ другъ другу элементовъ, преслѣдующихъ противоположныя стремленія, воодушевляемыхъ чуждыми другъ другу интересами. Чтобы конституціонная жизнь государства развивалась правильно, нужно если не соглашеніе, то, по крайней мѣрѣ, условное примиреніе этихъ враждебныхъ элементовъ, и при этомъ, разумѣется, задача правительства — громадная. Его поведеніе должно внушать всѣмъ партіямъ одинаковую увѣренность, что каждая изъ нихъ можетъ, безъ помѣхи со стороны правительства, бороться изъ-за преслѣдуемыхъ ею интересовъ на законной почвѣ; что для достиженія побѣды ни одна изъ нихъ не должна вступать на путь насилія и произвола; что правительство не станетъ пользоваться находящеюся въ его распоряженіи администраціею и вооруженною силою для доставленія торжества тому направленію, къ которому враждебно относится большинство націи. На первыхъ порахъ Луи-Филиппъ, понимая возбужденное состояніе страны, желалъ именно вселить увѣренность, что правительство іюльской монархіи предоставитъ всѣмъ партіямъ одинаковыя гарантіи, и потому въ заботѣ своей о сохраненіи равновѣсія между враждебными элементами первому образованному имъ министерству онъ далъ смѣшанный характеръ. Какъ партія сопротивленія, такъ и партія движенія имѣли въ немъ своихъ представителей, первая — въ лицѣ такихъ людей какъ Броль, Гизо, баронъ Луи, вторая — въ Лафиттѣ, Дюпонѣ и Од. Барро.

Смѣшанный составъ кабинета не удовлетворялъ, впрочемъ, ни

одной ихъ боровшихся между собою партій. Партія сопротивленія «законнымъ послѣдствіямъ» революціи была недовольна тѣмъ, что правительство входитъ въ компромиссы съ партіею движенія, которая, по ея мнѣнію, должна была быть выкинута за бортъ; послѣдняя же встрѣчала въ осуществленіи своихъ стремленій постоянное противодѣйствіе въ министрахъ, нежелавшихъ признавать въ іюльской революціи такого общественнаго переворота, который влечетъ за собою обновленіе и передѣлку всѣхъ государственныхъ учреждений. Въ этомъ различномъ пониманіи характера іюльской революціи крылся узелъ той борьбы, которая должна была продолжаться цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ и окончиться паденіемъ самой іюльской монархіи. Нужно, впрочемъ, сказать, что первый ея періодъ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ, до 1836 г., былъ едва ли не самый острый. Не много нужно было времени, чтобы послѣ ликованій и восторговъ, вызванныхъ быстро разразившейся и еще быстрѣе законченной революціи, общество снова очутилось въ состояніи напряженнаго ожиданія, всегда связаннаго съ неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Обѣ враждебныя партіи не желали складывать оружія. Партія сопротивленія духу коренного обновленія и государственныхъ учреждений и устарѣвшихъ принциповъ признавала, что замѣна одной династии другою исчерпала собою іюльскую революцію, и не желала понять, что если общество до революціи могло вполне удовлетвориться извѣстными либеральными мѣрами, тѣми или другими уступками, то послѣ революціи, стоившей и многихъ жертвъ и крови, тѣ же мѣры и тѣ же уступки окажутся уже недостаточными для успокоенія умовъ и водворенія порядка въ странѣ. То, что не понимала или не желала понять партія противодѣйствія естественнымъ послѣдствіямъ революціи, то прекрасно сознавала партія движенія впередъ на пути развитія государственныхъ учреждений. Она не уставала повторять, что государственная мудрость требуетъ своевременныхъ реформъ, что онѣ только тогда не обманываютъ возлагаемыхъ на нихъ упованій, только тогда не теряютъ ихъ спасительной силы, когда онѣ не предлагаются обществу въ качествѣ уже перезрѣлыхъ плодовъ, потерявшихъ уже всю сладость свѣжести. Являясь слишкомъ поздно, онѣ не въ силахъ болѣе удовлетворить раздраженное и взволнованное общество. Государственная мудрость требуетъ, говорила эта партія въ лицѣ своихъ представителей, чтобы правительство предупреждало требованія общества, чтобы оно дѣлало уступки не тогда, когда эти уступки являются вынужденными, а когда починъ ихъ ставится въ заслугу правительства.

Французская исторія изобилуетъ трагическими примѣрами слишкомъ позднихъ уступокъ, обходившихся чрезмѣрно дорого и обществу и самой власти, и эти примѣры припоминались іюльской монархіи чуть не съ первыхъ дней ея существованія. Мораль, которую выводили изъ примѣровъ исторіи Франціи, была чрезвычайно проста. Всякая существующая правительственная система слишкомъ склонна считать себя непогрѣшимою и вѣчною; она не замѣчаетъ, какъ съ теченіемъ времени она постепенно дряхлѣетъ, и въ силу такой дряхлости поражается слѣпотою; благодаря этой слѣпотѣ, она считаетъ себя всесильною въ то время, когда часть ея разрушенія уже пробилъ. Если бы предшествовавшая іюльской монархіи система, въ основѣ которой лежало непреодолимое стремленіе къ неограниченной власти, въ свое время сознала, что принципъ неограниченной власти долженъ уступить мѣсто принципу прямо противоположному,—тогда переходъ отъ старой системы къ системѣ правдиваго конституціонализма совершился бы безъ тѣхъ потрясеній, кровавый слѣдъ которыхъ не исчезаетъ долгое время. Если примѣры прошлаго не были убѣдительны для правительства іюльской монархіи, то уже то, что совершилось на его глазахъ, должно было убѣдить его въ справедливости того положенія, которое защищала партія движенія.

Но противоположная партія имѣла на своей сторонѣ сочувствія новаго короля, желавшаго поскорѣе забыть свое революціонное происхожденіе, и потому мало расположеннаго подчиняться вліянію людей передовой партіи, желавшихъ, чтобы между реставраціей и іюльской монархіей была порвана всякая связь. Для этого прежде всего требовалось распушеніе палаты, избранной до революціи, и умѣвшей заслужить крайнюю непопулярность присвоеніемъ себѣ непринадлежавшихъ ей правъ. Ей не могли простить поверхностной и крайне поспѣшной передѣлки конституціи; насмѣшливое прозвище, данное іюльской конституціи — *charte bâclée* служило выраженіемъ того всеобщаго пренебреженія, съ которымъ относилось общество къ законодательной работѣ не уполномоченной на то палаты. Ей не могли простить произвольнаго возведенія на престолъ Луи-Филиппа, на что, разумѣется, палата была еще менѣе уполномочена націею. Палата прекрасно сознавала всю невыгоду для новой монархіи такого враждебнаго къ себѣ отношенія и старалась уменьшить свою непопулярность изданіемъ либеральныхъ законовъ, которые до революціи вызвали бы въ странѣ всеобщую радость и ликованіе. Въ числѣ первыхъ ре-

формъ было распространіе суда присяжныхъ на проступки печати и главнымъ образомъ на всѣ политическія преступленія. Эта послѣдняя мѣра имѣла безспорно весьма важное значеніе. Франція не забыла тѣхъ чрезвычайныхъ судовъ и чрезвычайныхъ мѣръ, которыя прошли черною полосою въ исторіи реставраціи, возбуждая всеобщее негодованіе не противъ преслѣдуемыхъ, а противъ преслѣдователей. Правительство іюльской монархіи хотѣло прежде всего заявить, что съ какими бы препятствіями ему ни пришлось бороться, оно не возьмется за то оружіе, которое составляло позоръ реставраціи. Въ этомъ отношеніи, и особенно на первыхъ порахъ, іюльская монархія была далека отъ лицемѣрія. Движеніе, вызванное іюльскими событіями, не улеглось. Несбывшіяся надежды однихъ, обманутыя ожиданія другихъ, поддерживали возбужденіе, среди котораго правительству приходилось бороться съ самыми противоположными элементами. Республиканцы тянули впередъ, легитимисты назадъ; тѣ и другіе не оставались въ бездѣйствіи, и дѣятельность ихъ выражалась во всевозможныхъ манифестаціяхъ, одинаково враждебныхъ правительству и неминуемо вызывавшихъ судебныя преслѣдованія. Новый законъ передалъ всѣ такія дѣла на судъ самаго общества въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей.

Рядъ другихъ законовъ и мѣръ, принятыхъ палатою и носившихъ на себѣ печать примиренія, какъ-то отмѣна ненавистныхъ законовъ реставраціи объ оскорбленіи церкви, освобожденіе періодической печати, пять милліоновъ франковъ, вотиrowанныхъ на общественныя работы, съ цѣлію придти на помощь рабочему люду, матеріально пострадавшему отъ революціи, не могли все-таки примирить общество съ непопулярною палатою, которую правительство упорно не распускало. Благодаря этому, непопулярность палаты заражала собою и правительство, и не прошло двухъ мѣсяцевъ съ минуты возникновенія іюльской монархіи, какъ уже многіе ставили тревожный вопросъ: проченъ ли порядокъ, импровизированный іюльскими днями? Въ зловѣщихъ признакахъ недостатка не было.

Наиболѣе страстные элементы Парижа пользовались всѣми поводами, и крупными, и мелкими, для устройства манифестацій, всегда имѣвшихъ вызывающій характеръ. Сегодня—собирались тысячи народа, чтобы чествовать память защитниковъ свободы времени реставраціи и украсить Пантеонъ бюстами Фoa и Манюэля, этихъ горячихъ борцовъ въ дѣлѣ защиты народныхъ правъ противъ назойливыхъ опекуновъ; завтра—среди многолюдной толпы произносились пламенные рѣчи въ честь четырехъ сержантовъ

Ларошеля, погибшихъ отъ руки палача за государственное преступленіе, превратившееся чрезъ нѣсколько лѣтъ спустя въ государственный подвигъ. Каждая недѣля, каждый день приносила съ собою новое волненіе, причину котораго не трудно было уяснить: партія передовая опасалась, что новая монархія намѣрена идти по стопамъ стараго порядка, она не видѣла достаточно осязательныхъ переменъ въ устройствѣ государственнаго механизма и потому постоянно повторяла себѣ:—не нужно складывать оружія, иначе мы будемъ обмануты! Въ дѣйствительности же направленіе внутренней политики значительно измѣнилось, и король имѣлъ право писать: «Преслѣдованія прекратились, личная свобода и безопасность существуетъ для всѣхъ гражданъ, во всей ихъ полнотѣ, люди всѣхъ партій, всѣхъ убѣжденій, всѣхъ классовъ могутъ свободно двигаться, «черные кабинеты» болѣе не существуютъ, тайна писемъ сохраняется самымъ строгимъ образомъ, никто не преслѣдуется за свои мнѣнія, каковы бы они ни были...» Безъ сомнѣнія, все это означало значительный успѣхъ въ конституціонной жизни. Такая реформа могла бы предохранить Бурбоновъ отъ окончательнаго крушенія, но къ новой монархіи, основанной революціею, предъявлялись совсѣмъ иныя требованія, чѣмъ къ реставраціи.

Ни палата, ни министерство, заключавшее въ себѣ такихъ людей, какъ Гизо, Броль и Молé, не были склонны дать этимъ требованіямъ законное удовлетвореніе. Признавая, что іюльская революція была исчерпана замѣною одной династіи другою, они, очевидно, не желали допустить логическаго развитія всѣхъ послѣдствій совершившагося переворота и употребляли, напротивъ, всѣ свои усилія, чтобы остановить стремленія къ существеннымъ передрѣлкамъ въ старомъ зданіи. Ради этой цѣли они готовы были вступить въ немедленную и рѣшительную борьбу съ тѣми самыми элементами, благодаря которымъ они и достигли только власти. Такая политика неизбѣжно раздражала страсти, и раздраженіе это сказалось съ особою силою въ движеніи, грозившемъ серьезною опасностью новой монархіи,—движеніи, вызванномъ знаменитымъ въ исторіи Франціи процессомъ министровъ Карла X.

Когда задолго подготовлявшееся нападеніе на народныя вольности встрѣтило неожиданный мощный отпоръ парижскаго населенія, тогда злополучные министры, подписавшіе роковые для реставраціи іюльскіе указы, опасаясь взрыва народнаго негодованія, рѣшились бѣжать изъ Франціи, чтобы найти себѣ безопасный пріютъ на чужбинѣ. Они очень хорошо знали, что они, эти «новыя жертвы революціоннаго духа», будутъ съ почетомъ

приняты любымъ изъ абсолютныхъ европейскихъ правительствъ, и въ которыхъ въ то, еще недавнее, время далеко не было недостатка. Эти люди могли оказаться полезными на случай борьбы съ Франціей,—съ этимъ, какъ говорилось тогда, революціоннымъ гнѣздомъ. Не всѣмъ однако изъ этихъ министровъ, послѣднихъ могижанъ стараго порядка, удалось осуществить свой планъ бѣгства. Четверо изъ нихъ, съ княземъ Полиньякомъ во главѣ, были задержаны, арестованы и препровождены въ Vincennes, небольшую крѣпость вблизи Парижа.

Арестъ послѣднихъ министровъ реставраціи не былъ радостенъ ни для новаго короля, ни для новаго двора, ни для новаго министерства. Всѣ они сознавали какъ нельзя лучше, что этотъ арестъ доставилъ имъ тяжелую обузу. Новый король, во время своей молодости бывшій ревностнымъ членомъ клуба якобинцевъ, теперь, добившись короны, больше всего думалъ о томъ, какъ бы не раздражать абсолютныхъ монарховъ Европы, и потому естественно страшился суда надъ министрами Карла X, такъ какъ смертный приговоръ казался самымъ вѣроятнымъ исходомъ подобнаго процесса. А казнь, совершенная надъ министрами, подписавшими іюльскіе указы, несомнѣнно вызвала бы негодованіе среди монарховъ европейскихъ государствъ, которые никогда бы не простили ея Луи-Филиппу, желавшему всѣхъ увѣрить, что онъ занялъ «свободный» тронъ Франціи только съ тою цѣлю, чтобы предохранить свое отечество отъ разгула революціонныхъ страстей.

Министерство не менѣе короля тяготилось арестомъ министровъ. Вопросъ объ ихъ участи вызывалъ разногласіе среди перваго министерства іюльской монархіи. Представители партіи движенія понимали очень хорошо, что замаять ожидаемый Франціею процессъ министровъ невозможно, что непреданіе ихъ суду вызоветъ крайнее неудовольствіе, усиленное волненіе, опасное для неупрочившагося еще трона. Представители же партіи «сопротивленія» болѣе всего страшились суда надъ бывшими министрами Карла X. Мысль, что они будутъ присуждены къ смертной казни, и что воздвигнутые эшафоты будутъ какъ-бы эмблемой того, что революція не завершилась, приводила ихъ въ трепетъ не столько изъ-за страха за судьбу вѣрныхъ слугъ «стараго порядка», сколько изъ опасенія, чтобы вызванная этимъ процессомъ волна страстей не унесла съ собою ихъ любимой, хотя и ложной въ своемъ существѣ идеи, что іюльская революція ничего не измѣнила въ политическомъ устройствѣ Франціи, кромѣ имени короля.

Пока въ смѣшанномъ министерствѣ, образовавшемся послѣ разгрома реставраціи, шла упорная борьба между двумя противоположными направленіями, вопросъ объ арестованныхъ министрахъ былъ ребромъ поставленъ въ палатѣ депутатовъ. Одинъ изъ депутатовъ, именно Сальвертъ, внесъ предложеніе о немедленномъ преданіи суду министровъ, подписавшихъ іюльскіе указы, какъ направленныхъ къ уничтоженію тѣхъ немногихъ вольностей, которыя должна была гарантировать народу конституція 1815 года. Обвиненіе формулировалось очень ясно: — измѣна народу въ угоду королевской власти. Какъ отвѣтъ на предложеніе Сальверта, другой депутатъ Траси внесъ въ палату предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни. Во всякую другую минуту такое предложеніе встрѣчено было бы общимъ сочувствіемъ, и едва ли въ цѣлой Франціи нашлось бы много людей, которые рѣшились бы возвысить свой голосъ противъ такого гуманнаго предложенія. Но теперь было иначе. Цѣль, съ которой внесено было это предложеніе, была слишкомъ прозрачна; всѣ понимали, что его происхожденіе крылось въ страхѣ за жизнь непопулярныхъ министровъ, а такая цѣль естественно должна была вызвать ропотъ среди населенія. Авторъ этого предложенія и палата депутатовъ, принявшая его, не остановились однако передъ несвоевременностью такой мѣры и вотировали адресъ королю съ просьбою принять на себя инициативу отмѣны смертной казни. Изворотливымъ политикамъ дѣло казалось улаженнымъ, головы министровъ-измѣнниковъ спасены безъ того, чтобы нужно было прибѣгать къ какимъ-нибудь исключительнымъ мѣрамъ. Новый король ликовалъ, и въ своемъ отвѣтѣ депутаціи, явившейся къ нему для представленія адреса, высказалъ свое отвращеніе къ смертной казни, въ особенности по политическимъ дѣламъ. «Желаніе, которое вы мнѣ выражаете, давно уже таилось въ моемъ сердцѣ. Свидѣтель, во времена моей молодости, страшнаго злоупотребленія, которое дѣлалось изъ смертной казни въ политическихъ дѣлахъ, и всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя произошли отсюда для Франціи и для человѣчества, я постоянно и горячо желалъ отмѣны смертной казни. Воспоминаніе объ этомъ времени бѣдствій и тяжелыхъ чувства, угнетающія меня, когда я мысленно къ нему возвращаюсь, должны служить вамъ лучшимъ ручательствомъ моей готовности съ возможною быстротою представить проектъ закона, который отвѣчалъ бы вашему желанію. Что же касается моего желанія, то оно только тогда всецѣло осуществится, когда намъ удастся вычеркнуть изъ нашего законодательства всѣ тѣ наказанія и всѣ тѣ жестокости, которыя про-

тивны чувству гуманности и современному состоянію цивилизаціи». Такъ говорилъ бывший ревностный членъ клуба якобинцевъ, сдѣлавшійся теперь королемъ Франціи, и, надо прибавить, говорилъ искренно, такъ какъ во все время его царствованія, ознаменовавшееся цѣлымъ рядомъ покушеній противъ его жизни, ни разу смертная казнь не была отвѣтомъ на цареубійство.

Убѣжденіе, что смертная казнь по политическимъ дѣламъ составляетъ позоръ для Франціи, находило себѣ самыхъ горячихъ и ревностныхъ защитниковъ. Убѣжденіе это особенно усилилось съ той поры, когда реставрація, всюду раскрывавшая заговоры, направленные къ уничтоженію существующаго порядка и имѣвшіе, какъ говорилось, лозунгомъ уничтоженіе государственныхъ основъ, т.-е. религіи, собственности и семьи, представляла собою столько же постыдное, сколько и прискорбное зрѣлище правительства, думавшаго замѣнить отсутствіе нравственнаго авторитета суровыми чрезвычайными мѣрами, среди которыхъ смертная казнь находила себѣ слишкомъ широкое примѣненіе. Люди съ большимъ авторитетомъ и самые строгіе консерваторы, но консерваторы европейцы, съ энергіею вставали противъ этихъ политическихъ убійствъ, совершаемыхъ правительствомъ въ надеждѣ предохранить свой дряхлый организмъ отъ окончательнаго разложенія. Тщетная надежда! «Можетъ-ли такая суровость,—говорилъ одинъ изъ такихъ консерваторовъ Гизо,—казаться обществу естественною, и инстинктъ этого общества признаетъ ли ее необходимою? Его ничто не убѣдитъ, что правительство поставлено въ необходимость убивать человѣка, а если такая необходимость дѣйствительно существуетъ, то общество признаетъ, что самое правительство дурно. И пусть въ этомъ не обвиняютъ недоброжелательство по отношенію къ власти, ни распущенность нравовъ; истинная причина такого впечатлѣнія кроется въ неясномъ, но глубокомъ сомнѣніи какъ относительно пользы, такъ и справедливости смертной казни. Въ той или другой партіи, едва ли теперь найдется человѣкъ, который, послѣ совершенія смертной казни надъ политическимъ преступникомъ, считалъ бы общественное спокойствіе болѣе обезпеченнымъ и само правительство болѣе прочнымъ; напротивъ, каждый почувствуетъ меньше довѣрія къ силѣ власти точно такъ же, какъ и къ будущности общества; и эта убыль довѣрія явится результатомъ не столько заговоровъ, сколько послѣдствіемъ смертныхъ казней...» Люди, предлагавшіе уничтоженіе смертной казни по политическимъ преступленіямъ, имѣли за себя богатый опытъ исторіи послѣднихъ сорока лѣтъ общественной жизни

Франціи, въ теченіи которыхъ взглядъ на то, что составляетъ политическое преступленіе, такъ рѣзко и вмѣстѣ такъ радикально измѣнялся. Они знали очень хорошо, что то, что сегодня зовется преступленіемъ, быть можетъ, завтра будетъ возвеличено какъ гражданскій подвигъ; они понимали, что смертная казнь въ дѣлахъ политическихъ всегда является только местию болѣе сильныхъ надъ болѣе слабыми, побѣдителей надъ побѣжденными. Безнравственность политическихъ преступленій, говорили люди, предлагавшіе уничтоженіе смертной казни, есть чисто условная, зависящая отъ времени, событій, силы или ничтожества, мудрости или недальновидности правительства. «Едва-ли,—доказывалъ Гизо,—найдется какой-либо самый невинный или даже заслуживающій похвалы поступокъ, который въ то или другое время, въ томъ или другомъ мѣстѣ, не признавался бы преступнымъ... Во время французскаго террора, одинъ изъ неумолимыхъ его судей обращается къ подсудимому, ожидавшему смертнаго приговора, со словами: Развѣ вы не знаете, что законъ запрещаетъ посылать деньги эмигрантамъ?—Я его знаю, отвѣчалъ подсудимый, но я зналъ другой, болѣе старинный законъ, который запрещалъ мнѣ оставлять безъ помощи моихъ дѣтей! То, что было правдой въ 1793 году,—замѣчаетъ суровый государственный человѣкъ іюльской монархіи,—всегда останется правдой, несмотря ни на какія уложенія, несмотря ни на какую власть. Идея не гильотинируется, не разстрѣливается, не вѣшается, у дурного правительства есть только одно орудіе бороться противъ возстающей противъ него идеи, это перестать быть дурнымъ и постараться сдѣлаться такимъ, чтобы самыя политическія преступленія потеряли подъ собою всякую почву». Въ аргументахъ противъ смертной казни по политическимъ преступленіямъ у тѣхъ, которые требовали ея отмены, недостатка не было; они доказывали, что, прибѣгая къ смертной казни, всякое правительство теряетъ свой нравственный авторитетъ, что оно становится исключительно на почву грубой силы, и что тогда исчезаетъ всякое различіе между правительствомъ и его врагами; какъ первое имѣетъ право защищаться, такъ послѣдніе имѣютъ право на него нападать; «какъ правительство лжетъ, требуя повинновенія, такъ лгутъ его враги, требуя правосудія». Когда правительство прибѣгаетъ къ смертной казни въ политическихъ преступленіяхъ, тогда на право должно быть брошено покрывало, его мѣсто заступаетъ междоусобная война, которая если не оправдываетъ, то объясняетъ всяческія насилія какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Масса общества остается въ сторонѣ отъ политическихъ преступленій, она можетъ

имъ не сочувствовать, можетъ порицать ихъ, но она одинаково, при нѣкоторомъ политическомъ развитіи, не можетъ сочувствовать воздвигающимся повсюду эшафотамъ и мало-по-малу отворачивается отъ правительства, которое остается одиноко, и, не поддерживаемое содѣйствіемъ общественныхъ силъ, начинаетъ все болѣе и болѣе быстро катиться по наклонной плоскости, пока, наконецъ, не погибнетъ отъ собственнаго безсилія. Таковы въ общихъ чертахъ были аргументы всѣхъ тѣхъ, которые требовали во Франціи отмѣны смертной казни по всѣмъ политическимъ преступленіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это столько же гуманное, сколько и политическое требованіе встрѣтило бы во всякое другое время одинъ только крикъ сочувствія, но, къ несчастію, моментъ, избранный для этого предложенія, былъ какъ нельзя болѣе неудаченъ.

Парижское населеніе, какъ всегда очень чуткое къ политическому положенію, и недовольное тѣмъ оборотомъ, какой получила іюльская революція, предоставившая власть въ руки людей, не желавшихъ въ совершенномъ переворотѣ видѣть ничего иного, какъ замѣну одной династіи другою, отнеслась съ крайнимъ подозрѣніемъ къ предложенію объ отмѣнѣ смертной казни. Оно увидѣло въ немъ только ловкій маневръ для спасенія четырехъ головъ послѣднихъ министровъ реставраціи, не остановившихся передъ пролитіемъ крови парижскаго населенія ради мечты — возстановленія королевской власти во всей ея прежней силѣ. Рабочее населеніе, обманутое въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, и подозрѣвая желаніе оставить безнаказанными тѣхъ, благодаря которымъ улицы Парижа въ продолженіи трехъ дней обогрѣлись кровью народа, пришло въ волненіе и въ предложеніи объ отмѣнѣ смертной казни увидѣло только измѣну. Правительство заодно съ Полиньякомъ и остальными министрами Карла X — вотъ лозунгъ, облетѣвшій, какъ молнія, весь Парижъ. Несмѣтныя массы народа бросились къ Пале-Роялю, гдѣ жилъ еще Луи-Филиппъ и подъ его окнами прогремѣлъ страшный крикъ: смерть министрамъ! смерть Полиньяку! Та же толпа, предшествуемая горящими факелами, двинулась по направленію къ форту Vincennes, гдѣ содержались арестованные министры, и тѣ же зловѣщіе крики должны были слышать трепетавшіе за свою жизнь виновники іюльскихъ событій.

Въ это самое время, когда грозныя толпы двигались отъ дворца къ крѣпости, правительство находилось въ самой крайней нерѣшительности. Почва колебалась у него подъ ногами; каждую минуту оно ожидало, что нахлынувшая народная волна смететъ

его въ нѣсколько часовъ, оно терялось, не зная къ чему прибѣгнуть — къ мѣрамъ ли строгости, которыя защищала партія «сопротивленія», или къ уступчивости, которой требовали люди, не желавшіе тормазить движенія впередъ. Іюльская монархія на первыхъ же шагахъ платилась за ту двусмысленную политику, которую она усвоила себѣ благодаря вліянію узко-консервативной партіи. Понимая невозможность идти по стопамъ реставраціи и постоянно сдерживать желѣзною уздою законное стремленіе народа освободиться изъ-подъ тяжелой правительственной опеки, она въ то же самое время боялась смѣло вступить на путь реформъ, необходимость которыхъ не могла не сознаваться обществомъ, пережившимъ великій переворотъ 1789 года. Правительство, которое такъ легко могло сдѣлаться самымъ популярнымъ, возбуждало теперь одну злобу и недовѣріе, что случилось для него съ самаго начала дурнымъ предзнаменованіемъ. Расколъ, существовавшій съ первыхъ же дней въ правительственномъ лагерѣ, усилился; Гизо, герцогъ Бролий, Луи стали прямо во враждебное положеніе къ Лафитту, Дюпону, Лафайету; словомъ, партія «сопротивленія» не могла больше мириться съ партією «движенія», и новому королю приходилось дѣлать выборъ между тѣми и другими. Выборъ не могъ быть сомнителенъ, опасность народнаго движенія была слишкомъ близка, ее нужно было парировать прежде всего; страхъ за свой колеблющійся престолъ принудилъ короля разстаться съ людьми, упорно ставившими права королевской власти выше правъ народа, или по крайней мѣрѣ противившимися ихъ расширенію. Когда Гизо, герцогъ Бролий, извѣстный министръ финансовъ баронъ Луи поняли опасность начинавшейся бури, они поспѣшили до поры до времени сложить съ себя званіе министровъ, и своей отставкой дали нѣкоторое успокоеніе взволнованному обществу. Такъ пало первое смѣшанное министерство, которое своимъ внутреннимъ раздоромъ причинило только одинъ вредъ молодому конституціонному механизму.

VII.

Бура улеглась, правительство поспѣшило заявить, что предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни представляется преждевременнымъ, и что нормальный ходъ правосудія относительно послѣднихъ министровъ реставраціи ничѣмъ не будетъ нарушенъ. Такимъ образомъ, благодаря тому, что отмѣну смертной казни по политическимъ преступленіямъ захотѣли связать съ судьбою пре-

ступныхъ министровъ, это гуманное предложеніе не могло быть осуществлено. Король, въ видахъ успокоенія страны, поручилъ составленіе новаго кабинета популярному въ то время банкиру Лафитту, принадлежавшему къ партіи «движенія». Въ дѣйствительности Лафиттъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, это не былъ человѣкъ, стоявшій на высотѣ пониманія той задачи, которая являлась обязательною для правительства, вышедшаго изъ революціи. Правда, онъ являлся однимъ изъ лучшихъ представителей буржуазіи того закала, которая выставила сильную оппозицію въ эпоху реставраціи. Лафиттъ признавалъ, что верховная власть должна принадлежать народу, но народъ для него заключался только въ среднемъ, разбогатѣвшемъ сословіи, и право участія въ общественныхъ дѣлахъ должно было, по его мнѣнію, принадлежать только тѣмъ, кто способенъ много платить. Если, слѣдовательно, Лафиттъ не принадлежалъ къ числу людей, которые способны двинуть государство на путь широкихъ преобразованій, — за то онъ и не принадлежалъ къ той партіи «сопротивленія», которая стремилась ограничивать народныя вольности только изъ опасенія, чтобы эти вольности, при извѣстномъ просторѣ, не зашли слишкомъ далеко. Передовая партія не могла считать его своимъ человѣкомъ, но она знала, что его любовь къ популярности можетъ повести его дальше, чѣмъ то отвѣчало бы его убѣжденіямъ. Словомъ, Лафиттъ представлялъ собою элементъ примиренія, и этимъ исчерпывалась его роль.

Всѣ сознавали, впрочемъ, что министерство Лафитта имѣетъ только значеніе переходнаго министерства, на которомъ лежала задача спокойно провести опасный процессъ министровъ Карла X. Переходный характеръ этого министерства сказывался уже и въ томъ, что министерство Лафитта въ дѣйствительности опять не было однородно, такъ какъ въ немъ участвовалъ одинъ изъ самыхъ близкихъ королю людей, генераль Себастіани, принадлежавшій всецѣло лагерю партіи «сопротивленія». Помимо этого, самъ Лафиттъ не внесъ съ собою никакой новой программы; напротивъ, въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій палаты, онъ произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что разладъ, обнаружившійся въ павшемъ министерствѣ, не имѣлъ серьезнаго значенія и вызванъ былъ второстепенными вопросами. Словомъ, Лафиттъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы ступевать различіе между политикою стараго кабинета и новаго. «Единственное несогласіе, которое существовало, заключалось въ способѣ оцѣнивать и направлять революцію 1830 года; не всѣ одинаково думали, что она непремѣнно должна выродиться въ анархію, и

что тотчасъ необходимо принять мѣры противъ нея, выказать ей недовѣріе и вражду; за исключеніемъ этого общаго разногласія, никакое коренное различіе въ системѣ не раздѣляло членовъ послѣдняго кабинета... Намъ говорили, намъ повторяли, насъ заставили вѣрить, что довѣріе къ революціи есть лучший залогъ, лучшее условіе для того, чтобы имѣть возможность руководить ею. Быть можетъ, тѣ, которые это утверждали, и правы, быть можетъ, лучше, чтобы понять и руководить революцію, — это не страшится ея, не приходитъ въ ужасъ... Эта рѣчь была приговоромъ надъ кабинетомъ Лафитта, тѣмъ болѣе, что она служила отвѣтомъ на рѣчь Гизо, въ которой онъ смѣло выставлялъ начало, что все различіе между реставраціей и іюльской монархіей должно было заключаться въ большемъ уваженіи къ хартии. Трудно было менѣе понимать смыслъ іюльской революціи. Лафиттъ своимъ отвѣтомъ показалъ, что у него не было въ запасѣ никакой системы, и что передовая партія не могла на него разсчитывать. Между тѣмъ, отвѣтъ, который долженъ былъ данъ на слова главы доктринеровъ, былъ совершенно ясенъ: дѣло не въ той или другой династіи, а въ тѣхъ или другихъ принципахъ, которыхъ придерживается правительство. Правительство божественнаго права полагаетъ, что извѣстная доля свободы, предоставленная имъ народу, есть уступка власти, уступка, за которую народъ обязанъ благодарностью, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности не извѣстная доля свободы, а вся свобода есть неотъемлемое право народа, на которое никто не имѣетъ права посягать. Эта «вся свобода» предполагаетъ цѣлый рядъ свободъ: строгое огражденіе личной безопасности отъ административнаго произвола, святость жилища, свободу вѣроисповѣданія, свободу высказывать свою мысль, т.-е. свободу печати и собраній. Эти вольности могутъ быть гарантированы не чѣмъ инымъ, какъ свободными учрежденіями, серьезнымъ народнымъ представительствомъ, причемъ рядомъ съ волею такого представительства не стояло бы ничьей другой воли. Такой отвѣтъ и былъ данъ въ палатѣ, только не главою министерства, а однимъ изъ вновь избранныхъ въ то время депутатовъ, Одиллономъ Барро, человѣкомъ, принадлежавшимъ не болѣе какъ только къ умѣренной либеральной партіи, но понимавшимъ, что для іюльской монархіи нѣтъ другого выбора, какъ искренній конституціонализмъ или гибель. Въ одно время съ Одиллономъ Барро вступилъ въ палату депутатовъ другой, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, который долженъ былъ играть такую значительную роль въ исторіи французскаго конституціонализма, человѣкъ, котораго имя уже было извѣстно всей Фран-

ціи, благодаря его «Исторіи французской революціи» и той роли, которую онъ игралъ, какъ въ послѣдніе мѣсяцы реставраціи, рѣзко нападая на правительство въ редактируемой имъ вмѣстѣ съ Минье и Арманъ Каррелемъ газетѣ «National», такъ и въ рѣшительные іюльскіе дни, когда онъ первый подписалъ свое имя на протестъ журналистовъ противъ іюльскихъ указовъ. Человѣкъ этотъ былъ Адольфъ Тьеръ. Онъ вошелъ въ министерство Лафитта, занявъ для начала скромный постъ товарища министра финансовъ.

Вступленіе Тьера не усилило министерства Лафитта—и по очень простой причинѣ. Тьеръ занялъ зависимое положеніе, онъ не рѣшался выступать на трибуну ни по одному жгучему вопросу, онъ присматривался къ своей новой роли, изучалъ представительное собраніе, и пробовалъ свои ораторскія способности въ финансовыхъ вопросахъ второстепенной важности. Первые дебюты его были неособенно удачны, онъ не умѣлъ справляться съ словомъ, рѣчи его были заученныя, произносились дурно, впечатлѣнія на палату онъ не производилъ. Тѣмъ съ большимъ усердіемъ принялся онъ за изученіе самыхъ серьезныхъ финансовыхъ вопросовъ, понимая хорошо, что финансы — это ключъ всѣхъ политическихъ событій. Была, впрочемъ, и другая причина, заставлявшая Тьера держаться до поры до времени въ сторонѣ отъ тѣхъ горячихъ схватокъ, которыя чуть не каждый день возникали въ палатѣ—Тьеръ сознавалъ непрочность министерства, и ему не хотѣлось преждевременно компрометтировать свое положеніе, рѣзко становясь подъ знамена той или другой партіи. Онъ выжидалъ минуты, пока политическое положеніе настолько обрисуется, что будетъ ясно, на сторонѣ какой изъ двухъ партій окажется очевидный перевѣсъ. Нужно сказать, впрочемъ, что ему и не пришлось выжидать слишкомъ долго.

Министерство Лафитта, выступивъ на сцену безъ опредѣленной программы, очень быстро стало терять почву подъ ногами. Первый ударъ ему былъ нанесенъ палатой, въ большинствѣ своемъ состоявшей изъ людей, избранныхъ въ послѣдніе дни реставраціи, и вовсе не желавшихъ коренныхъ реформъ, могущихъ пошатнуть положеніе буржуазіи. Эта палата избрала своимъ президентомъ наиболѣе рѣшительнаго сторонника партіи «сопротивленія», будущаго суроваго министра Казиміра Перье. Министерство Лафитта, ужаленное этимъ избраніемъ, вмѣсто того, чтобы выступить рѣшительнѣе противъ реакціоннаго духа палаты, и если нужно, пасть съ честью, стало заискивать у палаты и внесло проектъ непопулярнаго закона о штемпельномъ налогѣ на

журналы. «Я полагаю, говорилъ одинъ изъ депутатовъ династической оппозиціи, — что залоги, штемпельные сборы, эти преграды свободѣ печати, — могутъ быть необходимы только тамъ, гдѣ правительство находится во враждѣ съ національными интересами, которымъ печать оказываетъ могущественную поддержку; но что тамъ, гдѣ правительственная система почерпаетъ свою силу и свои принципы въ національных интересахъ, нѣтъ нужды защищаться противъ свободы печати; что, напротивъ, правительство должно взывать къ этой свободѣ, чтобы увеличить свою энергію и дать возможность проникнуть во всѣ классы общества могущественному голосу разума, который можетъ быть услышанъ только благодаря свободѣ печати». И въ этотъ разъ голосъ разума не былъ услышанъ, и законъ былъ принятъ палатой.

Паткость министерства, вслѣдствіе неопредѣленности его программы, ультра-консервативный духъ палаты, не желавшей поступиться правами буржуазіи, лицемеріе короля-буржуа, желавшаго не только царствовать, но и управлять — громко говорили, что принципы истиннаго и широкаго представительства не были усвоены новою монархіею, вышедшею изъ баррикадъ, и что борьба изъ-за конституціонализма далеко еще не окончена. Такое положеніе вещей не могло, само собою разумѣется, дѣйствовать успокоительно на взволнованные умы парижскаго населенія, которое довольно справедливо задавалось вопросом: гдѣ же тѣ результаты трехдневной кровавой борьбы, стоившей такъ дорого народу? Результатовъ не только не было видно, но ихъ въ дѣйствительности пока еще и не было, и потому передовая партія, руководившая іюльской революціею, и оттертая послѣ побѣды на задній планъ, вполне основательно не хотѣла сложить оружія и рѣшилась постоянно напоминать о своемъ существованіи. Такое враждебное настроеніе какъ передовой партіи, такъ и рабочихъ классовъ парижскаго населенія, которые ясно видѣли, что ихъ руками другіе загребали весь жаръ, при постоянномъ колебаніи короля, министерства и палаты, дѣлало то, что каждое мало-мальски выдающееся событіе подавало поводъ однимъ къ новымъ надеждамъ, другимъ къ старымъ опасеніямъ, что изъ неостывшаго еще пепла снова покажется искра и опять разгорится революціонное движеніе. Однимъ изъ такихъ поводовъ была смерть Бенжамена Констана, одного изъ талантливыхъ писателей и искусныхъ ораторовъ Франціи. Несмотря на всѣ личныя слабости, какъ тщеславіе, бѣшеное самолюбіе, Бенжамень Констанъ сослужилъ не одну службу раз-

вѣтію политической свободы во Франціи. Одинъ изъ вождей оппозиціи во время реставраціи, наносившій не разъ могучіе удары монархическому принципу, онъ, съ водвореніемъ іюльской монархіи, съ-разу увидѣлъ, что борьба изъ-за новаго принципа — верховной власти народа, далеко еще не могла считаться оконченною, и не разъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ краснорѣчиво доказывалъ, что принятыя мѣры къ стѣсненію свободы и то направленіе, которое усвоивается правительственной политикой, должны будутъ привести іюльскую монархію къ такой же катастрофѣ, какъ та, въ которой погибла старшая линія Бурбоновъ, похоронившая вмѣстѣ съ собою и самый монархическій принципъ во Франціи.

Когда вѣсть о смерти этого страстнаго борца за свободу разнеслась по Парижу, передовая партія рѣшилась воспользоваться его похоронами, чтобы вызвать внушительную манифестацію, имѣвшую для правительства весьма недвусмысленный характеръ. Лѣвая сторона палаты пожелала присоединиться къ манифестаціи, и правая не могла противодѣйствовать желанію почтить память человѣка, пользовавшагося громкой славой политическаго дѣятеля. Палата прекратила свои засѣданія, на его кресло былъ положенъ вѣнокъ, прахъ его долженъ былъ быть положенъ въ храмъ великихъ людей — въ Пантеонъ, погребеніе его должно было совершиться съ необычайнымъ торжествомъ. Несмѣтныя массы народа собрались провожать тѣло Бенжаменъ Констана, стеклась вся университетская молодежь, политехническая школа и другія высшія учебныя заведенія, сошлись корпорации рабочихъ, всевозможныя общества, которыми кишѣла тогда вся Франція, словомъ — все, что было живого, сильного, молодого, пристало къ этой манифестаціи. Молодежь выпрягла изъ колесницы лошадей и повлекла ее съ криками: въ Пантеонъ, въ Пантеонъ! Это зданіе, превращенное въ церковь, не было еще готово для того, чтобы сдѣлаться кладбищемъ людей, заслужившихъ благодарность отечества, и потому префектъ города Одиллонъ Барро употребилъ всѣ свои усилія и извѣстное вліяніе, чтобы кортежъ направился къ тому кладбищу, гдѣ долженъ былъ быть временно похороненъ знаменитый другъ г-жи Сталь.

Цѣлый день правительство находилось въ трепетѣ, ожидая, что тревожная манифестація превратится въ начало революціоннаго движенія. Но дѣло окончилось однимъ страхомъ, надъ могилою Бенжамена Констана произнесено было нѣсколько рѣчей, носившихъ характеръ обвинительныхъ актовъ противъ правительства, и наэлектризованная толпа разсѣялась къ ночи, для

того, чтобы снова встрѣтиться черезъ нѣкоторое время. Въмѣсто того, чтобы подобныя манифестаціи служили предостереженіемъ для правительства и вынуждали его стать на болѣе прямую дорогу, пагубныя вліянія, окружавшія короля, дѣлали все, чтобы дать направленію внутренней политики еще болѣе ложный характеръ. Эти вліянія старались усиливать страхъ, а такъ какъ въ политикѣ нѣтъ двигателя болѣе зловерднаго, чѣмъ страхъ, трусость, то среди правительства возвышались голоса, требовавшіе крутыхъ мѣръ для обузданія революціонныхъ стремленій. Слѣпые совѣтники не понимали, что крутыя мѣры, вызывая отвращеніе къ правительству, всегда, нѣсколько раньше, или нѣсколько позднѣе, ведутъ не къ упроченію власти, а къ ея гибели.

Если движеніе, вызванное смертью Бенжаменъ Констана, преисполнило правительство смущеніемъ, то несравненно серьезнѣе былъ страхъ, внушенный юной монархіи тѣмъ броженіемъ, которымъ сопровождался судъ надъ министрами Карла X. Партія «сопротивленія» негодовала при одной мысли о возможности смертнаго приговора, и негодованіе это обуславливалось вовсе не чувствомъ гуманности и отвращенія вообще къ смертной казни, сколько страхомъ, что смертный приговоръ, приведенный въ исполненіе надъ министрами еще сильнѣе пробудитъ революціонныя инстинкты, и что казнь министровъ послужитъ только прологомъ къ настоящей революціонной драмѣ, искусно преду-прежденной или эскамотированной во время іюльскихъ дней. Передовая же партія, парижское рабочее населеніе и молодежь, изъ среды которыхъ вырывался въ теченіи всего хода процесса крикъ: смерть министрамъ! въ дѣйствительности были равнодушны собственно къ личностямъ Полиньяка, Шантелоза, Пейронне и Гернонь-Ранвилля, подписавшихъ знаменитые ордонансы, но они желали, чтобы измѣна народу получила достойную месть, и чтобы правительство іюльской монархіи могло еще разъ убѣдиться, что предательство не остается безнаказаннымъ. Чѣмъ громче партія «сопротивленія» требовала спасенія министровъ, тѣмъ настойчивѣе раздавались голоса, требовавшіе ихъ смерти. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока тянулся судъ надъ министрами, фізіономія Парижа была крайне тревожна для правительства. Толпы народа, съ явно враждебными намѣреніями, собирались каждый день вокругъ люксембургскаго дворца, гдѣ происходили засѣданія суда, и съ нетерпѣніемъ ожидали результата, т.-е. приговора. Въ это время во дворцѣ происходили постоянныя засѣданія министровъ; Луи-Филиппъ съ минуты на минуту ожидалъ страшной для него вѣсти, что революція охва-

тила Парижъ; въ палатѣ депутатовъ Лафиттъ не скрывалъ опасности положенія, возможности кроваваго столкновенія. Національная гвардія раздѣлилась на два лагеря, но большая ея часть требовала смертнаго приговора, говоря, что кровь, пролитая въ іюлѣ, должна быть искуплена кровью министровъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тотъ день, когда произнесенъ былъ приговоръ, не окончился бы безъ пролитія крови, въ которой могла, конечно, потонуть и самая іюльская монархія, если бы не полное самоотверженіе поведеніе Лафайетта. Этотъ старый боецъ за американскую свободу былъ несомнѣнно однимъ изъ главныхъ виновниковъ установленія іюльской монархіи. Ему болѣе чѣмъ кому-либо другому Луи-Филиппъ былъ обязанъ своимъ престоломъ, и въ этомъ именно крылась причина не-любви короля къ Лафайетту. Онъ чувствовалъ себя слишкомъ ему обязаннымъ, а кто же не знаетъ, что для огромнаго большинства людей нѣтъ несноснѣе чувства, какъ чувство благодарности, признаніе себя обязаннымъ другому. Лафайеттъ былъ недоволенъ тѣмъ направленіемъ, которое получила внутренняя политика іюльской монархіи. Его мысль, или, вѣрнѣе, фантазія, при возведеніи на престолъ Луи-Филиппа, была установить монархію, окруженную республиканскими учрежденіями, создать конституцію, сходную съ конституціею Соединенныхъ Штатовъ Америки. Онъ ясно сознавалъ, что фантазія его исчезла такъ же, какъ исчезли многія другія еще лучшія фантазіи, и онъ не могъ простить этого іюльской монархіи. Популярность Лафайетта въ то время была еще настолько велика, что произнеси онъ одно слово, и парижское населеніе схватилось бы за оружіе. Онъ однако не только не произнесъ этого слова, но употребилъ всѣ свои усилія, чтобы успокоить національную гвардію, молодежь; онъ не жалѣлъ своихъ силъ, каждый день объѣзжалъ ряды національной гвардіи, издавалъ прокламаціи, въ которыхъ убѣждалъ населеніе остаться спокойнымъ и предоставить правосудію дѣлать свое дѣло. Прокламаціи эти были даже слишкомъ самонадѣянныя, онъ дѣлалъ въ нихъ обѣщанія, которыхъ не въ силахъ былъ исполнить. Правительство въ это время пользовалось, разумѣется, его популярностью и, конечно, не думало его опровергать. Лафайеттъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы трудно было отъ него избавиться при первомъ удобномъ случаѣ.

Молодежь, относившаяся весьма чутко къ политическому положенію, готова была примкнуть къ передовой партіи, чтобы воспользоваться судомъ надъ министрами, вызвать движеніе и опрокинуть іюльскую монархію. И тутъ Лафайеттъ, Одиллонъ

Барро и нѣкоторые другіе члены оппозиціи постарались убѣдить ихъ оставить свой планъ. На упреки, обращенные къ представителямъ этой молодежи, что они желаютъ замарать убійствомъ четырехъ человѣкъ безупречную іюльскую революцію, они, какъ рассказываетъ одинъ изъ свидѣтелей этого разговора, отвѣчали: «вопросъ вовсе не въ обвиняемыхъ министрахъ, мы также мало жаждемъ ихъ крови, какъ и вы, мы даже сдѣлали бы все, чтобы спасти ихъ, если нужно, но дѣло идетъ о правительствѣ, которое измѣнило революціи. Представляется случай его сбросить, и мы хватаемся за него». То-есть, отвѣчали имъ, вы желаете начать новую революцію убійствомъ четырехъ подсудимыхъ; но эта новая революція—развѣ она необходима? развѣ вы отчаяваетесь въ силѣ общественнаго мнѣнія, во вліяніи прессы, въ согласіи всѣхъ искреннихъ патріотовъ какъ въ палатахъ, такъ и внѣ ихъ? Спасемъ правительство отъ настоящаго кризиса: мы будемъ имѣть тогда больше правъ, больше средствъ, чтобы заставить правительство удовлетворить всѣмъ требованіямъ нашей революціи.—Очень хорошо, въ васъ теперь нуждаются и потому васъ терпятъ; завтра, лишь только опасность минуетъ, васъ прогонятъ, и тогда совершится реакція въ пользу прошлаго».

Парижское населеніе, національная гвардія, вся передовая партія подчинилась вліянію династической оппозиціи, и тѣмъ дала возможность осуществиться вполнѣ предсказанію молодежи. Вліяніе Лафайетта и его друзей было не благотворно, оно помѣшало довершить дѣло, начатое іюльской революціей. Нельзя не признать справедливость замѣчанія одного изъ видныхъ дѣятелей этой эпохи, что если Луи-Филиппъ былъ обязанъ трономъ Лафайетту и его сторонникамъ, такъ теперь во второй разъ онъ былъ обязанъ имъ за предотвращеніе неизбежной катастрофы. Наступилъ день произнесенія приговора, напряженіе умовъ достигло крайняго предѣла. Дворъ, министерство, партія «сопротивленія» все было въ напряженіи, всѣ ожидали съ трепетомъ вѣстей, которыя заставятъ Луи-Филиппа бѣжать по свѣжимъ еще слѣдамъ Карла X. Приговоръ былъ объявленъ, министры были приговорены къ пожизненному тюремному заключенію, взрывъ негодованія вырвался у массы, по Парижу еще разъ прозвучали страшнымъ эхомъ слова: смерть министрамъ! но въ рядахъ сторонниковъ довершенія дѣла іюльской революціи не было единоклубія; вліяніе Лафайетта и его друзей оказало свою силу: іюльская монархія была спасена отъ разгрома.

Дворъ и партія «сопротивленія» просвѣтлѣли. Они избавились отъ кошмара, который мучилъ ихъ нѣсколько мѣсяцевъ,—

впереди не предвидѣлось никакихъ поводовъ къ народнымъ движеніямъ, вѣтеръ подулъ теперь попутный, наступила желанная минута распустить паруса реакціи. Правительство рѣшилось не терять времени. Выразивъ благодарность національной гвардіи и молодежи за охраненіе порядка, правительство стало расчищать поле для своихъ реакціонныхъ замысловъ. Одною изъ первыхъ мѣръ было устраненіе челоуѣка, слишкомъ неудобнаго, благодаря его огромной популярности, именно — Лафайетта. Министерство внесло въ палату законъ, въ силу котораго уничтожалось званіе начальника всей національной гвардіи королевства, и палата порѣшила принять этотъ законъ, видя въ немъ средство избавиться отъ слишкомъ поглощающей личности Лафайетта.

Вопросы, касающіеся лицъ, никогда, разумѣется, не могутъ имѣть того значенія, какъ вопросы, касающіеся принциповъ. Правительство спѣшило раздѣлаться поскорѣй съ однимъ изъ основныхъ принциповъ конституціонализма, именно — съ принципомъ избирательнаго закона. Избирательный законъ представляетъ собою всегда краеугольный камень конституціонализма. Избирательный законъ реставраціи былъ таковъ: избираемымъ могло быть только лицо, обладающее 1000-франковымъ цензомъ, — для избирателей же цензъ былъ установленъ въ 300 франковъ. Такой избирательный законъ, очевидно, извращаетъ самую сущность конституціонализма. Представительное собраніе является при такихъ условіяхъ представителемъ вовсе не цѣлаго народа, а исключительно представителемъ богатыхъ классовъ общества. Для того, чтобы представительное собраніе дѣйствительно представляло собою всю страну, необходимо, чтобы весь народъ, совершенно независимо отъ богатства, достатка или бѣдности, могъ быть и избирателемъ, и избираемымъ. При всякомъ другомъ условіи, конституціонализмъ является только орудіемъ того или другого привилегированнаго класса, — ширмами, за которыми эгоистическія стремленія богатыхъ классовъ опредѣляютъ ходъ всего государственнаго механизма. Имущественный цензъ всегда создаетъ самыя разнообразныя аномаліи. Такъ, при существованіи имущественнаго ценза, необразованный лавочникъ, платящій, положимъ, сто рублей налоговъ, будетъ избирателемъ, а затѣмъ, при развитіи оборотовъ, и избираемымъ, между тѣмъ какъ ученый, двигающій науку, литераторъ, вліяющій своимъ словомъ на общественное мнѣніе, не будетъ имѣть права быть не только избираемымъ, но и избирателемъ, если случайно онъ не обставленъ благопріятными матеріальными условіями. Какъ результатъ такого имущественнаго ценза, является сплошь и рядомъ палата

представителей, состоящая изъ посредственностей, неспособныхъ понимать—и часто не желающихъ понимать—значенія самыхъ капитальныхъ вопросовъ, возникающихъ въ жизни народа. Самые жизненные народные интересы, при такомъ извращеніи системы представительства, приносятся въ жертву эгоистическимъ интересамъ меньшинства. При правильномъ конституціонализмѣ, чуждомъ всякой неискренности и фальши, возможенъ одинъ только цензъ — образовательный. Такой цензъ не представляется опаснымъ, такъ какъ необходимымъ ингредіентомъ конституціонализма является обязательное и даровое образованіе, съ каждымъ годомъ уменьшающее кругъ лицъ, лишенныхъ избирательныхъ правъ.

Съ самаго момента установленія іюльской монархіи возникъ вопросъ объ измѣненіи избирательнаго закона. Передовая партія требовала, какъ логическаго послѣдствія іюльской революціи, уничтоженія ценза и введенія всеобщей подачи голосовъ. Требованіе это, несмотря на всю его законность, повергало въ ужасъ и негодованіе какъ дворъ, такъ и всѣхъ тѣхъ, которые не желали видѣть въ іюльской революціи ничего иного, какъ замѣну одной династіи другою. «Всеобщая подача голосовъ — это химера!» говорилъ Тьеръ. «Всеобщая подача голосовъ — это анархія!» говорили люди, съ которыми онъ такъ скоро долженъ былъ дѣйствовать за-одно. Партія, которую для краткости я буду продолжать называть партіею «сопротивленія», желала, чтобы избирательный законъ реставраціи остался неприкосновеннымъ. Луи-Филиппъ одинаково не желалъ ничего иного. Желаніе это однако, въ виду поднятой агитаціи, въ виду всеобщаго раздраженія, самимъ правительствомъ было признано неосуществимымъ, и оно, чтобы развязаться съ этимъ жгучимъ вопросомъ, рѣшилось внести проектъ новаго избирательнаго закона въ палату. Въ палатѣ, составленной изъ представителей привилегированныхъ классовъ, поднялась цѣлая буря. Буржуазія опасалась, что ея вліянію будетъ нанесенъ ударъ, эгоизмъ ея былъ такъ великъ, что всякая идея о справедливости по отношенію къ народу сдѣлалась для нея совершенно чужда. Ея тревога была, впрочемъ, непродолжительна. Правительство не предлагало ничего такого, что бы могло нанести ей ущербъ. Палата избрала комиссію для обсужденія проекта избирательнаго закона, и эта комиссія пришла къ такому результату: понизить цензъ избираемыхъ съ 1000 фр. на 750 фр., и цензъ избирателей—съ 300 фр. на 240 фр. Проектъ этотъ былъ встрѣченъ всею либеральною печатью громкимъ смѣхомъ, въ которомъ звучало не-

годованіе и презрѣніе къ «мудрымъ» законодателямъ. Оппозиція въ палатѣ, сознавая, что избирательный законъ не можетъ быть радикально измѣненъ при томъ направленіи, которое усвоила себѣ іюльская монархія, выставила *minimum* своихъ требованій — хотя, быть можетъ, было бы лучше его вовсе не выставлять — который заключался въ слѣдующемъ: пониженіе ценза избираемыхъ до 500 фр., и ценза избирателей — до 200 фр.

Въ дѣйствительности, такое пониженіе избирательнаго ценза нисколько не измѣнило сущности дѣла. Народъ, по-прежнему, остался или, вѣрнѣе, былъ оставленъ за флагомъ. Какъ ни ничтожно было такое измѣненіе избирательнаго закона, оно вызвало однако вопль въ реакціонной партіи. Можно было думать, что побѣду одержала социальное-демократическая республика, — такъ мало у правительства іюльской монархіи и у самого Луи-Филиппа было желанія честно примѣнить къ дѣлу конституціонный порядокъ. Избирательный цензъ въ 200 франковъ представлялся имъ какою-то бездной, въ которой должны погибнуть правящіе классы. Одиллонъ Барро въ своихъ мемуарахъ рассказываетъ по этому поводу весьма характерный случай, прекрасно рисующій тотъ страхъ, который возбуждалъ далеко не либеральный новый избирательный законъ. «Однажды, — рассказываетъ онъ, — король меня призываетъ къ себѣ; онъ жилъ еще въ Пале-Ройяль. Я засталъ его расхаживающимъ большими шагами по кабинету и охваченнаго сильнымъ волненіемъ. «Не случилось ли какого-нибудь несчастья въ вашемъ семействѣ?» спрашиваю я его. «Ба! — отвѣчалъ онъ мнѣ: — дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ! Вы развѣ не знаете, они бросаютъ меня въ неизвѣстность!» Видя, что я его не понимаю, онъ прибавилъ: «Да, мои министры предлагаютъ мнѣ понизить избирательный цензъ до 200 франковъ!» — «А! ваше величество, я бы желалъ, чтобы васъ никогда не постигало болѣе несчастье!» — отвѣчалъ ему Одиллонъ Барро, пораженный узкостью взгляда короля на реформы, необходимость которыхъ слишкомъ ясно доказывалась іюльскою революціею.

Нужно, впрочемъ, сказать, что и сама партія «движенія», къ которой принадлежали и Лафайеттъ, и Дюпонъ, и Одиллонъ Барро, вовсе не находились на высотѣ пониманія того, что составляло необходимость для примѣненія истиннаго конституціонализма. Эта партія торжествовала, какъ побѣду, пониженіе избирательнаго ценза до 200 фр., тогда какъ единственная партія, имѣвшая право торжествовать побѣду, была все-таки партія реакціи. Такое ничтожное пониженіе избирательнаго

ценза было скорѣе насмѣшкой надъ правами народной массы. Но кто же не знаетъ, что аппетитъ реакціи бываетъ всегда такъ силенъ, что ее никогда нельзя насытить. Вотъ почему новый избирательный законъ никогда не могъ быть прощенъ министерству Лафитта, и его паденіе было окончательно рѣшено. Партія сопротивленія стала дѣйствовать энергически, чтобы захватить въ свои руки кормило правленія. Нужно было выждать только удобнаго случая, чтобы раздѣлаться съ безобиднымъ министерствомъ Лафитта, и случай этотъ, разумѣется, не замедлилъ представиться. Поводъ къ нему былъ поданъ легитимистами. Эти послѣдніе—точно такъ же, какъ и вся передовая партія—были недовольны іюльской монархіей, хотя, разумѣется, по совершенно инымъ основаніямъ. Но недовольство и готовность передовой партіи, въ случаѣ надобности—опрокинуть шаткіи престолъ Луи-Филиппа, возбуждали надежду легитимистовъ устранить ненавистную имъ орлеанскую династію и возстановить тронъ старшей линіи Бурбоновъ, въ лицѣ малолѣтняго въ то время герцога Бордоскаго, будущаго Генриха V-го. 21-го января, въ годовщину казни Людовика XVI-го, легитимисты устроили въ нѣсколькихъ церквахъ торжественныя панихиды, которыя должны были имѣть смыслъ мольбы народа объ искупленіи совершеннаго имъ грѣха. Они рассчитывали, что эта манифестація произведетъ сильное движеніе, но въ расчетѣ своемъ ошиблись. Тогда они рѣшились воспользоваться другою годовщиною, именно — годовщиною убійства герцога Беррійскаго, отца Генриха V-го, и придать своей манифестаціи необычайную торжественность. 14-го февраля ряды пышныхъ экипажей, украшенныхъ гербами, двигались къ знаменитой церкви Saint-Germain-l'Auxerrois, откуда раздался колокольный звонъ, въ памятную Варооломеевскую ночь, и въ этой-то церкви собрался весь цвѣтъ легитимизма. Вся церковь была обтянута чернымъ сукномъ, посреди ея возвышался катафалкъ, — вся обстановка была рассчитана на особенный эффектъ; наконецъ, богослуженіе совершалъ болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтній старецъ, тотъ самый, который напутствовалъ молитвою Марію-Антуанетту—за нѣсколько минутъ до того, что она сложила свою голову на плахѣ. Во время богослуженія раздавали портретъ герцога Бордоскаго въ королевской мантии, какъ-бы говоря: «вотъ истинный король Франціи».

Если партія легитимистовъ надѣялась, что эта манифестація будетъ встрѣчена народомъ съ сочувствіемъ, то слишкомъ скоро она должна была убѣдиться, что она горько заблуждалась. Парижское населеніе могло быть недовольно правительствомъ соз-

данной имъ же монархіи, но изъ этого не слѣдовало, что оно готово было примириться съ старшею линіею Бурбоновъ, съ монархіею божественнаго права. Массы народа стали стекаться къ церкви, настроеніе было самое враждебное, воспоминаніе о іюльскихъ дняхъ довершило остальное. Народъ ворвался въ церковь и нѣсколькихъ часовъ было достаточно, чтобы все, что находилось въ церкви было разбито, сломано, истреблено. Легитимисты бѣжали въ страхѣ, а народъ, страсти котораго, разъ возбужденныя, не такъ легко успокоиваются, до ночи вымещалъ свою злобу надъ тѣми, кто бросилъ ему неосторожный вызовъ. Архіепископскій дворецъ былъ разрушенъ, въ Сену летѣли драгоцѣнности, но ни одна вещь, по признанію самого правительства, не была похищена. Вездѣ, гдѣ только на своемъ пути народъ встрѣчалъ на зданіяхъ, на вывѣскахъ эмблему стараго порядка—лиліи, вездѣ эти лиліи были сломаны, сорваны, вездѣ замѣняло ихъ трехцвѣтное знамя. Событіе 14-го февраля послужило новымъ предлогомъ для нападенія реакціонной партіи на безцвѣтное министерство Лафитта, которое обвиняли въ слабости, въ неумѣлости предупреждать народныя волненія, и такъ велико было желаніе замѣнить его министерствомъ «сопротивленія», борьбы съ законными народными стремленіями, что реакція не остановилась даже предъ явно нелѣпымъ обвиненіемъ Лафитта въ потворствѣ революціоннымъ страстямъ. Последнее обвиненіе находило себѣ какъ-бы оправданіе въ томъ декретѣ, которымъ Луи-Филиппъ измѣнилъ свой гербъ, исключивъ изъ него ненавистныя лиліи. Въ дѣйствительности же Луи-Филиппъ и его интимные друзья были не такъ недовольны манифестаціей 14-го февраля, какъ они желали то выказать: если передовая партія внушала имъ безпокойство и страхъ, то и къ легитимистской партіи они не относились особенно дружелюбно. Всякое униженіе послѣдней могло ихъ только радовать.

Реакціонная партія признала минуту удобною, чтобы свергнуть министерство Лафитта, которое не рѣшалось признать, что іюльская революція не должна влечь за собою никакихъ послѣдствій, въ смыслѣ тѣхъ или другихъ реформъ въ государственномъ строѣ. Рѣшительная атака началась въ палатѣ депутатовъ, состоявшей изъ представителей крупной буржуазіи, болѣе всего опасавшихся выпустить власть изъ своихъ рукъ. Почва для битвы была хорошо подготовлена. Луи-Филиппъ уже успѣлъ произнести свою знаменитую рѣчь, въ которой впервые былъ выставленъ вызвавшій столько заслуженныхъ насмѣшекъ принципъ «*juste milieu*». «Безъ сомнѣнія», говорил *le roi-citoyen*, «іюль-

ская революція должна принести свои плоды, но это выраженіе слишкомъ часто употребляется въ смыслѣ, не отвѣчающемъ ни національному духу, ни требованіямъ вѣка, ни поддержанію общественнаго порядка. Между тѣмъ, именно эти начала должны опредѣлять нашъ путь. Мы постараемся держаться въ томъ *juste milieu*, которое одинаково далеко какъ отъ излишествъ народнаго правленія, такъ и отъ злоупотребленій королевской власти». Рѣчь эта была встрѣчена громкимъ одобреніемъ реакціонной партіи, такъ какъ истинный смыслъ ея заключается въ отступничествѣ отъ тѣхъ обѣщаній, которыми онъ сыпалъ направо и налѣво, когда шелъ вопросъ быть ему или не быть королемъ Франціи. Нѣкоторые другія мѣры указывали точно также, что правительство іюльской монархіи признало теперь возможнымъ разорвать всякую связь съ тѣми, которымъ оно обязано было своимъ существованіемъ. Академическая молодежь, политехническая и другія высшія школы принимали самое энергическое участіе въ іюльскихъ дняхъ, масса молодыхъ людей оплатилась своею жизнію. Въ первые дни политехниковъ, студентовъ носили на рукахъ, съ высоты трона, изъ стѣнъ палаты представителей неслись къ нимъ благодарности и поздравленія съ ихъ мужественнымъ поведеніемъ. Времена перемѣнились. Молодежи объявлялось, что ей строго воспрещается «образовывать между собою ассоціаціи, или дѣйствовать или подавать прошенія отъ общаго имени...» Въ палатѣ депутатовъ раздалось прямое обвиненіе министерства: «смотря на событія», говорила реакція, «которыя опечалили въ теченіи послѣднихъ дней столицу, можемъ ли мы не сокрушаться о безопасности министерства, которое не сумѣло предупредить то, что возможно было предвидѣть, не воспротивиться тому, что явилось какъ прямое послѣдствіе». Далѣе слѣдовало обвиненіе чуть не въ сообщничествѣ съ передовою партіею, и требованіе, чтобы правительство дало энергическій отпоръ всякимъ требованіямъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Иначе, говорилось, послѣ «разрушенія церквей, толпа обратится къ дворцамъ, замкамъ, къ домамъ, къ лавкамъ...» послѣднее слово объясняло всю поднятую бурю. Лавки — вотъ святая святыхъ, которой должны быть принесены въ жертву интересы всего народа. Вызовъ, брошенный партіей «сопротивленія», былъ поднять оппозиціей. Вы желаете знать, откуда идутъ всѣ эти волненія, сказалъ одинъ изъ депутатовъ, я могу вамъ отвѣтить: «по совѣсти, изъ глубины моей души, я говорю, что настоящая палата не призвана для того, чтобы дать удовлетвореніе нравственнымъ интересамъ страны».

Одиллонъ Барро, занимавшій должность префекта, высказалъ это еще съ бѣльшею откровенностью: «Народныя волненія вызываются вами самими, народъ не можетъ иначе сказать вамъ: пора, давно пора, чтобы вы удалились отсюда!» — «Анархія съ улицы проникла въ правительство!» раздался крикъ чувствовавшей свою побѣду реакціи. На другой день Одиллонъ Барро былъ уволенъ отъ должности префекта. Лафиттъ приносилъ его въ жертву реакціи, чтобы самому удержаться во власти, но расчетъ его оказался невѣрнымъ. Луи-Филиппъ, которому никто не могъ отказать въ извѣстной хитрости и даже коварствѣ, цѣловалъ Лафитта и увѣрялъ его въ неизмѣнной преданности, въ то время, когда онъ пригласилъ уже къ себѣ Казимира Перье, президента палаты депутатовъ и поручилъ ему составленіе новаго министерства.

Такимъ образомъ, рушилось министерство Лафитта, которое считало все-таки нужнымъ отчасти искренно, отчасти нѣтъ, кокетничать съ народными стремленіями и не признаваться въ томъ, что іюльская монархія вовсе не намѣрена приступить къ выполненію тѣхъ требованій нелицемѣрнаго конституціонализма, въ осуществленіи которыхъ только и заключался весь *raison d'être* новаго порядка, установленнаго революціей. Если бы іюльская монархія вступила смѣло на путь такого конституціонализма, болѣе чѣмъ вѣроятно, что во Франціи закончился бы періодъ политическихъ революцій, такъ какъ революціи неизбежны только тамъ, гдѣ народъ инымъ путемъ не можетъ осуществить своей воли, гдѣ правительство и общество стоятъ другъ противъ друга какъ два врага, готовые каждую минуту напасть одинъ на другого. Въ другомъ положеніи они и не могутъ быть тамъ, гдѣ правительство стоитъ особнякомъ и не черпаетъ всей своей силы въ народномъ, а не въ кастовомъ только представительствѣ. Правительство іюльской монархіи предпочло вступить на путь искаженнаго конституціонализма, на путь отпора общественнымъ требованіямъ, словомъ — на тотъ путь, который неминуемо долженъ былъ вести ее къ катастрофѣ. Выразителемъ такого направленія явилось министерство Казимира Перье, выступившее съ развернутымъ знаменемъ, на которомъ были написаны лживыя слова: борьба съ анархіей! — лживая потому, что именемъ анархіи окрещивались вполне легальныя домогательства наиболѣе развитой части французскаго общества.

МАРКИЗЪ А. ВЕЛЕПОЛЬСКІЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА

ВЪ ПОЛЬСКО-РУССКОМЪ КОНФЛИКТѢ И ВОПРОСѢ.

VI *).

Царство польское отъ повстанія 1830 г. до заключенія парижскаго трактата 1856 года.

Статья 5-я вѣнскаго трактата Россіи съ Австріей, 1815 года апрѣля 21 (мая 3), и статья 3-я, отъ того же числа, Россіи съ Пруссією, содержатъ, между прочимъ, слѣдующее: «Le duché de Varsovie... est réuni à la Russie. Il y sera lié irrévocablement par sa *Constitution*. S. M. Impériale se reserve de donner à cet état, jouissant d'une *administration* distincte, l'extension extérieure qu'elle jugera convenable. Elle prendra avec ses autres titres celui de tzar roi de Pologne. Les Polonais sujets des hautes parties contractantes obtiendront une *représentation* et des *institutions nationales* réglées d'après le mode d'existence politique que chacun des gouvernements auquel ils appartiendront jugera utile et convenable de leur accorder» ¹⁾.—

*) См. выше: октябрь, стр. 493.

¹⁾ Герцогство Варшавское присоединено къ Россіи... Оно будетъ неразрывно связано съ нею своею конституціей. Е. И. Величество предоставляетъ себѣ дать этому государству, пользующемуся отдѣльною администраціею, вѣншее распространіе, которое найдетъ приличнымъ. Онъ присовокупитъ къ другимъ своимъ титу-

Еще при императорѣ Александрѣ I оставлена была русскимъ правительствомъ, какъ невыполнимая, по причинѣ національныхъ осложнений, — мысль о внутреннемъ распространеніи царства при соединеніи къ нему западныхъ губерній. Конституція и совершенно особенная администрація на національномъ языкѣ были даны; но когда повстанье 1830 года вспыхнуло, и страна была потомъ, въ 1831 году, приведена къ покорности силою оружія, то, по идеѣ императора Николая, конституціонная хартія 1815 года перестала уже существовать и его обязывать, какъ самимъ же бунтующимъ народомъ разорванная. Международной санкціи она не имѣла; слово: *Constitution*, въ трактатахъ 1815 года допускаетъ множество толкованій и можетъ обозначать всякое особое «устройство» страны въ довольно странныхъ, по очертаніямъ, границахъ, вульгарно называемое поляками: «конгрессовкою». Послѣ исключенія хартіи и «представительства», возникали вопросы только объ «отдѣльномъ управленіи и *національныхъ учрежденіяхъ*». Русское правительство, устранивъ всякое вмѣшательство европейской дипломатіи въ свое отношеніе къ бунтующей національности, обнародовало однако съ особою торжественностью законъ, долженствующій опредѣлить устройство умиротворенной страны — органическій статутъ отъ 14 (26) февраля 1832 года; къ содержанію его, хотя онъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе, придется часто возвращаться, какъ къ одной изъ главныхъ исходныхъ точекъ политики, какъ Велепольскаго, такъ и русскихъ государственныхъ людей, которые въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прикладывали руку къ считаему еще возможнымъ улаживанію русско-польскаго конфликта. Въ общихъ своихъ положеніяхъ, статутъ содержалъ то самое, что заносилось обыкновенно въ хартіи, и чѣмъ пользуются до извѣстной степени безъ хартіи подданные даже въ самодержавныхъ монархіяхъ, управляемыхъ на твердомъ основаніи законовъ, а именно — перечень правъ, принадлежащихъ подданнымъ, какъ гражданамъ: свобода вѣроисповѣданія, съ особенною заботливостью правительства о римско-католическомъ исповѣданіи, какъ о вѣрѣ большинства населенія (5); неприкосновенность собственности, съ конфискаціею имуществъ только за тягчайшія политическія преступленія (11); личная свобода, съ преслѣдованіемъ судомъ только по формамъ и обрядамъ, закономъ установленнымъ (8—10); огра-

дамъ титулъ Царя-Короля Польскаго. Поляки, подданные высшихъ договаривающихся сторонъ, получаютъ представительство и національныя учрежденія, устроенныя по образу политическаго существованія, которое каждое изъ правительствъ, коимъ они будутъ подчинены, сочтетъ приличнымъ имъ пожаловать.

ничевіе печати лишь настолько, насколько того требовать будутъ религія, авторитетъ власти, чистота нравовъ и уваженіе къ личности. Дѣленіе страны оставлено прежнее — на 8 воеводствъ; общаны даже органы мѣстнаго самоуправленія: собранія дворянства, собранія гминныя, совѣты воеводствъ и даже провинціальныя штаты (42—54): можно бы подумать, что сохраняется нѣчто почти похожее на представительство. Число министерствъ значительно сократилось: министерство войны упразднено, за неимѣніемъ особаго войска польскаго, портфѣль народнаго просвѣщенія и исповѣданій соединенъ съ управленіемъ внутреннихъ дѣлъ (35). Центральныхъ органовъ управленія было съ тѣхъ поръ только три: внутреннія дѣла съ просвѣщеніемъ и исповѣданіями, юстиція и казна, да четвертый—контроль. Каждый изъ первыхъ трехъ образовалъ правительственную комиссію, министры переименованы въ директоровъ, управляющихъ комиссіями. Директоры, контролеръ, да еще лица по особому назначенію государя образовали, подъ предсѣдательствомъ государева намѣстника, совѣтъ управленія царства польскаго, Rada Administracyjna (родъ комитета министровъ, 22—28). Страна должна была имѣть свой особый государственный совѣтъ въ Варшавѣ—для разработки законопроектвъ, разрѣшенія пререканій между властями, разсмотрѣнія представленій отъ провинціальныхъ штатовъ и мѣстныхъ и сословныхъ собраній о нуждахъ населенія, — наконецъ, для разсмотрѣнія бюджета страны (29). Особое верховное судилище предположено учредить въ Варшавѣ (67). Дѣлопроизводство въ установленіяхъ судебныхъ и административныхъ должно было производиться на польскомъ языкѣ (34). Наконецъ, при особѣ государя долженъ былъ состоять особый министръ статсъ-секретарь по дѣламъ царства польскаго, въ видѣ звена, посредствующаго между высшимъ управленіемъ, сосредоточеннымъ въ лицѣ намѣстника, и особою монарха (32).

Существовало довольно распространенное мнѣніе, что органическій статутъ никогда не предназначался, будто бы, къ осуществленію его въ дѣйствительности. Условія, при которыхъ онъ былъ изданъ, не располагали вовсе къ тому, чтобы обѣщанныя въ немъ учрежденія могли взойти на почвѣ царства польскаго и принести плоды при дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Все продолжительное царствованіе было строго-консервативное, съ замѣчательно выдержаннымъ характеромъ. Во внѣшней политикѣ Россія являлась, въ концѣ-концовъ, въ роли безкорыстнаго рыцаря всеевропейскаго легитимизма. Во внутреннемъ устройствѣ государства руководящими началами и устоями политики при-

знавались извѣстныя три идеи: православіе, самодержавіе и народность, несомнѣнно консервативныя, но въ исключительности своей приводящія, какъ и всякій безусловный консерватизмъ, къ неподвижности и застою. Та неподвижность, съ которою правительство относилось къ крѣпостному праву и барщинѣ, причисляемымъ тогда къ неизблемымъ основамъ общежитія, за что, между прочимъ, консерваторъ и «помѣщикъ» Велепольскій воздавалъ хвалу политикѣ императора Николая, въ сравненіи съ австрійскою, въ своемъ «Письмѣ дворянина» — тяготѣла надъ прошѣдшею тяжелый болѣзненный процессъ польскою народностью, преграждая ей путь къ исцѣленію и разрѣшая ей, притаивъ дыханіе, прозябать въ праздномъ бездѣйствіи, безъ всякой надежды на поправленіе когда-нибудь крайне тяжелаго состоянія. Въ коренныхъ русскихъ частяхъ имперіи не были признаваемы никакія общія права за лицомъ, за его собственностью, за человѣческою мыслью; регламентація въ области экономической доходила до геркулесовыхъ столбовъ, въ понятіяхъ тогдашняго времени существовало почти полное, почти спартанское подчиненіе частнаго права публичному во всѣхъ институтахъ собственности, договора, семьи. Если въ самой коренной Россіи отдѣльная личность была стѣснена и сдавлена въ своей сферѣ — что ясно сознавала, конечно, весьма еще небольшая часть общества, его высшая интеллигенція, — то вовсе не существовало причинъ, почему бы въ этомъ отношеніи царство польское составляло изытіе и было бы на болѣе льготномъ положеніи; даже, напротивъ того, по многимъ условіямъ, положеніе царства польскаго должно было быть еще хуже, чѣмъ положеніе центра. И народъ былъ чужой, иновѣрческій, пропитанный незабытыми и трудно забываемыми преданіями иной политической выправки, бѣльшей самодѣтельности лица, — и свѣжо было преданіе о бунтѣ, который поколебалъ законную власть и вызвалъ если не дипломатическія осложненія, то, по крайней мѣрѣ, весьма непріятные разговоры съ европейскими кабинетами и толки въ европейскихъ парламентахъ и газетахъ. Торжество осталось, въ концѣ-концовъ, за извѣстнымъ порядкомъ, но неполное: польскіе выходцы свили себѣ за-границею прочныя гнѣзда — въ Парижѣ, Лондонѣ; они держали знамя въ рукахъ: часть ихъ продолжала бунтовать, снаряжая эмиссаровъ-заговорщиковъ и поддерживая тайкомъ опасную агитацію, — другая часть представляла изъ себя нѣчто въ родѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ, оплакивающихъ павшій Іерусалимъ, но и предрекающихъ пришествіе новаго польскаго Мессіи, въ чаяніи котораго поляки не должны были унывать.

Естественная забота всякаго правителя, при устроении отношеній правительства къ механически приведенной въ зависимость странѣ, заключается въ томъ, чтобы ее ассимилировать, т.-е. сплотить съ государствомъ нравственно-органическими связями, установивъ, такъ-сказать, кровообращеніе между присоединенною частью и цѣлымъ. Въ отношеніи къ польской національности нравственное сближеніе было бы возможно двумя только путями: сверху—постановкою хотя бы въ большой дали общеславянскаго идеала, въ которомъ бы одинаково сошлись на равныхъ правахъ вчерашніе побѣдители и побѣжденные, и снизу—такими либеральными учрежденіями, которыя, вовсе даже не клонясь къ политической особности, доставляли бы хотя малую долю участія частнымъ лицамъ въ дѣятельности общественной на почвѣ самоуправленія—земскаго, городского, общиннаго, провинціальнаго. Ни то, ни другое не представлялось возможнымъ тому назадъ полвѣка. Славянская идея—хотя, можетъ быть, и ледѣлая въ душѣ—не признавалась правительствомъ, какъ совсѣмъ противная господствовавшимъ началамъ легитимизма. Что касается до либеральныхъ учрежденій, то въ настоящее время онѣ существуютъ, но весьма недавно насаждены; нынѣшнія губерніи царства польскаго, конечно, выиграли бы, если бы ихъ подвести подъ уровень этихъ учрежденій въ той же мѣрѣ и безъ изъятій, въ какой ими пользуются внутреннія области имперіи; но полвѣка тому назадъ ничего подобнаго этимъ учрежденіямъ не существовало, и русское общество едва ли пользовалось какъ слѣдуетъ даже тѣми преимуществами, которыя предоставлены были сословіямъ учрежденіемъ о губерніяхъ, дворянскаго грамотою и городovýmъ положеніемъ Екатерины. При такихъ условіяхъ выработывалось убѣжденіе въ роковомъ качествѣ польскаго вопроса, въ его неразрѣшимости никакими гуманными средствами, въ томъ, что—подобно тому, какъ бунтовали отцы и дѣти—будутъ бунтовать внуки и правнуки, что Царство Польское будетъ навсегда больнымъ мѣстомъ въ государственной системѣ Россіи, открытою раню, испорченнымъ членомъ, о которомъ помышляемо было отъ времени до времени: не лучше ли его совсѣмъ отрѣзать. Оно должно было навсегда оставаться покоренною страной, управляемою бюрократически, съ устраненіемъ всякой его самодѣтельности, въ духѣ самой строгой централизаціи. Въ 1833 г., императоръ Николай въ октябрѣ посѣтилъ не городъ, а строящуюся цитадель. Въ 1835 г. представившемуся духовенству и именитымъ гражданамъ Варшавы онъ объявилъ, что выражаемымъ чувствамъ преданности не вѣритъ, и что

при малѣйшемъ бунтѣ (emeute) приказано будетъ бомбардировать Варшаву ¹⁾.

Но если такимъ образомъ ассимилированіе политическое представлялось невыполнимымъ, то и ассимилированіе національное не входило также въ программу политики. Обрусить общество и не надѣялись, и не пробовали, во-первыхъ — потому, что, если на польскій элементъ смотрѣть какъ на зло, то удобнѣе его локализовать, нежели разгонять по всему составу организма; во-вторыхъ, — потому, что тогдашняя правительственная система брезгала всякими другими средствами, кромѣ чисто бюрократическихъ, и не терпѣла никакихъ самопроизвольныхъ проявленій неоффіціального патріотизма; она подозрительно относилась даже къ московскимъ славянофиламъ и вовсе не расположена была входить въ союзъ съ прессою, допускать, напримѣръ, дѣйствовать добровольцевъ-публицистовъ, въ числѣ которыхъ впоследствии особенно отличился г. Катковъ. Такимъ образомъ, главные черты правительственной программы установились почти слѣдующія.

Политика была бюрократическая съ дворянскимъ оттѣнкомъ, крестьянскому населенію дана личная свобода еще въ 1807 году при образованіи герцогства Варшавскаго, но обязательный трудъ и барщина остались въ полной силѣ, рядомъ съ ними шло и обезземеленіе крестьянъ, пока успѣхи его не пріостановлены позднѣйшимъ указомъ 1846 г. Корпоративнаго устройства сословія не получили, изъ общественнаго быта исключены всякія собранія, всякіе выборы, все то, что напоминало не только парламентаризмъ, но даже обязательное участіе общества въ жизни общественной. Но, очищенная отъ этихъ примѣсей, машина управленія оставлена нетронутая, безъ всякихъ мѣръ къ тому, чтобы привести ее когда-нибудь къ одному знаменателю съ административными учрежденіями имперіи. Машина была привозная, она вся состояла изъ сколоченныхъ кое-какъ учреждений порядковъ австрійскихъ, прусскихъ, французскихъ. Имъ суждено было оставаться навсегда неподвижными, потому что, съ одной стороны, правительство, разъ порѣшивъ оставить эти порядки, не было расположено вникать въ нихъ и заботиться объ ихъ усовершенствованіи, оно смотрѣло на нихъ какъ на мелкія, какъ на мѣстные явленія, неудобно-наблюдаемыя изъ центра; съ другой стороны, по духу безмолвной политической оппозиціи, общество прилѣпилось

¹⁾ Je détruirai Varsovie et certes ce ne sera pas moi qui la rebatirai.—*Lisicki*, Le Marquis W. I, 200. Skarbek Dzieje Polski. Cz. III. 63—65.

къ этимъ институтамъ, какъ привязалось оно къ кодексу Наполеона, потому что они не русскіе, а западно-европейскаго происхожденія, и что дѣлопроизводство въ нихъ было на своемъ родномъ, а не на русскомъ языкѣ.

Эти два условія породили третье: образованіе цѣлаго класса людей новѣйшей формаціи, небывалаго въ прежней Рѣчи-Посполитой и связаннаго всѣмъ своимъ бытомъ, матеріальнымъ интересомъ и существованіемъ, съ неизмѣняемостью особыхъ административныхъ порядковъ царства польскаго — классъ чиновниковъ поляковъ, который игралъ такую важную роль въ событіяхъ 1863 года. Польскій чиновникъ не простиралъ своихъ видовъ дальше тѣсныхъ предѣловъ царства польскаго, да и на высшія мѣста въ администрацію разсчитывать не могъ, такъ какъ эти мѣста замѣщались коренными русскими; на немъ лежала черная работа. Онъ раздѣлялъ всѣ національныя чувства и опасенія своей польской среды, но по профессіи онъ былъ органъ правительства, зналъ цѣну своего положенія, былъ точенъ, аккуратенъ до педантизма, исполнительенъ и оберегалъ права фиска. По степени служебной выправки онъ далеко превосходилъ русскихъ чиновниковъ въ имперіи. Вершины административнаго міра занимаемы были постепенно русскими, которые однако въ довольно скоромъ времени пріобрѣтали достаточное знаніе польскаго языка. Во главѣ управленія поставленъ человѣкъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ государя, его полномостный намѣстникъ, съ неограниченными полномочіями, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій, котораго дѣятельности и характерной личности — и то не съ недавнихъ поръ — стала касаться печать ¹⁾. Управление имѣло военный регрессивный характеръ, достаточно характеризуемый тѣмъ, что вслѣдствіе открытаго заговора съ 23 апрѣля 1833 г. царство польское объявлено на военномъ положеніи, которое не было никогда уже потомъ официально отмѣнено, съ передачею всѣхъ дѣлъ о политическихъ преступникахъ военнымъ судамъ послѣ разбора ихъ въ слѣдственной комисіи. Самыя глубокія измѣненія въ существующемъ порядкѣ произведены въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Университетъ закрытъ; для образованія практическихъ юристовъ, которые бы знали римское право и кодексъ Наполеона, заведены юридическіе курсы въ Варшавѣ, потомъ и они закрыты, а на ихъ мѣсто учреждены

¹⁾ См. „Русская Старина“ за 1880 г. № IX, с. 119: Анекдоты, собранные Н. Б(ергомъ) о томъ, какъ Паскевичъ мальтреировалъ подчиненныхъ и приширалъ буквально колѣномъ къ стѣнѣ генераловъ.

каедры польскаго права въ университетахъ петербургскомъ и московскомъ; въ 1839 г. все школьное управленіе приведено въ зависимость отъ министерства народнаго просвѣщенія съ превращеніемъ его въ особый учебный кругъ. Въ 1841 году 18 сентября упраздненъ и особый государственный совѣтъ въ Варшавѣ, мѣсто его занялъ департаментъ, для дѣлъ царства польскаго въ государственномъ совѣтѣ имперіи. Почти одновременно, въ томъ же году, организованы IX и X департаменты сената въ Варшавѣ, долженствующіе судить въ 3-ей инстанціи дѣла судебныя, уголовныя и гражданскія. Въ 1844 г. введено дѣленіе края, вмѣсто 8 воеводствъ, на 5 губерній. Пути сообщенія приведены въ зависимость отъ министерства путей сообщенія; въ этомъ отношеніи царство польское образовало особый 13-й округъ.

Отъ прежнихъ порядковъ осталось и уцѣлѣло судопроизводство гражданское, цѣликомъ пересаженное изъ Франціи, устное, гласное, съ хорошимъ составомъ судей и не лишенное талантовъ адвокатуры. Уголовное судопроизводство было въ страшномъ застоѣ и запущеніи; въ сѣверной части царства польскаго оно производилось по прусской процедурѣ 1805 г.; въ южной — по австрійской 1803. Обѣ процедуры устанавливали порядокъ производствъ келейный, инквизиціонный, съ теоріею законныхъ доказательствъ, похожій на русскій до-реформенный, но превосходившій его сохранившимися остатками пытки (тѣлесныя наказанія во время слѣдствія за заpirationство или ложь) и присужденіемъ къ уменьшенному по размѣрамъ наказанію того, кто не уличался вполнѣ, а навлекать на себя подозрѣніе. Существовалъ изданный при участіи сейма уголовный кодексъ 1818 г., который, не будучи образцомъ совершенства, имѣлъ однако тѣ хорошія качества, что былъ толковъ и кратокъ. Его замѣнили, 12 марта 1847 г., передѣланнымъ съ русскаго — уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, почти дословнымъ переводомъ того уложенія 1845 г., которое въ настоящее время, даже и по сокращеніи его въ 1866 г. исключеніемъ маловажныхъ преступленій подвѣдомственныхъ мировой юстиціи, составляетъ главную помѣху успѣшному ходу оправдательныхъ приговоровъ, главную причину несправедливыхъ приговоровъ и поводомъ къ нареканіямъ на присяжныхъ за многіе ихъ оправдательные вердикты.

Таковы были главныя событія въ системѣ управленія царствомъ польскимъ до европейской суматохи 1848—1851 г., которая отразилась на внутреннемъ быту всей имперіи усиленіемъ реакціи и мѣръ противъ свободомыслія, какъ источника революцій. Были извѣстнаго рода децентрализація и сепаратизмъ, но чисто

внѣшніе, канцелярскіе. Медленно и тихими шагами шло подведеніе области къ одному знаменателю съ имперіею; оно встрѣчало преграду въ самомъ намѣстникѣ, который всякое подчиненіе царства польскаго министерствамъ въ Петербургѣ считалъ посягательствомъ на полноту своихъ правъ, а потому отстаивалъ и каменѣющіе отъ неподвижности особыя порядки, и рутину, и даже до извѣстной степени польскій языкъ въ дѣлопроизводствѣ. Официально общество представлялось спокойнымъ, съ гладкою, ничѣмъ не волнуемою поверхностью; чтó происходило незримо въ его глубинѣ, о томъ только можно было умозаключать по непрерывающейся дѣятельности слѣдственной комиссіи.

Нынѣ эта сторона дѣла совершенно ясна, потому что ее освѣтили ярко событія 1863 г. Никакое достигшее самосознанія общество не можетъ перестать мыслить, перестать чувствовать. Когда официальная оболочка представляетъ сплошную поверхность безъ всякихъ отдушинъ, то мысли и чувства получаютъ ненормальное направленіе и дѣйствуютъ какъ газы, которые по своей упругости ищутъ выхода по линіи наименьшаго сопротивленія, прорываясь чрезъ оболочку. Скопленіе этихъ взрывчатыхъ газовъ происходило въ теченіи столь долгаго времени (1831—1856), что по количеству оно сдѣлалось весьма значительное. Когда при новомъ царствованіи суровость отношеній правительства къ обществу смягчилась и задуманъ рядъ либеральныхъ реформъ, обновившихъ общественный строй Россіи, реформъ, которыя въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ и развитіи распространились бы конечно и на царство польское, то эта перемѣна не могла быть ни понята, ни оцѣнена обществомъ, ее почувствовали только какъ уменьшеніе сопротивленія наружной оболочки; не какъ задатокъ новаго порядка вещей, а какъ трещину въ старомъ.

Взрывъ произошелъ, пламя вспыхнуло, тушить его вызвался Велепольскій, но задача оказалась выше силъ его,—можно теперь сказать еще опредѣлениѣ, что въ 1861 году она была уже выше силъ человѣческихъ.

Заслуга Велепольскаго заключалась именно въ томъ, что онъ пошелъ отважно, по убѣжденіямъ, расходившимся съ убѣжденіями его современниковъ, на неминуемую почти неудачу; можетъ быть, эта отвага родилась въ немъ вслѣдствіе преемственнаго самолюбія, можетъ быть, вслѣдствіе слишкомъ низкой оцѣнки психологическихъ элементовъ задолго до того подготовленной революціи, а можетъ быть, по совокупности обѣихъ этихъ причинъ. Онъ не могъ, да и никто въ 1861—1863 годахъ не могъ совладать съ психическою силою, представляемою

извѣстнымъ установившимся настроеніемъ общественнымъ, прорывающимся сквозь всевозможныя плотины. Съ психологическими элементами считаться вообще въ политикѣ трудно, до того они неуловимы. Какую важность можно было приписывать какому-нибудь поэту, котораго вымыслы и идеалы прямо къ дѣлу неприложимы, который притомъ и бряцалъ бы на своей лирѣ гдѣ-нибудь за тридевять земель за границей, и котораго стихотворенія даже и не могли распространяться быстро, потому что были запрещены. Теперь мы склоняѣе уменьшать, нежели увеличивать значеніе вліянія литературы, вообще и поэзіи на ходъ событій. Въ своемъ предисловіи къ т. I «Всеобщей исторіи литературы» В. О. Коршъ писалъ недавно о литературѣ: «Не она является причиной политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, пережитыхъ народами въ послѣднее время. Историкъ литературы *не можетъ достаточно протестовать противъ такого грубаго предразсудка*, причиняющаго литературѣ и обществу большія невзгоды. Литература была по преимуществу выразительницею такихъ идей и стремленій, которыя уже существовали и жили въ обществѣ, и которыя только выяснялись въ художественныхъ образахъ или теоретическихъ изслѣдованіяхъ. Только выясненіемъ ихъ двигала она общество.» Если нельзя сказать, чтобы эти мысли не были вѣрны въ большинствѣ случаевъ, то бываютъ иногда условія, при которыхъ онѣ не оправдываются, и при которыхъ событія получаютъ обратный ходъ, прямо противный тому, который представленъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ. Вообразите общество мыслящее и живущее, которое изолировано совсѣмъ отъ жизни общественной и по внѣшнимъ условіямъ недѣятельно. Вся его психическая жизнь уйдетъ въ мечтанія, въ поэзію; власть надъ умами получать люди воображенія, судьбами общества распоряжаться будетъ та способность, которую французы называютъ *la folle du logis* и которое можетъ увлекать всѣхъ массами на свои пути и причинять перевороты. Такою опасною силою явилась литература въ польскомъ обществѣ въ періодъ отъ начала тридцатыхъ до конца пятидесятихъ годовъ. Чѣмъ меньше было общество оборганизовано, тѣмъ сильнѣе на него было вліяніе поэтовъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на эту поэтическую лабораторію.

Въ I-мъ томѣ своего польскаго труда о Велепольскомъ, г. Лисичкѣй (стр. 179) изображаетъ слѣдующимъ образомъ общество польское передъ повстаніемъ 1863 г.: «Оно было конгломератъ отдѣльныхъ кастъ и состояній, не спаянныхъ общностью интересовъ, понятій и стремленій. Въ шляхтѣ сосредоточивался весь синтезъ націо-

нальной идеи и вся интеллигенція страны, потому что къ ея составу причислялось все, что превосходило ее положеніемъ и образованіемъ, но за нею и внѣ ея были одни только отрицательныя числа. Третье состояніе не существовало, по неимѣнію къ тому матеріала, на службѣ у правительства состояли сыновья чиновниковъ или искатели куска хлѣба; такимъ-то образомъ возникла бюрократическая каста, сомнительная, непріязненная по отношенію къ дворянству, вѣрная правительству насколько того требовалъ ея интересъ, равнодушная къ общественному благу и лишенная чувства долга. Необтесанный и необразованный крестьянинъ, чуждающійся понятій законности и собственности, не переступалъ порога общественного зданія, съ которымъ его связывало только принужденіе, и внутренность котораго была ему совсѣмъ неизвѣстна. Непользующійся всѣми гражданскими правами еврей существовалъ въ видѣ паразита и возмѣщалъ себѣ свою приниженность извлеченіемъ матеріальныхъ выгодъ изъ организма, къ которому онъ приросъ. Однимъ словомъ, то была постройка безъ фундаментовъ и стѣнъ». Въ этой картинѣ краски наложены, можетъ быть, слишкомъ густо, но она въ главныхъ чертахъ вѣрна. Въ щели между обломками господствовавшей касты и въ самыя внутреннія скважины этой касты проникали снизу новые, болѣе подвижные элементы, а внизу залегалъ въ видѣ гущи осадокъ почти внѣ закона стоящихъ массъ, не сознающихъ порядкомъ не только того, что они національность, но даже — что они люди. Слѣдовало во что бы то ни стало сплотиться, хотя бы подъ страхомъ смерти цѣлаго, если это сплоченіе не совершится. Оно могло произойти при обыкновенныхъ нормальныхъ условіяхъ подъ либеральными учрежденіями, которыя бы уравнили всѣ состоянія въ правахъ и заставили ихъ участвовать сообща въ дѣятельности общественной. Такъ какъ этой возможности общество было лишено, то оставалось другое средство: сплавить всѣ части въ одно цѣлое, подвергнувъ ихъ дѣйствію сильного огня — чувства національнаго патріотизма, доведеннаго до наибольшаго напряженія при высокой температурѣ, какой свойственъ революціоннымъ кризисамъ.

Эту по своей интензивности страшно великую работу совершила польская романтическая поэзія выходцевъ, засіявшая тремя первостепенными свѣтилами, почти одинаково яркими: Мицкевичъ, Словацкій и Красинскій, — въ томъ ея историческое значеніе, въ томъ и роковая почти неизбѣжность повстанія 1863 г. Възвѣсивъ и хорошія ея стороны, и дурныя послѣдствія порожденной ею катастрофы, кончившейся кровопу-

сканіемъ, об'ѣднѣніемъ, репрессаліями, упадкомъ силъ, придется однако заключить, что элементы добра, которые внесла въ жизнь эта поэзія, значительно превосходятъ элементы зла; идеалы ея разсѣялись и не удовлетворяютъ настоящаго поколѣнія, но пріобрѣтено чувство самосознанія и національной солидарности. Можно сказать, что польская національная ладья идетъ впередъ донинѣ силою взмаха, сообщеннаго этой ладѣ ея *отцами* пѣвцами. Явившись въ видѣ протеста противъ отрицанія національности, и въ политическомъ ея быту, и въ культурномъ, эта поэзія избрала своимъ девизомъ самобытность и культурную, и политическую, и поставила вопросъ ребромъ: *все — либо ничего*, — не быть Польшѣ, — либо существовать ей самостоятельно въ предѣлахъ 1772 года. Подкладку этого идеала составляла вѣра въ свой народъ, восторженная, почти фанатическая, оступавшаяся въ религиозный мистицизмъ. Вѣра эта требовала жертвъ и прилагалась непосредственно къ дѣлу. Одни изъ вліятельнѣйшихъ выходцевъ дѣйствовали дипломатически на кабинеты, на европейскіе парламенты, и чрезъ прессу — на общественное мнѣніе Европы. Особенно дѣятельнымъ въ этомъ отношеніи лицомъ былъ бывшій адъютантъ в. князя цесаревича Константина Павловича, племянникъ Адама Чарторыскаго, Владиславъ Замойскій, извѣстный въ эмиграціи подъ именемъ генерала Замойскаго. Книга Лисицкаго (Le Marquis I, 100) приписываетъ этому романтику въ политикѣ мысль о томъ, чтобы послѣ взрыва 29 ноября 1830 поставить цесаревича во главѣ революціоннаго движенія, — когда же это неудалось, то — склоненіе цесаревича къ тому, чтобы уйти изъ Варшавы, отпустивъ польскіе полки для соединенія ихъ съ временнымъ правительствомъ. За-границею, среди эмиграціи, генералъ Замойскій былъ дѣйствительный шефъ дипломатическаго кабинета своего дяди въ отелѣ Ламберъ, неутомимый, когда нужно было возбудить громкіе на всю Европу толки о Польшѣ въ прессѣ, во французской палатѣ депутатовъ или въ англійскомъ парламентѣ. Другіе эмигранты предлагали свои услуги всякому революціонному движенію въ Европѣ, лишь бы могъ всплыть польскій вопросъ въ общеевропейской суматохѣ. Одни изъ выходцевъ опирались на шляхту, причемъ надѣялись, что когда начнется движеніе, то въ порывѣ патріотизма шляхта сама дастъ земельный надѣлъ крестьянамъ въ минуту повстанья. Другіе входили въ роль Маратовъ, Робеспьеровъ, и начинали съ соціальнаго переворота, звали просто крестьянъ къ тому, чтобы вырѣзать помещиковъ и затѣмъ уже освободиться политически и устроиться. Послѣдняго рода агитацію устраивало эмиграціонное демокра-

тическое общество съ его комитетомъ или такъ-называемою централизаціею въ Поатъе, а потомъ въ Версали. Тогда уже обозначился фактъ, который долженъ былъ повторяться неизмѣнно во всѣхъ событіяхъ вплоть до 1863 г., что какъ ни междуусобствовали между собою бѣлые и красные, когда красные произвели революціонную вспышку, то чтобы не проявлять междуусобія, бѣлые рѣшались лучше преклониться передъ признаваемою имъ за безумную вспышкой, какъ передъ совершившимся событіемъ, и признать его за результатъ, добытый совокупными усиліями цѣлой національности. Такою затѣею демократическаго общества, акцептованнаго потомъ и со стороны *бѣлыхъ* (манифестъ А. Чарторыскаго, сочиненный В. Замойскимъ), былъ заговоръ 1846 г., клонящійся къ тому, чтобы, возбудивъ повстаніе въ в. к. Познанскомъ, Краковской республикѣ и Галиціи, перекинуть потомъ это пламя въ царство польское и литовскія губерніи. Результатомъ движенія были: присоединеніе Краковской республики къ Австріи, громадный политическій процессъ въ Берлинѣ (2 дек. 1847), избиеніе шляхты въ польскихъ округахъ Галиціи (февраль 1846). Русскія власти въ царствѣ польскомъ не допустили распространиться крестьянскому движенію на царство польское, но ни консерватизмъ, ни дворянскія симпатіи тогдашняго русскаго правительства не могли однако заставить его упустить изъ виду, что въ рукахъ его обрѣтаются для обузданія всякаго шляхетскаго движенія достаточныя средства въ видѣ аграрныхъ мѣропріятій. Указъ 26 мая (7 іюня) 1846 г. положилъ предѣлъ обезземеленію крестьянъ, воспретивъ помѣщикамъ сгонять крестьянъ съ занимаемыхъ ими надѣловъ и присоединять ихъ участки къ фольварочнымъ.

Польскія волненія 1846 года были только предвозвѣстникомъ обще-европейской революціи 1848 и 1849 гг., которой исходъ способенъ былъ внушить для поверхностнаго наблюдателя самое высокое понятіе о вѣдѣнномъ могуществѣ Россіи и о глубокомъ превосходствѣ ея государственной политики. Все взволновалось на Западѣ, но эти волны не переступали за порогъ Россіи, являющей изъ себя какъ-бы подобіе неподвижной вѣчности, оплотъ монархическаго, по божескому праву, порядка. Выдающимися моментами этого торжества консервативной политики было безвозмездное спасеніе Австріи посредствомъ венгерскаго похода, въ которомъ Паскевичъ одолѣвалъ революціонныхъ генераловъ-выходцевъ — Дембинскаго и Бема, и послѣ котораго 17 октября 1849 г. князь Варшавскій получилъ изъ рукъ самого государя брилліантовый жезлъ фельдмаршала, а при этой быт-

ности государя въ Варшавѣ послѣдовало въ концѣ 1849 г. учрежденіе по губерніямъ и уѣздамъ царства польскаго предводителей дворянства, но не по выборамъ, а по назначенію отъ правительства.

Въ польско-русскомъ вопросѣ наступило нѣчто въ родѣ обманчиваго затишья. Ходъ обще-европейской революціи 1848 г. — таковъ, что сначала были стерты и ступевались всѣ среднія направленія, всѣ начинанія во имя правъ лица и свободы, а обрисовались только два крайнія: терроръ красный и терроръ бѣлый; затѣмъ, послѣдній изъ этихъ абсолютовъ восторжествовалъ надъ первымъ, вслѣдствіе того, что затѣи революціонизма оказались чистѣйшими утопіями и потеряли кредитъ. Въ демократовъ-агитаторовъ поляки извѣрились и дѣйствовать устали; на тихій сонъ стала убаюкивать общество новая смѣна пѣвцовъ, не вѣщихъ людей и не пророковъ, а больше почитателей народной старины, предлагавшихъ обществу, какъ идеаль, красоты, или, лучше сказать, безобразія старошляхетскаго быта (Поль, Ржевускій). Но если поколебалась вѣра, то только въ средства и въ близость осуществленія цѣлей; программа патріотизма оставалась та самая, какая выработана была эмиграціею, безъ ограниченій и уступокъ: все или ничего! Съ другой стороны, если давленіе на систему управленія снизу ослабѣло, то само это управленіе хотя и осталось, чѣмъ было прежде — системою милитаризма и механическаго укрощенія, но сдѣлалось какимъ-то мягкимъ, такъ-сказать беззубымъ, съ которымъ въ тихомолку можно было ладить, а аристократическимъ элементамъ даже дѣлались и уступки. Князь Варшавскій видимо состарился и сдѣлался добродушнѣе. Правительство приписывало превосходству самой системы управленія то, что происходило наперекоръ ей, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ. Незримо подвергалось гніенію нутро системы и подтачиваемы были его устои; оно атрофировалось, потому что при томъ состояніи запугиванья некого было укрощать. Вниманіе правительства устремлено было въ другую сторону, на виѣшнюю войну, на Константинополь, ему казалось, что наступило время покончить съ восточнымъ вопросомъ.

Послѣдовала затѣмъ севаستопольская война, за которою слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ и поляки. Польскій вопросъ не былъ, однако, поставленъ ни въ этой войнѣ, ни на парижскомъ конгрессѣ ¹⁾.

¹⁾ Lisicki II, 68. Le cabinet de St.-Petersbourg ordonna au prince Orlow de déclarer que la dignité de la Russie ne permettait pas que cette question fut discutée au congrès, mais que l'empereur Alexandre avait résolu de rendre aux Polonais tout ce dont on venait de lui parler.

Неудачею кончилась попытка генерала Замойскаго образовать польскій легіонъ въ Турціи; были, конечно, поляки, которые осаждали Севастополь въ рядахъ англо-французскаго союза, но были и въ рядахъ русскихъ войскъ. Согласно волѣ императора Николая, многіе молодые люди изъ знатнѣйшихъ польскихъ фамилій вступили въ военную службу; въ томъ числѣ, и по желанію отца, молодой Сигизмундъ Велепольскій. Послѣ заключенія парижскаго мира въ 1856 г., ожиданія народа, жившаго только одними надеждами, направились на самодержца, который открывалъ для своей имперіи новую эпоху коренныхъ реформъ. Надежды эти питали не только подданные руссійскаго монарха, но и иностранцы. То было время, когда графъ Титъ Дзялынскій писалъ въ великомъ княжествѣ Познанскомъ свое посвященіе «Матеріаловъ о люблинской Уніи» (*Zsrodłopismo do dziejów unii*, 1856) руссійскому императору какъ «могущественнѣйшему владыкѣ славянскихъ народовъ». Въ такихъ условіяхъ историческую важность пріобрѣтаетъ моментъ перваго посѣщенія Варшавы недавно коронованнымъ монархомъ, въ маѣ 1856 г.

VII.

Начало новаго царствованія. — Князь Горчаковъ и Мухановъ. — Образованіе Земледѣльческаго общества.

Много разъ въ польской иностранной литературѣ возбуждаемъ былъ вопросъ, разрѣшимый лишь гадательно о томъ, какая разница произошла бы въ послѣдующихъ событіяхъ, если бы перемѣны въ устройствѣ управленія царства польскаго, которыя были дарованы по ходатайству намѣстника князя Горчакова и по идеѣ Велепольскаго въ 1861 г., возможно было осуществить нѣсколькими годами раньше, а именно въ 1856 г. Вопросъ этотъ сложенъ и имѣетъ нѣсколько сторонъ. Одна изъ нихъ касается Россіи: позволяли ли ея внутреннія отношенія въ 1856 г. надѣяться на осуществленіе программы, которая въ 1861 г. пользовалась сочувствіемъ русскаго образованнаго общества и поддержкою со стороны государственныхъ людей и патріотовъ русскихъ, помогавшихъ сильно Велепольскому стать твердою ногою въ С.-Петербургѣ. Другая касается поляковъ и ставится такимъ образомъ: удовлетворили ли бы поляковъ льготы, дарованныя имъ въ 1861 г., если бы онѣ были даны до начала революціоннаго движенія, и получилъ ли бы польскій вопросъ правильное теченіе по этому руслу, не выступая изъ береговъ. Есть въ матеріалахъ, издав-

ныхъ въ сочиненіи на польскомъ языкѣ г. Лисицкимъ (II, 39) интересный документъ, носящій названіе записки Эноха, поданной 2-го марта 1861 г. князю Горчакову, но въ дѣйствительности писанный, по всей вѣроятности, Велепольскимъ, какъ то мы и постараемся доказать, когда дойдемъ до событій 1861 г. Въ этой запискѣ изображено состояніе польскаго общества уже въ то время, когда движеніе массъ началось такъ, что его приходилось тормазить, между тѣмъ какъ въ 1856 г. его слѣдовало бы только предупреждать. «Матеріальная сила, — говоритъ эта записка, — достаточна, конечно, на то, чтобы терроризировать движеніе, но матеріальная сила есть только одинъ изъ базисовъ власти. Нельзя предаваться иллюзіямъ: реформы, которыя можно было бы ввести, какъ бы широки онѣ ни были, не удовлетворяютъ массъ, потому что массы желаютъ безусловной независимости, или по крайней мѣрѣ чисто личной связи Польши въ прежнихъ ея границахъ съ російскою имперією. Съ этой стороны ничего не подѣлаешь. Но остается еще численно ограниченная партія, вліятельная по своему общественному положенію, состоянію, высшей образованности, состоящая изъ помѣщиковъ, чиновниковъ и вообще изъ зажиточныхъ классовъ населенія. Нѣтъ возможности ихъ вполне удовлетворить или привязать, потому что въ своихъ душевныхъ пожеланіяхъ они за-одно съ массами. Но, съ другой стороны, эти классы чувствуютъ, сколько они потеряютъ въ насильственномъ ниспроверженіи порядка, и понимаютъ, что они будутъ обойдены. Они кинутся въ движеніе, только потерявъ всякую надежду улучшить свою участь. Можно бы мудрыми реформами помѣшать этимъ классамъ принять участіе въ движеніи, затѣянномъ горячими головами. Нѣтъ надобности въ томъ, чтобы эти реформы для достиженія были черезъ-чуръ широкія».

Не подлежитъ сомнѣнію, что замиреніе даже на основаніи самыхъ широкихъ уступокъ не могло бы быть въ пятидесятихъ годахъ вполне искренное, потому что идея политической самобытности глубоко сидѣла въ головахъ, и всякія блага, не доходящія до этой нормы, приняты были бы какъ нѣчто временное, въ видѣ задатка, такъ-сказать безъ выдачи полной квитанціи въ томъ, что поляки никогда бѣльшаго и не будутъ желать. Но съ другой стороны, самопроизвольность всякаго дара производитъ громадное впечатлѣніе; оказанное довѣріе льстило бы въ высшей степени національному самолюбію, — эту черту знали и пользовались ею русскіе. Князь П. А. Вяземскій пишетъ: «Поляки впечатлительны, на нихъ сильно отражается и радость, и горе (Соч. I, XLI); они народъ нервическій, щекотливый, раздражи-

тельный. Наполеонъ доказалъ, что ихъ можно заговаривать. За нѣсколько политическихъ мадригаловъ Польша кидалась за него въ огонь и въ воду (II, 89. Моя исповѣдь). Кромѣ того, если несомнѣнно, что они сильно мечтали о несбыточномъ, то нѣтъ лекарства, которое бы скорѣе и дѣйствительнѣе освобождало отъ сложившихся въ праздномъ бездѣйствіи мечтаній, какъ занятіе чѣмъ-нибудь положительнымъ, открытіе для дѣятельности какого-нибудь поприща, на которомъ можно бы работать на пользу своей общественности. Какъ великъ былъ размѣръ требованій, при удовлетвореніи которыхъ правительство сдѣлалось бы въ 1856 г. популярнымъ? На этотъ вопросъ находимъ отвѣтъ въ книжкѣ барона Фиркса, болѣе извѣстнаго у насъ подъ псевдонимомъ Шедо-Феротти: «Que fera-t-on de la Pologne? 1864. Berlin Bruxelles et Leipzig», р. 4, 5. Къ нему обратились польскіе патриоты изъ высшей аристократіи и поручили 2-го мая 1856 г. составить записку о нуждахъ и потребностяхъ края. Изъ просительныхъ пунктовъ исключены, послѣ продолжительныхъ обсужденій, ходатайство объ особомъ государственномъ совѣтѣ царства польскаго и учрежденіяхъ, обѣщанныхъ органическимъ статутомъ. Четыре пункта промеморіи, сочиненной Фирксомъ, заключали въ себѣ только слѣдующее: 1) амнистія выходцамъ; 2) возвращеніе сосланныхъ въ Сибирь, 3) участіе помѣщиковъ въ мѣстномъ управленіи, посредствомъ выборныхъ, а также участіе въ судѣ и полиціи, 4) образованіе польскаго университета. Другой объяснительный по тому же вопросу документъ есть проектъ адреса, составленнаго Велепольскимъ, бывшимъ въ числѣ предводителей дворянства; онъ помѣченъ 25-мъ мая 1856 г. и предназначался къ подачѣ отъ имени дворянства при представленіи въ Лазенковскомъ дворцѣ (*Lisicki, A. Wielopolski, II, 17—21*). Адресъ этотъ, написанный въ самыхъ вѣрноподданныхческихъ выраженіяхъ, благодаритъ за начальныя слова приѣма 23-го мая: «забытіе прошлаго (*l'oubli du passé*)», и поясняетъ другія слова: *point des rêveries*,—тѣмъ, что, не предаваясь никакимъ мечтаніямъ и заключая желанія въ кругу усовершенствованій внутренняго устройства, дворянство ходатайствуетъ о расширеніи средствъ и умноженіи учрежденій народнаго воспитанія. И въ этомъ адресѣ не было намека на органическій статутъ. Адресъ остался только въ видѣ проекта, онъ былъ просмотрѣнъ, но его не было разрѣшено подать.

Результатомъ майскихъ дней 1856 г. были широкія милости личныя, вводящія въ общество польское ссыльныхъ сибирскихъ и открывающія предѣлы Россіи, съ малыми исключеніями, почти всѣмъ эми-

грантамъ, состарившимся на чужбинѣ въ идеяхъ реставраціи, людямъ едва ли примиримымъ. Менѣе удачны были попытки выхлопотать что-либо для польской общественности. Выражено было, что останется безъ измѣненій порядокъ, установленный въ прошедшее царствованіе ¹⁾. Конечно, предвидѣлись преобразованія, хотя бы для того, чтобы привести въ соотвѣтствіе устройство царства польскаго съ обновляемымъ общественнымъ бытомъ Россіи; но эти реформы для самой Россіи представлялись въ неясныхъ очертаніяхъ, въ однѣхъ идеяхъ и зачаткахъ, польскій общественный вопросъ занималъ мѣсто одно изъ послѣднихъ въ ихъ чредѣ, какое онъ занимаетъ и въ настоящее время.

Итакъ, въ окончательномъ результатѣ съ индивидуальной точки зрѣнія жизнь сдѣлалась несравненно привольнѣе и свободнѣе, кто хотѣлъ, могъ свободно ѣхать подышать за границей, темпераментъ управленія измѣнился, въ немъ стали отражаться черты добродушія и мягкости, свойственныя намѣстнику князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову (1792 + 1861). Лисицкій въ своей книгѣ находить все прекраснымъ въ князѣ и превозноситъ его до небесъ; съ другой стороны, анекдотистъ разсказовъ событій польской смуты Н. Б. («Русская Старина», 1880 г., сентябрь, 109), котораго перо привыкло рисовать даже лично видѣнное имъ въ каррикатурахъ и давать разсказу игривые аллюры, представляетъ князя Горчакова почти въ видѣ идіота, весьма немудраго возницу, руководимаго польскими аристократами, обезличеннаго долгимъ пребываніемъ при деспотѣ Паскевичѣ и не замѣтившаго, какъ онъ слетѣлъ съ козелъ. Въ дѣйствительности князь Горчаковъ не заслужилъ по французскому классическому стиху *ni cet excès d'honneur*, котораго онъ удостоивался отъ Лисицкаго, *ni cette indignité*, которой его подвергаетъ Н. Б. — Князь Горчаковъ былъ настоящій джентльменъ, прямой и вѣрный своему слову, и, что чрезвычайно важно въ управляющемъ, пользовался довѣріемъ. При отсутствіи оборганизованныхъ органовъ польскаго общества, всякій правитель въ царствѣ польскомъ по необходимости долженъ вести знакомство съ выдающимися людьми въ великосвѣтскомъ варшавскомъ обществѣ; черезъ нихъ доходятъ до него кое-какія извѣстія о настроеніи общества въ краѣ. Точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ умахъ интеллигенціи, а тѣмъ болѣе, что совершалось въ нѣдрахъ общества, какія пред-

1) En conservant les droits et les institutions telles qu'elles lui ont été données par mon Père, je suis disposé à assurer à ce pays tout ce qui peut lui être profitable et tout ce que mon Père lui a accordé et octroyé. ....Au besoin je saurai sévir et je sévirai.—Lisicki, Le marquis W. II, 16.

ставленія и чувства волновали руководящіяся темными инстинктами и дѣйствующія полусознательно массы,—не имѣлъ князь Горчаковъ, какъ не имѣли ихъ его предшественники и его преемники. Ни князь Горчаковъ, ни окружающіе его ближайшіе сподвижники не обращали особеннаго вниманія на то, что ось вращенія жизни имѣетъ два полюса, счастье личное и счастье общественное, что необходимо считаться съ общественными идеалами, потому что небольшого толчка достаточно для превращенія ихъ въ живую силу, для увлеченія ими подобно потоку не только вѣрующихъ, но даже скептиковъ, сознающихъ неразумность, нелѣпость и пагубность этого движенія. Князь Горчаковъ —преимущественно военный человекъ—не входилъ въ подробности гражданскаго управленія, которое цѣликомъ почти лежало на г. П. Мухановѣ, завѣдывавшемъ въ качествѣ попечителя округа учебными заведеніями, и въ качествѣ директора правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ —пріобщенными къ этой комиссіи послѣ 1831 г. исповѣданіями. Г-нъ Мухановъ представлялъ собою типъ чиновника, вышколеннаго въ системѣ управленія Паскевича, трудолюбиваго, дѣловаго, расторопнаго, отлично понимавшаго, что можно въ данную минуту укротить и обуздать всякія шляхетскія затѣи, возстановивъ на помѣщиковъ крестьянъ, но неспособнаго возможности управлять людьми иными способами, кромѣ обычныхъ механическихъ пріемовъ бюрократизма. Мухановъ женатъ былъ на полькѣ (гр. Лубенской) и отлично владѣлъ польскимъ языкомъ, постигалъ условія административнаго сепаратизма царства польскаго; но ни на одну минуту его не покидало высокомѣрное чувство человека отъ природы по національности своей предназначеннаго, чтобы править неспособными къ самобытному существованію людьми иной національности. Г-нъ Мухановъ былъ глубоко убѣжденъ, что римско-католическое духовенство надобно держать въ ежовыхъ рукавицахъ, что всякое разрѣшеніе собираться и обсуждать сообща вопросы всегда будетъ имѣть одинъ исходъ—политическую агитацію. Сама мысль объ университетѣ въ Варшавѣ его пугала: «тогда надобно будетъ выстроить, сказалъ онъ, вторую цитадель». Отсюда вытекали его предположенія о томъ, чтобы, не образуя въ одномъ пунктѣ университета, разсѣять по всему краю отдѣльные факультеты—проектъ просто несбыточный по неимѣнію матеріальныхъ средствъ, которыхъ бы требовало его осуществленія. Г-нъ Мухановъ воплощалъ въ себѣ всю систему; понятно, что на него должны были направиться первые удары революціи, какъ

на выставленную мишень, и его паденіе должно было значить почти то же, что паденіе цѣлой системы.

Въ 1857 году послѣдовали два мѣропріятія, предназначенныя къ удовлетворенію въ нѣкоторой части тѣхъ ходатайствъ, съ которыми, какъ извѣстно было, носилась шляхта, хотя ей не дано ихъ офиціально выразить. Варшавѣ пожалованъ не университетъ, а медицинская академія, пробный оселокъ, по которому можно было бы узнать, возможно ли существованіе высшаго учебнаго заведенія въ безпокойномъ городѣ. Одновременно разрѣшено учрежденіе «Земледѣльческаго Общества», въ которое съ-разу записалось огромное число помѣщиковъ, капиталистовъ и интеллигентныхъ людей всѣхъ сословій. Г-нъ Мухановъ принималъ дѣятельное участіе въ образованіи этого общества; посредствомъ этого палліатива онъ надѣялся обойти съ каждымъ годомъ сильнѣе проявлявшуюся потребность въ учрежденіяхъ, въ средѣ которыхъ можно было бы возбуждать и гласно разбирать общественные вопросы. Учреждено частное общество; ему разрѣшено заниматься однимъ земледѣліемъ; но царство польское было въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, по отсутствію всякихъ другихъ органовъ и каналовъ жизни общественной, всякое промышленное предпріятіе нѣсколько большихъ размѣровъ получало политическую окраску и политика проникала даже въ пренія объ удобреніи полей, пшеницѣ и картофелѣ. За неимѣніемъ всякой другой организаціи, Земледѣльческое Общество превратилось мало-по-малу въ фактическое представительство общественнаго мнѣнія страны. Въ скоромъ времени политическое значеніе его признано было самимъ правительствомъ: оно разрѣшило подвергнуть обсужденію Земледѣльческаго Общества крестьянскій вопросъ. Тогда это частное общество, получивъ офиціально въ свои руки самый жгучій изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ—аграрный, имѣло уже основаніе разсматривать себя какъ родъ законодательнаго собранія. Вскорѣ послѣ того, подъ вліяніемъ событій и подъ давленіемъ начавшагося въ массахъ революціоннаго движенія, оно мало-по-малу превратилось въ одинъ изъ факторовъ этой революціи. Но прежде чѣмъ коснемся этой стороны дѣятельности Земледѣльческаго Общества, котораго членомъ Велепольскій не сдѣлался и къ которому при первыхъ его шагахъ на политическомъ поприщѣ онъ отнесся враждебно, мы должны, придерживаясь хронологическаго порядка событій, коснуться еще одного эпизода изъ частной жизни маркиза; этотъ эпизодъ заставилъ много говорить и писать о Велепольскомъ и усилилъ еще болѣе и безъ того значительную его непопулярность:—я раз-

умѣю дѣло объ утвержденіи и исполненіи духовнаго завѣщанія о библіотекѣ, собраніяхъ и капиталахъ Константина Свидзинскаго.

VIII.

Дѣло о завѣщаніи Свидзинскаго.

Константинъ Свидзинскій (1793—1855), известный археологъ и библіофилъ, былъ десятью годами старѣе Велепольскаго, съ которымъ впервые познакомился, когда они оба засѣдали въ званіи пословъ или депутатовъ на сеймѣ 1831 года, во время революціи, и подружились. Свидзинскій устно и печатно принялъ тогда сторону Велепольскаго, защищая его отъ несправедливыхъ нападокъ на него личнаго врага его Ольриха, по поводу дѣятельности Велепольскаго во время лондонской его миссіи и правъ на участваніе въ сеймѣ въ роли посла. Оба пріятеля были люди знатные, консерваторы и аристократы, оба очутились въ изгнаніи въ Краковѣ въ 1831, гдѣ Велепольскій помышлялъ о профессурѣ заграницей, а Свидзинскій сталъ предаваться страсти, которая потомъ его цѣликомъ поглотила—собиранію рѣдкихъ книгъ и памятниковъ древности. Свидзинскій цѣнилъ въ Велепольскомъ солиднаго знатока исторіи и человѣка весьма опредѣленныхъ и стойкихъ политическихъ убѣжденій. Ихъ связывала еще одна черта, рѣдкая въ современныхъ имъ полякахъ: отзывчивость на славянскую идею, на которой Велепольскій, какъ практическій человѣкъ, основывалъ свою политику, между тѣмъ какъ Свидзинскій открылъ ее, роаясь въ старинѣ и доходя до общихъ славянскимъ національностямъ корней. Свидзинскій съ 1833 г. поселился въ кievской губерніи, посѣщалъ часто Кіевъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ литературной дѣятельности польскаго кружка, гдѣ главнымъ лицомъ былъ Михаилъ Грабовскій; онъ былъ также въ близкихъ отношеніяхъ къ малороссійскому кружку (Кулишъ, Костомаровъ), и дожилъ до старости холостякомъ. Подъ конецъ жизни, его стала сильно занимать мысль, какъ-бы передать свои литературныя сокровища въ надежныя крѣпкія руки на пользу общественную, для соотечественниковъ-поляковъ. Задача была не легкая, печальная судьба постигала общественно-польскія учрежденія, воздвигаемыя трудами частныхъ лицъ изъ пожертвованій, библіотека Залусскихъ отвезена какъ трофей въ С.-Петербургъ послѣ раздѣла Польши въ 1795 г., туда же отправлена послѣ 1831 года

библіотека Общества любителей наукъ. Музей, устроенный въ Вильнѣ трудами Константина Тышкевича въ бывшей большой залѣ университета, очищенъ послѣ 1863 г. руками псевдоревнителей русской народности отъ всѣхъ предметовъ, могущихъ пробуждать пріятныя для поляка воспоминанія, съ устраненіемъ отъ завѣдыванія имъ, какъ самого учредителя, такъ и вообще лицъ польскаго происхожденія. Свидзинскій сознавалъ всю шаткость почвы, всю неустойчивость учрежденій, предоставляемыхъ самимъ себѣ въ минуты потрясеній общественной почвы, и потому рѣшился прислонить ее къ чему-нибудь столь надежному и прочному, чего бы никакія общественныя бури не могли, по его соображеніямъ, ниспровергнуть ее. Такою крѣпкою точкою опоры показалаь ему *ординація Мышковская* Велепольскаго, съ которою онъ рѣшился соединить неразрывно свое книгохранилище и свои коллекціи, въ надеждѣ, что Велепольскій, тронутый этимъ знакомъ довѣрія, приметъ за вѣщанное и исполнить его предсмертную волю. Просить лично о томъ Велепольскаго ему не довелось, но онъ писалъ къ нему письмо, изъ котораго заимствуемъ слѣдующіе отрывки (*Biblioteka Warszawska* z r. 1857, III, 463): «Все, что для меня всего дороже, чему я посвятилъ всѣ мои достатки, способности и жизнь, довѣрляю твоимъ рукамъ и отдаю подъ твою охрану. Я уповаю, что ты порадишь объ этомъ моемъ трудѣ, что ты его устроишь и оградишь такъ, чтобы онъ пребывалъ при имени рода твоего нетронутымъ и не разсѣяннымъ на будущіе вѣка, на благо соотчичамъ. Обязую тебя подвести музей мой подъ права и привилегіи ординаціи. Во-вторыхъ, желаю, чтобы ты купилъ немедля домъ въ Варшавѣ, для помѣщенія библіотеки. Если бы были затрудненія съ Варшавою, желаю, чтобы ты избралъ Сульгостовъ» (имѣніе Свидзинскаго въ радомской губерніи). Неизвѣстно, дошло ли это письмо безъ числа, обнародованное Бартошевичемъ, до Велепольскаго, прежде смерти Свидзинскаго и далъ ли Велепольскій какой-либо отвѣтъ.

Велепольскіе, отецъ и сынъ, находились въ то время, когда Свидзинскому близился конецъ, далеко за границей—въ Италіи. При осуществленіи своей идеи, Свидзинскій обнаружилъ большую непрактичность. 11-го октября 1855 года, онъ составилъ только имъ самимъ подписанную записку, озаглавленную *подписилемъ*, но по неформальности своей не имѣющую никакой силы; въ ней онъ поручалъ свои коллекціи опекѣ 42 лицъ, называемыхъ имъ «попечителями» учрежденія изъ ученыхъ и друзей, съ которыми онъ состоялъ въ частныхъ личныхъ или литературныхъ сношеніяхъ, или которыхъ просто уважалъ, не будучи знакомъ съ

ними лично ¹⁾. Нѣкоторые изъ этихъ нареченныхъ попечителями окружали Свидзинскаго передъ его кончиною и настаивали на томъ, чтобы онъ выразилъ точнѣе свою волю въ формѣ устава, но Свидзинскій не захотѣлъ этого исполнить. Одинъ изъ близкихъ пріятелей умирающаго, Эразмъ Михаловскій поднесъ ему сочиненный имъ проектъ устава музея имени Свидзинскаго, въ которомъ хотя и предполагалось, что музей будетъ существовать при Мышковской ординаціи, но маркизъ отъ завѣдыванія учрежденіемъ почти совершенно устранился; музей долженъ былъ состоять въ Варшавѣ подъ вѣдѣніемъ двухъ кураторовъ, съ предоставленіемъ Велепольскому одной только комнаты въ томъ домѣ. Свидзинскій не далъ своей подписи и, отвернувшись къ стѣнѣ отъ убѣждавшихъ его подписаться, сказалъ: Велепольскій имѣетъ больше ума, нежели всѣ вы (Biblioteka Ordyn. Mysz. z 1860). Позднѣе такъ-называемаго «кодициля», отъ 11 октября, составлено 14 ноября настоящее и формальное завѣщаніе Свидзинскаго, которое, какъ послѣднее его распоряженіе, только одно и можетъ быть считаемо его предсмертною волею. По этому завѣщанію (Bibl. Ord. Mysz. Zapis K. Swidzińskiego r. 1859), онъ дѣлалъ незначительный отказъ въ пользу родного брата подъ условіемъ, чтобы онъ не претендовалъ на остальное, и записывая кое-что родственникамъ и слугамъ, завѣщатель выразился такимъ образомъ: все остальное свое состояніе, заключающееся въ Сульгостовѣ, капиталахъ и коллекціяхъ... «записываю и навѣки дарю Александру Осиповичу Велепольскому и его потомкамъ на правахъ полной и неограниченной собственности. Однако я желаю и о томъ наслѣдника по завѣщанію прошу, чтобы онъ купилъ либо выстроилъ домъ для помѣщенія коллекцій и библіотеки либо въ Сульгостовѣ, либо въ Варшавѣ, либо гдѣ онъ найдетъ, что то будетъ соотвѣтственнѣе для достиженія цѣли; чтобы онъ содержалъ библіотекаря изъ доходовъ Сульгостова и озаботился изданіемъ рукописей. Прошу Велепольскаго употребить всѣ старанія, чтобы библіотека и рукописи, раздѣляя судьбу Мышковской ординаціи, не могли быть отчуждаемы. Предоставляю ему власть продать Сульгостовъ или обмѣнять на другое имѣніе для умноженія средствъ содержанія и для увеличенія библіотеки». Завѣщатель назначилъ 4-хъ душеприказчиковъ, въ томъ числѣ графа Ал. Пржездецкаго и Эразма Михаловскаго, и указывалъ на того

¹⁾ Въ томъ числѣ были люди всевозможныхъ оттѣнковъ во всѣхъ частяхъ Польши и въ эмиграціи: Титъ Дзялынскій, Ю. Бартошевичъ, Лелевель, Крашевскій, Гельцель, Ром. Губе, Малевскій, Малиновскій, Пржездецкій, Эр. Михаловскій, Генрихъ Ржевускій, Велепольскій и др.

же графа Пржездецкаго и на историка Юліана Бартошевича, какъ на лицъ, которыхъ онъ проситъ принять участіе въ приведеніи въ извѣстность библіотеки и коллекцій.

Таково было завѣщаніе. Никакой необходимости не имѣлось подчиняться ему, Велепольскій могъ не только юридически, но и нравственно уклониться отъ принятія отказа. Онъ нисколько бы не поступилъ противно обязанностямъ честнаго патріота, если бы не принялъ отказа, налагающаго на него обязанности, несомѣстимыя съ тѣми другими обязанностями, которыя на немъ лежали какъ на владѣльцѣ небогатой и еле-еле приведенной въ лучшее состояніе цѣною громаднѣхъ усилій ординаціи. Содержаніе и развитіе такого учрежденія, какъ библіотека, предназначенная для пользованія публики, требуетъ большихъ средствъ, издержки со временемъ растутъ и могутъ оказаться не по силамъ частному лицу, даже и такому, которое располагаетъ доходами съ маіората. Копію съ завѣщанія Велепольскій получилъ въ Римѣ, довѣріе къ нему друга тронуло его до глубины души, онъ принялъ легатъ тотчасъ, не колеблясь и рѣшительно, но принялъ его, конечно, въ томъ видѣ и на тѣхъ условіяхъ, въ какихъ воля покойнаго выразилась въ самомъ завѣщаніи. Онъ никакого значенія не придавалъ ни предшествовавшему завѣщанію, ни неупомянутому въ завѣщаніи, слѣдовательно отмѣненному завѣщателемъ, такъ-называемому, кодицилю 11 октября 1855 г., ни предположеніямъ ревнителей польской литературы и исторіи, которыхъ живое воображеніе уже сооружало изъ коллекцій Свидзинскаго на средства оставшагося послѣ него состоянія, но также и коштомъ Мышковской ординаціи, великолѣпнѣйшій національно-польскій институтъ. Велепольскій смотрѣлъ на душеприказчиковъ какъ на лицъ, которыхъ дѣятельность должна ограничиться передачею ему коллекцій Свидзинскаго, разсѣянныхъ повсюду: часть ихъ находилась въ Брусиловѣ, кiev. губ., часть въ Сульгостовѣ, часть въ в. к. Познанскомъ; а на г. Бартошевича, — какъ на оцѣнщика книгъ и эксперта по части библіотечнаго устройства, совѣтами коего можно пользоваться, но не обязательно. Совсѣмъ иначе смотрѣли на дѣло многіе литераторы, которыхъ имена занесены были въ кодициль: они принимали на себя званіе завѣщателемъ установленныхъ охранителей его «пожертвованія» (fundacyi) и проектировали такое его устройство не въ иномъ мѣстѣ, какъ въ Варшавѣ, гдѣ бы само общество чрезъ своихъ представителей, на основаніи придумываемаго ими устава, должно было распорядиться и управлять заведеніемъ, а ординать долженъ

былъ считать себя осчастливленнымъ тѣмъ, что его ординація будетъ служить пьедесталомъ и питомникомъ для содержанія учрежденія имени Свидзинскихъ. Люди, не жертвующіе сами ни копѣйки, старались при посредствѣ общественнаго мнѣнія и печати, которою они располагали, повліять на Велепольскаго и заставить его совершить то, чего онъ не предполагалъ дѣлать, и даже то, чего онъ не могъ сдѣлать, не разстраивая собственнаго состоянія; притомъ они не оставляли за нимъ никакой даже заслуги отъ исполненія того, что они ему навязывали. Этотъ образъ дѣйствія былъ и несправедливъ, и безтактенъ; онъ могъ вооружить противъ себя человѣка даже и менѣе самостоятельнаго, нежели Велепольскій. Такою безтактностью отличился въ особенности очень почтенный въ другихъ отношеніяхъ человѣкъ и горячій патріотъ, одинъ изъ редакторовъ журнала «Biblioteka Warszawska», историкъ Ю. Бартошевичъ, который писалъ слѣдующее (В. W. z r. 1857, II, 487): «К. Свидзинскій учинилъ одно изъ величайшихъ пожертвованій, обращающихъ на него вниманіе всего народа. Исторія эпохи запишетъ его имя и передастъ слѣдующимъ поколѣніямъ. Всѣ иныя заслуги его блѣдны въ сравненіи съ этимъ достославнымъ пожертвованіемъ. Свидзинскій желалъ, чтобы его институтъ помѣщался въ Варшавѣ. Отказъ книгохранилища Велепольскому есть не болѣе какъ *фикція*. Оно числится юридически за Велепольскимъ, но оно—публичная собственность».

Эти слова были невѣрны, Свидзинскій возился съ разными мыслями о томъ, какъ осуществить свой замыселъ о пожертвованіи,—въ концѣ-концовъ онъ довѣрилъ само это осуществленіе знакомому лицу, предоставивъ ему полный просторъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Можно было предвидѣть, что Велепольскій исполнитъ все то, что на него возложено въ письмѣ завѣщанія, но постарается сдѣлать это совсѣмъ иначе, нежели совѣтовали ему душеприказчики и попечители, что онъ поставитъ себѣ за правило дѣйствовать наперекоръ газетамъ. Онъ это и заявилъ публично въ рѣчи, произнесенной въ апелляціонномъ судѣ царства польскаго въ слѣдующихъ словахъ: «Тою диктатурой дружбы и довѣрія (т.-е. отказомъ Свидзинскаго) я ни съ кѣмъ не подѣлюсь. Я не признаю другой стражи надо мной, кромѣ духа Свидзинскаго и моей совѣсти. Пространной болтовнѣ обо мнѣ въ газетахъ я не подчинюсь, но и не отстану, обезкураживаясь ими, отъ моего труднаго предпріятія». «Relinquendum est rumoribus tempus quo senescant»,—писалъ онъ въ Bibl. Ord. Mysz. г. 1859. Избранный имъ способъ исполненія послѣдней воли

Свидзинскаго состоялъ въ слѣдующемъ. Библіотеку и музей онъ рѣшилъ помѣстить не въ Варшавѣ, которой онъ не любилъ, и не въ Сульгостовѣ, который онъ предполагилъ продать, но въ ординатской усадьбѣ Хробржѣ. Построенъ былъ особый домъ, съ кабинетами и читальнями, стоившій 14 т. рублей, по планамъ архитектора Маркони. На этомъ домѣ поставлена надпись: *A. W. re familiari restituta et Constantini Swidzinski dono aedes has a fundamentis erexit, bonarum artium studiis dicavit* ¹⁾. Велепольскій не захотѣлъ обратить эту бібліотеку, зарытую въ провинціальной глуши, въ публичную, но рѣшилъ сдѣлать ее доступною для всей образованной публики, въ особенности для интересующейся тѣми знаніями, которыя составляли спеціальность книгохранилища Свидзинскаго — археологіи и исторіи. Онъ приглашалъ печатно пользоваться ею всѣхъ членовъ ученыхъ обществъ, всѣхъ профессоровъ, членовъ Земледѣльческаго Общества, бібліотекарей, редакторовъ и сотрудниковъ газетъ и журналовъ польскихъ и вообще славянскихъ, лицъ, имѣющихъ ученые степени, или тѣхъ, которые безъ всякаго титула и званія объявятъ цѣль своихъ изслѣдованій. Всѣмъ приглашаемымъ, такимъ образомъ, посѣтителемъ маркизъ предлагалъ у себя, какъ своимъ гостямъ, бесплатно помѣщеніе и столъ (В. Ord. Mysz. 1859). Онъ звалъ ихъ къ себѣ въ выраженіяхъ поэтическихъ и патетическихъ: «Мы открываемъ сокровища и сердце младшимъ панамъ братьямъ. Да соблаговолятъ они по временамъ, убѣгая отъ однообразныхъ мазовецкихъ равнинъ и суеты столицы, навѣщать нашу краковскую землю, на которой выросло когда-то все величіе нашей исторіи. Здѣсь, на мирныхъ холмахъ надъ долиною Ниды, между горою Болеслава Храбраго, напоминающею вѣка военной нашей славы, и видѣющимся вдали храмомъ въ Вислицѣ, исполненномъ законодательныхъ воспоминаній Казимира Великаго, въ виду горъ, на которыхъ бѣлѣетъ Пинчовъ, звучатъ еще отголоски вѣка Сигизмундовъ. Подъ сѣнью стародавнихъ липъ, пришельцевъ ждуть лекціи Свидзинскаго и, подобно древней Пинчевской академіи, манятъ къ свободнымъ занятіямъ и къ подкрѣпляющимъ духъ и для наукъ полезнымъ размышленіямъ».

Несмотря на заманчивыя приглашенія, никто почти не пользовался имъ и не ѣхалъ работать въ далекій Хробржѣ. Велепольскому не удалось даже и осуществить своихъ намѣреній по

¹⁾ А. В., устроивъ родовое состояніе, и вслѣдствіе дара К. Свидзинскаго, возвелъ это зданіе отъ основанія и посвятилъ занятіямъ добрыми искусствами.

отношенію приобщенія музея къ ординаціи и продажи Сульгостова, потому что ему въ томъ мѣшалъ четыре года (1856—1859) длившійся процессъ по иску, предъявленному боковыми родственниками умершаго Свидзинскаго объ уничтоженіи его завѣщанія, какъ заключающаго въ себѣ недопускаемую закономъ субституцію.

Проигравъ этотъ процессъ въ первой инстанціи, въ Радомѣ, Велепольскій выигралъ его въ апелляціонномъ судѣ и въ сенатѣ варшавскомъ (1857 и 1858). Но онъ его не выигралъ въ печати и въ общественномъ мнѣніи. И на судѣ, и въ журналахъ, душеприказчики Михаловскій и Пржездзецкій, Ю. Бартошевичъ и другіе пользовались всякимъ случаемъ, чтобы заявить, что они порицаютъ способъ, избранный Велепольскимъ для исполненія завѣщанія, какъ противный волѣ завѣщателя. Въ рѣшеніи сената по дѣлу о завѣщаніи Свидзинскаго есть слѣдъ толковъ, возбужденныхъ настроеннымъ противъ Велепольскаго общественнымъ мнѣніемъ. Сенатъ, отклоняя искъ братьевъ Свидзинскаго, призналъ, что можетъ быть поставленъ вопросъ о способѣ осуществленія послѣдней воли Свидзинскаго, но что вопросъ этотъ не подлежитъ по настоящему дѣлу разрѣшенію. Велепольскій велъ дѣло самъ и произносилъ длинныя рѣчи въ судебныхъ засѣданіяхъ; онъ и въ газетахъ велъ самую ожесточенную и ѣдкую полемику съ противниками, исполненную съ обѣихъ сторонъ личностей и самыхъ несправедливыхъ обвиненій. «Наслѣдіе мы получили, писалъ онъ, не отъ всего міра, а только отъ К. Свидзинскаго. Наши противники, совершая призваніе свыше разсуждать о томъ, чего не понимаютъ, создали тысячи тысячъ экземпляровъ Газеты Варшавской, Библіотеки Варшавской, Кроники, Ежедневной Газеты; наставивъ такое множество зеркалъ, отражающихъ творческую ихъ славу и наклоненныхъ одни къ другимъ подъ разными углами, они, воспроизводя себя безъ конца и качаясь, воздаютъ другъ другу поклоны несмѣтное число разъ». Казалось, что маркизъ достигъ своей цѣли послѣ рѣшенія сената. Обнаружилось, что онъ ошибался; искъ возобновленъ былъ Свидзинскими на другихъ основаніяхъ; а издержки процесса уже поглотили почти половину капитала (11 тыс. р.). Самъ Сульгостовъ стоилъ при покупкѣ его всего 45 т. рублей. Предстоящая тяжба грозила поглощеніемъ всего капитала и части стоимости Сульгостова; тогда библіотеку и музей пришлось бы поддерживать на собственные средства ординаціи. Передъ этою перспективою маркизъ сдался и отступилъ, онъ отказался отъ легата, отдалъ Свидзинскимъ Сульгостовъ и капиталъ, уменьшенный вычетомъ изъ него издержекъ процесса, но съ отнесеніемъ на собственный

Велепольскаго счетъ постройки, обошедшейся въ 14 т. По особому условію этой мировой, Свидзинскіе обязались уступить книги и коллекціи Константина Свидзинскаго Красинскимъ, для приобщенія ихъ къ ординаціи Красинскихъ и платить на содержаніе бібліотеки ежегодно по 1,650 р. Указъ, утверждающій за Красинскими эти сокровища, послѣдовалъ въ 1862 г.; нынѣ эти коллекціи и книги помѣщаются во дворцѣ Красинскихъ на Краковскомъ Предмѣстьи въ Варшавѣ. Разставаясь съ ними, маркизъ писалъ (*Bidl. Ord. Mys.* 1860): «Несвободнаго осуществленія намѣреній К. Свидзинскаго я не желаю; свободное не можетъ совершиться среди торжища, браней и инсинуацій... Мы надѣялись, что здоровое зерно довѣрія къ намъ друга, взлелѣванное нашими стараніями, одолѣетъ плевелы подозрѣній, но оказывается, что эти плевелы быстрѣе растутъ и лучше успѣваютъ. Борьбѣ этой я посвятилъ четыре года трудовъ. Ради ихъ мой сынъ Сигизмундъ долженъ былъ оставить военную службу... Если послѣ судебной побѣды надъ врагами мы должны оставить поле сраженія подъ натискомъ друзей (т.-е. душеприказчиковъ), то мы предоставляемъ цѣлой странѣ обсудить по совѣсти, кто въ томъ виноватъ». Маркизъ былъ почти одинъ-одинѣхонецъ того мнѣнія, что онъ правъ. Огромное большинство публики, относясь къ нему пристрастно, видѣло въ немъ эгоиста, который разстроилъ благія предположенія Константина Свидзинскаго и воспрепятствовалъ имъ осуществиться.

IX.

Андрей Замоѣскій. — Дѣятельность Земледѣльческаго Общества по аграрному вопросу.

Когда послѣдовало разрѣшеніе открыть Земледѣльческое Общество, то въ средѣ этого общества выдвинулся на первый планъ и занялъ самое видное мѣсто, по никѣмъ неоспориваемому праву, человекъ, котораго имя записано въ событіяхъ 1861—1863 годовъ, рядомъ съ Велепольскимъ, и который имѣлъ на эти событія вліяніе большое и во многихъ отношеніяхъ роковое: графъ Андрей Замоѣскій. Нѣтъ фамиліи въ цѣлой коронной польской аристократіи, которая была бы славнѣе и знаменитѣе. Происходила она по прямой линіи отъ того славнаго Яна Замоѣскаго, который сдѣланъ канцлеромъ и гетманомъ при Баторіѣ, породнился съ нимъ и возвелъ на престолъ Сигизмунда III Вазу. Дѣдъ его, Андрей Замоѣскій, канцлеръ, одинъ изъ немно-

гихъ честныхъ людей испорченной эпохи, составилъ, по порученію сейма, проектъ кодекса при королѣ Понятовскомъ, отвергнутаго сеймомъ, потому что въ проектѣ этомъ были попытки поставить крестьянъ подъ защиту закона. Отецъ графа Андрея, Станиславъ ординатъ, былъ предсѣдателемъ сената при Александрѣ I, — мать его, Софія, урожденная Чарторыская ¹⁾, была родная сестра князя Адама Чарторыскаго. Отъ этого брака родились: старшій сынъ — Константинъ, получившій, по праву первородства, ординацію, второй — Андрей, третій — Владиславъ, о которомъ была уже рѣчь, какъ о бывшемъ адъютантѣ Цесаревича, а потомъ, какъ о самомъ зломъ противникѣ Россіи, заправляющемъ дипломатическими связями той части эмиграціи, которая держалась отеля Ламберъ и князя Чарторыскаго. Константинъ Замойскій и второй братъ его, Андрей, родившійся въ 1800 году (тремя годами раньше Велепольскаго) воспитывались сначала, въ 1816 году, въ Женевѣ. Андрей учился математикѣ и инженерному искусству, подъ руководствомъ Дюфура, впоследствии командовавшаго войсками швейцарскаго союза. Съ 1819 г. онъ посѣщалъ эдинбургскій университетъ, гдѣ и получилъ оставшуюся у него на всю жизнь англійскую складку ума и характера, любовь къ англійскимъ учрежденіямъ, къ англійской литературѣ, даже къ англійскому сельскому хозяйству. Потомъ, вернувшись на родину, онъ поступилъ на службу, работалъ подъ начальствомъ самаго способнаго изъ польскихъ министровъ, заведывавшаго внутренними дѣлами — Теодора Мостовскаго, по отдѣленію промышленности и торговли. По странному совпаденію обстоятельствъ, въ одномъ и томъ же приказѣ, отъ 12 мая 1829 года, опредѣлены шамбеланами (камергерами) бывшаго королевско-польскаго двора императора Николая Замойскій и Велепольскій, которыхъ пути скрещивались потомъ многократно, но никогда не шли параллельно, а всегда почти такъ, что оба эти лица становились на противоположныхъ концахъ.

Когда вспыхнуло повстанье 1830 года, — понятно, что Андрей Замойскій держалъ сторону дяди и брата. Онъ поступилъ въ войско, дрался и раненъ былъ подъ Гроховомъ, нѣкоторое время исправлялъ должность министра внутреннихъ дѣлъ временнаго правительства, — наконецъ, когда повстанье догорало, его отправили въ Вѣну, къ князю Меттерниху, побудить послѣдняго къ заступничеству за поляковъ. Когда онъ возвра-

---

¹⁾ Она похоронена въ Santa-Croce, во Флоренціи, гдѣ ей и поставленъ великолѣпный мраморный мавзолей.

тился, то въ Варшавѣ онъ засталъ Паскевича, который пригрозилъ ему разстрѣляніемъ, но потомъ оставилъ его въ покоѣ. Замойскій не эмигрировалъ, — прервалъ всякія сношенія съ родными, ушедшими за-границу. Онъ цѣлилъ выше и начертилъ себѣ планъ жизни болѣе трудный, требующій большаго усилія надъ собою: оставаться на мѣстѣ подъ подозрѣніями правительства, среди стѣсненій и среди общества, упавшаго духомъ и обезкураженнаго, — и работать. Дѣятельность возможна была только частная, Замойскій и ограничился на всю жизнь ея предѣлами; никогда потомъ онъ не принималъ никакого officialнаго положенія, но именно вслѣдствіе того, что его дѣятельность имѣла чисто частный характеръ, его допустили заниматься земледѣліемъ и промышленностью, заводить образцовыя фермы, улучшать породы лошадей и скота, учредить компанію для пароходства по Вислѣ, собирать у себя въ Клеменсовѣ помѣщиковъ-агрономовъ, пріѣзжавшихъ, въ качествѣ гостей, для бесѣды о мѣрахъ къ усовершенствованію хозяйства, — наконецъ, основать въ 1842 году періодическое изданіе (по 2 книжки въ годъ) — «Ежегодники хозяйства страны» (*Roczniki gospodarstwa krajowego*), съ весьма обширнымъ кругомъ сотрудниковъ. Къ числу основателей и сотрудниковъ принадлежалъ и А. Велепольскій. Подъ конецъ жизни, послѣ высылки за-границу, въ 1862 г., Замойскій занимался тюрьмами и написалъ толстую книгу объ ихъ устройствѣ ¹⁾. Былъ одинъ спеціальныи практическій вопросъ, которому онъ не могъ не посвятить себя съ величайшимъ стараніемъ по фамилінымъ преданіямъ своего дома, а именно — переводъ крестьянъ съ барщины на оброкъ. Дѣдъ его, канцлеръ, началъ переводить крестьянъ на оброкъ въ 1760 г., братъ его, ординаръ, Константинъ перевелъ до 15,000 душъ въ своей ординаціи. Андрей Замойскій сдѣлалъ то же самое въ своихъ имѣніяхъ, съ тою разницею, что, переоброчивая крестьянъ, онъ не ограничивался замѣною барщины на деньги, но вводилъ цѣлую систему долгосрочныхъ арендъ. Дальше долгосрочной аренды не шли его предположенія объ улучшеніи быта крестьянъ; идея освобожденія крестьянъ съ надѣлами встрѣчала въ немъ, какъ и въ Велепольскомъ, рѣшительныхъ противниковъ и считаема была прямымъ ниспроверженіемъ начала собственности и законнаго порядка. Онъ самъ своимъ примѣромъ старался доказать превосходство аренднаго хозяйства, снявъ въ аренду нѣ-

¹⁾ O systemie Więzień poprawczych Irlandskich przezr. And. Zamoyskiego. Lwów. 1870.

сколько помѣстій у брата ордината, и населяя у себя имѣніе семействами вызванныхъ изъ Англіи и Шотландіи фермеровъ (Niwa za r. 1879, № 109, Andrzej Zamoyski artykuł L. Górskiego).

Впрочемъ, эта наружная оболочка была обманчива. Въ этомъ человѣкѣ, который по чопорнымъ манерамъ, даже по кройкѣ платья походилъ на англичанина, который, повидимому, любилъ только положительное и чуждался отвлеченныхъ идей, подъ этою наружностью скрывалась душа мягкая, чувствительная, — сердце польское, притомъ исполненное чувствъ самоновѣйшаго чекана, то-есть много выстрадавшее подъ ударами судьбы, доведенное до того мечтательнаго и мистическаго фанатизма въ любви къ отечеству, которое и составляло отличительную черту въ современномъ ему поколѣніи; оно воспитано было романтизмомъ, и прошло политическую школу въ повстаніи 1830 года. Хотя Замойскій являлъ изъ себя видъ завзятаго агронома и промышленника, но настоящей коммерческой смѣтки въ немъ не было, и предпріятія его рѣдко удавались; спекулировалъ онъ по долгу совѣсти, по мотивамъ чистѣйшаго патріотизма; что же касается до политики этого патріотизма, то можно сказать, что она была не отъ міра сего. Отечество, которое онъ возлюбилъ, было обширное, дѣльное, отъ моря и до моря, и независимое, какъ во времена Сигизмундовъ и Баторія. Онъ жилъ душою въ этомъ идеалѣ, отрѣшенномъ отъ условій времени и мѣста, не задаваясь никакими соображеніями о томъ, какими путями его осуществить; не дѣлалъ ни одного шага впередъ для этого осуществленія, и систематически сторонился отъ всякихъ сдѣлокъ съ дѣйствительностью; что Польша будетъ — тому онъ вѣрилъ, хотя бы для очистки ей мѣста пришлось перевернуть верхъ дномъ половину Европы. Чего бы то ни было добиваться, просить, требовать — значило съ точки зрѣнія Замойскаго отступить отъ идеала и отрекаться; потому онъ всегда предпочиталъ довольствоваться крохами свободы, падающими отъ времени до времени по волѣ Муханова и Горчакова, нежели формулировать какія бы то ни было опредѣленные желанія. Если бы дали конституцію 1815 съ тѣмъ, чтобы объ ней попросить, — онъ отказался бы просить. «Мы не имѣемъ права требовать, но не желаемъ ни о чемъ просить», сказалъ онъ въ засѣданіи Земледѣльческаго Общества, 27 февраля 1861 года, — а на вопросъ кн. Горчакова: что дѣлать? за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ сказалъ: «покинуть страну» — (Lisicki, A. Wielopolski, I, 145, 147). Эти два изреченія обрисовываютъ исполнѣ человѣка и объясняютъ его небывалую, безпримѣрную популярность. Положеніе его въ ходѣ событій было всегда вы-

жидательное, такъ какъ, не беря на себя почина въ движеніи, онъ, самъ того не сознавая, подчинялся ему, усматривая въ совершающемся начало того, что Польша «какъ зрѣлый плодъ отвалится отъ русскаго дерева» (Lis. A. W. I, 143). Вслѣдствіе своей мистической мечтательности, несмотря на свой консерватизмъ и легальный образъ мыслей, Замоискій былъ въ душѣ съ революціонерами за-одно безъ сговора, *tacito consensu*, и превратился въ знамя, которое революція несла потомъ на своихъ плечахъ. Онъ былъ естественный предводитель бѣлой, умѣренной, помѣщичьей партіи, тѣмъ болѣе желанный и удобный, что безконечна была его доброта и предупредительность по отношенію къ людямъ, ниже его по общественному положенію стоящимъ, и что въ сущности, имѣя его во главѣ партіи, каждый дѣятельный членъ этой партіи предполагалъ, что будетъ ею управлять понемногу.

Когда было дано разрѣшеніе открыть Земледѣльческое Общество, то ядро его составили редакторы «Ежегодниковъ хозяйства страны» въ числѣ 50 слишкомъ человекъ; пригласили еще человекъ 20 крупныхъ помѣщиковъ, отличившихся успѣхомъ въ земледѣліи. Въ первомъ такомъ засѣданіи общаго собранія, 4 (16) января 1858 г., Замоискій избранъ предсѣдателемъ единогласно, а одновременно избраны и 16 членовъ комитета, который долженъ былъ завѣдывать дѣлами общества. Это первое засѣданіе ознаменовалось еще тѣмъ, что въ немъ произошелъ разрывъ пріязненныхъ сношеній между Замоискимъ и Велепольскимъ, вслѣдствіе котораго Велепольскіе, Александръ и сынъ его Сигизмундъ, совсѣмъ устранились отъ общества — не записались вовсе въ число его членовъ. А. Велепольскій не пріѣхалъ въ Варшаву ко дню открытія общества и образованія его состава, а прислалъ, вмѣсто себя, старшаго сына Сигизмунда. Лисицкій старается доказать (Le Marquis A. W., II, 44), что Велепольскій тогда уже предвидѣлъ опасность отъ образованія общества, потому что оно по необходимости будетъ втянуто въ политическіе вопросы, не будучи къ тому уполномочено уставомъ, и сойдеть съ рельсовъ законности. Объясненіе это натянуто и невѣроятно. По своимъ принципамъ, Велепольскій не пренебрегалъ ни малѣйшею уступкою правительства въ пользу жизни общественной; политикою общество занялось только впослѣдствіи, когда ему было предложено обсуждать законодательный крестьянскій вопросъ. Не пріѣхалъ Велепольскій, повидимому, потому, что онъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе процессомъ Свидзинскаго и былъ бы въ средѣ собравшихся почти совершенно одинокъ, безъ того вліянія на дѣло, которое ему принадлежало

и по уму, и по опытности въ той спеціальности, которую развивать предполагало общество. Предсѣдатель Замоискій своею властью не допустилъ Сигизмунда Велепольскаго занять мѣсто въ заступничествѣ за отца въ числѣ учредителей. Этотъ отказъ былъ несправедливъ потому, что другіе изъ явившихся той же категоріи были допущены въ засѣданіе, вмѣсто своихъ отцовъ и родственниковъ. Велепольскіе приписали это распоряженіе тому, будто бы Замоискій выразилъ свое неудовольствіе Сигизмунду Велепольскому, который въ севастопольскую войну надѣлъ русскій военный мундиръ. Такъ ли было или иначе, а въ самомъ фактѣ сказалось недружелюбное отношеніе Замоискаго къ А. Велепольскому; оно имѣло не одну только личную подкладку—несходство натуръ, темпераментовъ, но и другое, болѣе глубокое основаніе: инстинктивную подозрительность мечтателя-кунштатора, которымъ всецѣло завладѣла идея реставраціи,—къ активному политическому, почти измѣнившему, по мнѣнію мечтателя, польской идеѣ и на всѣхъ парахъ заносившемуся мыслью въ славянскую теорію, съ точки зрѣнія Замоискаго, ничѣмъ не отличавшуюся отъ ненавистнаго ему русскаго панславизма. Вѣроятно, и Замоискій, и большинство комитета были рады освободиться отъ непопулярнаго маркиза. Успѣхи Земледѣльческаго Общества были громадныя, число его членовъ достигло до 3,000; каждое общее собраніе, происходившее въ Варшавѣ обыкновенно въ началѣ года, было общественнымъ первостепеннымъ событіемъ; комитетъ функционировалъ почти круглый годъ, учреждаемы были выставки, раздаваемы были награды и преміи за лучшія сочиненія; заводились образцовыя фермы, школы. Всѣ лучи жизни общественной, казалось, преломлялись въ этомъ учрежденіи, какъ въ фокусѣ. Отвыкнувшее отъ публичныхъ совѣщаній, общество удивилось многочисленности краснорѣчивыхъ ораторовъ, которымъ по силамъ были спеціальнѣйшіе вопросы, порядку образцовому въ засѣданіяхъ, гдѣ пренія происходили спокойнѣе и стройнѣе нежели когда-либо въ какомъ-либо изъ польскихъ сеймовъ. Господствовавшій тонъ важности степенной и серьезности работъ подкупили самого Муханова, который бывалъ въ полныхъ собраніяхъ общества и содѣйствовалъ передачѣ ему на обсужденіе вопроса о крестьянской реформѣ. Эта передача совершилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ и условіяхъ.

Личная свобода дана крестьянамъ 21 декабря 1807 г. Они превратились въ свободныхъ людей осѣдлыхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Вслѣдъ затѣмъ введенъ кодексъ Наполеона, который допускаетъ два только способа арендованія чужихъ земель: по-

средствомъ уплаты за нихъ аренды деньгами, или посредствомъ дѣлежа плодовъ; но этому кодексу совсѣмъ несвойственно понятіе отработыванія арендной платы, или такъ - называемой барщины. Введеніе кодекса вело потому къ отмѣнѣ барщины, а именно, къ тому пролагаемъ былъ путь въ ст. 1142 кодекса: всякое обязательство что-либо дѣлать или не дѣлать, въ случаѣ неисполненія со стороны должника, превращается въ обязанность вознаградить за вредъ и убытки. Изъ этой статьи вытекаетъ невозможность для помѣщика понуждать крестьянъ къ работѣ и право его требовать денежнаго эквивалента работы, то-есть, въ сущности — чинша. Но статья 1142-я кодекса оставалась мертвою буквою. Люди прогрессивные въ царствѣ польскомъ, но не изъ революціонеровъ, требовали отмѣны барщины. Они подраздѣлялись на двѣ группы. Одни изъ нихъ, составлявшіе по численности большинство, не желали вмѣшательства въ это дѣло власти законодательной, и полагали, что вся реформа можетъ быть совершена простымъ переводомъ крестьянъ, по добровольному соглашенію, съ барщины на оброкъ, безъ потрясенія начала помѣщичьей собственности. Они не считали даже необходимымъ превращать крестьянъ въ вѣчныхъ чиншевиковъ, а только въ долгосрочныхъ арендаторовъ. Въ этихъ идеяхъ А. Замойскій сходилъ съ Велепольскимъ; разница между ними была только та, что Замойскій допускалъ 99-ти-лѣтнюю аренду, слѣдовательно, столь продолжительную, что она почти равнялась вѣчному чиншу, между тѣмъ какъ, по понятіямъ Велепольскаго, договоры помѣщиковъ съ крестьянами не должны превышать срока 24 лѣтъ. Но кромѣ этой партіи была еще значительная группа и такихъ людей, которые не считали возможнымъ стоять на строго цивилистической точкѣ зрѣнія, находили, углубляясь въ исторію, что земледѣльческій классъ еще во времена послѣднихъ Пястовъ и въ періодъ Ягеллоновъ былъ обиженъ, подвергшись прикрѣпленію къ землѣ и переходу купно съ этою землею въ несвободное состояніе, граничащее съ рабствомъ. Отъ этой обиды и несправедливости произошло въ сущности и паденіе Польши; теперь приходится закладывать ей новыя фундаменты. Въ дѣлѣ закладки ихъ надлежитъ исходить изъ той мысли, что крестьянская земля есть общая собственность и помѣщика, и крестьянина, и что крестьянину надлежитъ облегчить возможность сдѣлаться ея собственникомъ посредствомъ уплаты за нее выкупа помѣщику по льготной оцѣнкѣ. Выкупъ могъ бы быть облегченъ посредствомъ подходящей бытовой выкупной операціи и производствомъ его цѣлыми селеніями. Крестьянамъ, выходящимъ изъ имущественной зависимости, надлежало бы

дать крѣпкую общинную организацію. Таковы были мнѣнія авторитетныхъ людей, Ф. Зелинскаго, губернатора Лацинскаго, въ особенности же Оомы Потоцкаго, родственника А. Велепольскаго, который, подъ псевдонимомъ Кржиштопора, написалъ два лучшія сочиненія по крестьянскому вопросу: «O urządzeniu stosunków rolniczych w Polsce». Poznań, 1851; и «Poranki Karlsbadzkie». Poznań, 1858.

Вскорѣ потомъ послѣдовалъ указъ 26 мая (6 іюня) 1846 г., который послужилъ краеугольнымъ камнемъ для всей позднѣйшей русской политики по крестьянскому вопросу, и былъ отвѣтомъ императора Николая на заигрываніе агентовъ демократической польской пропаганды съ крестьянами. Этимъ указомъ даны помѣщичьимъ крестьянамъ громадныя по тому времени льготы: отмѣнены такъ-называемыя даремщины и принужденныя наймы, обезпечено крестьянамъ, отбывающимъ исправно свои повинности, спокойное владѣніе усадьбами и пользованіе угодьями, запрещено возвышать повинности, а что всего важнѣе—установлена неприкосновенность крестьянскаго надѣла воспрещеніемъ присоединять крестьянскія земли къ землямъ дворовымъ или фольварочнымъ. Благимъ послѣдствіямъ этого указа отдавали должную похвалу даже и консерваторы. Какъ помѣщикъ, Велепольскій опредѣляетъ хорошую его сторону такимъ образомъ: «Положенъ конецъ вакханаліямъ барщиннаго насилія, сдѣлано точное опредѣленіе повинностей крестьянскихъ» (Bibl. Ord. Mys. 1859, s. 58). Но вмѣстѣ съ тѣмъ указъ разстроивалъ всѣ начинанія и планы сторонниковъ добровольнаго очиншеванія, полагавшихъ возможнымъ устроить исподволь крестьянское дѣло, не прибѣгая къ законодательной регламентаціи. Напрасно старался увѣрить себя и другихъ Велепольскій (В. Ord. М. 1859), что такъ какъ указъ 1846 г. говоритъ только о чиншеваніи, то онъ основанъ на уваженіи къ началу (помѣщичьей) собственности. Самъ онъ признаетъ, что добровольное очиншеваніе приостановилось и развязка задержана, возбужденіемъ ожиданій. Крестьяне разсуждали: крестьянскій надѣлъ не считается правительствомъ собственностью помѣщика, коль скоро оно отнимаетъ у него власть распоряжаться этимъ надѣломъ. Надеждамъ въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ предѣловъ: крестьяне, очевидно, доходили до ожиданія, что когда-нибудь надѣлы будутъ подарены безмездно.

Издавъ указъ 1846 г., правительство не торопилось и въ теченіи 12 лѣтъ не касалось крестьянскаго вопроса; только 16/23 декабря 1858 г. послѣдовало высочайше утвержденное постановленіе совѣта управленія царства польскаго о добровольномъ очинше-

ваніи; оно установило тѣ нормы, на которыхъ рѣшено совершать переводъ крестьянъ съ барщины на оброкъ. Нормы эти были слѣдующія: вѣчный чиншъ, либо съ опредѣленіемъ выплаты его неизмѣнно навсегда, либо съ измѣненіемъ его по среднимъ цѣнамъ ржи не менѣе какъ чрезъ 20 лѣтъ. Постановленіе было въ сущности шагъ назадъ въ сравненіи съ указомъ 1846 г.: оно предлагало очиншеваніе не обязательное, а добровольное, безъ надѣленія крестьянъ землею, между тѣмъ какъ во всей имперіи былъ поднятъ во всей его ширинѣ крестьянскій вопросъ, и былъ уже переданъ на обсужденіе дворянства, а при обсужденіи его, мнѣніе, поддерживаемое прессою, напирало въ пользу освобожденія крестьянъ съ землею. Десять мѣсяцевъ послѣ того, въ октябрѣ 1859 г., правительство, которое подвергало въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ крестьянскій вопросъ обсужденію представителей помѣщиковъ, — въ царствѣ польскомъ не могло этого сдѣлать, по отсутствію корпоративной организаціи дворянства, и потому постановило прибѣгнуть къ Земледѣльческому Обществу, какъ къ суррогату, замѣняющему дворянскіе собранія и комитеты; оно разрѣшило Земледѣльческому Обществу разбирать и отмѣчать въ журналахъ засѣданій заключенія свои о мѣрахъ, могущихъ способствовать очиншеванію крестьянъ на утвержденныхъ правительствомъ основаніяхъ. Въ настоящее время едва ли подлежить спору, что подобное направленіе, данное крестьянскому дѣлу, заключало въ себѣ капитальную ошибку. Громадный политическій вопросъ первостепенной важности вручаемъ былъ какъ игрушка въ руки частному собранію, въ кругъ вѣдѣнія котораго этотъ вопросъ не входилъ, и которое, принимая на себя по требованію правительства роль законодателя, получало политическій характеръ, тѣмъ болѣе опасный, что не были вовсе опредѣлены ни вѣдомство этого собранія, ни его задача. Основаніе сдѣлки было не ясное и неизбѣжно вело къ недоразумѣніямъ, вредные плоды котораго созрѣли въ 1861 году. Съ одной стороны, собраніе, непризванное къ тому, чтобы служить органомъ, выражающимъ нужды и потребности населенія, но фактически составляющее моральное представительство страны, по отсутствію всякаго другого подходящаго органа, превращалось, по волѣ правительства, въ родъ аграрнаго парламента; съ другой стороны, офиціально работы этого собранія носили характеръ простой агрономической экспертизы, которой не нужно потомъ давать ходъ и которая можетъ быть оставлена, какъ всякія заключенія свѣдущихъ людей, безъ прямого приложенія и безъ отвѣта. Это смѣшеніе ролей и задачъ агрономической съ политическою сильно не по-

правилось бойкому, прозорливому и практическому уму наблюдавшаго издали за Земледѣльческимъ Обществомъ Велепольскаго. Онъ чутѣемъ чувствовалъ приближеніе нарождающагося революціоннаго кризиса, первыя вѣянія повстанья 1863 г., и предугадывалъ что истекаетъ послѣдній срокъ, когда можно предупредить повстанье, пожаловавъ обществу, сообразно настоятельнымъ его нуждамъ и потребностямъ, соотвѣтствующія общественныя учрежденія. Онъ желалъ заставить Земледѣльческое Общество, къ которому не принадлежалъ, взять на себя починъ въ ходатайствѣ у власти по крайней мѣрѣ о томъ, чтó было обѣщано въ 1832 г., въ органическомъ статутѣ — но никогда не было осуществлено, — и внесъ посредствомъ второго своего сына Сигизмунда и отъ имени его въ первое засѣданіе общества, гдѣ долженъ былъ подвергаться сужденію крестьянскій вопросъ, предложеніе, въ которомъ упоминались высочайшія слова, сказанныя въ Варшавѣ о сохраненіи пожалованныхъ императоромъ Николаемъ учрежденій, съ слѣдующимъ заключеніемъ: «Общее собраніе Земледѣльческаго Общества, признавая себя некомпетентнымъ для обсужденія аграрнаго вопроса, возлагаетъ на избранную имъ специальную комиссію выработку проекта адреса о томъ къ государю. Этотъ адресъ долженъ содержать выраженіе чувствъ признательности за довѣріе, котораго оно удостоилось, и просьбу о порученіи аграрной реформы провинціальнымъ штатамъ, учрежденнымъ органическимъ статутомъ 1832 года».

Это предложеніе было забаллотировано въ комитетѣ и не внесено даже въ общее собраніе. Оно было противно какъ коренному правилу предсѣдателя общества Замойскаго — ни о чемъ не просить, такъ и тогдашнему настроенію большинства членовъ общества, горѣвшаго нетерпѣніемъ приступить немедленно къ живому дѣлу, которое обществу было поручено, и боявшемуся, чтобы заявленіе объ учрежденіяхъ не повлекло за собою отсрочку самаго рѣшенія вопроса на неопредѣленные времена. Послѣ этой неудачи, маркизъ предался еще большему, чѣмъ прежде, уединенію и сидѣлъ почти безвыѣздно въ своемъ Хробрержѣ, но онъ предвидѣлъ, что его время приближается, и съ тою энергическою настойчивостью, которая видна въ «Мысляхъ и Замѣчаніяхъ», готовилъ цѣлую программу, рассчитанную на тотъ моментъ, когда волна движенія поставитъ въ затрудненіе и Земледѣльческое Общество, и правительство. Ему казалось, что очевидность опасности заставить, наконецъ, подумать о необходимости ясной постановки вопросовъ, выработки системы управленія, усвоенія политическія твердыхъ логическихъ

принциповъ, на которыхъ бы сошлись и національность, если она будетъ благоразумна, и правительство, если оно будетъ имѣть въ виду дѣйствительное успокоеніе страны не одними наружными средствами, но радикальными мѣрами, имѣющими болѣе глубокія, рациональныя основанія. Онъ чертилъ въ умѣ своемъ планы, какъ строить плотину отъ волнъ, на тотъ случай, когда событія заставятъ строить эту плотину и когда способные инженеры потребуются. Планы его простирались гораздо дальше органическаго статута 1832 года и императора Николая и восходили къ конституціонной хартіи 1815 г.—и къ полонофильской политикѣ императора Александра I.

Въ то время, когда Велепольскій задавался этими мыслями, Земледѣльческое Общество занялось живо и ревностно исполненіемъ возложенной на него задачи. Засѣданія общаго собранія 1860 г. ознаменованы многими поразительно умными рѣчами и блистательными преніями, но рѣшающее значеніе должно было имѣть только слѣдующее общее собраніе въ началѣ 1861 года, послѣ предварительныхъ работъ и подготовокъ со стороны комитета. Занятое исключительно дѣломъ аграрной реформы, общество не участвовало въ революціонномъ движеніи, которое въ 1860 г. уже дѣлало большіе успѣхи и распространялось постепенно на разные круги и слои народонаселенія какъ въ царствѣ польскомъ, такъ и въ областяхъ имперіи, гдѣ польскій элементъ входилъ болѣе крупными цифрами въ племенной составъ населенія. Земледѣльческое Общество относилось къ движенію если не прямо враждебно, то по крайней мѣрѣ весьма несочувственно, какъ къ явленію, которое можетъ помѣшать успѣшному дальнѣйшему ходу законопроекта, имѣющаго быть выработаннымъ въ обществѣ и утвержденію главныхъ его основаній правительствомъ. Въ окончательномъ своемъ выводѣ работы общества поражали результатами, далеко опережавшими взгляды и желанія, какъ предсѣдателя общества Замоискаго, такъ и А. Велепольскаго, потому что оба они одинаково не желали обращенія крестьянскихъ надѣловъ въ собственность крестьянъ, а мечтали только о созданіи класса долгосрочныхъ арендаторовъ. Въ тотъ самый февраль 1861 года, который ознаменованъ обнародованіемъ вѣчно памятныхъ положеній о крестьянахъ въ имперіи, 19-го февраля 1861 года, общее собраніе Земледѣльческаго Общества въ составѣ полуторы тысячи членовъ, выражающихъ дѣйствительно тогдашнее общественное мнѣніе страны и исходящихъ съ точки зрѣнія польско-національной и патріотической, высказалось о желательности рѣшенія коренного вопроса кре-

стьянской реформы въ царствѣ польскомъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ разрѣшенъ положеніями 19-го февраля, т.-е., что «нельзя ограничиться очиншеваніемъ и что необходимо, чтобы, посредствомъ соотвѣтствующей кредитной операціи, имѣющей цѣлью выкупъ чиншей, крестьяне могли быть поставлены въ возможность пріобрѣсти въ собственность свои надѣлы». А. Замойскій, оставшійся въ меньшинствѣ и въ комитетѣ, и въ общемъ собраніи, поступилъ, какъ онъ обыкновенно поступалъ въ подобныхъ случаяхъ: онъ подчинился безусловно несомнѣнной, хотя и противной его убѣжденіямъ, волѣ большинства. Торжественно мнѣніе благороднаго защитника интересовъ крестьянъ, Юмы Потоцкаго, по предложенію котораго тогда же постановлено избрать комиссію изъ десяти человекъ, которая бы занялась составленіемъ проекта выкупа чиншей посредствомъ капитализаціи ихъ по 6⁰/₁₀₀ отъ 100. Биографъ Велепольскаго, Лисицкій старается умалить значеніе февральскихъ постановленій собранія и тѣмъ, что помѣщики, составлявшіе громадное большинство въ собраніи, были подкуплены надеждою получить въ свои руки выкупныя ссуды, и тѣмъ, что они поддались уже тогда революціонному демократическому движенію въ пользу крестьянъ. Эти сужденія до того лишены всякаго основанія, что ихъ не стоить и опровергать. Во всѣхъ дворянскихъ комитетахъ западныхъ и юго-западныхъ губерній, обсуждавшихъ крестьянскій вопросъ, образовалось мнѣніе, остававшееся, правда, въ меньшинствѣ, о необходимости надѣленія крестьянъ землею. Въ царствѣ польскомъ по его прошедшему степень политическаго и соціальнаго развитія общества была выше, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ, пониманіе общественнаго интереса еще яснѣе, притомъ Земледѣльческому Обществу пришлось рѣшать вопросъ уже тогда, когда воля правительства по отношенію къ крестьянамъ въ имперіи окончательно высказалась, и когда не слѣдовало и помышлять о томъ, чтобы дать имъ въ царствѣ польскомъ меньше того, что имъ было дано въ имперіи, положеніями 19-го февраля 1861 года. Если при этомъ оно руководствовалось, съ одной стороны, сознаніемъ необходимости исправить вѣковыя ошибки прошлаго, подкладывая подъ общество, подвергшееся паденію вслѣдствіе избытка аристократизма, широкій демократическій фундаментъ, съ другой—желаніемъ войти въ сдѣлку съ крестьянскими массами и предохранить ихъ отъ политической агитаціи, свирѣпствовавшей пока только по городамъ и между шляхетскимъ пролетаріатомъ,—то эти желанія и соображенія такого рода, что ихъ скорѣе можно объяснить благоразумнымъ консерватизмомъ, не-

жели агитаторскими затѣями и податливостью революціоннымъ вѣяніямъ извѣстнаго момента.

Задача Земледѣльческаго Общества по аграрному вопросу была вполне исчерпана его февральскими постановленіями въ то самое время, когда въ Варшавѣ произошли печальныя событія, обогрившія кровью ея мостовую и обнаружившія наглядно, какъ былъ шатокъ законный порядокъ въ странѣ, съ которою въ теченіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ обращались какъ съ покоренною. Національное движеніе, никогда не прекращавшееся съ 1831 года, но обнаруживавшееся только изрѣдка и то маленькими вспышками, прорвалось черезъ всѣ заставы и разлилось, такъ-сказать, по улицамъ. И мы должны перейти теперь къ изображенію этихъ въ высшей степени характерныхъ уличныхъ событій.

В. Спасовичъ.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Окончаніе.

VIII *).

Окончимъ нѣсколькими замѣчаніями о новѣйшихъ попыткахъ такъ-называемаго «примиренія».

Въ томъ объемѣ, въ какомъ происходили эти попытки, онѣ, очевидно, не могли имѣть никакого важнаго практическаго результата. Разговоръ шелъ въ слишкомъ общихъ чертахъ, довольно далекихъ отъ дѣйствительности; ни поляки, говорившіе о «примиреніи», ни г. Градовскій и немногіе другіе, писавшіе у насъ на эту тѣму, не имѣли никакихъ реальныхъ основаній—ни ставить условія, ни принимать или отвергать ихъ: ихъ заявленія были случайны, и если можно было видѣть здѣсь отголоски общественнаго мнѣнія, то, къ сожалѣнію, ни у насъ, ни еще менѣе въ нашей Польшѣ эти заявленія не могли разсчитывать на прочное вліяніе,—случись иное настроеніе цензуры, и онѣ даже просто не могли бы найти мѣста въ печати. Съ польской стороны явились только случайные, безыменные голоса «изъ Познани», изъ Парижа, — нѣсколько брошюръ за границей, когда надо было бы ожидать, что столь серьезный вопросъ займетъ и домашнюю

---

*) См. выше: окт., 681 стр.

польскую печать. По этимъ немногимъ попыткамъ говорить о примиреніи трудно было наконецъ составить сколько-нибудь точное понятіе и о томъ, какъ велика доля того или другого общества, приходящая къ мысли о необходимости и пользѣ соглашенія, и о томъ, какъ можно было бы опредѣлить новыя условія, какія желаются поляками для ихъ національности и при которыхъ возможно было бы дѣйствительное мирное общеніе.

При всей этой неудовлетворительности толковъ о примиреніи, — какая много зависитъ прямо отъ общихъ условій русской и польской печати, — они не лишены своего значенія. Это были только попытки; но онѣ свидѣлствуютъ, что съ обѣихъ сторонъ назрѣваетъ сознаніе необходимости союза, который и дѣйствительно имѣлъ бы великую важность не только для установленія русско-польскихъ отношеній, но затѣмъ и для отношеній все-славянскихъ. Изъ предыдущаго изложенія видно, что это сознаніе сказывалось въ нашемъ обществѣ постоянно, у людей самыхъ различныхъ мнѣній и, между прочимъ, въ такія эпохи, когда Польша прямо возставала противъ Россіи или русское правительство употребляло противъ нея самыя крутыя мѣры. Надъ всѣми взрывами вражды и репрессалій возвышалось однако въ лучшихъ умахъ исканіе иныхъ отношеній, мирныхъ и братскихъ, планы и идеалы дружнаго сожителства и сотрудничества для цѣлей свободнаго «славянскаго» развитія.

Мы упоминали, что призывы къ примиренію встрѣтились въ нашей печати и съ заявленіями наименѣ примирительнаго свойства. Насколько въ нихъ высказывалось *чувство* — недовѣріе къ польской искренности и т. п., о нихъ нечего говорить; это — дѣло вкуса и личнаго настроенія; насколько касалось дѣло фактовъ, это было въ свое время отчасти разъяснено ¹⁾. — Но былъ еще одинъ взглядъ, въ которомъ вопросъ о примиреніи затронутъ былъ съ точки зрѣнія самыхъ широкихъ національныхъ отношеній Россіи и Польши.

Этотъ взглядъ былъ высказанъ В. И. Ламанскимъ ²⁾, — и на немъ необходимо остановиться.

Г. Ламанскій — одинъ изъ лучшихъ въ нашей литературѣ знатковъ славянства; послѣ Гильфердинга онъ остался въ этомъ отношеніи главною силою въ такъ-называемой славянофильской школѣ. Его имя пользуется большою извѣстностью въ славянскихъ литературно-политическихъ кругахъ, — онъ имѣетъ большія симпатіи тамъ, гдѣ

¹⁾ Ср. „Вѣстн. Евр.“, 1878.

²⁾ „Еврей и Нѣмцы въ Привислянскомъ краѣ“, въ Русск. Вѣстникѣ, 1879, мартъ.

раздѣляютъ болѣе или менѣе его панславянскій патріотизмъ, но также извѣстную недовѣрчивость или прямую вражду тамъ, гдѣ его панславизмъ считаютъ слишкомъ исключительно русскимъ или «московскимъ». Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ г. Ламанскій не можетъ, конечно, пользоваться сочувствіями въ польской литературѣ, наименѣе склонной къ той формѣ идеальнаго панславизма, которую онъ защищаетъ. Съ своей точки зрѣнія, г. Ламанскій мало вѣритъ въ такія примиренія, о какихъ пла до-селѣ рѣчь; онъ находитъ, что наилучшее примиреніе будетъ достигнуто съ укрѣпленіемъ того порядка вещей, — освобожденія польскихъ крестьянъ, — который созданъ былъ послѣ возстанія Николаемъ Милютинымъ, и вмѣстѣ, съ распространеніемъ въ Польшѣ русскаго языка, которое сблизитъ поляковъ съ русскою жизнью, съ ихъ полнымъ политическимъ сліяніемъ съ Россією. Всякое другое примиреніе кажется ему заблужденіемъ и самообманомъ.

Для того, чтобы вести дальше бесѣды о «примиреніи», неизбѣжно остановиться на этомъ взглядѣ, который рѣзко противоположенъ обычнымъ толкамъ объ этомъ предметѣ, но и не можетъ быть отнесенъ къ мнѣніямъ полонофаговъ. Это — не защита status quo; можно видѣть, что оно не удовлетворяетъ автора; но это — также «обрушеніе», только съ болѣе широкой идеалистической точки зрѣнія.

Основаніе взглядовъ г. Ламанскаго — то же, какое мы видѣли у Самарина и Гильфердинга; но ихъ положенія развиты ближе, въ примѣненіи къ вопросу о примиреніи русско-польской вражды и установленіи прочнаго быта польскаго общества въ современныхъ условіяхъ.

Ходъ разсужденія автора таковъ.

Г. Ламанскій находитъ, что поднявшіеся толки о примиреніи были крайне неосновательны: «къ сожалѣнію, мы любимъ сколь-зить по поверхности предмета, выѣзжать на общихъ мѣстахъ, расплываться въ общихъ фразахъ... Такъ дѣла трудныя и сложныя кажутся намъ очень легкими и прочными». Надо знать, съ какими именно поляками намъ слѣдуетъ мириться; надо предвидѣть предѣлы, гдѣ поляки могутъ быть вполне удовлетворены, и кто будетъ судить, все ли сдѣлано для примиренія. Указываютъ на польское общественное мнѣніе, на печать, въ царствѣ и за границей. Но познанскіе поляки если и могутъ быть безпристрастны, — то они находятся въ особенномъ положеніи, которому не позавидуютъ ни русскіе, ни австрійскіе поляки, и они сами не порекомендуютъ ни Россіи, ни Австріи того спо-

соба дѣйствій, какой примѣняютъ къ нимъ прусскіе нѣмцы. Эмиграція, разбѣянная въ западной Европѣ, желаетъ Польши отъ моря до моря, и удовлетворить ее нѣтъ возможности. Поляки галицкіе не перестанутъ кричать противъ Россіи, пока она не отречется совсѣмъ отъ русскихъ галичанъ, притѣсненіемъ которыхъ тамошніе поляки думаютъ наверстать постоянный упадокъ и убыль полонизма въ Россіи и Пруссіи: въ Австро-Венгріи, не столько даже нѣмцы, сколько поляки и мадьяры являются главными защитниками ея цѣлости противъ Россіи. Слѣдовательно, изъ галицко-польской печати мы никакъ не узнаемъ, довольны ли нами поляки царства. Остается литература самой русской Польши: только отсюда мы можемъ узнать о состояніи польскаго общественнаго мнѣнія, объ отношеніяхъ польской народности къ Россіи. «Польской печати мы дѣйствительно можемъ и должны желать *всевозможнаго простора, не меньше чѣмъ* нашей собственной. Отъ искренности, прямоты и независимости польской печати въ Россіи можно ожидать только пользы и выгоды, какъ для поляковъ, такъ и для Россіи». Но и здѣсь надо помнить, что въ послѣднія три почти столѣтія польская печать представляла собственно только интересы двухъ классовъ общества, т.-е. дворянства и духовенства, а не интересы цѣлой польской народности. Масса польскаго народа, хлопство, до послѣдняго времени не имѣло за себя голоса въ литературѣ, и вліяніе названныхъ классовъ донинѣ такъ велико, что вѣроятно и послѣ освобожденія польской печати отъ цензуры «мы еще долго не можемъ ожидать полнаго выраженія желаній, потребностей и нуждъ *всего* польскаго народа», — въ которомъ многочисленнѣйшій и наиболѣе здоровый классъ есть именно крестьянство.

Но скажутъ, — продолжаетъ г. Ламанскій, — что есть же нѣкоторыя потребности, общія всѣмъ классамъ населенія, и удовлетвореніе которыхъ было бы пріятно всѣмъ полякамъ безъ различія сословій, — какъ, напримѣръ, устраненіе русскаго и введеніе польскаго языка въ образованіи, администраціи и судѣ: это помогло бы примиренію съ нами даже прусскихъ и галицкихъ поляковъ.

Но такого рѣшенія г. Ламанскій никакъ не допускаетъ. Устраненіе русскаго языка «было бы однозначительно (?) съ возстановленіемъ прежняго царства польскаго» ¹⁾, которымъ поляки все-таки будутъ недовольны. «Получивъ полную почти автономію,

---

¹⁾ Авторъ употребляетъ исключительно терминъ: „Привислянскій край“, но, если мы не очень ошибаемся, „Царство Польское“ не было уничтожено?

они пожелаютъ тогда имѣть свою армію, свои таможи, свою монету и при первомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, при какомъ-нибудь европейскомъ замѣшательствѣ, попытаются, чего добраго, повторить старую исторію. Можно легко предвидѣть новыя неудачи и новыя несчастія поляковъ, которыя несомнѣнно постигли бы ихъ въ такомъ случаѣ. Слѣдовательно, неблагоразумно ни намъ обѣщать, ни самимъ полякамъ желать такихъ мѣропріятій, которыя могутъ смутить умы и распалить воображеніе, поведутъ не къ логически ожидаемымъ послѣдствіямъ, а къ карамъ и репрессаліямъ дѣйствительно сильнаго народа надъ обломкомъ слабой, исторически прожившейся національности, искусственно возбужденной, ложно настроенной и, можно сказать, насильственно, ибо не органически облеченной въ государственность».

Польское государство, вслѣдствіе глубокаго разобщенія шляхты и духовенства съ народомъ, представляется весьма не цѣльнымъ и нездоровымъ организмомъ; и даже въ этнографическомъ отношеніи русская Польша далеко не есть чистая польская земля.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ является новое затрудненіе, даже невозможность для удовлетворенія польскихъ желаній. «Въ русской Польшѣ есть нѣсколько инородческихъ стихій, далеко не побѣжденныхъ польскою ассимиляціей, далеко не слившихся и не сросшихся во-едино съ польскою народностію. Россія не имѣетъ никакихъ причинъ и основаній помышлять и стараться о томъ, чего не могли и не умѣли поляки во время своей государственной самостоятельности. Безсмысленно просто было бы со стороны русскихъ не только думать объ ополяченіи, но, напротивъ, не дѣлать всего отъ насъ зависящаго, дабы окончательно помѣшать ополяченію считающихъ по нѣсколько сотъ тысячъ инородцевъ Привислянскаго края: русскихъ, литовцевъ, евреевъ и нѣмцевъ. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ около двухъ милліоновъ душъ, приблизительно одну треть общаго населенія края. Введеніемъ вновь польскаго языка, какъ языка образовательнаго, административнаго и судебного, словомъ—устраненіемъ русскаго языка и возведеніемъ польскаго на степень языка государственнаго, Россія признала бы свою немощь и безсиліе защитить и охранить даже русскую народность Привислянскаго края отъ ополяченія. Довольно уже и того, что, владѣя десяти лѣтъ Польшею, Россія ни разу не подумала о нѣсколькихъ стахъ тысячахъ Холмской Руси и преспокойно давала и даже помогала ей полячиться. Но, разъ сознавъ такую ошибку, было бы преступленіемъ съ нашей стороны сознательно подчинить поля-

камъ русскую народность.хлопотать объ ополяченіи этой Руси, можно надѣяться, не предложить намъ теперь и поляки».

Точно также нельзя требовать отъ Россіи, чтобы она принимала мѣры къ ополяченію литовцевъ. Этотъ народъ принадлежитъ, очевидно, къ двуязычнымъ,—которые, кромѣ родного языка, ограниченного тѣснымъ домашнимъ и мѣстнымъ употребленіемъ, нуждаются еще въ болѣе широкомъ языкѣ государственности и высшаго образованія: черезъ этотъ языкъ малыя племена дѣлаются равноправными гражданами великихъ государствъ и вкладчиками всемірно-историческихъ культуръ. Такое значеніе для литовцевъ долженъ имѣть русскій языкъ; а если бы для литовцевъ Польши сдѣланъ былъ обязательнымъ языкъ польскій, то этимъ сдѣланъ былъ бы большой вредъ для литовской народности: ея интеллигенція разорвалась бы на двѣ части—польскую и русскую ¹⁾. Зачѣмъ же мы стали бы наносить, въ угоду полякамъ, ущербъ народности, «даровитой и многообъщающей», по мнѣнію автора?

Нѣтъ никакой надобности отдавать предпочтеніе польскому языку противъ русскаго и относительно другихъ инородцевъ польскаго края—евреевъ и нѣмцевъ.

«Евреи и нѣмцы Привислянскаго края имѣютъ совершенно иную организацію, чѣмъ Русь и Литва. Имѣя сильныхъ и богатыхъ представителей, тѣ и другіе давно уже не занимаютъ въ немъ приниженаго положенія, которое такъ давно было удѣломъ Литвы и Руси. Да и въ русской администраціи края, такъ долго остававшейся глухою къ жалобамъ Литвы и Руси, евреи и нѣмцы всегда легко могли находить охрану и защиту своихъ нарушенныхъ и ненарушенныхъ интересовъ. Наиболѣе серьезныя столкновенія у нѣмцевъ и евреевъ возникали не съ польскимъ дворянствомъ, а съ польскими хлопами. Очень же распинаться за хлоповъ и крестьянъ считалось въ то время за направленіе революціонное, какъ теперь со *счастливымъ окончаніемъ* берлинскаго конгресса и со вступленіемъ нашимъ на путь такъ-называемаго *внутренняго развитія* будетъ, пожалуй, считаться за признакъ соціально-демократическаго направленія».

«Съ болѣе точнымъ административнымъ сближеніемъ бывшаго (?) царства со внутренней Россіей, съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и торговыхъ сношеній, со введеніемъ всеобщей воинской повинности, знаніе русскаго языка обывателями Привислянскаго края стало рѣшительною необходимостью; польскіе

¹⁾ Можетъ быть—надо прибавить еще нѣмецкую?

евреи и нѣмцы отъ нея, конечно, не захотятъ уклониться. Пусть поляки чувствуютъ горечь и сожалѣніе по низведенію и польскаго языка со степени языка государственнаго. Въ нихъ это чувство понятно и естественно. Но для неимѣющихъ вообще никакого польскаго патріотизма евреевъ и нѣмцевъ привислянскихъ, обязательность русскаго языка не можетъ представлять ничего непріятнаго. Давнее и всеобщее знакомство польскихъ евреевъ съ польскимъ языкомъ только облегчаетъ имъ быстрое усвоеніе языка русскаго. Для гордости же нѣмецкой обязательность изученія русскаго языка всегда будетъ безобиднѣе, чѣмъ языка польскаго, такъ какъ и въ самой Германіи все громче раздаются голоса о необходимости вообще изученія русскаго языка и литературы»...

Такими условіями обставляется вопросъ о господствѣ польскаго и русскаго языка съ точки зрѣнія русской государственной необходимости и этнографическихъ отношеній населенія русской Польши. Съ этой точки зрѣнія автору представляется совсѣмъ невозможнымъ предпочтеніе польскаго языка, какъ господствующаго, передъ русскимъ.

Къ такому же выводу г. Ламанскій приходитъ и съ другой стороны, рассматривая относительную цѣну русской и польской литературы.

«Пора говорить прямо и откровенно. Русскій литературный языкъ въ разныхъ концахъ славянскаго міра все болѣе и болѣе признается за единственный возможный и необходимый органъ высшей образованности и взаимнаго общенія всѣхъ народностей славянскихъ. Нельзя же все судить по-старому о польской и русской литературахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Если еще въ началѣ и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, во времена польскихъ гимназій въ западной Россіи и польскаго университета въ Вильнѣ, до Пушкина и Карамзина, до основанія петербургскаго и кіевскаго университетовъ, до открытія археографической коммисіи и изданія памятниковъ русской исторіи, если, словомъ, до царствованія императора Николая польская литература представлялась намъ чѣмъ-то крупнымъ, то въ настоящее время это отношеніе уже совершенно измѣнилось. Ни изящная словесность поляковъ, ни ихъ ученая литература, не имѣютъ и имѣть не могутъ ничего для насъ, русскихъ, особенно внушительнаго. Напротивъ, для поляковъ, какъ и для всѣхъ прочихъ славянъ, русская литература пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе внутреннее значеніе и важность. Скажемъ прямо: въ интересахъ самосохраненія, въ борьбѣ за существованіе съ ино-

родческими враждебными элементами, поляки привислянскіе имѣютъ внутреннюю, а не внѣшнюю (только оффиціальную) необходимость въ основательномъ изученіи русскаго языка и въ ближайшемъ знакомствѣ съ русскою литературой».

Эти инородческіе элементы, враждебные и опасные для Польши, составляютъ главный предметъ статьи г. Ламанскаго. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на этомъ предметѣ подробно; довольно указать главныя черты. Такъ, авторъ нисла не вѣрить въ предполагаемый польскій патріотизмъ евреевъ царства, и словами самихъ польскихъ публицистовъ указываетъ быстрое возрастаніе еврейскаго населенія сравнительно съ польскимъ и то крайне вредное вліяніе, которое оказываютъ евреи на благосостояніе польскаго народа, эксплуатируя крестьянскія массы и промыслы; съ другой стороны, онъ указываетъ постоянное возрастаніе нѣмецкой колонизаціи. Въ настоящее время евреи составляютъ $\frac{1}{6}$ всего населенія царства; по статистическимъ вычисленіямъ прироста населенія оказывается, что не далѣе какъ въ 120 лѣтъ еврейское населеніе сравняется въ Польшѣ съ римско-католическимъ, а такъ какъ въ послѣднемъ, кромѣ поляковъ, есть также литовцы, нѣмцы и проч., то съ числомъ собственно поляковъ евреи могутъ сравняться и въ еще болѣе короткій срокъ. Что касается нѣмцевъ, то хотя число ихъ еще не велико, но они ведутъ настоящую и цѣпкую колонизацію, и грозятъ также размноженіемъ, очень не безопаснымъ для польской народности...

Объясняя положеніе евреевъ или такъ-называемый еврейскій вопросъ въ царствѣ, г. Ламанскій приводитъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній слова двухъ польскихъ писателей, свидѣтельства которыхъ нельзя было бы заподозрить съ польской стороны. Одинъ изъ нихъ — знаменитый и своеобразный польскій патріотъ и панславистъ начала нынѣшняго столѣтія, Станиславъ Сташицъ, который въ книжкѣ 1817 года указывалъ своимъ соотечественникамъ великій вредъ и опасность, идущіе для Польши отъ еврейской эксплуатаціи страны и народа; другой — современный польскій публицистъ, Еленскій ¹⁾. Предостереженія Сташица и факты, собранные Еленскимъ, снова убѣждаютъ г. Ламанскаго, что единственное спасеніе для Польши — тѣсно примкнуть къ русской жизни и не отвергать, а искать распространенія русскаго языка.

У поляковъ господствовала въ послѣднія десятилѣтія мысль,

¹⁾ Книжка на польскомъ языкѣ: „Евреи, нѣмцы и мы“. Варшава, 3-е изд. 1878.

которую они хотѣли внушить и русскимъ, о тѣсной связи польскаго еврейства съ польскимъ дѣломъ; именно во время возстанія было много говорено о «полякахъ моисеева исповѣданія», которые изображались такими же ревностными польскими патріотами, какъ чистые поляки. Такъ или иначе, многіе денежные и другіе евреи принимали участіе въ дѣлахъ революціоннаго правительства и возстанія; но съ самаго начала было трудно представить себѣ, чтобы евреи могли имѣть такой же прямой и открытый интересъ въ этомъ дѣлѣ, какъ сами поляки, и чтобы тѣ, которые искреннимъ образомъ участвовали въ немъ, не были исключеніемъ.

Г. Ламанскій прямо утверждаетъ, что «польскій патріотизмъ привислянскихъ евреевъ и горячая преданность ихъ «народовой справѣ» есть одна изъ тѣхъ несчастныхъ лжей, которыми долго и усиленно отуманивали поляки извѣстную часть русскаго общества и администрацію». Сами поляки начинаютъ видѣть, что рассчитывать на тѣсную политическую солидарность съ ними евреевъ, а тѣмъ менѣе на ополяченіе послѣднихъ, нѣтъ никакой возможности. «Надежда на сліяніе евреевъ съ массой нашего народа, — говоритъ упомянутый выше Еленскій, — вообще говоря, очень слабая. Поддаваться ей значить поддаваться одному изъ тѣхъ самообмановъ, которые уже не разъ намъ обходились такъ дорого. Сами евреи, по собственной волѣ, не хотятъ ассимилироваться не только у насъ, но и въ цѣломъ мірѣ, за исключеніемъ тѣхъ странъ, гдѣ ихъ положительно мало».

Такимъ образомъ, если польскіе евреи не тождественны съ поляками, если нѣтъ надежды ассимилировать ихъ въ поляковъ, то для Россіи нѣтъ и совсѣмъ никакихъ основаній вводить для нихъ обязательность польскаго языка. Господствующимъ языкомъ для евреевъ, языкомъ преподаванія можетъ быть только русскій; напротивъ, ихъ ополяченіе не желательно ни для Россіи, ни для евреевъ, ни даже для самихъ поляковъ, потому что исключительно польское образованіе евреевъ будетъ мѣшать желаемому поляками ослабленію ихъ въ Польшѣ и выселенію ихъ въ другіе края Россіи.

Устранивъ, слѣдовательно, изъ вопроса надежду на ассимилированіе поляками евреевъ (о нѣмцахъ нечего и говорить, — поляки ихъ прямо опасаются), возвратимся съ авторомъ къ собственно русско-польскимъ отношеніямъ.

Какъ мы видѣли, г. Ламанскій не видитъ никакого превосходства польской литературы надъ русскою... Совѣты Сташица — «соединиться съ москалями» были отвергнуты; послѣ возстанія

1830 года наступилъ новый литературный періодъ, отмѣченный именемъ Мицкевича. «Не только прелестью стиховъ и художественными образами Мицкевича, но и его идеями и представленіями о прошломъ и будущемъ Польши восторгалась или тѣшилась польская молодежь тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Вся изящная словесность и политическая литература Польши, съ Мицкевича и послѣ, носила на себѣ печать какой-то болѣзненности и умственного разстройства, преднамѣренной лжи, сумасбродства и фальшиваго энтузіазма. Туранцы-москали выставались извергами челоуѣчества; московское иго, такъ-называемый *царатъ*, позорнѣйшими дѣяніями когда-либо бывшей на землѣ тиранніи. Съ легкой руки сильнаго поэтической фантазіей, но не сильнаго умомъ и болѣзненно настроеннаго Мицкевича, такъ идеализировавшаго въ *Панъ Тадеушъ* жида-шинкаря Янкеля, еврейскій элементъ въ Польшѣ былъ объявленъ и признанъ важною дѣятельною силой въ борьбѣ поляковъ съ москалями. Евреевъ было рѣшено признать и признали чистыми поляками, только *Moyzeszowego wyznania*»...

Улучшеніе польскихъ дѣлъ возможно только съ измѣненіемъ коренныхъ польскихъ взглядовъ. «Только съ кореннымъ измѣненіемъ условій воспитанія и образованія, и едва ли раньше какъ черезъ два, три поколѣнія можно надѣяться и рассчитывать съ какимъ-нибудь успѣхомъ на коренныя перемѣны въ характерѣ польскаго общества. Тутъ-то и представляется великая важность и польза для польскаго народа отъ обязательности русской школы и русскаго учебнаго языка. Польская исторія, польская образованность,—это надо помнить, этого не извратятъ и не поколеблѣютъ никакія quasi-ученныя похвальбы и доказательства, никакія выдумки большого патріотическаго воображенія,—присуютъ намъ страну, со второй половины XVI вѣка не прогрессирующую, не поступающую впередъ, а идущую назадъ и гибнущую, летящую стремглавъ въ пропасть матеріальную и нравственную. Развѣ въ новѣйшемъ польскомъ обществѣ встрѣчаются характеры и умы Польши половины XVI вѣка? Развѣ лучшіе польскіе писатели XVI вѣка, по свободѣ возрѣній и широтѣ пониманія, не выше цѣлою головою лучшихъ, даровитѣйшихъ польскихъ писателей XIX вѣка? Развѣ высшія эманации польскаго новѣйшаго генія, Мицкевичъ, Шопень, Красинскій, при всѣхъ своихъ замѣчательныхъ дарованіяхъ, не представляютъ собой чего-то болѣзненнаго, страшно надломленнаго, не носятъ на себѣ печати не то дѣтской, не то старческой ограниченности и исключительности, частью искренней, частью

напускной наивности въ пониманіи современнаго и окружающаго чужого, и въ радужной идеализаціи своего прошлаго и будущаго? Развѣ въ нынѣшней польской литературѣ возможенъ или нашелъ бы себѣ почетное мѣсто какой-нибудь Фричъ Моджевскій съ его воззрѣніемъ на римскую курію, на протестантство и православіе? Можетъ ли современное польское общество представить хоть одного епископа, сколько-нибудь напоминающаго, напримѣръ, бывшаго примаса Польши, гнѣзненскаго архіепископа Уханскаго, друга и покровителя этого же Фрича?..»

Упомянутый Еленскій находилъ, что поляки, для прочнаго установленія своей правильной экономической жизни и для борьбы съ еврействомъ, должны взять примѣръ съ чеховъ и развить въ себѣ ту же предприимчивость и самобытность.

«Легко сказать—чехи,—замѣчаетъ г. Ламанскій.—Но развѣ можно забывать, что чеховъ въ ихъ возрожденіи вдохновляли, подымали и руководили двѣ идеи, два чувства? Съ одной стороны, память о Гусѣ и цѣломъ духовномъ движеніи, произведенномъ имъ въ Чехіи, о славныхъ ея бояхъ съ папствомъ и католическою феодальною Европой; съ другой стороны—идея славянства и преимущественно надежда и упованіе на Россію, желаніе общенія и единенія съ русскимъ народомъ... А насколько чехи обогнали поляковъ въ своемъ экономическомъ и политическомъ развитіи? Насколько выше поляковъ по образованію чисто-ученому и техническому? Такія ли идеи воодушевляли и согрѣвали новѣйшую польскую литературу и образованность? Вмѣсто Гуса, тутъ чтятся имена злополучной памяти Скарги и Иосафата, вмѣсто идеи славянской здѣсь воодушевляла умы сильная ненависть и вражда къ единственной силѣ и опорѣ славянства—Россіи, и согрѣвала надежды и упованіе на Римъ и Францію, особенно клерикальную и наполеоновскую, даже наконецъ на Турцію. Вмѣсто распространяемыхъ чешскою литературой вѣрныхъ свѣдѣній о прошломъ и настоящемъ славянства и здравыхъ понятій объ отношеніи къ русскому языку прочихъ нарѣчій славянскихъ, польское общество преимущественно питалось сумасбродными ученіями Духинскаго о турапствѣ москалей, и другихъ ему подобныхъ больныхъ головъ—о принадлежности языка и народности Малой, Бѣлой, даже Новгородской Руси къ языку и народности польской».

Г. Ламанскій указываетъ два важныя отличія и преимущества чешской общественной образованности отъ польской. Во-первыхъ, у чеховъ, хотя высшее духовенство такое же ультрамонтанское, какъ у поляковъ, но низшее очень близко съ наро-

домъ и отличается анти-римскими стремленіями, чего совсѣмъ нѣтъ у поляковъ; во-вторыхъ, у чеховъ много дѣателей образованія и литературы вышло именно изъ народной крестьянской среды, которая у поляковъ, напротивъ, почти совсѣмъ не имѣетъ представителей въ литературѣ... Только теперь, послѣ освобожденія польскаго крестьянства, можно ожидать, что оно также приметъ участіе въ національной жизни и дастъ болѣе широкое и свободное движеніе польской образованности.

«Есть полное основаніе надѣяться, что новыя выходяція силы изъ польскаго крестьянства будутъ съ-разу относиться къ Россіи, русскому народу и русской мысли безъ тѣхъ предвзятыхъ, ложныхъ и часто дикихъ взглядовъ, которые глубоко за-сѣли въ двухъ историческихъ классахъ Польши, дворянствѣ и духовенствѣ, единственныхъ по сіе время двигателей и выразителей польской идеи и образованности». Авторъ думаетъ, что нынѣшняя обязательность русскаго языка должна оказать на поляковъ благотворное освободительное вліяніе, даже вопреки ихъ желаніямъ, и поведетъ не къ ослабленію, а къ усиленію польской народности. «Нимало не лишая поляковъ права и возможности распространять и прививать разными общественными способами польскій разговорный языкъ и знакомство съ польскою словесностью между двумя опаснѣйшими для польской народности инородческими стихіями»,—она подвергаетъ евреевъ и нѣмцевъ вторичному вліянію новой славянской стихіи, болѣе сильной, чѣмъ польская. Если бы даже польская народность была сильнѣе, чѣмъ она есть, она слишкомъ малочисленна, чтобы бороться противъ наступающаго на нее германизма одной, безъ помощи славянства и особенно русскаго народа. «Но,—замѣчаетъ г. Ламанскій,—постоянной эмиграціи въ нашу Польшу изъ Германіи, къ сожалѣнію, скажемъ отъ себя, не противопоставляется съ нашей стороны никакихъ преградъ и даже затрудненій, что, можетъ быть, было бы легко достижимо, если бы нѣмецкій элементъ былъ послабѣе представленъ въ русской бюрократіи особенно въ администраціи привислянскаго края».

Авторъ осуждаетъ «либераловъ» и даже издѣвается надъ ихъ «проектами въ смыслѣ *laissez faire, laissez aller*», которые, по его мнѣнію, только усилятъ въ Польшѣ ростъ еврейскаго и нѣмецкаго элемента,—но думаетъ при этомъ, что усиленіе нѣмцевъ въ Польшѣ могло бы имѣть и свою полезную сторону. «Оно могло бы установить общую точку зрѣнія для поляковъ съ русскими и привести столь давно и рѣзко несогласныя между собою двѣ народности славянскія къ извѣстному

единомыслию и общему образу дѣйствій. Общая опасность, угрожающая обоимъ противникамъ, заставляетъ ихъ мириться и дѣйствовать сообща для ея устраненія. Но если для русскихъ и поляковъ тутъ опасность общая, то она угрожаетъ тѣмъ и другимъ далеко не въ одинаковой степени. Непосредственно грозная и близкая для поляковъ, она далека отъ русскихъ и грозна имъ лишь косвенно. Она грозитъ полякамъ и упадкомъ, и гибелью ихъ народности, русскимъ—утратою западной окраины и близкой родственной народности»...

Сами поляки много виноваты въ томъ, что сознаніе этой опасности является такъ поздно. Они кичились сами своею мнимою силою и вводили русское общество въ заблужденіе объ этомъ предметѣ. Присмотрѣвшись ближе, мы увидѣли напротивъ, что этой силы нѣтъ, что Польша находится въ весьма печальномъ состояніи. Мысль объ отпадѣ половины польскаго края Пруссіи показывала, что у насъ уже не считали мыслимымъ существованія посредствующаго государства между двумя могущественными державами. Потомъ мы разглядѣли въ Польшѣ народности русскую и литовскую, затѣмъ уразумѣли истинныя отношенія польскаго населенія къ евреямъ и нѣмцамъ, сильнымъ числомъ, предприимчивостью и капиталами...

Большую вину возлагаетъ также г. Ламанскій на русскіе «радикально-либеральные и консервативные кружки», на изображенное ими «недомыслие и слабость сознанія въ самомъ обществѣ», на ихъ «пошлое глумленіе и грубое издѣвательство надъ славянскимъ призваніемъ Россіи», вслѣдствіе котораго глумленія и издѣательства въ польскомъ обществѣ, по словамъ автора, гложутъ существующіе слабые зародыши славянскихъ стремленій. Въ особенности виноваты «либералы»,—которые «зачастую распѣваютъ и насвистываютъ, что касается Россіи и славянства, самыя устарѣлыя мелодіи, нисколько не сомнѣваясь, что все, съ чѣмъ они носятся и чѣмъ они щеголяютъ, все это самаго новомоднаго и общечеловѣческаго покроя».

Теперь мы убѣдились, — говоритъ г. Ламанскій,—что и въ матеріальномъ, политическомъ, и нравственномъ, культурномъ, отношеніи Россія и Польша—вещи несоизмѣримыя, что настоящей борьбы между ними и быть не можетъ. «Бросаясь въ борьбу съ Россіей, польская народность играетъ только роль небольшого отряда въ чужой арміи, успѣхи которой прежде всего повредятъ польской и всѣмъ прочимъ западно-славянскимъ народностямъ. Въ колоссальной борьбѣ собственно Европы и собственно Азіи съ третьимъ, среднимъ міромъ, греко-славянскимъ, интересы

всего славянства, равно какъ и всѣхъ народностей, тѣсно культурно и географически съ нимъ связанныхъ... представлены Россією, и ею одною могутъ быть защищены и обезпечены».

«Понятно, — прибавляетъ г. Ламанскій, — что такое воззрѣніе на Россію не только не требуетъ насильственного обрусенія всѣхъ инородческихъ и инославянскихъ стихій, входящихъ въ составъ Россіи или имѣющихъ войти въ союзъ съ нею, но, напротивъ, терпитъ и даже *вызываетъ* ихъ свободное развитіе, ибо, отдаваясь вредному и враждебному Россіи направленію, каждая изъ этихъ стихій вредитъ себѣ еще гораздо болѣе и, заноса руку на Россію, поражаетъ прежде всего себя».

Приведемъ, наконецъ, еще нѣсколько общихъ замѣчаній г. Ламанскаго. Прежде, — говоритъ онъ, — мы думали о полякахъ даже не такъ, какъ они сами думали, а какъ они желали, чтобы мы о нихъ думали. Теперь это заблужденіе окончилось. Кажется, и поляки начинаютъ сознавать, что теперь уже нельзя кичиться передъ нами своей силой, образованностью, грозить связями съ Европой, и что «всѣ эти подходы и приемы въ обращеніи съ москалями рѣшительно приходится сдавать въ архивъ какъ негодную ветошь». «Мы стали непосредственно изучать Польшу и, ближе съ нею ознакомившись, смѣло можемъ теперь требовать прямоты и искренности въ сношеніяхъ поляковъ съ нами. Напрасно стали бы они скрывать и замазывать отъ насъ свою слабость и безсиліе, свое печальное положеніе какъ народности больной, не столько давимой внѣшнею силой, сколько раздѣдаемой внутренними недугами. Не злорадство и насмѣшку, а истинную скорбь и сожалѣніе чувствуетъ русскій при ближайшемъ ознакомленіи съ Польшей. Въ тѣснѣйшемъ ея соединеніи и сближеніи съ Россіей видитъ онъ возможность исцѣленія этихъ недуговъ и, замѣчая еще вражду и ненависть поляковъ къ Россіи, пугается и страшится ея, не изъ-за опасенія какого о нашей Руси, а изъ-за будущности польской».

Мы довольно подробно извлекли основное содержаніе статьи г. Ламанскаго, такъ какъ въ ней мы имѣемъ дѣло съ мнѣніями писателя, владѣющаго большимъ знаніемъ славянства, и съ послѣднимъ (донинѣ) словомъ такъ-называемаго славянофильства по этому предмету. Эти мнѣнія мы считаемъ очень важными; многія обстоятельства вопроса, въ нихъ указанные, очень серьезны, — и если бы можно было ожидать, что самый вопросъ сдѣлается предметомъ дѣйствительно свободныхъ разсужденій

(и, конечно, полемики) между русскими и польскими (русской Польши) писателями, послѣднимъ въ особенности необходимо было бы обратить вниманіе на эту статью, — гдѣ всего ярче указаны требованія, какія дѣлались бы несомнѣнно очень многими съ русской стороны, и указаны слабыя стороны польскаго прошлаго и настоящаго, которыя требуютъ дѣйствительной критики и не по мнѣнію однихъ славянофиловъ. При всемъ томъ, что есть въ этомъ изложеніи вопроса вѣрнаго и важнаго, есть въ немъ многое, съ чѣмъ мы несогласны, что мы сказали бы иначе, что неполно по опредѣленію обстоятельствъ и недосказано.

Прежде всего, мы вѣримъ вполне въ искренность «скорби и сожалѣній» (стр. 395), но въ изложеніи мы желали бы видѣть больше спокойной критики; если не «злорадство», то раздраженіе слышится во многихъ отзывахъ и о польскомъ дѣлѣ и о нѣкоторыхъ русскихъ обстоятельствахъ. Крупное и основное нерѣдко смѣшивается съ мелкимъ и частнымъ, и это не помогало безпристрастію и точности рѣшенія; смѣшивается нерѣдко идеаль и фактъ и выводы и требованія, строясь на первомъ и забывая о второмъ (или едва касаясь его мимоходомъ) теряютъ силу своей доказательности. Мы выскажемъ нѣсколько замѣчаній—или недоумѣній—въ порядкѣ предвѣдущаго изложенія.

Въ началѣ авторъ замѣчаетъ, что «познанскіе поляки еще могутъ въ своихъ отзывахъ отличатся безпристрастіемъ и справедливостію» (стр. 372). Тогда, можно бы прислушаться къ ихъ отзывамъ: въ нихъ нашлось бы, быть можетъ, нѣчто, на что нужно было бы обратить вниманіе, обсуждая польскія желанія.

Вслѣдъ затѣмъ авторъ говоритъ, что свѣдѣній объ общественномъ мнѣніи польскомъ и его отношеніи къ Россіи мы должны искать въ печати русской Польши, и замѣчаетъ, что для польской печати мы «можемъ и должны желать всевозможнаго простора, не менѣе чѣмъ нашей собственной» (стр. 373). Но вѣдь именно этого-то простора и нѣтъ совсѣмъ для польской печати; можно ли, слѣдовательно, предъявлять къ польской литературѣ слишкомъ строгія требованія, и не обязываетъ ли это положеніе вещей къ болѣе мягкому трактованію больныхъ мѣстъ польской жизни,—если уже не вызываетъ къ этому «славянское» чувство?.. Авторъ съ особенной настойчивостію защищаетъ обязательность русскаго языка въ управленіи и школѣ (и въ этой защитѣ есть многія справедливыя замѣчанія); но съ другой стороны высказываетъ (стр. 416) свое несочувствіе къ нѣкоторымъ мѣрамъ и дѣйствіямъ нашей администраціи въ Польшѣ: гдѣ же раздѣлъ,

и не нужно ли было бы, для полной ясности и безпристрастія, выставить свои требованія и въ ту и въ другую сторону?

Оспоривая возможность дать польскому языку значеніе языка оффиціального, авторъ утверждаетъ, что это было бы равнозначительно возстановленію царства, что поляки захотятъ потомъ имѣть свою армію, свои таможи и проч., что это распалитъ ихъ воображеніе и они, пожалуй, возобновятъ возстанія (стр. 375). Соображеніе очень произвольное. Почему же думать, что желанія ихъ пойдутъ такъ далеко; не желаютъ же прусскіе и галицкіе поляки своей арміи, монеты и таможи. Заграничная польская печать, говоря о «примиреніи»,—сколько намъ случилось по крайней мѣрѣ читать,—не ставитъ вовсе такихъ странныхъ требованій; и, наконецъ, русская власть всегда имѣла бы возможность остановить желанія поляковъ, если бы онѣ переступили грубо мѣру возможности. И она могла бы очень это сдѣлать: самъ авторъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что о какой-нибудь борьбѣ Польши съ Россіей не можетъ быть и рѣчи. О таможнякахъ самъ авторъ говоритъ также, что ихъ уничтоженіе послужило только къ экономической выгодѣ царства: зачѣмъ же поляки стали бы уничтожать эту выгоду?—Если же поляки и при «неудобномъ» случаѣ возстали, то, послѣ старыхъ испытаній, надо было бы думать, что ихъ вынудило бы къ тому какое-нибудь особенно тягостное состояніе; и если бы это происходило опять только въ русской Польшѣ,—какъ странно это было бы при славянскомъ братствѣ и нашемъ славянскомъ старшинствѣ, и какое двусмысленное впечатлѣніе произвело бы это на остальные славянскіе народы.

Въ недавнемъ прошломъ авторъ припоминаетъ фактъ, какъ Россія, владѣя Польшей десятки лѣтъ, «ни разу не подумала о нѣсколькихъ стахъ тысячахъ Холмской Руси и преспокойно давала и даже помогала ей полячиться» (стр. 376). Было еще хуже, когда такимъ же образомъ она давала полячиться и западнымъ русскимъ губерніямъ. Но если этотъ фактъ былъ, то не слѣдуетъ ли, по справедливости, умѣрить упрекъ полякамъ, что они «кичились» и т. п. Въ извѣстномъ смыслѣ они и могли кичиться, когда ополячивали болѣе образованную часть западно-русскаго населенія, находясь сами подъ русскимъ владычествомъ. И еще на-дняхъ мы читали въ нашихъ газетахъ, что въ западномъ краѣ и донинѣ, при всѣхъ стѣснительныхъ мѣрахъ, идутъ захваты польскаго католичества въ православныхъ мѣстностяхъ...

Утверждаетъ авторъ, что для нѣмцевъ царства обязательность русскаго языка «не можетъ представлять ничего непріят-

наго» (стр. 378). Сомнительно: эти нѣмцы такъ близки къ германскому отечеству и остзейскому краю, отчасти выселились такъ недавно, что вѣроятно раздѣляютъ обычное нѣмецкое высокомяніе и стремятся меньше къ превращенію въ русскихъ гражданъ, чѣмъ къ тому, чтобы сохранить свою сепаратность. Не приставая къ полякамъ, они очень могутъ не пристать и къ русскимъ, и—мечтать о «возсоединеніи» съ германскимъ отечествомъ. Если бы шла рѣчь объ ихъ ассимиляціи, то намъ не кажется невѣроятной ассимиляція въ польскую сторону, — потому что при этомъ очень большую роль играютъ не отвлеченныя соображенія, а дѣйствіе ближайшей обстановки; и живая подвижность польскаго характера, кажется, была не послѣднимъ средствомъ вліянія польской народности... Намъ кажется, что присутствіе нѣмцевъ не составляетъ доказательства за стѣсненіе польской народности, которое совершается системой «обрусенія».

За это стѣсненіе не говорить и «давнее и всеобщее знакомство польскихъ евреевъ съ польскимъ языкомъ», въ которомъ авторъ (стр. 378) видитъ только облегченіе для усвоенія ими русскаго языка.

«Русскій языкъ,—говоритъ авторъ тамъ же, — въ разныхъ концахъ славянскаго міра все болѣе и болѣе признается за единственный возможный и необходимый органъ высшей образованности и взаимнаго общенія всѣхъ народностей славянскихъ». Въ другомъ мѣстѣ мы останавливались подробно на этомъ положеніи; мы также думаемъ, что русскому языку, по многоразличнымъ отношеніямъ, можно было бы стать органомъ взаимнаго славянскаго общенія, — но вѣдь этого еще далеко нѣтъ на дѣлѣ; это—только предположеніе или идеаль. Мы раздѣляемъ этотъ идеаль или это предположеніе; другіе его не раздѣляютъ, и можно ли наше предположеніе становить критеріемъ для того, чтобы судить (и осуждать) другихъ, которые самаго предположенія, быть можетъ, не дѣлаютъ.

Въ важности и пользѣ для польскаго народа отъ русской школы и знанія русскаго языка (стр. 399) мы также въ глубокой степени убѣждены; болѣе знакомство поляковъ съ нашей литературой есть одно изъ нашихъ самыхъ искреннихъ желаній, —но мы думали и думаемъ только, что и для самаго достоинства русскаго языка, и для достоинства между-славянскихъ отношеній было бы приличнѣе, если бы русскій языкъ и его органъ, русская литература, могли оказывать вліяніе у поляковъ своей собственной силой, а не при помощи принудительныхъ мѣръ. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы совсѣмъ была устранена

школьная обязательность русскаго языка; — правительство, по государственнымъ соображеніямъ, можетъ настаивать на томъ, чтобы господствующій языкъ былъ извѣстенъ въ разныхъ концахъ имперіи; — но «обязательность» можетъ имѣть много очень разныхъ степеней и формъ примѣненія. Намъ кажется, что ни степень, ни формы обязательности, нынѣ принятые, не соответствуютъ ни упомянутому достоинству, ни благоразумно рассчитываемому интересу самаго дѣла. Какъ бы строго мы ни относились къ польской исторіи, къ гибельнымъ ошибкамъ двухъ привилегированныхъ классовъ польскаго народа, къ исключительности и недостаткамъ польской литературы, къ нелѣпости многихъ польскихъ предразсудковъ, и т. д., какъ бы мы ни судили строго всѣ эти вещи, которыя собираемся исправить посредствомъ русской школы и литературы, — нельзя забыть двухъ вещей. Во-первыхъ, что сама русская образованность далеко не установилась, что она переживаетъ еще приготовительный періодъ, сама съ великими усиліями добивается простора для своего развитія, котораго (простора) еще далеко не имѣетъ, переносить донинѣ испытанія, свидѣтельствующія о весьма невысокомъ уровнѣ *цѣлаго* пониманія вопросовъ науки и образованія въ нашемъ обществѣ, и иногда просто унижительныя (вспомнимъ сожженіе нѣкоторыхъ книгъ, и т. п.). Правда, польская литература въ царствѣ находится вѣроятно еще въ худшемъ положеніи; но польская литература не ограничена царствомъ, и въ другихъ ея областяхъ остается возможнымъ дѣйствіе литературы европейской, и въ этихъ условіяхъ авторитетъ нашей можетъ очень ослабѣвать: становится возможно *сравненіе*... Во-вторыхъ, какова бы ни была польская литература съ нашей точки зрѣнія, она дорога полякамъ, какъ всякому народу дорога своя литература; участіе своего родного языка въ высшемъ образованіи составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій успѣховъ литературы, а здѣсь оно именно отнимается. И если точка зрѣнія, принимаемая г. Ламанскимъ, «не только не требуетъ — по его собственнымъ словамъ — насильственнаго обрусенія ино-славянскихъ стихій, но даже вызываетъ ихъ *свободное развитіе*» (стр. 416), то мы недоумѣваемъ, какъ подобное развитіе можетъ совершаться при существующей *нынѣ* «обязательности», очень стѣснительной для польскаго языка. Если мы прибавимъ (какъ это говорятъ нѣкоторые извѣстія, не попадавшія у насъ въ печать), что практическіе приемы, какими выполняется «обязательность», бывали иногда очень — неумѣстные, то она можетъ не только не достигать цѣли, но, напротивъ, приводитъ къ совсѣмъ противоположному резуль-

тату — раздражать и направлять польское общество къ литературѣ заграничной Польши, и отталкивать отъ русскихъ интересовъ...

«Есть полное основаніе надѣяться, — говоритъ какъ-бы въ возраженіе на это г. Ламанскій, — что новыя выходящія силы изъ польскаго крестьянства будутъ съ-разу относиться къ Россіи, русскому народу и русской мысли безъ тѣхъ предвзятыхъ, ложныхъ и часто дикихъ взглядовъ, которые глубоко засѣли въ двухъ историческихъ классахъ Польши, дворянствѣ и духовенствѣ» (стр. 405). Есть дѣйствительно шансы, что эти новыя силы могутъ внести новое направленіе польской мысли; однако можно также думать и другое, именно, что новая польская мысль, хотя и будетъ болѣе свободная, народная, демократическая, но при стѣсненіяхъ для польской народности, неизбѣжныхъ при извѣстныхъ приѣмахъ обрусенія, можетъ унаслѣдовать отъ «историческихъ классовъ» тоже враждебное отношеніе къ Россіи, потому что это очень чувствительное стѣсненіе будетъ поражать и этотъ классъ народа. Новый слой, пріобрѣтая образованіе, едва ли можетъ остаться совсѣмъ чуждъ историческимъ преданіямъ, а привилегированные классы, безъ сомнѣнія, будутъ стараться всячески ихъ поддерживать — мы разумѣемъ, если условія національной жизни будутъ на это наталкивать, не давая ей какой-либо болѣе широкой перспективы, которая могла бы заслонить преданія.

Говоря объ опасности, грозящей отъ наплыва нѣмецкой колонизаціи, авторъ сожалеетъ, что этому наплыву не противопоставляется съ нашей стороны никакихъ преградъ и даже затрудненій, хотя это было бы возможно при другомъ составѣ администраціи (стр. 407). Въ томъ и дѣло, что въ расчетахъ о будущемъ направленіи и преобразованіи польской жизни необходимо принимать въ расчетъ наши собственные внутреннія дѣла, въ которыхъ уже не разъ оказывалось самое недвусмысленное противорѣчіе съ идеалистическими надеждами и соображеніями и «либераловъ» и славянофиловъ. А въ то время, пока — по причинамъ, отъ насъ самихъ зависящимъ — упомянутыхъ преградъ не ставится, нѣмцы бросаютъ все болѣе и болѣе прочныя корни въ нашей Польшѣ и готовятъ въ будущемъ самыя серьезныя затрудненія не только для Польши, но и для насъ.

Но опасность грозитъ Польшѣ и намъ не въ одинаковой степени; къ полякамъ она близка, отъ насъ далека: «она грозитъ полякамъ и упадкомъ и гибелью ихъ народности, русскимъ — утратою западной окраины и близкой родственной народности» (стр. 413). Степень опасности, конечно, не одинакова; для насъ вѣроятно еще долгіе вѣка не будетъ опасно, что нѣмцы забе-

ругся въ московскую губернію, — тѣмъ не менѣе, очень серьезная опасность существуетъ и для насъ. Наплывъ нѣмцевъ въ Польшу есть, конечно, эпизодъ нѣмецкаго Drang nach Osten, который вовсе не есть фантазія нѣмецкихъ патріотовъ, но и совершающійся фактъ; это — такъ-сказать историко-фізіологическое явленіе, и за германскимъ наводненіемъ Польши очевидно должна слѣдовать очередь *русскихъ* западныхъ губерній. Мы не говоримъ, что эта послѣдняя опасность близка; но трудно сказать и то, чтобы она была очень далека; говорятъ по крайней мѣрѣ, что признаки показываются уже и здѣсь и можно утвердительно сказать, что если наши дѣла будутъ еще впредь идти, какъ идутъ теперь, то опасность будетъ тѣмъ ближе и грознѣе. Но съ германизацией Польши — что было бы равносильно отнятію ея у Россіи — возникало бы еще новое опасное явленіе: Россія, оттѣсненная на востокъ, была бы окончательно отрѣзана отъ западно-славянскаго міра, которому тогда останется еще меньше надежды — уцѣлѣть. Для Россіи, кажется, кончалось бы ея славянское «приваніе».

Слѣдуетъ рядъ насмѣшекъ надъ «либералами» (стр. 413 и слѣд.), порядочно высокомерныхъ. Прежде всего, «либералы», кажется, не особенно много «разглагольствовали» о примиреніи съ поляками, такъ что едва ли можно было обезпечить злобностью этихъ разглагольствій. Нѣсколько журнальныхъ и особенно газетныхъ статей, отчасти поверхностныхъ, отчасти писанныхъ подъ страхомъ іудейскимъ, и ранѣе г. Ламанскаго уравновѣшенныхъ статей г. Костомарова, зажавшаго уши отъ всякихъ толковъ о «примиреніи», — едва ли заслуживали раздраженія, съ какимъ говоритъ объ этомъ авторъ. Дѣло могло быть разобрано болѣе спокойно.

Сколько мы помнимъ, «либералы» не претендовали указывать какія-нибудь опредѣленные мѣры; говоря о польскомъ вопросѣ, имъ приходилось больше останавливаться на самыхъ общихъ положеніяхъ, которыя нашимъ обществомъ далеко не усвоены. Имъ приходилось говорить о томъ, что «поляки» не есть непременно и не долженъ быть трактованъ впередъ какъ «врагъ» или «бунтовщикъ»; что наше отношеніе къ полякамъ, такъ или иначе, тягостно и ненормально, и что очень желательно было бы найти средства жить съ ними въ болѣе мирныхъ отношеніяхъ, чѣмъ нынѣшнія; что это все-таки «славянскіе братья»; что система обрусенія, нынѣ дѣйствующая, имѣетъ много неудовлетворительнаго (съ чѣмъ и нашъ авторъ согласенъ), и т. п.

Мы не имѣемъ ни охоты, ни надобности защищать «радикально-либеральные» и особенно «консервативные кружки», осуждаемые г. Ламанскимъ (стр. 417—418). Онъ отвергаетъ одинаково взгляды тѣхъ и другихъ, какъ равное, по его мнѣнію, противорѣчіе славянофильству или «русско-славянской» идеѣ. Мы предпочли бы не встрѣтить у г. Ламанскаго этого полемическаго приѣма отождествленія, — такъ какъ этотъ приѣмъ, мѣшаніе въ одну кучу всѣхъ «либераловъ» и приравниваніе ихъ съ одной стороны къ шпионамъ, съ другой къ врагамъ народа, до послѣдней степени опошленъ людьми, которые пускались въ высшіе вопросы, прицѣпившись къ хвосту славянофильства, а отчасти имѣя при этомъ свои особенные виды практическаго свойства. Бываютъ союзники, отъ которыхъ выйдешь освобождаться... Мы думаемъ, напримѣръ, что между «славянофилами» есть большая разница: славянофилы — гг. Аксаковъ и Ламанскій; славянофилъ также, — напр., г. Комаровъ. Можно смѣло предположить, что есть славянофилы такого оттѣнка, съ которыми г. Ламанскій не пожелалъ бы имѣть дѣла; точно также «либералы», если уже давать этотъ титулъ людямъ извѣстныхъ мнѣній, могутъ только съ омерзѣніемъ относиться къ людямъ, которыхъ нынѣшніе литературные противники либерализма предупредительно даютъ имъ въ союзники...

По словамъ г. Ламанскаго, вина «либераловъ» состоитъ въ легкомысленной охотѣ мириться съ поляками и въ непониманіи славянской идеи и призванія Россіи. Мы видѣли, что относительно перваго они едва ли успѣли сдѣлать что-нибудь легкомысленное и, напротивъ, помогали тому, чтобы ввести, въ понятія общества, польскій вопросъ въ область дѣла славянскаго вопроса. Авторъ негодуетъ на «посвистывающихъ» (?) либераловъ, что ихъ легкомысліе подрываетъ въ польскомъ обществѣ зачатки славянскихъ стремленій; но до сихъ поръ поляки слишкомъ мало интересовались русской литературой и не знаемъ, насколько она могла вліять на ихъ мнѣнія, — и послѣднія опредѣляются, конечно, несравненно меньше какими-нибудь литературными случайностями, и несравненно больше крупными господствующими отношеніями. Самъ авторъ тутъ же сознается, что дѣло русско-польское портили — вовсе не «либералы», а нѣкоторые «русскіе государственные люди» (стр. 416). Это, какъ видимъ, совсѣмъ иное дѣло: если въ этой области не было славянской идеи, то на «либераловъ» можно бы и не жаловаться, и ужъ лучше было бы остановиться на томъ, что творили «русскіе государственные люди»...

«Либераламъ» ставится въ упрекъ, что они отвергаютъ славянское призваніе Россіи. Здѣсь опять, у разныхъ людей, соединяемыхъ г. Ламанскимъ подъ одинъ титулъ «либераловъ», есть очень разныя точки зрѣнія: одни, чиновническіе публицисты, отвергаютъ «призваніе» по бюрократическому пренебреженію ко всякой «идеѣ»; другіе, съ совсѣмъ иной точки зрѣнія, раздражительно отвергаютъ «призваніе», какъ фантазію, отвлекающую умы отъ насущной дѣйствительности, состоящей въ тагостномъ положеніи собственнаго народа и требующей, прежде всякихъ далекихъ плановъ, помощи ему самому; третьи ни мало не отвергаютъ ни историческихъ преданій, ни племенныхъ связей, ни возможности широкой славянской дѣятельности Россіи, но при этомъ не удовлетворяются идеалистической отвлеченностью, а желали бы критической оцѣнки—и преданія, и настоящаго положенія вещей, и средствъ, какія имѣются для славянской дѣятельности Россіи. Очевидно, кажется, что между этими тремя взглядами есть большая разница по самому *существу*; при нѣкоторомъ безпристрастіи было бы не трудно увидѣть эту разницу, и въ самомъ враждебномъ мнѣніи найти не безполезныя отрицательныя указанія...

Разница мнѣній о «призваніи» была совершенно возможна и логически и фактически. Намъ случалось говорить о славянскомъ призваніи Россіи. Что это—доказанный *фактъ* всей исторіи, или новое политическое *соображеніе* и идеаль? Историческій *фактъ* вызывалъ сомнѣнія и еще требуетъ доказательствъ; какъ политическое *соображеніе*, оно можетъ подлежать спору, и нѣтъ никакого преступленія, если одни понимаютъ этотъ вопросъ иначе, чѣмъ другіе. Высшимъ требованіемъ остается польза самого русскаго народа, и относительно ея мнѣнія могутъ расходиться у людей вполнѣ добросовѣстныхъ; какое бы право имѣли мы обвинять ихъ въ преступленіи противъ народа потому только, что они думаютъ иначе, нежели мы?

Намъ кажется, что «либералы» (даже тѣ чиновники-публицисты, которыхъ тоже причисляютъ къ либераламъ!) принесли не малую пользу разъясненію вопроса о «призваніи»: ихъ возраженія надо же имѣть въ виду, такъ какъ вопросъ все-таки неясенъ. «Россія», «русскій народъ» имѣетъ славянское призваніе,—говорятъ намъ. Но, увы, русскій народъ не имѣетъ голоса въ рѣшеніи подобныхъ задачъ; и Россія... Какъ же объяснить факты прошедшей исторіи, изъ которыхъ (и по признаніямъ самой славянофильской школы) было очевидно, что официальная Россія,—она же и народная?—это призваніе *нарушала*? Какъ

объяснить такіе же факты въ недавнемъ прошедшемъ? Неужели берлинскій конгрессъ—исполненіе «призванія»? Отдача Босніи и Герцеговины Австріи; безпомощность брошенной Черногоріи; перерваніе всякой умственной и нравственной связи съ роднымъ русскимъ племенемъ въ Галиціи, и пр.,—исполненіе призванія? Въдѣ во всѣхъ этихъ фактахъ виноваты не «либералы»; на нихъ отмѣчена фирма «Россія»?..

Взглядъ на польское дѣло, излагаемый въ статьѣ г. Ламанскаго, при всей рѣзкой опредѣленности многихъ положеній, оставляетъ много неясностей теоретическихъ и недоумѣній въ смыслѣ славянскихъ отношеній. Не ясно, напримѣръ, насколько этотъ взглядъ принимаетъ *status quo*, дѣйствующій въ Польшѣ, или отвергаетъ его. Съ одной стороны, мы читаемъ, что этотъ взглядъ «не требуетъ насильственнаго обрусенія» и «вызываетъ свободное развитіе» (стр. 416); съ другой, подтверждается самая настоятельная обязательность русскаго языка, безъ оговорки объ ея нынѣшнихъ размѣрахъ и формахъ — но ея нынѣшніе размѣры и формы несомнѣнно будутъ стѣснять свободное развитіе. Гдѣ же граница мыслей нашего автора и существующаго положенія дѣла? Выяснить это обстоятельство и было бы именно необходимо.

Есть въ нашемъ польскомъ вопросѣ какое-то тяжелое и досадное противорѣчіе между заявленіями нашего національнаго превосходства и силы, съ которою Польша не можетъ и помышлять бороться, заявленіями нашего славянскаго представительства, и тѣмъ преслѣдованіемъ полонизма, которое мы видимъ и въ видѣ крупныхъ стѣсненій и мелкой травли. Не беремся говорить здѣсь о мѣрахъ правительственныхъ, гдѣ вообще репрессалии считаются дѣломъ необходимости, — а только о самомъ обществѣ. Казалось бы, что «сильный народъ» и «могущественное государство» могли бы не издѣваться надъ «обломкомъ слабой, исторически прожившейся національности»; казалось бы, что при этомъ отношеніи сторонъ могла бы быть, по чисто нравственному чувству, допущена нѣкоторая свобода, въ области образованія и литературы нѣкоторая конкуренція у слабого съ сильнымъ: побѣда послѣдняго, которую надо бы считать несомнѣнной, достигнутая въ свободномъ соревнованіи, не вызвала бы тяжелаго чувства и совершила бы спокойно тотъ нравственно-национальный переломъ, который — если и произойдетъ теперь — то лишь цѣною нравственнаго страданія цѣлыхъ поколѣній... Не упоминая о другихъ стѣсненіяхъ, объ излишествахъ «обрусенія», укажемъ для примѣра на крайне стѣсненное положеніе поль-

ской печати,—которой самъ г. Ламанскій желаетъ наибольшаго простора. И дѣйствительно, въ нынѣшнихъ своихъ условіяхъ польская печать не можетъ, еслибъ и хотѣла, вести сколько-нибудь правильной бесѣды и общенія съ нашей литературой: въ Варшавѣ не можетъ являться на польскомъ языкѣ даже то, что является въ печати въ Петербургѣ и Москвѣ...

Во взглядѣ г. Ламанскаго приводитъ насъ въ недоумѣніе и другое. Обсуждая разные стороны польскаго вопроса, онъ ограничивается только нашей Польшей, не касаясь того тѣснѣйшаго взаимодѣйствія, какое связываетъ ее съ Польшей познанской и галицкой, и какъ будто считая послѣднія совсѣмъ для насъ чужими и безразличными. Но безъ сомнѣнія то, что дѣлается въ Польшѣ, отражается въ Галиціи и Познани; польская жизнь, стѣсненная у насъ, не знаетъ *этихъ* стѣсненій въ другихъ своихъ частяхъ; тягости, испытываемыя здѣсь, отзываются тамъ новымъ раздраженіемъ и враждой, которыя находятъ тамъ выраженіе и снова дѣйствуютъ въ нашей Польшѣ. Такимъ образомъ, и недовольство мало основательное и неудовлетворенное законное чувство народности питаются постоянно, составляя одно изъ главныхъ препятствій тому преобразованію польской народности, котораго ожидаютъ у насъ (какъ ожидаетъ г. Ламанскій и тѣ, кто дѣлитъ его взгляды), отъ освобожденія польскихъ крестьянъ и отъ «обрусенія». Запреты и таможи, конечно, не останавливаютъ этого источника броженія. Варшава, которая по массѣ польскаго населенія въ царствѣ, по историческому преданію, должна бы быть центромъ польской народности, теряетъ свое мѣсто: стѣсненіе польской литературы въ Варшавѣ переноситъ литературный центръ тяжести въ Краковъ, Львовъ и Познань; образованные круги русской Польши могутъ опять стать, если уже не стали, въ то положеніе, въ какомъ они были послѣ 1831, когда домашняя польская литература чахла, а общество питалось болѣзненно-фантастическими продуктами эмиграціонной литературы... Собственно говоря, должно бы быть совсѣмъ наоборотъ: Варшава, центръ наиболѣе значительной доли польскаго племени, должна бы быть и его главнымъ умственнымъ и культурнымъ центромъ; свободная отъ господства прямо чужеплеменнаго, въ составѣ государства единоплеменнаго и, какъ бы желательно, дружелюбнаго, она могла бы возобладать надъ всѣмъ польскимъ міромъ, сосредоточить польскія силы хотя бы въ нравственно-національномъ смыслѣ и въ томъ «славянскомъ» направленіи, которое, какъ говорятъ, уже имѣетъ въ польскомъ образованномъ классѣ свои зародыши.

Это приводитъ насъ къ новой сторонѣ польскаго дѣла, его положенію въ обще-славянскомъ вопросѣ. Еще Погодинъ, который при всей беспорядочности его плановъ имѣлъ иногда достоинство большой откровенности, замѣчалъ, что положеніе Польши стало у славянства укоромъ противъ Россіи, и дѣйствительно, рѣчи о славянскомъ братствѣ и единствѣ всегда могутъ быть нарушены диссонансомъ, когда вспоминается Польша. Наше объясненіе ея судьбы, какъ результата «домашняго стараго спора», является аргументомъ, извлекаемымъ изъ нашего исключительнаго интереса: какъ бы онъ ни былъ силенъ въ этомъ предѣлѣ, онъ является недостаточнымъ съ точки зрѣнія общеславянской, гдѣ предполагается не стѣсненіе и подавленіе народности, которыхъ славянство видѣло столько отъ враговъ иноплеменныхъ, а братское признаніе, помощь и союзъ. До шестидесятыхъ годовъ немного можно было бы сказать, въ этомъ смыслѣ, въ защиту положенія, созданнаго Польшѣ Россією, и—дѣйствительно, какъ мы видѣли, даже въ средѣ русскаго общества выросло сознаніе ненормальности этихъ отношеній, высказанное болѣе или менѣе опредѣленно. Въ шестидесятыхъ годахъ сдѣлано дѣло высокой важности — освобожденіе польскихъ крестьянъ; но положеніе польской *народности* осталось столь же, если еще не болѣе, труднымъ, чѣмъ было въ прошломъ періодѣ: она потеряла высшее образованіе на родномъ языкѣ; литература, которая въ этомъ лишается одной изъ главныхъ опоръ и, кромѣ того, подчинена строгой и вмѣстѣ мелочной цензурѣ, теряетъ самую возможность служить къ преобразованію общества. Есть опасность, что не достигнется и тотъ результатъ, котораго ожидаютъ у насъ отъ вступленія въ національную жизнь крестьянскаго сословія, какъ элемента, свободнаго отъ узкихъ шляхетскихъ преданій, — не достигается потому, что стѣсненіе національной жизни загонитъ и это сословіе на тотъ же путь вражды и исключительности.

Отвѣчаетъ ли все это «славянской точкѣ зрѣнія, единственно въ этомъ случаѣ возможной и умѣстной?» По нашему мнѣнію, не отвѣчаетъ ни мало, — и намъ кажется, что ей не совсѣмъ отвѣчаютъ и мысли г. Ламанскаго объ этомъ предметѣ, — развѣ что онѣ неясно высказаны. Славянская точка зрѣнія можетъ заключаться только въ полной свободѣ племенного развитія. Славянское возрожденіе основалось на возбужденіи народности; все движеніе славянства съ конца прошлаго вѣка заключалось въ борьбѣ за права народности, и цѣль движенія — достигнуть той широты національной дѣятельности, которая обезпечила бы славянству независимость его внутренней жизни и, въ концѣ-кон-

цовъ, созданіе своей самобытной культуры:—что же было бы, если одно изъ самыхъ крупныхъ, послѣ русскаго, племенъ было лишено тѣхъ существенныхъ условій національнаго успѣха, какихъ добивается всякое маленькое племя и которыхъ достигнуть мы ему усердно желаемъ?

На это вопиющее противорѣчіе отвѣчаютъ: но мы, съ помощью обрусенія, желаемъ исцѣлить Польшу и сдѣлать ее способной вступить въ славянское единство. Но, какъ мы видѣли изъ словъ г. Ламанскаго, онъ, хотя и неясно, не совсѣмъ одобряетъ приемы леченія; да и было ли предпринято исцѣленіе, а не просто политическія репрессаліи, съ цѣлью только удаленія внѣшнихъ волненій? Притомъ задача исцѣленія, предпринимаемаго наперекоръ пациенту,—вещь чрезвычайно мудреная: а что, если мы и нѣсколько ошиблись въ діагнозѣ и, затѣмъ, употребили не соотвѣтствующія средства? Пока мы дождемся результата, дѣло будетъ имѣть очень сомнительный характеръ. Наконецъ, наше исцѣленіе обнимаетъ далеко не все польское племя.

«Славянская точка зрѣнія» желаетъ дѣйствительно, чтобы всѣ племена сошлись въ одномъ нравственно-національномъ союзѣ; западные панславянскіе патріоты давно призываютъ Польшу въ этотъ союзъ,—но они предполагали и предполагаютъ, что вступленіе въ союзъ должно быть свободнымъ сознательнымъ рѣшеніемъ, а не принужденіемъ силой, что, вступая въ союзъ племя сохраняетъ свою народную личность, а не теряетъ ее; желается связь, болѣе и болѣе тѣсная,—но какъ она могла бы совершиться, это предоставляется будущему...

Мы предпочитаемъ то мнѣніе, высказанное также славянофильскимъ писателемъ (и ранѣе нами упомянутое), что мы должны стараться *сохранить* польскую національность. Опытъ и исторія научатъ поляковъ инымъ національно-политическимъ взглядамъ; вырастающая у нихъ критика поставитъ имъ новыя цѣли и идеалы; русская жизнь и литература, прошедшія совсѣмъ иную, глубоко знаменательную школу исторіи,—при свободномъ, *дѣйствительно*, а не *фигктивно* славянско-братскомъ отношеніи къ родственному племени—могли бы, по нашему глубокому убѣжденію, много помочь трудному дѣлу ихъ національнаго самосознанія, и въ концѣ-концовъ могло бы основаться мирное и вѣрно утвержденное взаимнымъ довѣріемъ сожителство, которое могло бы стать великимъ фактомъ въ исторіи славянства. Наша Польша снова стала бы дѣйствительнымъ центромъ польскаго племени и могла бы, съ авторитетомъ, поддержать своихъ, едва ли не погибающихъ, братьевъ въ Познани, и спутанныхъ братьевъ

въ Австріи. Въ славянствѣ подобное отношеніе Россіи къ Польшѣ несомнѣнно произвело бы могущественное впечатлѣніе: оно создало бы *впервые* справедливое сознаніе единства, и пробудило бы самобытную энергію въ культурной и всякой другой борьбѣ съ германствомъ, въ которой до сихъ поръ славянство только уступало.

Такая постановка задачи была бы и нашимъ собственнымъ интересомъ, гораздо болѣе широкимъ, нежели «обрусеніе», и болѣе достойнымъ великаго народа.

Польскій вопросъ былъ изслѣдуемъ еще и въ трудахъ чисто-историческихъ; но разсмотрѣніе ихъ въ нашъ планъ не входило. Въ послѣднія десятилѣтія польскій вопросъ былъ прямымъ или косвеннымъ предметомъ изученія въ трудахъ Соловьева, Иловайскаго, Костомарова, Кояловича, Трачевскаго, Карпова и др.; въ историческомъ освѣщеніи старыхъ русско-польскихъ отношеній отзывалась болѣе или менѣе и мысль объ отношеніяхъ современныхъ.

А. Пыпинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е ноября, 1880.

I.

— *Всеобщая исторія литературы*, составленная подъ редакціей В. О. Корша. Выпуски II, III и IV. Спб., 1880.

Полгода тому назадъ мы говорили о первомъ выпускѣ этого изданія; теперь мы имѣемъ передъ собою всю первую часть перваго тома, обнимающую литературы древняго Востока. Всего больше мѣста занимаютъ въ ней статьи г. Якимова—о древне-еврейской, и г. Васильева—о китайской литературѣ,—статьи крайне неравнаго достоинства. Трудъ г. Васильева весьма замѣчателенъ, хотя, быть можетъ, и не вполне умѣстенъ въ изданіи, имѣющемъ цѣлью популяризацію предмета. Это—самостоятельное ученое изслѣдованіе, во многомъ несогласное съ общепринятыми мнѣніями, вдающееся въ полемику съ ними, опредѣляющее достовѣрность источниковъ, время написанія той или другой книги, часто останавливающееся, вслѣдствіе того, на вопросахъ, любопытныхъ и важныхъ только для спеціалиста. Отсюда и значительный объемъ статьи (десять печатныхъ листовъ), едва ли соотвѣтствующій интересу, который возбуждаетъ у насъ китайская литература. Самъ авторъ хорошо понимаетъ недостатокъ гармоніи между его трудомъ и общимъ планомъ изданія; причину, заставившую его забыть объ этомъ недостаткѣ, мы узнаемъ изъ собственныхъ словъ его. „Намъ не хотѣлось“, говоритъ онъ, „чтобы наши взгляды, добытые путемъ научнаго труда, не лишенные, надѣмся, нѣкоторой новизны и оригинальности, но невозможные для насъ въ научномъ изложеніи, пропали совсѣмъ безслѣдно; хотя бы они и оказались впослѣдствіи несостоятельными, при болѣе глубококомъ изученіи предмета бѣльшими силами, все же они дадутъ пищу для разработки конфуціанства съ той стороны, въ которую до

сихъ поръ не заглядывали“. Конфуцій, по мнѣнію г. Васильева, былъ только собирателемъ матеріала, накопившагося до него и подвергнутого имъ развѣ нѣкоторой отдѣлкѣ, а отнюдь не самостоятельной переработкѣ; заслуга его заключается не въ созданіи какой-либо философской системы, а въ томъ, что онъ извлекъ изъ рукъ и архивовъ администраціи умѣнье писать, усовершенствовалъ это умѣнье и передалъ его въ народъ. Благодаря Конфуцію, до насъ дошли народныя пѣсни, дающія богатый матеріалъ для характеристики древняго Китая, для знакомства съ чувствами и взглядами народной массы. Конфуцій положилъ также начало китайской исторіи. Первыми руководителями китайской мысли явились, такимъ образомъ, книга историческая и книга стихотвореній, большею частью народныхъ. „Исторія и поэзія“, говоритъ г. Васильевъ,—„это такіе воспитательные элементы, которыхъ до настоящаго времени не имѣютъ многіе народы. Китайцы не уступаютъ въ этомъ отношеніи двумъ другимъ древнимъ народамъ: евреямъ и грекамъ“. Отправляясь отъ немногихъ данныхъ, завѣщанныхъ Конфуціемъ, послѣдователи его выработали прежде всего теорію семейнаго начала—или, лучше сказать, почтенія къ родителямъ,—какъ главнаго основанія добродѣтели. Позже образовалось ученіе о церемоніяхъ, понимаемыхъ китайцами чрезвычайно широко. „Церемоніи“, говорятъ китайцы „показываютъ связь неба съ землей, утверждаютъ порядокъ между людьми; онѣ прирождены человѣку, а не суть только искусственная внѣшность или прикраса въ выраженіи сердечныхъ влеченій. Онѣ основаны на различіи вещей по ихъ высшему или низшему достоинству, на разнообразіи въ природѣ. Образование самого себя, устройство дома, управление государствомъ, устройство вселенной—ничто не можетъ обойтись безъ церемоній“. Касаться церемоній нельзя было, слѣдовательно, не касаясь вопросовъ управленія. И дѣйствительно, конфуціанцы рано стали заниматься этими вопросами, помогать участію въ правительственной дѣятельности. Между ними обрисовываются двѣ партіи—умѣренныхъ прогресистовъ и радикаловъ. Главнымъ представителемъ послѣднихъ служитъ Мэнъ-Цзы, несомнѣнно принадлежащій, однако, къ конфуціанской школѣ (подобно тому, прибавимъ отъ себя, какъ Штраусъ былъ гегельянцемъ). Судя по отрывкамъ, приводимымъ г. Васильевымъ, названіе радикала, въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, не совсѣмъ подходитъ къ Мэнъ-Цзы; ни изъ чего не видно, чтобы онъ стремился къ коренному преобразованію государственнаго и общественнаго строя; онъ только указываетъ на недостатки управленія, на нужды народа, порицаетъ небрежность и легкомысліе государей, не заботящихся о благѣ своихъ подданныхъ. Это не ярый радикалъ, а просто честный гражданинъ, смѣло и

прямо называющій черное чернымъ. Правда, онъ допускаетъ возможность низведенія государя съ престола,—но такіе случаи бывали на практикѣ и до Мэнъ-Цзы. Радикальнымъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть названъ только взглядъ Мэнъ-Цзы на войну, которую онъ безусловно отвергаетъ. „Тотъ, кто говоритъ: я искусенъ въ расположеніи войскъ, искусенъ сражаться, есть величайшій преступникъ; если государь любитъ гуманность, то не можетъ имѣть враговъ во вселенной!“... „Нынѣ тѣ служащіе государю, которые говорятъ, что могутъ расширить владѣнія своего государя, наполнить казначейства, считаются довѣренными министрами—а въ древности называли ихъ народными разбойниками. Тѣ, которые говорятъ, что могутъ найти союзниковъ своему государю для одержанія побѣдъ, нынѣ считаются честными министрами—а въ древности ихъ называли народными разбойниками“. О другихъ сторонахъ ученія Мэнъ-Цзы можно судить по слѣдующимъ его изреченіямъ: „Драгоценностей у князя три: земля, народъ и правленіе; считать драгоценностями перлы и яшму, значитъ накликать на себя бѣду... Народъ всего дороже, за нимъ слѣдуютъ духи земли, дальше уже — государь... Хорошее управленіе не такъ привлекаетъ народъ, какъ доброе просвѣщеніе; первое внушаетъ народу только страхъ, второе народъ любить... Когда на кухнѣ сочныя мяса, на конюшнѣ жирныя лошади, а народъ имѣетъ изнуренный отъ голода видъ, по полямъ валяются трупы, павшіе отъ голоду—это не то ли же, что стать во главѣ дикихъ звѣрей на поѣданіе людей? Когда звѣри поѣдаютъ другъ друга, такъ и это ужъ людямъ отвратительно; когда же правитель, въ качествѣ отца народа, соединится съ звѣрьми на поѣданіе людей, какъ же онъ можетъ почитаться отцомъ народа?.. Умный государь распределяетъ народную собственность такъ, чтобы народу было чѣмъ прокармливать родителей, содержать жену и дѣтей, чтобы въ благопріятный годъ ему было до-сыта, а въ бѣдственный—чтобы онъ могъ избѣжать голодной смерти. При такихъ условіяхъ можно требовать отъ народа, чтобы онъ устремился къ добру, и онъ легко исполнитъ это требованіе. Нынѣ же досугъ ли ему заботиться объ образованіи и нравственности?.. Кто, ставъ выше народа, не вмѣстѣ съ нимъ наслаждается, тотъ несправедливъ. Когда онъ радуется радостямъ народа, то и народъ радуется его радостямъ; если онъ печалится народными печалями, то и народъ печалится его печалью“. Этихъ немногихъ выписокъ достаточно, чтобы показать значеніе Мэнъ-Цзы въ исторіи китайской мысли. Нельзя не пожалѣть, что г. Васильевъ не изложилъ, хоть въ общихъ чертахъ, сущность главнаго изъ китайскихъ ученій, чуждыхъ конфуціанству—такъ-называемаго даосизма, представителемъ котораго считается обык-

новенно Лао-Цзы. Авторъ ссылается здѣсь на другое сочиненіе свое: „Религіи Востока“, — но задача популярнаго изданія состоитъ именно въ томъ, чтобы дать читателямъ общее знакомство со всѣми сторонами предмета, не заставляя ихъ справляться съ другими источниками. Литература предмета указывается только для тѣхъ, кто пожелалъ бы изучить его болѣе основательно и подробно.

Близко зная китайцевъ, ихъ прошедшее и настоящее, г. Васильевъ убѣдился въ несостоятельности широко распространеннаго взгляда, по которому Китай — страна безжизненная, не знающая движенія и прогресса. Въ этомъ онъ совершенно правъ; но сочувствіе къ Китаю заводитъ его иногда слишкомъ далеко. Защищая китайцевъ противъ упрека въ излишнемъ пристрастіи къ церемоніямъ, авторъ указываетъ на образовательное значеніе вѣжливости, приличій для вспыльчивыхъ, страстныхъ сыновей юга. Съ этимъ можно еще согласиться; но вотъ что мы читаемъ дальше: „Когда всѣмъ извѣстно, какъ съ кѣмъ говорить, какъ передъ кѣмъ себя держать, то никому не нужно больше и ломать себѣ голову надъ пустяками. Конечно, это лишаетъ человека свободы, но скорѣе свободы въ движеніяхъ, а не въ словѣ. Нигдѣ нѣтъ такой гуманности, какъ въ Китаѣ, нигдѣ въ самыхъ демократическихъ странахъ не возвышается такъ рѣзко и безнаказанно голосъ правды, нигдѣ низшіе не пользуются такой свободой участвовать въ разговорахъ и дѣлахъ высшаго. Низшій есть все-таки членъ семейства (слуга не имѣетъ права донести на своего господина, господинъ отвѣчаетъ за слугу, какъ за жену, за сына). Еще одно замѣчаніе: китайца въ европейскомъ обществѣ вы найдете страннымъ, положимъ, смѣшнымъ, но не презрѣннымъ. Перенесите самаго лучшаго дипломата въ Китай, дайте ему полную способность говорить по-китайски, но потребуйте, чтобы онъ держалъ себя и говорилъ какъ въ европейскомъ обществѣ; въ китайскомъ онъ непременно покажется и гадкимъ, и невѣжей!“ Всѣ эти курьезные афоризмы высказываются г. Васильевымъ какъ нѣчто безспорное, безусловно заслуживающее довѣрія; доказательства приведены имъ лишь въ одномъ случаѣ — но они ровно ничего не доказываютъ и только усиливаютъ сомнѣніе въ правильности остальныхъ положеній. У насъ въ Россіи крѣпостной человекъ, какъ и китайскій слуга, не имѣлъ права доносить на своего господина; но едва ли кто-либо заключалъ изъ этого, что крѣпостные люди были какъ-бы членами помѣщичьяго семейства. Отвѣтственность господина за слугу допускается, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и нынѣ дѣйствующими русскими законами — но это еще не значитъ, чтобы между господиномъ и слугою всегда существовала у насъ нравственная связь. Если бы г. Васильевъ объяснилъ, въ чемъ именно заключается китайская гуман-

ность и китайская свобода слова, онѣ оказались бы, вѣроятно, ничуть не болѣе достовѣрными, чѣмъ китайское общеніе высшихъ и низшихъ. Менѣе важно, но не менѣе любопытно было бы знакомство съ мотивами, заставляющими г. Васильева отдавать предпочтеніе вѣжливости китаецъ передъ вѣжливостью лучшаго европейскаго дипломата. Ужъ не разумѣлъ ли г. Васильевъ подъ этимъ именемъ исключительно князя Бисмарка?

Несмотря на нѣкоторыя черезъ-чуръ оригинальныя заключенія, несмотря на излишнюю длину, статья г. Васильева составляетъ едва ли не лучший отдѣлъ вышедшей до сихъ поръ части „Всеобщей исторіи литературы“. Противоположный полюсъ занимаетъ въ ней статья г. Якимова, посвященная древне-еврейской литературѣ. Это просто длинный (также около десяти печатныхъ листовъ), скучный пересказъ главнѣйшихъ книгъ Ветхаго Завѣта, съ безконечными выписками и весьма небольшою примѣсью научной критики и литературной оцѣнки. Мы очень хорошо знаемъ, съ какими трудностями долженъ у насъ бороться авторъ, желающій говорить—не исключительно въ извѣстномъ, разъ навсегда опредѣленномъ смыслѣ и тонѣ—о древне-еврейской литературѣ; но эти трудности становятся непреодолимыми лишь за извѣстнымъ предѣломъ, къ которому г. Якимовъ почти нигдѣ даже не приближается. Съ выводами и приѣмами новѣйшей критики онъ знакомитъ читателей одинъ только разъ, разбирая вопросъ о времени составленія пятикнижія и о принадлежности его Моисею. Ничто не мѣшало автору примѣнить эту систему и къ другимъ важнѣйшимъ вопросамъ, возбужденнымъ современной наукой по поводу древне-еврейской литературы; чѣмъ меньше самъ г. Якимовъ раздѣляетъ мнѣнія западно-европейскихъ ученыхъ, тѣмъ свободнѣе, очевидно, онъ могъ чувствовать себя въ изложеніи ихъ. Мѣсто для этого изложенія нашлось бы весьма легко, если бы только авторъ дѣлалъ поменьше цитатъ, совершенно излишнихъ въ виду общедоступности Ветхаго Завѣта. Въ статьяхъ о персидской или китайской литературѣ длинные выписки неизбежны, такъ какъ огромное большинство читателей никогда не видало и не увидитъ разбираемыхъ сочиненій; но Библія подъ рукой у каждого, и ссыла на нее никого затруднить не можетъ. Читая г. Якимова, можно подумать, что предметомъ полемики между учеными и богословами было до сихъ поръ исключительно пятикнижіе; всѣ остальные пункты вѣковаго спора игнорируются имъ совершенно. О книгѣ Іова, напри- мѣръ, г. Якимовъ замѣчаетъ вскользь, что она написана, можетъ быть, нѣсколько позднѣе Соломона,—не намекая ни однимъ словомъ на существованіе разныхъ мнѣній по этому предмету, не указывая на тѣ части книги, подлинность которыхъ подвергалась сомнѣніямъ,

ничего не говоря о поэтических красотахъ ея. Обзоръ древне-еврейской литературы, въ которомъ книгѣ Іова посвящено 16 строкъ (и 2 страницы выпишетъ)—не явная ли это несообразность, особенно если принять во вниманіе, что въ томъ же обзорѣ цѣлыя страницы наполнены перечнемъ всѣмъ извѣстныхъ историческихъ событій? Различные взгляды на „Пѣснь пѣсней“—также одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, въ литературномъ отношеніи, еврейскихъ произведеній—остаются тайной для читателей г. Якимова; то же самое слѣдуетъ сказать о послѣднихъ главахъ Исаи, о книгѣ пророка Даниила, объ Апокалипсисѣ, который г. Якимовъ утвердительно относитъ ко времени Домиціана, между тѣмъ какъ большинство западно-европейскихъ писателей считаетъ его написаннымъ вслѣдъ за смертью Нерона. Односторонность автора выражается даже въ предпосланномъ его статьѣ указателѣ сочиненій по древне-еврейской литературѣ—указателѣ крайне неполномъ и скудномъ; напрасно было бы искать въ немъ не только сочиненій Ренана („Le livre de Job“, „Le cantique des cantiques“, „Histoire générale des langues sémitiques“), но даже классическаго сочиненія Эвальда: „Geschichte des Volkes Israel“. Нѣкоторый интересъ представляетъ только первая глава статьи г. Якимова: „характеръ и призваніе древнихъ евреевъ, формы древне-еврейской литературы“; всѣ остальные ея части могли бы быть исключены изъ „Всеобщей исторіи литературы“ не только безъ вреда, но съ пользой для этого изданія.

Кромѣ статей гг. Васильева и Якимова, кромѣ статей гг. Минаева и Корша, разобранныхъ нами въ майскомъ литературномъ обзорѣ, первая часть „Всеобщей Исторіи литературы“ содержитъ въ себѣ еще статьи о литературахъ древне-персидской (г. Залемана), древне-египетской и ассирійско-вавилонской (Эд. Мейера) и древне-армянской (г. Патканова). Всѣ эти статьи хорошо знакомятъ съ предметомъ и могутъ быть названы вполне соответствующими своей цѣли.

II.

— О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. Историческое изслѣдованіе Д. А. Хвольсона. Второе, совершенно переработанное изданіе. Спб., 1880.

Первое изданіе сочиненія г. Хвольсона вышло въ свѣтъ около двадцати лѣтъ тому назадъ и осталось незамѣченнымъ нашей литературой, такъ что второе изданіе его—увеличенное, притомъ, почти вдвое—можетъ считаться какъ-бы новой книгой. Поводомъ къ первому изданію послужило такъ-называемое саратовское еврейское

дѣло, т.-е. возникшее въ 1853 и оконченное въ 1860 г. дѣло по обвиненію нѣсколькихъ саратовскихъ евреевъ въ убійствѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ; поводомъ ко второму изданію — всѣмъ памятное еще кутаисское дѣло, возникшее въ 1878 г., рѣшенное окружнымъ судомъ въ 1879-мъ и судебною палатой — въ 1880 году. Если бы у насъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ существовала судебная гласность, саратовскій процессъ, безъ сомнѣнія, обратился бы на себя всеобщее вниманіе и сталъ настоящей *cause célèbre*; но при господствѣ канцелярской тайны, онъ сдѣлался извѣстнымъ лишь немногимъ и не вполне, а вслѣдствіе того не возбудила интереса и вызванная имъ книга г. Хвольсона. Теперь обстоятельства перемѣнились; кутаисское дѣло было широко оглашено печатью и вслѣдъ затѣмъ выпутъ изъ-подъ спуда саратовскій процессъ, изложенный *in extenso* въ послѣднихъ книжкахъ „Журнала гражданскаго и уголовного права“ (1880 г. № 2, 3 и 4). Старый вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови выдвинулся, такимъ образомъ, изъ архивной пыли и вызвалъ цѣлый рядъ газетныхъ статей и объемистыхъ сочиненій, отчасти враждебныхъ евреямъ, отчасти направленныхъ въ ихъ защиту. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій научнымъ характеромъ отличается, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, только книга г. Хвольсона. Не ограничиваясь разборомъ процессовъ, возникшихъ въ разное время подъ вліяніемъ вѣкового предразсудка, авторъ поставилъ себѣ задачей доказать, что употребленіе евреями христіанской крови просто немыслимо, что вѣроученіе евреевъ, въ прошедшемъ и настоящемъ, рѣшительно исключаетъ возможность такого обычая или обряда. Исходной точкой для г. Хвольсона служатъ два положенія, правильность которыхъ едва ли можетъ подлежать какому-либо спору. Законодательство Моисея безусловно воспрещаетъ убійство и вкушеніе крови. Раввины, даже древнѣйшіе, никогда не позволяли себѣ отмѣнять Моисеевы запрещенія. Если прибавить къ этимъ двумъ положеніямъ третье, развиваемое авторомъ въ концѣ книги — о несуществованіи между евреями такой секты, которая, въ противоположность массѣ, допускала бы употребленіе христіанской крови — то мы получимъ весь остовъ его аргументаціи, поддержанной, конечно, и прямыми возраженіями противъ внѣшней и внутренней достовѣрности свидѣтельствъ, на которыхъ основываются обвинители евреевъ. Стоитъ только прочесть списокъ цѣлей, для которыхъ евреямъ — по увѣренію ихъ враговъ — нужна христіанская кровь, чтобы убѣдиться въ нелѣпости обвиненія, которое, въ-добавокъ, появилось на сцену въ первый разъ около 1170 г., хотя преслѣдованіе евреевъ христіанами и христіанскою церковью началось гораздо раньше. На соборахъ, въ литературѣ (по прибли-

зительному вычисленію г. Хвольсона, число христіанскихъ писателей, полемизировавшихъ противъ евреевъ въ теченіи первыхъ десяти вѣковъ нашей эры, простирается до ста) на евреевъ взводились самыя разнообразныя преступленія—но въ похищеніи и убійствѣ христіанскихъ дѣтей ихъ не обвинялъ никто раньше второй половины XII-го вѣка. А между тѣмъ, готовый матеріалъ для такого обвиненія представляли клеветы языческихъ писателей противъ христіанъ,—клеветы, между которыми фигурировало и употребленіе въ пищу чело-вѣческой, преимущественно дѣтской, крови. Предполагать, что евреи только съ XII-го вѣка стали умерщвлять христіанскихъ дѣтей, нѣтъ никакого основанія, такъ какъ ученіе талмуда—этого мнимаго источника зла—установилось нѣсколькими столѣтіями раньше, а между раввинами временъ Филиппа-Августа и Ричарда Львиного-Сердца не было ни одного, кому можно было бы приписать хоть съ нѣкоторою вѣроятностію инициативу въ ужасномъ дѣлѣ. И послѣ XII-го вѣка многіе писатели, крайне враждебные евреямъ—даже выкресты изъ евреевъ, въ родѣ Пфефферкорна, требовавшаго сожженія всѣхъ еврейскихъ книгъ и на вѣкъ заклеяннаго блестящимъ отвѣтомъ Рейхлина—отвергали обвиненіе, созданное средневѣковымъ суевѣріемъ и фанатизмомъ. Являлись, конечно, свидѣтели, подтверждавшіе виновность евреевъ, писатели, вѣрившіе въ нее и старавшіеся распространить свою вѣру; но вѣдь то же самое слѣдуетъ сказать и о другомъ обвиненіи, о которомъ теперь, безъ сомнѣнія, никто не станетъ говорить серьезно—объ обвиненіи евреевъ въ похищеніи освященныхъ гостей (хлѣба причащенія), для распинанія ихъ и святотатственнаго извлеченія изъ нихъ крови. За это мнимое преступленіе пострадало въ средніе вѣка множество евреевъ; приговоры были основаны иногда на собственномъ сознаніи обвиняемыхъ, конечно вынужденномъ пыткой. Этого одного достаточно, чтобы исключить всѣ средневѣковые процессы изъ числа доказательствъ противъ евреевъ. Что касается до процессовъ, намъ почти созременныхъ, то типичными фигурами ихъ—столбами, на которыхъ держится обвиненіе,—являются такіе люди, какъ Богдановъ, Крюгеръ и Локотковъ въ саратовскомъ дѣлѣ, какъ унтеръ-офицеръ, ссылавшійся передъ гродненскимъ судомъ на несуществующее пророчество Азаріи и на свидѣтельство „славнѣйшаго философа Россіи въ первой книгѣ о бытіяхъ“, какъ крещенный еврей Грудинскій, показывавшій о содержимомъ въ большой тайнѣ еврейской книгѣ *Рамбамъ* ¹⁾. Къ числу авторитетовъ, приводимыхъ

¹⁾ Рамбамъ — сокращенное наименованіе еврейскаго философа Маймонида, составленное изъ заглавныхъ буквъ его полнаго имени (рабби Моисей Бенъ-Маймонъ); сочиненія Маймонида дозволены къ употребленію въ нашихъ казенныхъ еврейскихъ школахъ.

въ подкрѣпленіе невѣроятныхъ свидѣтельскихъ показаній, принадлежитъ, напримѣръ, бывшій раввинъ Серафиновичъ, утверждавшій, что когда онъ, по обязанности своего званія, закололъ христіанскаго ребенка, то изъ раны потекла кровь *бѣлая какъ молоко*. Какъ велики должны быть знанія писателей, до сихъ поръ придающихъ серьезное значеніе подобнымъ даннымъ, объ этомъ нетрудно догадаться, даже не заглядывая въ ихъ произведенія; но г. Хвольсонъ взялъ на себя трудъ прослѣдить главнѣйшія ихъ ошибки—и коллекція вышла дѣйствительно замѣчательная. Мы находимъ здѣсь и искаженіе текстовъ, и ссылки на слова, вовсе не содержащіяся въ указываемыхъ источникахъ, и ссылки на вовсе не существующіе источники. Всего прискорбнѣе то, что подобныя вещи встрѣчаются не только въ книгѣ г. Лютостанскаго, но и въ офиціальномъ докладѣ Скрипицына, представленномъ, лѣтъ тридцать пять тому назадъ, императору Николаю. Несомнѣннымъ, послѣ всѣхъ изслѣдованій г. Хвольсона, можно признать только одно обстоятельство—что въ многочисленныхъ еврейскихъ сочиненіяхъ есть нѣсколько мѣстъ, дышащихъ ненавистью къ христіанамъ; но отсюда до систематическаго, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, употребленія христіанской крови, до введенія въ обязательный религіозный обрядъ возмутительнаго убійства беззащитныхъ дѣтей—еще цѣлая пропасть. По справедливому замѣчанію г. Хвольсона, если еврей иногда и ненавидитъ христіанина, то ненавидитъ его не какъ *христіанина*, а какъ своего *гонителя*.

Оговорка, сдѣланная въ началѣ нашей замѣтки относительно научнаго характера книги г. Хвольсона, касается только тѣхъ частей книги, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ главной ея тѣмѣ. Таковы, напримѣръ, нѣкоторые разсужденія автора о жертвоприношеніяхъ, въ которыхъ онъ полемизируетъ противъ раціоналистовъ; таковы, далѣе, тѣ страницы, которыя посвящены защитѣ фарисеевъ. Едва ли г. Хвольсону удалось доказать, что разногласіе между фарисеями и Иисусомъ Христомъ не было особенно велико, что оно касалось не столько принципа, сколько границъ его примѣненія, что порицанія Иисуса направлены не противъ фарисеевъ вообще, а только противъ негодныхъ и лицемѣрныхъ представителей фарисейства. Что между фарисеями были люди, имѣвшіе точки соприкосновенія съ кроткимъ ученіемъ Христа—это несомнѣнно; но рядомъ съ ними стояли ревнителі, zeloty, прямо враждебные христіанству, рядомъ съ мягкой школой Гиллеля и Гамаліила стояла суровая школа Шаммаи. Если нѣкоторые фарисействующіе члены синедріона защищали обвиненныхъ апостоловъ, то и между гонителями первыхъ христіанъ видное мѣсто занимали фарисеи; достаточно припомнить образъ дѣйствій апостола Павла, до его обращенія. Попытка г. Хвольсона обра-

тить всю отвѣтственность за казнь Іисуса на несуществующую больше секту саддукеевъ такъ и осталась попыткой;—но это нисколько не колеблетъ выводъ его по вопросу объ употребленіи евреями христіанской крови, какъ не колеблетъ ихъ вообще расположеніе автора къ увлеченію всѣмъ еврейскимъ. Можно ставить Филона на одинъ уровень съ Аристотелемъ и Платономъ, можно серьезно соглашаться съ шутливымъ замѣчаніемъ Гейне, что „хорошій еврей лучше хорошаго христіанина, а дурной еврей хуже дурного христіанина“—и все-таки удовлетворять всѣмъ требованіямъ научной критики, когда идетъ рѣчь о разрѣшеніи отдѣльнаго историческаго вопроса. Для всякаго безпристрастнаго читателя сочиненіе г. Хвольсона—окончательный приговоръ надъ предразсудкомъ, которому давно пора исчезнуть въ породившемъ его средневѣковомъ мракѣ.

III.

- *Приложеніе къ первому выпуску матеріаловъ для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи*, собранныхъ по распоряженію министра государственныхъ имуществъ. Спб., 1880.
- *Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи*. Изданіе центрального статистическаго комитета. Выпускъ I. Спб., 1880.
- *Волости и важнѣйшія селенія Европейской Россіи*. Изданіе центрального статистическаго комитета. Выпускъ I. Спб., 1880.

Эти три изданія имѣютъ одинаково оффиціальныи характеръ, но далеко не одинаковое достоинство. Труды центрального статистическаго комитета составляютъ чрезвычайно цѣнный вкладъ въ небольшую, сравнительно, сумму достовѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи Россіи; „Матеріалы“, собранные министерствомъ государственныхъ имуществъ, прибавляютъ къ ней пока весьма немного. Въ послѣднемъ мы имѣли уже случай убѣдиться, говоря (въ іюньскомъ литературномъ обзорѣ) о первомъ выпускѣ „Матеріаловъ“; „Приложеніе“ къ этому выпуску, вышедшее въ свѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вполне подтверждаетъ наше тогдашнее заключеніе. Отзывы, сгруппированные въ „Матеріалахъ“, являются теперь въ подлинникѣ—и еще больше поражаютъ своею неопредѣленностью, своею бездоказательностью. Это болѣею частью сухіе, короткіе отвѣты на заданные вопросы,—отвѣты, ничѣмъ не мотивированные, рѣдко подкрѣпленные указаніемъ на факты, достаточно содержательные только тогда, когда въ основаніи ихъ лежатъ оффиціальныя цифры. Иногда, впрочемъ, значеніе этихъ цифръ уменьшается тѣмъ, что не указаны ни источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы, ни способы, кото-

рыми онѣ собраны. Любопытно было бы знать, напримѣръ, на чемъ основаны свѣдѣнія о количествѣ земель, арендованныхъ крестьянами, въ 1877 году, въ саратовской губерніи? Вѣдь изъ числа арендныхъ договоровъ весьма многіе совершаются домашнимъ порядкомъ или даже словесно; удостовѣриться въ существованіи ихъ можно только личнымъ разспросомъ, подробнымъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ, на что въ „Матеріалахъ“ и приложеніи къ нимъ нѣтъ никакого намека. Всего менѣе удовлетворительно разработанъ отдѣлъ о сельско-хозяйственномъ управленіи. На вопросъ о томъ, самостоятельны ли сельскіе сходы въ предѣлахъ предоставленной имъ закономъ власти и не оказываютъ ли на нихъ вліянія волостныя правленія, даны, за немногими исключеніями, просто отрицательные или утвердительные отвѣты, въ такомъ родѣ: „сельскіе сходы (тамъ-то) не отличаются самостоятельностью“, или: „въ предѣлахъ закона сходы вполне самостоятельны“; „волостныя правленія въ большинствѣ случаевъ вліяютъ на рѣшеніе схода“—или: „волостныя правленія вліянія на сходы не оказываютъ“. Очевидно, что такіе отвѣты лишены всякаго значенія, въ особенности когда они идутъ не отъ мѣстныхъ жителей, а отъ должностныхъ лицъ, бѣгло познакомившихся съ мѣстностью. Къ одному отвѣту, констатирующему самостоятельность сходовъ, сдѣлано подстрочное примѣчаніе, что онъ основанъ исключительно на удостовѣреніи волостныхъ правленій! Только въ одномъ отвѣтѣ указано на различіе въ результатахъ дѣятельности схода, зависящее отъ различія между предметами этой дѣятельности—на самостоятельность схода въ дѣлахъ чисто хозяйственныхъ и несамоостоятельность его въ случаяхъ другого рода. Указаніе это весьма неопредѣленно, но даже оно бросаетъ яркій свѣтъ на несостоятельность огульных отвѣтовъ, данныхъ, повидимому, безъ всякаго ближайшаго знакомства съ предметомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой поводъ, въ большинствѣ случаевъ, можетъ имѣть волостное правленіе къ вмѣшательству въ рѣшеніе схода по вопросу, напримѣръ, о городьбѣ общинной земли или о наймѣ пастуха для общественнаго стада, даже по вопросу о передѣлѣ? И наоборотъ, вѣроятенъ ли нейтралитетъ волостного правленія при избраніи сельскихъ старостъ, силою вещей обращенныхъ въ непосредственныхъ помощниковъ волостного старшины? Отношеніе сельскаго схода къ волостному правленію могло бы быть выяснено только массой фактовъ, взятыхъ прямо изъ жизни, а не голословнымъ *да* или *нѣтъ* проѣзжаго наблюдателя. То же самое слѣдуетъ сказать и объ отвѣтахъ на вопросъ: „насколько при выборѣ крестьянами гласныхъ оказывается дѣйствительнымъ постороннее вліяніе“. Если намъ говорятъ: „при выборѣ гласныхъ крестьяне руководствуются собственными убѣжде-

ніями“ или „при выборѣ гласныхъ постороннее вліяніе бываетъ иногда громадное“, то мы, очевидно, не подвинулись ни на шагъ впередъ къ разрѣшенію занимающаго насъ вопроса. Какой-нибудь одинъ процессъ въ родѣ того, который недавно производился въ Ельцѣ (о подкупѣ, будто бы, членовъ крестьянскаго избирательнаго съѣзда), имѣетъ, съ этой точки зрѣнія, несравненно большую важность, чѣмъ цѣлыя десятки или сотни отвѣтовъ въ родѣ вышеприведенныхъ. И что это за „постороннее вліяніе“, существованіе котораго признается въ нѣсколькихъ отвѣтахъ? Фигура умолчанія, неизбежная иногда въ газетной или журнальной статьѣ, крайне неумѣстна въ официальномъ изслѣдованіи, имѣющемъ и право, и обязанность называть вещи настоящими ихъ именами. Цѣлыя категоріи вопросовъ и отвѣтовъ представляются, далѣе, совершенно излишними, потому что свѣдѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ быть легко и удобно почерпнуты изъ другихъ источниковъ, для всѣхъ доступныхъ. Таковы, на примѣръ, отдѣлы, касающіеся размѣра земскихъ сборовъ и числа больницъ и врачей. Въ иныхъ случаяхъ данныя, вѣрныя, быть можетъ, по отношенію къ той или другой отдѣльной мѣстности, распространены, смѣлымъ обобщеніемъ, на цѣлый уѣздъ, различныя части котораго далеко не всегда соотвѣтствуютъ однимъ и тѣмъ же условіямъ. Такъ, на примѣръ, по отзыву „Матеріаловъ“ въ лужскомъ уѣздѣ общій передѣлъ земель бываетъ вообще рѣдко, не чаще какъ черезъ 12—15 лѣтъ; между тѣмъ, намъ извѣстна въ этомъ уѣздѣ деревня (Островно, въ бѣльско-сяберской волости), въ которой общій передѣлъ совершается черезъ гораздо болѣе короткіе сроки. Для сѣнокосовъ частые передѣлы—явленіе довольно обыкновенное. Про тотъ же уѣздъ сказано, что разверстка повинностей, какъ и разверстка земли, дѣлается по числу *ревизскихъ* душъ; какъ совмѣстить это утвердительно выраженное правило съ случаями надѣла земли на 2½ души и пропорціональнаго такому надѣлу податнаго обложенія (въ дер. Нежадѣ, той же волости)? При томъ способѣ собиранія свѣдѣній, который часто просвѣчиваетъ въ „Матеріалахъ“, число неправильныхъ обобщеній, въ родѣ указанныхъ нами, не можетъ быть незначительнымъ.

Изъ двухъ изданій центрального статистическаго комитета, особенно важно и интересно первое: „Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи“. Свѣдѣнія, достоверность которыхъ—по крайней мѣрѣ относительная—была предметомъ всѣхъ возможныхъ для администраціи усилій, подвергнуты здѣсь систематической обработкѣ и наглядно иллюстрированы десятию картами центральной Россіи. Въ составъ центральной земельческой области, изслѣдованію которой посвящены оба изданія

комитета, входятъ губерніи калужская, тульская, орловская, курская, пензенская, рязанская, тамбовская и воронежская. Составитель обзора, предпосланнаго цифровымъ даннымъ—П. П. Семеновъ,—раздѣляетъ всю эту область на четыре полосы: черноземную незалежную (т.е. не имѣющую больше дѣлинъ или залежей), черноземную полузалежную, переходную и промыслово-лѣсистую. Всѣ выводы обзора сдѣланы какъ въ примѣненіи къ губерніямъ и уѣздамъ, такъ и въ примѣненіи къ полосамъ—и это вполне правильно, такъ какъ административная единица часто соединяетъ въ себѣ мѣстности, весьма различныя по своимъ природнымъ условіямъ. Такъ, напримѣръ, рязанская губернія обнимаетъ собою часть первой полосы, часть третьей и часть четвертой. Дѣленіе на полосы основано не на произвольно избранномъ признакѣ, а на такомъ существенно-важномъ различіи, какъ отношеніе пахатной земли къ общему пространству территоріи. Въ первой полосѣ отношеніе это равно 80%, во второй—70%, въ третьей—55%, въ четвертой—35%; въ губерніяхъ, отдѣльно взятыхъ, оно колеблется между 76% (въ курской губерніи) и 44% (въ калужской). Во всей центральной земледѣльческой области изъ 31.482,000 десятинъ земли въ собственности или постоянномъ пользованіи крестьянскихъ обществъ состоитъ 17.738,000 (56%), личнымъ собственникамъ принадлежитъ 11.541,000 (37%), казнѣ—1.359,000 десятинъ (4,3%); остальные земли (церковныя, монастырскія и т. п.) составляютъ не болѣе 844,000 десятинъ (2,7%). Если сравнить эти цифры съ тѣми, которыми опредѣлялось положеніе землевладѣнія въ 1861 г., то на первый взглядъ можетъ показаться, что происшедшая перемѣна чрезвычайно выгодна для крестьянъ; и дѣйствительно, она выгодна для нихъ въ томъ смыслѣ, что они получили *право* на землю, прежде состоявшую лишь въ фактическомъ ихъ владѣніи, — но *размѣры* этого владѣнія, насколько идетъ рѣчь о крестьянахъ бывшихъ помѣщичьихъ, не увеличились, а уменьшились. По приблизительному расчету г. Семенова, отрѣзки земель, вызванныя правилами о высшемъ надѣлѣ, а также такъ-называемыми даровыми надѣлами, повлекли за собою переходъ изъ крестьянскаго владѣнія въ помѣщичье 550,000 десятинъ; между тѣмъ, приобрѣтено отъ помѣщиковъ крестьянскими обществами и отдѣльными крестьянами (помимо надѣла) только до 360,000 десятинъ. Бывшіе помѣщичьи крестьяне обезпечены землею въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ бывшіе государственные; на каждаго изъ первыхъ приходится среднимъ числомъ (если принять во вниманіе цифру, достигнутую крестьянскимъ населеніемъ области въ 1878 г.) по 2,2, на каждаго изъ послѣднихъ—по 3,8 десятины. Пашни приходится у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на взрослого работника по 3¹/₂,

на дворъ—почти 6 десятинъ, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ на взрослого работника по 6, на дворъ—по 10 десятинъ. Въ обѣихъ черноземныхъ полосахъ бывшіе помѣщичьи крестьяне распахали, вслѣдствіе этого, все, что только было возможно обратить въ пашню, и остались почти безъ луговъ, къ большому ущербу для скотоводства, а слѣдовательно и для хлѣбопашества (земля и въ черноземной полосѣ начинаетъ уже нуждаться въ удобреніи); у бывшихъ государственныхъ крестьянъ сохранилось, наоборотъ, достаточное количество луговъ, а иногда уцѣлѣли и лѣсныя рощи. Краснорѣчивымъ комментариемъ къ значенію сравнительно большихъ надѣловъ служатъ цифры, показывающія приростъ населенія за послѣднее двадцатилѣтіе. Въ черноземной незалежной полосѣ онъ составляетъ 25% между крестьянами бывшими государственными, 19,6%—между крестьянами бывшими помѣщичьими; въ полосѣ черноземной полужалежной—28,6% между первыми, 20,3% между послѣдними; въ полосѣ переходной—20,4% между первыми, 18,2% между послѣдними. Только въ полосѣ промыслово-лѣсистой онъ почти одинаковъ у тѣхъ и другихъ—и это вполне понятно, потому что здѣсь земледѣліе не служитъ главнымъ занятіемъ жителей, и степень благосостоянія ихъ не находится въ прямомъ отношеніи къ размѣру ихъ надѣла. Еще знаменательнѣе цифры, показывающія отношеніе прироста населенія къ величинѣ надѣловъ, безъ различія между бывшими государственными и бывшими помѣщичьими крестьянами. При надѣлѣ въ одну десятину и менѣе приростъ населенія составляетъ 16,6%, при надѣлѣ въ 1—2 дес.—17,3%, при надѣлѣ въ 2—3 дес.—19%, при надѣлѣ въ 3—4 дес.—21,2%, при надѣлѣ въ 4—5 дес.—25,4%, при надѣлѣ въ 5—6 дес.—27,6%, при надѣлѣ выше 6 десятинъ—30,3%! Къ этимъ цифрамъ нечего прибавлять; онѣ говорятъ сами за себя съ поразительною ясностью. Такъ-называемыхъ сиротскихъ или нищенскихъ надѣловъ всего больше въ черноземной полужалежной полосѣ, и именно въ губерніяхъ тамбовской, пензенской и воронежской; они составляютъ здѣсь около 19% общаго числа надѣловъ, а въ цѣлой области—лишь 8%. Въ новохоперскомъ уѣздѣ воронежской губ. число крестьянъ, получившихъ нищенскіе надѣлы, доходитъ до 85% общаго числа бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ!

Весьма любопытны данныя о распространеніи подворнаго владѣнія между крестьянами. Изъ всего количества земли, поступившей въ пользованіе или собственность крестьянскихъ обществъ, въ общинномъ владѣніи состоитъ 89%, въ подворномъ владѣніи—11% (около 1.900,000 десятинъ). Между бывшими государственными крестьянами оно развито несравненно больше (15,6%), чѣмъ между

бывшими помѣщичьими (3,1%). Изъ числа полосъ широкимъ развитіемъ подворнаго владѣнія отличается черноземная незалежная (21,9%), изъ числа губерній — курская (40,4%) и орловская (18%); всего меньше оно распространено въ полосѣ промыслово-лѣсистой (2,2%), въ губерніяхъ тамбовской (1,4%) и калужской (1,8%). Между бывшими помѣщичьими крестьянами тамбовской губерніи подворныхъ владѣльцевъ нѣтъ вовсе. По словамъ г. Семенова, подворное владѣніе между государственными крестьянами черноземной незалежной полосы, напримѣръ курской губерніи — явленіе давнишнее; между помѣщичьими крестьянами изслѣдуемой области оно, наоборотъ, до отмѣны крѣпостного права почти не существовало. Въ тульской губерніи къ подворному владѣнію перешли 274 общины (менѣе 7%), въ курской — 184 (7%); въ первой этому переходу способствовало, по словамъ г. Семенова, строгое примѣненіе круговой поруки, во второй — сосѣдство съ Малороссіей. Относительно губерній рязанской и калужской, въ которыхъ распространеніе подворнаго владѣнія между бывшими помѣщичьими крестьянами также довольно замѣтно (въ первой перешли къ нему 197 общинъ, во второй — 140), г. Семеновъ никакихъ объясненій не приводитъ. Причины, побуждающія крестьянъ переходить отъ общиннаго владѣнія къ подворному, заслуживали бы самаго внимательнаго изслѣдованія, толчокъ къ которому будетъ данъ, можетъ быть, именно свѣдѣніями, собранными центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Переходя къ личному землевладѣнію, мы видимъ наибольшее распространеніе мелкой собственности въ черноземной незалежной, наименьшее распространеніе ея — въ черноземной полузалежной полосѣ; въ первой на одного собственника приходится среднимъ числомъ по 80, во второй — по 418 десятинъ. Въ переходной полосѣ эта средняя цифра равняется 109, въ промыслово-лѣсистой — 150 десятинамъ. Изъ числа губерній наибольшимъ сосредоточеніемъ личной поземельной собственности отличаются губерніи воронежская (на одного собственника — 279 десятинъ), пензенская (272) и тамбовская (222); наибольшимъ размельченіемъ ея — губерніи курская (59), рязанская (81) и калужская (99); средину занимаютъ губерніи орловская (121) и тульская (122). Преобладаніе крупной собственности въ черноземной полузалежной полосѣ г. Семеновъ объясняетъ сравнительно недавнимъ заселеніемъ ея; въ остальныхъ полосахъ средній размѣръ поземельной собственности тѣмъ ниже, чѣмъ лучше качество почвы. Въ цѣлой области изъ земель, состоящихъ въ личной собственности, немного болѣе половины (53%) падаетъ на крупную собственность (свыше 1000 десятинъ), немного болѣе трети (37%) — на среднюю (отъ 100 до 1000 десятинъ), и только одна десятая

часть—на мелкую (менѣе 100 десятинъ). Собственно пахатной земли у личныхъ землевладѣльцевъ гораздо меньше, чѣмъ у крестьянскихъ обществъ; въ полосѣ черноземной незалежной она составляетъ около 75% всего пространства, принадлежащаго личнымъ собственникамъ, въ полосѣ черноземной полузалежной—около 60%, въ полосѣ переходной—около 45%, въ полосѣ промыслово-лѣсистой—около 18%. Дворянъ, между личными землевладѣльцами, почти 25 тысячъ (26%), купцовъ — болѣе 3-хъ тысячъ (4%), мѣщанъ—болѣе 6-ти тысячъ (7%), крестьянъ бывшихъ государственныхъ — болѣе 30-ти тысячъ (32%), крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ—болѣе 26½ тысячъ (29%), священно- и церковно-служителей—болѣе одной тысячи (1%). Дворяне и крестьяне, вмѣстѣ взятые, составляютъ, такимъ образомъ, почти $\frac{9}{10}$ всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ центральной Россіи, одни крестьяне—болѣе $\frac{3}{5}$, одни дворяне—съ небольшимъ $\frac{1}{4}$. Распредѣленіе личной поземельной собственности между сословіями выражается слѣдующими цифрами: въ рукахъ дворянъ сосредоточено болѣе 9 милліоновъ десятинъ (80% общаго количества земли, состоящей въ личной собственности), въ рукахъ крестьянъ — только 714 тысячъ десятинъ (7%); второе мѣсто послѣ дворянъ занимаютъ купцы, владѣющіе 1.284,000 дес. (11%). Наибольшій средній размѣръ поземельной собственности встрѣчается у купцовъ (380 дес. на собственника) и у дворянъ (371 дес.); у остальныхъ сословій размѣръ ея представляется мелкимъ—у мѣщанъ 31 дес., у духовенства 26 дес., у крестьянъ около 13 десятинъ. Между личными землевладѣльцами изъ числа крестьянъ и мѣщанъ нѣтъ ни одного, который бы могъ быть названъ крупнымъ, да и среднихъ между ними очень мало. Подтверждая быстрое увеличеніе числа землевладѣльцевъ-купцовъ и быстрое распространеніе ихъ владѣній, вышеприведенныя цифры не оправдываютъ общепринятаго мнѣнія о быстромъ уменьшеніи дворянскаго землевладѣнія. Что касается до крестьянъ, то пространство земли, состоящей въ собственности ихъ помимо надѣла, еще не велико, но число личныхъ землевладѣльцевъ изъ среды крестьянъ уже теперь довольно значительно. Опредѣляя среднюю цѣну десятины земли въ первой полосѣ въ 80 руб., во второй — въ 70, въ третьей — въ 50, въ четвертой—въ 35 рублей, г. Семеновъ получаетъ слѣдующія цифры стоимости земель (безъ различія общиннаго владѣнія отъ личнаго): дворянскихъ—почти 600 милліоновъ рублей, купеческихъ—болѣе 75 милліоновъ, состоящихъ во владѣніи крестьянъ — болѣе 1200 милліоновъ. Присоединяя къ цѣнности земли приблизительную цѣнность усадебныхъ построекъ, г. Семеновъ опредѣляетъ цѣнность всей недвижимости, принадлежащей бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, въ 558 милліоновъ всей

недвижимости, принадлежащей бывшимъ государственнымъ крестьянамъ—въ 981 милліонъ; долговъ на первой числится 239 милліонъ (171 милл. выкупныхъ ссудъ и 68 милл.—капитализированнаго оброка), на второй—119 милліонъ (капитализированнаго оброка); чистый капиталъ, принадлежащій, въ видѣ недвижимости, бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, равняется такимъ образомъ 319 милліонъ, чистый капиталъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ—862 милліонамъ. Большого значенія этотъ расчетъ, вслѣдствіе произвольности нѣкоторыхъ его данныхъ (напр. цѣнности усадебныхъ построекъ), имѣть не можетъ; но онъ чрезвычайно рельефно выставляетъ на видъ разницу въ положеніи бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ, уже указанную нами раньше. Чтобы вполне понять смыслъ только-что приведенныхъ цифръ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что число бывшихъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ центральной области почти одинаково; какъ тѣхъ, такъ и другихъ (считая только мужской полъ)—около 2.900,000.

Изъ предисловія къ изданіямъ центрального статистическаго комитета мы узнаемъ, что свѣдѣнія о поземельной собственности и о населенныхъ мѣстахъ доставлены уже изъ 428 уѣздовъ европейской Россіи (и, сверхъ того, изъ привислянскихъ губерній), а разработаны по 337 уѣздамъ¹⁾; это позволяетъ намъ ожидать, что за первымъ выпускомъ обоихъ изданій скоро послѣдуютъ другіе. Доведенный до конца, этотъ трудъ будетъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ результатовъ дѣятельности комитета.

IV.

— *Нѣжинскій уѣздъ*. Статистико-экономическое описаніе, съ проектами оцѣнки недвижимыхъ имуществъ уѣзда, таблицами и двумя картами. Составилъ по порученію уѣзднаго земства, при помощи Л. Н. Жебунева и С. В. Зубка, А. Русовъ. Кіевъ, 1880.

Трудъ г. Русова принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній земской статистики, такъ много сдѣлавшей уже въ короткое время для изученія Россіи. Онъ составленъ на основаніи личныхъ изслѣдованій автора и его сотрудниковъ, по тому же плану, какъ и описанія уѣздовъ черниговскаго и борзенскаго. Какъ велика потребность въ правильныхъ, точныхъ статистическихъ данныхъ, объ этомъ

¹⁾ Въ восьми губерніяхъ, составляющихъ предметъ перваго выпуска, числится 96 уѣздовъ.

можно судить по слѣдующему факту, приводимому г. Русовымъ: въ 1867 г. земель, обложенныхъ земскимъ сборомъ, въ нѣжинскомъ уѣздѣ числилось около 198½ тысячъ десятинъ, въ 1879 — около 217½ тысячъ; между тѣмъ, межеваніемъ, недавно приведеннымъ къ концу въ нѣжинскомъ уѣздѣ, число удобныхъ десятинъ уѣзда определено въ 248 слишкомъ тысячъ. Несмотря на пятнадцатилѣтнюю дѣятельность земства, болѣе 30 тысячъ десятинъ оставались, такимъ образомъ, отъ него скрытыми, уменьшая доходъ земства на 12 слишкомъ тысячъ рублей въ годъ. Наклонность землевладѣльцевъ къ умолчанію или искаженію фактовъ, когда идетъ рѣчь объ оцѣнкѣ земли и, слѣдовательно, объ установленіи основаній для обложенія ея земскимъ сборомъ, обнаружилась въ полномъ блескѣ и при исполненіи г. Русовымъ задачи, возложенной на него нѣжинскимъ земствомъ. „Слово: *оцѣнка*, — говоритъ г. Русовъ — зажимало многимъ ротъ или побуждало давать завѣдомо невѣрныя показанія; въ особенности это замѣтно было при собираніи свѣдѣній объ урожайности полей, цифры которой обыкновенно были уменьшаемы“. Когда г. Русовъ хотѣлъ записать цифры урожая, сообщенныя ему однимъ изъ землевладѣльцевъ, послѣдній остановилъ его словами: „Позвольте! то я говорилъ вамъ какъ частному человѣку, вполне надѣясь на вашу скромность; если же вы хотите въ качествѣ официального лица задать мнѣ вопросъ относительно урожайности земель для ихъ оцѣнки, то нужно вамъ дать другія цифры“. И затѣмъ слѣдовало указаніе цифръ, почти вдвое меньшихъ противъ прежнихъ, настоящихъ. Встрѣчались также случаи категорическаго отказа сообщить требуемыя свѣдѣнія, случаи ссылки на незнаніе того, чтò не можетъ не быть извѣстно владѣльцу. Такъ, напримѣръ, *одинъ изъ членовъ земской управы* не далъ отвѣта на вопросъ о размѣрахъ его дома, отзываясь незнаніемъ ихъ! Понятно, что при такомъ отношеніи владѣльцевъ къ изслѣдованію, при отсутствіи у большинства конторскихъ книгъ и вообще свѣдѣній о хозяйствѣ за прежнее время, оцѣнка cadastral каждого имѣнія въ отдѣльности, по дѣйствительно приносимому имъ доходу, представлялась неосуществимой; пришлось ограничиться опредѣленіемъ *нормальной, возможной* доходности земли, раздѣливъ для этого уѣздъ на столько частей, сколько въ немъ дачъ генеральнаго межеванія. Удобныя земли каждой дачи раздѣлены на три категоріи: земли усадебныя и пахатныя—сѣнокосныя—лѣсныя; средняя доходность десятины въ каждой дачѣ опредѣлена на основаніи заключающагося въ ней числа десятинъ каждой категоріи и средняго дохода, приносимаго десятиной пашни, десятиной лѣсу и десятиной сѣнокоса. Опредѣленная такимъ образомъ для 56 дачъ уѣзда средняя доходность десятины колеблется между 1 р. 82 к.

и 9 р. 47 к., а съ причисленіемъ дохода отъ скотоводства—между 2 р. 5 к. и 11 р. 27 к. Сущесгвующій въ настоящее время въ нѣжинскомъ уѣздѣ земскій поземельный сборъ составляетъ съ небольшимъ 3% съ предполагаемаго общаго дохода всѣхъ земель уѣзда.

V.

— *Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи.*
Выпуски IV и V. Спб., 1880.

О первыхъ трехъ выпускахъ этого полезнаго изданія мы говорили полгода тому назадъ, въ майскомъ литературномъ обзорѣ. Вышедшіе съ тѣхъ поръ два выпуска содержатъ въ себѣ много интересныхъ изслѣдованій; одно изъ нихъ, касающееся бѣличьяго (скорняжнаго) промысла въ Каргополѣ и окрестныхъ селеніяхъ, принадлежитъ лицу долго занимавшемуся описываемой имъ работой (К. А. Докучаеву), и отличается поэтому особенною живостью. Утѣшительныхъ фактовъ и на этотъ разъ мы встрѣчаемъ гораздо меньше, чѣмъ печальныхъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ данныя о кузнечныхъ артеляхъ, существующихъ въ арзамасскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи. Соединившись въ артель, человѣкъ 14—18 общими силами выстраиваютъ кузницу со всѣми ея принадлежностями, покупаютъ также сообща необходимый для работы уголь и нанимаютъ на общій счетъ мастера—раздувать мѣхи; затѣмъ каждый изъ нихъ работаетъ совершенно независимо отъ другихъ. Такія артели близко подходятъ къ типу такъ-называемыхъ *производительно-подсобныхъ* товариществъ, имѣющихъ цѣлью пріобрѣтеніе или устройство необходимыхъ или полезныхъ для промысла приспособленій, которыя не по средствамъ отдѣльнаго лица (опредѣленіе г. Исаева). „Съ постепеннымъ развитіемъ промысла“, говоритъ авторъ изслѣдованія, г. Карповъ, „хозяйскія кузницы (т.-е. устроенныя и эксплуатируемыя однимъ лицомъ) замѣняются артельными; хозяйскія кузницы преобладаютъ только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ кузнечный промыселъ возникъ недавно. Дѣла на хозяйскихъ кузницахъ идутъ вообще хуже, чѣмъ на артельныхъ, потому что каждая причина, задерживающая сбытъ товара, на одного хозяина дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ на артель“. Имѣя одинъ общій горнъ, кузнецы-артельщики сберегаютъ много топлива. Заработокъ каждаго изъ нихъ превышаетъ въ полтора-два раза заработокъ кузнеца, работающаго по найму или на хозяина; онъ могъ бы быть еще гораздо больше, если бы кузнецы соединялись въ артель не только для пользованія помѣщеніемъ, мѣхомъ и углемъ, но и для покупки желѣза и продажи издѣлій. По

мнѣнію автора статьи, они могли бы получать при такихъ условіяхъ впятеро больше, чѣмъ теперь, потому что каждый артельщикъ, работая отдѣльно, много теряетъ и отъ пріобрѣтенія сырого матеріала не изъ первыхъ рукъ, въ обмѣнъ за выдѣланный товаръ, и отъ спѣшной продажи издѣлій, зимою, небольшими партіями, а не оптомъ на нижегородской ярмаркѣ. Доказывая цѣлесообразность производительныхъ артелей, г. Карповъ сомнѣвается, однако, въ возможности ихъ осуществленія. Мотивовъ своего скептицизма онъ не объясняетъ; весьма вѣроятно, что главнымъ источникомъ его служатъ неудачи, испытанныя производительными артелями въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Съ одной изъ такихъ неудачъ знакомить насъ статья г. Покровскаго—о гвоздарномъ промыслѣ въ тверскомъ уѣздѣ ¹⁾. По почину тверской губернской земской управы, въ 1872 г. въ селѣ Васильевскомъ устроилась артель гвоздарей, съ цѣлью улучшенія быта кустарныхъ промышленниковъ и огражденія ихъ интересовъ отъ эксплуататоровъ и кулаковъ. Съ перваго же года дѣла артели пошли дурно. Лица, завѣдывавшія ея дѣлами, не знали, куда сбыть заготовленный товаръ. Пріемъ гвоздей отъ кузнецовъ артельщиковъ бывалъ довольно небреженъ; пріемщики, слабо браковавшіе артельный гвоздь, тѣмъ самымъ какъ-бы побуждали относиться къ дѣлу спустя рукава. Недобросовѣстные гвоздари (а такихъ въ артели было не мало), обрадованные возможностью получить замѣтно отъ земской управы нѣсколько денегъ, взявъ ихъ доставляли въ артельный складъ негодные гвозди. Петербургскіе и московскіе купцы, а затѣмъ и тверскіе, перестали покупать артельные гвозди; забракованный товаръ съ трудомъ можно было сбыть по низкимъ цѣнамъ. Артель прекратила свои дѣйствія въ 1878 г., закончивъ счеты съ убыткомъ въ 6,000 р. Намъ кажется, что случай съ васильевскою артелью и другіе, ему подобные, отнюдь не доказываютъ практическую неудобоосуществимость для Россіи производительныхъ товариществъ. Во всякомъ новомъ дѣлѣ неизбѣжны неудачи; и за границей изъ производительныхъ товариществъ уцѣлѣли сравнительно немногія—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы эта форма производства не имѣла будущаго. Арзамасскія кузнечныя артели интересны въ особенности потому, что онѣ образовались сами собою, безъ всякой посторонней инициативы, и не только стали на ноги, но даже опередили хозяйскія кузницы. Весьма можетъ быть, что это только первый шагъ къ желанной цѣли, что арзамасскія артели нуждаются лишь въ кредитѣ, чтобы перейти отъ типа производительно-пособ-

¹⁾ Гвозди—главный предметъ производства и въ артельныхъ кузницахъ арзамасскаго уѣзда.

наго къ типу чисто-производительному, или, по крайней мѣрѣ, чтобы присоединить къ своимъ операціямъ закупку на общій счетъ сырого матеріала. Открывая кредитъ существующимъ уже артелямъ, земство рискуетъ гораздо меньше, чѣмъ принимая на себя починъ организаціи артели на широкихъ основаніяхъ чисто-производительнаго товарищества, какъ это было сдѣлано въ селѣ Васильевскомъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы земству слѣдовало безусловно воздерживаться отъ учрежденія вновь производительныхъ артелей; мы убѣждены, что при нѣкоторомъ опытѣ, при удачномъ выборѣ распорядителей, при благоприятныхъ условіяхъ сбыта, образованіе такихъ товариществъ, по инициативѣ земства, можетъ принести большую пользу; мы хотѣли только замѣтить, что особеннаго поощренія со стороны земства — или правительства — заслуживаютъ артели въ родѣ арзамасскихъ кузнечныхъ, собственными силами прошедшія самую трудную часть дороги. Производительныя артели лучше отдѣльныхъ кустарей могли бы выдержать конкуренцію съ фабриками, во многихъ мѣстахъ начинающую угрожать кустарной промышленности. Такъ напримѣръ, и въ арзамасскомъ уѣздѣ, и въ тверскомъ, производство ручного гвоздя замѣтно уменьшается, вслѣдствіе распространенія машинныхъ гвоздей. Тамъ, гдѣ конкуренція невозможна, правильная организація кустарнаго промысла облегчила бы для него переходъ къ другимъ, однороднымъ предметамъ производства.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что если коммиссія по изслѣдованію кустарной промышленности не измѣнитъ отчасти плана изданія, то послѣднее рискуетъ затянуться на нѣсколько десятилѣтій и разростись до громадныхъ размѣровъ. Въ пяти выпускахъ, изданныхъ въ продолженіе двухъ лѣтъ и заключающихъ въ себѣ болѣе шестидесяти печатныхъ листовъ, помѣщены — кромѣ мелкихъ замѣтокъ и статей, относящихся къ западно-европейскимъ государствамъ — обзоры кустарныхъ промысловъ въ десяти уѣздахъ (шести губерній) европейской Россіи, причемъ вполне исчерпаны только промыслы медынского уѣзда и можетъ быть арзамасскаго. Судя по этому масштабу, всѣхъ выпусковъ должно быть гораздо болѣе ста, и ко времени выхода въ свѣтъ послѣдняго успѣютъ совершенно устарѣть свѣдѣнія, заключающіяся въ первыхъ. Между тѣмъ, вполне достигнуть цѣли трудъ коммиссіи можетъ въ такомъ только случаѣ, если онъ послужитъ основой для общей картины кустарныхъ промысловъ въ Россіи. Ускорить окончаніе изслѣдованія и уменьшить его объемъ можно было бы, какъ намъ кажется, группировкой промысловъ по уѣздамъ (какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ статьѣ г. Тимоховича о медынскомъ уѣздѣ и въ неоконченной еще статьѣ г. Варзера — объ уѣздахъ черниговскомъ, борзенскомъ и новозыбковскомъ) и сокращеніемъ той

части обзоровъ, которая касается технической стороны кустарныхъ промысловъ. Подробное знакомство съ этой стороной важно только для спеціалистовъ, которые будутъ призваны къ улучшенію способовъ и приѣмовъ производства; но обученіе кустарей едва-ли можетъ быть достигнуто путемъ изданія руководствъ или наставленій — оно предполагаетъ непосредственную къ нимъ близость, при которой безъ труда будутъ приобрѣтены всѣ свѣдѣнія о technikѣ кустарей. Чтобы доказать необходимость техническихъ улучшеній, достаточно самыхъ общихъ данныхъ о грубости и первобытности средствъ, употребляемыхъ кустарями; детали, которыми изобилуетъ большинство статей, представляются здѣсь совершенно излишними. Не слѣдовало бы, также, увеличивать объемъ выпусковъ такими обширными статьями о заграничномъ кустарномъ производствѣ, какъ, напр., статьи г. Туна о шелковой и бархатной промышленности на лѣвомъ берегу Рейна или о производствѣ холоднаго оружія въ Золингенѣ. — К. К.

VI.

— *Воцареніе императрицы Анны Иоанновны.* Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань, 1880.

Въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ въ научной дѣятельности нашей замѣтно обращеніе къ занятіямъ отечественною исторіею двухъ послѣднихъ (XVIII и XIX) столѣтій. Оно проявилось какъ обнародованіемъ посредствомъ печати многихъ историческихъ матеріаловъ, такъ и опытами ученой и литературной обработки разныхъ вопросовъ прошедшей общественной и политической жизни. Это тѣмъ рѣзче бросается намъ въ глаза, чѣмъ гуще и непроницаемѣе казался мракъ, лежавшій прежде на судьбѣ нашей страны для науки въ предшествовавшее время, между тѣмъ какъ гораздо болѣе предпринималось для уясненія болѣе старыхъ вѣковъ, хотя для того требовалось и болѣе труда. Причиною тому, какъ намъ всѣмъ теперь слишкомъ извѣстно, было то, что въ оффиціальномъ мірѣ существовалъ такой взглядъ, будто матеріалы временъ, болѣе или менѣе по чему-нибудь близкихъ къ настоящему времени, слѣдуетъ держать подъ спудомъ, дозволяя добывать оттуда немногое и съ большою осторожностью, и ко многимъ историческимъ матеріаламъ допуская только нѣкоторыхъ ученыхъ, заслуживающихъ особаго довѣрія. Несомнѣнно, такая точка зрѣнія всегда приносила вредъ наукѣ; вреднѣе всего то, что она существуетъ и до сихъ поръ, и притомъ относительно такихъ даже эпохъ, которыя столь давно минули, что уже, казалось бы, можно смѣло какъ угодно смотрѣть на

нихъ, и въ которыхъ едва ли можетъ найтись что-нибудь такое, что слѣдуетъ держать еще въ секретѣ, по какимъ бы то ни было сообщеніямъ. Укажемъ, напримѣръ, на такія дѣла давно минувшихъ дней, какъ царствованіе Петра Великаго, — однако, есть документы, относящіеся непосредственно къ этому давнему времени и хранящіеся въ числѣ секретныхъ. Объ эпохахъ, послѣдующихъ за Петромъ, секретныхъ матеріаловъ еще болѣе, хотя отъ нашего настоящаго и тѣ отдѣлены длиннымъ періодомъ болѣе чѣмъ во сто лѣтъ и множествомъ перемѣнъ, откинувшихъ прежде въ область исключительно исторіи. Отсюда вытекаетъ, что изучающіе наше прошедшее принуждены руководствоваться иностранными источниками, сознавая ихъ неполную достовѣрность, но не будучи въ силахъ повѣрить ихъ отечественными, остающимися почему-то въ секретѣ, хотя нѣкоторые изъ послѣднихъ прорывались на свѣтъ изъ-подъ спуда контрабанднымъ способомъ, и, вопреки бдительности ихъ стражей, дѣлались извѣстными. Такимъ преимущественно путемъ расширялся у насъ горизонтъ знакомства съ историческими матеріалами, за исключеніемъ тѣхъ матеріаловъ, которые сами вѣдомства находили нужнымъ издавать въ свѣтъ.

Въ текущемъ году, въ этой сферѣ русской исторіи явилось сочиненіе замѣчательное: это — историческій этюдъ: „Воцареніе Анны Іоанновны“, написанный г. Корсаковымъ, профессоромъ русской исторіи въ казанскомъ университетѣ. Не однимъ уже почтеннымъ изслѣдованіемъ по русской исторіи извѣстенъ въ нашей литературѣ г. Корсаковъ. Теперь онъ взялся представить намъ одно изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ событій русской исторіи, возбуждающее особый интересъ, потому что тогда проявилась рѣдкая въ нашей исторіи попытка доставить обусловленное закономъ участіе подданныхъ въ политическихъ дѣлахъ государства. Авторъ тщательно пересмотрѣлъ печатные источники объ этомъ событіи, какъ русскіе, такъ и иностранные, имѣлъ подъ рукою важныя, еще неизданныя депеши датскаго посланника Вестфалена, сообщенныя ему академикомъ Гротомъ и помѣщенныя теперь въ приложеніяхъ къ вышеназванному сочиненію г. Корсакова; сверхъ того, авторъ — какъ это самъ заявляетъ въ предисловіи — „въ концѣ 1877 года, по ходатайству его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстого, получилъ высочайшее разрѣшеніе на занятіе въ государственномъ архивѣ, и только въ силу такого благосклоннаго вниманія его сіятельства къ научнымъ цѣлямъ автора — могъ положить въ основу своихъ работъ документы, бывшіе доступными весьма немногимъ“. Такимъ образомъ, авторъ находился въ исключительномъ, самомъ счастливомъ положеніи, какое не всякому желающему выпа-

даетъ на долю. Просматривая историческій этюдъ автора, мы нашли, однако, что запасъ прежде изданныхъ русскихъ и иностранныхъ матеріаловъ, относящихся къ данному предмету, былъ такъ немаловаженъ, что пользованіе другими, доступными для весьма немногихъ, источниками не послужило автору настолько, чтобъ освѣтить новымъ свѣтомъ изслѣдуемую эпоху и, такъ-сказать, открыть здѣсь какую-то новую Америку въ русской исторіи; оно полезно было ему, главнымъ образомъ, чтобы провѣрить и исправить многія неточности въ изданныхъ матеріалахъ; такъ, напримѣръ, въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“, напечатаны были уже давно протоколы верховнаго тайнаго совѣта, но г. Корсаковъ нашелъ черновые отпуски этихъ протоколовъ и указалъ на многія погрѣшности въ текстѣ, изданномъ въ „Чтеніяхъ“. Мы не можемъ при этомъ не пожалѣть, что, рѣшась при своей книгѣ присовокупить „Приложенія“, г. Корсаковъ не умножилъ ихъ еще нѣкоторыми документами государственнаго архива, доступными для немногихъ. Его книга оттого выиграла бы очень много, а въ послѣдующія времена стала бы, можетъ быть, цѣннѣе самаго текста его изслѣдованія.

Авторъ предпосылаетъ изложенію рассматриваемаго предмета введеніе; бросаетъ въ немъ взглядъ на исторію Россіи отъ кончины Петра Великаго до воцаренія Анны Іоанновны; объясняетъ значеніе шляхетства, возникшаго изъ прежняго служилаго сословія и приводитъ перечень источниковъ, касающихся избранной эпохи, съ оцѣнкою ихъ достоинствъ; потомъ уже переходитъ къ повѣствованію о составленіи, по кончинѣ императора Петра II, верховнымъ тайнымъ совѣтомъ пунктовъ условій призванія на престолъ Анны Іоанновны, клонящихся къ ограниченію самодержавія; дѣлаетъ характеристику и біографическій очеркъ главнѣйшихъ дѣятелей, игравшихъ тогда важныя роли (стр. 1—57); потомъ—излагаетъ, хотя бѣгло, но занимательно, біографію Анны Іоанновны во время ея пребыванія въ Курляндіи, въ санѣ герцогини курляндской (58—76); наконецъ, авторъ переходитъ къ борьбѣ, возникшей между верховнымъ тайнымъ совѣтомъ и шляхетствомъ и составляющей драматическую сторону всего событія воцаренія императрицы Анны Іоанновны. Причины этой борьбы, поведшей къ неудачѣ самаго замысла, какъ оказывается, лежали въ томъ, что верховники-аристократы, въ небольшомъ числѣ, хотѣли захватить въ свои руки судьбу государства и задѣли сословное самолюбіе, во-первыхъ, духовенства, не пригласивши духовныхъ сановниковъ быть участниками затѣваемаго замысла; во-вторыхъ — шляхетства, немалочисленнаго дворянскаго служащаго государству класса, на волю котораго они почти не обращали вниманія, на-

дѣясь заставить его повиноваться своей волѣ. Такимъ образомъ, рѣшившись звать на престолъ Анну Іоанновну, верховники хотя и созывали сенатъ, генералитетъ и прочихъ статскихъ чиновъ до бригадира, но объявивъ о желаніи пригласить на царство Анну Іоанновну, они не говорили о пунктахъ условій, ограничивавшихъ самодержавіе (стр. 10). Сверхъ того, они задѣли самолюбіе одного изъ знатныхъ государственныхъ людей, Ягужинскаго, котораго не сочли достойнымъ быть приглашеннымъ къ составленію условій, и потому этотъ Ягужинскій, раздраженный пренебреженіемъ къ себѣ, хотя самъ прежде заявлялъ о необходимости ограниченія самодержавной власти, потомъ сталъ дѣйствовать во вредъ замысламъ верховниковъ и тайно далъ заранѣе знать курляндской герцогинѣ, что на предложенія, которыя привезутъ ей отъ верховнаго тайнаго совѣта, она должна смотрѣть, по отношенію къ вопросу объ ограниченіи самодержавія, какъ на замыселъ немногочисленной, а слѣдовательно—не сильной для ея особы партіи. Разомъ съ Ягужинскимъ дѣйствовали такимъ же путемъ и другіе сторонники стараго самодержавія и противники верховнаго тайнаго совѣта, въ числѣ которыхъ первое по уму мѣсто занималъ Остерманъ (стр. 82).

Надобно сказать, что между верховниками не всѣ одинаково желали имѣть государынею Анну Іоанновну, а между ихъ противниками, шляхетствомъ, соглашаясь на призывъ Анны Іоанновны, не всѣ были врагами ограниченія самодержавія. Отлагая въ сторону вопросъ о томъ, должно ли сохраниться самодержавіе, или образъ правленія подвергнется измѣненію, нѣкоторые желали бы тогда видѣть на престолѣ другихъ лицъ: одни—царицу Евдокію Лопухину, первую супругу Петра Великаго; другіе—голландскаго принца Петра Ульриха, сына дочери Петра Великаго Анны; третьи—Елизавету, дочь Петра Великаго, пребывавшую въ дѣвицахъ. Но партіи, хотѣвшія возвести на престолъ этихъ особъ, были слабѣе партіи, предпочитавшей Анну Іоанновну, вдовствующую курляндскую герцогиню. По изысканіямъ г. Корсакова, избранію Анны Іоанновны преимущественно предъ другими претендентами помогъ много датскій посолъ Вестфаленъ, который,—говоритъ г. Корсаковъ,—находя воцареніе другихъ лицъ на русскомъ престолѣ неблагопріятнымъ для видовъ Даніи, не задумался ни предъ какими средствами для достиженія цѣли: убѣжденія, шпіонство, подкупы—все имъ пускается въ ходъ (стр. 100). Въ депешахъ этого ловкаго дипломата, приложенныхъ г. Корсаковымъ къ своему сочиненію, онъ доноситъ своему правительству, что употребилъ съ своей стороны все стараніе, чтобы герцогиня курляндская сдѣлалась русскою императрицею, въ надеждѣ — *que sa majesté impériale n'aura pas plutot prise en mains les rennes du gouvernement que le*

haut conseil prendra à tache de luy faire bien reconnoitre l'importance d'une parfaite et cordiale amitié et bonne intelligence entre la Russie et Danemark (Прилож. стр. 73—74). Верховники, задумавши избрать на престолъ такое лицо, которое бы охотно согласилось править государствомъ, раздѣляя власть съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, послѣ многихъ соображеній, пришли къ такому заключенію, что нѣтъ болѣе къ тому подходящей личности, какъ герцогиня курляндская, именно потому, что она прежде никогда не ожидала сдѣлаться русскою императрицею, и должна будетъ смотрѣть на свое избраніе, какъ на счастье, совершенно для нея неожиданное, а потому, какъ могло казаться, она должна была согласиться на всякое пожертвованіе, лишь бы не упустить короны. Но прежде чѣмъ одинъ изъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, успѣлъ прибыть въ Митаву съ пунктами условій, на которыхъ приглашали курляндскую герцогиню сдѣлаться русскою императрицею, она была уже предупреждена и смотрѣла на эти условія, какъ на такія, которыя можно не исполнить. Она безъ возраженія подписала обѣщаніе: „всѣ кондиціи ей представленныя безъ изыятія сохранять“, обязываясь чрезъ то, во время своего управленія государствомъ, безъ согласія съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, не вести войнъ, не налагать податей и не дѣлать расходовъ, не жаловать и не наказывать никого. „А буде чего по сему обѣщанію не исполню—гласило ея согласіе въ концѣ:—и не додержу, то лишена буду короны російской“ (стр. 18). Но навязавши на себя такой обѣтъ, она отправилась въ Москву совѣмъ съ другими желаніями и надеждами.

Между тѣмъ въ старой русской столицѣ былъ приливъ шляхетства, и служившаго въ армейскихъ полкахъ, и провинціальнаго, какъ состоявшаго на государственной службѣ, такъ и не служившаго: все это съѣхалось въ Москву ради предстоявшихъ всѣми ожидаемыхъ празднествъ по поводу предполагавшагося бракосочетанія императора Петра II съ княжной Екатериною Долгоруковою, до котораго, однако, не допустила внезапная смерть императора. Подобно тому, какъ люди родовитые желали возстановить права своего боярства, среднее шляхетство хотѣло расширенія и своихъ правъ, пользуясь началомъ новаго царствованія, и, провѣдавши о замыслахъ верховниковъ-аристократовъ забрать въ свои руки власть, стало, по извѣстіямъ современниковъ (Феофана Прокоповича, Лефорта и друг., см. стр. 91—92), собираться въ кружки по разнымъ домамъ въ ночное время, толковать о дѣлахъ и роптать на верховниковъ, которые думаютъ распоряжаться судьбою государства, не спрашивая у шляхетства, согласно ли оно допустить ихъ до этого: одни тогда же готовы были употребить надъ верховниками насиліе, другіе болѣе

законными путями думали заявить свой протестъ противъ нихъ. Въ такомъ взволнованномъ положеніи было общество въ Москвѣ, когда ждали туда прибытія новой государыни.

Верховный тайный совѣтъ, отправивши къ Аннѣ посольство съ кондиціями, скрывалъ ихъ отъ всѣхъ до тѣхъ поръ, когда воротился посланный съ кондиціями въ Митаву, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ. Только тогда уже, 2-го февраля, созванъ былъ весь генералитетъ во всѣхъ чинахъ до бригадира, сенатъ, президенты коллегій и прочіе статскіе важные чины, все вельможи, знать, по повѣсткамъ отъ верховнаго тайнаго совѣта; прочитано было отвѣтное письмо Анны Іоанновны, изъ котораго можно было уразумѣть дѣло такъ, какъ будто она подписала не навязанные ей извнѣ пункты условій, а говорилось, будто „предъ вступленіемъ на російскій престолъ по здравомъ разсужденіи избобрѣли мы за потребно для пользы російскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ отечеству нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, а для того елико время насъ допустило, написавъ, какимъ способомъ мы то правленіе вести хотимъ и подписавъ нашею рукою, послали въ верховный тайный совѣтъ“. Письмо это, какъ справедливо думаетъ г. Корсаковъ (стр. 121), было составлено самимъ же княземъ Васиціемъ Лукичемъ Долгоруковымъ, можетъ быть при участіи князя Голицына, и дѣлался видъ, будто вновь избранная императрица соизволеніемъ Всемогущаго Бога приписываетъ весь планъ правленія начертаннымъ въ кондиціяхъ своему собственному почину. Она говоритъ прямо, что сама написала, на сколько ей позволило время, тѣ способы, какими она хочетъ вести управленіе государствомъ. Такимъ образомъ, по замѣчанію г. Корсакова, верховный тайный совѣтъ является не инициаторомъ кондицій, а только исполнителемъ воли императрицы. Но кто бы ни составлялъ эти пункты, не могли они быть тогда пріятны ни для генералитета, ни для шляхетства, такъ какъ давалось обѣщаніе государынею въ важныхъ дѣлахъ слушать только голоса верховнаго тайнаго совѣта, а болѣе ни о комъ не упоминалось.

Недовольство шляхетства породило съ его стороны протестъ, выражавшійся рядомъ проектовъ, подававшихся верховному тайному совѣту. Вестфаленъ въ своихъ депешахъ сообщаетъ, что двери залы, гдѣ засѣдалъ верховный тайный совѣтъ, были цѣлую недѣлю открыты для всѣхъ желающихъ высказаться и предложить что-нибудь за или противъ предполагаемаго преобразованія въ прежнемъ правленіи Россіи. Это право получили генералы, бригадиры и полковники, а также и всѣ члены сената и другихъ государственныхъ коллегій съ

чинами не ниже полковника; были приглашены архіепископы, епископы и архимандриты, но не всѣ за разъ, а группами изъ трехъ епископовъ и трехъ архимандритовъ. При этомъ наговорили столько хорошаго и дурного за и противъ новаго учрежденія, защищали и оспаривали это съ такимъ ожесточеніемъ, что смятеніе достигло наконецъ громаднаго размѣра, и можно было опасаться возстанія, но оба фельдмаршала были не изъ такихъ людей, которые скоро поддаются страху (стр. 135). Было подано въ верховный тайный совѣтъ восемь шляхетскихъ проектовъ государственныхъ преобразованій, но, кромѣ того, было нѣсколько проектовъ и мнѣній, которые не были представлены совѣту, всего двѣнадцать проектовъ и мнѣній, въ которыхъ выразилось политическое умоначертаніе русскаго шляхетства первой половины XVIII вѣка, — (стр. 147). „Въ числѣ ихъ мы, — говоритъ г. Корсаковъ, — видимъ представителей всѣхъ слоевъ тогдашняго шляхетства: здѣсь сходятся люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ отношеній, различнаго происхожденія и образованія, но исключительно русской національности... На-ряду съ Рюриковичами, Гедиминовичами и потомками выѣзжихъ черкесскихъ князей и татарскихъ мурзъ, мы встрѣчаемъ и представителей старинныхъ служилыхъ родовъ изъ удѣльныхъ княжествъ, и худородныхъ шляхтичей, возвысившихся посредствомъ родственныхъ отношеній съ царемъ Петромъ или выдвинутыхъ его реформою. Объ руку съ сенаторами, президентами, вице-президентами и членами коллегій, идутъ генералы, полковые и батальонные командиры, субалтернъ-офицеры и придворные чины, начиная съ оберъ-гофмейстера и кончая гофъ-юнкеромъ (ibid). Содержаніе всѣхъ этихъ проектовъ изложено г. Корсаковымъ вмѣстѣ съ біографическими данными о главныхъ дѣятеляхъ въ тогдашней шляхетской оппозиціи (стр. 189—239): во всемъ замѣтна скорость и торопливость. Общаго въ нихъ главнымъ образомъ то, что всѣ желали участія многочисленнаго шляхетства въ правленіи и законодательствѣ, вмѣсто немногочисленнаго барства, сидѣвшаго въ верховномъ тайномъ совѣтѣ; но нѣкоторые проекты совсѣмъ уничтожали верховный тайный совѣтъ, другіе допускали его существованіе, но требовали увеличенія числа его членовъ по выбору шляхетства. Относительно права престолонаслѣдія толковалось не мало и всѣ сходились къ тому, что въ случаѣ прекращенія царствующей линіи остается право избранія общенародіемъ, а подъ такимъ общенародіемъ разумѣлось шляхетское сословіе; но это былъ вопросъ могущаго быть и не быть случая, всѣ же изъявляли желаніе признать наслѣдственною государынею Анну Іоанновну. Сущности верховной власти не опредѣлялось, равнымъ образомъ почти не говорилось прямо объ ограниченіи самодержавія; шляхетское сословіе

домогалось болѣе всего своихъ сословныхъ выгодъ: хотѣло уничтоженія единонаслѣдія (маіоратства), отмѣны введеннаго Петромъ Великимъ обязательнаго поступленія въ службу, принятія лицъ шляхетскаго званія въ службу съ офицерскимъ чиномъ, или по крайней мѣрѣ съ условіями скорого производства въ офицеры, увеличенія жалованья служащимъ. Одни въ шляхетскомъ званіи ставили происхожденіе выше правъ, приобретаемыхъ службою, другіе раздѣляли шляхетство по служебнымъ преимуществамъ — на генералитетъ и простое шляхетство (стр. 177). О нуждахъ другихъ сословій, купечества и крестьянства, говорилось мало и какъ-бы вскользь, хотя изъяснялось желаніе облегчить быть податныхъ сословій съ финансовой точки зрѣнія.

Рядомъ съ проектами г. Корсаковъ приводитъ планъ Д. М. Голицына, который собственно по смыслу своего содержанія есть тоже проектъ, хотя не сохранился въ числѣ проектовъ, и извѣстенъ только по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ о немъ иностранными современниками Маньяномъ и лэди Рондо. У Дмитрія Михайловича Голицына уже положительнѣе и прямѣе ограничивается самодержавная власть верховной особы. Императрицѣ назначается опредѣленная сумма на расходы ея двора и дается полное право начальства только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для охраненія ея особы и ея жилища. Во всемъ остальномъ верховная власть надъ всѣмъ государствомъ была въ рукахъ верховнаго тайнаго совѣта, состоящаго изъ членовъ знатнѣйшихъ фамилій, въ числѣ отъ десяти до двѣнадцати особъ, въ которомъ государыня присутствовала, имѣя за собою два голоса. Кромѣ верховнаго тайнаго совѣта, учреждались еще сенатъ, состоящій изъ тридцати шести членовъ, шляхетская палата изъ двухсотъ членовъ, для обереганія правъ шляхетскаго сословія, и палата городскихъ представителей, для завѣдыванія торговыми дѣлами и для соблюденія интересовъ простого народа и защиты его отъ несправедливостей. Этотъ планъ, какъ и составленные на его основѣ шестнадцать пунктовъ присяги, предлагаемой для народа при произнесеніи обѣта вѣрности новой государынѣ, не пошли въ дѣло. Повидимому, и прочіе члены тогдашняго верховнаго тайнаго совѣта не вполне были единомышленны съ своимъ собраниемъ. Присяга утверждалась по другой формѣ (стр. 245), гдѣ противъ старины было только то отличіе, что присягали не только лицу государыни, но и государству отечеству, а изъ плана и проекта присяги Голицына заимствовано было нѣсколько чертъ въ документѣ, имѣвшемъ значеніе соглашенія верховнаго тайнаго совѣта съ нѣкоторою частью противостоявшаго ему шляхетства, появившеюся нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ Анны Іоанновны въ Москву. Въ

этомъ документѣ обѣщано было въ государственныхъ и важныхъ дѣлахъ собирать въ верховный тайный совѣтъ сенатъ, генералитетъ коллежскихъ чиновъ и знатное шляхетство (стр. 250). Согласно съ этимъ постановленіемъ верховнаго тайнаго совѣта, состоялся отъ другого члена, князя Василя Лукича Долгорукова, черновой набросокъ „способовъ“ привести въ исполненіе общія требованія шляхетскихъ проектовъ, гдѣ предполагалось увеличить число членовъ верховнаго тайнаго совѣта по выбору и разсматривать общественныя нужды съ выборными отъ шляхетства (стр. 251).

Но все это оказалось напраснымъ. Тогда какъ верховники изыскивали средства уладить споры и сойтись съ шляхетствомъ,—работали и противники ограниченія самодержавія. Остерманъ, притворяясь больнымъ, обложенный подушками, натертый мазями, повидимому, сидѣлъ въ своей комнатѣ, уклоняясь отъ дѣлъ, а между тѣмъ руководилъ движеніями, направленными въ равной степени, какъ противъ верховниковъ, такъ и противъ шляхетскихъ проектовъ. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы убѣдить шляхетство, болѣе всего дорожившее своими сословными преимуществами, что все, по его желаніямъ и прошеніямъ, будетъ къ пользѣ шляхетскаго сословія исполнено самодержавною государынею, если къ ней обратятся съ прошеніемъ уничтожить верховный тайный совѣтъ, возстановить сенатъ въ той силѣ, какую онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, и позволить шляхетству подать свои соображенія для дальнѣйшихъ государственныхъ преобразованій.

Въ этомъ отношеніи обращено было вниманіе на среднее шляхетство, изъ людей же родовитыхъ и знатныхъ привлекли на сторону самодержавія только тѣхъ, которые по своимъ личнымъ и родственнымъ отношеніямъ были поставлены въ положеніе благоприятное къ противодѣйствію верховному тайному совѣту и замысламъ измѣнить образъ правленія. Таковы были родственники царицы, таковы были родственники Ягужинскаго, который самъ былъ сильно озлобленъ противъ верховнаго тайнаго совѣта за то, что былъ подвергнутъ аресту за тайное предувѣдомленіе, посланное въ Митаву къ Аннѣ Іоанновнѣ: теперь онъ изо всѣхъ силъ старался дѣйствовать противъ верховнаго тайнаго совѣта. Кромѣ того, не трудно было и между самими членами верховнаго тайнаго совѣта посѣять безладицу, такъ какъ князей Долгоруковыхъ всѣ не любили. По мнѣнію г. Корсакова, не безъ побочнаго участія Остермана стали ходить между шляхетствомъ въ то время письменныя и словесныя обвиненія противъ Долгоруковыхъ. Авторъ сообщаетъ (стр. 257—267) біографическія свѣдѣнія о лицахъ, бывшихъ тогда главными сторонниками самодержавія.

Вліяніе хитраго Остермана и другихъ лицъ, благопріятствовав-

шихъ самодержавію, произвело новыя совѣщанія между шляхетствомъ за сутки до дня, назначеннаго для коронаціи новой русской государыни—25-го февраля. На этихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ 23-го февраля (стр. 266), положено было просить государыню уничтожить тайный совѣтъ, возстановить значеніе сената, уничтожить подписанныя ею кондиціи и начать царствовать самодержавно по обычаю предковъ.

25-го февраля, явилось къ императрицѣ по однимъ извѣстіямъ 800, по другимъ только 150 человекъ изъ шляхетства съ княземъ Черкасскимъ во главѣ (стр. 270). Подана была императрицѣ челобитная, въ которой хотя и выражалась ей благодарность за подписаніе пунктовъ, представленныхъ отъ верховнаго тайнаго совѣта, однакожь притомъ сообщалось, что „въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ, находятся сумнительства такія, что большая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства“, и поэтому они просили, „чтобъ государыня дозволила собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству по одному или по два изъ фамилій, рассмотреть и все обстоятельства изслѣдовать согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ, форму правленія государственнаго сочинить и вашему величеству ко утвержденію представить“ (стр. 271). По изысканію сохранившихся подписей оказывается, что эта челобитная была подписана 87 лицами (стр. 272). Государыня была поражена удивленіемъ: челобитная такого рода была для нея неожиданностію. Она,—говоритъ г. Корсаковъ,—ожидала провозглашенія самодержавія, а ей вдругъ подносятъ челобитную съ просьбою обсудить кондиціи и шляхетскіе проекты выборными отъ генералитета и шляхетства. Хотя тутъ и раздавались голоса, утверждавшіе, что все шляхетство желаетъ сохраненія самодержавной власти за императрицею, но тутъ же слышались и возраженія на такія заявленія, а находившійся здѣсь же князь Василій Лукичъ Долгоруковъ началъ въ видѣ выговора порицать князя Черкасскаго за присвоенное право законодателя; но послѣдній напомнилъ ему, что государыня была вовлечена въ обманъ, увѣряемая, что кондиціи, которыя ей представили къ подпису, были составлены съ согласія всѣхъ чиновъ государства, тогда какъ онѣ были составлены безъ вѣдома и участія шляхетства (ibid.) Анна Іоанновна, естественно, колебалась и не знала на что ей рѣшиться, но ея сестра, находившаяся тогда съ нею, Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургская, поспѣшила подать ей чернильницу съ перомъ и убѣждала поскорѣе написать на поданной ей челобитной: *быть по сему*. Съ этимъ было отпущено шляхетство, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему вмѣнено въ обязанность представить императрицѣ въ тотъ же день результатъ своихъ совѣща-

ній (стр. 273). Императрица пригласила членовъ верховнаго тайнаго совѣта къ себѣ обѣдать, но бывшіе въ аудіенцъ-залѣ гвардейскіе офицеры подняли такіе крики за самодержавіе, что сама императрица принуждена была пригрозить имъ, чтобъ они умоляли.

Едва покончила императрица обѣдъ свой съ верховниками, въ три часа пополудни, какъ въ аудіенцъ-залу вошло толпою шляхетство, предводимое на этотъ разъ уже не Черкасскимъ, а княземъ Никитою Трубецкимъ. Вошла императрица, и ей подана была Трубецкимъ челобитная, составленная въ дворцовыхъ комнатахъ, гдѣ находилось шляхетство послѣ своего отпуска изъ аудіенцъ-залы. Челобитная написана была княземъ Антиохомъ Кантемиромъ, и самъ авторъ теперь прочелъ ее во всеуслышаніе. Въ ней шляхетство, въ знакъ благодарности за принятіе первой челобитной, просило Анну Иоанновну „принять самодержавство таково, каково ея славные и достохвалныя предки имѣли, а присланные ей отъ верховнаго тайнаго совѣта и подписанные ея рукою пункты уничтожить“. Въ заключеніе они просили возстановить прежнее значеніе сената, дополнивъ число его членовъ до 21. По выбору и затѣмъ впередъ на упалыя мѣста сенаторовъ и на должности президентовъ коллегій и губернаторовъ избирать изъ шляхетства баллотированіемъ, „какъ то при дяде вашего величества Петрѣ Первомъ уставлено было“. „Всепокорнѣйшіе рабы“ изъявляли надежду, „что въ благоразсудномъ правленіи государства въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному ея величества благоутробію“ они презрѣны не будутъ (стр. 275—276).

Императрица обратилась къ верховникамъ за совѣтомъ, принять ли ей „предлагаемое ея народомъ“. Верховникамъ ничего болѣе не оставалось, какъ молча поклониться въ знакъ согласія. Челобитная подписана была 1,660 человекѣми, — а ихъ, предложившихъ Аннѣ Иоанновнѣ кондиціи, было только восемь.

Тогда Анна Иоанновна приказала принести подписанные ею въ Митавѣ пункты, и тѣ пункты—вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ, писаннымъ изъ Митавы къ верховному тайному совѣту, „ея величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, изодрать“. Такъ было записано въ протоколѣ верховнаго тайнаго совѣта (стр. 277).

Въ тотъ же день князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ въ кругу своихъ друзей говорилъ: „Пиръ былъ готовъ, но гости были недостойны его. Я знаю, что буду его жертвою. Такъ и быть; я пострадаю за отечество: я близокъ къ концу моего жизненнаго поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня“ (стр. 278).

Нельзя не согласиться съ словами г. Корсакова объ этомъ чело-

вѣкъ: „самымъ даровитымъ, самымъ энергическимъ и самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ изъ верховниковъ долженъ быть почтенъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ“ (стр. 34). Мы бы сказали болѣе: это былъ единственно политически умный человѣкъ изъ верховниковъ и едва ли не изъ всей тогдашней знати! Г-нъ Корсаковъ (стр. 279—293) указываетъ на то, что на политическія воззрѣнія тогдашнихъ дѣятелей оставляло вліяніе знакомство съ примѣрами государственнаго строя западно-европейскихъ государствъ и чтеніе историческихъ и политическихъ сочиненій. Въ этомъ предположеніи авторъ распространяется о примѣрахъ въ сосѣднихъ государствахъ, въ Швеціи, въ польской Рѣчи-Посполитой, и наконецъ, въ Англіи, о которыхъ русскіе могли близко знать по личнымъ впечатлѣніямъ вслѣдствіе посѣщенія этихъ странъ и по разсказамъ иностранцевъ, наводнившихъ Россію, а также русскіе шляхтичи имѣли возможность почерпнуть свѣдѣнія о состояніи европейскихъ государствъ изъ книгъ, въ послѣднее время при Петрѣ Первомъ переведенныхъ на русскій языкъ по царскому повелѣнію. Г. Корсаковъ указываетъ на важнѣйшіе изъ нихъ, руководствуясь отчасти извѣстнымъ сочиненіемъ Пекарскаго, отчасти собственнымъ изученіемъ рукописей и старыхъ книгъ въ Публичной библіотекѣ (стр. 286—292). Совершенно соглашаемся съ авторомъ, но присовокупимъ отъ себя слѣдующія соображенія.

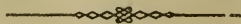
Исторія московскаго государства показываетъ въ прошломъ многіе примѣры, когда самодержавная власть единодержавца дѣлалась ограниченою нѣкоторымъ кружкомъ знатныхъ лицъ, его окружавшихъ. Первые великіе князья московскіе дѣйствовали съ совѣта своихъ бояръ. Великій князь Иванъ Васильевичъ III, при всемъ своемъ деспотизмѣ, не чуждался такого совѣта; по-крайней-мѣрѣ на то указываютъ упреки, дѣлаемые его сыну Василию, съ указаніемъ на противоположный самовластнымъ пріемамъ этого государя примѣръ его родителя. Въ младенчество Ивана Грознаго владѣли государствомъ бояре, а потомъ, по собственной трусости, онъ попалъ, какъ самъ о томъ вспоминалъ впослѣдствіи, подъ опеку небольшого кружка лицъ, руководимыхъ попомъ Сильвестромъ. При слабоумномъ Ѳеодорѣ Ивановичѣ было завѣщанное отцомъ его правительство, состоявшее изъ бояръ, но ловкость и не останавливавшаяся ни передъ чѣмъ энергія Бориса Годунова успѣли захватить власть въ руки одного временщика. Въ смутное время сначала кружокъ бояръ ограничивалъ власть избраннаго царя Василія Шуйскаго, а въ безгосударственное время правилъ самъ дѣлами и, находясь подъ внѣшнимъ давленіемъ польскимъ, хотѣлъ-было навязать Россіи государя изъ иноземнаго дома, ограничивъ его власть собственною

своею. По востествіи царя Михаила, сила боярской власти умѣрилась значеніемъ земскаго собора, которое поднялось до такой степени, до какой едва-ли доходило и прежде и послѣ. При послѣдующихъ государяхъ самодержавная власть всегда признавала, чтобъ важныя государственныя дѣла дѣлались хотя по указу государеву, но съ боярскаго приговора, и всегда не даромъ писалось: государь указалъ и бояре приговорили. Петръ Первый былъ деспотъ, и болѣе чѣмъ онъ, деспотичнѣе едва-ли представить исторія, но вмѣстѣ съ тѣмъ деспотъ геніальный, стоявшій по уму выше всѣхъ тѣхъ, кто бы могъ имѣть притязаніе раздѣлять съ нимъ власть. Понятно, что у него могли быть только слуги-исполнители, которыхъ онъ по своему произволу возвышалъ и безчеловѣчно казнилъ, если они возбуждали въ немъ почему-нибудь къ себѣ неудовольствіе. Но когда безъ твердыхъ основныхъ законовъ о престолонаслѣдіи престолъ доставался то женщинамъ, то несовершеннолѣтнимъ, и право на его замѣщеніе могло быть спорнымъ, естественно у родословныхъ людей пробудились живыя историческія родовыя воспоминанія, а при удобныхъ обстоятельствахъ и желаніе взять въ руки верховную власть въ государствѣ, ограничивъ самодержавный произволъ единовластителя. У шляхетства, составлявшаго потомство собственно средняго служилаго класса московскаго государства, такихъ преданій и родовыхъ воспоминаній не было; предки ихъ родовъ не оставили потомкамъ никакого иного политическаго завѣта, какъ только служить царю-государю, получать его государское жалованье и искать милости самодержавца. Если въ ихъ воспоминаніи было какое-нибудь участіе ихъ предковъ въ государственномъ управленіи, то развѣ въ образѣ земскихъ соборовъ, которые ни разу не заявляли намѣреній ограничить самодержавную власть, и на этихъ земскихъ соборахъ предки нынѣшняго шляхетства говорили только то, о чемъ ихъ сверху спрашивали. Поэтому у шляхетства и не могло возникнуть такого замысла, какъ у верховниковъ, потомковъ знатныхъ родовъ. Шляхетство и не подумало бы ни о какой перемѣнѣ образа правленія, кто бы тамъ случайно ни усѣлся на престолѣ, а всегда готово было служить и повиноваться. Когда разошлась вѣсть о замыслахъ верховниковъ, естественно было тогда пробудиться сословному самолюбію шляхетства: зачѣмъ замышляютъ большіе господа важныя перемѣны въ государствѣ, а шляхетства не спрашиваютъ, какъ будто послѣднее состоитъ у нихъ подъ властью; но шляхетство помнило, что оно изъ предковъ знало одну самодержавную волю государя, а никакихъ другихъ господъ надъ собою не признавало. Когда верховники, сообразивъ, наконецъ, что противъ нихъ можетъ подняться численная сила, дозволили шляхетству полагать проекты, явился пѣсколь-

ко проектовъ, оставшихся памятникомъ полной неподготовленности къ важному дѣлу преобразованій у тѣхъ, которые такіе проекты составляли. Да и составлялись эти проекты только ради того, что велѣли ихъ составлять, а внутри, въ умахъ шляхетства, не было сознанія потребности какихъ-либо преобразованій въ государствѣ и никакихъ общихъ желаній, кромѣ полученія сословныхъ и служебныхъ льготъ и преимуществъ, что могло быть прямѣе и вѣрнѣе достигнуто путемъ царской милости въ награду за угодливость царской волѣ. Отъ этого какъ только сторонники Анны Іоанновны сдѣлали внушеніе шляхетству, что при самодержавной власти оно можетъ получить желаемое скорѣе, чѣмъ при всякой новой переменѣ въ образѣ правленія, такъ, оставивъ и отбросивъ всѣ на живую нитку пошитые свои проекты, оно остановилось на конечной мысли просить императрицу о принятіи на себя самодержавной власти по обычаю предковъ, и исполнило это успѣшно для сохраненія самодержавія въ прежнемъ ея видѣ и силѣ. Въ какой степени получило шляхетство выгоды для своего сословія, и насколько возвысилось его значеніе послѣ важной услуги оказанной самодержавію въ 1730 году, мы находимъ здравое и умное объясненіе на послѣдней страницѣ книги г. Корсакова:

„Шляхетство, получивъ при Аннѣ Іоанновнѣ нѣкоторыя льготы, все болѣе и болѣе удаляется отъ того значенія, которое хотѣло получить себѣ въ 1730 году. Родословные люди постепенно искореняются нѣмцами правителями, потомки старинныхъ служилыхъ людей все болѣе и болѣе бѣднѣютъ, ряды шляхетства гуще и гуще наполняются худородными людьми и иноземцами. Крѣпостное право становится съ каждымъ годомъ почти единственной прерогативой шляхетства, и въ развитіи и сохраненіи этой прерогативы ищетъ шляхетство своего выдающагося положенія въ обществѣ и государствѣ. Жестокость правительства Анны Іоанновны, презрительное обращеніе съ русскими начальствующими лицъ вообще и генераловъ и офицеровъ въ частности, необходимость заискивать у нѣмцевъ-правителей путемъ лести и низкопоклонничества — все это развращаетъ шляхетство болѣе и болѣе, и все сильнѣе развиваются въ немъ дикіе инстинкты крѣпостничества. Идеалы его суживаются, и шляхетскія заявленія въ знаменитой, екатерининской комиссіи 1767 года, несравненно ниже шляхетскихъ воззрѣній 1730 года. Только въ 1762 году шляхетство получаетъ совершенное освобожденіе отъ обязательной службы государству, но эта свобода шляхетства ведетъ за собою еще болѣе закрѣпощеніе крестьянъ. Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, главнѣйшіе результаты провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны“. — Н. Костомаровъ.

НОВАЯ ЗАЩИТА ЖЕНСКИХЪ ПРАВЪ.

Alexandre Dumas fils, de l'Académie Française. Les femmes qui tuent et les femmes qui votent. Deuxième Edition. Paris. Colmann Lévy. 1880.

Александръ Дюмà-сынъ—слишкомъ крупная литературная величина, чтобы можно было обойти молчаніемъ его произведенія, какими бы онѣ ни казались парадоксальными подчасъ. Новая его брошюра въ защиту расширенія правъ женщины обратила на себя всеобщее вниманіе и не страдаетъ избыткомъ парадоксальности — если не считать курьёзной фантазіи о будущихъ бракахъ между людьми и обезьянами, и даже не въ очень отдаленномъ будущемъ, примѣрно лѣтъ черезъ пятьдесятъ. Притомъ, новая брошюра написана весьма живо, съ искреннимъ одушевленіемъ, и мѣстами съ большимъ умомъ. Постараемся дать понятіе о существенныхъ ея сторонахъ въ краткомъ извлеченіи.

Въ мірѣ нравственномъ, начинается Александръ Дюмà, происходитъ то же самое, что и въ физическомъ: законы одного такъ же тѣсно связаны между собою и такъ же неумолимы, какъ и законы другого. Въ тотъ часъ, какъ я пишу, это—морской вѣтеръ рвется въ окна моей комнаты; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вздымаетъ волны и надуваетъ паруса тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться его мнимымъ гнѣвомъ; онъ же поднимаетъ надъ землею испаренія, которыя упадутъ въ видѣ росы или дождя; онъ переноситъ и распространяетъ по полямъ міриады невидимыхъ зародышей, плодородныхъ или вредоносныхъ, смотря по строенію почвы, на которую они упадутъ; онъ же укрѣпляетъ одни и убиваетъ другіе; ничто его не останавливаетъ и не отвлекаетъ отъ дѣла; онъ дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать, ускоряя смерть всего, что должно погибнуть, создавая, ускоряя, удлиняя жизнь того, что должно жить. То же самое бываетъ и съ идеями. Онѣ появляются на одномъ пунктѣ горизонта и несутся прямо передъ собою, плодотворныя для обществъ, готовыхъ ихъ принять, убійственныя для тѣхъ, которыя ихъ отталкиваютъ или искажаютъ. Какъ зарождаются онѣ? Откуда приходятъ? А какъ зарождается вѣтеръ? Откуда приходитъ онъ? Идеи порождаются отъ нравственныхъ притяженій и расширеній, отъ движенія, отъ давленія, отъ непрестаннаго столкновенія умовъ,—и такимъ образомъ создаются непреодолимые теченія. Все это

есть одно изъ условій, одинъ изъ законовъ человѣческаго общества, которое не можетъ оставаться неподвижнымъ во вселенной, гдѣ все движется, измѣняется, превращается и комбинируется вокругъ юга. Бури въ природѣ, перевороты въ обществѣ—таковы непосредственныя и неизбѣжныя послѣдствія пассивнаго, безполезнаго и въ концѣ-концовъ побѣждаемаго сопротивленія этимъ естественнымъ теченіямъ, протекающимъ во всѣхъ направленіяхъ въ физическомъ и нравственномъ мірѣ.

Другая еще аналогія между двумя мірами поражаетъ меня, это—слѣдующая: невидимые зародыши, перенесенные вѣтромъ, въ одинъ прекрасный день принимаютъ извѣстную форму; растительность появляется тамъ, гдѣ они упали; вырастаетъ трава, возвышаются деревья, распространяется лѣсъ. Та же исторія съ обществомъ. По истеченіи нѣкотораго времени, идеи, новыя на первый взглядъ (между тѣмъ, какъ онѣ всегда служатъ послѣдовательными явленіями другихъ идей, появившихся раньше и въ томъ же порядкѣ), мало-помалу распространяются въ воздухѣ, все еще оспариваемыя, отрицаемыя, отвергаемыя нравами и законами народовъ, привыкшихъ къ рутинѣ, — и затѣмъ вдругъ получаютъ осязательный видъ, становятся дѣйствительностью видимой, мыслящей, дѣйствующей; словомъ, когда идея должна жить, она всегда кончаетъ тѣмъ, что воплощается въ человѣкѣ.

Тѣ, кто пожимали плечами, или подсмѣивались, когда новая идея была чисто теоретическая, останавливаются въ изумленіи и вскорѣ приходятъ въ ярость, когда видятъ ее во плоти, идущую къ опредѣленной цѣли. Сначала такого предтечу, такого апостола, такого пророка преслѣдуютъ, часто его убиваютъ; но онъ немедленно пріобрѣтаетъ послѣдователей, приверженцевъ, мстителей, и борьба начинается. Идея всегда торжествуетъ, и когда, наконецъ, признается всѣми и освятится временемъ, когда станетъ официальной и даже банальной, она стремится снова расшириться въ силу новыхъ потребностей. Новая борьба, новый прогрессъ. Если идея не производитъ *своего человека*, она—вздорная; если идея не производитъ *больше своего человека*, она—отжившая. Религія, философія, политика, наука, вольности развивались не иначе. Вглядитесь хорошенько: гдѣ воплощеніе идей отсутствуетъ—тутъ признакъ истощенія и близкой смерти.

Не вдаваясь въ великіе историческіе примѣры и придерживаясь личностей, вчера неизвѣстныхъ, сегодня выдвинутыхъ впередъ недавними процессами, назовемъ m-lle Мари Біеръ, m-lle Виржини Дюмеръ, m-me де-Тили, —что представляютъ собой эти лица ¹⁾? Изолирован-

¹⁾ Мари Біеръ убила своего любовника. соблазниваго и бросаваго ее, и оправдана по суду. Виржини Дюмеръ сдѣлала то же и была бы по всей вѣроятности

ныя ли это существа, отдѣленные отъ общей жизни своимъ темпераментомъ, своими особенными преступленіями, чисто индивидуальными?—Нѣтъ. Это живыя и вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательныя воплощенія нѣкоторыхъ идей, высказанныхъ мыслителями, моралистами, политиками, писателями, филосогами, идей справедливыхъ, логическихъ, благопріятныхъ, которыя пора, по мнѣнію этихъ людей мысли, признать.

Что отвѣчаетъ французское общество на эти идеи, когда онѣ представляются подъ своими теоретическими и безплотными формами?—Это безумцы, мечтатели, революціонеры, утописты, опасные люди! — Между тѣмъ, эти люди указываютъ только на видимыя опасности, они предлагаютъ неизбѣжныя реформы; они говорятъ законодателямъ: „Вы должны были бы издать законы, охраняющіе невинность дѣвушки, достоинство женщины, жизнь ребенка, права супруга и карать по временамъ виновныхъ, вмѣсто того, чтобы всегда наказывать невинныхъ“.

Законодатели на это даже не отвѣчаютъ.

Тогда среди размышленій со стороны однихъ, равнодушія другихъ, происходитъ грубый фактъ, совершается преступленіе, падаетъ жертва, появляется убійца, и безъ всякаго видимаго перехода мы присутствуемъ при полнѣйшемъ перемѣщеніи всѣхъ соціальныхъ плановъ, при низверженіи всѣхъ юридическихъ и нравственныхъ законовъ: жертва дѣлается отвратительна, убійца становится интересенъ, совесть присяжныхъ затрудняется, магистратура смущается, законъ колеблется, официальное правосудіе пасуетъ передъ толпой, которая является господствующей, какъ въ какомъ-нибудь народномъ собраніи или въ театрѣ.

Это и есть воплощеніе идеи, которая вдругъ вырастаетъ передъ лицомъ старыхъ традицій, упрямыхъ—несостоятельныхъ, и огнемъ и кровью запечатлѣваетъ свое личное и необходимое возмездіе противъ законовъ, нѣкогда превосходныхъ, но которые,—такъ какъ нравы пере-

---

оправдана, если бы судъ не отложилъ рѣшенія дѣла до осени. М-ме де-Тилли обезобразила сѣрной кислотой любовницу мужа и тоже оправдана. Судъ послѣдней былъ скорѣе ея апофеозомъ, она вошла въ залу суда подъ руку съ старшиной адвокатовъ; все время публика, судъ выказывали ей знаки необыкновенной симпатіи и уваженія. Предсѣдатель суда, обращаясь къ ней, выразился такъ: — Вы, совершившая то, что мы *вынуждены назвать преступленіемъ*. — Защитникъ Лашо сказалъ: „*Oui, ce procès restera le procès unique; et s'il était possible de réhabiliter le siège d'infamie, la présence de m-me de Tilly lui donnerait l'honneur qu'il n'a jamais eu* (Да, этотъ процессъ останется единственнымъ въ своемъ родѣ, и если бы было возможно возстановить репутацію скамьи позора, присутствие м-ме де-Тилли сообщило бы ей такую честь, какой она никогда не испытала).

мѣнились,—начинають вдругъ казаться несправедливостью и варварствомъ.

Убийца — обсуждалъ ли онъ эти вопросы такъ, какъ мы ихъ обсуждаемъ теперь? Читалъ ли онъ то, что писали объ этомъ, прежде чѣмъ совершить свое преступленіе? Дѣйствуетъ ли онъ съ разсужденіемъ?—Нѣтъ. Онъ слѣпо повинуется страсти, это несомнѣнно; но его удовлетворенная страсть вызываетъ передъ трибуналомъ къ естественному, человѣческому, безспорному праву, которое обществу слѣдовало давно принять во вниманіе, и о которомъ оно и думать не хотѣло.

Оправданіе виновныхъ, произнесенное трибуналомъ, навязанное общественнымъ мнѣніемъ, справедливо ли?—Нѣтъ. Но оправданіе этихъ виновныхъ обуславливается тѣмъ, что законъ не можетъ настичь настоящихъ виновныхъ, которыхъ слишкомъ давно покрываетъ, и, не будучи въ состояніи примѣнить абсолютное правосудіе, законъ осужденъ примѣнить правосудіе относительное, что очень близко къ несправедливости.

Всѣмъ, конечно, памятно дѣло Морамбб, бывшее года три или четыре тому назадъ. Это дѣло заключалось въ слѣдующемъ: молодая дѣвушка, трудолюбивая работница, и дотолѣ безукоризненнаго поведенія, допустила соблазнить себя молодому человѣку, приказчику въ магазинѣ, гдѣ она была въ ученіи; она сдѣлалась беременна, что видя, молодой человѣкъ ее бросилъ. Вотъ начало и середина этой исторіи.

Это старо, это банально, это всѣмъ извѣстно; солнце тоже старо, банально и извѣстно, но каждый день появляется снова, опять напоминаетъ о себѣ... Но вдругъ въ умѣ, въ сердцѣ, въ совѣсти отца молодой дѣвушки является желаніе измѣнить традиціонную развязку, такую же старую, такую же банальную, такую же извѣстную, какъ солнце, и которая заключалась для молодой дѣвушки, убиваться отъ горя, скрыть гдѣ-нибудь въ углу свой позоръ, воспитывать своего ребенка своими собственными средствами или свернуть ему шею, убиться самой или предаться проституціи,—и все это потому, что въ кодексъ законовъ позабыли отвести мѣсто для закона, ограждающаго нравственный капиталъ женщинъ, какъ капиталъ матеріальный, и осуждающаго человѣка, который крадетъ у нихъ честь, какъ онъ осуждаетъ вора, который бы укралъ у нихъ часы или зонтикъ.

Итакъ, на этотъ разъ произошло нѣчто новое. Отецъ m-lle Морамбб оказался весьма честнымъ работникомъ, онъ обожалъ свою дочь и не дозволилъ дѣлу разрѣшиться по обычаю. Онъ спряталъ ножъ подъ одеждой, пошелъ къ приказчику и спросилъ его: хочетъ ли онъ жениться на его дочери,—и когда тотъ отказался отъ этого,

всадилъ ему ножъ въ грудь. Жизнь молодого человѣка оказалась въ опасности; убійцу арестовали; сильное волненіе въ Парижѣ, слѣдствіе, процессъ.

Если мы хорошенько вникнемъ въ этотъ частный случай, то легко замѣтимъ въ немъ одинъ любопытный фактъ. Въ этомъ процессѣ подсудимый, истецъ, жертва — всѣ виноваты, и вооруженное всѣми возможными законами, чтобы карать всевозможныя преступленія, правосудіе должно было публично признать себя безсильнымъ и бесполезнымъ.

Посмотримъ,—какимъ образомъ.

Мы въ залѣ суда. Въ ней нѣтъ недостатка ни въ чемъ, чтобы право было уважаемо, чтобы справедливость сіяла, чтобы торжество было величественно, чтобы урокъ былъ внушительнъ. Громадная толпа, городскіе сержанты, чтобы сдерживать ее, а въ случаѣ надобности и разсѣять, если она окажетъ непочтеніе суду, если она вздумаетъ протестовать или апплодировать; жандармы по обѣимъ сторонамъ обвиненнаго, чтобы онъ не могъ убѣжать, или броситься на судей, или убить себя; адвокаты, собранные вокругъ дѣла, чтобы просвѣтить свою совѣсть и искусство; совѣтники въ красныхъ мантияхъ; прокуроръ, обязанный поддерживать обвиненіе и отмстить за скомпрометтированныя нравственность и общество; знаменитый адвокатъ на скамьѣ защиты, призванный защищать и спасти обвиненнаго; присяжные засѣдатели, избранные по жребію изъ числа самыхъ почтенныхъ своего города; аллегорическія картины, изображающія наказанное преступленіе, огражденную невинность, Оемиду въ голубомъ съ бѣлымъ пеплумъ и держащую свои вѣсы въ равновѣсіи; наконецъ, въ глубинѣ залы, напротивъ публики, свидѣтели, присяжные засѣдатели и обвиненные, надъ судьями и надо всѣмъ—Христосъ, умирающій за правду и за справедливость, и передъ нимъ свидѣтели и присяжные даютъ клятву: одни, что будутъ показывать одну правду, только правду,—другіе, что будутъ руководиться только правосудіемъ, однимъ правосудіемъ.

Объяснивъ это, дадимъ философское резюмѣ и нравственные выводы процесса.

Законъ, представляемый предсѣдателемъ, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ. Сударыня, вы были честной и трудолюбивой особой, всѣ это подтверждаютъ.—Молодая дѣвушка. Да.—Законъ. Васъ соблазнилъ этотъ молодой человѣкъ? — Молодая дѣвушка. Да. — Законъ. Онъ обѣщалъ вамъ на васъ жениться? — Молодая дѣвушка. Да.—Законъ. Онъ васъ бросилъ.—Молодая дѣвушка. Да. — Законъ. Когда узналъ, что вы беременны? — Молодая дѣвушка. Да. — Законъ. Вы отъ него беременны? — Молодая дѣвушка. Да. — Законъ. Вы кляне-

тесъ въ этомъ.—*Молодая дѣвушка.* Да.—*Законъ.* Вы вызвали отчаяніе и преступленіе вашего отца. Вы произведете на свѣтъ ребенка, безъ роду и племени, по всей вѣроятности безъ нравственности и образованія, потому что вы бѣдны,—ребенка, который будетъ опасностью и бременемъ для общества, и все это потому, что не сѹмѣли противиться страсти. Вы очень дурно поступили; но мы безсильны противъ этого, садитесь.—Пусть введутъ молодого чело-вѣка.

Законъ, обращаясь къ молодому чело-вѣку. Вы были любовникомъ этой молодой дѣвушки?—*Молодой чело-вѣкъ.* Да.—Вы были первымъ ея любовникомъ?—Да (*не безъ колебанія*).—Она беременна отъ васъ?—Да (*не безъ колебанія*).—Вы отказываетесь на ней жениться?—Да (*безъ колебанія*).—Вы отказываетесь признать вашего ребенка?—Да.—Вы обезчестили молодую дѣвушку и бросаете ее, вмѣстѣ съ вашимъ ребенкомъ. Это отвратительный поступокъ! но мы ничего не можемъ противъ него сдѣлать. Садитесь.—Пусть введутъ отца.

Законъ—отцу. Вы признаете, что хотѣли убить этого молодого чело-вѣка?—Да.—Потому что онъ обольстилъ вашу дочь?—Да.—И тогда вы взялись за ножъ.—Да.—Съ намѣреніемъ убить этого чело-вѣка, если онъ откажется жениться на вашей дочери?—Да.—Съ предна-мѣренностью, значитъ?—Да.—И вы ударили его съ твердымъ намѣ-реніемъ причинить ему смерть?—Да.—Вы сами захотѣли отмстить за себя, это воспрещено всѣми законами; вы захотѣли убить, это запрещено нравственностью чело-вѣческой и божеской; вы ударили пожомъ чело-вѣка, вы намѣренію, безъ колебанія, безъ угрызенія со-вѣсти, совершили убійство,—это—преступленіе, которое наказывается эшафотомъ или каторгой. Вы поступили ужасно! но мы ничего не можемъ противъ васъ сдѣлать. Не садитесь; можете всѣ идти по до-мамъ.

Но если такъ, то судьи, присяжные, жандармы, судебные при-става, гражданскій кодексъ, правосудіе, міеологическія аллегоріи, грозныя и успокоительныя, Распятіе—къ чему все это? Къ чему вся эта бесполезная обстановка, эта пустая торжественность, всѣ эти церемоніи? Зачѣмъ отослали вы въ концѣ-концовъ по домамъ, не осудивъ преступниковъ, не заклеивъ ихъ, даже не пристыдивъ этихъ трехъ лицъ, виновныхъ въ проступкахъ и преступленіяхъ, ском-прометтировавшихъ не только свою собственную честь, свою соб-ственную нравственность, но и всеобщую нравственность и безопас-ность гражданъ-избирателей?

— Потому что, отвѣчаете вы мнѣ, это исключительный случай. Эта молодая дѣвушка была въ самомъ дѣлѣ симпатична своимъ преж-нимъ хорошимъ поведеніемъ, отецъ своей честной жизнью; онъ не

могъ противиться горести и гнѣву, въ виду холодной неблагодарности и циничной жестокости молодого человѣка, мы это поняли и оправдали его.

— Нѣтъ; выставляете эти причины потому, что не можете, не хотите высказать истинныхъ причинъ. Истинныя же причины вотъ онѣ: не имѣя возможности наказать настоящихъ виновныхъ, въ роковымъ образомъ вынуждены оправдывать тѣхъ, которыхъ преступленіе является лишь прямымъ послѣдствіемъ этой безнаказанной виновности.

Далѣе, Дюма протестуетъ противъ обвиненій, взводимыхъ на него въ томъ, что онъ своими сочиненіями способствовалъ или вызвалъ послѣднія женскія преступленія.

Литература, драма или романъ,—говоритъ онъ,—не въ состояніи произвести движенія идей или народить ихъ; они способны, обсуждая извѣстные сюжеты, показать и констатировать, какой путь совершили идеи въ своемъ естественномъ теченіи, показать близость опасности, необходимость заняться извѣстными вопросами, сдѣлать извѣстныя усилія.

Очевидно,—говоритъ онъ далѣе,—большой переворотъ уже совершился во мнѣніяхъ; общество стало упрекать себя за слишкомъ большую снисходительность къ страстямъ мужчины и за недостатокъ жалости къ страданіямъ и даже слабостямъ женщины.

И вотъ, послѣ литературныхъ воплощеній, симптомовъ симпатичныхъ и пророческихъ, принадлежащихъ къ міру фикцій, появились живыя воплощенія, принадлежащія къ міру дѣйствительному, и изъ нихъ послѣдними были въ недавнее время и одна за другой *m-lle Мари Бьеръ*, *m-lle Виржини Дюмеръ* и *m-me де-Тильи*. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать еще и другіе процессы, и въ самомъ непродолжительномъ времени, еще болѣе ужасные, чѣмъ тѣ, которыми мы занимаемся въ настоящую минуту.

Отнесемся же серьезно къ фактамъ дѣйствительнымъ. Здѣсь мы не въ театрѣ, мы въ самой жизни; дѣло идетъ уже не объ эстетикѣ и тезисахъ, дѣло идетъ о преступленіи и крови; это уже болѣе не актеры, разыгрывающіе свои роли, и которыхъ мы покроемъ рукоплесканіями или освищемъ; это—жертвы и палачи, которыхъ мы осудимъ или оправдаемъ,—дѣло идетъ о свободѣ, чести, жизни; каторга и эшафотъ ждутъ ихъ.

Вглядимся внимательнѣе, и мы вездѣ увидимъ тѣ же причины—тѣ же дѣйствія, тѣ же послѣдствія. Эти три преступницы выскажутъ одну и ту же жалобу, заявятъ объ одной и той же несправедливости, прибѣгнутъ къ одному и тому же возмездію; а между тѣмъ всѣ три принадлежатъ къ совершенно различной средѣ, противоположной

даже. Одна изъ нихъ—актриса; другая—служанка, говорятъ даже—проститутка; третья—свѣтская женщина; одна была невинна, другая уже имѣла ребенка отъ другого мужчины, третья замужняя женщина, у которой есть законныя дѣти, она ихъ любила и всегда была достойна всякаго уваженія, какъ дочь, жена и мать.

А между тѣмъ, вотъ онѣ всѣ три на одной и той же скамьѣ подсудимыхъ, между тѣми же жандармами, обвиненныя въ одномъ и томъ же преступленіи, внушающія одно и то же состраданіе.—Почему это? потому что, попавъ сюда, онѣ уже больше—не актриса, служанка, свѣтская женщина, онѣ просто-на-просто олицетворяютъ женщину, которая насильственно и публично требуетъ правосудія относительно мужчины, и которымъ общественное мнѣніе, призванное къ рѣшенію, даетъ это правосудіе съ такими проявленіями, что законъ вынужденъ преклониться.

Кто же тотъ мужчина, на которомъ ищутъ правосудія эти три женщины. Это все одинъ и тотъ же мужчина, хотя подъ различными именами; мужчина не такой, какимъ онъ долженъ былъ быть въ силу природы и нравственности, но такой, какимъ законы позволяютъ ему быть. Множество мужчинъ, въ особенности среди цивилизованныхъ, отбрасываютъ обязанности, налагаемыя принципами нравственности и выбираютъ одни только удовольствія, пользуясь недостаточнымъ покровительствомъ, какое оказываютъ законы женщинѣ. Эти мужчины искони вѣковъ берутъ дѣвушекъ бѣдныхъ, безъ роду и племени, лишенныхъ общественной защиты, и наслаждаются ими, пока онѣ имъ нравятся, и бросаютъ, когда онѣ перестаютъ имъ нравиться. Разъ дѣло поставлено такъ, проституція и самоубійство доканчиваютъ остальное. Самоубійство избавляетъ общество отъ заботы и упрека; черезъ проституцію, другіе мужчины, болѣе *нравственные*, болѣе методичные, болѣе обеспеченные, *нравственно* доставляютъ себѣ наслажденіе низшаго сорта, но зачастую болѣе пріятное, чѣмъ первое, отъ котораго выигрываютъ каретники и портнихи, такъ что общественная экономія выгадываетъ съ одной стороны то, что утрачиваютъ съ другой нравственность и человѣческое достоинство. Великія цивилизаціи нуждаются, говорятъ, въ такомъ обмѣнѣ; и кромѣ того, г. Прюдомъ, который всегда появляется на сценѣ, когда приходится рѣшать задачи временно неразрѣшимыя, находитъ, что эти дѣвицы вовсе не такъ интересны; зачѣмъ онѣ не защищались усерднѣе? Онѣ должны были предвидѣть результатъ; онѣ знали, что поступаютъ худо, потому что сначала прятались; весьма естественно, чтобы зло было наказано.

Въ этомъ есть правда; въ словахъ г. Прюдома всегда есть

правда, иначе онъ не былъ бы такимъ универсальнымъ и торжествующимъ. Но посмотримъ, что вытекаетъ изъ недавнихъ процессовъ.

Правосудіе, обращаясь къ m-lle Бьеръ. Почему убили вы этого человѣка?—*Подсудимая.* Потому что ребенокъ, который у меня родился отъ него, умеръ черезъ него; а когда мой ребенокъ умеръ, этотъ же человѣкъ меня бросилъ: я хотѣла, чтобы и этотъ человѣкъ умеръ.—*Правосудіе.* Почему, питая такія мысли, вы снова завязали сношенія съ этимъ человѣкомъ?—*Подсудимая.* Потому что мнѣ хотѣлось имѣть другого ребенка. — *Правосудіе.* Объясните намъ это. — *Подсудимая.* Не умѣю; но всѣ матери поймутъ меня.

Со времени словъ, произнесенныхъ Маріей-Антуанеттой передъ революціоннымъ судомъ, никогда еще душа женщины, терзаемая жестокостью мужчины, не находила болѣе глубокаго, болѣе трогательнаго, болѣе правдиваго слова.

Перейдемъ къ m-lle Дюмеръ.

Правосудіе, обращаясь къ подсудимой. Вы убили вашего любовника?—*Подсудимая.* Да.—*Правосудіе.* Вы сожалѣете, что убили этого человѣка?—*Подсудимая.* Нѣтъ; если бы надо было повторить, то я бы повторила.—*Правосудіе.* Почему убили вы его?—*Подсудимая.* Потому что у меня былъ ребенокъ отъ него, и я хотѣла, чтобы онъ призналъ этого ребенка, и не хотѣла, чтобы онъ его бросилъ.—*Правосудіе.* У васъ уже былъ ребенокъ отъ другого мужчины.—*Подсудимая.* Это правда, но онъ умеръ.—*Правосудіе.* Итакъ, вы принадлежали другимъ мужчинамъ?—*Подсудимая.* Да, но у меня былъ живъ ребенокъ отъ этого.

Перейдемъ къ m-me де-Тилли.

Правосудіе, обращаясь къ подсудимой. Вы облили лицо m-lle Марешаль сѣрной кислотой?—*Подсудимая.* Да.—*Правосудіе.* Потому что она была любовница вашего мужа?—*Подсудимая.* Нѣтъ. Еслибы была только эта причина, я бы простила.—*Правосудіе.* Почему же, однако?—*Подсудимая.* Потому что у меня есть дѣти, а мой мужъ, ихъ отецъ, ждалъ только моей смерти, чтобы сдѣлать эту женщину матерью моихъ дѣтей; онъ мнѣ сказалъ это: и я не хотѣла, чтобы у моихъ дѣтей была другая мать, даже послѣ моей смерти.

Итакъ, вотъ дѣти, или вѣрнѣе сказать, ребенокъ замѣшивается въ дѣло, и устами женщины, матери, той, которая—актриса или служанка или знатная дама, со стыдомъ или со славою, въ тайнѣ или среди бѣлаго дня, родила этого ребенка, рискуя жизнью, съ муками и воплями,—вотъ этотъ ребенокъ вступаетъ въ пренія, и законный или нѣтъ, живой или мертвый изъ чрева матери, изъ своей колыбели или изъ могилы, защищаетъ свою мать, которую вы хотите

осудить, противъ своего отца, который ускользаетъ отъ васъ,—и вотъ онъ вызываетъ на бой законъ, признающій себя побѣжденнымъ.

Ясно ли это?

Да, что бы вы ни дѣлали и главное, что бы вы ни говорили, законы природы всегда будутъ идти впереди законовъ кодекса и даже нравственности; это потому, что въ сущности они самые могущественныя—и вы добудете истинный покой и безопасность только тогда, когда вы согласите эти три вещи: природу, нравственность и законъ. Двѣ изъ нихъ согласуются: законъ и нравственность,—но природа не допущена въ ихъ договоръ, а надо, чтобы и она была допущена.

До тѣхъ же поръ, у васъ будетъ царствовать законъ Линча. Личная месть, правосудіе произвола, око за око, зубъ за зубъ—вотъ къ чему вы пришли съ вашимъ кодексомъ, предметомъ восхищенія для всѣхъ народовъ.

И всѣ эти безпорядки, всѣ эти преступленія, всѣ эти скандалы, всѣ эти беззаконія происходятъ отъ того, что у васъ не хватаетъ мужества, хотя времени у васъ довольно—издать законы, обеспечивающіе честь дѣвушкамъ, какъ вы обеспечиваете самый грубый товаръ,—законы, которые бы оказывали одинаковую справедливость всѣмъ дѣтямъ одного и того же отечества, и которые бы позволяли тому изъ супруговъ, котораго другой безчестить, бросаетъ, разоряетъ, вернуть свое достоинство, свою свободу, не прибѣгая къ измѣнѣ супружеской вѣрности, безплодію, самоубійству или убійству. И вотъ, за отсутствіемъ предусмотрительной справедливости и предупреждающаго правосудія, мы видимъ мужей, зарѣзывающихъ своихъ женъ; дѣвушекъ, убивающихъ своихъ любовниковъ; женъ, калѣчащихъ своихъ соперницъ; рукоплесканія толпы, преобладаніе чувства, пораженіе закона, и... увы! торжество идеи.

И все это потому, что все въ мірѣ цѣпляется одно за другое.

Извѣстно, что въ нашей прекрасной Франціи, странѣ благоразумной, предусмотрительной, логической, какъ мы это доказали разъ,—извѣстно, что въ ней есть люди, которые умираютъ со смѣху всякій разъ, какъ при нихъ высказываютъ слѣдующее положеніе: женщины, эти вѣчныя несовершеннѣйшія существа во всѣхъ религіяхъ и во всѣхъ кодексахъ, эти существа до такой степени слабы, до такой степени неспособны сами руководить собою, до такой степени нуждаются въ руководствѣ, покровительствѣ, защитѣ, что законъ предпочелъ лучше отъ всего этого отказаться, видя, что ему пришлось бы слишкомъ много дѣла. Извѣстно,—говоримъ мы,—что есть люди, умирающіе со смѣху при одной мысли, что

женщины могутъ со временемъ потребовать еще тѣхъ же политическихъ правъ, какъ и мужчины, и такого же права на избирательный голосъ, какъ и они. До сихъ поръ эта мысль высказывалась и поддерживалась только въ журналахъ, издаваемыхъ женщинами, и единственная огласка, которую она получила, это—въ томъ почти всеобщемъ смѣхѣ, какимъ она была встрѣчена; тѣ, которые не смѣялись, серьезные люди, пожимали плечами; иные, въ томъ числѣ и я, потихоньку спрашивали себя: не правы ли женщины, требующія этихъ правъ? По правдѣ сказать, требованіе это чаще всего заявлялось въ такихъ экзальтированныхъ выраженіяхъ, такъ громко провозглашавшихъ умственное, нравственное, гражданское превосходство женщины надъ мужчиной, что въ самомъ дѣлѣ вызывало смѣхъ. Но изъ того, что какое-нибудь право требуется неловко, еще не слѣдуетъ, что оно перестаетъ быть правомъ. Каждый день безграмотный кредиторъ требуетъ въ письмѣ, орографія котораго тоже вызываетъ смѣхъ, то, что ему должны за его трудъ, и какъ бы ни была комична форма этого требованія, тѣмъ не менѣе его нужно принять во вниманіе и —уплатить долгъ.

Знаете ли, что именно производить недоразумѣніе въ этомъ нескончаемомъ спорѣ насчетъ требованія женщинами правъ? Это—то, что женщины ошибаются въ словѣ, невольно—разумѣется, при изложеніи этого требованія, и что онѣ упрекаютъ законъ за то, что есть дѣло нравовъ. Вотъ истина. Права, отводимыя закономъ, тождественны для нихъ съ правами мужчинъ. Законъ позволяетъ ей дѣлать все то, что позволяетъ мужчинамъ. Законъ не навязываетъ женщинѣ никакихъ особыхъ правилъ для жизни. Женщина совершеннолѣтняя такъ же свободна, какъ и совершеннолѣтній мужчина; она можетъ оставить свою семью, отправиться туда, сюда, путешествовать, покинуть свое отечество, покупать, продавать, торговать, избирать всѣ профессии, согласныя съ ея умомъ, образованіемъ, ея способностями, ея силами, ея поломъ. Она можетъ жить, какъ ей вздумается и имѣть столько дѣтей, сколько желаетъ, если природа это допустить, и отъ кого ей угодно.

— Но женщина, которая живетъ, какъ ей вздумается, и у которой есть дѣти отъ кого она хочетъ, бываетъ скомпрометтирована, обезчещена, гонима.

— Кѣмъ?—не законами, а нравами.

— Но вѣдь судьба женщины—выходить замужъ, имѣть законнаго мужа, законныхъ дѣтей.

— Гдѣ это вы прочитали? Въ нравахъ! Но въ законахъ объ этомъ не говорится. Законы регламентируютъ бракъ, но не приказываютъ его, даже не совѣтуютъ.

Я понялъ бы жалобы женщинъ, если бы жалобы эти высказывались на нравы. Я понялъ бы женщинъ, говорящихъ: — У насъ есть идеаль—любовь: у насъ есть миссія—материнство. Мы требуемъ осуществленія нашего идеала, исполненія нашей миссія. Мы требуемъ возможности осуществить наше право и исполнить свой долгъ.

На это общество отвѣчаетъ:

— Бракъ былъ именно учрежденъ ради удовлетворенія этого идеала, этой миссія, этого права и этого долга.

— Но мужчины хотятъ жениться только на тѣхъ, которыя приносятъ съ собою приданое, а большинство изъ женщинъ, не имѣя приданого, не можетъ выйти замужъ. Можете вы заставить мужчинъ жениться на насъ?

— Нѣтъ.

— Хорошо; мы понимаемъ, что мужчина не хочетъ окончательно и безповоротно лишиться свободы. Но есть средство все примирить, это свободный союзъ, мы требуемъ права заключать его, даже рискуя быть брошенными мужчиной, сохранившимъ свою свободу.

— Вы имѣете это право, никто его не воспрещаетъ, но нравственность осуждаетъ его.

— Кто создалъ эту нравственность?

— Законодатели религіозные и политическіе.

— Значить, мужчины?

— Да.

— Призывали ли они на совѣтъ женщинъ, прежде чѣмъ постановить эти рѣшенія?

— Нѣтъ.

— Однако женщины составляютъ половину рода человѣческаго и очень заинтересованы въ этомъ вопросѣ.

— Они приняли это рѣшеніе безъ женщинъ.

— А что постановили они для дѣвушекъ, на которыхъ мужчины не женятся?

— Что, — онѣ должны покориться безбрачію и безплодію; онѣ могутъ также поступить въ монахини и служить Богу во имя этой установленной нравственности.

— А если онѣ не покорятся?

— Онѣ будутъ то, что называется женщинами дурного поведенія; будутъ презираемы и прогоняемы изъ общества порядочныхъ людей.

— Значить, мужчины, которые не женятся и которые находятъ въ обществѣ этихъ женщинъ радости любви, не принимая на себя никакой отвѣтственности, и предоставляя эту отвѣтственность однѣмъ

женщинамъ, еще болѣе презираются, чѣмъ онѣ, и съ позоромъ изгоняются изъ общества порядочныхъ людей?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Потому что мужчины установили эти нравственные законы и, разумѣется, установили ихъ въ свою пользу.

— Итакъ я, рождающая среди мукъ и воплей, съ опасностью жизни, я, даже въ томъ случаѣ, если пала по невѣдѣнію, не вѣдая, что творю, — я считаюсь виновницею и презрѣнницею, чѣмъ мужчина, который ничего не знаетъ, кромѣ удовольствія.

— Да.

— Это страшно несправедливо.

— Такъ водится съ очень давнихъ поръ, и теперь это освящено обычаемъ ¹⁾.

Очевидно, что, при существующемъ порядкѣ дѣлъ, мужчина все менѣе и менѣе будетъ давать женщинѣ любовь, уваженіе, покровительство, законную семью. Увлекаясь все болѣе и болѣе свободой, которую онъ все болѣе и болѣе себѣ присвоиваетъ, мужчина будетъ стремиться уничтожить всѣ препятствія и всѣ узы; онъ все болѣе и болѣе будетъ дорожить свободою. Я его не порицаю за это. Думать, надѣяться, что, среди потрясенія, разложенія и распадѣнія всѣхъ порядковъ прошлаго, мужчина вернется назадъ ради женщины, и примется возсоздавать семью на началахъ идеала, любви и единства, — это значитъ прибавлять новыя заблужденія къ старымъ. Итакъ, женщина будетъ имѣть все болѣе и болѣе правъ жаловаться. Личное возмездіе сдѣлается болѣе частымъ и болѣе опаснымъ; такъ какъ легальное правосудіе много разъ отступаетъ отъ своихъ правъ, правосудіе личное и произвольное будетъ повторяться все чаще и чаще; вопросъ, который ставятъ факты, часто, почти всегда разрѣшаемые въ пользу обвиненныхъ, начнетъ господствовать надъ законами. Скандалы будутъ такъ велики, будутъ сопровождаться такими рукоплесканіями, что придется принять какое-нибудь рѣшеніе. Когда

¹⁾ Очевидно, въ этомъ, а не въ занятіи публичныхъ мѣстъ и должностей заключается истинная, единственная, вѣчная причина жалобъ женщины. На этой почвѣ за нее природа, справедливость, правда и всѣ тѣ, у кого есть сердце и совѣсть. Вотъ почему, когда выведенная изъ терпѣнія низостью мужчины и жестокостью закона и дѣлаясь такою же низкою и жестокою, какъ они, она убиваетъ и уродуетъ, — вотъ почему правосудіе вынуждено оправдать ее, а общественное мнѣніе провозглашать ее героиней. Но не всѣ женщины, брошенные любовниками, покинутыя мужьями, жертвы неблагодарности или эгоизма мужчины, прибѣгаютъ къ револьверу и сѣрной кислотѣ, но страдаютъ не менѣе отъ того, что горе ихъ не такъ шумно и убійственно; и вотъ эти женщины заявляютъ о своихъ правахъ въ манифестахъ, зачастую преувеличенныхъ, неловкихъ, смѣшныхъ.

вънѣ брака женщины зарѣжутъ многое множество мужчинъ, свернуть шею многому множеству дѣтей, когда въ самомъ бракѣ мужчины и женщины, бывшіе настолько глупыми, чтобы заключить неразрывныя узы, обогатятъ оружейниковъ и бакалейщиковъ своими частями выстрѣлами изъ ружей или револьверовъ и обливаніями лицъ сѣрной кислотой, тогда придется спохватиться, что прекрасное зданіе гражданского кодекса грѣшитъ въ своемъ основаніи и требуетъ исправленій, нуждается въ томъ, чтобы переставили нѣкоторые камни, провѣтрили бы статьи, слишкомъ тѣсныя, неудобобитаемыя. Время отъ времени оффиціальное правосудіе будетъ пытаться возстановить свой авторитетъ и произнесетъ приговоры, предназначенные внушить спасительный ужасъ и остановить движеніе; оно увидитъ тогда, что произойдетъ: присяжные и судьи будутъ освистаны.

Въ бракѣ будетъ неизбѣжно, неуклонно установленъ разводъ.

Разъ будетъ установленъ разводъ — и женщина будетъ, слѣдовательно, менѣе угнетена — у ней будетъ менѣе оправданій прибѣгать къ блуду и менѣе нуждаться въ утѣшеніи. Любовникъ будетъ устраненъ, и женщина, приобрѣтя больше правъ, приобрѣтетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе значеніе.

Вотъ по части брака.

Что касается свободной любви, то она будетъ расти и развиваться по множеству причинъ, которыя я указалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, и здѣсь нѣтъ нужды повторять ихъ. Проституція женщины мало-по-малу утратитъ свой прежній характеръ. „Sauve qui peut“ — можно сказать въ обществѣ, гдѣ каждый занимается своимъ сосѣдомъ лишь затѣмъ, чтобы стѣснять его, презирать или истреблять! То, что было когда-то позоромъ для нѣкоторыхъ, опасностью для другихъ, станетъ карьерой, фактомъ, міромъ, съ которыми цивилизаціи придется считаться, и которые вызовутъ неожиданныя перемѣны въ нравахъ и еще болѣе неожиданныя измѣненія въ законахъ. Эта карьера, всегда открытая для бѣдныхъ дѣвушекъ, одаренныхъ молодостью, красотой и умомъ; этотъ міръ ощущеній и наслажденій, всегда доступный мужчинамъ старымъ или молодымъ, надѣленнымъ аппетитами или деньгами; этотъ міръ странный, безъ правъ и обязанностей, по мѣрѣ своего развитія, приметъ себя въ серьёзъ, какъ и всѣ другіе міры, совпадающіе съ новымъ устройствомъ общества, какъ аристократія, буржуазія, какъ современная демократія, изъ которой онъ выросъ. Подобно тѣмъ островамъ, которые неожиданно вырастаютъ изъ моря, вслѣдствіе геологическихъ переворотовъ, и покрываются сначала лѣсами, затѣмъ городами,

¹⁾ Предисловіе къ „Monsieur Alphonse“.

этотъ міръ скоро получить свою автономію, свои учрежденія, свои общіе интересы, свое сознаніе прогресса и солидарности, свой идеаль, — даже свою нравственность. Это несомнѣнно. То будетъ колонія, какъ и многія другія, основанныя изгнанниками, преступниками, паріями. Черезъ нѣкоторое время онѣ забываютъ свое происхожденіе, благодаря нажитому состоянію, и требуютъ и получаютъ право называться государствомъ или націей. Наступаетъ даже моментъ, когда они договариваются съ великими державами. То же самое будетъ съ женскимъ вопросомъ: роскошь, гласность, развитіе которой, весьма значительное за послѣднюю четверть вѣка, позволяетъ предвидѣть то, чтó я теперь возвѣщаю.

Но, къ счастью, въ этомъ не единственный исходъ для женскаго элемента, угнетаемаго нравами и обычаями, не единственный рынокъ, открытый для его инстинктивнаго и рокового движенія. Онѣ избираетъ другіе пути, болѣе трудные вначалѣ, болѣе уединенные, болѣе печальные, но вѣрные для всякаго энергическаго и настойчиваго существа, — гдѣ мужчина, встрѣчающійся на пути, становится другомъ, а не врагомъ.

Я уже не говорю про театръ, гдѣ женщина царитъ и увлекаетъ до такой степени, что приходится отзываться дипломатовъ, покидающихъ колесницу государства, чтобы запречься въ ея колесницу (Сара Бернаръ въ Даніи) и гдѣ она такъ быстро обогащается — и только благодаря театру — что можетъ пожертвовать миллиономъ, чтобы выкупить супружескую свободу, покупать царскія резиденціи, основывать госпитали и школы въ странахъ, черезъ которыя проѣзжаетъ. Я не говорю также про другія искусства, гдѣ она образуетъ группу, которую можно назвать школой женщины, и которой Роза Бонѣръ является знаменитымъ и уважаемымъ главою. Итакъ, мы видимъ ее уже въ театрѣ, въ мастерской, она — актриса, живописецъ, скульпторъ. Мы увидимъ ее бакалавромъ, студентомъ права, медицины, клеркомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, она пускается нынѣ въ изученіе наукъ, нѣкогда предоставленныхъ для другого пола. Я въ отчаяніи за Мольера, но Кризаль ошибся: женщина рѣшительно нашла, что умъ ея годится на лучшее, чѣмъ на стараніе отличить панталоны отъ сюртука.

Буржуа, надъ которымъ смѣялся Мольеръ, самъ много смѣялся, увидя на сценѣ, какъ онъ всегда поступаетъ, когда видитъ что-либо новое; но когда смѣется не Мольеръ, то это нисколько не вредитъ дѣлу. Если бы Мольеръ жилъ въ наше время, онъ бы не смѣялся. Мольеръ имѣлъ великое счастье жить въ эпоху, когда можно было смѣяться надъ глупостью человѣческой, не будучи вынужденнымъ искать противъ нея лекарства. Поэтъ смѣялся, и король смѣялся, и дворъ смѣялся,

такъ какъ вещь, надъ которой смѣялись, считалась смѣшной. Нынѣ все измѣнилось. Не только король больше не смѣется, но его больше у насъ нѣтъ, дворъ исчезъ, и Мольеръ вмѣстѣ съ ними — къ несчастію, конечно, потому что этотъ глубокій и обширный умъ, безъ сомнѣнія, увидѣлъ бы то, чего въ то время не могъ даже предвидѣть.

Въ настоящее время женщина начинаетъ — и если кто-нибудь одобряетъ ее, такъ это я — видѣть не въ одномъ только бракѣ цѣль, а въ любви — идеалъ. Она можетъ обходиться безъ мужчины для завоеванія свободы; она начинаетъ прозрѣвать ее, не отказываясь при этомъ отъ своего цѣломудрія и чувства собственного достоинства: напротивъ того, развивая свой умъ, расширяя сферу своей дѣятельности, она получаетъ и свободу, какую даетъ ей трудъ, и эта свобода будетъ болѣе дѣйствительна, чѣмъ свобода, даваемая бракомъ. Что касается любви, то она точно также утрачиваетъ, въ ея глазахъ, много прелести, которую преувеличивала общественная необходимость, въ какую она была поставлена. Низведенная на степень простого чувства, любовь, надо сказать правду, часто имѣетъ жалкій видъ. Она непостоянна, деспотична, эфемерна, неблагодарна, слѣпа; она привлекательна, — но вотъ и все. Природа ловко пользуется ею, для всеобщаго и необходимаго творчества; общества пользуются ею въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, стараясь извлечь изъ нея бракъ, т.-е. группировку существъ, становящихся болѣе покорными и производительными, благодаря усидчивости и солидарности мѣстной и семейной. Если поближе взглянуть въ нее, то увидишь, что въ сущности она даетъ больше тревогъ, разочарованій, горя, чѣмъ радостей. Поэтому она нуждается въ крѣпкой поделадкѣ, чтобы быть сколько-нибудь прочной и противостоять невзгодамъ человеческой души.

Итакъ, умноженіе убійствъ, проституція, умственный трудъ, т.-е. возмездіе мужчинъ, эксплуатація мужчины, конкуренція мужчинъ — вотъ тройное указаніе, новое и симптоматическое, какое намъ даетъ современная женщина.

Но все цѣпляется, повторяемъ, все основано на логикѣ и дедукціи, какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ и въ мірѣ физическомъ, и мы видѣли, что политическія требованія женщинъ появляются параллельно съ этими различными нравственными требованіями. А сейчасъ мы увидимъ, что эти политическія идеи, разрозненныя, безпорядочныя, начинаютъ воплощаться въ человѣческомъ существѣ, въ словѣ и дѣлѣ, съ цѣлью, какъ и всякое воплощеніе, публично и рѣшительно стать въ оппозицію къ закону и оказать ему сопротивленіе. Словомъ, одна женщина, m-lle Hubertine Auclert вдругъ отказалась платить налогъ, ссылаясь на то, что такъ какъ женщины не допущены къ подачѣ

голоса, то онѣ не обязаны платить налоги, что разъ на нихъ наваливаютъ тѣ же тягости, что и на мужчинъ, то за ними должны признать и тѣ же права, и что она требуетъ, чтобы женщинамъ дано было право голоса, какъ и мужчинамъ, такъ какъ онѣ платятъ налоги такъ же, какъ и они. Публика много смѣялась, а законъ прибѣгнувъ къ насилію; чиновникъ явился и описалъ мебель и вещи, принадлежащія m-lle Оклеръ, чтобы она заплатила то, что должна государству. Она заплатила, но протестуя и указывая на злоупотребленіе власти. Публика опять много смѣялась.

А я скажу: почему бы ей не быть избирателемъ, ей и всѣмъ другимъ французскимъ женщинамъ такъ же? Какой вредъ видите вы въ этомъ? Какія разумныя причины можете вы противопоставить этому требованію?

M-lle Hubertine Auclert говоритъ: „Я не должна платить налога, потому что не вотирую его, ни непосредственно, ни посредствомъ делегатовъ, выбранныхъ мною“. Это резонъ, но не изъ самыхъ основательныхъ. Несовершеннолѣтніе сироты и собственники такъ же платятъ налогъ, не вотируя его ни лично, ни путемъ делегатовъ. M-lle Оклеръ могла бы прибавить: „Я не обязана платить налога, потому что общество, требующее отъ меня этого налога, доставляетъ мнѣ меньше средствъ, чѣмъ мужчинамъ, добывать его, и личные способы, которыми я располагаю, чтобы добывать его, ничтожище тѣхъ, какими располагаютъ мужчины“. Этотъ доводъ лучше ея довода, но все еще не самый лучший.

Самый лучший изъ всѣхъ доводовъ, это—тотъ, что нѣтъ никакой причины, почему бы женщинамъ не вотировать такъ же, какъ и мужчинамъ.

Въ 1847 г. политическіе дѣятели, мало требовательные по истинѣ, требовали отъ правительства пониженія избирательнаго ценза и расширения правоспособности. Правительство отказало. Хорошихъ доводовъ оно не высказало. Не знаю даже, высказало ли оно худые. Это сопротивление было причиной революціи 1848 г., которая, разумѣется, не удовлетворилась этимъ проектомъ, по праву революціи, и даровала намъ всеобщую подачу голоса, т.-е. отсутствіе всякаго ценза и расширеніе правоспособности не только способныхъ, но и неспособныхъ мужскаго пола. Въ настоящее время, хорошо ли или дурно, всеобщая подача голоса существуетъ для мужчинъ, и ничто больше ее не сокрушить.

Женщины приходятъ въ свою очередь и говорятъ: „А мы? мы требуемъ признанія насъ правоспособными“. Что можетъ быть послѣдовательнѣе? что можетъ быть благороднѣе, что можетъ быть справедливѣе?

Какую разницу находите вы между мужчиной и женщиной, чтобы отказывать ей въ правѣ голоса, когда вы даровали его мужчинамъ? Никакой разницы.

— Но ея полъ?

— Какой полъ?

— Женскій полъ.

— Онъ тутъ ровно не причесть, ея полъ. Если у женщины нѣтъ бороды, какъ у мужчины, то у мужчины нѣтъ длинныхъ волосъ, какъ у женщины. Что касается другихъ различій, то они до такой степени служатъ къ преимуществу женщины, что мы лучше не будемъ говорить о нихъ.

— Будемъ говорить серьезно.

— Разумѣется.

— Извѣстно, что женщина, въ отношеніи ума, ниже мужчины. Вы сами это написали.

— Если я это написалъ, то я написалъ глупость, и измѣняю свое мнѣніе въ настоящее время. Не я первый буду, написавшій глупость, и не я первый буду, перемѣнившій мнѣніе. Но этой глупости я никогда не говорилъ; меня заставили ее сказать, что вовсе не одно и то же, хотя и очень удобно въ спорѣ.

— Если вы не написали этой глупости, но правды, то напрасно этого не сдѣлали; потому что она написана и доказана во всѣхъ книгахъ религіозныхъ, философскихъ и медицинскихъ.

— Наши религіозныя книги говорятъ, что женщина заставила мужчину лишиться рая, но тамъ же стоитъ, что женщина раздавить голову змія. Что касается философскихъ книгъ, то онѣ совѣтуютъ намъ по возможности избѣгать общества женщинъ, потому что эти привлекательныя существа способны отвлекать мужчину отъ его великихъ судебъ и заставить уходить въ чувство. Философы констатируютъ такимъ образомъ не то, что женщина ниже мужчины, но то, что мужчина слабъ. Что касается медицинскихъ книгъ, онѣ просто говорятъ, что мужчина и женщина два существа, исполняющія различныя функціи, внося каждый въ свою функцію необходимыя для нея силы. Онѣ докажутъ вамъ затѣмъ, что если мускульная сила мужчины превосходитъ мускульную силу женщины, то нервная сила женщины превосходитъ нервную силу мужчины; что если умъ зависитъ, какъ нынче утверждаютъ, отъ развитія и вѣса мозгового вещества, то умъ женщины можетъ быть объявленъ превышающимъ умъ мужчины, такъ какъ самый большой и самый тяжелый по вѣсу мозгъ былъ мозгъ женщины: онъ вѣсилъ 2,000 граммовъ, т.-е. на 400 граммовъ больше, чѣмъ мозгъ Кювье. Правда, намъ не говорятъ, чтобы эта женщина написала книгу, равную

книгѣ Кювье о допотопныхъ животныхъ. Но такъ какъ для того, чтобы опустить бюллетень въ урну, вовсе не нужно изобрѣсти пороховъ, какъ то достаточно доказываютъ семь милліоновъ избирателей, которыхъ мы насчитываемъ во Франціи, равно какъ не нужно ей имѣть силу пронести 500 фунтовъ на плечахъ, то я не вижу, какимъ образомъ мускульная слабость женщины—оставляя, разумѣется, въ сторонѣ рыночныхъ торговцевъ и акробатовъ женщинъ—я не вижу, почему она можетъ помѣшать женщинѣ вотировать. Напротивъ того, я вижу много причинъ для совершенно противоположнаго. Если бы м-те Севинье жила въ наши дни, она, конечно, не подняла бы 500 фунтовъ одною рукою, но почему бы ей нельзя было отъ этого вотировать: а вѣдь м-те де-Севинье не вотировала бы, а ея садовникъ—вотировалъ бы. Почему же, и какое неудобство видите вы въ томъ, чтобы м-те де-Севинье вотировала такъ же, какъ и ея садовникъ?

— Но м-те де-Севинье исключеніе, а нельзя измѣнять обычаи, идеи, законы цѣлой страны ради одного исключенія.

— А ея бабушка, м-те де-Шанталь? А м-те де-Лафайетъ? А м-те де-Ментенонъ? А м-те Дасье? А м-те Гюйонъ? А м-те де-Лонгвиль? А м-те дю-Шатлэ? А м-те дю-Деффанъ? А м-те де-Сталь? А м-те Ролланъ? А м-те Зандъ?

— *Это все исключенія.*

— Поль, который произвелъ столько исключеній, завоевалъ право подавать свое мнѣніе о назначеніи мэровъ, муниципальных совѣтниковъ и даже депутатовъ. Но исключенія этимъ не исчерпываются. А Клотильда, которая обратила въ христіанство франковъ и, слѣдовательно, насъ съ вами, какъ вы думаете, имѣла она какое-нибудь вліяніе на Клодвигу и судьбу цѣлаго края? А Анна де-Божё и добрая королева Анна, а Бланка Кастильская—а Елизавета Венгерская, а Елизавета Англійская, а Екатерина Великая, а Марія-Терезія?

— То были королевы.

— Это не мѣняетъ ихъ пола, и если онѣ царствовали такъ, какъ онѣ сдумѣли царствовать, онѣ доказали, что могутъ господствовать путемъ ума и энергіи, такъ же, какъ и мужчины. Никогда меня не заставляютъ повѣрить, что женщины могутъ быть королевами, не смотря на ихъ полъ, и не могутъ быть избирателями изъ-за своего пола?

— Но, наконецъ, на свѣтѣ не однѣ эти женщины; есть масса женщинъ, не имѣющихъ никакого понятія о политикѣ и правительствѣ.

— Этотъ смыслъ пріобрѣтается безъ особеннаго труда, если судить по мужчинамъ, претендующимъ на него.

— Но, наконецъ, вы сами говорили нѣсколько выше, что обязан-

ности должны быть равны правамъ, и что женщины не воюютъ и не могутъ воевать какъ мужчины?

— А Жанна Французская, а Жанна Фландрская, Жанна де-Блуа, Жанна Ганаттъ—ради которой Людовикъ XI далъ право женщинамъ идти впереди мужчинъ во время процессій на праздникъ въ Бовё, потому что она такъ храбро защищала городъ во главѣ другихъ женщинъ отъ Карла Смѣлаго? А Жанна д'Аркъ наконецъ? И значить, ни одна изъ этихъ женщинъ, если бы онѣ повторили въ наше время то, что совершили въ свое время, не была бы допущена къ избранію представителей края, который спасла? Это очень смѣшно.

— Эти женщины были, разумѣется, необыкновенныя и дѣлаютъ величайшую честь своему полу; но это *все исключенія*, и чѣмъ онѣ были необыкновеннѣе, тѣмъ болѣе доказали онѣ, что ихъ дѣянія совсѣмъ не свойственны ихъ полу. Нѣкоторыя женщины были храбры и героичны, какъ воины, но всѣ женщины не могутъ быть солдатами, тогда какъ всѣ мужчины могутъ ими быть.

— Откуда вы это взяли? А тѣ, которые не имѣютъ одного метра пятидесяти-четырехъ сантиметровъ роста, что, какъ мнѣ кажется, требуется для того, чтобы быть принятымъ въ армію? А горбатые? А хромыя? А близорукіе? А чахоточныя? А всѣ калѣки? А опоры семействъ? А *les prix de Rome*? А тѣ, которые вынимаютъ счастливый нумеръ, т.-е. триста пятьдесятъ изъ пятисотъ? А сто пятьдесятъ тысячъ священниковъ во Франціи? Развѣ всѣ эти мужчины носятъ ружье? А между тѣмъ они пользуются правомъ голоса. Женщина—говорите вы—не должна быть солдатомъ, потому что у ней есть другое лучшее дѣло: она должна рожать дѣтей; но когда появляется такой завоеватель, какъ Наполеонъ, убивающій миллионъ восемьсотъ тысячъ ея дѣтей, то женщина имѣетъ право вотировать противъ подобной формы правительства; она заслужила это право, какъ мать, благодаря своему плодородію, своимъ тревогамъ и горестямъ,—право вотировать противъ Бонапартовъ, въ случаѣ если бы они захотѣли возвратиться. Нѣтъ, всѣ возраженія, высказываемыя противъ права, котораго требуетъ *m-lle* Оклеръ, а многія другія потребуютъ того же въ непродолжительномъ времени, всѣ эти возраженія неосновательны.

— Но вы, значить, серьезно хотите, чтобы женщины вотировали?

— Непремѣнно.

— Но вы хотите, значить, лишить ихъ всякой граціи, всякой прелести. Женщина...

— Ну, это уже пошлости! Будьте спокойны, онѣ будутъ вотировать съ граціей. Въ началѣ, конечно, будутъ много смѣяться, такъ какъ у насъ всегда начинаютъ съ того, что смѣются. Женщины закажутъ себѣ шляпы *à l'urne*, корсажи *au suffrage universel*, и юбки

au scrutin secret. Потомъ! потомъ всѣ будутъ сначала дивиться, потомъ это войдетъ въ моду, потомъ образуется привычка, явится опытъ, наконецъ, долгъ и общее благо. Знатныя дамы въ городахъ, крупныя землевладѣлицы въ провинціяхъ, богатые фермерши въ деревняхъ покажутъ примѣръ и остальные послѣдуютъ за ними. У нихъ будутъ собранія, клубы, какъ у насъ; онѣ будутъ говорить глупости, какъ и мы; будутъ дѣлать ихъ, такъ же, какъ и мы; будутъ за нихъ расплачиваться такъ же, какъ и мы, и мало-по-малу научатся исправлять ихъ—такъ же, какъ и мы.

Приглашая французовъ поторопиться изданіемъ закона, предоставляющаго женщинамъ право голоса, подъ опасеніемъ, что Америка опередитъ ихъ въ этомъ, Александръ Дюма говоритъ:

„Издайте этотъ новый законъ о предоставленіи женщинамъ права голоса—такъ, какъ вамъ вздумается; обставьте его сначала всевозможными предосторожностями и ограниченіями въ странѣ, которой дорога рутинѣ; установите выборы по второй, третьей степени, если хотите, но издайте законъ. Въ палатѣ депутатовъ должны быть представители женщинъ. Франція обязана показать примѣръ образованному міру. Но торопитесь. Америка готова издать такой законъ. Эти первые депутаты женщинъ не будутъ, не могутъ быть сначала многочисленны въ національномъ собраніи, я согласенъ; но у нихъ будетъ огромное преимущество передъ ихъ коллегами, онѣ будутъ знать, зачѣмъ они находятся въ палатѣ. Республиканскіе депутаты тоже не были многочисленны въ 1854 г.: ихъ было всего пятеро. Въ настоящее время они составляютъ большинство. Большинство, правда, ничего не доказываетъ, когда меньшинство очень убѣждено и очень дружно. Большинство доказываетъ только то, что есть; меньшинство зачастую носитъ въ себѣ зародышъ того, что должно быть и что будетъ. Не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ женщины станутъ такими же избирателями, какъ и мужчины. Что касается до права быть избираемыми,—впослѣдствіи увидимъ: дадимъ и это, если онѣ будутъ умницы...

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1880.

Новый доводъ въ пользу пересмотра нашихъ законовъ о печати. — Необходимость облегченія провинціальной прессы. — Причины, вообще замедляющія у насъ законодательную дѣятельность, и средства къ ея ускоренію. — Формы общественнаго содѣйствія. — Роль реакціонной печати. — Программа газеты «Русь». —

Новый «Вѣстникъ» псковскаго земства и его «отвѣтственная» редакція.

I.

Приведеніе въ ясность настоящаго положенія Россіи, какъ первый шагъ къ обширной преобразовательной работѣ—такова, въ немногихъ словахъ, ближайшая задача нашего правительства и нашего общества. Угаданная всѣми, вслѣдъ за поворотомъ, совершившимся въ нашей государственной жизни, она выражена совершенно опредѣлительно и ясно въ „программѣ“ министра внутреннихъ дѣлъ—программѣ, самый фактъ установленія которой и безпрепятственное ея оглашеніе составляетъ явленіе небывалое въ нашей исторіи ¹⁾. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что сенаторскія ревизіи предприняты съ цѣлью „дознать и по возможности удовлетворить желанія и нужды населенія“, что правительство готово прислушиваться къ голосу общества и „дать печати возможность обсуждать различныя мѣропріятія, постановленія, распоряженія власти, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы она не смущала и не волновала на-

1) Честь оглашенія бесѣды гр. Лорисъ-Меликова съ редакторами петербургскихъ журналовъ, 6 сентября—бесѣды, во время которой была высказана вышеупомянутая „программа“—принадлежитъ, какъ извѣстно, „Отечественнымъ Запискамъ“. Вслѣдствіе случайнаго обстоятельства, никто изъ членовъ редакціи „Вѣстника Европы“ не присутствовалъ при этой бесѣдѣ, а воспользоваться сообщеніемъ „Отечественныхъ Записокъ“ для нашей октябрьской книжки мы, къ сожалѣнію, не могли, потому что въ моментъ выхода № 9 „Отечественныхъ Записокъ“ наше октябрьское „Внутреннее обозрѣніе“ уже было отпечатано.

прасно общественные умы своими мечтательными иллюзіями“ (т.-е. надеждой на скорое привлеченіе общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи). Итакъ, необходимость *общественнаго изслѣдованія*, на ряду съ официальнымъ, признана самимъ правительствомъ—признана обѣщаніемъ простора для печати, внутри начертанныхъ для нея предѣловъ. Что печать, сама по себѣ взятая, не въ силахъ сдѣлать того, чего можно было бы достигнуть путемъ одновременнаго обращенія ко *всѣмъ* органамъ общества—это мы старались показать въ предъидущемъ обзорѣ, говоря о необходимости широкихъ рамокъ для общественнаго изслѣдованія; теперь мы остановимся лишь на вопросѣ, при какихъ условіяхъ мыслимо плодотворное содѣйствіе изслѣдованію со стороны печати, столичной и провинціальной.

Возможность для печати обсуждать дѣйствія и намѣренія правительства основывается или на законѣ, или на способѣ примѣненія его административною властью. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *правомъ*, опредѣленнымъ и обезпеченнымъ, во второмъ—съ *фактомъ*, шаткимъ и ненадежнымъ. Разбирая, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, положеніе нашей печати, мы высказали убѣжденіе, что существенная, прочная перемѣна въ этомъ положеніи—перемѣна, настоятельно требуемая современными условіями русской жизни—можетъ быть достигнута только путемъ пересмотра закона 6 апрѣля 1865 г. и дополнительныхъ къ нему постановленій. Все случившееся съ тѣхъ поръ еще болѣе укрѣпляетъ насъ въ этомъ убѣжденіи. Никогда еще администрація по дѣламъ печати не была одушевлена такими добрыми намѣреніями; никогда еще не было такъ легко получить разрѣшеніе на основаніе новаго изданія, никогда еще число административныхъ взысканій не доходило до такого незначительнаго минимума. И что же? Первое предостереженіе, данное послѣ годового, слишкомъ, промежутка, газетѣ „Новое Время“ ¹⁾, а вслѣдъ за тѣмъ другая административная кара, направленная противъ другой газеты, „Россія“, все-таки служатъ новымъ аргументомъ въ пользу кореннаго измѣненія дѣйствующихъ узаконеній о печати.

¹⁾ Въ прошедшемъ мѣсяцѣ въ вышеупомянутой газетѣ былъ сдѣланъ намъ упрекъ, что мы будто подражаемъ, съ извѣстною цѣлью, одному изъ петербургскихъ періодическихкихъ изданій, выражающихся всегда не иначе, какъ „одна газета“, „въ одной газетѣ“ и т. п. Странно приписывать „политику“ ежедневнаго изданія—изданію, выходящему, какъ наше, 12 разъ, вмѣсто 360; но, и помимо того, мы должны сказать, что въ подобномъ случаѣ мы всегда и неизмѣнно руководились совершенно иными соображеніями. Мы всегда старались возражать мнѣнію, а не органу, и, кромѣ того, зная существующую у насъ привычку изъ спора о мнѣніяхъ дѣлать личности, мы избѣгали названія органовъ печати; да и читателю важно знать не то, гдѣ высказано мнѣніе, а въ чемъ оно состоитъ. Мы опасались низводить дѣло до личностей—не за себя, а за достоин-

Все это показываетъ, что печати слѣдуетъ опасаться не однѣхъ только „мечтательныхъ иллюзій“, что граница административныхъ мѣропріятій никакъ не можетъ быть установлена опредѣленно и точно. Послѣ 6-го сентября, позволительно было думать, что отвѣтственности въ административномъ порядкѣ можетъ подвергнуться только слишкомъ смѣлый полетъ въ запретную область, что во всемъ остальномъ печати фактически предоставлена свобода, конечно ограниченная закономъ. Оказывается, однако, что это не такъ. Статья „Новаго Времени“, вызвавшая предостереженіе, не имѣла ничего общаго съ предметомъ, изъятымъ изъ круга дѣятельности печати; она была направлена исключительно противъ нашего финансоваго управленія. Содержала ли она въ себѣ что-либо оскорбительное для того или другого должностного лица, что-либо несовмѣстное съ уваженіемъ къ высшимъ органамъ администраціи, что-либо противное достоинству самой печати—это вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы не входимъ; для насъ достаточно установить, что она не шла наперекоръ указанію, данному печати въ сентябрьской бесѣдѣ. За нарушение того неписаннаго кодекса, постановленія котораго нравственно обязательны для печати, газета или журналъ можетъ отвѣчать только передъ общественнымъ мнѣніемъ. Что касается до оскорбленія, клеветы, возбужденія недовѣрія или презрѣнія къ власти, то это проступки, прямо предусмотрѣнные уголовнымъ закономъ; если въ статьѣ „Новаго Времени“ можно было замѣтить признаки одного изъ нихъ, то ничто не мѣшало возбудить противъ газеты судебное преслѣдованіе. Дѣло въ томъ, что пока въ рукахъ администраціи два способа дѣйствій противъ печати—одинъ вѣрный, скорый и не допускающій отпора, другой болѣе медленный и не всегда приводящій къ желанной цѣли,—до тѣхъ поръ почти неизбѣжно предпочтеніе перваго передъ послѣднимъ. Говоря отвлеченно, возможность обходиться безъ административныхъ взысканій, прибѣгать исключительно къ судебному преслѣдованію существуетъ и въ настоящее время, при дѣйствіи нынѣшнихъ законовъ о печати—и мы указывали на эту возможность, въ надеждѣ, что съ ея помощью печати легче будетъ дождаться законной свободы. О неосуществленіи этой надежды можно пожалѣть, но удивляться ему—нѣтъ причины. Не говоря уже о томъ, что отъ *обладанія* властью одинъ только шагъ до *пользованія* ею, не слѣдуетъ забывать, что администрація по дѣламъ печати отвѣчаетъ за печать, если можно такъ выразиться, пе-

---

ство печати. Наконецъ, такія общія выраженія случается употреблять и той самой газетѣ, которая упрекаетъ другихъ; напримѣръ, въ статьѣ: „По поводу одного обѣда“ въ „Новомъ Времени“ (№ 1,649) сказано: „Иначе оцѣнила его недавно *одна газета*“.—*Ред.*

редъ другими вѣдомствами, что этимъ послѣднимъ принадлежить иногда инициатива взысканія, что отклонить такую инициативу не всегда легко и удобно. Личо или мѣсто, облеченное дискреціонною властью, можетъ отказаться отъ нея, *de facto*, на сколько идетъ рѣчь о его собственныхъ дѣлахъ и интересахъ; но ему гораздо труднѣе мотивировать ея бездѣйствіе, когда къ ея защитѣ обращаются другія учрежденія, другіе органы администраціи. Единственный исходъ изъ этого положенія—полная отмѣна дискреціонной власти, тѣмъ болѣе опасной, что изъ рукъ, пользующихся ею сдержанно и мягко, она въ каждую данную минуту можетъ перейти въ другія руки, иначе настроенныя по отношенію къ печати.

Настаивая на необходимости новаго закона о печати, мы нисколько не расположены отрицать, что *столичнымъ* газетамъ и журналамъ и теперь предоставленъ нѣкоторый просторъ, чувствительный въ особенности при сравненіи съ едва миновавшимъ гнетомъ. Отсутствіе увѣренности въ завтрашнемъ днѣ не мѣшаетъ имъ сегодня принимать участіе въ разработкѣ очередныхъ вопросовъ, въ подготовкѣ необходимыхъ преобразованій. Не таково положеніе провинціальной печати. Ослабленіе стѣсненій, тяготѣвшихъ надъ ней, едва замѣтно; изъ губерній продолжаютъ приходить жалобы на произволъ мѣстной цензуры. Ничего другого нельзя и ожидать, пока провинціальныя газеты продолжаютъ оставаться зависимыми отъ отдѣльныхъ лицъ, далеко не всегда сочувствующихъ „новой эрѣ“, далеко не всегда отрѣшившихся отъ привычекъ и взглядовъ недавняго прошлаго. А между тѣмъ, провинціальная печать могла бы, при другихъ условіяхъ, оказать весьма существенное содѣйствіе предпринятому „изслѣдованію“. Она стоитъ близко къ населенію, нужды и желанія котораго предполагается привести въ извѣстность; она располагаетъ массою фактовъ, которымъ трудно проникнуть въ столичныя изданія. Отложить освобожденіе провинціальной печати на нѣсколько лѣтъ, даже на нѣсколько мѣсяцевъ, значило бы лишить себя, въ самую горячую минуту, полезнаго и едва ли замѣнимаго союзника, оставить подъ спудомъ такія данныя, которыя крайне важно было бы раскрыть именно при общемъ изученіи настоящаго положенія Россіи. Мы знаемъ изъ „программы“ министра внутреннихъ дѣлъ, что правительство намѣрено „дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность исполнѣ пользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ закономъ, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность, когда на опытѣ окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣла и экономическаго улучшенія мѣстностей“. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо узнать, чтó мѣшало на практикѣ *полному пользованію* законными пра-

вами, какія препятствія встрѣчала земская или общественная инициатива, какія задачи, намѣченные жизнью, остались неисполненными вслѣдствіе недостаточности земскихъ и общественныхъ полномочій. Собрать объ этомъ точныя свѣдѣнія изъ дѣлъ и бумагъ, очевидно, невозможно уже потому, что вліяніе преградъ часто бываетъ не положительное, а отрицательное; многое предпринятое не приводится къ желанному концу—но многое и не предпринимается вовсе, вслѣдствіе сознанія его неосуществимости. Мысли и планы, подавленные еще въ зародышѣ, не оставляютъ видимаго слѣда и не могутъ быть восстановлены самой тщательной архивной работой. Кое-что, безъ сомнѣнія, можетъ обнаружить и разъяснить бесѣда съ земскими и общественными дѣятелями; этотъ путь, по всей вѣроятности, не будетъ упущенъ изъ-виду ревизующими сенаторами—но сенаторскія ревизіи обнимаютъ собою лишь небольшую, сравнительно, часть Россіи. Указанія земскихъ дѣятелей будутъ, притомъ, касаться, въ большинствѣ случаевъ, такихъ фактовъ, которые доказываютъ необходимость болѣе широкихъ полномочій для земства, болѣе правильныхъ отношеній между нимъ и администраціей; они едва ли прольютъ достаточно свѣта на ошибки земской работы, на слабыя стороны избирательной системы, на механизмъ выборовъ и ихъ закулисную обстановку, однимъ словомъ—на внутренніе недостатки нашего самоуправленія. Печать, черпающая отовсюду, дающая голосъ всякому нарушенному интересу, всякому придавленному мнѣнію—печать, посвящающая весь свой трудъ изученію мѣстныхъ условій, мѣстной жизни, одна только можетъ пополнить пробѣлъ, иначе неизбежный. То же самое, съ еще болѣе широкимъ правомъ, слѣдуетъ сказать и о другомъ пунктѣ „программы“, касающемся преобразованія полиціи. Въ редакціяхъ провинціальныхъ газетъ, безъ сомнѣнія, хранится и теперь множество матеріаловъ для характеристики полицейской дѣятельности, въ разныхъ современныхъ проявленіяхъ ея;—но матеріалы эти не могутъ выдти на свѣтъ, пока начальникъ полиціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ провинціальной прессы. Что освобожденіе послѣдней изъ-подъ цензуры тотчасъ же вызвало бы къ жизни массу новыхъ изданій—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, въ виду того, что даже при настоящемъ порядкѣ число провинціальныхъ газетъ начинаетъ увеличиваться довольно быстро. Само собою разумѣется, что необходимымъ дополненіемъ къ свободѣ провинціальной печати была бы личная свобода ея редакторовъ и сотрудниковъ отъ произвола мѣстной администраціи. Пока полемика газетъ съ губернскимъ управленіемъ можетъ окончиться высылкой редактора изъ мѣста жительства—какъ это недавно случилось съ г. Николадзе, редакторомъ тифлискаго „Обзора“,—до тѣхъ поръ

трудно ожидать той прямоты указаній, безъ которой немислима полезная дѣятельность провинціальной прессы.

Противъ нашей мысли о безотлагательной перемѣнѣ въ положеніи провинціальной печати могутъ быть сдѣланы три главныя возраженія: провинціальная печать слишкомъ долго была безправна, чтобы можно было съ-разу поставить ее исключительно подъ власть закона;—вопросъ о ней можетъ быть разрѣшенъ лишь одновременно съ общимъ пересмотромъ закона о печати;—во всякомъ случаѣ онъ можетъ быть разрѣшенъ не раньше, какъ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, т.-е. уже по окончаніи сенаторскихъ ревизій, съ которыми мы связываемъ его неотложность. На первомъ возраженіи стоило бы остановиться только въ такомъ случаѣ, если бы можно было ожидать скорого появленія у насъ въ провинціи газетъ въ родѣ „Kölnische“ или „Allgemeine (Augsburger) Zeitung“, ни въ чемъ не уступающихъ органамъ столичной прессы. Само-собою разумѣется, что ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи, что провинціальнымъ газетамъ — не исключая даже одесскихъ и харьковскихъ — долго нельзя будетъ думать о конкуренціи съ петербургскими или московскими, что задача ихъ на первое время будетъ совершенно другая, обнимающая собою почти исключительно мѣстныя дѣла и интересы. Для того, чтобы справиться съ такой задачей, не нужно предварительнаго искуса, въ образѣ чего-то средняго между свободой и цензурой. Центральной административной власти освобожденная провинціальная пресса навѣрное не причинитъ большихъ хлопотъ; страшной, съ непривычки, она можетъ показаться только мѣстному управленію, которому и не слѣдовало бы, поэтому, предоставлять ни дискреціонныхъ правъ по отношенію къ печати, ни даже неограниченной инициативы въ возбужденіи противъ нея судебныхъ преслѣдованій. Если бы *постепенность* въ освобожденіи провинціальной прессы была признана неизбѣжной, если бы цензура была замѣнена и для нея — какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ для прессы столичной — системой административныхъ взысканій, то желательно было бы, по крайней мѣрѣ, сосредоточеніе карательной власти въ рукахъ главнаго управленія по дѣламъ печати, менѣе мѣстныхъ властей склоннаго смѣшивать критику отдѣльныхъ распоряженій съ порицаніемъ—или отрицаніемъ—всего существующаго порядка. Тому же центральному учрежденію слѣдовало бы предоставить и разрѣшеніе на начатіе судебныхъ преслѣдованій, которыя иначе возбуждались бы слишкомъ легко и, приводя къ оправдательнымъ приговорамъ, поддерживали бы опасную мысль о какомъ-то антагонизмѣ между судомъ и администраціей. Невозможность разрѣшить частный вопросъ отдѣльно отъ общаго—аргументъ чисто-формальный, не имѣющій въ нашихъ

глазахъ никакого серьезнаго значенія; если провинціальная печать нуждается въ облегченіи еще больше, чѣмъ столичная, если облегченіе это именно въ данную минуту можетъ принести особенно большую пользу, то нѣтъ никакого основанія откладывать въ долгій ящикъ реформу, какъ нельзя болѣе простую, не требующую никакихъ предварительныхъ изысканій. Большимъ шагомъ впередъ было бы, какъ мы уже говорили въ предыдущемъ обзорѣ, даже уравниваніе провинціальной печати съ столичной, впредь до пересмотра всѣхъ узаконеній о печати. Что касается до медленности, неразрывно связанной, будто бы, съ законодательной работой, то всѣмъ извѣстны случаи, въ которыхъ эта связь вовсе не оказывалась неразрывной. Если законъ, измѣнившій подсудность дѣлъ о нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ и противъ порядка управленія, могъ быть изготвленъ, рассмотрѣнъ и утвержденъ меньше, чѣмъ въ полтора мѣсяца ¹⁾, то мы не видимъ причины сомнѣваться въ возможности столь же скорого разрѣшенія вопроса о провинціальной печати. Допустимъ, однако, что новый законъ не могъ бы быть приведенъ въ дѣйствіе раньше лѣта будущаго года; и въ такомъ случаѣ время изданія нельзя было бы признать безразличнымъ по отношенію къ предпринятому теперь изслѣдованію, главнымъ, но не единственнымъ орудіемъ котораго служатъ сенаторскія ревизіи. Работа сенаторовъ не окончится съ возвращеніемъ ихъ въ Петербургъ, черезъ полгода; окончится къ этому времени только собраніе данныхъ, но не группировка, не разработка ихъ. Къ матеріалу, добытому ревизіями, и тогда еще не будетъ поздно присоединить матеріалъ, почерпнутый изъ сообщеній обновленной провинціальной прессы.

II.

Допуская возможность быстрого движенія законодательной работы, однажды признанной неотложною, мы знаемъ однако, что такая быстрота мыслима лишь въ исключительныхъ случаяхъ, что, вообще говоря, законодательная дѣятельность отличается у насъ крайнею медленностію. Примѣръ такой медленности мы видѣли еще недавно, говоря объ остзейской судебной реформѣ. Проектъ закона по этому предмету, послѣ десятилѣтней предварительной работы,

---

¹⁾ Поводомъ къ изданію этого закона послужило, какъ извѣстно, оправданіе присяжными Вѣры Засуличъ, въ послѣднихъ числахъ марта 1878 г.,—а окончательное утвержденіе онъ получилъ 9-го мая того же года.

былъ внесенъ въ государственный совѣтъ въ 1875 году, рассмотрѣнъ въ первый разъ въ 1877-мъ, признанъ подлежащимъ передѣлкѣ и окончательно утвержденъ лѣтомъ нынѣшняго года. Еще болѣе типична исторія вопроса объ отмѣнѣ подушной подати, поднятаго около двадцати лѣтъ тому назадъ, вновь поставленнаго на очередь въ 1878 году и до сихъ поръ не вышедшаго, повидимому, изъ нѣдръ комиссіи, тогда же учрежденной. Конечно, не всѣ реформы могутъ быть произведены съ той быстротой, которая кажется намъ вполне достижимой по отношенію къ вопросу о провинціальной печати — и даже къ общему закону о печати. Есть предметы, требующіе и обширныхъ подготовительныхъ изслѣдованій, и многосторонней детальной разработки, но такихъ предметовъ, рассмотрѣніе которыхъ требовало бы безпрестанныхъ остановокъ, продолжительныхъ перерывовъ, мы не знаемъ и придумать не можемъ. Примѣръ крестьянской и судебной реформы у насъ въ Россіи (1858—61 и 1861—64), судебной и административной реформы въ Германіи, показываетъ съ полною очевидностью, что трехъ-четырехъ лѣтъ совершенно достаточно для самыхъ широкихъ, самыхъ коренныхъ преобразованій, если только ясно признана ихъ важность и безповоротно рѣшено ихъ осуществленіе. Вотъ почему намъ кажется, что срокъ, назначенный графомъ Лорисъ-Меликовымъ для приведенія въ исполненіе его „программы“ (отъ пяти до семи лѣтъ), слишкомъ продолжителенъ, если сравнить его съ вышеуказанными сроками крестьянской и судебной реформы у насъ же; что сила вещей обнаружитъ возможность — и необходимость — его сокращенія. Но если общій ходъ задуманнаго дѣла и не будетъ ускоренъ, нѣкоторыя его части, во всякомъ случаѣ, придется отдѣлать отъ другихъ и завершить какъ можно скорѣе. Зима 1880—81 г. настолько, по всѣмъ признакамъ, увеличить народную нужду, что откладывать на много лѣтъ мѣры къ ея облегченію едва ли окажется удобнымъ. Съ этой точки зрѣнія, обновленіе законодательнаго механизма представляется намъ однимъ изъ тѣхъ „предварительныхъ вопросовъ“, безъ разрѣшенія которыхъ трудно приступить къ самой сущности дѣла.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ указываетъ на три главныя причины медленности въ движеніи законодательныхъ проектовъ (мы говоримъ здѣсь только о причинахъ *техническихъ*, а не о той, болѣе глубокой причинѣ, которая коренится въ общемъ характерѣ минувшей эпохи — эпохи реакціи или, по меньшей мѣрѣ, застоя). Первая изъ нихъ — способъ дѣйствій комиссій, которымъ, въ большинствѣ случаевъ, ввѣряется приготовленіе или первоначальное обсужденіе проекта; вторая — сношенія министерства, отъ котораго исходитъ проектъ, съ другими вѣдомствами, въ особенности со вто-

рымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи; третья — возвращеніе проекта изъ государственнаго совѣта, для переработки, въ подлежащее министерство, или возложеніе этой переработки на комиссію, учреждаемую при самомъ государственномъ совѣтѣ. „Сто одинъ томъ трудовъ комиссіи“ не даромъ вошелъ въ поговорку; болѣе или менѣе объемистые сборники матеріаловъ часто истерпываютъ собою всю дѣятельность комиссіи за нѣсколько лѣтъ ея существованія. Каждый членъ комиссіи, составляемой обыкновенно изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, имѣетъ другія, постоянныя занятія и смотритъ на засѣданія комиссіи, какъ на скучную дополнительную работу, съ которою нечего спать, которая можетъ быть окончена когда-нибудь и какъ-нибудь. По окончаніи работъ комиссіи, онѣ разсматриваются вновь въ подлежащихъ министерствахъ, хотя бы послѣднія и имѣли полную возможность высказать свой взглядъ черезъ своихъ чиновниковъ, засѣдавшихъ въ комиссіи. Еще менѣе цѣлесообразнымъ является отсылка проектовъ на предварительное заключеніе второго отдѣленія. Въ свое время учрежденіе это сослужило Россіи немалую пользу, давъ ей „Полное Собраніе“ и „Сводъ Законовъ“; но теперь оно не имѣетъ прежняго *raison d'être*. Изданіе ежегодныхъ дополненій къ „Полному Собранію“ и продолженій „Свода Законовъ“ — трудъ сравнительно весьма небольшой, мало оправдывающій существованія цѣлаго вѣдомства; новаго изданія „Свода Законовъ“, въ полномъ его объемѣ, мы до сихъ поръ еще не дождались, а въ какой степени удовлетворительно изданы вновь нѣкоторые отдѣльные томы „Свода“ — это слишкомъ извѣстно. Внести новый элементъ въ обсужденіе закона, посмотрѣть на него съ точки зрѣнія, недоступной для другихъ вѣдомствъ, — второе отдѣленіе не можетъ, потому что по составу, по характеру и способу работы, оно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ административныхъ учреждений. Обеспечить единство законодательной дѣятельности — задача государственнаго совѣта, а не второго отдѣленія. Что касается, наконецъ, до комиссій, образуемыхъ при государственномъ совѣтѣ, то въ этомъ нововведеніи, какъ мы сейчасъ увидимъ, есть хорошая сторона, но только подъ условіемъ согласованія его съ предшествующими фазисами процесса; въ настоящее время такія комиссіи замедляютъ окончаніе работы, увеличивая число инстанцій, черезъ которыя она должна пройти, чтобы получить силу закона.

Указавъ источникъ медленности, мы подошли весьма близко къ вопросу о способахъ ея устраненія. Система предварительныхъ комиссій окончательно осуждена практикою; обойтись безъ нихъ весьма легко — стоить только возложить приготовленіе проекта на то вѣдом-

ство, котораго онъ преимущественно касается, съ тѣмъ, чтобы лица, призванныя къ этой работѣ, занимались ею исключительно и спеціально. Въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ, когда проектъ одинаково касается двухъ вѣдомствъ, законодательныя отдѣленія обоихъ — назовемъ такимъ образомъ, для краткости, совокупность лицъ, о которыхъ мы только-что упоминали ¹⁾—могли бы работать сообща или раздѣлить работу между собою. Составленный проектъ могъ бы быть одновременно вносимъ въ государственный совѣтъ и сообщаемъ всѣмъ министерствамъ, отзывы которыхъ подлежали бы представленію—въ опредѣленный, короткій срокъ — непосредственно въ государственный совѣтъ. Въ составъ государственнаго совѣта могли бы быть учреждены коммиссіи по образцу тѣхъ, которымъ предоставлено было недавно обсужденіе проекта остзейской судебной реформы, проекта гипотечнаго устава, проекта тюремной реформы и др.,—но съ тѣмъ, чтобы коммиссіи эти дѣйствовали постоянно, и вносимые проекты распредѣлялись между ними по своему роду или предмету. Изъ коммиссіи проектъ могъ бы поступать или въ одинъ изъ департаментовъ, или прямо въ общее собраніе государственнаго совѣта. При такомъ порядкѣ, установленіе котораго не требовало бы никакихъ перемѣнъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ (за исключеніемъ развѣ упраздненія второго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи или сліянія его съ государственною канцеляріею), не оказалось бы *внѣшнихъ* поводовъ къ медленности въ движеніи законодательныхъ проектовъ. Въ случаяхъ особенно важныхъ основныя положенія проекта могли бы быть заранѣе предначертаны государственнымъ совѣтомъ, во избѣжаніе существеннаго разногласія между нимъ и вѣдомствомъ, отъ котораго проектъ исходитъ. Чтобы достигнуть цѣли, основныя положенія должны быть строго опредѣленны и исчерпывать всѣ главныя стороны вопроса, а не ограничиваться немногими общими указаніями, почти ничего, въ сущности, не предрѣшающими. Основныя положенія судебной реформы (1862) дѣйствительно послужили краеугольнымъ ея камнемъ; основныя положенія по предмету тюремной реформы и пересмотра уложенія о наказаніяхъ (1879 г.) едва подвигаютъ вопросъ на одинъ шагъ впередъ и заставляютъ жалѣть о времени, употребленномъ на ихъ составленіе ²⁾.

Скорость законодательной работы — не имѣющая ничего общаго съ торопливостью—условіе, далеко не лишенное значенія; но гораздо

¹⁾ Законодательныя отдѣленія и теперь существуютъ въ нѣкоторыхъ министерствахъ—напримѣръ, въ министерствѣ юстиціи.

²⁾ Мы говорили объ этихъ основныхъ положеніяхъ въ мартовскомъ „Внутреннемъ обозрѣніи“ нынѣшняго года.

важнѣе, безъ сомнѣнія, такая ея обстановка, которая способствовала бы своевременному возбужденію вопросовъ, возможно полному ихъ освѣщенію и возможно правильному разрѣшенію. Лучшимъ указателемъ предметовъ, требующихъ постановки на очередь, служить общественное мнѣніе, выражающееся пока всего яснѣе въ земскихъ ходатайствахъ и въ заявленіяхъ печати. И на тѣхъ, и на другія еще недавно не было обращено серьёзнаго вниманія; голосъ печати заглушался административными взысканіями, голосъ земства часто оставался гласомъ вопіющаго въ пустынь. Есть основаніе надѣяться, что это время миновало, что новый законъ о печати, болѣе широкая организація земскихъ ходатайствъ обезпечить за обществомъ возможность свободнаго и не бесплоднаго выраженія своихъ желаній и взглядовъ. Весьма цѣннымъ шагомъ впередъ въ этомъ направленіи было бы своевременное оглашеніе законодательныхъ проектовъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые, впредь до утвержденія, должны составлять государственную тайну. Теперь содержаніе проектовъ становится извѣстнымъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь по слухамъ отрывочнымъ, неполнымъ, иногда неточнымъ; это отзывается и на обсужденіи ихъ въ печати, не всегда даже имѣющей возможность отнестись къ дѣлу прямо, безъ намековъ и недомолвокъ. Самымъ удобнымъ моментомъ для оглашенія проекта было бы внесеніе его въ государственный совѣтъ. Въ продолженіе того срока, который былъ бы назначенъ для представленія о немъ отзывовъ со стороны министерствъ, печать могла бы выразить впечатлѣніе, произведенное имъ на общество, собрать и обобщить данныя, не всегда доступныя для администраціи, однимъ словомъ—значительно облегчить задачу законодательной власти. Къ голосу печати въ большинствѣ случаевъ могъ бы присоединиться и голосъ земскихъ собраній, сессіи которыхъ совпадаютъ съ сессіей государственнаго совѣта. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что скорую отмѣну закона 19 августа 1879 г. въ примѣненіи къ выборнымъ должностнымъ лицамъ ¹⁾ слѣдуетъ приписать тяжелому чувству, возбужденному этимъ закономъ въ массѣ населенія; если бы оно могло выразиться раньше, законъ остался бы, можетъ быть, вовсе неизданнымъ. Рядомъ съ обсужденіемъ проекта земствомъ и въ печати могъ бы идти призывъ экспертовъ, практикуемый иногда и теперь, но далеко не всегда и не въ достаточно широкихъ размѣрахъ. Изъ случайнаго, несущественнаго придатка къ законодательному механизму онъ долженъ обратиться въ необходимую составную часть его. Отзывы печати и

¹⁾ Этимъ закономъ предоставлено было губернаторамъ дискреціонное право не утверждать въ должности и увольнять отъ нея, по неблагонадежности, всѣхъ избираемыхъ на должность земскими и городскими учрежденіями.

земскія ходатайства не могутъ замѣнить собою живой рѣчи лицъ, поставленныхъ въ непосредственное соприкосновеніе съ составителями проекта, разрѣшающихъ ихъ сомнѣнія, отвѣчающихъ на ихъ вопросы. Чѣмъ больше число призываемыхъ экспертовъ, чѣмъ полнѣе представлены между ними общественныя группы, прямо или косвенно затрогиваемыя проектомъ, тѣмъ легче избѣжать ошибокъ и пробѣловъ, тѣмъ легче согласовать законъ съ дѣйствительными потребностями и желаніями общества. Говоря объ измѣненіи тарифа на металлы и металлическія издѣлія, мы замѣтили уже, что экспертовъ въ такихъ случаяхъ не слѣдовало бы избирать исключительно въ рядахъ производителей, фабрикантовъ; то же самое можно сказать и о всякомъ другомъ вопросѣ, допускающемъ различныя точки зрѣнія, касающемся несходныхъ или противоположныхъ между собою интересовъ. Право призывать экспертовъ могло бы быть предоставлено и законодательнымъ отдѣленіямъ министерствъ; но всего важнѣе, конечно, выслушаніе ихъ тѣмъ мѣстомъ, отъ котораго зависитъ окончательное установленіе проекта — государственнымъ совѣтомъ.

Въ предъидущемъ обзорѣни мы старались доказать необходимость общественнаго изслѣдованія, какъ дополненія къ официалъному; ту же самую мысль мы поддерживаемъ, въ сущности, и теперь, примѣняя ее только не къ одному моменту, а къ постоянному, правильному теченію нашей государственной жизни. Если безъ помощи общества трудно будетъ привести въ ясность настоящее положеніе Россіи, то столь же трудно будетъ и опредѣлить безъ нея тѣ мѣры, которыя должны служить логическимъ результатомъ изслѣдованія. Формы, предлагаемыя нами для общественнаго содѣйствія, безъ сомнѣнія недостаточны; но даже въ этихъ предѣлахъ—соотвѣствующихъ чертѣ, передъ которой должна теперь останавливаться наша печать—можетъ быть достигнуто многое, неосуществимое одними официалъными средствами.

Возможность широкаго общественнаго содѣйствія обуславливается, между прочимъ, увѣренностью каждаго члена общества, что за все сдѣланное и сказанное имъ онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности только передъ судомъ, на основаніи закона. Несмотря на наступленіе новой эры, до такой увѣренности намъ еще слишкомъ далеко. Мыслима ли она, пока не прекращаются случаи административной высылки, не всегда, притомъ, мотивируемой политическою неблагонадежностью высылаемаго? Мы упомянули уже о высылкѣ г. Николадзе изъ Тифлиса; прибавимъ къ этому, что лицо, приславшее въ „Страву“ двѣ корреспонденціи изъ Пинеги (о бытѣ поднадзорныхъ) переведено по распоряженію губернатора, безъ всякаго объясненія причинъ, въ Мезень; что по удостовѣренію енисейскаго

корреспондента „Русскаго Курьера“, мѣстная администрація продолжаетъ самовластно переселять уже однажды сосланныхъ даже въ такія глухія мѣстности, какъ Туруханскій край, который считается живою могилой. Не явствуетъ ли отсюда, что право административной расправы, впредь до совершенной его отмѣны, должно быть какъ можно скорѣе регулировано закономъ, что оно во всякомъ случаѣ должно быть отнято у мѣстной администраціи, всегда склонной пользоваться имъ по частнымъ соображеніямъ, по мотивамъ неполитическаго свойства? Какимъ образомъ печать можетъ свободно „обсуждать мѣропріятія и распоряженія власти“, если возможнымъ послѣдствіемъ такого обсужденія—или даже простого сообщенія фактовъ—является высылка изъ мѣстъ, безъ того уже дальнихъ, въ мѣста еще болѣе отдаленныя? Другою мѣрой, безотлагательно необходимой, представляется, въ нашихъ глазахъ, отмѣна того временнаго правила, по которому мировые судьи могутъ быть не утверждаемы сенатомъ, на основаніи сообщенныхъ о нихъ губернаторомъ свѣдѣній. Правило это не остается мертвой буквой; мы узнаемъ изъ вятской корреспонденціи „Страны“, что по одной вятской губерніи не утверждено, въ силу его, восемь мировыхъ судей, что глазовскій уѣздъ почти совершенно лишенъ мирового суда, что неутвержденные судьи служили съ самаго введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, постоянно избирались единогласно или громаднымъ большинствомъ голосовъ и пользовались особымъ уваженіемъ мѣстнаго общества. Расчистить дорогу, ведущую къ реформамъ, можетъ только устраненіе всѣхъ чрезвычайныхъ постановленій, созданныхъ миновавшими, къ счастью, обстоятельствами и осужденною опытомъ системой.

III.

Довольно любопытна картина, представляемая съ нѣкоторыхъ поръ нашею консервативной или реакціонной печатью. Въ московскомъ органѣ ея умолкли громы, водворилась тишина, рѣдко прерываемая робкимъ и слабымъ нашептываніемъ прежнихъ мотивовъ. Въ передовыхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“ по цѣлымъ недѣлямъ говорится только о внѣшней политикѣ, о западно-европейскихъ дѣлахъ; немногія статьи, посвященныя Россіи, не имѣютъ боевого характера и отличаются крайнею безцвѣтностью. Газета, еще недавно видѣвшая спасеніе только въ чрезвычайной власти и чрезвычайныхъ мѣрахъ, дошла до того, что привѣтствовала, вмѣстѣ съ другими, упраздненіе Третьяго отдѣленія. Правда, черезъ нѣсколько дней она заговорила другимъ тономъ, восхваляя одного изъ

бывшихъ начальниковъ падшаго учрежденія, отрицая существованіе реакціи, которую привыкли связывать съ его именемъ; но эта запоздалая защита могла только повредить защитнику, не принося никакой пользы защищаемому. Для характеристики Третьяго отдѣленія всегда останется знаменательнымъ надгробное слово, произнесенное надъ нимъ поддерживавшею его газетой: „безсильное въ борьбѣ со зломъ, оно было чересчуръ сильно въ подавленіи благотворныхъ движеній жизни, и вредило всего болѣе тому, чему якобы служило“. Мѣсяць спустя послѣ панегирика гр. Шувалову, „Московскія Вѣдомости“ выразили свое сочувствіе „программѣ“ графа Лорисъ-Меликова и этимъ какъ-бы окончательно отказались отъ послѣдовательности, прежде составлявшей ихъ силу—своеобразную, незавидную, но все-таки силу.

Петербургскій органъ реакціи не послѣдовалъ примѣру своего московскаго собрата; онъ не впалъ въ апатію, не сложилъ оружія, только-что взятаго въ руки. Условія, при которыхъ былъ задуманъ и основанъ „Берегъ“, исчезли почти совершенно ко времени его появленія. Очувтившись среди неожиданной обстановки, онъ долженъ былъ либо признать, что для него не существуетъ больше *raison d'être*, либо обратиться въ живой анахронизмъ, отстаивая покинутую позицію, повторяя, безъ надежды на откликъ, никуда больше непригодный боевой лозунгъ. Онъ избралъ послѣднее—и продолжаетъ до сихъ поръ твердить старыя фразы о солидарности надпольной печати съ подпольною, даже съ рискомъ для себя образовать третій родъ печати—безпольной,—о незрѣлости нашего общества, о смѣшныхъ претензіяхъ интеллигенціи, о подтасовкѣ народныхъ идеаловъ и т. п. Читая „Берегъ“, можно подумать, что главное зло, угрожающее въ настоящую минуту русскому обществу, это—„коммуна“, не парижская, а та, два или три примѣра которой мы видѣли въ шестидесятыхъ годахъ. Тѣма, доставившая брошюрамъ г. Цитовича успѣхъ особаго рода, до пресыщенія разрабатывается въ его газетѣ. Въ этомъ повтореніи задовъ, въ неразборчивости, съ которою пускаются въ ходъ обвиненія и заподозриванія, безсиліе реакціи чувствуется такъ же ясно, какъ и въ брезгливомъ молчаніи „Московскихъ Вѣдомостей“. Мельничное колесо реакціи, давно потерявшее способность къ дѣйствительной работѣ, завертѣлось-было съ удвоенной быстротою, когда въ обмѣлѣвшую рѣку влилась новая, мутная волна, шумно провозглашавшая свое могущество. Это былъ—„Дневникъ Писателя“, оживившій на время полемику противъ западниковъ, либераловъ, отщепенцевъ русскаго народа. Читатели „Вѣстника Европы“ уже знаютъ, что мечъ, которымъ размахнулся г. Достоевскій, оказался, по нашему мнѣнію, картоннымъ, а глубина двинутой имъ волны—далеко не соотвѣтствующею

количеству взбитой пѣны. Послѣ „Дневника“, какъ и до него, реакціонная печать не имѣетъ подъ ногами никакой прочной почвы. Она всегда жила заимствованіями извнѣ, держалась чужой силой; представленная самой себѣ, она не можетъ играть выдающейся роли въ нашей умственной жизни.

Отъ послѣднихъ могиканъ реакціи отрадно перейти къ нашему противнику, возвращеніе котораго на журнальную сцену еще недавно казалось немыслимымъ. Съ половины этого мѣсяца, И. С. Аксаковъ будетъ издавать въ Москвѣ еженедѣльную газету: „Русь“. Называя его нашимъ противникомъ, мы руководствуемся не только воспоминаніями о прежней дѣятельности его, но и программой „Руси“, прямо кидающей перчатку значительному отдѣлу нашей журналистики. „Ложь“—читаемъ мы въ этой программѣ—„не упразднилась, а вступила лишь въ новый фазисъ. вмѣсто прежняго наивно-огульнаго отрицанія русской народности происходитъ вольная и невольная подтасовка русскихъ народныхъ идеаловъ... Печальниковъ о русскомъ народѣ и „любителей“ расплодилось теперь не мало; но эти печальники, по выраженію поэта, за немногими исключеніями, плачутъ лишь о народѣ, а не съ народомъ; эти любители, по большей части, не стоятъ съ нимъ въ общеніи мысли и духа, и именно не любятъ того, что ему всего святѣе и дороже... Значительная часть нашей „интеллигенціи“, съ важностью и самодовольствомъ разсѣвшись налѣво и направо „въ либералахъ“ и „въ консерваторахъ“, воображаетъ и величаетъ себя дѣйствительно интеллигенціей и совѣтъ готовой, достойной представительницей русскаго народа! Либералы, консерваторы! Долго ли намъ тѣшиться этими вздорными, пошлыми, пустозвонными у насъ кличками? Истинно либеральна и консервативна у насъ только народная жизненная правда... Насущная современная потребность нашего общества, а вмѣстѣ и обязанность печати, какъ мы ее понимаемъ, это—эмансипація русскаго общества отъ рабства, почти уже невольнаго, иностраннымъ міровоззрѣніямъ (только имъ однимъ?!), отъ отвлеченности, отъ доктринерства вообще—этого закоренѣлаго, историческаго нашего недуга, такъ чудовищно развившагося въ томъ безвоздушномъ пространствѣ, въ которомъ осуждена была витать русская мысль. Поменьше дерзкой надменности теоретическимъ знаніемъ, побольше смиренія передъ явленіями русской жизни!“

Если бы подъ этой программой не стояло имя И. С. Аксакова, если бы за нею не стояло его почтенное прошлое, наши реакціонеры могли бы узнать въ ней самихъ себя и воскликнуть, торжествуя: „нашего полку прибыло!“ Насмѣшки надъ „интеллигенціей“, надъ „партіями“, надъ „печальниками народа“, отвергающими самую до-

рогія вѣрованія его, надъ доктринерствомъ, преклоняющимся передъ иностранными образцами— все это любимые тезисы той группы, которая стоитъ поперекъ движенія, все это коньки, болѣе чѣмъ когда-нибудь заѣзженные „Берегомъ“. Мы знаемъ очень хорошо, что за внѣшнимъ сходствомъ скрывается глубокое внутреннее различіе, что редакторъ „Руси“ никогда не шель и не пойдетъ одной дорогой съ гг. Цитовичемъ, Катковымъ и Достоевскимъ, что онъ высоко цѣнитъ свободную мысль и свободное слово, въ нихъ однихъ видитъ средство къ торжеству своей идеи; но мы не можемъ не пожалѣть, что именно симпатичная, свѣтлая сторона этой идеи всего меньше отразилась въ программѣ новой газеты. Прочитавъ ее, можно подумать, что долготнѣе молчаніе г. Аксакова было добровольнымъ, что ему предстоитъ бороться *только* съ отрицателями народности, съ слѣпыми поклонниками европеизма. Вся иронія, все краснорѣчіе его обрушивается на послѣднихъ; другой сторонѣ не достается ни одного удара, если не считать нѣсколькихъ словъ о „безвоздушномъ пространствѣ, въ которомъ осуждена была витать русская мысль“. Неужели главное зло, отъ котораго мы страдали до сихъ поръ, заключалось въ „дерзкой надменности теоретическимъ знаіемъ“, въ недостаткѣ „смиренія передъ явленіями русской жизни?“ Бѣдность теоретическаго знанія, во всѣхъ ея разнообразныхъ формахъ, начиная съ мишуры поверхностнаго дилеттантизма до грубаго невѣжества, до непрогляднаго мрака суетвѣрій и предрасудковъ— вотъ болѣзнь, отъ которой мы не исцѣлились до сихъ поръ, проявленіями которой запечатлѣна каждая страница нашего прошедшаго и нашего настоящаго. Смиреніе передъ явленіями русской жизни было одною изъ основъ, на которыхъ держалось крѣпостное право; это смиреніе проповѣдывалъ Гоголь въ „Перепискѣ съ друзьями“; въ это смиреніе, какъ въ удобный и приличный костюмъ, рядился эгоизмъ, заинтересованный въ сохраненіи существующихъ порядковъ. Чѣмъ недугомъ было у насъ доктринерство, понимаемое въ смыслѣ пристрастія къ отвлеченіямъ и игнорированія жизни? Во всякомъ случаѣ не недугомъ лучшей части нашего общества, никогда— съ тѣхъ поръ, какъ она научилась мыслить— не успокоивавшейся на одномъ абстрактномъ принципѣ, всегда повѣрявшей его указаніями опыта. Доктринерство, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, подсказывало русскому уму гегелевское оправданіе дѣйствительности— но жизнь мѣшала ему принять это оправданіе и провозгласить разумность страданія и горя. Запасъ опыта, правда, былъ не великъ, указанія его были неполны и неточны; но виновато ли въ томъ русское общество, русская „интеллигенція“? Г-ну Аксакову не нравится это слово,—но оно выражаетъ собою безспорный фактъ, фактъ существованія меньшинства, отдающаго себѣ отчетъ въ своихъ стремленіяхъ и взгля-

дахъ, способнаго къ сознательной дѣятельности, въ виду опредѣленной цѣли. Къ этому меньшинству принадлежать и западники, и славянофилы, — и консерваторы, и либералы; оно существуетъ не только у насъ, но и во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ, отличаясь тамъ только бѣльшею многочисленностью и бѣльшимъ политическимъ развитіемъ. Его нельзя ни отрицать, ни игнорировать; оно не совмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ живыхъ силъ народа, но является одною изъ этихъ силъ, тѣсно связанною съ остальными, хотя повидимому и разобщенною съ ними. Наше меньшинство—если разсматривать его какъ одно цѣлое,—нельзя упрекнуть въ томъ, что оно забываетъ о большинствѣ, претендуетъ на замкнутость, на исключительное господство. Оно не считаетъ себя „готовымъ представителемъ русскаго народа“; не для себя одного оно желало и желаетъ болѣе широкой, болѣе дѣятельной роли. Его обвиняютъ въ томъ, что оно „разсѣлось налѣво и направо“; но какимъ же образомъ оно могло разсѣсться иначе? Картинное выраженіе, употребленное г. Аксаковымъ, легко обратить противъ него, противъ его основной мысли. Существованіе отщѣнковъ въ средѣ меньшинства—столь же естественно и неизбѣжно, какъ распредѣленіе сидящихъ, въ биткомъ наполненной залѣ, между правой и лѣвой ея сторонами. Никто не можетъ ухитриться такъ, чтобы сидѣть въ одно и то же время и на той, и на другой сторонѣ залы; никто не можетъ, однажды поднявшись на извѣстную ступень умственнаго и нравственнаго развитія, желать въ одно и то же время движенія—и застоя, стремиться къ реформамъ—и сознательно мѣшать ихъ осуществленію. Можно спорить о словахъ, можно находить, что термины: „правые и лѣвые, консерваторы и либералы“—недостаточно ясны и опредѣленны, непримѣнимы, въ общепринятомъ ихъ смыслѣ, къ русской жизни; но отвергать понятія, означаемыя этими терминами—все равно, что отрицать факты, совершающіеся передъ нашими глазами. Дѣло не въ кличкахъ, измѣнчивыхъ и условныхъ, а въ реальномъ столкновеніи мнѣній, образующихся на реальной почвѣ. Если либерализмъ и консерватизмъ — пустыя фразы, то что же сказать о „народной жизненной правдѣ“, которая одна „истинно либеральна и истинно консервативна?“ Что сказать о формулѣ, въ которую можетъ быть вложено самое разнообразное содержаніе? Намъ говорятъ о самодовольствѣ; но развѣ не болѣе самодоволенъ тотъ, кто считаетъ одного себя постигшимъ „народную правду“? Не съ важностью, не съ самодовольствомъ разсаживаются у насъ налѣво и направо тѣ, которые научились различать, въ переносномъ смыслѣ, лѣвую руку отъ правой; они занимаютъ избранное ими мѣсто съ глубоко-печальнымъ сознаниемъ трудностей, которыя ихъ окружаютъ, стѣсненій, встрѣчаемыхъ не только дѣятельностью, но и словомъ. Примыкая къ той или дру-

гой группѣ, они вовсе не считаютъ ее организованной силой; ихъ влечетъ къ ней исключительно сознаваемое, чувствуемое ими сходство въ желаніяхъ и взглядахъ. Идея „народной правды“ не соединитъ разьединенныхъ группъ, уже потому, что каждая изъ нихъ пойметъ ее по-своему — и проповѣдникъ этой правды составитъ, вмѣстѣ съ своими друзьями, новую группу, правую по отношенію къ однѣмъ, лѣвую по отношенію къ другимъ. Въ этомъ убѣжденіи мы заранѣе привѣтствуемъ новаго собрата; мы знаемъ, что русская печать пріобрѣтетъ въ немъ односторонняго, но — искренняго и честнаго борца за благо русскаго народа.

Въ истекшемъ октябрѣ, въ сосѣдней съ нами губерніи, псковской, появились первые нумера новаго изданія мѣстнаго губернскаго земства: „Вѣстникъ Псковскаго Губернскаго Земства“. Нельзя не привѣтствовать подобныхъ изданій и не желать имъ наибольшаго успѣха, такъ какъ они даютъ возможность каждому, не будучи членомъ управы, выразить свое мнѣніе, — „а при такомъ общемъ обсужденіи земскихъ вопросовъ, — замѣчаетъ справедливо редакція „Вѣстника“, и самое земское дѣло становится общимъ достояніемъ“. Не останавливаемся на вопросѣ, почему то или другое земство, существуя уже не годъ и не два, только теперь напало на такую счастливую мысль воспользоваться изобрѣтеніемъ Гуттенберга, также не новымъ; изъ объясненія редакціи „Вѣстника“ видно, однако, что еще въ 1879 году псковское губернское земское собраніе „нашло полезнымъ, въ интересахъ развитія земскаго дѣла, имѣть свой печатный органъ, въ видѣ газеты, посвященной разработкѣ вопросовъ, касающихся мѣстнаго земскаго хозяйства“; значитъ, съ такимъ ходатайствомъ земство обращалось еще къ прежнему министерству внутреннихъ дѣлъ, и обращалось оно съ такимъ ходатайствомъ не мѣсяцъ и не два тому назадъ; но изданіе газеты было разрѣшено только 16 августа нынѣшняго года при новомъ министерствѣ, а слѣдовательно, и при новыхъ, болѣе благосклонныхъ взглядахъ на значеніе провинціальной печати. Въ концѣ газеты, на ея 7-й страницѣ, мы нашли подпись, которая на минуту вовлекла насъ въ весьма пріятное заблужденіе: „Отвѣтственный редакторъ — предсѣдатель псковской губернской земской управы Н. Беклешевъ“. Какъ извѣстно, „отвѣтственные“ редакторы бываютъ только въ безцензурныхъ изданіяхъ; но уже на страницѣ 8-й мы увидѣли, что „отвѣтственность“ редактора псковскаго „Вѣстника“ сопровождается подписью: „Дозволено цензурою“, — и наше удовольствіе, при мысли о появленіи перваго безцензурнаго изданія въ провинціи, оказалось по меньшей степени

преждевременнымъ. Эта нѣкоторая условность въ значеніи отвѣтственности редакторской подписи „Вѣстника“ невольно возбуждаетъ въ насъ не разъ уже высказанныя нами и нынѣ опять повторяемыя мысли о необходимости уравнинія правъ положенія столичной и не-столичной печати. Чтò мы видимъ въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ? Предъ нами лицо, которому и общество своимъ выборомъ, и правительство утвержденіемъ его оказали довѣріе на веденіе весьма важнаго дѣла,—и этому же лицу оказывается невозможнымъ поручить слово: дѣло—можно, а слова—нельзя! Нѣтъ надобности настаивать на аномаліи подобнаго положенія вещей;—во всякомъ случаѣ, разрѣшеніе земскимъ управамъ первыхъ безцензурныхъ изданій въ провинціи, подъ личною отвѣтственностью ихъ предсѣдателей, могло бы быть разсматриваемо какъ переходъ къ полному уравнинію правъ провинціальной печати съ столичною,—а когда же нибудь нужно сдѣлать этотъ шагъ, отъ недостатка котораго страдаютъ интересы не одного общества, но и самого правительства: послѣднее и теперь бываетъ время отъ времени вынуждаемо дѣлать сенаторскія ревизіи для изслѣдованія того, чтò слѣдовало бы предполагать всегда извѣстнымъ. Безцензурность провинціальныхъ изданій могла бы сослужить службу непрерывной ревизіи, и безъ затраты людей и времени на ревизіи преходящія, а иногда и проходившія безслѣдно.

Познакомимъ читателей, въ извлеченіи, съ цѣлью изданія, какъ ее ставитъ себѣ редакція „Вѣстника“ въ сдѣланномъ ею заявленіи:

„Цѣль изданія „Вѣстника“ двоякая: во-первыхъ—объединить дѣйствія земствъ губерній, и во-вторыхъ, дать возможность подвергать предварительному всестороннему обсужденію, какъ вопросы и предложенія, вносимыя управами на разсмотрѣніе своихъ собраній, такъ и принятыя уже мѣры и ихъ результаты. Объяснимся подробнѣе. При единствѣ интересовъ земскаго дѣла необходима общность дѣйствій, а между тѣмъ часто замѣчается разрозненность дѣйствій земствъ той же губерніи, находящихся болѣе или менѣе въ одинаковыхъ условіяхъ. Разрозненность эта происходитъ весьма часто отъ незнанія, что творится по сосѣдству. Случается, что одинъ уѣздъ измышляетъ мѣры, давно съ успѣхомъ практикуемыя въ другихъ уѣздахъ; случается, что мѣры, принимаемыя земствами сосѣднихъ уѣздовъ, по одному и тому же вопросу, по несходству своему или совершенно парализуются, или не приносятъ должной пользы; случается, что различныя ходатайства уѣздныхъ земствъ предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ остаются неуваженными влѣдствіе незнакомства губернскихъ гласныхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ и нуждами уѣзда и т. д. Помѣщая на страницахъ „Вѣстника“ отчеты, доклады и распоряженія управъ, доклады ревизіонныхъ комиссій, постановленія собраній и всевозможныя свѣдѣнія по земскому

дѣлу, мы даемъ возможность полного знакомства съ положеніемъ губерніи и съ дѣйствіями отдѣльныхъ земствъ; и губернское и уѣздныя земскія собранія будутъ въ состояніи принимать въ извѣстныхъ случаяхъ болѣе общія мѣры, объединяя такимъ образомъ свои дѣйствія.

Вторая цѣль газеты не менѣе важная. Разработанные управами для докладовъ земскимъ собраніямъ новые вопросы и предложенія часто дѣлаются извѣстными гласнымъ чуть не въ моментъ внесенія ихъ на разсмотрѣніе. Вина въ томъ не всегда падаетъ на управу. Иногда по независимымъ или неотвратимымъ обстоятельствамъ, управы не могутъ заблаговременно разослать свои доклады, и такимъ образомъ гласные бываютъ не въ состояніи не только повѣрить на мѣстѣ практичность и полезность предлагаемыхъ мѣръ, но и не знаютъ объ ихъ существованіи до момента доклада. При чтеніи доклада, иногда весьма сухого, скучнаго, трудно усвоить себѣ сущность вопроса, а потому когда, по окончаніи чтенія доклада, приступаютъ къ преніямъ безъ достаточнаго знакомства съ вопросомъ, то, при благоразумной осторожности гласныхъ, предложеніе отвергается; въ противномъ случаѣ, принимается не всегда вполне разработанное. Какъ то, такъ и другое, вредитъ дѣлу и ставитъ управы въ затруднительное положеніе. Открывая страницы „Вѣстника“ для помѣщенія на нихъ, какъ управами, такъ и частными лицами, различныхъ мнѣній и предложеній по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства, мы даемъ возможность свободнаго и всесторонняго ихъ обсужденія, призывая къ тому всѣхъ интересующихся земскимъ дѣломъ, а при такомъ общемъ обсужденіи земскихъ вопросовъ и самое земское дѣло становится общимъ достояніемъ. Такимъ образомъ, въ собранія будутъ вноситься вопросы и предложенія уже извѣстныя гласнымъ не только по своему содержанію, но и по существу, предварительно разсмотрѣнныя, разработанныя и со всѣхъ сторонъ освѣщенныя. Пойдемъ далѣе. Въ теченіи 15-ти лѣтъ нѣкоторые земства много сдѣлали по своимъ необязательнымъ повинностямъ, истративъ значительныя суммы; нѣкоторые же сдѣлали весьма мало. Земствами тароватыми ¹⁾ устроены школы, больницы, пріемные покои, приглашены на земскую службу учителя, врачи, фельдшера, повивальныя бабки, оспопрививатели, ветеринары, облегчены натуральныя повинности переложеніемъ ихъ въ денежные; чинятся дороги, строятся мосты и проч. и проч., но сдѣлавъ такъ много, остается сдѣлать еще больше. Но что и какъ дѣлать? Идти ли по пройденному пути, т.-е. все еще создавать и учреждать, или продолжать ничего не дѣлать; или, наконецъ, тароватымъ земствамъ пріостановиться на созданномъ и приняться за его улучшеніе, а неподвижнымъ тронуться впередъ. Намъ кажется, вопросъ этотъ можно считать очереднымъ. И дѣйствительно, все созданное земствомъ далеко еще не окончено. Мы еще не убѣждены, что школы наши устроены рационально и что больницы и пріемные покои соотвѣт-

¹⁾ Вѣроятно, почтенная редакція „Вѣстника“, хотѣла сказать: „усердными“, такъ какъ слово: „тароватый“ говоритъ о такомъ качествѣ, котораго, конечно, „Вѣстникъ“ не имѣлъ въ виду въ настоящемъ случаѣ.—Ред.

ствуютъ своей цѣли; мы еще *не знаемъ*, увеличилось ли число разумно грамотныхъ, и какое вліяніе оказываетъ распространяемая нами грамотность на населеніе; мы еще *не знаемъ*, уменьшаются ли обычныя въ населеніи болѣзни, а слѣдовательно и смертность, и какое вліяніе оказываетъ устроенная нами медицинская часть въ санитарномъ отношеніи; мы еще *не увѣрены* въ томъ, что дороги наши и мосты чинятся на продолжительное время, и что деньги на нихъ истрачиваемыя не зарываются безслѣдно, мы, однимъ словомъ, или идемъ впередъ безъ оглядки, не повѣряя, съ достаточною ли пользою тратимъ земскія деньги, съ такимъ трудомъ добываемыя, или идемъ черепашымъ шагомъ, не соразмѣряясь ни съ мѣстными нуждами, ни съ мѣстными средствами.

„Отвѣтъ на поставленный нами выше вопросъ мы можемъ найти въ опытахъ прошлаго. Подвести имъ итоги, оцѣнить ихъ и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы—дѣло „Вѣстника“; собраніе же и доставленіе данныхъ для итоговъ—дѣло общее. Мы приглашаемъ управы, училищныя совѣты, санитарныя попечительства, врачей, учителей и всѣхъ интересующихся земскимъ дѣломъ доставлять намъ означенныя данныя, чтобы на страницахъ „Вѣстника“, путемъ гласности, повѣрить результаты нашей 15-ти-лѣтней дѣятельности“.

Итакъ, почтенная редакція вновь предпринятаго изданія не только свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что далеко не все сдѣлано, но даже и въ отношеніи сдѣланнаго необходимо прибавить: „мы еще не убѣждены“, „мы еще не знаемъ“, „мы еще не увѣрены“—послѣ 15-ти лѣтъ существованія—дѣятельности! Это называется—бродить во тьмѣ,—одно изъ самыхъ опасныхъ занятій, и можно теперь только пожалѣть, что не было возможности раньше внести свѣтъ въ эту тьму, посредствомъ подобнаго изданія. Не можемъ кончить безъ „caeterum censeo“: въ напечатанномъ тутъ же разрѣшеніи издавать „Вѣстникъ“ помѣщено одно изъ условій для „Вѣстника“: „чтобы цензурованіе настоящаго изданія, по принятому порядку, было возложено на одного изъ состоящихъ въ распоряженіи г. губернатора чиновниковъ“. Мы ничего не можемъ сказать противъ „принятаго порядка“, но вѣдь и этотъ порядокъ въ свое время смѣнилъ какой-нибудь другой, ему предшествовавшій; а потому не было ли бы въ общемъ порядкѣ вещей рано или поздно подвергнуть законодательнымъ путемъ обсужденію и „принятый порядокъ“, съ цѣлью принять другой, который вслѣдствіе того будетъ опять „принатымъ порядкомъ“—но вмѣстѣ и лучшимъ, и болѣе выгоднымъ съ какой угодно точки зрѣнія, какъ правительственной, такъ и общественной.

Къ началу второй половины октября, вышло уже три нумера этого полезнаго изданія. Въ послѣднемъ номерѣ мы находимъ, между прочимъ, весьма любопытное и вполне откровенное мнѣніе одного изъ псковскихъ губернскихъ гласныхъ, констатирующее весьма ясно

наличные результаты нашего земскаго самоуправленія и предоставляющее каждому задуматься надъ причиною скудости этихъ результатовъ.

„Съ открытіемъ земскихъ собраній, — говоритъ авторъ мнѣнія, — съ широкими правами въ отношеніи расходовъ на потребности, признаваемые собраніями необходимыми къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ, можно было ожидать, что настало время стройнаго хозяйственного устройства, примѣняемаго ко всѣмъ отраслямъ житейскаго быта, потому что законъ призвалъ къ участию народонаселеніе. Минуло съ тѣхъ поръ шестнадцать лѣтъ, а къ сожалѣнію ожиданія не оправдались. Это не одна лишь фраза невѣрнаго или неосновательнаго взгляда; нѣтъ, это истина, основанная на провѣркѣ на мѣстахъ существующаго.

„Новые распорядители, приступивъ къ хозяйству, существовавшій порядокъ по всѣмъ частямъ стали находить негоднымъ и начали, разрушая старое, вводить новое, и случалось, что одно собраніе разрѣшало произвести расходъ, а новое собраніе уничтожало. Всѣ нововведенія потребовали повсемѣстно значительныхъ расходовъ, чрезъ то почти постоянно въ теченіе шестнадцати лѣтъ увеличивались значительно смѣты раскладокъ для сборовъ; и ежели сравнить смѣты первыхъ лѣтъ земскихъ собраній для потребности расходовъ, то легко можно убѣдиться, что сумма расходовъ на потребности ежегодно увеличивалась и достигла наконецъ неимовѣрной величины, почему не удивительно, что народонаселеніе постепенно не богатѣло, а бѣднѣло, ибо доходность отъ хозяйства его не поспѣвала ежегодно увеличиваться настолько, насколько требовалось отъ него сборовъ на расходы общественнаго хозяйства, чтобы уплачивать сборъ по окладнымъ листамъ. Необходимо потребовалась постепенно продажа скота, и съ этимъ ежегодно уменьшалось количество удобренія, что необходимо вліяло постепенно на хлѣбопашество, почему и стали оказываться неурожаи.

„Я не вдаюсь въ критическій разборъ основъ земскихъ учреждений, а слѣдя въ теченіи многихъ лѣтъ за ходомъ новаго хозяйства и сравнивая прошлое съ настоящимъ, дѣлаю замѣчанія, списывая ихъ съ натуры, въ справедливости которыхъ можетъ убѣдиться каждый мѣстный житель.

„До земскихъ учреждений въ губерніи существовали магазины полные съ зерномъ, по одной четверти ржи и по полъ-четверти овса на ревизскую душу, подъ контролемъ комисіи народнаго продовольствія; нынѣ таковыхъ нѣтъ, и народонаселеніе съ неоплатными недоимками. Дороги несмотря, что для содержанія оныхъ тратятся значительныя суммы, почти въ худшемъ состояніи, а проселочныя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно сказать непроѣзжими. Медицинская часть, на которую производятъ значительные расходы, едва-ли приноситъ для народонаселенія ту пользу, которую можно было ожидать; равно какъ — и отъ народнаго образованія. О многомъ можно было бы сдѣлать сравненіе, но я коснулся лишь того, что рѣзко бросается каждому въ глаза“.

Было бы грубою ошибкою, и непростительною — усматривать въ такой обрисовкѣ современнаго положенія дѣлъ въ провинціи обвиненіе противъ земства. Для этого необходимо было бы вѣдаться „въ критическій разборъ основъ земскихъ учрежденій“; а почтенный авторъ мнѣнія отклоняетъ отъ себя такую, не всегда благодарную задачу, — и потому его мнѣніе должно быть разсматриваемо только какъ драгоцѣнное свидѣтельство лица, стоящаго весьма близко къ дѣлу.

ЗАМѢТКА.

По вопросу о вліяніи земельного надѣла на благосостояніе.

Вопросъ о вліяніи земельного надѣла на благосостояніе крестьянъ принадлежитъ къ числу очень интересныхъ по своей сущности; для нѣкоторыхъ же, особенно приверженцевъ старыхъ порядковъ, это даже—спорный вопросъ. Разъясненіе его положительными данными представляетъ и научный, и практический интересъ. Послѣднее въ особенности можетъ быть сказано въ отношеніи къ настоящему времени, когда съ разныхъ сторонъ слышались рѣчи о мелкомъ земельномъ кредитѣ и крестьянскихъ переселеніяхъ — рѣчи, могущія скоро перейти и въ дѣло.

Для большого числа людей, серьезно работавшихъ надъ крестьянскимъ дѣломъ, относящихся къ нему безъ предвзятыхъ мыслей и ищущихъ одной истины, вліяніе надѣла на благосостояніе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Для многихъ непразднымъ явленіемъ представляется та жадность, съ которою крестьяне хватаются за каждый удобный случай пріобрѣтенія земли, или въ собственность, или хоть въ арендное пользованіе, причемъ они не стѣсняются почти никакою платою, коль скоро въ состояніи ее платить. Недостаточность собственной крестьянской земли тутъ заявляетъ себя наглядно. Въ черноземныхъ мѣстностяхъ, земли выросли въ цѣнѣ, послѣ положеній 19 февраля, вчетверо; слѣдовательно, тутъ мудрено и дѣлать вопросъ—имѣетъ ли связь съ крестьянскимъ благосостояніемъ нынѣшняя необходимость платить вчетверо больше за ту землю, которую при надѣлѣ можно было получить за вчетверо меньшую цѣну?

Слѣдуетъ прибавить затѣмъ, что земля продолжаетъ дорожать. Но сомнѣвающіеся, или хотящіе сомнѣваться во вліяніи земельного надѣла на народное благосостояніе, то-есть добросовѣстные и умышленные скептики, все-таки есть, и существованіе ихъ слишкомъ ясно обнаружилось при прошлогоднемъ обсужденіи дѣла мелкаго кредита.

Данныя, показывающія вліяніе земельного надѣла, могутъ оказать вліяніе на добросовѣстныхъ скептиковъ, а людей и безъ того признававшихъ это вліяніе—могутъ еще болѣе укрѣпить въ ихъ убѣжденіи, будучи, кромѣ того, какъ выше сказано, интересны сами по себѣ. Есть люди, занимающіеся собираніемъ подобныхъ данныхъ и находящіе ихъ въ значительномъ количествѣ. Въ настоящей же замѣткѣ мы имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ — о появленіи одной группы новыхъ данныхъ подобнаго рода, которыя отыскались сами собою, безъ спеціальнаго старанія искателей выставить именно дурное вліяніе недостаточности надѣла на крестьянское благосостояніе.

Въ изданной, въ настоящемъ году, центральнымъ статистическимъ комитетомъ „Статистикѣ поземельной собственности“ восьми внутреннихъ губерній приводится масса свѣдѣній о распредѣленіи земельной собственности между владѣльцами, по сословіямъ и по размѣрамъ владѣній ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы находимъ тамъ и количество населенія по послѣдней ревизіи (1857 и 1858 годовъ) и по свѣдѣніямъ 1878 года, что дало возможность опредѣлять приростъ населенія за послѣднія двадцать лѣтъ. При сопоставленіи цифръ прироста съ цифрами, показывающими степень надѣленія крестьянъ землею, обнаруживается несомнѣнная связь между тѣми и другими: мы видимъ, что приростъ вездѣ увеличивается съ возвышеніями надѣла и вездѣ понижается при недостаточности крестьянскаго земельного обезпеченія.

Результаты подобнаго сравненія оказываются поражающими. Они заслуживаютъ общаго вниманія по той правильности, съ которою нормы прироста слѣдуютъ за нормами земельного надѣла.

Разумѣется, вліяніе надѣла должно сильнѣе всего обнаруживаться въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли особенно цѣнны и гдѣ сельское хозяйство не только главный, но почти исключительный промыселъ. Гдѣ развиты другіе, не-земледѣльческіе промыслы — тамъ явленіе осложняется и земля можетъ оказывать уже не столь значительное вліяніе на состоятельность ея воздѣльвателей. Ограничимся поэтому

¹⁾ Объ этомъ важномъ изданіи мы уже имѣли случай упомянуть выше, въ Литературномъ Обзорѣ, на ряду съ другими, съ нимъ однородными. Авторъ настоящей замѣтки останавливается на немъ спеціально.—*Ред.*

губерніями: Курскою, Воронежскою и Тамбовскою. Беремъ совокупность всѣхъ крестьянъ владѣльцевъ каждой нормы надѣла, въ каждой губерніи, и выведемъ у нихъ средній процентъ прироста, за объясненный выше періодъ времени:

			Проценты прироста населенія:		
			Курская:	Тамбов.:	Ворон.:
			губ.	губ.	губ.
У крестьянъ, имѣющихъ на душу:	Меньше	1 дес.	18%	14%	17%
	Отъ 1 до 2	"	19—	19—	21—
	" 2 "	3 "	21—	21—	21—
	" 3 "	4 "	21—	25—	23—
	" 4 "	5 "	24—	26—	26—
	" 5 "	6 "	27—	30—	30—
	" 6 "	7 "	28—	30—	30—
	" 7 "	8 "	31—	38—	37—
	" 8 "	9 "	35—	37—	33—
	" 9 "	10 "	36—	0—	43—

Рядъ подобныхъ данныхъ производитъ сильное впечатлѣніе. Размѣръ прироста въ одинъ или два года, въ двухъ или трехъ мѣстностяхъ, еще можно было бы объяснять случайностью. Но тутъ не одинъ или два, а цѣлыхъ двадцать лѣтъ, тутъ не два или три селенія, а цѣлыя три губерніи. Въ такой большой промежутокъ времени, и на такой большой территоріи вліяніе случайностей сглаживается въ общихъ крупныхъ итогахъ. Подобная масса данныхъ говоритъ уже о жизненномъ законѣ, а не о случайностяхъ. Если слѣдуетъ ожидать отъ статистики какихъ-нибудь краснорѣчивыхъ указаній, то едва ли можно считать для этого двадцатилѣтній періодъ недостаточнымъ. Чего еще требовать больше? Точно также и территорію трехъ губерній нельзя считать слишкомъ ограниченою. И такъ, что же мы видимъ? Что каждый *оттѣнокъ* въ надѣленіи землею отмѣчается повышеніемъ или пониженіемъ прироста населенія. Прибавилась одна десятая надѣла—прибавилось и нѣсколько процентовъ прироста. Убыла одна десятая—понижился и приростъ. Группируя крестьянъ по нормамъ надѣла, мы соединяемъ жителей различныхъ уѣздовъ, раздѣленныхъ между собою сотнями верстъ, и вездѣ выходитъ одно и то же: какъ только уменьшается надѣлъ, такъ населеніе начинаетъ расти слабѣе. Впрочемъ, у крестьянъ съ самыми высшими нормами надѣла подобной правильности уже не замѣчается; это наводитъ на мысль, что когда надѣлъ уже достаточенъ для обезпеченія потребностей крестьянина, дальнѣйшая прибавка надѣла уже теряетъ прежнее вліяніе; на приростъ вліяетъ главнымъ образомъ то—имѣетъ ли крестьянинъ „необходимое“; если

онъ его имѣть—населеніе растеть свободно, а если онъ имѣть больше—тутъ ростъ зависитъ отъ случайности.

То же самое явленіе обнаруживается и на болѣе обширной полосѣ—на всѣхъ восьми губерніяхъ, которымъ посвященъ трудъ статистическаго комитета. Мы остановились на трехъ почти исключительно земледѣльческихъ губерніяхъ, а составители упомянутого труда сдѣлали выводы по всѣмъ восьми губерніямъ и получили слѣдующее:

При надѣлѣ менѣе	1 дес.	приростъ равенъ	16,6%
„ „ 1—2	„	„	17,3—
„ „ 2—3	„	„	19,0—
„ „ 3—4	„	„	21,2—
„ „ 4—5	„	„	25,4—
„ „ 6—6	„	„	27,6—
„ болѣе 6	„	„	30,3—

Стало быть и тутъ выходить тоже правильное, послѣдовательное повышеніе и пониженіе процента. Отступленіе замѣчается только въ промысловолѣсистой части изслѣдованной мѣстности, гдѣ крайнія нормы прироста: 13,8% и 22%, и гдѣ онѣ идутъ не съ такою правильностью, что объясняется болѣе значительнымъ вліяніемъ на состоятельность крестьянъ не-земледѣльческихъ промысловъ.

Нужно ли повторять, что эти выводы заслуживаютъ большого вниманія и сторонниковъ, и противниковъ мнѣнія о необходимости улучшить положеніе крестьянъ мѣрами по увеличенію ихъ земле-владѣнія и по лучшему ихъ размѣщенію въ странѣ?

Приведенныя данныя, впрочемъ, свидѣтельствуютъ собственно о вліяніи надѣла на приростъ населенія, а этотъ приростъ и благосостояніе—понятія не тождественныя. Да, они, конечно, не тождественны, но трудно сомнѣваться въ томъ, что одно происходитъ отъ другого. Какимъ же инымъ путемъ размѣръ земельной собственности можетъ отразиться на увеличеніи или уменьшеніи населенія, если не путемъ вліянія на благосостояніе, особенно у насъ въ земледѣльческомъ быту, гдѣ родъ занятій обусловливаетъ семейное положеніе, гдѣ веденіе хозяйства почти немыслимо безъ обзаведенія хозяйства семьею? Въ другомъ быту у насъ, конечно, часто случается, что богатый человѣкъ остается холостымъ, или если и женится, то не имѣетъ дѣтей, или имѣетъ только одного наслѣдника, между тѣмъ какъ у бѣдняка огромнѣйшая семья. И если бы мы имѣли въ виду людей привилегированныхъ — помѣщиковъ, чиновниковъ, офицеровъ,—то, конечно, странно было бы измѣрять ихъ состоятельность численностью семей. Мы, разумѣется, тамъ и не нашли бы такого правильнаго порядка въ измѣненіи цифръ. Но наши крестьяне слишкомъ рѣзко отличаются отъ людей этого рода;

у нихъ отсутствіе семьи представляется очень рѣдкимъ исключеніемъ. Бóльшій или меньшій уровень „богатства“, пожалуй, можетъ и не отражаться на приростѣ населенія, такъ какъ и болѣе богатый и менѣе богатый—одинаково въ состояніи пропитать свою семью, дать ей необходимое, избавивъ ее отъ тѣхъ лишеній, которыя полагаютъ серьезный предѣлъ ея размноженію, слѣдовательно тутъ все дѣло только въ склонности къ семейной жизни и въ физической способности имѣть семью. Но когда мы говоримъ о массѣ крестьянъ, мы имѣемъ въ виду такихъ людей, которые почти поголовно стремятся къ семейности и дѣлятся не на болѣе и менѣе богатыхъ, а на имѣющихъ „необходимое“ для сноснаго существованія семьи и не имѣющихъ этого „необходимаго“. Потому-то къ нимъ и приложима та мѣрка, которую мудрено прилагать къ другимъ, потому-то здѣсь ростъ населенія и оказывается въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ.

Впрочемъ, тѣсная зависимость размноженія населенія отъ степени его благосостоянія на столько ясна, что едва ли много найдется людей, готовыхъ ее оспаривать. Слѣдовательно, и распространяться объ этомъ много нечего.

Скорѣе слѣдуетъ обратиться къ другой сторонѣ дѣла: какимъ именно путемъ недостаточность земельного надѣла отражается на приростѣ населенія?

Этотъ приростъ зависитъ отъ двухъ условій: увеличенія или уменьшенія рождаемости, и увеличенія и уменьшенія смертности. Гдѣ много родится и очень много мретъ—тамъ приростъ населенія, въ окончательномъ результатѣ, способенъ выдти даже меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ мало родится и очень мало умираетъ. Какія же именно условія оказываются у насъ наиболѣе вліятельными? Мало ли родится у имѣющихъ мало земли крестьянъ или слишкомъ много умираетъ? Вѣдь данныя центрального статистическаго комитета показали намъ только окончательный результатъ—приростъ населенія за двадцать лѣтъ.

Когда мы разсматривали приведенныя данныя, намъ попало на глаза одно мѣсто изъ политической экономіи Милля; говоря о сильномъ вліяніи, производимомъ на благосостояніе рабочаго класса его размноженіемъ, указывая на воздержаніе отъ брака и вообще отъ производства дѣтей, какъ на одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ поддержанію и возвышенію рабочаго класса и выставляя размноженіе рабочаго населенія вѣрнѣйшимъ средствомъ къ пониженію уровня благосостоянія рабочихъ, Милль, между прочимъ, говоритъ: „Увеличеніемъ числа бракосочетаній, болѣе раннимъ вступленіемъ въ бракъ или увеличеніемъ числа рождающихся отъ cadaго брака

будетъ произведенъ такой же результатъ (пониженіе благосостоянія). Всѣ факты свидѣтельствуютъ, что за періодами дешевизны пищи и живого запроса на трудъ непремѣнно слѣдуетъ значительное увеличеніе количества браковъ... Большинство населенія (во Франціи, послѣ революціи) внезапно перешло отъ нищеты къ независимости и лучшему житейскому положенію; немедленнымъ слѣдствіемъ этого было безпримѣрно быстрое размноженіе населенія, несмотря на истребительныя тогдашнія войны; благодаря улучшенію обстоятельствъ выросло много дѣтей, которыя безъ того умерли бы, да и самое число рожденій увеличилось".—Здѣсь выставляется на видъ, что умноженіе населенія главнымъ образомъ происходитъ отъ большаго числа и отъ болѣе раннихъ браковъ; и вообще Милль видитъ въ уменьшеніи числа браковъ рабочихъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ коррективовъ относительно нынѣшняго экономическаго положенія рабочаго класса.

Эти разсужденія наводятъ на мысль: ужъ не достигаютъ ли наши малоземельные крестьяне задержки въ своемъ размноженіи путемъ воздержанія отъ браковъ? Ужъ не сдѣлали ли они въ этомъ отношеніи большаго шага впередъ, противъ западныхъ рабочихъ, которыхъ никакъ не удастся сдѣлать строгими послѣдователями Миллевской идеи—воздержанія отъ семейнаго быта? Если бы допустить что-либо подобное, то въ уменьшеніи прироста населенія, съ пониженіемъ размѣра надѣла, пожалуй, можно было бы увидѣть не признакъ вопіющей бѣдности и лишеній, а признакъ извѣстной нравственной зрѣлости нашихъ голодныхъ сельчанъ.

Крайне интересно было бы выслѣдить по статистическимъ даннымъ дѣйствительную причину пониженія прироста населенія при уменьшеніи надѣла, показавъ, какъ измѣняются отъ послѣдней причины проценты рождаемости и проценты смертности; т.-е. любопытно было бы подтвердить положительными данными выводъ, къ которому нельзя не быть предрасположеннымъ съ самаго начала. Но, къ сожалѣнію, подобнаго статистическаго обзора мы сдѣлать не можемъ по недостатку данныхъ. У насъ хотя и собирались центральнымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ по губерніямъ и уѣздамъ, но, во-первыхъ, послѣдній печатный трудъ подобнаго рода относится къ 1870 году, когда вліяніе надѣловъ, по относительно недавнему окончанію крестьянской реформы, не могло выразиться достаточно ясно (нѣкоторые крестьяне даже еще не успѣли тогда получить окончательнаго земельного устройства); а во-вторыхъ — и это главное — въ упомянутыхъ статистическихъ данныхъ представляется смѣшеніе жителей всякаго званія и всякаго быта: тутъ и крестьяне, и купцы, и мѣщане, и помѣщики—всѣ, кто

только живетъ въ уѣздѣ. Намъ же именно нужно раздѣленіе людей на группы по условіямъ быта, и не только по главнымъ условіямъ; смѣшеніе всѣхъ крестьянъ въ одну группу намъ ничего бы не сказало, такъ какъ мы доискиваемся разницы въ явленіяхъ у крестьянъ различныхъ оттѣнковъ земельного устройства. Къ подобному дѣленію крестьянъ—по размѣрамъ надѣла—наша статистика до самаго послѣдняго времени не обращалась: въ послѣднемъ изданіи центрального комитета мы видимъ только первый опытъ такого обращенія.

Стало бытъ намъ остается обратиться къ свидѣтельству общихъ житейскихъ наблюденій и къ тѣмъ статистическимъ даннымъ, которыя говорятъ о рождаемости не прямо, а косвенно. Знакомые съ деревенскимъ бытомъ, конечно, скажутъ, что стремленіе къ раннимъ женитбамъ у нашихъ крестьянъ—общее, что оно одинаково присуще и людямъ зажиточнымъ, и людямъ бѣднымъ. Никакой опредѣленной разницы между двухъдесятиными и четырехдесятиными крестьянами въ этомъ отношеніи никто не замѣчалъ, да еще такой правильно измѣняющейся разницы, какую мы видѣли въ размѣрахъ прироста. 22-хъ, 24-хъ-лѣтній мужикъ почти всегда уже женатъ. Едва ли кто-нибудь сдѣлаетъ противъ этого возраженіе, основанное не на какомъ-нибудь совершенно случайномъ исключеніи. Напротивъ, самыя частныя нареканія на крестьянское неблагоразуміе касаются семейныхъ раздѣловъ, возникающихъ именно изъ стремленія обзаводиться семьями. „Едва на ноги поднялся, уже жениться и—въ отдѣлы!“—вотъ что говорятъ обыкновенно о нынѣшнемъ крестьянскомъ бытѣ, а въ прежнее время (подготовившее отмѣченные нынѣ размѣры прироста населенія) объ уменьшеніи числа браковъ изъ-за малости надѣла не могло быть и рѣчи. Если что еще сдерживаетъ браки (впрочемъ очень мало), то—воинская повинность, но и она обращаетъ одинакія требованія къ крестьянамъ всякихъ состояній, не дѣлая между ними никакого различія. Она можетъ уменьшить общую сумму браковъ, но не преимущественно въ группахъ, обладающихъ тою или другою нормою надѣла.

Изъ статистическихъ данныхъ здѣсь всего пригоднѣе будутъ относящіеся къ воинской повинности. Онѣ и вѣрны, и относятся къ ближайшему къ намъ времени, и отмѣчаютъ процентъ женатыхъ рекрутъ. Контингентъ принятыхъ рекрутъ даетъ намъ вѣрный образецъ состоянія всего населенія того же возраста, такъ какъ тутъ люди не подбираются, а отрываются отъ остальной массы жребіемъ. Правда, и этого рода данныя не будутъ вполне совершенны, такъ какъ отчеты о воинской повинности смѣшиваютъ всѣ сословія, но къ приблизительнымъ выводамъ они дадутъ вполне достаточныя основанія. Во-первыхъ, крестьянство въ каждой губерніи представ-

ляетъ огромное большинство отбывающаго повинность населенія (горожане и привилегированные тонутъ въ этой массѣ); а во-вторыхъ, хотя тутъ нѣтъ дѣленій по надѣламъ, за то можно подобрать губерніи, гдѣ огромное большинство принадлежитъ къ той или другой группѣ по характеру земельного устройства. Извѣстно, что въ этомъ отношеніи губерніи отличаются одна отъ другой довольно рѣзко: въ курской, напримѣръ, и воронежской губерніи преобладающее населеніе—бывшіе государственные крестьяне съ наиболѣе крупными надѣлами, а въ тульской, напротивъ, большинство бывшіе крепостные съ мелкими надѣлами, въ полтавской же почти вовсе нѣтъ государственныхъ крестьянъ—и средній надѣлъ наименьшій. Сопоставимъ теперь средній выводъ надѣла на душу и процентъ жеватыхъ рекрутъ въ каждой губерніи, и тогда увидимъ, много ли сдерживаетъ малоземельность женитьбу въ 20-лѣтнемъ, рекрутскомъ возрастѣ:

Губерніи:	Средній душевой надѣлъ:	% женатыхъ рекрутъ въ 1880 г:
Курская	3 ¹ / ₄	39%
Воронежская	4 ² / ₃	62
Тамбовская	3 ⁹ / ₁₀	63
Тульская	3	53
Полтавская	2	27
Херсонская	6	20

Ясно, что однѣ цифры не имѣютъ ни малѣйшей связи съ другими. Количество раннихъ браковъ отгнѣняетъ не земельное устройство, а этнографическія особенности населенія: великоруссы женятся особенно рано, малоруссы попозже; смѣшанные губерніи представляютъ цифры переходнаго характера. Курскій надѣлъ гораздо больше тульского, а раннихъ браковъ въ курской губерніи гораздо меньше, чѣмъ въ тульской; полтавская губернія рѣзко отличается отъ херсонской по надѣлу, а женятся въ обѣихъ почти одинаково рано. Но, взявъ любую изъ приведенныхъ цифръ о бракахъ, мы видимъ, что стремленіе къ раннимъ бракамъ—общее, такъ какъ самая низшая изъ цифръ показываетъ, что пятая часть населенія уже находится въ бракѣ 20-ти лѣтъ отъ роду. Другіе женятся 21, 23 или 25 лѣтъ. Неженатый 30-ти-лѣтній крестьянинъ—очень рѣдкое явленіе.

Итакъ, размѣръ надѣла вліяетъ на приростъ населенія не путемъ воздержанія отъ браковъ или отсрочки ихъ. Въ то же время, онъ, разумѣется, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ физической способности населенія производить дѣтей, стало быть относительно рождаемости надѣлъ не имѣетъ у насъ никакого значенія. Родится у малоземельныхъ столько же, какъ и у многоземельныхъ.

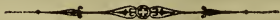

Если же у малоземельныхъ нѣтъ ни воздержанія отъ браковъ, ни уменьшенія рождаемости, то пониженіе прироста населенія у нихъ можетъ имѣть только одно объясненіе — въ болѣе сильной смертности. И эта смертность выступаетъ прямымъ послѣдствіемъ того экономическаго состоянія, которое производится уменьшеніемъ надѣла, такъ какъ мудрено предположить существованіе какихъ-либо особыхъ эпидемій у малоземельныхъ; да если бы въ средѣ послѣднихъ эпидеміи и дѣйствовали болѣе разрушительно, то опять же — вслѣдствіе создаваемой бѣдностью болѣе слабой слабости организма, меньшей выносливости относительно болѣзней. Словомъ, что бы мы намъ ни говорили, предъ нами явный фактъ очень чувствительныхъ лишеній, испытываемыхъ дурно надѣленнымъ землею населеніемъ, — лишеній, уносящихъ преждевременно въ могилу массу и дѣтей, и взрослыхъ крестьянъ.

Подобный фактъ не можетъ не производить очень сильнаго впечатлѣнія. Его нельзя игнорировать, и онъ одинъ способенъ перевѣшивать много разглагольствованій, вызываемыхъ стараніемъ умалить значеніе земельного надѣла, въ видахъ возможно болѣе продолжительнаго сохраненія существующихъ нынѣ условій. Нужно большое ослѣпленіе, чтобы не убѣждаться явленіемъ умирающа значительной массы народа.

Такимъ образомъ, статистическія данныя, о которыхъ идетъ рѣчь, являются новымъ и очень сильнымъ аргументомъ въ пользу возникающихъ стараній о крестьянскомъ поземельномъ кредитѣ и другихъ средствахъ къ увеличенію крестьянскаго землевладѣнія. Безъ сомнѣнія, сторонники обращенія къ этимъ средствамъ не упустятъ воспользоваться прямо идущимъ къ нимъ на помощь орудіемъ статистики.

Θ. Воропоновъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 октября, 1880.

ПЕРВАЯ СЕССИЯ НОВАГО ПАРЛАМЕНТА.

„Нужно сдѣлать нѣкоторое усиліе, восклицаетъ Фриманъ, чтобы увидѣть въ англійскихъ выборахъ съ ихъ довольно пошлыми аксесуарами событіе большой важности съ точки зрѣнія исторіи Европы, равно какъ и Англій. Совсѣмъ тѣмъ, мнѣ кажется, что выборы нынѣшняго года заслуживаютъ такого отзыва. Немного времени спустя послѣ выборовъ, я находился на театрѣ одного изъ величайшихъ событій въ нашей исторіи: стоя на холмѣ Льюиса, я чувствовалъ, что 1880 годъ можетъ по праву претендовать на одинаковое мѣсто въ исторіи, какъ и 1264,—что освобожденіе, совершенное рѣчами Гладстона, стоить освобожденія, совершеннаго шпагою Симона. Послѣдніе выборы—это сраженіе при Льюисѣ, не сопровождаемое пораженіемъ при Ивесгэмѣ“¹⁾.

Въ сраженіи при Льюисѣ король Генрихъ III былъ разбитъ баронами: Симонъ—графъ Монфортскій, послѣ побѣды, созвалъ первый парламентъ, въ которомъ общины имѣли своихъ представителей. И послѣ этого читатель, къ вѣщему удивленію, узнаетъ, что Фриманъ, печатающій статьи въ „Contemporary Review“—не кто иной, какъ извѣстный историкъ завоеванія Англій норманнами. Мы снова стоимъ лицомъ къ лицу съ такимъ фактомъ, когда для писателя является особенно важнымъ то обстоятельство, что онъ успѣлъ раньше установить собой репутацію умнаго человѣка; но пристрастіе и неумѣстный энтузіазмъ могутъ заставить говорить странныя вещи самыхъ умныхъ людей. Впрочемъ, мы уже раньше слыхали, что Гладстона сравниваютъ съ Ахилломъ, удалившимся въ свою палатку, выходящимъ изъ своей палатки и пр. и пр.; но съ этимъ еще можно было примириться, какъ съ простой риторической фигурой. На этотъ разъ дѣло стоитъ иначе, и насъ совершенно серьезно приглашаютъ поставить Гладстона рядомъ съ безсмертнымъ творцомъ англійскихъ общинъ.

Въ прошломъ іюнѣ, на другой день послѣ побѣды, Фриманъ бросилъ этотъ булыжникъ въ голову своего знаменитаго друга: въ настоящее время, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, онъ вѣроятно сожа-

¹⁾ Contemporary Review. June, 1880.

лѣтъ о своей гиперболѣ. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть печальнѣе, бесплоднѣе истекшей сессіи, несмотря на то, что, противно правиламъ, она была продолжена до 6-го сентября. И вотъ, опять по поводу нескончаемаго, нестерпимаго восточнаго вопроса новѣйшій „Симонъ Монфортскій“ долженъ былъ выпить до дна чашу горечи. Право, поражаешься въ этомъ отношеніи рѣчами извѣстной части континентальной прессы объ этомъ предметѣ. Гладстонъ не только объявилъ, вопреки своимъ первоначальнымъ разглагольствованіямъ, что англо-турецкая конвенція одобряется имъ, и что онъ находитъ полезнымъ удержать Кипръ, но даже и касательно соблюденія берлинскаго трактата онъ придерживается политики предшествующаго кабинета. Лордъ Биконсфильдъ замѣтилъ это съ торжествующимъ довольствомъ въ первыхъ же засѣданіяхъ новаго парламента, какъ я отмѣтилъ это въ моемъ послѣднемъ письмѣ: вмѣшательство нѣсколькихъ торіевъ, болѣе усердныхъ, чѣмъ умныхъ, не мѣняетъ сущности дѣла.

„Почти всѣ компетентные люди,—восклицалъ лордъ Гренвилъ въ засѣданіи 9-го августа,—и несомнѣнно всѣ европейскіе государственные люди, включая и бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, полагаютъ, что настоящее положеніе дѣлъ въ Турціи не можетъ быть увѣковѣчено, если турецкое правительство не произведетъ никакой перемѣны, если вопросъ о границахъ не будетъ регулированъ, если администрація финансовъ будетъ идти все хуже и хуже, если угнетеніе и развращенность будутъ продолжаться“. Лорду Солсбѣри ничего не оставалось, какъ изъяснить свое согласіе; повторяю, всѣ забыли, что въ моментъ своего паденія, прежній кабинетъ готовъ былъ порвать сношенія съ Турціей, которая своимъ упорствомъ и своимъ сопротивленіемъ—находившимися, или нѣтъ, стороннюю поддержку—готовилась нанести ударъ лорду Биконсфильду и пресловутому берлинскому трактату: „Peace with honour!“

Въ самомъ дѣлѣ необходимо было придти къ какому-нибудь рѣшенію: или считать этотъ трактатъ недѣйствительнымъ, и въ такомъ случаѣ покрыть себя позоромъ—или же требовать исполненія его самыхъ рельефныхъ условий. Прежде всего необходимо было регулировать границы Черногоріи, и послѣ предъявленія ноты и рѣшеній берлинской конференціи и въ виду уклончиваго отвѣта Порты, оставалось только приступить къ дѣйствіямъ. Къ несчастію, дипломаты, подписавшіе трактатъ, слишкомъ поторопились уступить Дульциньо и многое другое, не справившись съ желаніями населенія. Безъ сомнѣнія, черногорцы очень интересный народъ; храбрые по природѣ, какъ и всякіе другіе горцы. Но и албанцы тоже народъ; оказалось, что они и слышать не хотятъ о черногорскомъ игѣ. Можно думать, какъ угодно,

толковать объ интригахъ Италіи, интригахъ Порты,—почемъ я знаю?— даже объ интригахъ Россіи, до такой степени люди романичны въ своихъ измышленіяхъ. Но несомнѣнно то, что на этой древней почвѣ проснулась національность, болѣе древняя, чѣмъ какая-либо другая въ Европѣ, и энергіей своего протеста удивила смущенныхъ дипломатовъ. Увидя это, султанъ не замедлил воспользоваться этимъ. Съ 6-го октября соединенная эскадра шести державъ, подъ руководствомъ англійскаго адмирала сэра Бошана-Сеймура, находилась въ Адриатическомъ морѣ, грозя бомбардировать несчастныхъ обитателей Дульциньо. Но уже общественное мнѣніе взволновалось въ ихъ пользу: во Франціи въ особенности громадное большинство публики протестовало противъ даже мысли о такомъ поступкѣ, и съ каждымъ днемъ становилось очевидно, что вмѣшательство останется въ видѣ демонстраціи чисто нравственнаго и платоническаго свойства. Турецкое правительство сочло моментъ благопріятнымъ и въ первыхъ числахъ октября выпустило знаменитую огненную ноту, въ которой было доказано въ шести пунктахъ, что это правительство лучшее правительство въ мірѣ, къ которому европейскія державы должны питать величайшее довѣріе; что всѣ реформы будутъ совершены въ свое время, и что, наконецъ, если Греція и не будетъ вполнѣ удовлетворена, то Дульциньо будетъ уступлено.

Султанъ, въ припадкѣ откровенности, ставилъ одно лишь условіе: удаленіе флота и окончательное упраздненіе „въ настоящемъ, какъ и въ будущемъ времени, всякаго проекта морской демонстраціи, клонящейся не къ чему иному, какъ къ тому, чтобы подвергнуть опасности права имперіи“. И онъ довелъ откровенность своихъ изліяній до того, что напомнилъ старые долги и старое банкротство. Приняты будутъ мѣры для удовлетворенія кредиторовъ: главнымъ образомъ посредствомъ податей, взимаемыхъ съ Кипра и восточной Румеліи и болгарской дани!

По-истинѣ нельзя быть любезнѣе! Впрочемъ, вотъ сторона спеціально несносная въ этомъ восточномъ вопросѣ: ломаешь голову, какъ бы заинтересоваться тѣми или другими изъ заинтересованныхъ лицъ, и вездѣ натыкаешься на нелѣпое или на отвратительное. Райя и мусульмане, фанатики креста и почитатели луны, всѣ болѣе или менѣе находятся въ состояніи политическаго и соціальнаго отупѣнія, и минутами сожалѣешь о сильныхъ сосѣдяхъ турецкаго государства, спорящихъ изъ-за гнилыхъ обломковъ его. Что касается тѣхъ, которые мечтаютъ о воскрешеніи восточной имперіи, то они могутъ быть покойны: хорошо, если имъ удастся воскресить Византію.

А пока „великій турокъ“ защищается, какъ умѣетъ. Выпустивъ свою знаменитую ноту 3-го октября, онъ спокойно скрестилъ ноги.

выжидая событій. И вотъ тутъ Гладстонъ пустилъ въ свѣтъ новый проектъ, заключающійся въ томъ, чтобы занять Смирну и наложить секвестръ на доходы этого города. По словамъ корреспондента „Times“, который, какъ это всегда бываетъ, черпаетъ свѣдѣнія изъ вѣрнаго источника, извѣстіе объ этомъ пришло въ Константинополь въ пятницу вечеромъ, 9-го октября. Немедленно султанъ, испугавшійся этой перспективы, рѣшился удовлетворить державы и отдать Дульциню, въ особенности когда узналъ, что Россія одобряетъ англійскій проектъ. Но съ другой стороны, ему сообщили, что Австрія, и по всей вѣроятности Германія, не согласится избрать этотъ путь, и это заставило его снова поколебаться.

Какъ бы то ни было, въ прошлый понедѣльникъ, 12-го октября, былъ балъ въ садахъ французскаго посланника, въ Терапіи. Дипломатическій корпусъ былъ на лицо, такъ же какъ и турецкіе министры, отъ которыхъ нарочно сторонились. „Совсѣмъ тѣмъ, мало-помалу, дѣло обошлось, и пока молодежь и „fashion“ Константинополя танцевали на террасѣ, господствующей надъ Босфоромъ, подъ деревьями сосѣднихъ аллей завязалась полу-оффиціальная бесѣда. Маленькій человѣчекъ, худенькій, щедушный Сади-паша, первый министръ, съ опущенными глазами, бросалъ порою украдкой взглядъ на-право и на-лѣво и, по своему обыкновенію, „умывалъ руки невидимымъ мыломъ въ невидимой водѣ“. Онъ сообщалъ, что „Дульциню будетъ сданъ въ извѣстный срокъ“ („Times“, отъ 14-го октября).

Такъ окончилось дѣло среди танцевъ и подъ звуки музыки, въ саду, на берегу Босфора. „All's well, that ends well“,—конецъ вѣнчаетъ дѣло, и на другой день получена была оффиціальная нота: — „Высокая Порта, желая дать новое доказательство своей добросовѣстности и доброй воли, объявляетъ, что уступаетъ Дульциню и даетъ немедленно категорическія инструкціи для передачи этой мѣстности черногорскимъ властямъ мирнымъ путемъ“. Но такъ какъ мы коснулись англійскихъ пословицъ, то слѣдующая будетъ здѣсь весьма кстати: „don't look a gift horse in the mouth“, т.-е. даровому коню въ зубы не смотреть, и не слѣдуетъ слишкомъ внимательно изслѣдовать этотъ подарокъ.

Турецкое правительство, такимъ образомъ, регулируетъ вопросъ о Дульциню: съ другой стороны, его нота, отъ 3-го числа, остается неприкосновенной, а что касается Греціи, Арменіи и всего остального, то приходится начинать сначала. Въ особенности, что касается Греціи, новая граница, начертанная берлинской конференціей, вовсе не была показана въ берлинскомъ трактатѣ, и въ этомъ отношеніи положеніе султана весьма выгодно. Прибавьте, что сенъ-джемскій кабинетъ пригласилъ Францію играть роль корифея въ эллинскомъ во-

просѣ, но республика отклонила это предложеніе, объявивъ черезъ посредство своихъ министровъ, что предложеніе, сдѣланное Ваддингтономъ, перестало быть исключительно французскимъ и стало европейскимъ съ той минуты, какъ оно было принято конгрессомъ. Одинъ фактъ остается несомнѣннымъ, это—тотъ, что разъ вопросъ о Дульциньо рѣшенъ, согласіе державъ нарушено и долго не возстановится.

Гладстонъ долженъ удовольствоваться этимъ неважнымъ успѣхомъ. Онъ громко провозглашаетъ его и изъ всѣхъ силъ цѣпляется за него: это во всякомъ случаѣ небольшой просвѣтъ въ ужасающей кутерьмѣ, которая царитъ въ настоящую минуту въ различныхъ частяхъ британской имперіи. И это судорожное движеніе проявляется не въ одной только Канской колоніи, Индіи и Афганистанѣ; въ самой Ирландіи, кажется, мы находимся наканунѣ междоусобной войны.

Я всегда старался придать ирландскому вопросу въ своихъ письмахъ то важное значеніе, какого онъ заслуживаетъ. Не то, чтобы я вѣрилъ въ существованіе серьезной опасности для Англіи, какъ это провозглашаютъ нѣкоторые католико-либеральные органы печати: чѣмъ больше изучалъ я, изслѣдовалъ вопросъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ неосновательности претензій ирландскихъ клановъ. Дѣло Смита О'Бріена и исторія феніевъ показываютъ, насколько вожди движенія могутъ полагаться на этихъ крестьянъ, деморализованныхъ вѣками католическаго отупѣнія.

Послѣ неудачи, постигшей феніевъ, правительству было легко дѣйствовать, но оно не сумѣло воспользоваться своими преимуществами. *Отдѣленіе ирландской церкви отъ государства* въ 1869 г. и *земельный законъ* 1870 г. были сами по себѣ превосходнымъ дѣломъ. Къ несчастію, католическое духовенство воспользовалось первымъ, такъ какъ это было его право, и стало еще высокомѣрнѣе и враждебнѣе, и этотъ образъ дѣйствій все усиливался по мѣрѣ новыхъ недѣльных уступокъ по вопросу о преподаваніи. Что касается „Land act“, то эта мѣра, существенная для блага населенія, социалистическая до нѣкоторой степени, не успѣла быть обнародована, какъ организовалось новое движеніе, въ формѣ „Home rule league“—лиги за самоуправленіе, съ цѣлью требовать новыхъ преимуществъ и самостоятельнаго управленія, въ родѣ федеративнаго. Подъ руководствомъ людей умѣренныхъ, но не логичныхъ, лига постепенно ослабѣвала, и все заставляло предвидѣть минуту, когда старинная ненависть—искусственно раздуваемая—угаснетъ и навѣки исчезнетъ. Примирительная книга О'Сюливана „New Ireland“, изданная въ 1877 г., даетъ вѣрное представленіе объ этомъ и отмѣчаетъ эту минуту.

Но, увы! это длилось всего одно мгновеніе. Въ этомъ самомъ

1877 г. снова выступила старая Ирландія подѣ видомъ *обструкціонизма*, блѣднаго пролога къ *парнелизму*. Подкапываясь подѣ авторитетъ м-ра Бутта, вождя Home Rule, нѣсколько ирландскихъ депутатовъ и въ ихъ главѣ Парнелль, старались всѣми средствами затруднять ходъ дѣлъ въ парламентѣ. Успѣхъ ихъ въ этомъ случаѣ былъ болѣе нежели ничтоженъ, какъ можно легко себѣ представить: но въ Ирландіи ихъ образъ дѣйствія привлекалъ къ нимъ населеніе. Плохой урожай прошлаго года далъ новый и болѣе существенный предлогъ для жалобъ заинтересованныхъ лицъ, слава неутомимаго Парнелля все возрастала, и ровно годъ тому назадъ, 21-го октября 1869 г., онъ организовалъ *національную земельную лигу*, которая выбрала его своимъ президентомъ. Правда, что въ эпоху смерти Бутта, Шоу былъ избранъ въ руководители Home rule; но послѣ апрѣльскихъ выборовъ, Парнелль былъ выбранъ въ предсѣдатели сессіи большинствомъ депутатовъ home rulers.

Извѣстно, что во время послѣднихъ выборовъ либеральные кандидаты обязались если не фактически, то нравственно содѣйствовать по мѣрѣ возможности цѣлямъ Home rulers: вслѣдствіе этого соглашенія они получили всѣ ирландскіе голоса. Вотъ прекрасный примѣръ *оппортионизма* въ худшемъ смыслѣ слова; вотъ чѣмъ эта система ниже системы intransigence (непримиримости), которая хоть и нелѣпа—какъ и ея испанское происхожденіе, но менѣе безчестна. Впрочемъ, въ политикѣ результатъ одинаковъ въ обоихъ случаяхъ, и не даромъ говорится, что на этой почвѣ ошибки равняются преступленію, и въ этомъ отношеніи можно сказать, что оппортионизмъ и непримиримость стоятъ другъ друга.

Но что прикажете! у людей существуетъ манія оппозиціи, и не успѣетъ идея воплотиться въ такой формѣ, которая выражаетъ ея крайнюю степень, какъ другая идея, діаметрально противоположная и такая же преувеличенная и ложная, немедленно вырастаетъ, какъ противовѣсъ первой. Такимъ образомъ, безсознательно развивается тезисъ и антитеза, и затѣмъ приходится ломать голову, чтобы примирить ихъ. Синтезомъ въ этихъ случаяхъ бываетъ справедливость, т.-е. *польза*: никогда не слѣдуетъ поступаться принципами, но ловить всѣ пригодные случаи для того, чтобы обезпечить за ними торжество, поступаясь по временамъ фактами. Въ случаѣ, занимающемъ насъ, принципъ—это необходимый союзъ между Ирландіей и Англіей: и не придерживаясь противнаго мнѣнія—нелѣпымъ быть вѣдь не запрещается—либеральные кандидаты не должны были бы обязываться передъ Home-rulers.

Пусть читатели извинятъ мнѣ это отступленіе: оно не лишнее, потому что кандидаты, ставшіе депутатами и членами большинства,

собирають теперь то, что посѣяли. Хотя они настолько многочисленны, что не нуждаются въ голосахъ своихъ ирландскихъ собраний, но обязательства ихъ слишкомъ громки, чтобы наименѣе добросовѣстные рѣшились уклониться отъ нихъ. Пришлось, слѣдовательно, отказаться отъ „*pease preservation act*“—закона, разрѣшающаго примѣнить въ Ирландіи нѣкоторыя исключительныя мѣры въ случаѣ волненій. Затѣмъ пришла очередь закона о вознагражденіи фермеровъ, сгоняемыхъ землевладѣльцами, о которомъ я говорилъ въ послѣднемъ письмѣ; но отверженіе этого закона палатою лордовъ и постоянно усиливающееся аграрное волненіе, дѣлають необходимымъ подробнѣе поговорить объ этомъ предметѣ.

„*Compensation for Disturbance Bill*“ исходилъ не отъ самого правительства. Форстеръ, статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ, уже высказался на этотъ счетъ, и довольствовался тѣмъ, что рекомендовалъ ирландскимъ землевладѣльцамъ, въ виду настоящаго кризиса и плохого урожая, большую умѣренность въ пользованіи своими правами. Это не могло удовлетворить парнелистовъ: одинъ изъ нихъ, О'Конноръ Пауеръ, отвѣчалъ на это, внеся законъ, направленный къ ограниченію права, которое имѣють землевладѣльцы прогонять своихъ фермеровъ, въ случаѣ неуплаты ими аренды. Правительство увидѣло, что ему приходится, какъ говорится, отдуваться: выборы были слишкомъ близки, чтобы можно было въ чемъ-нибудь отказать тѣмъ, которые оказались такими горячими друзьями. И вотъ, когда былъ внесенъ оффиціальный билль, измѣнявшій въ одномъ очень важномъ пунктѣ законъ *Land act* 1870 г. Этотъ законъ дѣйствительно допускаетъ вознагражденіе за протори и убытки сгоняемымъ арендаторамъ, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, когда увольненіе отъ аренды производится не по причинѣ неплатежа арендной платы.

Новый билль отмѣнялъ это исключеніе: въ нѣкоторыхъ округахъ въ случаѣ плохого урожая судьи графства могли присуждать землевладѣльца къ уплатѣ вознагражденія уволенному за неисправность въ платежѣ арендатору.

Я говорилъ, что это обстоятельство возбудило громкіе вопли не только въ консервативномъ лагерѣ, но и между либералами, кричавшими: „разбой“. Много шуму произошло по случаю отверженія билля палатою лордовъ; но дѣло было неизбежно въ виду неувѣренности и вялости, съ какими Гладстонъ велъ дебаты, и то урѣзывалъ законъ, то уступалъ настояніямъ ирландскихъ депутатовъ, и въ концѣ-концовъ получилъ при третьемъ чтеніи большинство всего лишь 66 голосовъ, и изъ нихъ 48 *Home rulers*. Поэтому никто не питалъ никакихъ иллюзій, когда начались пренія въ верхней палатѣ: лордъ Грей, вигъ или либераль, велъ оппозицію противъ новаго закона, и,

когда приступили къ голосованію послѣ двухдневныхъ дебатовъ, оказалось, что только 51 пэръ вотировали за законъ и были побиты большинствомъ 283 голосовъ: изъ нихъ 60 либеральныхъ.

Нелѣпо, впрочемъ, было утверждать, что отверженіе этого закона произвело взрывъ въ Ирландіи. Все шло своимъ порядкомъ, какъ раньше, такъ и позже: митинги „земельной лиги“ умножались, причемъ члены ея становились многочисленнѣе. Паролемъ вождей было — и остается до сихъ поръ — не платить ренту до тѣхъ поръ, пока урожай и условія не улучшатся. „Не выпускайте изъ рукъ земли“, сказалъ Парнелль, и „удержите за собой жатву“, кричитъ Диллонъ. Средствомъ для приведенія въ исполненіе этой мѣры служить кара, которой подвергаются тѣ, кто не хочетъ примкнуть къ этой стачкѣ. Каждый крестьянинъ, взявшій въ аренду ферму, изъ которой изгнанъ арендаторъ, подвергается карѣ. Недавно въ графствѣ Мео, одинъ изъ нихъ нашелъ утромъ своихъ быковъ и овецъ съ перерѣзанными жилами на ногахъ. На другой фермѣ 17 овецъ оказались съ двумя ранами на головѣ, вмѣсто ушей. Многіе фермеры, уплатившіе ренту въ сѣверномъ Керри, слышали, какъ стрѣляютъ изъ ружья въ ихъ двери, въ ожиданіи лучшаго, и имъ было сообщено, что если они будутъ продолжать уплачивать ренту, то пусть лучше закажутъ себѣ гробъ. Судебный приставъ былъ зарѣзанъ въ графствѣ Арма, послѣ того какъ произвелъ нѣсколько описей. Наконецъ, въ довершенію картины благородный землевладѣлецъ лордъ Моунтморресъ убитъ былъ въ одинъ прекрасный вечеръ шестью пулями, пущенными въ него.

Это повтореніе одной и той же исторіи. Этотъ джентльменъ, жестокосердіе котораго вошло, впрочемъ, въ пословицу — отношенія его съ арендаторами были самыя плачевныя, говорить „Times“ — этотъ джентльменъ, говорю я, возвращался домой — онъ жилъ въ графствѣ Голуэ, — въ субботу 25 сентября, послѣ захожденія солнца. Онъ присутствовалъ на собраніи судей въ Кломбѣрѣ, и на этомъ собраніи рѣшено было требовать отъ правительства репрессивныхъ мѣръ. Онъ ѣхалъ одинъ въ экипажѣ, вооруженный пистолетомъ и по всей вѣроятности погруженный въ задумчивость, по проселочной ирландской дорогѣ, обнесенной высокими стѣнами или, вѣрнѣе сказать, грудями камней, не связанныхъ цементомъ и образующихъ настоящій валъ съ естественными бойницами... Полчаса спустя лошадь и экипажъ вернулись домой безъ хозяина, трупъ котораго былъ найденъ на дорогѣ, плавающій въ крови, вытекшей изъ семи ранъ. Кто совершилъ убійство? — неизвѣстно, и можно побиться объ закладъ, что убійца не будетъ найденъ такъ же, какъ и убійца лорда Лейтрима.

Между тѣмъ чудеса идутъ своимъ чередомъ. Разумѣется, по случаю убійства лорда Моунтморреса, дублинскій католическій архіепископъ высказался противъ крайностей, допускаемыхъ земельной лигой и противъ насилія и пр. и пр. Но въ сущности онъ, также какъ и парнелисты, стоитъ за „fixity of tenure“; пуще же всего и болѣе чѣмъ когда-либо поощряются видѣнія. Одно уже было въ Нокѣ (Кноск); другое недавно произошло въ церкви, носящей знаменательное названіе „Кноскмоге“ въ графствѣ Мео. Мадонна не только появлялась нѣсколько разъ въ этой привилегированной церкви, но „въ одинъ изъ праздниковъ, пишетъ корреспондентъ, присутствующіе были свидѣтелями удивительнаго чуда. Человѣкъ сто утверждають, что въ ту минуту, какъ священникъ перебиралъ четки, на алтарѣ появился человѣкъ, въ которомъ всѣ немедленно признали Господа нашего Иисуса Христа. Явившійся отличался удивительной красотой, у него была длинная борода и голова обрамлена густыми кудрями. Онъ обошелъ нѣсколько разъ вокругъ священника, служившаго обѣдню, и нѣсколько разъ поклонился ему“ и пр. и пр.

И этотъ рассказъ перепечатывается въ *передовыхъ* журналахъ, каковы: „Nation“ и другіе.

А тѣмъ временемъ митинги *земельной лиги* продолжаютъ наводнять Ирландію при болѣе или менѣе явномъ содѣйствіи духовенства. Въ Коркѣ, на большомъ банкетѣ въ честь народнаго вождя, достопочтенный патеръ Шиби отвѣчалъ на тостъ, провозглашенный въ честь лиги:—онъ, т.-е. патеръ Шиби, который въ качествѣ ирландскаго священника, нѣсколько знакомъ съ исторіей Ирландіи, онъ „заплатилъ свою дань, сообразно съ своими скромными средствами дѣятелямъ 1867 г., потому что, по его крайнему убѣжденію, если бы Ирландія не имѣла дѣятелей 1867 г., она бы не имѣла также и Парнелля 1880!“ (*рукоплесканія*).

Въ виду всего этого, въ виду фарсовъ, переплетенныхъ съ трагедіями, правительство остается парализованнымъ. Я не присоединяюсь къ воплямъ о репрессивныхъ мѣрахъ, раздающихся съ одного конца Англіи до другого. Но скажу, что кабинетъ не можетъ долѣе бездѣйствовать и долженъ ясно выразить свои намѣренія, а главное—не долженъ поощрять надеждъ, которыхъ не въ силахъ выполнить, ибо такимъ путемъ приходятъ къ рѣзнѣ. Пусть кабинетъ Гладстона поразмыслить хорошенько: онъ стоитъ на этой опасной стезѣ, и попалъ на нее добровольно, заранѣе парализовавъ свои силы тѣмъ, что принялъ содѣйствіе и поддержку „Home rulers“. И если катастрофа произойдетъ, то отчета въ пролитой крови потребуютъ у него.

Но надо надѣяться, что этого не случится, въ особенности если

мы примемъ во вниманіе хорошо извѣстные antecedentes ирландской націи. Я не хочу снова пускаться въ разборъ ея жалобъ; я слишкомъ часто высказывался на этотъ счетъ въ своихъ корреспонденціяхъ. Я желалъ бы отъ всего сердца, вмѣстѣ съ Джономъ Стюартомъ Миллемъ, чтобы въ Ирландіи образовались сословія крестьянъ-землевладѣльцевъ. Я даже не вопрошаю, какъ Молинару въ „Journal des Débats“, удастся ли эта попытка—тамъ увидимъ! Но, повторяю, ирландскіе арендаторы имѣютъ право на это преимущество не болѣе чѣмъ англійскіе или шотландскіе, и я продолжаю оплакивать преувеличенное состраданіе, внушаемое ими, въ ущербъ другимъ несчастнымъ пролетаріямъ всѣхъ странъ. Я оплакиваю это тѣмъ сильнѣе, что такое состраданіе вызывается и поддерживается воплями безсовѣстнаго духовенства, которое всего болѣе способствуетъ увѣковѣченію невѣжества, лѣности и нищеты своей паствы.

Перейдемъ теперь къ „храбрымъ афганцамъ“, какъ ихъ величаютъ ирландцы, всегда довольные, когда Джону Буллю достается на орѣхи. Но въ англичанахъ то замѣчательно, что чѣмъ сильнѣе ихъ бьютъ, тѣмъ настойчивѣе они обороняются. Если бы я не боялся преувеличенія, то сказалъ бы, что одни только римляне представляютъ такое же явленіе въ исторіи. Правда, что афганцамъ далеко до кароагенианъ, и Эюбъ-хану до Аннибала; тѣмъ не менѣе аналогія существуетъ, и въ сущности, помимо всякихъ преувеличеній, послѣдній походъ въ Кандагаръ является замѣчательнымъ военнымъ событіемъ.

Мы разстались съ Абдурахманомъ въ тотъ моментъ, какъ онъ готовился поселиться въ Кабулѣ съ разрѣшенія, если не подъ покровительствомъ, остѣиндскаго правительства. 22 іюля въ этой столицѣ состоялся „дурбаръ“ въ присутствіи нѣсколькихъ сердарей, симпатизирующихъ англичанамъ. Въ этомъ собраніи британскій агентъ объявилъ, что правительство ея величества признаетъ Абдурахмана эмиромъ сѣвернаго Афганистана. Затѣмъ регулируются условія этого соглашенія. Новый государь не долженъ считаться креатурой англичанъ: извиненія его, по поводу писемъ компрометирующаго свойства, были приняты, и бранныя выраженія, изобилующія въ этихъ письмахъ; согласились признать простымъ средствомъ привлечь афганцевъ, и такимъ образомъ обезпечить интересы тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ эта брань касалась. Ему передали укрѣпленія, выстроенныя вокругъ Кабула, равно какъ укрѣпленный лагерь, Шерпурскій дворецъ и захваченныя афганскія пушки.

Наконецъ, ему подарили 80 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, въ которыхъ онъ, повидимому, крайне нуждался. Вмѣстѣ съ тѣмъ не было заключено никакого формальнаго договора: эмиръ обязывался только

облегчить удаленіе англійскихъ войскъ и получилъ удостовѣреніе отъ Англіи въ покровительствѣ, на случай, если бы какая-нибудь иностранная держава напала на него. Что касается присутствія англійскаго резидента въ Кабулѣ, то объ этомъ не было и рѣчи. Впрочемъ, лордъ Гартингтонъ предполагалъ заключить формальный договоръ съ Абдурахманомъ, когда тотъ докажетъ искренность своихъ намѣреній. Въ сущности правительство придерживалось весьма благо-разумно образа дѣйствій лорда Литтона, въ томъ, что касается переговоровъ съ новымъ эмиромъ.

Оставались Герать и Кандагаръ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ сердаръ Ширъ-Али, провозглашенный вали или независимымъ государемъ, повидимому былъ не въ силахъ поддержать свою власть надъ провинціей. Часть его войскъ взбунтовалась, узнавъ о движеніи Эюбъ-хана. Этотъ сынъ прежняго эмира Ширъ-Али оставался въ Гератѣ послѣ бѣгства своего отца въ русскій Туркестанъ. Когда кабульская рѣзня погубила Якуба, онъ сталъ еще независимѣе, чѣмъ прежде, собралъ армію изъ жителей Герата и Кабула и оставался глухъ къ любезнымъ предложеніямъ англійскихъ генераловъ. Вскорѣ, узнавъ о томъ, что происходило въ Кандагарѣ и раздраженный при этомъ воцареніемъ Абдурахмана въ Кабулѣ, онъ выступилъ со своими полками. Онъ, повидимому, оставилъ Герать 9 іюня. 26, только вице-король получилъ черезъ Тегеранъ первое извѣстіе объ этомъ. Въ половинѣ іюля Эюбъ прибылъ къ Гельмонду, отстоящему въ 75 миляхъ отъ Кандагара.

До той поры остъ-индское правительство ни на одну минуту не вѣрило въ успѣхъ этого наступленія изъ-за 367 миль, отдѣляющихъ этотъ городъ отъ Герата. Пришлось убѣдиться въ этомъ на опытѣ и рѣшиться дѣйствовать: къ несчастію, рѣшеніе было принято слишкомъ поздно и недостаточно энергично, генераль Примрозъ командовалъ въ Кандагарѣ и могъ получить подкрѣпленія изъ Кветты, которая отстоитъ отъ него въ 148 миляхъ: ему послали незначительное подкрѣпленіе, давая при этомъ знать, что вали (государь Кандагара) долженъ оборонять свою территорію. Это было прекрасно сказано: но войска вали, посланные въ Гермондъ, дезертировали наперерывъ другъ передъ другомъ. Бригадный генераль Бурроузъ, посланный за ними въ-догонку, прибылъ какъ разъ въ время, чтобы истребить ихъ остатки.

Итакъ, пришлось пустить въ ходъ собственныя войска. Эюбъ-ханъ находился въ Майванѣ, въ 40 миляхъ отъ Кандагара, съ 12 тысячами человѣкъ, изъ нихъ 5,000 регулярной пѣхоты, 2,000 афганскихъ всадниковъ и 5,000 фанатиковъ различныхъ племенъ. У генерала Бурроуса было подъ командой 700 европейцевъ и 200 туземцевъ, и

онъ, вмѣсто того, чтобы держаться оборонительнаго образа дѣйствій и выжидать нападенія непріятеля, перешелъ къ наступленію и на свою бѣду завязалъ сраженіе 27 іюля въ 11 часовъ. У англичанъ было всего 12 пушекъ, у афганцевъ ихъ было тридцать, и онѣ дѣйствовали превосходно, что незамедлило оказаться убійственнымъ для англичанъ, когда разстояніе между сражающимися сократилось до одной мили.

Когда англійская пѣхота нѣсколько разстроилась, непріятельская кавалерія произвела нѣсколько атакъ, и англичане вскорѣ обратились въ бѣгство. Двѣ пушки остались на мѣстѣ боя, и только 250 кавалеристовъ достигли Кандагара цѣлымъ отрядомъ. Послѣдніе бѣглецы прибыли въ этотъ городъ лишь на другой день вечеромъ: множество было изрублено афганцами, еще больше пало отъ усталости и жажды по дорогѣ, совершенно лишенной источниковъ воды и изсушенной тропическимъ зноемъ. Таково было сраженіе при Майванѣ, въ которомъ тысяча англичанъ по крайней мѣрѣ осталась на мѣстѣ; цѣлая бригада была уничтожена.

Натурально, всѣмъ досталось: генералу Бурроусу за то, что атаковалъ непріятеля съ недостаточными силами, генералу Примрозу за то, что онъ не прислалъ подкрѣпленій, а вице-королю за то, что онъ не имѣлъ вѣрнаго понятія о положеніи дѣлъ. Натурально также, заинтересованныя лица по обыкновенію сваливали вину другъ на друга и такъ же неосновательно, какъ и другія. А между тѣмъ, какъ замѣчаетъ „Эдинбургское Обозрѣніе“, дѣло очень просто: не слѣдовало давать этого сраженія,—вотъ и все. Это мнѣніе напоминаетъ немного мнѣніе Фрица въ „Grande-Duchesse“, но тѣмъ не менѣе „причина основательная“, какъ это часто бываетъ въ исторіи военныхъ дѣлъ.

Въ первыхъ числахъ августа Эюбъ появился съ главными силами своей арміи подъ стѣнами Кандагара, который его кавалерія уже обложила. Онъ выставилъ нѣсколько баттарей и занялъ нѣсколько деревень, между прочимъ, деревню Deb-i'Kwajeh, расположенную на востокъ отъ города близъ дороги въ Кабуль. Генераль Примрозъ, запертый въ городѣ съ 4000 человекъ, нашелъ нужнымъ выбить непріятеля изъ этой позиціи. Компетентные люди находятъ, что онъ долженъ былъ предоставить этотъ трудъ артиллеріи и инженерамъ: вмѣсто того, онъ поторопился сдѣлать вылазку. Солдаты его храбро проникли въ деревушку, но непріятель, застигнутый сначала въ-расплохъ, не замедлилъ принять оборонительное положеніе, такъ что генераль Брукъ, командовавшій атакой, счелъ болѣе благоразумнымъ отступить. Это было исполнено, но съ большимъ урономъ со стороны англичанъ, которые оставили около 200 человекъ на мѣстѣ битвы (изъ 1100 нападающихъ), въ томъ числѣ

восемь офицеровъ, считая между ними храбраго генерала Брука, который былъ убитъ въ то время, какъ пытался унести Круикшенка, смертельно раненаго. Хотя генераль Примрозъ донесъ объ этомъ дѣлѣ, какъ о побѣдѣ, его мнѣніе далеко не раздѣлялось всѣми; напротивъ того, публика все болѣе и болѣе тревожилась и волновалась объ участи гарнизона.

Но судьба англійскихъ гарнизоновъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ заключается въ томъ, что они бывають спасены и торжествуютъ какъ разъ въ ту минуту, какъ ихъ считаютъ погибшими. Кветта, гдѣ находился генераль Фейръ, отстоятъ всего въ 148 миляхъ отъ Кандагара, а Кабулъ находится въ 316 миляхъ. Однако спасеніе должно было придти изъ этого города. Дивизія подъ командой Фейра не была летучимъ отрядомъ, какъ оазывается. Итакъ, было рѣшено, что смѣлый генераль Робертсъ пойдетъ на выручку Кандагара.

Онъ выступилъ изъ Кабула 8 августа, имѣя подъ своей командой 2,500 европейцевъ, 7,000 туземцевъ и почти столько же „camp followers“. Всѣ люди были подвергнуты медицинскому осмотру передъ выступленіемъ; багажъ былъ низведенъ до minimum'a и провіантомъ запаслись всего на пять дней. Почти въ это же время генераль Стюартъ выступилъ изъ Кабула съ остальными англійскими силами и направился къ Хайберу. Нѣкоторые порицали это движеніе, но безъ всякихъ основательныхъ резоновъ, потому что изъ двухъ одно: или Робертсъ будетъ разбитъ, и въ такомъ случаѣ кабульскій гарнизонъ будетъ не въ силахъ, благодаря разстоянію, оказать ему помощь, или онъ будетъ побѣдителемъ, и въ такомъ случаѣ не будетъ нуждаться въ помощи.

Какъ бы то ни было, походъ этого генерала, совершенный при условіяхъ самыхъ анти-стратегическихъ, увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Абдурахманъ, правда, отправилъ съ нимъ нѣсколько вождей съ довольно значительными деньгами, чтобы купить племена, находившіяся на пути. Тѣмъ не менѣе 316 миль пути въ этой враждебной, ненадежной странѣ—это много и, надо сознаться, что всѣ тамъ были противъ Робертса. Его спасла быстрота дѣйствій: выступивъ, какъ мы сказали, 8 августа, онъ прибылъ 31 въ Кандагаръ, совершивъ военный маневръ, могущій занять мѣсто въ ряду самыхъ замѣчательныхъ этого рода.

Между тѣмъ Эюбъ-ханъ, узнавъ о приближеніи подкрѣпленій, отступилъ за три мили отъ города, по направленію къ сѣверо-западу, за цѣпь горъ, которая тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. На извѣстномъ пунктѣ находится ущелье, Боба-Вали, служащее для сообщеній между окрестностями города и долиной Ар-

гандоба. Эюбъ расположился со своей арміей позади ущелья, между горой и рѣкой, Робертсъ же разбилъ свою главную квартиру между городомъ и непріятельскими позиціями и, изслѣдовавъ мѣстность, скоро составилъ свой планъ. 1-го сентября бой завязался вылазкой гарнизона Кандагара противъ входа въ ущелье. Вмѣстѣ съ тѣмъ, главная часть войска обошла горы и напала на правый флангъ Эюба. Послѣ битвы, довольно ожесточенной на многихъ пунктахъ, уроженцы Герата обратились въ бѣгство, за ними послѣдовали кабульцы, и полный успѣхъ увѣнчалъ усилія счастливаго генерала. Эюбъ-ханъ успѣлъ бѣжать, но 1,200 его приверженцевъ остались на мѣстѣ. Такимъ образомъ, побѣда при Боба-Вали, равно какъ и смѣлое наступленіе генерала Робертса, возстановили обаяніе англійскаго оружія, сильно поколебавшееся отъ пораженія при Майванѣ. За мѣтѣте, что побѣдители отдѣлались 48 убитыми и 228 ранеными, въ числѣ которыхъ по обыкновенію несоразмѣрно много офицеровъ. Одинъ лейтенантъ, по имени Маклайнъ, взятый въ плѣнъ афганцами въ первомъ дѣлѣ, былъ подло убитъ своими сторожами, передъ тѣмъ, какъ они обратились въ бѣгство: Эюба-хана упрекаютъ въ этомъ варварскомъ поступкѣ, который будетъ поставленъ на счетъ въ послѣдующихъ переговорахъ.

А пока положеніе дѣлъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: афганскаго царства больше не существуетъ, не существуетъ больше Афганистана въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и въ этомъ отношеніи политика лорда Литтона вполне осуществилась, и все это благодаря стараніямъ его преемника, лорда Рейпона, креатуры Гладстона. Столица бывшаго царства Дурани очищена, генералъ Стюартъ находится въ Хайберскомъ проходѣ и оберегаетъ его, а Абдурахманъ вполне свободенъ и предоставленъ собственнымъ силамъ, но его владѣнія ограничиваются старинной территоріей Кабула, съ присоединеніемъ афганскаго Туркестана. Провинція Кандагаръ продолжаетъ образовывать отдѣльное государство подъ властью сердаря Ширъ-Али, въ ожиданіи событій и къ великому неудовольствію либераловъ, которые не хотятъ понять тактики ихъ главы; англійскія войска остаются при вали, съ тѣмъ, чтобы оказать ему поддержку въ случаѣ нужды. Остается третья область, Гератъ, отстоящая слишкомъ далеко, чтобы ею можно было уже распорядиться. Эюбъ-ханъ, быть можетъ, снова занялъ ее въ настоящую минуту и съ большей властью, чѣмъ когда-либо; потому что если онъ и претерпѣлъ пораженіе, то тѣмъ не менѣе можетъ похвастаться блистательной побѣдой надъ невѣрными, и среди афганскихъ вождей, онъ одинъ можетъ сослаться на такой подвигъ. Короче сказать, положеніе дѣлъ все еще временное, но можно разсчитывать на нѣсколько мѣсяцевъ спокойствія и тишины.

И это уже выгода, въ особенности въ такую минуту, когда всѣ колоніи—включая и Ирландію, волнуются. Въ южной Африкѣ не успѣла окончиться война зулусовъ, какъ началась новая борьба съ другими племенами. Мнѣ некогда входить въ подробности, и я позволю себѣ отослать любознательнаго читателя къ моей корреспонденціи за май мѣсяцъ 1879 г. Я указывалъ въ ней на раздѣленіе негровъ абантусовъ, населяющихъ южную Африку, на четыре великихъ семейства: на ама-кеоровъ или, собственно говоря, каффровъ, на зулусовъ, дамарксовъ и бечуановъ. Въ настоящую минуту насъ интересуютъ эти послѣдніе. Въ числѣ ихъ мы имѣемъ племя басу-тосовъ, которое обитало первоначально вмѣстѣ съ остальными бечуанами на западъ отъ Трансваала, затѣмъ блуждало тамъ и сямъ по южной Африкѣ, и наконецъ основалось въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, подъ предводительствомъ вождя Моске.

Въ настоящее время ихъ главное поселеніе находится въ странѣ, называемой по ихъ имени, страню басу-тосовъ, на сѣверо-восточной окраинѣ капской колоніи. Запертые между вольнымъ государствомъ Оранской Рѣки, колонією Наталь и Каффрской землей, басу-тосы составляютъ нераздѣльную часть колоніи мыса Доброй-Надежды, къ которой присоединены. Ихъ насчитываютъ 130 тысячъ, и они могутъ доставить контингентъ въ тридцать тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе. И этотъ-то самый пунктъ вызвалъ ихъ неудовольствіе: такъ какъ недавно у нихъ хотѣли отнять ихъ ружья, то это послужило причиной или предлогомъ къ возстанію, грозящему принять весьма серьезныя размѣры. Двухъ или трехъ тысячъ колониальныхъ войскъ очевидно недостаточно, чтобы подавить возстаніе, и они уже претерпѣли нѣсколько серьезныхъ неудачъ: много офицеровъ убито, и одну минуту опасались повторенія исторіи при Изандулѣ. Мораль этой исторіи та, что опять придется призвать войска метрополіи на помощь. Здѣсь общественное мнѣніе начинаетъ негодовать: сэра Бартля Фрера, котораго винятъ въ войнѣ съ зулусами, пришлось отозвать. Послѣ зулусовъ явились басу-тосы, и хуже всего то, что галеги, нонды и другіе каффры грозятъ присоединиться къ движенію. Рѣшительно новый кабинетъ не счастливѣе прежняго.

А теперь, ради увеселенія, займемся трудами комиссіи, учрежденной для изслѣдованія изумительныхъ подвиговъ, совершенныхъ во время послѣднихъ выборовъ. Всѣ воображали, что дни избирательныхъ подкуповъ миновали вмѣстѣ съ *реформой* и въ особенности закрытой баллотировкой. Оказалось, что это была иллюзія, разсѣянная отчетами вышеназванной комиссіи. Иногда спрашиваетъ себя: какимъ образомъ кандидаты ухитряются издерживать такіа громадныя суммы. Послушайте, что происходило, напримѣръ, въ

Оксфордѣ. Нѣкто м-ръ Матьюсъ говоритъ, что въ такомъ городѣ нужно найти приличные предлоги для раздачи денегъ и послѣ этого немедленно съ головой бросается въ „flag-and-pole-business“. Флаги и знамена немедленно вырастаютъ надъ городомъ; ленты напихали всюду; ими разукрасили лошадей, ословъ, телѣжки; и даже собаки и кошки наряжены въ голубой цвѣтъ, милый сердцу консерваторовъ. Либералы, само собой разумѣется, не отстаютъ отъ консерваторовъ: флаги и ленты заказываются избирателями, фабрикуются избирателями, раздаются другимъ избирателямъ. Но это не все: 60,000 афишъ и циркуляровъ прибиваются цѣлой арміей избирателей тори и срываются либеральными избирателями, подкупленными съ этою цѣлью.

Что можно противъ этого возразить? Эти люди зарабатываютъ деньги, вотъ — и все. Одинъ торговецъ вина нанимаетъ человѣкъ шестьдесятъ въ услуженіе:—Я употребилъ нѣкоторыхъ на работу въ моемъ помѣстьи, другихъ послалъ въ Бирмингамъ, а третьихъ заставилъ ничего не дѣлать, говоритъ онъ. Развѣ послѣднее не прелестно?

Въ другихъ мѣстахъ, въ Маклесфилдѣ и въ Сандвичѣ гораздо меньше церемонятся. „Цѣна голоса колебалась между 3 и 15 шиллингами“. Эта цѣна даже возросла, такъ какъ въ одномъ случаѣ 610 фунтовъ стерлинговъ было роздано либералами и консерваторами 605-ти человѣкамъ избирателей. „Въ Сандвичѣ, говоритъ другой свидѣтель, до Reform Bill каждый избиратель получалъ гинейю или хорошій обѣдъ въ день голосованія: этого у нихъ никогда не выбьютъ изъ головы“. Но поглядите, какое неудобство представляетъ закрытая баллотировка: утверждаютъ, что въ этомъ городѣ 800 лицъ по крайней мѣрѣ получили деньги отъ обѣихъ сторонъ. Самые хитрые изъ нихъ, чтобы успокоить свою совѣсть, положили пустой билетъ. Здѣсь также „flag-and-pole-business“ развилась въ совершенствѣ. Городъ казался буквально засаженнымъ цѣлымъ лѣсомъ флаговъ, каждый изъ нихъ былъ сооруженъ восемью избирателями, получившими по тридцати шиллинговъ на человѣка за это дѣло! Газетные столбцы наполнены исторіями этого рода. Конечно, не слѣдуетъ преувеличивать ихъ значенія; но онѣ не дѣлаютъ чести ни консерваторамъ, ни либераламъ.

Старые обычаи, и въ особенности дурные, искореняются съ великимъ трудомъ.

Мнѣ остается теперь отмѣтить смерть человѣка, игравшаго важную роль въ восточныхъ дѣлахъ, и который былъ не только яркимъ руссофобомъ, но ожесточеннымъ и личнымъ врагомъ императора Николая. Стратфордъ Каннингъ—съ 1852 г., лордъ Стратфордъ де-Ред-

клифъ, родился, 6-го января 1788 г., отъ матери ирландки и отца торговца въ Сити и окончилъ свое долготѣнее поприще 14 августа въ своей резиденціи близъ Тунбриджъ-Уэльса. Родственникъ знаменитаго Каннинга, онъ быстро сдѣлалъ карьеру на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1824 г. мы находимъ его въ Петербургѣ, куда онъ былъ посланъ своимъ правительствомъ, чтобы войти въ соглашеніе съ Россіей по поводу греческихъ притязаній. Два года спустя, онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь. Но онъ недолго оставался тамъ, и только въ 1841 г. началось его продолжительное пребываніе въ столицѣ турецкой имперіи, судьбами которой онъ руководилъ въ продолженіи 18 лѣтъ. Несомнѣнный фактъ, что султанъ Абдулъ-Меджидъ и его паши повиновались ему, какъ рабы повинуются господину, и успѣхъ Крымской кампаніи былъ отчасти дѣломъ его рукъ. Не только высокоумный, но жесткій и гордый поклонникъ Попа и Джонсона, т.-е. всего холоднаго и напыщеннаго, онъ оставилъ по себѣ среди своихъ подчиненныхъ самую мрачную память. Ужъ, конечно, если ему будетъ многое прощено, то не потому, что онъ много любилъ.

R.

ПРАЗДНЕСТВА ВЪ КЕЛЬНѢ

ПО ПОВОДУ ОКОНЧАНІЯ СОБОРА.

Письмо въ Редакцію.

Съ дѣтства слышали мы отъ людей бывалыхъ о грандіозности и красахъ Кельнскаго собора: читали описанія его, многіе видѣли его, восхищались имъ, но какъ рассказы, такъ и описанія, оканчивались постояннымъ припѣвомъ:—жалъ, очень жалъ, что памятникъ этотъ не будетъ никогда оконченъ! Вѣра въ невозможность его окончанія такъ вкоренилась въ умы цѣлаго ряда поколѣній, что здѣсь, на Рейнѣ, сложилась даже ироническая поговорка: „это исполнится или будетъ сдѣлано, когда Кельнскій соборъ будетъ отстроенъ“, т.-е. никогда этого не будетъ.

Между тѣмъ 3-го (15-го) октября 1880 г. сотни тысячъ народа

присутствовали при опущеніи, на высотѣ 156 метровъ, своднаго камня на южной башнѣ этого собора. Казавшееся недостижимымъ—совершилось... Вѣками сложившаяся поговорка утратила свой смыслъ; она исчезнетъ изъ памяти народной, занявъ мѣсто въ ряду историческихъ присказокъ.

Предприимая подѣлиться съ читателями впечатлѣніями, испытанными 15-го и 16-го октября на берегахъ Рейна, я считаю необходимымъ, съ первыхъ же строкъ, оговориться, что хотя соборъ былъ поводомъ описываемыхъ празднествъ, но я не стану вдаваться въ описаніе его самого. Подобная задача не по плечу даже архитектору и инженеру. Для этого необходимы, кромѣ техническихъ знаній строительнаго искусства,—археологія и исторія его, въ особенности средневѣковая, по преимуществу готика. Мы увидимъ ниже, какихъ неимоверныхъ трудовъ, цѣлой жизни стоила теоретическая реставрація этого зданія—если можно такъ выразиться—Сульпицію Боассере. Кромѣ того, безъ цѣлаго атласа чертежей, всякое, повидимому, самое наглядное описаніе, осталось бы мертвой буквой.

Другое дѣло, исторія этого собора. Не зная главныхъ событій ея, читатель не дастъ себѣ отчета въ смыслѣ празднествъ 15-го и 16-го октября. Мы коснемся ея, но только вскользь, насколько необходимо для уразумѣнія сообщаемаго.

На мѣстѣ настоящаго Кёльнскаго собора существовала уже, во времена Карла Великаго, церковь, построенная архіепископомъ Гильдебольдомъ. Судя по сохранившимся описаніямъ, она была значительныхъ размѣровъ, напоминая своимъ устройствомъ соборы майнцскій и бамбергскій. Несмотря на послѣдующія перестройки и увеличенія, она не удовлетворяла въ послѣдствіи новымъ потребностямъ времени, возрастающему значенію Кёльна, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда перевезенныя туда мощи волхвовъ стали привлекать въ этотъ городъ многочисленныя толпы слѣпо вѣрующихъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ Европы. Поэтому архіепископъ Энгельбертъ I-й рѣшился приступить къ сооруженію, на мѣстѣ стараго, новаго собора, который соотвѣтствовалъ бы новымъ потребностямъ и служилъ бы украшеніемъ города, но ему не было суждено осуществить свою мысль. Въ 1225 г., онъ былъ убитъ. Его преемникъ, Конрадъ фонъ-Гохштаденъ, положилъ основаніе, 15-го августа 1248 г., теперѣ существующему собору, послѣ пожара, уничтожившаго старый въ этомъ же году. Замѣтимъ здѣсь, что, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, первоначальный планъ собора былъ составленъ Гергардомъ де-Риле, который и былъ первымъ его строителемъ. Минуя преемниковъ его, исполнителей его идеи, укажемъ, что, по начальному предположенію, имѣлось въ виду, какъ кажется построить только новый алтарь

собора, и уже послѣ его окончанія возникла мысль соорудить и соотвѣтственные продольные пролеты, сломавъ старыя, уцѣлѣвшіе отъ пожара. Въ 1347 г., приступили къ ихъ постройкѣ и къ сооруженію южной башни. Государственные убоицы въ Германіи и не-смолкающія распри между архіепископами и горожанами, не споспѣшествовали, конечно, успѣху постройки. Только въ 1437 г. башня съ южной стороны была поднята на высоту прикрѣпленія колоколовъ, т.-е. на ту высоту, на которой многіе изъ насъ видѣли ее въ 1868 году, въ то время, когда снятъ былъ старый домкратъ, служившій съ XV столѣтія для поднятія строительныхъ матеріаловъ на высоту платформы и замѣненъ новыми приспособленіями. Въ теченіе XVI вѣка, были окончены сѣверные боковые пролеты, украшенные (въ 1508 г.) сохранившимися по сіе время окнами, съ замѣчательною живописью по стеклу. Съ этого времени замѣчается значительное ослабленіе строительной дѣятельности собора; средства для постройки сѣкнутъ, и около 1560 г. работы совершенно прекращаются. Мѣсто созиданія заняло разрушеніе. Исторія собора въ послѣдующія столѣтія не существуетъ. Человѣчеству той эпохи было не до тесанія кружевъ изъ камня. Другіе интересы, другіе вопросы явились на смѣну на исторической аренѣ западной Европы.

Когда же, черезъ три столѣтія, вновь возникла мысль о продолженіи постройки собора, утрачено было даже техническое преданіе, и потому мы не имѣемъ права умолчать ни о тѣхъ неимоверныхъ затрудненіяхъ, которыя представлялись окончательному его сооруженію, ни о тѣхъ лицахъ, стараніяхъ, трудахъ и изслѣдованіяхъ которыхъ удалось вызвать къ жизни предпріятіе, оставленное и забытое. Въ смутную эпоху реформаціи постройка кѣльнскаго собора, какъ мы видѣли, остановилась. Отстроенныя части покрыты были временною крышею, незащищавшею ихъ даже отъ вѣшнихъ вліяній. Хотя въ въ теченіе XVI и XVII столѣтій возникло нѣсколько красивыхъ памятниковъ внутри собора, но и въ XVIII столѣтіи не было ничего предпринято, чтобы охранять его. Множество лачугъ облѣпили его со всѣхъ сторонъ. Соборъ, разрушаясь постепенно, представлялъ въ концѣ истекшаго столѣтія видъ развалины. При занятіи Кѣльна французскими республиканскими войсками была даже рѣчь снести его совершенно. Французскій епископъ Вертоле, видѣвшій его въ эту эпоху, предложилъ, для замаскированія этой готической развалины, какъ онъ называлъ соборъ, по крайней мѣрѣ обсадить его, съ восточной и южной сторонъ, рядомъ тополей, чтобы скрыть ее отъ взоровъ. Наконецъ, французы устроили въ немъ складъ сѣна.

Кто же первый обратилъ вновь вниманіе современниковъ на остатки этого собора? Кто созналъ настоящую цѣну ихъ и разгляслилъ красоты ихъ?

Георгъ Фёрстеръ, другъ Ал. Гумбольдта, знаменитый путешественникъ вокругъ свѣта, остроумнѣйшій изъ писателей, и—несчастный человѣкъ, погибшій отчасти по собственной винѣ, отчасти по винѣ раздробленности тогдашней Германіи, по винѣ мелкоты ея правителей. Ему принадлежитъ честь—открыть фалангу „друзей Кёльнскаго собора“; онъ разъяснилъ своимъ современникамъ значеніе его, какъ произведенія искусства; онъ былъ первымъ бойцомъ за смѣлую идею возстановленія и окончанія его, которую онъ пропагандировалъ въ своемъ сочиненіи: „Ansichten vom Niederrhein“. Онъ былъ, по счастливому выраженію его біографа, для Кёльнскаго собора Іоанномъ въ пустынѣ, возвѣстившимъ, своимъ потрясающимъ словомъ, предстоящее его спасеніе. Начатую Фёрстеромъ агитацію продолжали, на литературномъ поприщѣ, такіе люди, какъ Фридрихъ Шлегель, Гёте, Гёррессъ и братья Боассере. Въ особенности старшій изъ братьевъ, Сульпицій, своими изысканіями, на которыя онъ положилъ всю свою жизнь, старался возстановить, по крайней мѣрѣ въ чертежахъ, заброшенный и забытый памятникъ. Это было, конечно, необходимымъ и первымъ условіемъ, прежде чѣмъ можно было подумать объ осуществленіи его въ дѣйствительности. Ему, главнымъ образомъ, принадлежитъ заслуга — снисканія неутомимыми стараніями этой жалкой развалинѣ новыхъ друзей и покровителей. Поэтому вполне понятно, что здѣсь будетъ уместно, хотя вкратцѣ, передать главныя черты его плодотворной и дѣятельной жизни, по крайней мѣрѣ насколько она переплетена съ судьбами собора.

Потерявъ, въ ранней молодости, родителей, происходившихъ изъ Голландіи (Сульпицій родился въ Кёльнѣ 2-го августа 1783 г.), онъ предназначался, своей бабкой, для торговой карьеры, но вскорѣ обнаружилъ большую наклонность къ наукамъ, литературѣ и въ особенности къ образовательнымъ искусствамъ. Лѣтомъ 1799 г., является онъ, для практическихъ занятій по торговлѣ, въ Гамбургъ. Счастливыя рекомендаціи вводятъ его въ семью Реймаруса, составлявшую, со времени Лессинга, средоточіе литературныхъ интересовъ эпохи, и въ домъ образованнаго книгопродавца Пертеса. Соприкосновеніе съ этими элементами еще больше развиваетъ въ молодомъ человѣкѣ художественскія наклонности; онъ занимается, кромѣ того, усердно математикой, физикой, архитектурнымъ черченіемъ. Возвратившись, въ 1799 г. въ Кёльнъ, онъ знакомится съ І. Б. Бертрамомъ—нѣсколькими годами старше Сульпиція, занимавшимся философскими науками и искусствами. Встрѣча эта была рѣшающею въ жизни молодого человѣка. С. Боассере окончательно убѣждается, что торговые занятія его ни въ какомъ случаѣ не удовлетворяютъ. Жажда знанія толкала его на иной путь. Съ младшимъ братомъ, Мельхіоромъ, и Бертрамомъ

предпринимаютъ они артистическое путешествіе въ Антверпенъ, Мехельнъ и Брюссель,—города, богатые произведеніями искусства, и затѣмъ, зимою 1803 г., въ Парижъ, гдѣ собраны были въ то время художественныя сокровища со всей Европы, заплатившей дань побѣдителю, между прочимъ, и своими лучшими музеями. Въ Парижѣ молодые люди знакомятся съ знаменитымъ романтикомъ, Фридрихомъ Шлегелемъ, предложившимъ имъ читать лекціи по эстетикѣ. Путемъ историческихъ изслѣдованій Шлегель уже тогда дошелъ до убѣжденія, что и средніе вѣка представляютъ много достойнаго изученія и подражанія, между тѣмъ какъ прежде только классическая древность удостоивалась этой чести. Ему стали понятны прелести собора *Nôtre-Dame de Paris*, долго непризнаваемая. Бесѣды съ Бертрамомъ, рассказы послѣдняго о видѣнномъ, по части искусства, въ Нидерландахъ и на берегахъ Рейна, возбудили въ Фр. Шлегелѣ желаніе познакомиться съ художественными произведеніями этой мѣстности. Съ этою цѣлью онъ переселяется въ Кельнъ, гдѣ и остается четыре года (съ 1804—1808 г.), читая лекціи по исторіи литературы. Между тѣмъ, молодые друзья его собираютъ, въ это время, художественныя сокровища прирейнскаго искусства, продаваемыя французскими завоевателями съ молотка. Они не жалѣли ни издержекъ, ни трудовъ, пользуясь всякимъ случаемъ спасти ихъ отъ невѣжества и алчности. Только немногіе современники понимали ихъ и сочувствовали имъ. Къ числу такихъ рѣдкихъ личностей того времени слѣдуетъ отнести Вальрафа и купца Ливерсберга. Самымъ счастливымъ собирателемъ средневѣковыхъ древностей былъ Мельхиоръ Боассере; Бертрамъ заботился о сохраненіи спасеннаго; Сульпицій же занимался по преимуществу историческо-археологическими изысканіями.

Но вскорѣ громадная развалина Кельнскаго собора поглощаетъ цѣликомъ духовную дѣятельность Сульпиція Боассере. Онъ поставилъ себѣ задачей всей своей жизни—возстановить, по крайней мѣрѣ путемъ рисунка—300 лѣтъ тому назадъ прерванный постройкой памятникъ былаго германскаго величія. Несмотря на то, что Боассере располагалъ только частными средствами, онъ, начиная съ 1808 г., не перестаетъ изучать и измѣрять соборъ во всѣхъ частностяхъ, сравнивать сохранившееся съ недостающимъ, проникать въ духъ цѣлаго. Соборный архивъ былъ увезенъ, при появленіи французовъ, на правый берегъ Рейна, планы и чертежи прежней постройки считали нестоящими сохраненія. Они погибли. Шесть фургоновъ съ древними пергаменатами, найденными надъ сводами собора, были проданы французскими комиссарами на рынкѣ. Правда, стараніями іезуита Крамбаха, интересовавшагося Кельнскимъ соборомъ, сохранились нѣкоторые его чертежи (сдѣланные между 1647 и 1654 г.),

но Боассере убѣдился, что всё они были неточны и небрежны. Нельзя было и думать возстановить по нимъ этотъ памятникъ. На одно счастливое обстоятельство Боассере обратилъ особенное вниманіе—на тѣ части существующаго собора, гдѣ онѣ должны были переходить въ недостающія. Въ этихъ мѣстахъ сохранились начатки будущихъ, предполагавшихся частей: гизмы, галтели, обрамленія оконъ были начаты послѣднимъ строителемъ, хотя далеко неокончены. Это, по-видимому, ничтожное обстоятельство послужило для преданнаго своей идеѣ изслѣдователя якоремъ спасенія. Такъ какъ отношенія въ существующихъ частяхъ зданія были очень опредѣленны, безъ всякой посторонней примѣси, несмотря на все разнообразіе деталей, то онъ совокупностью этихъ данныхъ и воспользовался для реставраціи. Мы увидимъ ниже, что всё эти, путемъ изслѣдованій добытыя данныя, нашли оправданіе впоследствии; только въ двухъ вопросахъ они уклонялись отъ задуманнаго первымъ геніальнымъ составителемъ плана.

Какъ ни важны были эти труды С. Боассере, на нихъ, кромѣ людей безъ вліянія, никто не обращалъ вниманія. Даже издать ихъ не было возможности. Кто сталъ бы ихъ покупать? Нѣсколько библиотекъ, вотъ и все! Пришлось заинтересовать въ нихъ человѣка съ вліяніемъ. Такимъ былъ, въ то время, только Гёте. Но его тогдашнее отношеніе къ вопросамъ искусства не было таково, чтобы поселить въ Боассере особенно розовыя надежды насчетъ помощи авторитета Гёте въ этомъ дѣлѣ. Хотя во время пребыванія въ Страсбургѣ, онъ, подъ впечатлѣніями тамошняго мюнстера, и бредилъ готическою архитектурою, но въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія въ немъ замѣтно преобладаетъ уже наклонность къ античному, въ особенности послѣ его путешествія въ Италію. Прежняя страсть къ готикѣ исчезла въ немъ. Поклоненіе древнимъ произведеніямъ строительнаго искусства заняло ея мѣсто. Понятно, что послѣ такой метаморфозы въ Гёте, не легко было его, въ шестьдесятъ лѣтъ, возвратить къ прежнимъ идеаламъ юности. Случившееся впоследствии показываетъ, однако, какою эластичностью обладалъ геніальный умъ этого человѣка, несмотря на его пожилой возрастъ.

С. Боассере посылаетъ ему, въ 1810 г., при письмѣ, свои объясненія плановъ и деталей Кёльнскаго собора съ необходимыми объясненіями. При личныхъ переговорахъ въ слѣдующемъ году, въ Веймарѣ, Гёте оказывается очень сдержаннымъ, какъ будто боится поступиться своимъ олимпійскимъ величіемъ, но мало-по-малу, несмотря на неуступчивость Боассере, проникается его доводами, провѣряетъ ихъ послѣдующими путешествіями на берега Рейна и кончаетъ тѣмъ, что принимаетъ живое участіе въ его предпріятіи.

Другое счастливое обстоятельство тоже не мало помогло ему. Вильмэнъ, въ своихъ „Monuments inédits“, опубликовалъ чертежъ средняго окна Кёльнскаго собора. С. Боассере сталъ, по этому поводу, доискиваться оригинала, и ища его — набрелъ въ Парижѣ на самый планъ этого собора!.. Одновременно почти архитекторъ Моллеръ попалъ на другой планъ этого собора въ Дармштадтѣ. Онъ хранился прежде въ соборномъ архивѣ, потомъ, спасенный отъ французскихъ войскъ, послѣ люневильскаго мира, по которому лѣвый берегъ Рейна отошелъ къ Франціи, попалъ въ числѣ прочихъ документовъ въ Дармштадтъ. Французскіе комиссары, которымъ онъ, по этому, принадлежалъ, забыли захватить его съ собою, и онъ валялся посреди разнаго хлама, пока не попалъ въ Кассель, на чердакъ одной гостинницы. Портъё дома, напавъ на него, сушилъ обыкновенно на этомъ планѣ бобы. Въ октябрѣ 1814 г., по поводу какого-то военного торжества, поручено было живописцу Зеакацу приготовить транспарантъ. При этомъ случаѣ онъ открылъ этотъ планъ, и, самъ не подозрѣвая, что онъ представляетъ, передалъ его Моллеру, который, узнавъ въ немъ давно пропавшее сокровище, заявилъ о неожиданной находкѣ.

Такимъ образомъ, реставрація собора оказалась, по крайней мѣрѣ, возможною. Замѣчательно, что чертежи С. Боассере согласуются, несмотря на то, что они возникли задолго до открытія оригинала, съ подлинникомъ, уклоняясь отъ него, какъ упомянуто выше, только въ двухъ пунктахъ. Свидѣтельствуя о несокрушимой энергіи этого человѣка, они показываютъ и проницательность его, граничащую съ творчествомъ перваго строителя. Послѣ сказаннаго станетъ понятно, что Сульпицій Боассере вполне заслужилъ данное ему его соотечественниками названіе: *der geistige Dombaumeister*.

С. Боассере недовольствовался сдѣланнымъ имъ; онъ съ жаромъ занялся починками собора, или, по крайней мѣрѣ, сохраненіемъ его развалинъ.

Наполеонъ, посѣтившій Кёльнъ въ 1811 году, отказалъ Боассере 40,000 франковъ, которые онъ испрашивалъ ежегодно для этой цѣли. Счастливое послѣдствіемъ было посѣщеніе въ іюлѣ 1814 г. наслѣднаго принца прусскаго, впослѣдствіи Фридриха-Вильгельма IV, котораго Боассере сумѣлъ воодушевить въ пользу своей идеи. Можно сказать, что, безъ его содѣйствія въ то время, настоящее празднество не совершилось бы. Съ 1816 г. начинаются уже значительныя починки, съ 1821 г. — новыя постройки, хотя и въ скромныхъ еще размѣрахъ, пока главнымъ строителемъ не былъ назначенъ Цвирнеръ (съ 1833 по годъ смерти въ 1861 г.), и пока, со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, не увеличились матеріальныя

пособія (въ началѣ онѣ не превышали 10,000, а потомъ 20,000 талеровъ въ годъ). Король согласился назначить для отстройки собора ежегодно по 50,000 талеровъ подъ условіемъ, что такую же сумму будетъ доставлять не задолго передъ тѣмъ образовавшееся центральное для постройки собора общество.

4-го сентября 1842 г. заложенъ былъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV первый камень у южнаго портала, съ котораго началась уже систематическая, непрерывная постройка, законченная теперь Фойхтелемъ, преемникомъ Цвирнера. Не малымъ пособиемъ для покрытія двадцати милліоновъ марокъ послужила разрѣшенная въ 1863 г. ежегодная лоттерея въ пользу Кёльнскаго собора. Первоначально она была разрѣшена на восемь лѣтъ; потомъ разрѣшеніе это продолжено на новыя 8 лѣтъ. Какимъ сильнымъ подспорьемъ оказалась она для постройки собора, видно уже изъ того, что она одна доставляла 540,000 марокъ *ежегодно*. На недостатокъ въ средствахъ жаловаться было уже невозможно! Но и строители тоже смотрѣли на порученную имъ постройку не какъ на доходную статью, что зачастую случается въ другихъ мѣстахъ...

14 августа 1880 г., ровно черезъ 632 года послѣ заложенія перваго камня собора, поднять былъ послѣдній камень, его увѣнчавшій! Въ 10 часовъ утра флаги, вывѣшенные на соборныхъ башняхъ возвѣстили *urbi et orbi* о радостномъ событіи...

Согласно сказанному въ началѣ, мы не вдаемся въ подробности на счетъ того, что сдѣлалъ внутри и внѣ собора талантливый его строитель, Рихардъ Фойхтель съ сотрудниками, въ послѣдній, ускоренный періодъ строительной дѣятельности. Прибавимъ, что наружные лѣса маскируютъ еще обѣ башни, и, какъ говорятъ, пройдетъ еще много времени (около года, вѣроятно), пока ихъ можно будетъ совершенно снять. Какія-то техническія причины, которыя я объяснить не умѣю, препятствуютъ этому. Внутренняя, мелкая отдѣлка займетъ, какъ говорятъ, тоже еще довольно времени и потребуетъ не малыхъ средствъ. Но главное закончено уже 14 августа 1880 г. Это и подало мысль престарѣлому императору Вильгельму не дожидаться отдѣлки деталей, до окончанія которыхъ онъ можетъ не дожить. Разосланы были приглашенія на празднество окончанія собора на 15 октября — день рожденія Фридриха-Вильгельма IV, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о возобновленіи строительной дѣятельности Кёльнскаго собора.

По программѣ, торжественное шествіе 15-го октября началось сборными приготовленіями на Neumarkt'ѣ, гдѣ были собраны къ 8 час. утра разнообразнѣйшія общества Кёльна, между которыми обращало на себя особое вниманіе „общество постройки собора“. Въ кожаныхъ фартукахъ, съ наугольниками и циркулями въ рукахъ,

они могли сказать: сегодня на нашей улицѣ праздник! Перечислять десятки другихъ обществъ мы не станемъ; они были только статистами.

Германскій императоръ съ семьей и своими, болѣе или менѣе царствующими, гостями, остановился въ загородномъ дворцѣ, между Бонномъ и Кельномъ, въ Брюллѣ. Къ назначенному церемоніаломъ времени, въ 9 ч. 20 м., онъ былъ встрѣченъ на дебаркадерѣ властями и затѣмъ съ балкона такъ-называемаго *Regierungsgebäude* смотрѣлъ проходившія по улицѣ общества. Потомъ, молебствіе въ протестантской церкви св. Троицы; для католиковъ предписано было, по церемоніалу, богослуженіе въ соборѣ, но оно не состоялось. Ни духовенство собора, ни всѣ прихожане не находили повода подчиниться этому повелѣнію. На ихъ взглядъ, настоящее празднество не имѣло и не могло имѣть церковнаго характера, несмотря на то, что оно вызвано было окончаніемъ собора. Разладъ между церковью и государствомъ сказался и въ настоящемъ случаѣ: когда императоръ явился изъ протестантской церкви въ Кельнскій соборъ, его встрѣтилъ на паперти Бодри, соборный деканъ, безъ митры и посоха, съ нѣсколькими священниками. Послѣдній не преминулъ, въ своей сдержанной привѣтственной рѣчи, упомянуть, что онъ встрѣчаетъ его *по случаю отсутствія архіепископа* (который, какъ извѣстно, изъ-подъ ареста бѣжалъ въ Римъ), и послѣ самыхъ необходимыхъ привѣтствій и общихъ мѣстъ, заключилъ свое обращеніе къ императору пожеланіемъ, сказаннымъ сильнымъ голосомъ, чтобы какъ можно скорѣе наступилъ день, *когда церкви будетъ возвращенъ миръ, оконченному собору — пастырь*. Императоръ, поблагодаривъ за пожеланія, упомянулъ о своемъ братѣ, перефразировалъ рѣчь декана, сказавъ, что и онъ *всегда* желаетъ мира... Послѣ исполненія предписаннаго церемоніаломъ *Te Deum*, пропѣтаго безъ участія прихожанъ, и осмотра собора внутри, императоръ съ гостями вышелъ изъ южнаго портала, направившись къ императорскому навильону на соборной площади; католическое же духовенство, проводивъ его до выхода, осталось въ соборѣ.

Вообще въ теченіи этихъ двухъ дней мы не замѣтили *ни одного* католическаго священника на улицѣ. Очевидно, они не выходили по ранѣ условленному уговору.

Послѣ исполненной хоромъ учащихся кантаты, архитекторъ Фойхтель, послѣдній строитель собора, прочиталъ грамоту объ окончаніи его постройки. Въ ней упомянуто о главныхъ моментахъ его сооруженія. Подписанная царствующими лицами и другими, заблаговременно для этого приглашенными, грамота была отдана для помѣщенія ея въ сводный камень надъ южною башнею, оставшеюся до

сихъ поръ незадѣланною. Между тѣмъ пропѣта была шестьюстами голосовъ, на соборной площади, торжественная кантата, сочиненная Риттерсгаузеномъ и положенная на музыку Гиллеромъ. Послѣ окончанія ея, императоръ вновь сказалъ рѣчь, въ которой особенно распространялся о роли своего брата, Фридриха-Вильгельма IV, при возсозданіи собора.

Затѣмъ произнесена была рѣчь оберъ-президентомъ пруссейской Пруссіи, докторомъ Барделебенемъ, въ качествѣ предсѣдателя соборнаго комитета, руководившаго хозяйственною частью, и предсѣдателемъ центрального собранія по постройкѣ собора, Шмицъ-Лёнисомъ. Приводить ихъ содержаніе было бы напрасно. Онѣ, несмотря на нѣкоторые своеобразные цвѣты краснорѣчія, все-таки звучали сильною оффиціальною нотою, и потому, какъ оффиціальныя, давно и вездѣ извѣстны. Совершенно справедливо и совершенно безъ прикрасъ звучало только то мѣсто послѣдней рѣчи, гдѣ ораторъ замѣчаетъ, что соборъ воздвигнуть на добровольныя пожертвованія отъ Альповъ до сѣвернаго моря, отъ Мемеля—до береговъ Рейна; что даже по ту сторону океана встрѣчались друзья собора, приславшіе свою сильную лепту.

При этомъ случаѣ Шмицъ-Лёнисъ преподнесъ императору великолѣпный экземпляръ исторіи Кёльнскаго собора, составленный недавно умершимъ городскимъ архивариусомъ, докторомъ Энненомъ (сочиненіе это еще не появилось въ продажѣ).

Между тѣмъ, во время этихъ чтеній упомянутая выше грамота вздернута была уже на вершину южной башни, гдѣ рабочіе ждали сигнала опустить ее въ приготовленное отверстіе. Вмѣстѣ съ нею положены были: грамота о дѣятельности Краснаго Креста, какъ о первомъ событіи, въ которомъ сказалось единеніе Германіи, экземпляръ упомянутаго сочиненія доктора Эннена, прусскія монеты чекана 1880 г., прусскій талеръ 1842 г., бронзовые медальоны съ изображеніемъ Фридриха-Вильгельма IV-го, царствующаго императора и медаль, изображающая памятникъ, открытый 1878 г. въ Кёльнѣ, Фридриху-Вильгельму III.

При колокольномъ звонѣ всѣхъ кёльнскихъ церквей, пальбѣ изъ крѣпостныхъ орудій, поднятыхъ, на высоту башенъ, двухъ штандартахъ: императорскомъ и королевско-прусскомъ, восторженныхъ возгласахъ сотенъ тысячъ народа, металлическій цилиндръ, заключавшій эти предметы, медленно опустился, на глазахъ всѣхъ, въ уготованное для него мѣсто, которое въ нѣсколько минутъ было задѣлано. Слишкомъ шесть столѣтій ждала этого момента Германія!..

При звукахъ церковной пѣсни: „Nun danket alle Gott“, императоръ схватилъ за руки строителя Фойхтеля, представляя его, поочередно, императрицѣ и всѣмъ своимъ царственнымъ гостямъ. Рукопожатія

Фойхтеля со стороны императора повторялись въ нѣсколько пріемовъ, какъ будто онъ при предшествующихъ не былъ въ силахъ выразить вполне свою признательность ему.

Въ половинѣ второго, оффиціальная часть праздника, назначенная на 15-е октября, была окончена, и императоръ съ семьей и разными владѣтельными лицами Германіи возвратился обратно въ Брюль—до слѣдующаго утра.

Мы забыли выше упомянуть о фізіономіи Кельна. Мы видѣли его много разъ, по поводу разнообразныхъ торжествъ, до которыхъ прирейнскіе жители такіе охотники, и устраивать которые они такіе мастера,—но ни мы, ни кельнскіе старожилы не запомнятъ такого праздничнаго убранства своего города. Стѣны были завѣшены коврами, убраны переплетенною зеленью, гирляндами, букетами, вѣнками, шифрами, китайскими фонарями. Узкихъ улицъ не видно; внизу—людской муравейникъ, сверху—сводъ изъ разноцвѣтнѣйшихъ флаговъ нѣмецкихъ государствъ и городовъ. Между центральнымъ дебаркадеромъ и соборомъ возвышалась триумфальная арка, повитая неувядающею листвою; сверху ея щитъ съ надписью: „Gott segne Kaiser und Reich“. На южной сторонѣ собора, на площади, трибуна для императора, роскошно устроенная, и тутъ же, рядомъ, громадная трибуна для 4000 зрителей. Все это въ такое позднее время года могло принять самый плачевный видъ въ случаѣ ненастной погоды, которая до того и стояла все время. Даже наканунѣ шелъ дождь. Но нѣмцы вѣрятъ, какъ вѣрили нѣкогда французы въ солнце Аустерлица, въ свой Kaiserswetter (императорскую погоду). На этотъ разъ дѣйствительно такъ и случилось: 15-го и 16-го октября стояла великолѣпная, теплая, весенняя погода; 17-го полилъ опять дождь.

Стеченіе народа было невообразимое. Кромѣ 120 обыкновенныхъ поѣздовъ въ сутки, прибывающихъ въ Кельнъ съ разныхъ концовъ, въ эти дни каждыя 15—20 минутъ мчались по направленію къ нему экстренные поѣзды, и какіе поѣзды?! Два локомотива едва одолѣвали поѣздъ въ 40—50 вагоновъ. За то и не было мѣста на улицахъ; тысячи народа гнѣздились на крышахъ, на дымовыхъ трубахъ, на фонаряхъ. Въ ресторанахъ приходилось брать кушанья и питье съ бою. На улицахъ по цѣлымъ часамъ толпа толкалась на одномъ мѣстѣ, переступая съ ноги на ногу, не подвигаясь ни на шагъ. А полиція? Ея почти не было видно. Она потонула въ народныхъ волнахъ. И все-таки не было ни одного несчастнаго случая, только императоръ былъ раненъ—букетомъ въ палецъ.

Кромѣ императора и наслѣднаго принца, самыми шумными оваціями пользовался графъ Мольтке. Бисмаркъ, сознавая, вѣроятно, въ какой средѣ совершается праздникъ, заблагодарсудилъ на него не явиться.

Вечеромъ, сверхъ великолѣпной уличной иллюминаціи и освѣще-

нія береговъ Рейна, нижняя часть собора освѣщена была бенгальскими огнями, башни же соборныя — электрическимъ свѣтомъ. Послѣдній не удался.

Естественно, что окончаніе собора вызвало въ жителяхъ Кёльна желаніе отпраздновать это событіе достойнымъ образомъ. Когда императоръ назначилъ 15-го октября — день рожденія своего покойнаго брата, Фридриха-Вильгельма IV-го — днемъ для этого торжества, обѣщавъ свое присутствіе и разославъ приглашеніе ко всѣмъ германскимъ владѣтельнымъ лицамъ и представителямъ вольныхъ имперскихъ городовъ, — въ средѣ гражданъ Кёльна возникла мысль помянуть лицъ, содѣйствовавшихъ созданію собора. Вскорѣ согласились устроить, съ этою цѣлю, историческое шествіе, которымъ мысль эта могла быть достигнута. Избранъ былъ изъ гражданъ комитетъ въ числѣ 24 членовъ, въ составъ которыхъ вошло 6 членовъ центрального общества для постройки собора, приглашены нѣкоторыя лица изъ администраціи, художники и писатели. Комитетъ обратился къ гражданамъ съ воззваніемъ — способствовать, всѣми возможными средствами, осуществленію задуманнаго. Добровольными пожертвованіями собрано было въ короткое, сравнительно, время, съ 12 сентября, 250,000 имперскихъ марокъ, не считая тѣхъ издержекъ, которыя несли всѣ участники историческаго шествія на собственные, болѣею частью, дорогіе костюмы, вооруженіе, сбрую соотвѣтственно представляемой ими исторической личности. Кто жилъ долго на Рейнѣ и имѣлъ случай видѣть въ Кёльнѣ ежегодно устраиваемые, во время масленицы, маскарадныя празднества, въ которыхъ представляется, въ юмористической формѣ, исторія истекшаго года, тотъ могъ быть напередъ увѣренъ, что устроители историческаго шествія не ударятъ лицомъ въ грязь, что дѣло попало въ надежныя и умѣлыя руки. Торжество 16-го октября 1880 г., на другой день послѣ официального празднованія окончанія собора, вполне оправдало ожиданія.

Художники дюссельдорфской школы занялись композиціей этого шествія; лѣтописи, историческіе костюмы разныхъ эпохъ, обнимавшихъ 600-лѣтній періодъ созиданія собора, были тщательно изучены и дали великолѣпный матеріалъ для задуманной кёльнцами мысли. Шествіе представляло три знаменитые момента изъ исторіи постройки собора: основаніе его въ 1248 г., освященіе оконченнаго въ 1322 г. алтаря, и закладку неоконченныхъ частей собора въ 1842 г., пополненные событіями изъ мѣстной исторіи Кёльна.

Начало шествія переноситъ насъ въ XIII-е столѣтіе. Хоръ музыкантовъ, на коняхъ, въ длинныхъ зеленыхъ и бѣлыхъ плащахъ, въ красныхъ низкихъ шапочкахъ, открываетъ его. За ними слѣдуютъ городской герольдъ съ булавою, верхомъ, знаменосцы съ имперскимъ

и городскимъ штандартами, воины, одѣтые въ костюмы городскихъ цвѣтовъ (красные и бѣлые) съ кѣльнскимъ гербомъ—короны и искры, вооруженные копьями, съ щитами, съ низкими металлическими шлемами на головѣ. Два бургомистра, шесть городскихъ совѣтниковъ и шесть засѣдателей въ красныхъ бархатныхъ длинныхъ платьяхъ, съ накинутыми на плечи пурпуровыми плащами, окаймленными бѣлымъ мѣхомъ, покрытые причудливыми головными, сѣраго цвѣта, уборами, съ важностью, подобающею людямъ, сознающимъ свое значеніе, слѣдуютъ за ними. Затѣмъ толпа кѣльнскихъ патриціевъ, съ женами, дѣтьми, въ разнообразнѣйшихъ богатыхъ костюмахъ, предшествуетъ кіоту волхвовъ—святилищу Кѣльна—который несутъ на плечахъ восемь золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Эта послѣдняя группа предназначена предвѣщать возникновеніе собора. Приобрѣтеніе мощей волхвовъ, поклонившихся Христу, составляетъ въ исторіи средневѣкового Кѣльна одно изъ важнѣйшихъ событій. Архіепископъ Рейнальдъ фонъ-Дассель, сопровождавшій императора Фридриха Барбароссу, во время его походовъ въ Римъ, въ качествѣ канцлера и имперскаго князя, оказалъ ему существенныя услуги, въ особенности въ 1162 г., когда онъ, съ знаменемъ апостола Петра въ рукахъ, предводительствовалъ германскими войсками въ битвѣ при Тускуланумѣ. Въ благодарность за содѣйствіе Барбаросса подарилъ архіепископу захваченный имъ, при завоеваніи Милана, кіотъ съ мощами волхвовъ, попавшими туда, по словамъ легенды, изъ Константинополя, гдѣ они были приобрѣтены Еленою, матерью императора Константина. Помѣщенные 23 іюля 1164 г. въ старомъ соборѣ, они, собственно говоря, положили основаніе средневѣковому величію Кѣльна. Наивная вѣра того времени сдѣлала, вслѣдствіе этого церковнаго приобретенія, городъ этотъ средоточіемъ католиковъ не только западной Германіи:—сонмы богомольцевъ со всѣхъ концовъ Европы стекались туда на поклоненіе чтимой святыни; коронованныя главы, съ многочисленною свитою, попеременно являлись въ Кѣльнъ, дѣлали большіе вклады, издерживали большія деньги. Городъ богатѣлъ отъ такого многочисленнаго и постояннаго наплыва народа. Неудивительно, что духовенство и горожане рѣшили соорудить для предмета, приносившаго имъ такіе доходы, приличный кіотъ, составляющій самое замѣчательное произведеніе металлическаго производства среднихъ вѣковъ. Ему дана была форма романской базилики, стѣны которой, изъ позолоченнаго серебра, представляютъ разныя барельефныя изображенія библейской исторіи, украшенныя филиграновою работою, драгоценными камнями и эмалью. Несмотря на то, что кіотъ этотъ сильно пострадалъ во время бѣгства кѣльнскаго духовенства, вмѣстѣ съ нимъ спасавшагося отъ французскихъ республиканскихъ войскъ, и несмотря на то, что потомъ, въ 1820 г., забравшійся въ соборъ

воръ укралъ около сотни драгоценныхъ камней,—число ихъ, вмѣстѣ съ камнями, достигаетъ еще теперь 1540 штукъ. Кіотъ этотъ представлялъ очень вѣрное изображеніе подлинника.

Слѣдовавшіе за нимъ городской графъ и городской фохтъ указывали на архіепископскую юрисдикцію города. Въ періодъ франкскій, Кёльнъ былъ королевскимъ владѣніемъ, и имъ управляли его свѣтскіе чиновники; но съ 979 г., вѣроятно, вслѣдствіе подарка, сдѣланнаго Оттономъ I-мъ епископу, онъ попадаетъ подъ власть духовенства, длившуюся до XIII вѣка. Въ это время граждане исторгли ее у епископовъ. Городской совѣтъ управлялъ въ это время Кёльномъ. Особенности группы представляли эти административныя лица той эпохи.

За ними слѣдовали архіепископъ Конрадъ фонъ-Гохштаденъ, прожившій 15-го августа 1248 г. основаніе настоящему, теперь существующему и оконченному собору. Прежній, сгорѣвшій, не соотвѣтствовалъ уже назначенію—вмѣщать въ себѣ церковныя сокровища, приносившія такой великолѣпный доходъ. Долгое время оставалось неизвѣстнымъ, кто именно былъ первымъ архитекторомъ этого несравненнаго памятника. Преданіе называло Альберта Великаго, доминиканскаго монаха, начертившаго, будто бы, планъ его. Но тщательныя изслѣдованія послѣдняго времени обнаружили, что каменотесу и архитектору (Meister) *Гергарду*, прозванному по мѣсту его рожденія (маленькая деревня близъ Кёльна) *изъ Рилы* (Gerhardt de Rile), принадлежитъ честь начертанія плана этого гениальнаго зданія, самаго замѣчательнаго изъ всѣхъ монументальныхъ сооружений, разсѣянныхъ по земному шару. Уцѣлѣвшія кадастровыя книги такъ называемыхъ Schreins-Urkunden, не только доказали это, но въ нихъ занесены разныя подробности его соціальнаго и семейнаго положенія. Извѣстенъ даже день его кончины—23-го апрѣля 1279 г. Понятно, что благодарное потомство, гордящееся честью и славою имѣть въ числѣ своихъ предковъ и согражданъ такую личность, обезсмертившую своимъ созданіемъ не только ихъ городъ, но и всю страну, отвело Гергарду де-Рилу одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ историческомъ шествіи. Длинная вереница его преемниковъ, въ теченіе вѣковъ, продолжавшихъ осуществленіе начертаннаго имъ плана, окружала его, неся атрибуты своей технической спеціальности.

Конрадъ-фонъ Гохштаденъ, несмотря на свое духовное званіе, представленъ былъ въ шествіи въ рыцарскихъ доспѣхахъ. Это обстоятельство глубоко оскорбило ультрамонтанскую партію. Органы ея возопили противъ такой секуляризаціи этой исторической личности, похороненной въ соборѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ имъ положенъ былъ первый камень въ 1248 г. Но члены комитета справедливо возразили на это, что Гохштаденъ, несмотря на свой духовный

санъ, подобно многимъ лицамъ своего званія, въ качествѣ свѣтскаго лица, умѣлъ, забывая ученіе Христа, проповѣдывавшее любовь и отреченіе отъ земныхъ благъ, съ оружіемъ въ рукахъ защищать и расширять свои владѣнія.

Другой современникъ Гохштадена, графъ Вильемъ голландскій, въ присутствіи и при содѣйствіи котораго приступлено было къ постройкѣ собора, избранный королемъ, какъ противникъ Гогенштауфена, Фридриха II-го, олицетворялъ въ шестіи современную безурядицу Германіи, въ которой духовенство, изъ-за корыстныхъ цѣлей, выставляло своихъ претендентовъ, не справляясь съ благомъ страны.

Не забытъ былъ и представитель Рима, присутствовавшій при zaloженіи кельнскаго собора. Въ фіолетовой мантии, въ кардинальской шляпѣ, верхомъ на лошади, украшенной чепракомъ, вышитымъ золотыми крестами, ѣхалъ кардиналъ Капоччи (Саросси), отлично загримированный. Умъ, пронырство, настойчивость переданы были исполнителемъ безукоризненно.

Герольдъ, два знаменосца, отрядъ стрѣлковъ изъ лука, музыканты верхомъ, предшествуютъ затѣмъ цѣлому обществу кельнскихъ патриціевъ и рыцарей, образовавшихъ, съ XIII вѣка, большую корпорацію т.-н. *Richerzeche*, т.-е. корпорацію богатыхъ. Вмѣстѣ съ епископами они были хозяевами города: избирали бургомистровъ, принимали или отказывали въ поступленіи въ число гражданъ, надзирали надъ цехами, жаловали или лишали ихъ правъ, издавали уставы и т. п. Шестіе открываютъ четыре члена этихъ родовъ, погибшіе при защитѣ родного города у Ульревскихъ воротъ: Матвій Оверштольцъ, Петръ Юде, Іоганъ фонъ-Врехенъ и Гейманъ фонъ-демъ-Аренъ. Въ правленіе архіепископа Энгельберта фонъ-Фалькенбурга (1261—1274 г.) между патриціями возгорѣлась вражда. Послѣ уличныхъ свалокъ родъ Вейзовъ, стоявшій во главѣ одной партіи, принужденъ былъ уступить власть сильному роду Оверштольцевъ. Удалившись вмѣстѣ съ своими единомышленниками въ Боннъ на Рейнъ, Вейзы только и мечтали о томъ, какъ бы возвратиться обратно въ Кельнъ и отмстить своимъ противникамъ. Прискавъ союзниковъ въ лицѣ герцога Вальрама Лимбургскаго, графа Дидриха изъ Клева и фонъ-Фалькенбурга, обѣщавъ имъ часть добычи и участіе въ управленіи городомъ, они, при предательскомъ содѣйствіи нѣкоторыхъ единомышленниковъ изъ гражданъ, въ темную, ненастную ночь, успѣли уже проникнуть въ Кельнъ вблизи Ульрійскихъ воротъ. Оверштольцы съ своею партією, вѣ-время подоспѣвшіе, ринулись имъ на встрѣчу. Современные лѣтописи съ большою подробностію сохранили преданіе объ этой страшной для Кельна ночи. Оверштольцы остались побѣдителями. Городъ увѣковѣчилъ память объ этомъ событіи, вѣдавъ надпись объ этой битвѣ въ город-

скую стѣну, существующую и до настоящаго времени. За представленными въ шествіи четырьмя рыцарями, заплатившими своею жизнью за независимость Кёльна, слѣдуютъ погибшіе въ послѣдствіи, при штурмѣ байенской башни, Рутгеръ Оверштольцъ и Гергардъ той же фамиліи, въ битвѣ при Воррингенѣ. Цѣлая свита пажей несли за ними ихъ доспѣхи, съ своеобразными, каждому рыцарю свойственными, гербами и цвѣтами.

За новымъ хоромъ музыкантовъ и стрѣлковъ, везли первобытные прототипы теперешнихъ пушекъ, луки громаднхъ размѣровъ, со всѣми принадлежностями. Необходимая при нихъ прислуга помѣщена была отчасти на самой повозкѣ, частью шла вокругъ нея.

Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ боевая колесница, участвовавшая въ битвѣ при Воррингенѣ (1288 г.). Это было едва ли не самое кровопролитное сраженіе среднихъ вѣковъ. По поводу наслѣдія лимбургскаго герцогства возгорѣлась вражда между брабантскимъ герцогомъ Іоганомъ и гельдернскимъ графомъ Рейнальдомъ. Большая часть владѣтелей сѣверо-западной Германіи приняла въ этомъ спорѣ участіе. Архіепископъ Зигфридъ вестербургскій держалъ сторону послѣдняго, городъ Кёльнъ — перваго. Въ случаѣ побѣды противной партіи, независимость города была бы потеряна. Жители Кёльна явились на полѣ сраженія съ этою колесницею, въ родѣ подвижнаго укрѣпленія, вносившаго смерть въ ряды противника. На ней висятъ крѣпостныя ключи Кёльна, долженствовавшіе напоминать сражавшимся, что отъ исхода битвы зависитъ судьба города; надъ ними развѣвается городской штандартъ; изъ боковыхъ отверстій боевой колесницы торчатъ громадныя алебарды; въ рукахъ наполнявшихъ его воиновъ страшныя орудія въ родѣ цѣповъ, покрытыхъ наконечниками изъ заостреннаго желѣза, торчавшими со всѣхъ сторонъ. Брабантскій герцогъ остался побѣдителемъ; свобода Кёльна была спасена. Представители современныхъ событію патриціевъ, съ женами, знаменосцами, пажами, прислугою, предшествуемые стрѣлками изъ лука, слѣдовали за этой боевой колесницею, везомою шестеркою лошадей. Прислуга несла всѣ необходимыя принадлежности тогдашней жизни высшихъ сословій. Группу эту заключали охотники, съ цѣлою сворою собакъ, охотничьими орудіями и соколами.

Участіе Кёльна въ ганзейскомъ союзѣ, имѣвшемъ цѣлью доставить торговлѣ безопасность, которой не въ силахъ было гарантировать государство, представлено было въ историческомъ шествіи военнымъ кораблемъ и громаднымъ фургонемъ, нагруженнымъ разнообразными товарами. Шестерка покрытыхъ голубыми попонами лошадей тащила этотъ корабль, съ разинutoю пастью какого-то морского чудовища на носу и тронѣмъ, богато украшеннымъ золотомъ, на кормѣ, на которомъ царилъ Ганза, окруженная составлявшими ее

городами. Между разнообразно составленнымъ экипажемъ этого корабля замѣтны были два скованные пирата; бока его и мачта покрыты гербами ганзейскихъ городовъ. Слѣдовавшій за кораблемъ фургонъ нагруженъ былъ тюками, бочками, покрытыми брезентомъ съ надписью: „изъ Бамберга“. Военный конвой, его сопровождавшій, наглядно указывалъ на опасности, съ которыми приходилось бороться торговлѣ той эпохи.

Какъ-бы указаніемъ на предстоящее окончаніе части собора, алтаря, служила группа изъ 40 человѣкъ соборныхъ пѣвчихъ (Chorschüler), одѣтыхъ въ голубые, красные и бѣлые костюмы, расшитые цвѣтами, и предвѣщающихъ появленіе архіепископа Генриха фонъ-Фирнебурга, при которомъ оконченъ былъ алтарь теперешнаго собора, освященный въ 1322 г. Гергардъ де-Риль и его преемникъ, Арнольдъ, сошли уже давно въ могилы. Окончаніемъ соборнаго алтаря ознаменовалъ себя сынъ послѣдняго, Іоганнъ. Къ этому времени и относится перенесеніе мощей волхвовъ въ новый алтарь. Торжественное шествіе изображаетъ намъ этого строителя съ развернутымъ планомъ, окруженнаго своими сотрудниками съ моделью алтаря на великолѣпной колесницѣ. Тутъ же, вмѣстѣ съ Фирнебургомъ, слѣдуютъ разные герцоги: Юлиха, Клеве, графы голландскій и Мёрса, кельнскіе и бергскіе патриціи, занесенные въ современныя хроники въ качествѣ жертвователей, украсившихъ громадныя окна соборнаго алтаря великолѣпнѣйшею, до сихъ поръ поражающею неподражаемою свѣжестью красокъ, живописью. Аллегорическимъ намѣкомъ на матеріаль постройки служить скала подъ основаніемъ оконченной части собора, съ огромнымъ змѣемъ на ней. Извѣстно, что большая часть строительнаго матеріала для этого сооруженія добыта изъ Драхенфельса (Драконовой горы) въ Семигоріи (Siebengebirge), возлѣ Бонна.

Затѣмъ несли на подушкѣ пожелтѣвшую отъ времени хартію 14 сентября 1394 года: T. H. Verbundbrief — Magna charta Libertatum кельнскихъ гражданъ. Вскорѣ послѣ окончанія алтаря окрѣпло городское сословіе Кельна; цехамъ удалось принудить патриціевъ уступить имъ часть власти, которою они до сихъ поръ пользовались вмѣстѣ съ духовенствомъ. Главныя основанія этой вольности и были изложены въ названномъ выше документѣ, имѣвшемъ, съ небольшими измѣненіями, силу мѣстнаго закона до французской революціи.

Вслѣдъ за нимъ слѣдовали, въ историческихъ костюмахъ того времени, многочисленные представители цеховъ. Первое мѣсто занимаютъ мясники; далѣе слѣдуютъ сапожники, хлѣбопеки, мельники, бочары, рыбаки, золотыхъ дѣлъ мастера, столяры и пивовары, всѣ, по обычаю эпохи, вооруженные, съ кинжалами за поясомъ. Отдѣленіе это замыкали городскіе солдаты самаго разнообразнаго средневѣковаго вооруженія.

Послѣдняя часть шествія предваряла о новѣйшей эпохѣ исторіи собора. вмѣсто прежнихъ средневѣковыхъ рыцарей и многочисленныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, властителей, прошедшихъ передъ нами длинною вереницею, напоминавшихъ разнообразѣйшими цвѣтами и формами своихъ герольдическихъ символовъ раздробленность Германіи, мы встрѣчаемъ въ этой части шествія только цвѣта бранденбургскаго дома, черный и бѣлый. Герольдъ, знаменосецъ, юнкера верхами, своими костюмами заявляютъ о томъ, что герцогство Клеве и графство Маркъ, съ XVII столѣтія, подпали подъ власть гогенцоллернскаго дома. Вскорѣ послѣ войны освобожденія проснулось, въ средѣ лучшихъ людей Германіи, стремленіе къ объединенію родины. Осуществить его было нелегко, въ виду разныхъ мелкихъ, узкихъ династическихъ интересовъ. Пришлось, первое время, довольствоваться достиженіемъ единства въ области экономической, литературной и художественной, предоставляя политическое объединеніе болѣе счастливому будущему. Этимъ стремленіемъ объясняется, какъ мы видѣли выше, мысль объ окончаніи кѣльнскаго собора, какъ символа германскаго единства на поприщѣ искусства. Торжественное шествіе 16-го октября олицетворило и этотъ моментъ германской исторіи. Громадное, поддерживаемое съ трехъ сторонъ, знамя центральнаго общества для постройки кѣльнскаго собора, собрало подъ своею сѣнью сотрудниковъ со всѣхъ концовъ Германіи. Въ теченіе многихъ десятилѣтій они преслѣдовали свою высокую цѣль. Понятно, что его окружали, во время шествія, многочисленные представители разныхъ специальностей, принимавшихъ участіе въ сооруженіи этого памятника. Слѣдовавшая за ними колесница представляла соборъ въ томъ жалкомъ видѣ, когда между оконченнымъ алтаремъ и начатыми постройкою башнями зіяла цѣлая бездна, которую предстояло заполнить соотвѣтственными продольными и поперечными пролетами. Даже башня, на которой установленъ былъ домкратъ для поднятія тяжестей на высоту, и та была полуразрушена: Домкратъ этотъ извѣстенъ всѣмъ по изображенію его на флаконахъ кѣльнской воды. Долгое время былъ онъ печальнымъ напоминаніемъ о смѣлой идеѣ, о неосуществившихся надеждахъ. И онъ нашелъ мѣсто въ шествіи, но не повитый трауромъ, а только какъ историческое напоминаніе о печальномъ прошломъ, на смѣну которому явилось свѣтлое настоящее. Съ вершины его спускался громадный флагъ съ надписью: Protectori. Подъ этимъ именемъ подразумѣвается Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Колесница, на которой находился домкратъ, запряженная шестеркою лошадей, обтянутая краснымъ сукномъ, окаймленнымъ золотою бахромою, занята была пятью молодыми дѣвицами. За нею слѣдовали пажы Германской Имперіи.

На послѣдней колесницѣ, заключавшей историческое шествіе,

помѣщалась Германія, колоссальная статуя, вѣнчавшая лавровымъ вѣнкомъ большую, болѣе сажени вышины, модель оконченнаго собора. Это была торжественная колесница настоящаго празднества. Съ моделью собора случилось приключеніе, хотя она была сдѣлана очень тщательно, повторяя, въ нѣжномъ видѣ, всѣ детали подлинника,—но отъ толчковъ, расклеилась. Башни собора пришлось уже на улицѣ прикрѣпить проволокою, но несмотря на это, дорогою онѣ сильно раскачивались, вызывая въ средѣ ультрамонтановъ злорадный смѣхъ.

По сторонамъ этой колесницы красовались имена главныхъ жертвователей, изслѣдователей исторіи собора, возстановителей его первоначальнаго плана, о которыхъ мы упоминали въ началѣ, и строителей—послѣдней эпохи, съ 1842 до 1880 г.

Первая часть историческаго шествія, до битвы при Ульрійскихъ воротахъ въ Кельнѣ, компонирована художниками, братьями Фрицомъ и Эрнстомъ Ребѣръ; вторая профессоромъ Бауеромъ и живописцемъ Бекманомъ; послѣдняя, гогенцоллернскій періодъ, профессоромъ Кампгаузенемъ въ Дюссельдорфѣ.

Сдѣланное нами описаніе историческаго шествія въ Кельнѣ представляетъ, конечно, только блѣдное изображеніе совершавшагося на улицахъ этого города 4 (16) октября. Перо не въ состояніи вполне передать разнообразныхъ впечатлѣній этого дня. Едва ли и талантливая кисть художника могла бы уловить всѣ характеристическія его подробности. Диссонансомъ звучало однако заключеніе этого шествія. За нимъ слѣдовали, но тоже *какъ часть* цѣлаго, представители германской арміи, сперва кавалерія, затѣхъ пѣхота и наконецъ артиллерія, увѣнчанные дубовыми и лавровыми вѣнками; даже орудія перевиты были зеленью. Комитетъ, желая изобразить, въ этой части шествія, политическое объединеніе германской націи, исходатайствовалъ у прусскаго правительства разрѣшеніе—выписать изъ столицы самыхъ видныхъ людей берлинской гвардіи, къ другимъ же нѣмецкимъ правительствамъ обратился съ просьбою—прислать мундиры ихъ войскъ. Военныя министерства оказались предупредительнѣе. Они прислали въ Кельнъ самихъ представителей своихъ контингентовъ въ полной парадной амуниціи и вооруженіи.

Къ чему этотъ грохотъ и блескъ оружія на мирномъ празднествѣ искусства? Не знаемъ, пришелся ли этотъ батальный финалъ большинству нѣмцевъ по вкусу, но мы не замѣтили въ массахъ особеннаго воодушевленія по этому поводу, между тѣмъ какъ предшествовавшія группы вызывали въ нихъ знаки восторженнаго одобренія. Расчетливые нѣмцы, прикинувъ на счеты представившееся имъ въ концѣ шествія, сочли его, вѣроятно, незаслуживающимъ восторговъ, изъ опасенія какъ бы въ подлежащемъ мѣстѣ не приняли это за готовность сдѣлать еще большія затраты на этотъ недешевый предметъ.

Описаніе кельнскихъ событій 3 (15) и 4 (16) октября было бы неполно, если бы мы не коснулись, хотя вкратцѣ, культурной борьбы, главной ареной которой въ Пруссіи служить прирейнская провинція. Какъ отнеслись ультрамонтаны къ только-что окончившемуся торжеству? Вѣдь оно, все-таки, касалось, главнымъ образомъ, католическаго собора и притомъ собора Кёльнскаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ нами уже сдѣланъ, при разсказѣ о встрѣчѣ императора духовенствомъ на порогѣ собора. Какъ только пронеслась вѣсть о предстоящемъ торжествѣ, жожаками данъ былъ лозунгъ въ одномъ словѣ: Zurückhaltung! (воздержаться!). „Хотя соборъ и католическій, нашъ, но такъ какъ вы, непрошенные, празднуете его окончаніе, то и празднуйте его сами, безъ нашего участія. Вы радуетесь, что это великолѣпное произведеніе готическаго искусства, наконецъ, окончено; мы же, католики, печалуемся, что оно осиротѣло—какъ церковь“.

Вотъ смыслъ всѣхъ отвѣтовъ, которые мнѣ пришлось слышать изъ устъ истыхъ католиковъ.

Органы либеральной партіи ударили тревогу, заговорили чуть не объ измѣнѣ, попрекая ультрамонтанъ въ неблагодарности, такъ какъ страна ежегодно жертвовала на Кёльнскій соборъ 50,000 талеровъ. „Считите тѣ милліоны, которые ежегодно платятъ католики, въ качествѣ прусскихъ подданныхъ, на нужды государства, и тогда вы сгорите со стыда, попрекая насъ десятками тысячъ, которыя, въ концѣ-концовъ, все-таки идутъ изъ нашего же кармана, на нашъ соборъ. Наши же милліоны наполняютъ берлинскую государственную (т.-е. протестантскую) кассу“. Таковъ, въ сущности, отвѣтъ ультрамонтанъ. „Настоящее—ваше, будущее все-таки наше“, твердятъ они, неисправимые.

Оцѣнить участіе ультрамонтанъ въ настоящемъ торжествѣ цифрами, конечно, невозможно; несмотря однако на то, что воодушевленіе было несомнѣнное и большое, мнѣ, какъ человѣку, болѣе или менѣе знающему Рейнъ и его жителей, показалось, что оно должно было бы быть больше. Ультрамонтаны же просто ликовали, утверждая, что празднество, несмотря на наружный блескъ, оставило положительно *холодное* впечатлѣніе.

Они, во всякомъ случаѣ, не бездѣйствовали. Задолго до 15 октября и въ этотъ самый день, дѣти всѣхъ „добрыхъ“ католиковъ получали тысячами маленькую брошюру, которая разъясняла имъ страданія католической церкви въ Пруссіи. Въ ней, въ выраженіяхъ, соотвѣтственныхъ пониманію дѣтей, разсказаны: грубый, по формѣ, арестъ (31 марта 1874) Кёльнскаго архіепископа полицейскимъ комиссаромъ Клозе (котораго министръ внутреннихъ дѣлъ Эйленбургъ называлъ „буйволомъ“ — Büffel, и исключилъ изъ службы), изгнаніе

монахинь изъ Пруссіи, ихъ заслуги передъ страждущимъ челоѣчествомъ и бѣднымъ людомъ, осиротѣніе приходовъ, остающихся безъ священниковъ и т. п. Брошюра, очевидно, тенденціозна, бьетъ на эффеѣтъ, но заключаетъ, однако, небезъинтересныя данныя; между прочимъ, мы узнаемъ тамъ, что въ Пруссіи *болѣе миллиона* католиковъ, въ 1059 приходахъ, остаются безъ священника... Брошюра заключаетъ свои сообщенія просьбою, обращенною къ дѣтямъ, чтобы въ день 15 октября они отправились въ тотъ Божій домъ, въ которомъ Спаситель *дѣйствительно* присутствуетъ (слѣдовательно, отнюдь не въ Кѣльнскій соборъ), и горячо помолились о возвращеніи архипастыря и о прекращеніи страданій католической церкви...

А. С—к і ѣ.

Боннъ-на-Рейнъ.—Октября 12 (24), 1880.

ПИСЬМО Ө. М. ДОСТОЕВСКОМУ.

М. Г. Ваша восторженная рѣчь въ Москвѣ, по случаю открытія памятника Пушкину, произвела потрясающее впечатлѣніе въ слушателяхъ самыхъ разнообразныхъ лагерей, на которые теперь дробится русская мысль. Полемика, возникшая по этому поводу между вами и профессоромъ Градовскимъ, сильно заинтересовала публику, и нумеръ „Дневника Писателя“, посвященный этому спору, вышелъ уже вторымъ изданіемъ. Все это доказываетъ, что вопросы, которыхъ вы коснулись съ вашимъ необычайнымъ талантомъ, всегдашнюю искренностью и глубокимъ убѣжденіемъ ¹⁾, назрѣли въ умахъ и сердцахъ мыслящихъ людей въ Россіи и живо ихъ затрогиваютъ. Этому можно только радоваться, какъ признаку оживленія, послѣ многихъ годовъ нездороваго, летаргическаго равнодушія къ высшимъ челоѣческимъ интересамъ. Чтѣ мы такое? Куда идемъ? Куда должны идти?—эти русскіе національные вопросы, сами по себѣ близкіе всѣмъ намъ, воз-

¹⁾ Нашъ журналъ, въ предъидущей книгѣ, имѣлъ случай высказать иной взглядъ на значеніе какъ московской рѣчи г-на Достоевскаго, такъ и „Дневника Писателя“; и въ нынѣшнемъ „Внутреннемъ Обзорѣніи“ (стр. 377) мимоходомъ коснулся этого же предмета; но все это не должно было препятствовать намъ помѣстить настоящую статью, такъ какъ почтенный авторъ „Писма“ не ограничивается своими личными взглядами на степень искренности и глубину убѣжденій г-на Достоевскаго, но независимо отъ того оспариваетъ его существенныя положенія, высказывая при этомъ свои мысли и взгляды, весьма интересныя не для однихъ насъ, но, надѣемся, также и для большинства читателей журнала.—Ред.

вышаются на степень общечеловѣческихъ въ томъ видѣ, какъ они поставлены въ вашемъ спорѣ съ профессоромъ Градовскимъ и ставятся у насъ чуть ли не всѣми мыслящими людьми. Чтò важнѣе и существеннѣе, чтò должно быть поставлено на первый планъ: личное ли нравственное совершенствованіе, или выработка и совершенствованіе тѣхъ условій, посреди которыхъ человѣкъ живетъ въ обществѣ? Одни говорятъ: стремитесь къ внутренней, душевной, нравственной правдѣ, полюбите ее всѣми силами души, и сама собою сложится образцовая общественная жизнь; другіе возражаютъ: выработайте общественную жизнь, общественныя условія до возможнаго совершенства, и отдѣльныя лица станутъ сами собой, естественно, направляться на путь добра, нравственнаго развитія и совершенствованія.

Къ этому основному вопросу сводятся, въ концѣ-концовъ, ученія славянофиловъ и западниковъ и то, чтò думается, говорится и пишется теперь. Славянофилы выставили своимъ знаменемъ первое изъ двухъ приведенныхъ рѣшеній вопроса, отождествивъ его съ существеннымъ смысломъ греко-восточнаго христіанства и славянскаго народнаго генія; а такъ-называемые западники также рельефно и сильно выдвинули и поставили второе рѣшеніе, связавъ его неразрывно съ существеннымъ значеніемъ Петровской реформы и западно-европейской культуры. Какъ ни развѣтвлялись славянофильское и западное воззрѣнія, какъ ни видоизмѣнялись и не сближались они нѣкоторыми своими вѣтвями, все-таки основной тонъ ихъ различія, обозначенный выше, удержался и до сихъ поръ. Лучшіе люди того и другого лагеря признавали и признаютъ, что противники, до известной степени, правы; но никогда, ни тѣ, ни другіе не соглашались признать ихъ правыми въ принципѣ, составляющемъ, для тѣхъ и другихъ, исходную точку міросозерцанія. Взаимныя уступки дѣлались и дѣлаются крайне осторожно, съ важными оговорками и тотчасъ же берутся назадъ, когда изъ нихъ можетъ возникнуть хотя бы малѣйшее сомнѣніе относительно существеннаго разномыслія въ основномъ и главномъ.

Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, заключается чрезвычайная важность спора, поднятаго между вами и проф. Градовскимъ, и вотъ почему особенно желательно, чтобъ онъ когда-нибудь былъ доведенъ до конца. Рѣчь идетъ о принципахъ, глубоко коренящихся въ жизни и сознаніи. Борьба этихъ принциповъ не при насъ началась и едва ли при насъ окончится. Въ ней принимали живое участіе, въ продолженіе тысячелѣтій, самыя глубокіе и свѣтлые умы.

Меня этотъ вопросъ живо занималъ въ послѣдніе годы; я часто и много о немъ думалъ, и все меня невольно къ нему возвращало. Поэтому, надѣюсь, вы найдете естественнымъ, что я впадаю въ

вашъ споръ, такъ-сказать, съ боку-припеку, незванный - непрошенный. Ужъ конечно не рѣшать его я считаю себя призваннымъ, а только помочь его выяснить и поставить правильно. Это вездѣ и всегда главное, особливо у насъ, при невообразимой путаницѣ нашихъ понятій, мѣшающей даже двумъ человѣкамъ столкнуться между собою.

Вы произнесли слово: примиреніе партій. Да, кончить личные счеты, прекратить литературные турниры, вертящіеся на остроуміи, оставить дрянныя, плоскія и пошлыя взаимныя обвиненія—пора, давно пора! Пора спокойно, отбросивъ личности и взаимное раздраженіе, откровенно и прямо объясниться по всѣмъ пунктамъ. Но примиреніе въ смыслѣ соглашенія—это другое дѣло! Вы, человѣкъ вполне искренній, конечно, не можете, говоря о примиреніи, разумѣть подъ нимъ дипломатическую сдѣлку, вооруженный миръ. Дурной миръ хорошъ, лучше доброй брани въ дѣлахъ практическихъ, ибо дѣйствительная жизнь есть непрерывный рядъ сдѣлокъ полу-искреннихъ, полу-лукавыхъ, съ задними мыслями; но въ вопросахъ науки, вѣры, убѣжденія добрая брань до настоящаго, честнаго мира—куда лучше! А такой миръ еще очень далеко впереди. Богъ вѣсть, когда онъ наступитъ! Наши русскіе споры отравлены, при самомъ ихъ началѣ, тѣмъ, что мы рѣдко споримъ противъ того, что человѣкъ говоритъ, а почти всегда противъ того, что онъ при этомъ думаетъ, противъ его предполагаемыхъ намѣреній и заднихъ мыслей. Такъ мы и встрѣчаемся другъ съ другомъ, такъ и въ дѣла между собою вступаемъ: вѣчно мы на-сторжѣ, вѣчно у насъ камень за пазухой. Оттого наши споры почти всегда переходятъ въ личности, наши дѣловые отношенія такъ неопредѣленны и неточны, безпрестанно подають поводъ къ тяжбамъ и процессамъ. Объективный смыслъ словъ и вещей въ нашихъ глазахъ имѣетъ мало значенія; мы всегда залѣзаемъ чело-вѣку въ душу. И вы не остались чужды этой нашей общей слабости, вложивъ въ уста западниковъ размышленія, которыя серьезному чело-вѣку не могутъ придти въ голову, а развѣ какому-нибудь шалопаю.

Освободимъ хоть мы съ вами наши разногласія отъ этого негоднаго придатка. Мы сами отъ этого много выиграемъ, и наци читатели, конечно, будутъ намъ за это очень благодарны.

I.

Начну съ разсмотрѣнія вашего взгляда на взаимныя отношенія у насъ простого народа и образованныхъ слоевъ общества, такъ какъ въ немъ рѣзко и наглядно выражается характерная черта славянофильскихъ ученій. Подобно славянофиламъ сороковыхъ годовъ, вы

видите живое воплощеніе возвышеннѣйшихъ нравственныхъ идей въ духовныхъ качествахъ и совершенствахъ русскаго народа, именн крестьянства, которое осталось непричастнымъ отступничеству отъ народнаго духа, запятнавшему, будто бы, высшіе, интеллигентные слои русскаго общества.

Полемика, которая когда-то велась объ этихъ тезисахъ между славянофилами и западниками съ горячностью, подѣ-часъ съ ожесточеніемъ, мнѣ кажется, уже принадлежитъ прошедшему. Чтобъ понять теперь ея живой, дѣйствительный смыслъ надо обратиться къ исторіи нашей культуры и поднимать архивы. Скажите теперь человѣку, непосвященному въ борьбу нашихъ партій, что русскій народъ — образецъ нравственнаго совершенства: онъ съ изумленіемъ вытаращитъ на васъ глаза и начнетъ по пальцамъ пересчитывать вамъ такія явленія изъ жизни русскаго народа, отъ которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ. Скажите образованному человѣку, который слыхалъ только о славянофилахъ, но не знаетъ ихъ доктринъ, что онъ измѣнникъ русскимъ народнымъ началамъ, отщепенецъ отъ родной земли: онъ или обидится, или подумаетъ про себя, что у васъ голова не въ порядкѣ. Что русское крестьянство далеко не есть образецъ совершенства, что люди, принадлежащіе къ образованнымъ классамъ нашего общества, такіе же преданные сыны своей родины, какъ и народныя массы, это знаютъ всѣ и каждый, и объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть теперь никакого спора. Если объ этомъ когда-то иначе думалось, говорилось и писалось, на то были свои причины, теперь забытыя, о которыхъ надо вспомнить, чтобъ понять суть вашихъ взглядовъ.

Всѣ люди и всѣ народы въ мірѣ учились и учатся у другихъ людей и у другихъ народовъ, и не только въ дѣтствѣ и юности, но и въ зрѣлыя годы. Разница въ томъ, что, въ дѣтствѣ и юности, и люди и народы больше перенимаютъ у другихъ; а достигнувъ совершеннѣтїа, они пользуются чужимъ опытомъ, чужимъ знаніемъ, съ разсужденіемъ, разборомъ, критикой; въ дѣтствѣ и юности люди и народы, перенимая, подражаютъ, стараются сдѣлаться точно такими, какъ тѣ, кто имъ служить образцомъ; а перейдя въ совершеннѣтіе, они уже чувствуютъ себя, и стараясь совершенствоваться, усваиваютъ себѣ чужое, не думая подражать и стать тѣми, отъ кого пользуются опытомъ и знаніями.

То же самое было и съ нами. Учились мы у всего міра, съ кѣмъ только ни были въ сношеніяхъ, чуть ли не у всѣхъ восточныхъ народовъ, у византійскихъ грековъ, у западныхъ и сѣверныхъ сосѣдей; но объ этомъ мы какъ-то забыли и вспомнили позднѣе, недавно. Особенно сильно и насильно стали мы учиться у западно-европейскихъ народовъ. Нужда насъ къ тому принудила; а страстный характеръ

Петра придавъ нашему ученью чрезвычайную стремительность. Геніальный государь хотѣлъ сдѣлать въ четверть столѣтія то, что дѣлается вѣками! Время этого ученья мы хорошо помнимъ, потому что уже начали тогда себя чувствовать. Утверждали, что Петръ и его сподвижники, не разбирая, передѣлывали насъ въ европейцевъ; но это совершенная неправда: и онъ, и они были рускіе люди съ головы до пятокъ, горячо любили родину и въ позаимствованіяхъ изъ Европы видѣли и искали только пользы для своей страны, не думая подчинять ее матеріально или нравственно европейскимъ родамъ.

Но съ Петромъ и его дѣломъ случилось то же, что всегда почти, естественно, случается со всѣми великими ученіями и великими дѣлами: основная мысль расплывается въ примѣненіяхъ и подробностяхъ и мало-по-малу забывается, а они выдвигаются на первый планъ, становятся главнымъ, существеннымъ дѣломъ. Когда такимъ образомъ способы исполненія заступаютъ мѣсто основной идеи, мертвая схема, шаблонъ, рутина замѣняютъ живое и осмысленное отношеніе къ предмету. Рѣдко когда новый шагъ или поворотъ въ личной и народной жизни не проходитъ чрезъ такіа превратности. Дѣло Петра, въ неумѣлыхъ и неталантливыхъ рукахъ преемниковъ его власти, а не его генія, быстро перешло въ рутину и шаблонъ. Позаимствованія изъ Европы, которыя, по основной мысли, предназначены были ассимилироваться на русской почвѣ, окаменѣли; европеизмъ, долженствовавшій по плану Петра служить для русской жизни подспорьемъ, выросъ въ самостоятельнаго фактора и сталъ жить на русской почвѣ своею, хотя и искусственною жизнью. Классы, издавна господствовавшіе у насъ надъ народною массою, по своему общественному положенію первые пропитались европейскими элементами и нашли въ ихъ образовательной роли какъ-бы оправданіе и освященіе своей политической и общественной роли и господства надъ необразованными людьми. Такимъ-то образомъ европеизмъ, орудіе образованія, по мысли Петра и государственныхъ дѣятелей его школы, превратился въ орудіе угнетенія и отворилъ настежь двери въ Россію всевозможнымъ европейскимъ авантюристамъ и проходимцамъ, которые, подъ мантией европейскаго просвѣщенія, обдѣлывали свои дѣла, или служили интересамъ, чуждымъ или враждебнымъ интересамъ страны.

По мѣрѣ того, какъ Россія росла и складывалась, противоестественная и антинаціональная въ ней роль европеизма, въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣлился у насъ послѣ Петра, стала чувствоваться мало-по-малу все сильнѣе и сильнѣе. Лучшіе умы, вдумываясь въ положеніе и стараясь объяснить себѣ причины застоя и гнета, подъ

которыми томила русская жизнь, пришли къ двумъ заключеніямъ: по мнѣнію однихъ, ненормальное ея состояніе произошло отъ того, что образовательное движеніе, начатое Петромъ при помощи европейскихъ вліяній, остановилось и выродилось въ гнетущую, заскорую формалистику, сохранившую только обманчивый внѣшній видъ европеизма; что живительный европейскій духъ, великія общечеловѣческія европейскія идеи испарились, отлетѣли изъ этихъ мертвыхъ формъ. Поэтому, думали они, надо открыть этимъ идеямъ свободный притокъ въ Россію и тѣмъ поднять русскую жизнь, изнемогающую подъ тяжкимъ бременемъ мертвящихъ, окостенѣлыхъ формъ, давно отжившихъ свой вѣкъ и уже отброшенныхъ въ самой Европѣ. По мнѣнію другихъ, застой и мертвенность русской жизни происходили отъ того, что русскій умъ былъ озадаченъ, сбивъ съ толку насильственной реформой Петра, отчего все европейское, дурное и хорошее, стало для насъ предметомъ подобострастного, почти суевѣрнаго и рабскаго благоговѣнія. Надо, думали эти люди, возвратить русскому уму бодрость, самостоятельность и самодѣятельность: тогда онъ станетъ тѣмъ, что онъ есть по своей природѣ, выкажетъ всѣ сокровища русскаго національнаго генія, которыя теперь таятся подъ спудомъ, изъ ложнаго самоуничиженія передъ Европой.

Таковы были два теченія русской мысли, изъ которыхъ потомъ образовались двѣ такъ-называемыя партіи,—въ сущности вовсе не партіи — западниковъ и славянофиловъ. Давно уже, и совершенно справедливо, замѣчено, что оба эти направленія, болѣе ярко обрисовавшіяся въ сороковыхъ годахъ, выросли на одной почвѣ. Оттого они сначала мирно жили одно подлѣ другого. Оба свидѣтельствовали о недовольствѣ тѣми условіями, посреди которыхъ безцвѣтно влачилась печальная русская жизнь, окруженная снаружи невиданнымъ дотолѣ ореоломъ политическаго и международнаго величія, блеска и могущества. Упрекъ, будто бы западники были отщепенцами отъ своей страны, совершенно несправедливъ; напротивъ, они были глубоко преданные своей родинѣ русскіе люди, горячо ее любившіе, мечтавшіе о ея свѣтломъ, великомъ будущемъ—не меньше славянофиловъ. Призывали они своими желаніями не Европу, а европейскія идеи, на которыя смотрѣли какъ на общечеловѣческія. Подобно вамъ, они высоко цѣнили чрезвычайную отзывчивость русскаго народа, и въ этомъ видѣли залогъ его великихъ историческихъ судебъ; ихъ плѣняла именно та его всечеловѣчность, которая плѣняетъ и васъ. Сначала у западниковъ не было нисколько вражды къ славянофиламъ, да и не было къ тому никакого повода: оба направленія одинаково отрицательно относились къ нашему псевдо-европеизму, и въ сущности сходились въ своихъ требованіяхъ, только формулируя ихъ различно. Западники желали видѣть общечеловѣческіе идеалы

осуществленными въ Россіи; славянофилы желали, чтобъ общечеловѣческіе идеалы не были Россіи навязаны, а были осуществлены свободнымъ починомъ, свободною дѣятельностью русскаго народа. Оба взгляда пополняли другъ друга. Но прежде чѣмъ они это понимали, прежде чѣмъ состоялось между ними то сближеніе, которое, лѣтъ двадцать тому назадъ, стало совершившимся фактомъ, вражда ихъ раздѣлила на два противоположные лагеря.

Исторія этого раскола русской мысли весьма интересна, представляя степень развитія, на которой мы стояли въ то время, когда онъ начался, и ходъ развитія русской мысли и русскаго самосознанія.

Если застой и мертвенность русской жизни происходили отъ того, что насъ давилъ псевдо-европеизмъ и отжившія, окостенѣлыя европейскія формы, то это доказывало, что предъидущая наша жизнь не имѣла достаточно упругости и твердости, чтобъ противустоять ихъ водворенію или, принявъ ихъ, переработать сообразно съ своимъ народнымъ гениемъ, другими словами, что мы еще не вступали въ періодъ совершеннолѣтія; а то, что мы начинали тяготиться псевдо-европеизмомъ и нашею бездѣятельностью, нашимъ застоємъ, служило несомнѣннымъ признакомъ пробужденія русскаго народнаго гения и самодѣятельности. Слѣдовательно, вопросъ ставился самою русскою жизнью слѣдующимъ образомъ: періодъ школьнаго ученія и перениманья кончился; пора было начать жить своимъ умомъ, критически отнестись къ себѣ и другимъ, думать и дѣйствовать не иначе, какъ послѣ строгой провѣрки своихъ и чужихъ мыслей и дѣлъ. Такой взглядъ показывалъ, что мы не имѣемъ у себя въ прошедшемъ такихъ выработанныхъ, опредѣленныхъ формъ мысли и жизни, которыя могли бы намъ служить основаніемъ и опорой для дальнѣйшей работы; но онъ же исключалъ возможность осуществить у насъ общечеловѣческіе идеалы иначе, какъ въ формахъ національныхъ, намъ свойственныхъ и нами изъ себя выработанныхъ; иначе сказать, что общечеловѣческіе идеалы могутъ быть только продуктомъ самодѣятельности народнаго гения, результатомъ народной жизни, что ихъ нельзя переносить и пересаживать изъ одной страны въ другую.

Когда русская жизнь и мысль начали пробуждаться, мы все это понимали крайне смутно и сбивчиво, вслѣдствіе чего развитіе пошло у насъ съ разными обходами и колебаніями.

Долго мы смѣшивали и теперь еще часто смѣшиваемъ общечеловѣческое съ европейскимъ, послѣднее принимаемъ за первое. Это была, безъ сомнѣнія, слабая сторона западниковъ. Славянофилы впали въ другую ошибку. Поставя требованіе самостоятельнаго національнаго развитія, въ чемъ и заключалась ихъ главная заслуга, они стали пытаться опредѣлить, въ чемъ же состоятъ основныя черты русскаго національнаго характера, долженствующія служить исход-

ной точкой для дальнѣйшей дѣятельности русскаго народа, нравственной и общественной. Но отыскать эти черты было то же, что найти квадратуру круга. Псевдо-европеизмъ именно потому у насъ и водворился и получилъ права гражданства, что нашъ національный характеръ еще не сложился и не обозначился въ ясно опредѣленныхъ чертахъ; только жизнь и самодѣятельность вырабатываютъ характеръ и особенности и лица и народности; но мы, до послѣдняго времени, были въ ученьи то у однихъ, то у другихъ народовъ, своимъ умомъ не жили и потому не могли выработаться въ самостоятельную національную личность. Почему же было узнать основныя, характерныя черты русскаго народнаго генія? Прошедшее, исторія представляли лишь факты ученической, школьной жизни; она могла передать одни ясные слѣды вліяній наставниковъ и учителей, и едва намѣченныя, не установившіяся и потому неуловимыя черты національнаго характера и генія. За невозможностью узнать, пришлось сочинять. Это была такая же ошибка со стороны славянофиловъ, какъ со стороны западниковъ смѣшеніе общечеловѣческаго съ европейскимъ.

Логика фактовъ, играющая роль древней судьбы въ исторіи новыхъ народовъ, опровергла оба эти направленія. Ни чистыхъ славянофиловъ, ни чистыхъ западниковъ больше нѣтъ: и тѣ и другіе сошли со сцены. Продолжая противуполагать ихъ взгляды, вы, мнѣ кажется, поднимаете старый споръ, уже рѣшенный ходомъ русской жизни и развитіемъ русской мысли. Развѣ вы настоящій славянофилъ? И развѣ тѣ, противъ кого вы полемизируете, настоящіе западники? Вы сами выгораживаете лучшихъ изъ нихъ; кто же затѣмъ остается? Примиреніе двухъ направленій, о которомъ вы мечтаете, уже совершилось, молча, двадцать лѣтъ тому назадъ, когда славянофилы и западники подали другъ другу руки при освобожденіи крѣпостныхъ.

Съ тѣхъ поръ мы вступили въ новый періодъ развитія. Теперь вопросы ставятся совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде; названіе славянофиловъ и западниковъ вовсе не идетъ къ новымъ направленіямъ русской мысли. Предоставьте твердить зады посредственности и фразерамъ! Вѣдь ихъ вы не урезоните, и не для нихъ же вы и пишете.

Между мыслящими и серьезными русскими людьми вы теперь не найдете ни одного, который бы изъ теоретическихъ предразсудковъ смотрѣлъ свысока на наши народныя массы, или думалъ, что Россія есть листъ бѣлой бумаги, на которомъ можно написать все что угодно. Всякій очень хорошо понимаетъ, что какъ отдѣльныя лица, такъ и націи имѣютъ свой характеръ, свои особенности, свою фізіономію, физическую и духовную, которыхъ нельзя передѣлать и съ которыми необходимо сообразоваться, разсуждая о даль-

нѣйшей судьбѣ людей и народовъ, и о томъ, что для нихъ желательно и полезно въ настоящемъ. Съ другой стороны, точно такъ же нѣтъ ни одного мыслящаго и серьезнаго русскаго человѣка, который бы не понималъ, что новыхъ условій, созданныхъ въ Россіи съ начала XVIII вѣка, нельзя вычеркнуть изъ нашей исторіи; что какъ бы мы любовно ни смотрѣли на народныя массы, нельзя признать ихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ теперь существуютъ, идеаломъ совершенства. Прислушиваясь къ тому, что теперь думается и говорится, не трудно подмѣтить два различныхъ направленія русской теоретической мысли, на которыя было мною указано въ самомъ началѣ. Одно, основываясь на воспитательномъ характерѣ общественныхъ учреждений, ждетъ всего хорошаго только отъ ихъ переустройства, въ полномъ убѣжденіи, что хорошія учрежденія перевоспитаютъ людей и разовьютъ въ нихъ тѣ качества и свойства, которыя необходимы для благоустроеннаго общежитія и которыхъ намъ, къ сожалѣнію, пока недостаетъ въ значительной степени. Другое направленіе, исходя изъ той же нашей неустроенности, не признаетъ всемогущества учреждений, и, усматривая источникъ всего зла въ нашемъ нравственномъ состояніи, дѣйствительно крайне незавидномъ, указываетъ, помимо учреждений, на разные средства для поднятія у насъ нравственности. Многіе видятъ въ этихъ двухъ направленіяхъ продолженіе двухъ прежнихъ. Повидимому вы тоже раздѣляете это мнѣніе. На самомъ дѣлѣ едва ли это такъ. Новая постановка вопроса есть несомнѣнно шагъ впередъ русской мысли. Онъ могъ быть сдѣланъ, очевидно, только послѣ разъясненія многихъ недоразумѣній между западниками и славянофилами, возбуждавшихъ между ними когда-то ожесточенные споры на словахъ и отчасти въ печати. Но нельзя также отрицать сродства и, до нѣкоторой степени, преемства между прежними и новыми взглядами на русскую жизнь и ея задачи. Вѣра во всемогущество учреждений невольно напоминаетъ точку зрѣнія Петра и поборниковъ его дѣла на русской почвѣ, какими, безъ сомнѣнія, были западники; а указанія на нравственное возрожденіе, какъ на единственное средство обновленія, сближаетъ поборниковъ этого взгляда съ славянофилами. Это сродство выступить еще ярче, если припомнимъ, что подкладкой общественныхъ идеаловъ все еще служатъ у насъ обыкновенно европейскіе образцы, а нравственные идеалы переносятся, почти цѣликомъ, изъ программы славянофиловъ. Несмотря на такія сближенія, не слѣдуетъ забывать и существенной разницы между прежними и новыми направленіями русской мысли. Взгляды славянофиловъ и западниковъ были первыми, еще незрѣлыми попытками самостоятельной критики; новыя направленія переносятъ русскіе вопросы на

чисто теоретическую почву, и тѣмъ придаютъ имъ общечеловѣческое значеніе.

Казалось бы, двѣ струи русской мысли, обозначающіяся въ настоящее время, тоже не должны исключать одна другую, а взаимно дополнять. Оба направленія ея, собственно говоря, предлагаютъ не два различныхъ рѣшенія одной задачи, а два средства для устраненія двухъ различныхъ сторонъ одного и того же зла. Но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, дѣло не обойдется безъ новаго раскола и новой борьбы, подобной той, какую вели между собою западники и славянофилы. Поводы къ этому съ той и другой стороны есть, и весьма основательные.

Съ давнихъ поръ для меня стало выясняться, что коренное зло европейскихъ обществъ, не исключая и нашего, заключается въ недостаточномъ развитіи и выработкѣ внутренней, нравственной и душевной стороны людей. Это зло дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что оно какъ-то мало замѣчается, что на его устраненіе почти не обращено никакого вниманія. Въ практической жизни твердо водворилось убѣжденіе, что недостатокъ личной нравственной выработки можетъ быть вполне замѣненъ хорошимъ законодательствомъ, судомъ, администраціей; въ наукѣ вопросъ о нравственности заброшенъ; она въ наше время не имѣетъ правильного научнаго основанія и остается при старыхъ, заржавѣлыхъ, рутинныхъ теоріяхъ, которымъ никто больше не вѣритъ, которыя въ глазахъ современныхъ людей не пользуются ни малѣйшимъ авторитетомъ; въ воспитаніи нравственная выработка играетъ самую печальную роль и замѣняется дрессировкой людей для общества, въ чемъ и полагается вся суть нравственности.

Сознаюсь, что для меня одной изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ славянофильскихъ ученій всегда представлялось именно то, что они выдвинули на первый планъ вопросъ о внутренней, душевной, нравственной правдѣ, о нравственной красотѣ, забытой и пренебреженной. Можетъ быть, я увлекаюсь золотой мечтой, но мнѣ думается, что новое слово, котораго многіе ожидаютъ, будетъ заключаться въ новой правильной постановкѣ вопроса о нравственности въ наукѣ, воспитаніи и практической жизни и что это живительное слово скажемъ именно—мы. Смутныя чаянія молодыхъ русскихъ умовъ и сердецъ бродятъ около этого вопроса, жадно прислушиваясь ко всему, въ чемъ надѣются найти на него отвѣтъ. Съ этимъ же вопросомъ соединяются, въ самыхъ неопредѣленныхъ сочетаніяхъ, и неясныя представленія о будущемъ значеніи русскаго и славянскаго племени въ судьбахъ міра. Громадный успѣхъ вашей рѣчи о Пушкинѣ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вы въ ней касаете-

тесъ этой сильно звучащей струны, что въ вашей рѣчи нравственная красота и правда отождествлены съ русскою народною психеей.

Почему именно этотъ вопросъ стоитъ на очереди и стучится во всѣ двери разомъ, откуда чаяніе и надежда, что именно намъ, а не другому народу, можетъ быть, выпадетъ на долю, если не разрѣшить, то хоть по крайней мѣрѣ разрѣшать его,—надъ этимъ я здѣсь останавливаться не стану, потому что пришлось бы говорить много и долго, а мнѣ не хочется отвлекаться отъ того, что я имѣю вамъ сказать.

Теперь, пока, для насъ, добровольцевъ русской мысли, самое важное и главное—поставить вопросъ о нравственной правдѣ прочно, твердо, сильно, такъ чтобъ она и ея необходимость стали для всякаго очевидными и несомнѣнными, чтобъ нельзя было отъ нихъ ни отмолчаться, ни отыгаться общими мѣстами и высокопарными фразами. Проповѣдь будетъ полезна, необходима потомъ; пока время ея еще не наступило. Теперь надо сперва выработать вопросъ въ лабораторіи строгой и точной науки, надо силою доводовъ, аргументами современнаго знанія, поставить людей лицомъ къ лицу съ нравственной правдой и показать, что всѣ пути неизбѣжно ведутъ къ ней, что отъ нея имъ некуда уйти, что ея миновать или обойти нѣтъ никакой возможности.

Съ жадностью набросился я на вашу полемику съ проф. Градовскимъ, въ надеждѣ найти въ ней хоть намекъ на это необходимое предисловіе къ новому слову; но ничего подобнаго не нашель. Все та же старая аргументація славянофиловъ, которая едва-ли кого удовлетворитъ теперь. Живи корифеи славянофильства въ наше время, послѣ всего того, что мы пережили, они, я убѣжденъ, выставили бы новые доводы въ защиту тѣмы, на которую указали. Теперь формула, которую они ей дали, оказывается неправильной, слабо обставленной, а вы къ ней ничего не прибавили, даже не пытаетесь ее исправить.

Подобно славянофиламъ сороковыхъ годовъ, вы ссылаетесь на высокія, несравненные нравственные качества русскаго народа. Когда славянофилы впервые заговорили объ этомъ, это было дѣйствительно и ново, и живительно. Русская интеллигенція раболѣпно относилась къ Европѣ и всему европейскому; національное самосознаніе находилось въ состояніи полудремоты; мы только чувствовали свою физическую силу и ею гордились, едва подозрѣвая, какъ мало она значитъ, когда не опирается на силы умственные и нравственные. Съ тѣхъ поръ въ русскомъ обществѣ и въ русской интеллигенціи произошла огромная перемѣна. Куда дѣвался такъ-называемый „квасной“ патріотизмъ и вѣра въ медвѣжью силу? Рабское поклоненіе передъ Европой не смѣнилось-ли въ наше время небывалымъ подъемомъ національнаго

чувства, которое даже перепадаетъ въ чрезмѣрную щекотливость, самоувѣренность и задоръ? Не нужно быть западникомъ, чтобъ подчасъ краснѣть отъ выходокъ, въ которыхъ они высказываются. Чистые идеалисты, какими были московскіе славянофилы, конечно, строго бы ихъ осудили. Передъ этими людьми носились совсѣмъ другіе идеалы національнаго чувства.

Въ увлеченіи духовными сокровищами русскаго народнаго генія, вы говорите (стр. 4): „наша нищая неурыдная земля, кромѣ высшаго слоя своего, вся сплошь какъ одинъ человѣкъ. Всѣ восемьдесятъ милліоновъ ея населенія представляютъ собою такое духовное единеніе, какого, конечно, въ Европѣ нѣтъ нигдѣ и не можетъ быть“.

Предоставляю этнографамъ и статистикамъ сбавить эту цифру на двадцать или на двадцать пять милліоновъ; между остальными пятидесятью пятью или шестидесятью дѣйствительно поразительное единеніе, но какое? Племенное, церковное, государственное, языка, — да; что касается духовнаго, въ смыслѣ нравственнаго, сознательнаго, — объ этомъ можно спорить! Передъ нами пока только громаднаго значенія фактъ, котораго внутренній, духовный смыслъ мы опредѣлить не въ состояніи: онъ весь въ будущемъ; напрасно стали бы мы искать его въ прошедшемъ или настоящемъ.

II.

Такія же серьезныя недоразумѣнія вызываетъ и вашъ взглядъ на нравственныя качества русскаго простого народа, ихъ значеніе и причины.

Подобно славянофиламъ сороковыхъ годовъ, вы считаете наши народныя качества дознаннымъ, несомнѣннымъ фактомъ, и приписываете ихъ тому, что нашъ народъ проникся православною вѣрою и глубоко носить ее въ своемъ сердцѣ.

Прежде всего замѣчу, что приписывать цѣлому народу нравственныя качества, особливо принадлежа къ нему по рожденію, воспитанію, всею жизнью и всѣми симпатіями, — едва ли можно. Какой же народъ не считаетъ себя самымъ лучшимъ, самымъ нравственнымъ въ мірѣ? Съ другой стороны, ставъ разъ на такую точку зрѣнія, можно, вопреки истинѣ и здравому смыслу, признать цѣлые народы безнравственными, даже преимущественно наклонными къ безнравственнымъ поступкамъ извѣстнаго рода, какъ это высказывалось и высказывается.

Вы будете превозносить простоту, кротость, смиреніе, незлобивость, сердечную доброту русскаго народа; а другой, не съ меньшимъ основаніемъ, укажетъ на его наклонность къ воровству, обма-

намъ, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношеніе къ женщинѣ; вамъ приведутъ множество примѣровъ свирѣпой жестокости и безчеловѣчія. Кто же правъ: тѣ ли, которые превозносятъ нравственныя качества русскаго народа до небесъ, или тѣ, которые смѣшиваютъ его съ грязью? Каждому не разъ случалось останавливаться въ раздумьи передъ этимъ вопросомъ. Да онъ и не разрѣшимъ! Разсуждая о нравственности и безнравственности, мы обращаемъ вниманіе не на то, *какъ* народъ относится къ предмету своихъ вѣрованій и убѣжденій, а на то, *что* составляетъ ихъ предметъ; а это *что* есть всецѣло результатъ школы, которую прошелъ народъ, вліяній извнѣ, словомъ—его исторіи, развитія и культуры. Поэтому, чтобъ правильно оцѣнить народъ, слѣдуетъ говорить не о его нравственныхъ достоинствахъ или недостаткахъ, которые могутъ измѣняться, а о характеристическихъ свойствахъ и особенностяхъ его духовной природы, которыя придаютъ ему отличную отъ всѣхъ другихъ фizioномію и, несмотря на всѣ превратности судьбы, удерживаются чрезъ всю его исторію.

Есть ли такія характерныя черты у русскаго народа? Несомнѣнно есть, какъ у всякаго, даже самаго ничтожнаго племени, осужденнаго исторіей на поглощеніе другою національностью. Но если вы меня спросите, въ чемъ онѣ, по моему мнѣнію, заключаются, то я, къ стыду моему и къ великому соблазну для многихъ, не сѣмѣю дать вамъ яснаго, точнаго, категорическаго отвѣта. Я не въ состояніи уловить въ духовной фizioноміи русскаго народа ни одной черты, которую могъ бы съ совершенной увѣренностью признать за основную, типическую принадлежность его характера, а не извѣстнаго его историческаго возраста, или обстоятельствъ и обстановки, въ которыхъ онъ жилъ и живетъ.

Что русскій народъ богато одаренъ отъ природы — это едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію и признается даже нашими недоброжелателями и врагами. Но въ чемъ именно состоитъ эта природная даровитость, — вотъ что, мнѣ кажется, ускользаетъ отъ опредѣленія. Мнѣ скажутъ: большая живость, подвижность, юркость и бойкость ума, способность трезво относиться ко всему, ширина размаха? Но это признаки всякаго даровитаго народа въ юности. Развѣ древніе греки не были точно такими же въ свое время? Мы, говорятъ, страшные реалисты. На эту черту многіе указываютъ какъ на основную въ русскомъ національномъ характерѣ; но пусть мнѣ укажутъ народъ, болѣе русскихъ способный увлекаться отвлеченными идеями, воздушными замками, иллюзіями и утопіями всякаго рода? Какіе же мы реалисты! Мы пока просто живые юноши. Указываютъ также на нашу удивительную находчивость въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, умѣнье къ нимъ приладиться, умѣнье при-

мѣняться къ разнымъ людямъ и народамъ. Но можно ли назвать эти свойства основными чертами національнаго характера? Стоить вспомнить о территоріи, на которой мы сидимъ, о народахъ и племенахъ, которые насъ окружаютъ, о многострадальныхъ судьбахъ русскаго народа, чтобъ тотчасъ же понять, откуда у него взялись этѣ черты. Еслибъ онъ ихъ въ себѣ не выработалъ вѣками, то мы бы теперь съ вами и не разсуждали о русскомъ народѣ: его бы вовсе не существовало. Притомъ, въ юности все выносятся и вытерпливается легче, бодрѣй, веселѣй, чѣмъ въ сердовыя года и въ старости. Вы указываете, и совершенно справедливо, на необыкновенную отзывчивость русскаго народа, необыкновенную его способность „перевоплощенія въ геніи чужихъ націй, перевоплощенія почти совершеннаго“. И эта несомнѣнная и драгоцѣннѣйшая способность русскаго народа — увы! — не болѣе, какъ свойство чрезвычайно даровитаго и умнаго, даже не юношескаго, а младенческаго народа: молодой человѣкъ, даже юноша, какъ только сколько-нибудь сложился и имѣетъ что-нибудь сказать свое и отъ себя, теряетъ мало-по-малу эту способность. Словомъ, какую выдающуюся черту русскаго народа ни взять, всѣ доказываютъ замѣчательную его даровитость и въ то же время большую его юность, — возрастъ, когда еще нельзя угадать, какая у талантливаго юноши выработается духовная фізіономія, когда онъ сложится и возмужаетъ.

Эта-то неопредѣленность, невыясненность характера нашей духовной природы и заставляетъ меня съ недовѣріемъ отнестись къ вашей основной мысли, будто бы мы пропитаны христіанскимъ духомъ. Что многіе изъ нашихъ высокихъ нравственныхъ качествъ плодъ христіанства — не подлежитъ сомнѣнію. Черезъ всю нашу исторію тянутся густой вереницей, разсѣянные по всему лицу русской земли, христіанскіе подвижники, святые, отрекшіеся отъ міра, удалившіеся въ пустыню и посвятившіе себя посту, молитвѣ и религіозному созерцанію; между мірянами еще недавно можно было встрѣтить въ семьяхъ, городахъ и крестьянскихъ избахъ не мало типовъ поразительной нравственной красоты, своимъ искреннимъ благочестіемъ, чистотою, простотою и кротостью переносившихъ мысль во времена апостольскія. Всѣмъ, кто ихъ зналъ, они памяты и никогда не забудутся. Но замѣьте, что всѣ они — и иноки, и міряне — чуждались міра, сторонились отъ него и уходили отъ волнующагося житейскаго моря въ молитву и созерцаніе. Ежедневная, будничная, практическая жизнь шла своимъ порядкомъ и едва ли согласовалась съ ученіемъ Христа, когда благочестивые люди отъ нея удалялись и не хотѣли принимать въ ней участія. Что-нибудь изъ двухъ: или исповѣданіе Христова ученія несовмѣстимо съ жизнью и дѣятельностью въ міру; въ такомъ случаѣ, какъ же русскій народъ могъ быть пропитанъ

христіанскими началами?—или, напротивъ, народамъ нѣтъ спасенія, если они не проникнутся въ своей публичной жизни и частномъ быту истинами христіанства; но въ такомъ случаѣ, значить, наша ежедневная, будничная жизнь не была ими проникнута, если святые люди отъ нея удалялись въ дебри, лѣса, пустыни, и находили спасеніе лишь въ отчужденіи отъ міра.

Недоумѣнія мои наводятъ на различное съ вами объясненіе многихъ явленій въ русской жизни и русской исторіи. Самые благочестивые люди, самые горячіе патріоты жалуются, что у насъ обрядовая сторона слишкомъ преобладаетъ въ сознаніи и въ жизни простыхъ людей надъ дѣлами вѣры, точно будто вѣра сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Не разъ указывалось на необходимость внутренняго миссіонерства, чтобъ просвѣщать народъ, еще пропитанный грубыми языческими предразсудками и суевѣріями. На совершенное незнание женщинъ изъ простого народа съ самыми обыкновенными молитвами жалуются даже безграмотные крестьяне. Все это показываетъ, что просвѣщеніе народныхъ массъ въ духѣ христіанства еще ожидаетъ своихъ дѣятелей. Не совершилось оно до сихъ поръ потому, что самые ревностные христіане, жаждавшіе духовнаго совершенства, удалялись отъ міра, служа только образцами святой жизни и предметами благоговѣнія для мірянъ, которые носили въ своемъ сердцѣ жажду духовнаго просвѣщенія и совершенства; для огромнаго же большинства, погруженнаго въ заботы и суету ежедневной жизни, Христово ученіе представлялось въ видѣ богослуженія и обрядовъ; частое посѣщеніе церкви и строгое соблюденіе священныхъ обрядовъ, — вотъ въ чемъ представлялась этому большинству вся суть христіанства. Такое по-преимуществу формальное отношеніе къ нему нашихъ предковъ поражало иностранцевъ до того, что Флетчеръ, напримѣръ, прямо называетъ насъ язычниками. Что мудренаго, что ежедневная, будничная жизнь, предоставленная самой себѣ, шла нескладно и искала себѣ образцовъ и выхода къ лучшимъ порядкамъ внѣ отечества, въ чужихъ краяхъ и въ чужихъ людяхъ? Если условіемъ нравственнаго совершенствованія въ духѣ Христовомъ было отреченіе отъ міра, то улучшеніе мірскихъ порядковъ и не могло совершаться иначе, какъ помимо церкви и ея вліяній: одно было естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ другого. Не подготовляемое постепеннымъ улучшеніемъ нравовъ, оно совершалось скачками, посредствомъ законодательныхъ мѣръ по иностраннымъ образцамъ. Крутой и внезапный характеръ преобразованій Петра, рѣзкое противопоставленіе свѣтскаго духовному, нравственныхъ идеаловъ славянофиловъ общественнымъ идеаламъ западниковъ—все это лишь послѣдствія того убѣжденія, всосавшагося въ нашу плоть и

кровь, что совершенство въ христіанскомъ смыслѣ возможно только внѣ міра и его соблазновъ.

Такое воззрѣніе на христіанство имѣетъ свое основаніе въ міросозерцаніи древняго Востока. Отрѣшеніе отъ міра, умерщвленіе плоти, духовное созерцаніе, какъ высшее благо и высшее совершенство—представлялись издавна, для жителей Востока, единственнымъ исходомъ изъ бѣдъ, напастей и тревоженій земной жизни. Борьба съ ними, устраненіе ихъ, подчиненіе вышнихъ явленій человѣку помощью науки и искусства,—все это не входило въ кругъ восточныхъ воззрѣній какъ принципъ; а такъ какъ всякій человѣкъ и всякій народъ принимаетъ истину насколько можетъ ее вмѣстить, то и жители Востока усвоили себѣ ту сторону христіанства, которая была имъ болѣе другихъ доступна. Ученые и философы, преимущественно греки, обратились на изученіе и разъясненіе вѣроученія и догматовъ; люди, искавшіе нравственнаго совершенства, удалялись въ пустыни, очищали себя постомъ, молитвами и предавались духовному созерцанію.

Но христіанство имѣетъ безчисленное множество сторонъ и потому на него можно смотрѣть съ безчисленныхъ точекъ зрѣнія. Народы западной Европы приступили къ его принятію съ другими задатками и предпосылками и потому усвоили себѣ преимущественно другую его сторону. Окружающая ихъ природа несетъ щедрые дары только тому, кто умѣетъ заставить ее служить себѣ. Уже это одно обстоятельство рано вызвало европейца на упорный трудъ и борьбу съ окружающимъ, воспитало въ немъ убѣжденіе, что знаніемъ, трудомъ и выдержкой можно устранить вредное, воспользоваться благопріятными условіями и создать около себя среду, отвѣчающую нуждамъ, потребностямъ и вкусамъ. Къ такому же взгляду приводило и богатое наслѣдство, оставшееся послѣ греко-римскаго міра, принятое западными народами въ началѣ непосредственно, самымъ пребываніемъ на классической почвѣ, а потомъ сознательно усвоенное долгимъ изученіемъ. Знакомство съ этимъ міромъ должно было укрѣпить и развить въ западномъ европейцѣ убѣжденіе, что не только природа, но и условія общежитія могутъ быть приспособлены къ нуждамъ людей, точно также какъ люди могутъ и должны приспособиться и быть приучены къ условіямъ правильно организованнаго общественнаго быта. Оттого, западный европеецъ не думаетъ покоряться даннымъ неблагопріятнымъ условіямъ, или удалаться отъ окружающей среды, когда она не удовлетворяетъ его требованіямъ; напротивъ, онъ старается овладѣть ими, покорить ихъ себѣ, пересоздать по своимъ нуждамъ и вкусамъ. Человѣкъ съ такими взглядами и привычками, принявъ христіанство, естественно воспользовался имъ какъ могучимъ орудіемъ для расширенія своихъ знаній, для улучше-

нія своего публичнаго и частнаго быта, для воспитанія людей. Христіанство открыло западному европейцу новые, дотолѣ невѣдомые ему горизонты и пути для развитія и совершенствованія дѣйствительной жизни и всей обстановки человѣка. Вы скажете, что отъ такихъ примѣненій христіанства къ условіямъ ежедневной жизни и житейскимъ нуждамъ помутился и померкъ въ сознаніи западныхъ европейцевъ божественный образъ Спасителя, который училъ, что царство Его не отъ сего міра? Съ этимъ можно согласиться, но только съ важными оговорками. Ученіе о духѣ не укладывается ни въ какія формы и рамки, и потому всякая попытка уловить христіанство въ какія бы то ни было правила не можетъ не исказить его; я готовъ идти далѣе и прибавлю, что, обративъ все вниманіе исключительно на примѣненіе христіанства къ наукѣ, знанію и общественному быту, западные европейцы забыли внутренній, нравственный, душевный міръ человѣка, къ которому именно и обращена евангельская проповѣдь. Послѣднее и есть, какъ мнѣ кажется, ахиллесова пятка европейской цивилизаціи; здѣсь корни болѣзни, которая ее точитъ, и подкапываетъ ея силы. Западный европеецъ весь отдался выработкѣ объективныхъ условій существованія, въ убѣжденіи, что въ нихъ однихъ скрывается тайна человѣческаго благополучія и совершенствованія; субъективная сторона въ полномъ пренебреженіи. Но только до сихъ поръ я иду съ вами, а далѣе, мы совершенно расходимся. Славянофилы сороковыхъ годовъ, а за ними и вы, осуждая западныхъ христіанъ, опустили изъ виду, что они, хотя и недостаточно, неправильно, представляютъ однако собою дѣятельную, преобразовательную сторону христіанства въ мірѣ. По мысли западныхъ европейцевъ, христіанство призвано исправить, улучшить, обновить не только отдѣльнаго человѣка, но и цѣлый бытъ людей, воспитать не только отшельниковъ, но и людей, живущихъ въ мірѣ, посреди ежедневныхъ дразгъ и соблазновъ. По европейскому идеалу, христіанинъ не долженъ удалаться отъ міра, чтобъ соблюсти свою чистоту и святость, а призванъ жить въ мірѣ, бороться со зломъ и побѣдить его. Въ католичествѣ, созданномъ гениемъ романскихъ народовъ, вы видите только уродливое устройство церкви по образцу свѣтскаго государства, съ духовнымъ императоромъ во главѣ, а въ протестантизмѣ, концепціи христіанства по духу германскихъ народовъ, только одностороннюю безграничную свободу индивидуальной мысли, приводящей въ концѣ-концовъ къ атеизму; но, вѣдь, кромѣ папы и атеизма, западная Европа произвела и многое другое, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ христіанства. Вы сами себѣ противорѣчите, преклоняясь передъ европейской наукой, искусствомъ, литературой, въ которыхъ вѣтъ тотъ же духъ, который породилъ и католичество и протестантизмъ. Идя послѣдовательно, вы должны,

отвергнувъ одно, отвергнуть и другое: середины нѣтъ—и быть не можетъ.

III.

Перехожу наконецъ къ теоретическимъ основаніямъ всей вашей аргументаціи—къ вашему взгляду на нравственность, ея значеніе и роль въ человѣческомъ обществѣ.

Возражая профессору Градовскому, вы отвергаете различеніе идеаловъ общественныхъ отъ личныхъ и нравственныхъ. „Чѣмъ соедините вы людей для достиженія вашихъ гражданскихъ цѣлей“, спрашиваете вы,—„если нѣтъ у васъ основы въ первоначальной великой идеѣ нравственной?“ И продолжаете: „А нравственные идеи только однѣ: всѣ основаны на идеѣ личнаго абсолютнаго самосовершенствованія впереди въ идеалѣ, ибо оно несетъ въ себѣ все, всѣ стремленія, всѣ жажды, а, стало быть, изъ него же исходятъ и всѣ ваши гражданскіе идеалы“. Эта мысль, которая составляетъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ спора, кажется мнѣ невѣрной.

Во-первыхъ, нравственныхъ *идей* нѣтъ, какъ нѣтъ общественной нравственности, вопреки мнѣнію проф. Градовскаго. Нравственное есть прежде всего—личное, извѣстный душевный строй, складъ чувствъ, дающіе тонъ и направленіе нашимъ помысламъ, намѣреніямъ и поступкамъ. Оттого и нельзя схватить и уложить нравственность въ какую-то бы ни было мысль, или формулу. Нравственность есть по преимуществу то, что мы называемъ духомъ. Всякій въ глубинѣ души знаетъ, доброе онъ замышляетъ и дѣлаетъ, или дурное. Чувство добра и зла онъ носитъ въ себѣ. Но спросите, что такое добро, что зло—никто вамъ не отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Сдѣлайте тотъ же вопросъ въ примѣненіи къ тому или другому данному помыслу, дѣлу, предпріятію, и самый темный, необразованный человѣкъ не затруднится отвѣтомъ. Вы, можетъ быть, найдете его отвѣтъ ошибочнымъ, признаете, что онъ называетъ худымъ хорошее, и наоборотъ; но по своему чувству, по своему сознанію, онъ будетъ нравственный человѣкъ, если воздержится отъ намѣреній и поступковъ, которые сознаетъ худыми. Какъ слагается въ человѣкѣ такое неуловимое, такъ-сказать безформенное чувство добра и зла, которое освѣщаетъ для cadaго особеннымъ образомъ всякій его замыселъ, поступокъ—это другой вопросъ. Дѣло въ томъ, что у cadaго есть такой, свой особенный, личный камертонъ. Кто ему вѣренъ въ мысляхъ и поступкахъ, тотъ человѣкъ нравственный, а кто невѣренъ, непослушенъ ему—безнравственный.

Совсѣмъ другое—наши понятія или идеи о томъ, что хорошо и что дурно. Каждая идея есть формулированная, опредѣленная

мысль о предметѣ, слѣдовательно о томъ, что намъ представляется какъ нѣчто внѣ насъ существующее, объективное. *Понятіе* о томъ, что добро и что дурно (я здѣсь говорю только о нашихъ понятіяхъ общественныхъ) есть сужденіе, основанное на аргументахъ, почерпнутыхъ не изъ неопредѣленнаго и безформеннаго чувства, а изъ условій и фактовъ устроеннаго общежитія съ другими людьми.

Вы скажете, что и внутреннее сознаніе добра и зла, иначе говоря, голосъ совѣсти, въ концѣ-концовъ, слагается подъ вліяніемъ той же общественной среды? Безъ сомнѣнія, и именно потому совѣсть древнихъ грековъ-язычниковъ иное говорила, чѣмъ совѣсть христіанъ. Содержаніе внутренняго сознанія добра и зла и понятія о добрѣ и злѣ одинаковы; но они существенно различаются между собою тѣмъ, что первое, совѣсть, выражаетъ чисто непосредственное личное отношеніе человѣка къ своимъ мыслямъ и поступкамъ, есть чувство, не укладывающееся ни въ какую формулу, тогда какъ понятіе не есть уже личное, а нѣчто объективное, предметное, доступное всѣмъ и каждому, подлежащее обсужденію и повѣркѣ. Далѣе, понятіе о томъ, что хорошо и что дурно, еще болѣе отступаетъ отъ человѣка, становится еще болѣе для него предметнымъ и внѣшнимъ, когда оно обращается въ обязательный законъ, которому единичныя лица, волей-неволей, должны подчиниться, хотя-нехотя должны сформировать съ нимъ свои внѣшнія дѣйствія и поступки.

Вотъ почему я не могу съ вами согласиться, когда вы говорите о нравственныхъ *идеяхъ*, ни съ проф. Градовскимъ, когда онъ говоритъ объ *общественной* нравственности. Нравственность, какъ фактъ чисто личный, единичнаго человѣка, исключаетъ идею, формулированное понятіе людей. По той же причинѣ не можетъ быть и общественной нравственности; ибо если разумѣть подъ этимъ словомъ, что въ данномъ обществѣ наибольшая часть людей нравственны, то оно будетъ неточно, перенося на сумму людей то, что составляетъ характеристическую принадлежность отдѣльнаго человѣка; если же съ этимъ выраженіемъ связать понятіе о той или другой идеѣ, которую они одинаково признаютъ, то оно совершенно ошибочно, потому что идеи не могутъ быть ни нравственны, ни безнравственны; онѣ или правильны, или неправильны. Нравственный человѣкъ тотъ, кто въ своихъ помыслахъ и поступкахъ остается всегда вѣренъ голосу своей совѣсти, подсказывающей ему, хороши ли они или дурны; только въ отношеніи человѣка къ самому себѣ и заключается нравственность, только въ согласованіи мыслей и поступковъ съ совѣстью и состоитъ нравственная правда. *Что* именно совѣсть подсказываетъ, *почему* она одни помыслы и поступки одобряетъ, другіе осуждаетъ—это уже выступаетъ изъ области нравственности, и опредѣляется

понятіями или идеями, которыя слагаются подъ вліяніемъ общественности, и потому, въ разное время, при разныхъ обстоятельствахъ, бываютъ весьма различны.

Понятія или идеи никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ *идеалами*. Послѣдніе суть совершеннѣйшіе умственные образцы, фактъ или идея, возведенные въ сознаніи, чрезъ обобщеніе, на высшую степень. Въ этомъ смыслѣ можно говорить и о нравственномъ идеалѣ (а не идеѣ) и объ общественныхъ идеалахъ. Нравственнымъ идеаломъ будетъ всегдашнее, ежеминутное, полнѣйшее подчиненіе каждаго помысла и каждаго поступка голосу внутренняго сознанія или совѣсти, безъ малѣйшихъ колебаній; въ высшей степени развитая чуткость къ этому голосу; выработанная упражненіемъ до чрезвычайной тонкости чуткость самой совѣсти и т. п. Общественныхъ идеаловъ можетъ быть множество,—столько же, сколько общественныхъ идей или формулъ, и каждый изъ идеаловъ будетъ выражать полнѣйшее, совершеннѣйшее осуществленіе этихъ формулъ въ дѣйствительной жизни.

Пока мы не разберемся въ этихъ понятіяхъ, до тѣхъ поръ споры наши будутъ продолжаться безъ конца и не приведутъ ни къ чему. Мы смѣшиваемъ понятія, идеи, идеалы съ нравственностью. Изъ этого происходитъ невообразимая путаница.

Во-вторыхъ, идеи, которыя вы называете нравственными, опредѣляютъ взаимныя отношенія между собою людей въ организованномъ общежитіи, схватываютъ ихъ въ формулы. Этѣ формулы суть общія и отвлеченныя, потому что имѣютъ въ виду не того или другого человѣка въ особенности, а всѣхъ людей, человѣка вообще, или, если хотите, средняго человѣка, по однимъ его общимъ, а не индивидуальнымъ признакамъ; а какъ только вы опредѣлите отношеніе средняго человѣка къ другимъ, такимъ же среднимъ людямъ въ организованномъ общежитіи, вы создаете, для дѣйствительно существующихъ индивидуальныхъ людей, общественныя идеи.

Вы говорите, что общественныя, или гражданскіе идеалы (т.-е. идеи) вытекаютъ изъ идеи личнаго абсолютнаго самосовершенствованія впереди въ идеалѣ. Оставляя въ сторонѣ указанную выше неточность выраженій, я утверждаю, что нравственность и общественныя идеи, идеалы личные и идеалы общественные, не имѣютъ между собою ничего общаго, и что изъ ихъ смѣшенія можетъ произойти только путаница и хаосъ.

Орсини, Шарлотта Кордэ были патріоты, высоконравственные люди, а Дюмоларъ, изнасиловавшій, убившій и ограбившій множество женщинъ и нагнавшій ужасъ на цѣлый оеолотокъ,—злодѣй, полузвѣрь; но всѣ они были преступники противъ общественнаго закона и сложили свои головы на эшафотѣ.

Общественная идея, формулируя условія правильнаго сожитель-

ства людей, вовсе не беретъ въ расчетъ внутренняго человѣка и его отношеній къ самому себѣ, а имѣетъ дѣло только съ внѣшними, наружными поступками людей и ихъ отношеніями къ другимъ людямъ и общественному союзу. Внутренняя жизнь, сокровенные помыслы принимаются въ расчетъ при формулированіи общественныхъ идей только въ той мѣрѣ, какъ они обнаруживаются во внѣ.

Имѣя дѣло съ внѣшней, а не внутренней жизнью человѣка, общественная формула ставитъ правило или законъ, обязательный для этой внѣшней стороны, и внѣшними же мѣрами и способами принуждаетъ исполнять его, сообразоваться съ нимъ. Изъ какихъ внутреннихъ побужденій люди исполняютъ общественный законъ, — до этого, съ точки зрѣнія общества, нѣтъ никому никакого дѣла. Въ душу человѣка общественный законъ не заглядываетъ—и горе тому обществу, гдѣ онъ въ нее заглядываетъ.

Вы думаете, что въ самой нравственности заключаются уже условія общественныхъ формулъ или закона? Это большая ошибка! То, что вы назовете нравственной идеей—любовь къ ближнему больше самого себя, самоотверженіе на пользу другихъ, есть идея или формула общественная, потому что ею опредѣляется наше отношеніе къ людямъ въ общественномъ быту, она есть идеаль этихъ отношеній. Нравственной стороной названныхъ добродѣтелей будетъ только искренность, полнота, сила убѣжденія. Иначе вы должны назвать безнравственнымъ фанатика, который думалъ служить Богу, сожигая еретиковъ на кострѣ, — фанатика, котораго католическая церковь причисляетъ къ лику святыхъ.

Вы спросите, откуда какъ не изъ нравственныхъ идей могъ взяться идеальный характеръ общественныхъ добродѣтелей и доблестей? На это я уже отвѣтилъ выше: общественныя или гражданскія идеи имѣютъ дѣло не съ индивидуальными людьми, а съ среднимъ, отвлеченнымъ человѣкомъ, воспроизводить не единичный фактъ, а общую, отвлеченную формулу фактовъ, которая именно потому, въ примѣненіи къ дѣйствительно существующимъ людямъ, и обращается въ обязательный для нихъ законъ, въ идеальную норму, къ которой они стремятся или съ которой, волей-неволей, должны сообразоваться, по крайней мѣрѣ въ своихъ внѣшнихъ поступкахъ, подъ страхомъ наказанія.

Вы говорите (стр. 35), что „идеаль гражданскаго устройства въ обществѣ человѣческомъ“... „есть единственно только продуктъ нравственнаго самосовершенствованія единицъ, съ него и начинается, и что было такъ съ-поконъ вѣка и пребудетъ во вѣки вѣковъ“. Такой взглядъ противорѣчитъ историческимъ фактамъ. Гражданскія идеи зарождаются отнюдь не изъ нравственнаго самосовершенствованія людей, а изъ практической, реальной необходимости устроить ихъ

сожителство въ обществѣ такъ, чтобъ всѣмъ и каждому изъ нихъ было по возможности безопасно, спокойно, свободно и вообще хорошо жить и заниматься своимъ дѣломъ. Скорѣй я бы сказалъ, что общественныя идеи слагаются и формулируются вслѣдствіе того, что большая или меньшая доля людей, принадлежащихъ къ составу общества, нарушаютъ условія правильно устроеннаго общежитія и тѣмъ вынуждаютъ остальныхъ формулировать эти условія, возвести ихъ въ обязательный законъ и обезпечить различными мѣрами, въ томъ числѣ страхомъ наказаній, строгое и точное ихъ соблюденіе всѣми и каждымъ. Не личное самосовершенствованіе, а наоборотъ, разнужданность, своеволие лицъ, не обращеніе ими вниманія на пользы и нужды другихъ возвели условія правильнаго общежитія въ общественныя идеи и формулы. Утверждая противное, вы забываете, что единичные люди выросли и сложились въ человѣческомъ общежитіи, а не внѣ его; что съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ себя помнитъ въ исторіи, онъ есть членъ общества, хотя бы сначала только членъ семьи; что внѣ общежитія съ подобными себѣ онъ не способенъ и къ личному самосовершенствованію. То, что вы называете нравственной идеей, есть плодъ сожителства людей, результатъ продолжительнаго его развитія и выработки. Прежде чѣмъ условія правильнаго сожителства людей въ обществѣ отложились, осли въ совѣсти и стали тѣмъ, что вы называете нравственнымъ идеаломъ, они уже существовали въ зачаткѣ, въ грубомъ, сыромъ видѣ, въ самомъ фактѣ сожителства и развившихся изъ него обычаяхъ и законахъ. Опустивъ это изъ виду, вы говорите лишь объ обществахъ людей, составившихся по добровольному, свободному почину, подъ вліяніемъ убѣжденій религіозныхъ, которыя ихъ между собою сблизили. Такъ дѣйствительно возникли многія общежитія людей и не по однимъ религіознымъ побужденіямъ; но замѣйте, что такія общества предполагаютъ людей уже развитыхъ, а развиться они могли только въ обществѣ себѣ подобныхъ, т.-е. въ человѣческомъ же общежитіи. Кромѣ того, наималѣйшая доля человѣческихъ обществъ образовалась по добровольному соглашенію. Огромное ихъ большинство возникло, помимо воли людей, вслѣдствіе факта сожителства на однихъ мѣстахъ, рожденія, завоеванія и т. п. Въ нихъ ужъ никоимъ образомъ нравственное самосовершенствованіе не могло быть основаніемъ общественныхъ идей; напротивъ, послѣднія, выработавшись подъ вліяніемъ практическихъ потребностей общежитія и обратившись въ обязательный для всѣхъ законъ, стали могущественнымъ средствомъ воспитанія людей къ правильному общежитію, вѣдрили и укрѣпили въ нихъ то, что вы называете нравственными идеалами. Въ этомъ я вижу новое и сильнѣйшее опроверженіе вашей мысли, будто нравственныя идеи породили идеи гражданскія и обществен-

ныя. Напротивъ, условія правильнаго общежитія, составляя насущную практическую потребность людей, живущихъ вмѣстѣ, породили общественныя идеи, а общественныя идеи воспитали уже отдѣльныхъ людей въ нравственныя личности, развили и укрѣпили въ нихъ чувство добра и зла. Я иду еще далѣе, и утверждаю, что человѣческія общества только въ видѣ рѣдкаго исключенія, и то одни только добровольныя, могутъ состоять изъ однихъ лицъ нравственныхъ, живущихъ только по внушенію совѣсти; огромное большинство человѣческихъ обществъ, напротивъ, состояли, состоятъ и во вѣки вѣковъ будутъ состоять изъ небольшого числа людей, живущихъ по внушеніямъ внутренняго сознанія правды и неправды; масса же людей вездѣ и всегда поступаетъ согласно съ требованіями общества и его законовъ по привычкѣ, или изъ разсчета и личныхъ выгодъ; наконецъ, всегда будетъ болѣе или менѣе и такихъ людей, которыхъ удерживаетъ отъ грубыхъ нарушеній общественнаго закона только страхъ наказаній,—людей, готовыхъ нарушить этотъ законъ, какъ только представится возможность или надежда сдѣлать это безнаказанно. Пропорціи этихъ различныхъ категорій людей могутъ измѣняться, склоняясь то въ ту, то въ другую сторону, и ихъ взаимное численное отношеніе служить мѣриломъ хорошаго или дурнаго состоянія общественной жизни у даннаго общества, въ данное время; но вовсе исчезнуть ни одна изъ нихъ не можетъ, потому что ихъ существованіе опредѣляется человѣческою природою и чрезвычайнымъ разнообразіемъ лицъ, входящихъ въ составъ человѣческихъ обществъ, образовавшихся не добровольно, а въ силу обстоятельствъ и условій, дѣйствующихъ помимо сознанія и воли.

Если такъ, скажете вы, то можетъ ли быть рѣчь о нравственности и къ чему она?—допустивъ, что общественныя идеи необходимы, что безъ нихъ обойтись нельзя, что онѣ, волей-неволей, навязаны людямъ, и водворяются, если не приняты добровольно, силою вещей и страхомъ наказанія, надо признать, разсуждая послѣдовательно, что нравственность совсѣмъ излишня, ни на что не пригодна.—Но и этотъ выводъ былъ бы совершенно ошибоченъ. Общественныя, гражданскія идеи и формулы не на воздухѣ висятъ и не съ неба свалились, а родились изъ сожителства людей и для нихъ служатъ. Помимо людей онѣ не имѣютъ никакого смысла, были бы чистыми отвлеченностями. Живутъ онѣ только въ людяхъ, а не помимо ихъ; а разъ онѣ и не могутъ жить иначе, какъ въ людяхъ, онѣ и являются въ нихъ или какъ сформулированное сознательное понятіе, или какъ безформенное чувство, голосъ совѣсти. Этимъ объясняется необходимость нравственности. А что касается ея полезности и пригодности, то она вытекаетъ изъ того, что только нравственные люди суть непосредственныя, живые носители общественныхъ идей и формулъ.

Какъ только этѣ формулы и идеи перестаютъ отражаться въ совѣсти —это вѣрный признакъ, что наступаетъ ихъ конецъ, что онѣ отжили свое время и должны смѣниться другими. Нравственные люди суть единственные безкорыстные представители общественныхъ идей и формулъ въ странѣ. Привычка ненадежный ихъ оплотъ; личный расчетъ идетъ туда, гдѣ ему выгоднѣе, не думая объ идеяхъ и формулахъ: онѣ служатъ ему только средствомъ для его цѣлей; а безнравственные люди всегда ждутъ минуты, когда можно сбросить съ себя несносную узду общественныхъ идей и формулъ. Роль нравственности въ обществѣ ярко выяснится, если перевернуть вопросъ и спросить: можетъ ли существовать общество, состоящее только изъ такихъ людей, которые не признаютъ общественныхъ идей и формулъ, подчиняются имъ нѣхотя и готовы, при первомъ удобномъ случаѣ, отступить отъ ихъ требованій? Очевидно, такое общество не можетъ существовать, потому что въ немъ некому выносить на своихъ плечахъ общественный строй, осуществлять въ дѣйствительности общественныя идеи и формулы. Но нравственность, повторяю, не создаетъ ихъ, а только осуществляетъ и охраняетъ въ дѣйствительной жизни. Можно быть человѣкомъ высоко-нравственнымъ и стоять за идеи и формулы, отжившія свой вѣкъ, неудовлетворяющія болѣе потребностямъ общества, мало того,—задерживающія его дальнѣйшее развитіе; ибо онѣ, съ измѣнившимися обстоятельствами и условіями, измѣняются, перерождаются; а нравственный идеалъ всегда одинъ и тотъ же и состоитъ въ горячей, полной, искренней, самоотверженной преданности лица добру и правдѣ, какъ они отражаются въ его совѣсти.

Какой же выводъ изъ всего сказаннаго? Тотъ, что вы неправы, утверждая (стр. 34), будто „общественныхъ гражданскихъ идеаловъ, какъ такихъ, какъ не связанныхъ органически съ идеалами нравственными, а существующихъ сами по себѣ, въ видѣ отдѣльной половинки, откромсанной отъ цѣлаго“,—„нѣтъ вовсе, не существовало никогда, да и не можетъ существовать“. Говоря это, вы не доводите анализа до конца. Правильный, полный анализъ приводитъ, мнѣ кажется, къ тому заключенію, что образцовая общественная жизнь складывается изъ хорошихъ общественныхъ учреждений и изъ нравственно развитыхъ людей. Оба рѣшенія вопроса, о которыхъ я говорилъ въ самомъ началѣ этого письма—и вѣрны, и невѣрны: они вѣрны, дополняя другъ друга; они невѣрны, если ихъ противопоставить одно другому. Хорошія общественныя условія воспитываютъ людей къ добру и правдѣ; дурныя сбиваютъ ихъ съ толку и развращаютъ. Профессоръ Градовскій настаиваетъ на этомъ, не отвергая роли личной нравственности, и онъ, разумѣется, совершенно

правъ. Безъ сомнѣнія, было бы крайне односторонне думать и заботиться исключительно только о хорошихъ учрежденіяхъ: безъ сильнаго развитія нравственной стороны людей, безъ усвоенія хорошихъ нравственныхъ привычекъ, гражданскіе идеалы не могутъ перейти въ жизнь и прочно водвориться. Въ этомъ смыслѣ я не разъ ратовалъ за личную нравственность и ея необходимость. Но также одностороненъ и вашъ взглядъ, будто нравственное самосовершенствованіе можетъ замѣнить собою гражданскіе идеалы.

Духъ Христа, принятый людьми всѣмъ сердцемъ, овладѣвшій всѣми ихъ помыслами и жизнью, ставшій въ нихъ высшей внутренней, нравственной правдой и чрезъ нихъ живительнымъ элементомъ общественныхъ порядковъ и ежедневной будничной жизни, устроенныхъ по даннымъ опыта и выводамъ точнаго, положительнаго знанія, — вотъ къ чему, судя по всему ходу исторіи, должно, рано или поздно, придти Человѣчество. До сихъ поръ исповѣдующіе христіанство въ духѣ, а не на словахъ и въ исполненіи однихъ обрядовъ, или бѣжали отъ міра, или истощались въ безплодныхъ усиліяхъ водворить правду между людьми, перенося ее въ законъ, науку, искусство. Ученіе Христа можетъ жить только въ сердцахъ людей. Когда оно овладѣетъ ими до того, что они будутъ поступать по духу Христа, не уходя въ пустыни, а посреди грѣшнаго, падшаго, измученнаго міра, — тогда оно станетъ дѣломъ, жизнью. Въ этомъ только и можетъ состоять новое слово, котораго вы ожидаете.

Теперь вы поймете меня вполне, почему вашъ взглядъ на нашъ простой народъ—какъ на хранители христіанской правды, на наши образованные классы—какъ на отщепенцевъ отъ этой правды, на Алеко, Бельтовыхъ, Тентетниковыхъ и имъ подобныхъ, какъ на представителей этого отщепенства и страданій, которыя оно порождаетъ — что все это въ моихъ глазахъ не выдерживаетъ критики и есть лишь красиво, талантливо, поэтически выраженный парадоксъ. Не могу я признать хранителемъ христіанской правды простой народъ, внушающій мнѣ полное участіе, сочувствіе и состраданіе въ горькой долѣ, которую онъ несетъ,—потому что, какъ только человѣку изъ простого народа удастся выпарапаться изъ нужды и нажить деньгу, онъ тотчасъ же обращается въ кулака, ничуть не лучше „жида“, котораго вы такъ не любите. Вглядитесь пристальнѣе въ типы простыхъ русскихъ людей, которые насъ такъ подкупаютъ и дѣйствительно прекрасны: вѣдь это нравственная красота младенчествующаго народа! Первою ихъ добродѣтелью считается, совершенно по восточному, устраниваться отъ зла и соблазна, по возможности ни во что не мѣшаться, не участвовать ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ. „Человѣкъ смиренный“, „простякъ“—это человѣкъ всѣми уважаемый за чистоту нравовъ, за глубокую честность, прав-

дивость и благочестіе, но который именно потому всегда держать себя въ сторонѣ и только занимается своимъ личнымъ дѣломъ: въ общественныхъ дѣлахъ или въ общественную должность онъ никуда не годится, потому что всегда молчитъ и всѣмъ во всемъ уступаетъ. Дѣльцами бываютъ поэтому одни люди бойкіе, смышленные, оборотливые, почти всегда нравственности сомнительной, или прямо нечестные. Такихъ людей, какъ Алеко, вы считаете разорвавшими связь съ народомъ изъ гордости? Помилуйте! Да это тѣ же восточные люди, которые изъ „великой печали сердца“ отъ непорядковъ въ общественной и частной жизни, или изъ любви къ европейскому общественному и домашнему строю, бросали все и удалялись, кто за границу, кто на житье въ деревню. Это тѣ же пустынножители и обитатели скитовъ, тѣ же „смирные люди“ нашихъ селъ, только съ другими идеалами. Будь европеецъ на ихъ мѣстѣ, онъ сталъ бы осуществлять, по мѣрѣ возможности, свои идеалы въ большомъ или маломъ кругѣ дѣйствій, который отвела ему судьба, боролся бы, сколько хватаетъ силъ, съ обстановкой, и скоро ли, долго ли, а въ концѣ-концовъ перестроилъ бы ее на свой ладъ; мы же, восточные люди, бѣжимъ отъ жизни и ея напастей, предпочитая остаться вѣрными нравственному идеалу во всей его полнотѣ и не имѣя потребности или не умѣя водворить его, хотя бы отчасти, въ окружающей дѣйствительности, исподволь, продолжительнымъ, выдержаннымъ, упорнымъ трудомъ.

— Стало быть, скажете вы мнѣ, и вы тоже мечтаете о томъ, чтобъ мы стали европейцами?—Я мечтаю, отвѣчу я вамъ, только о томъ, чтобъ мы перестали говорить о нравственной, душевной, христіанской правдѣ, и начали поступать, дѣйствовать, жить по этой правдѣ! Чрезъ это мы не обратимся въ европейцевъ, но перестанемъ быть восточными людьми, и будемъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, что мы есть по природѣ, — русскими.

К. Кавелинъ.

М. Стасюлевичъ.

ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТРУДА

I.

Въ виду массы фактовъ и данныхъ, доказывающихъ общность законовъ, по которымъ развиваются отдѣльныя человѣческія общества, многіе недоумѣваютъ и спрашиваютъ, въ чемъ же различіе между ними? Различіе вѣдь несомнѣнно существуетъ? Разница климатовъ, почвы, естественныхъ условій, которыми окружены народы, несомнѣнно оказываютъ вѣдь на нихъ вліяніе, несомнѣнно отражаются на ихъ образѣ жизни, на ихъ нравахъ, обычаяхъ, умственномъ и нравственномъ развитіи и т. д.

Ни одинъ изъ той маленькой группы людей науки, которые въ послѣдніе годы пользовались историко-сравнительнымъ методомъ для доказательства сходства различныхъ институтовъ у разныхъ народовъ и общности законовъ, — да, законовъ, — по которымъ совершается индивидуальное и общественное развитіе этихъ народовъ, — никто изъ нихъ, говорю я, не упускалъ изъ вида, что, несмотря на родовое сходство, существуютъ и видовыя отличія. Эти отличія несомнѣнно существуютъ; но не тамъ, гдѣ ихъ обыкновенно находятъ, и не въ томъ, гдѣ ихъ обыкновенно ищутъ.

Для того, чтобы объяснить себѣ различіе между туземными расами на Явѣ, жители этого острова рассказываютъ слѣдующее: когда кающійся грѣшникъ Хитра Багаръ (Chitra Bahar) при-

нуждалъ отдавную подѣ его защиту принцессу Сукези-Девой къ супружескому сожителству съ нимъ, принцесса въ первый разъ нанесла ему девять ударовъ по головѣ, благодаря чему родился мальчикъ съ девятью наростами на головѣ (племя Аасса-еука) что значить десятиличный. При второй попыткѣ, она дернула его за ухо, вслѣдствіе чего на свѣтъ божій появился ребенокъ съ длинными ушами (племя Амба-карна — длинноухій). При третьей попыткѣ, она оцарапала его, и родилась дѣвушка съ длинными ногтями (племя Сарна-канака — змѣиные ногти). При четвертой попыткѣ, сопротивленія не было — и родился прекрасный мальчикъ съ женственной фізіономіей (племя Бобисана) ¹⁾. Что же? — объясненіе, какъ объясненіе. И причинная связь найдена, и соотвѣтствіе съ значеніемъ племенныхъ названій, и мало ли что. Во всякомъ случаѣ, это объясненіе не хуже многихъ другихъ, объясняющихъ вліяніе климата, почвы и естественныхъ условій страны на образъ жизни, нравы и ходъ развитія обитающихъ въ нихъ народовъ.

Но тѣмъ, которые приписываютъ естественнымъ условіямъ мѣстностей, въ которыхъ жили и живутъ народы, преобладающее, исключительное вліяніе на формы ихъ быта, вѣроятно, совсѣмъ неизвѣстны факты, значительно ослабляющіе значеніе этого фактора. «Растительный и животный міръ — говоритъ Генъ, — а слѣдовательно, и вся народно-хозяйственная и внѣшняя фізіономія страны можетъ быть измѣнена въ теченіи столѣтій подѣ вліяніемъ рукъ человѣческихъ, — это неизбѣжный выводъ изъ опытовъ, въ особенности со времени открытія Америки. На новооткрытыхъ островахъ, а также на тѣхъ частяхъ континента въ западномъ полушаріи, которые заселены европейскими поселенцами, туземная флора и фауна вытѣснена европейскою въ теченіи трехъ послѣднихъ столѣтій, т. е. во время исполнѣ историческое, послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, и на глазахъ всего цивилизованнаго міра. Такъ, напр., на островѣ Св. Елены первоначальная дикая растительность ушла въ горы внутрь страны, окруженная новою, концентрически надвигающейся флорой, пришедшей изъ-за океана, вмѣстѣ съ европейцами. Точно также и въ пампасахъ, возлѣ Буэнос-Айреса, глазъ на цѣлыя мили не видить вовсе почти туземныхъ растений: ихъ мѣсто узурпировано введенною туда европейскою растительностью» ²⁾. Какъ неопровержимымъ образомъ доказалъ Генъ въ своемъ

1) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III, S. 326. Anm.

2) Hehn: Culturpflanzen und Haustiere. Berlin, 1876 (Aufl. 2) S. 1.

классическомъ сочиненіи, такія явленія совершались въ области ви́шней природы не только въ періоды новѣйшей исторіи и не только въ Америкѣ, но и въ другіе историческіе періоды и въ другихъ странахъ. «И Греція, и Италія, являются въ настоящее время результатомъ продолжительнаго культурнаго процесса, и безконечно далеки отъ того состоянія, въ которомъ находились въ первобытныя времена, благодаря самодѣтельности природы. Почти все, что поражаетъ путешественника, переходящаго чрезъ Альпы, какъ новый міръ, пластичность и вѣющая миромъ красота растительности, характеристическія черты мѣстностей, животнаго міра и даже геологической структуры, насколько она зависитъ и обусловлена измѣненіями органическаго покрова земли, — все это продуктъ цивилизаціи, вызванный измѣненіями и преобразованіями, происходившими въ теченіе длинныхъ періодовъ. Каждый взглядъ съ высоты на какой-либо клочокъ Италіи, это взглядъ, брошенный на прежніе и позднѣйшіе вѣка ея исторіи. Природа дала: полярную высоту, форму мѣстности, географическое положеніе; все остальное, *это — произведеніе культуры*, воздѣлывающей, сѣющей, привозящей новое, истребляющей старое, упорядочивающей и облагораживающей» ¹⁾).

Предводитель таніевъ, одного изъ индійскихъ племенъ, въ рѣчи, обращенной къ президенту Соединенныхъ - Штатовъ, въ 1821 году, слѣдующимъ образомъ отстаивалъ и доказывалъ своеобразие соціальной жизни краснокожихъ: «Великій Духъ, говорилъ онъ, создалъ насъ всѣхъ; онъ сотворилъ мою кожу красною, и вашу — бѣлою; онъ поселилъ насъ на этой землѣ и хотѣлъ, чтобы мы отличались отъ бѣлыхъ въ образѣ жизни. Онъ опредѣлилъ, чтобы бѣлые воздѣлывали землю и питались продуктами, доставляемыми домашними животными; а насъ, краснокожихъ, онъ предназначилъ для того, чтобы рысать по лѣсамъ и степямъ, питаться мясомъ хищныхъ животныхъ и одѣваться въ ихъ шкуру. Онъ опредѣлилъ, чтобы мы шли на войну для добыванія скальповъ, похищали лошадей и торжествовали надъ нашими врагами, а дома жили бы въ мирѣ, чтобы содѣйствовать нашему общему благосостоянію. Вы любите свою страну, свой народъ, свой образъ жизни, и считаете свой народъ храбрымъ, — я люблю мою страну и мой народъ, и считаю нашихъ воиновъ храбрыми. Дай же мнѣ, мой отецъ, закончилъ онъ, жить по-своему, дай мнѣ нарадоваться моею землею и охотиться за буй-

¹⁾ Ibid. S. 1—2.

волами и другими охотничьими звѣрьми» ¹⁾). Предводитель этотъ конечно, не зналъ, что если бы даже янки не мѣшали ему и его народу вести тотъ образъ жизни, который они унаслѣдовали отъ предковъ, то краснокожіе тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени все-таки вынуждены были бы измѣнить его—просто потому, что буйволы въ концѣ-концовъ перевелись бы. Мы увидимъ ниже, что такое сознаніе стало даже проявляться среди краснокожаго населенія. Ясно слѣдовательно, что природа, естественныя условія какой бы то ни было страны не суть нѣчто разъ данное, точно опредѣленное, неизмѣнное. Условія эти не на вѣки вѣковъ установленныя, они вовсе не естественны въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ, а, напротивъ, искусственны, созданы дѣятельностью человѣка, измѣнялись и измѣняются вмѣстѣ съ культурнымъ развитіемъ обитающаго среди нихъ населенія. Если говорить, слѣдовательно, о вліяніи естественныхъ условій страны на бытъ людей, то слѣдуетъ помнить, что эти условія не могутъ дѣйствовать всегда и постоянно въ одномъ неизмѣнномъ направленіи, такъ какъ и сами они претерпѣваютъ измѣненія повсюду, гдѣ живутъ люди.

Обратимъ также вниманіе и на то, какъ въ теченіи исторической жизни народовъ измѣняются не только типическія черты окружающей ихъ внѣшней природы, но и собственный ихъ типъ, ихъ внѣшній обликъ, ихъ своеобразныя фізіономіи. Приведемъ мѣсто изъ того же Гена: «Кто, говоритъ онъ, можетъ узнать въ нервныхъ, жилистыхъ, коричневыхъ, ловкихъ малорослыхъ жителяхъ нынѣшней Франціи, высокіе широко-костные альбиносовыя натуры древнихъ кельтовъ, презиравшихъ, по рассказамъ Цезаря, римлянъ за ихъ малорослость. Населеніе южной Германіи и странъ лежащихъ къ сѣверу отъ Альповъ, возлѣ Дуная, верхняго Рейна и даже у Майна, отличается каштановымъ цвѣтомъ волосъ и родственно романскому типу; въ сѣверной Германіи, на берегахъ Сѣвернаго моря и въ остзейскихъ провинціяхъ только отдѣльныя личности, но отнюдь не вся масса населенія, сходны съ типомъ, нарисованнымъ нѣкогда римлянами» ²⁾).

Что бытовые институты и социальная жизнь народовъ измѣняются въ теченіе исторической жизни ихъ, и притомъ сходнымъ образомъ у разныхъ народовъ, это не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію. Гдѣ же послѣ этого видовыя отличія народовъ, признаваемые и нами, и въ чемъ выражается вліяніе естественныхъ условій той или другой страны?

¹⁾ Waitz: Anthropologie der Naturvölker. III. S. 241.

²⁾ Hahn: Culturpflanzen und Haustiere. S. 457—458.

Процессъ все большаго и большаго очеловѣчиванія отношеній между людьми, гуманизированія ихъ бытовыхъ формъ, повсюду и вездѣ одинъ и тотъ же. Но, говоря опять-таки словами Гена, этотъ процессъ — «дѣло времени, и успѣхъ обезпеченъ тамъ только, гдѣ достаточно долго дѣйствуютъ одинаковыя благопріятныя условія: бѣдствія тысячелѣтнаго рабства какого-либо народа не могутъ быть стерты и уничтожены однимъ законодательнымъ актомъ эманципаціи... Чѣмъ шире первоначальное разстояніе между этимъ народомъ и культурными народами, тѣмъ длиннѣе долженъ быть рядъ поколѣній, тѣмъ продолжительнѣе должна идти работа внутренняго обновленія,—до того продолжительно, что приходится иной разъ отчаяваться въ возможности разрѣшенія задачи» ¹⁾. У одного народа этотъ процессъ совершается раньше, у другого позже,—у одного онъ идетъ быстрѣе, у другого—медленнѣе,—вотъ въ чемъ различіе между народами,—различіе, обусловливаемое внѣшней обстановкой, окружающей народъ, и внутренними наслѣдственными качествами его.

Мы желали бы, чтобы въ нашихъ словахъ никто не вычитывалъ того, чего въ нихъ нѣтъ. Когда мы говоримъ о непрерывномъ процессѣ очеловѣчиванія вообще, то этимъ мы вовсе не хотимъ и не думаемъ сказать, что результатомъ успѣховъ культуры всегда было и есть «одно только полезное и доброе». Среди всего того, чтó уродилось, благодаря культурѣ, есть много добра, есть много и зла, и не все то, чтó вырвано съ корнемъ вонъ, принадлежитъ къ дурнымъ злакамъ. Даже болѣе. Въ историческомъ прошломъ народовъ было очень много добрыхъ злаковъ, до того добрыхъ, что въ нѣсколько измѣненной формѣ они являются идеаломъ лучшаго будущаго. Многія изъ тѣхъ бытовыхъ формъ и нравственныхъ понятій, которыя исчезли уже изъ жизни болѣе культурныхъ народовъ, погибли не потому, что они не соотвѣтствовали высшему критерию добра, не потому, что они не удовлетворяли интересамъ и потребностямъ большинства лицъ, жившихъ въ этихъ формахъ, а потому, что онѣ не выдержали борьбы съ иными бытовыми формами, съ которыми имъ пришлось столкнуться,—они погибли потому, что къ нимъ на помощь не явилось научно-развитое сознаніе, которое сѣумѣло бы отстоять и поддержать ихъ въ завязавшейся борьбѣ. И если у какого-либо изъ народовъ, находившихся въ теченіе извѣстнаго времени въ болѣе изолированномъ положеніи по отношенію къ культурному движенію, эти бытовыя формы

¹⁾ Ibidem. S. 455.

сохранились, то было бы неосторожно истреблять и уничтожать ихъ только потому, что у болѣе культурныхъ народовъ онѣ стали уже достояніемъ прошлаго. Это было бы даже безуміемъ, потому что и среди болѣе культурныхъ народовъ многіе оплакиваютъ гибель этихъ бытовыхъ формъ и стремятся къ возрожденію ихъ въ томъ или другомъ видѣ. Это было бы безсмыслицей, потому что не зачѣмъ разрушать теперь то, что раньше или позже придется снова восстанавливать.

Итакъ, это-то и есть новое различіе между народами, позже другихъ вступившими въ число цивилизованныхъ народовъ и болѣе культурными народами? — Если хотите, да; но это различіе ничего общаго не имѣетъ ни съ особыми типами развитія народовъ, ни съ тѣмъ воззрѣніемъ, по которому народы являются носителями особыхъ, имъ только присущихъ идей и учреждений. Это различіе обусловливается *общимъ закономъ*, о которомъ необходимо поговорить здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Извѣстный естествоиспытатель и путешественникъ Уоллэсъ, говоря о нравственныхъ понятіяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ жителей Малайскаго архипелага, высказывается, между прочимъ слѣдующимъ образомъ: «Цивилизованные народы несомнѣнно далеко оставили за собою дикарей въ дѣлѣ умственнаго развитія, но такого прогресса не замѣчается по отношенію къ нравственному развитію» ¹⁾. Вотъ и другой результатъ наблюденій Уоллэса надъ образомъ жизни народностей Малайскаго архипелага: «Всякій членъ малайской общины, говорятъ онъ, относится съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ своихъ сочленовъ, и рѣдко или никогда эти права не нарушаются. Въ такой общинѣ почти всѣ пользуются полнымъ равенствомъ. Нѣтъ тѣхъ различій, которыя обусловливаются воспитаніемъ и неразвитостью, богатствомъ и бѣдностью, властью и порабощеніемъ различій, которыя являются результатомъ культурнаго движенія, нѣтъ тамъ наконецъ и той несчастной борьбы за существованіе или богатство, которая является неизбѣжнымъ зломъ во всякой цивилизованной странѣ» ²⁾.

Этотъ отзывъ замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ тѣмъ, что высказалъ Шомбургъ о нравственности краснокожихъ. Вотъ его слова: «Цивилизація обладаетъ несравненно высшими благами, чѣмъ тѣ, которыми пользуются эти примитивные люди, но ей недостаетъ той безукоризненной нравственности, которая

¹⁾ Lubbock: *Entwicklung der Civilisation*. Нѣм. перев. стр. 330.

²⁾ Lubbock. S. 332.

является достояніемъ почти всѣхъ индійцевъ, не пришедшихъ въ соприкосновеніе съ европейцами... Нравственности и добродѣтели имъ не нужно учиться у цивилизованнаго общества. Объ этихъ вещахъ они вообще не говорятъ,—они живутъ и проникнуты ими. Ихъ слова—дѣло, ихъ обѣщанія—дѣйствія» ¹⁾. Если припомнимъ здѣсь отзывъ Вильяма Пенна объ экономическихъ отношеніяхъ среди индійцевъ, то трудно будетъ сказать, что рассказы индійцевъ о золотой эрѣ въ прошломъ лишены всякой реальной основы. «Богатство, говоритъ Пеннъ, циркулируетъ у нихъ, какъ кровь въ человѣческомъ организмѣ; всѣ члены принимаютъ участіе въ матеріальныхъ благахъ, выпавшихъ на ихъ долю» ²⁾.

И эти крайне лестные отзывы о народахъ, «неиспорченныхъ» культурою, вовсе не единственные. Сравнивая европейскіе народы съ народами средней Азіи, по отношенію къ которымъ, какъ насъ увѣряютъ политики и дипломаты, на Россіи лежитъ высокая «цивилизующая миссія», путешественники почти единогласно утверждаютъ, что «въ образованной Европѣ мы не встрѣчаемъ того природнаго великодушія, которое побуждаетъ жителей средней Азіи раздѣлять между собою все до послѣдняго куска хлѣба» ³⁾. Прибавьте къ этому и то, что у этихъ народовъ, у которыхъ мы призваны *водворять гражданственность*, нѣтъ «дворянства и вообще привилегированныхъ сословій», что «духовенства тоже нѣтъ какъ касты», ибо «всякій грамотей можетъ быть духовнымъ» ⁴⁾, что наконецъ тамъ не встрѣчается ни воровства, ни грабежей ⁵⁾.

Чтобы закончить эту характеристику нравовъ и быта первобытныхъ народовъ, приведемъ еще отзывъ одного путешественника о неграхъ. «Тамъ, гдѣ негръ предоставленъ самому себѣ, говоритъ Смитъ, онъ довѣрчивъ, отличается откровеннымъ нравомъ и честенъ,—по природѣ онъ сострадателенъ и гостепріименъ. Женскій полъ любвеобиленъ до самопожертвованія» ⁶⁾.

Всѣ приведенные здѣсь хвалебные отзывы о нравственныхъ качествахъ и бытовыхъ формахъ не-культурныхъ народовъ окажутся вполне вѣрными и соотвѣтствующими дѣйствительности, если мы сведемъ ихъ къ надлежащимъ размѣрамъ, если мы укажемъ предѣлы дѣйствія этихъ нравственныхъ правилъ,

¹⁾ Schomburgk. Reise in Britisch Guiana. Leipzig. 1847. S. 398. Waitz. III. S. 389.

²⁾ Waitz. III. S. 163.

³⁾ Костенко. Средняя Азія. Спб. 1879. Стр. 81.

⁴⁾ Idem, стр. 67.

⁵⁾ Idem, стр. 85.

⁶⁾ Waitz. II. S. 216.

тотъ районъ, за который они не распространяются и не переступаютъ. А такой предѣлъ дѣйствительно существуетъ, и такой районъ указывается отзывами наблюдателей.

Извѣстный знатокъ жизни и нравовъ негритянскихъ племенъ Роффенель, говоритъ о нихъ: «Они сострадательны, не измѣняютъ своему слову, правдивы и честны, *обыкновенно только по отношенію къ своимъ* ¹⁾. Эти слова объясняютъ всѣ факты нравственной жизни негровъ и другихъ народовъ на соответствующихъ ступеняхъ культуры. То, что говоритъ Роффенель, можетъ быть выражено другимъ, болѣе общимъ образомъ. А именно: нравственныя отношенія первобытныхъ людей къ соплеменникамъ и чужеродцамъ совершенно отличны другъ отъ друга. Дѣянія, недозволительныя по отношенію къ однимъ, совершенно умѣстны и позволительны по отношенію къ другимъ. Это различіе въ нравственномъ настроеніи примитивныхъ народовъ по отношенію къ «своимъ» и «чужимъ» подмѣчено и указано уже Тейлоромъ. У жбайясовъ и у южно-африканскихъ зулусовъ, заповѣди: не убей, не укради,—распространяются только на соплеменниковъ и союзниковъ, оставляя въ сторонѣ враговъ и чужеземцевъ. По отношенію къ послѣднимъ, убійство, грабежъ, воровство и вообще разбойническая жизнь освящаются божественною санкціею». «Великій Орелъ, говорятъ жбайясы, повелѣлъ намъ жить войною со всѣми другими людьми, убивать ихъ» и т. д. ²⁾. Мы уже знаемъ изъ рѣчи предводителя таніевъ, что также гласятъ велѣнія Великаго Духа, которому внимаютъ и повинуются индійцы.

Итакъ, высокая мораль примитивныхъ народовъ распространяется только на тѣсный, точно опредѣленный кругъ людей,—этой морали недостаетъ *экстензивности*; но по интенсивности, по глубинѣ и силѣ, эта мораль будетъ вѣчнымъ, недосыгаемымъ идеаломъ для болѣе культурныхъ народовъ, къ осуществленію котораго они стремятся въ своей собственной жизни. То очеловѣчиваніе отношеній между людьми, которое совершается, благодаря культурѣ, совершается весьма часто въ экстензивномъ отношеніи въ ущербъ интенсивности. Глаза цивилизованныхъ народовъ устремлены, конечно, впередъ, а не назадъ; но поученіе и назиданіе они находятъ и могутъ находить, какъ мы видѣли уже, въ отдаленномъ прошломъ, на зарѣ общественной жизни людей.

¹⁾ Waitz. II. S. 217.

²⁾ Тейлоръ; Первобытное общество. „Знаніе“. 1873. Августъ, стр. 118.

Чѣмъ ближе какой-либо народъ по своимъ формамъ жизни къ примитивнымъ народамъ, чѣмъ позже онъ вступаетъ въ число привилегированныхъ народовъ, тѣмъ сильнѣе онъ сохраняетъ, вмѣстѣ со многими неприглядными сторонами жизни не-культурныхъ народовъ, и тѣ бытовыя формы, которыя проникнуты высокою гуманностью и являются въ этомъ отношеніи живымъ упрекомъ для болѣе культурныхъ народовъ. Такъ было уже съ цивилизованными римлянами, когда они столкнулись съ германцами, которые стыдились «добывать пѣтомъ то, что можно было добывать кровью» ¹⁾). Тацитъ попрекалъ ими своихъ соотечественниковъ, и хотя онъ не былъ слѣпъ къ менѣе всего симпатичнымъ сторонамъ ихъ жизни, онъ тѣмъ не менѣе усердно превозносилъ добродѣтельную простоту ихъ нравовъ. И такимъ же точно образомъ, какъ Тацитъ, только съ бѣльшимъ пониманіемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ,—люди съ научно-развитымъ сознаніемъ будутъ присматриваться къ тѣмъ высоко-человѣчнымъ бытовымъ формамъ, которыя сохранились у менѣе культурныхъ народовъ, и будутъ заботиться о сохраненіи ихъ и о возстановленіи ихъ по силѣ возможности, повсюду, гдѣ онѣ успѣли исчезнуть.

Можетъ показаться, что все, о чемъ мы говорили до сихъ поръ, имѣетъ мало отношенія къ предмету нашей статьи. Но это только кажется.

«Среди низшихъ племенъ, говоритъ Тейлоръ, *война является социальною необходимостью*. Если бы австралійскія и краснокожія племена оставались въ мирѣ между собою въ теченіе столѣтій, они истребили бы всѣхъ буйволовъ и кэнгуру своей страны» ²⁾). Уже одна эта альтернатива: поѣданіе всѣхъ животныхъ, или война съ иноплеменниками—показываетъ, что недостаточное развитіе производительной дѣятельности является двигателемъ непрерывныхъ войнъ, ведомыхъ первобытными народами, что здѣсь кроется причина недостаточной экстензивности первобытной морали. Въ еврейской литературѣ есть легендарный рассказъ о бесѣдѣ евреевъ съ царемъ Давидомъ. Евреи жалуются царю, что у нихъ нѣтъ средствъ пропитанія. Онъ совѣтуетъ имъ оказывать другъ другу взаимную помощь. На это евреи возражаютъ, что яму нельзя снова наполнить вынутою изъ нея землею, что дефицитъ, слѣдовательно, только увеличится. Царь Давидъ въ виду этого не находитъ другого средства для устра-

¹⁾ Tacitus: Germania, c. 14.

²⁾ „Знаніе“, 1873. Октябрь, стр. 131.

ненія нужды, какъ войну, съ тѣмъ, чтобы они могли поживиться добычей ¹⁾. Это и есть та *ultima ratio*, къ которой постоянно прибѣгаютъ первобытные народы, благодаря отсутствію матеріальной культуры, благодаря ихъ неумѣнію эксплуатировать предметы внѣшней природы на потребу людей, благодаря недостаточному развитію производительнаго труда. О причинахъ, задерживающихъ развитіе труда, дѣятельности человѣка по отношенію къ природѣ, мы и будемъ говорить въ ближайшихъ главахъ.

II.

Борьба съ природой, пользованіе предметами и явленіями природы и измѣненіе ихъ сообразно съ потребностями человѣка есть необходимое условіе жизни, существованія человѣка. Тѣмъ не менѣе возможность и дозволенность борьбы съ природой, возможность производительной дѣятельности признавалась людьми весьма медленно въ теченіе исторической жизни человѣчества, и *во всей своей полнотѣ и общности этотъ принципъ и въ настоящее время признается весьма немногими*. Выставленное нами положеніе можетъ показаться съ перваго взгляда парадоксомъ, но, какъ увидятъ читатели изъ приводимыхъ ниже данныхъ, недѣятельное отношеніе къ предметамъ и явленіямъ природы являлось всегда и вездѣ для большинства людей общимъ принципомъ, которому они отчасти сознательно, отчасти безсознательно, слѣдовали, которымъ они руководились въ своей жизни, а всякое дѣятельное отношеніе, напротивъ, всякое стремленіе измѣнять предметы и ходъ явленій на потребу человѣка, всякій производительный трудъ считался какъ будто исключеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ исключеній всегда было множество, что борьба съ природою подъ страхомъ смерти производилась и должна была производиться, — тѣмъ не менѣе еще по настоящее время большинство людей не дошло до признанія и признанія общаго принципа, недопускающаго исключеній: что всесторонняя, постоянная борьба людей съ природою, дѣятельное отношеніе къ ней, есть нормальное состояніе людей; что начатая человѣчествомъ въ самой колыбели своей, борьба съ природою должна расширяться и развиваться, а не стѣсняться и суживаться.

Замѣчательно, что исторія культуры до сихъ поръ вовсе не обратила вниманія на выдвинутый нами вопросъ, и кромѣ Дж.

¹⁾ Talmud Sanhendrin. 16, a.

Ст. Милля, затронувшаго его въ одной изъ посмертныхъ своихъ статей, никто не замѣтилъ подавляющаго вліянія и значенія его во всѣхъ областяхъ индивидуальной и общественной жизни. Года два тому назадъ, въ нашей печати явилось изслѣдованіе, въ которомъ доказывалось, что русское обычное право проникнуто «трудовымъ началомъ»¹⁾, что правами во всякомъ данномъ случаѣ у народа пользуется тотъ, кто трудился, что трудъ является, такимъ образомъ, регулирующимъ моментомъ въ русскомъ народномъ правѣ. Такое положеніе высказано лицомъ, близко знакомымъ съ міровоззрѣніемъ народа, а между тѣмъ оно рѣшительно и безусловно невѣрно. Автору стоило бы только припомнить то громадное значеніе, которое имѣетъ *жребій* въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ народной жизни, и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое жребій, чтобы окончательно отречься отъ принципа, которымъ будто бы проникнуто народное право, и признать нѣчто совершенно иное руководящимъ принципомъ русскаго обычнаго права. Жребій—это есть случай, стеченіе обстоятельствъ, игра силъ природы, независящая отъ воли и направляющей дѣятельности человѣка, — отъ труда его, совершенно не обусловливаемая производительною дѣятельностью человѣка. При чемъ же тутъ, спрашивается, трудовое начало? Можно, конечно, относиться къ жребію иначе, можно думать, что жребій есть не простой случай, а квалифицированный; что онъ, говоря словами Тейлора, «есть дѣло особаго и непосредственнаго усмотрѣнія Божія, — священный оракулъ, божественное сужденіе или приговоръ»²⁾. Вотъ почему къ жребію такъ охотно обращается при разрѣшеніи всякихъ вопросовъ и русскій народъ: «жеребій—Божій судъ» «жеребій—святое дѣло», — говорятъ русскій человѣкъ³⁾. Тѣмъ не менѣе и такое истолкованіе жребія, какъ вмѣшательство Провидѣнія, съ трудовымъ началомъ ничего общаго не имѣетъ.

Никто изъ тѣхъ, которые когда-либо занимались изслѣдованіемъ обычнаго права у другихъ народовъ, вполнѣ аналогичнаго съ русскимъ обычнымъ правомъ, не находили тамъ того начала, о которомъ говоритъ авторъ вышеупомянутаго изслѣдованія. Вотъ мнѣніе извѣстнаго изслѣдователя архаическаго права Генри Мэна объ этомъ предметѣ: «Въ первобытныхъ общинахъ, насколько мы знаемъ ихъ, — говоритъ онъ, — вели-

¹⁾ „Слово“. 1873, январь, стр. 146 и сл.

²⁾ Тейлоръ. Первооб. культ. I, стр. 75.

³⁾ Асанаевъ. Поэт. воззрѣнія, III, стр. 385.

кими источниками закона на дѣлѣ служатъ авторитетъ (т.-е. божье велѣніе), обычай (т.-е. унаслѣдованное отъ прежняго времени правило), случай, но не контрактъ ¹⁾). Это общее положеніе Мэнъ иллюстрируетъ слѣдующимъ фактомъ. Въ индійской общинѣ, между прочимъ по вопросу о распредѣленіи воды между членами общины, нѣтъ и мысли о необходимомъ, или хотя бы только возможномъ договорѣ (опредѣлительномъ или подразумѣваемомъ) между земледѣльцами относительно причитающейся каждому доли... Въмѣсто договора или соглашенія поселянамъ кажется гораздо болѣе естественнымъ и разумнымъ распредѣлять воду по жребію. Да не только въ Индіи, но и въ метрополиі ея—Англии, жребій весьма долго считался лучшимъ способомъ разрѣшенія вопросовъ даже предъ судомъ ²⁾). И въ постановленіяхъ нѣмецкаго общаго права трудового принципа не видно.

Даже изъ числа данныхъ, которыя авторъ привелъ въ подкрѣпленіе найденнаго имъ принципа, можно указать на такіе, которые говорятъ объ отсутствіи искомаго имъ начала въ русскомъ обычномъ правѣ и о присутствіи совершенно иного начала. «По общераспространенному крестьянскому воззрѣнію, говоритъ авторъ, землею долженъ пользоваться лишь тотъ, кто вкладываетъ въ нее свой трудъ» ³⁾). Положеніе это онъ подтверждаетъ, между прочимъ, слѣдующимъ фактомъ, почерпнутымъ изъ газетной корреспонденціи: «Въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего лѣснаго сѣвера, — говоритъ авторъ, гдѣ держится еще подсѣчное хозяйство, отдѣльныя лица очищаютъ себѣ куски земли изъ-подъ лѣсу и обрабатываютъ ихъ. Эта земля не должна поступить въ общинный передѣлъ *прежде чѣмъ*, по приближительному разсчету, *не окупитъ* владѣльцу потраченный на нее *трудъ*» ⁴⁾). Автору, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстна статья покойнаго Лалоша о поземельномъ владѣніи на сѣверѣ Россіи, и притомъ въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ держится подсѣчное хозяйство. Вотъ что сообщаетъ Лалошъ о возникновеніи этого права. «Если какой-либо изъ крестьянъ нашелъ удобное для подсѣки мѣсто, и положилъ на него клеймо, печать, т.-е. *попросту подрубилъ вѣтви на растущихъ здѣсь деревьяхъ*, то другой никакъ не предъявитъ претензіи своей на обладаніе

1) Мэнъ. Деревенскія общины, стр. 64.

2) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. II. S. 6.

3) „Слово“, 1878, январь, стр. 151.

4) Loc. cit.

этимъ же самымъ мѣстомъ»¹⁾. Несмотря на все свое желаніе видѣть во всемъ «трудовое начало», авторъ, вѣроятно, затруднится усмотрѣть «трудовое начало» въ подрубаніи вѣтвей на деревьяхъ, тѣмъ болѣе, что самъ Лалощъ называетъ описанный имъ способъ возникновенія поземельнаго владѣнія: «первымъ захватомъ»²⁾. Ничего общаго съ «трудовымъ началомъ» подрубаніе вѣтвей не имѣетъ. Это—символическое дѣйствіе, обозначающее, что кто-то изъ крестьянъ явился на это мѣсто прежде и раньше другихъ, и на этомъ болѣе раннемъ появленіи своемъ основываетъ свое право на владѣніе участкомъ земли. Здѣсь не трудъ, а *время* рѣшаетъ вопросъ о возникновеніи права. Кто первымъ явился, тотъ и владѣетъ правомъ. Такое положеніе существуетъ, между прочимъ, и въ римскомъ правѣ: *prior temporis, potior jure*, т.-е. первый по времени—старшій по праву. Принципіальной разницы между русскимъ обычнымъ правомъ и римскимъ правомъ въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ незамѣтно. Возникновеніе права владѣнія въ обѣихъ системахъ права поставлено въ зависимость отъ времени, отъ момента, обусловливаемого не волею и дѣятельностью человѣка, не трудомъ его, а стеченіемъ обстоятельствъ — *случаемъ*. Болѣе или менѣе раннее появленіе человѣка на данномъ поземельномъ участкѣ есть чисто случайное обстоятельство, отъ котораго и поставлено въ зависимость возникновеніе права. Такимъ образомъ фактъ, приведенный авторомъ для подтвержденія того воззрѣнія, по которому «землею долженъ пользоваться лишь тотъ, кто вкладываетъ въ нее свой трудъ», нисколько не подтверждаетъ этого предполагаемаго крестьянскаго воззрѣнія, и указываетъ на существованіе совершенно иного воззрѣнія, вполне сходнаго, между прочимъ, съ воззрѣніями, проникающими въ обычное право другихъ народовъ. Когда мы ознакомимся ближе съ фактами, приводимыми ниже, то увидимъ, что такое начало, какъ «трудовое», совершенно немыслимо въ тѣхъ народныхъ слояхъ, въ которыхъ складывалось обычное право, такъ какъ «трудовое начало» рѣшительно противорѣчитъ основному воззрѣнію на трудъ, на производительную дѣятельность, преобладающему въ этихъ же народныхъ слояхъ.

¹⁾ Лалощъ: Сельская община въ олонекской губ. „Отеч. Зап.“, 1874, февраль.

²⁾ Ibid., стр. 228.

III.

На первобытныхъ ступеняхъ культуры борьба съ природою представляетъ неимоверныя трудности, такъ какъ средства, орудія, которыми эта борьба ведется, совершенно ничтожны и весьма мало пригодны для того, чтобы совладать съ силами природы. Мы не будемъ излагать здѣсь исторію развитія орудій производства, и ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями, которыя дадутъ достаточно ясное понятіе о размѣрахъ, въ которыхъ ведется и можетъ быть ведена борьба съ природою на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры. «Когда, говоритъ Генъ, человѣческое общество дѣлаетъ первые шаги по пути цивилизаціи, ему, для удовлетворенія ближайшихъ потребностей, приходится заняться расчисткой первобытныхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ». Расчистка и вырубка лѣса была однако вовсе не такъ легка, какъ это можетъ казаться въ настоящее время. Дѣло это требовало въ тѣ времена неимоверныхъ усилій, исполинской физической силы и храбрости. «Расчищающіе почву изъ-подъ лѣсу считаются въ тѣ времена благодѣтелями рода человѣческаго, являются въ глазахъ современниковъ доблестными героями, ибо, говоритъ Генъ, проникать въ лѣсную чащу въ тѣ первобытныя времена, было гораздо труднѣе, чѣмъ это кажется въ настоящее время,—было дѣломъ, для выполненія котораго требовались почти сверхчеловѣческія усилія» ¹⁾. Еще болѣе труднымъ дѣломъ на тѣхъ же ступеняхъ культуры является воздѣлываніе земли, извлеченіе изъ нея земледѣльческихъ продуктовъ, «такъ какъ вырубка могучихъ деревьевъ, да притомъ еще съ помощію весьма несовершенныхъ орудій, подъ силу только исполину; быстрое заростаніе земли кустами и травой и торчащіе въ почвѣ невыкорчеванные пни въ свою очередь весьма сильно затрудняютъ работу земледѣльца» ²⁾. Земледѣліе благодаря этому является на первобытныхъ ступеняхъ культуры наименѣе доступною и наиболѣе тяжелою формою производительнаго труда, какъ это можно видѣть отчасти изъ самой процедуры производства. Такъ, у каффровъ для того, чтобы воздѣлать кусокъ земли, имъ приходится выжигать траву и кусты, посѣять его и затѣмъ переворачивать глыбы земли чѣмъ-то въ родѣ лопаты или крючковой палки. Впослѣдствіи приходится очень часто очищать поле отъ сорныхъ травъ, глушащихъ

¹⁾ Hehn: Kulturpflanzen etc. S. 4.

²⁾ Waitz: Anthropologie der Naturvölker. IV. S. 81.

хлѣбное зерно ¹⁾. Такая же форма земледѣльческаго производства, или сходная съ нею, существуетъ у всѣхъ народовъ, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры ²⁾.

Намѣченный здѣсь вкратцѣ затрудненіе, встрѣчаемыя первобытнымъ человѣкомъ при борьбѣ съ природою, производятъ и рождаютъ цѣлый рядъ представленій о природѣ и ея силахъ, которыя въ свою очередь еще болѣе затрудняютъ, еще болѣе тормазятъ борьбу съ силами природы, возможность пользоваться ими для потребностей человѣка. Извѣстный специалистъ по исторіи техники проф. Рёло (Reulaux) высказывается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «Проявляющіяся въ неодушевленной природѣ силы, совершенно непостижимыя для первобытнаго человѣка, внушали ему первоначально *только страхъ*; только постепенно, исподволь онъ избавлялся отъ страха предъ ними и сталъ пытаться извлекать изъ нихъ выгоду для себя» ³⁾. Въ теченіе весьма продолжительнаго времени, какъ говоритъ тотъ же Рёло, первобытнымъ людямъ чуждо самое представленіе о возможности и необходимости «подчинить себѣ силы природы, находящіяся внѣ его. Первобытный человѣкъ вполне удовлетворенъ и счастливъ, когда онъ можетъ достигнуть чего-либо съ помощью личныхъ усилій», съ помощью средствъ, лежащихъ въ немъ самомъ, а не во внѣшней природѣ ⁴⁾. Такимъ образомъ, борьба съ природою, вслѣдствіе трудностей, встрѣчающихся при этомъ, съ теченіемъ времени становится *недозволенною*. Субъективная неумѣлость человѣка, личная беспомощность его, первоначальная неспособность человѣка совладать съ силами природы, устранять тѣ изъ явленій природы, которыя приносятъ ему вредъ, и воспользоваться тѣми изъ нихъ, которыя соотвѣтствуютъ его потребностямъ,—словомъ, всѣ эти препятствія къ борьбѣ съ природою, обусловливаемые его неумѣlostью, неспособностью, отсутствіемъ знанія, всѣ эти чисто субъективныя препятствія преобразуются съ теченіемъ времени въ объективную невозможность бороться съ природою, представляются людскому сознанию въ видѣ препятствій, представляемыхъ самою природою, совершенно независимыми отъ воли и хотѣнія человѣка. Иначе говоря:

¹⁾ Loc. cit.

²⁾ См. Roscher: Natianalökonomie des Ackerbau. S. 75—79 (Brennwirtschaft) 82 (Dreifelderwirtschaft).

³⁾ Reulaux: Blick auf die Entwicklungsgeschichte der Maschine. Verhandlungen des Vereins zur Beförderung des Gewerbefleißes. Berlin. 1872. S. 304.

⁴⁾ Ibid. S. 306.

такъ какъ люди привыкли въ теченіе долгаго времени не дѣлать того, чего они съ помощью находившихся въ ихъ распоряженіи средствъ не могли исполнить, то они возвысили это *бездѣйствіе* въ норму, сдѣлали его закономъ. Они стали относиться безучастно къ явленіямъ природы даже тогда, когда успѣли приобрести способность и умѣніе бороться съ ними, пользоваться ими. Дѣятельное отношеніе человѣка къ природѣ стало вообще считаться дѣломъ недозволеннымъ, грѣховнымъ, неумѣстнымъ желаніемъ испытывать Провидѣніе, — бездѣйствіе, напротивъ, безучастное, созерцательное отношеніе къ тому, чтѣ совершается въ природѣ, стало считаться добродѣтельно, богоугоднымъ дѣломъ. Точно также какъ въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ проповѣдуется мысль, что установившіяся въ настоящее время отношенія между людьми въ европейскихъ обществахъ должны остаться нетронутыми, не могутъ и не должны быть измѣняемы государственными мѣрами, — точно также весьма долго поддерживалась въ сознаніи людей мысль, что силы природы не могутъ и не должны подлежать измѣненію и воздѣйствію со стороны человѣка. По отношенію къ явленіямъ природы провозглашался извѣстный манчестерскій принципъ — *laissez faire, laissez passer!*

Какъ мы уже упомянули выше, Дж. Ст. Милль впервые указалъ въ посмертномъ своемъ этюдѣ «О природѣ» на такое отношеніе человѣчества къ природѣ.

«Во всѣ времена, говоритъ Милль, чувствовали и сознавали, что все то, чтѣ человѣкъ дѣлаетъ для улучшенія своего быта, косвеннымъ образомъ заключаетъ въ себѣ поруганіе природы, является уклоненіемъ отъ естественнаго хода вещей, отъ порядка природы. Во всѣ времена, поэтому, всякія нововведенія, для которыхъ не было примѣра въ прошломъ, и которыя клонились къ улучшенію быта человѣка, должны были бороться съ религіозными предразсудками. Въ этихъ попыткахъ измѣнить существующій въ природѣ порядокъ вещей, вѣроятно, видѣли посягательство на величіе могущественныхъ существъ (или когда политеизмъ уступилъ мѣсто монотеизму — сопротивленіе всемогущему духу), господство которыхъ, по общему мнѣнію, простиралось на всѣ явленія вселенной, и проявленіемъ воли которыхъ былъ естественный порядокъ вещей. Всякая попытка измѣнять явленія природы для блага людей, подчинить ихъ господству человѣка, легко могла быть принята за вмѣшательство въ порядокъ управленія, установленный этими высшими существами. Хотя и не было никакой возможности поддерживать жизнь людскую, а тѣмъ менѣе сдѣлать ее пріятною, не возобновляя постоянно вмѣша-

тельства такого рода, не производя воздѣйствія на окружающія челоѣка явленія природы,—тѣмъ не менѣе ко всякимъ попыткамъ вмѣшательства въ каждомъ данномъ случаѣ прибѣгали со страхомъ и трепетомъ до тѣхъ поръ, пока опытъ не научалъ, что можно рѣшиться на ту или другую попытку, на то или другое производство, не страшась и не вызывая этимъ мести боговъ. Ловкіе посредники между богами и людьми поняли, что есть средство объяснять безнаказанность частныхъ нарушеній естественнаго порядка вещей, отдѣльныхъ челоѣческихъ дѣйствій, не уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ страха, который связанъ былъ съ идеей посягательства на предустановленный порядокъ. Это средство заключалось въ томъ, что они выдавали каждое изъ важнѣйшихъ изобрѣтеній за даръ и милость божью. Древнія религіи давали челоѣку много средствъ для того, чтобы вопрошать волю боговъ и получать отъ нихъ разрѣшеніе сдѣлать то, что безъ такого разрѣшенія было бы посягательствомъ на ихъ прерогативы. Когда оракулы умолкли, всякая религія находила средства для того, чтобы обойти то же затрудненіе. Въ католической церкви такимъ средствомъ являлось существованіе непогрѣшимаго папскаго авторитета, владѣвшаго божественнымъ правомъ и умѣвшаго отличать между усиліями челоѣческими тѣ изъ нихъ, которыя дозволены, отъ тѣхъ, которыя запрещены; за отсутствіемъ такого авторитета всегда можно было прибѣгнуть къ библіи для того, чтобы узнать, одобряется ли непосредственно или косвеннымъ путемъ то или другое дѣйствіе. Оставалось несомнѣннымъ, что вліять на природу, дѣйствовать на нее—предоставлено было челоѣку только въ силу специально даннаго ему на этотъ предметъ разрѣшенія и притомъ въ той мѣрѣ только, какъ этого требуютъ его нужды; всегда продолжала существовать наклонность, все болѣе и болѣе ослабѣвавшая безъ сомнѣнія, разсматривать всякую попытку господствовать надъ природою сверхъ извѣстной мѣры и дальше извѣстныхъ предѣловъ, какъ богопротивное стремленіе узурпировать божественныя прерогативы и дерзость, которая преступаетъ все то, что челоѣку дозволено. Стихи Горация, въ которыхъ искусство кораблестроенія и мореплаванія заклеены словами *vetitum nefas*, показываютъ, что даже въ періодъ скептицизма, современнаго Горацию, продолжала еще биться жилка античныхъ чувствъ... Обвиненіе въ выпытываніи тайнъ всемогущаго Творца долго оставалось могучимъ орудіемъ противъ ученыхъ, которые пытались проникнуть въ тайны природы. Еще въ настоящее время обвиненіе въ томъ, что кто-либо надменно стремится противодѣй-

ствовать намѣреніямъ Провидѣнія, сохранило весьма много изъ своей прежней силы и служить обыкновенно дополнительнымъ возраженіемъ ко всѣмъ тѣмъ аргументамъ, которые приводятся противъ всякой новой попытки предвидѣнія или всякаго новаго изобрѣтенія» ¹⁾.

Въ приведенныхъ мысляхъ Милля недостаетъ одного только, а именно указанія на происхожденіе тѣхъ воззрѣній, сущность которыхъ онъ такъ ясно изложилъ. Мы уже указали выше на условія, способствующія ихъ зарожденію. Это — неумѣніе пользоваться предметами и явленіями природы, бороться съ ними, эксплуатировать ихъ для человѣческихъ потребностей. Непреодолимые затрудненія, встрѣчаемые первобытнымъ человѣкомъ, стремящимся овладѣть предметами и силами природы, ведутъ съ одной стороны къ тому, что борьба съ ними становится недоуоленною, возбраняется общественнымъ мнѣніемъ, съ другой стороны — къ тому, что тѣ изъ предметовъ или явленій природы, которыя оказываются необходимыми, могутъ играть или играютъ существенную роль *при соответствующемъ образѣ жизни* какой-либо общественной группы, вызываютъ чувство благоговѣнія къ нимъ, почитаются людьми. Такимъ образомъ, каждая форма жизни неизбежно создаетъ соответствующій кругъ предметовъ и явленій природы, подлежащихъ почитанію со стороны людей, ведущихъ тотъ или другой образъ жизни. Къ этимъ предметамъ и явленіямъ они относятся съ благоговѣніемъ, обращаются съ мольбами о помощи, и поклоняются, иными словами, обоготворяютъ ихъ, *признаютъ ихъ богами*.

Мы утверждаемъ слѣдовательно, что религіозное почитаніе предметовъ и силъ природы обязано своимъ происхожденіемъ неспособности первобытнаго человѣка побороть природу, подчинить ее своимъ цѣлямъ и потребностямъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему удастся совладать съ природою, онъ приписываетъ удачу волѣ, присущей, по его мнѣнію, самымъ предметамъ природы, ставитъ удачу имъ въ заслугу. Понятно, что при господствѣ такихъ воззрѣній, уже независимо отъ укоренившейся привычки относиться безучастно къ явленіямъ природы, не можетъ быть и рѣчи объ усиленномъ производительномъ трудѣ, о дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ ходъ явленій природы, объ измѣненіи ихъ и пользованіи ими для человѣческихъ потребностей. Весьма медленно развивается умѣніе человѣка господ-

¹⁾ Mill: Ueber Religion. Нѣм. перев. S. 18—20. См. также франц. перевод. р. 19—22.

ствовать надъ природою. Переходъ отъ одного образа жизни къ другому, расширеніе области предметовъ природы, на которыя простирается господство человѣка, пользованіе тѣми изъ нихъ, которые оставались внѣ власти человѣка, — такое радикальное измѣненіе требуетъ много времени, прежде чѣмъ оно можетъ быть окончательно проведено. Но разъ переходъ начинается, — образуется одновременно новый кругъ предметовъ природы, къ которымъ люди относятся съ благоговѣніемъ, образуется новый міръ боговъ, который исподволь вытѣсняетъ старыхъ боговъ, или наслаивается на нихъ, приводя прежній міръ религіозныхъ представленій въ соотвѣтствіе съ новымъ образомъ жизни. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть удовлетворительно разъясненъ и понятъ историческій ходъ развитія религіознаго міросозерцанія и отношенія человѣка къ природѣ. Такъ какъ каждому образу жизни, проходимому человѣческими обществами, соотвѣтствуетъ специфическое, свойственное ему исключительно, религіозное міровоззрѣніе, то, *имѣя классификацію различныхъ образовъ жизни, мы имѣемъ и классификацію формъ религіознаго міровоззрѣнія*. Періодамъ охотнической, пастушеской, земледѣльческой жизни, занятію рыбною ловлей и т. д. соотвѣтствуетъ свой особый религіозный міръ, общій всѣмъ народамъ, ведущимъ тотъ же образъ жизни.

IV.

Мы не пишемъ здѣсь исторіи развитія религіозныхъ воззрѣній, а потому, ограничиваясь сказаннымъ относительно происхожденія и возникновенія религіозныхъ воззрѣній, приведемъ изъ громаднаго запаса фактическихъ данныхъ, только нѣсколько, указывающихъ на недозволенность борьбы съ природою и на то чувство опасенія и боязни, которое возбуждается всякій разъ, когда дѣло заходитъ о томъ, чтобы воспользоваться какою-нибудь силою природы, эксплуатировать ее для улучшенія матеріальныхъ условій жизни человѣка.

По воззрѣніямъ буддистовъ, говоритъ Бастіанъ, все сдѣланное самопроизвольно человѣкомъ дурно, такъ какъ онъ этимъ посягаетъ на гармонію природы. Но такъ какъ послѣдовательное проведеніе этого принципа довело бы буддистовъ до голодной смерти, то практика воспретила посягательство лишь на

животное царство ¹⁾. Тѣмъ же духомъ проникнуто и воззрѣніе, встрѣчаемое у Тертуллиана. «Вещи въ естественномъ состояніи, говоритъ онъ, суть Божіе произведеніе, — трудъ, который ихъ измѣняетъ, произведеніе дьявола ²⁾».

«Не пользоваться растеніями и животными, не употреблять ихъ въ пищу и для подѣлокъ, конечно, невозможно для первобытныхъ людей; но посмотрите, съ какимъ страхомъ они приступаютъ къ такого рода дѣйствіямъ и какъ они извиняются и стараются оправдывать себя въ грѣхахъ, содѣянныхъ ими. Бирманскіе таланы, прежде чѣмъ срубить дерево, обращаются съ молитвою къ его «калуку», т.-е. душѣ или духу, живущему въ немъ» ³⁾. Стіены, въ Камбоджѣ, «просятъ прощенія у убитыхъ ими животныхъ. Айносы, въ Иессо, убивъ медвѣдя, обращаются къ нему съ знаками почитанія и повиновенія, и затѣмъ уже вскрываютъ его трупъ. Коряки, убивъ медвѣдя или волка, снимаютъ съ него кожу, надѣваютъ ее на одного изъ охотниковъ и пляшутъ вокругъ него съ пѣснями, въ которыхъ увѣряютъ звѣря, что это вина не ихъ, а какого-нибудь русскаго» ⁴⁾. Характернѣе всего разсказъ Грея, приводимый Леббокомъ объ отношеніи среди мандинговъ въ Африкѣ къ тому лицу, которому удалось убить льва. «Такъ какъ къ великому моему изумленію, говоритъ Грей, я увидѣлъ, какъ дурно обращаются съ человѣкомъ, который въ сущности заслужилъ нашу благодарность, ибо онъ первый ранилъ животное и такимъ образомъ предохранилъ насъ отъ его нападенія, то я старался разузнать о причинахъ такого обращенія и узналъ, что убійца льва совершилъ великое преступленіе, ибо онъ дерзнулъ убить владыку и потому долженъ перенести наказаніе, пока не будетъ оправданъ предводителями селенія. Они, конечно, не только сдѣлаютъ это тотчасъ же, но и вознаграждать его за подвигъ. Я напрасно старался узнать, какимъ образомъ могло возникнуть такое *мнимо-дурное обращеніе*, но получилъ обычный въ устахъ африканскихъ жителей отвѣтъ, что такъ-молъ поступали отцы и дѣды».

Для насъ существованіе такихъ символическихъ дѣйствій, какія описаны Греемъ, совершенно понятны и ясны. Въ нихъ высказывается тотъ же принципъ, какой проявляется и въ слѣдующихъ фактахъ.

По словамъ Тацита, рѣшеніе сената отвести воды рѣчекъ,

¹⁾ Bastian: Der Mensch in der Geschichte. I. S. 258.

²⁾ Idem. III. S. 276.

³⁾ Тейлоръ. Первоб. культура. Русск. пер., II, стр. 273.

⁴⁾ Idem. I, ч. 2, стр. 46—47.

впадавшихъ въ Тибръ, не было приведено въ исполненіе, въ виду возраженія реатиновъ, утверждавшихъ, что это *было бы противоестественно* и вмѣстѣ съ тѣмъ противно обычаямъ предковъ, которые воздавали рѣкамъ божескія почести ¹⁾. Въ томъ же духѣ отвѣтилъ въ царствованіе Карла II кастильскій совѣтъ одному голландскому обществу, предложившему провести судоходный каналъ изъ Таго въ Мансанаресъ. Вотъ эта резолюція: «Если бы Богу угодно было, чтобы обѣ эти рѣки были судоходными, то онъ бы такъ и устроилъ ихъ; слѣдовательно, пытаться сдѣлать ихъ судоходными было бы противно Божьему промыслу и грѣшно» ²⁾.

Тейлоръ въ своей «Первобытной культурѣ» собралъ и сгруппировалъ массу данныхъ изъ жизни всѣхъ народовъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры, характеризующихъ ихъ отношеніе къ возведенію домовъ и другихъ сооружений. Мы воспользуемся для нашей цѣли только нѣкоторыми. «На островѣ Борнео у миланаскихъ даяковъ при сооруженіи большого дома вырыли глубокую яму для перваго столба, который и былъ привѣшенъ надъ ней на веревкахъ: дѣвушку-невольницу опустили въ яму и по данному сигналу перерѣзали веревку; громадный брусъ упалъ въ яму и раздавилъ дѣвушку до смерти; *это была жертва духамъ*. Когда строились ворота новаго города Тавоя въ Тенасеримѣ, лѣтъ 20 тому назадъ, народъ слышалъ отъ очевидцевъ, что въ каждую изъ ямъ, приготовленныхъ для столбовъ, бросали преступника въ *жертву покровительствующему демону*» ³⁾... «Когда раджа Сала-Банъ строилъ укрѣпленіе Сіалкотъ въ Пенджабѣ, основаніе юговосточнаго бастиона разрушалось нѣсколько разъ, такъ что раджа обратился къ гадателю, и тотъ убѣдилъ его, что бастионъ не будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ пролита кровь единственнаго сына, вслѣдствіе чего и былъ принесенъ въ жертву единственный сынъ вдовы» ⁴⁾. То, что мы встрѣчаемъ у менѣе культурныхъ народовъ, какъ факты дѣйствительной жизни, то является въ хроникахъ и легендахъ культурныхъ европейскихъ народовъ, какъ факты историческаго прошлаго ихъ. Одна легенда рассказываетъ, «что Св. Колумба нашла необходимымъ зарыть св. Орана живымъ подъ основаніе своего монастыря, чтобы умиливать духовъ земли,

¹⁾ Bastian: Der Mensch in der Geschichte. III. S. 209.

²⁾ Бэръ—Исторія торговли. Русск. пер. т. II, стр. 42; Wachsmuth: Culturgeschichte.

³⁾ Тейлоръ, I, стр. 100.

⁴⁾ Idem, I, стр. 101.

которые разрушали ночью то, что строилось въ продолженіе дня» ¹⁾. Въ итальянской легендѣ разсказывается «о мостѣ чрезъ Арту, который постоянно обрушивался, пока не заложили въ него жену строителя... Сербская легенда разсказываетъ, какъ три брата сговорились построить крѣпость Скадру (Скутари), но годъ за годомъ «вила» разоряла ночью то, что триста каменщиковъ выстраивали днемъ. Этого врага приходилось умиловить человѣческой жертвой, — первой изъ трехъ женъ, которая принесетъ пищу рабочимъ» ²⁾. Обрядъ человѣческаго жертвоприношенія, повсюду сопровождающій указанное здѣсь воззрѣніе на отношеніе силъ природы къ строительной дѣятельности человѣка, обязанъ своимъ происхожденіемъ по всей вѣроятности совпаденію гибели людей съ возведеніемъ построекъ. Непрочность построекъ въ первобытныя времена приводила къ тому, что люди гибли при постройкѣ, а потому въ послѣдствіи и вызывала добровольныя жертвоприношенія съ цѣлью упроченія построекъ. При улучшеніи качества самихъ построекъ и способовъ ихъ сооруженія прочность ихъ приписывалась въ народѣ не техническимъ усовершенствованіямъ, не улучшеннымъ способамъ борьбы съ природою, а жертвоприношеніямъ дѣйствительнымъ или воображаемымъ.

Мы уже видѣли въ приведенной выше рѣчи предводителя паніевъ тотъ консерватизмъ, съ которымъ первобытный человѣкъ отстаиваетъ привычный ему образъ жизни, признавая его предвѣчнымъ и неизмѣннымъ. Съ этою же чертою мы ближе ознакомимся по извлеченію изъ рѣчи одного предводителя онеидовъ въ сѣверной Америкѣ, произнесенной имъ въ народномъ собраніи, объ уменьшеніи индійскаго населенія и увеличеніи числа бѣлыхъ людей.

«Отчего, спрашиваетъ онъ, такъ сильно увеличивается число бѣлыхъ? Оттого, отвѣчаетъ онъ же, что они умѣютъ воздѣлывать землю. Братья и друзья, это единственное средство, которое можетъ исправить зло, причиненное намъ бѣдствіями.

«... Будемъ охотиться для того, чтобы упражнять драгоценныя качества, развиваемыя охотою: терпѣніе, настойчивость и проворство, дѣлающія насъ страшными въ бою; но будемъ же наконецъ воздѣлывать и землю, на которой мы родились. Заведемъ у себя воловъ, коровъ, свиней и лошадей. Научимся ковать желѣзо, которое дѣлаетъ бѣлыхъ столь сильными, и если

¹⁾ Idem, стр. 98.

²⁾ Idem, I, стр. 98—99.

голодь и нужда, какъ и прежде, будутъ стучаться въ наши двери, мы будемъ имѣть средства обуздать и удовлетворить ихъ». Предводитель онеидовъ приводитъ затѣмъ слова другого предводителя краснокожихъ, который уже раньше его оплакивалъ жалкія условія производства, преобладающія среди туземцевъ: «Развѣ ты не видишь, говорилъ послѣдній, что бѣлые питаются зернами, а мы мясомъ; что это мясо требуетъ тридцать мѣсяцевъ для того, чтобы вырасти, и часто его вовсе не бываетъ, между тѣмъ какъ каждое изъ тѣхъ скудныхъ зеренъ, которое они кладутъ въ землю, имъ возвращается болѣе, чѣмъ сторицею;—что то мясо, которымъ мы питаемся, имѣетъ четыре ноги для того, чтобы убѣжать, а мы владѣемъ только двумя ногами для того, чтобы пускаться за нимъ въ погоню,—между тѣмъ какъ зерна остаются и растутъ тамъ, гдѣ ихъ посѣяли, и зима, которую мы проводимъ въ наиболѣе утомительной охотѣ, для нихъ время отдыха? Оттого-то они имѣютъ столько дѣтей и живутъ дольше насъ. Я говорю поэтому каждому, кто хочетъ меня слушать: прежде, чѣмъ кедры нашего селенія вымрутъ и кленовыя деревья перестанутъ производить сахаръ, племя малорослыхъ сѣятелей хлѣба истребить племя мясоядныхъ, если эти охотники сами не примутся за посѣвы».

Приводя такіе аргументы, онеидъ закончилъ затѣмъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: «Ахъ, отчего у меня нѣтъ орлиныхъ крыльевъ, я взвился бы на высоту нашихъ горъ, и тогда слова мои, разносимыя вѣтромъ, были бы слышны всѣмъ народамъ, живущимъ подъ нашимъ солнцемъ? Отчего свѣтъ истины не можетъ проникнуть въ ваши сердца такъ, какъ клинокъ моего томагавка въ тѣло моего врага? Вы погибли, храбрые онеиды, если будете охотниками—и только ими. Современное солнце уже не то, чѣмъ оно было вчера; *вы погибли, если не заглушите голоса исконной привычки* и не будете внимать велѣніямъ желѣзной необходимости. Друзья и братья, возможно ли не внять этой необходимости, говорящей громовымъ голосомъ? Она говоритъ вамъ моими устами: карабинъ хорошъ, но плугъ лучше; томагавкъ хорошъ, но рукоятъ съ острымъ клинкомъ лучше; вигвамъ хорошъ, но домъ съ овиномъ лучше» ¹⁾. Такое ясное пониманіе дѣла, такое раціональное отношеніе къ вопросу о борьбѣ съ природою весьма рѣдко встрѣчается на первобытныхъ ступеняхъ культуры. Эта рѣчь наглядно показываетъ, съ

¹⁾ Crevecoeur. Reise in Oberpennsylvanie. S. 50 и слѣд.—Klemm: Allg. Culturgesch. II. S. 24—26.

какими трудностями приходится бороться при переходѣ отъ одного образа жизни къ другому, а въ особенности отъ болѣ раннихъ формъ матеріальной культуры къ земледѣльской.

Но и въ томъ случаѣ, когда общественная инерція и косность преодолѣна, когда зачатки земледѣльской культуры уже успѣли явиться, — всякое дальнѣйшее движеніе въ этомъ отношеніи, всякій новый шагъ сопряженъ съ большими затрудненіями, о которыхъ не трудно судить по слѣдующимъ образчикамъ. Индійская легенда рассказываетъ, что при увеличеніи народонаселенія легкое вспахиваніе земли оказывается уже недостаточнымъ для прокормленія этого населенія. Необходимо было разрывать великую богиню, мать-землю. По рѣшенію совѣта боговъ, великая богиня, жена Вишны, вынуждена была подвергнуться такому *оскверненію*, несмотря на ея жалобы ¹⁾. Если въ этомъ случаѣ мы видимъ антагонизмъ къ улучшеніямъ только въ способѣ выраженія, то въ слѣдующемъ онъ выражается въ активномъ сопротивленіи. «Литовцы, рассказываетъ Герберштейнъ, обрабатываютъ свою землю деревянными, а не желѣзными плугами, хотя земля ихъ не песчаная а покрыта черноземомъ. Когда они отправляются на работу въ поле, они берутъ съ собою нѣсколько такихъ плуговъ съ тѣмъ, чтобы имѣть всегда на-готовѣ плугъ, если одинъ сломается. Воевода этой мѣстности хотѣлъ научить жителей лучшему способу обработки и роздалъ большое количество желѣзныхъ плуговъ. Такъ какъ въ ближайшіе годы случился недородъ хлѣба, жители поставили этотъ фактъ въ вину желѣзнымъ орудіямъ, грозилъ вспыхнуть бунтъ, и воевода вынужденъ былъ отобрать свои плуги и предоставить населенію воздѣлывать землю по старому» ²⁾.

Прививка и смѣшеніе первоначально отдѣленныхъ другъ отъ друга предметовъ въ свою очередь считается чѣмъ-то противосъестественнымъ, навязаннымъ природѣ, а потому и недозволительнымъ. Въ виду этого, библейскія постановленія возбраняють засѣвать поле двумя родами сѣмянъ, впрягать въ плугъ воловъ и ословъ вмѣстѣ, прививать ростки изъ другой породы растений, вообще сопрягать какимъ бы то ни было образомъ все *естественно* раздѣленное ³⁾. И еще Плиній пугается такого образа дѣйствія и считаетъ его грѣховнымъ: «Neque omnia insita misceri fas est», говоритъ онъ ⁴⁾.

¹⁾ Bastian: Der Mensch in der Geschichte. III. S. 346.

²⁾ Herberstein: Rerum moscovitarum commentarii.—Hehn: Culturpflanzen und Hausthiere. S. 482.

³⁾ Hehn, *ibid.* S. 375.

⁴⁾ *Ibidem.* S. 374.

Приводить ли данныя изъ другихъ сферъ дѣятельности, или изъ другихъ временъ? Повсюду стремленіе эксплуатировать какимъ-либо образомъ силы природы для потребностей человѣка задерживалось, и пытливость человѣческаго ума ограничивалась. Суевѣрный страхъ и боязнь овладѣвать силами природы дѣлали и дѣлаютъ человѣка еще и понынѣ бесполезнымъ. Онъ не находился до сихъ поръ и не находится съ-глазу на-глазъ съ природою, наединѣ съ нею; во все вмѣшиваются призраки и привидѣнія, воображаемыя препятствія и стѣсненія фантастическаго характера. Еще Гёте говоритъ какъ объ идеалѣ, недостижимомъ для современнаго человѣка — *быть и чувствовать себя наединѣ съ природою*. Только тогда человѣкъ и могъ бы помѣряться съ природою, совладать съ силами ея:

*Stünde ich, Natur, vor dir ein Mann allein,
Da wär's der Mühe werth, ein Mensch zu sein!*

— восклицаетъ Фаустъ у Гёте ¹⁾.

Приведемъ только нѣсколько фактическихъ данныхъ въ видѣ образчиковъ. Савояръ, умѣвшій лить цинковыя фигурки и занимавшійся этимъ искусствомъ въ странѣ инковъ, нѣсколько разъ находился въ опасности быть осужденнымъ инквизиціоннымъ судомъ въ Лимѣ, — ибо такія прекрасныя вещи - черти не могутъ быть сдѣланы иначе, какъ съ помощью магической силы ²⁾. У абиеновъ нѣтъ инквизиціоннаго суда, но и тамъ къ новизнамъ относятся весьма недружелюбно. Когда поселившійся среди нихъ миссіонеръ выдѣлывалъ искусственныя розы изъ крашеннаго полотна, его духовныя дѣти считали его волшебникомъ. Точно также они относились къ появившемуся среди нихъ то-варю ³⁾. Фокусникъ Жилле-Суларъ, научившій сватью вертѣть веретено, былъ сожженъ въ 1466 году въ Парижѣ, какъ колдунъ ⁴⁾. Въ 1601 году, въ Лиссабонѣ была предана суду лошадь, которую хозяинъ научилъ продѣлывать различныя штуки. Ее приговорили къ смерти посредствомъ сожженія, ибо она, по мнѣнію судей, была одержима бѣсомъ ⁵⁾. Въ разсужденіи о магнитной иглѣ, напечатанномъ во Франціи въ 1260 году, авторъ, описавши громадную пользу, которую она можетъ оказать на

¹⁾ Faust. 2 Theil. 5 Aufzug.

²⁾ Bastian: Der Mensch etc. III. S. 184.

³⁾ Idem. II, S. 151.

⁴⁾ Idem. III. S. 184.

⁵⁾ Draper: Geschichte der Konflikte zwischen Religion und Wissenschaft. Нѣм. перев. Leipzig. 1875. S. 326.

морѣ, прибавляетъ: «Ни одинъ капитанъ не долженъ употреблять этого инструмента, если онъ не хочетъ подвергнуться подозрѣнію въ колдовствѣ. Нѣтъ сомнѣнія также, что ни одинъ морякъ не рѣшится идти въ море подъ командой такого капитана, который возьметъ съ собою вещь, сильно свидѣтельствующую о томъ, что она приготовлена съ помощью адскаго духа» ¹⁾. Негодованіе и сопротивленіе, возбужденное въ средѣ духовенства предпріятіемъ Колумба, — общеизвѣстны. Когда Колумбъ утверждалъ, что, отправившись чрезъ Гибралтаръ, по Атлантическому океану, по направленію къ западу, можно будетъ моремъ достигнуть Остъ-Индіи, собравшійся въ Саламанкѣ духовный соборъ назвалъ это предпріятіе «противорелигіознымъ» и проклялъ его. Духовенство опиралось въ своемъ мнѣніи на то, что пятикнижіе Моисеево, псалмы, пророки, Евангеліе, посланія апостоловъ и сочиненія отцовъ церкви (Хризостома, Августина, Іеронима, Григорія, Василия, Амвросія) будто бы свидѣлствуютъ противъ такого предпріятія ²⁾. Наконецъ, еще до самаго новѣйшаго времени жителямъ Папской области проповѣдывалось, что желѣзныя дороги суть произведенія дьявола ³⁾.

Этимъ отношеніемъ къ труду, къ борьбѣ съ силами природы, въ исторической жизни человѣчества, въ значительной мѣрѣ обусловливалось и положеніе трудящихся классовъ. Здѣсь мы ограничимся разсмотрѣніемъ положенія женщинъ, насколько оно обусловливается указаннымъ отношеніемъ къ борьбѣ съ природой.

V.

То, что добывается на первобытныхъ ступеняхъ культуры трудомъ отдѣльной личности, едва достаточно для прокормленія этой личности. Оставлять въ живыхъ плѣнника для того, чтобы воспользоваться плодами рукъ его, немыслимо, слѣдовательно, на этихъ ступеняхъ культуры. Нужно, чтобы у первобытнаго человѣка явились побужденія совершенно особаго свойства для того, чтобы факты оставленія въ живыхъ добытыхъ на войнѣ субъектовъ могли имѣть мѣсто. Такимъ экстраординарнымъ побужденіемъ и является половое. Желаніе отдѣльнаго члена общины имѣть женщину для себя, женщину, которая находилась бы въ

¹⁾ Bastian: Der Mensch etc. III. S. 184—185.

²⁾ Draper, *ibid.* S. 163.

³⁾ Ruth: Geschichte von Italien, von 1815—1850. Heidelberg. 1867. I. S. 92, 116.

подчиненіи у него, которой онъ имѣлъ бы возможность и право приказывать и повелѣвать, которой онъ не долженъ былъ бы нравиться и добиваться ея благоволенія, какъ это онъ долженъ дѣлать по отношенію къ женщинамъ, принадлежащимъ къ одной съ нимъ общинѣ, это желаніе добыть себѣ женщину изъ чужой общины для супружескаго сожителства и было первоначальнымъ источникомъ личнаго рабства, усвоеннаго человѣкомъ человѣка.

Женщины, добытыя на войнѣ съ чужими общинами, были, такимъ образомъ, первыми человѣческими личностями, которыя, несмотря на то, что онѣ были чужеземцами и врагами, не убивались, а оставлялись въ живыхъ. Только забранная въ плѣнъ женщина могла, оставшись въ живыхъ, приносить пользу тому, кто ее добылъ, и своимъ существованіемъ удовлетворять настоятельной потребности его, между тѣмъ какъ оставленный въ живыхъ плѣнникъ, при господствовавшихъ тогда условіяхъ производства, не могъ доставить своему властелину никакой выгоды.

Но разъ беззащитныя существа, доставшіяся въ добычу первобытному человѣку, оставались въ живыхъ, хотя бы для супружескаго сожителства, онѣ должны были, какимъ бы то ни было образомъ, влечить свое жалкое существованіе, снискать себѣ средства пропитанія. На нихъ возлагались поэтому работы, наиболѣе трудныя при соотвѣтствующей ступени культуры. Тѣ отрасли труда, которыя были наименѣе привычны для первобытнаго человѣка, которыя требовали непрерывной затраты человѣческихъ силъ, неустаннаго и непосильнаго физическаго труда, — этими работами обременялись женщины-плѣнницы. Въ значительной мѣрѣ на нихъ возлагались и такія работы, при которыхъ имъ не приходилось рыскать на свободѣ, при которыхъ онѣ могли оставаться подъ постояннымъ надзоромъ своего повелителя, не имѣли возможности убѣжать отъ него. Оставшіяся въ живыхъ женщины были, повторяемъ, первыми рабами, первыми *res sese moventes*, первыми самоподвижными вещами, какъ римляне называли работъ. Это были первая человѣческія личности, которыя принуждены были работать въ пользу другого, въ пользу отдѣльных личностей, добычею которыхъ онѣ стали. Добываемыя для удовлетворенія половыхъ потребностей и оставленные въ живыхъ исключительно для этой цѣли, женщины въ то же время оказывались первыми экземплярами человѣческими, чьею силою пользовались и для матеріальныхъ цѣлей, которыя утилизировались въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи, для цѣлей производства, для труда. Какъ мы увидимъ изъ приводи-

мыхъ ниже данныхъ, всякій разъ, когда приходилось утилизировать какую-нибудь новую силу природы, требовавшую больше напряженія, настойчивости и терпѣнія, чѣмъ какая-либо изъ существовавшихъ до тѣхъ поръ работъ, такая работа и такой трудъ возлагались на женщинъ. Ходячія представленія о первоначальномъ порабощеніи женщинъ вслѣдствіе ихъ безсилія и слабосилія, вслѣдствіе ихъ мнимой исконной негодности и неспособности къ усиленному физическому труду, оказываются, при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами изъ жизни первобытныхъ народовъ, совершенно несостоятельными. Это положеніе, какъ и многое другое, если стало общимъ мѣстомъ въ литературѣ, то оно обязано своимъ существованіемъ полнѣйшему незнакомству съ данными соціальной антропологии.

Спенсеръ пришелъ къ подобнымъ же заключеніямъ въ своихъ «Основахъ Соціологіи» ¹⁾. «Классъ рабовъ», говоритъ онъ, «въ первобытномъ обществѣ состоитъ изъ женщинъ; и самое раннее раздѣленіе труда и есть то раздѣленіе, которое возникаетъ между ними и ихъ господами. Въ теченіе долгаго времени не существуетъ никакого другого раздѣленія труда». И далѣе: «Мужчины вваливаютъ на женщинъ всѣ тѣ занятія, которыя онѣ только въ состояніи выполнять, т.-е. всѣ рѣшительно занятія, за исключеніемъ тѣхъ, для выполненія которыхъ у нихъ не хватаетъ или силы, или проворства, или искусства» ²⁾. Послѣднія подчеркнутыя нами слова Спенсера едва ли вѣрны, и во всякомъ случаѣ несогласны съ данными, приводимыми самимъ же Спенсеромъ. Если и вѣрно то, что мужчины уже на очень раннихъ ступеняхъ культуры «монополизируютъ» въ свою пользу войну и охоту, какъ это говоритъ Спенсеръ въ другомъ мѣстѣ ³⁾, то не потому, что эти занятія требуютъ особой силы, проворства и искусства, какихъ не требуютъ другія занятія, а исключительно потому, почему женщины такъ охотно забираются въ плѣнъ и оставляются въ живыхъ чужеплеменными воинами. Вотъ единственныя основанія того, что женщины уже на очень раннихъ ступеняхъ культуры перестаютъ заниматься войною и охотою. То, что было лакомымъ кусочкомъ для врага, для иноплеменика, нужно было держать подальше отъ глазъ и рукъ его, нужно было охранять отъ соприкосновенія съ нимъ, какъ это неминуемо на войнѣ и охотѣ. Напротивъ, всѣ тѣ занятія, которыя требовали экстраординарной ловкости, силы

¹⁾ Т. II. Стр. 789.

²⁾ Loc. cit.

³⁾ Основы соціол., II, стр. 792.

и искусства, словомъ—особой умѣлости и пригодности къ труду, всѣ эти занятія отводились, отмежевывались, какъ мы уже указывали, именно для женщинъ съ *тѣхъ поръ*, какъ, благодаря захвату женщинъ изъ другихъ племенъ, онѣ становились личною собственностью мужчины, забравшаго ихъ въ плѣнъ, принадлежностью его. Покупка женщинъ изъ другихъ племенъ, являющаяся въ послѣдствіи на смѣну похищенію, разумѣется, еще болѣе усиливаетъ и укрѣпляетъ установленный нами порядокъ вещей. При покупкѣ женщины, всегда принимается во вниманіе не только ея способность къ супружескому сожителству, но и ея пригодность къ труду, рабочая сила, представляемая ею. Сообразно съ этимъ опредѣляется и продажная цѣна ея.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ высказанныя нами мысли. Эскимосскія женщины, кромѣ разныхъ мелкихъ деревянныхъ подѣлокъ, строятъ дома и шалаши. «Имъ приходится для этого таскать на себѣ такіе тяжелые камни, которые то-и-дѣло грозятъ переломить имъ спинной хребетъ, причемъ мужчины взираютъ на это съ величайшимъ равнодушіемъ, и ни одинъ изъ нихъ не пошевелитъ даже пальцемъ, чтобы помочь имъ ¹⁾. У вымершихъ теперь тасманійцевъ, мужчины прибавляли отъ себя къ пищевымъ запасамъ только мясо кэнгуру, за которыми они охотились, тогда какъ женщины, кромѣ ухода за дѣтьми, должны были лазить по деревьямъ, чтобы отыскивать опоссумовъ, выкапывать съ помощью заостренныхъ палокъ разные съѣдобные корни, выщипывать и ловить раковъ между прибрежными скалами, нырять за устрицами и ловить рыбу» ²⁾.

По объясненіямъ одного изъ путешественниковъ, жалкое положеніе тасманійскихъ и новоголландскихъ женщинъ обуславливалось отчасти страхомъ насильственнаго похищенія ихъ ³⁾. Одинъ изъ вождей чипчевейновъ говорилъ Гиршу: «Женщины созданы для труда,—каждая изъ нихъ можетъ нести или волочь столько, сколько двое мужчинъ. Онѣ также разбиваютъ наши шатры, изготовляютъ и чинятъ нашу одежду, заботятся, чтобы намъ было тепло ночью; короче сказать, ни одно сколько-нибудь отдаленное путешествіе въ нашей странѣ невозможно безъ помощи женщинъ» ⁴⁾. Вообще у всѣхъ сѣверо-американскихъ народовъ, война и охота — это занятія мужчинъ, женщина воздѣлываетъ

¹⁾ Спенсеръ: Осн. Соціол., I, стр. 790.

²⁾ Idem, стр. 789—790.

³⁾ Waitz: Gerland. VI. S. 775.

⁴⁾ Idem, стр. 788.

поле, жнеть и убираетъ хлѣбъ, готовить пищу, собираетъ и носить дрова и приносить также убитую дичь изъ лѣса. Работа женщины, рассказываетъ г-жа Истманъ о дакотскихъ женщинахъ, никогда не прекращается: она строитъ и лѣтніе, и зимніе дома. Для тѣхъ она весною снимаетъ кору съ деревьевъ, для другихъ она спиваетъ шкуры буйволовъ; она обдѣлываетъ кожу, изъ которой изготовляетъ одежду и обувь для всей семьи, и въ то же время на ней лежитъ бремя другихъ заботъ. Когда у нея родится ребенокъ, она не можетъ ни отдыхать, ни ѣсть. Она правитъ лодкой, на которой ѣздитъ ея мужъ; и боли, и усталость—все должно быть забыто ¹⁾).

У самоѣдовъ архангельской губерніи, женщина, по словамъ г-жи Ефименко, принимаетъ гораздо большее участіе, чѣмъ мужчина, въ добываніи средствъ существованія и накопленіи имущества. «Правда, она проводитъ большую часть своего времени въ *чумъ*, дома, тогда какъ мужчина чаще бываетъ внѣ дома: самоѣдинъ уѣзжаетъ на промыслы, пасетъ оленей и т. п. Но обязанности женщины гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ обязанности мужчины. При постоянныхъ перекочевкахъ, весь трудъ перенесенія жилищъ возложенъ исключительно на женщину. Она должна каждый разъ убрать и раскласть чумъ, устроить его, укласть землею и мхомъ, или снѣгомъ, устлать полъ коврами, сплетенными изъ прутьевъ березы, накинуть на ковры оленьи шкуры и т. п. Устроивъ чумъ, онѣ принимаются за разнообразную домашнюю работу, которой такъ много, что имъ не приходится никогда сидѣть безъ дѣла, тогда какъ мужчины проводятъ все время, свободное отъ промысловъ, совершенно праздно. Женщины готовятъ пищу, чистятъ посуду, заготавливаютъ дрова, разводять огонь, запасаютъ воду, въ свободное время обдѣлываютъ оленьи шкуры, шьютъ чумы, мужское и женское платье всякаго рода, выдѣлываютъ мягкую рухлядь и т. п. Часто такъ же помогаютъ мужьямъ и на морскихъ промыслахъ» ²⁾).

Намъ уже извѣстно, что земледѣліе и входящія въ составъ его работы—это наиболѣе тяжелыя и наименѣе привычныя для первобытнаго человѣка формы производительной дѣятельности. Онѣ являются поэтому на соответствующихъ ступеняхъ культуры повсюду исключительно дѣломъ женщинъ. «У мандинговъ въ Сулиманѣ земля воздѣлывается преимущественно женщинами,

¹⁾ Waitz: Anthropologie der Naturvölker. III. S. 100.

²⁾ Юридическіе обычаи Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ архангельской губ. Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. I. Стр. 183—184.

онѣ такъ же и пастухи, между тѣмъ какъ мужчины занимаются молочнымъ хозяйствомъ, пьютъ и моютъ. Точно такъ же и у кру полевая занятія являются дѣломъ женщинъ; въ Борну мужчины только изрѣдка помогаютъ женщинамъ въ земледѣльческихъ работахъ ¹⁾. У каффровъ молочное хозяйство, какъ наиболѣе важное и наиболѣе почетное занятіе, является дѣломъ мужчинъ, между тѣмъ какъ воздѣлываніе земли, которое считается у каффрскихъ племенъ менѣе важнымъ и менѣе соответствующимъ человѣческому достоинству занятіемъ, чѣмъ скотоводство, хотя оно и не пренебрегается вовсе, тѣмъ не менѣе производится безъ особаго рвенія и усердія, — повсюду выпадаетъ на долю женщинъ. Только у амакондовъ и мужчины принимаютъ участіе въ этомъ дѣлѣ ²⁾. У зулусовъ, по разсказамъ путешественниковъ, «наиболѣе тяжелыя работы... воздѣлываніе земли и постройка домовъ, изготовленіе изгородей и заготовленіе дровъ» дѣло женщинъ, «въ то время какъ мужчины занимаются войною, охотою и молочнымъ хозяйствомъ» ³⁾. Въ Багирмѣ Бартъ нашелъ одно только мѣсто, «гдѣ мужчины занимались воздѣлываніемъ земли, и, по его словамъ, это обстоятельство слѣдуетъ приписать только тому, что женщины получили тамъ преобладаніе» ⁴⁾.

Мы уже указали, чѣмъ занимаются женщины у значительной части сѣверо-американскихъ племенъ. «У караибовъ, какъ это водится у всѣхъ воинственныхъ народовъ, полевая работа — дѣло женщинъ, и было бы крайне позорно для мужчины принимать участіе въ работахъ подобнаго рода» ⁵⁾. У москитовъ земледѣліемъ занимаются женщины, «ибо мужчины слишкомъ лѣнны для такой работы» ⁶⁾. У жителей Малайскаго архипелага женщины болѣею частью прокармливаютъ своихъ мужей: онѣ ведутъ торговлю и воздѣлываютъ поля ⁷⁾. Точно также и въ древнемъ Перу полевыми работами занимались женщины ⁸⁾. Въ Китаѣ женщины принимаютъ сильное участіе въ тяжелыхъ работахъ, и Барро видѣлъ женщинъ, запряженныхъ въ кегугъ ⁹⁾. Въ одномъ китайскомъ сочиненіи о женщинахъ, написанномъ

1) Idem. II. S. 83.

2) Idem. II. S. 382—383.

3) Idem. II. S. 387—388.

4) Idem. II. S. 83.

5) Idem. III. S. 376.

6) Idem. IV. S. 290.

7) Waitz-Gerland. V. S. 145.

8) Спенсеръ. Осн. социол. II. Стр. 791.

9) Klemm. Allg. Cultur. V. S. 109.—Осн. социол. II. Стр. 804.

женщиной же, говорится между прочимъ: «Наиболѣе низкія отправленія должны быть дѣломъ женщинъ, и на самомъ дѣлѣ выпали на ихъ долю. Это истина, которою мы должны быть проникнуты для того, чтобы она оказала вліяніе на весь нашъ образъ дѣйствія. Она будетъ источникомъ нашего счастья, если мы будемъ дѣйствовать послѣдовательно. Намъ же слѣдуетъ ждать того времени, когда печальный опытъ заставитъ насъ понять ту роль, которую мы играемъ» ¹⁾).

Не лучше современное положеніе женщины-крестьянки славянскихъ народовъ. «Какъ въ задругѣ, такъ и въ великорусской семьѣ, — говоритъ г-жа Ефименко, — женщина работаетъ едва ли не больше мужчины, работаетъ, сколько позволяютъ ей выносить ея физическія силы. Въ княжествѣ Сербіи, по словамъ Миличевича... трудно представить себѣ, сколько разнообразныхъ обязанностей лежитъ на женщинѣ, что за каторжная жизнь ея въ семьѣ. Она нянчится съ дѣтьми, одѣваетъ съ головы до ногъ себя, своего мужа и своихъ дѣтей... Коноплю для одежды она такъ же должна вырастить и обработать сама. Она готовитъ пищу и на своихъ плечахъ относитъ ее работающимъ на полѣ, иногда очень далеко. Наблюдать за скотомъ, кормить и поить его, доить, дѣлать масло, сыръ, носить воду, дрова — все это ея дѣло... Часто женщины помогаютъ мужчинамъ и въ работахъ считающихся спеціально мужскими, напр., полевыхъ, иногда даже вполне замѣняютъ мужчину въ этихъ работахъ... Въ Черногоріи, Герцеговинѣ, Босніи и Сербіи, какъ и въ Великороссіи, женщина не измѣняетъ образа жизни, даже когда бываетъ беременна. Случается нерѣдко, что гдѣ-нибудь, напр., въ лѣсу, куда она идетъ рубить дрова, почувствуетъ она муки родовъ, тутъ же рождаетъ безъ всякой посторонней помощи и относитъ ребенка домой. Сколько рассказовъ, прибавляетъ г-жа Ефименко, слышали мы и въ архангельской губерніи, какъ женщины родятъ, или на полѣ и на пожнѣ, такъ какъ имъ некогда лежать въ горячую страдную пору» ²⁾). Вообще и въ Великороссіи, и у другихъ славянскихъ народовъ мужчины позволяютъ себѣ отдыхъ послѣ работы, «для женщины же, особенно замужней, нѣтъ

¹⁾ Klemm, *ibid.* VI. S. 109. „Таково же положеніе женщинъ въ Корей: мужчины большую часть дня спятъ или лежатъ себѣ дома, безъ всякаго дѣла; въ то время какъ женщины исполняютъ почти всѣ работы какъ полевыя, такъ и домашнія, и почти всѣ онѣ содержатъ своихъ мужей“ (Извѣстія русск. геогр. общ. 1877. Т. XIII. Вып. 5, стр. 372).

²⁾ Ефименко: Крестьянская женщина. „Дѣло“, 1873. № 2, стр. 200—201.

отдыха» ¹⁾). У малоруссовъ, какъ увидимъ ниже, положеніе женщинъ по отношенію къ труду нѣсколько иное, но у тѣхъ малоруссовъ, которые поселились въ степныхъ юго-восточныхъ губерніяхъ, женщины обременены работой до невозможности. Лѣтомъ онѣ вовсе не живутъ дома, а постоянно кочуютъ въ степи, пася скотъ; при ягненіи овецъ цѣлыя ночи должны онѣ сидѣть на морозѣ, оберегая ягнятъ отъ собакъ. Кромѣ того, онѣ косятъ сѣно и жнутъ хлѣбъ, ѣздятъ по дрова. Женщины должны также ходить караулить хлѣбъ; и для этого онѣ отправляются верстъ за пять въ хутора, часто оборванные и голодные, съ дѣтьми на рукахъ и съ люлькой, и тамъ, подъ палящимъ солнцемъ, просиживаютъ цѣлые дни. Нерѣдко случается, что то ту, то другую женщину привозятъ со степи заболѣвшею или даже мертвою» ²⁾). Приведемъ еще одинъ характерный образчикъ положенія женщины въ Россіи.

«Существо, не знающее ни днемъ, ни ночью покоя... такова олонеккая женщина,—говоритъ г. Поляковъ.—Ее можно видѣть глубоко вязнущею въ глинистой грязи за сохою и бороною; она на сѣнокосѣ—въ болотѣ, въ лѣсу—на оводѣ и комарахъ; она и на рыбной ловлѣ кидаетъ и тянетъ тоню невода, причемъ босая бродитъ въ холодной водѣ по колѣно. Во всѣхъ этихъ работахъ я видѣлъ женщинъ беременныхъ. Послѣ этихъ работъ женщина возвращается домой и готовить семьѣ обѣдъ или ужинъ, жарясь у печки; она шьетъ, прядетъ, ткетъ; она молотитъ хлѣбъ, часто мелетъ его и печетъ. Въ случаѣ недостатка въ пищѣ, она первая подвергается ограниченіямъ. При всемъ этомъ она несетъ на себѣ еще всю тяжесть побоевъ; она лишена возможности «быть плеточкой легонечко постеганной», «но за то подвергается ударамъ крѣпкихъ кулаковъ и дубинъ». На упреки г. Полякова за такое обращеніе съ женщинами, ему отвѣчалъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей: «Что жалѣть это поганое мясо?».. Знакомые съ антропологіей,—прибавляетъ къ этому разсказу г. Поляковъ,—найдутъ въ сказанномъ не мало общаго и многимъ первобытнымъ племенамъ» ³⁾).

Остатки такого положенія женщинъ въ сферѣ труда мы встрѣчаемъ въ настоящее время среди цивилизованныхъ народовъ, нѣмцевъ и французовъ. Нѣмецкія женщины низшихъ классовъ крайне обременены «грубыми тяжелыми работами внѣ

¹⁾ Ibid, стр. 206.

²⁾ Loc. cit.

³⁾ Зап. Геогр. Общ. Т. III. Спб. 1873. И. С. Полякова, Этнографическія наблюденія во время поѣздки на юго-востокъ олонеккой губ., стр. 498—499.

дома: рытьемъ земли, уходомъ за лошадьми, тасканіемъ тяжестей и пр.» Точно также и французскія женщины изъ просто-народья принимаютъ значительное участіе «въ тяжелыхъ полевыхъ работахъ» ¹⁾.

Въ тѣхъ немногихъ, благословенныхъ небомъ странахъ, гдѣ земледѣліе уже на низшихъ ступеняхъ культуры становится болѣе производительнымъ — а слѣдовательно, и болѣе почетнымъ — а также и въ культурныхъ странахъ, эти работы становятся, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣломъ мужчинъ. Такъ, въ Новой-Каледоніи и на островѣ Кунаѣ женщины исполняютъ всѣ тяжелыя работы, носятъ на себѣ тяжести, ловятъ рыбу, носятъ дрова и воду, плетутъ корзины, готовятъ одежду и т. д., между тѣмъ какъ мужчины сѣютъ, строятъ дома и лодки, а въ остальное время спятъ ²⁾. Точно также и на Фиджійскихъ островахъ, гдѣ женщины находятся въ чрезвычайно жалкомъ положеніи: онѣ исполняютъ всѣ работы, играютъ роль вьючныхъ животныхъ для своихъ мужей; выдѣлка лодокъ и постройка домовъ, а также часть земледѣльческихъ работъ лежитъ на мужчинахъ, но только потому, «что эти занятія, какъ увѣряетъ Д'Урвиль, являются тамъ наиболѣе уважаемою отраслью труда, и женщины считаются слишкомъ низкими для того, чтобы онѣ могли заниматься этими работами» ³⁾. У нубійцевъ воздѣлываніемъ земли занимаются мужчины, между тѣмъ какъ занятіемъ женщинъ является тканье грубыхъ шерстяныхъ и хлопчато-бумажныхъ матерій ⁴⁾. У малоруссовъ женскій трудъ, «жіноче діло», состоитъ «въ воздѣлываніи огорода, въ собираніи съ огорода овощей и въ дальнѣйшемъ приготовленіи ихъ въ «страви» — приготовленіи пищи, въ молотьбѣ хлѣба въ жерновахъ, въ приготовленіи льна и конопли (*мужъ долженъ vybrать подъ посьвъ этихъ растеній и поспать*), въ пряденіи, тканьи и приготовленіи бѣлья, въ чистотѣ и теплотѣ хаты, въ ухаживаніи за курами, утками, поросятами и коровами». Никогда женщины въ Малороссіи «не косятъ и не ходятъ за плугомъ». Мужскою же работою, «чоловичьимъ діломъ», считается тамъ воздѣлываніе поля и т. п. ⁵⁾.

Уже на очень раннихъ ступеняхъ культуры пряжа и тканье,

¹⁾ Спенсеръ. Осн. соціол. II. Стр. 803.

²⁾ Waitz-Gerland. VI. S. 628.

³⁾ Ibidem. VI. S. 627—628.

⁴⁾ Waitz. II. S. 484.

⁵⁾ Чубинскій: Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи. Зап. Геогр. Общ. Т. II. Спб. 1869. Стр. 682.

вмѣстѣ съ земледѣліемъ, являются занятіемъ женщинъ, а на болѣе позднихъ ступеняхъ, когда земледѣліе, какъ мы видѣли уже, переходитъ въ руки мужчинъ, пряжа и тканье издѣлій для домашняго обихода весьма долго остается преимущественнымъ занятіемъ женщинъ, на-ряду съ заботами о кухнѣ и домѣ. У караибовъ, вмѣстѣ съ земледѣліемъ, пряденіе и тканье хлопчатой бумаги производилось исключительно женщинами. Въ виду того, что ткацкій станокъ состоялъ у нихъ всего изъ двухъ частей, требовалось нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы изготовить висячій коверъ ¹⁾. Точно также и у абиконовъ женщины занимались шитьемъ, пряденьемъ и тканьемъ хлопчатой бумаги ²⁾. У оманскихъ бедуиновъ распределеніе занятій между полами опредѣляется ходячей поговоркой: «женщины за веретено, мужчины за оружіе» ³⁾. У архангельскихъ лопарей женщины осенью занимаются рыболовствомъ, а зимой «прядутъ ленъ и пеньку, изъ пряжи дѣлаютъ невода и сѣти, изъ сосноваго корня вьютъ веревки, которыя употребляютъ на тетивы къ неводамъ и сѣтямъ, вяжутъ варьги и колпаки изъ овечьей шерсти, плетутъ тесьмы, пояса и кушаки, а изъ оленьихъ кожъ шьютъ платье» ⁴⁾. При тѣхъ первобытныхъ орудіяхъ, которыми лопарки пользуются для производства, работы эти отнюдь не отличаются легкостью. Это примѣнимо въ одинаковой мѣрѣ и къ предкамъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, у которыхъ, въ свою очередь, пряденье, тканье и шитье были специфически женскими работами.

Точно также и домашнія работы, ставшія повсюду наслѣственнымъ занятіемъ женщинъ, отмежеваны были для нихъ первоначально не въ виду легкости ихъ исполненія, а, напротивъ, благодаря отяготительности ихъ. Во всей Африкѣ приготовленіе пищи есть дѣло женщинъ. При этомъ всѣ путешественники указываютъ, какъ на болѣе трудную изъ работъ, производимыхъ среди африканскихъ народовъ, на превращеніе зерна въ муку съ помощью первобытныхъ ручныхъ мельничныхъ жернововъ. И эта работа совершается исключительно женщинами ⁵⁾. У древнихъ евреевъ, какъ и у другихъ культурныхъ народовъ древности, эта работа, производившаяся женщинами буквально тѣми же способами, отличалась, конечно, тѣмъ же характеромъ ⁶⁾.

¹⁾ Waitz. III. S. 475.

²⁾ Ibidem. III. S. 377.

³⁾ Klemm. VI. S. 153.

⁴⁾ Ефименко. Юрид. обычаи лопарей и т. д. Сборн. юрид. обычаевъ. I. Стр. 28.

⁵⁾ De Wette: Hebraisch-judische Archäologie. Berlin. 1864. S. 183.

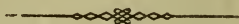
⁶⁾ Schoemann: Griechische Alterthümer. Berlin. 1863. S. 529, 530.

Мы уже привели выше въ разныхъ мѣстахъ данныя, указывающія на непосильность для женщинъ домашнихъ работъ, лежащихъ на нихъ. Какъ трудно женщинѣ справиться съ домашнимъ хозяйствомъ, наглядно изображено въ одной малоросійской пѣснѣ:

А жиночкамъ *та не ма волі:*
 У за-пичку та воркунъ ворчить,
 У колисці та дитя кричить,
 Подъ порокомъ та свиня хрючить,
 А у печі та горшокъ біжить.
 Дитя каже: «Похитай мене!»
 Свинья каже: «Погодуй мене!»
 Воркунъ каже: «Поцілуй мене!» ¹⁾.

Еслибы кто, въ противность приведеннымъ выше даннымъ, захотѣлъ утверждать, что въ народномъ міросозерцаніи трудовой принципъ имѣетъ преобладающее значеніе и играетъ важную роль при разрѣшеніи вопросовъ объ общественныхъ и имущественныхъ правахъ лицъ, то ему достаточно было бы посмотреть только на положеніе женщинъ среди некультурныхъ классовъ, чтобы разубѣдиться въ вѣрности такого положенія. Въ жизни и міровоззрѣніи, на примѣръ, русской народной массы, на-ряду съ дурными, несомнѣнно встрѣчаются и весьма хорошіе нравственные принципы, но трудовой принципъ вовсе не играетъ въ этой жизни той роли, которую ему приписываютъ, и, по изложеннымъ выше соображеніямъ, этой роли играть не можетъ.

М. Кулишеръ.

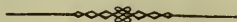
¹⁾ Чубинскій, *ibid.*, стр. 685.

* *
* *

Мифическій герой, въ порывѣ мысли смѣлой,
Задумалъ совершить неслыханное дѣло —
На крыльяхъ восковыхъ до солнца долетѣть;
Но все растаяло отъ солнечнаго жара —
И Матери-Землѣ пришлось уже узрѣть
Одинъ разбитый трупъ безумнаго Икара...
Ахъ! въ этомъ вымыслѣ прекрасной старины
Кто не признаетъ васъ, сыны родного края?
Какъ часто, доблестныхъ намѣреній полны,
Себя лишь удалью слѣпою окрыляя,
Вы достигаете геройской вышины —
И вдругъ, безсиліемъ своимъ поражены,
Безъ воли собственной, безъ почвы подъ собою,
Стремглавъ летите внизъ — съ разбитою душою!..

В. С. Лихачевъ.

ВЪ КАМЕРѢ ПРОКУРОРА

РАЗСКАЗЪ СЪ НАТУРЫ.

Старинные часы въ кабинетѣ прокурора пробили пять, густымъ—протяжнымъ боемъ; зимнее солнце давно успѣло зайти, и лампы и свѣчи освѣщали довольно тусклымъ свѣтомъ комнаты, занимаемая канцеляріей, и небольшую приѣмную съ ветхимъ диваномъ и неприглядными деревянными стульями; обычная суeta рабочаго дня камеры прокурора приходила къ концу: запечатывались конверты, пакеты сдавались сторожамъ, чиновники одинъ за другимъ убирали бумаги и книги, защелкивали столы и бюро и выходили изъ камеры, кутаясь въ самыя разнообразныя теплыя одежды, шубы, пальто и плѣды; двери тихо скрипѣли затворяясь за уходящими, пропускаая каждый разъ струю свѣжаго воздуха. Приѣмная была почти пуста, у двери стоялъ сторожъ, маленькій и плотный бѣлокурый человѣкъ, флегматически посматривая на уходящихъ чиновниковъ и подавая теплыя пальто тѣмъ изъ нихъ, которыхъ считалъ вѣроятно поважнѣе; другой сторожъ у окна свѣрялъ переданные ему пакеты съ разносной книгой; въ углу, на стулѣ, сидѣлъ сгорбившись проситель, закутанный несмотря на теплоту комнаты въ дорогую енотовую шубу, съ бархатною теплою фуражкой въ рукахъ. Лампа, висѣвшая съ потолка по серединѣ комнаты, довольно тускло освѣщала уголь, гдѣ сидѣлъ онъ, а шуба и наклонная поза просителя столько же, сколько и недостатокъ свѣта, мѣшали разсмотрѣть черты лица; виднѣлась лишь совершенно сѣдая верхушка головы, изъ-желта бѣлая сѣдая борода и длинная худая рука, какъ-то безпомощно свѣсившаяся съ колѣнъ. При каждомъ скрипѣ выходной двери проситель какъ-то

нервно вздрагивалъ, приподнимая на секунду свою опущенную голову.

Изъ кабинета прокурора раздался звонокъ, сторожъ отъ выходной двери юркнулъ въ кабинетъ и тотчасъ же вышелъ, приглашая просителя «пожаловать». Проситель всталъ, спустилъ съ плечъ шубу, и тихими, какими-то робкими, дрожащими шагами пошелъ къ двери кабинета, сторожъ распахнулъ ихъ, но прежде чѣмъ войти, проситель вынулъ изъ-за борта своего сюртука фуляровый пестрый платокъ и быстрымъ, нервнымъ движеніемъ вытеръ со лба крупныя, покрывавшія его, капли пота.

Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти или около того, средняго роста, немного сутуловатый и сгорбленный; рѣдкіе сѣдые волосы и довольно длинная, изъ-желта-бѣлая борода, окаймляли его лицо, длинное, худое, съ рѣзко обрисованными чертами, несомнѣнно указывающими на его еврейское происхожденіе; цвѣтъ лица былъ блѣдный, лобъ прорѣзанъ глубокими морщинами, руки слегка дрожали, и вся фигура старика имѣла видъ усталый и разбитый; одни глаза только, маленькіе и черные, сверкали какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ, но и то лишь по минутамъ, затѣмъ они какъ-то потухали и чуть виднѣлись изъ-подъ красноватыхъ, распухшихъ вѣкъ; длинный сюртукъ тонкаго сукна, очевидно совершенно новый и свѣжій, облекалъ тощее тѣло старика, и какъ-то безпомощно болтался на худыхъ плечахъ его; съ шеи спускалась толстая золотая цѣпочка часовъ, исчезавшая за бортомъ сюртука и перехваченная у самой шеи запонкою съ крупными брилльянтами.

Сторожъ старательно заперъ двери за вошедшимъ, и старикъ ниже поклонился по направленію къ письменному столу, за которымъ сидѣлъ прокуроръ, толстый брюнетъ, съ головою уходящею въ плечи, съ выраженіемъ усталости и недовольства на нахмуренномъ лицѣ. Прокуроръ, отвѣтивъ легкимъ наклоненіемъ головы на поклонъ старика, смотрѣлъ на него вопросительно; старикъ молчалъ, нервно сжимая фуражку своею дрожащею рукою, и шамкая беззвучно блѣдными губами, — волненіе мѣшало ему говорить. Прокуроръ хмурился; очевидно, что свиданіе это, тяжелое для старика, не было легко и для него: неловкое молчаніе продолжалось нѣсколько секундъ, его прервалъ прокуроръ.

— Вы опять, г. Абрамсенъ, вѣроятно, опять съ тою же невозможною просьбою.

— Извините, г. прокуроръ, — старикъ наконецъ справился съ своимъ волненіемъ, — извините за безпокойство, я бы не

посмѣлъ, но просить жена, знаете—мать, мы такъ много потеряли, мы всѣхъ дѣтей потеряли, и теперь такое несчастье съ послѣднимъ сыномъ, знаете, господинъ... единственный сынъ... знаете, для матери...

Голосъ старика прервался, двѣ слезы скатились на сѣдые волосы бороды.

— Вы говорили, господинъ прокуроръ, что недѣли черезъ двѣ, вѣроятно, выяснится, насколько мой сынъ виновентъ; сегодня двѣ недѣли,—старикъ сдѣлалъ движеніе, слегка вытягивая впередъ свои дрожащія руки:—извините, я знаю, много дѣлъ, мы не одни съ нашимъ дѣтищемъ, но* такой молодой, слабый и шесть недѣль уже въ крѣпости, притомъ же мать... знаете, господинъ, сердце матери... она совсѣмъ заболѣла... Старикъ вновь умолкъ, вытеръ лобъ платкомъ и стоялъ нѣсколько секундъ, очевидно ожидая отвѣта и бросая на собесѣдника тревожные взгляды.

Прокуроръ молчалъ, лобъ и брови его хмурились, какое-то чувство не то неудовольствія, не то сожалѣнія, скользило помимо его воли и усилій по широкому лицу его.

— Сынъ не уйдетъ, Богомъ клянусь, г. прокуроръ, не уйдетъ, какое угодно поручительство, все состояніе мое въ залогъ...

— Эхъ, Абрамсенъ, вы такъ говорите, какъ будто бы сынъ вашъ арестованъ по моему капризу, и содержится въ крѣпости, вслѣдствіе одной моей фантазіи.

— Помилуите, господинъ, никогда не думалъ...

— И можетъ быть выпущенъ или не выпущенъ на свободу, по одному желанію моему.

— Но, г. прокуроръ, вы сами говорили, что въ двѣ недѣли дѣло выяснится.

— Да оно и выяснилось; къ несчастію, не въ пользу сына вашего: оказывается, что онъ былъ зачинщикомъ, коноводомъ этихъ господъ...

— Не можетъ быть, господинъ, васъ обманули...

— Меня не обманывали, у вашего сына найденъ складъ прокламацій въ тюфякѣ его кровати, у него найдена касса, грошѣвая, но все же касса, собранная съ другихъ для цѣлей пропаганды.

— Господинъ прокуроръ, не можетъ быть, неправда, прокламаціи ему подбросили, злыхъ людей много, много на свѣтѣ, деньги—его, мы ему давали, мы ему никогда не отказывали въ деньгахъ, мать часто давала, баловала, знаете...

— Найдена его записка, рукопись его руки, письма; нако-

нецъ, вашъ сынъ, Абрамсенъ, самъ сознался, что въ его квартирѣ были сходки рабочихъ и другихъ лицъ, читались прокламаціи, раздавались брошюры.

— Письма, сходки... сознался, пропалъ, пропалъ, бѣдное дитя, бѣдная мать!

Абрамсенъ поблѣднѣлъ еще болѣе и зашатался, едва держась на ногахъ.

— Садитесь, Абрамсенъ,—прокуроръ быстро поднялся съ кресла и взялся за стоявшій на столѣ графинъ.—Хотите воды?

— Нѣтъ, благодарю, извините, господинъ, не могу стоять, старость, ноги болятъ.—Старикъ опустился на кресло и закрылъ лицо руками; фуражка выпала изъ рукъ его, слышались какія-то сдержанныя всхлипыванія, слезы просачивались между пальцевъ и медленно падали на колѣни.

Молчаніе продолжалось довольно долго; наконецъ, всхлипыванія прекратились, старикъ всталъ и поднялъ съ полу свою фуражку.

— Простите, г. прокуроръ, старику, простите отцу, я вижу и понимаю, что теперь вы не можете освободить моего сына изъ тюрьмы...

Абрамсенъ остановился, пытливо поглядывая на прокурора, тотъ молчалъ, и что-то радостное мелькнуло въ слезащихся еще глазахъ старика; но прокуроръ покачалъ отрицательно головою, и старикъ продолжалъ со вздохомъ:—Да, я вижу, что вы теперь не можете освободить сына, но нельзя ли будетъ хоть увидѣть его въ тюрьмѣ, на часъ, на минуту: можетъ, ему что нужно, можетъ, онъ боленъ, господинъ, на минуту только.

— Свиданіе съ сыномъ вамъ и матери его будетъ разрѣшено, равно какъ и другимъ родителямъ съ ихъ сыновьями, конечно, въ присутствіи смотрителя, я завтра сдѣлаю распоряженіе, сегодня уже поздно.

— Благодарю васъ, г. прокуроръ, я приду завтра; старикъ поклонился и направился къ двери, но онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы, все тѣло его дрожало еще отъ волненія, ноги плохо его слушались.

Прокуроръ остановилъ его:—Подождите, Абрамсенъ, садитесь, успокойтесь, кстати я хотѣлъ бы васъ расспросить кое о чемъ. Абрамсенъ сѣлъ въ кресло у самой почти двери, пугливо поглядывая на прокурора.

— Я ничего не знаю, я никогда не замѣчалъ...

— Я у васъ, конечно, не о сынѣ вашемъ буду разспрашивать; я хотѣлъ, чтобы вы разрѣшили мнѣ одинъ вопросъ, общій

вопросъ: я вотъ три года знаю васъ, но не думаю, чтобы до этого несчастнаго случая съ вашимъ сыномъ, вамъ пришлось бы вдумываться въ такіе вопросы, потому прежде я и не спрашивалъ васъ... Но прежде отдохните, успокойтесь, выпейте воды.

Прокуроръ налилъ стаканъ воды, старикъ медленно выпилъ ее и возвратилъ стаканъ съ низкимъ поклономъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло: объясните мнѣ, Абрамсенъ, почему такъ много между пропагандистами еврейской молодежи, и не бѣдняковъ, не голышей, которыхъ можно бы было заподозрить, что цѣль ихъ нажива—желаніе воспользоваться чужою копѣйкою, хоть бы изъ собираемыхъ денегъ для разныхъ кассъ и фондовъ, а сыновей людей богатыхъ, купцовъ, фабрикантовъ, вотъ хоть бы какъ вашъ сынъ; вѣдь страсть пріобрѣтенія евреевъ считается старою извѣстною истиною, а они—еврейская молодежь—сами отдаютъ на пропаганду деньги—кровь и потъ ихъ отцовъ, проповѣдуютъ противъ собственности, противъ капитала и капиталистовъ, противъ фабрикантовъ, заводчиковъ и т. д., а между всѣми этими фабрикантами, заводчиками, капиталистами, здѣсь въ особенности, евреевъ не перечесть, вѣдь все это ихъ отцы, братья, они идутъ, значить, противъ нихъ, а еще у насъ толкуютъ о томъ, что евреи такъ держатся вмѣстѣ, такъ поддерживаютъ другъ друга... Откуда же это, гдѣ причина?..

Абрамсенъ приподнялъ опущенную голову.—Причина,—началь онъ,—причина мы и вы.

— Какъ, мы и вы?

— Да, господинъ, простите, мы и вы. Вы три года знаете меня, но вы знаете купца Абрамсена, фабриканта Абрамсена, Самуила Абрамовича Абрамсена, не Шмуля Абрамсена; того Шмуля, который собиралъ свой капиталъ грошъ за грошомъ, вы не знали; а Шмуль Абрамсенъ, не Самуиль Абрамовичъ,—а Шмуль васъ пойметъ и скажетъ:—Вы правильно сказали, господинъ, деньги, которыя она бросаютъ на ихъ пропаганды,—это кровь и потъ ихъ отцевъ.—Старикъ выпрямилъ свой сгорбленный станъ, глаза его заблестали:—Кровь и потъ ихъ отцовъ,—продолжалъ онъ, постепенно возвышая голосъ, покашливая и нервно потрясая руками. Боже мой, Боже мой, чего я не перенесъ, чего не перетерпѣлъ, пока не заработалъ того, что есть у меня; сколько разъ я голодалъ, сколько мерзъ, сколько не спалъ, сколько работалъ; сколько Шмуля оскорбляли, и свои и чужіе, сколько обидъ и слезъ было, сколько неудачъ и горя; да, господинъ, вы правы, деньги наши—потъ и кровь наша; христіане говорятъ: жидъ богатъ, жидъ ростовщикъ, жидъ про-

центомъ нажился; а много ли нажилось процентомъ, а что стѣбитъ собрать деньги, чтобы имѣть, что отдавать на процентъ, а легко ли быть ростовщикомъ? Богатъ! а какимъ трудомъ досталось богатство! Жидъ любить деньги, а кто ихъ не любитъ? и жидъ долженъ любить деньги: у него нѣтъ денегъ, онъ бѣдный—онъ жидъ; есть деньги—онъ еврей; а вы знаете, господинъ прокуроръ, какая ужасная разница между жидомъ и евреемъ? Да, господинъ, правда, деньги—кровь и потъ, это правда.

— Но почему же вашъ сынъ идетъ противъ вашихъ трудовъ, вашей крови и пота?

— Простите, господинъ, я не умѣю говорить, но я именно то хотѣлъ сказать: онъ пересталъ думать и чувствовать, какъ отцы и дѣды его, а между тѣмъ не могъ выдти изъ евреевъ, не могъ перестать быть Иосифомъ, сыномъ Самуила, или Шмуля, Абрамсенемъ. Съ той минуты, какъ мой сынъ, послѣдній единственный теперь сынъ, попалъ въ тюрьму, я думалъ, я много думалъ, дни и ночи думалъ, и я вѣрно сказалъ, господинъ прокуроръ: мы, отцы, виноваты, если сыновья наши сидятъ теперь за рѣшетками. Мы вѣрили — но наша вѣра не ихъ вѣра; мы работали, но наша работа не ихъ работа, мы нажили деньги, но этотъ капиталъ, — кровь и потъ наши, да, вы правы, господинъ прокуроръ, — для нихъ тѣфу! ничего. Они не вѣрують нашею вѣрою, не молятся нашими молитвами, но и вашею вѣрою они тоже не вѣрують, вашими молитвами тоже не молятся, они никакъ не молятся и ничему не вѣрують. Мы работали съ утра до вечера, и съ вечера до утра часто думали, какъ бы заработать лишній грошъ; у нихъ эти гроши уже готовы, имъ нечего ихъ добывать, довольно протянуть руку къ намъ, а увеличивать этотъ капиталъ, прибавить, умножить, — такіе, какъ сынъ мой, — и ихъ много такихъ — и не думаютъ. Мы сдѣлались купцами, фабрикантами, заводчиками, и были довольны, что вотъ этими руками, — Абрамсенъ вытянулъ впередъ дрожащія руки свои, — до всего этого дошли, имъ этого недостаточно, этого мало. А почему все это? Вотъ почему, господинъ прокуроръ: потому что мы — отцы, нашли, что имъ нужно христіанское образованіе, нужны христіанскія школы, академіи и университеты...

— Какъ, Абрамсенъ, вы противъ школъ, противъ ученія, противъ образованія...

— Нѣтъ, господинъ, я не противъ ученія, не противъ образованія; о, наука, наука — великое добро! начало и источникъ всякаго добра; я говорю только, что когда сынъ мой вошелъ въ

гимназію, вошелъ въ университетъ, онъ сдѣлалъ первый шагъ въ ту тюрьму, въ которой онъ сидитъ теперь.

— Но почему же?

— Потому что въ гимназіи, въ университетѣ онъ отвыкъ вѣрить—вѣрою своихъ отцовъ, отвыкъ думать—мыслями своихъ отцовъ; кончилъ онъ ученіе, вернулся въ семью, оказалось, что все ему чужое, и вѣра, и обычаи, и дѣло наше, и мысли наши—и все; даже на деньги, на состояніе, на тѣ деньги, которыя даютъ еврею силу и положеніе, онъ не такъ смотритъ: они для него не то, что для насъ, и часто (какъ-бы про себя, шопотомъ добавилъ старикъ), часто ему стыдно этихъ денегъ... стыдно, ха, стыдно... Все, все было ему чужое, и хорошо если только чужое, а между тѣмъ уйти отъ этого всего онъ не могъ, уйти ему—некуда. И куда уйти? У его товарищей есть свое отечество, свой народъ, съ которымъ школа не раздѣлила его,—а у него нѣтъ; съ семьею ученіе и школа часто еще ближе соединяютъ его товарищей, а его раздѣлила; у его товарищей есть общество, въ которомъ они родились, въ которомъ жили во время ученія и будутъ жить послѣ; его, еврея, школа отдѣлила отъ общества, въ которомъ онъ жилъ, и новаго не дала ему... У его товарищей есть впереди занятія, которыми занимались отцы ихъ, или служба, или другое дѣло, у него карьеры нѣтъ служебной, занятія отцовъ не его занятія. Вы скажете мнѣ, господинъ, что теперь евреямъ даны всѣ права, и по службѣ и др. Но посмотрите сами, что вы увидите: для того чтобы еврей, не оставляя своей вѣры, не забывъ своихъ предковъ, родителей, не отрекшись отъ своего прошлаго, вошелъ бы совершенно въ ваше общество,—нужно, чтобы у него были деньги, много денегъ...

— Ну, этого сказать нельзя: сколько артистовъ, музыкантовъ, ученыхъ, писателей изъ евреевъ, живутъ и дѣйствуютъ въ обществѣ, какъ полноправные члены его...

— Да, господинъ, есть, бываетъ, но это люди съ большимъ, очень большимъ умомъ, съ большою наукою, съ большимъ талантомъ; да и тѣ, ученые, артисты, посмотрите, много ли изъ нихъ въ концѣ-концовъ не оставляютъ вѣры отцовъ своихъ, не отдѣляются отъ своихъ, они или дѣти ихъ? Ну, а другіе, прочіе, люди безъ большихъ денегъ, безъ большого таланта и учености, выйдутъ изъ школы и стоятъ между двухъ путей; къ своимъ нѣтъ возврата, къ чужимъ нѣтъ дороги; а жить нужно, а жить хочется; чтобы кушать, ему работать не нужно, мы приготовили ему кушать,—старикъ хлопнулъ ладонью руки своей по лац-

кону сюртука — жить такъ, безъ всякаго дѣла, безъ мыслей, безъ... какъ это сказать.

— Безъ стремленій?

— Нѣтъ, извините, я хотѣлъ сказать: безъ того, чтобы что-нибудь дѣлать...

— Безъ цѣлей?

— Да, безъ цѣлей, онъ не можетъ, онъ молодой, кровь его какъ огонь, онъ умный, въ головѣ мысли какъ вихрь, онъ ученый, очень часто умнѣе и ученѣе своихъ христіанскихъ товарищей... Не смѣйтесь, господинъ, я не въ обиду вамъ...

— Да я и не обижаюсь...

— Не въ обиду, но сами посмотрите: о, наши молодые люди, наши дѣти—старикъ съ замѣтною гордостью выпрямилъ свою сѣдую голову, — Богъ не оставилъ ихъ умомъ, и они умѣютъ учиться; и онъ ищетъ, что дѣлать ему, головою ищетъ и сердцемъ ищетъ, и сердцу этому обидно, что онъ между всѣми какъ чужой, и между своими, и между христіанами. Отъ своей обиды — мысли какъ вихрь, я сказалъ уже господинъ — онъ мыслями переходитъ къ обидѣ другихъ, отъ обиды такихъ же, какъ онъ, къ обидѣ всѣхъ тѣхъ, кто считаетъ себя обиженнымъ на этой землѣ; и вотъ ему кажется, что онъ долженъ стараться исправить обиды эти; встать и за себя, и за обиженныхъ изъ своихъ, и за всѣхъ обиженныхъ. Но не одному же идти, не одному же бороться, къ кому же идти мысли раздѣлить, съ кѣмъ работать: съ кѣмъ жить? Я сказалъ, господинъ прокуроръ, къ своимъ нѣтъ возврата, къ вашимъ нѣтъ дороги, и идти онъ къ тѣмъ, къ нимъ...

— Къ кому это — къ нимъ?

— А вотъ къ тѣмъ, которые съ сыномъ сидятъ за рѣшетками, какъ вы зовете ихъ, къ социалистамъ...

Старикъ опустилъ голову на руки, плечи его слегка вздрагивали, нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Первый заговорилъ прокуроръ:

— Позвольте, Абрамсенъ, послѣднее едва ли справедливо; и точно: возьмемъ хоть вашего сына, не онъ къ нимъ пошелъ, а онъ ихъ къ себѣ привлекалъ, онъ былъ коноводомъ между ними, онъ стоялъ во главѣ этого кружка.

Горделивое выраженіе вновь мелькнуло на лицѣ Абрамсена.

— Да, когда онъ пошелъ въ нихъ, то сталъ во главѣ ихъ, потому онъ умнѣе, ученѣе, у него деньги, средства... у него...—старикъ вдругъ остановился на полусловѣ, глаза его безпокойно забѣгали...—Извините, господинъ прокуроръ, это вы говорили, что

сынъ мой во главѣ, я этого не знаю и не думаю, я вообще говорилъ.

— Я такъ и понимаю, Абрамсенъ, и мы говоримъ не о сынѣ вашемъ собственно, а вообще объ еврейской молодежи; итакъ, вы говорите, что они умны, образованы, у нихъ деньги...

— А потому они и не могутъ не стоять во главѣ...

— Но почему же они, ваша молодежь, идутъ именно къ социалистамъ?

— Почему? а потому, что тамъ они у себя; если что имъ мѣшаетъ жить, какъ ихъ христіанскіе товарищи, быть въ обществѣ, и вездѣ, и во всемъ, на правахъ христіанъ, такъ это то, что они евреи—а у социалистовъ: еврей, русскій, полякъ, нѣмецъ—все равно; они считаются Моисеевой религіи—а у социалистовъ все равно: у нихъ нѣтъ религіи, значить, и еврейство, и Моисеевъ законъ—все это не мѣшаетъ тамъ дѣлать нашимъ; а у нихъ умъ, они ученые, у нихъ деньги, и они не только тамъ равны другимъ, они впереди другихъ, они больше не гонимые, не такіе, которыхъ чуждаются, или только терпятъ, въ нихъ ищутъ, ихъ любятъ, они первые... Господинъ, господинъ, возьмите все это вмѣстѣ, прибавьте молодость ихъ, и вы поймете, почему они идутъ къ социалистамъ.

Прокуроръ недовѣрчиво качалъ головой.

— Ну, положимъ,—началъ онъ,—воспитаніе, которое вы даете дѣтямъ вашимъ, способствуетъ тому, чтобы они отдѣлялись отъ среды отцовъ; не попавши въ другую среду, дѣти ваши легче попадаютъ на ложный путь, но при чемъ же здѣсь «мы»? Вы сказали въ началѣ нашего разговора, что виноваты «вы и мы»?

— Господинъ, я не такъ сказалъ, или не то хотѣлъ сказать, не виноваты, а причиную—мы и вы?

— Положимъ, причиную; но какимъ же образомъ «мы».

— Господинъ прокуроръ! посмотрите кругомъ, рассмотрите хорошенько не одну поверхность, а посмотрите туда, внутрь, въ глубину, что вы увидите. Говорятъ, евреямъ даны права, по имуществу, по торговлѣ; для молодыхъ людей, кончившихъ университеты, по службѣ...

— А развѣ все это не огромныя права, Абрамсенъ, вспомните прежнее время; вы человѣкъ старый и помните далекія времена,—вспомните, что было тому 50 лѣтъ и теперь, и отвѣйте тогда, развѣ и по имуществу, и по торговлѣ, и въ судѣ, и передъ судомъ, и въ кругу служебномъ и т. д. евреи не получили огромныхъ правъ...

— Огромныя, господинъ прокуроръ, конечно, огромныя, бла-

гослови Господь тѣхъ, которые вспомнили, что мы люди и старались сравнить насъ съ другими людьми. — Старикъ на минуту поднялъ вверхъ дрожащія руки свои: — Кто же не сознаетъ это, старики помнятъ иныя, тяжкія времена, они сами видѣли ихъ, сами вынесли ихъ, молодые могутъ изъ книгъ прочесть и отъ стариковъ услышать объ этихъ временахъ... памятни они намъ...

— И въ благодарность правительству, которому обязаны еврей тѣмъ, что эти тяжкія времена миновались, ваша молодежь идетъ противъ этого же правительства...

— Эхъ, господинъ, я сказалъ, кто же не сознаетъ, что данныя намъ теперь права огромныя, въ сравненіи съ тѣми, что прежде было, но чувствуютъ и могутъ чувствовать это, оцѣниваютъ и дѣйствительно могутъ оцѣнить только мы, старики.

— Я не вполне понимаю васъ...

— Это просто, господинъ: они, наши дѣти, особенно дѣти родителей достаточныхъ, они этихъ временъ не видѣли, тяжести ихъ не несли на плечахъ своихъ, они слышали о нихъ, читали о нихъ, а какое слово, какая книга можетъ сытаго заставить чувствовать голодь, о которомъ пишутъ и говорятъ ему, въ теплой комнатѣ мерзнуть, здоровому человѣку ощущать боль? Мы, старики, видѣвшіе собственными глазами, перетерпѣвшіе на себѣ самихъ, мы можемъ сравнивать теперешнія права съ прежними, не понимать только, а чувствовать разницу, не сознать только умомъ, а дѣйствительно цѣнить эту разницу того, что было и что есть и благодарить Бога и правительство. Они же, дѣти наши, могутъ только понимать разницу теперешняго положенія евреевъ съ прежнимъ, чувствовать же могутъ они только разницу ихъ положенія съ положеніемъ христіанской молодежи, ихъ же товарищей изъ одной школы, съ одной скамьи. Вы говорите, господинъ прокуроръ, чѣмъ же вы причину? А тѣмъ, что вы сдѣлали все, чтобы отворить настежь дѣтямъ нашимъ выходъ изъ нашего круга, круга еврейскаго, и только чуть-чуть отворили дверь къ себѣ, такъ мало, такъ мало, что только съ большимъ капиталомъ или съ большою ученостью и талантомъ еврей, не оставивъ вѣры праотцевъ своихъ, можетъ пройти въ эту щель, да и то... — Абрамсенъ махнулъ рукою, нѣсколько секундъ покачивая своею головою...

— Даны права, многія права; но, господинъ, посмотрите, что выходитъ изъ правъ этихъ: еврей, кончившіе курсъ университетовъ, съ дипломомъ могутъ поступать на службу, имъ даны всѣ права, но много ли, господинъ, офицеровъ изъ некрещенныхъ евреевъ; скажете вы: у евреевъ нѣтъ храбрости,

нѣтъ военныхъ талантовъ; но почему же? я покажу вамъ между евреями храбрыхъ солдатъ, и дѣтей окрестившихся евреевъ офицерами, полковниками и больше? развѣ имъ храбрость на войнѣ дала христіанская религія? вѣдь христіане же говорятъ, что ихъ религія—религія любви и мира, и христіане же говорятъ, что Моисеевъ законъ гласитъ: око за око и зубъ за зубъ; вѣдь съ Моисеевымъ закономъ цари іудейскіе брали города и покоряли царства? Покажите мнѣ, господинъ, важнаго чиновника изъ некрещенныхъ евреевъ?—неспособны, невѣжи, господинъ? Вы сами знаете, что у насъ есть и способные люди, и люди умные, и я вамъ десятки важныхъ чиновниковъ и сановниковъ покажу изъ дѣтей окрестившихся евреевъ. Права гражданскія! но развѣ мой сынъ можетъ жениться на вашей дочери, моя дочь можетъ выдти за вашего сына, не перемѣнивъ религіи?..

— Такъ вы думаете, что законъ или правительство...

— Нѣтъ, господинъ—поспѣшно перебилъ Абрамсенъ, какъ-то недовѣрчиво поглядывая на собесѣдника,—я не говорю о законѣ, я не говорю о правительствѣ... знаю, что оно для насъ сдѣлало! Если бы даже законъ дозволилъ такія женитьбы, развѣ общество хорошо бы смотрѣло на нихъ? Развѣ гг. офицеры допустили бы охотно въ свой кругъ офицера Моисеева закона? Развѣ на перекрещеннаго еврея все-таки не указываютъ пальцемъ, и товарищи по службѣ, и въ обществѣ, и вездѣ? развѣ за него охотно выдадутъ дочь, женятся на его дочери? Слово «еврей» пока еще пятно; чтобы сколько-нибудь стереть его, нужно или большой талантъ, большое знаніе или большія деньги. А пока слово «еврей» будетъ пятномъ, до тѣхъ поръ наши дѣти, тѣ, которыя со школою потеряли свое еврейство, будутъ идти въ социалисты, нигилисты, не знаю, какъ тамъ ихъ называютъ.

Послѣдовало нѣсколько секундъ молчанія.

— Молодежь,—вездѣ молодежь, съ пути легко сбиться съ вашей и нашей молодежи, но чтобы сбиться съ дороги вашей молодежи, нужно ей сдѣлать два шага въ сторону, а нашей всего одинъ шагъ, другой шагъ за нее сдѣлала уже ихъ судьба, создавъ ихъ евреями.

— Что вы понимаете подъ двумя шагами?

— А это просто, господинъ прокуроръ: чтобы сдѣлаться социалистомъ, нигилистомъ,—кажется, такъ вы ихъ называете?—нужно перестать быть русскимъ, нѣмцемъ, полякомъ, нужно забыть свой народъ и свою родину, нужно полюбить больше міръ, чѣмъ свою землю, всѣхъ людей, чѣмъ свой народъ, нужно, чтобы инте-

ресы чужого рабочаго были дороже интересовъ своего купца, своего землевладѣльца, фабриканта... А свой народъ, своя родина—не пустыя слова, это не легко...

Прокуроръ пожалъ плечами:—Въ нашъ вѣкъ, у нашей молодежи...

— Не говорите, господинъ,—да и въ нашъ вѣкъ и у нашей молодежи: молодежь много болтаетъ, пустого болтаетъ, а когда дойдетъ до дѣла... Вспомните, господинъ прокуроръ, хоть послѣднюю войну, какъ эта же молодежь жертвовала, чѣмъ могла, какъ она бѣжала умирать въ Турцію; развѣ во время войны Франціи съ нѣмцами, эта молодежь бѣжала въ Парижъ или въ Берлинъ умирать за Германію или Францію? Не бѣжала. Вотъ у васъ на часахъ, господинъ, виситъ камешекъ, не драгоценный камень, я отсюда вижу, хотя старикъ, но глаза далеко видятъ, особенно драгоценные камни—старикъ засмѣялся сухимъ смѣхомъ и закашлялся—пустой камешекъ, не дорогой и не красивый, а я его вижу на васъ съ тѣхъ поръ, какъ знаю васъ, года три, и предложу вамъ за него хорошую цѣну, десять разъ больше, чѣмъ онъ стоитъ, вы не отдадите?

— Не отдамъ, но какое же отношеніе этого камня къ народу и родинѣ?

— А вотъ; вы не отдадите его, потому что онъ память, потому что вы къ нему привыкли... можетъ, пять, шесть, десять лѣтъ... А родина—это привычка съ рожденія, это память не только цѣлой вашей жизни, но память жизни отца, дѣда, прадѣда; съ нею все связано, вашъ умъ, душа, сердце, ваши интересы; народъ—это тѣ люди, чей языкъ вы слышали съ дѣтства и чѣмъ языкомъ вы говорите, тѣ, съ которыми вы жили, и жизнь которыхъ сдѣлалась вашею жизнью. Не только отецъ и мать учили васъ любить свою родину, свой народъ, васъ учила этому школа, вамъ читали объ этомъ профессоры, вы читали это въ вашихъ книгахъ. И все это забыть развѣ легко? Идея, мысли,—сила великая, но и ей трудно поборотъ привычку цѣлой жизни, привязанность, которую всосали съ молокомъ матери, и которую поддерживаетъ и школа, и книги, память цѣлыхъ столѣтій!—и заставить—охъ, трудно заставить!—себя забыть и свой народъ и свою родину,—а это первый шагъ... Для еврея, вышедшаго изъ вашего христіанскаго университета, этого шага дѣлать не нужно—онъ уже сдѣланъ. У него нѣтъ народа; кто его народъ? Эти оборванные, бѣдные толпы евреевъ, цѣлый день работающіе, чтобы добыть себѣ хлѣбъ,—съ ними у него нѣтъ ничего общаго, эти наживающіеся мелкіе торговцы, подрядчики, мелкіе заводчики,

и фабриканты и ростовщики. Съ этими у него еще меньше общаго, о первыхъ, бѣдныхъ евреяхъ онъ сожалѣть,—этихъ онъ или презираетъ, или пренебрегаетъ ихъ стремленіями къ рублю, къ капиталу. Разбогатѣвшіе евреи,—да большая часть этихъ сами стараются забыть и другихъ заставить забыть, что они были евреями? Такіе же, какъ онъ, образованные евреи? Да много-ли ихъ, 1,000, 5, 10, 20 тысячъ? Это толпа, а не народъ. А родина, гдѣ у евреевъ родина? Онъ живетъ въ Россіи, во Франціи, въ Германіи, но не у себя на родинѣ; сегодня онъ здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ, куда его зовутъ его дѣла денежныя, имущественныя; онъ говоритъ другимъ языкомъ, чѣмъ тѣ, между которыми онъ живетъ, у него другая вѣра, у него нѣтъ ихъ воспоминаній, ихъ предковъ, ихъ исторіи; на него смотрятъ, какъ на чужого... гдѣ же его родина? И вотъ еврейской образованной молодежи не приходится забывать ни родины, ни народа, чтобы сдѣлать первый шагъ въ сторону, какъ вашимъ, и какой шагъ,—такой, котораго большая половина вашихъ, захоти, не перешагнетъ.

— Но что же нужно, чтобы вывести вашу молодежь изъ этого положенія, не іудейское же царство въ самомъ дѣлѣ возобновить въ Палестинѣ, гдѣ вы и не помѣстились бы, и не были бы въ состояніи прожить—если бы какъ-нибудь чудомъ васъ даже всѣхъ перенесли бы туда.

— Зачѣмъ Палестина? Прошлаго не воротишь; я не ученый, но думаю, что какъ два раза то же самое не повторяется въ жизни человѣка, такъ два раза то же самое не повторится и въ жизни у народа. Палестина—это наше драгоцѣнное прошлое, это слава наша, это Іерусалимъ и храмъ Соломона, это торжественныя пѣсни наши и плачъ нашъ... но землю обѣтованную Палестина больше для насъ не будетъ; для Бога, конечно, все возможно... А теперь, теперь не въ Палестинѣ, а въ иномъ мѣстѣ должны евреи искать себѣ родину.

— Гдѣ же это, въ какомъ мѣстѣ?

— Здѣсь—отвѣчалъ старикъ, протягивая передъ собою руку свою, здѣсь на мѣстѣ, гдѣ они живутъ, въ Россіи, Германіи, Англіи. Когда 17-тъ лѣтъ тому назадъ, знаете—во время революціи въ Польшѣ—послѣднія слова Абрамсенъ произнесъ какимъ-то тихимъ голосомъ, полушопотомъ, точно сообщалъ секретъ—евреи дружились съ поляками и называли себя сами и ихъ называли въ Польшѣ «поляками Моисеева закона», многіе русскіе смѣялись, издѣвались и надъ этимъ названіемъ, и надъ поляками, а это было напрасно: это слово было умное, мудрое слово. Повѣрьте, господинъ прокуроръ, пока дѣти наши не сдѣлаются рус-

скими, поляками, нѣмцами Моисеева закона, пока между нашею и вашею молодежью останется та же пропасть, и она будетъ безъ народа, безъ родины, безъ вѣры, какою-то толпою, не представшею къ вамъ и отставшею отъ своихъ—до тѣхъ поръ, господинъ прокуроръ, ей останется широко отворенная дверь всюду...

— Но для этого что-же нужно?..

— Господинъ прокуроръ! Развѣ мнѣ, Абрамсену, вчерашнему Шмулю Абрамсену, рѣшать такіе важные вопросы, для этого есть сенаторы и министры, для этого совѣты и управленія, они пусть думаютъ и рѣшаютъ.—Какая-то не то недовѣрчивая, не то ироническая усмѣшка промелькнула на блѣдномъ лицѣ старика.—А если они не рѣшатъ, то...

— То?—переспросилъ прокуроръ...

— То рѣшить время, великій учитель, великій рѣшитель дѣлъ человѣческихъ, но учитель страшный...

Абрамсенъ замолчалъ, понутивъ свою сѣдую голову. Прокуроръ задумчиво глядѣлъ на него, хмурия брови и машинально барабанилъ пальцами по доскѣ стола.

Часы начали бить и пробили шесть часовъ.

Старикъ вздрогнулъ, и какъ будто вдругъ очнувшись, торопливо схватилъ свалившійся на полъ картузъ, вытеръ платкомъ со лба капли пота и поднялся со стула.

— Простите, господинъ прокуроръ, если я сказалъ что-нибудь лишнее—я, конечно...

— Помилуйте, напротивъ,—я очень вамъ благодаренъ за все вами сказанное. Прощайте...

— Такъ насчетъ сына,—произнесъ старикъ, вновь дрогнувшимъ голосомъ.

— Завтра въ 11 часовъ утра. Вы получите въ камерѣ разрѣшеніе на свиданіе съ нимъ.

Старикъ низко поклонился и медленно направился къ двери, у дверей онъ отвѣсилъ еще одинъ поклонъ и вышелъ въ пріемную; въ пріемной былъ только одинъ маленькій бѣлокурый столяръ, полу-дремавшій на стулѣ въ углу. Съ помощью сторожа Абрамсенъ облекся въ шубу, постоялъ нѣсколько секундъ передъ выходною дверью, что-то шамкая губами и перебирая руками картузъ, и наконецъ медленно вышелъ, какъ-то уныло покачивая своею сѣдою головою.

Изъ-за дверей кабинета прокурора раздавались звуки медленныхъ и тяжелыхъ шаговъ.

Н. Т.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

РОДИНѢ.

Ты въ старое, грязное платье
Лохмотья роскошныя вшила
И, ихъ ослѣпленная блескомъ,
Съ улыбкой себя нарядила.

Въ собранье блестящее, пышной
Облекшись обновкой,
Вошла ты, какъ думала, свѣтски
И гордо, и ловко.

Ты думала—зависть пробудишь
Своимъ драгоцѣннымъ нарядомъ—
И видѣла вокругъ, удивляясь,
Насмѣшкою полные взгляды.

При свѣтѣ и блескѣ, заплаты
Горѣли такъ ярко
И такъ выдѣлялись комично
На рубищѣ грязномъ и жалкомъ.

2.

Небо закутано въ тучи свинцовыя,
Въ траурѣ небо... вокругъ тучи однѣ...
Точно рыданья удары громовые
Глухо звучать въ тишинѣ.

Крупными каплями слезы холодныя
Гладь водяную рѣки бороздятъ,
Падаютъ дружно на нивы безплодныя,
Дружно на землю летятъ...

Иль и туда нищеты и страданія
Вопли несчастныхъ людей донеслись —
И изъ небесныхъ очей состраданія
Слезы тогда пролились?

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

Стоить на утесѣ скалистомъ
Высокая, мощная ель—
И снѣгомъ, какъ бѣлою ризой,
Ее нарядила мятель.

И снится ей стройная пальма:
На югѣ, въ пустынь одна,
Измучена зноемъ палящимъ,
Тоскливо склонилась она...

II.

Высоко на небѣ лазурномъ
Несчетныя звѣзды стоятъ,
И съ страстной тоской другъ на друга
Ужъ тысячелѣтя глядятъ...

Онѣ говорятъ межъ собою,
И смыслъ чудныхъ словъ ихъ глубокъ,
И въ тайну рѣчей ихъ проникнуть
Не могъ ни одинъ филологъ.

А я изучилъ эти рѣчи,—
Давно понимать я ихъ сталъ:
Я въ глазахъ моей ненаглядной
Чудесный словарь отыскалъ.

III.

Пыльные локоны, банты,
 Полуслинявшія ленты,
 Полузабытыя письма,
 Вялыя розы, фіалки,—
 Этихъ свидѣтелей счастья,
 Этихъ виновниковъ муки,
 Грустно кидаю я въ пламя,
 Въ жаркое пламя камина.

Жадный огонь поглощаетъ
 Въ страстной любви увѣренья,
 Лживыя клятвы, обѣты
 Въ вѣрности мнѣ до могилы.

Грустно смотрю я на пламя...
 Искорки только лишь тлѣютъ...
 Пепелъ остался... Прощайте!
 Время и мнѣ на покой!..

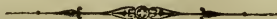
IV.

Жилъ въ былые годы царь-старикъ угрюмый
 Съ каменной душою, съ головой сѣдой,
 И женился царь тотъ на царевнѣ,
 На красѣ-царевнѣ молодой...

Молодой, кудрявый, пылкій, синеглазый,
 Пажъ-красавецъ русый у царицы былъ;
 И повсюду шлейфъ ея порфиры
 Бѣлокурый юноша носилъ.

Знаешь-ли ты пѣсню?—въ ней тоски такъ много,
 Такъ она печально, сладко такъ звучить:
 Полюбили оба они страстно—
 Смерть обоихъ скоро разлучить...

М. Р.

НА ИНДІЮ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

„Брать тебѣ въ хивинскому хану и въ Индію
въ Моголу... Для сего дать четыре тысячи
солдатъ, судовъ и казаковъ. Все то сдѣлать...
а въ газардѣ не входить.“

Приказъ Петра I-ю Бекевичу.

ЧАСТЬ I.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

[1717 г.]

I.

Парижскіе гардемарины.

Въ числѣ молодыхъ русскихъ людей, изучавшихъ въ началѣ XVIII вѣка морское дѣло въ Парижѣ, были, между прочими, москвичи, Текутьевъ и Касаткинъ, и сынъ зажиточнаго астраханскаго дворянина Юровъ.

Они жили дружно и обучались не безъ успѣха, хотя, вырвавшись на волю, веселились во всю молодую душу, мотая послѣдній рубль и входя въ долги по уши.

Въ исходѣ 1716 года, эту колонію заморскихъ учениковъ смутила неожиданная вѣсть, что государь Петръ, затѣвая походъ на Индію, намѣренъ скорѣ посѣтить Голландію, а, быть можетъ, пріѣхать и въ Парижъ, гдѣ предполагаетъ сдѣлать гардемариномъ испытаніе въ наукахъ и смотрѣ.

Парижскимъ агентомъ царя въ то время состоялъ сынъ его

старого учителя «всешутѣйшаго князь-папы» Никиты Моисеевича Зотова, Кононъ Никитичъ.

Онъ былъ посланъ за море, десять лѣтъ назадъ, а именно въ 1706 году, въ числѣ двухсотъ другихъ, взрослыхъ и въ большинствѣ женатыхъ, волонтеровъ-недорослей, для «доброхотнаго и съ понужденіемъ» изученія «солдатскаго артикула, кумпаса, метанія бомбъ, морскаго хожденія и рисованія мачтаповъ и картъ». Комнатные спальники, боярскіе дѣти и провинціальныя дворяне, проходя заморскую науку, сперва именовались навигаторами, потомъ получили названіе гардемариновъ. Кононъ Зотовъ, ранѣе окончивъ ученіе, успѣлъ побывать въ Англіи, Португаліи и Цареградѣ. Послѣ его производства въ лейтенанты, всешутѣйшій «Магнусъ Наклевѣанги», его отецъ, хотѣлъ оставить сына въ Россіи, гдѣ располагалъ его женить.

Чужіе вольные края, однако, не на шутку плѣнили сына князь-папы. Родина и предстоявшая семейная жизнь, съ служебными занятіями въ новой петербургской гавани, показались ему скучны. Онъ сталъ вторично проситься за море, чѣмъ весьма огорчилъ отца, но за то отмѣнно обрадовалъ царя.

Конона снабдили наставленіями, и онъ былъ снова посланъ во Францію, гдѣ ему поручили надзоръ за новобранцами, проходившими науку въ морскихъ школахъ Людовика XIV-го, въ Парижѣ, а также въ Марсели, Брестѣ и Тулонѣ.

Впечатлительный, живой, добродушный и легкомысленный Кононъ Зотовъ усердно взялся за выполненіе различныхъ порученій неугомоннаго непосѣды-царя. Онъ подробно съ 1710 по 1716 г. ему доносилъ, черезъ кабинетъ секретарей и въ откровенныхъ, личныхъ посланіяхъ, объ успѣхахъ и поведеніи ввѣренныхъ ему гардемариновъ; приговаривалъ на русскую службу подходящихъ, добрыхъ ремесленниковъ, матросовъ и прочихъ, нарочито-опытныхъ французовъ; давалъ государю совѣты по части торговли юфтью, воскомъ и паюсной икрой; прискивалъ ему въ теплицы пробковыя и лавровыя деревья, не выше двухъ футовъ ростомъ; переводилъ на славянскій штиль, «за ихъ штилемъ не гоняясь», техническія «нужныя ко флоту» книги; покупалъ и отсылалъ въ Петербургъ канаты, якоря, лечебныя снадобья, подростковъ-крокодиловъ, попугаевъ, обезьянъ и прочія диковинки заморскихъ краевъ.

Кононъ хлопоталъ и о дальнѣйшей присылкѣ за море лучшихъ недорослей-латинистовъ и математиковъ — какъ онъ выражался — «изъ средней статьи людей» — «не изъ подлыхъ, ниже

изъ породныхъ» — «для того, что вездѣ породные презирають труды».

Донесенія Зотова о порученныхъ ему гардемаринахъ радовали царя. Ученики, по словамъ блюстителя, успѣшно проходили навигацію, пушкарное и ружейное мастерство, учились астрономіи, ѣздѣ на лошадяхъ, танцованію, знанію приличій, биться на шпагахъ и рисовать.

Одно огорчало Зотова: скудость въ деньгахъ на содержаніе учениковъ.

Зная расчетливость скупого на мелочи жизни царя, Кононъ, еще съ 1712 года, осторожно, обиняками, «для сбереженія репутаціи россійскихъ знатныхъ сыновъ», сталъ увѣдомлять государя, что «признаваемые всею Европою за добрыхъ кавалеровъ» ученики терпятъ непосильную нужду, вдаются въ большіе, неоплатные долги, а черезъ то ихъ не токмо тягаютъ въ полицейскія расправы и по судамъ, но даже заключаютъ, до уплаты долга, въ тюрьму. «Займодавцы—прежестокій и гнусный народъ» — писалъ Зотовъ изъ Парижа: «тѣснять учащихся, штрафуютъ и отнимаютъ у нихъ шпаги». — «Умилосердись, надёжа-государь; вонми нуждишкамъ твоихъ ребятъ. Зѣло скупятся твои министры, да на добро-ль? Молодежь она хорошая, иногда грѣхомъ и пошалить. Казна хоть и не моего ума дѣло,—да какъ умолчу?»

Царя однако трудно было провести. Онъ угадывалъ главную причину «скудостей» въ обиходѣ заморскихъ учениковъ. Ему было вѣдомо, что нѣкоторымъ изъ нихъ богатые отцы и матери слали тайныя, щедрыя пособія, въ-добавокъ къ содержанію отъ казны.

«Балуются господа, твои гардемарины» — отвѣчалъ царь Зотову: «плохо смотришь за ними. Чай, Ивашкѣ Хмѣльницкому, сирѣчь, по вашему, по заморски, богу Бахусу, весьма усердно служатъ, да и Вѣнусь, прекрасная богиня, знать, не безъ частыхъ и обильныхъ жертвъ»... «Пріѣду, увижу; экзаментомъ вѣдь не пошучу. Гляди на обученнаго Бековича—гдѣ онъ ни полезень? и на Кубани, и за Каспіемъ, и объ Индіи предлагаетъ... А мы объ Индіи зѣло помышляемъ!»

Зотовъ задумался объ Индіи: «и въ прямъ царь снаряжаетъ туда походъ... отрядить, пожалуй, и его, съ учениками».

«Не гиппокритскимъ языкомъ, истинно говорю» — написалъ Кононъ государю, спустя нѣкоторое время: «лучше перебить подростковъ, что поросять, а не оставлять въ гладѣ и хладѣ. Прости, что такъ открыто и просто написано. А что до Бахуса

и до прелестныя Вѣнуса, то вашему величеству перенесено не вѣрно и черезъ край, въ чемъ животоу ручаюсь,—отъ вѣрнаго сердца писавый,—Зотовъ».

Царь отвѣтилъ: «Ой, насъвозъ вижу, Кононъ, тебя и твоихъ шатуновъ. Мало вразумляешь и коришь, оттого и долги. Нужная вамъ казна,—тысяча ефимки,—довышлется черезъ банкира, сѣи-жъ дни; а пробѣлы въ муштрѣ и добромъ поведеніи шкеларовъ, какъ повидимся, Кононъ, допишу—только не на бумагѣ...»

Денежная помощь подросткамъ была выслана. Петръ придумалъ и особую мѣру.

Осенью 1713 года, онъ далъ указъ сенату, черезъ князя Якова Долгорукова: «Ко обрѣтающимся въ обученіи за моремъ гардемаринамъ, кои на родинѣ были женаты, безотложно послать изъ Россіи ихъ женъ».

При этомъ государь посовѣтовалъ и родичу Зотова, отцу гардемарина Текутьева, препроводить къ сыну невѣстку въ Парижъ.—«Твой молодожѣнъ хотъ и безъ мутьянства» — сказалъ царь при этомъ Текутьеву: «но хозяйка во всякомъ разѣ дастъ порядокъ какъ домашнему праву, такъ и статскимъ дѣламъ».

Была, впрочемъ, и другая причина отсылки въ Парижъ жены гардемарина Текутьева.

Въ подмосковной его отца проживала, воспитанная съ его женой и съ ея младшею сестрой, сирота, именемъ Дуня.

Дунѣ въ то время, когда состоялся названный царскій указъ сенату, было около пятнадцати лѣтъ. Ея происхожденіе хранилось отъ всѣхъ въ тайнѣ. Называли ее просто Дуняша-сирота. Но всѣ знали, что въ ея судьбѣ принималъ особое участіе самъ царь.

Сперва дѣвочка жила въ семьѣ одного иностраннаго ремесленника въ Москвѣ, на Нѣмецкой слободѣ; потомъ состояла при комнатахъ пріятельницъ царскаго любимца Меншикова, дѣвицъ Дашки да Варьки Арсеньевыхъ, гдѣ пользовалась расположеніемъ и ихъ тогдашней сожительницы, Екатерины Трубачевой, впоследствии супруги государя, императрицы Екатерины Первой. Послѣ брака Меншикова съ Дарьей Арсеньевой, сироту держали въ хоромахъ Данилыча. А когда дворъ окончательно переѣхалъ въ Петербургъ, подроставшую Дуню помѣстили въ московскомъ домѣ, потомъ въ подмосковной Текутьевыхъ, куда къ ней приставили, для обученія грамотѣ и шитью, заѣзжую иноземку-няню.

Московскія сплетницы передавали за вѣрное, что Дуня—дочь Меншикова, прижитая Данилычемъ, до его брака съ Дарьей

Арсеньевой. Другіе толковали, что она духовнаго происхожденія, чуть ли не дочь знаменитаго церковнаго витія, архіепископа Стефана Яворскаго и жены какого-то польскаго магната. Третьи шли еще далѣе: съ оглядкой и шопотомъ, сообщали, что рожденіе Дуни совпадаетъ съ однимъ изъ амурныхъ похожденій въ Нѣмецкой слободѣ самого Петра, что она тайная дочь царя.

Одинъ Петръ зналъ истинное происхожденіе Дуни и, по особой причинѣ, держалъ это въ секретѣ отъ всѣхъ, кромѣ двухъ-трехъ ближайшихъ слугъ, въ томъ числѣ Меншикова. Черезъ нихъ онъ слѣдилъ за сиротой, руководилъ ея воспитаніемъ и, какъ знали Данилычъ и старикъ Зотовъ, держалъ на ея имя, гдѣ-то въ иностранномъ банкѣ, не малую сумму денегъ, собранную изъ сбереженій, не рѣдко скудной, собственной своей казны.

Дуня въ дѣтствѣ часто видѣла Петра у Арсеньевыхъ и у Меншикова. Государь бралъ на колѣни рѣзвую, коротко-стриженную, веселую дѣвочку, щекоталъ ее, пощипывалъ за круглыя, румяныя щечки и любилъ съ нею шутить.

— А гдѣ стрижка-бѣдокуръ? — говорилъ Петръ, неожиданно являясь въ привѣтныхъ Арсеньевскихъ свѣтлицахъ, въ концѣ Нѣмецкой слободы: — позвать стрекозу.

Бѣлокурая, рѣзвая дѣвочка вбѣгала съ улицы, въ перемаранныхъ башмакахъ, или съ огорода, въ сѣнной трухѣ и въ репейникахъ на головѣ.

— Экъ, убралась! — смѣялся государь: — а ну, сказеу про Сашку, или про бѣлаго бычка?

Быстроглазая дѣвочка, раскачиваясь на его огромныхъ ботфортахъ, начинала, пришепѣтывая: «Былъ человекъ Сашка, на спинѣ драная рубашка»...

Всѣ хохотали, смѣялся и государь.

Долго помнила Дуня черные, для другихъ грозные, для нея ласковые глаза Петра, острый запахъ табаку кнастера изъ его смѣющихся, грубоватыхъ губъ, и въ трудахъ небритый, жесткій его подбородокъ, натиравшій крупныя пятна на ея щекахъ и ушахъ.

Жившая при Дунѣ въ Мячковѣ иноземка-няня была, до присылки къ Текутьевымъ, въ числѣ мастерицъ, по части заморскихъ модъ, государевой сестры Натальи. Землячка царскаго друга, женевца Лефорта, она обучала питомицу, кромѣ грамоты и шитья, своему родному французскому, а отчасти и нѣмецкому языку. На высоко-взбитые, золотистые, въ пудрѣ, волосы и красное, съ хвостомъ, платьѣ Дунашиной няни заглядывались въ околоткѣ, какъ на нѣкое диво. «Жаръ-птица ле-

титъ!» — говорили о ней крестьяне, когда няня и ея питомица, съ лукошками, книжкой и зонтикомъ, отправлялись въ лѣсъ, на прохладѣ, почитать и поискать грибовъ.

И въ то время, когда окрестныя, коломенскія и каширскія боярышни коротали скучные досуги, слушая рассказы мамушекъ и нянюшекъ о навожденіяхъ злого духа или о пустынномъ житіи святыхъ, иноземка-няня учила Дуню игръ на лютнѣ, романсу о рыцарѣ Роландѣ и дамѣ его сердца Розѣ, и ломаннымъ русскимъ языкомъ рассказывала ей о голубыхъ горахъ и озёрахъ Швейцаріи и о веселой чудной Франціи, гдѣ учительница провела дѣтскіе годы.

Дуня слушала рассказы наставницы, приглядываясь къ тихимъ Мячковскимъ полямъ, и думала: «Царь ѣздитъ въ чужія земли... возьметъ ли онъ когда-нибудь и меня въ тѣ далекіе, волшебные края?»

Засыпая въ лунныя, вешнія ночи на Мячковской вышкѣ, Дуня грезила, что вотъ, — пробьетъ часъ, — и она поѣдетъ въ эти шумные, заморскіе города, гдѣ женщины, по слухамъ, живутъ на свободѣ, носятъ красивыя одежды, ѣздятъ на балы, театры и вечера, гдѣ народъ ласковый, добрый, и гдѣ, по словамъ няни, жизнь катится такъ весело и легко.

И вдругъ — сонъ на яву, страница изъ волшебной сказки...

Женѣ гардемарина Текутьева и Дунѣ, съ ея няней, была объявлена царская воля — ѣхать немедленно въ Парижъ. Сестрѣ Текутьева, какъ сговоренной невѣстѣ драгунскаго майора Франкенберга, было разрѣшено остаться у отца, въ ожиданіи близкой свадьбы.

Сборы были не долги. Старые бояре знали, что государь не любитъ шутить съ отсрочками. Дни и недѣли скучнаго, медленнаго переѣзда искупались для странницъ ожиданіями завѣтной цѣли вояжа. Молодайка Текутьева твердила: «ахъ, Дунюшка, другъ, скоро-ли, скоро-ли? спроси у мадамъ!» Дуня не отрывалась отъ окна рыдвана, который тащился пятую недѣлю по Германіи отъ польскихъ границъ. Ея наставница, при видѣ скалъ и зеленыхъ береговъ Рейна, расплакалась, а у въѣзда въ парижскую заставу — не выдержала и бросилась на шею загорѣлаго и запыленнаго полицейскаго инвалида. Путницы устроились у Зотова, жившаго съ Текутьевымъ, за Сеной, у какого-то огородника, возлѣ пріюта инвалидовъ. Средствами изъ Мячкова были снабжены достаточно; на Дуню было отпущено и отъ госу-

даревой ближней канцеляріи. Посѣтили оперу, подгородныя королевскія мызы, балетъ; гуляли въ Тюльери и Версали; катались въ катерѣ по Сенѣ. Текутьевъ и его товарищи-гардемаринны выбивались изъ силъ, чтобы занять дорогихъ гостей. Дуня обо всемъ, что видѣла и слышала, извѣщала, въ дружескихъ письмахъ въ Мячково, сестру Текутьева: куда и какъ ее возили, какъ поютъ знаменитыя королевскія пѣвицы Пелиссѣ и Салѣ, и какъ пляшетъ восхитительная балетчица, дѣвица Камаргò.

Высланныя по волѣ государя жены гардемаринновъ упали, какъ снѣгъ, на голову заморскихъ учениковъ. Разсѣянная свѣтская жизнь, волокитства и открытые столы богатыхъ, попойки съ уличной молодежью и карточная игра остальныхъ должны были по-неволѣ прекратиться. Лѣнь и шатаніе по Парижу первымъ, присланнымъ въ науку русскимъ варварамъ пришлось бросить, усерднѣе сѣсть за книги и чертежи.

«Прозорливъ еси, великій государь» — не утерпѣвъ, написалъ Кононъ Зотовъ Петру: «попаль, ваше величество, не въ бровь, а самою точію въ глазъ. Все тебѣ вѣдомо, сквозь землю на три локтя зришь. Ребятамъ отъ сожигательницъ пришелъ пре-большущій конфузъ, и все можно сказать исправились; злющія и бѣдовыя бабѣнки оказались у иныхъ. Пошли тебѣ, Боже, долгіе, славны дни».

«То-то, Кононъ» — отвѣчалъ Зотову царь: «и имъ впредь будетъ не повадно, да и тебѣ, яко ихъ Аргусу, въ немалый авантажъ».

Не долго пожилъ съ своей хозяйкой гардемаринъ Текутьевъ. Въ Парижѣ въ томъ году свирѣпствовала оспа. Отъ нея заболѣла Текутьева, лежала не долго и, черезъ три мѣсяца по приѣздѣ въ Парижъ, умерла. Скорбь молодого вдовца была не-притворная. Онъ, съ первыхъ дней женитьбы, отъ всего сердца любилъ жену.

«Дунюшку отдѣляли ли отъ покойной хозяйки Текутьева?» — тревожился царь, освѣдомляясь у Зотова объ остальной парижской колоніи: «берегитесь дьявольской болячки и не плошайте».

— Да, à propos, — сказалъ государь кабинетъ-секретарю Макарову: — напиши Зотову, чтобы, не мѣшкавъ, съѣздили къ королевскимъ министрамъ, и, для Бога, просилъ бы оказать мнѣ особую услугу: помѣстить нашу сироту въ нѣкое изрядное, учебное пристанище. Ихъ у моего брата, короля Луи, доволѣ; хоть бы, примѣромъ, въ оный преславный Сентъ-Сирскій, дѣвичій монастырь, о коемъ по часту въ курантахъ читаемъ. Конону и потому надобеть скорѣе то уладить, что его родичъ нонче овдовѣлъ, а

онъ не женать, и ему, несемейному, хотъ и имѣется при ней мадама, не слѣдъ въ домъ холостую дѣвку растить.

Макаровъ обо всемъ извѣстилъ Конона. Тотъ бросился выполнять новое порученіе царя, но встрѣтилъ неожиданную преграду.

Дѣвичьимъ Сень-Сирскимъ, Людовика-Святого, монастыремъ въ то время завѣдывала его покровительница, доживавшая вѣкъ въ Трианонѣ, знаменитая фаворитка, потомъ тайная жена престарѣлаго Людовика XIV, вдова поэта Скаррона, Франциска Д'Обиньи, осьмидесятилѣтняя маркиза де-Ментенонъ. Аристократическая чопорность и предразсудки основателей этого пріюта поставили множество преградъ для поступленія въ его среду. Требовались, между прочими, дворянская кровь и знаменитость рода, не менѣе четырехъ восходящихъ колѣнъ по отцу.

Приходилось избрать другое училище, или объяснить тайну рожденія Дуни. Петру не хотѣлось ее лишить благопотребнаго, въ лучшей тогдашней школѣ, европейскаго образованія. Онъ снесся съ полномочнымъ своимъ посломъ въ Голландіи, княземъ Куракинымъ, и поручилъ ему кончить это дѣло. Куракинъ, подъ особымъ, подходящимъ предлогомъ, посѣтилъ для этой цѣли Парижъ. Онъ переговорилъ съ секретаремъ главнаго министра, показалъ ему бумаги Дуни и росписку банка о вложенномъ на ея имя капиталѣ, поднесъ ему и маркизъ Ментенонъ щедрые презенты, и Дуня, въ концѣ 1714 года, была помѣщена въ Сень-Сирскій монастырь.

Зотовъ не могъ помириться съ мыслию, что Куракинъ вырвалъ у него въ этомъ дѣлѣ успѣхъ. Пріѣздъ русскаго посла и его секретныя сношенія съ кабинетомъ и Сень-Сиромъ не остались, между тѣмъ, незамѣченными и въ Парижѣ. Всѣ заговорили о таинственной русской сиротѣ, нѣсколько загадочно помѣщенной въ числѣ монастырокъ Людовика-Святого. Обратили вниманіе на то, что *l'orpheline russe*, при вступленіи въ школу, названа просто *mademoiselle Eudoxie*, безъ всякой фамиліи и титула.

— Впрочемъ, слава тебѣ Господи! съ глазъ долой, съ рукъ долой!—сказалъ себѣ въ утѣшеніе Кононъ Зотовъ, проводивъ Дуню въ монастырь:—а то, съ нонѣшними здѣшними нравами, не обраться бы ой-какихъ хлопотъ. Наши-то еще мало опасны; холостымъ не до того,—у прочихъ—жены... А вотъ тутешніе дюки, да шевалье и всякіе петимѣтры-сорванцы... только держись...

Въ числѣ новобранцевъ, проходившихъ въ 1716 году ученіе въ Парижѣ, особымъ расположеніемъ Зотова пользовались, кромѣ его родича и сожителя Текутьева, другой москвичъ, Алексѣй Ка-

саткинъ, и сынъ зажиточнаго астраханскаго дворянина Акимъ Юрловъ.

Касаткинъ былъ холостъ, Юрловъ женатъ. Оба были за-просто вхожи въ домъ Зотова: Касаткинъ—по давней дружбѣ своего отца съ князь-папой, Никитой Моисеевичемъ; Юрловъ—по особой милости государя къ его старому родителю, который имѣлъ обширныя, съ рыболовнями, помѣстья близъ Астрахани и, во время булавинскаго бунта, оказалъ не малыя, доброхотныя услуги царю.

Юрловъ нерѣдко получалъ щедрыя пособія изъ дому, причемъ подъ-часть выручалъ изъ затрудненій и самого Зотова.

Касаткинъ нуждался болѣе всѣхъ гардемариновъ. Его отецъ, тугой и неподатливый къ увлеченіямъ и ошибкамъ молодежи старикъ-москвичъ, копя деньги, на всѣ мольбы сына, по поводу «скудостей заморскаго обихода», отвѣчалъ одно: «учись, трудись и терпи;—доволь казеннаго пайка... помру, все будетъ твое»—и денегъ ему не посылалъ. Была у Касаткина богатая старая тѣтка, его крестная мать; но о ней шли слухи, что она собирается принять постриженіе и отдать все свое достояніе на монастырь.

Придумывали гардемарины, въ дни оскудѣнія кармановъ, разныя уловки: переписывали за деньги ноты и манускрипты и снимали, по заказамъ частныхъ конструкторовъ, планы и чертежи фортецій и кораблей. Юрловъ умудрился нѣкоторое время завѣдывать чьей-то табачной, потомъ винной лавочкой, а другіе шли еще далѣе: нанимались въ церковныя и даже въ увеселительныя, трактирныя хоры.

Одинъ Алексѣй Касаткинъ не унывалъ и, въ неисходномъ «пустокарманствѣ», не думалъ о завтрашнемъ днѣ.

Веселый и мягкій нравомъ, онъ,—въ полномъ смыслѣ слова, забубѣнная голова,—беззаботно переходилъ отъ чертежей и навигаторскихъ классовъ къ картамъ, отъ вина къ переводу скучной ученой книги и опять къ пѣснямъ, вину и къ беззавѣтнымъ парижскимъ гулякамъ. Касаткинъ игралъ въ карты счастливо, безъ разбора сорилъ деньгами, когда онѣ у него бывали, а когда спускалъ все до-чиста,—смѣющийся, чисто умытый, одѣтый, завитый и даже надушенный, съ легкимъ сердцемъ и съ запасомъ новостей, приходилъ къ Зотову, жарилъ ему въ каминѣ каштаны, помогалъ стряпнѣ въ кухнѣ или садился съ нимъ играть въ шахматы, до которыхъ тотъ былъ страстный охотникъ. Онъ сблизился и съ домашними Зотова, утѣшалъ Текутьева въ горѣ, когда тотъ схоронилъ жену, и помогалъ Конону развѣдками, при опредѣленіи Дуни въ монастырь.

II.

Монастырская авантюра.

Слухи о мысли Петра посѣтить Амстердамъ и Парижъ привели Зотова въ сильную тревогу.

— Приѣдетъ, до всего докопается—разсуждалъ онъ:—вывернетъ всю душу; а ужъ ребятамъ станетъ испытывать, отъ кля до выпела, и отъ порошинки до бомбъ и до небеснаго, звѣзднаго бѣга...

А тутъ еще готовилось нежданное, семейное горе. Изъ Петербурга пришла вѣсть, что всешутѣйшаго князь-папу, отца Зотова, государь,—какъ герръ-протодьяконъ Михайловъ своей тостъ-коллегіи,—рѣшилъ въ веселую минуту, для потѣхи всей компаніи, женить на шутихѣ вдовѣ Аннѣ Стремоуховой.

Кононъ не могъ равнодушно снести новаго издѣванія надъ выжившимъ изъ ума и совѣсти, престарѣлымъ родителемъ. Состоя во главѣ сумасброднаго, шумнаго и всепьянѣйшаго собора безстыжихъ придворныхъ скомороховъ и гулякъ, генераль-президентъ ближней государственной канцеляріи, Никита Моисеевичъ Зотовъ,—онъ же Магнусъ Наклевѣнги,—носилъ еще титулъ патріарха Пресбургскаго, Яузскаго и всего великаго и малаго Кукуя, то-есть Нѣмецкой слободы. Какъ верховный жрецъ Бахуса, онъ въ смѣхотворной папской тиарѣ и въ дьячковскомъ стихарѣ, на пирахъ, благословлялъ сотрапезниковъ двумя чубуками, сложенными на крестъ, и въ шутовскихъ индულгенціяхъ подписывался: «smirennyi Anikit, własnoju rukoju».— Въ «соборѣ», подъ его предсѣдательствомъ, участвовали и дамскія персоны,—между ними архіерейша Бутурлина и князь-игуменья Ржевская. Свадьба «бахусоподражательнаго» отца Аникиты была оглашена Петербургу, съ большою церемоніей; призывъ на нее выкрикивали, въ платьяхъ герольдовъ, отборнѣйшіе заики.

Кононъ Зотовъ написалъ слезное письмо кабинетъ-секретарю Макарову, отпросился черезъ него у государя на побывку домой и снова навѣстилъ Петербургъ.

— Такимъ ли вѣнцомъ пристойтъ короновать конецъ вашихъ дней?—сказалъ Кононъ отцу.

— А что развѣ?—спросилъ тотъ.

— Да свадьба-то, простите...

— Слушай,—отвѣчалъ семидесятилѣтній родитель:—не смѣю

прогнѣвить его царскаго величества; столько платя къ свадьбѣ нашито и названо для меня стариковъ... не могу...

— Но супруга... вѣдь она дурка, шутиха!

— Врешь, молокососъ; по лѣтамъ мнѣ выбрана,—средовѣчная. А станешь перечить, то такого вамъ чорта бабу на шею посажу, что своему животу не будешь радъ. Лучше о себѣ самомъ помысли...

Свадьба князь-папы состоялась, по всей церемоніи. Распѣвались установленные, шутовскіе канты. Одинъ клиръ возглашалъ: «пьянство бахусово да будетъ съ тобою, затмѣвающее, валяющее и безумствующее».—Другой подхватывалъ: «да веселися, во имя всѣхъ пьяницъ и скляницъ... Да кружится взоръ твой и умъ твой, и да будутъ, день и ночь, дрожащи руцѣ твоя»...

Столица щедро отдала дань Ивашкѣ и Ерѣмкѣ, разгулу и вину. Одинъ сынъ князь-папы былъ невеселъ и не зналъ, куда дѣться отъ досады и стыда.

— Чтѣ нось повѣсилъ?—спросилъ родитель Конона, ѣдучи отъ вѣнца:—что зѣваешь самъ?

— Не понимаю, батюшка...

— А вотъ растолкую. Давно пора и тебѣ, Кононъ, сыскивать добрую женишку. Чѣмъ, примѣромъ, тебѣ не пара хоть бы наша заморская красавица?

— Какая?

— Да монастырка Дуня. Чай знаешь и о вкладѣ? а не знаешь, слушай.

Старикъ разсказалъ сыну о приданомъ государевой питомки.

«Вкладъ вещь не дурная»—подумалъ Кононъ, выслушавъ отца: «но вѣдь и сама Дуня лучше всякаго приданаго. И какъ я до сихъ поръ о ней не мыслилъ? Надо расположить къ тому царя, особо у него заслужить».

Кононъ еще до поѣздки въ Петербургъ задумалъ одну услугу Петру. Не задолго передъ тѣмъ, умеръ король Людовикъ XIV, и Франціей, въ качествѣ регента, управлялъ, отъ имени его семилѣтняго правнука, Людовика XV, герцогъ Орлеанскій. Зотовъ затѣялъ устроить вторичный бракъ овдовѣвшаго царевича, Алексѣя Петровича, съ одной изъ дочерей дюка Орлеанскаго, и, положивъ въ умѣ, что если ему удастся эта важная «конъюнктура», ему ожидать отъ государя всякой похвалы и награды.

Всегда рѣшительный и довольный собой, Кононъ не любилъ откладывать своихъ мыслей въ долгій ящикъ. Онъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, передъ поѣздкой на родину, завелъ

о царевичѣ секретный «дискурсъ» съ министромъ регента, маршаломъ Д'Этрé, а затѣмъ ухитрился переговорить о сокровенномъ замыслѣ и съ самимъ регентомъ. Ему отвѣтили отмѣнными любезностями.

Мысль о французско-русскомъ союзѣ засѣла въ головѣ Зотова и не давала ему покоя. Едва же отецъ намекнулъ ему о Дунѣ, Кононъ сказалъ себѣ: «вотъ что попрошу теперь, въ вѣнецъ своихъ заслугъ!» и «ничесо-же сумняся», по живости и легкости нрава, испросилъ себѣ особую аудіенцію у государя и изложилъ ему свой прожектъ.

— Съ французами, вѣрите, было говорено, не на вѣтеръ, — сказалъ Кононъ Петру: — къ вашему же величеству у нихъ отмѣнное почитаніе и фаворъ. Тамошнія принцессы, не примѣръ нѣмкамъ, всѣ красавицы, тонкаго и наиделикатнаго ума; а ихъ придворныя дамы, не въ подобіе длиннозубымъ и бранчивымъ вѣнскимъ фрейлинамъ, могли бы въ Россіи ввести пристойные и учтивые обычаи. Съ французскою принцессой вашъ сынъ могъ бы въ Россіи всѣ науки вселить, чтобъ Германія съ ревности подавилась, а турка прямо взяла бы лихорадка.

Петръ слушалъ молча.

— И попомни, государь, слово Зотова, — продолжалъ Кононъ: я убѣдился и того держу, что алліансъ и дружба съ Франціей будутъ намъ полезны до конца дней, зане французы и русскіе, по дальности границъ, другъ другу зла не могутъ сдѣлать, а добра сколько похотятъ. И если вашему величеству угодно одобрить мое представленіе — женить вашего сына на дочери Орлеанскаго дюка — въ томъ препоны не будетъ, и состоится полезный и, во всѣхъ негоціяхъ, желательный намъ и парижскому кабинету французско-русскій союзъ...

Петръ обыкновенно не серчалъ на Зотова за его простой, откровенный, хоть подчасъ и не въ мѣру болтливый языкъ. Вмѣшательство же въ политическія «негоціи» и столь «азартныя конъюнктуры» царю не понравилось.

— Слушай ты, безструнная балалайка, — сказалъ Петръ, выслушавъ Конона: — ты видно забылъ пословицу о сверчкѣ и шесткѣ? Совѣтую отнынѣ усердиѣ запереть кашкадь вашего краснорѣчія и заняться иною, подобающею матеріей. Эй, Кононъ, пригляди за гардемаринами! Что думаешь? Экзаментомъ, какъ прійдетъ пора, повторяю, не пошучу.

Зотовъ совершенно растерялся отъ неожиданнаго царскаго реприманда. Онъ долго не могъ утѣшиться и по возвращеніи въ Парижъ.

«Пребываю въ меланхоліи и акибы въ повсегдашнемъ безпамятствѣ» — писалъ онъ оттуда отцу: — «не уважено усердіе и перваго охотника тѣхъ его, государевыхъ, любительныхъ морскихъ дѣлъ. Что значить малопомѣстный! трудись въ потѣ лица и по всякъ день жди гнѣва и истязанія за вѣрный долгъ».

Отецъ отвѣчалъ: «не унывай! или не знаешь царя? Онъ выговорить на прямки и забудетъ. А ты изыскивай способы и вновь заслужишь его фаворъ».

Кононь успокоился, пріодѣлся и чаще сталъ навѣщать Дуню; возилъ ей лакомства, священные книги, бесѣдовалъ съ ея наставницами и думалъ: «была не была; не женилъ царевича, самъ женюсь».

Осенью 1716 года, надъ Конономъ стряслась новая и горшая бѣда. Незадолго до пріѣзда государя въ Голландію, въ Парижѣ произошло событіе, надѣлавшее въ обществѣ не мало шума.

Ментенонъ и прочія обительскія власти строго берегли питомицъ Сень-Сирскаго монастыря.

Суровыя и богомольныя сестры-наставницы носили платья и наплечники изъ власяницы, съ длинными рукавами, которые приподнимались только во время хоральнаго пѣнія, въ церкви. Черныя четки, съ распятіемъ, мертвой головой и святощами въ медальонахъ, висѣли у каждой съ грубаго, пеньковаго пояса. Въ суконной повязкѣ, поверхъ спрятанныхъ волосъ, онѣ носили еще черное, густое покрывало, спадавшее до колѣнъ.

Этотъ нарядъ, впрочемъ, не мѣшалъ сестрамъ-постницамъ изрѣдка допускать въ стѣны Сень-Сира грѣшныхъ посѣтителей изъ богатыхъ и знатныхъ мірянъ. Желаящимъ, по особой протекціи, дозволялось въ праздники навѣщать собственныхъ и стороннихъ родныхъ. Сами воспитанницы, въ угоду основателя ихъ общины, короля, и по волѣ маркизы, ихъ патронессы, исполняли въ монастырскихъ залахъ трагедіи Расина «Ифигенію» и «Андромаху» и нарочно для нихъ написанную «Эсепиръ». Король давалъ дѣвицамъ, для убранства къ театру, свои алмазы, жемчугъ и кружева и, окруженный пышнымъ дворомъ, являлся смотрѣть монастырокъ, одѣтыхъ на обительской сценѣ въ греческія и римскія одежды.

Съ воцареніемъ герцога-регента, маркиза Ментенонъ посетила въ самомъ Сень-Сирѣ. Строгости въ уставѣ обители усилились. Свѣтская мірская жизнь, тѣмъ не менѣе, давала о себѣ вѣсти и сквозь стѣны монастыря.

То было время изящнаго, общаго эпикурейства. Вѣтряная, богатая молодежь топила въ легкихъ, нескончаемыхъ забавахъ все свое достояніе, чувства, умъ.

По праздникамъ къ монастырю подкатывали раззолоченныя кареты, съ жокеями, запряженныя цугомъ красивыхъ лошадей, убранныхъ въ страусовы перья. Въ паркѣ гремѣли трубы и раздавалось шелканье бичей заѣзжихъ, съ кабаньей, или лисьей травли, охотниковъ. Въ приѣмной залѣ монастырокъ собирался цвѣтъ знати, — парижская золотая молодежь. Шли толки о свѣтскихъ модахъ, дуэляхъ, балетѣ и карточной игрѣ. Воспитанницы, съ жадностью, затаивъ дыханіе, вслушивались въ рассказы столичныхъ кузеновъ о романическихъ приключеніяхъ, кипѣвшихъ тамъ, за оградой ихъ однообразной, скучной тюрьмы.

А новая раскаявшаяся Магдалина, богомольная и дряхлая Ментенонъ, стараясь вразумить старшихъ питомицъ о настроеніи грѣшнаго міра, говорила имъ въ дружеской бесѣдѣ: — «Берегитесь, дѣти! свѣтъ неузнаваемъ! Старыя преданія рыцарской, дѣдовской чести умираютъ; водворяется царство грубыхъ, продажныхъ, низкихъ мѣщанъ. Бѣгите, дѣвицы, вѣшняго блеска. Нынѣшніе молодые люди ходятъ въ золотѣ, а внутри ихъ безнравственность и пороки. Дворцы древней знати, Арманьяковъ и Кариньяновъ, обращены въ притоны постыднаго разгула, въ академіи карточной игры. Дворяне бросаютъ помѣстья, офицеры — гарнизоны, высшее духовенство — епархіи... Все стремится въ этотъ новый Вавилонъ, Парижъ... Берегитесь Парижа вы, будущія матери! Его ждетъ участь Содомы и Гоморры».

Дѣвицы слушали душеспасительныя рѣчи многоопытной, старой проповѣдницы и, съ трепетомъ сердца, присматривались изъ верхнихъ монастырскихъ оконъ на дорогу, которая густымъ лѣсомъ и зелеными, холмистыми полями вела въ этотъ таинственный, грѣшный, соблазнительный Парижъ.

Дуня, съ первыхъ дней въ монастырѣ особенно подружилась съ одною изъ сверстницъ, дочерью богатаго вандейскаго дворянина. Съ нею она учила уроки, занималась музыкой и шитьемъ; освоивъ же съ французскимъ языкомъ, она съ нею принялась за любимые тогдашніе романы.

«Авантюры Телемака» Фенелона были прочтены нѣсколько разъ. Дуня, упавъ лицомъ въ подушку, искренно оплакивала бѣдствія вѣрнаго Телемака, отыскивающаго своего отца, Улисса. Она была готова улетѣть, вслѣдъ за героемъ и его руководителемъ —

ницей, въ образѣ Ментора, Минервой, въ таинственную Гесперию, гдѣ разочарованный войнами, изгнанный изъ Крита, Идомей устраивалъ въ пастушеской простотѣ счастье своихъ новыхъ подданныхъ. Дуня спрашивала подругу, что это за люди и далеко ли отъ Парижа до Гесперіи? Подруга объясняла, что дѣло идетъ не о чуждыхъ, далекихъ странахъ, а о Франціи: «Раскалявшійся Идомей—это нашъ король Людовикъ XIV, Протезилай — его ненавистный министръ Лувуа, а Калипсо — бывшая, всемогущая, блестящая любимица короля, Монтеспанъ, которую смѣнила наша святоша Ментенонъ».

Послѣ Телемака, перешли къ «Похожденіямъ Жака Массе» и къ «Хромому бѣсу» Лесажа. Дуня, съ замираніемъ сердца, входила, вслѣдъ за гулякой Клеофасомъ и его провожатымъ Асмоемъ, на высокую Мадридскую башню, и передъ ней, въ ночной тишинѣ, по манію Асмоея, поднимались крыши съ богатыхъ и бѣдныхъ домовъ и раскрывались, спрятанныя подъ ними, картины общественныхъ бѣдствій, добродѣтелей, пороковъ и всяческой суеты.—«Ахъ, гдѣ этотъ кудесникъ Асмодей и его волшебство?»—говорила Дуня подругѣ: «онъ отворяетъ темницы, разбиваетъ цѣпи и замки!» — «Погоди,—отвѣчала подруга:—настанетъ время и для насъ».

Ментенонъ, изрекая осужденія на невѣрующаго регента и его придворныхъ, предавала особой анаемѣ его друга Мирепуа, какъ говорили, не въ шутку занимавшагося вызываніемъ злого духа и мертвецовъ. А монастырки знали, что сама ихъ патронесса, труся смерти, запиралась съ бродячими гадальщицами на картахъ и съ астрологами, и прибѣгала къ открытіямъ геомантовъ, къ заклинателямъ бѣса и толкователямъ сновъ.

Къ Ментенонъ ѣздили ея старые, парижскіе друзья. Между ними дѣвицамъ былъ особенно ненавистенъ одинъ молодившійся, разряженный и завитой въ булки и космочки, приторно-сладкій старичокъ-маркизь. Монастырки такъ его и прозвали «карамелькой».

Вѣчно улыбающійся и раздушенный, съ мягкою, женскою мнущею походкой, этотъ старичокъ-маркизь привозилъ Ментенонъ новые выпуски скучнаго «Журнала Ученыхъ», а дѣвицамъ святую воду въ флакончикахъ отъ зубной боли, какія-то ленточки изъ Рима отъ грѣшныхъ сновъ и груды конфектъ. Дѣвицы ѣли конфекты, флаконы и ленточки бросали за окно, а про самого «карамельку» по секрету толковали, что онъ вовсе не такой святоша, какимъ кажется, что онъ кутитъ тайкомъ въ своемъ помѣстьѣ, съ подобными себѣ ханжами, и что, при раздѣваньи,

ему служить не лакей, а переодѣтая въ мужское платье, хорошенькая горничная...

Съ поступленіемъ Дуни въ Сень-Сиръ, ея письма къ сестрѣ Текутьева, въ Мячково, стали приходиться рѣже. Онѣ не походили на ея первыя, радостныя извѣстія о прибытіи въ Парижъ.

«Ахъ, я злосчастная! ахъ, пропала я, съ бѣдной головошкой!» — писала Дуня былой сверстницѣ: «и почто такія напасти, лютое горе? Вся сфера небесная премѣнилась, свѣтъ мой завололся тучами. Куда меня занесли? Въ гробъ живая уложена, замурована въ злу-каменную стѣну. И какъ то прилучилось нежданно, совсѣмъ не чаяла! Лизнула не къ добру медку, аки сынъ царя Саула, Нааанъ, и все отнято, вся жизни сладость. Давно ли, кажись, то было? Всѣ вы твердили, при нашемъ отъѣздѣ въ вояжъ: ахъ, какъ онѣ счастливы, какъ завидны! И что-же! Одна странница въ могилѣ, на чужой сторонѣ; другая, — въ неисходныхъ печалехъ, — совсѣмъ надсѣлася, хуже колодницы дни влачить. Таково ли было прежде провожденіе время, или, сказать, молодымъ лѣтамъ? Далеко до радѣльца, свѣта-надѣжи, милостиваго царя. То все, знать, безъ него подѣлано. Просить ли его, или молчать, чтобы не прейтись предѣловъ?»

Сестра Текутьева вышла замужъ за Франкенберга и съ мужнинымъ полкомъ переѣхала въ Казань. Лѣтомъ 1716 года она тамъ получила коротенькое письмо Дуни.

— «Я внѣ себя, опять счастлива» — писала ей Дуняша: «воскресла я, на свѣтъ опять народилась. Край ранней могилы, у самага гробоваго камня, выросъ вешній цвѣтокъ. Ты радостна съ другомъ, и я болѣе не несчастна. Не погуби, не выдай. И честна ли то будетъ совѣсть, — съ милымъ, съ утѣхой разлучить? Глядятъ во всѣ глаза старицы-черницы, да не выглядятъ; не потеряю перло жемчужное. Не долго ждать. По конецъ жизни, — милый товарищъ, утѣха будетъ въ глазахъ. Не спрашивай доподлинно, кто? Ушла бы съ нимъ на край свѣта; да двери всѣ на запорѣ и стѣны высоки».

Не одна Дуня гадала о вешнемъ, у гробоваго камня, цвѣткѣ. Половина монастырокъ была влюблена, обожала собственныхъ и чужихъ кузеновъ, королевскихъ пажей, мѣстнаго аббата, даже эконома и почти всѣхъ обительскихъ учителей. Въ дортуарахъ разыгрывались сцены ревности, отчаянія и непримиримой местн.

Въ октябрѣ 1716 г., Дуня прогуливалась въ монастырскомъ саду, съ своей подругой.

Обѣ онѣ уже были въ высшемъ классѣ «розовыхъ». Подруга повела ее въ дальнюю аллею, чтобъ наединѣ ей прочесть посланіе отъ своего поклонника.

Письмо было прочтено.

— Да, милая... поздравляю, — сказала подруга.

— Съ чѣмъ?

— Всѣ наши убѣждены, что ты окончательно помолвлена.

— Вотъ новость... за кого?

— Называютъ маркиза — «карамѣлку».

Дуня вспыхнула.

— Какая ложь! Ну, можно-ли!.. ахъ, какая ты! — вскрикнула она: не смѣй мнѣ этого говорить, — поссоримся...

— Нѣтъ, право, клянусь! — не унималась подруга: — увѣряютъ, что уже написано въ Московію къ царю; ждутъ только его отвѣта, и ты скоро станешь маркизой...

— Слушай, — проговорила, блѣднѣя, Дуня: — я сирота, тебѣ извѣстно; но если такъ случится, если... я не снесу горя...

— Я тебя выручу, спасу! — объявила подруга: — слушай... вѣдь ты мое сокровище, жизнь! Мой поклонникъ тебѣ извѣстенъ; на него можно надѣяться. Но ты не знаешь, не видѣла моего двоюроднаго брата... Онъ военный, красивый и храбрый, притомъ — крестникъ нашей патронессы... Хочешь, я ему напишу, вызову его въ отпускъ и познакомлю съ тобой?..

— Ты говоришь, онъ храбрый? — спросила Дуня.

— Какъ левъ.

— И смѣлъ, великодушенъ?

— Какъ рыцарь...

— Подумаю, — отвѣтила Дуня.

Прошло нѣсколько дней. Дуня просиживала ночи на-пролетъ у окна спальни, глядя сверху на завѣтную дорогу, по которой, изъ таинственной дали, долженъ былъ явиться, въ образѣ преданнаго Телемака, или смѣлаго и страстнаго Роланда, могучій, давно нагаданный избавитель.

На разсвѣтѣ пасмурнаго октябрьскаго утра, Дуня подошла къ кровати подруги, сѣла у ея изголовья и ее разбудила.

— Что ты?

— Зови своего кузена! — сказала Дуня.

— Я ужъ ему написала... онъ будетъ на-дняхъ... Такъ ты рѣшилась? ахъ, какъ я рада!

— Съ однимъ уговоромъ, — отвѣтила Дуня: — не сердись... но

у меня одна мысль, и я хочу прежде съ нимъ поговорить одна и откровенно...

Подруга восторженно обняла Дуню. Она была на седьмомъ небѣ.

Вызванный кузень явился, сталъ посѣщать монастырь. Подруга Дуни торопила затѣянную, фантастическую развязку. Съ ея обожателемъ у нея уже давно все было условлено и рѣшено.

— Онъ не обидится? — спросила Дуня пріятельницу, послѣ одного изъ свиданій.

— Чѣмъ?

— Ахъ, я и тутъ несчастна! — отвѣтила въ тревогѣ Дуня: — ты не знаешь, не поймешь!..

— Что такое? да говори же, объяснись...

— Я люблю... мы любимъ другъ-друга! — проговорила Дуня.

— Ну, и отлично! — сказала, просіявъ, пріятельница: — тѣмъ лучше, — значить, успѣхъ?

Дуня кинулась къ ней на шею, судорожно ее обняла и чуть слышно что-то прошептала.

— Можетъ ли быть? — удивилась, всплеснувъ руками, подруга: — гдѣ доказательства?

Дуня вынула изъ-за лифа ладонку и крестикъ: на нихъ висѣло бирюзовое кольцо.

— Какъ? даже обручены? — вскрикнула исповѣдница: — это же когда?

— Еще лѣтомъ...

— Ахъ, ты недобрая! скрывалась предо мной!

— Прости, милая, — отвѣтила Дуня: — у тебя родители; они тебя простятъ; ты имъ дочь... я-же сирота и всѣмъ обязана благодѣтелю-царю... А ты слышала, знаешь о немъ?

III.

Корзины.

Вечеромъ, — въ концѣ октября 1716 года, — къ опушкѣ Сень-Сирскаго лѣса подѣхали двѣ наемныя, городскія кареты. Изъ нихъ вышли четыре путника. Подъ деревомъ, гдѣ они остановились, стояла, ихъ поджидая, телѣга. На телѣгѣ лежали корзины.

Путники велѣли кучерамъ ждать, а сами, съ телѣгой и съ ея

возникимъ, направились въ чащу лѣса. Дорога имъ была очевидно извѣстна. Несмотря на сумракъ и густоту деревьевъ, простиравшихъ вѣтви на узкую, извилистую дорогу, они скоро миновали опушку парка и звѣринецъ и вышли на поляну, въ концѣ которой возвышалась каменная, съ башенками, стѣна сень-сирскаго монастыря.

Телѣга приблизилась къ оградѣ. Сопровождавшіе ее поступали въ ворота.

— Кто тамъ?—спросилъ голосъ изъ-за ограды.

— Садовники... за цвѣтами...

— Кой-чортъ такъ поздно? и какіе цвѣты въ такую темень?

— У герцога завтра обѣдъ и балъ,—свадьба дочери... Дорога грязная, припоздали.

Привратникъ сходилъ къ товарищу за ключомъ и отперъ ворота. Садовники, тѣмъ временемъ, усѣвшись на травѣ, раскупили объемистую флягу бургонскаго; попотчивали и стражу.

— Да, не тѣмъ будь помянута наша патронесса, — сказалъ, угостившись, старшій изъ сторожей:—въ садъ не пускаетъ никого; на запорѣ всѣ входы и выходы, — а цвѣтами торгуетъ, какъ базарница... Ну, дѣло ли это маркизы?.. Вамъ какихъ?..

— Всякихъ, дѣдушка, да побольше... а еще стаканъ? это изъ герцогскаго погреба; кастелянъ угостилъ.

— Ну, дорогу вѣрно знаете, — сказалъ привратникъ: петуній и геліотроповъ наберете и въ потьмахъ... а розы — съ тѣми осторожнѣе—у главнаго корпуса, — не переколите рукъ!..

— Чтò намъ! не въ первые! — отвѣтили путники, уходя съ корзинами въ садъ. Возница остался, съ флягой и сторожами, за оградой.

Наполнивъ одну изъ корзины цвѣтами, вошедшіе въ садъ сѣли въ лодку у пруда, огибавшаго эту часть сада, и переправились къ главному зданію обители.

Здѣсь, между кустовъ сирени и розъ, на площадкѣ, окаймленной высокими дубами и буками, возвышалось длинное, двухъ-ярусное, съ крыльцами и стекольчатыми переходами, главное зданіе обители. Верхнія и нижнія окна были темны. Полная тишина царила кругомъ.

Трое изъ пришедшихъ, миновавъ площадку, углубились въ кусты и стали рвать розы; четвертый остался у пруда, гдѣ нѣсколько разъ, съ разстановкой, плеснулъ весломъ.

Съ послѣднимъ звукомъ весла, одно изъ верхнихъ оконъ зданія тихо раскрылось и въ немъ показалось что-то неясное, бѣлое.

Изъ окна, распустившись до земли, упала шелковая лѣстница. По лѣстницѣ спустилась невысокая фигура; за нею другая, выше.

— Прощайте, прощайте! — слышались въ сумракѣ робкіе, сдержанные голоса.

Лѣстницу опять втянули кверху. Окно закрылось. Лодка съ корзинами, полными цвѣтовъ, снова переправилась за прудъ, къ оградѣ.

Садовники бережно устали корзины на телѣгу и, расплатясь со сторожами, отправились обратно паркомъ.

Черезъ полчаса двѣ кареты мчались во всю прыть на сѣверъ отъ монастыря, поднимая столбы пыли и оглашая бубенчиками и щелканьями бичей тонувшія въ ночной мглѣ и тишинѣ, лѣсистыя окрестности обители.

На слѣдующій день Парижъ заговорилъ о любопытномъ событіи: изъ строго-оберегаемаго сень-сирскаго монастыря разомъ бѣжали двѣ воспитанницы. Устная молва и журналы разнесли объ этомъ много странныхъ и необъяснимыхъ подробностей.

Кононъ Зотовъ узналъ о томъ изъ послѣднихъ. Когда ему показали листокъ «курантовъ», и онъ въ немъ прочиталъ, что одною изъ бѣглянокъ была «la belle pensionnaire russe» — свѣтъ померкъ въ его глазахъ, и онъ чуть не лишился чувствъ. Сомнѣнія не было: Дуня бѣжала. Но куда? и кто ея похититель?

Первою мыслию ошеломленнаго Зотова было начать неотложные поиски. — «Я опекунъ, я здѣшній главный царскій агентъ» — разсуждалъ онъ: «съ меня взыщутъ больше всѣхъ. Проворонилъ, скажутъ, не доглядѣлъ...» — «Но къ кому обратиться за помощью? Кто-искренно захочетъ пособить?» — Перебирая въ умѣ земляковъ-гардемариновъ, онъ прежде прочихъ остановился на смышленомъ и болѣе другихъ развитомъ, Алексѣѣ Касаткинѣ. Другъ овдовѣвшаго Текутьева и давній, еще по Москвѣ, знакомецъ Дуни, Касаткинъ чаще остальной компаніи видѣлся съ нею, исполнялъ ея порученія, зналъ ея мысли и могъ дать о ней хоть какія-либо указанія.

Собираясь, однако, на квартиру Касаткина, Зотовъ вспомнилъ, что самъ, дня четыре назадъ, отпустилъ Алексѣя въ Гаагу.

Недѣли за полторы передъ тѣмъ, голландскій посолъ, князь Куракинъ оповѣстилъ Касаткина о кончинѣ въ Москвѣ его богатой тѣтки и крестной матери, отказавшей Алексѣю все свое достояніе. Переведа на имя Касаткина въ Парижъ изрядную долю денегъ, высланныхъ тому изъ Москвы, князь Куракинъ

предложилъ Алексѣю составить неотложныя по наслѣдству бумаги и, для рукоприкладства и ихъ подачи, лично прибыть въ посольскую канцелярію, въ Гаагу.

Зотовъ думалъ, что Алексѣй, получа наслѣдство, завертится въ новыхъ шалостяхъ и кутежахъ. Вышло, однако, иначе: тотъ изготовилъ нужныя бумаги и рѣшилъ ѣхать въ Голландію, безъ замедленія.

«Блаженъ, иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ», — утѣшился Зотовъ, видя, какъ присмирѣлъ и вдругъ будто переродился Касаткинъ: «что значить смерть крестившей насъ, а тѣмъ паче отъ нея наслѣдство?»

Зотовъ не могъ, безъ внутренней улыбки, смотрѣть на смиренный и постный видъ Алексѣя, бывшаго еще такъ недавно басней цѣлыхъ парижскихъ кварталовъ.

Касаткинъ былъ памятенъ многимъ и дома, въ Замоскорѣчьи, гдѣ ребенкомъ, ученикомъ латинской архіерейской школы онъ дѣлалъ опустошительныя набѣги на сосѣдніе огороды и сады, а юношей, состоя въ новоустроенномъ, у Сухаревой башни, навигацкомъ училищѣ, съѣздилъ о масляной, съ товарищами, въ гости къ важному, только-что прибывшему бухарскому послу, въ санкахъ, на шестернѣ нестерпимо оравшихъ свиней.

Парижскій воздухъ поощрялъ и подзадоривалъ широкую, дикую натуру веселаго русскаго гардемарина, которому здѣсь исполнилось двадцать три года. Расцвѣтшій, стройнаго роста, плечистый, румяный, съ русой косой и съ голубыми глазами, Касаткинъ сталъ коноводомъ лихихъ и отчаянныхъ гулякъ. Устроить ли ночной кошачій концертъ толстому притязательному аббату, перепугать ли полицію криками, среди бѣла дня, — пожаръ! грабятъ! рѣжутъ! — или, въ полночной тишинѣ, съ соннаго базара пустить снопъ трескучихъ, самодѣлковыхъ ракетъ, — все это было обычнымъ дѣломъ Касаткина и его новыхъ французскихъ друзей.

Еще недавно, въ темную лѣтнюю ночь, когда, налетѣвшая, съ грозой, буря ревѣла надъ Парижемъ, срывая двери, ставни и черепицу съ домовъ, — Алексѣй, съ пріятелями изъ Сорбоннской академіи, умудрился перемѣнить вывѣски въ цѣломъ людномъ предмѣстьѣ.

Городъ проснулся и ахнулъ: на лавкѣ гробовщика оказалась трактирная вывѣска: «Увеселительный пріютъ дяди Пьера», надъ кабакомъ надпись: «Продажа ладона и свѣчей». Кабинетъ «врача» превратился въ лавку «мясника», а на калиткѣ знаменитаго іезуитскаго витія и постника-исповѣдника — доска, съ надписью: «Школа для взрослыхъ дѣвицъ».

Послѣднею ночью продѣлкой парижскихъ шалуновъ, въ которой предводительствовалъ Касаткинъ, было сѣяніе, лѣтомъ того же года, съ уединеннаго арсенальнаго бастіона, въ форштадтѣ Бурдоннѣ, небольшой мѣдной пушки. Они ее стащили изъ-подъ носа часового, устали на мосту черезъ Сену, зарядили и въ потьмахъ дважды изъ нея выпалили вдоль рѣки. Переполохъ сонныхъ жителей былъ неимовѣрный.

Всѣ эти похождения и проказы продѣлывались, между тѣмъ, такъ ловко, что виновниковъ ихъ, какъ ни билась полиція, не могли открыть и уличить. Спустя нѣкоторое время, самъ Касаткинъ обыкновенно приходилъ къ Зотову и во всемъ ему каялся. Озадаченный Кононъ только разводилъ руками. — Эхъ, Алѣха! на что тебя опять сподобило! — говорилъ онъ; но, охраняя себя, разумѣется, не выдавалъ и его.

И вдругъ этотъ самый Касаткинъ, первый проказникъ и бѣдокуръ, на глазахъ Зотова, сталъ тише воды, ниже травы. Даже въ послѣдній заѣздъ, съ Конономъ, въ Сентъ-Сиръ, когда Дуня, вновь сѣтуя на утѣсненія, строгости и скуку, ударилась въ слезы и сказала: «умру, съ тоски, руки на себя наложу», Алексѣй ей отвѣтилъ при Зотовѣ: «Простите, сударыня, надо читать наставительныя книжки, житія святыхъ отцовъ; здѣшнія прискучили, своихъ словенскихъ ищите; не обращайтесь, вамъ ихъ препрошлю...» И послалъ.

Спохватясь, что Алексѣй уѣхалъ въ Гаагу, Зотовъ поговорилъ съ другими гардемаринами; тѣ не нашлись, что посовѣтовать. Кононъ поѣхалъ къ королевскому прокурору и далъ явку въ полицію, съ общаніемъ награды за указаніе слѣдовъ бѣглянки.

Онъ побывалъ и у «курантельщика», то-есть журналиста, печатавшаго ежедневныя тетрадки тогдашней «Gazette de France», носившей въ публикѣ кличку «Бюро адрессовъ и экстраординарностей». Цензоръ или редакторъ газеты сообщилъ Конону, что похитителемъ французской бѣглянки, очевидно, былъ племянникъ мѣстнаго епископа, поручикъ въ отрядѣ королевскихъ войскъ; русскую же монастырку, по слухамъ, увезъ родственникъ первой дѣвушки, сынъ вандейскаго дворянина, янсениста по вѣрѣ, крестникъ маркизы Ментенонъ. Курантельщикъ прибавилъ, что маркиза очень огорчена этимъ событіемъ, и что, по ея просьбѣ, полиція уже обыскала весь монастырь и окрестности Сентъ-Сира.

Поиски увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ молитвен-

никѣ одной изъ питомицъ-класса «розовыхъ» — нашли пачку страстныхъ писемъ поручика; а въ тюфякѣ другой — изъ класса «зеленыхъ» — отыскалась болѣе ясная улика — шелковая лѣстница. Побѣгу очевидно способствовали, кромѣ взрослыхъ, ближайшихъ подругъ, и «желтые» съ «голубыми» — до крохотныхъ «приготовишекъ», такъ какъ бѣглянки должны были пройти, черезъ общія спальни, въ уединенную и всегда запертую молельную, окна которой выходили, надъ отдѣленіемъ маленькихъ, къ сторонѣ пруда. Пьяные сторожа и оброненный похитителями, батистовый, съ кружевами и вензелемъ, платокъ пояснили остальное въ этомъ происшествіи.

Зотовъ поспѣшилъ въ Сень-Сиръ. Его не приняли. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Вандею, а передъ выѣздомъ написалъ обо всемъ въ Данію царю и нѣсколько строкъ въ Гаагу, Касаткину.

«Слѣди, благодѣтель Алексѣй Ильичъ, по голландскимъ курантамъ, за нашей сбѣжавшей, распрекрасной Еленой, — писалъ Кононъ Алексѣю: — чай, все уже знаешь о прегорестной съ Дунюшкой авантюрѣ. По сейчасъ, какъ въ воду опущенъ. Поспѣшаю въ вандейскую провинцію Пуату, не изловлю ли выпорхнувшей и ея дерзкаго Париса? Что свѣдаешь объ оной новой Еленѣ, не медли, для Бога, отпиши».

Не въ духѣ возвратился Зотовъ изъ Вандеи. Его поиски не привели ни къ чему. «Треклятые, жадные французишки», — разсуждалъ онъ, забывъ придуманный имъ французскій союзъ: — «пронюхали, видно, о тайномъ приданомъ Дуни и устроили этотъ увозъ... Ахъ ты, Кононъ, Кононъ, слѣпота! Одурачили тебя, какъ гороховое чучело, провели...»

Зотовъ, однако, вскорѣ былъ утѣшенъ. Отъ Касаткина пришло пріятное извѣстіе.

«Радуйтесь и веселитесь о Господѣ, досточтимый нашъ пестунъ и другъ, Кононъ Никитичъ!» — писалъ Алексѣй: — «рекомая вами новая Елена обрѣлась, но не въ вандейскомъ округѣ Пуату, а въ голландскомъ городѣ Гаагѣ, и не въ объятіяхъ новаго дерзкаго Париса, а въ квартирѣ здѣшняго, при нашей посольской колоніи, попа, престарѣлаго отца Ивана Поборскаго. Привезенный сюда княземъ Львовымъ, сердцемъ добрый и на услуги готовый, оный попъ призрѣлъ заблудшую овцу, вразумилъ ее и точію потщился обратить ее вспять, въ оставленный ею монастырь, откуда она бѣжала, по ея словамъ, изъ-за искательства нѣкоего дряхлаго маркиза. Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ только ждетъ, съ кѣмъ бы ее безпродлительно отправить подъ оставленный ею кровъ».

Дуню въ Парижъ отвезла родственница гаагскаго бургомистра, ѣхавшая туда съ дочерью. Слѣдомъ за ними, устроивъ дѣло о наслѣдствѣ, возвратился и Касаткинъ.

— Ну, какъ же, Алѣша, все то было, Расскажи свѣтъ-радость?—спросилъ Зотовъ пріѣхавшаго Касаткина: — вѣдь вотъ случай! думали-ль мы съ тобой?

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ Алексѣй:—надоѣлъ ей съ приставаньями старый волокита,—ну, и по родинѣ стосковалась? А вотъ слышали-ль, какая туча восходитъ на нашемъ горизонтѣ.

— Что такое?

— Да государь-то... чтò ни день, ждутъ его шествія въ тѣ гавани...

Какъ ни былъ готовъ Зотовъ къ вѣсти о прибытіи царя, слова Касаткина его сразили. Исполнивъ, ловець предъ Господомъ, всталъ въ его мысляхъ во весь ростъ...

— Други сердечные, братцы-голубчики! — сказалъ онъ Алексѣю:—выручите на испытаніи, не ударьте въ грязь лицомъ.

— Будьте спокойны, Кононъ Никитычъ; помилуйте! сами знаемъ, государь не пошутитъ...

Вскорѣ Зотовъ получилъ изъ Даніи бумагу, что оттуда дѣйствительно къ голландскимъ границамъ шествовалъ самъ «ловець предъ Господомъ» — бывшій сардамскій царь-плотникъ, Питеръ Тиммерманъ. Въ бумагѣ предписывалось Зотову и гардемаринамъ немедленно выѣхать въ Булонь, найти тамъ новопостроенную русскую шкуну «Чайку», купить и взять на ея бортъ, въ должномъ количествѣ, нужный для морского дѣла въ Россіи, запасъ якорей, канатовъ и парусныхъ полотентъ, а при оной окаянъ—туда же погрузить гардемаринъ и нѣсколько заводскихъ, меринсовыхъ барановъ, лучшаго завода, и, не мѣшкая, плыть, съ тою клажей и съ гардемаринами, въ Амстердамъ.

«Ну, какъ-то вынесетъ Господь? ужли оттуда прямо въ Индію?» мыслилъ Зотовъ, ѣдучи моремъ и вглядываясь въ синюю даль: «Исусе многомилостивый! защити насъ и укрый ризою своей теплоты и доброты!..»

Свѣжій попутный вѣтеръ быстро гналъ ходкую шкуну по легкой зыби.

Показались побережія Голландіи. Остроконечныя церкви, башни, темныя верфи, ряды свай, каналы и лѣсъ мачтъ, у бѣлыхъ, плоскихъ береговъ Амстердама, быстро выходили изъ пѣнистыхъ валовъ.

IV.

Экзаменъ.

Шестого декабря 1716 года, императоръ Петръ прибылъ въ Амстердамъ. Погода стояла теплая, почти весенняя. Былъ вечеръ.

Мѣсто, гдѣ высадился царь, была знаменитая Остъ-индская верфь. Здѣсь Петръ, въ качествѣ простаго матроса, работалъ восемнадцать лѣтъ назадъ.

— Вашему величеству салютъ и вивать! — сказалъ посолъ Куракинъ, встрѣтивъ царя у борта корабля.

— Спасибо! — отвѣтилъ Петръ: — мы пріѣхали сюда изъ Невы, путемъ, коимъ Рюрикъ къ намъ шелъ, восемь вѣковъ назадъ.

— Счастливъ еси, государь, — произнесъ Куракинъ, представляя царю бургомистра и прочихъ голландскихъ чиновъ: — всѣ васъ прославляютъ; столько творишь въ авантажъ россійской коммерціи.

Петръ, перекинувшись словами съ голландцами, сошелъ на берегъ. Его лицо сіяло. Передъ нимъ опять было синее, вольное море, фабрики, верфи, громадныя, океанійскіе корабли. Родина также уgomонилась, подъ вѣяніемъ теплыхъ и мягкихъ, западныхъ новинъ. Умолкли заговоры и казни. Все перестраивалось, дикое и бѣдное, соломенное царство.

— Въ Копенгагенѣ, ваше величество, — сказалъ Куракинъ: — изволили испытать своихъ первыхъ, встрѣченныхъ въ Европѣ гардемариновъ. Какъ ихъ нашли?

— Обрадовали ребята управленіемъ и лавировкой судовъ. Одно хромаетъ, — пушечная понордвка, стрѣльба въ цѣль. Скоро ли ждешь Зотова и его учениковъ?

— Прибыли вчера, — ушли на верфь, гдѣ кончаютъ на-диво сложенный корабль... ребята охочіе ко всему...

Куракинъ не договорилъ. Толпа скрытыхъ за бочками и тюками, городскихъ школяровъ окружила Петра. Дѣвочки, въ бѣлыхъ платьяхъ, бросали ему подъ ноги свѣжіе гіацинты, нарциссы и лиліи, — мальчики — еловые и дубовые вѣнки. И вся эта веселая, шумная гурьба, несмотря на знаки важнаго, съ жезломъ, бургомистра, сильно вспотѣвшаго въ алой, на соболяхъ, бархатной шубѣ, — кричала и, въ припрыжку, тѣсняясь по узкимъ улицамъ, обгоняла царя.

У низенькаго, ветхаго, вросшаго въ землю домика бываго царскаго пріятеля, рыболова и плотника, Геррита Киста, грянулъ

плохо одѣтый, уличный оркестръ. Со всѣхъ сторонъ, изъ оконъ, съ заборовъ и крышъ, Петру махали шляпами и платками. Онъ, улыбаясь, раскланивался на всѣ стороны. «Магъ—не человѣкъ!» шептали голландцы, — счастливые новымъ заѣздомъ далекаго, сѣвернаго царя.

Дикому величію царственнаго скища, въ толпѣ разряженныхъ горожанъ, шель и его огромный ростъ, и громкій, сиповатый голосъ, потертый зеленый кафтанъ, полотняный жгутъ, вмѣсто кружевного шейнаго платка, волоса безъ пудры и рубаха безъ манжетъ.

Петръ пожалъ руку бургомистру, прошелъ въ отведенную ему квартиру, поговорилъ кое-съ-къмъ изъ свиты, отмѣтилъ на аспидной доскѣ: «Съ Конономъ о Сентъ-Сирѣ» —раздѣлся, отпустилъ денщика, легъ въ постель и задулъ свѣчу.

Веселые дѣтскіе крики, музыка, лиліи и гіацинты не выходили изъ головы Петра.

Ему вспомнились собственные дѣтскіе и юношескіе годы, бунтъ стрѣльцовъ, точившихъ на него ножи, какъ на убитаго царевича Дмитрія, Переяславское озеро и Бѣлое море. «Кремль не монастырь и царь не всероссійскій, вѣчно-молящійся въ церкви патріархъ» —говорилъ онъ тогда, стремясь взглянуть на чужія, дальнія страны. Сестра Софья звала его шатуномъ и жиновиннымъ сыномъ. А стрѣльцы, избивъ въ глазахъ Петра его родныхъ по матери, повторяли: «Щуку съѣли, зубы остались! пора на рогатину и ея послѣдыша!» и рѣшили бросить ему въ сани ручную, съ зажженнымъ фитилемъ, гранату, когда онъ поѣдетъ на пиръ къ Лефорту.

И еще вспомнилось Петру одно событіе. Затопивъ Москву кровью стрѣльцовъ, когда трупы казненныхъ валялись по мѣсяцамъ среди площадей и сложилась о Кремлѣ поговорка: «что ни зубецъ, то и стрѣлецъ», — Петръ уѣхалъ отдохнуть въ Воронежъ, гдѣ строилось его любимое чадо, —флотъ. Безъ него въ Москвѣ заболѣлъ и скончался его лучший другъ и учитель Лефортъ.

Въ предсмертномъ, горячечномъ бреду, больной метался, набрасывая и сжигая письма къ царственному другу, призывалъ музыкантовъ и умеръ, подъ звуки родныхъ, швейцарскихъ кантатъ. Москвичи толковали, что Лефортъ умеръ не у себя, а въ чужомъ домѣ, гдѣ въ тайнѣ отъ его жены проживала нѣкая, незадолго передъ тѣмъ, умершая, близкая ему особа. Ночью, въ собственной, опустѣлой спальнѣ Лефорта, какъ отмѣтилъ въ дневникѣ и австрійскій лѣтописецъ, слышались вздохи и тихій ше-

лестъ шаговъ, а на утро въ ней оказалась опрокинутою вся утварь. «Къ чорту нѣмцу, пока онъ помиралъ,—говорили москвичи: — душа его полюбовницы приходила, просить, чтобъ онъ пристроилъ прижитое съ нею, малое дитя!»

Узнавъ о смерти друга, Петръ открылъ гробъ Лефорта, бросился, съ рыданіями, къ его трупу и долго, запершись, разбиралъ его посмертныя бумаги. Щедро одаривъ и отпустивъ обратно въ Женеву вдову Лефорта, Петръ не забывалъ покойника, мысленно повторяя: «Осталось дорогое, тайное наслѣдіе друга... Чѣмъ ему воздамъ? чѣмъ отблагодарю?»

Проснувшись и взглянувъ въ узенькое, залитое солнцемъ окно, Петръ быстро одѣлся, узналъ отъ деньщика, кто ждетъ въ пріемной, и вышелъ.

— А! потворщикъ шалуновъ, Кононъ! здравствуй!—весело сказалъ Петръ, завидя Зотова:—какъ дѣла съ ребятами?

Зотовъ, подбодряясь, какъ могъ, и стараясь говорить пріятное, передалъ вкратцѣ свѣдѣнія о гардемаринахъ.

— Ну, а Дунюшка?—спросилъ царь:—что она?

Зотовъ смѣшался.

— Было съ ней, какъ вашему величеству донесено, неладное,—отвѣтилъ онъ:—да все нынче исправилось.

— Говори, говори,—произнесъ, садясь, государь.

Зотовъ въ подробности рассказалъ о приключеніи съ Дуняшей.

— Такъ ты все это объясняешь притязаніями стараго маркиза и тоской по родинѣ?

— Такъ именно, ваше величество... родичъ же и женихъ ея подруги только пособляли въ бѣгствѣ.

— Ну, видно, Кононъ, ты, какъ и твои ученики, больше подбивахомъ съ французами, — сказалъ Петръ:—и купліменты чинилъ ихъ соблазнительницамъ, присѣдающимъ хвостами... прогладѣлъ такой пассажъ!..

— Виноватъ, государь, да въ силахъ ли было?—отвѣтилъ Зотовъ:—монастырское начальство не чета, и тѣ оплошали...

— Не оправданіе... Спите все... А посему измѣрь помыслы циркулемъ усердія и получше исполняй долгъ... Привезъ якоря и паруса?

— Доставилъ все, завтра сдаю.

— Ну, гляди въ оба... О Дунѣ-жъ еще потолкуемъ... скоро мы будемъ къ ней въ гости.

Зотовъ поклонился.

— Да, à propos,—сказалъ царь:—давно не читалъ курантовъ; чтѣ пишутъ о насъ во Франціи?

— Зовутъ ваше величество творцомъ російскаго народа...

— Курантельщики народъ юркій и шустрый,—произнесъ Петръ:—но весьма и вездѣ любятъ ефимки. И тебѣ бы, Кононъ, не дурно съ ними сойтись и ихъ приласкать, чтобъ и впредь печатали о насъ добрыя вѣсти... Это будетъ полезнѣе, чѣмъ вести дискурсы съ бестіями езуитами о неподобающихъ, политическихъ затѣяхъ. Будутъ къ намъ склонны, и мы не отшатнемся отъ нихъ, воздадимъ!

Въ тотъ же день государь объявилъ свитѣ, что рѣшилъ сдѣлать экзаменъ гардемаринамъ. Послѣдніе были собраны у печного завода за городомъ.

— Готовы-ли?—спросилъ царь Зотова.

— Ждутъ повелѣній и милости вашего величества.

— Ну, господа, въ путь!—объявилъ Петръ, надѣвая треуголь и лосинныя перчатки:—лѣность и непотребства, Кононъ Никитичъ,—я предупреждалъ тебя,—скажутся на этомъ судѣ; и тогда виновнымъ истязаніе и гнѣвъ.

Царь и свита, выйдя на улицу, сѣли на подведенныхъ лошадей. Всѣ направились за городъ. Тамъ, у смотрительской камеры, стояло мѣстное начальство, литейщики, кузнецы и русскіе гардемарины.

— Здорово, молодцы!—сказалъ Петръ ученикамъ, вставая съ бѣлаго, рослаго, фрисландскаго коня.

Тѣ ему отвѣчали громкимъ вивать.

— Всему ли вы научились, для чего были посланы?—спросилъ царь, обходя гардемариновъ и вглядываясь въ ихъ молодя, обвѣтренныя то робкія и встревоженныя, то смѣлыя и беззаботно-открытыя лица.

— Всемиловѣйшій государь,—заговорилъ, сбиваясь и нѣсколько витѣвато, старшій изъ учениковъ, бѣлоглазый, полный и неповоротливый гардемаринъ Тувалковъ, опускаясь на одно колѣно и произнося очевидно заранѣе вытверженную рѣчь:—прилежали мы, по всей нашей возможности; но прости, отецъ, не можемъ похвалиться, чтобъ все изучили и произошли...

Петръ чуть улыбнулся, замѣтивъ, что и въ толпѣ школьниковъ улыбались чьи-то другіе, добродушные и веселые глаза. То былъ широкоплечій, бѣлокурый и рослый юноша, съ лукавой и слегка вздернутой, верхней губой.

— Трудиться надобно,—отвѣтилъ оратору Петръ, снимая перчатку съ правой, сильно загорѣлой руки:—видите, братцы, я и вашъ царь, а у меня на рукахъ неисходныя мозоли... И все отъ того, чтобъ другимъ показать примѣръ и, хотя подъ старость, увидѣть достойныхъ помощниковъ, а отечеству слугъ. Вамъ предстоитъ многое—въ Индію затѣваемъ путь...

Тувалковъ поймалъ и поцѣловалъ протянутую руку Петра.

— Встань и первый давай отвѣты,—сказалъ ему царь:—не робѣй, говори, что знаешь; а въ чемъ не силенъ, такъ и объяви. Господа,—обратился онъ къ литейщикамъ:—спрашивайте.

Экзаменъ, при посредствѣ переводчика, начался.

Ученики осматривали и объясняли литейную камеру, устройство плавильныхъ печей и формъ, разные заводскіе инструменты, лафеты, пушки и руды. Изъ литейной перешли на верфь, гдѣ испытаніе въ устройствѣ крѣпостей, подкоповъ и взрывовъ и въ знаніи навигаціи дѣлалось надъ образцами слѣпленныхъ изъ глины фортецій и надъ готовымъ, только-что осмоленнымъ громаднымъ, океанійскимъ кораблемъ.

Царь остался доволенъ словесною частью экзамена. Текутьеву и Юрлову было объявлено, что, если они окажутся такъ же успѣшны и въ прочемъ—«а паче въ наводкѣ орудій и пробной пальбѣ»—ждать имъ хвалы и производства въ чинъ.

— Теперь, господа, въ поле!—сказалъ Петръ:—все ли налажено?

Государь, Куракинъ, иноземные зрители и свита, съ учениками, вышли за ограду. Тамъ, на обширной гладкой полянѣ, стояли назначенныя къ стрѣльбѣ, чугуныя и мѣдныя пушки. Вдали, у длинной желтой насыпи, виднѣлось нѣсколько мишеней.

Идя къ пушкамъ, Петръ подалъ Зотову свою походную, зрительную трубу.

— Наведи-ка,—сказалъ онъ:—да кстати, гдѣ тотъ школяръ, что первый тебѣ прислалъ отсюда вѣсть о Дунѣ?

Касаткинъ, ладя въ десяти шагахъ назначенную ему, страннаго вида, тупорылую пушчонку, отъ слова до слова слышалъ отвѣтъ Конона царю.

— Это, что на свиньяхъ-то къ бухарцу ѣздилъ?—спросилъ Петръ, оглядываясь и, по нѣкоторымъ чертамъ, наконецъ, узнавая въ возмужаломъ, статномъ юношѣ, бывшего подростка московской навигацкой школы:—расцвѣлъ тюльпанъ! какъ-то порадуетъ наукой?

Пробная пальба началась.

Царь, окруженный иноземнымъ начальствомъ и пушкарями,

слѣдилъ въ трубу съ пригорка. Стрѣляли въ бѣлые и черные щиты, въ башенку и въ досчатую фигуру корабля. Заряды большею частью перелетали. Промажнулись первые десять учениковъ; только одинъ изъ выстрѣловъ Юрлова слегка задѣлъ верхъ башни.

— Бабы, ротозѣи!—ворчалъ Петръ, хмурясь на учениковъ: —въ ихъ глазахъ еще старый хмѣль... филь брантвейнъ трун-кент!—обратился онъ къ голландцамъ, видя, какъ тѣ вѣжливо и обидно-снисходительно улыбались.

Зотовъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Что мечешься? чисто католицкій патеръ! — крикнулъ Петръ, подходя къ раскраснѣвшемуся, оробѣлому Тувалкову: —забылъ вычисленія? ну-ка, въ корабельный дискъ.

Близорукій Тувалковъ окончательно растерялся. Онъ навелъ пушку и, зажмурясь, приложилъ фитиль. Выстрѣлъ грянулъ. Зарядъ взрылъ землю на полупути до насыпи, поднялъ облачко пыли и далеко перелетѣлъ за цѣль.

— Вотъ твои неучи!—крикнулъ царь Зотову:—любуйся! за-чѣмъ смотрѣлъ?

— Робѣютъ, ваше величество...

— А не робѣли вертопрашить, да съ французенками мотать рубли? выдолбили плавильное и подкопное дѣло, устройство фортецій,—а сталь дубинище съ фитилемъ, попадаетъ пальцемъ въ небо...

— Ну-ка, ты, бухарецъ!—обратился Петръ къ Касаткину: —твоя очередь... не выручишь ли оныхъ неучей и скотовъ?

Касаткинъ видѣлъ общее, тяжелое смущеніе и гнѣвъ государя. Ему было жаль и толстаго, чуть не плакавшаго добряка Тувалкова, и оторопѣлыхъ отъ неудачи прочихъ товарищей, и блѣднаго Зотова, глядѣвшаго въ тревогѣ и страхѣ, какъ малое, жалкое дитя. Но странное дѣло, Алексѣй былъ, повидимому, совершенно покоенъ, даже, какъ хорошо потомъ помнилъ, думалъ о постороннемъ. Въ его празднично-настроенныхъ мысляхъ проносились все какіе-то свѣтлые образы; въ душѣ точно переливалось и пѣло что-то восхитительное.

— Правый щитъ!—раздалась съ пригорка сердитая команда царя.

Касаткинъ присѣлъ на корточки, повозился у затравки, навелъ на щитъ тупорылую, ржавую пушчонку, и выпалилъ: мишень повалилась.

— Лѣвый уголъ башни! — послышалась та же команда съ пригорка.

Вдали что-то съ шумомъ треснуло. Въ верхъ и въ бока полетѣли щепки. Надъ башенкой взвился побѣдный флагъ.

Касаткинъ снова зарядилъ пушку и ждалъ. На время вокругъ него все затихло. Царь и голландцы очевидно совѣщались.

— Мачту корабля! гротъ-мачту! — раздался опять, какъ-бы надъ самымъ ухомъ Алексѣя, оживленный голосъ царя.

Касаткинъ очнулся. Его лицо было въ поту, глаза горѣли. Онъ снялъ съ себя треуголь, оправилъ волосы.

— Скорѣе, скорѣе, — шептали товарищи.

Алексѣй снова сталъ наводить пушку и вдругъ почувствовалъ странную, почти дѣтскую робость. Ему, ни съ того, ни съ сего, въ эту минуту, вспомнилась кутежная, темная, лѣтняя ночь, когда онъ, съ кучкой повѣсь, стащилъ изъ-подъ носа часового пушку и выпалилъ изъ нея, въ мертвой тишинѣ, на сенскомъ мосту.

И еще нѣчто болѣе страшное и отвѣтственное припомнилось въ это мгновенье Касаткину. Мертвящая, холодная дрожь прошла у него съ головы до пятъ.

Онъ смущенно нагнулся къ лафету, дрожащей рукой куда-то направилъ прицѣлъ орудія и съ мыслью «Помяни Господи царя Давида»... — ткнулъ во что-то остаткомъ догоравшаго, чаднаго фитиля.

Выстрѣлъ загудѣлъ особенно звонко и раскатисто. Зрители вскрикнули. У мишени опять взвился красный, побѣдный флагъ.

— Ай, да метальщикъ! — кричалъ обрадованный Петръ: — да ты и самъ, черезъ двухъ и трехъ человѣкъ, могъ бы метаться, какъ въ комедіи...

— Есть глазъ, размѣръ и вѣрная рука! — пояснилъ царь Зотову: — вотъ такъ бы и прочимъ...

Испробовали снова и другихъ учениковъ. Тѣ, ободрясь, также поправились. Но никто не превзошелъ Касаткина.

— Объявляю тебя поручикомъ галернаго флота! — сказалъ ему государь: — произвожу тебя перваго; стань сюда ближе.

Алексѣй, замирая, подошелъ къ царю. Петръ откинулъ съ его лба густые, русые волосы, слегка придержалъ его за чубъ и, глядя въ его счастливое, смущенное лицо, произнесъ: «честные, почитай, дѣвичьи глаза! будешь мнѣ вѣрнымъ слугой...»

Сказавъ это, Петръ притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ Касаткина. Тотъ еще болѣе смѣшался, смертельно поблѣднѣлъ и вдругъ упалъ передъ царемъ на колѣни.

— Не достоинъ, ваше величество, — проговорилъ онъ, склонивъ голову: — возьмите чинъ и похвалы... не милуйте, казните...

— Что съ тобой?—удивился государь.

— Воръ я и обманщикъ,—продолжалъ Касаткинъ:—всѣхъ и тебя обманулъ...

— Да въ чемъ дѣло? какія вины за тобой?

— Я—дерзкій, окаянный... я—увезъ Дуню изъ сень-сирскаго монастыря...

Петръ остолбенѣлъ. Кровь бросилась ему въ голову, выступила багровыми пятнами на щекахъ.

Всѣ видѣли, какъ щека и правый уголъ рта государя, съ подстриженнымъ, щетинистымъ усомъ, судорожно задергались, и какъ затряслась его кудрявая, точно каменная голова.

Стиснувъ зубы, Петръ медленно, съ дрожью, вдѣлъ на руку перчатку, пылающимъ, гнѣвнымъ взглядомъ, какъ-бы не видя никого, чуть окинулъ присутствующихъ, сказалъ Касаткину: «за мной»—крикнулъ коня и молча поскакалъ въ городъ.

Бѣлый, горбоносый и толстоногій, фрисландскій конь тяжело скакалъ по гладкому полю.

V.

Въ Сень-Сирѣ.

Возвратясь въ городъ, Петръ позвалъ Касаткина, притворилъ за нимъ дверь, молча прошелся по комнатѣ и сѣлъ на стулъ.

— Ну, молодчикъ, вывертывайся,—сказалъ онъ.

Касаткинъ стоялъ молча. Рѣчь ему отказывалась служить.

— Что же молчишь?—спросилъ Петръ:—изъ ребятъ, чай, вышелъ; я же не челоуѣкоядецъ,—обсужу, не съѣмъ.

— Прости, государь,—проговорилъ Алексѣй:—не судъ твой страшенъ; тяжела мысль,—я тебя прогнѣвилъ.

— Поздно жалѣть,—говори дѣло...

— Посуди, милостивый,—продолжалъ Касаткинъ:—птицы имѣютъ гнѣзда и лисы норы, язвины; ужи-жъ было оставаться безъ своего вертепа?

— Не такъ добываютъ свой уголъ!

— Увозъ сдѣлалъ тайно для всѣхъ, но по соглашенію,—произнесъ Касаткинъ:—я давно любилъ Дуню,—она меня...

— Гдѣ познакомились?

— Еще въ Москвѣ, у Текутьевыхъ.

— Какъ проникалъ въ монастырь?

— Сперва съ Конономъ Никитичемъ, потомъ подъ видомъ родича, сказать—кузена.

— Какъ устроилъ увозъ?

Алексѣй передалъ подробности похищенія.

— Ловко слажено! и оную гисторію ты изложилъ не мрачно!—сказалъ Петръ:—сенсъ ясенъ и вездѣ на мѣстѣ точки и запятія... Да какъ же ты осмѣлился? зналъ, подѣ чьимъ кровомъ та особа?

— Зналъ и не стерпѣлъ,—отвѣтилъ Алексѣй:—бодрила одна надежда на правый твой судъ, да сладкая мысль о будущемъ, добромъ товарищѣ, любимой женѣ...

— А вѣдалъ о вкладѣ?

— О какомъ вкладѣ?—спросилъ Алексѣй, чувствуя, что вдругъ ему стало грозить нѣчто неожиданное, страшное.

— О приданомъ этой сироты?

— Клянусь, ничего не зналъ... Вели судить, пытаться... Да я и рѣшился, когда пришла вѣсть о собственномъ, не маломъ наслѣдіи...

Царь помолчалъ.

— Такъ обвиняться думалъ?—спросилъ онъ, вставая:—далеко, братъ, до нашихъ поповъ... дудки!

Сухая, острая усмѣшка сверкнула въ глазахъ Петра. Онъ подошелъ къ столу, взялъ изъ кучи бумагъ потертый, распечатанный пакетъ, досталъ изъ него письмо и медленно, про себя, сталъ его читать.—«Точно угадывалъ, поручая чадо сердца, любви»—сказалъ онъ себѣ: «точно самъ, приснопамятный, умирая, напроорочилъ ей собственный, бурный, страстями исполненный, путь».

— Такъ по сердцу, съ согласіемъ?—спросилъ, вглядываясь въ Касаткина, царь.

— Вся жизнь, вся... и весь я твой, государь,—вскрикнулъ Алексѣй, чувствуя, какъ сжалось его горло и какъ по его лицу бѣжали слезы:—она-же... ты ее не знаешь, видѣлъ подросткомъ, дитѣй... нѣтъ ея лучше на свѣтѣ...

— Ну, посмотримъ,—холодно отвѣтилъ Петръ:—не ты, такъ другой; сорѣка съ тыну, десять на тынь... Но ты коснулся запретнаго дѣла и долженъ то отслужить. Лучше солдату смерть въ баталіи, чѣмъ на дыбѣ...

Петръ помолчалъ.

— У меня въ Каспій брошенъ очарованный, волшебный перстень,—продолжалъ онъ:—туда посланъ Бековичъ—его доставить... Не понимаешь? говорю переносно... Бековичу велѣно открыть старый торговый путь въ Индію, черезъ Каспійское море; ему дано противъ тамошнихъ дикихъ народовъ войско,

пушки и флотъ для десанта за море. Ты навигаторъ и пушкаръ... Готовься; завтра поѣдешь на Каспій, отвезешь бумаги Бековичу и еще захватишь оный походъ, понюхаешь пороху... Ну, будешь живъ, тогда рѣшимъ...

Въ тотъ же день Касаткина снабдили подорожною, деньгами и бумагами. На утро онъ собрался и выѣхалъ въ Астрахань.

Касаткина смущало одно обстоятельство: онъ открылъ не всю истину царю.

«И зачѣмъ я послушался Дуни?» мыслилъ онъ: «отчего тогда съ нею не ушелъ на край свѣта?.. Отгонялъ злыя думы, сомнѣнія, и вотъ чтò вышло... Я былъ плаватель, убивающій птицу, предвѣстницу бурь. Вѣщунья-птица погибла, а буря надвинулась, растетъ»...

Пріѣздъ императрицы въ Голландію, ея роды и болѣзнь задержали Петра въ Амстердамѣ. Онъ выѣхалъ во Францію только въ апрѣлѣ 1717 года. Его путь лежалъ черезъ Брюссель, Кале и Булонь. Въ государевой свитѣ, кромѣ присланнаго, его привѣтствовать,—маршала де-Тессе и лейбъ-медикуса Арескина, былъ, въ качествѣ знавшаго Францію и ея языкъ, голландскій посолъ и царскій своякъ, Куракинъ.

Высокій, тучный, отъ природы лѣнивый, изнѣженный и скупой, князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ радовался, что избавился отъ ненавистныхъ ему дорожныхъ хлопотъ, что онъ наконецъ спокойно выспится и отлично поѣстъ, и только досадовалъ, что придется не мало тратиться, въ бѣготнѣ по Парижу неугомоннаго и тугого на расчеты Петра.

Въ Парижъ пріѣхали поздно вечеромъ. Въ ярко освѣщенномъ дворцѣ вдовствующей королевы, русскаго государя встрѣтилъ богато-накрытый ужинъ. На столѣ красовались вкусныя, дымящіяся блюда и цѣлыя батареи разнообразныхъ, тонкихъ винъ. Куракинъ уже предвкушалъ наслажденія.

— Нѣтъ ли, Борисъ Ивановичъ, пивца?—обратился государь къ посланнику.

Побѣждали за пивомъ.

— Пить умѣютъ,—сказалъ Петръ, отвѣдавъ и вина:—только сильно роскошничаютъ и неудобъ ярко освѣщено...

Пройдя въ отведенную ему опочивальню и поднявъ канделябръ, Петръ осмотрѣлъ мягкую, высоко-взбитую постель, морморный рукомойникъ и пушистый, съ амурами и букетами, коверъ.

— Нѣтъ, князинька,—произнесъ онъ:—скажи имъ, я тутъ не засну. Королевѣ или изнѣженной придворной дѣвкѣ то было-бъ

подъ-стать; мнѣ же неповадно наплескать тутъ, съ дорожной пылью, ушатъ воды...

Царя и его свиту помѣстили у стараго арсенала, за Сеной, въ отелѣ Ледиггѣ. Петръ велѣлъ внести свою походную постель въ комнату, отведенную деньщику, и объявилъ, что лучшей спальни ему не надо.

Чѣмъ свѣтъ царь уже былъ на ногахъ. Изъ оконъ были видны арсеналъ, домъ Инвалидовъ, гудѣвшія народомъ улицы, рынокъ, а надъ Сеной мачты и флаги, множество торговыхъ судовъ. Петру не сидѣлось,—но обычай не позволялъ ему выйти въ городъ; царь ожидалъ визита регента.

Герцогъ Орлеанскій, а за нимъ и осмилѣтній король, Людовикъ XV-й, не замедлили привѣтствовать Петра. Бѣлокурый, румяный и, не по годамъ, толстый мальчикъ-король прибылъ отдать визитъ Петру, въ сопровожденіи разубранныхъ въ золото и перья, игравшихъ въ трубы, верховыхъ гвардейцевъ. Царь подхватилъ озадаченнаго ребенка, и, цѣлуя его, торжественно внесъ къ себѣ.

— Всю вашу Францію несу на своихъ рукахъ!—сказалъ онъ, разглядывая лицо, шпагу и хитроскроенную горностаевую епанѣчку малютки.

«Катеринушка, другъ мой сердечненькой, здравствуй»—писалъ Петръ объ этомъ свиданіи императрицѣ: «извѣщаю васъ, мейнъ-герценскиндъ,—визитовалъ меня нонче здѣшній каралища; дитя зѣло изрядное,—отъ полу не видно, а предивно сказывалъ дискурсы. Какъ здравіе «шишечки» и прочаго нашего потроха? Ей, безъ васъ скучнѣхонько; не подумайте, чтобъ утѣшался съ матресишками. Мы старики и не такофскіе. Да и Борисъ Ивановичъ съ дохтуромъ не допустятъ; запретительные челоѣвки».

Отдавъ всѣ должные парадные визиты, Петръ, съ неудержимой ретивостью, бросился на осмотръ Парижа, который предвзрительно оглядѣлъ въ трубу съ колокольни Богоматери.

— Ваше величество, не въ моготу!—сказалъ на одной изъ прогулокъ выбившійся изъ силъ, государевъ толмачъ и проводникъ, Куракинъ:—прости, милостивый, всѣ винты развинтились...

— А развѣ что?—удивился Петръ, отирая лицо.

— Не гнѣвайся, государь,—чуть не со слезами произнесъ Куракинъ:—за тобой слѣдуютъ раззолоченныя, королевскія кареты, а ты, прости за смѣлость, аки нищій студіозъ, все пѣшь, да пѣшь...

— Ну, постой, князинька,—отвѣтилъ Петръ:—вотъ еще лавка... ишь товаровъ-то... Постой, зайдѣмъ; все пидѣйскіе—

корица, индиго, перецъ, кашемиръ... Горе! не научили ихъ рѣчи: а чертовски ко всему способный народъ... Только въ людяхъ подлыхъ бѣдность не малая, да на улицахъ воняетъ,—у нѣмцевъ чище не въ примѣръ...

Первое свободное утро, по приѣздѣ въ Парижъ, Петръ провѣлъ въ Сентъ-Жерменѣ, у герцогини бургондской. Здѣсь былъ собранъ цвѣтъ знатныхъ красавицъ и разумницъ Парижа; а потому царь былъ особенно въ духѣ и, противъ обычая, по модѣ и даже щеголевато одѣтъ. Отсюда, въ сопровожденіи Куракина, государь проѣхалъ въ Сентъ-Сирскій монастырь.

Завидѣвъ за оградой павильонъ, въ которомъ помѣщалась начальница обители, Петръ оставилъ карету и паркомъ пошелъ къ маркизѣ Ментенонъ.

Прислуга успѣла доложить о немъ маркизѣ.

— Какъ? безъ предупрежденія и такъ просто?—изумилась осьмидесятилѣтняя, бывшая красавица и властительница покойнаго короля:—да вѣдь это безпримѣрное вандализмъ, непростительное даже послѣднему дикарю!

Ментенонъ, въ ужасѣ, взглянула въ паркъ и на свой домашній уборъ, опустила оконныя занавѣски, бросилась на постель и, задернувъ пологъ, велѣла объявить непрошенному гостю, что она больна и не принимаетъ никого.

Не успѣла прислуга кинуться въ пріемную, въ другомъ концѣ зданія, отъ теплицъ, слышались на крыльцѣ, потомъ въ столовой, твердые—«точно желѣзные или каменные»—какъ потомъ отзывалась маркиза—шаги царя. За порогомъ испуганно и звонко залаяла крохотная маркизина собачка, общая любимица монастыря.

Дверь растворилась. Вошелъ Петръ, за нимъ Куракинъ.

— Скажи ей свѣтлости,—обратился царь къ послу:—извиняюсь, что прибылъ не къ часу; крайне намъ дорого время.

— Да гдѣ-же она? знать недомогаетъ,—въ постели!—отвѣтилъ, разглядывая комнату, Куракинъ.

Петръ отдернулъ оконную занавѣску, приподнялъ пологъ и, увидя маркизу на кровати, отвѣсилъ ей глубокой и вѣжливый поклонъ.

— Чѣмъ вы больны?—спросилъ царь, сядя у ногъ маркизы.

— Старостью,—отвѣтила Ментенонъ.

— Такіе люди не старѣютъ,—произнесъ Петръ:—ваши глаза то доказываютъ... переведи ей, Борисъ Ивановичъ, мой комплиментъ!—обратился онъ къ Куракину.

Князь, въ отмѣнно изысканныхъ выраженіяхъ, передалъ маркизѣ государевы слова.

Лучъ прежней, давно угасшей красоты скользя въ радостно-засвѣтившемся лицѣ польщенной старухи. Она—въ ожиданіи новыхъ привѣтствій—молча всматривалась въ сѣвернаго «колосса».

— Ну, матушка, — сказали, помолчавъ Петръ: — просажено на тебя казны! Мои матресски обходились мнѣ дешевле... Этого, впрочемъ, князь, ты Ментеноншѣ не переводить...

Отвѣсивъ новый, по правиламъ поклонъ, царь вышелъ, узнавъ ближайшій путь къ обители и, обмахиваясь шляпой, направился черезъ садъ.

Монастырь не ожидалъ посѣщенія Петра. Младшія воспитанницы сидѣли въ классахъ; старшія были въ залѣ, на урокъ танцевъ.

Исполняя какую-то фигуру менуэта, Дуня взглянула въ окно и увидѣла необычныхъ гостей. По главной садовой аллеѣ, впереди другого посѣтителя, шелъ, срывая съ градокъ цвѣты, огромнаго роста незнакомецъ.

Онъ былъ въ модномъ, шелковомъ, цвѣта васильковъ, кафтанѣ, съ краснымъ стамеднымъ подбоемъ, въ бѣлыхъ — въ обтяжку — чулкахъ, въ лаковыхъ, съ пряжками, башмакахъ и безъ шляпы.

Гобои и скрипки доигрывали послѣднія трели, когда незнакомцы, пройдя крыльцо, были введены въ залъ.

Дуня съ-разу узнала дорогого гостя по его курчавой, выше всѣхъ головѣ, по смуглому, до невѣроятности загорѣлому лицу, по осанкѣ, подстриженнымъ усамъ и по живымъ, чернымъ, гордо глядѣвшимъ глазамъ.

Петръ съ своей стороны, видя ряды розовыхъ и зеленыхъ дѣвушекъ, подъ звуки скрипокъ, съ раскачиваньемъ, плившихъ и кланявшихся другъ другу, не могъ разобрать, чья изъ этихъ бѣлокурыхъ и темноволосыхъ, причудливо-причесанныхъ головокъ, принадлежала Дунѣ?

И онъ увидѣлъ вспыхнувшія щѣки, растерянно и укоризненно-улыбающіеся глаза. — «Не сказалъ, не предупредилъ!» — говорили ему эти глаза изъ толпы движущихся и кланявшихся дѣвушекъ: «а я то о тебѣ думала, тебя ждала»...

Танецъ кончился. Изъ круга вышла и, внѣ всякихъ уставныхъ приличій, бросилась на шею Петра взрослая, въ полномъ цвѣтѣ, красавица.

— Дозволяется? — спросилъ царь, оглядываясь на Куракина и наставницъ.

Всѣ почтительно разступились.

— Не узналъ!.. принцесса!—сказалъ Петръ, разглядывая Дуню и ея красивый, танцевальный нарядъ:—похорошѣла! Отдаю респектъ выправкѣ... вотъ тебѣ, въ презентецъ, цвѣты...

— Къ намъ, къ намъ!—кричали прочія дѣвицы, окружая царя:—кѣ зеленымъ, кѣ голубымъ... у насъ пѣніе... декламаторскій урокъ...

Осаждаемый и со всѣхъ сторонъ тормошимый монастырками, царь направился въ классы. Ему показали всѣ отдѣленія, столовую и молельню, гдѣ подъ звуки органа былъ исполненъ хоральный гимнъ.—«Поютъ не дурно»—подумалъ Петръ: «однако, отсюда вѣдь и умудрились бѣжать»...

Поклонясь наставницамъ, царь взялъ Дуню подъ руку и прошелъ съ нею въ садъ.

— Ну, сударыня,—сказалъ онъ, сядь тамъ на скамью, подъ деревомъ:—исполать! тобой довольны... Скоро и ученю конецъ...

Дуня молчала. Смущеніе и тревога отражались въ ея робко-склоненномъ лицѣ.

— Виновата я, государь!—проговорила она.

— Знаю... напроказила! ну, да кто Богу не грѣшенъ?... Молодецъ, однако, твой сосватанный, вихорь-лихачъ! и я его отличилъ...

— Не то, государь... ахъ, не то!—сказала Дуня, ломая руки:—прости за другое, скрытое отъ тебя...

— Что-же онъ? что вы?—спросилъ Петръ.

Дуня склонилась къ рукѣ царя и что-то тихо, внѣ себя, повторяла.

— Не слышу, матушка... говори яснѣй!

— Ахъ! прости... да не простишь...

— Ну?

— Мы... давно обвѣнчаны...

— Какъ? шутишь!—вскрикнулъ Петръ:—гдѣ достали попа?

— Посольскій, отецъ Иванъ, тайно вѣнчалъ въ Гаагѣ...

Петръ былъ ошеломленъ. Его лицо подернулось судорогой. Глаза сверкнули, но опять стали нѣжны и ласковы.

— Ахъ, вы путаники, вѣтрогоны!—сказалъ царь:—и отъ чего было съ-разу не открыться? ну, видно такъ и быть... перстъ Божій... Я-же тебѣ въ отцово мѣсто, оттого его и послалъ...

— Куда?—спросила Дуня.

— А вотъ погоди,—отвѣтилъ Петръ:—есть до тебя болѣе важное дѣло... Ты въ возрастѣ, пришло время,—и потому могу тебѣ объявить, кто ты...

— Своей матери ты лишилась младенцемъ,—продолжалъ царь:—о ней не спрашивай; красы она была неописанной,—ты становишься схожа съ ней!—но незнатной, русской семьи... Твой же отецъ... ты хотя и не отъ брака,—но мнѣ порученная дочь приснопамятнаго въ нашей службѣ моего учителя и лучшаго друга...

Петръ взялъ Дуню за обѣ руки.

— Имя твоего отца,—сказалъ онъ:—гордись имъ... адмиралъ и бывшій нашъ посолъ, Францъ Яковлевичъ Лефортъ...

Дуня не поднимала глазъ, молчала.

— А куда же ты, государь, услалъ Алексѣя?—спросила она, замирая.

— На Каспій, голубушка, въ знатный индѣйскій походъ, въ Хиву...

Дуня вскрикнула и безъ памяти упала со скамьи, къ ногамъ царя.

— Оный женскій полъ,—замѣтилъ Петръ Куракину, уѣзжая изъ монастыря:—часто безтолковъ и несносенъ... но въ немъ много привлекающаго... Дунѣ пора на свободу...

«Ужъ не приглянулась ли ему питомка?» подумалъ Куракинъ, вспоминая отзывъ о Петрѣ лейбъ-медика Арескина: «Царь одержимъ легиономъ бѣсовъ сластолюбія; онъ всегда циникъ, никогда селадонтъ».

— И скажу тебѣ,—продолжалъ царь:—французенки правомъ не похвалятся; далеко имъ до иныхъ земель. Женскій полъ у нихъ благообразенъ, даже неотразимъ... Примѣромъ, дѣвица Камаргб... Къ молодежи онѣ любезны и пріемны, къ домашнему-жъ труду весьма не горазды и больше все въ прохладахъ, да суетахъ...

«Пой, пой,—думалъ на это Куракинъ:—увидимъ».

Послѣ осмотра остальныхъ диковинъ Парижа,—мозаичной, чулочной и прочихъ фабрикъ, кабинетовъ рѣдкостей, академій и больницъ, Петръ отдалъ дань и удовольствіямъ, посѣтилъ балетъ «Очарованную Армиду» и комедію «Притворный адвокатъ». Разрѣшивъ списать свою персону живописцамъ Натѣ и Ригб, онъ предварительно вымылся въ банѣ. Въ кафе-Прокбпъ, обычномъ сборищѣ тогдашнихъ литературныхъ и ученыхъ знаменитостей, царю представили Реомюра. На смотре парижскихъ войскъ, царь лихо проскакалъ вдоль строя, но остался недоволенъ страшною пылью и толпой лѣзшихъ, поглазѣть на него, уличныхъ зѣвакъ. Не оставялась и политика. Шли переговоры съ министрами, писались какія-то бумаги.

Наканунѣ отъѣзда изъ Парижа, Петръ посѣтилъ французскій парламентъ.

Зрительныя трубы и взоры публики были устремлены на рѣдкаго гостя. Депутаты сидѣли въ парадныхъ, красныхъ мантияхъ и беретахъ, въ которыхъ палаты нѣкогда встрѣчали Карла Пятаго. Послѣ шумныхъ о чемъ-то преній, королевскій прокуроръ, снявъ шляпу, сказалъ съ кафедры привѣтственную, пышную рѣчь царю. Ему отвѣчали первые ораторы Геренъ и Мишб, причемъ однимъ изъ нихъ было заявлено, что русскому государю, за карту Каспійскаго моря, въ тотъ день былъ поднесенъ дипломъ парижской академіи наукъ. Публика и члены палатъ рукоплескали.

— Краснобайски витіюють, куда нашимъ кіевскимъ бурсакамъ!—сказалъ Петръ, оставляя парламентъ, свободой и шумомъ котораго былъ нѣсколько озадаченъ:—а ихъ дѣла, Борисъ Ивановичъ, скажу, не въ авантажѣ,—у голландцевъ деньги занимають подъ немалый ростъ...

Девятаго іюня, Петръ вторично и въ послѣдній разъ навѣстилъ Сенъ-Сирскій монастырь. Въ тотъ-же день онъ выѣхалъ изъ Парижа, гдѣ его пребываніе, несмотря на всю его расчетливость и простоту, обходилось королевской казнѣ по тысячѣ восемьсотъ ливровъ въ день.

Былъ вечеръ.

Запряженныя кареты стояли у подъѣзда. Народъ толпился, глядя на крыльцо и въ окна царскаго помѣщенія.

Зазвучали трубы, защелкали бичи. Экипажи двинулись.

— А мы, князинька, свое дѣло сдѣлали,—сказалъ царь Куракину, раскланиваясь изъ кареты бѣжавшему за нимъ народу:—союзъ не союзъ, а выговорили у здѣшной министеріи помощь противъ шведа и турокъ... А гдѣ помѣстилъ Дуню?

— Въ калешѣ съ Арескиномъ слѣдуетъ,—отвѣтилъ Куракинъ: не можется ей что-то въ закрытомъ, блѣдна и какъ-бы ей все дурно...

— Утѣшится,—сказалъ царь:—отпросилась къ мужу, хочетъ его первая встрѣтить съ похода, съ побѣднымъ вѣнкомъ... Какъ то все уладилъ тамъ Бековичъ? за его вѣдь каспійскую карту мы нынче академики...

ЧАСТЬ II.

ИНДѢЙСКІЙ ПОХОДЪ.

[1717—1721 г.]

VI.

Сборы.

Въ концѣ февраля 1717 г., полу-азиатскій, бѣдно-обстроенный и мало-населенный городъ Астрахань вдругъ оживился. По его улицамъ сновали пѣхотные солдаты, гребенскіе и яицкіе казаки, разъѣзжали верхомъ офицеры, тащились съ клажей верблюды и воловьы вozy.

Жители толковали о предстоящемъ походѣ отряда князя Бековича-Черкаскаго за Аму-Дарью, на Индію, черезъ Хиву.

Въ небольшомъ домикѣ, гдѣ помѣщалась семья командира отрядныхъ полковъ, майора Франкенберга, каждый вечеръ собирались офицеры.

Марья Саввишна Франкенбергъ, урожденная Текутьева, была живая нравомъ, радушная и привѣтливая хозяйка. Провожая мужа, она была рада, чѣмъ могла, развеселить его товарищей. Гости пили пуншъ, играли въ карты, пѣли подъ лютню пѣсни, бесѣдовали о предстоящей экспедиціи.

Въ числѣ офицеровъ были и подоспѣвшіе къ походу, присланные государемъ, вслѣдъ за Касаткинымъ, произведенные изъ гардемариновъ морскіе офицеры — братъ хозяйки Текутьевъ, Тувалковъ, Лебедевъ и Юрловъ. Первымъ тремъ отъ царя было велѣно завѣдывать отрядною артиллеріей и помогать при перевозкѣ десанта черезъ Каспійское море. Касаткинъ былъ назначенъ въ личное распоряженіе князя Бековича.

Еще прежде присланный въ Астрахань, морской поручикъ Кожинъ, помогавшій Черкасскому въ постановкѣ новозаложенной Тюбъ-Караганской крѣпостцы и успѣвшій побывать въ Персіи и на Кавказѣ, выдѣлялся отъ остальныхъ офицеровъ нѣсколько чваннымъ, заносчивымъ нравомъ и безпрестанно спорилъ съ властями, осуждая чуть не каждое распоряженіе Бековича.

Былъ конецъ масляной.

Окна квартиры Франкенберга были весело освѣщены. Въ двухъ комнатахъ играли въ ломберъ. Въ третьей, за разложенною картой каспійскихъ береговъ, шла бесѣда о предстоящемъ походѣ.

— А все-таки не понимаю, — сказалъ, съ нѣмецкимъ выговоромъ, хозяинъ, добродушный, съ просьбою, давно обрусѣлый пѣхотный майоръ Франкенбергъ: — откуда доказательства, что въ старину былъ торгъ въ этихъ мертвыхъ, сыпучихъ пескахъ? ни жилья, ни воды...

— Исторія, сударь, — отвѣтилъ недавній парижскій школяръ, Тувалковъ: — Иродотъ, Плиній, Страбонъ... ну, — Аристовуль, да и Птоломей весьма ясно указываютъ на коммёрсъ Европы съ востокомъ въ тѣхъ мѣстахъ.

— Засыпалъ, батюшка, именами... не выговоришь! Ты лучше объясни, отчего тотъ коммёрсъ нынче прекратился?

Молодежь переглянулась. Въ глазахъ нѣкоторыхъ читалось: «ну, что съ нимъ, старикомъ, рассказывать, когда видно, что не заглядывалъ въ прочтенныя нами книги?»

Пока близорукій, толстый Тувалковъ, вода носомъ по картѣ Каспійскаго моря, шептался съ Юрловымъ, вошла и съ улыбкой облокотилась о столъ красивая, статная, съ двумя пышными, русыми косами, Марья Саввишна.

— Охъ, ужъ вы спорщики! — произнесла она, окинувъ всѣхъ ласковымъ, спокойнымъ взглядомъ.

Касаткинъ, при этомъ взглядѣ и голосѣ, вспомнилъ далекую, былую подругу хозяйки, царскую питомицу Дуню, и вспыхнулъ. Его давно брала охота поговорить въ этомъ задушевномъ кругу, — теперь его будто нѣчто подхватило на крылья.

— Вотъ видите ли, дяденька, — сказалъ Касаткинъ, именую эту, всѣми принятую, задушевною кличкой общаго любимца отряда: — хивинцы пресѣкли, издавна преградили воды Аму плотинами, и всѣ города и села, въ той старой горловинѣ, стали пусты.

— Но зачѣмъ же они преградили?

— Дабы истомить, дяденька, сжѣждити вольныя, непокорныя племена, своихъ сосѣдей. Вотъ его величество и повелѣлъ идти, разрыть тѣ плотины и направить рѣку Аму-Дарью вспять, въ былое ложе.

Марья Саввишна перевела одобрителный, ласковый взглядъ на Касаткина и не переставала слѣдить за нимъ, какъ бы говоря: «вотъ онъ, другъ моей Дуни; вотъ — слушайте, какъ онъ дѣльно и красно говорить».

— И скажу вамъ, досточтимый государь мой, — продолжалъ, оживляясь болѣе и болѣе, Касаткинъ: — его величество — въ томъ засвидѣтельствуютъ и остальные товарищи — ни на день не спускаетъ мыслей съ оріента, съ восточныхъ рубежей отечества;

посылая насъ сюда, государь изволилъ выразиться, что Россіи нужны не новыя земли... ихъ доволѣ у насъ...

— Именно такъ, — прибавилъ Тувалковъ: — мы-де бѣдная, забытая другими страна; намъ нужны иныя завоеванія, — говорилъ царь, — у насъ недостатокъ въ деньгахъ, въ товарахъ и въ новыхъ торговыхъ путяхъ.

— Оттого и походы, — подтвердилъ Лебедевъ: — по этому закрытому пути въ древніе годы торговали финикійцы, генуэзцы, венеціане. Царь Грозный заботился о возобновленіи его; Годунову англичане строили въ Нижнемъ для Каспія суда; царь Алексѣй спустилъ сюда корабль Орель.

— Тамъ за Хивой, у воротъ Индіи, — продолжалъ Касаткинъ: — царство древняго Могола; тамъ лежитъ богатый золотомъ и всякими дивами городъ Иркѣнь; и къ тому городу ведетъ эта самая, великая, какъ Миссисипи, сказочная рѣка Оксъ, или Аму, по коей въ древности къ нашимъ хвалынскимъ, т.-е. каспійскимъ берегамъ, двигались караваны предивныхъ сокровищъ.

— И мы двинемся туда! — проговорилъ Юрловъ: — штыками, пулями, возвратимъ рѣку Аму изъ Аральскаго въ Каспійское море, на-вѣки прославимъ нашъ отрядъ.

Марья Саввишна вздохнула.

«Да», подумала она, глядя на мужа и на оживленные лица офицеровъ: «какъ-то вамъ всѣмъ посчастливится въ этомъ дѣлѣ? какъ-то возвратитесь изъ дальняго, тяжелаго пути?»

— А паче всего, — произнесъ Касаткинъ: — государь, отпуская насъ, велѣлъ напомнить князю, — посылаетъ-де онъ его не завоевателемъ, а мирнымъ посломъ и купцомъ, хоть и дано ему въ охрану семь тысячъ войска. И приказалъ въ тѣхъ мѣстахъ князю думать не о лаврахъ Александра Македонскаго, а лишь о купеческихъ, для будущей торговли, барышахъ...

— Добавлю и я, — сказалъ, отирая лицо, Франкенбергъ: — и это я уже знаю изъ бумагъ, — государь повелѣлъ все дѣлать разумно, не торопиться, а главное — не входить въ газардъ, дабы дѣла не погубить и людей даромъ не терять. Знаете это?

— Ну, разумѣется, — заговорили молодые гости: — кто же будетъ поступать, очертя голову? не такое предстоитъ дѣло, — азіатская, хитрая страна...

— Въ этой самой инструкціи, — продолжалъ Франкенбергъ: — царемъ указано, пройдя старымъ русломъ Аму, склонить хивинскаго хана въ нашу дружбу, обнадѣживъ наслѣдствомъ престола, а его подданныхъ всячески ласкать: мы-де пришли не дувѣнать, а вести торгъ. И если ханъ пожелаетъ защиты отъ

своихъ, то дать ему въ охрану нашу гвардію; а нечѣмъ будетъ ей платить жалованье, то на годъ отъ насъ довольствоваться его и казной... Ну, что на это скажете?

— Умно,—произнесъ Тувалковъ:—дѣльно и умно.

— А вы же, государи мои,—сказалъ съ улыбкой хозяинъ:—думали штыками да пулями все то скорехонько добыть...

— Ну, разумѣется... вѣдь это, еслибы азіаты вдругъ заспорили...

— А надо, чтобъ не вышло спора, — заключилъ Франкенбергъ:—въ томъ-то опытность и мудрость... Князь, безъ сумнѣнія, все то устроить по приказу. Многоводная, нужная намъ Аму польется съ ледяныхъ высотъ Памира въ Каспій. Только и вы, господа, помните, да получше, царскія слова: быть во всемъ на сторожѣ; а паче... паче всего—не входить въ ненужный, вредный газардъ.

Марья Саввишна подала руку мужу. Всѣ пошли ужинать. «Тѣ красно говорить», мыслила она: «горячія, бѣдовыя головы... Мой тише, смириѣе,—но правда чуть ли не на его сторонѣ».

И, видя переглядыванье, слыша насмѣшливый шопотъ молодыхъ людей, она крѣпче сжала руку мужа, съ усталымъ и озабоченнымъ видомъ молча шедшаго съ нею сзади гостей.

Князь Бековичъ-Черкасскій, возвратясь изъ осмотра новозаложенной закаспійской, Тюбъ-Карагáнской крѣпости св. Петра, спѣшилъ кончить приготовленія къ походу, чтобы двинуться до лѣтняго тепла.

Войско, сверхъ ожиданія, еще не было въ сборѣ. Кончали постройку и снаряженіе судовъ, для перевозки за море войсковыхъ тяжестей и торговаго, индѣйскаго каравана. Продовольствія припасли на полгода. Сборнымъ мѣстомъ былъ назначенъ, въ устьѣ Урала, укрѣпленный Гурьевъ-городокъ.

Касаткинъ явился съ бумагами къ князю Бековичу ранѣе прочихъ гардемариновъ, и былъ имъ принятъ отмѣнно ласково. «Очень радъ», сказалъ Бековичъ: «мы товарищи гардемарины; докажемъ, каковы плоды наукъ.»

Родомъ изъ владѣтельныхъ Черкасскихъ князей, уроженецъ Большой Кабарды, Александръ Бековичъ, т.-е. сынъ бека-князя, Черкасскій былъ въ дѣтствѣ тайно похищенъ ногайцами у отца, вскорѣ затѣмъ, при осадѣ Азова, попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, получилъ въ крещеніи имя Александра и воспитывался въ семьѣ знаменитаго наперсника Софьи, князя Василя Голицына, гдѣ выучился русскому и латинскому языкамъ. Австрійскій посолъ

Корбъ, видя красиваго черкесскаго юношу, за пышными подмосковными обѣдами его воспитателя, занесъ въ свои записки о благородствѣ и твердости духа, обличавшихъ въ плѣнномъ си-ротѣ воина по происхожденію.

Одной крови съ другими Черкасскими, болѣе ранними выходцами съ Кавказа,—по второй женѣ Грознаго уже бывшими въ роднѣ съ Рюриковичами,—Бековичъ былъ замѣченъ Петромъ у Голицына. Возведя его въ званіе стольника, царь его, съ Зотовымъ и другими, послалъ для обученія морскому дѣлу въ Европу, откуда Бековичъ возвратился въ 1708 году. Хорошо, по времени, образованный, двадцатипяти-лѣтній красавецъ-черкесъ свелъ съ ума не одну изъ невѣстъ тогдашняго Петербурга и Москвы. Онъ женился по любви на родственницѣ своего воспитателя, княжнѣ Марѣ Борисовнѣ Голицыной, пожилъ нею нѣкоторое время въ помѣстьяхъ ея отца и опять возвратился на службу. Вскорѣ его имя стало неразлучно съ важнѣйшими изъ предпріятій Петра на востокѣ.

Посѣтивъ Кавказъ, Черкасскій, въ 1711 году, предложилъ государю принять въ подданство, съ клятвой на коранѣ, его братьевъ и родину, Кабарду. Братья дали царю «шерть» — присягу и объявили о сверженіи турецкаго ига съ своего народа. Въ 1713 году, зачисленный въ гвардію, князь отличился въ закубанскомъ походѣ. Еще черезъ годъ, по волѣ царя, Черкасскій занялся съѣмкой восточныхъ береговъ Каспійскаго моря и, въ видахъ будущаго присоединенія къ Россіи всего Кавказа, изъ первыхъ далъ Петру совѣтъ — утвердиться на Каспій и въ Персидѣ, а для поисковъ золота и серебра и развитія торговли съ востокомъ предпринять индѣйскій за Аму-Дарью походъ. Передъ отъѣздомъ съ этимъ порученіемъ въ Астрахань, Бековичъ былъ произведенъ въ капитаны преображенскаго полка.

Жена Бековича, княгиня Марѣа Борисовна, была дочерью дядьки Петра, боярина князя Бориса Алексѣевича Голицына, извѣстнаго среди государевыхъ слугъ тѣмъ, что ему, между прочимъ, удалось уничтожить въ своемъ царственномъ питомцѣ врожденную боязнь воды. Князь Борисъ Алексѣевичъ засѣдалъ въ пяти-членномъ совѣтѣ, управлявшемъ нѣкоторое время государствомъ, завѣдывалъ потомъ казанскимъ приказомъ, но оставилъ мірскую жизнь, постригся въ монахи и, три года назадъ, умеръ семидесяти-трехъ лѣтъ въ пустынѣ Фролищевой, близъ города Гороховца, Владимірской губерніи. Чтя его память, государь въ пріѣзды ко двору его дочери, Бековичъ, выходилъ къ ней на-встрѣчу и лично ее высаживалъ изъ саней.

Сестры княгини Бековичъ были въ замужствѣ также за князьями: Настасья—за Ромодановскимъ, Аграфена—за Хованскимъ и Анна—за царевымъ казнохранителемъ, Прозоровскимъ. Въ гербѣ Черкасскихъ была золотая держава, на горностаевомъ полѣ, и шапка съ зеленымъ перомъ пророка.

Княгиня Марѳа Борисовна, передъ проводами мужа въ походъ, съѣздила съ четырьмя малолѣтними дѣтьми на поклоненіе въ Фролищеву пустынь, гдѣ внесла богатый вкладъ на монастырь и служила молебны, объ успѣхѣ похода, на могилѣ отца. Она возвратилась въ Астрахань, незадолго до прибытія туда Касаткина.

Получивъ новые государевы приказы и наставленія, приведенные Касаткинымъ изъ Голландіи, князь Черкасскій созвалъ военный совѣтъ. Голоса на совѣтѣ раздѣлились. Касаткинъ въ подробности впослѣдствіи помнилъ это совѣщаніе.

Въ особенности горячился морской поручикъ Кожинъ, невысокій, плотный и смуглолицый человѣкъ, — Касаткинъ здѣсь разглядѣлъ его впервые. «Да чтѣ вы, господа,—сказалъ Кожинъ:—изъ Казани еще не подѣхали ожидаемые запасные, съ походными аптеками, лекаря... Вѣдь этакъ, торопясь, всему семитысячному отряду придется, при бѣдѣ, искать пособіи у одного лишь врачебныхъ дѣлъ мастера, да и то старика...»

Послѣ долгихъ споровъ, шума и даже перебранокъ, причѣмъ Кожинъ,—въ укоръ Черкасскому, — назвалъ отрядныхъ азіатовъ «гололобыми», а тѣ чуть не схватились за ятаганы, былъ рѣшенъ зимній походъ передового отряда, съ частью пушекъ и съ войсковымъ обозомъ.

— Моряковъ для флотиліи у насъ достаточно,—сказалъ Бековичъ, обращаясь къ Касаткину:—опытныхъ пушкарей мало; потому тебѣ, Алексѣй Ильичъ, поручаю проводить казаковъ, а притомъ осмотрѣть и приспособить гурьевскую гавань къ высадкѣ пѣхоты, моего штаба и остальныхъ частей.

Казачій отрядъ двинулся изъ Астрахани въ исходѣ великаго поста. Колесный обозъ, съ войлочными кибитками, шелъ сзади, подъ прикрытіемъ крещенныхъ калмыковъ и мирныхъ, юртовскихъ татаръ. На вьюкахъ верблюдовъ отправили въ даръ великому индѣйскому Моголу—на нѣсколько тысячъ рублей суконъ, бархата, шубъ, шелку и парчи. Хивинскому хану, кромѣ прочихъ даровъ, везли еще укрытую кошмами, золоченую, съ стеклами, карету, а за нею вели верхового вороного и цугъ темносѣрыхъ упряжныхъ, вывезенныхъ изъ нѣмечины, жеребцовъ.

Передъ выходомъ головного отряда въ Гурьевъ, у Черкаскаго была прощальная вечеринка.

Угощалось отрядное начальство и прочіе чины. При возглашеніи обильныхъ здравіицъ за царя и войско, играла музыка, били въ накры и барабаны.

Здѣсь былъ и Кожинъ. Онъ, по обычаю, заспорилъ съ бригад-коммиссаромъ Волковымъ.

— Не шутите, государь мой,—говорилъ Волковъ:—снаряженіе обошлось въ двѣсти осмнадцать тысячъ... чего же вамъ еще? все предусмотрено.

— Въ двѣсти осмнадцать тысячъ, знаю!—отвѣтилъ насмѣшливо Кожинъ:—все то высчитано и въ ерестрикъ, чай, занесено. Только, батюшка, не сердчай, мало верблюдовъ, водка разбавлена, да и мучица ой съ душкомъ...

Волковъ съ крикомъ сталъ опровергать.

— О чемъ рѣчь?—спросилъ, подходя къ спорившимъ, Бековичъ.

Кожинъ отвернулся. Бековичъ съ снисходительной усмѣшкой посмотрѣлъ на его сердитое и красное отъ возліяній лицо, на небрежную прическу и поношенный, неряшливый кафтанъ, и повторилъ вопросъ.

— Да вотъ что, князь,—непочтительно-грубо отвѣтилъ Кожинъ:—все здѣсь не по указу... Вы готовитесь къ баталіямъ, а вамъ что повелѣно? и изъ-за чего медлите съ караваномъ?

— Объяснитесь, сударь, не разберу,—произнесъ Бековичъ, готовясь слушать.

— Не одобровать походу, попадетесь всѣ въ лещетку, въ капканъ!—продолжалъ Кожинъ, возвышая рвавшійся въ досадѣ голосъ:—не знаете игры... много шаховъ, одинъ матъ!

— Такъ приказано его величествомъ!—отвѣтилъ Бековичъ.

— А вы должны рапортовать царю, должны,—кричалъ, размахивая руками, Кожинъ:—все то недостаточно, говорю вамъ, и ничего не выйдетъ; нужно посольство, товары, дары,—а вы, въ видѣ конвоя, ведете экое войско... Ужли думаете отуманить отрожденныхъ азіатовъ-хитрецовъ? Да на кошку чирикаетъ и воробей...

«А вѣдь Кожинъ, пожалуй, и правъ?»—подумали нѣкоторые, въ томъ числѣ и Касаткинъ.

Темноволосый, съ изъ-синя черными, красивыми, задумчивыми глазами, костлявый, широкоплечій и худощавый лицомъ, Бековичъ сильно поблѣднѣлъ. Гордо улыбаясь, онъ молча слушалъ задорнаго моряка.

— Ай, да придумали! дивно, а не проведете!—продолжалъ

Кожинъ, глядя на всѣхъ и, въ бѣшенствѣ, не видя никого:—калмыцкій Аюка-ханъ пишетъ,—въ Хивѣ уже провѣдали, что послы идутъ небывалые,—съ пѣхотой, конницей и пушками. Мнѣ-же, князь, указано особое порученіе,—вдругъ подступилъ къ Бековичу и угловато поклонился Кожинъ:—пустите впередъ; вѣрно—подъ видомъ купчины, съ караваномъ... Ну, я пройду безъ опаски, не токма въ Хиву,—въ Индію, къ Моголу... не надо мнѣ вашихъ конвоевъ... пройду безъ сабли и штыка!

— Не ты вождь, я вождь,—спокойно возразилъ Черкасскій, слегка покосивъ строгіе глаза на спорщика:—не пущу тебя купчиной, самъ знаю! ты морякъ—вези, высаживай войско, не мутить...

— Кто мутяны! я?—крикнулъ, не помня себя, Кожинъ:—это за услуги-то? такъ не дадите каравана? не пустите?..

— Не пущу.

— Кому же поручите?

— Не твое дѣло...

— Такъ я вамъ не пособникъ, съ вами не пойду...

— А я прикажу... твой начальникъ...

— Знаю,—только есть правда повыше...

— Государя слушаешься?

— Мой отвѣтъ!—произнесъ Кожинъ:—мало ли что издали приказано! на то глаза, чтобъ смотрѣть.

— Трусъ!—презрительно прошепталъ и, сверкнувъ глазами, отвернулся Бековичъ.

— Ты мнѣ это выкупишь, попомни, князь,—заключилъ Кожинъ, трясаясь отъ волненія и злобы:—не пеняйте, господа,—обратился онъ къ прочимъ офицерамъ:—берегите головы на плечахъ,—хивинцы грозятъ набить ваши кожи сѣнной трухой...

— Циплятамъ по осени счетъ!—отвѣтилъ, крутя усы, Бековичъ:—а тебѣ, слушай, совѣтую покориться; не то,—по артикулу,—подъ судъ...

— Спасибо, угостили!—произнесъ, кланяясь князю и прочимъ, Кожинъ:—дорѣга скатертью—счастливаго пути!

Онъ схватилъ шляпу и шпагу, застегнулся, отвѣсилъ низкій поклонъ княгинѣ и, не глядя ни на кого и сердито пыхтя, вышелъ отъ Бековича.

— Проспится, утихнетъ!—толковали офицеры.

Кожинъ ночью написалъ рапортъ Меншикову и Апраксину, извѣщая черезъ нихъ государя, что бросаетъ Черкасскаго; утромъ тайно выѣхалъ въ Казань, взялъ тамъ подорожную и отправился въ Петербургъ.

Передовой отрядъ вышелъ въ Гурьевъ безъ него.

VII.

Барка.

Весна въ 1717 году, на сѣверѣ Каспійскаго моря, наступила поздно. Казачій отрядъ до сборнаго мѣста шель около двухъ недѣль, по снѣгу. Были еще и сильные морозы и не одна бурная, степная мятель.

Майорша Франкенбергъ получила отъ Касаткина, съ пути до Гурьева, два письма:

«Милостивая государыня моя, благодѣтельница и печальница, Марья Саввишна!» писалъ Касаткинъ въ первомъ письмѣ: «вы себѣ представить не можете, какъ я радостенъ и многосчастенъ вашимъ даннымъ, пуховымъ рукавичкамъ и таковымъ же чулкамъ! Ну, вотъ ужъ удружили, пригрѣли, сберегли,—а я еще совѣстился брать. Оно всегда такъ: думаешь о хоромахъ, а помогла щепка. Опишу все по порядку. Ай, да южные, пустынные края: почитай, холоднѣе дальняго Питера. Такъ и сказывали: полгода студеные Холмогоры, полгода палящій Стамбуль. Кто запасся, какъ отчасти и я, арчакомъ изъ жеребьячей шкуры, либо киргизскими дѣхами, тому только спасенье и житье. Особливая-жъ благодать—сибирскіе сѣвики, сказать—длинные, аки-бы женска пола, оленьи рубахи до пятъ. Вы бы меня въ такомъ нарядѣ и не спознали, да когда еще притомъ на головѣ шапка изъ молодаго оленя-бѣляка,—не въ примѣръ благодать. Въмѣсто пера обученнаго моряка у меня, сударыня, въ промерзлой рукѣ, въ сію минуту, плохо даже очиненный карандашикъ; но я потщусь сдержать обѣщаніе и опишу, что видѣлъ и зрю.

«Авангардъ Бековича на зимнемъ походѣ испыталъ немало бѣдъ въ снѣжной, безлюдной степи. Краткіе отдыхи смѣнялись однообразнымъ, медленнымъ движеніемъ нѣсколькихъ сотъ переполненныхъ транспортныхъ фуръ, подъ скрипъ оледенѣлыхъ колесъ. Особенно надоѣдалъ несмолкаемо-воющій, какъ зимой въ трубѣ, сѣверо-восточный, злой вѣтеръ. Облака шли низко; днемъ и то было не совсѣмъ свѣтло. Сумерки наступаютъ скоро. Грemitъ барабанъ,—радостный ночной привалъ. Разбиваются калмыцкія кибитки-юллы; вокругъ табора, ставится съ ружьями стража. Развьючиваютъ верблюдовъ къ корму. Кашевары въ суетѣ: достаютъ изъ переметныхъ व्यюковъ торсуки, баклагы съ водою, котелки на похлебку, таганцы для огня и всякую снѣдь. Ночь

безъ мѣсяца и звѣздъ; не видно ни зги. Издали только свѣтятся яркія прорѣхи на бокахъ и маювкахъ кибитокъ, да вороха искръ сыплются съ дымныхъ костровъ, сложенныхъ изъ степной колючки и камыша.

«Всѣ подкрѣпились», описывалъ такой привалъ Касаткинъ: «тотъ тянетъ пѣсню, тѣ улеглись въ кибитки спать. Кругомъ смолкаетъ. Даже вѣтеръ было усилился и затихъ; только перекликаются на углахъ табора часовые, да протяжно, жалобно вдругъ зарычить на всю окрестность иной верблюды. Ему, видно, какъ и людямъ, также вспомнилась только не такая ночѣвка, — корму вдоволь, теплый зимовникъ. Давно ли и я съ товарищами оставилъ чужія, дальнія страны, Парижъ, гдѣ мы ходили по веселымъ, шумнымъ улицамъ, видѣли иныхъ людей! Давно ли я расстался и съ Дуней? Имѣете ли письма о ней?»

Пустынны и дики показались отряду зимой страшные, вѣчные Рынъ-пески. Ни жилья, ни деревца; все подъ снѣжными кучугурами. Кое-гдѣ лишь выткнулся тощій, въ колючкахъ, кустарникъ да камышъ. Ударила мятель, верблюды сбиваются въ кучу, хвостами къ вѣтру. Но потянетъ теплою съ юга, на диво скоро въ этихъ мѣстахъ рухнуть снѣговые сугробы, и не опомнится пустыня, какъ и вотъ она, весна.

«Сегодня, Марья Саввишна», писалъ Касаткинъ, спустя три недѣли, во второмъ письмѣ: «скажу себѣ въ утѣху, — быдто дохнуло теплѣе съ полудня, отъ южной, морской стороны. И ужъ такъ-то мы всѣ возрадовались, что и не сказать. Ужли и въ самомъ дѣлѣ шестуетъ весна, аки бы пресвѣтлая волшебница съ могучимъ жезломъ?»

Примѣты сбылись. Прошелъ день, другой; степи не узнать. Куда ни кинуть взоръ, вездѣ шумятъ, бѣгутъ веселые, ревущіе, снѣжные ручьи. Давно ли телѣги и арбы тонули въ сугробахъ? теперь тонуть въ грязи.

Подъ Гурьевымъ изморенному отряду дали дневку. Привалъ объявили до захода солнца. Половина обозныхъ верблюдовъ, съ частью лошадей, отбили на «тебенёвку» — пощипать въ сторонѣ, за приморскимъ бугромъ, открывшейся на солнцѣ, прошлогодней ожившей травы. Сильно всѣ обрадовались отдыху. Въ лагерѣ было такъ мирно и тихо, что товарищи Касаткина по кибиткѣ, состоявшіе въ драгунской сотнѣ, два плѣнные шведа даже раздѣлись, какъ въ банѣ, чтобъ подъ ворохомъ полстей и шубъ лучше согрѣться, послѣ долгой стужи, и во всю сласть заснуть.

Они тихими, то радостными, то грустными голосами бесѣдо-

вали съ Касаткинымъ о своей родинѣ, о памятной полтавской баталіи и о своемъ давнемъ плѣнѣ.

— И страшно было во время той битвы, подъ пушечной пальбой?—спросилъ Касаткинъ старшаго шведа.

— Страшно... говорили, что у васъ разстрѣлянь весь порохъ, а ваши пушки все палили...

— Видѣли въ битвѣ царя?

— На бѣломъ конѣ... Я завидѣлъ; тутъ ударила пуля, я упалъ...

Шведъ не кончилъ. Въ лагерѣ раздалась тревога. Затрещали барабаны; загремѣли вѣстовыя трубы. Суета, бѣготня, крики начальства. Кое-гдѣ, въ потьмахъ, выпалило ружье.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ, на-скоро одѣвшись и выскочивъ изъ кибитки, Касаткинъ:—откуда переполохъ?

— Не вѣдаемъ, батюшка,—отвѣчали казѣки:—кто е зна...

Алексѣй схватилъ шпагу, сѣлъ на чью-то лошадь и бросился сквозь толпу. Вокругъ табора ставили заваль изъ телѣгъ и выюковъ. Безпорядочный, смутный говоръ кругомъ. Темень непроглядная. Ревутъ остальные, выючимые верблюды. У разбираемой, старшинской кибитки твякаеть, трусливо заливаясь, полковая собаченка, Рябка. Сѣдлали лошадей—но куда? никто не знаетъ. Наконецъ, прискакалъ казакъ изъ полка Басманова.

— Налетѣли—объявилъ онъ—каракалпаки и погнали отъ бугра съ тебенёвки всѣхъ верблюдовъ и лошадей.

— На конь, на конь!—кричатъ есаулы.

Гребенская сотня выѣхала изъ табора, за нею Франкенбергъ съ драгунами. Касаткинъ поскакалъ съ послѣдними. Хищниковъ догнали на разсвѣтѣ, у какого-то яра. Тѣ изъ-засады дали залпъ. Кое-кто изъ казаковъ повалился. «Въ сабли»—скомандовалъ Франкенбергъ и бросился первый. Хищники бѣжали, бросивъ добычу.

«Плохое предзнаменованіе» — мыслилъ Касаткинъ, возвращаясь къ табору: «у себя, почитай, дома — подъ самою крѣпостью... Что же будетъ далѣе, тамъ, въ этой пустынной, мертвой землѣ?»

Вновь поднялся отрядъ, вновь потянулся къ недалекому городу. Разсвѣло. Солнце грѣло по лѣтнему. Степь синѣла и шумѣла тысячами ручьевъ. Дымились трубки, слышался казачій говоръ и смѣхъ. Въ передовой казачьей сотнѣ гремѣли бубны, дружные голоса, заливаясь, пѣли: лёнъ, лёнъ молодой. А товарищъ Алексѣя, младшій плѣнный шведъ, искусникъ въ живописи, съ верблюда, на ходу, заносилъ карандашомъ на бумажку

видѣнный ночной переполохъ. Чуя близость жилья, бодрѣ шагали верблюды, неся на мягкихъ горбахъ огромные, мѣрно-качающіеся व्यюки. Инородцы, въ сбозномъ прикрытіи, разошлись на радости, какъ на праздникъ, мелькая желтыми, алыми и всякихъ цвѣтовъ халатами. Они смѣялись и, тыкая вдаль нагайками, что-то весело галдѣли.

«Еще десятокъ верстъ, и мы будемъ въ Гурьевѣ», написалъ Касаткинъ Марьѣ Саввишнѣ, съ послѣдняго привала: «оба мои къ вамъ письма, какъ и особо здѣсь же, подъ печатью, прилагаемую на имя Дуни грамотку, для Бога, перешлите ей при оказіи. Азъ же писавый—здравъ и невредимъ, по мольбамъ предстательствующихъ за ны».

Марья Саввишна Франкенбергъ получила оба письма Касаткина уже послѣ пасхи. Ихъ она не переслала въ Парижъ, такъ какъ жена Касаткина къ этому времени ее извѣстила, что, узнавъ объ отъѣздѣ мужа въ Астрахань, она рѣшилась, едва прибудетъ во Францію государь, неотступно просить у него отпуска къ мужу.

На Оминой недѣлѣ, двинулось въ Гурьевъ на судахъ и остальное войско.

Духовенство служило на площади, въ Астрахани, напутственный молебень. Кропили святою водою людей, суда, пушки и знамена. На красномъ, шелковомъ знамени Бековича, съ изображеніемъ солнца, мѣсяца и орла, княгиней Мареой Борисовной были вышиты золотомъ восточныя слова: «Девлетъ-Гильдей-Мурза» — покоритель странъ — князь.

Кожинъ, еще когда княгиня вышивала знамя, не утерпѣвъ, напалъ и на эту надпись.

— Не статочно, охъ, не ладно и опять не къ добру! — говорилъ онъ: попомните, оскорбятся дикіе гордые князьки.

— Да вѣдь княжество родичамъ Черкаскаго дано еще царемъ Ѳеодоромъ Алексѣвичемъ, — возражали Кожину штабные: а его братья и теперь владѣютъ на Терекѣ черкесами и охочанами.

— Не то, говорю вамъ, не то, — возражалъ упрямый спорщикъ: — былъ я въ этихъ краяхъ, посмотрѣлся — слушались бы меня... Покоритель... а идемъ торговать...

Два брата Черкаскаго, красавцы и щеголи Сіюнчъ и Акмурза, подоспѣли съ Кавказа къ лѣтней части похода. Ихъ и

двадцать, ставшихъ въ личную охрану князя, разряженныхъ кабардинскихъ узденей Черкасскій взялъ на собственную бригадину.

Княгиня Бековичъ напросилась провожать мужа въ море, куда рѣшила взять съ собой и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, двухъ дочекъ и грудного сына, тѣзку отца, меньшаго Александра.

— Лучше бы ты, княгинюшка, осталась дома, — уговаривалъ жену князь: — море не бабье дѣло; захвораешь, мало ли что!

Марѳа Борисовна не послушалась мужа, снарядила дѣтей и поѣхала. Хворавшій лихорадкой, старшій сынъ, Александръ большой, остался въ горести и слезахъ у Марьи Саввишны въ Астрахани.

Князь ступилъ на бригадину и поднялъ флагъ къ отплытію судовъ.

— Тятичка, тятя, — кричалъ на рукахъ князева деньщика шестилѣтній Саша, уцѣпившись за расшитую золотомъ полу отцова гвардейскаго кафтана: — возьми и меня.

— Полно, Шурка, увидимся, потерпи, — утѣшалъ, улыбаясь, князь.

— Слона приведи, — не унимался сынъ: и живого льва...

— Хана тигра приведу, — крикнулъ съ рѣвки отецъ.

Суда двинулись. Съ бригадины былъ видѣнъ берегъ, покрытый народомъ, крыльцо Марьи Саввишны и на немъ она съ плачущимъ Сашей.

Погода стояла ясная, теплая. Кудрявые, бѣлые облака весело бѣжали по небу. Вѣтеръ былъ попутный. На второй день флотъ миновалъ устья Волги и, выйдя въ море, убавилъ парусовъ. Князь сталъ прощаться съ семьей.

— Не плачь, Марѳуша-другъ, — сказалъ Бековичъ женѣ: — развѣ забыла? Покойный твой батюшка отъучилъ государя отъ страха воды. Вотъ и вышелъ царь-морякъ, да какой, и мы съ него моряки. И что я думаю: не отъучи князь Борисъ Алексѣевичъ царевича отъ водяной боязни, не видали бы мы ни этого синяго, широкаго моря, ни предстоящаго къ его чести и славѣ похода.

— Ахъ, князинька-свѣтъ, Сашечка ты мой собственный, — отвѣтила Марѳа Борисовна: — не страшусь я, душатка, ни моря, ни войны; ты отваженъ и смѣлъ, все снесешь... Но сердце вѣщаетъ недоброе, щемить...

— Молись за насъ, успокойся, скоро свидимся опять.

— Не отпускай насъ, обожди, — молила княгиня: — дай нагладѣться, поговорить... пройдемъ вмѣстѣ еще хоть малый часъ.

Князь опять поднялъ флагъ. Но далѣе отъ устья Волги вѣ-

теръ сталъ свѣжѣ. По морю забѣгали зайчики, волны расходились вровень съ кормой, начали хлестать на палубу. Солнце клонилось къ закату. Пол-неба застилалось темно-багровою тучей.

— Видишь, князь, журавлей?— сказала княгиня: вонъ тянутся изъ-подъ тучи полоской, чуть видать; а ближе... бѣлая чайка... ишь, чуть машетъ, точно плыветъ въ воздухѣ...

— Вижу.

— Ну, примѣтишь въ пустынѣ журавлей, либо гдѣ, надъ водою, чайку, — вспомни насъ...

— Нѣтъ, жена, довольно!— рѣшилъ Бековичъ, обнимая княгиню и дѣтей:— ѣзжай съ Богомъ; чѣмъ дальше отъ берега, видишь, тѣмъ хуже... Не быть бы грозѣ, бурѣ... Море не земля; на него не надѣйся...

Князь и княгиня простились.

— Съ деньщикомъ отпиши, счастливо ли доѣдешь, съ деньщикомъ!— крикнулъ съ бригадины Бековичъ.

Особо оснащенная барка, съ княгиней и дѣтьми, поплыла къ берегу. Остальной флотъ, раздувъ паруса, двинулся полнымъ ходомъ къ Гурьеву.

— Прощай, Саша, прощай!— кричала княгиня Марѳа Борисовна, подъ шумъ крѣпчавшаго вѣтра, поднимая съ барочной палубы то сына, то дочекъ, въ красной и синихъ рубашечкахъ, и маша платкомъ уплывавшему мужу. Слезы бѣжали по лицу князя.

— Господь да спасетъ всѣхъ... всѣхъ!— доносилось по вѣтру съ барки.

Бригантина стала удаляться. Марѳа Борисовна упала на колѣни, молясь и не спуская глазъ съ бѣлѣвшихъ въ сумеркахъ парусовъ и не слыша ни налетаващаго шквала, ни плеска сердито-хлеставшихъ валовъ. Туча разрослась. Устья Волги и берегъ были не вдали, но ихъ покрывали сумерки. Надо было пройти отмели.

— Охъ, Демьянычъ, страшно!— сказала княгиня шкиперу.

— Не бойтесь, государыня, — отвѣтилъ тотъ, направляя руль: — на борту у насъ катеръ, а мы отрожденные моряки.

— Не о томъ я... счастливо ли изъ похода вернется князь?

Казаки-рыболовы съ песчаной косы примѣтили вечеромъ барку, различая на ней матросовъ и рослаго, безъ шапки, шкипера, бившихся съ парусами и рулемъ. Къ ночи буря усилилась.

— Не спустить ли, братцы, челна? — сказалъ одинъ изъ рыбаковъ: — кажись, съ товаромъ... не бухарцы ли?

— Лакомъ Акишка — чортъ... ну, и мырнй! — отвѣтилъ изъ шалаша голосъ старшаго.

— А что, какъ тонуть? — не унимался рыбакъ.

— Бухарцы, жди! — отозвался тотъ же голосъ изъ шалаша: выудилъ намеренно Ливдшка укладку, а она казенная, — засудили.

Подъ ревъ вѣтра, на взморьѣ, раздалось нѣсколько мушкетныхъ выстрѣловъ. Барку очевидно било среди отмелей, — она зывала о помощи, — но выстрѣловъ не было слышно на берегу.

Къ разсвѣту буря затихла. Рыбаки спустили челны и двинулись съ сѣтями.

Безбрежное, ммурое море было пусто. Расходившіяся волны, съ глухимъ плескомъ, перебѣгали черезъ гладкія, бѣлыя косы отмелей.

— Ой, дядя, что-й-то бѣлѣть, — сказалъ Акишка, гоня свой челнъ: — во-во, за косою...

— Укладка, братцы, и есть, лови...

Бековичъ, съ пѣхотой и пушками, высадился въ Гурьевѣ въ концѣ апрѣля. Встрѣтивъ его на берегу, комендантъ сообщилъ, что каракалпѣки вторично, въ минувшую ночь, налетѣли съ ближняго Сырта и угнали съ пастбища, изъ-подъ самаго города, чуть не весь верблюжій табунъ.

— Какъ же это? а казаки, конвой? — спросилъ, нахмурясь, Бековичъ.

— Загуляли старшины, а за ними стража... Утромъ погнались, да видно поздно...

— Охъ, бородачи, дорвались опять до кизлярки! И это въ началѣ... Часъ отъ часу не легче. Сюда начальство!

Черкаскій, съ узденями и драгунскою сотней, бросился въ догонку. Хищниковъ настигли по пути къ Эмбѣ. Они, вогнавъ верблюдовъ въ камышъ, отстрѣливались изъ него отъ наспѣвшихъ казаковъ. Провожавшій Бековича Касаткинъ увидѣлъ съ бугра ручей, заросшій, какъ лѣсомъ, камышомъ. Тамъ и здѣсь поднимались бѣлые дымки; просвистѣло нѣсколько пуль.

— А, собачьи шкуры! — крикнулъ Бековичъ: — есть и мушкеты... Бери, Алексѣй Ильичъ, съ драгунами влѣво, я обойду вправо.

Дружный натискъ и нѣсколько залповъ въ окруженный съ трехъ сторонъ камышъ кончили дѣло. Табунъ былъ снова отбитъ. Драгуны, казаки и княжи уздени окружили Бековича.

— Что? будете водку пить? — спросилъ князь, съ дрожью губъ, казацкихъ старшинъ.

Тѣ молча кланялись.

— Перваго пьянаго въ походѣ, кто-бъ ни былъ, изъ своихъ рукъ кончу.

Подвели на арканѣ вожака каракалпаковъ. Бековичъ холодно чуть взглянулъ въ загорѣлое, страшно-худое и изуродованное оспой лицо раненаго оборвыша и махнулъ узденямъ рукой. Тѣ его молча пристрѣлили.

Возвратясь въ Гурьевъ, князь назначилъ день къ выходу войска. Оно было окончательно въ сборѣ: четыре тысячи пѣхоты, двѣ тысячи конныхъ казаковъ, драгунскій, съ плѣнными шведами, эскадронъ и около тысячи смѣшаннаго запаса.

Всѣхъ пушекъ было привезено болѣе тридцати, — изъ нихъ около половины чугунныхъ. Ядра для нѣкоторыхъ изъ нихъ отливались изъ стараго чугуннаго лома въ Гурьевѣ. Но кинулись къ орудіямъ, — заготовленные ядра оказались болѣе образца; пришлось часть изъ нихъ перелить. Это задержало отрядъ. Оказался и недостатокъ вьючныхъ верблюдовъ, для поднятія привезеннаго моремъ остального обоза. Приходилось значительную долю нужныхъ тяжестей, и въ томъ числѣ продовольствія, бросить. Многіе при этомъ вспомнили Кожина.

Провіантмейстеръ напалъ на бригадкоммиссара, сказавъ, что тотъ болѣе думалъ о своемъ карманѣ, чѣмъ о снаряженіи войскового обоза. Бригадкоммиссаръ кричалъ, что напишетъ обо всемъ своему патрону и милостивцу, Меншикову, а не то и самому государю. И оба шли разбираться къ Бековичу. Князь не зналъ, куда дѣться съ этими дразгами. Но кое-какъ все уладилось: перелили ядра, добыли часть верблюдовъ, уменьшили и навьючили провіантъ. Изъ Казани подъѣхали и давно-ожидаемые, два запасные лекаря, съ аптечками. Изъ Астрабада явился маркитантъ-персъ, съ палаткой винъ, табаку, пряностей и разныхъ лакомствъ. Былъ уже на исходѣ май. Все, наконецъ, стянулось, собралось, прибродрилось и было готово въ путь.

Одинъ Бековичъ медлилъ, о чемъ-то все думалъ и хмурился. Онъ поджидалъ деньщика, съ письмомъ отъ жены, — соображалъ, что тому давно слѣдовало подъѣхать, и удивлялся его отсутствію.

Наканунѣ дня, окончательно назначеннаго для похода, Черкасскій, съ гурьевскимъ комендантомъ и съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, сдѣлалъ прощальный смотръ перевозочнымъ судамъ. Все было найдено въ порядкѣ. Начальнику флотилии и штурманамъ князь общалъ того же дня написать рапортъ государю,

съ похвалою морякамъ. Княжіе спутники были веселы, въ духѣ. Говорили, не умолкая, о предстоящемъ походѣ.

Возвращаясь на катеръ въ Гурьевъ, съ княземъ, комендантомъ и Франкенбергомъ, Касаткинъ увидѣлъ плывшую имъ на встрѣчу лодку и на ней стоявшаго, страннаго вида, человѣка.

— Это вашъ деньщикъ Максимъ, — сказалъ Касаткинъ, глядя въ подозрную трубу.

Бековичъ поблѣднѣлъ. — «Наконецъ-то» — подумалъ онъ: «явился вѣстникъ...»

Лодка подплыла. Обвѣтренный, въ пыли, смущенный и самъ на себя не похожій, Максимъ молча подаль письмо Франкенбергу.

— А мнѣ? — спросилъ изумленный князь.

Деньщикъ смущенно сталъ рыться въ сумкѣ. Франкенбергъ вскрылъ и на скоро пробѣжалъ поданное ему письмо; оно было отъ его жены.

— «Страшное горе, небеса разверзлись для кары неповинныхъ», — писала Марья Саввишна: «приготовь, лапушка-другъ, князя, — перо отказывается писать. Буря разбила въ морѣ барку. Княгиня, съ обѣими дочками, и всѣ до одного матросы, какъ и шкиперъ, утонули».

Далѣе Франкенбергъ — едва читалъ. Строки спутались, прыгали въ его глазахъ.

«Дивнымъ чудомъ», — продолжала въ письмѣ Марья Саввишна: «уцѣлѣлъ одинъ младшій княжій сыночекъ. Его полумертваго снесло и бросило на отмель, гдѣ утромъ его нашли рыбаки. Онъ и старшій сынъ князя, по милости божьей, здравствуютъ у меня въ Астрахани. Злощастное знаменіе. Упаси васъ Господи и помилуй тамо, въ пустынь».

Франкенбергъ передалъ письмо Касаткину.

Бековичъ, по ихъ молчанію и лицамъ, понялъ, что привезена вѣсть о чемъ-то не въ мѣру гибельномъ, роковомъ.

— Что пишутъ? — спросилъ онъ майора.

— Ничего особеннаго... ѣдьте...

— А мнѣ? развѣ нѣтъ писемъ? — спросилъ князь, оглядываясь на лодку, гдѣ все еще копался въ сумкѣ деньщикъ.

— Успокойтесь, — сказалъ Франкенбергъ.

— Жена больна, дѣти? говорите...

Франкенбергъ намекнулъ на бурю, потомъ подробнѣе разсказалъ о баркѣ. Но когда Касаткинъ, желая смягчить слова майора, сказалъ коменданту: «великое горе, правда, да Господь сохранилъ сына, — оба сына живы!» — отчаянію князя не было

предѣловъ. Онъ сталъ рвать на себѣ волосы, одежду и два раза пытался броситься съ катера въ воду.

Бековича на берегу сдали въ охрану братьямъ. «Девлетъ, Девлетъ! — повторяли на родномъ языкѣ Сіюнчъ и Акмурза: «нашему племени не диво горе... не плачь, молися, будь твердъ».

Князь былъ неутѣшенъ. Сраженный вѣстью о гибели жены и обѣихъ дочерей, онъ заперся въ домѣ коменданта. Отказываясь отъ пищи и питья и сидя по-азіатски, между братьями, на коврѣ, онъ билъ себя въ грудь и, вспоминая далекое кавказское дѣтство, громко и жалобно вылъ непонятныя русскимъ, татарскія молитвы.

Такъ прошло еще болѣе недѣли. Войско продолжало стоять подъ Гурьевымъ.

— Богъ далъ, Богъ взялъ! — сказалъ, наконецъ, князь: я далъ царю слово, — сослужить, — отслужу... Возьмемъ у Хивы, вернемъ въ Каспій Аму-Дарью... Будутъ помнить Бековича въ пустынѣ!..

Красное, шелковое знамя, съ золотою вышивкой княгини Марѣы Борисовны, развернулось надъ войскомъ.

Покоритель-князь сѣлъ на коня.

VIII.

На пути.

Отрядъ двинулся.

Отъ Каспія, въ Гурьевѣ, до озеръ Аму-Дарьи шли два мѣсяца.

Выступили въ день памяти «мученицы Марѣы», девятаго іюня. За рѣку Эмбу переправились, въ бродъ и на плотамъ, на четвертой недѣлѣ Петрова поста, наканунѣ дня апостола Іуды, брата Господня.

Шли, по указу Петра, вдоль стараго, высохшаго русла Аму-Дарьи, влѣво отъ хивинскаго, торговаго пути, по мертвымъ, песчанымъ равнинамъ и солончакамъ.

Зной стоялъ невыносимый. Люди, верблюды и лошади, уже съ первыхъ же дней, стали изнывать отъ безводицы и худыхъ кормовъ. На привалахъ рыли десятки колодцевъ, добывая въ песокъ скудную, горько-соленую воду, съ запахомъ сѣрныхъ паровъ.

— Эхъ, страшное дѣло, — толковали солдаты: — гляди, братъ, сколько идемъ, ни травки тебѣ, ни жилья, ни воды...

— Въ полѣ, братъ, двѣ доли, — замѣтилъ деньщикъ Касаткина, Апронька:—чья возьметъ.

— Да ты, чортъ, нешто заговорёнъ?—скалили зубы солдаты.

— Ни моря безъ воды, ни войны безъ крови, — отвѣчалъ Апронька:—а вы, какъ погляжу, лихачи, лучше-бъ сидѣли на печи...

— Его, пàря, не тронь, онъ ловежь,—отшучивались солдаты:—на войну ходилъ, рыбу въ прудѣ громилъ...

Молочный братъ и сверстникъ Алексѣя, Апронька былъ долговязый, бѣлобрысый малый, на видъ увалень; но онъ изъ первыхъ разбивалъ кибитку своему барину, первый добывалъ ему на привалахъ воды и зналъ все, что дѣлалось и говорилось въ отрядѣ. Онъ самъ напросился за бариномъ изъ подмосковной, куда по пути заѣхалъ Касаткинъ.

Къ Иркенскимъ, песчано-каменистымъ холмамъ, барханамъ, пришли въ розговѣнье, на разсвѣтѣ праздника апостоловъ Петра и Павла. Здѣсь нѣсколько дней отдохнули, наполнили боченки и торсуки изъ обильныхъ, найденныхъ ключей, и двинулись далѣе. Холмами снова шли около семи недѣль.

Къ хивинскимъ лугамъ и пашнямъ, не вдали отъ Аральскаго моря, спустились, близъ залива Айбуйгиръ, въ половинѣ августа.

Здѣсь, истомленный отъ зноя и всякихъ трудностей, отрядъ Бековича, на Успеньевъ день, въ урочищѣ Карагачъ, завидѣлъ, наконецъ, давно-желанныя воды и плотины Аму-Дарьи.

Касаткинъ въ Гурьевѣ спилъ изъ плотной, синей бумаги, въ осьмушку, небольшую тетрадь, вписалъ въ нее для справокъ числовой календарь и, въ часы отдыха, на пути, сталъ туда заносить для жены «курантный о походѣ дневникъ».

Первые листы дневника были испещрены отрывочными, въ двухъ-трехъ, иногда неконченныхъ словахъ, замѣтками о разныхъ мелочахъ: когда и куда пришли, что видѣли, слышали о хивинцахъ и о дальнѣйшемъ пути, гдѣ ожидали найти колодезь, у кого отсталъ конь, палъ верблюдъ, какъ добывали топливо, кто самъ заболѣлъ и пр.

Первыя болѣе подробныя свѣдѣнія Касаткинъ занесъ въ эти листки, по приходѣ къ главному колодцу, среди Иркенскихъ холмовъ. Здѣсь, съ подкрѣпленіемъ силъ, къ нему, очевидно, возвратились свѣжесть мыслей и отрада болѣе словоохотливой, хотя заочной бесѣды съ женой.

«Нынѣ день пр. Сампсонія, память преславной полтавской баталіи», писалъ Алексѣй въ концѣ іюня: «а гдѣ мы, Боже Господи! на краю земныхъ предѣловъ. Кругомъ желто-песчаная пустыня, надъ головой раскаленные небеса. Гляжу, Дунюшка, далекій другъ, на твой даръ, алмазное въ перстиѣ сердце, и думаю,—узришь ли когда эти слова? Ахъ, сколько претерпѣли! Пли полтора мѣсяца, были гладны, томились неизобразимо жаждой. Что за лютая, убивствомъ дышущая страна! А наши въ Астрахани мнили, представъ, что весь походъ будетъ лишь мыслямъ и взору пріятный променады. Придемъ-де, узримъ и сразу воспріймемъ славный триумфъ. Анъ вышло иное»...

Отъ Эмбы почва пошла уже вездѣ скудная, илисто-солонцеватая, напоминающая высохшее морское дно. Топкія, сверху подсохшія солянки смѣнялись обвѣтренною, сѣрою глиною, пыльнымъ мергелемъ и желѣзняками. Близъ моря, среди соленого ила, кое-гдѣ еще попадались обрамленные красноватыми, лишайными травами, тощіе колодцы и стоки воды. Въ разсѣлинахъ, въ прохладѣ, вытыкались свѣжіе верески и даже вешніе цвѣты,—желтые тюльпаны, алые маки и воронцы.

За Эмбой, въ каракумскихъ пескахъ, всякіе злаки исчезли: ни дерева, ни сѣдомой травки, — одинъ, среди сѣро-пепельной глади, колючій терновникъ, да жесткій, хрупкій саксаулъ. По песчанымъ намѣтамъ швыряли мохнатые тарантулы, огромныя, паукообразныя фаланги, скорпионы и сѣрыя змѣйки.

До Эмбы еще клетали могильные, исполинскіе орлы, попадались на зеленыхъ холмахъ дикія козы, тушкѣнчики—земляные зайцы, свистѣли суслики и сурки. Здѣсь пошелъ сплошной такыръ, засыпанная песками, осадочно-соленая равнина.

— Вотъ братцы, жарить, полыхаетъ! страсть!—говорили, еле двигая ногами, солдаты, раздѣваясь на пути чуть не до нага: это хоть бы на полкъ, въ банѣ... И куда это насъ царь, Пѣтра Ликсѣичъ, шлетъ?

— Будетъ ишшо тебѣ лучше... подведетъ животы!..

— Нешто не знаешь? Въ Иркени, сказываютъ, золота наберемъ.

— Жди, идолъ, золота,—вонъ съ подметковъ званія одна,—пальцы, ноженьки искололъ.

— А мы съ бариномъ дождемся,—отвѣчалъ Апронька съ горба верблюда:—барынѣ привеземъ гостинцевъ.

— Какихъ?

— Желтой, лимонной матеріи на робрѣнъ.

— Оставъ же, слышь, на подвѣртки и намъ.

— Го-о-о! — хохотали солдаты, мелькая рядами смѣющихся, загорѣлыхъ лицъ и оборванныхъ рубахъ.

Струи знойнаго, жгучаго вѣтра дули въ лицо, точно изъ раскаленной печи. Въ особенности донимала ѣдкая и мелкая, какъ зола, сѣро-песчаная пыль. Никуда отъ нея нельзя было увернуться и спрятаться. Поднимаясь, въ безвѣтріе, изъ-подъ ногъ клубами, она лѣзла въ ноздри, въ уши, въ ротъ. При вѣтрѣ, солнце казалось желто-багровымъ ядромъ. Люди шли ощупью, какъ-бы по дну огненнаго, красно-туманнаго моря.

За нѣсколько переходовъ до Айбугіра въ особенности натерпѣлись. Въ теченіи пяти дней не встрѣчали воды. Половину захудалыхъ, чуть живыхъ лошадей бросили. Опаршивѣлые, какъ кволыя индюшки, верблюды еле двигали ногами, съ жалобнымъ тихимъ ревомъ, щипля на ходу занесенную пескомъ, тощую полынь. Торсуки давно были пусты. Ужасъ распространился по отряду. Началось смертное томленіе безъ воды. За кружку вонючей, грязной болтушки изъ найденной лужи офицеры платили казакамъ по битому, вѣнскому талеру. Головы мрачились, всѣ шли, шатаясь, какъ безумные. Ночь не давала прохлады. Люди безъ команды, не разбивая кибитокъ и не развьючивая скота, въ мучительной истомѣ, падали на горячій песокъ. Лагерь подходилъ на поле, покрытое тѣлами недавняго боя.

И вдругъ прогремѣлъ громъ.

Апронька проснулся, протеръ глаза и разбудилъ Касаткина.

— Что ты? — спросилъ, съ трудомъ поднимаясь, Алексѣй.

— Гляньте, баринъ, — Илья-то нашъ пророкъ, — Илья...

— Ну?

— Да вонъ, глядите сюда.

Касаткинъ привсталъ. Небо съ востока чуть бѣлѣло, прикрытое рѣдкою въ тѣхъ краяхъ тучею. Туча бороздилась молніями. Гремѣлъ, съ краткими раскатами, громъ. Нѣсколько крупныхъ капель дождя упало на лицо и руки Касаткина. Апронька крестился. Алексѣй бросился будить Бековича. Князь не спалъ.

— Я другое примѣтилъ, — сказалъ онъ: — слушайте...

Касаткинъ, затаивъ дыханіе, сталъ вслушиваться.

Въ концѣ табора, въ казачьемъ обозѣ, явственно крикнулъ разъ и другой давно молчавшій, уцѣлѣвшій у казаковъ путевой пѣтухъ.

— Быть водѣ... близко жилье! — сказалъ Бековичъ: только къ добру-ли?

— Полноте, князь, радуйтесь, порадуемъ царя.

— Ахъ, сны, какіе сны... жена, синія рубашечки...

Касаткину, при отблескѣ молнiй, показалось, что Бековичъ плакалъ.

Дождь разбудилъ, освѣжилъ лагерь.

А на утро еще болѣе радости. Вожакъ, калмыкъ Манглай-Кашка, спустился съ холма, взялъ влѣво, еще лѣвѣе и сталъ звать. Всѣ бросились туда. Въ лощинѣ, между бархановъ, оказался глубокой, съ каменною древнею кладкой, неистощимый колодезь. Вкругъ колодца зеленѣли травы, шумѣлъ зеленый и высокій, какъ лѣсъ, камышъ.

— Хива, Хива! — повторялъ Манглай, указывая вправо за барханы.

Люди кинулись къ водѣ, вырывая другъ у друга ведра, баклаги, поя вычный скоть и обливаясь. Все освѣжѣло; пѣсни, крики, костры изъ натасканныхъ, окрестныхъ колючекъ. Въ верстѣ отъ колодца, солдаты нашли еще впадину, въ ней какъ-бы истокъ колодца.

— Что-же ты, чортъ лупоглазый, — кричали солдаты Манглаю: — отчего не сказывалъ, скрылъ экую сокровищу?

— Хива, Хива! — лепеталъ вожакъ, указывая за барханы.

Ликованiю отряда не было предѣловъ. Солдаты и казаки, дорвавшись до вольной воды, купались, мыли и сушили рубахи. Развязались ранцы, изъ нихъ добылись шильце-мыльце, всякая веревочка и ремешокъ. «Соколики, соколы» — раздавалась пѣсня въ гребенской сотнѣ.

— Эхъ, погляжу я на тебя, — говорилъ съ укоризной солдатъ казаку, нагишомъ разлегшемуся въ натопанной, скользкой грязи, у подхода къ колодцу: — что растянулся?

— Пѣхота, перхота, не пыли!.. въ горлѣ пересохло...

Касаткинъ передалъ Бековичу совѣтъ Франкенберга и другихъ старшихъ офицеровъ, занять сторожевою цѣпью доступъ къ колодцу и къ ручью, для охраны людей отъ опоя и простуды.

— Обопьются, переболѣютъ, — сказалъ онъ.

— Пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ, — отвѣтилъ Бековичъ.

— Ну, нашъ князь! — разсуждалъ, ставя охрану, Касаткинъ: да что-же это будетъ съ нимъ? дѣло къ концу, а на немъ лица нѣтъ...

— Ой, братцы, пустите, — кричалъ, пробиваясь сквозь цѣпь, отсталый, почти нагой съ израненными ногами, казакъ: — сопрѣлъ, душенька ноетъ...

— Пол-ведерка ему, напитокъ и умыться, — командовали офицеры.

— Еще, еще, — молилъ казакъ.

Лошади, раздувъ красныя, изсохшія, жаркія поздри, съ бѣшеннымъ ржаніемъ, рвались съ поводовъ къ наставленнымъ студѣнымъ бадьямъ.

Князь не выходилъ изъ головы Касаткина. Съ каждымъ днемъ и прочіе всѣ убѣждались въ чемъ-то гибельномъ, роковомъ, чему не могли прійскать ни имени, ни объясненія.

— Видите?—спрашивали офицеры старичка-лекаря.

— Что?

— Да князь-то?

— Да!—отвѣчалъ тотъ, качая головой.

— Ну, какъ по-вашему?

— Меланхолія.

«И точно»—разсуждалъ Касаткинъ: «вотъ слово... кто ожидалъ?»

Радость и горе, свѣтлое и мрачное, казалось, не трогали князя. Туча черной, неотходной тоски коршуномъ обвила его голову и ни на часъ не покидала его съ начала пути. Гибель жены и дѣтей не выходила изъ его мыслей, не давала ему покоя. Онъ несъ тяготы похода, какъ всѣ, спалъ, какъ солдатъ, на голой землѣ,—а въ глазахъ были ужасъ и смерть.

Чтобъ развеселить князя, въ день открытія прибрежій Айбугіра, офицеры пригласили его къ палаткѣ маркитанта. Здѣсь распили нѣсколько уцѣлѣвшихъ бутылокъ вина и стали бесѣдовать. Былъ позванъ ликующій вожакъ Манглай.

Хитрый калмыкъ сталъ разсказывать о близкой Хивѣ: какія тамъ высокія, каменные стѣны, бойницы, мечети и далеко, за много верстъ видная, круглая башня, съ желтыми, красными и голубыми, играющими на солнцѣ, изразцами. «Куда ни глянешь, вездѣ зелень, вода, стоги сѣна», расписывалъ Манглай: «въ садахъ бѣлая тутовая ягода, румяныя яблоки; на базарахъ горячія лепешки, баранина, медъ, а глиняные дома узбековъ—подъ старыми, тѣнистыми, прохладными вѣзами...»

Офицеры слушали, глотая слюны.

Пѣшему Манглаю и двумъ его товарищамъ калмыкамъ, въ награду ихъ усердія и въ виду близкаго конца похода, Бековичъ подарилъ коней. Но едва отрядъ, съ надеждой утромъ двинуться далѣе, заснулъ, Манглай и его товарищи сѣли въ потьмахъ на дареныхъ коней—и ускакали въ степь.

— Дѣло не ладное! — заговорили старики:—струсили хана и затѣяли измѣну.

— Богъ вынесетъ,—утѣшалась молодежь:—куда нехристамъ справиться съ нами?

Въ вожаки похода сталъ давно просившійся на это дѣло, гиланскій туркменъ, Ходжа-Нефёсъ.

— «Скоро-ли, ахъ, скоро-ли, — думалъ Касаткинъ: увидимъ на горизонтѣ мощный потокъ Индіи, — мутную въ горахъ, свѣтлую въ поляхъ, отторгнутую отъ нашего моря, рѣку-бродягу, Аму-Дарью?.. Исполнимъ ли завѣтный царскій приказъ?»

Чѣмъ далѣе, песчано-каменистые, крутые и обрывистые барханы, лежавшіе сплошными, гигантскими кучами мусора, стали понижаться. Мелькнули зелень, деревца. При подъемѣ на одинъ изъ холмовъ, надъ передовымъ отрядомъ поднялся орелъ.

«Не далеко жильё, живымъ запахло!» заговорили въ войскѣ.

На зарѣ увидѣли стайку сайгаковъ, дикихъ козъ. Вдали, по равнинѣ, легкимъ взмахомъ ногъ, пробѣжалъ тощій, степной волкъ. Куцая собачонка Рябка, настороживъ по вѣтру носъ и окромсанныя уши, то-и-дѣло ворчала и лаяла, глядя въ ту сторону, куда скрылся волкъ. — «И на кого ты, чортова голова, зарпешься?» — толковали солдаты. Межъ бугровъ поймали оборваннаго, коннаго хивинца, съ лукомъ и стрѣлами за спиной. Онъ очевидно слѣдилъ за отрядомъ. Его связали, узнавъ, что не вдали — заливъ Аральскаго моря, Айбугіръ.

Собрали совѣтъ. Бековичъ отрядилъ къ хивинскому хану Ширгазі послѣ, съ сотней казаковъ, предварительными дарами и письмомъ: что онъ идетъ съ миромъ, для царскаго торговаго дѣла и прочихъ дружескихъ нуждъ. Припасы истощились.

У рѣки Аккулъ князя встрѣтили отвѣтные посланцы, съ дарами хана: конемъ, кафтаномъ и свѣжими, хивинскими овощами.

Война песку и травѣ, безводья и воды кончилась. Равнины весело зеленѣли. Терновникъ смѣнился клѣномъ, букомъ, вязами.

Бековичъ разбилъ таборъ у озера Карагачъ.

Надъ широкимъ воднымъ плесомъ летали рыболовы, носились пчелоды, кулички. Воздухъ сталъ мягче, дышалъ пахучею, прохладною сыростью.

А тамъ, за озеромъ, въ желтыхъ, чуть покатыхъ берегахъ, какъ бирюза въ золотой оправѣ, сверкали прегражденные плотинами разливы и плавни голубой Аму-Дарьи...

Не слышно болѣе жалобныхъ, получеловѣческихъ криковъ верблюдовъ. Горбатые труженики напились и неслышно, подъ вьюками, шли мѣрно, мягкою пятой.

— Слѣдовало бы удвоить караулы, — сказалъ Франкенбергъ Бековичу: — глядите...

Князь взялъ подозрную трубу. Въ сѣрой, мгlistой дали, на

холмахъ, справа и слѣва виднѣлись страннаго вида люди, точно ястребы, слѣды издали за отрядомъ.

— Пастухи,—отвѣтилъ Бековичъ:—а впрочемъ, не мѣшаетъ.

Быль Успеневъ день. Гребенскіе казаки утромъ пришли къ своему полковнику.

— Что вамъ?—спросилъ послѣдній.

— Рыбки, батюшка, позволъ въ озерѣ половить... голодно...

— Ну, куда, черти? — сталъ отговаривать полковникъ:—до Хивы всего три-четыре перехода, налопаются вдоволь.

— Добрались, батя, — отвѣчали казаки:—вода немѣренная... а какъ нонѣ два мѣсяца, выходитъ, порядкомъ не мылись... ну, обувишка... портки...

Полковникъ отпустилъ казаковъ съ сѣтями.

Въ обѣдъ у Бековича шло обсужденіе съ офицерами, идти ли безъ остановки далѣе къ городу Хивѣ, или здѣсь, у Карагача, возвести по указу царя фортецію и начать переговоры съ ханомъ о пропускѣ пословъ и каравана въ Индію и о срытіи ближайшихъ къ озеру плотинъ Аму-Дарьи.

Совѣтъ длился до вечера. Онъ былъ прерванъ вѣстовымъ отъ гребенской сотни.

— Горе, батюшка-князь,—сказалъ вѣстовой.

— Чтò случилось?

— Мы это, значить, рыбки... тридцать человѣкъ пошли на озеро,—а онѣ какъ вдарить, изъ камышей-то... страсть!

— Кто онѣ?

— Богъ е зна... галдятъ, должно—хивинцы... видимо-не-видимо...

— Ну?

— Однихъ побили изъ мушкетовъ, другихъ побрали въ полонъ...

— Много погибло васъ?

— Троечка только и осталась...

— Вотъ-те и миръ, и обмѣнъ даровъ!—сказалъ маіоръ Пальчиковъ:—не я ли говорилъ?

Всѣ были смущены, напали на казацкаго полковника, тотъ пошелъ къ своимъ, разбирать дѣло.

— Господа артиллеристы!—обратился Бековичъ къ Юрлову, Касаткину и другимъ офицерамъ:—выгружайте заступы, лопаты; разбивайте линію—надо рыть окопы,—ставить батареи...

На ночь огородились арбами, вьюками. Лошадей и верблюдовъ съ пастбища, по совѣту вожака-туркмена, согнали внутрь.

Всю ночь шла земляная работа. Къ утру былъ вырытъ первый со стороны степи ровъ.

Къ вечеру слѣдующаго дня таборъ, съ трехъ сторонъ, былъ обведенъ рвами и насыпями. Съ четвертой онъ упирался въ озеро. Бѣлыя рубахи копошились, сновали, какъ муравьи.

— Что, землячокъ, какая ему за то будетъ управа?—спросилъ драгуна казакъ изъ молодыхъ, выкидывая изъ канавы красноватую глину на насыпь.

— Эхъ, погляжу я на тебя,—презрительно отвѣтилъ, окапывая уголь бойницы, драгунъ:—не вышелъ ты.

— Чѣмъ не вышелъ?

— Да ихній-то ханъ что? ну, свиное ухо... не приметъ нашей вѣры,—пропалъ... будетъ ему!..

— Что стали, черти? куда прешь? посторонитесь!—кричалъ на казаковъ драгунскій капралъ, таща по землѣ веревку, другой конецъ которой былъ въ рукахъ офицера:—сказано неучи, бо-родачи.

— А у тебя мочалка за дороду не отросла? забылъ скоблить...

«Начинается! скоро будетъ настоящее дѣло...»—думалъ Касаткинъ, ладя съ Юрловымъ передовую батарею и ощущая невольную, радостную дрожь, при мысли о близкомъ, давножданномъ концѣ похода.

Подошелъ, отирая лицо, весь потный, усталый Тувалковъ.

— Что, други,—сказалъ онъ:—скоро у васъ будетъ готово?

— Ну, это, братъ, не школьный парадъ, не Парижъ и не Амстердамъ,—отвѣтилъ, почесываясь, Юрловъ:—какъ видишь, насыпь кончаемъ; а надо еще плести заслоны, тащить пушки. А у тебя?

— Моя батарея крайняя къ озеру,—произнесъ, уходя, Тувалковъ:—у меня что! лоза и камышъ подъ рукой, заслоны сплетены, орудія уставлены, а кстати... и выкупаться можно.

Солнце начало садиться. Всѣ глядѣли на небо. Багровый, тусклый шаръ солнца, въ сухомъ туманѣ, казался тройнымъ кольцомъ. Люди крестились.

Вдругъ на краю лагеря раздались крики. На холмѣ у озера показалась пыль, бѣлѣли дымки выстрѣловъ. Надъ свѣжею насыпью просвистѣло нѣсколько пуль.

Офицеры побѣжали въ ту часть лагеря. Тамъ, у кибитки Тувалкова, смущенно стояли солдаты, и, на ходу снимая съ себя кафтанъ, туда ковылялъ старичокъ, отрядный медикусъ.

— Что здѣсь? что случилось?—спросилъ, проталкиваясь межъ солдатъ, Касаткинъ.

На войлокѣ въ кибиткѣ лежалъ его спутникъ по походу, плѣнный живописецъ-шведъ. Плѣнникъ не вытерпѣлъ, выскочилъ съ охотниками за ровъ, когда хивинцы стали снова стрѣлять отъ озера, и выпалилъ изъ мушкета. Его привели обратно блѣднаго, съ раздробленнымъ плечомъ. Докторъ, самъ бывшій вторую недѣлю въ лихорадкѣ и едва таскавшій ноги, принялся дрожащими руками раздѣвать и осматривать раненаго.

— Это, какъ жарнѣтъ онъ, разъ въ разъ! — вполголоса толковали у входа въ кибитку, съ озадаченными, вытянутыми лицами, солдаты:—ружьища у нихъ—вѣд, пули—вѣд...

— Испужался, братцы, и я, какъ несли его, страсть!—прибавилъ, оглядываясь куда-то въ уголъ кибитки, высокій есаулъ:—думалъ—раненъ, а онъ...

Касаткинъ, въ числѣ другихъ, замѣтилъ у двери блѣдное, съ строгимъ выраженіемъ, лицо своего деньщика, Апроньки. Тотъ тоже смотрѣлъ въ глубь кибитки.

На знакомой Алексѣю, чистенькой, купленной въ Астрахани, кошмѣ, головой на подушкѣ сѣдла, лежалъ плотный, и въ походѣ мало похудѣвшій, Тувалковъ. Его миловидное, женоподобное и нѣжное лицо, сильно-загорѣлое и обросшее бородой, было спокойно. Незакрытые, близорукіе глаза странно смотрѣли, изъ глубины кибитки мимо всѣхъ, въ распахнутую войлочную дверь. Руки безсильно были брошены по бокамъ лежаваго.

— Что онъ?—тихо спросилъ голосъ Юрлова за спиной Касаткина.

— Убить на поваль, — отвѣтилъ кто-то.

«Да» — подумалъ Касаткинъ, чувствуя, какъ защемило его сердце: «видно и впрямъ, предстоитъ не одинъ триумфъ и, несущій всякую шумную славу, променады».

Онъ пошелъ къ своей баттарѣ. Не весь еще лагерь зналъ о бѣдствіи. У яйцкой коновязи, въ лощинѣ, бесѣдовали пѣхотные офицеры, постарше.

— Ахъ, аргамакъ у нихъ! видѣли? — толковалъ крайній изъ офицеровъ: жеребцы-то?.. вотъ бы отбить парочку такихъ аргамачковъ...

Ханъ Ширгазы долго колебался, не будучи въ силахъ объяснить истинной цѣли похода Бековича.

Вожакъ, калмыкъ Манглай, и ушедшіе съ нимъ товарищи, обогнавъ русскихъ, по-своему объяснили загадку хана. Съ ихъ прибытіемъ, все поднялось на ноги въ Хивѣ.

— Близится войско, значить—идутъ не посольствомъ, а

войной, — толковали узбеки и муллы:—а что шлют дары и письма, то одна хитрость невѣрныхъ и обманъ...

Зашумѣли улусы и базары. Полетѣли во всѣ стороны гонцы.

Ширгазы собрались, по однимъ тридцать, по другимъ до пятидесяти тысячъ коннаго и пѣшаго войска и встрѣтилъ Бековича у крайняго «бента» —плотины Аму-Дарьи, близъ озера Карагачъ.

IX.

Ожиданія.

Въ то время, когда отрядъ Бековича былъ еще на походѣ, изъ-за-границы въ Петербургъ возвратилась жена Касаткина.

Авдотью Францовну сильно занималъ «любительный царскій парадізь», куда, по пути къ мужу въ Астрахань, она завезла государынѣ письмо и подарки царя, уѣхавшаго передъ тѣмъ изъ Парижа въ Спа. Истомленная отъ долгаго морского переѣзда и волненій, исхудалая Касаткина отправилась съ посылками на мызу государыни, Петергофъ. Здѣсь ее осыпали разспросами о царѣ и заморскихъ новостяхъ, показали ей дворецъ, новый садъ и мызный огородъ, гдѣ сама государыня, недавняя нарвская плѣнница, любила, въ подражаніе мужу, полоть овощи и аптечныя травы и копаться въ землѣ.

Касаткина застала Екатерину съ лейкой, у посаженныхъ Петромъ дубковъ и липъ, въ пудромантелѣ, передникѣ и чепцѣ.

Въ это время въ окрестностяхъ Петербурга поспѣла ягода черника, и всѣ обитатели новой резиденціи, въ томъ числѣ царица и ея фрейлины, были съ синими ртами и губами.

Пришелъ важный, разряженный въ шелкъ и кружева, женственно-красивый, камергеръ Монсъ; за нимъ рыжій, въ венушкахъ, камеръ-юнкеръ князь Гагаринъ. У нихъ, какъ замѣтила Дуня, были также синіе рты.

Но всѣ были веселы, оживлены, смѣялись и безъ умолку болтали, подъ вліяніемъ отличной, теплой погоды и общаго довольства.

Темнорусая, еще молодая, хотя замѣтно-пополнѣвшая, съ темнокарыми глазами, ямочками на пухлыхъ щекахъ и вздернутымъ носикомъ, Екатерина приняла былую московскую знакомку откровенно-ласково.

— Купайте, вотъ рюмочка! — говорила она, съ сильнымъ

акцентомъ, угощая Дуню сластями и виномъ, на крыльцѣ Монплезира, гдѣ присѣла выслушать грамотку мужа-царя.

Сынъ грознаго и жаднаго сибирскаго губернатора, щеголь и мотъ, камеръ-юнкеръ князь Гагаринъ съ трудомъ, вполголоса, прочелъ сильно-неразборчивыя, съ сокращеніями и титлами, то-ропливыя каракули Петра. Скрывавшая свою неграмотность Екатерина, тѣмъ временемъ, перешептываясь съ фрейлинами, подбирала пучокъ цвѣтовъ. Фрейлины также вязали букеты.

Надъ однимъ мѣстомъ письма, гдѣ среди обычныхъ «корцевель-вѣртовъ» — остротъ Петра, были слова объ амурѣ и «скупающей верёвочкѣ» — царица не выдержала и простодушно, звонко, до слёзъ расхохоталась.

— «А доносимъ тебѣ, другъ сердешненькой» — продолжалъ читать Гагаринъ: «сего магазина будетъ съ насъ доволѣ, — крѣпыша двѣ фляги, — да король прислалъ погребѣ ренскаго. Молодые въ очки не смотрятъ; значить, мы старики...»

— Очки! герръ-Е! — опять размѣялась Екатерина, переглянувшись съ Монсомъ.

Фрейлины прыскали въ платки.

— «За симъ поцѣлуй нововыѣзжаго пишечку-барабанщика и прочій нашъ потрохъ» — дочитывалъ Гагаринъ привѣтствія путника-отца царевичу и дочкамъ: «Анниньку-лапушку и разбойницу Лизабетъ... Да оснасти, matka многомышленная, общей дѣвочекъ посылаемыми презенты. А помоля богодавца о здравіи, помысли и о приносительницѣ сего письма. Богу извольшу, бѣглянка повѣнчалась и нынѣ, съ нашей воли, размахнула къ мужу въ Астрахань. Окажи ей въ дорогѣ фаворъ; зане, полагать надо, понадобится».

Екатерина взглянула на Касаткину и здѣсь только замѣтила ея удобу и другія измѣненія въ ея наружности. Она посадила Дуню къ себѣ, разспросила о ея романической свадьбѣ и при ней поручила Монсу просить сенаторовъ, дать ей средства — скорѣе и благополучно доѣхать въ Астрахань.

Всѣ пошли въ гору, къ звѣринцу и фонтанамъ. По пути Екатерина опять заговорила съ Дуней, обращая къ ней вопросы о «фантанжахъ, агажантахъ» и другихъ модныхъ парижскихъ уборахъ. У звѣринца гремѣлъ хоръ музыки. Свита разсыпалась у фонтановъ; одни играли въ воланы, другіе кормили попугаевъ, дразнили обезьянъ.

— Такъ онъ не въ командѣ у твоего отца? — спросилъ Монсъ игравшаго въ воланъ Гагарина.

— Нѣтъ, у Бековича, — отвѣтилъ тотъ.

Оба оглянулись на Дуню.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ придворныхъ, Касаткина узнала, что въ Индію, къ сказочному городу Иркеню, кромѣ южнаго отряда Бековича, двигался изъ Сибири, по Иртышу, другой, сѣверный отрядъ капитана Бухгольца. Здѣсь же отъ одной изъ фрейлинь она впервые услышала и недавно-привезенную вѣсть о гибели въ Каспійскомъ морѣ жены и дочерей Бековича.

— Гдѣ же теперь Бухголецъ?—спросилъ кто-то возлѣ Дуни Гагарина.

— Дошелъ до... постой, припомню,—отвѣтилъ князь:—до какого-калмыцкаго озера, поставилъ тамъ фортецію и ждетъ подкрѣпленій.

— А Бековичъ?—рѣшилась спросить и Дуня.

— Недавно только двинулся изъ Гурьева,—отвѣтилъ, лоя воля и щурясь на нее, Гагаринъ.

— Кто же изъ нихъ кого предупредить?—спросилъ Монсъ.

— О, разумѣется, Бухголецъ... Мой батюшка-князь въ томъ безъ сумнѣнія,—важничалъ сынъ сибирскаго губернатора.

— А ты когда за-границу?

— Жду только денегъ...

Касаткина не весело возвратилась въ Петербургъ.

Ее мучили сомнѣнія, предчувствія; тяготила эта легкая, беззаботная веселость двора.—«Какъ! у вождя дальнаго, опаснаго похода погибла семья, а они забавляются обезьянами, обливаютъ другъ друга изъ фонтановъ, какъ школьники!.. агажѣнты, фантанжи, каблуки...»

Невольно при этомъ Дунѣ вспомнились московскіе рассказы Арсеньевыхъ о былой Марѣ Скворощенковой или Сквородкой, по первому мужу, солдату Раабе, Трубачёвой, а теперь императрицѣ Екатеринѣ,—какъ она, проживая у бѣднаго чухонскаго пастора, обшивала, мыла и водила въ кирку его дѣтей, мела его комнаты и стирала бѣлье. Обвѣнчавшись съ рабыней-плѣнницей, по примѣру императоровъ Василя, Юстиніана и Ираклія, царь утѣшился новою семьей. Жаль было Дунѣ этого Петра-семьянина, ея благодѣтеля. Многаго она наслушалась, по пути изъ-за моря. Но то, что узнала въ Петербургѣ и о чемъ шептали по его закоулкамъ, ее особенно огорчило.

Въ то время, когда новая государыня, въ крещеніи воспріемная дочь царевича Алексѣя, безопасно проживала на мызѣ, гуляя, слушая музыку и толкуя о нарядахъ и разныхъ пустыхъ новостяхъ,—самому царевичу предстоялъ грозный расчетъ съ отцомъ.

Вдовый Алексѣй, какъ говорили въ городѣ, схоронивъ жену, австрійскую принцессу, свелъ амуры съ дѣвкой Афросиньей, сталъ на сторону старцевъ, поповъ и другихъ недруговъ родителя, бросилъ ненавистный отцовъ парадізь и бѣжалъ въ чужіе края. Ненавистное племя первой, нелюбимой и ревливой, постриженной царицы, Авдотьи, подняло всю желчь въ душѣ Петра. Ожидали страшныхъ бурь и потрясеній.

Развоза письма женамъ сановниковъ изъ свиты царя, Касаткина узнала послѣднія подробности о раздорѣ царевича съ отцомъ.

«Збѣнт!»—писалъ сыну Петръ: «обозрися на линію наслѣдства, горестъ мя снѣдаетъ. Готовъ простить, только одумайся».—За Алексѣемъ въ чужіе края были посланы сыщики. Его отыскиали; но ничто не брало.—«Замерзѣлый нашъ звѣрь не хочетъ вспать»—извѣщалъ оттуда сыщикъ Румянцевъ: «онъ грозитъ, не устоять-де Петербургу, быть ему пусто. По вашей кончинѣ, мнить его оставить простымъ городомъ, кораблей не держать,—а станетъ лѣто жить въ Ярославлѣ, зиму въ Москвѣ. И о матери-монахинѣ бѣглець извергаетъ съ чужой рѣчи крамольныя, непотребныя словеса,—клобучь-де не гвоздемъ прибить».—«И во всемъ»—доносили сыщики: «уповаетъ на поповъ и на чернѣ, будто днесъ не безъ замѣшаній и на Низу... А тому, кто вѣшалъ и пласталъ, самому-де торчать на колѣ...»

«Того-ли онъ ждалъ отъ собственнаго, первороднаго чада?» думала Касаткина, воображая себѣ острую, щемящую горечь и гнѣвъ Петра, который теперь, черезъ посредство Дуни, такъ просто-душно шутилъ въ письмахъ къ новой своей семьѣ.

Касаткина располагала долѣе побыть въ Петербургѣ, отдохнуть и еще кое-кого навѣстить. Хваленая новая столица ей не понравилась. На-скоро сколоченные деревянные дома и домишки, вмѣсто мостовой—ряды бревенъ по болотистымъ улицамъ и площадямъ, кучи мусора, кабаки съ пѣснями и криками пьяныхъ матросовъ, марширующіе, нарядные, громаднаго роста, гвардейцы и толпы оборванныхъ, испачканныхъ известкой и гліной каменщиковъ и землекоповъ—все это томило Дуню. Получивъ прогоны и охранный листъ отъ сената, она поспѣшила въ подмосковную къ Текутьевымъ, оттуда въ Астрахань.—«Что-то будетъ? чѣмъ-то кончится походъ?» мыслила она, замирая, дорогою.

Первое, неожиданное нападеніе хивинцевъ на отрядъ Бековича, въ лагерь у Карагача, сочли за случайную попытку отдѣльныхъ, бродячихъ степныхъ сорванцовъ.

— Не можетъ быть, чтобъ это было съ вѣдома хана, — утѣшали себя офицеры: — онъ высылалъ посольство, принялъ дары.

— Ёнъ что, ему воля! — толковали о хивинцахъ солдаты: — все ему подъ рукой, — и хлѣбушка, и всякій харчъ; а ты сиди за насыпомъ, хоть бы тебѣ баранинки... хлѣбушка, соли!.. на однихъ сухаряхъ...

Убитаго Тувалкова схоронили. На похоронахъ играла музыка и стрѣляли изъ ружей. Бросивъ съ Текутьевымъ и Юрловымъ на свѣжую могилу товарища по горсти земли, Касаткинъ, сумрачный, разстроенный, возвратился въ свою кибитку. Мѣсяцъ всходилъ поздно. Ночь была темная, безъ звѣздъ. Алексѣй прилегъ на бурку, но долго не могъ сомкнуть глазъ. Деньщикъ Апронька, вздыхая и прислушиваясь къ окликамъ часовыхъ, сидѣлъ на корточкахъ у двери, за кибиткой.

— Ты не спишь? — спросилъ его Касаткинъ.

— Гдѣ спать? таки-ли дѣла?

— О чемъ думаешь?

Деньщикъ помолчалъ.

— Правда ли, сударь, — произнесъ онъ: — что царь нѣмцемъ сталъ?

— Какой вздоръ! изъ чего ты взялъ?

— Сказываютъ, Питеру сапоги позолотилъ, Москву въ лапти обулъ, — проговорилъ какъ-то грубо-укорительно Апронька.

— Неладное говоришь, — строго отвѣтилъ Касаткинъ, давно, впрочемъ, съ удивленіемъ замѣтившій, что простой народъ въ глуши, куда онъ попалъ, вовсе не радовался тому, чѣмъ онъ, Касаткинъ, такъ восхищался и былъ счастливъ.

— А куда и зачѣмъ это онъ вашу милость и всѣхъ шлетъ? — продолжалъ Апронька тѣмъ же укорительнымъ, несвойственнымъ ему, суровымъ голосомъ: — мало у него своихъ народовъ и земель? Понадобились бритоголовые, что жеребятину жрутъ...

Касаткинъ даже приподнялся на буркѣ, вглядываясь въ дверь, за которою виднѣлись плечи и голова деньщика.

— Не ты ли со мной просился въ походъ? — сказалъ Алексѣй: — мать плакала, не боялся, что въ такія мѣста, — дальше, моль, солнца не пошлютъ! вотъ вы, мужики... всегда такъ...

— Плохо, сударь, мужичкамъ, — ой, плохо! — произнесъ, пересаживаясь ближе къ порогу, Апронька: — не во гнѣвъ вамъ сказать, мы вотъ снялись, ну — ушли... а что тамъ-то дѣется, дома? Ызять коммиссары, фискалы по селамъ, грозятъ, — не будете сносить денегъ въ казну, висѣлицы поставимъ, начнемъ

вершить. А ужъ не нашъ ли братъ платить, — съ бань, дворовъ, мельницъ, пчель, со всего? А тутъ еще хлѣбушка недо-родъ, скоть выпалъ, всякая тѣснота...

— Да вы же вотчинные? — удивился Касаткинъ: — какъ же васъ трогать?

— Всѣхъ таскають — ладить пристани, дороги, рыть канавы... плати съ бабьяго тканья, — матушка послѣднюю коровѣнку продала, — плати за долбленные гробы... Ты вотъ налетѣлъ, взялъ меня... а наша вся околица, какъ есть, на теплыя воды, къ черкесамъ собиралась идти.

— Бѣжать, Апроня? что ты! вѣдь это не ладно, грѣхъ! — сказалъ Алексѣй.

— Бѣгство нечестно, да здорово, — отвѣтилъ деньщикъ: — мы не калмыки, отсель не убѣжимъ, а дома — ой, тягота...

— Что же ты въ деревнѣ молчалъ? а бурмистръ расписывалъ...

— Бурмистръ? Какъ, сударь, ни мой чернаго кобеля, — бѣлымъ не станетъ...

Касаткинъ, услыша эти рѣчи, не могъ уснуть до утра. Ему вспомнились сборы въ Голландіи и въ Астрахани, общія надежды, ожиданія скорого и несомнѣннаго успѣха. Онъ съ мучительною болью перебиралъ мысли о Душѣ, о предположенномъ отъѣздѣ которой на родину узналъ отъ Марьи Саввишны, находясь еще въ Гурьевѣ. Какъ доѣдетъ жена? да гдѣ она теперь? подоспѣетъ ли къ его возврату изъ похода?

Земляные окопы вокругъ лагеря къ утру на-половину были готовы. Хивинцы не дали кончить начатыхъ работъ. Они снова и съ удвоенной силой напали въ полдень, ударили отбой и опять, съ воемъ и криками, повторили рядъ приступовъ.

Первые натиски были особенно отчаянные. Пушки, еще неприлаженные и заслоненныя насыпями, не могли стрѣлять. За то пѣхотинцы стойко отбили всѣ приступы. Казаки стали проситься у Бековича на вылазку, въ погоню. Князь ихъ не пустилъ.

— Куда нашимъ голоднымъ, захудалымъ конямъ мѣряться съ ихъ скакунами! — сказалъ онъ казакскимъ полковникамъ: — дайте, возведемъ фортецію, лошади отдохнутъ, — будетъ всѣмъ вамъ дѣло... Да берегите харчи — на исходъ...

Приступы возобновились на другой день и безъ перерыва длились до вечера.

— Господа морскіе поручики, — сказалъ Бековичъ, обходя

работы:—скоро ли кончите батареи? у хивинцевъ ружья—самопалы,—пушекъ, какъ видите, нѣтъ... Пора дать имъ, какъ слѣдуетъ, урокъ...

— Еще часть-другой, — отвѣтилъ изъ окопа Юрловъ:—скоро всталимъ и пушки.

— А ваши?—спросилъ князь прочихъ офицеровъ.

— Моя готова, — отозвался Касаткинъ:—вотъ бы еще веревокъ... рвутся... да зарядовъ бы скорѣй.

Солнце стало спускаться за огромную, желто-сизую тучу. Озеро застлалось туманомъ. Край неба надъ холмами ярко пылалъ. «Какъ тогда, при отъѣздѣ на Каспій», пронеслось въ головѣ Бековича. Все на время притихло. Нападавшіе также смолкли, спрятавшись за барханами.

Усталые, потные, въ изорванныхъ рубахахъ, солдаты докидывали на батареяхъ Лебедева и Касаткина послѣднія лопаты земли. Драгуны на веревкахъ и обозной упряжи встаскивали чугунныя и мѣдныя орудія.

Бековичъ взошелъ на батарею Касаткина, бывшую въ правомъ, переднемъ углу. Онъ присѣлъ на насыпь. Кто-то сказалъ: «смотрите». Вдали, на холмахъ, опять клубилась пыль, что-то въ сумеркахъ двигалось.

— Молодцы, — сказалъ князь солдатамъ:—старайтесь, отпишу царю.

Онъ взглянулъ въ подзорную трубу, протеръ глаза и подалъ ее Алексѣю.

Съ батареи ясно была видна плоская у озера равнина, упиравшаяся въ стемнѣвшіе холмы. Изъ расщелины межъ холмовъ неслась прямо на окопы густая лавина хивинцевъ. Другой хивинскій отрядъ выскакивалъ изъ-за возвышенности справа, стремясь охватить укрѣпленіе сбоку и съ тыла.

Впереди перваго строя, какъ ясно разглядѣлъ Бековичъ, на высокомъ, черно-пѣгомъ аргаматѣ, въ кругу узденей, скакалъ въ желтомъ кафтанѣ, съ заломленной на затылокъ бѣлой папайхой, огромнаго роста всадникъ.

«Самъ Ширгазы!» подумалъ съ дрожью Бековичъ, объявивъ офицерамъ, чтобъ выжидали скакавшихъ на выстрѣлъ.

Пушкари стали на батареяхъ къ орудіямъ. Князь обернулся къ Касаткину, хотѣлъ ему что-то сказать.

Въ это мгновеніе по небу, надъ укрѣпленіемъ, показалась стая спугнутыхъ хивинцами журавлей.

Бековичу припомнилось прощаніе на морѣ, уплывшая барка.

— Въ середину!.. видишь? — крикнулъ онъ Касаткину: — въ желтаго.

Алексѣй уже нацѣлилъ пушку. Въ его мысляхъ также пронеслось недавнее бывшее, — государево испытаніе, пальба въ цѣль. Его рука, какъ и тогда, дрожала. «Счастье, отвернешься ли ты отъ меня?» подумалъ онъ, взявъ у пушкаря и опуская на затравку фитиль.

Выстрѣлы грянули. Загудѣли ядра. Картечь засвистѣла по рядамъ налетавшихъ подъ самую насыпь. Переполохъ хивинцевъ былъ неописанный. Передній и боковой ихъ отряды остановились, смѣшались и, тѣсняя, опрокидывая другъ друга и подхватывая убитыхъ и раненыхъ, бросились въ разсыпную. Мушкеты пѣхотинцевъ затрещали по ближайшимъ, сбившимся рядамъ. Груды тѣлъ безобразными кучами укрыли поле.

«Что же это? ужли успѣхъ?» — съ забившимся сердцемъ, подумалъ Касаткинъ.

— Ура! — раздалось за насыпью. Гребенскіе казаки, вопреки приказу князя, не вытерпѣвъ, выскакивали изъ окоповъ, въ догонку за разбитыми и въ безпорядкѣ убѣгающими толпами хивинцевъ.

— Побѣда, побѣда! — перекликались офицеры: — а? каковъ отпоръ? вивать!

Бековичъ не спускалъ подзорной трубы съ холмовъ, куда бѣжали отступавшіе. Глядѣлъ туда въ поданную трубу и Касаткинъ.

Огромный, на пѣгомъ конѣ, желтый всадникъ, какъ ясно еще виднѣлось въ той сторонѣ, былъ невредимъ. Онъ спокойно, медленнымъ шагомъ, взѣзжалъ на чуть бѣлѣвшій въ сумеркахъ барханъ, вправо и влево разводя руками, очевидно отдавая новыя приказанія.

— А все-таки онъ, извергъ, сломленъ, побѣжденъ! — сказалъ Бековичъ офицерамъ, указывая на кучи хивинскихъ тѣлъ, валявшихся по стемнѣвшей равнинѣ.

Ширгазіи также ясно и безповоротно понялъ, что онъ разбитъ на-голову.

Главные пособники хана были убиты или ранены. Ихъ отряды въ ту же ночь бросились по домамъ. Остальные узбеки едва сдерживали бунтующую орду.

— Урусъ чортъ, вырываетъ на краю поля цѣлые ряды! —

говорили хану, въ паническомъ ужасѣ отъ пушечныхъ залповъ, хивинцы.

— Иди къ ихъ вождю, клади знамя, — твердили старшины: онъ заколдованъ нечистою силой... пропадутъ наши семьи и дома...

Разбитый, истомленный неудачнымъ, трехдневнымъ боемъ, ханъ созвалъ ночью совѣтъ.

Его таборъ и ставка, съ обозомъ, располагались за холмомъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія Бековича. Оттуда межъ бугровъ видѣлись бивачные русскіе огни, слышались радостные крики и пѣсни побѣдителей. Лазутчики дали знать хану, что на утро Бековичъ отрядилъ, въ обходъ ему, весь казачій отрядъ, съ конными орудіями.

«Отбилъ столько тысячъ войска, разгромить и недалнюю Хиву!» думалъ Ширгазѣ о князѣ, сидя въ ставкѣ, въ кругу смущенной свиты и старѣйшинъ.

Его голова была обнажена. Потъ крупными каплями катился съ бритаго, сизаго черепа. Еще молоджавое, смугло-скулистое лицо было неподвижно. Въ небольшихъ, гнѣвно бѣгавшихъ глазахъ хана выражалось тупое недоумѣніе и страхъ.

«Цѣлыми рядами, рядами», мыслилъ Ширгазѣ, вспоминая, какъ отъ русскихъ ядеръ и картечи валились лучшіе, храбрѣйшіе изъ приведеннаго войска.

Совѣтъ длился за полночь. Всѣ громко спорили, старались и не могли рѣшить главнаго, рокового вопроса: зачѣмъ именно пришелъ въ ихъ землю Девлетъ-Гильдей-Бековичъ, съ русскими, и какъ ихъ заставить уйти назадъ?

Передъ утромъ въ ставку къ хану позвали изъ обоза дряхлаго ханскаго казначея, бухарца Досимъ-бая, разумника и смѣлаго на слова.

Казначей ввели къ хану подъ руки. Онъ едва ступалъ слабыми, дрожащими ногами. Его тощія руки висѣли, съ четками, какъ плети; нижняя челюсть — очевидно, отъ чрезмѣрнаго употребленія хашиша — безобразно отвисла. Жизнь теплилась только въ его полузакрытыхъ, точно сонныхъ, небольшихъ глазахъ. Съ нимъ вошелъ огромнаго роста, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ, главный оруженосецъ хана.

— Спасай, совѣтуй, какъ побѣдить невѣрныхъ? — сказалъ казначею ханъ: — главные измѣнники — вожди ушли отъ насъ, съ войскомъ; собираются и другіе трусы... да не ругайся... знаю тебя...

— Зачѣмъ ругаться, ты нашъ господинъ, — отвѣтилъ, садясь и ворча, бухарецъ: — только русскихъ ты не побѣдишь...

— Почему?

— Слушай... Я былъ слугою твоему отцу и дядѣ, и тебѣ, молодому, помогъ стать ханомъ... Видишь, откуда пришли невѣрные!.. ничего не испугались...

— Лучше бы ты, собака, и не являлся, съ такими псинными рѣчами,—не стерпѣвъ, раздражительно сказалъ и гнѣвно плюнулъ ханъ.

— Погоди, господинъ, лаяться, дослушай. Глупые русскіе, какъ всѣ великодушные и гордые, довѣрчивы... поняль?.. ну, начни съ ними переговоры...

— Какъ, чтобы я первый просилъ мира? унизился?—вскрикнулъ ханъ и, бросивъ взглядъ на стражу, схватился за саблю.

Зеленый оруженосецъ подвинулся къ казначею. Тотъ, будто не видя угрозы, еще болѣе закрылъ сонныя вѣки, перебирая четки и чуть шевеля отвислыми губами.

— Погоди, дуракъ, не пыли,—проговорилъ казначей, помолчавъ:—ходила молода по воду, не побереглась на пути,—ни воды, ни чести... А слушай старика... Старикъ говоритъ, начни переговоры, охуждай, бракуй пословъ,—не умны они, непонятны!—и замани къ себѣ въ таборъ князя...

Бухарецъ опять помолчалъ.

— Вождь въ рукахъ, все войско въ рукахъ,—заклучилъ онъ:—что, теперь поняль?.. Ну, все сказано...

«А вѣдь старый чортъ—правъ!»—подумали въ одно слово ханъ и его совѣтники.

Х.

У воротъ Хивы.

— Конецъ, други, конецъ! мы у воротъ Хивы!—радостно говорили офицеры, собравшись у ставки маркитанта-перса, гдѣ какимъ-то чудомъ явились опять припасы,—кирпичный чай, разные плоды, напитки и табакъ.

— Ишъ, бритый пёсъ,—говорили о ловкомъ торговцѣ солдаты:—не даромъ галдѣлъ по-своему съ плѣнными,—тутъ кровь лилась, а онъ добылъ всего...

Штабъ раздѣлился на двѣ части.

Во главѣ боевого офицерства, стояли начальники двухъ пѣхотныхъ полковъ, майоры Франкенбергъ и Пальчиковъ. Эти совѣтовали преслѣдовать хана, добить его и, въ конецъ разсѣявъ его орду, предписать миръ на площади Хивы.

Другіе, въ томъ числѣ туркменъ, вожакъ отряда, хранитель каравана, фискаль Званскій и смѣнвшій раненаго провіант-мейстера, грекъ-дворянинъ Экономовъ, указывали на истощеніе съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ и намекали, что если ханъ попроситъ пощады, — слѣдуетъ здѣсь же заключить миръ.

— И во всякомъ случаѣ, — прибавилъ поборникъ второго мнѣнія, богатый армянинъ, стольникъ Замановъ:—отвореніе свободнаго пути въ Индію произошло; теперь отъ Хивы рукой подать въ Балхъ, Памиръ, Бодохшанъ...

Утромъ, послѣ разгрома хивинцевъ, къ Бековичу, съ повинной головой, явились новые ханскіе послы. Они просили пощады.

— Не вѣрю, — сказалъ Бековичъ:—вы нынче даете слово, завтра его нарушаете...

Послы стали клясться за хана и за весь народъ, что Хива желаетъ на вѣки остаться съ русскими въ дружбѣ и не питаетъ къ нимъ вражды.

Князь далъ слово отсрочить дальнѣйшій походъ, если ханъ немедленно начнетъ переговоры о мирѣ. Но едва уѣхали послы, по казакамъ, въ тотъ же день, опять стрѣляли у водопоя. «На конь, на конь!» — раздались крики по лагерю, куда привезли раненыхъ. Отрядъ зашумѣлъ, задвигался конными и пѣшими.

Ханъ не далъ разыгратъ новую стычку. Изъ его отряда, маша бѣлымъ тюрбаномъ, прискакалъ зеленый оруженосецъ, съ извѣщеніемъ, что въ русскихъ друзей самовольно стрѣляли ослушные, уже схваченные хивинцы.

— Пришли свидѣтелей, — сказалъ князю гонецъ, гордо поглядывая на него черными наглыми глазами: — велишь, будутъ казнены...

Посланные отъ Бековича казаки, товарищи раненыхъ, и деньщикъ Касаткина дѣйствительно видѣли, какъ по ханскому лагерю, будто бы въ наказаніе, водили двухъ какихъ-то оборвышей, на веревкахъ, продѣтыхъ одному въ ухо, другому въ ноздрю.

— Что, Проня, насмотрѣлся? — спросилъ вечеромъ Юрловъ, проходя мимо кибитки Касаткина.

— Не похоже на замиреніе, — отвѣтилъ Апронька, сердито лада барину постель.

— Что-же они?

— Молчатъ треклятые, да такъ смотрять зло... точно съѣсть хотятъ...

— Ничего, Пронюшка, разсчитаемся...

Душная войлочная кибитка опять не дала покоя и сна Касаткину. Онъ безпрестанно просыпался, бредя и опять погру-

жаясь въ тяжелую, тревожную дремоту. Ему грезилось нападеніе, отбитое наканунѣ: ревъ ядеръ, визгъ картечи и пестрые въ халатахъ всадники, съ пиками въ рукѣ и съ залитыми кровью, кривыми ятаганами въ зубахъ, налетавшіе и бывшіе смѣлыхъ защитниковъ. Алексѣю особенно вспоминалась свалка части казаковъ съ отступавшими хивинцами, какъ трое изъ замедлившихся халатниковъ крючьями тащили съ сѣдла засакававшего впередъ майора Пальчикова, и какъ майоръ, отбиваясь, взмахомъ сабли, снесъ одному изъ хивинцевъ половину лица.

Изъ-подъ распахнутой двери кибитки, въ блѣдномъ мерцаніи разсвѣта, виднѣлись конусы другихъ кибитокъ. Алексѣй вышелъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Подъ колесами, близъ стоявшей арбы, раздавался тяжелый, прерывистый храпъ раскинувшагося на землѣ, измореннаго дневною суетой, Апроньки. Гдѣ-то поодаль, у коновязи, тихо, точно всхлипывая, разговаривали двое пѣхотинцевъ.

— Ахъ, братецъ ты мой, — говорилъ одинъ изъ нихъ: — вотъ душегубы; у нихъ, сказываютъ, ни суда, ни милости... поймаютъ, разсѣкутъ тебѣ пятки и набьютъ волосомъ, — по-вѣкъ чтобъ не ушелъ... а то — откормятъ, съѣдятъ...

— Мать сыра-земля! на край свѣта дошли, — причитывалъ другой голосъ: — это, какъ померъ человѣкъ, и куда его душенька дѣнется? Али она на небѣ, али мается, тошнѣхонько ей на землѣ?..

Касаткинъ возвратился въ кибитку, накинулъ кафтанъ и, съ яснымъ представленіемъ о возможности гибели, мученій, смерти, съ жаждой отстоять молодую, угрожаемую жизнь, пошелъ къ князей ставбѣ.

Начало свѣтать.

Бековичъ, также одѣтый, ходилъ взадъ и впередъ передъ ставкой. Въ его рукахъ была бумага. Онъ поглядывалъ вдаль, гдѣ къ холмамъ по равнинѣ двигались двѣ какія-то тѣни. Мысли князя были смущены. Въ нихъ неотходно стояли картины далекаго прошлаго, — дѣтство, кавказскія горы, плѣнъ матери и сестеръ, убитый въ набѣгѣ отецъ, жизнь въ голицынской подмосковной, ученіе въ чужихъ краяхъ, ласки царя, свадьба, счастье и недавнее, страшное горе.

— «Да за что же, за что?» — говорилъ себѣ князь: — «за что эта гибель? и чѣмъ я у Бога виноватъ?»

— Пора бить зорю, походъ! — сказалъ, подойдя къ князю, Касаткинъ.

Бековичъ вздрогнулъ.

— Не примѣтилъ я тебя, — произнесъ онъ.

— Медлить нечего, — продолжалъ Касаткинъ: — осмѣлюсь совѣтовать, идти дальше и кончать.

— Поздно, — мрачно проговорилъ Бековичъ.

— Какъ поздно? только свѣтаетъ, войско ждетъ.

— Ханъ ночью опять прислалъ нарочныхъ — условиться о мирѣ. Я согласился... вонъ они ушли...

— Но вѣдь врагъ не положилъ оружія, въ конецъ не истребленъ. Подождать бы... простите — какъ же, не созвавъ совѣта?

— Совѣтъ тутъ я самъ, — твердо произнесъ Бековичъ: — помнишь? черезъ тебя же сказано, — думать о торговлѣ, — мы завоеватели, купцы... да и припасы на исходѣ...

Спорить дальше было нечего. Касаткинъ замолчалъ. Сошлись другіе офицеры. Въ лагерѣ узнали, что миръ окончательно принять. Послѣ пересылки нѣсколькихъ новыхъ посланцевъ съ той и другой стороны, былъ исполненъ вторичный, болѣе торжественный, обмѣнъ даровъ.

Ханъ прислалъ Бековичу гнѣдого коня, кафтанъ «изарбатный», нѣсколько халатовъ, саблю и новыхъ овощей, съ дружескимъ приглашеніемъ — лично пожаловать для переговоровъ.

— Дары бѣдноваты! — толковали въ русскомъ лагерѣ: — ханъ плутуетъ, или ихъ земля такъ жалко бѣдна...

— Довольно путали наши послы, — сказалъ князю ханскій посланецъ: — лучше обо всемъ договориться и условиться лично; ты же посоль царя, для того сюда и отряженъ...

Офицеры окружили Бековича.

— Какъ? — заговорили они: — ужли поѣдете?

— Поѣду...

— Вы побѣдитель и вы же первый поѣдете на ханскій зовъ? — не отставали офицеры: — опомнитесь! ихъ дѣло, не наше, просить милости, класть къ ногамъ побѣдителя знамена. Ихъ ханъ, не вы, долженъ первый явиться...

Бековичъ молча слушалъ возгласы офицеровъ, глядѣлъ на ихъ загорѣлыя, обвѣтренныя лица, и, казалось, не понималъ ихъ горячности, споровъ. — «И что имъ? изъ-за чего такъ настаиваютъ?» — думалось ему: — «они цѣлы, невредимы. А тамъ, въ морѣ...» Красныя и синія рубашечки не покидали его мыслей... «Папочка, папочка!» — слышалось ему: — «слона приведи, тигра!»

— Погубять васъ, предадутъ! — кричалъ передъ княземъ весь красный, взволнованный Франкенбергъ: — вы извините меня... давно знакомы... ну, и походъ, братство...

— Да гдѣ же ваши глаза?—приставалъ храбрый, отличившійся въ бояхъ съ шведами и съ турками, майоръ Пальчиковъ: доведите дѣло до конца, не губите даромъ себя, насъ и нашихъ семей...

«Охъ, да что же имъ, чего хотять?» растерянно удивлялся Бековичъ, слѣдя ходъ иныхъ, затаенныхъ, болѣе ему понятныхъ и мучительно сладкихъ мыслей: «да! именно въ ту минуту, въ часъ побѣды, я видѣлъ напророченныхъ ею журавлей... Близъ ихъ столицы — та сказочная, многоводная рѣка — тамъ увижу чайку...» Онъ нѣсколько мгновений помедлилъ, выпрямился. Лицо его было спокойно, глаза смотрѣли строго.

— Готовить и наши, окончательные дары! — объявилъ Бековичъ хранителю каравана, Званскому: — я лично повезу хану царскую грамоту. Тамъ подпишется мирный договоръ.

Позвавъ походнаго брандоубра, татарина Алтына, побрившись и причесавшись, Бековичъ надѣлъ парадный, преображенскій кафтанъ и сѣлъ на гнѣдого, ханскаго коня. Онъ былъ въ странномъ, лихорадочномъ возбужденіи, точно хмѣльной.

Въ сопровожденіи стольника Заманова, хранителя даровъ — Званскаго, Экономова, вожака - туркмена, Касаткина, Юрлова и семисотъ казаковъ, съ музыкантами и съ распущеннымъ краснымъ знаменемъ, Бековичъ, сдавъ остальной отрядъ подъ охрану Франкенберга и Пальчикова, направился къ хивинскому войску.

Сто пѣхотинцевъ, съ церемоніей, несли торговые, царскіе дары хану: куски цвѣтныхъ суконъ, сахаръ, соболи, серебряныя блюда и тарелки, парчу. Драгуны вели сохраненный съ великимъ трудомъ цугъ темно-сѣрыхъ, присланныхъ Петромъ изъ за моря фрисландскихъ жеребцовъ, запряженныхъ въ позолоченную карету, и верхового вороного коня, подъ расшитымъ жемчугами алымъ бархатнымъ чепракомъ. Званскій подумалъ: «что имъ, нехристамъ, все отдавать!» и на всякій случай прибавилъ даровъ, назначенныхъ хану.

Хивинскій отрядъ ожидалъ русскаго посла за холмами, въ сборѣ, на коняхъ.

Съ приближеніемъ русскихъ, хивинцы разступились, молча поглядывая на пышное шествіе русскихъ.

— Точно ястребы глядятъ на птичекъ! — сказалъ Юрловъ Касаткину.

Ханской ставки Бековичъ въ хивинскомъ отрядѣ не нашелъ. Будто не зная о выходѣ посольства, ханъ передвинулся далѣе. Къ вечеру князь, провожаемый хивинскимъ войскомъ, достигъ хана. Свиданіе, за темнотою, было отложено до утра. Бековичу

отвели особую ставку. Ночью онъ снесся съ остальнымъ своимъ отрядомъ. Тамъ все было на-сторожѣ. Франкенбергъ и Пальчиковъ расположились на пушечный выстрѣлъ отъ хивинцевъ. Казачьи лошади были не разсѣданы, пѣхота подъ ружьемъ, пушки выставлены впередъ. Изъ ханскаго шатра были видны русскіе сторожевые огни; слышались оклики часовыхъ.

— Что, Максимуха, худо или хорошо?—спросилъ Касаткинъ князева деньщика:—ты съ княземъ былъ въ походахъ. Чего ждать? какъ думаешь?

— Было бы, Алексѣй Ильичъ, счастье, а дни впереди,—отвѣтилъ Максимъ, чистя и снаряжая запыленную князеву аммуницію:—погляжу и я на князя,—и что съ нимъ дѣется? ѣздили мы съ княгинюшкой въ монастырь, молились... охъ, помоги, Боже!.. солнце свѣтитъ на благіе и злые...

Двадцать второго августа произошло первое свиданіе Бековича съ ханомъ. Въ памяти Касаткина и прочихъ свидѣтелей до мелочей врѣзался этотъ день и всѣ его событія.

Долго прирожденный сынъ азіатской, вольной степи и бывшей черкесь, съ крещеніемъ принявшій европейскіе обычаи и видъ, смотрѣли другъ на друга.

Бековичъ съ достоинствомъ вошелъ, въ треуголъ и при шпагѣ, въ ханской шатеръ. Онъ молча подалъ хану царскую грамоту, съ печатью и золотымъ шнуромъ, и сѣлъ рядомъ съ ханомъ. Ширгазі не принялъ грамоты, а указалъ ее старшему муллѣ. Тотъ взялъ и, стоя, вслухъ прочелъ приложенный къ грамотѣ хивинскій переводъ.

Въ подлинной грамотѣ значилось: «Хивинскихъ и юргенскихъ земель начальнику — нашего царскаго величества поздравленіе и привѣтъ. Изобрѣли мы за благо послать къ тебѣ нашего посла, для общей пользы и нужнѣйшихъ дѣлъ. И тебѣ бы, хану, принять его, посла, по его чину и достоинству, и тому, еже онъ тебѣ предложитъ, вѣру яти и, давъ рѣшеніе, его — полномочнаго нашего посла — съ удовольствіемъ отпустить».

— Ты посломъ отъ бѣлаго царя?—спросилъ Ширгазі, не глядя на князя.

Бековичъ отвѣтилъ. Переводчикомъ служилъ востроносый, добродушный и сильно встревоженный, дворянинъ-грекъ Экономовъ.

— А зачѣмъ ты сталъ строить крѣпости въ моихъ владѣніяхъ?

— Въ какихъ?

— У Каспійскаго моря, оно мое... да и здѣсь, въ Карагачѣ, ты надѣлалъ насыпей и прорылъ ровъ...

— Мы укрѣпились послѣ твоихъ нападеній, — отвѣтилъ князь: — ты началъ стрѣлять первый и прежде, чѣмъ я успѣлъ къ тебѣ дойти...

— А почему ты шель съ такой силой? — друзья ходятъ съ товарами, безъ пушекъ.

— Не будь пушекъ, не довезъ бы тебѣ и царскихъ даровъ.

— Ну, полно спорить, — вмѣшался сидѣвшій тутъ-же ханскій казначей: — эка, горячки! давай баранину; помирились, надо ѣсть и пить.

Бековичъ потребовалъ утвержденія и подписи заявленныхъ мирныхъ условій.

Вошли главные узбеки.

— Соглашаешься-ли, — спросилъ Бековичъ: — содержать вѣчную дружбу съ царемъ?

Ханъ утвердительно кивнулъ головой.

— Пропустишь-ли русскаго купца въ Индію? дашь ли намъ нужныхъ припасовъ? дозволишь ли срыть плотины Аму-Дарьи?

— Согласенъ, — отвѣтилъ и на эти вопросы ханъ.

— Присягай, — объявилъ Бековичъ.

Экономовъ перевелъ это слово. Ханъ смотрѣлъ на грамоту, будто не слыша или не понимая сказаннаго.

— Присягай, — повторилъ Экономовъ.

Ханъ злобно на него взглянулъ и далъ рукой знакъ муллѣ.

Былъ принесенъ коранъ. Ширгазѣ, старѣйшины, узбеки и ханская свита цѣловали священную книгу. Всѣ клялись въ вѣчной дружбѣ и покорности царю. Бековичъ поцѣловалъ снятый съ своей груди крестъ, благословеніе покойной княгини, давъ его поцѣловать и прочимъ офицерамъ.

— А теперь угощеніе, — сказалъ казначей, поднимая пологъ и указывая князю и его провожатымъ другое отдѣленіе шатра.

Здѣсь на узорныхъ кошмахъ былъ разставленъ обѣдъ.

— Не сердись, — ты меня напугалъ, я и собралъ войско, — сказалъ ханъ князю за обѣдомъ: — какъ закусимъ, — пойдемъ, конь съ конемъ, въ мою столицу...

— А подписать договоръ?

— Это сейчасъ кончимъ, — отвѣтилъ Ширгазѣ: — поле битвы за тобой, значитъ, я у тебя въ гостяхъ. Пойдемъ и ко мнѣ, — ты посоль — всего два-три перехода...

Бековичъ согласился. Оба отряда, по прежнему, въ виду другъ друга, двинулись къ Хивѣ.

— Косы-то у этихъ хивинцевъ и сартоков! косы! — говорили

молодые офицеры: — представь, Захаровъ, густыя, длинныя, и ей-Богу, лоснятся, какъ вороново крыло...

— Да что, есть восхитительныя... вонъ, Замановъ говорилъ, онъ видѣлъ прежде...

— Эхъ, но какъ-бы при томъ да хоть бы парочку аргамачковъ, — толковали офицеры постарше: — вотъ бы рай...

— А что?

— Да въ Казани, други, или въ Москвѣ за такого можно взять полтысячи...

Черезъ аральскія пашни и урочище старую Хиву, оба войска на другой день пришли къ извилистой, въ камышахъ и плавняхъ, рѣкѣ Порсѹ.

Здѣсь мѣстность была уже ровная, видимо плодородная и населена. Попадались тѣнистыя, древесныя насажденія, оросительныя каналы, жилища изъ глины, минареты, съ разноцвѣтной, блестящей на солнцѣ, поливой. Видны вдали стада верблюдовъ и овецъ. Дорога шла вдоль рѣки.

День насталъ пасмурно-знойный и тихій. Изрѣдка въ камышѣ срывался вѣтеръ, крутя мелкій прибрежный песокъ, точно его взметала нетерпѣливая лапа хищнаго звѣря. Снова наступила обѣденная пора.

— Слушай, — вдругъ сказалъ ханъ въ дорогѣ Бековичу: — вижу, у тебя мало припасовъ; да и въ моей столицѣ не хватитъ кормовъ для всего твоего войска.

— Какъ же быть? — спросилъ, выходя изъ задумчивости, князь.

— Вотъ что я придумалъ, — произнесъ ханъ: — кромѣ Хивы, у меня еще четыре города... Раздѣли свой отрядъ на части, — я дамъ провожатыхъ. Узбеки еще успѣютъ до ночи развести по близости твоихъ конныхъ и пѣшихъ... Всѣ будутъ сыты и у тебя подъ рукой.

— Подумаю, — не-хотя отвѣтилъ, какъ-бы что-то соображая, князь. — «Провизіи мало, мало» — сказалъ онъ себѣ.

Князь, не останавливаясь, послалъ о предложеніи хана извѣстить Франкенберга и Пальчикова. Тѣ на-отрѣзъ отказались дѣлиться на части.

— Передай князю, — сказалъ Франкенбергъ посланному: — съ силой пришли, силой надо и доканчивать походъ.

Ханъ видѣлъ сношенія, колебанія русскихъ. Онъ подтянулъ поводъ коня, поѣхалъ тише.

— Однако, дары ты мнѣ поднесъ дранные, не цѣльные, — сказалъ онъ князю, какъ-бы мимоходомъ.

— Какъ дранные?

— Сукна хорошія, — продолжанъ ханъ: — посланы цѣликомъ, а ты ихъ переполовинилъ.

Бековичъ взглянулъ на Званскаго.

— Это твое дѣло! — проговорилъ онъ: — въ сто глазъ за вами, губители, смотри — успѣлъ и здѣсь... Что не предупредилъ?

— А съ чѣмъ было бы возвращаться, отдаривать за миръ? — спокойно возразилъ Званскій: — карманы у нихъ дырявые.

— Ну, Юрловъ, и ты, Текутьевъ, — сказала Бековичъ: — ѣзжайте къ майорамъ и объявите имъ послѣдній мой приказъ. Не раздѣлятся, не послушаютъ, наряжу, по артикулу, военный судъ. Развѣ не видятъ, что припасы на исходѣ? — Бѣда!

Посланные уѣхали. Ширгазі далъ знакъ къ привалу. Всѣ сѣли закусывать. Бековичъ ни до чего не дотрогивался. Зной пасмурнаго, сѣро-пепельнаго дня становился нестерпимъ. Тамъ и сямъ, вдоль рѣки, точно сами собой поднимались вертящіеся столбы песчаной, бѣлой пыли. Налетѣлъ, колыша камышъ и вскрывая полы шатровъ, порывистый, бурный вихорь. «Крѣпкіе приколы! береги коней», — раздались, среди хивинцевъ, русскіе казачьи голоса.

Вѣтеръ стихъ. Стало еще душнѣе.

Въ концѣ обѣда, къ Бековичу въ шатеръ возвратились посланные офицеры.

— Вашъ приказъ исполненъ, — объявили они: — войско раздѣлилось и уже уходитъ въ указанные мѣста узбеками.

Бековичъ выглянулъ изъ ставки.

— Смотри, — сказалъ онъ хану: — и это твое желаніе исполнено.

Изъ шатра были видны облака пыли. Пѣхота, драгуны и казачьи полки, съ остатками обоза, тянулись по равнинѣ длинными рядами, сверкая на выглянувшемъ солнцѣ штыками и пушками. Еще простымъ глазомъ можно было узнать отдѣльныя части, различить коннаго отъ пѣшаго.

— «Мать пресвятая, Богородица, помилуй!» — тихо проговорилъ кто-то изъ казаковъ, державшихъ у шатра лошадей.

— А въ нихъ, треклятыхъ, пальнуть бы, вдарить по всѣмъ! — прибавилъ тамъ-же чей-то голосъ громче.

Въ шатеръ, мимо Бековича, чуть не задѣвъ его плечомъ, дерзко вошелъ и, нагнувшись, сталъ что-то говорить хану пріѣзжавшій наканунѣ въ лагерь, огромнаго роста, зеленый оруженосецъ. Отъ него, какъ замѣтилъ Касаткинъ, пахнуло чѣмъ-то прянымъ, остропахучимъ.

Мысли князя сбивались, рѣяли безъ числа. «Шепчутся, пере-
глядываются... Пальнуть бы, ударить въ нихъ», вдругъ подумалъ и
онъ: «а что? вѣдь не поздно... я могъ бы еще дать знакъ, успѣть...»

Ширгазѣ быстро всталъ и вышелъ изъ патра. Вкругъ него,
какъ видѣлъ Бековичъ, на площадкѣ столпились старѣйшины,
уздени. За шатромъ раздался хриплый, надтреснутый звукъ трубы;
ей отвѣтили, будто по условію, другія трубы.

— Вотъ привезенная тобою грамота, — сказалъ ханъ, огля-
дываясь и поазывая Бековичу царскій листъ, съ печатью и золо-
тымъ шнуромъ.

Бековичъ вышелъ изъ патра.

— Ты меня обманулъ, — произнесъ ханъ, разрывая грамоту
и топча ее желтыми туфлями: — съ караваномъ — ввелъ войско.

— Измѣна! — закричали офицеры, выхватывая сабли и бро-
саясь одни къ князю, другіе къ лошадямъ: — измѣна! на конь!
бей ссорь!..

Касаткинъ вскочилъ на лошадь, поданную деньщикомъ. —
«Подтянуть бы подпругу... эхъ, сударь, дѣло-то!» — прошепталъ
блѣдный Апронька, трясущимися руками придерживая стремя.
Алексѣй удивился, не слыша сигнальнаго барабана. Все мерт-
венно стихло. На площадкѣ что-то возилось, мелькали свои и
чужія лица, руки, спины.

Прижатый съ конемъ къ толпѣ нахлынувшихъ халат-
никовъ, кого-то вязавшихъ въ свалкѣ, Касаткинъ, какъ и другіе
офицеры, былъ мигомъ отдѣленъ отъ князя. Съ того мѣста, гдѣ
онъ очутился, видна была часть площадки.

Бековича хивинцы не трогали. Онъ спокойно, съ гордымъ
достоинствомъ, молча сидѣлъ на конѣ. Его лицо было смер-
тельно блѣдно, губы вздрагивали. Строгіе, впалые глаза презри-
тельно смотрѣли на происходившее, какъ бы ничего не видя. —
«Вотъ оно, оправдалось!» — въ ужасѣ, замирая, подумалъ Ка-
саткинъ.

Тамъ, гдѣ кого-то вязали, раздались отчаянные, дикіе вопли.
Касаткинъ, черезъ головы близъ стоявшихъ хивинцевъ, увидѣлъ
хана. На площадкѣ, у патра, былъ разостланъ большой, красный
платъ.

Ширгазѣ, съ заломленной назадъ папахой, что-то кричалъ,
размахивая руками. У его ногъ, на красной разостланной
ткани, съ обнаженной головой и въ одномъ бѣлѣ, стоялъ свя-
занный хранитель каравана Званскій.

Два уздени, справа и слѣва, рубили его саблями по окро-
вавленнымъ плечамъ и головѣ...

Бековичъ схватился за шпагу, далъ шпоры коню.

— Злодѣй! что ты?—крикнулъ онъ хану.

Толпа преградила князю дорогу; но онъ пробился въ хану. У ногъ послѣдняго, раскинувъ руки, лежало обезглавленное, залитое кровью тѣло Званскаго.

— Бековичъ! князь!—послышался новый, раздиравшій душу голосъ:—царскій ты посолъ и вождь! ужли не видишь?..

Бековичъ оглянулся. Ханскіе слуги вели въ шатру связаннаго, бившагося и упиравшагося ногами, стольника Заманова.

— Что же твоя надпись на знамени, отрoжденный князь, побѣдитель странъ?—продолжалъ кричать Замановъ.

Блѣдный, дрожащій Бековичъ стоялъ рядомъ съ ханомъ.

— Что ты дѣлаешь, звѣрь? опомнись!—проговорилъ онъ:—Экономовъ, переведи ему... ты клялся, я царскій посолъ... Явятся новыя силы... отомстятъ...

Бековичъ не договорилъ. Стоявшій сзади его, приземистый, широкоскулый оборвышъ-сартъ съ размаха ударилъ его чеканомъ по головѣ.

Съ князя слетѣла преображенская, съ галуномъ и золоченой бляхой, треуголка, и самъ онъ, какъ снопъ, свалился съ коня.

Офицеры бросились на выручку князя, окружили его, подняли. Ханъ еще медлилъ. На площадку ввалилась новая, что-то кричавшая толпа. Съ сѣделъ сняли связанныхъ, въ окровавленныхъ тряпкахъ на головѣ, Франкенберга и Пальчикова. Офицеровъ смяли, опять оттѣснили въ шатру. Слышался раскатистый, гортанный и въ носъ, сердитый голосъ хана.

Князь опять очнулся, открылъ глаза. Передъ нимъ, на площадкѣ, лежало нѣсколько новыхъ обезглавленныхъ тѣлъ, въ томъ числѣ—Пальчиковъ, Франкенбергъ и оба княжіе брата.

Самъ Девлетъ-Гильдей-Бековичъ, раздѣтый, какъ послѣдній отрепышъ-невольникъ, стоялъ на колѣняхъ, на залитомъ кровью платкѣ, у той же ставки, гдѣ еще такъ недавно его угощали.

Кровь съ раскроенной головы крупными, теплыми каплями падала на хмурое, блѣдное, гордое лицо князя и на его красивые, негодующіе глаза.

Ханъ, подбоченясь, съ усмѣшкой, глядѣлъ мимо плѣнника на путь къ Хивѣ, гдѣ еще ясно виднѣлись, въ клубахъ пыли, рады уходившихъ войскъ.

Бековичъ не понималъ словъ хана, съ трудомъ соображая то, что дѣлалось вокругъ него, и удивляясь, почему онъ связанъ и зачѣмъ рядомъ съ нимъ, въ зеленомъ халатѣ и въ бѣломъ жгутѣ огромной чалмы, молча стоялъ знакомый ему оруженосецъ хана.

Князю отъ шатра былъ видѣнъ край плёса синѣвшей, въ рамѣ камышей, рѣки Порсѹ, бѣлые пески, новыя плёса и камыши.

Надъ рѣкой, въ этотъ мигъ, въ теплой, вечерней синевѣ, показалась на широкихъ, мягко махавшихъ крыльяхъ, бѣлая, точно плившая чайка.

Бековичъ вспомнилъ море, прощаніе, барку.— «Вотъ она» — подумалъ онъ, съ тихою, сладкою дрожью: «вотъ, гдѣ увидѣлъ...»

Стоявшій о-бокъ съ нимъ, зеленый хивинецъ взмахнулъ кривымъ ятаганомъ.

Къ ногамъ хана скатилась голова полномочнаго царскаго посла.

Касаткинъ куда-то рванулся. Его схватили чьи-то руки.— «Баринъ, баринтъ!» — слышались откуда-то, въ общей свалкѣ, знакомые, жалобные крики.

ХІ.

Плѣнники.

Весь отрядъ Бековича былъ перевязанъ, ограбленъ и поголовно истребленъ.

Войсковой обозъ, пушки, одѣяніе, тѣла и головы начальниковъ увезли въ Хиву.

Небольшая кучка плѣнныхъ уцѣлѣла въ таборѣ одного изъ узбековъ. Ихъ нѣкоторое время берегли, такъ какъ измѣнившіе калмыки указали на нихъ, какъ на искусныхъ пушкарей и вообще тѣмъ или другимъ полезныхъ въ захваченной добычѣ. Между послѣдними были Касаткинъ и Юрловъ, старичокъ-врачъ, живописецъ-шведъ и кое-кто изъ прислуги. Плѣнныхъ гнали пѣшкомъ въ Хиву.

Близилась ночь. Изнемогая отъ жажды, съ связанными за спину руками, Касаткинъ шелъ не вдали отъ Юрлова и сперва съ нимъ переговаривался. Вскорѣ онъ впалъ почти въ безсознательное забытѣе, едва двигая усталыми ногами и не видя, какъ садилось солнце, какъ они миновали нѣсколько хивинскихъ поселковъ и спустились въ долину. Ему мерещились сборы въ Астрахани, какъ офицерскія жены снаряжали мужей и какъ старая нянька Бековичей, укладывая бѣлье и посуду князя, все толковала:— «Смотри же, князинька, вотъ это сорочки новыя,— сама княгиня шила,—а вотъ это старыя,—привези и ихъ... Да

паче глаза кружечку береги—столько годовъ изъ нея во здравіе пили...» — «Пили!» съ судорожною дрожью думалъ Касаткинъ, ища глазами хоть каплю воды.

Плѣнные сильно задерживали провожатыхъ. Въ позднія сумерки, у какого-то ручья, ѣхавшій впереди узбекъ придержалъ коня, пропустилъ мимо себя навьюченныхъ грудой добычи всадниковъ, подозвалъ ближайшаго изъ стражи и указалъ ему на отсталыхъ.

Нѣсколько конныхъ отдѣлились и, какъ-бы чего-то ища по стемнѣвшей дорогѣ, заѣхали назадъ къ ручью. Раздался залпъ ружей. Большая часть плѣнныхъ повалилась на песокъ.

Хивинцы, размѣстивъ на сѣдлахъ остальныхъ, понеслись далѣе вскачь. Всѣ спѣшили не опоздать къ побѣдному возврату остального войска въ Хиву.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, ханъ торжественно въѣхалъ въ столицу. Впереди его, на копьяхъ, несли головы Бековича, Франкенберга и другихъ русскихъ начальниковъ. Народъ съ криками толпился на площадяхъ и улицахъ. Женщины разстилали передъ ханомъ цвѣтныя ткани; муллы кричали привѣтствія изъ мечетей. Весь день ханскіе вершники рыскали, съ кровавыми трофеями, по городу.

Къ ночи Ширгазы велѣлъ головы казненныхъ воткнуть на шестахъ у висѣлицы, близъ аральскихъ воротъ. Кожи, снятыя съ замученныхъ вождей, набили сѣнной трухой, одѣли въ мундиры и поставили, въ видѣ стражи, у тѣхъ же воротъ.

Голову Бековича ханъ послалъ въ даръ бухарскому эмиру.

— Вѣрно вашъ ханъ людоѣдъ, — сказалъ старикъ эмиръ прискакавшему гонцу:—вези этотъ даръ обратно; такъ не поступаютъ съ гостемъ и посломъ...

Новые и часть прежнихъ плѣнныхъ ожидали рѣшенія своей участи. Ихъ, въ числѣ сорока человѣкъ, вывели въ слѣдующій день на базарную площадь. Ханъ, окруженный знатью, въѣхалъ туда же на конѣ, полученномъ въ даръ отъ царя. Площадь гудѣла ликующей толпой. Къ столбу привязали очередныхъ. Ждали главнаго муллу. Уздени обнажили ятаганы. Приведенный подъ руки ханскій казначей держалъ народу рѣчь. Отворилась мечеть. Оттуда вышелъ дряхлый, бѣлобородый, старшій мулла,—ахунъ.

— Остановись!—сказалъ онъ хану:—нѣтъ тебѣ благословенія. Ты заманилъ шедшихъ съ посольствомъ, клялся на коранѣ и преступилъ клятву.

— «Это его обочли добычей, — объявилъ ближнимъ казначей: — что его слушать!»

Народъ покорно смолкъ.

— Образумься,—возвысивъ голосъ, продолжалъ хану мулла: —пощади остальныхъ; ты не видѣлъ, я видѣлъ сонъ... прійдутъ изъ-за моря новыя рати... кровь невинныхъ будетъ звать объ отомщеніи въ роды родовъ...

Ширгазі отмѣнилъ казнь. Плѣнные были розданы ближней ханской свитѣ и распроданы въ рабство въ Коканъ, Кашгаръ, Тибетъ и другія мѣста.

Деньщикъ Бековича, Максимъ, очнулся послѣ залпа въ плѣнныхъ, на берегу ручья. Была ночь. Онъ лежалъ навзничъ у дороги. Свѣтилъ полный мѣсяцъ. Пахло сыростью, болотными травами. Его мучила жажда. Онъ ощупалъ себя. Кромѣ легкой раны въ ногу, чувствовалась еще боль отъ сквозной раны въ плечо. Понявъ, что онъ былъ въ безсознаніи отъ потери крови, Максимъ подползъ къ водѣ, промылъ обѣ раны, обложилъ ихъ травой и обвязалъ разорваннымъ бѣльемъ.

До слуха Максима донесся тихій, подавленный стонъ. Между пристрѣленными плѣнными былъ еще одинъ живой, или умирающій. Максимъ поползъ на голосъ. Онъ разглядѣлъ убитыхъ Юрлова и Апроньку. Возлѣ нихъ, на пескѣ, головой къ камышу, лежалъ еще кто-то блѣдный, окровавленный, съ закрученными на спину руками.

— Максимушка,—проговорилъ знакомый, обрывавшійся голосъ:—ты ли?

— Я, сударь...

— Подними... охъ... дай пить...

То былъ Касаткинъ. Максимъ зачерпнулъ въ пригоршню воды, напоилъ, развязалъ и посадилъ Алексѣя.

— Думали-ль?—говорилъ, всхлипывая, старикъ:—сюда, батюшка, ножку, сюда ручку, вотъ такъ.

— Я раненъ въ грудь,—произнесъ черезъ силу Касаткинъ:—врядъ ли переживу... вотъ тутъ, стой, въ камзолѣ... теше... листочки, грамотки... Я, Максимушка, женатъ...

— Знаемъ, отецъ родной... князь сказывалъ...

— Коли спасешься... увидишь... отдай ей листки и вотъ этотъ перстень, ея даръ... Не примѣтили изверги... помоги снять... запухла рука...

Алексѣй не договорилъ. Вдали по дорогѣ послышался конскій топотъ. Скакали опоздавшіе, съ добычей, грабители.

— Господь васъ, батюшка, спасетъ!—прошепталъ Максимъ, бросаясь въ камышъ:—не отзываются; авось не примѣтятъ, уйдутъ...

Касаткинъ ждалъ приближенія всадниковъ. Мысли безъ числа роились, пробѣгали въ его головѣ. Отчего онъ такъ странно уцѣлѣлъ, въ общей, кровавой рѣзнѣ? Отчего раненъ теперь? Ему представлялась площадка передъ ханскимъ шатромъ, знойный день, запахъ крови, и страшный, мокрый, красный платокъ. И все ему теперь казалось далекимъ, конченнымъ, а вмѣстѣ отраднымъ и легко-объяснимымъ. — «Вотъ она, неразгаданная, непонятная прежде смерть... и гдѣ?... все кончено!..»

Въ ушахъ Алексѣя отдавалась пушечная пальба, визжали на разные голоса пули, слышались, послѣ того, отбитаго нападенія, сердитые, съ бранью и проклятіями, стоны раненыхъ и умирающихъ. — «Ишь, дьяволы, не перемѣнять тряпечки... вся въ крови»... — вспоминалъ онъ бредъ красиваго и бойкаго, бѣлокурого солдата. — «Дымки-то, жарятъ!.. важно... охъ, щеголи!..» — говорилъ въ бреду другой, смертельно-раненный солдатъ, черноволосый и строгій съ виду, изъ бывалыхъ: «имъ, треклятымъ, первый сухарь... вѣдь у насъ какъ?..» Алексѣй силился вспомнить еще что-то: Парижъ, Дуню, Петра...

Всадники остановились у берега, сошли съ коней. Они очевидно примѣтили Максима въ ручьѣ. Подѣхавшіе какъ-бы разсуждали, спорили, удивлялись. Потомъ раздались сердитые оклики, угрозы. Максимъ, забравшись далѣе въ плавни, притаился. Хивинцы было пустились въ воду, шлепая въ потьмахъ, пробуя глубину и оступаясь. Наконецъ, все затихло.

Разсвѣло. Туманъ клубился по ручью. Максимъ выглянулъ изъ камыша: берегъ былъ пустъ, убитыхъ очевидно подобрали. У дороги бродилъ только брошенный, съ переломленною ногою, чей-то издыхавшій верблюдъ.

Двое сутокъ Максимъ скрывался въ плавняхъ. На третій день онъ не вытерпѣлъ отъ голода, вылѣзъ на дорогу. Его подобралъ толстый и сытый, ѣвшій какую-то вкусную лепешку, поселянинъ-хивинецъ, везшій на базаръ арбу дынь. Оглядевъ еще дюжій станъ раненаго, онъ посадилъ его съ собою, далъ ему ломоть лепешки и повезъ, посмѣиваясь, указывая вдаль и повторяя какія-то ободряющія слова. При въѣздѣ въ городъ, онъ его ловко спряталъ подъ дыни.

Плѣнные въ то время были уже прощены. Максимъ, у аральскихъ воротъ, увидѣлъ еще торчавшія на шестахъ головы казненныхъ. Княжей головы онъ тамъ не призналъ и сперва обрадовался, — головы у висѣлицы были съ бородами, а князь передъ гибелью обрился.

Вскорѣ всѣ узнали и объ участи князя.

Первую вѣсть о гибели всего отряда Бековича принесли въ Астрахань осенью того же 1717 года.

Эту вѣсть сперва доставили въ Гурьевъ, потомъ астраханскому коменданту, четверо случайно ушедшихъ плѣнныхъ. Ихъ имена сохранились въ бумагахъ того времени. Это были: яицкій казакъ Емельяновъ, юртовскій татаринъ-брадобрѣй Алтынъ, гребенской казакъ Бѣлотелкинъ и спрятанный знакомыми сартами, послѣднiй вожакъ похода, туркменъ Ходжа-Нефесъ.

Послѣ опроса въ Астрахани и въ Казани, ихъ на ямскихъ отправили немѣшкотнo въ Петербургъ. Здѣсь передъ сенатомъ, а потомъ въ присутствiи самого царя, они передали, за скрѣпой своихъ рукъ, что видѣли и знали—о несчастномъ концѣ индiйскаго похода.

Вылѣченный новымъ хозяиномъ, Максимъ былъ обмѣненъ на другого раба, изъ персовъ, попалъ къ iомудамъ, оттуда къ текинцамъ, а отъ послѣднихъ, въ какомъ-то набѣгѣ, ушелъ въ Тюбъ-Караганскую крѣпостцу. Отсюда онъ отплылъ, съ комендантомъ Фандервидденомъ, когда послѣднiй, въ октябрѣ 1717 года, рѣшилъ возвратить въ Россiю голодавшiй за моремъ гарнизонъ.

Буря разбила плохо оснащенные суда Фандервиддена. Отрядъ провелъ зиму въ устьѣ Куры. Въ морѣ и во время зимовки, отъ недостатка продовольствiя и одежды, отрядъ на половину погибъ. Остальные возвратились въ Астрахань только въ слѣдующемъ 1718 г.

Здѣсь, въ домѣ овдовѣвшей Марьи Саввишны Франкенбергъ, Максимъ, кромѣ княжихъ сыновей, нашелъ и больную, чуть не обезумѣвшую отъ горя и тщетныхъ надеждъ, Касаткину. У Дуни, лѣтомъ минувшаго года, въ Астрахани родился сынъ, Петръ.

— Живъ ли онъ? живъ ли, не томи? — ломая руки, допытывала Дуня Максима, какъ допытывала прошлой осенью первыхъ плѣнныхъ.

Максимъ, какъ могъ, рассказалъ о послѣднемъ свиданiи съ Алексѣемъ.

— Лежали, чуть живы, — перстенька и бумагъ не успѣли снять, — говорилъ онъ: — а утромъ гляжу, — ихъ уже нѣтъ...

— Но какъ же ты, какъ послѣ не добился, не узналъ? — неистово приставала Дуня.

— Самъ, государыня моя, убей Богъ, двое сутки мокъ въ водѣ, индо распухъ, — оправдывался деньщикъ: — а куда дѣли, не гома убитыхъ, а и живыхъ, въ тѣ смертные дни не у кого было и допросить...

Мученiя Касаткиной были невыносимы. — «Ну, тѣхъ несчаст-

ныхъ порѣзали, пострѣляли» — разсуждала она: «ихъ жены, семьи о томъ доподлинно извѣщены... А мой?..»

Она плакала и терзалась, не зная, что дѣлать, служить ли о мужѣ молебны или панихиды?

— Нѣтъ, онъ живъ, живъ!—безумствовала она, твердя своей сожительницѣ: — смотри, Маша! возвратилось столько человѣкъ, татары, казаки и даже княжій деньщикъ... Что, если гдѣ-нибудь и онъ, бѣдный, томится, ждетъ воли?

Изъ ума Дуни не выходилъ перстень.—«И тутъ что-нибудь да значить»,—повторяла она, бродя, какъ тѣнь, ночи на пролетъ, по комнатамъ подруги: «зналъ бы сердечный, что смерть близка, ужъ осилилъ бы себя, переслалъ бы, не оставилъ бы жениной памяти на поруганіе извергамъ».

Касаткина надумала дѣло.

Она распродала, какія были, вещи, собрала денегъ и, какъ ни возражала Марья Саввишна, поѣхала съ ребенкомъ въ Петербургъ,

«Благодѣтель-царь положилъ гдѣ-то въ банкѣ, какъ ска-зываютъ, на мое имя, не малую сумму денегъ», рѣшила она: «всѣ до послѣдней полушки истрачу, отпрошусь съ голландскими купцами и,—хоть муки, смерть приму,—пущусь на поиски»...

Мыслямъ Петра объ Индіи и о торговлѣ съ Азіей суждено было встрѣтить рядъ неодолимыхъ препятствій.

Почти одновременно съ вѣстью о гибели отряда Бековича, въ Петербургъ пришли донесенія и о неудачѣ сѣвернаго отряда.

Капитанъ Бухгольцъ, по пути къ тому-же, сказочному Иркѣню, дошелъ до соленого Ямышъ-озера и заложилъ тамъ, какъ и Бековичъ у Карагача, крѣпость. И его отрядъ былъ плохо снабженъ продовольствіемъ, еще хуже одѣтъ и вооруженъ. Питались полу-сгнившими сухарями, негодной солониной, а подъ-часъ дикими кореньями. Въ отрядѣ развилась повальная цынга.

Узнавъ о бѣдственномъ положеніи русскихъ, калмыцкій контайшъ, съ десятию тысячами войска, окружилъ и осадилъ Бухгольца, отнялъ шедшій съ припасами, отъ губернатора Гагарина, опоздавшій караванъ и, послѣ кровавой стычки, заставилъ голодающее русское войско отступить. Бухгольцъ, на восемнадцати, кое-какъ сбитыхъ, дощаникахъ, отплылъ обратно къ устьямъ Оми.

«Не радуютъ пособники на Востокъ!» мыслилъ Петръ: «а ужъ я ли на нихъ не надѣялся, ихъ не баловалъ, не отличалъ!»

Царь видѣлъ самоотверженіе и храбрость солдатъ, отвагу и

стойкость отдѣльныхъ командировъ, и угадываль, что всему виною—стоявшее въ сторонѣ главное начальство, вѣдавшее снаряженіемъ и обезпеченіемъ войскъ.

Поручикъ Кожинъ, открыто бросившій отрядъ Бековича, по приѣздѣ въ Петербургъ, былъ отданъ подъ военный судъ. Напророченная имъ гибель отряда оправдала его поступокъ. Его продержали въ крѣпости и выпустили. Петру въ то время было не до него.

Давно уже шли особенно дурныя вѣсти о строителѣ и жадномъ сибирскомъ губернаторѣ, князѣ Матвѣѣ Петровичѣ Гагаринѣ.

Бывшій нерчинскій воевода, потомъ президентъ сибирскаго приказа и нѣкоторое время московскій комендантъ, князь Матвѣй Гагаринъ управлялъ въ послѣднія семь лѣтъ Сибирью, въ качествѣ ея губернатора. Никто не смѣлъ жаловаться на самовластнаго, богатаго князя. Сильные охотно съ нимъ дѣлились; мелкіе боялись и взглянуть на пышнаго сатрапа, творившаго безпощадную расправу и судъ не только надъ инородцами, но и надъ своими.

Началось съ разоблаченій маленькаго и задорнаго, присланнаго въ Сибирь чиновника, провинціальнаго фискала Нестерова.

Не боясь князей грозы, смѣлый нравомъ и словомъ—Нестеровъ донесъ царю, что Гагаринъ ведетъ дѣла вообще не чисто: отправляетъ въ Китай, подъ видомъ государевыхъ, собственные товары и вымогательно, съ угрозами, беретъ непомѣрныя взятки съ купцовъ и винныхъ откупщиковъ. Онъ извѣщалъ, что купцы, отъ придирокъ и безторжицы, совсѣмъ оскудѣли, и что сибирскій губернаторъ, запрудивъ губернію своими родичами и собственниками, первый потатчикъ всѣмъ грабителямъ и ворами.

«И давно-бы тебѣ, государь, прислали отсюда просительныя письма», выразился Нестеровъ: «да бояться, — княжій сынъ женатъ на Шафировой, а его дочка за Головкинымъ. Я-же, аки утлый надъ морской бездной пловецъ, надѣюсь токмо на тебя, да на великаго общаго кормщика и богатодавца, святи-теля Николая».

Царь подъ рукою далъ знать Нестерову, что ждетъ отъ него дальнѣйшихъ, откровенныхъ указаній. Нестеровъ ободрился и сообщилъ, что Гагаринъ, забывъ присягу и всякій стыдъ, бралъ на себя и продавалъ казенный хлѣбъ, въ томъ числѣ не мало припасовъ, заготовленныхъ для войска—въ индѣйскій походъ, а чтобъ скрыть это воровство, забросилъ или сжегъ подрядныя, счетныя книги.

Это переполнило мѣру терпѣнія Петра. Не сбылись предположенія объ Индіи, приходилось отказаться и отъ видовъ на Китай.

Государь довѣдался, что самоуправецъ-князь дерзнулъ даже присвоить себѣ золотыя и алмазныя вещи, взятыя въ китайскій торгъ изъ собственныхъ комнатъ государыни, а узнавъ о посланныхъ на него доносахъ, въ свое спасеніе будто задумалъ и еще болѣе смѣлое дѣло: отторженіе подъ свою власть Сибири изъ подданства Россіи.

1718-й годъ былъ особенно тяжелъ для Петра. Въ это время въ Москвѣ происходилъ небывалый, грозный судъ, изъ полутораста высихъ, свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, надъ привезеннымъ изъ Неаполя, бѣглымъ царевичемъ Алексѣемъ. Подъ предлогомъ участія въ этомъ судѣ, Петръ, въ числѣ другихъ, вызвалъ въ Москву и сибирскаго губернатора.

Польщенный новымъ почѣтомъ, князь Матвѣй Гагаринъ, не задумываясь, явился на зовъ, участвовалъ въ разборѣ дѣла и съ прочими товарищами скрѣпилъ своею подписью смертный приговоръ надъ царскимъ сыномъ. Но едва царевичъ кончилъ жизнь, Петръ объявилъ строгое слѣдствіе надъ самимъ Гагаринымъ.

Разборъ этого дѣла, съ отписками, запросами, очными ставками и разными волокитами, устроенными друзьями князя, длился около трехъ лѣтъ. Не спасли сибирскаго губернатора ни его высокій, почетный санъ, ни нажитыя въ управленіи губерніей несмѣтныя богатства. Улики были собраны важныя, неотразимыя.

Князь Матвѣй Петровичъ, однако-же, не унывалъ. Надѣясь на припрятанныя средства, а главное—на знатное родство и связи, онъ во всемъ заперся.

Петръ попытался обѣщать князю свое списхожденіе, если тотъ добровольно покается. Жадный старикъ сталъ клясться, что на него взводить напраслину и что онъ невиноватъ ни въ чемъ. Тогда ему объявили пытку и дважды вздернули его на дыбу. Кнутъ развязалъ княжій языкъ.

Гагаринъ взмолился и объявилъ, что готовъ принести полное покаяніе, но лично самому царю.

Это было въ іюнѣ 1721 года.

Авдотья Францовна Касаткина, по возвращеніи въ 1718 году изъ Астрахани въ Петербургъ, обратилась къ государю съ челобитной, ссудить ее средствами къ отысканію мужа, безъ вѣсти пропавшаго въ Хивѣ.

Долго Петръ не соглашался изъяснить согласія на поѣздки Дуни. Она обратилась къ государынѣ. Та не нашла возможнымъ просить за нее. Въ это время изъ Астрахани пришла вѣсть, что тамъ появился нѣкій туремень, доподлинно увѣрившій, что у какого-то узбека, въ Хивѣ, онъ видѣлъ перстень, схожій съ перстнемъ Алексѣя, и что эта вещь была добыта съ плѣнникомъ, котораго узбекъ продалъ, какъ знающаго пушечное дѣло, въ Кашгаръ.

— Онъ, онъ!—твердила Дуня, скитаясь по сановнымъ домамъ Петербурга.

Петръ рѣшилъ уважить просьбу своей питомицы. По его приказу, снеслись съ англійскими и голландскими купцами, имѣвшими торговля дѣла съ Индіей. Отъ имени Касаткиной была обѣщана награда шкиперу, который узнаетъ и сообщитъ достоверныя свѣдѣнія о пропавшемъ безъ вѣсти плѣнномъ. Свѣдѣній не приходило.

Дунѣ было выдано пособіе изъ ея приданого. Оставивъ сына у знакомыхъ, она въ концѣ 1719 года отправилась въ чужіе края.

Проживая въ Амстердамѣ, Ливерпулѣ и другихъ приморскихъ, голландскихъ и англійскихъ городахъ, Касаткина посѣщала торговля и консульскія конторы, печатала авізы о розыскѣ мужа, и съ трепетомъ встрѣчала каждый, приходившій съ востока корабль.

Осенью 1720 г., въ одной изъ голландскихъ газетъ, явилось письмо врача, случайно заброшеннаго въ Остъ-Индію.

Описывая роднымъ посѣщеніе Лагнаура, гдѣ отъ повальной желтой горячки вымерло множество жителей и чуть не вся семья владѣтельнаго раджи, врачъ прибавилъ слѣдующія строки: «Болѣзнь проникла и въ Дели. Ее туда занесли богомольцы, шедшіе въ Мекку. Между ними, по слухамъ, скрывается бѣжавшій черезъ Тибетъ и Кашемиръ, нѣкій артиллеристъ, изъ отряда русскаго царя. Проданный хивинцами, онъ нѣсколько лѣтъ находился гдѣ-то въ горахъ, перерядился въ одежду, какую носятъ богомольцы — посѣтители Мекки, прошелъ съ ними въ Индію и, заболѣвъ, также находится въ Дели. Я ѣду туда... Всѣхъ занимаетъ появленіе необычнаго, по сю сторону Гималаевъ, гостя, — воина далекаго сѣвернаго царя».

Дуня обезумѣла отъ радости. Собравъ все, что уцѣлѣло изъ ея средствъ, она послала въ Индію, въ Лагнауръ, деньги на имя врача, для передачи мужу, если тотъ живъ, а сама уѣхала въ Петербургъ, узнавъ о болѣзни сына. — «Взойдетъ мое солнце,

вѣрю я» — написала она въ Астрахань Марья Саввишнѣ: «я въ Питеръ, и онъ тамъ, — засіяетъ, освѣтитъ мою тьму».

Но прошли мѣсяцы, снова цѣлый годъ. Объ Алексѣѣ не приходило вѣстей.

Въ Петербургъ въ это время пріѣхалъ изъ Парижа прежній искатель руки Дуни, Кононъ Зотовъ. Въ немъ пробудились былыя мысли. — «Не обрѣтется мужъ», думалъ онъ: «это ясно; сразила горячка... Кого-же ей, въ такомъ разѣ, избрать въ товарищи жизни, какъ не прежняго искателя и хранителя дней?»

ХІІ.

Гость.

Императоръ Петръ, узнавъ о желаніи князя Гагарина, принести ему лично повинную, рѣшилъ къ нему заѣхать въ Петропавловскую крѣпость.

Это было въ половинѣ іюня 1721 года. Погода въ Петербургѣ стояла ясная, теплая. Близился вечеръ. Колокола тихо позванивали къ вечернѣ. Нева была покрыта судами. Весело рѣяли на мачтахъ пестрые вымпелы. Большой, синій съ бѣлымъ, флагъ покачивался на тяжеломъ, голландскомъ бригѣ, подѣхавшемъ въ тотъ день съ моря и выгружавшемъ товары у биржи Васильевского острова.

Петръ возвращался Невкой съ порохового завода, бывшаго на Петербургской сторонѣ, за Колтовской. Тяжело было царю думать о заѣздѣ въ крѣпость, о спросѣ виновнаго князя. Предстояли темныя, незавидныя откровенія, желчь негодованія, гнѣвъ. Петръ вспомнилъ о крошечномъ домикѣ, съ садомъ, на берегу противъ Петровскаго острова, и велѣлъ сидѣвшему у руля денщику Василию ѣхать туда. Тамъ у вдовы кузнеца, булочницы, проживала съ сыномъ Касаткина.

Государь давно не видѣлъ Дуни. Онъ зналъ ея напрасныя ожиданія, ея муки и, скорбя о ней, размышлялъ, какъ бы устроить судьбу ея сына.

Плескъ веселья и мѣрное покачиванье катера навели Петра на болѣе мягкія мысли о Гагаринѣ. Внутренній голосъ шепталъ ему, что не все же въ зломъ, погибшемъ человѣкѣ карать; что нерѣдко, какъ и въ данномъ случаѣ, могутъ еще представиться неожиданные поводы къ помилованію, даже къ забвенію невольныхъ, навѣянныхъ грубостью нравовъ, грѣховъ. — «Но есть подо-

зрѣніе на лицепріятіе защиты и корысть судій» — подумалъ Петръ: «что-то не въ мѣру сильно усердствуютъ слѣдователи— офицеры, а съ ними князь Яковъ Долгорукій и не разъ уже попадавшійся, съ нечистой стороны, Данилычъ... Ужли опять подкупъ? Гдѣ-же послѣ того опора, поддержка въ борьбѣ? Быть не можетъ... Не вѣрится... Довольно гибели надеждъ на проложеніе новыхъ путей къ Востоку. Погибъ Бековичъ, вернулся Бухгольцъ... И гдѣ конецъ нестроенію, неудачамъ?.. Пожри, Господи, жертву хвалы, и изму ты и прославиши мя!»...—вспомнились Петру слова писанія.

Жители пустынной, тонувшей въ березовыхъ рощахъ, Колтовской засушились, увидя подъѣзжавшій къ берегу царскій катеръ. Растворялись окна. Дѣти бѣжали по мосткамъ, черезъ болота, къ пристани. Сталъ видѣнъ межъ деревьевъ домикъ булочницы.

Съ приближеніемъ Петра, отъ воротъ этого домика что-то опрометью бросилось къ берегу. Опушкой лѣса, минуя трясины и лужи, бѣжала, съ непокрытой головой и маша платкомъ, какая-то женщина. Сзади ея, съ ребенкомъ на рукахъ, ускореннымъ шагомъ, шелъ высокій, плечистый, какъ-бы нездѣшній мужчина, въ морской, иностраннаго покроя, курткѣ и въ лакированной, широкополой шляпѣ. — «Матросъ съ подъѣхавшаго, заморскаго корабля!» — подумалъ, ступивъ на берегъ, Петръ.

Дуня, чуть не падая, подбѣжала къ пристани, хотѣла что-то сказать и отъ волненія не могла. Она была внѣ себя и вся красная отъ слезъ.

— Да иди-же, ой, да скорѣе!—крикнула она обрывавшимся голосомъ, въ изступленіи глядя на подходившаго мужчину.

Тотъ остановился, спустилъ съ рукъ Дунинаго ребенка. Трехлѣтній, толстенькій, съ спущенными чулками, Петруша, въ перевалку, побѣжалъ по мосткамъ къ царю, не разъ возившему ему гостинцы.

Петръ смотрѣлъ на мальчугана. — «Какія-то вѣсти привезъ имъ, сиротамъ, этотъ заморскій гость?»—мыслилъ онъ: «живъ ли погибшій?.. видно, уже спроворила сбѣгать туда на корабль...»

И вдругъ какъ-бы снопъ радостныхъ, грѣющихъ лучей блеснулъ въ лицо Петру. Онъ гдѣ-то увидѣлъ два знакомыхъ, тихо и привѣтливо на него устремленныхъ глаза. — «Кто-же это? и гдѣ я видѣлъ, гдѣ зналъ эти, когда-то беззавѣтно-веселые, добрые и смѣлые глаза?»

Передъ Петромъ стоялъ Алексѣй Касаткинъ.

По сильно-загорѣлому, обвѣтренному и худому лицу бываго гардемарина бѣжали слезы.

— Ты?—вскричалъ Петръ:—Касатка!.. воскресь?..

Алексѣй, Дуня и мальчикъ обнимали ноги царя, покрывая поцѣлуями его руки, платье.

— Да говори же, Алѣша, говори! — кричала въ слезахъ, тормоша мужа, Дуня:—ваше величество, къ намъ... въ горницы, въ садъ... у насъ ягоды, молоко...

Петръ пошелъ къ Касаткинымъ.

— Ну, дай-же, странникъ, на тебя наглядѣться!—произнесъ онъ, усаживаясь въ саду:—чудеса!.. считался въ расходѣ столько лѣтъ и найденъ! изъ небытія въ бытіе явился! радъ, очень радъ... Разсказывай, новый Одиссей, свои приключенія...

Царь болѣе часа пробылъ у Касаткиныхъ. Здѣсь онъ курилъ трубку, ѣлъ ягоды и пилъ молоко. — «Не дорого, что вкусны» — говорилъ онъ Дунѣ: «дорого, что изъ твоихъ любезныхъ ручекъ». — Сидѣли у стола, подъ развѣсистую, старую березой.

— Правда-ли, что князь погибъ отъ измѣны калмыковъ? — прервалъ Касаткина Петръ:—они ушли и предупредили хана...

— Была причина и въ томъ, — отвѣтилъ Алексѣй:—но главнѣйше — скудость обоза, одежды, харчей... Что можно было поднять? на столько тысячъ войска всего триста верблюдовъ, да и тѣхъ пало больше половины... А тутъ еще тотъ горестный случай съ княгиней и съ дѣтьми князя...

— Такъ и припасы, одежда? — спросилъ строго Петръ:—говори безъ утайки; солдатъ голодалъ, какъ и у Бухгольца, былъ плохо одѣтъ и обутъ?

— Было, государь, всего...

— Охъ, провіантчики, да бригады - комиссары! всему виной... мечу измѣнили, первые и погибли отъ меча... не за кого взяться... А самъ ты какъ спасся?.. говори...

— Моя доля, что же? — отвѣтилъ, глядя на Дуню, Алексѣй:— благо, спасень.

— Нѣтъ, сказывай.

— Раненаго кое-какъ вылечили въ Хивѣ, потомъ продали въ Кашгаръ.

— Дорого продали?

— За четыре раскрашенныхъ, телячьихъ кожи.

— Выходить, сафьянъ?

— Онъ и есть.

— И хорошіе тамъ сафьяны?

— Есть мягкіе, какъ шелкъ.

— Цѣна, вижу, не малая по тѣмъ мѣстамъ, — сказалъ, подумавъ, Петръ:—четыре кожи! тобой дорожили...

— Довѣдались, что я знающъ въ пушечномъ дѣлѣ, — произнесъ Алексѣй: — ну, и требовали ладить взятые у насъ пушки и учить тамошнихъ стрѣльбѣ.

— Какъ же тебя держали?

— Въ Хивѣ на цѣпи, въ Кашгарѣ свободнѣе. Нашелъ я способъ и бѣжалъ въ Индію; оттуда, благодаря авізамъ вашего величества и тому врачу, доставленъ моремъ въ Голландію и сюда...

Солнце клонилось за рощу. Стало прохладно. Страдавшій въ то лѣто лихорадкой, государь потребовалъ съ катера плащъ и пошелъ къ рѣкѣ.

— Такъ ты лично видѣлъ казнь покойнаго Бековича? — спросилъ Петръ, ѣдучи обратно съ Касаткиными, которымъ предложилъ проводить себя во дворецъ, къ Лѣтнему саду.

— Не только казнь, — отвѣтилъ со вздохомъ Касаткинъ: — но и пушее, злое поругательство... кожи замученныхъ въ мундирахъ, при шпагахъ, набитые сѣномъ, у градскихъ воротъ.

— Дамъ я имъ, сафьянникамъ, кожи! — проговорилъ, мрачно отвернувшись, Петръ.

Катеръ въ это время огибалъ зеленый мысокъ у крѣпости. Петропавловскій шпигъ ярко блестѣлъ въ послѣднихъ, багровыхъ лучахъ заката.

— Стой, — вдругъ сказалъ матросамъ Петръ: — чаль къ берегу; найду по дѣлу; а вы, — обратился онъ къ Касаткинымъ, сходя съ катера: — хоть и не ждите...

Тѣ остались у пристани. Петръ вошелъ въ крѣпость. Тамъ раздался громкій, караульный звонокъ.

Гнѣвный и хмурый ступилъ Петръ въ казематъ Гагарина. Родственники и сильные покровители успѣли дать знать арестанту, что государь не замедлитъ его видѣть и выслушать. Князь потребовалъ бумаги, написалъ витѣватую челобитную о помилованіи, а заслышавъ необычный по времени звонокъ, схватилъ припасенный черезъ благодѣтелей мундиръ и приодѣлся. — «Такъ-то», думалъ онъ: «въ губернаторскомъ, неотнятомъ уборѣ, — авось не совсѣмъ порветъ лютый волькъ...»

Царь вошелъ и молча сталъ у порога. Въ сумеркахъ сперва онъ не совсѣмъ разглядѣлъ заключеннаго.

— Винюсь, милостивый, во всемъ, — произнесъ князь, падая среди каземата на колѣни и протягивая челобитную царю: — окаяни снисхожденіе недостойному, погибающему рабу.

— Въ чемъ твои вины?—спросилъ Петръ, опуская бумагу въ карманъ:—ты пожелалъ меня видѣть... вотъ я лично... говори...

Гагаринъ замаялся. Онъ теперь безъ свидѣтелей, глазъ на глазъ, былъ передъ царемъ.

Заходящее солнце красно-желтыми, косыми лучами освѣщало невысокій, мрачный казематъ, съ фигурой Петра у дверей. Пыль, поднятая съ каменныхъ плитъ упавшимъ на колѣни вельможнымъ колодникомъ, вилась желтыми, точно кровью пропитанными, клубами.

— Какъ передъ Господомъ, такъ предъ тобой, государь, не умолчу,—началъ князь Матвѣй Петровичъ: первое, точію, не отрекаюсь,—бралъ многіе посулы, подарки и взятки. И все то, охъ, правилъ я и дѣлалъ непорядочно и просто, глупымъ умомъ, противъ указанныхъ повелѣній... Смилуйся, отецъ, и уважь прежнюю службешку,—мало ли было потружено?—виновать я токмо предъ тобой...

— Какъ? только предо мной?—произнесъ Петръ:—а ограбленные жители? голодный, неодѣтый и необутый солдатъ? а неудача задуманнаго розыска въ Индію?

— Посулы и взятки, не гнѣвись,—продолжалъ Гагаринъ:—приняты въ почестъ, мимо воли, запретнымъ, въ приказахъ заведеннымъ непорядкомъ... И всѣ мы, ой, грѣшны, предъ тобой... ты единъ безъ слабости и грѣха...

Петръ молчалъ.

— Уличень, вельми уличень!—продолжалъ, воздѣвая руки, князь:—молю, аки Господа, отпусти, ваше величество, до конца дней, въ монастырь... А за преступленіе и неуказныя, глупыя дѣла,—прибавилъ онъ, всхлипнувъ:—надъ недвижимымъ и движимымъ достояніемъ—да будетъ твоя воля...

Краска залила лицо Петра; подстриженный усъ задвигался. Онъ, какъ желто-огненный призракъ, недвижно стоялъ среди каземата.

— И ты, подписавшій приговоръ моему сыну,—проговорилъ, сдерживая себя, Петръ: ты, смѣло изрекшій смертную казнь царскому отпрыску, надѣешься, молишь о пощадѣ? ты, первый потатчикъ казнокрадовъ, разоритель цѣлой страны, губернаторъ-воръ?.. Да ты знаешь ли меня?

Свѣтъ померкъ въ глазахъ Гагарина. На него пахнуло смертью, могилой. — «Измѣнили пособники, хриstopродавцы-друзья!»—пронеслось у него въ мысляхъ: «мало давано... еще злые псы захотѣли...»

— Все возьми, государь, все,—завопилъ арестантъ, стучаясь

объ полъ сѣдой головой и судорожно хватая и цѣлуя ботфорты Петра:—у сына маво,—охъ, въ шкатункѣ,—зарыты яхонты, алмазы и зеньчугъ... невѣстуха, ой, кнеиня невѣстка, тожъ передала... черезъ знакомцевъ... въ Голландію...

— Сколько передано?

Помутившіеся глаза Гагарина забѣгали.

— По сущей правдѣ, полсотни тысячъ червонцевъ,—сказалъ онъ и запнулся: также князь Якову Долгорукову, съ сенаторы, Лихареву съ допросителемъ Пашковымъ... и... Данилычу... давано-жь въ долгъ...

— Подкупалъ?—спросилъ Петръ.

— Не стерпѣла плоть, сломили злы, слѣдственные дѣла... судьи общались...

— Аспиды!—вскрикнулъ Петръ, вынувъ бумагу:—что здѣсь написалъ?

— Покаяніе... просьбашка о милости недостойному рабу...

— Три года слѣдственныхъ розысковъ,—проговорилъ, комкая бумагу, Петръ:—три года ты вилялъ, какъ вьюнъ, увертывался, всѣмъ отводилъ глаза и клялъ судій... Теперь ихъ же выдаешь головой... Слушай,—продолжалъ онъ:—я не калмыцкій контайшъ, не Чѣрентъ-Дондукъ и не людоядецъ Ширгазы... Они мунгальскаго подобія и нрава, мы—русскіе... Но если бы я тебя, дерзкій ребелизънтъ и нищихъ воръ, если бы я отдалъ на ихъ судъ, то и тѣ азіаты изрекли бы тебѣ, что ты заслужилъ...

Лицо Петра задвигалось судорогами. Онъ ступилъ къ двери.

— Помилуй!.. царь Петръ Алексѣевичъ!—вскрикнулъ, влача за нимъ, Гагаринъ:—не казни... я махонькому тебѣ усердствовалъ... всѣ мы богопродавцы... одинъ ты... ты...

Дверь захлопнулась.

Чернѣй тучи Петръ вышелъ изъ крѣпости. Деньщикъ и Касаткинъ помогли ему сѣсть въ катеръ. Нѣкоторое время всѣ ѣхали молча. Крѣпость осталась назади. Нева покрылась сумерками.

— Господь даде, Господь и отъя, благословенно имя Господне! — сказалъ Петръ, преслѣдуя нить тайныхъ, томившихъ его мыслей: ну, прощай, моя сень-сѣрка, — обратился онъ съ улыбкой, у набережной, къ Дунѣ: будь счастлива съ мужемъ; родите и сына въ доблестяхъ и трудахъ.

Войдя въ опочивальню, Петръ отворилъ окно и зажегъ свѣчу. Вынувъ изъ кармана челобитную Гагарина, онъ ее прочелъ, бросилъ на столъ, и сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

Городская ѣзда стихла. Изъ сада тянуло прохладой и запахомъ цвѣтовъ. Огни давно погасли въ комнатахъ царицы, царевенъ и царскаго внука. Не спалъ одинъ Петръ. Деньщики Алёшка Юровъ и Васька Петровъ долго, за полночь, слышали мѣрные, тяжелые шаги въ опочивальнѣ царя.

Петръ ходилъ, думая о признаніи Гагарина, о Долгоруковѣ, Меншиковѣ и другихъ, вновь обличавшихся виновныхъ. Царя смущала и общая заступница за его птенцовъ, жена, — Катериноушка, другъ сердечненькой, — съ которой онъ такъ любезно переписывался. — «Скучнѣхонько безъ васъ» — писалъ онъ ей еще недавно изъ вояжа: «воздухъ премѣнился, стало быть вѣтрами, хладность... Такъ-то вы, евинны дочки, насъ заворозили! Пришлите, въ нашей несносности, для вспоможенія старости, флягу или двѣ онаго-же крѣпыша». — А она ему въ отвѣтъ: «Знаемъ, какіе вы старики, — напрасно то затѣяно; старый гребнишко еще, чай, вотъ какъ сыщется».

Теперь было иное. Остроты и шутки оставлены. Петръ съ негодованіемъ видѣлъ покровительство жены недостойнымъ ослушникамъ его воли. Еще того хуже... Глазъ Петра злобно уже прозрѣвалъ Монса.

— Боже! да гдѣ-же конецъ горечи, бѣдамъ? — сказалъ себѣ Петръ, останавливаясь у окна на Неву.

И вдругъ въ его мысляхъ живѣемъ всталъ разсказъ Касаткина о походѣ Бековича. Вереница опаршивѣлыхъ, какъ кволя индюшки, верблюдовъ тянется по песку, подъ тяжелыми вьюками; рядомъ съ ними — изнуренные, въ рубищахъ голодные солдаты. Тускло-сѣрое небо, клубы раскаленной пыли. Всѣ обезумѣли отъ жажды и зноя. Натискъ орды отбить... Побѣжденный врагъ беретъ предательствомъ. Войско перерѣзано, истреблено... Головы вождей торчатъ на позорныхъ шестахъ.

Петръ подошелъ къ столу, схватилъ перо. На стѣнѣ, въ мерцаніи оплывшей, восковой свѣчи, отразилась тѣнь его курчавой, трясущейся головы.

На челобитной Гагарина, Петръ положилъ такое рѣшеніе: «Бывшій сибирскій губернаторъ, грабитель и воръ, князь Матвѣй Гагаринъ, просился, въ помилованіе, безъ препятія, на неисходное житіе въ монастырь. И тому не быть. Въ наказаніе-жъ онаго вора и дабы прочимъ было не повадно, — не мѣшкаявъ, повѣсить его, на два мѣсяца, передъ окнами юстицъ-коллегіи».

Вѣсть о предстоящей казни быстро разнеслась по городу.

Утромъ 18 iюня, 1721 года, весь Петербургъ повалилъ на Васильевскiй островъ, гдѣ у биржи, передъ зданiемъ двѣнадцати коллегiй, въ то время еще торчали головы Лопухина, Кикина и другихъ, казненныхъ по дѣлу царевича Алексѣя.

Здѣсь въ присутствiи царя, царицы, Меншикова, судiй и сродниковъ Гагарина, въ томъ числѣ и его сына, разжалованнаго въ тотъ день, за сокрытiе отцовской казны, въ матросы, — бывшiй сибирскiй губернаторъ былъ вздернутъ на висѣлицу.

Прямо съ казни, Петръ велѣлъ всѣмъ, въ томъ числѣ и родичамъ Гагарина, ѣхать на его, государевъ, поминальный обѣдъ.

Было полное засѣданiе и питье всей неизмѣнной, усердной, царской «тостъ-коллегiи». Передъ дворцомъ, на галереѣ, по приказу царя, — играли, одѣтые въ черное, на обвитыхъ трауромъ инструментахъ, музыканты. Изъ оконъ раздавались обычныя здравицы. На Царицыномъ лугу палили пушки.

Увидѣвъ послѣ обѣда, въ числѣ другихъ приглашенныхъ въ садъ, Касаткина, Петръ указалъ на него Меншикову.

— Какую-же на тебя устроить висѣлицу? — сказалъ онъ вдругъ Данилычу.

Меншиковъ замеръ остолбенѣлъ.

— Ты молилъ за повѣшеннаго вора, — прибавилъ Петръ: — а спроси вонъ того, уцѣлѣвшаго изъ отряда Бековича, каково имъ было терпѣть и страдать?

Касаткинъ, за вѣрную службу и за полное терпѣнiе, получилъ отпускъ въ запустѣлыя отцовскiя деревни, куда и уѣхалъ, съ женой и сыномъ.

— Дай, оперимся, наладимъ флотъ, — сказалъ ему на прощаньи царь: — первое — промыслимъ о Персiи, а тамъ, въ память прошлаго, и далѣе...

Касаткинъ не былъ при казни Гагарина. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, плывя въ городъ на лодкѣ мимо новой биржи, онъ взглянулъ на берегъ и невольно вздрогнулъ.

На перекадинѣ, межъ высокихъ столбовъ, висѣлъ сухой, невысокаго роста, старикъ. Лицо казненнаго, по обычаю, было закрыто платкомъ; на ногахъ — русскiе, круглые сапоги; изъ-подъ савана виднѣлся форменный, обшитый галуномъ, губернаторскiй кафтанъ.

Въ деревнѣ Касаткинъ узналъ, что веревка, на которой висѣлъ Гагаринъ, перегнила и трупъ упалъ. Князьи родичи и

друзья стали просить дозволенія его похоронить. Петръ отдалъ именной приказъ: «Повѣсить, до срока, на желѣзной цѣпи».

Прошли годы, десятки лѣтъ, столѣтіе.

Родъ Касаткина долго процвѣталъ въ его родовыхъ вотчинахъ. Преданія объ Алексѣѣ Ильичѣ, какъ святыня, хранились среди его потомковъ. Еще въ этомъ вѣкѣ можно было видѣть, въ московскомъ домѣ одного изъ нихъ, весьма схожіе портреты его и Дуни, писанные, по возвращеніи Касаткина изъ персидскаго похода, гдѣ онъ, какъ удостовѣряетъ преданіе, отличился, при взятіи Дербента, на глазахъ Петра.

Родъ князя Бековича-Черкаскаго, даваго прошлому вѣку поговорку — «погибъ, какъ Бековичъ» — существуетъ въ Россіи до-нынѣ, въ лицѣ его двухъ праправнуковъ.

Спасшійся въ морѣ, его младшій сынъ умеръ, въ концѣ царствованія Екатерины II, бригадиромъ. Внучка его старшаго сына была извѣстная красавица. Азіятская кровь дѣда сказалась въ ней. Знаменитый красотой, любимецъ Екатерины, Дмитріевъ-Мамоновъ, на верху благополучія и могущества, встрѣтись съ молоденькой княжной, страстно въ нее влюбился. Послѣ бурныхъ сценъ ревности и всякихъ преградъ, даже сочтенный за помѣшаннаго, онъ оставилъ озадаченный, негодующій дворъ и женился на предметѣ страсти.

Извѣстна попытка индѣйскаго похода императора Павла, неисполненная за его смертью. Платовъ, поджидая союзный отрядъ Наполеона, уже велъ къ Каспію казацкіе полки.

Въ коронаціи императоровъ Александра I и Николая I, изъ Кабарды въ Москву пріѣзжали князья Черкасскіе. Являясь въ пышной одеждѣ, съ узденями, дорогимъ оружіемъ и на красивыхъ лошадяхъ, они привлекали общее вниманіе Москвы, твердо вѣруя, что память ихъ предка, Бековича-Черкаскаго, рано или поздно будетъ отомщена.

ГРИГОРІЙ ДАНИЛЕВСКІЙ.

ВОЛЬТЕРЪ

ЕГО

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Окончаніе.

III *).

Смерть маркизы дю-Шатлэ имѣла большое вліяніе на ея бывшаго любовника и друга. Вольтеръ былъ подавленъ этою неожиданной потерей. Послѣ похоронъ, происходившихъ въ Люневиллѣ, король Станиславъ Лещинскій, у котораго они гостили, приходилъ въ комнату Вольтера по нѣскольку разъ въ день, чтобъ облегчить его горе. Утрата женщины, съ которою онъ такъ сроднился, грубо выбрасывала его изъ привычныхъ условій жизни, въ такіе годы, когда человѣку трудно завязывать новыя семейныя отношенія. Въ новомъ положеніи полного домашняго одиночества, ему сначала пришла мысль искать убѣжища въ сенонскомъ аббатствѣ, у давнишняго друга фамиліи дю-Шатлэ, не разъ посѣщавшаго ихъ въ Сирэ, и тамъ зарыться въ книги. Тишина и богатая библіотека аббатства сильно соблазняли Вольтера. Но кромѣ этихъ особенностей монастыря, казавшихся столь привлекательными въ его грустномъ положеніи, тамъ были и монастырскій уставъ, которому пришлось бы болѣе или менѣе подчиняться, и монахи, которыхъ Вольтеръ не любилъ по прип-

---

*) См. выше: ноябрь, 158 стр.

ципу и по натурѣ. Раздумавъ поселиться тамъ, Вольтеръ сталъ помышлять о поѣздкѣ въ Англію и даже написалъ объ этомъ лорду Болинброку. Но прежде всего надо было ѣхать въ Сирэ съ мужемъ покойной: и приличіе, и необходимость привести въ порядокъ свои и его дѣла, требовали этой поѣздки. «Я не страшусь моего горя, я не бѣгу того, что напоминаетъ ее», писалъ онъ д'Аржанталю. «Я люблю Сирэ, и не могъ бы переносить Люневилля, гдѣ потерялъ ее болѣе ужасающимъ образомъ, чѣмъ вы предполагаете; но мнѣ дороги и милы тѣ мѣста, которыя она украшала своимъ присутствіемъ. Я потерялъ не любовницу, я лишился половины самого себя, лишился души, для которой я былъ созданъ, подругу двадцати лѣтъ жизни, родившуюся на моихъ глазахъ. Нѣжнѣйшій отецъ не можетъ больше любить свою единственную дочь. Мнѣ отраднo находить всюду слѣды ея»... Но въ Сирэ надо было ликвидировать счеты съ маркизомъ, которому онъ ссудилъ въ разное время до сорока тысячъ франковъ на улучшеніе помѣстья, уложить свою библіотеку и всю движимость, навсегда отправить ее въ Парижъ, и самому переселиться туда окончательно. Занявъ въ Парижѣ тотъ самый домъ, въ которомъ жила маркиза, онъ писалъ д'Аржанталю, что этотъ домъ, «подавляя его горемъ, въ то же время непріятенъ его сердцу». Тяготясь одиночествомъ, онъ взялъ къ себѣ, въ качествѣ хозяйки, свою племянницу, г-жу Дені, и предоставилъ ей всѣ комнаты покойной маркизы.

Живая, подвижная натура Вольтера была однако не изъ тѣхъ, которыя не забываютъ крупнаго горя. Сначала ближайшіе друзья старались развлечь его своими бесѣдами, и одни разговоры ихъ о театрѣ быстро оживляли огорченнаго поэта, возвращая его къ жизни и ея соблазнамъ. Горе не мѣшало ему работать день и ночь, и поставить себѣ задачей убить своимъ «Катилипой» — «Катилину» ненавистнаго ему Кребильона. «Я думалъ умереть», пишетъ онъ въ это время д'Аржанталю, «но что же изъ этого? Въ недѣлю, да — въ недѣлю, а не въ девять дней, мой «Катилина» будетъ готовъ, почти въ томъ же видѣ, какъ и посылаемая мной первая сцена... «Меропа» едва ли можетъ назваться трагедіей въ сравненіи съ «Катилиной». Повѣрьте мнѣ, повѣрьте, — вотъ настоящая трагедія». Набросавъ эту пьесу, онъ тотчасъ принимается за другую — за «Ореста», тоже въ пику Кребильону, автору «Электры». «Только-что разрѣшившись «Катилиной», пишетъ онъ, я почувствовалъ новую беременность и тотчасъ произвелъ на свѣтъ «Электру» (т.-е. «Ореста»). На первомъ представленіи этой послѣдней пьесы,

12-го января 1750 года, Вольтеръ, сидѣвшій въ ложѣ д'Аржанталь, не выдержалъ нѣкоторой холодности публики: несмотря на твердую рѣшимость сидѣть смирно, онъ вдругъ подошелъ къ краю ложи и закричалъ: «Мужайтесь, храбрые афиняне, это стихи Софокла!» И онъ, какъ и прежде, спѣшить передѣлать свою пьесу ко второму представленію, согласно замѣчаніямъ публики; онъ пишетъ записку за запиской г-жѣ Клеронъ, исполнявшей главную роль, умоляя ее сдѣлать то-то и то-то, и не обижаться его смиренными представленіями. «Г. Вольтеръ—пре-
странный человѣкъ», сказалъ по этому поводу Фонтенелль: «онъ сочиняетъ свои пьесы во время ихъ представленія». Передѣлан-
ный «Орестъ» выдержалъ девять представленій, а главное—онъ вывелъ автора изъ его грустнаго одиночества и увлекъ его опять въ вихрь литературныхъ и общественныхъ интересовъ.

Театръ былъ тогда общеою страстію всей Франціи. Не только высшее общество, но и средніе слои парижскаго населенія съ увлеченіемъ предавались этому единственному общественному интересу, не убитому тѣмъ искусственнымъ порядкомъ вещей, который сорокъ лѣтъ спустя провалился съ грохотомъ и трескомъ. Въ Парижѣ составились, преимущественно изъ молодежи среднихъ классовъ, три частныя труппы актеровъ, которыя имѣли такой успѣхъ, что возбудили неудовольствіе привилегированныхъ актеровъ Французской-Комедіи. Послѣдніе просили и даже добились закрытія частныхъ представленій, которыя потомъ возобновились только благодаря заступничеству сильныхъ покровителей. Вольтеръ также устроилъ сцену и спектакли въ своемъ домѣ, куда сходились лучшіе представители тогдашней интеллигенціи. Къ этому времени относится и война его съ давнимъ литературнымъ врагомъ, Фрерономъ, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ для характеристики Вольтера. Фреронъ, въ своихъ «Письмахъ о нѣкоторыхъ современныхъ сочиненіяхъ» обличалъ самохвалство и высокомѣріе автора «Заиры» и «Ореста». Неразборчивый на средства и при случаѣ отлично умѣвшій укладываться въ рамки данной дѣйствительности, Вольтеръ, чувствуя себя лично оскорбленнымъ и зная всемогущество администраціи, жалуется лейтенанту полиціи Берье. «Я былъ у васъ», пишетъ онъ Берье, «чтобъ умолять васъ не допускать униженія литераторовъ во Франціи, особенно тѣхъ, которые имѣютъ честь пользоваться вашею благосклонностью; дѣло доходитъ до того, что гг. Фреронъ и аббатъ де-ла-Портъ позволяютъ себѣ черезъ каждыя двѣ недѣли печатать самыя презрѣнныя личности. Аббатъ Реналь, подвергшійся нападенію, какъ и я, пріѣзжалъ къ вамъ

вмѣстѣ со мною, чтобы просить васъ положить конецъ этимъ скандаламъ, приводящимъ въ негодованіе всѣхъ честныхъ людей... Человѣку моихъ лѣтъ, состоящему при королевскомъ дворѣ, горько имѣть дѣло съ подобными господами»... Вольтеръ не затрудняется жаловаться и на то, что листки Фрерона печатаются безъ законнаго дозволенія, что они подлежали бы прекращенію даже въ томъ случаѣ, еслибъ были настолько же невинны, насколько они преступны. Узнавъ въ это время, что того же Фрерона прочать въ корреспонденты Фридриху-Великому, Вольтеръ пишетъ прусскому королю: «Кто будетъ теперь настолько счастливъ, чтобы посылать вамъ новыя книги и новыя глупости моего отечества? Я слышалъ, что вамъ предлагаютъ нѣкоего Фрерона. Умоляю васъ позволить мнѣ представить вашему величеству, что для такихъ сношеній необходимы люди, пользующіеся сочувствіемъ публики. Фреронъ далеко не считается достойнымъ такой чести». И онъ выставляетъ Фрерона самымъ низкимъ плутомъ, рассказываетъ о немъ ужасающія небылицы, говоритъ объ его тюремномъ заключеніи, которое, какъ намъ теперь извѣстно, было вызвано неудовольствіемъ сильныхъ земли на его литературную дѣятельность. Вольтеру удалось однако же помѣшать Фрерону, и въ корреспонденты прусскаго короля былъ приглашенъ драматическій писатель средней руки, Моранъ, пользовавшійся нѣкоторой извѣстностью въ Парижѣ.

22-го іюня, на домашнемъ театрѣ герцогини дю-Мэнъ, въ ея имѣніи Со, была представлена въ первый разъ новая трагедія Вольтера: «Спасенный Римъ» («Катилина»), въ которой онъ самъ исполнилъ роль Цицерона. Извѣстный артистъ Лекенъ, взявшій на себя въ этой пьесѣ роль Лентула Суры, говоритъ въ своихъ запискахъ, что трудно представить себѣ «что-нибудь болѣе правдивое, болѣе патетическое и восторженное, чѣмъ исполненіе Вольтера». «Это былъ настоящій Цицеронъ, гремѣющій съ трибуны противъ губителя отечества, законовъ, нравовъ и религій». Представленіе надѣлало много шума. О немъ кричали и друзья, и непріатели автора. Артисты Французской-Комедіи, смущенные такимъ успѣхомъ внѣ стѣнъ ихъ театра, поспѣшили войти въ сношенія съ Вольтеромъ, чтобы получать отъ него новыя пьесы.

По смерти маркизы дю-Шатлэ, Фридрихъ-Великій не переставалъ напоминать талантливейшему изъ современныхъ поэтовъ Франціи данное имъ обѣщаніе — пріѣхать въ Берлинъ. Вольтеръ отвѣчалъ на эти напоминанія, что поѣхалъ бы тотчасъ же, еслибъ слабое здоровье и зима не заставляли его откладывать такое

длинное путешествіе; но онъ непремѣнно пріѣдетъ весною къ «великому человѣку восемнадцатаго вѣка». Его затрудняетъ одно: хотя онъ и очень богатъ для литератора, ему однако нужны деньги, чтобъ устроить свои дѣла и ѣхать. Экономный Фридрихъ, котораго, какъ и Вольтера, современники такъ часто упрекали въ скупости, соглашается исполнить финансовыя желанія Вольтера, лишь бы имѣть подлѣ себя блестящаго собесѣдника и пользоваться его уроками во французскомъ языкѣ и стихосложеніи. Всѣ обстоятельства сложились такъ, что Вольтеру хотѣлось уѣхать изъ Парижа. И настоятельныя приглашенія Фридриха, и незавидное положеніе поэта при французскомъ дворѣ, и жажда его играть видную роль — все тянуло его на сѣверъ, гдѣ онъ надѣялся занять совсѣмъ другое положеніе. По своему характеру, по складу своего ума и своему воспитанію, Вольтеръ не умѣлъ обходиться безъ блестящей придворной обстановки, безъ атмосферы, питающей тщеславіе. Французскій дворъ не благоволилъ къ нему. Король, поклонявшійся такъ-называемому вѣку Людовика XIV, понималъ, что его предшественникъ былъ обязанъ Расину и Буало значительной долей своей славы; онъ охотно призналъ бы и Вольтера украшеніемъ своего царствованія, но опасался и не уважалъ его. «Я отнесся къ нему такъ же хорошо, какъ Людовикъ XIV къ Расину и Буало», сказалъ онъ однажды: «я далъ ему мѣсто камеръ-юнкера и пенсію; не моя вина, что онъ надѣлалъ глупостей, что ему хочется быть камергеромъ, имѣть кресты и ужинать съ королемъ». Одна только фаворитка издавна благоволила въ Вольтеру, но онъ охладилъ и ея расположеніе неловкой шуткой, которая была раздута придворными до размѣровъ непристойной фамиллярности. Однажды, за столомъ, г-жа Помпадуръ назвала поданную ей перепелку: «graissoillette», жирнушкой. Это слово, очень употребительное во Франціи теперь, считалось въ то время совершенно неприличнымъ въ устахъ королевы съ лѣвой стороны, и Вольтеръ отважился дать понять это фавориткѣ. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ вполголоса, но такъ, что и другіе могли его слышать:

Grassouillette, entre nous, me semble un peu caillette,
Je vous le dis tout bas, belle Pompadourette ¹⁾.

Этого было довольно, чтобы возбудить противъ него придворную среду, подъ вліяніемъ которой быстро измѣнилась къ нему

¹⁾ Сказать между нами, „жирнушка“ кажется мнѣ немного болтливой: говорю вамъ это на ушко, красавица Помпадуретта.

и давнишняя его знакомая, теперь фаворитка. Онъ поспѣшилъ въ Компьень, гдѣ находился дворъ, чтобы просить позволенія уѣхать въ Берлинъ. «Я только для того въ Компьенѣ», писалъ онъ въ это время Фридриху, «чтобъ получить отъ великаго короля Юга позволеніе сѣсть у ногъ великаго короля Сѣвера». Великій король Юга сухо отвѣчалъ поэту, что «онъ можетъ ѣхать, когда ему угодно», и повернулся къ нему спиною. Фаворитка отнеслась къ нему любезнѣе, но съ нѣкоторой принужденностью, и поручила передать ея привѣтствія прусскому королю, который потомъ сухо отвѣчалъ на нихъ Вольтеру: «Я ее не знаю». «Но я тѣмъ не менѣе сообщилъ г-жѣ Помпадуръ, что Марсъ принялъ надлежащимъ образомъ привѣтствія Венеры», пишетъ потомъ Вольтеръ своей племянницѣ, оставшейся въ Парижѣ. Онъ даже увѣрялъ маркизу, что Фридрихъ поручилъ ему благодарить ее:

J'ai l'honneur, de la part d'Achille,
De rendre grâces à Vénus ¹⁾.

Біографы Вольтера охотно объясняютъ весь этотъ наборъ льстивыхъ фразъ духомъ и господствующими нравами того времени. Духъ времени и нравы, конечно, очень много значать въ жизни всякаго писателя, но для чести Вольтера и для того крупнаго умственнаго поворота, котораго онъ былъ представителемъ, было бы гораздо лучше, еслибъ онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и независимостью. Къ сожалѣнію, пребываніе его при дворѣ Фридриха представляетъ рядъ такихъ дѣйствій, о которыхъ тяжело рассказывать его біографамъ.

Вольтеръ отправился въ Берлинъ въ половинѣ іюня 1750 года, и былъ въ Потсдамѣ 10-го іюля. Первые его письма исполнены похвалъ и удивленія. Ему несказанно нравится соединеніе полутораста тысячъ побѣдоносныхъ солдатъ, оперы, комедіи, философіи, поэзіи, величія и граціи, гренадеръ и Музъ, барабановъ и скрипокъ; онъ преклоняется передъ героемъ-философомъ и поэтомъ, онъ въ восторгѣ отъ той свободы, которая тамъ царствуетъ. Онъ пишетъ, между прочимъ, д'Аржанталямъ, которымъ далъ обѣщаніе передѣлать свой «Спасенный Римъ»: «Мой Фридрихъ-Великій немного вредитъ Аврелию. Онъ беретъ у меня все время и всю душу. Трагедію гораздо удобнѣе писать въ пещерѣ Эврипида, чѣмъ среди удовольствій двора. Обязанности и удовольствія — смертельные враги такой большой ра-

¹⁾ Имѣю честь благодарить Венеру отъ лица Ахилла.

боты». Чтобы привязать къ себѣ Вольтера, король назначаетъ его камергеромъ, даетъ ему орденъ, двадцать тысячъ франковъ пенсіи, предлагая, сверхъ того, четыре тысячи франковъ ежегоднаго содержанія племянницѣ поэта, г-жѣ Дені, если она пріѣдетъ въ Берлинъ завѣдывать хозяйствомъ своего дяди. Сообщая объ этомъ племянницѣ, Вольтеръ убѣждаетъ ее пріѣхать, рисуя ей привлекательныя стороны берлинскаго двора. Но эта отчаянная парижанка, въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, относится скептически къ его соблазнамъ. Отъ себя или съ чужого голоса, она, какъ истая французенка, пишетъ ему, что Берлинъ теперь то же, чѣмъ былъ Парижъ при Гуго Капетѣ. А въ Парижѣ, современномъ Парижѣ, она жила открыто и весело, много принимала, и, повидимому, была равнодушна къ одному музыканту, человѣку колоссальныхъ размѣровъ, который очень не нравился Вольтеру и появился у ней снова, когда Вольтеръ уѣхалъ въ Берлинъ. Отказъ племянницы едва ли былъ особенно чувствителенъ Вольтеру; гораздо болѣе затронуло его рѣшеніе Людовика XV, который нашелъ невозможнымъ оставить ему званіе исторіографа Франціи, съ поступленіемъ его на службу прусскаго короля. За нимъ были оставлены только старая пенсія въ двѣ тысячи франковъ и званіе камеръ-юнкера. И король, и фаворитка, и придворные, и литературные кружкіи видѣли въ его переходѣ въ прусскую службу доказательство его неблагодарности и алчности. Въ Берлинѣ, напротивъ, онъ былъ предметомъ общаго вниманія и удивленія. Онъ пишетъ д'Аржанталю, что ему пріятно было покинуть мелкія интриги и крупныя ненависти, клеветы, несправедливости, все то, что преслѣдуетъ литератора въ его отечествѣ,—какъ будто все это не могло повториться и въ другой странѣ.

Тогдашнее ближайшее общество Фридриха-Великаго состояло, главнымъ образомъ, изъ пяти, шести свободныхъ мыслителей, нестѣсненныхъ никакими рамками въ своихъ философскихъ и религіозныхъ мнѣніяхъ. Довольно вспомнить имена Альгаротти, Мопертюи, Ла-Меттри, Пельница, Шазо и лорда Тюрконнеля, чтобы ясно представить себѣ кружокъ «короля-философа», знаменитаго *philosophe de Sans-Souci*, какъ назывался Фридрихъ. Все это были большіе оригиналы, люди крайнихъ теоретическихъ мнѣній, скептики и вольнодумцы, сильные тѣмъ, что имъ принадлежало будущее, но не лишеные каждый своихъ слабостей и недостатковъ. Ихъ кружокъ всего менѣе можетъ быть названъ дружескимъ. Эти люди сошлись случайно, по волѣ короля, и до того времени рѣдко знали другъ друга. Единственнымъ и

довольно искусственнымъ звеномъ между ними были самъ король и тѣ выгоды, какія соединялись съ принадлежностью къ кружку. Почти всѣ они были иностранцы, болѣею частью французы, всѣ говорили и писали по-французски, и самъ Фридрихъ былъ между ними настоящимъ французомъ по своимъ вкусамъ. Для всей Германіи этотъ вольнодумный кружокъ былъ сначала представителемъ передовой европейской интеллигенціи; его образъ мыслей, то направленіе, которое раздѣлялъ съ нимъ король, довали толчокъ всему управленію Пруссіи. Какъ бы мы ни думали теперь о такъ-называемомъ просвѣщенномъ деспотизмѣ, онъ подготовилъ въ то время въ Германіи то серьезное умственное и гуманитарное движеніе, представителями котораго явились потомъ Лессингъ и Кантъ, Шиллеръ и Гёте. Несмотря на всю кажущуюся подражательность образа мыслей и образа жизни Фридриха, съ него собственно началась самостоятельная умственная и политическая жизнь новѣйшей Германіи. Прикосновение свѣжей и свободной мысли къ рутинѣ оказало свое обычное дѣйствіе на трудолюбивую и способную націю. Французы, прошедшіе черезъ блестящій вѣкъ Людовика XIV и поднявшіеся до крайняго теоретическаго отрицанія, французы, не исключая и самыхъ даровитыхъ изъ нихъ, были для Фридриха какъ и для нашего Петра, средствомъ, ихъ вліяніе было потомъ самостоятельно переработано національнымъ духомъ Германіи и открыло ей новыя горизонты, нисколько не упраздняя ея самобытности. Какъ ни блестялъ тотъ французскій лоскъ, который съ юныхъ лѣтъ усваивалъ себѣ прусскій король, національная черта глубокаго недовѣрія къ иностранцамъ сказывалась въ немъ на каждомъ шагу. Вотъ что писалъ онъ, напримѣръ, о Вольтерѣ своему близкому человѣку Альгаротти, почти за годъ до пріѣзда французскаго поэта въ Берлинъ, въ то самое время, когда онъ же такъ усердно и настойчиво приглашалъ его къ себѣ: «Недавно Вольтеръ поступилъ постыдно. Онъ заслуживаетъ быть заклеяннымъ на Парнасѣ. Какъ жаль, что съ такимъ чуднымъ гениемъ связана такая подлая душа! Этотъ человѣкъ соединяетъ ласки и коварство обезьяны. При свиданіи, я расскажу вамъ въ чемъ дѣло; но я не покажу ему и вида, потому что онъ нуженъ мнѣ для французской рѣчи. Можно научиться хорошему и у злодѣя. Я хочу знать его французскую грамоту, а что мнѣ за дѣло до его морали?» Біографы Вольтера затрудняются объяснить, какой именно его поступокъ имѣлъ въ виду Фридрихъ, когда писалъ эти строки; но онѣ тѣмъ не менѣе показы-

вають слишкомъ ясно, какъ мало Фридрихъ уважалъ характеръ того писателя, который десять мѣсяцевъ спустя принялъ его любезное приглашеніе и поселился въ его потсдамскомъ дворцѣ.

Новоприбывшій членъ королевскаго философскаго кружка былъ осыпанъ ласками. Весь дворъ отнесся къ нему съ величайшимъ вниманіемъ. Королева-мать и просто королева любезно объявили ему разъ навсегда, что у каждой изъ нихъ постоянно готовъ для него особый приборъ. Вольтеръ нерѣдко посѣщалъ королеву-мать и читалъ ей свои новыя сочиненія, между прочимъ, нѣкоторыя пѣсни своей «Дѣвственницы», которую онъ называлъ ей сатирой на злоупотребленія римской церкви. Братъ Фридриха, подчиненные строжайшей дисциплинѣ и жаждавшіе французскихъ развлеченій, давали свои драматическія представленія, конечно французскія, подъ его руководствомъ. Вольтеръ держалъ себя у нихъ, какъ дома, нисколько не умѣряя порывовъ досады всякій разъ, когда, по его мнѣнію, они играли невѣрно. Такъ были исполнены въ покояхъ принцессы Амаліи «Спасенный Римъ», «Юлій Цезарь» и «Заира». «Мои братья паясничаютъ», писалъ въ это время Фридрихъ своей сестрѣ, маркграфинѣ Байрейтской. Вольтеръ чуть не первое лицо при этомъ отлично дисциплинированномъ дворѣ. Онъ отказывается отъ королевскихъ обѣдовъ. «Тамъ слишкомъ много генераловъ и принцевъ», говоритъ онъ, и оставляетъ за собою только ужины, за которыми общество гораздо малочисленнѣе, и которые гораздо веселѣе и здоровѣе. «Я ужинаю съ Цезаремъ, съ Маркомъ-Авреліемъ, съ Юліаномъ, иногда съ аббатомъ Шолье», пишетъ онъ о Фридрихѣ въ Парижъ маркизу Тибу въ октябрѣ 1750 года. «Здѣсь прелесть уединенія, здѣсь сельская свобода со всѣми мелкими пріятностями жизни, какія только можетъ доставить своимъ скромнымъ гостямъ хозяинъ замка (Санъ-Суси), въ то же время и король». И за все это отъ него, Вольтера, требуется очень, очень немногое. «Моя обязанность заключается въ томъ, чтобы ничего не дѣлать», пишетъ онъ въ то же время своей племянницѣ. «Я свободно располагаю моимъ временемъ. Часъ въ день я отдаю королю, округляя немного его сочиненія въ прозѣ и стихахъ; я при немъ учитель грамматики, а не камергеръ. Остальная часть дня принадлежитъ мнѣ, и вечеръ оканчивается пріятнымъ ужиномъ». За этими ужинами, особенно славившимися свободой рѣчи, затрогивались самые живые вопросы морали, философіи, исторіи. Тутъ могли высказываться и высказывались самыя скептическія мнѣнія, доходившія иногда

до крайняго цинизма, но поддерживавшія необходимый человѣчеству свѣточъ свободнаго изслѣдованія. Бесѣда бывала такъ оживлена и привлекательна, что, по словамъ очевидцевъ, слышать разговоръ между Вольтеромъ и другими членами кружка было въ тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ читать самую интересную книгу. Соотечественники Фридриха, очень рѣдко попадавшіе на интимные вечера, казались людьми крайне тяжеловѣсными въ сравненіи съ нервными, живыми и остроумными французами; Фридрихъ говорилъ, что считаетъ остроумнаго нѣмца существомъ воображаемымъ и мнѣческимъ, и любилъ оставаться далеко за полночь съ своимъ кружкомъ блестящихъ иностранцевъ. Отъ этихъ ужиновъ, обыкновенно продолжавшихся до утра, у людей, служившихъ за столомъ, стали опухать ноги.

Фридрихъ писалъ въ это время свои «Бранденбургскія Записки», и задумывалъ свое подражаніе знаменитымъ «Комментаріямъ» Цезаря. Ему хотѣлось оставить по себѣ такое же произведеніе великаго полководца и въ то же время великаго писателя. Вольтеръ былъ необходимъ ему для этой работы, но только для исправленія языка; король немедленно возстановлялъ свою мысль, когда Вольтеръ замѣнялъ ее своею, хотя бы и очень лестною для автора, какъ короля и полководца. «Я не мѣшаюсь здѣсь ни во что, а знаю только свое ремесло—починку прозы и стиховъ хозяина дома», писалъ Вольтеръ своей племянницѣ. «Альгаротти говорилъ мнѣ недавно, что видѣлъ въ Дрезденѣ одного итальянскаго священника, усердно посѣщавшаго дворъ. Въ Дрезденѣ почти всѣ лютеране, кромѣ короля. Когда этого abbate спросили, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: Io sono il catolico di sua maestà¹⁾; такъ и я—il pedagogo di sua maestà. Лищу себя надеждой, что, оставаясь въ своихъ границахъ, я буду жить спокойно». Разумѣется, это не могло нравиться тщеславному Вольтеру. Ему не нравилась и расчетливость короля, входившаго въ мелочи дворцоваго хозяйства. По условію, Вольтеръ, хотя и считалъ себя человѣкомъ богатымъ для литератора, получалъ отъ короля, кромѣ пенсіи и квартиры во дворцахъ, все содержаніе: дрова, двѣ восковыя свѣчи въ день, столько-то фунтовъ сахара въ мѣсяцъ, кофе, чай, шоколадъ и прочее. Онъ не стѣснялся широко пользоваться всѣми этими благами, продолжая въ Берлинѣ, но уже на счетъ короля, ту самую жизнь, какую онъ велъ въ Парижѣ. Ему не

¹⁾ Я католикъ его величества.

вправились сахаръ, чай, кофе и шоколадъ, поставляемые отъ двора, онъ жаловался Фридриху на ихъ дурное качество. Король отвѣтилъ, что очень жалѣетъ объ этомъ, но не можетъ вѣшать своихъ слугъ за дурной кусокъ сахара, и предложилъ своему наставнику покончить дѣло прекращеніемъ этихъ поставокъ. Получивъ такой отвѣтъ, Вольтеръ сталъ продавать тѣ двѣнадцатъ фунтовъ восковыхъ свѣчей, которыя ему отпускались каждый мѣсяцъ, а для освѣщенія своей комнаты употреблялъ свѣчи изъ комнатъ короля, уходя подъ разными предлогами къ себѣ и унося ихъ съ собою...

Какъ ни странны эти и подобныя проказы со стороны пожилого человѣка и извѣстнаго писателя, они часто повторяются въ жизни Вольтера, даже и въ глубокой старости, изумляя его друзей и недруговъ. Разсказанное нами похищеніе свѣчей изъ королевскихъ комнатъ, въ сущности только забавное, не могло портить его отношеній къ королю и ко двору. Къ сожалѣнію, Вольтеръ не ограничился этимъ. Падкій на выгодныя спекуляціи, онъ вскорѣ затѣялъ такую аферу, которая окончательно испортила его положеніе и репутацію въ Берлинѣ.

Саксонскій курфюрстъ учредилъ въ своихъ владѣніяхъ банкъ, подъ названіемъ Steuer, выпустившій съ самаго начала такое количество билетовъ, что курсъ ихъ вскорѣ понизился на половину. По вступленіи Фридриха въ саксонскую столицу, въ мирный договоръ между обоими правительствами была включена спеціальная статья, по которой всякій пруссакъ, владѣвшій билетами Steuer, имѣлъ право, по предъявленіи, получить за нихъ деньги сполна. Эта статья договора не замедлила породить безсовѣстѣйшую игру билетами Steuer, въ ущербъ саксонской казнѣ. Пруссакки скупали ихъ въ Голландіи по низкой цѣнѣ, и потомъ предъявляли къ обмѣну на деньги по цѣнѣ нарицательной. Игра дошла до того, что, три года спустя, Фридрихъ долженъ былъ уступить жалобамъ дрезденскаго двора и запретить обращеніе билетовъ Steuer въ Пруссіи. Ажіотажъ, вѣроятно, продолжался и послѣ этого запрещенія, но игроки стали осторожнѣе, стараясь не давать саксонскому правительству поводовъ къ новымъ жалобамъ. Пользуясь этой тайной игрой, Вольтеръ призвалъ къ себѣ въ Потсдамъ еврея Авраама Гирша (или Гиршелля) и поручилъ ему съѣздить въ Дрезденъ, чтобы тамъ купить для него билетовъ Steuer по 65 за 100, увѣряя Гирша, по показанію послѣдняго, что порученіе это извѣстно королю и обѣщая ему свое покровительство и даже

награду. Но едва Гиршъ успѣлъ уѣхать въ Дрезденъ, какъ Вольтеръ раздумалъ и протестовалъ вексель въ сорокъ тысячъ франковъ на Парижъ, уже учтенный Гиршемъ въ Лейпцигѣ. Дѣло получило огласку, и дошло до короля. Въ первомъ порывѣ негодованія, Фридрихъ приказываетъ своему секретарю Даржѣ написать Вольтеру, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ двадцать четыре часа; но секретарь убѣждаетъ его дожидаться разъясненія дѣла слѣдствіемъ и судомъ. Вольтеру оставалось только отрицать назначеніе тѣхъ суммъ, которыя были ввѣрены имъ Гиршу. Вопреки очевидности, онъ утверждалъ, что отправилъ Гирша въ Саксонію для покупки брилліантовъ и мѣховъ, какъ будто Дрезденъ былъ удобнымъ пунктомъ для подобной операціи. Слухи объ этомъ скандалѣ не замедлили распространиться и въ Пруссіи, и во Франціи, разумѣется, съ многочисленными варіантами и преувеличеніями не въ пользу Вольтера. На одномъ изъ пріемовъ, Людовикъ XV ѣдко отзывался о «великомъ поэтѣ», какъ о биржевомъ спекулянтѣ; съ своей стороны, Фридрихъ отказался видѣться съ нимъ до окончанія его дѣла судебнымъ порядкомъ. «Братъ-Вольтеръ теперь на покаяніи», писалъ Вольтеръ маркграфинѣ Байрейтской: «у него на шеѣ процессъ съ однимъ жидомъ, и ему же, по ветхо-заветному закону, придется еще поплатиться за то, что его обокрали». А Фридрихъ съ негодованіемъ писалъ своей сестрѣ: «Вы спрашиваете, чтò за процессъ у Вольтера съ евреемъ. Это дѣло плута, желающаго надуть мошенника. Непозволительно, чтобы человѣкъ съ умомъ Вольтера такъ недостойно злоупотреблялъ этимъ умомъ. Дѣло разбирается въ судѣ, и черезъ нѣсколько дней мы узнаемъ, которая изъ двухъ сторонъ плутовала больше... Я жду окончанія этого дѣла, чтобы намылить ему голову и посмотреть, возможно ли сдѣлать этого человѣка, которому уже пятьдесятъ-шесть лѣтъ, если не болѣе благоразумнымъ, то по крайней мѣрѣ меньше плутомъ». Вольтеръ, лишенный возможности видѣться съ королемъ, пишетъ ему письма, чтобы смягчить его раздраженіе. «Государь!» — говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ: — «Ваше величество правы, въ высшей степени правы; на мнѣ, и притомъ въ мои гола, лежитъ почти непоправимая вина. Я никогда не могъ исправиться отъ проклятаго желанія быть впереди во всѣхъ дѣлахъ, и, несмотря на убѣжденіе, что существуютъ тысячи случаевъ, въ которыхъ надо умѣть терять и молчать, несмотря на то, что и самъ я испыталъ подобные случаи, я необузданно пустился доказывать свою правоту въ дѣлѣ съ человѣкомъ, съ которымъ нельзя быть

правымъ. Вѣрьте, что я въ отчаяніи, что я никогда не испытывалъ такого страданія. Неизвѣстно зачѣмъ, я лишилъ себя единственной цѣли, для которой пріѣхалъ сюда, утратилъ бescѣды, которыя меня просвѣщали и оживляли, и сталъ непріятенъ единственному человѣку, которому желалъ бы быть пріятенъ». — «Сжальтесь надъ братомъ-Вольтеромъ», прибавляетъ онъ къ своимъ объясненіямъ въ другомъ письмѣ.

Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Вольтера, потому что еврей Гиршъ былъ уличенъ въ намѣреніи обсчитать и обмануть поэта, но рѣшилъ съ такою оговоркой, которая оставляла пятно на репутаціи послѣдняго. Вольтеру, раздраженному всѣмъ этимъ дѣломъ и нетерпѣливо желавшему покончить его какъ можно скорѣе, пришлось войти въ полюбовное соглашеніе съ Гиршемъ относительно замѣшанныхъ въ дѣлѣ драгоцѣнныхъ вещей и суммъ. На другой день послѣ судебного рѣшенія, Вольтеръ пишетъ королю изъ Берлина смиренное письмо, въ которомъ проситъ позволенія повидаться съ нимъ. — Если вы желаете пріѣхать сюда (въ Потсдамъ), то можете пріѣхать, — отвѣчаетъ ему Фридрихъ. — Такъ какъ процессъ выигранъ вами, то я васъ поздравляю, и очень радъ, что это гадкое дѣло кончено. Надеюсь, что отнынѣ у васъ уже не будетъ столкновеній ни съ ветхимъ, ни съ новымъ завѣтомъ; подобныя сдѣлки позорны, и всѣ таланты самаго блестящаго ума Франціи не покроютъ тѣхъ пятенъ, какія оставить по себѣ подобное поведеніе на вашей репутаціи. Имена людей въ родѣ Гирша не должны никогда, ни въ какихъ дѣлахъ, стоять рядомъ съ вашимъ. Пишу это письмо съ простымъ здравымъ смысломъ нѣмца, который говоритъ то, что думаетъ, не прибѣгая къ двусмысленнымъ выраженіямъ и пошлымъ смягченіямъ, искажающимъ правду; ваше дѣло — воспользоваться этими совѣтами».

Поселившись въ Пруссіи въ качествѣ блестящаго французскаго писателя, Вольтеръ относился къ нѣмецкому языку съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ какимъ относятся теперь къ русскому многіе иностранцы, живущіе въ Россіи. Французскій біографъ его находитъ даже очень естественнымъ, что Вольтеръ не считалъ нужнымъ заняться языкомъ той страны, въ которой жилъ. Въ его года это было бы, впрочемъ, не особенно легко, но онъ чуждался нѣмецкаго языка и по другимъ причинамъ. Онъ смотрѣлъ на него свысока, съ тѣмъ аристократическимъ высокомеріемъ высшей расы относительно низшей, которое должно было глубоко оскорблять мыслящую часть нѣмецкой молодежи, порывавшейся къ свѣту. «Я здѣсь во Франціи», — писалъ Воль-

теръ маркизу Тибувиллю, — «здѣсь говорятъ только по-французски. Нѣмецкій языкъ существуетъ для солдатъ и лошадей, онъ нуженъ только для дороги!» Вольтеръ писалъ и д'Аржантелю: «Не подумайте, что я серьезно изучаю нѣмецкій языкъ; я разумно ограничиваюсь тѣмъ, что необходимо для моей прислуги и моихъ лошадей. Я не въ такомъ возрастѣ, чтобы усвоить себѣ всѣ тонкости этого мягкаго и гармоническаго языка; но надо знать его настолько, чтобы васъ понимали почтальоны». Онъ говорилъ о нѣмецкихъ писателяхъ и нѣмецкомъ языкѣ, что желаетъ имъ побольше ума и поменьше согласныхъ. Во время процесса съ евреемъ Гиршемъ, производившагося на нѣмецкомъ языкѣ, ему понадобился переводчикъ. Ришье поручилъ своему секретарю Ришье пріискать человѣка, пригоднаго для этой работы. Ришье былъ прежде преподавателемъ французскаго языка и сблизился съ молодымъ человѣкомъ, нѣмцемъ, очень бѣднымъ, тогда еще безвѣстнымъ, и сильно желавшимъ познакомиться съ славнымъ французскимъ писателемъ. Ришье предложилъ бѣдняку представившуюся работу, и тотъ охотно принялъ его предложеніе. Это былъ Лессингъ. Окончивъ работу, онъ выпросилъ у Ришье для просмотра рукопись Вольтерова «Вѣка Людовика XIV». Не сомнѣваясь, что это останется тайной между ними, Ришье далъ ему на время часть этой рукописи; но тайна вскорѣ открылась. Юный Лессингъ показалъ рукопись одному болтливому пріятелю, и Вольтеръ узналъ отъ кого-то, что она ходитъ по рукамъ въ Берлинѣ. Случилось, что Лессингу нужно было уѣхать въ это время изъ столицы; онъ имѣлъ неосторожность взять рукопись съ собой, полагая, что время еще терпитъ. Страшно раздражительный въ подобныхъ случаяхъ, Вольтеръ вышелъ изъ себя, наговорилъ своему секретарю жестокихъ оскорбленій, обвиняя его въ похищеніи рукописи съ цѣлью поручить Лессингу перевести и издать ее, тотчасъ же продиктовалъ ему оскорбительнѣйшее письмо къ послѣднему, требовавшее немедленнаго ея возвращенія, и вслѣдъ затѣмъ прогналъ секретаря. Лессингъ, разумѣется, не замедлилъ возвратить рукопись при письмѣ, въ которомъ съ негодованіемъ отклонялъ обвиненіе въ кражѣ, извинялся и объяснялъ дѣло очень просто: когда ему пришлось ѣхать изъ Берлина, онъ еще не дочиталъ всей рукописи Вольтера и рѣшился взять ее съ собой еще на нѣкоторое время. Вольтеръ былъ удовлетворенъ вполне; но этотъ случай произвелъ на Лессинга самое тяжелое впечатлѣніе. Отдавая справедливость таланту Вольтера, онъ никогда не любилъ его какъ человѣка.

Послѣ процесса, король продолжалъ пользоваться литературными услугами Вольтера; но отношенія между ними были уже испорчены. Вольтеръ, однако же, упорно держался «Сѣвернаго Соломона» и отклонялъ всѣ убѣжденія своихъ парижскихъ друзей и племянницы, склонявшихъ его возвратиться въ Парижъ. Несмотря на непріятное положеніе, созданное ему недавнимъ процессомъ, Потсдамъ казался ему свободнѣе и привольнѣе Версаля. Нуждаясь въ его помощи для исправленія своихъ сочиненій, король, по прежнему, обмѣнивался съ нимъ записками и любезностями. «Я только-что разрѣшился отъ бремени шестью близнецами, которыхъ надо окрестить именемъ Аполлона въ водахъ Гиппокрены»,—писалъ онъ жившему на дачѣ Вольтеру весною 1751 года. «Генріаду» просить быть крестной матерью; вы благоволите привезти ее сегодня, въ пять часовъ вечера, въ комнаты отца. Тамъ находится Дарже-Люцина ¹⁾, а воображеніе «Человѣка-машины» ²⁾ будетъ держать новорожденныхъ». Подъ именемъ шести близнецовъ король разумѣлъ шесть пѣсенъ своей поэмы «Военное искусство», только-что имъ оконченной. «Государь»,—писалъ ему Вольтеръ тою же весною,—«у васъ судороги, у меня тоже; вы любите уединеніе, и я люблю его; вы пишете стихи и прозу, и я дѣлаю то же самое; вы принимаете лекарство, и я также: изъ всего этого я заключаю, что я созданъ для того, чтобъ умереть у ногъ вашего величества». Осенью Вольтеръ печатаетъ въ Берлинѣ «Вѣкъ Людовика XIV», а въ Дрезденѣ—новое изданіе своихъ сочиненій, и ссылается на это въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ къ друзьямъ, приглашающихъ его вернуться во Францію. Ему болѣе пріятна роль человѣка, близко стоящаго къ Фридриху, чѣмъ писателя, принужденнаго гнуть спину при версальскомъ дворѣ.

Въ кружкѣ Фридриха, Ла-Меттри считался остроумнымъ и веселымъ собесѣдникомъ, но не серьезнымъ человѣкомъ. Король часто бесѣдовалъ съ нимъ запросто, и однажды—это было осенью того же 1751 года—огозвался ему о Вольтерѣ: «Онъ будетъ мнѣ нуженъ еще не больше года; апельсинъ высасываютъ и потомъ бросаютъ корку». Ла-Меттри передаетъ это Вольтеру, который горько жалуется своей племянницѣ на эти «сладкія рѣчи». Но въ Потсдамѣ онъ не показываетъ и вида, что знаетъ что-нибудь подобное. Онъ продолжаетъ весело ужинать съ друзьями короля, онъ удваиваетъ свои любезности и

¹⁾ Дарже—секретарь короля, Люцина—римская богиня дѣтороженія.

²⁾ Ла-Меттри, авторъ сочиненія: „Человѣкъ-машина“.

ласки. Но «корка» не даетъ ему покою; напрасно онъ старается увѣрить себя, что король сказалъ эту фразу, не придавая ей серьёзнаго значенія, что можетъ быть Ла-Меттри сочинилъ этотъ анекдотъ. «Я все думаю объ апельсиновой коркѣ», — пишетъ онъ своей племянницѣ почти два мѣсяца спустя.

Какъ изящное литературное произведеніе, «Вѣкъ Людовика XIV» восхитилъ современниковъ Вольтера, не имѣвшихъ противопоставить этому труду ничего подобнаго по ясности и красотѣ изложенія. Они находили въ немъ много ума, высокія мысли, необыкновенный языкъ, многосторонность свѣдѣній и очень мало ошибокъ. Знаменитый лордъ Честерфилдъ, въ письмѣ къ своему сыну, называетъ это сочиненіе Вольтера «исторіей ума человѣческаго, написанной гениальнымъ человѣкомъ для умныхъ людей»... «Вольтеръ показалъ ею, какъ должно писать исторію». До 1751 года историческая литература западной Европы, дѣйствительно, не представляла ничего настолько общедоступнаго и совершеннаго въ литературномъ отношеніи. Изложеніе Вольтера было популярно, изящно и, главное, одушевлено общими идеями, освѣщало факты съ той стороны, которая казалась автору наиболѣе важною и существенною. Понятно, что успѣхъ «Вѣка Людовика XIV» былъ, по-тогдашнему, огромный. При всемъ томъ, личное положеніе Вольтера при берлинскомъ дворѣ не переставало ухудшаться. Мы видѣли, какъ относился къ нему Фридрихъ; теперь онъ пріобрѣлъ врага въ извѣстномъ членѣ королевскаго кружка, математикѣ и президентѣ берлинской академіи, Мопертюи, и эта вражда сдѣлала окончательно невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе его въ Берлинѣ. Осенью 1751 года, онъ писалъ своей племянницѣ въ Парижъ: «Я переносу Мопертюи, не успѣвъ смягчить его. Въ какой же странѣ нѣтъ людей необщительныхъ, съ которыми приходится уживаться? Онъ не можетъ простить мнѣ, что король, по моему совѣту, велѣлъ ему принять аббата Реналья въ члены академіи. Какая разница: быть мыслителемъ и говорить о философіи! Посѣявъ смуту въ парижской академіи наукъ, и внушивъ всѣмъ ненависть къ себѣ, онъ вздумалъ отправиться управлять берлинскою. Когда онъ пришелъ проститься съ кардиналомъ Флери, кардиналъ напомнилъ ему одинъ стихъ Виргилія, смыслъ котораго приблизительно такой:

Ah! reprimez dans vous cette ardeur de régner ¹⁾!

¹⁾ А! Подавите въ себѣ эту жажду властвовать!

«То же можно было бы сказать и его высокопреосвященству; но кардиналь Флери властвовалъ мягко и учтиво. Могу увѣрить васъ, что Мопертюи поступаетъ иначе въ своемъ приходѣ, гдѣ, слава Богу, я никогда не бываю»... За однимъ столкновениемъ послѣдовали другія. И Вольтеръ, и Мопертюи были одинаково высокомерны и неуступчивы въ своихъ взаимныхъ счетахъ. Мопертюи былъ деспотъ въ академіи, и тѣмъ давалъ Вольтеру поводъ къ насмѣшкамъ и выходкамъ, которыя все больше и больше приближали ихъ къ разрыву. Безпощадное преслѣдованіе, которому подвергся академикъ Кёнигъ со стороны президента академіи за то, что дерзнулъ въ ученой брошюрѣ почти-тельно приписать Лейбницу одну мысль Мопертюи, давало Вольтеру опасное оружіе въ руки. Къ серьезнымъ поводамъ разлада не замедлили присоединиться и сплетни. Въ половинѣ 1752-го года, Вольтеръ писалъ своей племянницѣ: «Вотъ мое положеніе: Мопертюи осторожно пустилъ въ ходъ слухи, что я нахожу сочиненія короля очень плохими, онъ обвиняетъ меня въ посягательствѣ на очень опасную силу — самолюбіе; онъ увѣряетъ затѣмъ, что, получивъ отъ короля стихи для исправленія, я сказалъ:—Когда же надобѣсть ему присылать мнѣ для стирки свое грязное бѣлье? Онъ говоритъ все это по секрету десяти, двѣнадцати человѣкамъ, прося ихъ всѣхъ держать это въ тайнѣ. Наконецъ, я начинаю замѣчать, что и король посвященъ въ эту тайну».

Въ 1752-мъ году, сильно хворая, Мопертюи задумалъ написать рядъ легкихъ писемъ о разныхъ предметахъ. Эти письма, которыхъ набралось двадцать-три, изобиловали странными до невозможности парадоксами и фантазіями. Въ одномъ изъ нихъ онъ увѣрялъ, напр., что душа, въ обыкновенномъ своемъ состояніи видящая только настоящее, могла бы въ состояніи болѣе возбужденномъ ясно видѣть и будущее, и прошедшее. Продленіе жизни, говорилъ онъ, возможно подъ условіемъ замедленія нашего тѣлеснаго роста. Онъ предлагалъ вырыть громадную дыру, чтобы проникнуть къ центру земли, и заявлялъ желаніе взорвать египетскую пирамиду, чтобы разъ навсегда узнать, что таится въ этихъ колоссальныхъ сооруженіяхъ. Онъ даже проектировалъ особый городъ, въ которомъ всѣ сношенія происходили бы исключительно на латинскомъ языкѣ, и гдѣ европейская молодежь могла бы въ одинъ годъ лучше выучиться этому языку, чѣмъ она выучивается въ пять или шесть лѣтъ въ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ. Одно письмо, посвященное врачамъ, высказывало странныя предположенія, давшія обильную пищу остро-

умію Вольтера. Но всего поразительнѣе было письмо, гдѣ авторъ говорилъ о томъ, какую пользу можно было бы извлечь изъ физическихъ опытовъ, которымъ слѣдовало бы подвергать преступниковъ на пользу науки и человѣчества, и совѣтовалъ искать въ мозгу живого человѣка (преступника) слѣдовъ дивнаго сліянія души съ тѣломъ, не находя въ подобныхъ изслѣдованіяхъ ничего особенно жестокаго, такъ какъ человѣкъ—ничто въ сравненіи съ человѣчествомъ, а преступникъ—еще меньше чѣмъ ничто. Подобное предложеніе обличало страшную сухость сердца, сказавшуюся и во многихъ дѣйствіяхъ Мопертюи по академіи. Эти дѣйствія были описаны въ это время въ двухъ тѣхъ брошюрахъ, изъ которыхъ одна—«Отвѣтъ берлинскаго академика парижскому», вышедшая безъ имени автора, принадлежала Вольтеру; другая—«Воззваніе къ публикѣ»—была написана тѣмъ самымъ Кёнигомъ, котораго Мопертюи выжилъ изъ академіи за дерзновенное покушеніе приписать его мысль Лейбницу. Публика не замедлила узнать автора первой брошюры по его когтямъ; его узналъ и самъ Фридрихъ, упорно отстаивавшій президента своей академіи. Раздраженный брошюрой Вольтера, онъ поспѣшилъ отвѣтить на нее также письмомъ академика къ академику, и напечаталъ свой отвѣтъ безъ имени автора. Когда было окончено печатаніе этого отвѣта, онъ тотчасъ увѣдомилъ Мопертюи, что велѣлъ разослать свою брошюру въ Голландію, во Францію и по всей Германіи, «чтобы никто не могъ подумать, что добродѣтельные люди, на которыхъ нападаютъ, остаются безъ защитниковъ». Отвѣтъ Фридриха былъ тяжелъ и вообще неудаченъ. Защищая Мопертюи, онъ ставилъ его на ряду съ Гомеромъ, называлъ сторонниковъ Кёнига, къ числу которыхъ принадлежалъ Вольтеръ, глупцами, завистниками, безчестными людьми. Автору «Письма берлинскаго академика къ парижскому», т.-е. Вольтеру, были прямо посвящены, между прочимъ, слѣдующія строки: «Одинъ изъ этихъ негодяевъ, назвавшись берлинскимъ академикомъ, напечаталъ гнусный пасквиль», и т. д.

Брошюра короля окончательно раскрыла глаза Вольтеру на опасное его положеніе. «Я имѣю дѣло съ самолюбіемъ и деспотической властью, двумя очень опасными силами»,—писалъ онъ своей племянницѣ незадолго передъ выходомъ этой брошюры, въ октябрѣ 1752-го года. Теперь онъ ясно увидѣлъ, что король рѣшительно принялъ сторону его врага, что нельзя долѣе оставаться въ Пруссіи, и рѣшился нанести президенту берлинской академіи новые, на этотъ разъ уже беспощадные удары градомъ злѣйшихъ сарказмовъ. Такова цѣль его неподражаемой сатиры:

«Сочиненіе доктора Акакія», въ которой съ неистощимымъ и злымъ остроуміемъ осмѣяны письма Мопертью о разныхъ предметахъ, вызывающихъ на размышленіе.

У Франциска I былъ врачъ, по имени Sans-Malice (Незлобивый, Безхитростный), которое онъ самъ перевелъ на греческій языкъ и передѣлалъ въ Акакія. Воспользовавшись этимъ именемъ, Вольтеръ превратилъ доктора Акакія въ папскаго врача. Степенно критикуя «Письма» Мопертью, докторъ Акакій отказывается приписать ихъ знаменитому президенту берлинской академіи, «великому человѣку», такъ далекому отъ шарлатанства и такъ мало способному впадать въ ошибки, позволительныя только очень юному писателю, съ которымъ онъ, докторъ Акакій, и вступаетъ въ полемическую бесѣду. По его мнѣнію, только юнецъ, необдуманшій хорошенько вопроса, могъ бы поставить врачамъ безпощадное требованіе «Писемъ», чтобы всѣ они получали вознагражденіе за свои труды и заботы, единственно въ случаѣ выздоровленія больного. Врачъ общается свои заботы, а не исцѣленіе, говоритъ докторъ Акакій. И можно ли, по справедливости, требовать отъ него большаго? «Что сказалъ бы человѣкъ, который, получая, напр., тысячу двѣсти червонцевъ пенсіи за свои рѣчи о математикѣ и физикѣ, за разсѣченіе пары жабъ и за собственное изображеніе въ мѣховой шапкѣ¹⁾, — что сказалъ бы этотъ человѣкъ, еслибъ казначей, выдающій пенсіи, обратился къ нему съ такими словами:—Милостивый государь, у васъ приказано вычестъ сто червонцевъ за высказанную вами мысль, что существуютъ звѣзды, устроенныя какъ жернова мельницы; еще сто червонцевъ за мысль, что комета похититъ нашу луну и распространитъ свои покушенія на самое солнце; еще сто червонцевъ за ваше измышленіе, что кометы, составленныя цѣликомъ изъ золота и брилльянта, будутъ падать на землю. Съ васъ велѣно взыскать еще триста червонцевъ за ваше увѣреніе, что дѣти образуются въ чревѣ матери силою притяженія, что лѣвый глазъ притягиваетъ правую ногу, и т. п. Невозможно вычестъ изъ вашей пенсіи меньше четырехъ-сотъ червонцевъ за вашу надежду познать свойства души посредствомъ опія и разсѣченія головъ, принадлежащихъ великанамъ, и пр. и пр. Ясно, что всѣ эти вычеты совсѣмъ лишили бы бѣднаго философа получаемой имъ пенсіи. Пріятно ли было бы ему, еслибъ мы, врачи,

¹⁾ Мопертью заказалъ свой портретъ въ этомъ видѣ по возвращеніи изъ совершенной имъ нѣкогда ученой экспедиціи на сѣверъ. Разумѣется, все, что говорится въ приводимомъ отрывкѣ, относится къ Мопертью и содержанію его курьезныхъ «Писемъ» о разныхъ предметахъ.

стали смѣяться надъ нимъ по этому поводу и увѣрять, что награды учреждены лишь для тѣхъ, кто пишетъ полезныя вещи, а не для тѣхъ, кто прославился на весь міръ единственно своимъ желаніемъ повѣдать о себѣ міру?»

Степенный Акакій мало-по-малу забываетъ свое обѣщаніе быть спокойнымъ и не горячиться. Онъ негодуетъ, онъ злѣе. «Нашъ юный философъ полагаетъ, что врачи должны быть только эмпириками, и совѣтуетъ имъ изгонять всякую теорію. Что сказали бы вы о человѣкѣ, который бы пожелалъ, чтобъ люди не пользовались болѣе услугами архитекторовъ при постройкѣ домовъ, а пользовались бы только каменщиками, заставляя ихъ обтесывать камни на-удачу? Онъ высказываетъ также мудрый совѣтъ пренебрегать анатоміей. На этотъ разъ хирурги будутъ на нашей сторонѣ. Насъ удивляетъ только, что авторъ, кое-чѣмъ обязанный хирургамъ Монпелье ¹⁾ въ болѣзняхъ, леченіе которыхъ требуетъ большого знанія внутренняго устройства головы и нѣкоторыхъ другихъ частей анатоміи, такъ мало имъ признателенъ»... «*Лучшій врачъ*, говоритъ онъ, *именно тотъ, который меньше разсуждаетъ*. Повидимому, онъ такъ же вѣренъ этому правилу въ философіи, какъ отецъ Каней въ теологіи ²⁾: при всемъ томъ, несмотря на ненависть его къ разсужденію, сейчасъ видно, что онъ предавался глубокимъ размышленіямъ объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Во-первыхъ, онъ признаетъ со всѣми людьми здравомыслящими,—и мы его поздравляемъ—что наши предки жили отъ восьми до девятисотъ лѣтъ»... «Читатель видитъ изъ моего отчета объ этихъ письмахъ, что еслибъ они и принадлежали президенту, то развѣ—Бэдлама, и неоспоримо писаны молодымъ человѣкомъ, принявшимъ для болѣе важности имя мыслителя, чтимаго, какъ извѣстно, во всей Европѣ, и согласившагося быть признаннымъ за *великаго человека* ³⁾... Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, мы передаемъ приписываемое президенту сочиненіе на судъ святой инквизиціи, уповаю на непогрѣшающую мудрость сего ученаго судилища, къ которому, какъ извѣстно, такъ довѣрчиво относятся врачи».

Принявъ къ свѣдѣнію донесеніе доктора Акакія, великій инквизиторъ по дѣламъ вѣры осуждаетъ и передаетъ проклятію сочиненія неизвѣстнаго юнца, преимущественно «Опытъ космо-

¹⁾ Дѣйствительный случай въ жизни Мопертюи.

²⁾ Не нужно разума; вотъ настоящая религія—таково характерное изреченіе отца Каней.

³⁾ Намекъ на вышеупомянутую брошюру короля, въ которой Мопертюи три раза названъ великимъ человѣкомъ.

логія» ¹⁾. Онъ поручаетъ также преподобнымъ наставникамъ по части философіи въ училищѣ Сapiенца разсмотрѣть другія сочиненія и сужденія того же автора по предметамъ физики, математики, динамики и метафизики, въ которыхъ онъ, «по обыкновенію», ничего не смыслить самъ, и представить ему докладъ по этимъ предметамъ. Докладъ преподобныхъ наставниковъ и ихъ сужденія о знаменитыхъ двадцати-трехъ «Письмахъ» неподражаемы въ сатирическомъ отношеніи. Они злы, мѣтки, остроумны, мѣстами дерзки, и все это подъ маской смиреннаго донесенія преподобныхъ отцовъ духовному начальству.

Вольтеръ всегда былъ безпощаденъ къ своимъ личнымъ и литературнымъ врагамъ. Ему было мало написать эту жестокую сатиру: онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ она читалась вездѣ и всѣми, чтобъ президентъ берлинской академіи былъ осмѣянъ во всей Европѣ, въ цѣломъ мірѣ. Но какъ получить согласіе короля на изданіе сатиры, направленной противъ человѣка, который пользовался явнымъ его покровительствомъ? Въ своемъ полемическомъ задорѣ, Вольтеръ не остановился передъ обманомъ для достиженія цѣли. Въ «Новой Нѣмецкой Библіотекѣ» появилась въ это время рѣзкая статья противъ вольнодумцевъ и невѣрующихъ. Когда Вольтеръ и д'Аржансъ, за столомъ короля, шептались объ этомъ выстрѣлѣ, пущенномъ въ ихъ лагерь, король, разумѣется, любопытствовалъ узнать, о чемъ они шепчутся, и Вольтеръ поспѣшилъ объяснить, что всѣ они, не исключая короля, затронуты статьей «Новой Нѣмецкой Библіотеки». Онъ вызвался написать отвѣтъ автору нападенія, евангелическому пастору Формею, и тутъ же получилъ королевское разрѣшеніе на изданіе своего будущаго отвѣта; но вмѣсто общаго отвѣта, напечаталъ въ Потсдамѣ, съ королевскаго разрѣшенія, сатиру доктора Акакія. Легко представить себѣ досаду короля. Онъ тотчасъ же велѣлъ конфисковать всѣ экземпляры сатиры и допросить Вольтера; но послѣдній, заранѣе позаботившись о распространеніи сатиры даже и въ случаѣ конфискаціи, и прикинувшись невиннымъ, увѣрялъ, что и не думалъ печатать ничего подобнаго, что все это новая клевета на него, пущенная въ ходъ его врагами. Негодующій Фридрихъ пишетъ Вольтеру: «Ваше безстыдство изумляетъ меня послѣ того, что вы только-что сдѣлали, и что теперь ясно, какъ божій день. Вмѣсто признанія своей вины, вы еще упорствуете. Не воображайте, будто вы можете увѣрить, что черное бѣло: часто мы не видимъ, потому что не желаемъ

¹⁾ Извѣстное въ то время сочиненіе Мопертюи.

видѣть; но если вы будете упорствовать до конца, я велю огласить дѣло въ печати, и всѣ увидятъ, что если ваши сочиненія дѣлаютъ васъ достойнымъ статуи, то своимъ поведеніемъ вы заслуживаете цѣпей. Издатель допрошенъ и во всемъ сознался».

И, несмотря на подобныя увѣщанія, Вольтеръ все-таки отвѣчалъ на томъ же письмѣ короля, въ видѣ короткой приписки, что онъ ни въ чемъ неповиненъ. «Боже! какое положеніе!» писалъ онъ. «Клянусь вамъ, государь, моею жизнію, отъ которой я отказался бы безъ труда, что все это дѣло—лишь ужасная клевета. Умоляю васъ дать очную ставку моимъ слугамъ. Неужели вы рѣшитесь осудить меня, не выслушавъ моихъ оправданій? Я прошу справедливости и смерти». Между тѣмъ, въ виду полного признанія издателя (Франшвилля), упорствовать долѣе въ отрицаніи разоблаченнаго поступка было уже невозможно. Мѣсто, гдѣ хранились экземпляры ядовитой сатиры, было указано, всѣ они были принесены въ комнату короля и сожжены въ присутствіи послѣдняго и Вольтера. «Послѣ долгихъ поисковъ и довольно скучныхъ хлопотъ»—писалъ Фридрихъ президенту своей академіи—«я завладѣлъ «Кайакой» (?!), которую сжегъ, и объявилъ автору, что онъ долженъ или немедленно оставить мой домъ, или отказаться отъ позорнаго ремесла сочинителя пасквилей. Теперь вы можете быть покойнымъ во всѣхъ отношеніяхъ»... Дѣйствительно, за день передъ тѣмъ, 27-го ноября 1752 года, Фридрихъ прислалъ Вольтеру, для подписи, слѣдующее заявленіе, писанное собственноручно:

«Объщаю его величеству, что пока онъ будетъ милостиво давать мнѣ помѣщеніе въ своемъ дворцѣ, я не буду писать противъ кого бы то ни было, ни противъ французскаго правительства и министровъ, ни противъ другихъ государей или знаменитыхъ литераторовъ, которымъ всегда буду оказывать должное уваженіе. Я не употребляю во зло письма его величества и буду поступать такъ, какъ прилично литератору, имѣющему честь быть камергеромъ его величества и живущему въ обществѣ честныхъ людей».

Подписать подобное обязательство было унижительно для писателя, сознающаго свое достоинство и правоту представляемаго имъ дѣла. Вольтеръ и не ограничился простымъ подписаніемъ своего имени подъ присланнымъ ему королевскимъ проектомъ заявленія, а прибавилъ къ нему отъ себя слѣдующія, равносильныя подписанію, строки:

«Я исполню, государь, всѣ приказанія вашего величества, и сердцу моему не трудно будетъ вамъ повиноваться. Еще разъ

умоляю васъ принять во вниманіе, что я никогда не писалъ противъ какого бы то ни было правительства, и еще менѣе противъ правительства моей родины, которое я покинулъ единственно для того, чтобъ умереть у вашихъ ногъ. Я былъ исторіографомъ Франціи, и въ этомъ званіи написалъ исторію Людовика XIV и исторію походовъ Людовика XV, посланныя мною г-ну д'Аржансону. Мой голосъ и мое перо были посвящены отечеству, какъ посвящены теперь вашимъ приказаніямъ. Благоволите, молю васъ, обсудить причину ссоры съ Мопертюи; умоляю васъ также вѣрить, что я забуду эту ссору, потому что такова ваша воля. Конечно, я подчиняюсь всему, чего вы желаете. Еслибъ ваше величество приказали мнѣ не защищаться и не вступать въ этотъ литературный споръ, я повиновался бы вамъ съ тою же покорностью. Умоляю васъ пощадигъ старика, удрученнаго болѣзнями и горемъ, и вѣрить, что я умру съ тѣмъ же чувствомъ преданности, съ какимъ прибылъ къ вашему двору».

Повидимому, Фридрихъ былъ доволенъ этими увѣреніями. Двѣ недѣли спустя, онъ успокоивалъ Мопертюи относительно намѣреній его врага: «Не опасайтесь ничего, любезный Мопертюи: дѣло о пасквиляхъ покончено, я такъ прямо говорилъ съ этимъ человѣкомъ (т.-е. Вольтеромъ), я такъ намылилъ ему голову, что онъ уже не возвратится къ прежнему... Я напугалъ его по части кармана, и это произвело на него ожидавшее дѣйствіе. Наконецъ, я рѣшительно объявилъ ему, что мой домъ долженъ быть святилищемъ, а не притономъ разбойниковъ или злодѣевъ, изготовляющихъ яды ¹⁾... Помышляйте теперь только о вашихъ легкихъ, и не выходите изъ комнаты въ эту холодную погоду».

А между тѣмъ, экземпляры «Сочиненія доктора Акакія», напечатанные и припрятанные другимъ издателемъ, направлялись къ саксонской столицѣ, откуда они вскорѣ проникли обратно въ Берлинъ и произвели тамъ необычайное впечатлѣніе. Мопертюи не любили; его деспотическая власть въ академіи, его высокомерное обращеніе со всѣми были извѣстны, и никто не жалѣлъ его. Король былъ въ негодованіи. 18-го декабря 1752-го года, Вольтеръ уже писалъ своей племянницѣ: «Такъ какъ у меня нѣтъ въ этомъ мірѣ полутора ста тысячъ усагихъ солдатъ, то я отнюдь немышляю о войнѣ. Ямышляю лишь о томъ, чтобы честно дезергировать, позаботиться о моемъ здоровьѣ, снова уви-

¹⁾ Любопытно, что Фридрихъ писалъ въ этомъ письмѣ *cellarats* вмѣсто *scelerat* и *poissons* вмѣсто *poisons*.

дѣться съ вами, забыть весь этотъ трехлѣтній сонъ. Теперь я вижу ясно, что апельсинъ дѣйствительно выжимали; надо подумать о спасеніи корки. Я собираюсь составить, для собственнаго назиданія, маленькій словарь, употребляемый королями. *Мой другъ* значитъ—*мой рабъ*. *Мой дорогой другъ*—я больше чѣмъ равнодушенъ къ вамъ. Подъ словами: *я сдѣлаю васъ счастливымъ*, понимайте: *я буду терпѣть васъ до тѣхъ поръ, пока вы будете мнѣ нужны*. *Ужинайте со мной сегодня* значитъ—*сегодня я буду надъ вами издѣваться*. Этотъ словарь можетъ быть довольно длиненъ; изъ него выйдетъ цѣлая статья для «Энциклопедіи»... Задача въ томъ, какъ уйти отсюда. Я могу просить объ отпускѣ только по болѣзни. Въ декабрѣ невозможно сказать: я ѣду въ Пломбьеръ. Здѣсь живетъ нѣчто въ родѣ духовнаго лица, нѣкій Пераръ, родившійся, какъ и я, во Франціи; онъ просилъ позволенія ѣхать въ Парижъ по своимъ дѣламъ; король велѣлъ ему сказать, что лучше знаетъ его дѣла, чѣмъ онъ самъ, и что ему совсѣмъ не нужно ѣхать*.

Раздраженный появленіемъ Вольтерова памфлета въ Берлинѣ, Фридрихъ приказалъ сжечь этотъ памфлетъ на берлинскихъ площадяхъ рукою палача, что и было исполнено въ воскресенье, 24-го декабря, часу въ третьемъ или четвертомъ пополудни. Пепелъ сожженной брошюры былъ посланъ королемъ въ подарокъ президенту академіи. Прикинувшись глубоко огорченнымъ, Вольтеръ написалъ королю почтительное, нѣжное, даже отчаянное письмо и, особо завернувъ пожалованные ему крестъ и камергерскій ключъ, отослалъ ихъ вмѣстѣ съ письмомъ и слѣдующими стихами на той бумагѣ, въ которую были завернуты «погремушки», какъ онъ называлъ свои знаки отличія:

Je les reçus avec tendresse,
Je vous les rends avec douleur;
C'est ainsi qu'un amant, dans son extrême ardeur,
Rend le portrait de sa maîtresse ¹⁾.

Король прислалъ назадъ и крестъ, и камергерскій ключъ. Онъ не хочетъ отпустить Вольтера, онъ опять приглашаетъ его въ Потсдамъ. Но Вольтеръ рѣшился уѣхать во что бы то ни стало. Онъ рѣшительно прикидывается больнымъ и настойчиво заявляетъ, что долженъ ѣхать въ Пломбьеръ. Раздосадованный упорствомъ своего камергера, Фридрихъ прислалъ ему наконецъ слѣдующую

¹⁾ Я принялъ ихъ съ нѣжностью, и возвращаю съ печалью: такъ любовникъ, въ жару увлеченія, возвращаетъ портретъ своей милой.

записку: «Чтобы получить отпускъ, вамъ совсѣмъ не нужно придумывать предлогъ къ тому и ссылаться на необходимость ѣхать въ Пломбьеръ. Вы можете оставить мою службу, когда захотите; но прежде чѣмъ уѣхать, пришлите мнѣ заключенный съ вами контрактъ, ключъ, крестъ и томъ стихотвореній, мною вамъ доверенныхъ. Я желалъ бы, чтобъ одни мои сочиненія подвергались насмѣшкамъ вашимъ и Кёнига. Я охотно приношу ихъ въ жертву тѣмъ, кто думаетъ возвеличить свою репутацію умаленіемъ репутаціи другихъ; у меня нѣтъ ни безумія, ни тщеславія нѣкоторыхъ авторовъ. Въ моихъ глазахъ интриги литераторовъ позорятъ литературу».

Подобныя любезности не могли быть по-сердцу человѣку, который надѣялся занять совсѣмъ другое положеніе при берлинскомъ дворѣ. Берлинъ, Потсдамъ, дворъ, король,—все стало теперь ненавистно Вольтеру. Новыя ласки и убѣжденія Фридриха уже не дѣйствовали; королю пришлось отпустить Вольтера, и 27-го марта 1753-го года послѣдній прибылъ въ Лейпцигъ, замышляя распространить оттуда по всей Европѣ своего Акакія, дополненнаго столь же остроумнымъ и злымъ «Мирнымъ договоромъ». Въ этомъ послѣднемъ очеркѣ «великій» президентъ берлинской академіи смягчается и признаетъ, что можно писать противъ него, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Теперь больные имѣютъ право платить своимъ врачамъ, и врачи не обязаны болѣе ограничиваться каждый леченіемъ одной какой-нибудь болѣзни. Президентъ отказывается даже отъ своего предложенія—прорыть дыру къ центру земли: истина все еще находится на днѣ колодца, но трудно прорыть самый колодезь. Онъ и теперь находитъ, что хорошо прожить отъ восьми до девятисотъ лѣтъ, затыкая свои поры и органы дыханія; но онъ согласенъ ни надъ кѣмъ не производить больше подобныхъ опытовъ, изъ опасенія, что паціентъ вдругъ достигнетъ зрѣлаго возраста, т.-е. смерти. Наконецъ, чтобы явить величайшее доказательство своего искренняго желанія возвратить миръ европейской литературѣ, онъ согласенъ и на то, чтобы главный врагъ его, г. Вольтеръ, былъ включенъ въ настоящій мирный договоръ, не взирая на очень вѣскія причины къ его исключенію. Лишь бы только онъ обѣщаль не включать президента въ свою прозу и свои стихи, миролюбивый президентъ готовъ не интриговать больше противъ этого врага, и не пользоваться услугами палача для отмщенія за его шутки, не угрожать ему больше кулакомъ, чѣмъ остроуміемъ...

Узнавъ объ этомъ новомъ нападеніи, Мопертюи пишетъ Вольтеру въ Лейпцигъ, что удовлетворительное состояніе здоровья позво-

ляетъ ему находится всюду, гдѣ находится Вольтеръ, и вполне отмстить ему за оскорбленіе. «Благодарите то уваженіе и ту покорность, которыя до сихъ поръ удерживали мою руку и спасали васъ отъ злополучнѣйшаго изъ приключеній, какимъ вы когда-либо подвергались». Вольтеръ считался трусомъ, и опасеніе дуэли могло бы обуздать его остроуміе въ прежніе годы. Но теперь ему было пятьдесятъ-девять лѣтъ, и успѣхъ вызова было мало вѣроятенъ; теперь вызовъ могъ только дать новую пищу его остроумію и сатирической злости. Онъ изобразилъ добраго Акакія устрешеннымъ, умоляющимъ лейпцигскій университетъ о помощи и защитѣ, въ старомодномъ прошеніи, поданномъ въ совѣтъ университета. Совѣтъ, будто бы, постановляетъ задержать угрожающаго президента академіи у городскихъ воротъ, «когда онъ появится, чтобъ исполнить свое покушеніе отцеубійцы противъ добраго доктора, который замѣнялъ ему отца». Самъ докторъ пишетъ президенту нравоучительное письмо, съ такою припиской: «Р. S. Такъ какъ отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ имѣли смѣлость вдоволь посмѣяться надъ вами, то они желаютъ знать, когда именно вы предполагаете убить ихъ». Передавъ эту послѣднюю часть сочиненія доктора Акакія книгопродавцу Брейтконфу и посѣтивъ профессоровъ университета, Вольтеръ уѣхалъ изъ Лейпцига.

Фридрихъ, между тѣмъ, внимательно слѣдилъ за нимъ. «Вольтеръ въ Лейпцигѣ», писалъ онъ въ это время (апрѣль 1753) маркграфинѣ байрейтской: «онъ испускаетъ тамъ свои новые яды и сказывается больнымъ, чтобъ исправить страшное сочиненіе, которымъ онъ теперь занятъ. Вы видите, что, отнюдь не желая больше имѣть его у себя, я, напротивъ, хочу совсѣмъ разорвать отношенія съ нимъ. Сказать по правдѣ, любезная сестра, я былъ бы радъ, еслибъ онъ поѣхалъ въ Байрейтъ; съ вашего согласія, я послалъ бы туда кого-нибудь, чтобъ отобрать у него каммергерскій ключъ и крестъ, еще остающіеся при немъ, и въ особенности одно изданіе моихъ стихотвореній, отправленное имъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, и которое я не хочу оставлять въ его рукахъ, въ виду его способности дурно имъ воспользоваться». Фридрихъ считалъ поѣздку Вольтера въ Пломбьеръ только предлогомъ къ какому-нибудь безпощадному нападенію на него и на его близкихъ. Онъ былъ страшно озлобленъ, онъ находилъ Вольтера «достойнымъ колесованія».

Изъ Лейпцига Вольтеръ поѣхалъ въ Готу, гдѣ герцогъ и герцогиня тотчасъ же предложили ему переѣхать во дворецъ и гдѣ онъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ, окруженный величайшимъ вни-

маніемъ и любезностью, и читая при дворѣ свою «Дѣвственницу», которая очаровала всѣхъ. Въ знакъ признательности за изысканное гостепріимство герцогини, Вольтеръ посвятилъ ей свою поэму: «Естественная религія», написанную въ 1752-мъ году, въ Потсдамѣ, и предназначавшуюся для прусскаго короля, и, по желанію принцессы, взялся написать для нея исторію германской имперіи. Онъ выѣхалъ изъ Гогы 25 мая, направляясь въ Страсбургъ черезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ и никакъ не ожидая, что въ этомъ послѣднемъ городѣ ожидаетъ его одно изъ самыхъ тяжелыхъ событій его жизни, о которомъ потомъ онъ никогда не могъ вспомнить безъ отвращенія и гнѣва. Фридрихъ рѣшился исполнить во Франкфуртѣ то, что намѣревался сдѣлать въ Байрейтѣ, еслибъ Вольтеръ туда поѣхалъ: онъ поручилъ своему резиденту и военному совѣтнику Фрейтагу отправиться къ Вольтеру, въ сопровожденіи надворнаго совѣтника Шмидта, потребовать у него камергерскій ключъ, крестъ и ленту ордена pour le Merite, и вскрыть весь его багажъ, чтобъ отобрать собственноручныя письма и сочиненія короля, вмѣстѣ съ книгою стихотвореній его величества. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой книгѣ de poëshies короля, какъ выражался Фрейтагъ, негласно напечатанной въ Потсдамѣ, въ 1751 году, была помѣщена грубая шуточная поэма Фридриха, о которой Вольтеръ писалъ тогда же своей племянницѣ: «Знаете ли вы, что король написалъ поэму во вкусѣ «Дѣвственницы», подъ заглавіемъ: «Палладій». Онъ издѣвается въ ней надъ очень многими»... Въ случаѣ сопротивленія Вольтера, король уполномочивалъ своего резидента арестовать его и, сдѣлавъ у него обыскъ, отпустить его на волю. Получивъ эти инструкціи заблаговременно, Фрейтагъ принялъ всѣ мѣры, чтобы не пропустить интереснаго путешественника. У городскихъ воротъ и въ главныхъ гостиницахъ города поджидали Вольтера шпіоны Фрейтага; тайные агенты слѣдили и за письмами, приходившими на имя бывшаго камергера берлинскаго двора.

Вольтеръ пріѣхалъ во Франкфуртъ 31-го мая и остановился въ заказанныхъ для него комнатахъ гостиницы Золотого Льва, гдѣ спокойно провелъ ночь, не предвидя никакихъ помѣхъ къ своему дальнѣйшему путешествію. Но 1-го іюня, поутру, къ нему явились Фрейтагъ и Шмидтъ, въ сопровожденіи сенатора Руккера и одного прусскаго вербовщика. Они, какъ доносилъ потомъ Фрейтагъ прусскому правительству, объявили своей жертвѣ волю короля. «Онъ былъ пораженъ, закрылъ глаза и опрокинулся на спинку кресла. Потомъ, пришедши въ себя, онъ открылъ весь

свой багажъ и два портфеля, увѣряя въ своей «вѣрности» королю, и опять почувствовалъ себя дурно. Обыскъ продолжался, по словамъ самого Фрейтага, отъ девяти часовъ утра до пяти пополудни, нѣкоторыя бумаги были отобраны, и сбирь удалась, взявъ съ Вольтера честное слово, что онъ ничего не скрылъ отъ нихъ, и что книга стихотвореній короля находится въ томъ его багажѣ, который отправленъ отдѣльно и еще не могъ придти во Франкфуртъ. «Не желая, чтобы дѣло дошло до городского совѣта, потому что Вольтеръ присвоиваетъ себѣ званіе камеръ-юнкера Франціи, а совѣтъ въ подобныхъ случаяхъ неохотно соглашается на арестованіе, я условился съ Вольтеромъ,—доносилъ далѣе Фрейтагъ—что онъ останется плѣнникомъ въ своемъ настоящемъ помѣщеніи до прибытія остального его багажа». Ключъ и орденъ были уже въ рукахъ Фрейтага; взявъ съ Вольтера росписку въ томъ, что было условлено между ними, Фрейтагъ обязалъ и хозяина гостинницы не выпускать ни самого Вольтера, ни его багажа. Для характеристики тогдашнихъ нравовъ и административныхъ пріемовъ, замѣтимъ, что все это происходило въ государствѣ совершенно независимомъ, въ такъ-называемомъ вольномъ городѣ, гдѣ прусскій резидентъ ничѣмъ не отличался отъ представителей другихъ нѣмецкихъ государствъ.

Долгій и возмутительный обыскъ, сопровождавшійся запретомъ выходить изъ гостинницы, до крайности раздражилъ и безъ того нетерпѣливаго и болѣзненнаго писателя. Не долго думая, онъ хочетъ бѣжать отъ этихъ сбировъ, изъ этого произвольнаго заключенія. Но прежде онъ пишетъ германскому императору, прося его великодушно замолвить слово франкфуртскому бургомистру, который, конечно, исполнить его желаніе; онъ заявляетъ императору, что готовъ пріѣхать въ Вѣну и лично прибѣгнуть къ его покровительству; онъ доходитъ даже до страннаго предложенія—онъ проситъ, чтобы императоръ далъ ему титулъ камергера его величества, чтобы имѣть предлогъ къ прямому вмѣшательству въ его пользу. Пріѣздъ племянницы, напуганной его арестомъ, на время нѣсколько смягчаетъ Вольтера. Она пишетъ подъ диктовку дяди жалобныя письма къ Фридриху, но и это не измѣняетъ его положенія.

Наконецъ, 18-го іюня, пришелъ изъ Лейпцига нетерпѣливо ожидаемый багажъ. Съ этимъ событіемъ неразрывно связана въ умѣ Вольтера возможность выбраться наконецъ на свободу, ухватъ тотчасъ же изъ Франкфурта. Онъ посылаетъ за Фрейтагомъ, приглашая его поскорѣе вскрыть прибывшіе ящики. Но Фрейтагъ ожидаетъ новыхъ инструкцій изъ Берлина, и отвѣчаетъ своему

арестанту, что до полученія этихъ инструкцій все должно оставаться по старому. Вольтеръ выходитъ изъ себя, выгоняетъ посланнаго Фрейтагомъ агента, и возвращается къ мысли о немедленномъ бѣгствѣ. Ему удается выдти изъ гостинницы незамѣченнымъ, вмѣстѣ съ секретаремъ своимъ Коллини, сѣсть въ наемную карету и уѣхать. Но погоня не замедлила нагнать бѣглецовъ. Донося правительству Фридриха объ этомъ побѣгѣ и погонѣ за бѣглецами, Фрейтагъ прибавляетъ въ концѣ своего донесенія: «Еслибъ я сталъ рассказывать всѣ по истинѣ невозможныя хитрости Вольтера за время его ареста, то мнѣ надо было бы исписать нѣсколько листовъ». Пойманный Вольтеръ былъ отвезенъ, въ сопровожденіи конвоя, въ квартиру Шмидта; его секретарь и племянница тоже были арестованы. У нихъ отобрали все, даже табакерку Вольтера. Когда стали описывать отобранное имущество, Вольтеръ быстро скрылся въ незатворенную дверь. Всѣ бросились за нимъ, въ томъ числѣ и жена Шмидта съ своею прислугой. «Неужели я даже не могу отдать долгъ природѣ?» закричалъ Вольтеръ. Его окружили. Коллини, выбѣжавшій въ это время, чтобы заступиться за Вольтера, нашелъ его окруженнымъ, согнувшимся и запустившимъ пальцы въ ротъ, чтобы вызвать рвоту. «Вамъ дурно?» спросилъ онъ старика. Тотъ посмотрѣлъ на него со слезами на глазахъ и тихо сказалъ: «Fingo... Fingo» ¹⁾... Секретарь сдѣлалъ видъ, что Вольтеръ въ самомъ дѣлѣ нездоровъ, и предложилъ ему руку, чтобы возвратиться въ комнату. «Онъ надѣялся», говоритъ Коллини въ своихъ запискахъ, «укротить такимъ маневромъ ярость этой сволочи и заставить ее относиться къ нему болѣе умѣренно». «Несчастный!» закричалъ Шмидтъ при входѣ Вольтера: «съ вами теперь поступать безъ пощады и милосердія!» Вольтеръ опять выбѣгаетъ, его опять преслѣдуютъ и приводятъ въ комнату. Послѣ двухчасовой описи, плѣнниковъ отводятъ въ плохую гостинницу «Козлинаго Рога», гдѣ ожидали ихъ унтеръ-офицеръ и двѣнадцать солдатъ. Вольтеръ былъ посаженъ въ одну комнату съ тремя вооруженными солдатами; къ Коллини, въ другой комнатѣ, была приставлена такая же стража. Дорнъ, одинъ изъ агентовъ Фрейтага, отправляется со стражей въ гостинницу «Золотого Льва», объявляетъ племянницѣ Вольтера о своемъ намѣреніи проводить ее къ дядѣ и ведетъ ее подъ руку къ выходу изъ гостинницы, гдѣ три солдата окружаютъ и при всемъ народѣ отводятъ ее въ гостинницу «Козлинаго Рога».

1) Притворяюсь... Притворяюсь...

Тамъ ее помѣщаютъ въ комнатѣ съ небольшою кроватью, и приставляютъ къ ней четырехъ солдатъ со штыками. Дорнъ приказываетъ принести себѣ ужинъ и выпиваетъ бутылку за бутылкой въ комнатѣ испуганной женщины. Инструкціи, которыхъ ожидалъ Фрейтагъ изъ Потсдама, были получены лишь на другой день послѣ этихъ насильственныхъ мѣръ и печальныхъ происшествій. Король предписывалъ своему резиденту отпустить Вольтера изъ Франкфурта, взявъ съ него письменное обязательство — возвратитъ въ опредѣленный, и притомъ короткій срокъ, книгу королевскихъ стихотвореній, а въ противномъ случаѣ признать себя заранѣе королевскимъ плѣнникомъ, въ какой бы странѣ онъ ни находился въ то время. Но Фрейтагъ разсудилъ, что эти инструкціи писаны раньше, чѣмъ совершена Вольтеромъ попытка къ побѣгу. Эта преступная попытка совсѣмъ измѣняла, по его мнѣнію, прежнее положеніе дѣлъ. Узнавъ о ней, король можетъ переимѣнить милость на гнѣвъ. И Фрейтагъ опять потребовалъ новыхъ инструкцій изъ Берлина. Вольтеръ пишетъ маркграфинѣ Байретской о тѣхъ истязаніяхъ, которымъ подвергають его агенты ея брата; онъ диктуетъ своей племянницѣ, но отъ ея имени, письмо къ королю; онъ самъ посылаетъ своему тюремщику Фрейтагу смиренную записку, въ которой умоляетъ смягчить ихъ положеніе и перевести ихъ въ гостинницу «Золотого Льва». Но это смиреніе было только минутное. Вольтеръ быстро переходилъ отъ него къ вспышкамъ сильнаго раздраженія и досадовалъ на самого себя, за свою унизительную любезность къ людямъ, которыхъ презиралъ въ душѣ.

Повелѣніе короля освободить Вольтера пришло не раньше 29-го іюня. Когда Фрейтагъ и Шмидтъ пришли объявить объ этомъ Вольтеру, онъ отказался принять ихъ, и усерднымъ агентамъ короля пришлось просить бургомистра, чтобъ онъ отослалъ бывшему арестанту его шпагу и предложилъ ему прислать къ Шмидту за деньгами, которыя были у него отобраны, съ вычетомъ 190 гульденовъ и 11 крейцеровъ, израсходованныхъ на содержаніе арестантовъ. Но Вольтеръ отказался принять эти деньги. Онъ послалъ за нотаріусомъ и составилъ актъ о насиліяхъ и преслѣдованіяхъ, которыхъ онъ былъ жертвой. Такой же протестъ составилъ также Коллини. Они стали собираться въ дорогу. Такъ какъ отказъ Вольтера принять деньги отъ Фрейтага и Шмидта бросалъ на этихъ людей тѣнь подозрѣнія, то они поручили Дорну передать ему деньги подъ росписку. Но и это было напрасно. Минута запальчивости Вольтера чуть еще не задержала насъ во Франкфуртѣ и не повергла въ новыя не-

счастія», рассказываетъ въ своихъ запискахъ Коллини. «Утромъ, передъ отъѣздомъ, я зарядилъ два пистолета, которые всегда были съ нами въ каретѣ. Въ это время Дорнъ тихонько прошелъ по корридору, и Вольтеръ увидаль его въ отворенную дверь комнаты, въ положеніи любопытствующаго шпиона. Воспоминаніе о недавнемъ прошломъ воспламенило его: онъ схватилъ одинъ изъ пистолетовъ и бросился на Дорна. Я едва успѣлъ закричать и удержать его. Храбрый Дорнъ, испугавшись, пустился бѣжать и чуть не скатился по лѣстницѣ».

Для характеристики Вольтера и его тюремщика Фрейтага, необходимо привести и ихъ рассказы о томъ же самомъ происшествіи. 7-го числа утромъ, говоритъ Вольтеръ въ своемъ «Дневникѣ происходившаго во Франкфуртѣ-на-Майнѣ», названный Дорнъ осмѣлился возвратиться къ г-жѣ Деві и г-ну Вольтеру, будто бы для передачи части денегъ, украденныхъ г. Шмидтомъ изъ кармановъ гг. Вольтера и Коллини; потомъ онъ идетъ донести городскому совѣту, что видѣлъ г. Вольтера съ пистолетомъ въ рукахъ, и пользуется этимъ предлогомъ, чтобъ удержать деньги въ свою пользу и въ пользу Шмидта. Тщетно два присяжныхъ нота-ріуса, бывшіе при этомъ, показываютъ подъ присягой, что въ пистолетѣ не было ни пороха, ни свинца, ни кремня, что его несли въ починку; тщетно трое свидѣтелей показываютъ то же самое. Г. Вольтеръ принужденъ выѣхать изъ Франкфурта съ своею племянницей и г. Коллини, всѣ трое ограбленные и обремененные расходами, всѣ трое вынужденные занять денегъ, чтобы ѣхать дальше. У г. Вольтера украдены бумаги, кольца, мѣшокъ каролиновъ, мѣшокъ луидоровъ, даже золотыя ножницы и пряжки башмаковъ». Фрейтагъ, съ своей стороны, доносилъ въ Потсдамъ, что «Вольтеръ, вмѣсто того, чтобы принять деньги отъ Дорна, вышелъ съ пистолетомъ, зарядилъ его и хотѣлъ выстрѣлить, но только секретарь удержалъ его руку, закричавъ: «Боже! что вы дѣлаете!» и вывелъ его въ другую комнату». Намъ остается только положиться на свидѣтельство Коллини.

Пребываніе Вольтера въ Потсдамѣ, заключившееся этимъ печальнымъ эпизодомъ, въ которомъ бывшіе друзья, король и писатель, но особенно король, являются въ очень некрасивомъ видѣ, было сравнительно безплодной порой въ литературной дѣятельности Вольтера. «Вѣкъ Людовика XIV» вышелъ въ Берлинѣ; но матеріалы для этого труда были собраны гораздо раньше, и почти все сочиненіе набросано вчернѣ еще во Франціи. Собственно въ Пруссіи имъ написаны только поэма объ естественной религіи и сатира доктора Акакія, да передѣ-

ланы нѣкоторые стихи въ «Спасенномъ Римѣ». Онъ не написалъ ничего новаго для театра, и очень мало для распространенія тѣхъ идей, которыхъ онъ былъ представителемъ въ теченіи почти всего XVIII-го вѣка. Озлобленный на свои официальные неудачи во Франціи и Пруссіи, этотъ придворный человекъ, этотъ блестящій умъ и душа великосвѣтскихъ салоновъ, вѣчно у кого-нибудь гостившій и кого-нибудь плѣнявшій своею остроумной бесѣдой, своимъ необыкновеннымъ популяризаторскимъ даромъ, теперь, на старости лѣтъ, жаждетъ своего угла, независимаго положенія и, какъ мы увидимъ, покупаетъ имѣніе, въ которомъ живетъ патріархомъ, посѣщаемый почти всѣми представителями умственного движенія въ Европѣ, ласкаемый королевскими лицами, не исключая того же Фридриха, и чутко прислушивающійся и приглядывающійся къ крупнымъ явленіямъ современной жизни. Въмѣстѣ съ рѣдкимъ талантомъ, природа надѣлила Вольтера, безпрестанно жалующагося на слабое здоровье и дѣйствительно хворавшаго, необыкновенною живучестью и свѣжестью. Возвращаясь изъ Пруссіи почти шестидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ работаетъ еще двадцать лѣтъ въ томъ раціоналистическомъ направленіи, которое такъ рѣзко отличается вторую половину восемнадцатаго вѣка. Нѣкоторые біографы считаютъ это время даже лучшею порой въ жизни этого блестящаго писателя.

Литературная дѣятельность Вольтера началась съ театра. Онъ написалъ въ разные годы своей долгой жизни множество пьесъ для сцены, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли большой успѣхъ въ его время. Вся Европа плакала, слушая его «Заиру» и написаннаго почти тридцать лѣтъ спустя «Танкреда». Онъ самъ страстно любилъ театръ, эту публичную арену, которой съ самаго начала былъ обязанъ своею громкой извѣстностью и своимъ высокимъ положеніемъ въ литературѣ. Но пьесы его болѣе важны по тѣмъ новымъ идеямъ, которыя въ нихъ высказывались, чѣмъ по своему драматическому достоинству. И тутъ, какъ въ наукѣ, онъ былъ прежде всего публицистъ и новаторъ. Какъ драматургъ, онъ ниже Корнеля и Расина; но за то онъ выше ихъ въ томъ отношеніи, что перестаетъ ограничиваться одними древними образцами, что хорошо знакомъ съ англійскимъ театромъ, особенно же съ Шекспиромъ. Онъ первый поднималъ голосъ, и въ теоріи, и на дѣлѣ, противъ преувеличеннаго господства великосвѣтскихъ любовныхъ мотивовъ, знаменитой французской *galanterie* XVIII-го вѣка, въ современной ему трагедіи. Онъ первый сдѣлалъ попытку упростить французскую драму, внести

въ нее гражданскіе мотивы. Любовь была совѣмъ изгнана изъ нѣкоторыхъ его трагедій: изъ «Ореста», «Меропы», отчасти изъ «Спасеннаго Рима», а въ «Смерти Цезаря» нѣтъ даже никакой женской роли. По его мнѣнію, любовь не можетъ быть только эпизодической принадлежностью трагедіи. Она должна быть или душою пьесы, или совѣмъ отсутствовать. Она должна быть не эпизодомъ только, а узломъ всей пьесы, страстью дѣйствительно трагическою, которая ведетъ къ несчастію или преступленію, и можетъ быть побѣждена только сознаніемъ нравственнаго долга. Болѣе чѣмъ столѣтній успѣхъ Шекспирова «Юлія Цезаря» приводилъ его въ восторгъ и изумленіе. Многие казалось ему «неправильнымъ» и «варварскимъ» въ этомъ произведеніи Шекспира; но онъ удивлялся тому, «что эти варварскія неправильности» не были еще многочисленнѣе въ пьесѣ, писанной «въ невѣжественное время, человѣкомъ, который даже не зналъ латинскаго языка и не имѣлъ другого учителя, кромѣ своего генія». Онъ восхищенъ нѣкоторыми сценами «Юлія Цезаря», и очень жалѣетъ о томъ, что онѣ не могли бы появиться на французской сценѣ. Отъ французскаго драматурга требовалось, чтобы въ его пьесѣ убійство или кровопролитіе происходили непременно за сценой, чтобы о нихъ потомъ только рассказывали дѣйствующія лица; а между тѣмъ ему дозволялось изобразить на сценѣ самоубійство. Дѣйствующія лица изъ новѣйшей и современной исторіи безусловно не допускались на французской сценѣ. Всѣ сюжеты должны были принадлежать древнему міру. Вольтеръ дерзнулъ первый, сначала въ «Заирѣ», потомъ въ «Аделаидѣ дю-Гескленѣ» и «Танкредѣ», коснуться событій и лицъ французскихъ, но относящихся къ отдаленному прошлому. Онъ первый подаль мысль выводить на сцену въ трагедіи не однихъ только древнихъ царей и героевъ, но лица, болѣе близкія къ народу, и попытался вывести въ своихъ «Огнепоклонникахъ», которые однако не были поставлены на сцену, садовника, сельскую дѣвушку, двухъ неважныхъ офицеровъ и даже простого солдата. Сюжеты его пьесъ заимствованы изъ всѣхъ частей свѣта, изъ Китая, Перу, Англіи, Рима, даже изъ Варварійскихъ владѣній.

Несмотря на эти новаторскія попытки, Вольтеръ не могъ не платить дань обычаю и привычкамъ, усвоеннымъ французскими драматургами и сценой. Знаменитыя три единства: единство дѣйствія, времени и мѣста, отысканныя французскими критиками въ поэтикѣ Аристотеля, оставались непреложными и для Вольтера. По его мнѣнію, правдоподобіе требуетъ, чтобы дѣй-

ствіе заканчивалось въ теченіе трехъ часовъ, т.-е. пока длится самое представленіе, и въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Онъ даже смѣется надъ Шекспиромъ, переносящимъ свои дѣйствующія лица изъ одной мѣстности въ другую, изъ хижины во дворецъ, и изображающимъ событія, которыя продолжаются цѣлыя годы. Онъ считаетъ драматическіе приемы грековъ и англичанъ слишкомъ смѣлыми, преувеличенными, безвкусными. Парижскій вкусъ оставался и въ его глазахъ законодателемъ для сценъ всего міра. Преклоняясь передъ современной англійской философіей, онъ считалъ мысль—удѣломъ англичанъ, а искусство нравиться—исключительнымъ даромъ французовъ. Условное «благородство» нравовъ и выраженій на сценѣ было существенно необходимо и въ глазахъ Вольтера. Французская драма была сначала придворнымъ развлеченіемъ; ея дѣйствующія лица должны были говорить изысканно и условно-прилично, согласно этикету, и Вольтеръ не могъ отдѣлаться отъ этого въ сущности фальшиваго требованія французскихъ нравовъ и критики. Но онъ умѣлъ внести во французскую драму совершенно новый тогда публицистическій элементъ, онъ первый ощутилъ потребность сдѣлать ее сѣятельницей идей религіозной терпимости и свободы мысли. Весь Вольтеровъ «Магометъ» проникнутъ этими идеями. «Магометъ,—высказывается онъ въ предисловіи къ этой драмѣ,—Магометъ не кто иной, какъ Тартюфъ съ оружіемъ въ рукахъ, и какъ Мольеровъ «Тартюфъ» принесъ много пользы, такъ, надо надѣяться, будетъ полезенъ и «Магометъ», потому что не скоро еще минетъ время, когда возможны преступленія и въ крупныхъ, и въ мелкихъ размѣрахъ». Объ исторической вѣрности въ изображеніи Магомета тутъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Первая половина восемнадцатаго вѣка еще не знала исторической критики; она не имѣла иной мѣрки событіямъ и лицамъ прошлаго, кромѣ апіористической, основанной на болѣе или менѣе отвлеченныхъ соображеніяхъ и требованіяхъ, вытекавшихъ изъ положенія дѣлъ въ данную минуту. Бичуя суевѣріе и религіозный фанатизмъ, французскіе писатели восемнадцатаго вѣка имѣли въ виду, прежде всего, отрицательныя и, если можно такъ выразиться, натуралистическія цѣли. Въ исторіи Магомета, напр., ихъ совсѣмъ не занималъ вопросъ о томъ, въ какой степени новыя религіозныя ученія являются плодомъ искренняго, беззавѣтно-восторженнаго настроенія людей; магометанство, какъ ученіе, ложно и нелѣпо, разсуждали они; слѣдовательно, основатель его непременно обманщикъ, шарлатанъ, Тартюфъ. Онъ, какъ другіе основатели новыхъ религій, обма-

ывалъ людей сознательно, съ холоднымъ расчетомъ, какъ будто можно подобнымъ расчетомъ оказывать на массы людей то могущественное обаяніе, которое заставило весь мусульманскій міръ поклоняться Магомету, какъ единственному и великому пророку, органу божества на землѣ. Писатели восемнадцатаго вѣка отнѣсились такимъ образомъ не къ одному только магометанству. Набрасывая своего «Магомета», Вольтеръ имѣлъ въ виду не столько Турцію, сколько ненавистный мыслящимъ людямъ того времени католицизмъ, и посвященіе «Магомета» папѣ Бенедикту XIV было одною изъ самыхъ ядовитыхъ продѣлокъ автора.

Трагедіи Вольтера, не блистая историческою правдой, почти всегда плѣняли слушателей и зрителей высказанными въ нихъ новыми идеями, удачными намеками и прекраснымъ, гармоническимъ стихомъ, который не утратилъ своей прелести для современныхъ намъ потомковъ ихъ автора. Гораздо менѣе успѣха имѣли и при жизни Вольтера написанныя имъ комедіи. Вольтеръ былъ замѣчательный сатирикъ: его сатирическія поэмы и памфлеты безподобны, по мѣткости и тонкости неистощимаго его остроумія, по богатству своего содержанія и совершенству формы. Но комедіи не удавались ему, и комическія его пьесы въ родѣ «Нанины», «Шотландки», не имѣли большого успѣха. За-то въ сатирической поэмѣ и памфлетѣ, литературный и публицистическій талантъ его былъ вполне у себя дома. Его шуточная поэма «Дѣвственница» (*la Pucelle*) была любимымъ чтеніемъ для всей образованной Европы прошлаго столѣтія. Мысль объ этой поэмѣ зародилась въ умѣ Вольтера еще въ молодости. Въ 1730 или 31 году, за столомъ у герцога Ришелье, говорили объ исторіи орлеанской дѣвы и объ эпической поэмѣ Шамплэна, воспѣвавшего эту героическую дѣвушку почти сто лѣтъ тому назадъ, въ 1656 году, съ точки зрѣнія сверхъестественной. Собесѣдники смѣялись надъ Шамплэномъ, выдававшимъ орлеанскую дѣву за святую, и герцогъ Ришелье высказалъ предположеніе, что за такой сюжетъ слѣдовало бы взяться Вольтеру. Вольтеръ отвѣчалъ, что у него вышло бы нѣчто комическое, а не торжественное, потому что въ исторіи этой дѣвы слишкомъ много и тривіальнаго, и возмутительнаго. Общество герцога настаивало, и нѣсколько времени спустя поэтъ могъ уже прочесть тому же обществу первыя четыре пѣсни своей «Дѣвственницы».

Въ поэмѣ Шамплэна, Жанна д'Аркъ является боговдохновенной дѣвушкой, призванной спасти Францію по молитвѣ и благодати Богородицы. Ангелы переносятъ ее, прикрытую облакомъ, надъ непріятельскимъ станомъ, къ французскому королю; во

время битвы, подлѣ нея стоитъ небесное воинство, а сатана и злые духи сражаются за англичанъ. Эта архаическая точка зрѣнія была смѣшна Вольтеру; но онъ не относился непріязненно и насмѣшливо къ самой героинѣ. Впослѣдствіи онъ посвятилъ ей особую статью въ своемъ «Философскомъ Словарѣ», говорилъ о ней въ своемъ «Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ»; въ его «Генріадѣ» Жанна д'Аркъ представлена въ раю, вмѣстѣ съ Баярдомъ и Дю-Гескленомъ, какъ «храбрая амазонка», «позоръ для англичанъ и опора престола». Онъ хотѣлъ только чтобъ на Жанну смотрѣли не какъ на боговдохновенную дѣву, но какъ на нищую духомъ, считавшую себя боговдохновенною, какъ будто въ средніе вѣка только нищіе духомъ могли считать себя вдохновенными свыше; онъ видѣлъ въ ней крестьянку, которую заставили играть великую роль, храбрую дѣвушку, сожженную подлыми и жестокими инквизиторами-фарисеями. Но кто же заставилъ Жанну играть великую роль? По мнѣнію Вольтера, который и тутъ остается совершенно вѣрнымъ своей точкѣ зрѣнія на Магомета, Франція была на краю гибели при воцареніи Карла VII: для спасенія страны и короля, нужно было прибѣгнуть къ какому нибудь особенному средству, еще болѣе странному и сильному, чѣмъ произведенное тогда искаженіе монеты, опереться на чудо. И вотъ, дворянинъ съ границъ Лотарингіи, Бодрикуръ, отыскиваетъ служанку, способную играть роль вдохновенной героини. Считать себя вдохновенной свыше, имѣть, какъ Жанна д'Аркъ, чудесныя видѣнія, было въ глазахъ Вольтера до того неестественно и глупо, что онъ всегда предполагалъ въ подобныхъ случаяхъ обманъ. Жанна д'Аркъ, полагалъ онъ, или сама была обманута другими, или сознательно обманывала всѣхъ. Исторически все это такъ же невѣрно, какъ и двадцати-семи-лѣтній возрастъ, приписываемый Вольтеромъ, на основаніи какой-то англійской хроники, восемнадцати-лѣтней Жаннѣ, или какъ званіе прислужницы постоялаго двора, гдѣ будто бы отыскалъ ее Бодрикуръ. Но онъ уважаетъ ея патріотическое чувство и въ особенности ея смерть отъ руки фарисеевъ и инквизиторовъ. Отрицая въ принципѣ возможность откровенія и чудесъ, отрицая дѣйственность, какъ явленіе противоположенное, онъ думалъ нанести своей сатирической поэмой сильный ударъ всему католическому міровоззрѣнію. Святой Діонисій, покровитель Франціи, избираетъ Жанну и, неоднократно являясь ей, увѣряетъ ее въ своей помощи. Отсюда борьба между нимъ и св. Георгіемъ, покровителемъ Англіи, изображенная въ шуточномъ тонѣ. Кромѣ самой героини, въ поэмѣ проходятъ

передъ читателемъ и многочисленныя женскія фигуры, начиная съ прекрасной Агнесы Сорель и кончая монахинями и ихъ настоятельницами, которыхъ дѣвственность или грѣховность зависать единственно отъ случая, и которыя не особенно негодуютъ даже на насиліе, лишающее ихъ женской чистоты. Одна только Жанна сохраняетъ свою добродѣтель. Суровая крестьянка умѣетъ при случаѣ отвѣчать звонкой пощечиной нескромному волокитѣ; поглощенная своимъ патріотическимъ призваніемъ, исполненіе котораго зависитъ отъ сохраненія дѣвственности, она умѣетъ беречь свою невинность до поры до времени. Во всей поэмѣ выдержанъ, отъ начала до конца, тотъ характеръ, какой приданъ ей авторомъ въ самомъ началѣ:

Je ne suis pas né pour célébrer les saints:
 Ma voix est faible et même un peu profane.
 Il faut pourtant vous chanter cette Jeanne,
 Qui fit, dit-on, des prodiges divins.
 Elle affermit, de ses pucelles mains,
 Des fleurs de lis la tige Gallicane,
 Sauva son roi de la rage anglicane
 Et le fit ceindre au maître-autel de Reims.
 Jeanne montra sous féminin visage,
 Sous le corset et sous le cotillon,
 D'un vrai Roland le vigoureux courage.
 J'aimerais mieux, le soir, pour mon usage,
 Une beauté douce comme un mouton;
 Mais Jeanne d'Arc eut un coeur de lion.
 Vous le verrez, si lisez cet ouvrage.
 Vous tremblerez de ses exploits nouveaux;
 Et le plus grand de ses rares travaux
 Fut de garder un an son pucelage ¹⁾.

Эта поэма до того совпадала съ нравами и вкусами французской и вообще европейской аристократіи прошлаго вѣка, что принцы и принцессы, герцоги и герцогини, вся знать, все великосвѣтское общество стремились имѣть ее въ копіи по мѣрѣ

---

¹⁾ Я не рожденъ славить святыхъ: мой голосъ слабъ и даже немного нечестивъ. Надо, однакоже, воспѣть вамъ Жанну, которая, говорить, творила чудеса. Своими дѣвственными руками, она укрѣпила галликанскую вѣтвь лиліи, спасла короля отъ англиканской ярости и опоясала его у главнаго алтаря въ Реймсѣ. Подъ женскимъ образомъ, подъ корсетомъ и юбкой, Жанна обнаружила крѣпкое мужество истиннаго Роланда. Вечеркомъ, для собственнаго употребленія, я, конечно, предпочелъ бы красавицу, кроткую какъ овечка; но у Жанны было львиное сердце. Вы убѣдитесь въ томъ, если прочтете эту поэму, и величайшимъ изъ рѣдкихъ ея подвиговъ было то, что она цѣлый годъ сохраняла невинность.

того, какъ авторъ прибавлялъ къ ней новыя пѣсни. Ея правда заключалась не въ вѣрности изображенія временъ Жанны д'Аркъ, а въ живыхъ картинахъ свѣтскихъ нравовъ восемнадцатаго вѣка, перенесенныхъ поэтомъ въ иное время и на иные лица. Поэма вполне отвѣчала и тому упадку религіознаго чувства, которымъ такъ отличалось то время, той реакціи противъ католическаго спиритуализма, которая воодушевляла тогда лучшіе умы, настаивая на томъ, что тѣло совсѣмъ не такъ покорствуешь духу, что мнимая дѣвственность только маска, личина, прикрывающая величайшіе пороки. Мы, люди другого поколѣнія и другихъ нравовъ, уже не можемъ восторгаться этой поэмой; намъ нужно стать на историческую точку зрѣнія, чтобы понять ея громадный успѣхъ въ прошломъ вѣкѣ. Но, какъ сатира, порожденная духомъ того времени, какъ блестящее произведеніе крупнаго таланта, какъ отраженіе темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ великой эпохи, она сохраняетъ и для насъ свое историческое значеніе. Вольтерова «Дѣвственница» остается и для насъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ восемнадцатаго вѣка.

Поэма, исполненная циническихъ выходокъ и смѣлыхъ намековъ на высокопоставленныхъ современниковъ, не могла не навлечь автору большихъ непріятностей. Когда были написаны первыя ея пѣсни, маркиза дю-Шатлэ хранила ихъ подъ замкомъ, опасаясь новыхъ гоненій на Вольтера. Но, по смерти ея, поэма стала сильно расходиться въ многочисленныхъ копіяхъ, и не замедлила появиться въ печати. Испуганный Вольтеръ прибѣгнулъ къ своему обычному приему: онъ объявилъ, что поэма искажена его врагами, что именно тѣ мѣста, которыя могли навлечь ему наиболѣе гоненій и непріятностей, никогда не были имъ написаны. Въ поэмѣ дѣйствительно оказались чужія вставки; но теперь не подлежитъ сомнѣнію, что самыя циническія мѣста ея принадлежатъ автору «Магомета» и «Доктора Акакія».

IV.

Рѣдкому писателю выпадало на долю такое поклоненіе современниковъ, какое воздавалось Вольтеру, разумѣется, въ высшихъ слояхъ общества. На пути его отъ Франкфурта въ Страсбургъ его носили на рукахъ всюду, гдѣ онъ ни останавливался. Въ Майнцѣ и Мангеймѣ аристократія и дворъ окружали его величайшимъ вниманіемъ и почетомъ. Въ Страсбургѣ повторилось

то же самое. Но изъ Парижа, куда стремился Вольтеръ, приходили неутѣшительныя вѣсти. Потсдамская исторія съ Фридрихомъ еще усилила антипатію короля къ нечестивому писателю, противъ котораго было до крайности раздражено духовенство. Къ удивленію своихъ друзей, онъ ни мало не затруднился дать ясное доказательство своей мнимой приверженности къ католицизму, и на пасхѣ 1754 года публично говѣлъ въ Кольмарѣ, гдѣ онъ печаталъ въ это время свой очеркъ исторіи Германской имперіи; но это притворство, непріятно удивившее его друзей, дало его врагамъ поводъ говорить, что онъ издѣвается надъ святыней. Въ Парижѣ ходили тогда по рукамъ списки ненапечатанной еще «Дѣвственницы», которая до крайности раздражила противъ него короля и духовенство. Вольтеръ увидѣлъ теперь, какъ опасно было бы ему оставаться во Франціи, и уѣхалъ въ Женеву. Въ этомъ французскомъ городѣ, но внѣ круга дѣйствія французской власти, онъ могъ спокойно выбрать для себя мѣсто, гдѣ, по выраженію Коллини, «философъ могъ бы мирно заключить свое поприще». Купивъ сначала дачу Монріонъ, близъ Лозанны, и помѣстье съ виллой Сень-Жанъ, близъ Женевы, Вольтеръ пріобрѣлъ еще домъ въ самой Лозаннѣ, и въ первые годы проводилъ зиму въ Монріонѣ, а лѣто въ Сень-Жанѣ, гдѣ съ одной стороны открывался чудный видъ на озеро и Альпы, а съ другой разстилались террасы и сады для прогулокъ. Это помѣстье было такъ красиво, что Вольтеръ имѣлъ полное основаніе дать ему новое имя — «Отрада» (*les Délices*), подъ которымъ оно и прославилось тогда въ Европѣ. Вольтеръ предпринималъ тамъ новыя постройки и украшенія, и въ своихъ письмахъ оттуда совѣтовалъ другимъ искать въ садахъ тѣхъ утѣшеній, которыхъ нѣтъ среди людей. Онъ завелъ лошадей, экипажи, хорошія вина и разныя удобства, къ которымъ онъ всегда былъ очень чувствителенъ и которыя могли быть пріятны многочисленнымъ его посѣтителямъ. Вольтеръ не разъ говорилъ, что философъ непременно долженъ имѣть двѣ, три дыры подъ землею, чтобы скрываться въ нихъ отъ преслѣдованія собакъ. Его дача Монріонъ находилась на бернской землѣ; его *Délices* — на женевской; онъ задумалъ теперь пріобрѣсти еще, неподалеку отсюда, помѣстье во Франціи, чтобы при случаѣ имѣть возможность выбора между тремя территоріями. Въ 1758-мъ году, онъ купилъ у президента де-Бросса замокъ и помѣстье Турнѣ, между Женевскимъ озеромъ и Юрой, но на тяжелыхъ условіяхъ, которыя онъ потомъ напрасно старался смягчить разными придирадками и хитростями, и, сверхъ того, помѣстье Фернѣ, глубже врѣзывав-

шеяся во Францію. Всѣ эти пріобрѣтенія дѣлали его самого владѣтельнымъ князькомъ, переѣзжающимъ изъ одного своего владѣнія въ другое. Впослѣдствіи онъ однакоже продалъ или отдалъ въ аренду и Монріонъ, и «Отраду», и Турнѣ, оставшись въ послѣдніе годы жизни владѣльцемъ одного только Фернѣ; онъ очень любилъ, когда его называли фернейскимъ патріархомъ.

Въ этомъ уединеніи, которое, конечно, нарушалось болѣе или менѣе продолжительными посѣщеніями многочисленныхъ поклонниковъ большого литературнаго таланта, Вольтеръ, несмотря на свои старые годы, работалъ больше чѣмъ когда-нибудь прежде. Послѣднія двадцать лѣтъ его жизни были самыми плодотивыми годами въ его литературной дѣятельности. Свободный отъ тѣхъ путъ, какія валагались на него прежними отношеніями, онъ предается усиленнымъ и самымъ разнообразнымъ умственнымъ занятіямъ. «Я терпѣлъ сорокъ лѣтъ оскорбленія ханжей и плутовъ», писалъ онъ д'Аламберу въ 1761 году. «Я убѣдился, что нельзя ничего добиться умѣренностью, что она оставляетъ человѣка въ дуракахъ. Надо бороться и благородно умереть —

Sur un tas de bigots étendus à nos pieds» ¹⁾.

Отнынѣ жизнь Вольтера, съ ея внѣшней стороны, уже не представляетъ прежняго разнообразія и интереса. Все значеніе ея заключается единственно въ его умственной работѣ и литературной дѣятельности. Этому послѣднему періоду принадлежать замѣчательнѣйшіе полемическіе и историческіе очерки по жгучимъ текущимъ вопросамъ, отъ правильной постановки которыхъ зависѣла будущность Франціи и Европы, будущность всего человѣчества. Почти каждый мѣсяцъ и швейцарскія, и голландскія типографіи выпускали въ свѣтъ какую-нибудь его новинку въ этомъ родѣ, подъ разными именами, болѣею частью подъ именами авторовъ умершихъ или просто вымышленныхъ. Вольтеръ обыкновенно наносилъ свои удары суевѣрію и тиранніи, скрывая руку, отъ которой они исходили. Въ письмахъ къ д'Аламберу, онъ прямо говорилъ, что, будучи горячимъ сторонникомъ истины, онъ не питаетъ особеннаго желанія быть мученикомъ. «Какъ только представится малѣйшая опасность», — писалъ онъ по поводу своего «Философскаго Словаря», — «извѣстите меня, ради Бога, чтобы я могъ публично отречься отъ этого сочиненія, съ моими обычными стыдливостью и невинностью». Такой способъ борьбы съ средневѣковыми понятіями и учрежденіями казался

¹⁾ На кучѣ ханжей, распростертыхъ у нашихъ ногъ.

ему не только самымъ удобнымъ, но и самымъ полезнымъ для цѣлей борьбы. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему письма и свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, преимущественно во Франціи; живя въ своемъ уединеніи, онъ вовсе не былъ разобщенъ съ остальнымъ міромъ. Къ нему обращались, ему передавали необходимый матеріалъ по многимъ дѣламъ, возмущавшимъ общественное сознаніе и совѣсть, давно уже выросшія изъ тѣхъ пеленокъ, въ какихъ держалъ ихъ существующій строй государственной жизни и церкви...

Страшное землетрясеніе, разрушившее Лиссабонъ 1-го ноября 1755 года, поразило всю Европу. Гёте, которому было тогда не болѣе шести лѣтъ, рассказывалъ впослѣдствіи, что его дѣтская вѣра была поколеблена этимъ страшнымъ бѣдствіемъ; шестидесятилѣтній Вольтеръ высказалъ свое впечатлѣніе въ философской поэмѣ о лиссабонскомъ крушеніи. Оно, по мнѣнію Вольтера, служило страшно убѣдительнымъ доказательствомъ существованія зла въ природѣ, и горько опровергало ложную мысль Пюпа, что «все хорошо» въ ней. Но какъ объяснить это зло? Есть ли оно небесная кара, какъ толкуютъ патеры? Но, въ такомъ случаѣ, почему Лиссабонъ больше заслуживалъ кары, чѣмъ всякій другой городъ въ мірѣ? почему—

Lisbonne est abimé et l'on danse à Paris?

Кто виновникъ зла? Злой ли геній, черный Тифонъ, дикій Ариманъ? Но эти чудовища придуманы во времена варварства и невѣжества. Философы-оптимисты объясняютъ бѣдственные явленія непреложными законами природы; но какъ доказать, что для блага міра подземный огонь долженъ былъ находиться именно подъ Лиссабономъ? Мы ничего этого не знаемъ, и намъ остается только покориться судьбѣ и надѣяться. Но и къ надеждѣ примѣшивается сомнѣніе.

Тѣ же мысли изложены въ знаменитомъ романѣ Вольтера: «Кандидъ, или оптимизмъ». Авторъ переноситъ читателя въ разныя страны: въ Вестфалію, Голландію, Португалію, гдѣ читатель опять встрѣчается съ ужасающимъ землетрясеніемъ; въ Америку, Парижъ, Лондонъ, Венецію, Турцію. Главная задача романа поставить вопросъ: можетъ ли этотъ міръ быть лучшимъ изъ міровъ, какъ скоро въ немъ такъ много физическихъ и нравственныхъ золъ — война и землетрясенія, инквизиція и торгъ невольниками? И романъ даетъ на этотъ вопросъ три разныхъ отвѣта. Мартенъ, много испытавшій пессимистъ, убѣдился, что человѣкъ рожденъ жить или въ тревоженіяхъ, или въ летарги-

ческой скукѣ. Герой романа, Кандидъ, не раздѣляетъ этого мнѣнія, но ничего не утверждаетъ положительно; зато Панглоссъ, доктринеръ и оптимистъ, вполне признавая, что ему пришлось много вытерпѣть въ жизни, упорно стоитъ на своемъ, разъ высказанномъ мнѣніи, что все идетъ какъ нельзя лучше, хотя онъ этому и не вѣритъ. Въ заключеніе, герой романа, послѣ многихъ житейскихъ превратностей, испытавъ и богатство, и бѣдность, останавливается на скромномъ счастіи — владѣть и заниматься небольшимъ садомъ, какъ воздѣлывалъ свои сады фернейскій патриархъ. «Будемъ трудиться безъ разсужденій — таково единственное средство сдѣлать жизнь сносною», — говоритъ мудрый пессимистъ «Кандида». Въ романѣ не мало комическихъ сценъ, много остроумія; если нашъ міръ — лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, — спрашиваетъ Кандидъ — то каковы же должны быть другіе? Очень забавенъ ужинъ въ Венеціи въ обществѣ шести свергнутыхъ величествъ, съѣхавшихся туда на карнавалъ. «Кандидъ» теперь не удовлетворяетъ насъ въ цѣломъ, какъ художественное произведеніе; дѣйствующія лица этого романа, какъ и многихъ беллетристическихъ произведеній Вольтера, больше похожи на марьонетокъ, на фигуры съ извѣстными ярлыками, чѣмъ на живыхъ людей; но онъ будилъ мысль, онъ, какъ и другія сочиненія Вольтера, выбивалъ ее изъ старой колеи на новую дорогу.

Всѣ романы и сказки Вольтера, которыхъ мы перечислять не будемъ, избѣгая слишкомъ большихъ подробностей, — всѣ его романы и сказки въ прозѣ и стихахъ носятъ болѣе или менѣе сатирическій, философскій и публицистическій отпечатокъ. Но нельзя пройти молчаніемъ романъ его «Простякъ» (*l'Ingénu*), въ которомъ онъ затрогиваетъ извѣстную тѣму Руссо, — сопоставленіе грубой, но здоровой и доброй природы, съ образованіемъ и его условными требованіями, нерѣдко извращенными и безнравственными. Природа олицетворена въ романѣ въ лицѣ молодого чело-вѣка, француза, уроженца Канады, выросшаго по смерти родителей среди гуроновъ. Это дитя природы попадаетъ потомъ во Францію, и съ самаго начала, особенно пріискавъ себѣ любовницу, забавно сталкивается съ правами и предрассудками культурнаго міра. Столкновенія эти вскорѣ принимаютъ и серьезный характеръ. Простякъ попадаетъ въ Парижъ, гдѣ онъ беззащитенъ противъ интриги, и гдѣ ему приходится свести знакомство съ Бастиліей. Въ крѣпости его утѣшаетъ и поучаетъ давно уже посаженный туда янсенистъ; его любовница, тоже пріѣхавшая въ Парижъ, чтобы отыскать его, не можетъ выручить его изъ

заключенія безъ пожертвованія своей чести, и умираетъ съ горя. «Простякъ» — живая картина послѣднихъ лѣтъ Людовика XIV, написанная рукою мастера.

Еще въ сороковыхъ годахъ, при жизни маркизы Дю-Шатлѣ, Вольтеръ написалъ для нея опытъ философіи исторіи и опытъ исторіи человѣческаго ума отъ Карла Великаго до настоящаго времени. Теперь онъ передѣлалъ и издалъ эти два труда вмѣстѣ, подъ заглавіемъ: «Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ, и главныя событія исторіи отъ Карла Великаго до Людовика XIII», поставивъ впереди философію исторіи, какъ введеніе. Маркиза Дю-Шатлѣ, большая любительница естествознанія и математики, не могла терпѣть исторіи, — конечно, потому что исторія излагалась до тѣхъ поръ и тяжело, и бессмысленно. Извѣстная «Всеобщая исторія» Боссюэта не удовлетворяла ее ни тою точкой зрѣнія, на которой стоялъ этотъ духовный писатель, ни со стороны полноты и разнообразія свѣдѣній. Боссюэтъ довелъ свою исторію только до Карла Великаго. Желая показать своей подругѣ, что исторія можетъ быть и интересна, и привлекательна, Вольтеръ написалъ свои два опыта, которые были имъ отдѣланы вновь и изданы въ 1756 году. То была первая остроумная, но, разумѣется, очень несовершенная попытка во Франціи внести въ изложеніе исторіи критическій приѣмъ и сдѣлать изъ нея поучительные для человѣчества выводы. Ставъ на точку зрѣнія «добраго гражданина», Вольтеръ болѣе интересуется судьбою людей, чѣмъ паденіемъ троновъ; исторія, по его мнѣнію, должна бы больше заниматься человѣчествомъ; она должна бы говорить прежде всего: homo sum, — а большинство историковъ ограничиваются описаніемъ сраженій. Читатель долженъ узнавать изъ исторіи, что измѣнчиво сообразно мѣсту и времени. «Все странное въ настоящее время не было странно въ былыя времена. Исторія должна быть историческимъ развитіемъ мнѣній: господствующія мнѣнія характеризуютъ духъ данной эпохи, а послѣдній направляетъ великія событія. Вольтеръ признаетъ прогрессъ очевиднымъ историческимъ явленіемъ, и требуетъ, чтобъ историкъ показывалъ, насколько положеніе дѣлъ измѣняется къ лучшему. Указаніе дѣйствующихъ силъ въ явленіяхъ историческихъ, различеніе причинъ и слѣдствій — вотъ что необходимо для историка. Въ сущности, исторія есть лишь сборъ преступленій, безумій и бѣдствій, между которыми иногда попадаются кое-какія доблести, кое-какія счастливыя эпохи, какъ жилища, разбросанныя въ дикихъ пустыняхъ». Предразсудки и заблужденія вытѣсняють истину и разумъ; люди ловкіе и счастливые опутываютъ слабыхъ, губятъ несчастныхъ,

и сами дѣлаются игрушкой судьбы, какъ и тѣ рабы, которыми они управляютъ. Это было то апіористическое отношеніе мыслителей XVIII вѣка къ историческимъ явленіямъ, о которомъ мы упоминали выше. Мало-по-малу, продолжаетъ Вольтеръ, люди начинаютъ просвѣщаться при видѣ собственныхъ безумій и несчастій, общество съ теченіемъ времени исправляетъ свои понятія, люди научаются мыслить. Но міръ очень медленно приближается къ мудрости, и никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что поворотъ назадъ уже невозможенъ. Къ сожалѣнію, однимъ и тѣмъ же безуміямъ, повидимому, суждено повторяться отъ времени до времени. Съ этой точки зрѣнія Вольтеръ быстро обозрѣваетъ въ своемъ «Опытѣ» древнюю исторію, и подробно и живо излагаетъ исторію новыхъ народовъ, приурочивая ее къ вѣку Людовика XIV, какъ самой блестящей эпохѣ въ исторіи человѣчества. Для Боссюэта, исторія есть послѣдствіе божественной и чудесной силы, преслѣдующей свои высшія цѣли при посредствѣ своихъ избранниковъ, вопреки противодѣйствию людей. У Вольтера уже нѣтъ рѣчи ни объ этой направляющей силѣ, ни о сверхъестественныхъ ея цѣляхъ и средствахъ; природа человѣка имѣетъ дѣло только съ собою и внѣшнею природой; ея силы и страсти, то сокрушаемыя, то поощряемыя природой, опредѣляютъ весь ходъ исторіи, въ которой все происходитъ въ силу естественной необходимости.

Къ послѣднему періоду жизни Вольтера относится также новый и въ высшей степени плодотворный родъ его сочиненій, вызванныхъ ужасающими, безчеловѣчными процессами и казнями, въ которыхъ еще такъ страшно проявлялись во Франціи религіозная нетерпимость, фанатизмъ и суевѣріе.

9-го марта 1762 года, въ католической Тулузѣ подвергся варварской казни купецъ-протестантъ Жанъ Каласъ, жертва юридическаго убійства, по ложному обвиненію въ повѣшеніи собственнаго сына, будто бы за его желаніе перейти въ католицизмъ. Старшій сынъ Каласа, Маркъ-Антонинъ, дѣйствительно былъ найденъ въ одинъ вечеръ повѣшеннымъ въ подвалѣ отцовскаго дома, но никому не было извѣстно, что было причиной его насильственной смерти и не была ли она самоубійствомъ. Узнавъ объ этомъ ужасномъ событіи, отецъ тотчасъ послалъ второго сына за хирургомъ; но, спасая честь семьи, не рѣшился сказать ему, въ какомъ положеніи былъ найденъ несчастный. Хирургъ, увидѣвъ на шеѣ слѣды веревки, призналъ его задушеннымъ, и вѣсть объ этомъ мгновенно разнеслась по фанатически-настроенному городу. Около дома Каласа собралась толпа народа; предубѣжден-

ный не менѣе толпы, мэръ явился со стражей и арестовалъ все семейство. Пошли толки и увѣренія, что протестантъ задушилъ своего сына, желавшаго сдѣлаться католикомъ, тогда какъ въ этой несчастной семьѣ безпрепятственно жила очень преданная ей служанка, ревностная католичка. Какъ у насъ подозрѣваютъ евреевъ въ употребленіи христіанской крови, такъ въ Тулузѣ всѣ были увѣрены въ то время, что коварные протестанты всегда предупреждаютъ убійствомъ возвращеніе своихъ единовѣрцевъ въ лоно католической церкви. Маркъ-Антонинъ, молодой человекъ съ нѣкоторыми странностями, вѣроятно повѣсившійся самъ, былъ признанъ мученикомъ, пострадавшимъ за истинную вѣру. Его тѣло было торжественно перенесено въ католическую церковь, гдѣ происходило и не менѣе торжественное его погребеніе; на могилѣ его возведенъ былъ памятникъ, изображавшій покойнаго съ пальмой въ одной рукѣ и съ надписью въ другой: «отрекаюсь отъ ереси». Послѣ крайне неправильнаго слѣдствія, при которомъ дѣло не обошлось безъ пытки, тулузскій парламентъ приговорилъ отца къ колесованію, а второго сына его, который прежде другихъ увидѣлъ повѣшеннаго брата, къ вѣчному изгнанію. Мать покойнаго, убитая смертью сына и страшнымъ горемъ семьи, раздѣлявшая тюремное заключеніе съ мужемъ, измученная послѣ его казни долгими увѣщаніями отречься отъ протестантской ереси, разлученная съ двумя дочерьми, помѣщенными въ католическіе монастыри, уѣхала куда-то въ деревню, даже и не помышляя о возможности жаловаться на неправый судъ и приговоръ. Но Вольтеру довольно было узнать сущность этого вопіющаго дѣла, чтобы поднять тревогу на всю Францію. Онъ пишетъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ, собираетъ точныя фактическія свѣдѣнія, заслушиваетъ сына казненнаго Каласа и убѣждаетъ мать ѣхать въ Парижъ, чтобы тамъ искать защитниковъ и требовать возстановленія чести мужа и семьи. Онъ пишетъ свой знаменитый «Трактатъ о терпимости», по поводу смерти Жана Каласа; ему стыдно быть французомъ, быть человекомъ; онъ требуетъ возстановленія честной памяти казненнаго, возвращенія дочерей и имущества несчастной вдовѣ его. Скандалъ былъ такъ великъ, что король назначилъ особый верховный судъ для пересмотра дѣла Каласа, и 9-го мая 1765-го года, въ годовщину казни ни въ чемъ неповиннаго человека, верховный судъ единогласно призналъ приговоръ тулузскаго парламента недѣйствительнымъ, а казненнаго и семью его — невиновными; король назначилъ оправданной семьѣ денежную помощь въ вознагражденіе за понесенные ею убытки. *Вамъ обязаны Каласы

этою побѣдою», писалъ тогда Вольтеру д'Аламберъ: «вы одни подняли за нихъ всю Францію и всю Европу».

Въ то время, когда семейство Каласа еще томилось въ заключеніи, въ другомъ мѣстѣ южной Франціи, въ предѣлахъ того же тулузскаго судебнаго округа, произошло другое дѣло въ томъ же родѣ. Въ Кастрѣ проживало въ своемъ небольшомъ имѣніи протестантское семейство Сирвенонъ, состоявшее изъ отца, матери и трехъ дочерей. Младшая изъ нихъ явилась однажды къ епископу, который, узнавъ, что она протестантка, велѣлъ отвезти ее въ монастырь для обращенія на путь истинный. Для убѣжденія несчастной дѣвушки, въ монастырѣ были употреблены розги; дѣвушка въ изступленіи бѣжала и открыто бросилась въ колодезь. Отцу и тутъ было приписано потопленіе дочери за ея приверженность къ католической церкви. Духовенство уже возбуждало народъ противъ мнимаго убійцы, когда Сирвенны, напуганные примѣромъ семейства Каласа, тайно бѣжали въ Швейцарію. Тамъ они обратились къ Вольтеру, который добился и для нихъ того же самаго, что онъ сдѣлалъ для Каласовъ.

Новая казнь, на этотъ разъ въ Аббевиллѣ въ Пикардіи, произвела на Вольтера еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ казнь несчастнаго Каласа. Двое молодыхъ людей, одинъ семнадцати, другой шестнадцати лѣтъ, де-Ла-Барръ и д'Эталлондъ, были обвинены въ поврежденіи деревяннаго распятія на одномъ аббевильскомъ мосту, въ неснаніи шляпъ передъ капуцинской процессіей и въ пѣніи противъ-религіозныхъ пѣсень. Обвиняемые были юридически уличены только по двумъ послѣднимъ пунктамъ обвиненія; во всемъ дѣлѣ играли большую роль личная ненависть и самыя гнусныя наускиванья. Несмотря на это, юноши были приговорены къ жестокой казни. Судъ постановилъ вырвать у Эталлонда языкъ, отрѣзать ему руку и потомъ сжечь его заживо на городской площади; но бѣдному мальчику удалось бѣжать въ Германію, гдѣ онъ поступилъ въ прусскую службу. Де-Ла-Барру, оставшемуся въ рукахъ варварской юстиціи, положено было отрубить голову и потомъ сжечь его трупъ; но прежде казни онъ долженъ былъ подвергнуться пыткамъ: желали довести его до собственнаго признанія въ преступленіи. Несчастный выдержалъ пытку съ необыкновеннымъ мужествомъ и былъ казнень 5 іюня 1766 года. Всего ужаснѣе въ этомъ дѣлѣ было то, что юношу, мальчика, жестоко казнили за простое нарушеніе полицейскихъ правилъ. Но, по тогдашнимъ уголовнымъ законамъ, неуваженіе къ процессіи и пѣніе грѣшныхъ пѣсень считались преступленіями противъ божества, болѣе важными, чѣмъ преступленія противъ

человѣка. «Я не понимаю», писалъ Вольтеръ д'Аламберу, «какъ могутъ мыслящія существа жить въ странѣ обезьянъ, которыя такъ часто превращаются въ тигровъ. Мнѣ стыдно жить даже на границѣ. Теперь не до шутокъ; остроты не идутъ къ убійствамъ. Какъ! бузирисы въ судейскомъ платьѣ подвергають шестнадцатилѣтнихъ дѣтей ужаснѣйшимъ казнямъ! И нація это терпитъ! Объ этомъ говорятъ одну минуту, и потомъ бѣгутъ въ Комическую Оперу. Мнѣ совѣстно быть до такой степени чувствительнымъ и запальчивымъ въ мои годы. Я плачу о людяхъ, у которыхъ вырываютъ языкъ, тогда какъ вы употребляете вашъ языкъ на то, чтобы говорить вещи очень пріятныя и очень забавныя. Вашъ желудокъ, любезный философъ, варить хорошо, а я совсѣмъ не перевариваю пищи. Вы еще молоды, а я человѣкъ старый и больной. Простите мою грусть». За эти золотыя слова можно, въ самомъ дѣлѣ, простить Вольтеру не только его грусть, но и многое другое. Переписка Вольтера за это время показываетъ, что онъ нянчился съ очень странною для нашего времени, но понятною въ половинѣ восемнадцатаго вѣка мыслію—основать внѣ угнетенной и фанатической Франціи небольшую колонію мыслителей въ той части Германіи, которая принадлежала Фридриху-Великому...

Ни эта мысль, ни мысль о пересмотрѣ процесса Ла-Барръ не удались Вольтеру; но онъ и послѣ не переставалъ возставать противъ варварскихъ судебныхъ приговоровъ, чтобы предупредить ихъ исполненіе или добиться оправданія осужденныхъ послѣ казни. Предметомъ его вниманія были не только отдѣльные случаи, но и состояніе французской юстиціи вообще. Въ 1764 году, когда вышелъ трактатъ Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, онъ сообщилъ автору, въ видѣ письма, о казни Ла-Барра и потомъ написалъ толкованіе на сочиненіе итальянскаго криминалиста. Онъ настойчиво требовалъ упрощеннаго и единообразнаго уголовного законодательства, болѣе правильнаго и человѣчнаго предварительнаго слѣдствія, отмѣны пытокъ и усиленныхъ видовъ смертной казни, которая, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, должна быть замѣнена, по его мнѣнію, каторжными работами. Главными столпами застарѣлыхъ пріемовъ французской юстиціи были парламенты, представлявшіе въ то же время единственный и послѣдній оплотъ противъ королевскаго произвола. И въ 1771 году, когда канцлеръ Мопу задумалъ радикальное преобразование судебной части и разогналъ парижскій парламентъ, Вольтеръ кореннымъ образомъ разошелся съ общественнымъ мнѣніемъ, которое осуж-

дало эту мѣру съ политической точки зрѣнія, хотя она и была направлена противъ устарѣлой судебной корпораціи, враждебной всякому прогрессу. Исторія показала, что онъ не ошибался. Вѣрный впечатлѣніямъ, вывезеннымъ изъ Англіи, Вольтеръ хотѣлъ свободы, огражденной закономъ; по его мнѣнію, всѣ равны, какъ люди, но не могутъ быть равны какъ члены общества; законы должны ограждать права сословій; но онъ былъ въ то же время рѣзкимъ противникомъ привилегій духовенства, избавленнаго отъ уплаты налоговъ, и сторонникомъ закрытія монастырей. Нерѣдко случалось ему возвышать голосъ въ пользу французскаго крестьянства, подавленнаго всякими поборами и повинностями, и требовать скорыхъ мѣръ къ улучшенію общаго положенія крестьянъ. Въ его глазахъ, всякому человѣку принадлежитъ естественное право свободно располагать собою, своимъ семействомъ и своею собственностью. Но ему, какъ человѣку аристократическаго воспитанія, какъ свѣтскому человѣку первой половины восемнадцатаго вѣка, были еще чужды тѣ суровыя и послѣдовательныя ученія о равенствѣ, которыхъ выразителемъ были Руссо и люди его поколѣнія.

Главнымъ предметомъ его размышленій и занятій и въ этой послѣдней порѣ жизни, его спеціальностью, если можно такъ выразиться, были философскіе и теологическіе вопросы. Онъ былъ безпощаденъ къ католическому міровоззрѣнію, выдававшему самыя трудныя и темныя вопросы бытія за нѣчто порѣшенное на-вѣки, и боролся съ этимъ міровоззрѣніемъ во всевозможныхъ видахъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка Дидро и д'Аламберъ предприняли, подъ именемъ «Энциклопедіи», изданіе обширнаго всеобщаго словаря по части наукъ, искусствъ и промышленности. Всѣ приобрѣтенія человѣческаго ума и знанія должны были войти въ это изданіе, въ ихъ современномъ освѣщеніи. Вольтеръ былъ усерднымъ сотрудникомъ «Энциклопедіи» по вопросамъ исторіи, эстетики, философіи и теологіи. Самъ онъ издалъ въ 1764 году свой «Философскій Словарь», отъ котораго не замедлилъ отречься публично, въ виду грозившей ему опасности, и нѣсколько другихъ сочиненій того же характера: «Философъ-невѣжда»; «Все въ Богѣ, или толкованіе на Мальбранша»; «Надо рѣшиться, или принципъ дѣятельности»; мнимыя «Письма Мемміа къ Цицерону», бесѣды между Лукреціемъ и Посидоніемъ, между Су-су и Ку, бесѣды Эвгемера и пр.

Точка отпавленія Вольтера въ его философскихъ воззрѣніяхъ опредѣлилась въ сравнительно молодые годы его жизни. Живя въ Сирѣ, онъ написалъ для своей подруги «Трактатъ о Метафи-

зикѣ», въ которомъ онъ высказалъ мысль, что какъ для уразумѣнія системы мірозданія намъ нужно перенестись съ земли на солнце, такъ и для пониманія человѣка необходимо отрѣшиться отъ всѣхъ человѣческихъ предразсудковъ и представить себя жителемъ Юпитера или Марса, сошедшаго на землю. «Спустившись на этотъ небольшой комъ грязи,—говоритъ онъ далѣе въ томъ же «Трактатѣ»,—и точно такъ же ничего не зная о человѣкѣ, какъ человѣкъ не знаетъ ничего о Марсѣ или Юпитерѣ, я пристаю къ берегамъ океана, въ Кафрерію, и принимаюсь отыскивать *человѣка*. Мнѣ попадаются обезьяны, слоны, негры, обладающіе всѣ кое-какими проблесками несовершеннаго разума. И тѣ, и другіе имѣютъ свой языкъ, который мнѣ непонятенъ, и всѣ ихъ дѣйствія, повидимому, въ одинаковой степени направлены къ извѣстной цѣли. Если я буду судить о видѣнномъ по первому ихъ дѣйствию на меня, то сначала мнѣ покажется, что слонъ—самый разумный изъ всѣхъ этихъ существъ; но, чтобы не судить поверхностно, я беру дѣтенышей всѣхъ этихъ животныхъ, рассматриваю шестимѣсячнаго ребенка-негра, маленькаго слона, маленькую обезьяну, львенка, собачку, и вижу несомнѣнно, что у этихъ юныхъ животныхъ несравненно больше силы и ловкости, больше идей, страстей и памяти, чѣмъ у негра, что они ощутительнѣе проявляютъ всѣ свои желанія; но черезъ нѣскольکو времени у негра оказывается столько же идей, сколько у всѣхъ этихъ животныхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Я замѣчаю, что у животныхъ породы негровъ есть языкъ гораздо болѣе членораздѣльный и болѣе разнообразный, чѣмъ языкъ другихъ животныхъ. Я изучаю этотъ языкъ и, наконецъ, путемъ наблюденія надъ нѣкоторымъ превосходствомъ негра передъ обезьянами и слонами, заключаю, что, дѣйствительно, это человѣкъ, и составляю себѣ такое опредѣленіе: *человѣкъ* есть чернокожее животное, голова котораго покрыта шерстью, ходящее на четырехъ лапахъ, почти столь же ловкое какъ обезьяна, менѣе сильное чѣмъ другія животныя одной съ нимъ величины, имѣющее немного больше идей, чѣмъ они, и болѣе способное выражать эти идеи, но подчиненное однимъ и тѣмъ же necessaries, рождающееся, живущее и умирающее точно такъ же, какъ и они». Проникнувъ въ другія мѣста земного шара, и встрѣтивъ тамъ иныхъ животныхъ, увидѣвъ, вмѣсто чернокожаго человѣка, людей желтыхъ и бѣлыхъ, безпристрастный наблюдатель расширяетъ свое опредѣленіе, но остается при прежней точкѣ зрѣнія въ своихъ наблюденіяхъ. Онъ убѣдится такимъ образомъ, какъ убѣжденъ и самъ Вольтеръ, что *человѣкъ*, какъ животное, получаетъ свои первыя идеи черезъ впечатлѣнія, вос-

принимаемая его чувствами. Память удерживаетъ эти впечатлѣнія, которыя мы приводимъ въ порядокъ и совокупаемъ въ общія понятія, также извлеченныя нами только изъ частныхъ понятій, такъ что всѣ человѣческія познанія проистекаютъ изъ этой способности совокуплять и приводить въ порядокъ наши воспріятія. Разумѣется, все это не больше какъ знаменитое ученіе Локка о способахъ познаванія; но Вольтеръ первый популяризовалъ это важное ученіе во Франціи и Европѣ. Съ нимъ, съ этимъ ученіемъ, тѣсно связаны у Вольтера существеннѣйшія для человѣческой мысли представленія о божествѣ и о душѣ. Вольтеръ совсѣмъ напрасно прослылъ безбожникомъ: онъ былъ свободно-мыслящимъ деистомъ, котораго философскія воззрѣнія не мирились съ атеизмомъ. Кромѣ давнихъ предубѣжденій, поводомъ къ мнѣнію о Вольтерѣ, какъ атеистѣ, могли служить приведенные имъ доводы въ пользу деизма. Однимъ изъ этихъ доводовъ была полезность идеи божества, безъ которой подверглось бы великой опасности самое существованіе человѣческаго общества. Вольтеръ высказывалъ эту мысль и въ прозѣ, и въ стихахъ:

Ce système sublime à l'homme est nécessaire.
C'est le sacré lien de la société,
Le premier fondement de la sainte équité,
Le frein du scélérat, l'espérance du juste.
Si les cieux, dépouillés de son empreinte auguste,
Pouvaient cesser jamais de le manifester,
Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer ¹⁾.

Вольтеръ считалъ атеизмъ доступнымъ только мыслителямъ; массѣ народа нужны, по его мнѣнію, прочная узда и проповѣдь о божествѣ награждающемъ и наказующемъ; онѣ нужны и сильнымъ міра, напоминая имъ существованіе высшей правды, передъ которой они отвѣтственны за свои дѣйствія. Такой практическій, можно сказать житейскій доводъ въ метафизическомъ вопросѣ первой важности смущалъ и продолжаетъ смущать многихъ. Если божество необходимо для массы, какъ утверждалъ Вольтеръ, то, значить, онъ самъ, мыслитель, отнюдь не принадлежавшій къ толпѣ, могъ обходиться безъ него. Но этотъ выводъ былъ бы невѣренъ. Вольтеръ былъ дѣйствительно деистомъ въ

¹⁾ Это дивное ученіе необходимо человѣку. Оно—священное звено, связующее общество, коренная основа святой справедливости, узда для злодѣя, надежда справедливаго. Еслибъ небеса, лишившись его высокаго отпечатка, могли когда-нибудь перестать проявлять его, еслибъ божество не существовало,—то слѣдовало бы выдумать его.—Изъ посланія къ неизвѣстному автору „De tribus impostoribus. 1598“.

глубинѣ души. Отвергая суевѣріе, враждуя противъ католическаго духовенства, онъ не сходилъ съ почвы деизма, глубоко въ немъ укоренившагося:

Corrige le valet, mais respecte le maître.
 Dieu ne doit pas souffrir des sottises du prêtre:
 Reconnaissons le Dieu, quoique très-mal servi.
 De lézards et de rats mon logis est rempli;
 Mais l'architecte existe, et quiconque le nie
 Sous le manteau du sage est atteint de manie ¹⁾.

Міръ существуетъ, — слѣдовательно, заключалъ Вольтеръ, существуетъ и его строитель. Міръ устроенъ разумно, — слѣдовательно онъ устроенъ разумомъ. Движеніе свѣтилъ, тяготѣніе нашей планеты къ солнцу подчинены глубокимъ математическимъ законамъ. Или самыя звѣзды — великіе геометры, или ихъ движеніе определено вѣчнымъ геометромъ, какъ превосходно назвалъ божество Платонъ. Живыя тѣла составлены изъ рычаговъ, повинующихся законамъ механики, и влажныхъ частей, обращающихся по правиламъ гидростатики; они не сами дали себѣ это строеніе, слѣдовательно — существуетъ вѣчный создатель ихъ. Мыслящія существа не могли произойти отъ немыслящихъ; умъ Ньютона происходитъ отъ другого ума. Въ «Философскомъ Словарѣ», въ разговорѣ философа съ природой, первый спрашиваетъ послѣднюю, какъ можетъ она, столь грубая въ своихъ горахъ и моряхъ, являться столь утонченною въ своихъ животныхъ и растеніяхъ. «Хочешь ли знать истину, бѣдное дитя?» отвѣчаетъ природа. «Дѣло въ томъ, что мнѣ присвоили неподобающее имя; меня зовутъ природой, а я вся — искусство». Вольтеръ не разъ высказывалъ ту же мысль въ своихъ сочиненіяхъ, и всегда отвергалъ то рѣзкое противоположеніе цивилизаціи естественному состоянію человѣка, природы — искусству, которое было порождено крайней искусственностью всей французской цивилизаціи прошлаго вѣка и которое страстно проповѣдывалъ Руссо. Зло, конечно, существуетъ въ мірѣ въ огромныхъ размѣрахъ. Оно еще недавно сказалось такъ безпощадно и разрушительно въ лиссабонской катастрофѣ. «Прокричавшіе, что все хорошо, были шарлатаны», говоритъ Вольтеръ. Въ особенности, человѣкъ — существо самое жалкое, «имѣющее нѣсколько часовъ отдыха, нѣсколько минутъ удовлетворенія и длинный рядъ дней страданія въ своей

¹⁾ Бичуй слугу, но уважай господина. Божество не должно терпѣть отъ глупостей патеровъ. Признаемъ это божество, хотя ему и служатъ очень дурно. Въ моемъ домѣ много ящерицъ и крысъ, но архитекторъ существуетъ, и тотъ, кто отрицаетъ его, зараженъ маніей подъ плащомъ философа.

жизни; но это потому, что міръ не могъ быть созданъ иначе, какъ въ извѣстныхъ условіяхъ, по мнѣнію Вольтера, необходимыхъ и для самого божества. Побѣдить зло навсегда было невозможно и для вѣчнаго разума. «Я предпочитаю поклоняться божеству не безконечному, чѣмъ божеству злему», говорилъ онъ; «я всегда буду затрудненъ вопросомъ о происхожденіи зла, но останусь при томъ предположеніи, что добрый Аурамазда, все сотворившій, не могъ сдѣлать иначе».

Такова была оригинальная теологія Вольтера, не раздѣляемая, разумѣется, никакою церковью и никакими раціоналистическими школами. Но въ этомъ видѣ онъ твердо стоялъ за идею божества. Въ своемъ сочиненіи «Богъ и люди», онъ говоритъ, между прочимъ: «Никакое общество не можетъ существовать безъ справедливости; будемъ же провозглашать справедливое божество. Если государственный законъ караетъ дознанныя преступленія, будемъ провозглашать божество, карающее за тайныя преступленія. Пусть философъ, если желаетъ, будетъ спинозистомъ; но государственный человѣкъ долженъ быть деистомъ. Вы не знаете, что такое божество, — какъ оно караетъ, какъ награждаетъ; но вы знаете, что оно должно быть высшимъ разумомъ, высшею справедливостью, — и этого довольно. Никто не въ правѣ противорѣчить вамъ, потому что вы высказываете нѣчто вѣроятное и необходимое человѣчеству». Противъ атеизма и вредныхъ его вліяній на нравы написанъ Вольтеромъ въ 1769 году романъ: «Исторія Женни», главная мысль котораго — невозможность доказать, что божество не караетъ злыхъ, и необходимость для человѣка быть справедливымъ въ виду этой невозможности.

Но, вопреки общепринятымъ понятіямъ, признаніе божества не влекло за собою у Вольтера признанія души, отдѣльной отъ тѣла. Отвергнувъ врожденные идеи Декарта, онъ, ученикъ Локка, отвергнулъ и самую душу, въ смыслѣ разумной силы, совершенно независимой отъ тѣла. Онъ, правда, не раздѣлялъ мнѣнія матеріалистовъ, что наше тѣло само по себѣ одарено способностью мыслить, но думалъ, вмѣстѣ съ Локкомъ, что божество могло сообщить способность мыслить одной частицѣ матеріи — человѣческому мозгу. Божество производитъ въ насъ понятія и движенія, но лишь при помощи искуснаго построенія нашихъ чувствъ и органовъ, причемъ нѣтъ надобности въ особомъ существѣ, пребывающемъ въ нашемъ тѣлѣ. Животныя, какъ и мы сами, имѣютъ понятія, память, желанія и движенія, и однако никто не приписываетъ имъ безтѣлесной души: зачѣмъ

же намъ предполагать ее для объясненія скромнаго превосходства нашихъ способностей и дѣятельности? Насъ изумляетъ мысль, какъ поразительное явленіе; но развѣ не столько же поразительно и самое ощущеніе? Божественное могущество раскрывается столько же въ ощущеніяхъ мельчайшаго насѣкомаго, сколько и въ мозгу Ньютона. Душа, по мнѣнію Вольтера, не что иное, какъ способность, принятая за субстанцію. Она, говоритъ онъ, не безсмертна. «Было бы отрадно пережить самого себя, сохранить на-вѣки лучшую часть собственнаго существа по разрушеніи другой его части, всегда пребывать съ своими друзьями и проч. Эта мечта была бы утѣшительна въ дѣйствительныхъ невзгодахъ. Я не утверждаю, что имѣю доказательства противъ безтѣлесности и безсмертія души; но всѣ вѣроятія противъ этихъ свойствъ ея». Полнѣе, и уже безъ всякихъ прикрасъ, со всѣми оттѣнками своего ума и характера, съ собственными ему скептицизмомъ и ироніей, Вольтеръ высказался по этому вопросу въ 1772 году, въ письмѣ къ старой и слѣпой, но очень умной женщинѣ и давнишней знакомой, г-жѣ дю-Деффанъ: «Я зналъ одного человѣка, который былъ сильно убѣжденъ, что по смерти пчелы прекращается и ея жужжаніе... Онъ прибавлялъ, что очень дерзко связывать смертное съ безсмертнымъ. По его мнѣнію, наши ощущенія такъ же трудно постигнуть, какъ и наши мысли; природѣ или творцу природы одинаково трудно даровать идеи двуногому животному, называемому человѣкомъ, какъ и ощущеніе земляному червю. По его словамъ, природа такъ распредѣлила вещи, что мы думаемъ головою, какъ ходимъ ногами. Онъ сравнивалъ жизнь съ музыкальнымъ инструментомъ, который, будучи изломанъ, уже не издаетъ звука. Онъ считалъ въ высшей степени очевиднымъ, что человѣкъ, какъ и всѣ животныя и растенія, а можетъ быть какъ и всѣ другіе предметы въ мірѣ, созданъ для того, чтобъ быть и потомъ не быть. Онъ полагалъ, что эта мысль служить утѣшеніемъ во всѣхъ горестяхъ жизни, потому что всѣ эти мнимыя огорченія были неизбѣжны; зато, доживъ до старости Демокрита, этотъ человѣкъ, какъ и онъ, смѣялся надъ всѣмъ».

Подъ вліяніемъ этой мысли, Вольтеръ съ годами становился все больше и больше детерминистомъ. Сначала онъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ свободной воли человѣка. Свобода, говорилъ онъ въ своемъ «Трактатѣ о метафизикѣ», есть возможность дѣйствовать, двигаться по собственному выбору. Камни лишены этой возможности, данной только человѣку и животнымъ. Желать и дѣйствовать безъ принужденія къ желанію — значитъ

быть свободнымъ. Такова свобода божества, такова свобода человѣка. Но «въ божествѣ свобода есть возможность всегда думать то, что оно желаетъ, и всегда дѣлать то, что оно желаетъ», а свобода въ человѣкѣ есть лишь «слабая, ограниченная и преходящая возможность предаваться нѣкоторымъ мыслямъ и производить нѣкоторыя движенія». Ошибочное мнѣніе, будто человѣкъ не свободенъ, вызвано зрѣлищемъ нашихъ страстей, иногда увлекающихъ его противъ воли въ извѣстныя дѣйствія, напримѣръ, гнѣва, любви и пр. Но сказать: человѣкъ не свободенъ, потому что онъ иногда не свободенъ, все равно, что сказать: люди иногда хворають, — слѣдовательно, они никогда не бываютъ здоровы. Къ этимъ соображеніямъ Вольтера въ послѣдствіи примкнули другія, имъ противорѣчившія. Воля человѣка опредѣляется его разумѣніемъ, а разумѣніе, т.-е. понятія, не зависятъ отъ насъ, — слѣдовательно, воля не свободна. Никто не знаетъ, какая мысль придетъ ему на умъ черезъ минуту, что онъ сдѣлаетъ и скажетъ, куда пойдетъ. Наши мысли подчинены какой-то необходимости, — слѣдовательно, необходимости же подчинена и воля. Въ 1772 году, Вольтеръ уже прямо выступаетъ защитникомъ детерминизма. «Опасеніе лишить человѣка какой-то ложной свободы, — говоритъ онъ въ своемъ «Принципѣ дѣйствія», — отнять у добродѣтели ея заслугу, и у преступленія — его ужасъ, иногда устрашало нѣжныя души; но, просвѣтившись въ этомъ отношеніи, онѣ вскорѣ возвращались къ той великой истинѣ, что все есть непрерывная цѣпь причинъ и слѣдствій, что все необходимо... Эта истина никогда не можетъ вредить морали. Порокъ тѣмъ не менѣе остается порокомъ, какъ болѣзнь — болѣзною. Злыхъ всегда придется укрощать; они, обреченные злу, всегда будутъ предназначены возмездію».

Теперь понятно, что разумѣлъ Вольтеръ, избравъ для себя и для своихъ сторонниковъ девизомъ: «écrasez l'infâme» ¹⁾). Онъ разумѣлъ то, что, по его мнѣнію, мѣшало человѣку свободно мыслить и вѣровать, т.-е. церковь, католицизмъ. Высказывая въ письмахъ къ д'Аламберу желаніе, чтобы «подлая» была поставлена во Франціи въ то же положеніе, въ какомъ она находится въ Англіи, онъ разумѣлъ именно католичество, считая его опорой суевѣрія и фанатизма. Приговоръ парижскаго парламента, осуждавшій «Энциклопедію» и поэму Вольтера «Естественная религія», привелъ его въ негодованіе. L'infâme — это была та вѣковая сила, та католическая организація, которая, опираясь на свѣт-

¹⁾ Давите подлую.

скую власть, насильственно предписывала свои законы совѣсти и мышленію, свою неискреннюю, дѣланную мораль. Только полное сокрушеніе этой силы могло доставить философіи полное право гражданства. Мы уже видѣли, какіе удары онъ наносилъ этой силѣ по поводу нѣсколькихъ возмущающихъ душу процессовъ. Но суетвѣріе имѣло въ немъ неутомимаго и неистощимаго врага. На старости лѣтъ, все еще возбуждая своихъ литературныхъ друзей къ безустанной борьбѣ, Вольтеръ продолжалъ ее съ необыкновенной энергіей, издавая не только собственные сочиненія, но и отыскивая чужія. Задолго передъ тѣмъ, въ 1733 г., въ Шампани умеръ, пятидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, бѣдный сельскій священникъ Мелье, при жизни никому и ничѣмъ неизвѣстный, оставивъ рукопись, въ которой онъ, послѣ тридцатилѣтняго исполненія своихъ обязанностей, излагалъ свои мнѣнія и каялся передъ людьми за свое долгое служеніе предразсудкамъ и неправдѣ. Какъ видно изъ его рукописи, это былъ отрицатель-фанатикъ, додумавшійся въ своемъ сельскомъ уединеніи до полнѣйшаго отрицанія не только католической и всякой церкви, но и всего даннаго общественнаго строя Франціи. Узнавъ отъ Тьеріо о существованіи этой рукописи, Вольтеръ сильно заинтересовался ею. «Какъ!—писалъ онъ Тьеріо:—сельскій священникъ, и притомъ французъ, нѣчто въ родѣ Локка? Не можете ли вы прислать мнѣ рукопись?» Рукопись была написана нескладно, тяжело, безъ всякой литературной обработки. Но она привлекала своимъ искреннимъ и глубокимъ отрицаніемъ католичества, и Вольтеръ составилъ по ней свое «Извлеченіе изъ завѣщанія Жана Мелье», которое входитъ обыкновенно въ собраніе его сочиненій. «Всѣ, кто читаетъ эту книгу, убѣждаются ею», писалъ онъ д'Аламберу. Этотъ человѣкъ обсуждаетъ и доказываетъ. Онъ говоритъ передъ смертью, когда самые лжецы говорятъ правду: вотъ въ чемъ сила его доказательствъ. Жанъ Мелье долженъ обратить весь міръ. Отчего его сочиненіе такъ мало распространено въ публикѣ? Вы уже слишкомъ бездѣтельны въ Парижѣ!.. Какъ! «Церковная Газета» издается смѣло, а не найдется никого, кто принялся бы за Мелье?» Вольтеръ самъ не замедлилъ издать свое извлеченіе въ Голландіи, а потомъ напечатать его и вторымъ изданіемъ въ пяти тысячахъ экземпляровъ и разослать друзьямъ для бесплатной раздачи желающимъ. Въ цѣломъ, Вольтеръ называлъ философское и политическое завѣщаніе сельскаго священника «длиннымъ, слишкомъ скучнымъ и даже слишкомъ отталкивающимъ». Политическая и социальная сторона завѣщанія не могла интересовать человѣка,

который былъ теоретикомъ только въ философіи, да и то теоретикомъ съ приёмами чисто - практическими. Но для насъ оно представляетъ большой историческій интересъ. Кто знакомъ хоть немного съ крайними отрицательными идеями и стремленіями нѣкоторыхъ слоевъ нашего отечества, тотъ непременно будетъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ между ними и идеями французскаго сельскаго священника, умершаго чуть не полтора столѣтія тому назадъ. Это — преждевременный Руссо, но безъ его таланта и среды, на которую онъ могъ бы дѣйствовать, испытывая и на самомъ себѣ ея вліяніе, человѣкъ раздраженный и озлобленный всѣмъ, что происходило передъ его глазами и о чемъ доходили до него слухи, всю жизнь глубоко таившій въ себѣ свои размысленія, сосредоточенный въ безысходномъ одиночествѣ и сдержанно ожидавшій своей физической смерти, чтобы открыть міру всю надуманную имъ горькую правду. Какъ всѣ люди мало образованные, онъ не признаетъ историческихъ условій, не видитъ въ исторіи тѣсной связи и преемственности между общественными явленіями и ихъ причинами; отрицая чудеса въ религіозной сферѣ, онъ незамѣтно для себя признаётъ возможность ихъ въ исторической жизни народовъ; онъ увѣренъ, что стоить только взяться за общественное дѣло съ его точки зрѣнія, безъ всякаго вниманія къ прошлому и настоящему, и завтра же всѣ люди будутъ равны, обезпечены и умственно развиты — взгляды, конечно, несостоятельный, но въ высшей степени интересный и для публициста, и для историка литературы.

Но мы не можемъ распространяться ни объ этомъ преждевременномъ протестѣ противъ общественныхъ золъ, поднявшемся изъ среды угнетеннаго низшаго духовенства, ни о тѣхъ сочиненіяхъ Вольтера, относящихся къ послѣднему періоду его жизни, въ которыхъ онъ очень близко касался теологическихъ вопросовъ и положительной религіи своего времени. Непризванные защищать догматы, которые онъ отрицалъ съ такимъ ѣдкимъ остроуміемъ и талантомъ, мы можемъ только охарактеризовать его съ исторической стороны, и то лишь въ общихъ чертахъ. Исторія въ нашемъ современномъ смыслѣ въ то время только нарождалась, и Вольтеръ, хотя и возмущался политическими и социальными теоріями Мелье, тѣмъ не менѣе самъ невольно платилъ имъ дань въ своихъ мнѣніяхъ о происхожденіи христіанства и всякой религіи. У тогдашнихъ мыслителей не было подъ рукою данныхъ для научной разработки сложныхъ историческихъ вопросовъ; ихъ задача была иная: имъ надо было бо-

ротъся съ такою массою унаслѣдованныхъ золъ и неправдъ, что все ихъ вниманіе, всѣ силы ихъ таланта и ума по необходимости были устремлены на отрицательную критику. И только тогда, когда эта критика сдѣлала свое дѣло, наступила для европейской науки пора спокойныхъ изслѣдованій и положительныхъ результатовъ. Говоря, напримѣръ, о христіанствѣ, Вольтеръ, какъ и другіе мыслители его времени, бралъ только отрицательную сторону, а не разсматривалъ его, какъ явленіе историческое, въ связи съ общимъ ходомъ человѣчества, предшествовавшимъ его распространенію. По его расчету, религіозныя преслѣдованія погубили на землѣ до девяти съ половиною милліоновъ людей, и самая реформація, возникшая будто бы изъ ссоры между августинскими и доминиканскими монахами въ углу Саксоніи, по поводу индульгенцій, вызвала цѣлый вѣкъ раздоровъ, религіозныхъ войнъ и нищеты у тридцати народовъ земного шара. Суровость протестантскаго благочинія была антипатична поклоннику блестящаго версальскаго двора и великосвѣтскаго изящества. Онъ не терпѣлъ и французскихъ янсенистовъ, которые напоминали ему протестантство, и въ спорахъ ихъ съ іезуитами былъ больше на сторонѣ послѣднихъ, которые сами любили жить и давали жить другимъ. Когда іезуиты были удалены изъ Франціи, онъ часто повторялъ, что лисицъ выгнали, но для того, чтобъ предать всѣхъ мыслителей волкамъ. «Религія заключается въ добрѣ, а не въ наглой теологической болтовнѣ», писалъ онъ въ своемъ сочиненіи: «Богъ и люди». Мораль исходитъ отъ Бога, она одинакова вездѣ; теологія—дѣло людей, она повсюду различна и смѣшна. Поклоненіе божеству, карающему и награждающему, соединяетъ людей; теологическое резонерство поселяетъ между ними раздоры. Прогоните теологовъ, и міръ успокоится (по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ вѣры). Допустите ихъ, дайте имъ власть, и земля покроется кровью». Альбигойская война, варооломеевская ночь и драгоннады Людовика XIV отзываются въ подобныхъ и еще болѣе сильныхъ мѣстахъ сочиненій Вольтера по религіознымъ вопросамъ.

Въ Фернѣ Вольтеръ построилъ однакоже церковь съ знаменитой надписью: «Deo erexit Voltaire ¹⁾. 1761». Въ Фернѣ былъ у него и театръ, къ великому соблазну его сосѣдей, строгихъ женеvскихъ протестантовъ, недозволявшихъ театра въ своемъ городѣ. Когда въ «Энциклопедіи», въ статьѣ: «Женева», авторъ далъ женеvцамъ совѣтъ отступить отъ этой суровости, Руссо и

¹⁾ Богу воздвигъ Вольтеръ.

женевцы протестовали противъ такого соблазна. Руссо объявилъ театры развратителями нравовъ, невозможными въ маленькой республикѣ, и разошелся съ «Энциклопедіей». Рано или поздно двѣ натуры, два воспитанія, два міровоззрѣнія, до такой степени противоположныя, какъ Вольтеръ и Руссо, не могли не столкнуться враждебно. Руссо были противны аристократизмъ, свѣтскость, неоднократныя публичныя отреченія отъ своихъ убѣжденій, домогательство сильной роли при дворахъ, сдѣлки съ совѣстью, все, чѣмъ такъ полна долгая жизнь Вольтера. Практическій Вольтеръ, съ своей стороны, не терпѣлъ въ немъ мечтателя, ригориста и фанатика несбыточной утопіи о равенствѣ, человѣка неуживчиваго, необщительнаго, болѣзненно самолюбиваго, подозрительнаго и потому непріятнаго. Трактатъ Руссо о происхожденіи неравенства между людьми былъ названъ имъ, хотя и въ шутку, «новою книгой противъ человѣчества»; но это не помѣшало ему послать Руссо любезное приглашеніе—пожить на свободѣ въ его имѣніи. Руссо не поѣхалъ, потомъ разошелся съ «Энциклопедіей» изъ-за вопроса о томъ, нуженъ ли театръ въ Женевѣ, и потомъ написалъ Вольтеру письмо, въ которомъ прямо высказывалъ ему, что ненавидитъ его. Вольтеръ смѣялся надъ этимъ письмомъ, называлъ Руссо безумцемъ, «cet archifou», но съ его стороны дѣло еще не доходило до публичнаго разрыва. Случилось, что въ 1762 году женевскія власти положили сжечь «Эмиля» Руссо и арестовать автора. Руссо написалъ противъ этого приговора свои «Нагорныя письма», въ которыхъ упрекалъ женевское правительство въ томъ, что, преслѣдуя его сочиненіе, оно терпитъ гораздо болѣе опасныя сочиненія Вольтера. Съ этого времени Вольтеръ выступаетъ открытымъ врагомъ Руссо, какъ человѣка и писателя, нападаетъ на него со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ видахъ. Руссо для него не только безумецъ, но и злой безумецъ, маленькое чудовище, ублюдокъ Діогена, отыскавшій нѣсколько сгнившихъ досокъ отъ Діогеновой бочки, чтобы прикрыться ими и лаять.

Въ шестидесятихъ годахъ Вольтеръ взялъ къ себѣ на воспитаніе маленькую родственницу Корнеля, самъ училъ ее грамматикѣ, слѣдилъ за ея воспитаніемъ и развитіемъ, и когда она подросла, научилъ ее играть на домашнемъ театрѣ и выдалъ замужъ, обезпечивъ ее навсегда. Когда французская академія собралась издать классиковъ съ толкованіями, Вольтеръ, ставившій выше всѣхъ классиковъ Расина, вызвался редактировать изданіе Корнеля, и назначилъ въ пользу его юной родственницы весь свой доходъ съ этого изданія. Молодая чета продолжала жить подлѣ

старика, который, какъ видно изъ его писемъ, очень радовался ея счастью.

Но эта благотворительная идиллія, несомнѣнно свидѣтельствовавшая о добромъ сердцѣ фернейскаго патріарха, не мѣшала ему часто принимать гостей, съѣзжавшихся издалека на болѣе или менѣе продолжительное время, и вести переписку съ тѣмъ самымъ Фридрихомъ, отъ котораго онъ бѣжалъ съ большими непріятностями, и котораго потомъ изобразилъ съ самой черной стороны въ своихъ посмертныхъ запискахъ, съ его сестрой маркграфиней Байрейтской, съ принцессой саксенъ-готской и Екатериной II ¹⁾. Фридрихъ возобновилъ сношенія съ Вольтеромъ въ тяжкіе дни послѣ Коллинскаго пораженія, когда онъ даже помышлялъ о самоубійствѣ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, онъ пытался завязать тайные переговоры съ Франціей; но онъ напрасно рассчитывалъ на Вольтера и на его сношенія съ Парижемъ. Вольтеръ не забылъ своего пребыванія въ Берлинѣ; онъ желалъ, чтобъ Фридрихъ былъ униженъ и наказанъ судьбою. Въ своихъ письмахъ къ друзьямъ, онъ называлъ его не иначе какъ Лукой (Luc) — по имени своей обезьяны, которая кусалась, когда ее ласкали, и переслалъ министру Шуазелю сатирическое стихотвореніе Фридриха на французовъ, короля и его любовницу, присланное ему авторомъ, какъ новое литературное произведеніе. Какъ обаятельно дѣйствовалъ на современниковъ талантъ Вольтера, показываетъ переписка съ нимъ Фридриха въ послѣднемъ періодѣ жизни фернейскаго патріарха. Несмотря на всѣ взаимныя оскорбленія и ссоры, Фридрихъ иногда обращался къ Вольтеру съ восторженными похвалами. «Хотите ли сладкихъ рѣчей — извольте. Я выскажу вамъ нѣсколько истинъ. Я чту въ васъ прекраснѣйшій изъ геніевъ, какіе когда-либо появлялись на землѣ; я удивляюсь вашимъ стихамъ, люблю вашу прозу, въ особенности мелкія вещи. До васъ ни одинъ авторъ никогда не имѣлъ такого тонкаго взгляда и вѣрнаго, чуткаго вкуса. Вы прелестны въ бесѣдѣ, вы умѣете поучать и развлекать въ одно и то же время. Вы — плѣнительнѣйшее существо изъ всѣхъ, какія мнѣ случалось знать, способное внушить любовь всѣмъ и каж-

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ пространномъ трудѣ Денуартерра о Вольтерѣ оказались безжалостно замазанными черною краскою инныя страницы, гдѣ говорится о сношеніяхъ Вольтера съ русскимъ дворомъ, и такимъ образомъ испорчено обширное и довольно дорогое сочиненіе, которое, по своему объему (до сихъ поръ вышло семь томовъ), будетъ къ тому же прочитано немногими. Нѣтъ сомнѣнія, что обсуждаемый теперь новый законъ о печати положить конецъ этому искаженію книгъ, котораго не избѣгали даже лексиконы, содержащіе всѣмъ извѣстные столѣтніе секреты.

дому, если пожелаете. Въ вашемъ умѣ такъ много чаръ, что вы можете оскорблять и въ то же время заслуживать снисхожденія тѣхъ, кто васъ знаетъ. Словомъ, вы были бы совершенствомъ, еслибъ не были человѣкомъ».

По разсказамъ очевидцевъ, фернейскій патріархъ былъ неутомимымъ литературнымъ работникомъ, хотя бы увѣреніе его секретаря, что Вольтеръ былъ занятъ отъ восемнадцати до двадцати часовъ сутки, и было нѣсколько преувеличено. Онъ спалъ очень мало, и ночью часто будилъ секретаря для занятій. Большую часть дня онъ проводилъ въ постели, читалъ или такъ быстро диктовалъ, что поспѣвать записывать его слова было очень трудно. Сочиняя что-нибудь для театра, онъ былъ точно въ лихорадкѣ и говорилъ: «Во мнѣ сидитъ сатана, да онъ и необходимъ для того, чтобъ писать стихи». Вольтеръ былъ очень нетерпѣливъ въ работѣ, любилъ скорѣе кончать начатое и тотчасъ отдавать въ печать все написанное. При всей своей запальчивости, онъ легко поддавался убѣжденіямъ. Оскорбивъ кого-нибудь изъ окружающихъ въ порывѣ раздраженія, онъ потомъ извинялся, ссылаясь на свои физическія страданія. Но любезность его къ женщинамъ не знала предѣловъ. Кто заглядывалъ въ его сочиненія, тому хорошо извѣстно, какое множество стихотвореній написано имъ для прекраснаго пола, который онъ привлекалъ еще и своей плѣнительной бесѣдой. Это былъ увлекательный разсказчикъ и діалектикъ, онъ говорилъ и словами, и необыкновенно выразительными тѣлодвиженіями. Когда онъ волновался, а это бывало очень часто, вся его фигура приходила въ движеніе; въ театрѣ онъ былъ неудобнымъ сосѣдомъ, и иногда даже смущалъ актеровъ своимъ нетерпѣніемъ и подвижностью. Когда онъ игралъ самъ, природная живость темперамента нерѣдко ставила его въ большое затрудненіе. Однажды, исполняя роль Люзиньяна, онъ былъ такъ взволнованъ въ той сценѣ, гдѣ Люзиньянъ узнаетъ своихъ дѣтей, и такъ разрыдался, что забылъ роль. Суфлеръ, какъ нарочно, замѣшкался, и Вольтеру пришлось импровизировать нѣсколько стиховъ.

Онъ былъ крайне умѣренъ въ пищѣ, пилъ мало вина, но кофе истреблялъ въ большихъ размѣрахъ. Не слишкомъ довѣряя врачамъ, онъ самъ придумывалъ себѣ діету и прибѣгалъ къ домашнимъ лекарствамъ. Предметомъ особенной его заботливости были глаза: онъ постоянно освѣжалъ ихъ холодною водою, и никогда не носилъ очковъ. Извѣстно, какъ выразительны и блестящи были эти глаза, и какъ много говорили они современникамъ фернейскаго патріарха. Въ послѣдніе годы жизни,

головокруженія, нѣсколько припадковъ апоплексическаго свойства и астмъ, страшно изнуляли старика; но онъ не переставалъ бодриться и работать.

Въ 1770 году, парижскіе друзья и поклонники Вольтера задумали заказать его статую изъ мрамора извѣстному скульптору того времени, Пигаллю. Эту мысль предположено было исполнить по подпискѣ, въ которой должны были участвовать только французы. Но Вольтеръ пожелалъ, чтобъ принимались также и взносы иностранцевъ, въ особенности иностранныхъ государей, съ которыми онъ имѣлъ сношенія въ жизни. Онъ объявилъ прямо, что Фридрихъ обязанъ дать ему это удовлетвореніе — за франкфуртскую исторію. По поводу будущей статуи, Вольтеръ острилъ и надъ самимъ собою. «Мнѣ семьдесятъ-шесть лѣтъ, — писалъ онъ въ это время г-жѣ Неккеръ:—я только-что оправился отъ крупной болѣзни, которая шесть недѣль терзала мое тѣло и мою душу. Говорятъ, г. Пигалль собирается пріѣхать скоро, чтобъ вылѣпить мое лицо; но для этого мнѣ прежде нужно бы имѣть лицо, а у меня теперь не угадаешь и мѣста, на которомъ оно было прежде. Мои глаза впали на нѣсколько пальцевъ, мои щеки—старый пергаментъ, плохо наложенный на кости, ни къ чему не прикрѣпленные. Тѣхъ нѣсколькихъ зубовъ, которые еще держались, уже нѣтъ теперь... Никто никогда не лѣпилъ человѣка въ подобномъ состояніи!» Теперь мы знаемъ по статуѣ Гудона, какъ оригинально, какъ выразительно было еще это лицо почти восьмидесяти-лѣтняго писателя. Въ подпискѣ приняли участіе всѣ ученые и литературныя извѣстности Парижа, и только тогда д'Аламберъ исполнилъ желаніе Вольтера и обратился къ Фридриху. «Я не могъ бы безъ черной неблагодарности отказаться отъ вашего предложенія—участвовать въ подпискѣ на памятникъ, воздвигаемый Вольтеру общественною признательностью», — отвѣчалъ Фридрихъ. — «Вамъ стоить только увѣдомить меня, что именно отъ меня требуется; я готовъ на всякое пожертвованіе для этой статуи, еще болѣе славной для литераторовъ, ее задумавшихъ, чѣмъ для самого Вольтера». Д'Аламберъ отвѣчалъ умно и съ достоинствомъ: «Одно экю ¹⁾, государь, и ваше имя... Въ подписчикахъ у насъ нѣтъ недостатка, но самая подписка была бы неэффективна безъ вашего участія; мы примемъ съ признательностью все, что угодно будетъ прислать вашему величеству». Фридрихъ писалъ потомъ самому Вольтеру: «Языческая Греція возвела бы васъ на сте-

1) Un écu, серебряная монета, близкая къ нашему металлическому рублю.

пень божества; вамъ воздвигли бы храмъ, мы же воздвигаемъ только статую,—слабое удовлетвореніе за всѣ преслѣдованія, навлеченныя вамъ завистью». Подписчики прибывали отовсюду, даже изъ инквизиціонной Испаніи. Посылая двадцать лудировъ, герцогъ Альба писалъ: «Осужденный тайно образовать мой умъ, съ восторгомъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы публично заявить мою признательность и удивленіе великому человѣку, который указалъ намъ первый, куда слѣдуетъ идти». Несмотря на свое отвращеніе къ Вольтеру, Руссо также принялъ участіе въ подпискѣ, къ великой досадѣ своего врага, который даже требовалъ отъ своихъ друзей, чтобы они возвратили Руссо его взносъ. Пигалль пріѣхалъ въ Фернэ, гдѣ провелъ нѣсколько дней; во время сеансовъ, Вольтеръ, какъ дитя, никакъ не могъ сидѣть покойно, звалъ секретаря, диктовалъ ему письма, пока Пигалль лѣпилъ его фигуру, и, по обыкновенію, дѣлалъ во время диктовки такія мины, которыя совсѣмъ не годились для скульптора. Послѣдній былъ въ отчаяніи, и уже хотѣлъ отказаться отъ неисполнимаго предпріятія; но, къ счастью, въ послѣдній день его пребыванія въ Фернэ, зашелъ разговоръ о золотомъ тельцѣ ветхозавѣтныхъ евреевъ, и Пигалль отозвался, что нужно по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ для отлитія подобной фигуры; старикъ былъ такъ доволенъ этимъ, что вполне отдался въ распоряженіе скульптора, который такимъ образомъ схватилъ желанныя выраженія и позу, а на другой день потихоньку уѣхалъ изъ Фернэ.

Работа Пигалля, украшающая одну изъ залъ французскаго Института, была одобрена заказчиками не безъ сильныхъ противорѣчій. Мысль сдѣлать нѣчто въ родѣ статуи Сенеки, открывающаго себѣ жилу, воспроизвести, почти въ обнаженномъ видѣ, это высохшее, костлявое, противоскульптурное тѣло, какъ выражались нѣкоторые и въ томъ числѣ самъ Вольтеръ, казалась странною многимъ. Она принадлежала Дидро, который горячо защищалъ ее и художника, когда послѣдній представилъ модель своей работы. Несмотря на всѣ противорѣчія, Дидро и Пигалль отстояли ее: художникъ придалъ столько жизни изображенному имъ скелету, что статуя нравилась даже и тѣмъ, кто высказывался противъ нея. Большинство публики тоже было не на сторонѣ художника; но меньшинство и нѣкоторые знатоки признавали его работу гениальной, выдерживающей сравненіе съ лучшими произведеніями античной скульптуры. Признаемся, мы тоже предпочитаемъ превосходно посаженную и драпированную, полную жизни и огня статую Вольтера, работы Гудона,

на которую не перестаютъ и никогда не перестанутъ заглядываться посѣтителѣ Французскаго-Театра въ Парижѣ и нашей императорской Публичной библіотеки ¹⁾.

На самомъ закатѣ жизни Вольтера, его поманила обманчивая надежда увидѣть Францію правильно и широко развивающеюся путемъ мирныхъ и серьезныхъ реформъ, предпринятыхъ сверху. Онъ былъ изъ тѣхъ, кто ожидалъ значительныхъ переменъ къ лучшему со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI, хотя и опасался его чрезвычайной набожности. Особенно сочувствовалъ онъ попыткамъ и начинаніямъ Тюрго; но министр-реформаторъ вскорѣ сошелъ со сцены, и Вольтеру пришлось заявить ему одно бесплодное уваженіе въ своемъ «Посланіи къ человѣку». А между тѣмъ Вольтеръ отнюдь не былъ демократомъ, сторонникомъ идеи полного равенства людей; не духовенство, а философы должны быть, по его мнѣнію, главною опорой королевской власти. Онъ желалъ только реформъ сверху и религіозной терпимости. Положеніе дѣлъ могло быть улучшено, по его мнѣнію, только союзомъ государей, мыслителей и образованныхъ людей; къ народу онъ относился всегда какъ къ варварской массѣ, нуждавшейся въ повужденіи къ труду, исправности и порядку. Безпощадный отрицатель и разрушитель средневѣковыхъ идей, сдѣлавшій столь богатый вкладъ въ умственную жизнь новѣйшей Европы, онъ еще принадлежалъ къ прошлому этою стороною своихъ мнѣній. Руссо пошелъ дальше его въ этомъ отношеніи, и расходился съ нимъ въ очень существенныхъ вопросахъ.

Продолжая слѣдить за событіями въ Европѣ, Вольтеръ одобрилъ, въ 1772 году, раздѣлъ Польши, какъ событіе, отвѣчающее интересамъ цивилизации, и по поводу войны Екатерины съ Турціею заявлялъ желаніе, чтобы варвары-турки были безотлагательно прогнаны изъ отечества Сократовъ, Платоновъ, Софоктовъ и Эврипидовъ. Въ этомъ смыслѣ онъ продолжалъ свою

¹⁾ Эти два экземпляра превосходной работы Гудона сдѣланы имъ, одинъ—по заказу племянницы Вольтера, г-жи Дени, другой—по заказу императрицы Екатерины II. Послѣдній сдѣланъ сто лѣтъ тому назадъ, въ 1781 году. Сначала статуя находилась въ эрмитажѣ Екатерины, вмѣстѣ со всей библіотекой Вольтера, купленною императрицей еще при жизни Вольтера и оставленной у него на пожизненное пользованіе. «Когда былъ построенъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія новый эрмитажъ, статуя Вольтера и его библіотека переправились туда. Но императоръ Николай не любилъ ни Вольтера, ни его статуи, и велѣлъ поставить послѣднюю въ таврическомъ дворцѣ; отсюда она впослѣдствіи передана въ императорскую Публичную библіотеку, куда въ то же время поступила изъ эрмитажа и вся библіотека Вольтера» (Статья г. Стасова: «Три французскихъ скульптора въ Россіи», помѣщенная въ № 4-мъ «Древней и Новой Россіи» въ 1877 году).

переписку съ Фридрихомъ и Екатериной, не разставаясь и съ привычными литературными занятіями. На восемьдесятъ-третьемъ году жизни, онъ послалъ въ Парижъ свою новую трагедію «Ирина», для постановки которой онъ согласился пріѣхать въ Парижъ на шесть недѣль. Когда его спросили у парижской заставы, нѣтъ ли съ нимъ какой контрабанды,—онъ отвѣчалъ, что нѣтъ никакой, кромѣ его самого.

Вѣсть о прибытіи Вольтера быстро разнеслась по городу. Къ нему посыпались привѣтственные стихотворенія и адреса, явились депутаціи; актеры пришли посоветоваться съ нимъ о распредѣленіи ролей въ «Иринѣ». Въ числѣ его посѣтителей былъ и знаменитый Франклинъ, въ то время представитель американской республики въ Парижѣ. Вольтеръ принималъ всѣхъ съ изысканной любезностью, крайне довольный самъ и приводя въ восторгъ своихъ посѣтителей. Когда онъ показывался на улицѣ, публика привѣтствовала его кликами. Но правительство относилось недовѣрчиво къ популярности Вольтера. При всемъ своемъ добросердечіи, король велѣлъ навести справки, не былъ ли запрещенъ Вольтеру въѣздъ въ Парижъ предшественникомъ его, Людовикомъ XV, но такого повелѣнія не оказалось. Вскорѣ сама судьба избавила правительство отъ безпокойства и наблюдений надъ слабымъ старикомъ. Волненія столичной жизни, послѣ долгаго и сравнительно спокойнаго пребыванія въ деревнѣ, имѣли рѣшительное вліяніе на здоровье Вольтера. «Восьмидесяти-четыре-хъ-лѣтняго дерева не пересаживаютъ, если не хотятъ погубить его»,—говорилъ давній врачъ Вольтера, Троншенъ. У старика распухли ноги и открылось кровохарканіе. Ему было запрещено принимать кого бы то ни было и говорить, но эти медицинскіе совѣты исполнялись плохо.

Вмѣстѣ съ докторомъ, Вольтеръ, по совѣту друзей, въ томъ числѣ д'Аламбера, пригласилъ аббата Готье, не желая,—говорилъ онъ,—чтобы тѣло его было выброшено, какъ тѣло бѣдной Лекуврёръ. «Нѣсколько дней тому назадъ»,—сказалъ онъ вошедшему аббату,—«я просилъ васъ побывать у меня для извѣстной вамъ цѣли. Если хотите, мы можемъ сейчасъ же покончить это дѣльце». Аббатъ выслушалъ его исповѣдь, но потребовалъ письменнаго заявленія его вѣры, и Вольтеръ охотно на это согласился. Въ этомъ заявленіи онъ говорилъ, что желаетъ умереть въ католической религіи, въ которой родился, что просить Бога и церковь простить его, если онъ могъ оскорбить ихъ. Тогда послѣдовало отпущеніе грѣховъ со стороны аббата и пожертвованіе Вольтеромъ 600 франковъ въ пользу бѣдныхъ прихода. За

нѣсколько дней передъ тѣмъ, на вопросъ своего секретаря Ваньера, каковы въ самомъ дѣлѣ его религіозныя убѣжденія, Вольтеръ потребовалъ перо и написалъ слѣдующія строки, хранящіяся въ парижской національной библіотекѣ: «Я умираю, поклоняясь Богу, любя моихъ друзей, не питаю злобы къ врагамъ и ненависта суевѣріе. 28-го февраля 1778. — *Вольтеръ*».

Оправившись немного отъ болѣзни, онъ посѣтилъ 30-го марта академію, которая приняла его съ большими почестями и избрала своимъ директоромъ, а оттуда поѣхалъ въ театръ, на представленіе «Ирины». На улицѣ и въ театрѣ публика толпами привѣтствовала Вольтера, и вмѣстѣ съ артистами приготовила ему апофеозу. И самъ онъ, въ своей ложѣ, и бюстъ его на сценѣ были увѣнчаны; было прочитано прославлявшее его стихотвореніе и вызвало громкіе клики и оваціи со стороны публики. «Меня хотятъ задушить подъ розами», воскликнулъ тронутый старикъ. Такое торжество очень не понравилось въ Версали, гдѣ въ это время, въ дворцовой часовнѣ и въ присутствіи короля, произносились проповѣди противъ Вольтера. Вольтеру оставалось только спѣшить обратно въ Фернѣ. Королю было извѣстно это намѣреніе престарѣлаго писателя, и онъ отозвался на подстрекательства духовныхъ лицъ, что надо дать ему спокойно умереть въ деревнѣ. Но племянница Вольтера, желая остаться въ Парижѣ, уговорила одного придворнаго написать ей, что если Вольтеръ возвратится въ Фернѣ, то ему будетъ запрещено выѣзжать оттуда. Въ виду этого письма, Вольтеръ рѣшился остаться въ столицѣ и усердно принялся за директорство въ академіи. Предложеніе его пересмотрѣть академическій словарь было принято; самъ онъ взялъ на себя букву А и сѣлъ за работу, возбуждая упавшія силы частымъ потребленіемъ кофе, принимая опій противъ астмы и окончательно разрушая тѣмъ безъ того одряхлѣвшій организмъ. Въ виду приближенія критическаго часа, опять былъ приглашенъ приходскій священникъ. Онъ грубо спросилъ умирающаго, вѣритъ ли онъ въ божественность Спасителя, на что больной быстро повернулся на другой бокъ съ словами: «Дайте мнѣ умереть спокойно!» Два дня спустя, 30-го мая, онъ скончался.

Праху даровитаго писателя, раскрывшему Европѣ двери въ міръ новыхъ идей, суждено было долго не имѣть покоя. Самъ Вольтеръ устроилъ для себя могилу, прилежавшую къ его фернейской церкви, но потомъ потребовалъ, чтобъ тѣло его было погребено въ его ванной комнатѣ. Родственники оставили эту послѣднюю волю покойнаго безъ исполненія, а въ Парижѣ духовенство отказало ему въ погребеніи. Тѣло было поспѣшно

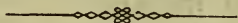
набальзамировано и отправлено въ Сельерское аббатство, близъ Труа, въ Шампани, состоявшее въ вѣдѣніи Вольтерова племянника. Оно было погребено въ монастырской церкви, 2-го іюня, послѣ торжественнаго богослуженія. Едва успѣли опустить гробъ въ могилу, какъ пришло изъ Тура запрещеніе епископа; но было уже поздно. Тринадцать лѣтъ спустя, въ 1791 году, во время революціи, національное собраніе постановило перевезти останки Вольтера и Руссо въ церковь св. Женеьевы, превращенной въ Пантеонъ. Во время реставраціи, Пантеонъ сталъ опять церковью св. Женеьевы, и грѣшныя кости обѣихъ литературныхъ знаменитостей были вынуты изъ склеповъ и зарыты подъ папертью. Но іюльская революція опять возвратила имъ прежнее мѣсто. Газеты сообщали впослѣдствіи, что на этотъ разъ не оказалось никакихъ костей: при реставраціи, духовенство, желая уничтожить ихъ, велѣло облить ихъ известкой...

Вольтеръ, конечно, былъ разрушитель, настойчивый, неутомимый и беспощадный, притомъ разрушитель, вооруженный замѣчательнымъ талантомъ и знаніемъ. Отсюда эта ненависть извѣстныхъ партій и слоевъ и къ его мнѣніямъ, и къ его смертнымъ останкамъ. Отсюда и крупное его историческое значеніе. Вся исторія человѣчества и отдѣльныхъ группъ его, называемыхъ народами, всегда была и будетъ процессомъ непрерывнаго разрушенія и созиданія, и люди, призванные служить выразителями этого процесса, исполняютъ только свою естественную миссію. Вольтеръ былъ вполне человѣкомъ своего времени. Когда началась его литературная дѣятельность, средневѣковая философія была въ упадкѣ; католичество, нѣкогда двигавшее міръ, въ то время только задерживало естественный ростъ его. Наносъ ему жестокіе удары, Вольтеръ расчищалъ поле для той самой науки, передъ которой мы всѣ теперь склоняемся. Важнѣйшіе религіозные и философскіе вопросы, вопросы морали и задачи исторіи — все это было затронуто критическимъ перомъ этого универсальнаго таланта, и если мы теперь не раздѣляемъ многихъ его мнѣній, если мы въ свою очередь видимъ слабыя стороны и ошибки мыслителей того времени, то обязаны этимъ ихъ энергіи и труду, тѣмъ тревоженіямъ и жертвамъ, тому глубокому уваженію къ правамъ разума и критики, безъ которыхъ остановилась бы умственная жизнь человѣчества.

Важнѣйшія сочиненія Вольтера, т.-е. тѣ, которыя по преимуществу даютъ ему право на крупное мѣсто въ исторіи лите-

ратуры, никогда не были переведены на русскій языкъ. Во второй половинѣ прошлаго вѣка и въ первой четверти девятнадцатаго были, правда, переведены многія сочиненія Вольтера; библиографы насчитываютъ до 65 такихъ переводовъ ¹⁾; но русскимъ переводчикамъ видимо были доступны только его беллетристическія произведенія: трагедіи, комедіи, сказки и т. п. Затѣмъ, между ними встрѣчаются нѣкоторыя брошюры, направленные противъ католическаго фанатизма, на примѣръ, его изложеніе вопіющаго дѣла Каласа. Но въ этомъ длинномъ библиографическомъ перечнѣ русскихъ переводовъ мы напрасно искали сочиненій по общимъ вопросамъ религіи, философіи и морали. Въ этомъ отношеніи мы и теперь стоимъ на той же точкѣ, съ которой не могли сходить наши предки. Область этихъ вопросовъ, давно доступная всѣмъ и каждому въ западной Европѣ, и теперь еще остается заповѣдною для русской мысли и русскаго слова.

В. Коршъ.

¹⁾ См. любопытную брошюру г. Языкова, вышедшую въ прошломъ году, подъ заглавіемъ: „Вольтеръ въ русской литературѣ“ (Историко-библиографическій этюдъ).

СУВОРОВЪ

ПОЛКОВОЙ КОМАНДИРЪ.

Изъ нашей военной истории XVIII вѣка *).

- Рукописные документы Московскаго Архива Главнаго Штаба, въ Лефортовскомъ дворцѣ.
- Рукописный сборникъ князя Ал. Арк. Суворова.
- Описаніе лагеря, собраннаго при Красномъ-Селѣ, изд. 1765 года.
- Инструкція полковничья, изд. 1764 года.
- Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 1-й.
- Смитъ: Суворовъ и паденіе Польши, 1866 г.
- Антингъ: *Les campagnes de Souwarov*, 1796 г.; и нѣкот. другія.

Съ окончаніемъ Семилѣтней войны, подполковникъ Суворовъ былъ посланъ изъ арміи въ Петербургъ съ депешами, въ іюлѣ или августѣ 1762 года, представился императрицѣ Екатеринѣ, былъ принятъ милостиво и собственноручнымъ ея приказомъ 26-го августа произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ астраханскаго пѣхотнаго полка.

Въ Семилѣтнюю войну Суворовъ начальствовалъ исключительно кавалерійскими частями и отрядами. Въ общемъ представленіи объ отличившихся, Румянцевъ помѣстилъ его какъ кавалерійскаго штабъ-офицера, который хотя и числится на службѣ въ пѣхотѣ, но обладаетъ способностями прямо-кавалерійскими. Генераль Бергъ тоже отзывался о Суворовѣ, какъ объ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, «который быстръ въ

---

*) Одна изъ главъ начатаго авторомъ обширнаго труда: „Жизнеописаніе генерал-ссимуса князя Суворова“.

рекогносцировкѣ, отваженъ въ бою и хладнокровенъ въ опасности». Однако перемѣна рода службы Суворова почему-то не состоялась.

Императрица поѣхала въ Москву короноваться, — Суворовъ остался со своимъ полкомъ въ Петербургѣ, для содержанія карауловъ. По возвращеніи государыни, астраханскій полкъ былъ смѣненъ на петербургской стоянкѣ суздальскимъ пѣхотнымъ, и Суворовъ назначенъ командиромъ этого послѣдняго полка въ 1763 году, 6 апрѣля. До насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о Суворовѣ за весь этотъ промежутокъ времени; почему онъ получилъ одинъ полкъ вмѣсто другого, сдѣлано ли это по его желанію, или нѣтъ, уходилъ ли онъ съ астраханскимъ полкомъ на зимнія квартиры, или оставался въ Петербургѣ до прибытія суздальскаго — ничего неизвѣстно. Надо полагать, что астраханскій полкъ былъ Суворову данъ временно, и что онъ это зналъ, потому что, командуя имъ нѣсколько мѣсяцевъ, не примѣнялъ къ нему своей системы обученія. Это явствуетъ изъ позднѣйшихъ бумагъ Суворова, гдѣ онъ часто упоминаетъ про свое «суздальское учрежденіе», но ни разу не говоритъ про учрежденіе астраханское.

Получивъ суздальскій полкъ, Суворовъ тотчасъ же принялся учить его по вновь проектированному строевому уставу, напечатанному въ слѣдующемъ году. Такъ, по крайней мѣрѣ, надо понимать достовѣрнѣйшаго историка перваго періода его службы, Антинга, упоминающаго про «новые маневры того времени», а не про собственно - Суворовскіе маневры. Въ томъ же году, осенью, императрица производила суздальскому полку смотръ, осталась имъ чрезвычайно довольна, пожаловала офицеровъ полка къ рукѣ, а нижнимъ чинамъ повелѣла выдать по рублю.

По всей вѣроятности, съ этого времени и начинается въ суздальскомъ полку Суворовское обученіе. Еще годъ оставался полкъ въ Петербургѣ, а потомъ больше полугода пробылъ въ Новой-Ладогѣ, до вторичнаго прибытія въ окрестности столицы. Будучи не временнымъ, а настоящимъ командиромъ суздальскаго полка, Суворовъ не могъ пропустить столько времени даромъ, оставляя въ небреженіи то, на чемъ, по его убѣжденію, зиждятся побѣдоносныя качества войска. Подобное промедленіе противорѣчило бы страстному, нетерпѣливому его характеру, да и не оправдывалось бы резонами. Безъ сомнѣнія, въ Петербургѣ нельзя было обучать полкъ по Суворовской программѣ во всемъ ея объемѣ, но условія столичной службы нисколько не препятствовали ему приложить къ дѣлу главныя свои начала, такъ какъ полковые командиры имѣли тогда въ своихъ рукахъ большую

иниціативу и пользовались ею невозбранно. Затѣмъ, во время кратковременнаго пребыванія полка въ Ладогѣ (съ осени 1764 до лѣта 1765 года), Суворовъ расширилъ объемъ обученія и пополнилъ пробѣлы, обусловленные характеромъ столичной службы, недостаткомъ времени и т. п. Такимъ образомъ, въ полтора года онъ могъ поставить полкъ на ногу по-своему и сдѣлать его если не вполне тѣмъ, чѣмъ онъ, Суворовъ, задался, то, по крайней мѣрѣ, придать ему особый, отличный отъ другихъ характеръ. Иначе нельзя объяснить нѣкоторую особенность, которая выпала на долю суздальскаго полка въ 1765 году, на красносельскихъ маневрахъ, какъ увидимъ дальше.

За это время имѣются о Суворовѣ скудныя, но не лишеныя значенія свѣдѣнія, заключающіяся въ его письмѣ къ одной знакомой дамѣ, писанномъ 27-го января 1764 года. Это есть первое, по времени, письмо Суворова, дошедшее до насъ въ подлинникѣ. Изъ него видно, что Суворовъ не отличался тогда хорошимъ здоровьемъ: былъ очень худъ и, по его словамъ, уподоблялся «настоящему скелету, лишенному стойла ослу, бродячей воздушной тѣни». На него производила очень дурное дѣйствіе невская вода; онъ страдалъ болями въ головѣ, въ груди и особенно мучился желудкомъ, но въ постели не лежалъ и даже въ четырехъ стѣнахъ для леченія не сидѣлъ. «Я почти вижу свою смерть, — пишетъ онъ: — она меня сживаетъ со свѣта медленнымъ огнемъ, но я ее ненавижу, рѣшительно не хочу умереть такъ позорно, и не отдамся въ ея руки иначе, какъ на полѣ брани». Приглашая знакомую даму въ Петербургъ, Суворовъ говоритъ, что 3 — 4 раза она будетъ на маскированныхъ балахъ и еженедѣльно по 2 — 3 раза въ спектаклѣ, что онъ самъ пользуется этими удовольствіями, насколько позволяетъ его здоровье. Письмо любезнаго содержанія, но видно, что адресовано не къ предмету страсти или нѣжной привязанности, которыхъ Суворовъ ни раньше, ни позже вообще не имѣлъ и даже подобнаго рода связей боялся. Написано письмо плохимъ французскимъ языкомъ; видно, что Суворовъ не владѣлъ еще имъ тогда въ той мѣрѣ, какъ въ послѣдствіи, т.-е. продолжалъ еще свое самообразование.

Приведенное письмо, между прочимъ, доказываетъ, что «закаливаніе» Суворовымъ своего слабого и хилаго организма было имъ достигнуто лишь рядомъ многихъ лѣтъ и давалось не легко. Посѣщеніе имъ въ эту пору театровъ и маскарадовъ имѣетъ значеніе при оцѣнкѣ Суворова-чудака, Суворова-эксцентрика; но тема эта очень сложна, и очередь ея впереди.

Въ мартѣ 1765 года Суворовъ снова прїѣзжалъ въ Петербургъ по какимъ-то дѣламъ, а въ іюнѣ прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ полкомъ для принятія участія въ красносельскихъ маневрахъ, совершивъ этотъ походъ форсированными маршами.

Опытъ Семилѣтней войны вызвалъ у насъ составленіе и изданіе ряда новыхъ военныхъ уставовъ и постановленій. Способность войскъ къ маневрированію, въ русской арміи весьма слабая, обратила на себя вниманіе; но условію этому все-таки не придали той важности, которой оно заслуживало, и маневры екатерининскаго времени—по крайней мѣрѣ, первой половины—были образовательнымъ пріемомъ довольно младенческимъ, по своимъ размѣрамъ и значенію. Они производились обыкновенно двухсторонніе, но слишкомъ малыми частями, и главныя задачи маневрированія состояли въ устройствѣ засадъ и въ обходѣ фланговъ. Исключенія бывали, но рѣдкія; однимъ изъ самыхъ значительныхъ слѣдуетъ считать сборы войскъ въ 1765 году, особенно подъ Краснымъ-Селомъ.

Съ самаго почти вступленія своего на престолъ, Екатерина обратила вниманіе на захирѣвшихъ дѣтей Петра Великаго — войско и флотъ, и вниманіе это выразилось, между прочимъ, въ смотрахъ, которые производила она лично. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ 1762 году, она осмотрѣла войска, собранныя тамъ лагеремъ; въ 1763 году познакомилась въ Кронштадтѣ съ флотомъ; въ слѣдующемъ году производила смотръ полкамъ въ Эстляндіи и Лифляндіи; въ 1765 году ходила съ флотомъ за Красную-Горку, присутствовала на маневрахъ и находилась при бомбардированіи нарочно выстроеннаго городка. Въ этомъ же году императрица повелѣла вывести армію въ разные лагери «такими корпусами, въ коихъ бы можно было не солдатство токмо ружейной экзерциціи обучать, но пользу уставовленныхъ ея императорскимъ величествомъ учреждений видѣть». Главному лагерю приказано быть невдалекѣ отъ Краснаго-Села; въ составъ его назначены три дивизіи: фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина (изъ гвардейскихъ полковъ), князя А. М. Голицына и П. И. Панина. Полевой артиллеріи было 44 орудія; ею начальствовалъ генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Г. Г. Орловъ. Всего собрано 17 пѣхотныхъ и 7 кавалерійскихъ полковъ, не считая грузинскаго гусарскаго полка, 500 казаковъ и 30 калмыковъ. Общее число войскъ простиралось до 30,000 человекъ.

Войска вступили въ лагерь 15 іюня; 16 и 17-го приказано было производить ружейную экзерцицію; ей придавали тогда такое значеніе въ обученіи войска, котораго она не заслужи-

вала. Оттого два приготовительные къ маневрамъ дня посвящены были именно тому, что скорѣе всего изъ занятій можно было исключить, а тѣми отраслями службы, которыя были особенно нужны для предстоящихъ маневровъ, не занимались, — по крайней мѣрѣ, этого не видать. Императрица отправилась изъ Петербурга въ Красное-Село 18 числа и на слѣдующій день верхомъ объѣзжала расположенныя въ лагерѣ войска; объѣздъ продолжался больше двухъ часовъ.

Войска были раздѣлены на двѣ арміи — государыни и Панина; въ первую вошли дивизіи Бутурлина и Голицына. Для прикрытія лѣваго фланга и отчасти фронта государыниной арміи, былъ сформированъ легкій корпусъ, подъ начальствомъ бригадира Измайлова, въ составъ котораго вошли одинъ батальонъ и двѣ гренадерскія роты суздальскаго полка, съ нѣсколькими кавалерійскими частями. Съ этимъ легкимъ корпусомъ сама государыня производила рекогносцировку непріятельскаго расположенія. Сначала кавалерія потѣснила непріятельскіе ведеты и пикеты, а затѣмъ Суворовъ съ пѣхотою и артиллеріею произвелъ наступательное движеніе, занимая высоты одну за другою и очищая путь Екатеринѣ для осмотра непріятельскихъ позицій, причемъ конница прикрывала его фланги. Маневръ былъ произведенъ очень хорошо и въ большемъ порядкѣ. Добывъ нужныя свѣдѣнія, государыня приказала легкому корпусу отходить къ главнымъ силамъ и возвратилась къ своей ставкѣ въ 10 часовъ вечера; почти къ тому же времени прибылъ легкій корпусъ, и тотчасъ же разставилъ сторожевые посты.

Маневры производились до 27 числа включительно. Они не представляютъ чего-либо поучительнаго или относящагося къ предмету этой статьи въ томъ изложеніи, въ которомъ до насъ дошли. Панинъ, конечно, былъ уступчивъ, тѣмъ болѣе, что командовалъ силами, почти вдвое слабѣйшими сравнительно съ противникомъ. Посредниковъ не было. Государыня ѣздила, бѣлшей частью, верхомъ и возвращалась въ ставку иногда поздней ночью. Характерная черта маневровъ заключалась въ правилѣ, котораго держались обѣ стороны: не побѣждать часть русскаго непобѣдимаго войска, а только одерживать надъ противникомъ легкую поверхность.

Іюня 28, въ день вступленія Екатерины на престолъ, генералитетъ устроилъ балъ съ ужиномъ, пригласивъ государыню съ ея дворомъ; приглашеніе было принято благосклонно. Празднество дано въ большомъ полотняномъ домѣ, 30-ти сажень въ длину и 8-ми въ ширину, и удалось вполне; за ужиномъ си-

дѣло 365 человекъ. Войска распущены по квартирамъ 1 іюля, суздальскій полкъ отправился въ Ладугу опять ускореннымъ маршемъ и совершилъ оба пути, не оставивъ ни одного больного.

Кромѣ Суворова-сына, на красносельскихъ маневрахъ участвовалъ и Суворовъ-отецъ, генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ, командуя гвардейскимъ измайловскимъ полкомъ, коего былъ подполковникомъ.

Неизвѣстный авторъ, описывающій красносельскій лагерь и маневры, приводитъ иногда имена нѣкоторыхъ генераловъ, принимавшихъ въ маневрахъ участіе, но не говоритъ про штабъ-офицеровъ. Исключеніемъ служить только Суворовъ,—про него онъ упомянулъ дважды, въ одобрительномъ смыслѣ. При всей своей ничтожности, обстоятельство это имѣетъ смыслъ, тѣмъ болѣе, что брошюра носитъ оффиціозный характеръ и издана въ томъ же 1765 году, т.-е. когда Суворовъ далеко еще не попалъ въ знаменитости, и восхваленіе его заднимъ числомъ не могло имѣть мѣста. Возьмемъ еще въ соображеніе, что въ летучій отрядъ были назначены пѣхотныя части изъ полка Суворова, а не изъ какого-либо другого. То и другое, вмѣстѣ взятое, подтверждаетъ выше высказанное предположеніе, что онъ уже успѣлъ выдвинуть суздальскій полкъ изъ ряда другихъ, особенно относительно подвижности и быстроты.

Придя на свои непремѣнныя квартиры, суздальскій полкъ оставался на нихъ слишкомъ три года подъ-рядъ. Этотъ длинный промежутокъ времени и слѣдуетъ признать періодомъ главной дѣятельности Суворова—полкового командира. Тутъ уже ему не мѣшали никто и ничто. Все, что было раньше начато, получило теперь полное развитіе и законченность. Матеріальная обстановка полка, строевое его обученіе, нравственное воспитаніе солдата—одновременно обращали на себя его заботы и одновременно подвигались впередъ.

Онъ выстроилъ, во-первыхъ, полковую церковь, затѣмъ зданіе для школы. Законъ требовалъ учрежденія для солдатскихъ сиротъ, начиная съ 7-ми-лѣтняго возраста, школы, «обучая грамотѣ—читать и писать и часть ариѳметики; опредѣляя къ обученію надежныхъ унтеръ-офицеровъ подъ смотрѣніемъ одного офицера». Суворовъ открылъ двѣ школы, для дворянскихъ и для солдатскихъ дѣтей, раздѣлилъ на классы и самъ сдѣлался въ нихъ преподавателемъ. Онъ училъ начальнымъ правиламъ ариѳметики и написалъ учебникъ; быть можетъ, онъ же училъ и Закону Божію, ибо составилъ молитвенникъ и коротенькій катехизисъ. Авторъ, сообщающій это извѣстіе, самъ видѣлъ

экземпляръ Суворовскаго рукописнаго молитвенника. Курсы въ обѣихъ школахъ были разныя; въ чемъ именно заключалось это различіе, неизвѣстно; знаемъ однако, что школьники-дворяне, въ интересахъ общаго развитія и виѣшней полировки, знакомились съ началами драматическаго искусства и однажды, при посѣщеніи Новой-Ладоги губернаторомъ, разыграли въ его присутствіи какую-то пьесу. Слѣдовательно при школѣ было устроено нѣкоторое подобіе сцены, конечно, очень примитивное. Кромѣ церкви и школьнаго дома, Суворовъ выстроилъ конюшни для полковыхъ лошадей и развелъ садъ на безплодной песчаной почвѣ. Всѣ эти постройки существовали и школы были въ полномъ ходу въ 1766 году, что и засвидѣтельствовалъ губернаторъ Сиверсъ; значить, первыя заботы о благоустройствѣ полка начались у Суворова раньше прибытія изъ Краснаго-Села въ Ладогу, ибо въ одинъ годъ всего этого сдѣлать было невозможно, особенно при главномъ занятіи Суворова,—строевомъ обученіи полка. Затѣмъ, что сдѣлано Суворовымъ для полка въ послѣдующіе два года квартированія его въ Ладогѣ—нѣтъ никакихъ свѣдѣній; самъ онъ въ своей автобіографіи ¹⁾ вообще не говоритъ про періодъ командованія полкомъ ни слова.

Расходы, какъ видно, производились не малые; какими же средствами они покрывались? Прямого отвѣта нѣтъ. Нѣкоторыя издержки Суворовъ вѣроятно относилъ на свой собственный счетъ, какъ иныя это и утверждаютъ, но такой ресурсъ, конечно, былъ не первымъ, а послѣднимъ. Отецъ Суворова занимался по прежнему увеличеніемъ своего состоянія, покупалъ новыя имѣнія, устраивалъ ихъ, занималъ и давалъ займы деньги и т. п. Еще недавно онъ купилъ село Кончанское за 22,000 рублей и выдалъ дочерей замужъ; приданое одной дочери стоило 17,000 рублей, другая получила вѣроятно приблизительно столько же. При подобныхъ условіяхъ онъ не могъ давать сыну большихъ средствъ и, по своимъ наклонностямъ, не расположенъ былъ давать; да и сынъ тоже не расположенъ былъ ни просить у отца, ни затрачивать своихъ средствъ на такого рода расходы безъ особенныхъ побудительныхъ причинъ. Если обстановка суздальскаго полка отличалась благоустройствомъ, то прежде всего причиною тому были личныя качества командира и его серьезный взглядъ на службу и на свои обязанности. При этомъ взглядѣ

¹⁾ Подъ такимъ заглавіемъ издана въ 1848 году брошюра, въ которой напечатано прошеніе Суворова 1786 года въ московское дворянское депутатское собраніе о внесеніи его въ дворянскую родословную книгу московской губерніи. Въ прошеніи этомъ онъ довольно подробно излагаетъ свою службу.

не могло образоваться въ хозяйствѣ полка никакихъ сбереженій, которыя принадлежали бы не полку, а командиру. А въ полкахъ сбереженія не только бывали, но и не могли не быть при мало-мальски порядочномъ хозяйствѣ; были они и въ суздальскомъ полку, такъ какъ Суворовъ отличался бережливостью, и нужное у него отдѣлялось отъ прихоти весьма рѣзкою чертой. Другіе или удерживали полковую экономію въ свою пользу, или употребляли ее на удовлетвореніе существовавшей въ то время, особенно въ кавалеріи, страсти къ щегольству. Въ Екатерининское царствованіе этотъ вредный взглядъ укоренился и развился; многіе полковники, въ сущности почтенные служаки и честные люди, всю полковую экономію усаживали на ложно-понимаемую представительность полка; иные оттягивали даже на эту статью отъ существенно-нужнаго. У Суворова ничего подобнаго, по складу его понятій, не могло быть, а потому полковая экономія шла на издержки производительныя.

Ресурсы его на благо полка увеличивались еще тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ праздность, и постоянный трудъ солдата считалъ непремѣннымъ условіемъ для достиженія высшихъ интересовъ службы. Въ началѣ 70-хъ годовъ эта тѣма занимаетъ въ его приказаніяхъ и распоряженіяхъ по подвѣдомственнымъ войскамъ нѣкоторое подобіе *caeterum censeo*; онъ старается даже, чтобы караульные солдаты, сидя въ караульномъ домѣ, употребляли время не на игру въ шашки, а болѣе производительно. Поэтому, несмотря на то, что во время его командованія полкомъ солдату приходилось много работать не надъ тѣмъ, такъ надъ другимъ,—Суворовъ безъ всякаго сомнѣнія не затруднялся приложить солдатскія руки и къ постройкѣ церкви, школы или конюшни, и къ разведенію сада, можетъ быть даже съ нѣкоторымъ отягощеніемъ своихъ подчиненныхъ. Такой его взглядъ на солдатскій трудъ много лѣтъ спустя далъ въ руки его недоброжелателей оружіе и, справедливо ли, нѣтъ ли, породилъ мелкія, но многочисленныя для Суворова непріятности. Какъ бы то ни было, но именно совокупность всѣхъ означенныхъ ресурсовъ дала Суворову возможность сдѣлать въ Ладогѣ много на пользу полка.

Заслуга эта, впрочемъ, ничтожна сравнительно съ тою, которую Суворовъ оказалъ своею воспитательною дѣятельностью въ суздальскомъ полку, такъ какъ эта послѣдняя не ограничилась узкою рамкою какой-нибудь 1,000 человѣкъ, а пошла потомъ гораздо шире и, въ смыслѣ одного изъ главныхъ факторовъ, разлилась длиннымъ рядомъ побѣдъ и громкой славой русскаго

оружія. Но исторія не можетъ довольствоваться занесеніемъ на свои страницы однихъ фактовъ, безъ объясненія причинъ, ихъ породившихъ или содѣйствовавшихъ ихъ появленію. Сѣмена будущей военной дѣятельности Суворова лежали въ его натурѣ, въ раннемъ его возрастѣ ихъ питала наука, а въ Семилѣтнюю войну развивали опытъ и наблюденіе. Сѣмена эти дали ростки, когда Суворовъ получилъ въ командованіе полкъ и возможность самостоятельной дѣятельности. Поэтому, прежде чѣмъ съ нею знакомиться, надлежитъ отмѣтить, что могъ дать Суворову опытъ Семилѣтней войны и въ какой мѣрѣ эти опытные данныя повлияли положительно или отрицательно на его взгляды.

Каждая война, въ которой проявились выдающіяся дарованія и искусство, или которая привела къ крупнымъ результатамъ, оказываетъ прямое вліяніе на ходъ военного дѣла въ послѣдующее время. Наука обогащается новыми данными и новыми выводами; искусство принимаетъ новые приемы, измѣняя или совершенно отвергая старыя; сложный военный механизмъ подвергается общимъ или частнымъ преобразованіямъ. Другой вопросъ—дѣйствительно ли нужны всѣ эти перемѣны, вѣрны ли наблюденія, справедлива ли оцѣнка фактовъ, разграничено ли впечатлѣніе минуты отъ холоднаго взгляда критики. Отвѣтъ бываетъ и утвердительный, и отрицательный. Зачастую поражаются наглядностью и осязательностью результата и не добираются до первоначальной причины; увлекаются внѣшностью и не вникаютъ въ духъ; вмѣсто свободнаго отношенія къ предмету, вдаются въ рабское подражаніе. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ война на прямыхъ ея участниковъ, на лицъ, воспринимающихъ военныя впечатлѣнія непосредственнымъ путемъ. Чѣмъ ближе они стоятъ на войнѣ къ дѣлу, тѣмъ эмпиричность ихъ представленій становится сильнѣе, и тѣмъ труднѣе имъ, такимъ людямъ, удержать объективность взгляда. Обширная сфера дѣятельности и широкій для наблюденія кругозоръ умѣряютъ этотъ недостатокъ, но не спасаютъ отъ него. Подавляющая сила личнаго впечатлѣнія, особенно при катастрофахъ и фактахъ рѣзкаго характера, гнететъ такъ сильно и продолжительно, что иной участникъ или очевидецъ рѣшительно не въ состояніи отъ нея отрѣшиться, сдѣлать правильную оцѣнку факта и отъ нея дойти до вѣрнаго вывода. Тогда все свое становится худымъ, все у противника хорошимъ, или наоборотъ,—и уже нѣтъ мѣста здоровой критикѣ. Тогда основныя начала военного искусства, неизмѣнно существующія во всѣ времена и эпохи, низводятся подчасъ чуть не до значенія условныхъ тактическихъ или уставныхъ правилъ;

сдача, напримѣръ, цѣлой арміи, окруженной непріателемъ, оправдывается неизбѣжностью, и прорывъ признается безусловно невозможнымъ; беспорядочная, но сильная стрѣльба на удачу возводится въ тактическій принципъ, а холодное оружіе низводится до значенія простой дубины. То же самое, конечно, встрѣчается и у постороннихъ наблюдателей, но уже по другимъ причинамъ; въ настоящемъ случаѣ говорится объ однихъ первыхъ, дабы указать, что сила личныхъ впечатлѣній далеко не всегда приводитъ къ выводамъ правильнымъ. И чѣмъ тѣснѣе кругозоръ такихъ лицъ вслѣдствіе ихъ служебнаго положенія, тѣмъ сила личнаго впечатлѣнія играетъ большую роль и повѣрка его труднѣе.

Грандіозная Семилѣтняя война поразила умы современниковъ. Силы воевавшихъ были слишкомъ неравны, боевыя качества прусской арміи преобладали надъ союзническими непомѣрно; военные таланты Фридриха ярко блесгли во тьмѣ общей, почти сплошной бездарности союзнаго предводительства. Началось повсемѣстное обожаніе, почти боготвореніе. Какъ въ мифахъ языческихъ религій, основной идеаль, будучи изображенъ во внѣшнихъ формахъ, исчезаетъ изъ сознанія вѣрующихъ массъ, и остается одна форма въ видѣ идола, такъ съ окончаніемъ Семилѣтней войны духъ Фридриховой военной системы, неясно и до того сознаваемый, совершенно заслоняется удобопонятными для всякаго формами, и имъ воздается поклоненіе. На потсдамскихъ поляхъ производится священнодѣйствіе, и иностранные жрецы съ умиленіемъ взирають на 3—4-верстную линію прусскихъ батальоновъ, автоматически подвигающихся впередъ съ правильностью натянутой струны. Производится изученіе прусскихъ уставовъ до тонкости, изслѣдуются до мелочей правила построенія, маршировки, ружейной экзерциціи; копируется обмундированіе и снаряженіе. Все, даже случайное и для самихъ пруссаковъ не имѣющее цѣны, обращаетъ на себя вниманіе и подвергается изученію. Вотъ чтó сдѣлалось задачею европейскаго воинскаго искусства на долгіе годы; за то и упало оно такъ быстро и такъ низко, что только военные громы французской революціи заставили всѣхъ очнуться и произвели новый переворотъ. Но и этотъ переворотъ въ большей части Европы состоялъ изъ компромиссовъ между французскою новизною и прусскою стариною, и многочисленныя мелочи, чисто внѣшнія и механическія, упорно сохранялись чуть не цѣлое столѣтіе.

Какое же впечатлѣніе эта война произвела на Суворова? Онъ былъ не больше, какъ штабъ-офицеръ; боевая служба его

происходила въ тѣсномъ кругу; подъ напоромъ личныхъ впечатлѣній и подъ вліяніемъ подавляющаго авторитета короля-полководца, онъ, казалось, долженъ бы былъ вступить въ ряды самыхъ горячихъ его послѣдователей и подражателей, не только въ главномъ, но и въ мелочахъ, ибо именно мелочи и прихотились по плечу простому полковому командиру. Случилось однако совсѣмъ не то, потому что этотъ полковой командиръ обладалъ огромными дарованіями, научной подготовкой и, главное, самобытностью.

Образъ дѣйствій союзныхъ начальствующихъ лицъ имѣлъ для Суворова значеніе отрицательное, т.-е. это было для него школой на выворотъ: наставленіемъ, какъ не слѣдуетъ поступать ни въ какомъ случаѣ. Медленность, нерѣшительность, страхъ передъ противникомъ, отсутствіе единой живой мысли—все это, конечно, послужило ему живымъ урокомъ, который ничего новаго ему не открылъ, но подтвердилъ вѣрность его собственныхъ взглядовъ. Образъ дѣйствій Фридриха въ сильнѣйшей степени содѣйствовалъ усвоенію Суворовымъ того же вывода; глубокая вѣрность основныхъ принциповъ Фридриховскаго военнаго искусства должна была выяснить ему все то, что въ этомъ отношеніи оставалось въ его умѣ въ видѣ гипотезъ и не получило еще опредѣлительныхъ очертаній. Такимъ образомъ, и Фридрихъ, и союзники съ рѣдкимъ единствомъ содѣйствовали Суворову въ выработкѣ взглядовъ и качествъ, которыя съ того времени являются какъ-бы характеристикою его имени.

Прусскія и союзныя войска тоже были для Суворова богатымъ источникомъ наблюденія и выводовъ. Больше всего долженъ былъ его поразить контрастъ между тѣмъ и другими въ поворотливости и подвижности и указать на недостатокъ русскихъ войскъ въ этомъ отношеніи, какъ на капитальнѣйшую болѣзнь, требующую исцѣленія. Формамъ строя и уставнымъ правиламъ онъ не придавалъ большого значенія, лишь бы они не становились въ противорѣчіе съ жизненнымъ началомъ, которому должны служить. Наперекоръ всей Европѣ, ударившейся въ слѣпую подражательность, Суворовъ не увлекся виѣшними особенностями прусской военной системы, передъ идеальною стройностью не благоговѣлъ; математическую точность маневрированія прусскихъ войскъ и сложность маневрныхъ задачъ считалъ для русской арміи ненужными. Обученіе русскихъ войскъ онъ забраковалъ и по смыслу, и по способамъ; но чуть ли не въ той же мѣрѣ призналъ негоднымъ для пересадки на русскую почву и знаменитый прусскій образецъ. Ничтожность огня русской пѣхоты

онъ оцѣнилъ вполне, отдалъ преимущество этой отрасли военнаго образованія въ прусской арміи, но моделью ее не принималъ и ружейному огню въ тактикѣ пѣхоты первостепеннаго значенія не придавалъ.

Всѣ подобные выводы, отрицательные и положительные, сдѣланные изъ опыта Семилѣтней войны, Суворовъ свелъ въ своеобразную, собственно ему принадлежащую систему обученія войскъ; философскій взглядъ на военное дѣло и глубокое пониманіе національных особенностей русскаго солдата проходятъ въ ней рука объ руку.

Никакая живая система не является съ-разу вполне сформированной въ головѣ и законченнымъ образомъ выраженной въ словѣ. Суворовская система не могла имѣть въ самомъ началѣ той цѣльности и отчеканенной формы, которыми она отличалась 30 лѣтъ спустя. Поэтому было бы приѣмомъ невѣрнымъ—взять изъ позднѣйшей, хорошо извѣстной системы главные данныя, перенести ихъ въ ранній періодъ и такимъ образомъ изложить первые шаги Суворова на военно-образовательномъ поприщѣ. Относительно основныхъ началъ это будетъ справедливо; относительно частныхъ — можетъ быть справедливо случайно, но исторически все-таки не вѣрно. Долженъ быть изложенъ первообразъ, хотя бы не полный, но дѣйствительно существовавшій.

Прямыхъ данныхъ для такого пути нѣтъ; никакихъ документовъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, касающихся служебной дѣятельности Суворова, не существуетъ или не отыскано. Но матеріалъ этотъ имѣется за годы, непосредственно слѣдовавшіе за мирною его дѣятельностью въ Ладогѣ. Тогда Суворовъ дѣйствовалъ подъ живымъ воспоминаніемъ своего командованія полкомъ; онъ, такъ сказать, репетировалъ свои ладожскіе уроки, указывалъ на способы приложенія ихъ къ дѣлу, комментировалъ ихъ, ссылаясь на недавнее прошлое. Тогда онъ только что вышелъ изъ полковыхъ командировъ, сфера его начальствованія расширилась незначительно, и служебныя занятія послѣднихъ лѣтъ сохраняли еще для него весь свой интересъ. Данныя, заключающіяся въ документахъ 1770—72 годовъ, поэтому восполняютъ въ нѣкоторой степени пробѣлъ 60-хъ годовъ. Они отрывочны, бѣдны и не даютъ возможности изобразить стройное цѣлое, но позволяютъ воспроизвести нѣкоторыя части и, связавъ ихъ общемою идеею, чрезъ нихъ проходящую, получить понятіе о первообразѣ Суворовской военной теоріи въ главныхъ ея чертахъ. Послѣдующее расширеніе военной дѣятельности Суворова пополнить въ свое время пробѣлы, укажетъ на измѣненіе

въ его взглядахъ, если оно произошло, и вообще документально подтвердить или опровергнуть вѣрность первоначально сдѣланныхъ выводовъ.

Предполагаемое на войнѣ невозможнымъ по теоріи, на практикѣ оказывается сплошь и рядомъ исполнимымъ—и именно оттого, что считается за невозможное. Для этого надобно вселить въ непріятеля вѣру въ нашу непобѣдимость, а свои собственные войска воспитать такъ, чтобы ихъ ничто не могло на войнѣ озадачить, чтобы онѣ имѣли твердую увѣренность въ своей силѣ и не допускали мысли, что могутъ быть побиты. Въ этомъ убѣжденіи заключается дѣйствительная сила, боязливое отношеніе къ непріятелю составляетъ дѣйствительную слабость. Эти общія истины были по преимуществу Суворовскими истинами. А ргіогі онѣ принимаются почти всѣми, но едва ли кто, въ такой степени, какъ Суворовъ, усвоилъ ихъ всѣмъ своимъ существомъ и безъ всякихъ компромиссовъ вводилъ въ практику дѣла. Они были краеугольнымъ камнемъ его боевой теоріи. Изъ всѣхъ его приказаній и наставленій подвѣдомственнымъ войскамъ въ 1770—72 годахъ, во время польской конфедератской войны, видно, что основнымъ условіемъ военнаго успѣха онъ считалъ *смѣлость*. Онъ предписываетъ отрядамъ смѣлость во всякомъ случаѣ; если нельзя дѣло сдѣлать, то хоть доказать непріятелю несомнѣнную, осязательную готовность къ энергическому дѣйствію; убѣдить его въ своей смѣлости. Послѣ одного незначительнаго, но стоившаго потерь дѣла, онъ даетъ объясненіе своему начальнику, генераль-поручику Веймарну, въ январѣ 1770 года: «Они рекогносцировали, а что такъ дерзновенны, я одинъ тому виной; какъ въ Ладогѣ, такъ и подъ Смоленскомъ, зимою и лѣтомъ, я ихъ приучалъ къ смѣлой, нападательной тактикѣ». Въ приказѣ одному изъ полковъ, отданномъ въ январѣ 1771 года, Суворовъ пишетъ: «Непохвальнымъ нахожу, что на бунтовщиковъ (такъ на офиціальномъ языкѣ назывались у насъ тогда конфедераты) по близости тотчасъ не ударено; хотя бы таковой поискъ былъ иногда и пустой, но служить всегда для страха». Развитіе въ подчиненныхъ нравственной силы онъ обставляетъ всѣми способами и ревниво оберегаетъ ихъ отъ прикосновенія понятій противоположнаго характера, запрещая даже употребленіе на офиціальномъ языкѣ нѣкоторыхъ словъ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ его приказъ одному изъ отрядныхъ начальниковъ, ротмистру Вагнеру, 25 февраля 1771 года: «*сикурсъ* есть слово ненадежной слабости, а *резервъ*—склонности къ мужественному нападенію; *опасность* есть слово робкое и никогда,

какъ и *сикурсъ*, неупотребляемое и отъ меня заказанное. А на то служить *осторожность*, а кто въ воинскомъ искусствѣ твердъ, то *предосторожность*, но не торопливость... Свыше же резерва называется усиліе, т.-е. что и безъ него (резерва) начальникъ войска по его размѣру искусства и храбрости сильнымъ быть себя почитаетъ».

Дѣйствуя на нравственныя силы своихъ подчиненныхъ разными воспитательными приѣмами, Суворовъ не только не пренебрегаетъ ихъ строевымъ обученіемъ, или, по тогдашнему выраженію, «экзерциціей», но придаетъ ему особенную важность. Начальнику своему, Веймарну, онъ пишетъ въ 1771 году: «Каролинцы (войска Карла XII), ихъ побѣдами надменные, надѣясь на себя излишне, отдыхаютъ въ Дрезденѣ по-Капуанскому (какъ Аннибалъ въ Капуѣ) и перебѣгши земли неисчетныя, падаютъ при Полтавѣ передъ Петромъ Великимъ, который между тѣмъ экзерцируетъ свое войско». Въ другомъ письмѣ къ Веймарну Суворовъ говоритъ про необходимость скорѣйшаго подавленія конфедераціи: «Примите мое представленіе за благо, что чрезъ продолженіе сихъ мятежей, они (конфедераты) гдѣ ни есть мѣшка въ углахъ, болѣе времени имѣютъ выэкзерцироваться, нежели мы». Въ третьемъ рапортѣ отъ того же времени онъ объясняетъ своему начальнику необходимость обученія войскъ примѣромъ Юлія Цезаря, который «въ Африкѣ со сборнымъ слоновымъ войскомъ не дрался съ Юбою и со Сципіономъ вправду, давая имъ еще волю бродить, доколѣ онъ основательно не выэкзерцировалъ свое войско». Въ приказѣ по войскамъ 25 іюня 1771 года, Суворовъ, подтверждая начальникамъ — «обучать въ праздное время на постахъ ихъ команды въ тонкость», и давая разныя по этому предмету указанія, въ заключеніе говоритъ: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всѣхъ случаяхъ потребны, только тщетны они, ежели не будутъ истекать отъ искусства, которое возростаетъ отъ испытаній, при внушеніяхъ и затвержденіяхъ каждому должности его».

Эти два основныя правила, воспитаніе нравственной природы человѣка въ смыслѣ наибольшаго развитія военныхъ боевыхъ качествъ и тщательное обученіе его механизму военного дѣла, — сливались у Суворова въ одно, и второе вполнѣ служило первому. У него механическая часть обученія велась исключительно по указаніямъ боевого нравственного элемента. Бюжб, одинъ изъ лучшихъ французскихъ маршаловъ, сказалъ, что между войсками, обладающими высокимъ нравственнымъ чувствомъ, храбрыми и проникнутыми правильными понятіями о боѣ —

и между устроенными и обученными такъ, какъ большая часть войскъ европейскихъ, — существуетъ такая же разница, какъ между взрослыми и дѣтьми. Суворовъ приготовлялъ въ Ладогѣ взрослыхъ.

Самый короткій и вѣрный путь къ приученію человѣка смѣло смотрѣть въ глаза опасности, состоитъ въ томъ, чтобы не выжидать ее, а идти ей на встрѣчу. Этого принципа Суворовъ и держался, проводя его съ помощью исключительно наступательныхъ экзерцицій и давая атакѣ холоднымъ оружіемъ преобладающее значеніе надъ прочими частями строевого устава. Атака въ штыки есть дѣйствіе, требующее большого напряженія воли. Трудность штыковыхъ атакъ привела къ попыткамъ — дать огнестрѣльному оружію значеніе оружія рѣшительнаго, замѣнивъ огнемъ ударъ. Попытка не удалась; войны въ XVI столѣтіи длились десятки лѣтъ, рѣшительныхъ сраженій почти не было. Стали назначать для рукопашнаго боя отборныя войска; если большія части войскъ пускались въ атаку и доводили ее до конца, то подвигъ ихъ приводился въ примѣръ другимъ. Изъ западно-европейскихъ армій, французская была наиболѣе способна къ атакамъ холоднымъ оружіемъ; нѣмцы обращали больше вниманія на огонь, стараясь сдѣлать его правильнымъ и частымъ. Однимъ изъ главныхъ военныхъ принциповъ Фридриха-Великаго было усовершенствованіе огня. Успѣхи Фридриха вселили во всѣхъ духъ подражанія, въ томъ числѣ и во французовъ; штыкомъ стали пренебрегать. Но общій потокъ не унесъ съ собою безвѣстнаго полкового командира русской арміи; вопреки всей Европѣ, онъ придалъ штыку первостепенное значеніе и сдѣлалъ его главнымъ военно-воспитательнымъ средствомъ. Онъ добился своего, ибо въ приказѣ его 25 мая 1770 года читаемъ: «Доселѣ во всѣхъ командахъ моей бригады атаковали только на палахахъ и штыкахъ, кромѣ что стрѣляютъ егеря». Впослѣдствіи онъ продолжалъ настаивать на вѣрности своего взгляда и не ошибся. Его боевая карьера еще не успѣла дойти до своего апогея, какъ разразились войны французской революціи; французы опять перешли къ боевымъ привычкамъ, сроднымъ ихъ національному характеру, достигли успѣховъ удивительныхъ и произвели въ европейской тактикѣ такую же перемѣну, какая незадолго передъ тѣмъ была сдѣлана у нихъ самихъ примѣромъ Фридриха.

Поступая такимъ образомъ, Суворовъ разрабатывалъ благодарную почву и прибѣгалъ къ приему, сродному русской національности. При недостаточности обученія вообще и при слабости огнестрѣльнаго дѣйствія въ особенности, русская армія всегда

чувствовала склонность къ штыку; но эта склонность оставалась инстинктивной и не развитой. Суворовъ взялся за дѣло рукою мастера. Драгоцѣнная особенность русской арміи, замѣченная имъ въ Семилѣтнюю войну, *стойкость*—была элементомъ, обѣщавшимъ Суворову богатую жатву. Предстояло дорогой, но сырой матеріалъ — *пассивную стойкость*, обработать, усовершенствовать и развить до степени *активной настойчивости и упорства*, такъ какъ оба эти свойства, и пассивное, и активное, однородны и составляютъ только двѣ разныя ступени одной лѣстницы. Воспитаніе и обученіе полка и поведены были въ этомъ направленіи; почти вся программа прямо или косвенно сводилась къ наступленію и удару.

Прежде всего Суворовъ обратилъ вниманіе на религіозную сторону и на нравственное чувство солдата. Въ 1771 году писалъ онъ Веймарну: «Нѣмецкій, французскій мужикъ знаетъ церковь, знаетъ вѣру, молитвы; у русскаго едва знаетъ ли то его деревенскій попъ; то сихъ мужиковъ въ солдатскомъ платьѣ учили у меня нѣкіимъ молитвамъ. Тако догадывались и познавали они, что во всѣхъ дѣлахъ Богъ съ ними и устремлялись къ честности». Какъ будто въ подтвержденіе этого пріема, онъ пишетъ тому же Веймарну, но совсѣмъ по другому поводу: «Надлежитъ начинать солиднымъ, а кончать блистательнымъ». Дѣйствуя на религіозное сознаніе своихъ людей, Суворовъ считалъ необходимымъ внушать имъ и благородныя побужденія, преимущественно честолюбіе. Веймарну онъ говоритъ: «Безъ честолюбія, послушанія и благонравія нѣтъ исправнаго солдата». Въ другомъ письмѣ къ нему, того же 1771 года, Суворовъ, вспоминая свое командованіе полкомъ, выражается такъ: «Капраль былъ почтенъ въ корпоральствѣ, какъ капитанъ въ ротѣ; имѣлъ своего ефрейтора и экзерцирмейстера; предводимъ былъ съ возможнѣйшимъ наблюденіемъ старшинства, по достоинству, безъ рекомендаціи, Сержанты вѣдали капральства, но не для хозяйства. Всякій имѣлъ честолюбіе».

Два приведенныя обстоятельства составляютъ, каждое порознь, цѣлую программу дѣйствій; программы эти Суворовъ и разработывалъ. Къ сожалѣнію, подробности остаются неизвѣстны.

Воспитывая и обучая свой полкъ въ смыслѣ наибольшаго развитія въ немъ смѣлости и отваги, Суворовъ, конечно, долженъ былъ выбросить изъ военно-учебной программы все, что принадлежитъ оборонѣ и отступленію. Какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ смыслѣ хорошая оборона должна быть наступательною, слѣдовательно, специальныхъ пріемовъ обученія не

требуется. Отступаетъ хорошо тотъ, кто отступаетъ съ наибольшимъ упорствомъ; упорствомъ же отличается не тотъ, кто обученъ отступательнымъ движеніямъ въ мирное время, а кто привыкъ смотрѣть на бѣгство, какъ на позоръ. Эти-то взгляды на отступление и оборону Суворовъ и внушалъ своему полку. Въ приказѣ ротмистру Вагнеру, въ 1771 году, онъ говоритъ: «*Сикурсъ, опасность* и прочія вообразительныя въ мнѣніяхъ слова служатъ бабамъ, кои боятся съ печи слѣзть, чтобы ноги не переломить, а лѣнливымъ, роскошнымъ и тупозрячимъ—для подлой обороны, которая по концѣ—худая ли, добрая ли—разскащиками такожь храброю называется». Въ другомъ приказѣ на всѣ посты своего района, въ маѣ того же года, онъ внушаетъ, что «одно званіе обороны уже доказываетъ слабость, слѣдственно и наводитъ робость». Въ одномъ только документѣ попадаетъ какъ будто компромиссъ Суворовскаго направленія съ противоположнымъ, но и тутъ Суворовъ прибѣгаетъ къ забавному софизму, съ помощью котораго старается какъ-бы выгородить свой принципъ въ глазахъ другихъ. Именно, въ приказѣ 5 октября 1771 года на всѣ посты онъ, рекомендуя для обученія войска наступные плутонги, прибавляетъ: «притомъ хотя и отступные, только съ толкованіемъ, что то не для отступления, но только для приученія ногъ къ исправнымъ движеніямъ». Дабы убѣдиться въ томъ, что Суворовъ отрицалъ оборону только въ смыслѣ воспитательнаго приема, а на самомъ дѣлѣ умѣлъ цѣнить даже хорошее отступление,—стоить только прочесть его похвалу польскимъ конфедератамъ за дѣло подъ дер. Наводицей. Въ апрѣлѣ 1770 года, онъ доноситъ Веймарну, что поляковъ «на мѣстѣ положено сотъ до трехъ или больше, число же всѣхъ ихъ было поменьше 1000, только все хорошіе люди, ибо когда они на площади, въ лѣсу, мѣсто и батарею потеряли, и наша кавалерія ихъ безпрестанно въ тылъ била, то они, ретируясь черезъ два буерака и потомъ одинъ болотный ручей, тѣ три раза снова дѣлали фронтъ довольно порядочно и ожидали атаку».

Напирая на обученіе наступательнымъ дѣйствіямъ и атакѣ холоднымъ оружіемъ, Суворовъ однако не пренебрегалъ прочими отдѣлами военнаго обученія и никогда не противопоставлялъ одни изъ нихъ другимъ. Это значило бы впадать въ односторонность, а у Суворова было такъ много боевого такта, что онъ не могъ допустить такой грубой ошибки. Его позднѣйшіе военные афоризмы давали поводъ къ подобнымъ толкованіямъ, но эти толкованія свидѣлствуютъ только, что комментаторы трактуютъ о предметѣ, съ которымъ знакомы слишкомъ поверхностно. Тогдаш-

нему ничтожному ружейному огню онъ не давалъ большого значенія, но отводилъ ему должное мѣсто въ общей системѣ военнаго образованія и требовалъ самаго тщательнаго обученія солдатъ стрѣльбѣ. По его энергическому выраженію, гренадеры и мушкетеры «рвутъ на штыкахъ», а стрѣляютъ егеря; но отсюда не вытекало заключенія, что первымъ не нужна цѣльная стрѣльба, а послѣднимъ—штыки. Онъ ненавидѣлъ народившуюся издавна поговорку: «пуля виноватаго найдетъ», и преслѣдовалъ это фальшивое понятіе немилосердно. Въ приказѣ на всѣ посты 25 іюня 1770 года, онъ объясняетъ происхожденіе ненавистной ему поговорки такъ: «что же говорится по неискусству подлаго и болѣею частью робкаго духа—пуля виноватаго найдетъ,—то сіе могло быть въ нашемъ прежнемъ нерегулярствѣ, когда мы по татарскому сражались, куча противъ кучи, и задніе не имѣли мѣста цѣлить дулы, вверхъ пускали бѣглый огонь. Разсудить можно, что какой непріятель бы-то ни былъ, усмотря, хотя самый по виду жестокий, но мало дѣйствительный огонь, не чувствуя себѣ вреда, тѣмъ паче ободряется и изъ робкаго становится смѣлымъ». Послѣднее разсужденіе вполне объясняетъ взглядъ Суворова на стрѣльбу, и до такой степени просто и логично, что нынѣ обратилось почти въ общее мѣсто. Поэтому на обученіе стрѣльбѣ Суворовъ обращалъ очень большое вниманіе и возмущался, если она была плоха. Въ одномъ изъ донесеній Веймарну онъ говоритъ съ горечью: «Нынѣ настали малеванные мужики въ солдатскомъ платьѣ, да по несчастью для роста еще фланговыми; сіи мужики на кулачный бой—пуля виноватаго найдетъ: такой недостатокъ исправнаго выэкзерцированія!» Дисциплинированіе огня было постоянной заботой Суворова; ради этой цѣли, а также въ видахъ воспитанія солдата на атакѣ холоднымъ оружіемъ, онъ не допускаетъ у гренадеръ и мушкетеръ стрѣльбу безъ дозволенія, «ибо единожды навсегда вообразить себѣ должно, что больше потребно времени зарядить, нежели выстрѣлить.... Въ погонѣ же всякій, кому случится, дострѣливать можетъ, но и тутъ напрасно весьма пули не терять». Въ іюнѣ 1770 года онъ предписываетъ на всѣ посты: «Пѣхоту хотя скорому зарядженію приучать, такожь и послѣднѣе плутоножной пальбѣ, но весьма оной въ памяти затверживать, что сіе чинится для одной проворности исправнаго приклада. Въ дѣлѣ, когда бы до того дошло, то хотя бы весьма скоро заряжать, но скоро стрѣлять отнюдь не надлежитъ, а вѣрно цѣлить; въ лучшихъ стрѣлять что называется *ог утку* и пули напрасно не терять». Въ Суворовской программѣ «скорый зарядъ и исправный прикладъ»

занимають одно изъ первыхъ мѣстъ, а стрѣльба въ мишень была даже предметомъ исключительнаго вниманія. Иногда она производилась по окончаніи всего ученія, даже послѣ атаки въ штыки.

Въ прошломъ столѣтіи, особенно въ 60-хъ годахъ, ружейная экзерциція считалась за самую существенную часть строевого образованія; на нее тратили много времени и съ нея обыкновенно начинали. Еще ранѣе того, закралось у насъ во всеобщую практику пустое по смыслу и вредное въ боевомъ отношеніи ружейное франтовство, вслѣдствіе котораго наружной красоты ружья и эффектному исполненію ружейныхъ приѣмовъ приносились въ жертву качества боевого оружія. Изданной въ 1764 году инструкціей уже обращалось на это обстоятельство вниманіе полковыхъ командировъ и указывалось, чтобы скобки и винты ружья были въ своемъ мѣстѣ, и пустой красоты и грому не дѣлали. Но это не дѣйствовало, и 20 лѣтъ спустя, Потемкинъ заявлялъ въ приказѣ, что полированіе и лощеніе предпочтено въ ружьѣ его исправности. У Суворова ничего подобнаго не могло быть, ибо прямо противорѣчило бы самой сущности его требованій. Онъ съ-разу свелъ ружейную экзерцицію съ ея искусственной высоты и поставилъ на надлежащее мѣсто, измѣнивъ общепринятый порядокъ строевыхъ занятій. «По данному въ полкъ моему учрежденію», пишетъ онъ Веймарну въ 1771 году: «экзерцированіе мое было не *на караулъ, на плечо*, но прежде поворачать, потомъ различное маршированіе, а потомъ уже приѣмы, скорый зарядъ и конецъ—ударъ штыками». Вообще Суворовъ не много давалъ цѣны ружейной экзерциціи, исключая «исправнаго приклада», такъ какъ это прямо относится къ цѣльной стрѣльбѣ. Другихъ подробностей относительно порядка обученія не сохранилось. Весь же кругъ обученія, приведенный выше, нѣсколько съ бѣльшей еще полнотой изложенъ въ приказѣ казанскому пѣхотному полку, отданномъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1770 года. «Оному полку весьма экзерцироваться сколько въ поворотахъ, приѣмахъ, скоромъ зарядѣ и примѣрной стрѣльбѣ съ исправнымъ прикладываніемъ, столько паче маршированію тихо, скоро и поспѣшно, наступательнымъ эволюціямъ съ захожденіемъ, разнообразнымъ движеніямъ и обращеніямъ фронтовъ, взирая на разныя мѣстоположенія, и атакамъ на штыкахъ, а по окончаніи всего экзерцировать стрѣлянню въ мишень, хотя бы то было въ холодное время».

Въ этомъ приказѣ изложено, между прочимъ, условіе обученія войскъ съ примѣненіемъ къ мѣстности. Такое же самое требованіе высказано Суворовымъ въ приказѣ на всѣ посты, от-

данномъ въ томъ же году; онъ предписываетъ обучать въ тонкость основаніямъ разныхъ эзерцицій, маневрамъ, эволюціямъ и атакамъ, «толеуя и пріучая къ нимъ по различію ихъ, состоящемъ въ различіи положенія мѣстъ—ровныхъ, низкихъ, высокихъ, перерѣзанныхъ, лѣсистыхъ и болотныхъ». Вообще боевой элементъ обученія отзывается во всякой строкѣ его приказовъ и наставленій; иного способа обученія онъ не понималъ и собственно про этотъ свой взглядъ на дѣло не считалъ нужнымъ и упоминать, тѣмъ менѣе объяснять его или доказывать.

Необходимая принадлежность боевого обученія есть простота, немногосложность. На войнѣ не производятъ хитрыхъ эволюцій; ихъ приложение — плацпарадъ да мирнаго времени эффектные маневры. Чѣмъ программа проще, тѣмъ скорѣе она усваивается, и въ военное время, въ случаяхъ исключительныхъ, солдаты самъ будутъ знать, что ему дѣлать; иной поступить и машинально, но правильно. Обученіе же сложное, уснащенное разными хитросплетеніями, и въ находчивомъ солдатѣ можетъ породить въ минуту опасности недоумѣніе и колебаніе.

Изъ духа Суворовскаго обученія и изъ разныхъ его выраженій, попадающихся въ приказахъ, слагается заключеніе, что онъ руководился означенными соображеніями. Но хотя его обученіе въ Ладогѣ было дѣйствительно боевое, немногосложное, однако такое опредѣленіе не слѣдуетъ принимать безусловно. Суворовъ былъ только полковой командиръ, и хотя инициатива и свобода дѣйствій полковыхъ командировъ были въ то время велики во всѣхъ отношеніяхъ, а потому обученіе полковъ отличалось большимъ разнообразіемъ (по выраженію Суворова — «модой»), но строевой уставъ все-таки существовалъ, притомъ только что изданный, и не принимать его въ соображеніе были невозможно. Полковые командиры не сочиняли своихъ собственныхъ уставовъ, а держались одного, но примѣняли его различно; сдѣлалъ такъ и Суворовъ. Онъ выдѣлилъ части устава, подходившія къ его программѣ; вдохнулъ въ нихъ свою направляющую мысль, и на этомъ основалъ свое обученіе, переводя его въ сознаніе офицеровъ и солдатъ. Остальные уставныя правила онъ, надо полагать, передавалъ полку механически, какъ мертвую букву, а можетъ быть нѣкоторыя и вовсе обошелъ. Все дѣло заключалось, значитъ, въ примѣненіи уставныхъ правилъ, въ характерѣ требованій, что и составляетъ живую силу всякаго устава.

Соображенія эти необходимо имѣть въ виду для правильнаго пониманія того, что дѣлалъ Суворовъ въ Ладогѣ. Тогда станетъ

понятна податливость его на счетъ отступныхъ плутонговъ, упомянутыхъ выше. Сдѣлается тоже ясно, почему въ конфедератной войнѣ онъ соглашается, чтобы офицеры обучали людей «какъ въ ихъ полку мода, но съ надвижкой впередъ». Только впоследствии, достигнувъ высшихъ чиновъ, Суворовъ могъ дѣйствовать свободнѣе.

Простота уставныхъ требованій Суворова, т.-е. то, что входило въ его собственную программу обученія, логически вытекаетъ изъ его взглядовъ на весь предметъ. Простота дѣйствій обуславливаетъ и простоту обученія, а отъ дѣйствій Суворовъ всегда требуетъ простоты. «Подтверждаю удары дѣлать простые, а паче поспѣшныя и храбрыя», говоритъ онъ въ одномъ изъ приказовъ 1771 года. Излишнія хитросплетенія онъ называетъ «чудесами». Въ 1771 году, послѣ неудачнаго покушенія на Ланцкорону, онъ пишетъ Веймарну: «Имѣли мы прежде вымышленныя слова—строй фронтъ по локтю, раздайся изъ середины крыльемъ, фронтъ назадъ—поѣть для скуки взводный командиръ: въ середину сомкнись, стройся въ полторы шеренги, стройся въ три шеренги, строй ряды въ шесть шеренгъ, наконецъ тысячу такихъ словъ: все подъ Ланцкороной исчезло». Наконецъ, сложность обученія во время большой, упорной войны становится невысказанной; что Суворовъ это сознавалъ, какъ участникъ Семилѣтней войны, видно изъ слѣдующихъ строкъ того же письма его къ Веймарну: «Король, на всѣ стороны перелетая, теряетъ людей, въ тонкость обученныхъ, наполняетъ ихъ наскоро сборною ухой и не имѣетъ времени болѣе выэкзерцировать, какъ слегка ауфмарширному».

Труды Суворова по обученію полка были бы не полны и не достигали бы цѣли, еслибъ онъ не включилъ въ свою программу отдѣла военно-походнаго. Въ походахъ приходится войскамъ переносить наиболѣе трудовъ и лишеній, походы служатъ главнымъ испытаніемъ военныхъ качествъ войскъ, и едва ли много преувеличенія въ словахъ одного военнаго писателя, что армія, которая лучше ходитъ, должна одержать побѣду. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что изъ двухъ армій, одинаково снаряженныхъ, обученныхъ и предводимыхъ, будетъ имѣть перевѣсъ та, которая болѣе вынослива и подвижна. Непременное условіе рациональности обученія войскъ въ мирное время состоитъ въ созданіи метода и обстановки, какъ можно ближе напоминающихъ практику военнаго времени. По самому свойству предмета, для строевыхъ ученій это менѣе возможно, чѣмъ для походной службы. Какъ ни мастерски будутъ ведены боевые маневры и упраж-

ненія, они не въ состояніи воспроизвести точно картину дѣйствительнаго боя; упражненія же въ походныхъ движеніяхъ могутъ быть производимы такимъ образомъ, что не представляютъ почти никакого различія съ походами военнаго времени.

Походныя движенія мирнаго времени развиваютъ привычку къ настоящимъ военнымъ походамъ, ибо обстановка мѣняется безпрестанно и войскамъ представляются неожиданности и затрудненія почти такъ, какъ въ военное время. Солдаты вырабатываютъ разныя сноровки для своего облегченія во время марша, для лучшаго пользованія отдыхомъ, для уменьшенія вліянія на нихъ погоды; пріобрѣтаютъ практику бивуакированія, приготовленія пищи, переправъ черезъ рѣки, переходовъ черезъ гористыя, болотистыя и другія мѣстности. Начальники получаютъ правильное понятіе о солдатскомъ снаряженіи, о томъ, чего можно требовать отъ человѣка, обремененнаго большою ношей, о качествахъ и свойствахъ обоза. Если дѣло ведется умѣючи, съ соблюденіемъ постепенности, то санитарное состояніе войскъ не ухудшается, часто даже улучшается; солдатъ безъ всякаго для себя вреда втягивается въ походную службу, и переходъ къ военному времени перестаетъ быть для него крутымъ и рѣзкимъ.

У Суворова походныя упражненія велись параллельно съ боевыми. Что онъ придавалъ имъ первостепенное значеніе, лучше всего убѣждаютъ слова его приказа, отданнаго въ концѣ 1771 г. на всѣ посты: «памятовать то, что побѣда зависитъ отъ ногъ, а руки только орудіе побѣды». И дѣйствительно, походныя движенія онъ производилъ безпрестанно. Ударять тревогу, полкъ соберется и выступитъ въ походъ; Суворовъ водить его иногда по нѣскольку дней сряду, бивуакируетъ, переходитъ ручьи и рѣки въ бродъ, даже вплавь, производитъ по пути боевыя ученія. Время года, а тѣмъ паче погода, въ соображеніе не принимались; какъ боевое, такъ и походное обученіе производилось и днемъ и ночью, и лѣтомъ и зимою. Особенно считалъ онъ полезнымъ практиковать войска на морозѣ; въ приказахъ своихъ 1770 и 1771 годовъ онъ часто упоминаетъ, что холодъ отнюдь не препятствуетъ обученію: «Экзерцировать стрѣлянню въ мишень, хотя бы то было въ холодное время»; «маршировать съ ружьемъ плотно, широко, загигаться (заходить), атаковать, грѣясь на морозѣ въ рукавицахъ».

Будучи въ Семилѣтнюю войну свидѣтелемъ крайней медленности движеній русской арміи, чему въ особенности способствовали непомѣрный обозъ, Суворовъ дѣлалъ учебные походы безъ сомнѣнія съ самымъ незначительнымъ числомъ повозокъ, и самъ

былъ всегда верхомъ. По всей вѣроятности онъ приучалъ полкъ исподоволь, начиная съ обыкновенныхъ переходовъ и кончая форсированными, потому что иначе число отсталыхъ и больныхъ росло бы быстро. А у него въ полку было правило—нормальное число больныхъ считать между 8 и 20 (на 1000 человекъ слишкомъ), и если цифра больныхъ подходила къ 20, то назначалось свидѣтельство, нѣчто въ родѣ слѣдствія. Какъ велики были его учебные переходы—неизвѣстно; не можетъ однако подлежать сомнѣнію, что форсированный маршъ практиковался часто, потому что основнымъ принципомъ обученія служила мысль—одерживать побѣды солдатскими ногами. Въ 70-хъ годахъ, въ Польшѣ, онъ назначалъ постоянно и часто подтверждалъ, для суточныхъ поисковъ партій, разстояніе отъ 50 до 85 верстъ, въ оба конца, смотря по погодѣ и дорогѣ.

Было уже сказано, что Суворовъ производилъ обученіе полка не только днемъ, но и по ночамъ. Ночныя экзерциціи были особенно въ духѣ его программы, потому что военныя дѣйствія ночью представляютъ большія трудности и большія выгоды. Въ ночномъ бою не видно, кто изъ противниковъ сильнѣе; огнестрѣльное оружіе значить очень мало; побѣждаетъ тотъ, кто отважнѣе и смѣлѣе. Движеніе въ ночную темноту можно произвести скрытно, слѣдовательно явиться на данный пунктъ неожиданно для непріятеля. Но за то, въ ночномъ бою иногда ничтожное обстоятельство, неожиданный случай производятъ переполохъ, сумятицу и ведутъ къ страшному безпорядку; движенія ночью медленны, утомительны; соблюденіе порядка крайне затруднительно; цѣлыя части войскъ нерѣдко сбиваются съ дороги, и при встрѣчѣ со своими отерываютъ огонь; внезапное нападеніе непріятеля производитъ подчасъ совершенный хаосъ, такъ какъ никто не видитъ и понять не можетъ въ чемъ дѣло. Всѣ эти дурныя особенности ночныхъ движеній и дѣйствій далеко перетягиваютъ выгодную ихъ сторону, а потому ночные переходы и особенно ночныя дѣла практикуются рѣдко и большею частію случайно. Но именно потому, что они рѣдки и трудны, Суворовъ посвятилъ имъ все свое вниманіе и сдѣлалъ изъ нихъ спеціальныя отдѣлы обученія полка. Онъ не могъ упустить выгоды—владѣть оружіемъ, которымъ противникъ не владѣетъ, и доказать вѣрность своего разсчета весьма въ скоромъ времени.

Весь кругъ Суворовскаго обученія происходилъ не только на его глазахъ, но веденъ былъ непосредственно имъ самимъ, или подъ его надзоромъ, въ его присутствіи. Обученіе обнимало итогъ солдатскихъ обязанностей, къ какому бы предмету они

ни относились. Мы видѣли выше, что Суворовъ счелъ нужнымъ начать съ преподаванія солдату основныхъ христіанскихъ истинъ въ видѣ молитвъ, для чего и составилъ самъ молитвенникъ. Отъ этого высокаго дѣла онъ не гнушался спускаться къ самой черной работѣ; училъ каждого какъ чиститься, обшиваться, мыться и тому подобное, «и былъ человѣкъ здоровъ и бодръ»,—говорить онъ въ письмѣ объ этомъ къ Веймарну. «Знають офицеры, что я самъ то дѣлать не стыдился... Суворовъ былъ и маіоръ, и адъютантъ, до ефрейтора; самъ вездѣ видѣлъ, каждого выучить могъ».

Нужно ли это? Слѣдуетъ ли полковнику заниматься адъютантскими, ефрейторскими и другими обязанностями, когда у него для всего есть соотвѣтственные исполнители?

При обыкновенныхъ обстоятельствахъ не нужно и не слѣдуетъ, но Суворовъ дѣйствовалъ въ условіяхъ исключительныхъ. Онъ былъ новаторомъ, онъ ставилъ полкъ на свою Суворовскую ногу, воспитывалъ и училъ его по своей собственной программѣ. Какъ ни бѣдны и отрывочны излагаемые здѣсь свѣдѣнія, но изъ нихъ все-таки можно видѣть, что Суворовское обученіе отличалось строгой логичностью, и что извѣстныя намъ части программы, до послѣднихъ мелочей, стройно направлялись къ одной цѣли. Поэтому Суворову не представлялось иного пути къ проведенію своей системы въ практику дѣла, какъ быть самому вездѣ, все видѣть, всѣхъ и всему учить. Только тогда могла его система сохранить въ себѣ свою живую силу. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы увидимъ, что иногда лучшіе генералы, подчиненные Суворова, производя ученія въ его духѣ, дѣлали грубыя ошибки. Какъ же можно было ему положиться на адъютантовъ и ефрейторовъ въ дѣлѣ для него жизненномъ, а для нихъ совершенно новомъ и, быть можетъ, непонятномъ? Онъ въ то время былъ простой полковой командиръ, безъ длиннаго ряда побѣдъ за плечами, безъ ореола европейской славы, безъ неотразимаго обаянія на войска. Онъ только еще готовился къ пробиванію себѣ пути, работалъ какъ простой работникъ, не могъ и не долженъ былъ работать иначе.

Первымъ качествомъ солдата должна быть храбрость; какъ развить ее въ мирное время? Суворовъ держался такого пути: добивайся, чтобы солдатъ былъ увѣренъ въ самомъ себѣ, тогда онъ будетъ храбръ. Съ этою цѣлью онъ старался влить въ солдатское сознаніе немного и дать солдату внѣшнее военное образованіе несложное, но чтобы то и другое было усвоено солдатомъ

въ совершенствѣ и привилось къ нему органически. Въ упомянутомъ выше письмѣ къ Веймарну, онъ пишетъ: «Каждый шелъ черезъ мои руки, и сказано ему было, что болѣе ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забыть. Такъ былъ онъ на себя и надеженъ, — основаніе храбрости». Дальше въ томъ же письмѣ говорится: «четвертаго гренадерскаго полка люди бодры, мужественны, да не храбры; чтó тому причина? Они на себя не надежны».

Дисциплина въ русской арміи была внѣшняя и поддерживалась лишь страхомъ наказанія; наказанія были суровыя, и назначеніе ихъ, до высокаго размѣра, предоставлялось власти ближайшихъ начальниковъ, въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій. Полковникъ имѣлъ право, безъ суда, по собственной оцѣнкѣ вины, прогнать солдата сквозъ строй до трехъ разъ. Правда, законъ ставилъ рекрута подъ особое свое покровительство и предоставлялъ начальнику взыскивать на солдатѣ, приставленномъ къ рекруту, самъ же рекрутъ «не долженъ былъ не только бить, но ниже стращенъ». Но это была сдѣлка законодателей съ совѣстью; такой уступкѣ противорѣчило все—и общее направленіе законодательства, и традиціи, и возрѣнія общества, и представленіе начальнику широкаго усмотрѣнія. Да и какъ было не бить рекрута, когда та же инструкція предписывала: «быть не лѣнливу, смѣлу, проворну, поворотливу; чтобы крестьянская подлая привычка, уклонка, ужимка, чесаніе при разговорѣ — совсѣмъ были изъ него истреблены». Всякій торопился изъ рекрута сдѣлать солдата по указанному образцу, чтобы самому не быть въ отвѣтѣ, а прямѣйшій къ тому путь заключался въ батоужѣ, въ шпигрутенахъ, къ которымъ издавна всѣ привыкли, ничего ненормальнаго въ нихъ не видѣли и отвѣтственности за нихъ не подвергались, если не заходили черезъ-чуръ далеко.

Суворовъ былъ военный человѣкъ до мозга костей и потому поддерживалъ у себя въ полку строгую дисциплину. Вѣкъ былъ суровый, нравы только-что начинали смягчаться; составъ арміи изъ крѣпостныхъ, да притомъ, худшихъ по выбору, и ея нѣкоторая нравственная распушенность, выражавшаяся въ склонности къ грабежамъ, требовали ежовыхъ рукавицъ. Суворовъ держалъ полкъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Онъ вообще не былъ поклонникомъ палки, но въ военной службѣ считалъ строгость необходимой и баловство вреднымъ въ высшей степени. Въ приказѣ 28 февраля 1772 года онъ говоритъ: «Въ случаѣ оплошности взыскивать и безъ наказанія не оставлять, понеже ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда. Почему

командующему за прегрѣшенія неослабно наказывать, ибо когда послабить, то тѣмъ временемъ въ непослушаніе придуть и въ своемъ званіи оплошнѣе учинятся». За какіе проступки какую мѣру взысканія онъ опредѣлялъ, — ни откуда не видно, но къ шпицрутенамъ прибѣгалъ не заурядъ. Строгость была велика потому, что и требованія были велики. Укажемъ на одинъ примѣръ изъ конфедератской войны: Суворовъ требовалъ абсолютной тишины въ строю и не допускалъ возможности чего-нибудь похожаго на разговоръ. Это не было фронтовымъ увлеченіемъ, желаніемъ добиться эффекта тишины; такихъ вкусовъ у Суворова не замѣчается. Вѣрнѣе всего, что его требованіе вытекало изъ соображеній высшаго свойства: солдатъ во фронтѣ, какъ на священнодѣйствіи; онъ слышитъ команду, знаетъ что ему дѣлать и долженъ исполнять. Передъ нимъ совершается кровавая жертва любви къ отечеству; онъ самъ для нея предназначенъ и долженъ весь принадлежать своему долгу; нѣтъ ни недоразумѣній, ни колебаній, ни сомнѣній; нѣтъ и мысли, которою бы можно было подѣлиться съ товарищемъ; мысль у всѣхъ одна — побѣдить или умереть. Конечно, фронтъ на учебномъ полѣ и фронтъ подъ пулями и ядрами — не одно и то же; но у Суворова мирное упражненіе было, насколько то возможно, близкой копіей боевого дѣла. Если онъ требовалъ полного безмолвія фронта въ военное время, то требовалъ и въ мирное. А въ военное онъ этого требовалъ и въ дѣйствіи, и въ движеніи, «когда палаши не въ ножнахъ и ружье не по ремню». Приказомъ 1771 года онъ предписываетъ наблюдать, чтобы «никто изъ нижнихъ чиновъ не дерзалъ что среди дѣйствій, хотя и тихимъ голосомъ, сказать»; такихъ приказываетъ арестовать или замѣтить «для полученія ему за то достойнаго; если капралъ или ефрейторъ не исполнять, то имъ то же самое, а офицеру арестъ». Но за то, для устраненія поводовъ къ нарушенію безмолвія фронта, т.е. недоразумѣній и колебаній, онъ приказываетъ высшимъ и низшимъ начальникамъ произносить командныя слова «весьма громко».

Мы уже видѣли, что для развитія въ нижнихъ чинахъ нравственнаго чувства, Суворовъ училъ ихъ молитвамъ. Онъ самъ говорилъ въ письмѣ къ Веймарну, что это дѣлалось, дабы «они познавали грѣхъ, и наказаніе, коимъ 99 противъ сегого правятся нынѣ, то тяжело и излишнее». Излагая такимъ образомъ свой нравственный методъ для уменьшенія проступковъ и слѣдующихъ за ними взысканій и называя обязанность наказывать

тяжелою и излишнею, когда проступки могутъ быть устраняемы иначе, Суворовъ прибавляетъ, что солдатъ онъ много и не наказывалъ. Это заявленіе имѣетъ большую цѣну, особенно рядомъ съ другимъ, сдѣланнымъ имъ нѣсколько позже, въ Турціи, въ 1773 году, его начальнику, Салтыкову: «ладно, что копорская рекрутская команда будетъ въ полку; только бы ее поберегли тамъ отъ палокъ и чудесъ». Изъ приведенныхъ немногихъ данныхъ можно кажется заключить, что Суворовъ, не задумываясь подвергать солдатъ взысканіямъ не только за важные проступки, но и за «прегрѣшенія», какъ онъ самъ выражается, все-таки не былъ жестокъ, не любилъ наказаній и осуждалъ палочную щедрость.

О формахъ строя, предпочитаемыхъ Суворовымъ, ничего сказать нельзя; какъ видно, у него въ этомъ отношеніи ничего своего, оригинальнаго, не было, а держался онъ общихъ уставныхъ правилъ, по которымъ развернутый строй былъ нормальнымъ боевымъ порядкомъ, какъ и во всей Европѣ. Не было у него однако и слѣпой рутинности; онъ бралъ ту форму, которая, по его мнѣнію, болѣе подходила къ обстоятельствамъ. Напримѣръ, въ открывшейся вслѣдъ затѣмъ польской конфедератской войнѣ, онъ часто употреблялъ для атаки колонны съ дистанціями.

Такъ велись учебныя занятія въ суздальскомъ полку. Онѣ представляли цѣлую систему, которая была настолько извѣстна подчиненнымъ Суворова, что онъ могъ отдать ротмистру Вагнеру въ 1771 году такое короткое приказаніе: «прикажите весьма отчуждившуюся пѣхоту эзерцировать на ногѣ моего извѣснаго суздальскаго учрежденія». Много имѣла Суворовская система обученія необычнаго, рѣзко отличавшагося отъ общепринятыхъ тогда взглядовъ и порядковъ, и большая часть этого различія коренилась въ томъ, что онъ готовилъ свой полкъ исключительно для службы военного времени. Ночные маневры; сборъ полка по тревогѣ во всякое время года, днемъ и ночью; форсированные учебные марши тоже во всякое время; переправы безъ мостовъ; наконецъ, примѣрный штурмъ монастыря въ окрестностяхъ Новой-Ладogi и тому подобное, — вотъ что бросалось въ глаза, удивляло и забавляло. Не была понята основная его мысль, и потому озадачивали приемы исполненія, которые и пошли за оригинальничанье чудака-полковника. Такой невѣрный взглядъ перешелъ въ литературу и дожилъ даже до нашего времени. Суворовъ былъ дѣйствительно чудакъ; но если въ немъ замѣ-

чались выходки чудака, то изъ этого никакъ не слѣдовало, что только однѣ такія выходки онъ и дѣлалъ. Онъ безгранично вѣрилъ въ жизненные свойства своего «суздальскаго учрежденія» и потому, прививая свою систему къ полку, не желалъ поступиться ничѣмъ. И это-то глубокое по своему смыслу дѣло окрестили чудачествомъ, огласили искусственнымъ оригинальничаньемъ!

Чтобы кончить съ обученіемъ суздальскаго полка, замѣтимъ, что никакихъ Суворовскихъ афоризмовъ, получившихъ впослѣдствіи такую извѣстность, мы въ эту пору еще не встрѣчаемъ. Не попадаютъ въ его наставленіяхъ, приказахъ и перепискѣ ни «глазотѣръ, быстрота, натискъ», ни «пуля дура, штыкъ молодецъ», ни «немогузнайство» и проч. и проч. Изъ вышеизложеннаго явствуется, что почти все это существовало уже тогда въ понятіяхъ Суворова и переводилось имъ въ дѣло; но законченную, лаконическую форму едва ли имѣло.

Полковые командиры—столпы арміи; армія не можетъ быть хороша безъ хорошихъ полковниковъ. Но доброкачественность полкового командира опредѣляется обыкновенно по масштабамъ различнымъ. Нельзя обойти соображеніе, что на боевомъ полѣ можетъ зачастую выпасть на долю полкового командира начальствованіе отрядомъ изъ войскъ двухъ и трехъ родовъ оружія. Слѣдовательно, полковому командиру необходимо обладать по крайней мѣрѣ практической подготовкой въ подобномъ начальствованіи, иначе ему будетъ недоставать того самаго, что Суворовъ считалъ необходимымъ качествомъ послѣдняго солдата—увѣренности въ себѣ, въ своихъ силахъ, въ своей годности къ извѣстному кругу дѣйствій. Сверхъ того, у полковника, близко знакомаго со всѣми родами оружія, особенно не по одной практикѣ, взглядъ на строевыя занятія полка долженъ быть шире, яснѣе, правильнѣе. Такимъ именно полковникомъ былъ Суворовъ, представлявшій собою самое выдающееся исключеніе изъ общаго уровня.

Слѣдуетъ припомнить, какое многостороннее образованіе онъ себѣ далъ; надлежитъ имѣть въ виду его первую боевую практику въ Семилѣтнюю войну и тяжелую зимнюю кампанію 1761 года. Онъ, пѣхотный подполковникъ, командовалъ постоянно конницей и, по окончаніи войны, представленъ въ командиры кавалерійскаго полка. Въ первомъ дѣлѣ, гдѣ ему привелось начальствовать, онъ, командуя кавалерійскимъ отрядомъ, отразилъ наступавшаго непріятеля однимъ артиллерійскимъ огнемъ. Онъ имѣлъ такую разностороннюю школу, обладалъ къ тому же та-

кимъ военнымъ дарованіемъ и съ такимъ увлеченіемъ любилъ военное дѣло вообще, что соединялъ въ себѣ всѣ условія, чтобы дать полку самое осмысленное военное образованіе. Подобный рѣдкій полковой командиръ не видѣнъ весь на учебномъ полѣ своего полка, и будетъ поучительно познакомиться съ его взглядами на другіе роды оружія, какъ бы ни были скудны сохранившіяся по этому предмету свѣдѣнія.

Въ приказѣ 25 іюня 1770 года на всѣ посты подчиненнаго ему района, Суворовъ говоритъ: «Кавалеріи стрѣлять вовсе не годится, а несравненно лучше палаши и копье; развѣ паче чаянія случилось бы дострѣливать въ погонѣ; но и при семъ лучше холодное оружіе, ибо инымъ нечаянно можно разстрѣляться, и для новаго заряжанія таковымъ по себѣ время кратко и драгоцѣнно». Въ другомъ приказѣ онъ подтверждаетъ: «кавалеріи атаковать только на палахахъ»; «въ погонѣ кавалеріи надлежитъ только смѣло врубаться неиспорченнымъ фронтомъ, кромѣ фланкеровъ, кои могутъ стрѣлять изъ пистолетовъ, но цѣльно»; «состоящихъ на постахъ казаковъ обучать разнымъ атакамъ». Такимъ образомъ, онъ почти отрицаетъ въ кавалеріи употребленіе огнестрѣльнаго оружія, чтó было въ то время большой новизной; несмотря на это, приказываетъ беречь пулю и если стрѣлять, то мѣтко. Онъ предписываетъ обучать кавалеристовъ рубкѣ палашами—«низко пѣхоту, выше конницу, но прежде подлинной рубки пріучать къ отвѣсу палаша». Онъ говоритъ, что тутъ нужна не столько сила, сколько искусство, и приводитъ въ доказательство одно свое дѣло: «изъ всѣхъ тѣхъ, конхъ карабинеры рубили, большая часть ускакали раненные, а малосильные драгуны рубили на повалъ». Онъ требуетъ, чтобы лошади не боялись блеска палаша; учить при карьерѣ приподниматься на стременахъ и нагибаться впередъ на конскую шею; начинать и кончать свои наставленія необходимостью выучки, экзерциціи.

Артиллеріи Суворовъ предъявляетъ требованіе мѣткости, скорого заряжанія и особенно соотвѣтственнаго выбора позиціи, на чтó и предоставляетъ ей полную свободу. По этому поводу онъ говоритъ въ приказѣ 25 іюня: «Пушки въ дѣлѣ дѣйствуютъ сами по себѣ, и хотя артиллеристовъ скорому заряжанію и пальбѣ примѣрами весьма пріучать, но паче того знанію батарейнаго мѣста, которое состоитъ въ привычномъ свиденіи равнины, развѣ малаго полевого возвышенія разстоянію. Натверживать въ память артиллеристамъ непрестанно, чтобы въ истинномъ

дѣйстви стрѣляли рѣдко, но весьма цѣльно; знали бы качества ихъ орудія и заряда; напрасно не стрѣляли-бъ».

Во всѣхъ родахъ оружія, Суворовъ требуетъ строевыхъ упражненій съ примѣненіемъ съ разнаго рода мѣстности и совокупнаго маневрированія. Во главѣ всего поставлено «жестокое и поспѣшное нападеніе»; «удары простые, но поспѣшные и храбрые». Это его альфа и омега.

Прошло слишкомъ пять лѣтъ со времени назначенія Суворова командиромъ суздальскаго полка; пять военныхъ лѣтъ мирнаго времени. Осенью 1768 года сказано полку военный походъ; послѣ учебнаго курса наступалъ боевой экзамень.

А. ПЕТРУШЕВСКІЙ.

СЛИШКОМЪ ХОРОША ...

Изъ повѣсти Андре Жерара.

Съ французскаго.

Большая комната нижняго этажа; на стѣнахъ, выкрашенныхъ сѣрою краскою, сырость развела узоры темно-зеленаго цвѣта; изъ плитусовъ, усѣянныхъ множествомъ дырочекъ, доносятся странные звуки; на потолокъ громадный паукъ мирно раскинулъ свою паутину надъ мѣднымъ Распятіемъ, осѣненнымъ высохшими вербами. На дворѣ зима, а въ комнатѣ не видать камина, но за то на стѣнѣ красуется очертаніе печки, сдѣланное чернымъ карандашомъ; рядомъ нацарапана восьмая заповѣдь блаженства, которую Поппъ присоединилъ къ евангельскимъ: «Блаженны тѣ, кои не ждутъ ничего хорошаго отъ жизни, ибо они не будутъ обмануты». Тусклый день, какъ-бы нѣхота, проходитъ сквозь рѣшетки высокаго окна, выходящаго на пустырь, гдѣ нѣсколько куръ ищутъ себѣ скудную пищу среди кухонныхъ объѣдковъ, старыхъ капустныхъ листовъ и всяческой шелухи. Поодаль отъ этой печальной обители высятся величественные и подобные дворцамъ, новые дома новаго бульвара. Изъ этого уголка богатаго и наряднаго Парижа доносится черезъ пустырь веселый шумъ, подобный довольному вздоху громаднаго города, упоеннаго роскошью и удовольствіями.

Комната, описанная нами, не тюрьма, несмотря на оконныя рѣшетки и исписанныя стѣны; она принадлежитъ монастырю св. Маріи, гдѣ даютъ кровь и пищу, за убогую плату двадцати франковъ въ недѣлю, молодымъ дѣвушкамъ, стекающимся со всѣхъ концовъ Франціи, Германіи и Англіи, чтобы поступить

въ гувернантки. Эти молодыя дѣвушки выжидаютъ здѣсь, чтобы различныя конторы, гдѣ онѣ записались, доставили бы имъ мѣсто, соотвѣтствующее ихъ талантамъ, съ вычетомъ 5% изъ годичнаго жалованья.

Сегодня, 15 декабря 18..., около дюжины жилищъ, двадцати и двадцати-пяти лѣтъ отъ-роду, собрались въ общей пріемной, куда онѣ сходятся писать письма или работать, когда конторы не разсылаютъ ихъ по разнымъ домамъ. Вокругъ стола, у окна, сидятъ четыре молодыхъ дѣвушки. Одна изъ нихъ, Маргарита Давенель зашиваетъ оборку у своего чернаго мериносоваго платья, заглядывая по временамъ въ итальянскую грамматику, раскрытую передъ нею; другая, Одетта де-Флёръ, переводитъ *Марію Стюартъ* Шиллера, испуская глубокіе вздохи; третья, Изабелла Жильберъ, дочь застрѣливагося маклера, отпарываетъ кружева и вышивки, чтобы продать ихъ, отъ своего приданнаго бѣлья, такъ какъ будущій мужъ, разумѣется, исчезъ вмѣстѣ съ приданнымъ, рухнувшимъ вмѣстѣ съ богатствомъ покойнаго финансиста. Прелестная австрійка, у которой на головѣ красуется цѣлая масса бѣлокурыхъ волосъ, Ульрика Браунъ, чернитъ побѣлѣвшія пальцы своихъ черныхъ перчатокъ. Отецъ ея, убитый при Садовой, оставилъ въ наслѣдство одиннадцать дѣтей своей вдовѣ.

За вторымъ столомъ однѣ пишутъ письма, другія читаютъ или работаютъ. Уже четверть часа, какъ царитъ глубокое безмолвіе.

— Милая Браунъ,—сказала Маргарита Давенель, окончивъ свою починку,—неужели вы намѣреваетесь чернить свои перчатки до второго пришествія? Я уже зачинала свою громадную дыру...

— Ей-Богу, печально глядѣть на нее, — вмѣшалась m-ле Жильберъ:—посмотрите, какой у нея потерянный и безсмысленный взглядъ. Можно подумать, что она видитъ на кончикахъ своихъ перчатокъ «синее купѣ съ синими колесами и синей обивкой», которое ей предлагаетъ въ своемъ письмѣ этотъ русскій!..

Браунъ слегка пожала плечами.

— Я увѣрена, милочка, что вашъ князь такой же князь, какъ его дворникъ, замѣтила m-ле де-Флёръ. Дворянинъ, предлагающій женщинѣ экипажъ въ подарокъ, не упоминаетъ объ его обивкѣ и колесахъ. Эта выходка достойна каретника... Я совершенно того же мнѣнія,—отвѣчала Браунъ.—Но когда челоуѣкъ явился съ Кавказа... Вотъ скоро пять мѣсяцевъ, какъ я ищу мѣста, и мнѣ предлагаютъ только мѣсто бонны... Люди,

должно быть воображаютъ, что нѣмки могутъ обучать только нѣмецкому языку. У меня осталось всего семьдесятъ пять франковъ сорокъ пять сантимовъ, а просить матушку, убивающуюся день и ночь надъ работой въ Вѣнѣ, выслать мнѣ еще денегъ было бы безсовѣстно... Можетъ быть, этотъ неотесанный вельможа женится на мнѣ?—Когда начинаютъ съ конца, бракъ сомнительное дѣло,—пробормотала Жильберъ...

— Значить, вы совѣтуете мнѣ начать и кончить голодомъ?

— Я ничего не совѣтую.

— Чтò бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я никогда не становлюсь на мѣсто другихъ; мнѣ и на моемъ приходится не въ терпѣжь.

— Браунъ, — сказала де-Флёръ, — вы знаете, что на будущей недѣлѣ я поступаю къ маркизѣ де-Т***: я поговорю съ ней о васъ; общайте мнѣ быть разсудительной до тѣхъ поръ... и потомъ, знаете ли, говоря откровенно...

— О, пожалуйста увольте меня отъ откровенностей; всякій разъ, какъ вамъ общаютъ поговорить откровенно, вы можете быть увѣрены, что вы услышите какую-нибудь непріятность. Но, можетъ быть, вы открыли средство превратить въ двѣсти франковъ семьдесятъ пять франковъ сорокъ пять сантимовъ?

— Этотъ секретъ открывается, когда смотришь смѣло на жизнь... Ну, полноте, не падайте духомъ, надо умѣть довольствоваться въ здѣшнемъ мірѣ относительнымъ счастіемъ.

— Да, голубушка, относительное-то часто бываетъ ужасно относительно...

— Есть дѣвушки еще несчастнѣе васъ, — замѣтила Давенель.

— Умѣть быть несчастнымъ съ достоинствомъ—цѣлая наука, — возразила на это Браунъ.

— Наука?—отвѣтила Жильберъ, — скажите скорѣе: добродѣтель. — Добродѣтель — это счастье.

Въ эту минуту старые часы съ кукушкой медленно пробили пять часовъ, и почти въ то же мгновеніе дверь растворилась и пропустила двухъ молодыхъ дѣвушекъ, вымоченныхъ дождемъ.

— Ну, что?—раздалось со всѣхъ сторонъ.—Я нашла мѣсто, — весело отвѣчала одна изъ молодыхъ дѣвушекъ.—Три мѣсяца въ году семейство живетъ въ Парижѣ, остальные девять въ Бретани, въ замкѣ, на берегу моря...—Очень поэтично, но не особенно весело.—Двѣ ученицы и полторы тысячи франковъ жалованья...—Это недурно.—А вы, m-lle Рэвъ?

Та, которую такъ звали, прелестная особа двадцати лѣтъ, въ глубокомъ траурѣ, упала на стулъ въ изнеможеніи.

— Я?..—спросила она съ убитымъ видомъ, — я все тоже самое! я «слишкомъ хороша собою!» Боже мой, чѣмъ же я буду жить! А между тѣмъ, я на этотъ разъ поставила свѣчку Богоматери-Побѣды... Какъ сыро! я вся продрогла! — Письмо къ г-жѣ Жильберъ, — объявила бѣлица, пріотворивъ дверь. — Изъ конторы м-ме Ренѡ, — закричала молодая дѣвушка, поспѣшно срывая конвертъ:—ахъ! какъ у меня сердце бьется!

Она прочитала письмо и бросила на столъ.

— Опять разочарованіе! — уныло проговорила она; м-ме Ренѡ ошиблась; я знаю итальянскій и англійскій языки, но не нѣмецкій! Къ тому же, жалованье нелѣпое! Но знаете что, Рэвъ, мѣсто это вѣдь въ провинціи; и семья не изъявляетъ желанія поглядѣть сперва на гувернантку, лишь бы рекомендація была хороша и подписана священникомъ... Сбѣгайте-ка завтра утромъ къ м-ме Ренѡ? — Охотно... сколько ученицъ? — Двѣ. — А жалованье? — За три живыхъ языка съ музыкой и рисованьемъ и прочими науками барыня предлагаетъ девятьсотъ франковъ: восемьсотъ на ваше содержаніе и каникулы, сто франковъ сбереженій... ровно столько, сколько нужно, чтобы имѣть возможность купить дѣвичьей-кожи въ богадельнѣ, подъ старость лѣтъ. Согласны? — Разумѣется!.. Надѣюсь, что меня не прогонятъ, когда увидятъ! — Бѣдняжка! нѣтъ, врядъ ли, въ провинціи вѣдь люди добродѣтельны.. — Почему вы не возьмете мѣсто за-границей, такъ какъ вы сирота? — Да всѣ конторы увѣряютъ меня, что въ числѣ условій, дѣлаемыхъ имъ семьями, ищущими гувернантокъ, неизбѣжно стоитъ: «не менѣе двадцати пяти лѣтъ и наружность обыкновенная». — А вамъ нѣтъ двадцати лѣтъ и вы хороши, какъ ангелъ! — вотъ бѣда!

Всѣ дѣвушки разошлись по своимъ дѣламъ, а Дениза Рэвъ осталась въ большой, мрачной комнатѣ, погруженная въ расчеты, передъ закрытой книгой: «*Потерянный рай, Милтона*». — Какимъ образомъ сберечь изъ жалованья въ девятьсотъ франковъ сумму, необходимую для того, чтобы прилично умереть съ голоду въ шестьдесятъ лѣтъ?

Трудно передать, съ какой мучительной тревогой молодая дѣвушка ежедневно отправлялась въ семью, по рекомендаціи конторъ. Она приходила въ богатый домъ или въ изящно убранную квартиру и дожидалась въ маленькой гостиной, пока важная прислуга захочетъ доложить о ней. Наконецъ, дверь отворялась, разряженная барыня, волочащая за собою нѣсколько аршинъ голубого или розоваго кашемира, подходила неслышными ша-

гами по толстому ковру, точно привидѣніе, слегка кивала головой и вопрошала:

— Вы г-жа Рэвъ? — Да. — Вы беретесь преподавать такіе-то языки, музыку, рисованье, первыя начала латинскаго языка моему маленькому мальчику?

Это говорилося съ разсѣяннымъ видомъ, чтобы сказать что-нибудь. Въ это время барыня оглядывала дѣвушку съ головы до ногъ и думала: — Мнѣ ее не нужно! Она слишкомъ хороша собою! и такая порядочная, точно герцогиня!.. Если горничная дочерей заболѣетъ или отлучится, я не рѣшусь попросить ее причесать ихъ.

Затѣмъ дама вставала и съ любезной улыбкой говорила: — Вы очень хорошо образованы... Я пришлю завтра свой отвѣтъ въ контору.

Она не возьметъ меня, размышляла Дениза, пробѣгая вся красная мимо портѣе, который насмѣшливо глядѣлъ на нее, бормоча: — Какъ бы не такъ! возьметъ графиня къ себѣ такую хорошенькую барышню, когда нашъ баринъ... гм! гм!

И бѣдное дитя, затворяя за собою дверь, слышала его хохотъ.

Со слезами на глазахъ, уходила она подъ проливнымъ дождемъ, съ отчаяніемъ думая о томъ, что ботинки ея изнашиваются, платье затаскивается въ этихъ безконечныхъ прогулкахъ. Поэтому сегодня вечеромъ, когда Жильберъ предложила ей взять мѣсто въ провинціи, которое ей самой не подходило, мѣсто, гдѣ не требовали лицезрѣнія гувернантки, лишь бы рекомендація была хороша и подписана священникомъ, Дениза подумала, что насталь конецъ ея мученіямъ, и засыпая, съ легкимъ сердцемъ, поблагодарила Бога. На другой день, въ половинѣ перваго, она уже находилась въ конторѣ г-жи Ренб и сидѣла вмѣстѣ съ десятью другими молодыми дѣвушками въ пріемной. У большинства этихъ дѣвушекъ лица были встревоженные, утомленные, печальные. Стопанные и загрязненные ботинки, заштопанные на всѣхъ концахъ пальцевъ перчатки, ленты, служившія завязками для шляпъ и превратившіяся чуть не въ мочалку отъ долгаго употребленія, передавали повѣсть о многихъ тяжелыхъ дняхъ. Въ числѣ ихъ были однако и *нарядныя*: въ старыхъ шелковыхъ платьяхъ, въ пальто, обшитыхъ фантастическимъ мѣхомъ, въ свѣжихъ шляпкахъ и длинныхъ перчаткахъ. Позы молодыхъ дѣвушекъ выдавали ихъ характеръ: однѣ, спокойныя, улыбающіяся, разглядывали альбомы съ фотографіями. Онѣ очевидно примирились съ своимъ положеніемъ и принимали жизнь, какъ она есть, презирая пренебрегающій ими свѣтъ. Другія,

скрестивъ руки на груди, и прислонившись къ спинкѣ креселъ, съ пасмурнымъ видомъ, ждали нетерпѣливо, жаловались на вѣтеръ, дождь, омнибусы, куда «васъ пихаютъ со всякой дрянью», глядѣлись въ зеркало, вздыхали и говорили: «что за жизнь!»

Если онѣ не падали на своемъ тернистомъ пути, то только потому, что боялись грязи. Общество вознаграждаетъ ихъ порою, выдавая замужъ за идіотовъ, эпилептиковъ или стариковъ. Это счастливая для нихъ судьба. У окна три дѣвушки разговаривали шопотомъ и съ оживленіемъ. Одна показывала письмо, которое написалъ къ ней одинъ господинъ, предлагая нанять для нея хорошенькую квартиру и кучу всякихъ вещей.—Вы понимаете, говорила она, что я ему даже не отвѣчу.

Но блестящіе глазки доказывали, что она не чувствовала себя настолько оскорбленной, чтобы не радоваться одержанной ею побѣдѣ. Двѣ другія повидимому дѣлали такія же признанія.

Ровно въ часъ m-me Ренó отворила дверь своего кабинета и спросила:—Чей чередъ, mesdemoiselles?

Молодая англичанка встала; дверь осталась полуотворенной. Слышно было, какъ m-me Ренó говорила:

— Ну, вотъ васъ и не пожелали взять. Я увѣрена, что ваша шляпка виновата на половину въ этомъ отвѣтѣ. Да и пришло же вамъ въ голову идти въ круглой, когда у васъ есть другая, весьма приличная.

— Я привыкла носить круглую шляпу,—отвѣчала англичанка:—и притомъ она больше идетъ ко мнѣ.

— Вотъ это самое и погубило васъ: гувернантка должна выбирать то, чтò къ ней всего менѣе идетъ. Притомъ находятъ, что ваше произношеніе еще недостаточно чисто. Приходите на будущей недѣлѣ.

Сегодня былъ вторникъ; у молодой англичанки оставалось всего восемь франковъ, чтобы дожить до будущей недѣли. Она поклонилась и ушла съ тѣмъ же спокойнымъ видомъ, какъ и пришла, и отправилась продавать свое мѣховое боа. Двѣ изъ *нарядныхъ* прошли въ кабинетъ послѣ англичанки; отлично образованныя француженки, но некрасивыя собой, онѣ понравились; ихъ брали на мѣсто. Онѣ ушли, говоря:—Вотъ удача.

Наступилъ наконецъ чередъ m-me Рэвъ. Она въ первый разъ явилась въ эту контору и должна была объявить свою фамилію, имя, мѣсто рожденія и показать свои дипломы. Затѣмъ сказала, что желаетъ поступить на мѣсто, рекомендованное Жильберъ въ провинціи, но котораго послѣдняя не можетъ принять, потому что не говоритъ по-нѣмецки.

— Я вспомнила объ этомъ послѣ того, какъ написала ей,— замѣтила конторщица;—и отдала мѣсто другой; мѣсто это занято.

Большіе глаза m-lle Рэвъ наполнились слезами, и онѣ одна за другой покатались на ея истертый салопъ.

M-me Ренё, хотя и была закалена своимъ ремесломъ противъ зрѣлища такой печали, была однако тронута.

— Давно ли вы ищете себѣ мѣсто?—спросила она.

— Уже скоро три мѣсяца.

— Это еще не много, три мѣсяца,—не надо отчаяваться.

— Но я такъ бѣдна!

— Посмотримъ, что я могу вамъ предложить, — пробормотала конторщица, перелистывая свою записную книгу. — Но вотъ горе, вы слишкомъ хороши собой!

Она сказала это такимъ тономъ, какъ бы:—Вы калѣка!

Лицо m-lle Рэвъ вспыхнуло, красота обращалась для нея въ орудіе пытки.

— О мѣстѣ въ Парижѣ нечего и думать,—продолжала m-me Ренё.

Она перевернула нѣсколько листовъ.

— Вотъ требованія изъ провинціи: 1-е, изъ Дижона, у Б... трое дѣтей, жена ревнивая, мужъ вѣтренникъ...—Это мои личныя свѣдѣнія,—это не годится. 2-е, изъ Нанта, двѣ маленькихъ дѣвочки: отличная семья; родственникъ сорокапятилѣтній холостякъ, живетъ въ домѣ... Онъ, можетъ быть, женится на васъ? Но это мало вѣроятно! Мужчины обыкновенно не женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ, когда онѣ честны: это слишкомъ банально. 3-е, изъ Ніора, одна ученица, одиннадцати лѣтъ: родители отличные люди! Ахъ! есть взрослый сынъ. Для №№ 7, 8, 9, 10, 11, вы слишкомъ молоды; 12-е—это козырь въ моей игрѣ: виконтъ и виконтесса де-Трекёръ, живутъ въ замкѣ Bois-Saint-Hubert, въ Ниеврѣ. Это у воротъ Невера... десятилѣтняя дѣвочка и тысяча двѣсти франковъ жалованья. Что вы на это скажете?

— Ничего рѣшительно; мнѣ все равно.

Конторщица улыбнулась.—Ну, попытаемся съ Божіей помощью! Мнѣ ничего не пишутъ про наружность. Требуютъ только «молодую особу образованную и съ порядочными манерами». Вы должны уплатить мнѣ шестьдесятъ франковъ за коммисію; когда мѣсто берется въ Парижѣ, то деньги уплачиваются черезъ мѣсяцъ, а когда мѣсто открывается въ провинціи или заграницей, то тотчасъ же.

— О, Боже мой!..—пробормотала m-lle Рэвъ, внезапно по-

блѣднѣвъ. Въ своей радости она забыла про этотъ неизбежный платежъ. Что ей дѣлать? Гдѣ занять денегъ.

— У меня нѣтъ съ собой этой суммы—сказала она послѣ минутнаго молчанія и прибавила на всякій случай, рассчитывая занять у кого-нибудь изъ подругъ.—Я принесу вамъ ее завтра.

— Нѣтъ, подождите отвѣта m-me Трекѣръ, я ей тотчасъ же напишу: но я не сомнѣваюсь, что она возьметъ васъ.

II.

21-го декабря, около шести часовъ вечера, курьерскій поѣздъ, прибывшій изъ Парижа, подкатилъ въ дебаркадеру Невера. Выѣздной лакей немедленно подошелъ къ вагонамъ и освѣдомился о m-lle Рэвъ. Дениза вышла изъ вагона, отдала ему квитанцію отъ своего багажа и пошла за нимъ къ допотопной каретѣ съ рѣшеткой на верху, запряженной двумя сильными рабочими лошадьми. Молодая дѣвушка усѣлась въ этотъ древній экипажъ, и нѣсколько минутъ спустя лакей вернулся съ ея чемоданомъ, поставилъ его на верхъ кареты и, усѣвшись рядомъ съ кучеромъ, пробормоталъ:—Чемоданъ-то жиденекъ... И карета покатила.

Убаюкиваемая мѣрной качкой экипажа, жалобнымъ завываніемъ вѣтра, колыхавшаго вершины деревьевъ, мимо которыхъ она проѣзжала, и печальнымъ трескомъ сухихъ листьевъ подъ колесами кареты, Дениза смутно соображала о томъ, что ее ждетъ впереди: будетъ ли гостепріимнымъ для нея новый кровъ. Ночь наступила. Карета выѣхала на опушку лѣса и вдали показался замокъ съ массивными башнями, окутанными мракомъ. При красноватомъ свѣтѣ чугуннаго фонаря—на главныхъ воротахъ видѣлся гербъ, увѣнчанный короной, на золотомъ полѣ три сердца, проткнутыя стрѣлой—точно какое-то мистическое изображеніе: то былъ гербъ Трекѣровъ.

Когда экипажъ въѣхалъ въ ворота, Дениза вышла изъ него и очутилась въ четырехугольномъ дворѣ, окруженномъ галереей, которую поддерживали три Горгоны, переплетенныя съ химерами и василисками. Показалась горничная и пригласила m-lle Рэвъ идти за ней въ предназначенное ей жилище. Это жилище, расположенное въ старой башнѣ, увитой плющомъ, состояло изъ классной комнаты, спальни и уборной. Комнаты были убраны старинной и поблекшей, но очень хорошенькой мебелью, во вкусѣ Возрожденія, обитой сѣрой матеріей съ букетами изъ розъ по

сѣрому фону, и издававшей слабый запахъ пудры à la Maréchale. Прелестная маркиза временъ Людовика XIV, съ муфтой въ обнаженныхъ рукахъ, улыбалась въ рамкѣ изъ потускнѣвшаго золота и какъ будто привѣтствовала посѣтителей. Горничная поправила огонь въ каминѣ и предупредила «мамзель», что къ обѣду прозвонятъ черезъ полчаса, и что ей осталось какъ разъ столько времени, чтобы переодѣться. Увидя чемоданъ, внесенный однимъ изъ слугъ съ ироническимъ подбрасываніемъ, она сдѣлала удивленную гримаску, и оба ушли, смѣясь. Денизъ не долго пришлось выбирать свой туалетъ: у нея было всего два платья: одно утреннее ситцевое и другое «нарядное» изъ чернаго мериноса, обшитое у ворота и рукавовъ бѣлымъ рюшемъ.

Она только-что успѣла надѣть его, какъ въ дверь слегка постучались:— Войдите,— сказала она, немного смущенная, ожидая появленія виконтессы де-Трекѣрь.

Въ полуотворенную дверь просунулась темная и кудрявая головка; затѣмъ граціозная фигурка хорошенькой десятилѣтней дѣвочки, облеченная въ розовый кашемиръ:

— Я—ваша ученица,—прошептала малютка.

Глаза ея встрѣтились съ глазами Денизы; она подошла къ ней, мило присѣла и пожала по-англійски руку, которую протянула ей Дениза, спрашивая: не утомила ли ее дорога? Исполнивъ эту церемонію, по всей вѣроятности, предписанную ей свыше, она вздохнула съ облегченнымъ видомъ, сбросила на кресло мѣховую перелинку, покрывавшую ея руки и шею, и закричала:

— Какъ я рада, что вы хорошенькая! и вы кажетесь такой доброй. Моя горничная увѣряла меня, что всѣ гувернантки некрасивы и злы... Я такъ люблю хорошенькихъ. Можно васъ поцѣловать?—Дениза улыбнулась и поцѣловала ее. Знакомство состоялось. Дѣвочка усѣлась у камина и принялась болтать.

Она рассказала, что у нея нѣтъ папаши и мамыши. Что папаша упалъ съ лошади на охотѣ и убится до смерти, а бѣдная мамаша умерла отъ испуга и огорченія. Что съ тѣхъ поръ она живетъ съ дядей и тѣтей Трекѣрь; и они вѣчно сердиты, потому что Богъ не посылаетъ имъ маленькихъ дѣтокъ. Что въ Парижѣ они проводятъ всего три мѣсяца въ году, хотя тамъ гораздо веселѣе, чѣмъ въ Неверѣ. Что ее зовутъ Мартиной, и это такое противное имя, но тѣтя увѣряетъ, что оно очень «приличное». А дядя сказалъ:— Ага! гувернантку зовутъ Дениза Рэвъ; какое поэтическое имя! Навѣрное она дурна собой!..— Вотъ-то удивится.

Колоколь, призывавшій къ обѣду, прозвучалъ тѣмъ временемъ.—Идемъ скорѣе,—сказала Мартина, подавая свою маленькую ручку Денизѣ.

У дверей салона онѣ остановились. Виконтъ де-Трекёръ стоялъ у камина, уставивъ глаза въ потолокъ; виконтесса, скрестивъ руки на груди, сидѣла на кушеткѣ и разглядывала узоръ ковра.—Вотъ *mademoiselle!*—сказала Мартина торжественно.

Глаза виконта снисходительно опустились, виконтесса встала съ кушетки. Хотя Дениза была слегка смущена, но она вошла и поклонилась съ обычною граціей. Взглядъ, которымъ невольно обмѣнялись супруги, при видѣ ея, казалось, говорилъ:—вотъ благовоспитанная особа,—и прелестная собой! прибавилъ взглядъ виконта, съ удовольствіемъ покоясь на лицѣ молодой дѣвушки.—Она слишкомъ хороша собой!..—добавилъ взглядъ виконтессы, въ глазахъ которой сверкнулъ мрачный огонекъ.

Мартина любопытно слѣдила за виконтомъ.—Ну что, дядя,—весело проговорила она,—развѣ она дур.....

— Мартина!—строго перебилъ виконтъ.—О! не бѣда,—отвѣчалъ ребенокъ,—я уже все рассказала *mademoiselle*.

— Кушать готово!—объявилъ лакей.

За столомъ виконтъ говорилъ съ Денизой сначала о музыкѣ, потомъ о воспитаніи; виконтесса, поглощенная вниманіемъ, съ какимъ она разглядывала молодую дѣвушку, совсѣмъ почти не вмѣшивалась въ разговоръ. Она думала:—у ней много вкуса, здраваго смысла, ни тѣни педантизма, много такта... отлично бѣтъ, манеры безукоризненныя, красота безспорная... и какіе зубы!.. а руки точно у герцогини. Трекёръ не спускаетъ съ нея глазъ; а она какъ будто и не замѣчаетъ этого. Она при- выкла, что на нее смотрятъ...

Виконтъ и виконтесса де-Трекёръ не то чтобы не ладили между собой: они относились другъ къ другу какъ люди посторонніе. Пять лѣтъ тому назадъ m-ле Жизель-де-ла-Морньеръ вышла замужъ за виконта де-Трекёръ. Когда виконтъ повелъ ее къ алтарю, ничто въ ея манерѣ держать себя не позволяло угадывать: выходитъ ли она замужъ по расчету или по любви? Она имѣла довольный видъ благовоспитанныхъ дѣвицъ, обязанныхъ смотрѣть на бракъ, какъ на пріятный долгъ. Ни больше, ни меньше: больше—было бы неприлично, меньше—невѣжливо.

Шесть мѣсяцевъ спустя послѣ женитьбы, виконтъ де-Трекёръ все еще хорошенько не зналъ: любить ли его жена? по такое положеніе дѣлъ ему не нравилось.

Пресыщенный легкими успѣхами, онъ терпѣливо ухаживалъ

за женой. Брачная поѣздка и зима, проведенная въ Парижѣ въ вихрѣ увеселеній, пролетѣли какъ одинъ мигъ. Наступило лѣто, и молодая чета переѣхала въ Нивернѣ.

Въ одинъ прекрасный июльскій вечеръ, виконтъ, обѣдавшій безъ жены у близкихъ родственниковъ — виконтесса осталась дома, ссылаясь на усталость — возвращался домой пѣшкомъ, наслаждаясь чуднымъ вечеромъ. Погруженный въ глубокую, но веселую задумчивость, онъ шелъ тихими шагами, съ сладкой лѣнью счастливыхъ людей. Онъ былъ молодъ, хорошъ собой, богатъ, здоровъ; онъ былъ не первый встрѣчный; у него есть преданные друзья и прелестная жена, которую онъ любитъ сильной и спокойной любовью. Онъ прошелъ домой садомъ и увидѣлъ, что окна покоевъ его жены еще освѣщены, улыбнулся и безъ шума поднялся по лѣстницѣ. У двери онъ остановился на минуту, затѣмъ тихо отворилъ дверь: виконтесса въ батистовомъ пенюарѣ сидѣла на табуреткѣ, обитой пунцовымъ атласомъ, спиной къ нему. Голова ея была опущена. «Она читаетъ, поджидая меня», сказалъ себѣ виконтъ. Затаивъ дыханіе, онъ подкрался къ ней, въ душѣ смѣясь, какъ школьникъ, своей проказѣ. Подойдя къ женѣ и готовясь закрыть ей глаза обѣими руками, онъ нагнулся надъ ея плечомъ и медленно выпрямился, поблѣднѣвъ какъ полотно.

Виконтесса держала передъ собой широкую золотую ладонку, которую всегда носила на груди и которую хорошо зналъ виконтъ. Съ одной стороны этой ладонки заключался кусокъ отъ Креста Господня; другая, которая была открыта въ настоящую минуту, заключала медальонъ — о существованіи послѣдняго виконтъ и не подозрѣвалъ до послѣдней минуты — съ портретомъ мужчины, лѣтъ тридцати, съ красивымъ южнымъ лицомъ, страстнымъ, печальнымъ и гордымъ, и на него теперь катились слезы изъ глазъ виконтессы. Среди своего созерцанія, она вдругъ почувствовала чье-то горячее дыханіе надъ щекой... подняла голову и въ зеркалѣ увидѣла мужа за своей спиной.

Оба съ минуту молчали: ей хотѣлось провалиться сквозь землю; онъ же стоялъ недвижимъ, горделиво подавляя свое волненіе. Когда онъ овладѣлъ собою, онъ проговорилъ спокойнымъ голосомъ: — «Прошу васъ извинить меня за то, что я вошелъ, не постучавшись».

Все было порѣшено между ними въ этихъ словахъ. Виконтесса не протестовала. Была ли она виновна и считала себя недостойной прощенья? была ли она невинна и считала недостойнымъ себя оправдываться? Если она была виновна, то до

какой степени? Оплакивала ли она любовь, разбитую ея замужствомъ?

Быть можетъ, виконтъ и задавалъ себѣ эти вопросы, но во всякомъ случаѣ не требовалъ отвѣтовъ. Съ той минуты мужъ и жена стали чужды другъ другу, и эта странная жизнь, секретъ которой былъ никому неизвѣстенъ, длилась уже четыре года, когда Дениза поступила въ ихъ домъ.

Виконтесса прошептала, ложась спать: «Эта дѣвица слишкомъ хороша собой! Какъ глупы эти конторы!»

Былъ ли это крикъ уязвленнаго тщеславія, или ревность сердца? Кто знаетъ!

Виконтъ же, сидя въ покойномъ креслѣ у камина, выкурилъ пять папирозъ съ-ряду, разыгрывая мысленно сладкія варьяціи на слѣдующую тему: «Какая это прелесть, хорошенькая женщина! А эта особа удивительно хороша собой! Пять лѣтъ тому назадъ я собирался быть образцовымъ мужемъ!.. Я не виноватъ!.. Если мой законный очагъ рухнулъ не по моей винѣ, — я въ правѣ создать себѣ незаконный очагъ! «Не добро человѣку быть едину!» это сказано въ писаніи... Эта дѣвочка, по словамъ конторщицы, — какая умная женщина, терпѣла страшную нужду безропотно. Такія добродѣтельныя или гордыя особы способны увлечься только одной любовью... Она безъ роду и племени, безъ денегъ: она всѣмъ будетъ обязана мнѣ. Я еще могу быть счастливъ. Если мнѣ удастся увлечь ее, я сдѣлаю даже доброе дѣло, избавивъ ее отъ тяжелой жизни и — кто знаетъ? — можетъ быть, отъ гораздо худшаго паденія. Къ тому же, я не святой...»

Бѣдная Дениза!

Шесть недѣль протекло безъ видимыхъ перемѣнъ. Виконтесса была холодно-сдержанна; Дениза чувствовала себя не по себѣ въ ея присутствіи и отводила душу въ обществѣ Мартинны, полюбившей ее, и де-Трекёра, съ которымъ весело и наивно болтала.

«Какъ онъ добръ и простъ!» думала она.

Онъ же находилъ, что дѣла его подвигаются впередъ. Разъ вечеромъ онъ сказалъ себѣ: «теперь, когда мы подружались, необходимо потихоньку, потихоньку разбудить ее... она очаровательна въ своей невинности и наивности, но немножко скучна... Можно подумать, что душа у ней двѣнадцатилѣтней дѣвочки».

И вотъ какимъ образомъ виконтъ де-Трекёръ принялся «будить» Денизу Рэвъ:

Зная, что она никогда не читала романовъ, ни даже «Paul et Virginie», онъ попросилъ ее заниматься съ нимъ каждый вечеръ англійскимъ и нѣмецкимъ языками, заставляя его пере-

водить съ того и другого языка на французскій и обратно. Онъ обратился съ этой просьбой къ молодой дѣвушкѣ во всеуслышаніе, за завтракомъ, съ развязнымъ видомъ объявивъ, что замѣтилъ, какъ начинаетъ забывать иностранные языки, въ особенности нѣмецкій, на которомъ виконтесса де-Трекёръ не говорила. Дениза согласилась съ той любезной готовностью, съ какой она всегда оказывала услуги, и уроки начались въ тотъ же день.

Два раза въ недѣлю въ замкѣ бывали приемы «короткихъ знакомыхъ». Трекёръ, мало-по-малу съѣхавшій съ одного часа на два, долженъ былъ сокращать въ эти дни урокъ; виконтесса по два раза съ-ряду присылала за нимъ слугу, чтобы предупредить его, что гостиная «полна гостей».

«Чортъ бы ихъ побралъ!» пробормоталъ виконтъ, закрывая «Raphaël» Ламартина.

Они дошли уже до сцены на озерѣ. Дениза тоже съ сожалѣніемъ встала: «Неужели они утонутъ?» спросила она. «Ахъ! увидимъ завтра», засмѣялся виконтъ: «я заранѣе ничего не скажу вамъ, чтобы не испортить впечатлѣнія».

Дениза ушла къ себѣ задумчивая. Книга, которую переводилъ виконтъ, казалась ей такой интересной! Какъ все это печально! во всѣхъ этихъ исторіяхъ люди, любившіе другъ друга, никогда не кончали бракомъ!.. Бѣдная Граціелла, она умерла отъ любви! Значитъ, отъ любви умирають? Что же это такое въ сущности любовь?

Когда виконтъ появился въ гостиной, скучный и недовольный, онъ нашелъ обычную компанію въ сборѣ.

— Замѣтите, съ какимъ сумрачнымъ видомъ встрѣчаетъ насъ сегодня Рауль де-Трекёръ; онъ, кажется, недоволенъ всѣмъ міромъ вообще, а своими гостями въ особенности, — сказала одна старая маркиза свой сосѣдкѣ: — мнѣ сдается, что его внезапная страсть къ изученію языковъ прикрываетъ страсть... къ учительницѣ...

Виконтесса проходила въ эту минуту мимо.

— Это единственный умный способъ учиться языкамъ, провдыхалъ одинъ изъ мужчинъ, лысый господинъ, вздыхавшій, быть можетъ, потому, что ему уже было поздно учиться чему бы то ни было.

Виконтесса опять прошла мимо, и такъ какъ она слышала весь этотъ разговоръ, но не хотѣла, чтобы объ этомъ догадались, то улыбнулась съ веселымъ видомъ.

На другое утро, передъ обѣдомъ, она пришла въ классную

къ Денизѣ и сказала ей, что просить ее на будущее время приходить въ гостиную въ тѣ дни, когда у нея бываетъ пріемъ, чтобы играть на фортепіано во время чая, а также дать возможность попрыгать молодымъ дѣвушкамъ, которыхъ она думаетъ пригласить до отъѣзда въ Парижъ.

— Для этихъ вечеровъ вамъ не надо особенно наряжаться, — прибавила она: — простого барежевого или кисейнаго платья совершенно достаточно.

Дениза нуждалась въ бѣльѣ, но должна была отложить покупку его въ этомъ мѣсяцѣ, чтобы спить себѣ «простое» барежевое платье.

Въ слѣдующій вторникъ, когда гувернантка вошла въ гостиную въ гладкомъ бѣломъ барежевомъ платьѣ съ длинными рукавами и высокимъ воротомъ, безъ всякихъ украшеній, безъ единой ленточки или цвѣтка, сіяя лишь своей блистательной молодостью, въ гостиной пронесся невольный шопотъ восторга. Старая маркиза, про которую виконтъ говорилъ, что она открываетъ ротъ лишь затѣмъ, чтобы выпустить змѣю, приставила лорнетъ къ глазамъ.

— Что за красавица! — сказала она: — какое изящество! какъ горделиво увѣнчана ея головка этими пышными, бѣлокурыми косами! Что за лебединая шея! что за талія! и какъ она кланяется! и какъ садится! Ахъ! да это настоящая инфанта, эта гувернантка! Это принцесса, украденная цыганами! Какъ рѣшились вы, Жизель, пріютить у себя такое чудо! вы или смѣлы до безумія, или равнодушны до дикости!.. Поглядите, всѣ эти коварные мужчины пожираютъ ее глазами... я понимаю, что Рауль... Есть съ чего начать учиться санскритскому языку; поглядите, поглядите: нашимъ барышнямъ и барышнямъ все это совсѣмъ не по вкусу...

Виконтесса улыбалась, и ея загадочная улыбка окончательно расцвѣла, когда она увидѣла, что мужъ подходитъ къ ней, прикрывая свою досаду равнодушнымъ видомъ. Какъ! эту молодую дѣвушку, которую онъ желалъ бы скрыть отъ всѣхъ взоровъ, m-me de Трекѣръ вдругъ выставляетъ на показъ подъ огонь шестидесяти жадныхъ или ревнивыхъ глазъ.

— Я попросила m-lle Рэвъ присутствовать на нашихъ вечерахъ, — ласково сказала ему виконтесса: — такимъ образомъ мы воспользуемся ея талантомъ, потому что она замѣчательная музыкантша, и, кромѣ того, ей весело будетъ поглядѣть на танцы. Вы не сердитесь на меня за то, что я васъ лишаю урока.

— Н, нисколько.

Тонъ, съ какимъ онъ пробормоталъ эти слова, заставилъ виконтессу вздрогнуть отъ удовольствія.

«Попало!» сказала она самой себѣ. И ушла танцевать. Трекёръ ни разу не подошелъ къ Денизѣ, которая была такъ же одинока за фортепіано, какъ если бы находилась въ пустынѣ. Время отъ времени въ танцахъ наступалъ перерывъ; тогда она садилась поодаль отъ фортепіано—«позади танцующихъ дѣвицъ», какъ сказала ей виконтесса, указывая на это мѣсто. Мужчины, несмотря на сильное желаніе, не смѣли подойти къ ней изъ боязни скомпрометтироваться; женщины съ ней не разговаривали, потому что съ гувернантками не принято разговаривать; это низшія существа, нанимающіяся за деньги и не стоящія вниманія.

Въ половинѣ вечера, красивый, знатнаго вида старикъ, наблюдавшій съ своего мѣста за бѣдной дѣвушкой, сидѣвшей безмолвно и неподвижно, подозвалъ своего племянника, только-что явившагося на вечеръ, и не говоря ему, ктѣ такая Дениза, велѣлъ пригласить ее на кадрили. Молодой человѣкъ, увидя такую красавицу, охотно подошелъ къ ней.

— Поглядите, поглядите!—засуетились женщины.

И въ гостиной воцарилось любопытное молчаніе. Трекёръ подошелъ и прислушался. Молодой человѣкъ пригласилъ Денизу на кадрили. — Благодарю васъ, отвѣчала она звонко: меня не принято приглашать на танцы. Я гувернантка. — Браво!—замѣтилъ старикъ, котораго звали герцога де-N**.

Онъ пробрался сквозь немного сконфуженную толпу гостей и громко сказалъ Денизѣ:

— Если вы не желаете сдѣлать честь моему племяннику протанцевать съ нимъ, то, быть можетъ, вы позволите мнѣ предложить вамъ руку для прогулки? вотъ уже три часа, какъ вы сидите на одномъ мѣстѣ.

Искренно тронутая Дениза, оперлась на руку герцога, и благодарныя слезы навернулись на ея синихъ глазахъ.

Многія женщины покраснѣли, мужчины говорили:

— Славный урокъ. Она права; мы просто «мерзки» — честное слово... Но кому охота слушать, какъ всѣ эти барыни станутъ величать васъ донъ-Кихомъ, странствующимъ рыцаремъ...

Въ три часа утра, когда всѣ гости разъѣхались и виконтъ съ виконтессой остались одни въ гостиной, первый сказалъ:

— Прежде чѣмъ уйти спать, я хочу спросить у васъ: — неужели вы находите приличнымъ сегодняшнюю выставку m-lle Рэвъ?

— Я вовсе не хотѣла «выставлять» — употребляю ваше выра-

женіе — нашу гувернантку, я хотѣла только воспользоваться ея музыкальнымъ талантомъ. Я такъ же мало, какъ и вы, ожидала рыцарской сцены, какою насъ угостилъ герцогъ. Онъ, должно быть, вспомнилъ, что Людовикъ XIV раскланивался съ горничными, потому что онѣ женщины.

— Я нахожу такое сравненіе безусловно неприличнымъ для гувернантки моей племянницы.

— Ахъ! какъ это торжественно сказано: «моя племянница»... Я, знаете ли, до смерти спать хочу.

— О! я васъ не задержу: я объявляю вамъ только, что не желаю, чтобы m-ле Рэвъ служила вамъ на будущее время оркестромъ. Она приглашена сюда затѣмъ, чтобы воспитывать Мартину, а вовсе не затѣмъ, чтобы служить музыкальнымъ автоматомъ. Потому прошу васъ обращаться съ ней, какъ съ молодой особой, заслуживающей полного уваженія.

Виконтесса встала и медленно пошла къ двери: при послѣднихъ словахъ мужа, она поглядѣла на него черезъ плечо и съ невыразимой дерзостью бросила ему въ лицо:

— Я буду обращаться съ ней, какъ съ близкой вамъ особой.

Виконтъ позеленѣлъ:

— Во всякомъ случаѣ, — отвѣчалъ онъ, — мы будемъ квиты; потому что я давно уже обращаюсь съ вами, какъ съ чужой женой.

На другой день жизнь потекла своимъ обычнымъ чередомъ въ замкѣ, и ничто не могло заставить подозрѣвать о сценѣ, происшедшей между супругами, которые, впрочемъ, долгими годами приучены были жить въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ. На душѣ Денизы осталась нѣкоторая горечь послѣ праздника. До той поры она страдала только матеріально отъ бѣдности, но никогда еще не была унижаема. Мысль, что ей часто придется сталкиваться съ этимъ міромъ, въ которомъ немногіе были настолько знатны, чтобы обойтись безъ надменности, нарушила тихое спокойствіе, которымъ наслаждалась молодая дѣвушка въ послѣдніе два мѣсяца. Къ тому же, виконтъ де-Трекёръ казался недовольнымъ; онъ не разговаривалъ съ ней. Она ломала голову, чтобы догадаться, въ чемъ она провинилась. Несмотря на то, что она поздно легла спать, она встала однако такъ рано, какъ обыкновенно, для того, чтобы Мартина не пропустила урока и совершила съ нею дальнюю прогулку; остатокъ дня прошелъ въ обычныхъ занятіяхъ. Когда она пришла вечеромъ въ бібліотеку, ея усталое лицо носило слѣды робкой озабоченности. Виконтъ же сидѣлъ съ улыбающимся видомъ, передъ раскрытымъ «Фау-

стомъ.» При видѣ его улыбки, грусть Денизы растаяла какъ туманъ отъ солнечныхъ лучей. Виконтъ усѣлся и сталъ переводить. Онъ съ намѣреніемъ читалъ очень медленно. Наклонивъ голову, съ жаднымъ любопытствомъ и нетерпѣливымъ трепетомъ слѣдила Дениза за дальнѣйшимъ развитіемъ драмы. Порою рука виконта, перевертывавшая страницы, какъ-бы нечаянно касалась ея руки. Въ этотъ вечеръ виконтъ особенно долго переводилъ то мѣсто, гдѣ Фаустъ подходитъ къ постелѣ Маргариты и раздвигаетъ занавѣсы. — Пойдите, говорилъ онъ, дайте мнѣ какъ слѣдуетъ передать вамъ это мѣсто:— оно такъ прекрасно, подождите, я непременно хочу справиться съ нимъ. «О, природа! здѣсь ты завершила легкими сновидѣніями созданіе этого воплощеннаго ангела! здѣсь покоилось это дитя; ея трепетная грудь...» klopft — это вѣдь трепетная, неправда-ли? — Да. — «А ты, Фаустъ, зачѣмъ ты здѣсь? Что привело тебя сюда? Какое чувство владѣетъ тобою? Отчего сердце твое такъ удручено? Жалкій Фаустъ, я не узнаю тебя...»

Виконтъ произнесъ эти послѣднія слова съ удивительнымъ жаромъ, и Дениза, глядѣвшая на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ, должна была опустить глаза передъ огненнымъ взглядомъ его большихъ черныхъ глазъ. — Скоро ли они женятся? — спросила она, чтобы стряхнуть смущеніе, овладѣвшее ею.

Онъ улыбнулся.

— Вы находите, что пора.

— Да, вѣдь они любятъ другъ друга.

— По вашему всякая любовь должна кончиться бракомъ.

— Безъ сомнѣнія; вѣдь любовь позволительна лишь тогда, когда цѣлью ея и результатомъ является бракъ?

— Позволительна — да! возможна — не всегда.

И онъ сказалъ себѣ: — съ завтрашняго дня я начну переводить ей «Валентину» Жоржъ Занда; это будетъ большой скачокъ; но иначе мы никогда не кончимъ... Что касается Фауста, то я на этомъ останавлиюсь, потому что дальнѣйшее слишкомъ печально и можетъ произвести на нее тяжелое впечатлѣніе... «Валентина», правда, также оканчивается катастрофой, но она умираетъ любя и будучи любимой, вслѣдъ за своимъ другомъ; они соединены въ могилѣ... женщины находятъ это очаровательнымъ.

Виконтъ закрылъ книгу и сказалъ:

— Я не хочу васъ задерживать долѣе сегодня; вы должны быть утомлены. Ахъ, да! я говорилъ съ м-ме Трекѣръ по поводу того вечера... Когда вы пожелаете сойти въ гостиную, мы

будемъ вамъ очень рады, но считайте себя свободной отъ всякихъ обязательствъ. Въ ваши годы, когда рано встаешь и работаешь цѣлый день, то нуждаешься въ отдыхѣ ночью.

— О! благодарю васъ,—отвѣчала Дениза съ чувствомъ,—я не соня, но мнѣ пріятнѣе оставаться въ моей комнатѣ, когда у васъ бываютъ гости... Я выросла въ уединеніи и немного дика...

Виконтъ улыбнулся и въ первый разъ пожалъ ей руку по-англійски.

Такъ протекло время до конца марта; святую Трекёры должны были провести въ Парижѣ. Напротивъ библіотеки расположена была маленькая гостиная m-me де-Трекёръ, куда она приходила читать по вечерамъ, когда бывала одна, или работать, если ее навѣщала какая-нибудь пріятельница изъ Невера. Виконтъ, нашедшій, что достаточно жертвуетъ собою въ пріемные дни жены, почти не появлялся у ней въ послѣднихъ случаяхъ, и если натыкался у жены на мужчинъ, то немедленно уводилъ ихъ въ курительную комнату.

— Рауль былъ прежде гораздо общительнѣе, замѣтила однажды старая маркиза, близкая пріятельница виконтессы.

— Да, онъ былъ общительнѣе, коротко отвѣтила виконтесса, считая крестики на своемъ узорѣ.

— Одна изъ моихъ пріятельницъ увѣряетъ, что если мужа слишкомъ усердно скребсти въ деревнѣ, то подъ кожей найдешь медвѣдя. Вы слишкомъ скребли своего, Жизель.

— Что вы называете: скребсти мужа?

— Душа моя, объяснить это очень трудно, потому что я и сама хорошенько этого не понимаю.

И послѣ этого уклончиваго отвѣта маркиза съ удвоеннымъ усердіемъ принялась за свое вязанье. Съ перваго января по день св. Сильвестра она вязала для бѣдныхъ дѣтей чулки, юбки и жилеты съ неутомимымъ рвеніемъ. Она называла это «своимъ небеснымъ гардеробомъ». Замѣчаніе маркизы усилило раздраженіе, накопившееся за послѣдніе три мѣсяца въ душѣ виконтессы, несмотря на ея кажущееся спокойствіе. Страдала-ли она отъ любви или отъ самолюбія?—этого, какъ мы уже сказали, мы объяснить не сумѣемъ. Несомѣнно одно, что она страдала. Она очень хорошо поняла планъ мужа и могла легко слѣдить за различными фазамъ «воспитанія» m-lle Рэвъ, по заглавіямъ книгъ, которыя находила на столѣ библіотеки, куда заглядывала каждый вечеръ, прежде чѣмъ придти къ себѣ на верхъ. Однажды вечеромъ, когда она была одна, она пошла въ библіотеку, за книгой, думая, что виконтъ и Дениза уже ушли. Звукъ голо-

совъ заставилъ ее остановиться у двери и вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктивно отступить, чтобы не услышать того, что говорилось. Но эта деликатность, весьма похвальная въ ея положеніи, скоро измѣнила ей: непреодолимое любопытство привлекло ее къ двери и она отчетливо услышала звукъ поцѣлуя. Она бросилась въ маленькую гостиную и почти въ ту же минуту виконтъ де-Трекёръ отворилъ дверь, пропуская впередъ m-lle Рэвъ.

«Очевидно», подумала виконтесса, «онъ еще цѣлуетъ у нея только руки, и эта дурочка позволяетъ ему это, воображая, что такъ водится. Спокойное и свободное обращеніе ея съ виконтомъ доказываетъ, что она ничего не понимаетъ. Я не стану ждать болѣе удобнаго случая. Съ нею и этотъ хорошъ. Я имъ воспользуюсь. Если она сдѣлается его любовницей, послѣ того, какъ покинетъ мой домъ, это ея дѣло. По крайней мѣрѣ, я разстрою хоть отчасти соображенія г. де-Трекёра. Впрочемъ, такъ какъ она еще честна, я постараюсь вооружить ее противъ него».

На другой день виконтесса, для болѣе безопасности, не велѣла принимать никого. Когда пробило десять часовъ, она прошла черезъ корридоръ и прислонилась къ двери библіотеки. Эта дверь была стеклянная; поутру виконтесса приняла предосторожность раздвинуть слегка голубую занавѣску, покрывавшую стекло изнутри. Она увидѣла, какъ Трекёръ и Дениза встали съ мѣста; молодая дѣвушка, перелистывая нѣмецкую грамматику, положила въ нее заложку и сказала:—Вотъ эту главу вамъ бы хорошо было повторить.

Затѣмъ она протянула ему свою маленькую ручку съ видомъ особы, не придающей своему поступку ровно никакого значенія, и виконтъ поцѣловалъ ея руку.

M-me де-Трекёръ отворила дверь въ эту минуту, перешла черезъ комнату, подошла къ полкѣ и взяла книгу. Въ это время Дениза вышла. Виконтесса обернулась, и глаза ея встрѣтились съ глазами мужа.

— Мой портретъ, только живой, — замѣтилъ онъ, вотъ — вся разница.

И виконтъ ушелъ въ курительную комнату.

Четверть часа спустя m-me де-Трекёръ постучалась въ дверь Денизы.

— Завтра въ восемь часовъ карета отвезетъ васъ на станцію желѣзной дороги; будьте готовы.

— Боже мой! что случилось? — пролепетала несчастная дѣвочка, откидывая отъ лица длинные волосы, уже распущенные на ночь.

— А то, что послѣ того, что случай далъ мнѣ увидѣть сегодня вечеромъ, мнѣ невозможно держать васъ у себя долѣе. — Но... м-г Трекѣрь... — О! прошу васъ, не говорите мнѣ о м-г де-Трекѣрь; вы должны понять, что вамъ не пристало говорить о немъ со мной. Къ тому же, онъ былъ откровеннѣе васъ; я все знаю.

И съ этой загадочной фразой виконтесса открыла портфель, который держала въ рукѣ. Дениза глядѣла на нее, блѣдная и неподвижная, какъ статуя, когда она увидѣла банковые билеты, которые ей протягивала м-ме де-Трекѣрь, въ видѣ вознагражденія за внезапный отказъ отъ мѣста. Она вскрикнула съ негодованіемъ.

— О! нѣтъ, нѣтъ! не надо! вы прогоняете меня! кого выгоняютъ, того не вознаграждаютъ.

Виконтесса слегка пожала плечами, положила банковые билеты на каминъ и вышла.

Дениза причесалась, уложила свои вещи въ чемоданъ, потомъ усѣлась передъ потухшимъ каминомъ, безъ мысли, безъ движенія, словно оглушенная. День засталъ ее въ той же позѣ; она удивилась, увидя себя не въ постелѣ, и ей трудно было повѣрить, что все, что съ ней случилось, — не ужасный кошмаръ. Нѣтъ, это правда... ее прогнали! прогнали, конечно, изъ-за Трекѣра. При этомъ имени сердце у ней перевернулось отъ отвращенія! Какъ! онъ увѣрилъ свою жену!.. Но съ какой цѣлью? Вѣроятно, она не любила его такъ, какъ ему этого хотѣлось, и онъ желалъ возбудить ея ревность. Такъ вотъ что скрывалось подъ этой кажущейся дружбой, которая согрѣвала ея одинокое сердце?

Дениза не плакала: негодованіе и гордость сушили слезы по мѣрѣ того, какъ онѣ наворачивались на ея глазахъ...

II.

Однимъ холоднымъ и ненастнымъ апрѣльскимъ днемъ по узкой и мрачной улицѣ маленькаго провинціальнаго городка, двѣ женщины осторожно ступали по скользкой и неровной мостовой. Дождь не переставалъ ни на одну минуту, и при этомъ рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Вдругъ старшая изъ двухъ женщинъ, въ которой можно было признать по ея чепцу и блѣлому переднику служанку изъ дома «средней руки», остановилась и закричала, обращаясь къ своей спутницѣ, дѣвочкѣ лѣтъ

четырнадцать:—Господи! барышня, у васъ на ногахъ новыя ботинки! какъ это вы рѣшились надѣть ихъ, въ такую погоду! Барыня со свѣту сживетъ насъ за это!—Авось, мамаша не увидитъ меня,—отвѣчала съ внезапнымъ испугомъ дѣвочка.—Она дала мнѣ вчера десять су, чтобы купить пуговицъ къ ботинкамъ, которыя я ношу по буднямъ; отъ нихъ много пуговицъ отлетѣло...

— А вы подали эти деньги маленькой нищенкѣ!

— Она говорила, что такъ голодна.

— Они всегда говорятъ это! Это запрещено полиціей...

— Быть голоднымъ?

— Говорить объ этомъ! Ахъ!.. будетъ же намъ сегодня на орѣхѣ! Десять су пропали, новыя ботинки—вѣдь имъ нѣтъ еще и полгода—испорчены! Бѣда да и только!

Пять минутъ спустя служанка и дѣвочка остановились передъ дверью дома приличнаго вида. Катерина служанка отперла дверь, говоря:—бѣгите скорѣй, барышня, и перемѣните ботинки.

Въ эту самую минуту высокая, сухопарая и желтолицая женщина показалась въ концѣ корридора.

— Ну, принесла нелегкая!—пробормотала Катерина и бѣгомъ пустилась въ кухню.—Предупреждаю васъ, Катерина, что я вытащила добрую половину угля, который вы напихали въ печку; если вы будете такъ небрежливы на будущее время, то знайте, что стану удерживать пять франковъ изъ вашего мѣсячнаго жалованья.

Непередаваемое рычанье изъ кухни было отвѣтомъ на это.

Въ это время дѣвочка, захваченная врасплохъ грозной мамашей, бросала умоляющіе взгляды на лѣстницу, точно ступени ея, тщательно натертыя воскомъ, могли придти къ ней на помощь и унести ее на верхъ! Мать еще не обращалась къ ней, но она видѣла ея ботинки; дѣвочка была въ этомъ увѣрена. М-ме Дювернэ простояла молча нѣсколько секундъ передъ своей трепещущей дочерью и затѣмъ знакомъ приказала ей идти на верхъ и пошла за ней.

М-ме Дювернэ имѣла двадцать двѣ тысячи ливровъ дохода, но жертвовала ежегодно двадцать-пять франковъ въ благотворительное общество, и затѣмъ считала свои обязательства къ бѣднымъ поконченными. Она никогда не подавала нищимъ. — У меня дома ихъ достаточно,—говорила она.

Шестидесятилѣтняя кузина, платившая ей тысячу двѣсти франковъ за свое содержаніе, и второй мужъ, «голякъ» по ея выраженію—у него было всего лишь восемьдесятъ тысячъ франковъ капиталу, и онъ рассчитывалъ на наслѣдство своего дяди,

очень богатаго человѣка — вотъ кого m-me Дювернэ считала своими «нищими». На ея бѣду, дядя ея мужа неожиданно женился и простеръ свою злость до того, что нажилъ двоихъ дѣтей. Такимъ образомъ, наслѣдство ускользнуло отъ племянника, и дядя умеръ, унеся съ собою въ могилу молчаливыя проклятія m-me Дювернэ.

Отъ своего перваго брака съ деревенскимъ нотаріусомъ m-me Дювернэ имѣла двѣнадцать тысячъ ливровъ дохода, что въ соединеніи съ ея приданымъ и сбереженіями составляло восемнадцать, и дочь, насчитывавшую въ настоящую минуту шестнадцать лѣтъ, Корали, которую Катерина звала «богачкой». Что касается другой дочери, Леокади, родившейся отъ второго брака, то она была «нищая». И мать рѣшила, что она поступитъ въ монастырь, какъ только ей исполнится двадцать одинъ годъ: во-1-хъ, потому что дочь-монахиня или сынъ-священникъ «придаютъ много порядочности семьѣ»; во-2-хъ, потому, что, имѣя ничтожное приданое, Леокади могла претендовать только на скромное замужство, а это было бы унижительно для ея сестры, Корали, которая «должна была выдти замужъ по меньшей мѣрѣ за банкира».

Леокади, съ заплаканными глазами, стаскивала свои «новыя» ботинки и собиралась надѣть старые башмаки изъ чернаго атласа, которые ея мамаша таскала при трехъ подпрефектахъ, когда Катерина закричала ей снизу:

— Mam'zelle Леокади, супъ на столѣ.

«Богачку» она приходила звать въ ея комнату, но съ Леокади, по ея мнѣнію, не стоило церемониться. И совсѣмъ тѣмъ, Леокади, ея отецъ и кузина Аглая были фаворитами служанки; но она считала себя въ правѣ третировать ихъ свысока, какъ это всегда дѣлаютъ слуги относительно тѣхъ членовъ семьи, положеніе которыхъ менѣе привилегированное, чѣмъ остальныхъ.

M-me Дювернэ, придя въ столовую прежде всѣхъ, стояла у своего стула, наморщивъ брови. Она размышляла: «Бараній окорокъ не дотягиваетъ сегодня цѣлыхъ четверть фунта... Я не успѣла свѣсить его поутру, а Катерина, разумѣется, и не подумала объ этомъ. Кухарки заводятъ всегда шашни съ мясниками; это извѣстное дѣло... такія сквернавки! но непременно надо, чтобы баранины хватило завтра на завтракъ. Я уменьшу порцію каждаго. Себѣ и Корали я отрѣжу почти столько, какъ и обыкновенно, m-g Дювернэ получить ломоть потоньше... Господи! вотъ человѣкъ, котораго я кормлю даромъ, и который ѣстъ за двоихъ!.. Но дѣлать нечего, у каждаго свой крестъ. Что касается

Леокади и кузины Аглаи, я имъ дамъ по маленькому кусочку жаркого. Монахиня должна поститься, а въ годы Аглаи аппетитъ не великъ»...

Во время этого монолога своей любезной половины вошелъ въ комнату самъ Дювернэ, маленькій лысый человѣчекъ, тощій и блѣдный, съ смиреннымъ видомъ и съ газетой въ одинъ су въ рукахъ. «Онъ ни въ чемъ не отказываетъ себѣ!» думала его снисходительная супруга. За нимъ вошла кузина Аглая, старая дѣва, съ печальнымъ лицомъ, немного горбатая, дурная собой, съ громадной челюстью, неприкрываемой тонкими губами и придававшей ей сходство съ меланхолическимъ крокодиломъ. Ея долговязое, костлявое тѣло облечено было въ платье изъ чернаго мериноса,—все испещренное заплатками. Она сѣла за столъ, прижавъ локти къ бокамъ и выпрямившись въ позѣ почти робкой, и размышляла про себя: «пройдетъ ли сегодня вечеромъ мой обѣдъ». Бѣдняжка принимала желудочную боль, происходившую отъ голода, которымъ она хронически страдала отъ 1-го января по 31 декабря, за «обремененіе» желудка, и каждое утро приберегала полкусочка отъ единственнаго куска сахара, который ей отпускался къ кофе, чтобы обѣдъ ея «прошелъ». Изъ тысячи пятисотъ франковъ дохода, Аглая платитъ тысячу двѣсти m-me Дювернэ за свое содержаніе, и у нея остается триста франковъ на туалетъ, стирку бѣлья, освѣщеніе и отопленіе. M-me Аглая пережила три несчастливыхъ любви въ жизни: первую къ собацѣ, которую у нея увели; вторую къ кошкѣ, которую отравили. и которой шкура служить для заштоповъ ея муфты, а третью къ маленькой дѣвочкѣ, подкидышу, которая убѣжала отъ нея пятнадцати лѣтъ отъ-роду въ Парижъ, предварительно похитивъ у своей благодѣтельницы все лучшее платье, всѣ ея скромныя украшенія и четыреста франковъ денегъ. Со времени этого несчастнаго событія старая дѣва перенесла всю свою нѣжность на портретъ графа Шамбора и украшаетъ его лиліями, вырѣзанными изъ бумаги. Для нея послѣ Бога нѣтъ никого выше Бурбоновъ. Если бы внукъ Карла X вернулся королемъ въ Парижъ, она навѣрное умерла бы отъ радости.

Затѣмъ мы видимъ: Корали «богачку», по виду напоминающую бритву въ футлярѣ изъ кашемира гранатаго цвѣта, и наконецъ Леокади, единственную толстушку въ семьѣ, лимфатическую блондинку, съ безцвѣтными волосами, безцвѣтными глазами, безцвѣтнымъ лицомъ, которая отъ застѣнчивости или неловкости не знаетъ что дѣлать съ руками и ногами. Обѣ эти молодыя особы ограничены, мало способны, туповаты; Корали

выказываетъ задатки скупости и сердечной черствости. Онѣ не ходять въ школу; это не «distingué». Различные профессора даютъ имъ уроки, которые мало идутъ въ прокъ. Изъ искусствъ Корали «занимается музыкой». Каждый вечеръ она бренчитъ на разбитомъ фортепіано и немилосердно коверкаетъ Моцарта и Бетховена, подъ тѣмъ предлогомъ, что исполняетъ ихъ. У Леокади нѣтъ такихъ способностей къ музыкѣ. Она оставила ее и предается рисованію. Голова Агамемнона, въ каскѣ пожарнаго, нарисована ею, и считается мастерскимъ произведеніемъ.

Эти разнообразныя таланты не удовлетворяютъ однако материнскаго самолюбія m-me Дювернэ: у дочерей сборщика податей есть гувернантка, обучающая ихъ англійскому и нѣмецкому языкамъ; дочери нотариуса поють по-итальянски; жена судебного слѣдователя, получившая наслѣдство отъ тетки, наняла гувернантку для своихъ дѣтей; это прилично! Долгіе мѣсяцы — приличія и скупость борются въ душѣ m-me Дювернэ, наконецъ, послѣ глубокихъ соображеній приличія берутъ верхъ.

И вотъ такимъ образомъ въ тотъ злополучный апрѣльскій день, когда въ бараньемъ окорокѣ оказалось недовѣсу на цѣлыхъ четверть фунта, а Леокади некстати задѣла свои новыя ботинки, Дениза Рэвъ, которая по прибытіи своемъ въ Парижъ имѣла счастье найти это мѣсто, позвонила въ шесть часовъ вечера у дверей m-me Дювернэ, въ сопровожденіи комиссіонера, принесшаго ея чемоданъ.

Цѣлый годъ протекъ съ тѣхъ поръ, и никакое событіе не нарушило однообразія жизни, которую вели въ этомъ пріятномъ домѣ. M-me Дювернэ, не желавшая упустить ни минуты того времени, за какое платила своей гувернанткѣ, такъ старательно распредѣлила часы занятій и такъ расширила программу воспитанія своихъ дочерей, что ни ученицамъ, ни учительницѣ некогда было думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ уроковъ; несмотря на эту усиленную умственную гимнастику, долговязая Корали не особенно преуспѣвала: что касается толстой Леокади, то она рѣшительно тупѣла. Корали, у которой сердце было такъ же сухо, какъ и тѣло, относилась къ Денизѣ съ холодной вѣжливостью, и только Леокади, когда бывала не на глазахъ у матери, имѣвшей даръ обращать ее въ камень, выказывала Денизѣ нѣкоторую привязанность. Однажды она довела нѣжность до того, что пожелала раздѣлить съ ней горбушку хлѣба, которую стащила въ кухнѣ, во время отсутствія Катерины.

Съѣдимъ ее скорѣе, — говорила она: — мамаша и шпіона —

шпіонъ это была Корали—нѣтъ дома. Тутъ довольно на насъ двоихъ, и мы будемъ не такъ голодны послѣ обѣда.

Дениза отказалась изъ приличія, несмотря на требованія желудка, которому былъ бы очень кстати этотъ импровизированный полдникъ. Она уже начинала страдать отъ недостаточности пищи и замѣчать, что ея прелестное личико блѣднѣло и вытягивалось, даже въ зеркалахъ m-me Дювернэ, которыя всѣ—не безъ расчета со стороны хозяйки—утолщали лица тѣхъ, кто въ нихъ глядѣлся....

Въ одно воскресенье, въ концѣ мая мѣсяца, въ четыре часа пополудни, весь цвѣтъ провинціального общества находился въ городскомъ саду, гдѣ полковая музыка играла два раза въ недѣлю въ лѣтнее время. Въ это воскресенье въ саду присутствовалъ мѣстный банкиръ съ женой, для которыхъ ничто въ мірѣ не стоило вниманія, если не было «полезно». Если при нихъ восхищались иногда прекрасной лужайкой, испещренной цвѣтами, то они тотчасъ замѣчали:—славное выйдетъ сѣно. Сегодня супруги имѣли озабоченный видъ. Сынъ ихъ, Оскаръ, будущій мужъ Корали, вернувшійся изъ Парижа, гдѣ окончилъ «право», не общалъ, повидимому, быть настоящимъ «полезнымъ» человекомъ. Онъ выказывалъ непреодолимую холодность къ «серьезнымъ качествамъ» своей невѣсты и разсыпался въ похвалахъ красотѣ очаровательной гувернантки. Въ промежутокъ между двумя пьесами банкирша сказала своему супругу:—Тимoleonъ, поди-ка погляди, чтó дѣлаетъ Оскаръ, постарайся усадить его возлѣ насъ; онъ гдѣ-нибудь забился въ уголокъ, чтобы перемигиваться съ этой дѣвицей—безприданницей. Если m-me Дювернэ замѣтитъ это, выйдетъ нехорошо!—Иду, душа моя... Ахъ! много будетъ намъ возни съ сыномъ! Романическая голова и учится играть на скрипкѣ! Спрашиваю васъ, къ чему это, если не имѣешь въ виду зарабатывать скрипкою деньги!

Пришелъ романическій Оскаръ.

— Ну,—спросилъ отецъ, глядя на него во всѣ глаза,—чтó скажешь новенькаго?

Оскаръ, хмурый, опустилъ лорнетъ—онъ былъ близорукъ изъ любви къ искусству—зѣвнулъ въ свою перчатку абрикосоваго цвѣта и отвѣчалъ:

— Я, ничего.

Потомъ, помолчавъ, прибавилъ съ раздраженіемъ въ голосѣ:

— Я скажу только, что судьба—индѣйка и не умѣетъ разбирать людей, и что m-me Рэвъ въ своемъ грошевомъ платьѣ и полинялой шляпкѣ похожа на царственную магнолію или бѣлую

лилію возлѣ своихъ двухъ ученицъ, разряженныхъ въ пухъ и прахъ и похожихъ на репейникъ. Во всякомъ случаѣ, объявляю вамъ, что не намѣренъ изображать собою осла, который лакомится репейникомъ! Эти двѣ дѣвушки совершенныя каррикатуры, одна вытянулась вверхъ, другая расплзлась въ ширь: Корали точно сплюснули между двухъ дверей, а у той такое лицо, точно ей его раздавили еще въ пеленкахъ. Наплевать мнѣ на ихъ приданое!

И, насаказавъ такихъ ужасовъ, Оскаръ вздѣлъ лорнетъ на носъ и былъ таковъ.

Банкирская чета оледенѣла отъ негодованія. Такой отзывъ о дѣвушкѣ примѣрной, о дѣвушкѣ «стойвей» триста тысячъ франковъ! но только потому, что ей не хватаетъ формъ... да ихъ можно купить ей! и притомъ къ чему онѣ служить? Какая отъ нихъ «польза?»...

Результатомъ этого пассажа было то, что въ тотъ же вечеръ банкирша имѣла таинственную бесѣду съ m-me Дювернэ, которая была такъ ею смущена, что, давая свѣчу Денизѣ, забыла сосчитать, сколько дней ей служила послѣдняя.

На другой же день она перевезла всю свою семью на дачу и, придя въ комнату Денизы, усѣлась и объявила ей слѣдующее:

— Вы прожили у меня цѣлый годъ, и я все время была очень довольна вами и повѣрьте, что съ большимъ сожалѣніемъ вижу себя вынужденной разстаться съ вами, благодаря одному особенному обстоятельству... Я напишу въ контору m-me Ренѡ и пошлю ей аттестатъ, въ которомъ отдамъ полную справедливость вашимъ достоинствамъ и добросовѣстности, съ какою вы занимались моими дѣтьми. Я не сомнѣваюсь, что въ скоромъ времени m-me Ренѡ доставитъ вамъ новое мѣсто. До тѣхъ поръ вы, разумѣется, пробудете у насъ.

— Благодарю васъ, отвѣчала m-me Рэвъ.

И этимъ все было сказано. Она не разъ замѣчала нѣжные взгляды, которыми ее удостоивалъ красавецъ Оскаръ и безъ труда догадалась—зная матримоніальные проекты обѣихъ семей—какого рода «особенное обстоятельство» лишаетъ ее мѣста.

IV.

Прелестнѣйшій уголокъ въ мірѣ была дача въ Мѡдонѣ, на которой г. д'Антрагъ проводилъ лѣто съ женой, свекровью и тремя дѣтьми: двумя дѣвочками восьми и десяти лѣтъ и тол-

стымъ мальчуганомъ на рукахъ у здоровой кормилицы-нормандки. Сама семья была изъ примѣрныхъ и безусловно счастлива: супруги были молоды, хороши собой, умны, богаты и любили другъ друга. Бѣлый домикъ, увитый розами и окруженный высокими деревьями, былъ уголкомъ рая.

И въ тотъ день, какъ двери этого эдема открылись передъ Денизой Рэвъ, передъ ней мелькнула картина истиннаго счастья. На лужайкѣ, передъ крыльцомъ сидѣли рядомъ г-нъ и г-жа д'Антрагъ. Ему было сорокъ лѣтъ; ей тридцать; онъ былъ смуглый и блѣдный; она бѣлокурая и розовая; положивъ голову ему на плечо, она весело смѣялась, показывая маленькіе, перламутровые зубки. Ее смѣшилъ видъ младшей дочки, катавшейся по травѣ въ обществѣ щенка ньюфаундлендской породы, у котораго она старалась отнять скомканную газету, брошенную отцомъ. Веселый лай собаки сливался съ неудержимыми взрывами хохота. Позади m-me д'Антрагъ бѣби, на колѣняхъ у кормилицы, энергически сосалъ, а бабушка, еще красивая женщина, примѣривала на его толстую и круглую ножку ажурный чулочекъ, который сама вязала. Поодаль, возлѣ людской, стояла Бенедикта, старшая дочка, и кормила изъ тарелки, съ дымящимся супомъ, старога, слѣпного и безрукаго нищаго.

Дениза Рэвъ съ минуту простояла у рѣшетки, глядя на эту милую картину, и затѣмъ съ серьезнымъ и печальнымъ лицомъ направилась къ главной группѣ, чувствуя, какъ сжимается у ней сердце при видѣ недоступнаго для нея счастья.

— Какая красавица! — прошептала мать m-me д'Антрагъ, первая увидавшая ее.

И тронувъ дочь за руку, позвала ее: — Алиса!

Молодая женщина вздрогнула и, покраснѣвъ какъ ребенокъ, приподняла свою бѣлокурую головку съ плеча мужа.

— Ахъ! сказала она: — m-lle Рэвъ.

Она уже видала ее нѣсколько разъ въ Парижѣ, у своей сестры, гдѣ произошло ихъ первое свиданіе. Съ привѣтливой поспѣшностью она пошла на встрѣчу Денизѣ, представила ее мужу, матери и позвала дочерей. Маленькая Павла, вся взъерошенная, съ травинками, запутавшимися въ ея волосахъ, приближала, запыхавшись, и таща за ошейникъ собаку. Бенедикта, слѣдовавшая за нею, говорила вполголоса: — Нечего сказать, хороша ты? Какія у тебя грязныя руки!

И обѣ дѣвочки, немного смущенныя присутствіемъ посторонняго лица, съ которымъ связывалось представленіе объ урокахъ, задачахъ и наказаніяхъ, прижались къ родителямъ. Обѣ дѣвочки

заимствовали облокурные волосы у матери и большіе, черные, бархатные глаза у отца. Художественное чувство было сильно развито въ Денизѣ, и она не могла удержаться, чтобы не сказать:—Вотъ группа, достойная кисти или рѣзца художника!

— Неправда ли?—замѣтила молодая женщина съ торжествующей улыбкой. И ее слѣдовало бы назвать: семья или счастье, что, въ сущности одно и то же. Семья—это такая прелесть!

Крупная слеза скатилась на щекъ Денизы.

— Простите! — извинилась она, стараясь улыбнуться, — я плачу не отъ зависти, но я круглая сирота!

— О, милочка!—закричала м-те д'Антрагъ, — я этого не знала. — И вдругъ съ трогательнымъ порывомъ толкнула дѣтей въ объятія Денизы, говоря:—Мы подѣлимъ ихъ!

Дни, недѣли, мѣсяцы, послѣдовавшіе затѣмъ, соотвѣтствовали этому приему. Не только сами хозяева дома, но и ихъ родственники и знакомые съ живой симпатіей относились къ благородной дѣвушкѣ, мужественно переносившей свое одинокое и необезпеченное существованіе. Бенедикта и Павла страстно привязались къ своей красавицѣ-гувернанткѣ, и въ этой привѣтливой и честной атмосферѣ, гдѣ слова, мысли и чувства не противорѣчили другъ-другу, душа Денизы согрѣлась и расцвѣла. Она чувствовала себя невыразимо счастливой.

Но дуновение ревности разрушило ея счастье. Кончилось тѣмъ, что м-те д'Антрагъ, привыкшая до той поры быть центромъ своей семьи и баловнемъ своего кружка, стала недовольна, что ей приходится дѣлить вниманіе, восхищеніе, любовь съ Денизой. То мать м-те д'Антрагъ вдругъ скажетъ, взглянувъ на молодую дѣвушку, играющую съ дѣтьми:

— Какъ она хороша, какъ граціозна, какъ мила!

Приѣдетъ гость:—М-ле Рэвъ сказала мнѣ вчера премилую вещь... эта дѣвушка очень умна.

Другой замѣтитъ:—Какъ она изящна! слово: изящество—создано для нея. Третій:—И никакого кокетства; всегда въ простомъ черномъ шерстяномъ платьѣ; но какъ оно къ ней идетъ, это платье!

Или самъ д'Антрагъ произнесетъ:—Она необыкновенно самоотверженная натура, разсудительна, какъ старый философъ, и при этомъ всегда весела и спокойна; а какъ умна и образована! Необыкновенная дѣвушка.

Дѣти неохотно разставались съ гувернанткой. Мать бывало позоветъ ихъ:

— О, мамаша, оставь насъ пожалуйста, мы такъ хорошо играемъ съ mademoiselle, намъ такъ съ нею весело.

И онѣ торопливо цѣловали мать и бѣжали къ гувернанткѣ. Словомъ, по всеобщему приговору, гувернантка Бенедикты и Павлы была «живая жемчужина».

Слушала, слушала это m-me д'Антрагъ, да взяла и порвала нитку, привязывавшую «жемчужину» къ ея дому...

Убитая и обезкураженная, Дениза печально бродила по улицамъ Парижа, какъ вдругъ чей-то голосъ окликнулъ ее сзади: — m-lle Рэвъ.

Она оглянулась: — Ахъ, это вы, Маргарита Давенель?

— Я самая... — отвѣчала молодая дѣвушка, беря ее подъ руку.

— Я думала, что вы въ Москвѣ?

— Я только-что оттуда пріѣхала.

— Я думала, что вы законтрактовались на пять лѣтъ.

— Вы правы. И мнѣ было очень хорошо у Нерекиныхъ. Дѣти милые; родители сносные; словомъ, все шло какъ по маслу, какъ вдругъ воротился изъ путешествія по Германіи старшій сынъ, двадцати-трехлѣтній молодой человѣкъ, очень красивый собою, и вздумалъ приволочнуться за мной. Во всѣхъ углахъ дома я натыкалась на него, какъ нарочно. Я ни слова не говорила родителямъ, боясь, чтобы они не испугались прихоти своего сына и не отказали бы мнѣ отъ мѣста. Я была вполне увѣрена, что сумѣю отстоять себя безъ ихъ помощи. Но я не приняла въ расчетъ ревности горничной, за которой сыночекъ тоже ухаживалъ въ свое время. Какимъ способомъ очернила она меня? — не знаю. Знаю только, что въ одно прекрасное утро мнѣ было объявлено, что меня просятъ удалиться, вслѣдствіе моего кокетства, и отказываютъ мнѣ даже въ аттестатѣ. Г-жа Нерекина не желала отягощать свою совѣсть. И вотъ какимъ образомъ, милочка, я вернулась изъ Россіи. Съ тѣхъ поръ я граню мостовую съ нѣсколькими рублями въ карманѣ. А затѣмъ, когда они выйдутъ — капутъ.

У Денизы вырвался жестъ испуга.

— О! успокойтесь... я не собираюсь продать себя, но можно всегда умереть.

— Какое безуміе! развѣ вы не можете найти мѣста!

— Очень трудно мнѣ найти мѣсто. Я не знаю музыки.

— Вы живете въ монастырѣ св. Маріи!

— А вы? Вы тоже безъ мѣста?

— Я только-что лишилась третьяго...

— Прелестно! И все потому, что «слишкомъ хороши собой?» Дениза въ свою очередь пересказала свои исторіи.

V.

Два съ половиной мѣсяца спустя, въ одинъ холодный октябрьскій вечеръ пароходъ «Французскій императорскій принцъ» отплылъ отъ пристани Булоня въ Лондонъ. На носу парохода двѣ женщины, облеченныя въ длинныя ватерпруфы, подъ густыми газовыми вуалями, глядѣли, перегнувъ голову за бортъ, на волны и молча слѣдили за бороздой, оставляемой пароходомъ. Вдругъ одна изъ нихъ подняла голову.

— А чтó, какъ тамъ одна пустота?—проговорила она, указывая на темное небо, тогда намъ лучше было бы искать спасенія въ этихъ глубокихъ волнахъ... Мнѣ нравится мысль уснуть въ этой плавающей могилѣ.

— У васъ разстроены нервы, Маргарита,—отвѣчала Дениза Рэвъ, приподнимая вуаль и показывая свое блѣдное и похუ-дѣвшее, но прелестное личико. — Вы были мужественнѣе три года тому назадъ, когда мы съ вами познакомились въ монастырѣ св. Маріи.

— Три года тому назадъ, хоть я и не ждала ничего особеннаго отъ жизни, но все же не думала, что жить такъ трудно: я вѣрила въ милосердіе, въ справедливость... Какъ! за то, что молодому человѣку вздумалось въ меня влюбиться, семья его прогоняетъ меня безъ аттестата, а безъ него ни одна контора не беретъ доставить мнѣ мѣсто... Вамъ отказываютъ отъ трехъ мѣстъ безъ всякой вины съ вашей стороны!.. Чтó бы мы дѣлали съ вами, если бы не напали въ газетахъ на объявленіе этой лондонской дамы, которая даетъ пріютъ гувернанткамъ и находитъ имъ мѣста, и соглашается ждать платы до тѣхъ поръ, пока гувернантка не получитъ годового жалованья.

— Право не знаю! Но за то какое счастье, что мы натолкнулись на эту добрую миссисъ Бель! Она, должно быть, филантропка! я думаю, что она единственная въ своемъ родѣ, по крайней мѣрѣ во Франціи мнѣ не случилось слышать о существованіи такихъ конторъ.

— Ни мнѣ также... Я нахожу письмо миссисъ Бель очень

привѣтливѣе. Она очень хорошо понимаетъ, что мы не виноваты въ своихъ неудачахъ.

— Такъ зачѣмъ же вы предаетесь такимъ похороннымъ мыслямъ!

На другой день въ шесть часовъ утра наши путешественницы сошли съ парохода, едва различая вереницу кэбовъ сквозь туманъ, окутывавшій городъ густой пеленой, сквозь которую едва мерцалъ трепещущій огонекъ газовыхъ фонарей.

— Господи! — замѣтила Маргарита Давенель, — что это, мы какъ будто не сошли съ Темзы, а погружаемся въ нее? Мы всѣ на этой набережной похожи на китайскихъ тѣней. И это они называютъ «бѣлымъ Альбіономъ».

— Кучеръ, — сказала Дениза Рэвъ, — отвезите насъ: Montagne Place, Russel Square.

Онѣ сѣли въ кэбъ, и онѣ быстро покатился.

Вечеромъ этого дня въ комфортабельной и теплой пріемной, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы, за столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, сидѣла миссисъ Бель и миссисъ Санденъ, ея родная сестра, двѣ вдовы, которыя утѣшались въ своемъ вдовствѣ благотворительными дѣлами, принимая къ себѣ и помѣщая на мѣста на вышеназванныхъ условіяхъ гувернантокъ. Онѣ не хотѣли только, чтобы ихъ домъ считался конторою, не платили за патентъ и не принимали къ себѣ англичанокъ, ссылаясь на то, что, находясь въ своемъ отечествѣ, онѣ не нуждаются въ ихъ помощи. Эту помощь онѣ исключительно предлагали иностранкамъ, подъ условіемъ, чтобы онѣ были молоды, пріятной наружности и благовоспитанны... Все это онѣ провѣряли при первомъ взглядѣ на нихъ, и смотря по тому, удовлетворяли этимъ требованіямъ молодыя дѣвушки, являвшіяся къ нимъ, или нѣтъ, онѣ объявляли имъ: «у насъ есть свободная комната къ вашимъ услугамъ», или: «у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, ни одной свободной комнаты».

Обѣ вдовы, уже не первой молодости, были здоровыя, румяныя толстушки, съ маленькими голубыми глазками, съ кроткимъ и слегка притворнымъ выраженіемъ, и маленькими ротиками. Эта наружность, имѣвшая въ себѣ нѣчто дѣтское, прельщала ихъ пансіонерокъ. Впрочемъ, сестрицы всего лишь полгода, какъ предавались своимъ филантропическимъ упражненіямъ. Сидя другъ противъ друга, онѣ взглядывали другъ на друга, улыбались, зачѣмъ снова впадали въ раздумье.

Наконецъ миссисъ Бель сказала:—Я думаю, Герти, что лордъ С... будетъ отъ нея въ восторгѣ!..

— Я тоже думаю, Анни! И намъ можно будетъ съѣздить на континентъ.

— Только не забудьте заняться ею до его прїѣзда и научите ее выражаться какъ можно приличнѣе. Всѣ эти французенки такъ нескромны въ разговорѣ! А вы знаете, что лордъ С... очень щекотливъ на этотъ счетъ. Замѣтили ли вы, что сказала миссъ Давенель по прїѣздѣ сюда: «у меня желудокъ разстроено» — это до того непристойно... Скажите имъ, что ниже шеи нельзя ничего называть въ разговорѣ. Замѣтили ли вы, что французенки на каждомъ словѣ употребляютъ слово: *jambe*, — скажите этой очаровательной особѣ, что это совсѣмъ негодится...

Въ пять часовъ вечера почтовая карета быстро катилась по направленію въ Кармартенъ, городъ въ Уэльскомъ княжествѣ. Двѣ особы сидѣли въ этой каретѣ на задней скамейкѣ. М-лле Рэвъ съ неопредѣленной улыбкой глядѣла на строгій пейзажъ, развертывавшійся передъ ея глазами, въ сумракѣ вечера. Напротивъ нея сидѣлъ лордъ Эдвинъ С... замѣчательнѣйшій типъ британскаго джентльмена.

То былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокій и тонкій, очень бѣлокурый, съ сѣрыми, холодными какъ сталь, глазами, длинными руками, узкими и гибкими, и ногой, аристократическое совершенство которой славилось въ Соединенномъ-Королевствѣ. Кромѣ этихъ преимуществъ, благородный лордъ пользовался пятьюстами тысячами фунтовъ дохода и неизлечимымъ сплиномъ, съ которымъ онъ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ носился по всему земному шару.

Онъ только-что вернулся въ Англію.

Миссисъ Бель представила Денизъ этого господина, не жена-таго еще, какъ опекуна маленькой дѣвочки, слабаго здоровья, которую онъ воспитываетъ въ деревнѣ. Гувернантка, къ услугамъ которой полагается цѣлый штатъ прислуги, будетъ полной хозяйкой въ замкѣ, такъ какъ лордъ С... проводитъ въ немъ лишь нѣсколько недѣль осенью. Жалованье ей назначаютъ двѣ тысячи пятьсотъ франковъ. Двѣ тысячи пятьсотъ франковъ! безподобно! Пятисотъ достаточно будетъ ей на расходы. Значить, ей можно будетъ отложить двѣ тысячи франковъ въ годъ! Цѣлое состояніе!..

Какая благодѣтельница эта добрая миссисъ Бель! Маргарита Давенель въ свою очередь отправилась на островъ Майорку съ отцомъ своихъ будущихъ ученицъ. Мать была слишкомъ слабаго здоровья, чтобы совершить такое путешествіе, и поручила мужу привезти гувернантку. Нѣтъ, никогда Дениза не забудетъ ни миссисъ Бель, ни ея сестру.

Ночь наступила; лордъ С... выглянулъ въ окно кареты.

— Я вижу, — сказалъ онъ, — кровлю моего стариннаго жилища, оно отстоитъ всего лишь въ пяти миляхъ отъ Кармартена; когда вамъ понадобится зачѣмъ-нибудь съѣздить въ городъ, вамъ стоить только приказать заложить карету. Я надѣюсь, что вы не очень соскучитесь въ нашихъ горахъ?

— Я нигдѣ не скучаю, милордъ.

— Такъ говорятъ тѣ, которымъ нигдѣ не бываетъ весело. Мнѣ тоже нигдѣ не было весело, съ тою только разницею, что мнѣ вездѣ бываетъ скучно... Но можетъ быть это перемѣнится теперь... Я вижу, что могу надѣяться, что вы привыкнете къ Уайтъ-Кестлю?

— Разумѣется, и я увѣрена, что полюблю малютку...

Странная улыбка, которую темнота скрыла отъ m-lle Рэвъ, появилась на губахъ лорда Эдвина.

Онъ продолжалъ:

— Она будетъ интересна въ семнадцать лѣтъ, а теперь это хорошенькій, дикій звѣрекъ, пришитый къ юбкѣ миссисъ Мортонъ, которая за нею ходитъ.

Карета въѣхала въ широкую аллею, усаженную каштановыми деревьями и усыпанную тонкимъ пескомъ, и затѣмъ остановилась у монументальнаго крыльца, которое какъ будто стерегли два сфинкса изъ розоваго гранита, привезенные лордомъ Эдвиномъ изъ Египта.

Часъ спустя путешественники сошлись въ громадной столовой, отдѣланной старымъ, рѣзнымъ дубомъ; въ каминѣ пылало цѣлое бревно.

Лордъ Эдвинъ въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ передавалъ Денизѣ во время обѣда легенды, ходившія на счетъ его замка, въ которомъ, какъ увѣряютъ, каждую ночь показывается привидѣніе въ видѣ краснаго монаха. Дениза слушала терпѣливо, затѣмъ спросила: — увидитъ ли она свою воспитанницу сегодня вечеромъ, или та уже легла спать; ей бы очень хотѣлось поскорѣй съ ней познакомиться, а также и съ миссисъ Мортонъ, своей будущей сожительницей.

— Миссисъ Мортонъ ужъ надѣла ночной чепчикъ, и я не совѣтую беспокоить ее на ночь... Что касается малютки, то я только-что узналъ, что она еще не вернулась изъ Х... Это маленький городокъ въ двѣнадцати миляхъ разстоянія отъ насъ, гдѣ живетъ подруга ея матери, и она ежегодно гоститъ у нея нѣкоторое время. Я не оставляю васъ въ обществѣ одной миссисъ

Мортонъ до ея возвращенія; но какъ только малютка вернется, я уѣду... Я рассчитываю провести зиму въ Парижѣ.

На такое объясненіе нечего было возразить. М-ле Рэвъ ушла спать и видѣла во снѣ краснаго монаха и сфинксовъ изъ розоваго гранита.

Шесть дней ожиданія прошли очень пріятно въ экскурсіяхъ по окрестностямъ. Лордъ Эдвинъ былъ очень пріятный чичероне. Въ его вѣжливости не было ни малѣйшаго оттѣнка галантности, и онъ обращался съ Денизой по-товарищески. Ему казалось и въ голову не приходило, что m-lle Рэвъ женщина и прелестная женщина.—Какое счастье!—думала Дениза,—къ тому же, онъ почти не будетъ здѣсь жить.

Когда она говорила съ миссисъ Мортонъ о маленькой дѣвочкѣ, та улыбалась и неизмѣнно отвѣчала:—О! она очень мила, очень!

Вечеромъ шестого дня, послѣ обѣда, Дениза покойно сидѣла въ мягкомъ креслѣ, у камина, когда лордъ Эдвинъ, докуривъ сигару, вошелъ и сѣлъ напротивъ нея.

— Я желаю,—сказалъ онъ,—высказать вамъ свой личный взглядъ на бракъ,—полезное учрежденіе, ставшее отвратительнымъ, благодаря устарѣлымъ предразсудкамъ. Угодно вамъ меня выслушать?

Весьма заинтересованная такимъ вступленіемъ, Дениза отвѣчала:—Я васъ слушаю, милордъ.

— Итакъ, вотъ мое мнѣніе, плодъ зрѣлыхъ размышленій. Я нахожу, что прежде нежели связать себя, мужчина и женщина, когда они познакомились другъ съ другомъ и не внушаютъ другъ другу физическаго отвращенія, должны прожить годъ въ деревнѣ въ одиночествѣ и попытаться полюбить другъ друга. Этотъ опытъ долженъ произойти въ границахъ братской дружбы. По прошествіи года, если опытъ окажется удачнымъ, они должны провести еще годъ въ обществѣ другъ друга, но уже не какъ братъ съ сестрой, и если любовь переживетъ этотъ двойной опытъ, тогда они могутъ рассчитывать, что сдумаютъ прожить всю жизнь вдвоемъ, не опротивѣвъ другъ другу. Маленькая дѣвочка, о которой я вамъ говорилъ, не пріѣдетъ завтра, по той простой причинѣ, что она не существуетъ и я привезъ васъ сюда затѣмъ именно, чтобы съ помощью этой невинной басни произвести съ вами опытъ, о которомъ я вамъ только-что сообщилъ. Въ продолженіи года, если вы согласны, мы не разстанемся, и я буду относиться къ вамъ съ глубочайшимъ уваженіемъ.

Дениза остолбенѣла отъ изумленія; это неслыханное предложеніе выходило изъ границъ даже англійской эксцентричности. Первою мыслью ея было, что она имѣетъ дѣло съ спокойнымъ сумасшедшимъ. Лордъ Эдвинъ угадалъ ея мысль.—Повѣрьте мнѣ, —замѣтилъ онъ, —я не спятилъ съ ума и надѣюсь доказать вамъ это.

— Вамъ не придется брать на себя этотъ трудъ, — отвѣчала Дениза, вставая; я не люблю оригинальности и питаю безграничное уваженіе къ тому, что вы называете устарѣлыми предразсудками. Я буду вамъ очень обязана, если вы укажете мнѣ способъ завтра же вернуться въ Лондонъ.

— Я васъ не буду задерживать, но не могу не сожалѣть о томъ, что особа такого замѣчательнаго ума придерживается буржуазныхъ понятій... Это ваше послѣднее слово?

— Я вамъ не позволяю въ этомъ сомнѣваться.

«У этой толстой Белль нѣтъ никакого чутья», подумалъ лордъ Эдвинъ, и прибавилъ громко:

— Завтра васъ отвезутъ на станцію желѣзной дороги до времени отхода курьерскаго поѣзда; слуга, который будетъ сопровождать васъ, возьметъ вамъ билетъ, я долженъ принять на себя путевыя издержки; мнѣ бы слѣдовало даже...—Прошу васъ ни слова болѣе, милордъ... Я уѣхала изъ Лондона съ гинеей въ карманѣ и вернусь туда съ гинеей въ карманѣ... Прощайте.

И молодая дѣвушка вышла.

— Она похожа на королеву, — пробормоталъ лордъ Эдвинъ. —Весьма вѣроятно, что я бы влюбился въ нее. Какая жалость! Такое пріятное развлеченіе ушло изъ рукъ... Чѣмъ бы мнѣ теперь развлечь себя? Пустить, что ли, пулю въ лобъ и выжить настолько, чтобы узнать, какое это произведетъ на меня впечатлѣніе.

Онъ просидѣлъ въ раздумьи минутъ десять, затѣмъ позволилъ.

— Самъ, мы завтра отправляемся въ Сенегалъ.

— Милордъ общалъ мнѣ, что въ этотъ разъ я успѣю жениться на Фанни.

— Вы отложите свадьбу до будущаго раза.

— Но Фанни не хочетъ больше ждать.

— Ну, когда такъ, ты женишься въ Сенегалѣ, если тебѣ такъ этого хочется.

— На черной женщинѣ?

— Ты выкрасишь ее въ бѣлую краску; уѣдряю тебя, что это рѣшительно все равно.

Сэмъ сдѣлалъ покорный жестъ и вышелъ. Онъ получалъ восемьдесятъ фунтовъ жалованья на службѣ у лорда Эдвина и ежегодно обкрадывалъ его на сто-пятьдесятъ фунтовъ. Мѣсто было выгодное—и стоило жертвы.

VI.

Ничто не можетъ передать негодованія миссисъ Белль и миссисъ Сандонъ, когда онѣ услышали отъ самой m-lle Рэвъ, какое «неприличное предложеніе» осмѣлился сдѣлать ей лордъ С... Обѣ вдовы по крайней мѣрѣ десять разъ сряду повторили: — Shoking! Oh! shoking!

Но въ то же время «съ прискорбіемъ» объявили, что у нихъ нѣтъ въ настоящую минуту свободной комнаты для Денизы, и вручили ей адрессъ гостинницы третьяго разряда и двухъ конторъ, рекомендуя не сообщать о неудачной экскурсіи въ Уэльсъ, чтобы не давать пищи злымъ языкамъ.

Итакъ, Дениза очутилась на мостовой Лондона съ чемоданомъ и одной гинеей и тремя шиллингами въ карманѣ. Она взяла комиссіонера и отправилась въ указанную гостинницу. Когда она робко объявила, что будетъ обѣдать не въ гостинницѣ и что не нуждается, чтобы топили ея комнату, потому что не зябка, то хозяйка подозрительно поглядѣла на нее и потребовала впередъ плату за цѣлую недѣлю. Дениза отдала свою гинею и, очутившись въ холодной и бѣдно-убранной комнатѣ, казавшейся еще непригляднѣе, послѣ великолѣпныхъ палатъ Уайтъ-Кэстля, написала письмо Маргаритѣ Давенель, сообщивъ ей свою печальную исторію. M-lle Давенель вовсе не получила этого письма, по той причинѣ, что адресъ, сообщенный ей джентльменомъ, увезшимъ ее къ больной женѣ и дѣтямъ, принадлежалъ къ категоріи такихъ же вымысловъ, какъ и воспитанница лорда С...

Дениза продала все, что могла, изъ своего бѣднаго гардероба и кое-какъ перебивалась, когда наконецъ, пять дней спустя послѣ прибытія въ Лондонъ, получила извѣщеніе отъ конторы и адресъ дамы, искавшей гувернантку для родственницы, живущей въ Шотландіи. Она тотчасъ же отправилась по данному адресу въ Гросвеноръ-сквэръ и прошла почти цѣлое лѣе пѣшкомъ, съ утра ничего не ѣвши, кромѣ маленькаго хлѣбца. Когда она пришла въ указанный домъ, съ ней чуть не сдѣлалось дурно. Пораженная ея нездоровымъ видомъ, барыня, къ которой ее

адресовали, встрѣтила ее очень нелюбезно:—Ахъ!—сказала она, —вы кажется очень слабаго здоровья? — Я никогда не бываю больна,—съ тревогой отвѣчала Дениза, —но въ послѣдніе дни я много ходила и очень устала.—Для чего же существуютъ кэбы и омнибусы? Не надо доводить экономію до крайности.... во всемъ нужна система... Но французы вѣчно склонны къ крайностямъ. Ваши аттестаты очень хороши; вотъ всѣ ваши документы, присланные конторой. Вы можете выѣхать послѣ-завтра?

— О, разумѣется.

— Вотъ адресъ моей кузины:—6, Prince's street, Edinbourg: лэди Макъ-Апплей; трое дѣтей, это неумоительно; вы легко заработаете свои пятьдесятъ фунтовъ... Знаете ли вы *Printemps* Мендельсона?

— Нѣтъ.

— Сядьте и разберите.

Бѣдняжка сѣла за фортепіано съ отуманенной отъ голода и усталости головой; въ глазахъ у ней было темно; въ ушахъ звонъ. Но, сдѣлавъ невѣроятное усиліе надъ собой, она сыграла требуемое, если и не такъ блистательно, какъ обыкновенно, то все же удовлетворительно.

— Недурно,—замѣтила барыня;—теперь можете идти домой; надѣюсь, что моя кузина будетъ довольна вами.

Дениза встала и пробормотала съ усиліемъ, причемъ кровь прилила къ ея блѣднымъ щекамъ.

— У меня нѣтъ достаточно... я не могу на свои средства совершить эту поѣздку...

Барыня слегка нахмурила брови.—О!—проговорила она, какое тяжелое положеніе... мнѣ не по сердцу такая бѣдность... это не прилично... Но такъ какъ ваши аттестаты отличны...

Она выдвинула ящикъ у стола, достала нѣсколько денегъ, но затѣмъ передумала:

— Придите ко мнѣ послѣзавтра за часъ до отъѣзда, моя горничная отвезетъ васъ на станцію и посадить въ вагонъ.

Дениза поняла...

Послѣ завтра утромъ она отправилась въ Шотландію. Опять у нея будетъ кровь, занятія и хлѣбъ.

Въ пріемной роскошнаго жилища Макъ-Апплей въ Эдинбургѣ, у стола, на которомъ виднѣлись остатки обѣда, двѣ дѣвочки двѣнадцати и одиннадцати лѣтъ съ скучающимъ видомъ разсматривали картинки въ альбомѣ, лежавшемъ у нихъ на

колѣняхъ. Обѣ бѣлокурныя какъ лень, съ свѣтлыми глазами, съ бѣлымъ, какъ молоко, личикомъ, онѣ очень были похожи другъ на друга.

— Я смерть какъ устала держать этотъ альбомъ, — сказала вдругъ та, которая перевертывала страницы альбома, смотри картинки одна, я пойду посплю въ ожиданіи, пока насъ позовутъ.

— Скажи мнѣ, Белла, почему они сегодня такъ копаются? Меня увѣряли въ кухнѣ, что сегодня гостей не будетъ...

— Почему я знаю, Элленъ, отчего они копаются, — пробормотала Белла, закрывая глаза: — какое мнѣ дѣло?

— Какъ ты думаешь, будетъ пуддингъ изъ фруктовъ за десертомъ?

— Ты несносна съ своими вопросами! Спрашивай у Кэтъ и оставь меня въ покоѣ... Ты только и думаешь о томъ, какъ бы поѣсть!

— А ты о томъ, какъ бы поспать!.. Нельзя представить себѣ несноснѣе дѣвочки!

Кэтъ, нѣчто въ родѣ няньки, вышивала въ углу и кивнула одобрительно головою, но не сказала ни слова.

Въ эту минуту дверь пріемной внезапно растворилась, и третья маленькая дѣвочка, лѣтъ восьми, смуглая какъ испанка, въ бѣломъ платьѣ, вбѣжала, крича:

— «Новая» пріѣхала! «новая» пріѣхала!

Дениза Рэвъ очевидно была не первой гувернанткой у юныхъ миссъ.

— Папа показалъ мнѣ ее.

— Ну такъ что-жь? — отвѣчала лѣнивая Белла, — развѣ изъ-за этого стѣбитъ поднимать такой шумъ? Ясно, что рано или поздно къ намъ должна была пріѣхать французенка, такъ какъ мы не можемъ обойтись безъ нея.

— Папа сказалъ мнѣ, что сегодня вечеромъ она будетъ обѣдать съ ними, — продолжала дѣвочка въ бѣломъ платьѣ, которую звали Дэзи. — Онъ велѣлъ также намъ придти въ столовую и совѣтуетъ тебѣ, Элленъ, не набрасываться съ такою жадностью на пирожное, чтобы не нажить для пріѣзда «новой» расстройства желудка, а тебѣ, Белла, не быть такой заспанной.

— Ты глупая и дерзкая дѣвочка! Во-первыхъ, я похожа на мамашу... Я была бы въ отчаяніи, если бы походила на такую чернавку, какъ ты, да притомъ такую еще непосѣду.

— Я скажу это папашѣ! — закричала Дэзи: — онъ тоже черный и тоже непосѣда.

Таковы были три новыхъ воспитанницы Денизы Рэвъ.

Въ настоящую минуту, за сытнымъ обѣдомъ—поваръ Макъ-Апплея былъ лучшимъ въ Единбургѣ—къ изголодавшейся бѣдняжкѣ мало-по-малу возвращались силы, и слабый румянецъ заигралъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

Сидя напротивъ жены, лордъ Макъ-Апплей, который ѣлъ мало, а говорилъ еще меньше, съ невыразимымъ отвращеніемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ работала вилка милэди, одаренной громаднымъ аппетитомъ. Впрочемъ, эта обильная пища шла ей впрокъ, потому что, насытивая всего тридцать-три года отъ роду, милэди была непомѣрно толста. Она дружески встрѣтила Денизу и казалась доброй и кроткой, хотя немного застѣнчивой и ничтожной, въ особенности въ присутствіи мужа.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ, женитьба лорда Макъ-Апплей на кузинѣ, хорошенькой Розы, воздушномъ созданіи прозрачной бѣлизны, съ зелеными глазами, съ волосами, отливавшими серебромъ, такъ что ее можно было принять за водяную нимфу, увѣнчанную луннымъ лучомъ, была семейной сдѣлкой, столь часто повторяющейся въ Англіи, гдѣ боятся раздробленія имуществъ. Женившись, лордъ Макъ-Апплей употребилъ похвальные усилія, чтобы влюбиться въ свою жену; онъ мало зналъ ее до того, такъ какъ постоянно путешествовалъ, но его родные расхвалили ему характеръ его нареченной невесты, и онъ на-слово повѣрилъ имъ. Послѣ полуторагодового tête-à-tête на континентѣ, во время котораго молодая лэди обогатила троихъ пирожниковъ, къ которымъ заходила «закусывать», послѣ посѣщенія музеевъ, гдѣ она неизмѣнно произносила передъ всѣми возможными твореніями искусства:—о! очень мило! очень!—мужъ привезъ ее обратно въ Шотландію, съ печалью убѣдившись въ ея совершеннѣйшемъ ничтожествѣ, и съ полнымъ отвращеніемъ къ ея ненасытному аппетиту.

Послѣ этого лордъ Макъ-Апплей отложилъ попеченіе о супружескомъ счастьи, о которомъ ему случалось мечтать въ своихъ дальнихъ странствіяхъ, и снова окунулся въ омутъ свѣтской жизни и приключеній, стоившихъ ему много денегъ и доставлявшихъ мало удовольствія. Ему было теперь сорокъ-три года; онъ очень усталъ, пресытился, былъ вѣчно не въ духѣ и смутно желалъ чего-то, чего самъ не могъ назвать; словомъ, былъ вполне неносенъ для себя и для другихъ.

Послѣ обѣда милэди придвинула къ себѣ маленькій рабочій столикъ, на который слуга поставилъ лампу, и принялась медленно вышивать по канвѣ. Иголка дѣйствовала однако все вялѣе и вялѣе, и наконецъ совсѣмъ остановилась. Милэди спала.

Такъ она привыкла переваривать свой обѣдъ. Белла, сидя у огня, глядѣла на уголья съ соннымъ видомъ; Эленъ вытаскивала изъ кармана одну за другой конфекты, которыми набила его за десертомъ; что касается маленькой Дэзи, она нѣжно указывала свою куклу, объясняя «новой» гувернанткѣ, какими достоинствами обладаетъ ея бѣби. Лордъ Макъ-Апплей расхаживалъ взадъ и впередъ и не раскрывалъ рта.

Дениза, нѣсколько смущенная въ обществѣ сонной хозяйки и молчаливо разгуливающаго хозяина, не смѣла однако уйти къ себѣ, прежде нежели няня не придетъ за дѣвочками съ неизмѣннымъ: — «come to bed misses».

Въ девять часовъ, баронетъ усѣлся въ углу у камина и прислонилъ къ мраморному подкаминнику свою печальную и надменную голову; вся его поза выражала неизлечимую скуку. Вдругъ онъ какъ-бы вспомнилъ о присутствіи молодой гувернантки и, поднявъ склоненную голову, пробормоталъ: — о! извините! и прибавилъ громко:

— Вамъ еще не представили вашихъ воспитанницъ; я долженъ исправить это упущеніе. Вотъ миссъ Белла, «*far niente*» воплощенное во образѣ шотландки, и миссъ Эленъ, общающаяся прославиться своимъ аппетитомъ. Обѣ посредственныхъ способностей, но добрыя дѣвочки, если имъ не мѣшать — одной спать, а другой кушать. Я, какъ видите, совсѣмъ чуждъ родительскаго ослѣпленія. Что касается этой дѣвочки — и онъ положилъ съ ласкою руку на темную головку Дэзи — то до сихъ поръ я требовалъ только, чтобы ей не мѣшали жить: она умѣетъ читать и писать, и пока весь умъ сосредоточивается у нея въ сердцѣ.

Онъ притянулъ къ себѣ дѣвочку и поцѣловалъ ее, сказавъ вполголоса:

— Дитя мое! мое дорогое дитя! ты единственная отрада твоего отца!

— Теперь, когда знакомство произошло по всѣмъ правиламъ искусства, вы можете идти къ себѣ. Отчаянное веселіе вечера, проведеннаго съ нами, не должно, полагаю, задерживать васъ... О! бесполезно прощаться съ милэди; труба архангела, возвѣщающая кончину міра, одна могла бы пробудить ее. Вы приучены къ скукѣ?

— Я ко всему приучена, милордъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю... Долженъ предупредить васъ, что всѣ ваши предшественницы заявляли мнѣ, что это не домъ, а могила. Покойной ночи.

«Какой чудакъ!» — подумала Дениза, идя въ свою комнату:

«ему должно быть въ самомъ дѣлѣ не особенно весело въ обществѣ бѣдной милэди».

Зима прошла, а лордъ Макъ-Апплей еще ни разу не заводилъ бесѣды съ гувернанткой своихъ дочерей, кромѣ выше приведенной. Поутру онъ говорилъ ей: здравствуйте! по вечерамъ: прощайте! и этимъ ограничивался. Къ этимъ формуламъ вѣжливости милэди присоединяла иногда размышленіе о хорошемъ поведеніи дѣтей, или о погодѣ.

Несмотря на миловидность и ласковость Дэзи, никогда еще Денизѣ не жилось такъ тяжело; нравственное одиночество тяготило ее, она ощущала страстное желаніе привязанности, обмѣна мыслей. Но душа ея была охвачена мрачной апатіей, которую она не въ силахъ была страхнуть, несмотря на все свое бывшее мужество. Она плохо спала, тревожный сонъ ея наполненъ былъ странными видѣніями, въ которыхъ проносились герои романовъ, прочитанныхъ ею въ библіотекѣ Трекѣровъ, вмѣстѣ съ виконтомъ. Ей чудились страстныя признанія, и она просыпалась въ волненіи, говоря: «слава Богу, это сонъ!» Но впечатлѣніе этого разслабляющаго сна не покидало ее цѣлый день.

Апрѣль былъ на исходѣ; однимъ утромъ, въ восемь часовъ m-lle Рэвъ сошла въ садъ, чтобы освѣжить свою усталую и горячую голову, пока горничная одѣвала ея ученицъ. Садъ этотъ, длинный и узкій, окруженный высокими стѣнами, увитыми плющомъ, былъ довольно мраченъ. Молодая дѣвушка сѣла на скамью изъ сѣраго камня и замерла въ неподвижной позѣ, склонивъ голову на маленькія ручки, скрещенныя на колѣняхъ.

— Если бы я былъ скульпторомъ, — произнесъ вдругъ чей-то голосъ, — я бы попросилъ позволенія изобразить васъ въ этой позѣ, какъ статую Утомленія...

Дениза вздрогнула. Лордъ Макъ-Апплей подходилъ къ ней.

— Прошу васъ, не безпокойтесь, — сказалъ онъ, останавливаясь передъ нею: — съ нѣкоторыхъ поръ совѣсть укоряетъ меня за то, что я вамъ не сказалъ еще ни одного комплимента, и, увидя, что вы идете въ садъ, я пришелъ исправить мою оплошность. Ни одна изъ вашихъ предшественницъ никогда не могла выжить долѣе трехъ мѣсяцевъ въ этомъ старинномъ жилищѣ, которое первая, какъ вамъ извѣстно, любезно окрестила названіемъ могилы. Между тѣмъ, вы проживаете въ немъ уже пятый мѣсяцъ и не заговариваете объ отъѣздѣ... У васъ здоровая натура, какъ вижу, съ чѣмъ васъ и поздравляю. Вотъ вамъ мой комплиментъ.

— Благодарю васъ, милордъ, — отвѣчала Дениза ледянымъ тономъ, и хотѣла уйти.

— Еще одно слово, прошу васъ, — продолжалъ баронетъ, своимъ обычнымъ ироническимъ тономъ. — Я иногда бываю очень любопытенъ. Объясните мнѣ, почему вы остаетесь здѣсь, когда съ вашими бесспорными талантами вы могли бы найти сто мѣстъ, болѣе веселыхъ, чѣмъ это. Послѣдняя ваша предшественница не играла на фортепіано и ни слова не понимала по-нѣмецки и однако предпочла рискъ остаться долгое время безъ мѣста дальнѣйшему своему погребенію здѣсь. Она мнѣ объявила безъ обиняковъ, что совсѣмъ одурѣла отъ скуки.

— Должна ли я заключить изъ вашихъ словъ, милордъ, что я зажилась у васъ?

— Вы отвѣчаете на вопросъ вопросомъ. Я отнюдь не желаю вашего отъѣзда. Я просто спрашиваю: чему мы обязаны счастіемъ пользоваться вашимъ присутствіемъ долѣе положеннаго срока.

— Я имѣю обыкновеніе оставаться на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не откажутъ...

— А!.. а вамъ иногда отказывали отъ мѣста?

— Всегда, милордъ.

— Вотъ искреннее и... наивное признаніе...

— Но, — перебила она съ живостью, — вы должны видѣть изъ моихъ аттестатовъ, что это происходило не по моей винѣ, а въ силу особыхъ обстоятельствъ.

— Особыхъ обстоятельствъ, — повторилъ милордъ съ иронической улыбкой, — понимаю... Ну, такъ живите мирно подъ моей кровлей. Милэди игнорируетъ существованіе всего, что только не кушанье, и поэтому не будетъ ревновать васъ, а я... я влюбляюсь только въ дурнышекъ. Имѣю честь кланяться!

«Вотъ человѣкъ!» подумала Дениза: «я его просто ненавижу».

Въ началѣ мая мѣсяца, Дениза, чувствуя, что нездоровье ея усиливается, обратилась за совѣтомъ къ доктору леди Макъ-Апплей; тотъ разспросилъ молодую дѣвушку, написалъ рецептъ и принялся расхаживать по комнатѣ. Наконецъ, остановился передъ ней и сказалъ:

— Ваша болѣзнь пристекаетъ отъ скуки... она сложнаго характера... Средствомъ противъ этого рода скуки я рекомендую молодымъ дѣвушкамъ замужство; это отличное лекарство отъ неопредѣленной грусти. Въмѣсто воображаемыхъ несчастій, приходится переносить дѣйствительныя, а это гораздо лучше; чело-

вѣкъ созданъ для дѣйствительной жизни. Вы мнѣ должны за визитъ гинеть... Имѣю честь кланяться.

«Это должно быть психіатръ», подумала Дениза: «они всѣ вообще болѣе помѣшаны, чѣмъ сумашедшіе, которыхъ сами же лечатъ».

И раздраженная, раздосадованная его рѣчью, она залилась горькими слезами.

Однажды вечеромъ она замѣтила, что лордъ Макъ-Апплей особенно пристально на нее смотреть; когда она взглядывала на него, онъ отводилъ свои глаза безъ всякаго замѣшательства и заговаривалъ съ Дэзи голосомъ, въ которомъ сквозь обычную надменность прорывалась грустная нотка.

Няня пришла звать дѣтей спать. Дениза собиралась послѣдовать за ними, но баронетъ движеніемъ руки остановилъ ее:

— M-lle Рэвъ, — проговорилъ онъ, — мнѣ кажется, что у васъ доброе сердце...

Она кивнула головой.

— Ну, такъ пожалѣйте меня, я... глубоко несчастенъ...

Денизѣ послышалось въ тонѣ его словъ такое горе, что она невольно вздрогнула и инстинктивно протянула руку баронету, говоря:

— Если моя симпатія можетъ облегчить вашу печаль, милордъ, она ваша...

— Благодарю васъ...

И онъ выпустилъ ея руку, едва притронувшись къ ней.

А милэди по обыкновенію спала.

Наступила осень; сѣрыя облака покрывали небо; стаи птицъ поспѣшно направлялись въ болѣе теплыя страны. Въ паркѣ Апплей-Кэстля слышно было, какъ вѣтеръ ломалъ сухія вѣтки. Старое гнѣздо, оставшееся отъ весны и сорванное вѣтромъ съ какого-нибудь дерева, скатилось на аллею, усыпанную пожелтѣлыми листьями, по которымъ ступали маленькія ножки Денизы Рэвъ.

— Иди, побѣгай по лугу, милочка, — проговорилъ лордъ Макъ-Апплей, спуская съ рукъ маленькую Дэзи.

Онъ поднималъ гнѣздо, съ минуту разглядывалъ его, и подходя къ Денизѣ, произнесъ:

— Неправда ли, грустно думать, что въ этомъ хрупкомъ маленькомъ гнѣздышкѣ укрывалось больше любви, чѣмъ въ этомъ громадномъ замкѣ? А между тѣмъ безъ любви

жизнь ничто... міръ превращается въ громадную пустыню, и въ этой пустынѣ долженъ я жить. Вы сказали мнѣ однажды: «если моя симпатія можетъ облегчить ваше горе, то она ваша»,—съ того дня я размышлялъ о средствахъ обезпечить за собою эту симпатію на вѣки... Вы глядите на меня съ изумленіемъ! вы, конечно, думаете, что въ романахъ иначе объясняются въ любви, но что за дѣло до формы...

— Я нахожу, милордъ, что ваши шутки становятся не особенно приличны.

Онъ схватилъ ее за руку и страстно сжалъ ее:

— Поглядите на меня,—произнесъ онъ глухимъ голосомъ,—поглядите мнѣ прямо въ лицо: развѣ похоже на то, что я шучу.

Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, бѣлыя губы подергивались подъ тонкими усами, и Дениза почти слышала, какъ билось его сердце.

— Выслушайте меня,—продолжалъ онъ,—и ради Бога не перебивайте вашими ребяческими фразами. Черезъ мѣсяцъ послѣ вашего пріѣзда, я сказалъ себѣ:—вотъ та, которую судьба предназначила мнѣ. Все, что я когда-нибудь мечталъ встрѣтить въ любимой женщинѣ, она соединяетъ въ себѣ. Но я покорился прониіи судьбы, думая, что и вы, какъ ваши предшественницы, уйдете черезъ три мѣсяца. Но вы остались. Вотъ скоро уже годъ, какъ я живу подъ гнетомъ мысли о томъ, что есть и что могло бы быть... Зачѣмъ вы остались? Будьте справедливы, и согласитесь, что я ничего не дѣлалъ, чтобы скрасить для васъ пребываніе въ этой могилѣ. Но я хотѣлъ бы назвать васъ своей женой—понимаете?

— Ради Бога, милордъ, довольно, довольно!

— Я хотѣлъ бы увезти васъ въ сторону, гдѣ разводъ допускается, но изъ разговоровъ съ вами я узналъ, что вы католличка и никакихъ компромиссовъ не допускаете.

— Разумѣется! Но въ какое жестокое положеніе поставили вы меня, милордъ! изъ-за минутной фантазіи, изъ-за своего сплина! Развѣ я могу теперь оставаться здѣсь? Это невозможно!

— Уѣхать! вы хотите уѣхать! Какая дикая мысль! Чего же вы опасаетесь съ моей стороны? Развѣ я негодяй? Выслушайте меня, я въ жизнь свою не лгалъ: я даю вамъ слово джентльмена, что буду уважать васъ какъ сестру. Все, чего я прошу у васъ, это вашей дружбы, вашего снисходительнаго и теплаго участія къ горю, которому помочь нельзя. Къ тому же, вы вѣдь не въ плѣну! если я выйду за предѣлы дружбы, вы въ правѣ покинуть меня, и я не буду на это жаловаться.

— Позвольте мнѣ вамъ сказать, милордъ...

— Нѣтъ, не говорите ничего теперь. Обдумайте, взвѣсьте то, что я вамъ сказалъ; не забудьте, что вы такъ же безопасны въ моемъ домѣ, какъ Дэзи. Ее-то мы бы увезли съ собой... чудная мечта!

Онъ поклонился Денизѣ, даже не пожавъ ей руку, и вышелъ изъ саду, сѣлъ на осѣдланную лошадь, которую держалъ грумъ, и ускакалъ въ поле.

Дениза осталась неподвижна посреди аллеи, гдѣ оставилъ ее баронетъ. Итакъ, этотъ надменный и холодный человѣкъ, котораго она долго считала антипатичнымъ и даже недоброжелательнымъ къ себѣ, любилъ ее, думалъ сдѣлать ее своей женой... Вѣрить ли ей этой любви? Она назвала ее фантазіей, капризомъ, внушеннымъ сплиномъ; но вѣдь это были одни слова, протестъ, дань приличіямъ... она чувствовала, что фантазія, капризъ выражаются иначе; что отъ каприза не блѣднѣютъ и не дрожатъ, какъ блѣднѣлъ и дрожалъ баронетъ. Нѣтъ, это страсть, искренняя страсть, сама осудившая себя на безнадежность въ ту же минуту, какъ заявила о своемъ существованіи, и ничего не просившая взаимнаго, кромѣ дружескаго участія. Да! она съ радостью отдала ему свою дружбу... Она ощутила даже приливъ гордости: сирота, бѣдная и одинокая, она нашла себѣ наконецъ друга!

Баронетъ былъ искрененъ и вовсе не думалъ разставлять сѣти молодой дѣвушкѣ. Все, что онъ общалъ, онъ сдержалъ. Но это самое и привлекло къ нему Денизу, которая вскорѣ безъ памяти полюбила его. Въ продолженіи десяти мѣсяцевъ они были невыразимо счастливы, но натянутыя положенія всегда рано или поздно кончаются кризисомъ...

Въ одно октябрьское утро, когда лэди Апплей съ старшими дочерьми поѣхала въ Единбургъ завтракать, а Дэзи гуляла съ няней, лордъ Макъ-Апплей пришелъ за Денизой, которая читала въ паркѣ и сталъ уговаривать ее совершить съ нимъ дальнюю прогулку.

— Мы одни въ цѣломъ домѣ, — говорилъ онъ съ смущеннымъ взглядомъ, — мнѣ какъ-то не по себѣ; пройдемтесь, главное — уйдемте отсюда.

— Пойдемте! — отвѣчала она, охваченная смутнымъ предчувствіемъ чего-то недобраго.

Они прошли съ версту въ открытомъ полѣ, изрѣдка перекидываясь безсвязными фразами. Когда они дошли до тропинки на берегу рѣки, усаженной березами, и ихъ серебристая стѣна какъ-бы отдѣлила ихъ отъ остальнаго міра, — баронетъ, впервые

въ жизни, предложилъ Денизѣ опереться на его руку. Но черезъ десять минутъ высвободилъ свою руку, говоря: — Нѣтъ, извините, не могу. — И блѣдный пошелъ впередъ.

Дениза остановилась.

— Боже мой! — сказалъ онъ: — да говорите же со мной о чемъ-нибудь! вы любите классиковъ, я люблю романтиковъ, — будемъ спорить.

Дениза грустно улыбнулась и нагнала его. Въ эту минуту дождь, накрапывавшій уже нѣсколько минутъ, полилъ какъ изъ ведра.

— Отлично! ливень, а мы почти за версту отъ Апплей-Кэстля.

— Всего лучше переждать подъ этимъ утесомъ.

Они вошли въ родъ грота, надъ рѣкой. Гротъ былъ тѣсенъ и имъ пришлось почти прижаться другъ къ другу. Денизу была лихорадка. Баронетъ снялъ пальто и тщательно и осторожно завернулъ ее въ него.

Дениза видѣла, какъ дрожали его руки, и какъ жилы на лбу напрягались.

Безконечная нѣжность и жалость наполняли сердце молодой дѣвушки.

— Мой бѣдный другъ! — прошептала она.

Онъ геройски улыбнулся и, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ ней, отодвинулся подъ дождь.

— Всякій дѣлаетъ, что можетъ! — проговорилъ онъ голосомъ, которому силился придать игривость.

Дениза хотѣла заговорить, но волненіе не давало ей говорить ни слова; въ горлѣ у ней была судорога, и она съ унылымъ видомъ прислонила къ утесу свою бѣлокурую головку.

Такъ простояли они съ минуту молча и неподвижно, Дениза закрыла глаза. Вдругъ она судорожно вздохнула и двѣ крупныя слезы выкатились изъ ея закрытыхъ глазъ.

Баронетъ бросился къ ней.

— Вы плачете! — сказалъ онъ! — Ахъ! да! плачь о насъ обоихъ, но плачь у меня на груди.

И онъ съ жаромъ сблизилъ ее, покрывая поцѣлуями ея лобъ и волосы.

— Другъ мой, — прошептала Дениза, задыхаясь, — я не въ силахъ долго вамъ противиться, но клянусь вамъ, что умру, если вы...

Онъ выпустилъ ее изъ рукъ.

— Ступайте! — сказалъ онъ.

И самъ заплакалъ.

Три дня спустя баронетъ, лишь мелькомъ издавшій Денизу, послѣ описанной выше сцены, нашелъ на бюро своего кабинета письмо отъ нея:

«Другъ мой, жестоко бѣгать отъ васъ, какъ я это дѣлаю, но со времени нашей роковой прогулки я не знаю ни минуты покоя. Одно только можетъ спасти насъ: уѣзжайте! Уѣзжайте на мѣсяцъ, на два; разсѣйтесь и успокойтесь. Не пишите мнѣ; это было бы бесполезно и неосторожно. Мы и безъ писемъ будемъ думать другъ о другѣ. — Дениза».

Вечеромъ, когда молодая дѣвушка вошла въ гостиную, баронетъ подошелъ къ ней и торопливо сказалъ:

— Я нахожу вашъ совѣтъ прекраснымъ и уѣзжаю завтра въ семь часовъ утра. Подойдите къ окну, чтобы кивнуть мнѣ головой на прощанье.

Весь этотъ вечеръ лэди Макъ-Апплей съ необыкновеннымъ рвеніемъ вышивала желтымъ шелкомъ дракона по голубому фону.

Бѣдная милэди! никто не замѣчалъ, что она похудѣла, никто не замѣчалъ, что она брала теперь каждаго кушанья только по одному разу на свою тарелку...

На другой день, въ семь часовъ утра, Дениза у открытаго окна, глядѣла, какъ лордъ Макъ-Апплей проходилъ по парку, окутанному туманомъ. Почтовая карета дожидалась баронета у рѣшетки. Вскорѣ почтальонъ хлопнулъ бичомъ, и стукъ колесъ замеръ вдали.

Дениза заперла окно.

— Теперь все кончено, — сказала она. — Прощайте, милордъ, я васъ крѣпко любила.

И Дениза горько, горько заплакала.

Двѣ недѣли прошло послѣ отъѣзда баронета. Разъ, поутру, въ одиннадцать часовъ, Дениза послала сказать лэди Макъ-Апплей, оканчивавшей свой туалетъ, что желала бы переговорить съ ней, и была немедленно приглашена къ милэди.

— Милэди, — сказала она, — важное дѣло вынуждаетъ меня вернуться во Францію, это дѣло такого рода, что не позволяетъ мнѣ дожидаться, пока меня замѣнитъ другая особа при вашихъ дочеряхъ. Однако, милэди, вы имѣете право требовать, чтобы я дождалась прибытія новой гувернантки, но эта задержка будетъ мнѣ очень тяжка.

— Я не воспользуюсь своимъ правомъ — кротко отвѣчала лэди Макъ-Апплей; съ этой минуты вы свободны... Я очень сожалѣю ради дѣтей, что вы уѣзжаете. Да! вы изъ тѣхъ, о которыхъ сожалѣютъ.

— Игакъ, милэди, я могу уѣхать сегодня вечеромъ?

— Да, если вы этого желаете. Я прикажу заложить карету. Десять минутъ спустя, когда горничная вошла къ своей госпожѣ, она подумала:

— Какъ странно! милэди какъ будто плакала.

VII.

Дениза въ Парижѣ, въ той самой общей комнатѣ въ монастырѣ св. Маріи, гдѣ мы видѣли ее пять лѣтъ тому назадъ.

Сидя передъ старымъ, дубовымъ столомъ, испещреннымъ именами всѣхъ тѣхъ дѣвицъ, которыя когда-либо проживали въ этомъ пріютѣ, она съ болью въ сердцѣ размышляетъ о своей несчастливой долѣ. Невыразимое отвращеніе, горькое уныніе охватываетъ ее при мысли, что ей снова приходится начинать жизнь среди чужихъ людей и чуждой обстановки.

— Какъ я устала! о! какъ я устала,—шепчетъ она.

Шесть недѣль уже протекли со времени ея пріѣзда въ Парижъ, и ей пришлось снова перенести, испытывая всѣ невзгоды, сопряженные съ исканіемъ новаго мѣста.

Въ конторахъ говорили:—Это та хорошенькая особа, которая нигдѣ не уживается.

М-ше Ренѣ, лучшая изъ конторщицъ, прибавляла:

— Я вамъ говорила до вашего отъѣзда въ Англію, что ваше вѣчное «особенное обстоятельство» уничтожитъ весь эффектъ вашихъ аттестатовъ. И при этомъ вы совсѣмъ не подурнѣли... На вашемъ мѣстѣ, знаете ли, что бы я сдѣлала? я бы провела нѣсколько лѣтъ въ какомъ-нибудь пансіонѣ—пока не отлетитъ свѣжесть молодости—это жизнь каторжная; съ вашей нѣжной организаціей, вы совсѣмъ увянете года черезъ три, четыре, и тогда можно будетъ вамъ пріискать хорошее мѣсто. Подумайте объ этомъ; это тяжело, я знаю, но право я не вижу другого исхода...

И вотъ какимъ образомъ Дениза Рэвъ рѣшилась уѣхать въ городъ Х.... отстоящій въ пятидесяти лѣяхъ отъ Парижа, гдѣ процвѣталъ пансіонъ г-жи Дюмьеръ.

Если въ нѣкоторыхъ изъ этихъ учрежденій начальницы стараются хоть сколько-нибудь облегчить для классныхъ дамъ жизнь, которая складывается дѣйствительно такъ, что заслуживаетъ названія каторжной, за то г-жа Дюмьеръ, повидимому, задалась мыслью усилить ее безмѣрную тягость. Она рѣшила, что должна

составить себѣ состояніе въ продолженіи пятнадцати лѣтъ — и добивалась этого во что бы то ни стало.

Недостаточное число служанокъ вынуждало классныхъ дамъ одѣвать своихъ воспитанницъ, и, слѣдовательно, онѣ сами должны были быть одѣты до утренняго звонка, будившаго воспитанницъ. Зимой онѣ вставали въ пять часовъ, и дрожа отъ холода, шли умываться къ умывальнику, съ замерзшей водой, при свѣтѣ сальной свѣчи, издававшей такой удушливый запахъ, что онъ былъ почти такъ же невыносимъ, какъ и холодъ.

Первый завтракъ неизмѣнно состоялъ изъ бѣлаго супа, нестерпимо отзывавшагося клейстеромъ. Послѣ этого супа, воспитанницы пожирали банки съ вареньемъ или плитки шеколаду, привозимыя родителями. Что касается классныхъ дамъ, имъ подавали корзину съ скверными, полу-гнилыми яблоками, на которыхъ кухарка наживала нѣсколько копѣекъ въ день.

Краткая рекреація и трехчасовой классъ слѣдовали за этимъ завтракомъ, затѣмъ наступалъ обѣдъ въ полдень. За обѣдомъ неизмѣнно — за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней — подавался супъ и вареная говядина. По воскресеньямъ давали по одной котлеткѣ на двоихъ и вареный картофель: то было настоящее пиршество, но класснымъ дамамъ некогда было имъ наслаждаться, потому что онѣ должны были сначала накормить пятьдесятъ воспитанницъ и потомъ уже подумать о себѣ; на все это давалось полчаса времени, чтобы не опоздать на урокъ закона Божія. Поэтому классныя дамы возвращались съ этого урока обыкновенно съ сильнѣйшей головной болью и съ нею же шли къ вечернѣ и затѣмъ играли съ дѣтьми весь вечеръ.

Такъ проходилъ «день отдыха» для этихъ бѣдныхъ созданій.

Въ будничные дни, за послѣобѣденнымъ классомъ, длившимся четыре часа, что составляло съ утреннимъ классомъ семь часовъ занятій, слѣдовалъ ужинъ, состоявшій изъ овощей и орѣховъ.

Послѣ того классныя дамы садились исправлять задачи и переводы до одиннадцати часовъ. Къ Денизѣ, занимавшей въ качествѣ классной дамы старшаго класса, «топленую комнату» возлѣ большого дортуара, приходили грѣться самыя забкія изъ другихъ дамъ. Эта топленая комната, гдѣ спала m-lle Рэвъ и съ нею двѣ ученицы, была просто-на-просто гладильная, и атмосфера ея, наполненная весь день запахомъ каменнаго угля, объявлялась необыкновенно пріятною тѣми, кто прибѣгалъ погрѣться у погасшей печки. Но судьба, повидимому, рѣшила, что Денизѣ не ужиться даже и на каторгѣ. Въ старшемъ классѣ, которымъ она завѣдывала, давалъ три урока въ недѣлю, мате-

матики и естественной исторіи, учитель изъ городского коллежа. Женатый и отецъ семейства, онъ, повидимому, представлялъ всѣ гарантіи для спокойствія м-те Дюмьеръ, и она дѣйствительно ни въ чемъ не могла упрекнуть его въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, какъ онъ занимался преподаваніемъ въ ея заведеніи.

Красота Денизы оказалась камнемъ преткновенія для его благоразумія. Злосчастный учитель безъ памяти влюбился въ молодую дѣвушку. Въ одинъ прекрасный день м-те Дюмьеръ, замѣнившая въ классѣ Денизу, которой нездоровилось, нашла въ ученическихъ тетрадахъ, которыя обыкновенно учитель передавалъ Денизѣ изъ рукъ въ руки, второе любовное посланіе къ ней учителя. Первое она сожгла, оставивъ его безъ отвѣта и даже сдѣлавъ видъ, что не получала его, полагая, что такимъ образомъ лучше всего образумить учителя.

— Если я пожалуйся, — сказала она самой себѣ, — м-те Дюмьеръ прогонитъ меня, а не его, потому что классную даму она всегда найдетъ, а Х.... единственный женатый учитель въ коллежѣ.

Бѣдное дитя не ошиблось въ своихъ предположеніяхъ. М-те Дюмьеръ, найдя письмо въ тетрадахъ, сунула его въ карманъ, потомъ, по окончаніи урока прочтала его и пошла къ Денизѣ; осыпая ее упреками, она обвиняла ее въ лицемеріи и адскомъ кокетствѣ.

— Такой хорошій человѣкъ! и цѣлыхъ пять лѣтъ не подававшій никакихъ поводовъ къ неудовольствію!.. она его просто околдовала, потому что до нея въ старшемъ классѣ была классная дама еще красивѣе, по мнѣнію м-те Дюмьеръ, чѣмъ Дениза.

Дениза поняла невозможность оправданія, и ей было отказано отъ мѣста.

Когда м-лле Рэвъ появилась въ конторѣ м-те Рендъ, та подняла руки къ небу.

— Ну, ужъ теперь я не знаю, что и дѣлать! — сказала она; — мнѣ кажется, что васъ сглазили при рожденіи. Вѣдь бываютъ же другія гувернантки и красивыя, и надо думать, что такія же честныя дѣвушки, какъ и вы! Слушайте: вотъ мое послѣднее прибѣжище: въ началѣ октября открывается мѣсто въ захолустѣ, въ Лимузинѣ, въ пансіонѣ м-лле Пенсонъ; учителей въ этомъ пансіонѣ нѣтъ.

Дениза, истратившая въ продолженіи двухъ каникулярныхъ мѣсяцевъ всѣ свои шотландскія сбереженія, отправилась въ по-

вое захолустье съ мрачнымъ равнодушіемъ. Послѣ того какъ она отрелась отъ своей любви, она точно отрѣшилась отъ жизни и отъ самой себя.

У m-lle Пенсонъ, отличной женщины, матеріальная жизнь была гораздо лучше обставлена, чѣмъ у m-me Дюмьеръ. Проживъ у нея мѣсяцъ, Дениза отдохнула физически, и ея нервы немного успокоились. Но судьба рѣшила не давать покоя этой злополучной дѣвушкѣ: хотя въ пансіонѣ m-lle Пенсонъ не было учителей, за то въ маленькомъ городкѣ Э... стоялъ эскадронъ егерей, посланный туда гарнизономъ изъ сосѣдняго chef-lieu. Молодые офицеры, скучающіе, праздные, знавшіе наизусть лица всѣхъ мѣстныхъ чопорныхъ буржуазокъ, не замедлили обратить вниманіе на изящную и аристократическую красоту m-lle Рэвъ, когда пансіонерки проходили по городу, отправляясь въ церковь.

Съ тѣхъ поръ всякій разъ, какъ пансіонерки шли гулять, или къ обѣднѣ, позади ихъ непремѣнно маршировало четверо или пятеро офицеровъ къ великому скандалу населенія сурово добродѣтельнаго. Жалобы со всѣхъ сторонъ посыпались на m-lle Пенсонъ, которая собралась съ духомъ и отправилась къ эскадронному командиру, завязанному холостяку, и тотъ, смѣясь внутренно, обѣщалъ поговорить «съ этими господами», но, конечно, не сдѣлавъ этого.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, m-lle Пенсонъ лишилась одной пансіонерки и двухъ приходящихъ ученицъ. Недовольство переходило въ дѣйствіе. Медлить долѣе было невозможно. M-lle Пенсонъ призвала m-lle Рэвъ и со слезами отказала ей отъ мѣста, уплативъ за два мѣсяца впередъ.

На этотъ разъ мужество покинуло Денизу. Она почувствовала, что послѣдній якорь спасенія сорвался, и что дальнѣйшая борьба невозможна.

Она вернулась въ Парпжъ вечеромъ, велѣла отвезти себя въ небольшую, знакомую ей гостинницу и заплатила за недѣлю впередъ.

Когда Дениза очутилась одна въ мрачной и тѣсной комнатѣ, куда зимній вѣтеръ съ воемъ врывался черезъ нетопленный каминъ, она усѣлась дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и, прислонивъ къ стѣнѣ усталую и тяжелую голову, — проговорила вслухъ:

— Семь лѣтъ тому назадъ, когда я укладывала свои вещи въ чемоданъ, чтобы начать эту жизнь, былъ такой же вечеръ... Семь лѣтъ! четыре семьи, два пансіона. Теперь съ меня довольно... Неправда ли, Господи, что я въ правѣ умереть! о! какъ

сладко умереть, успокоиться навѣки! Вѣдь изъ могилы меня не выгонять! Я боролась семь лѣтъ—и все напрасно! теперь я подожду, пока у меня выйдутъ всѣ деньги и затѣмъ зажгу жаровню съ углемъ...

Бѣдная дѣвушка, у которой начиналась горячка, пробредила такимъ образомъ всю ночь, на постелѣ, куда кинулась, не раздѣваясь.

На зарѣ дверь ея комнаты тихонько растворилась, и человекъ лѣтъ пятидесяти, съ благороднымъ и печальнымъ лицомъ, подошелъ къ ней, говоря:

— Вы очень страдаете?

Она устремила на него свои большіе глаза, отуманенные болѣзнию, и отвѣчала:

— О! да!.. но я скоро умру... и я отдохну тогда!

«Ее, конечно, соблазнили», подумалъ незнакомецъ, «и затѣмъ бросили!.. Какъ она хороша! и какая скромная фигура! какія бѣлыя и нѣжныя руки!.. Къ какому обществу принадлежитъ она? Вся болѣзнь, повидимому, въ мозгу; чтò бы такое могла она принять?»

И убѣжденный, что она отравилась, онъ спросилъ:

— Скажите мнѣ, мое дитя, чтò вы приняли?

— Чтò я приняла?

— Какой ядъ?

— Я не принимала яду, я больна... Когда у меня не будетъ больше денегъ, я тогда зажгу жаровню съ углемъ... Вы вѣрно докторъ? кто позвалъ васъ? Я не могу приглашать докторовъ, мнѣ нечѣмъ имъ платить... Къ тому же, когда готовишься умереть, тогда не зачѣмъ лечиться...

— Отчего же вы хотите умереть? вы такъ молоды, такъ... довѣрьтесь мнѣ, хотите? я другъ всѣхъ несчастныхъ...

— Они всѣ прогнали меня!.. нѣтъ, не онъ! онъ не прогонялъ, онъ любилъ меня и я его любила!..

— Онъ васъ бросилъ?

— Бросилъ! нѣтъ... я сама уѣхала, потому что если бы я осталась... вы понимаете...

— Да... бѣдная дѣвочка! а кто же васъ прогналъ?

— Другіе... въ семьяхъ, въ пансіонахъ... меня брали, потомъ прогоняли—за то, что я слишкомъ хороша... Вотъ почему я должна умереть...

— А ваши родные? ваши друзья?

— У меня нѣтъ родныхъ, нѣтъ друзей; одни умерли, другіе далеко...

— Бѣдное дитя! я спасу васъ, я вылечу васъ...

Она отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ!—отвѣчала она: надо будетъ опять начинать сначала, а я больше не могу.

— Нѣтъ, не надо будетъ, если вы захотите послушать моего совѣта... я честный человѣкъ, почти старикъ, я могъ бы быть вашимъ отцомъ... Вѣрите ли вы мнѣ?

Она пристально поглядѣла ему въ глаза.

— Да,—проговорила она,—я вѣрю, что вы очень добры... но мнѣ хочется спать!

— Спите, бѣдное дитя! очень хорошо будетъ, если вы уснете... Мы будемъ сторожить васъ.

Онъ отворилъ дверь, прошелъ нѣсколько шаговъ по корридору и вошелъ къ себѣ. Его кровать стояла какъ разъ по ту сторону тонкой перегородки, которая раздѣляла его комнату отъ комнаты Денизы.

— Уже пять часовъ, — пробормоталъ онъ, глядя на часы, — я могу разбудить Марселину.

Онъ вышелъ въ корридоръ и постучался въ дверь сосѣдней комнаты.

— Марселина, — сказалъ онъ, вставайте поскорѣе.

— Вы больны?

— Нѣтъ, не я... я вамъ расскажу... А что дѣти?

— Дѣвочка заснула въ слезахъ, но съ тѣхъ поръ крѣпко спить.

— Приходите въ номеръ 3-й.

— Сейчасъ.

Незнакомецъ снова вошелъ въ комнату Денизы. Она спала тревожнымъ сномъ; время отъ времени конвульсивная дрожь пробѣгала по ея тѣлу и изъ груди ея вырывался стонъ.

Сострадательный путешественникъ глядѣлъ на нее съ глубокой жалостью.

«Такъ молода», думалъ онъ, «такъ хороша собой и не имѣетъ другого прибѣжища, кромѣ смерти. Вотъ общество! оно осыпаетъ золотомъ куртизанокъ и предоставляетъ честнымъ женщинамъ умирать съ голода. Нечего и сомнѣваться, что эта честна... съ такой молодостью и красотой надо быть очень честной, чтобы находиться въ такой безпомощной нищетѣ!

Онъ сѣлъ за столъ и открылъ бюваръ, наполненный письмами и бумагами. На одной изъ нихъ, пожелтѣвшіе края которой торчали изъ-за другихъ, онъ прочиталъ: «Отъ парижской

академіи». Полагая, что это дипломъ и что онъ не совершитъ нескромности, если прочитаетъ его, онъ взялъ и развернулъ его:

— Ее зовутъ Дениза Рэвъ, — хорошенькое имя! Это аттестатъ высшаго разряда... англійскій, нѣмецкій, итальянскій языки, музыка, рисованье... Сколько ей пришлось учиться! и въ награду за это они обошлись съ ней, какъ съ паріей! Красавица и бѣдна! да вѣдь это хуже чумы!.. Жалкій свѣтъ! и въ числѣ всѣхъ этихъ мужчинъ, которые ухаживали за ней, безъ сомнѣнія, и компрометтировали ее, не нашлось ни одного, который бы настолько полюбилъ ее, чтобы жениться... Чтобы содержать танцовщицъ — нужно приданое, хоть такое, чѣмъ мой зять удостоилъ растратить, взявъ его за моей дочерью...

Марселина постучалась.

— Вотъ и я... Господи! неужели эта дама умерла?

— Нѣтъ, она уснула, послѣ жестокаго горячечнаго припадка, отъ котораго бредила всю ночь. Я долго не рѣшался войти, не будучи увѣренъ, что она одна; я не различалъ хорошо того, чѣмъ она говорила, но слышалъ, что она звала мать и другихъ лицъ. Наконецъ, въ половинѣ пятаго рѣшился постучаться и, не получая отвѣта, вошелъ. Несчастная дѣвочка рѣшилась умереть...

— Она надѣлала какихъ-нибудь бѣдъ...

— Нѣтъ, я увѣренъ, что нѣтъ!.. Это — печальная исторія... мы о ней еще поговоримъ. Въ настоящую минуту всего нужнѣе позвать доктора. Ступайте за нимъ.

Хозяина Марселины звали Керваллонъ. Онъ принадлежалъ къ старинной легитимистской фамиліи Бретани и былъ вмѣстѣ съ Берріе однимъ изъ самыхъ видныхъ адвокатовъ Парижа въ эпоху государственнаго переворота 2-го декабря. Десятаго января онъ былъ занесенъ въ число политическихъ нотаблей, принадлежавшихъ главнымъ образомъ къ монархическимъ партіямъ и «временно» изгнаннымъ изъ Франціи. Онъ удалился въ Голландію, откуда жена его, тогда уже умершая, была родомъ, и тамъ предавался со страстью историческимъ трудамъ.

Когда ему разрѣшено было вернуться во Францію, его отказъ воспользоваться амністіей обусловливался не столько враждой къ Наполеону III, сколько семейнымъ горемъ.

Единственная дочь его, выданная замужъ за барона Л..., отъявленнаго кутилы, была несчастнѣйшей изъ женщинъ. Чувствуя себя безсильнымъ измѣнить ея бѣдственное положеніе, Керваллонъ предпочелъ не быть его свидѣтелемъ, тѣмъ болѣе,

что, имѣя вспыльчивый характеръ, боялся поссориться съ своимъ зятемъ.

За пять дней до того, какъ мы находимъ Керваллона у постели Денизы Рэвъ, онъ прибылъ въ Парижъ, чтобы присутствовать при послѣднихъ минутахъ дочери, умершей въ родахъ третьимъ ребенкомъ, тоже не оставшимся въ живыхъ, и чтобы помѣстить въ больницу душевныхъ больныхъ зятя, сошедшаго съ ума отъ невозддержной жизни.

Онъ уже собирался вернуться въ Голландію съ своими двумя внуками: Беатрисой и Бернаромъ, когда услышалъ стоны Денизы Рэвъ...

Прошло восемь мѣсяцевъ. Въ одно прекрасное осеннее утро веселые дѣтскіе голоса доносились изъ сада, окружавшаго кокетливую дачу на берегу Рейна.

Въ бесѣдкѣ изъ плюща сидѣла молодая женщина въ платьѣ изъ лиловаго кембрика и вышивала; время отъ времени, такъ какъ мысли ея были, должно быть, пріятныя, улыбка освѣщала ея прелестное лицо.

Въ нѣкоторомъ разстояніи, стоя на послѣдней ступенькѣ крыльца, ведущаго въ домъ, мужчина лѣтъ пятидесяти, еще статный и красивый, съ выразительнымъ и симпатичнымъ лицомъ, глядѣлъ на молодую женщину съ нѣжностью и какъ будто съ нѣкоторой тревогой во взорѣ.

Вдругъ онъ, повидимому, рѣшился и, сойдя со ступеньки, — прошепталъ:

— Ну, надо кончить.

Онъ направился къ бесѣдкѣ.

Увидя его, молодая женщина подняла наклоненную голову и, покраснѣвъ, сказала, очевидно затѣмъ только, чтобы сказать что-нибудь:

— Какой чудный день!

— Восхитительный! Не находите ли вы, что въ такіе дни хочется быть счастливымъ?

— Мнѣ не нужно хотѣть быть счастливой, — отвѣчала она, смѣясь: — я счастлива.

— Увѣрены ли вы въ томъ?

— Совершенно увѣрена... я вполне счастлива.

Голосъ ея былъ твердъ и звонокъ, и она глядѣла на него яснымъ взоромъ, какъ-бы приглашая его читать въ ея душѣ.

Видя, что онъ молчитъ, — она продолжала:

— Да, я счастлива. Восемь мѣсяцевъ тому назадъ я готова

была умереть, но вы спасли меня; я была одинока и безъ привязанностей, а вы мнѣ дали семью; всюду, гдѣ я ни была, до васъ, я всегда спрашивала себя, входя въ домъ: — Долго ли я здѣсь пробуду? Но когда, опираясь на вашу руку, я переступила за порогъ вашего дома, никакія опасенія не смущали меня, я почувствовала, что моя скитальческая жизнь кончена, и что эта гостепріимная крыша не рухнетъ надъ моей головой. Чего мнѣ еще желать? Дѣтей, чтобы ихъ любить? У меня есть ваши. Друга нѣжнаго и дорогого съ благороднымъ умомъ, который возвышаетъ и оживляетъ мой собственный? У меня онъ есть... Скажите мнѣ, развѣ я не въ правѣ считать себя вполне счастливой?

Она встала съ горящимъ отъ восторга взоромъ.

Онъ слушалъ ее, растроганный и серьезный.

— А воспоминанія?—спросилъ онъ, наконецъ, съ видимымъ усиліемъ.

Она слегка поблѣднѣла.

— Воспоминаніе, на которое вы намекаете, — сказала она, схоронено въ могилѣ, и только въ молитвахъ своихъ я приподнимаю камень съ этой могилы.

— Милая моя! и вы знаете, чего я желаю отъ васъ?

— Мнѣ кажется, что знаю.

Она вся покраснѣла и прислонила голову къ его плечу.

— Итакъ, вы согласны взять себѣ въ мужа старика?

— Старика! Не говорите этого слова: оно меня сердитъ; годы зависятъ отъ сердца, а ваше молодо и нѣжно.

— Рѣшено! я — обольстительный, неотразимый мужчина, и вы дѣлаете хорошую партію, выходя за меня, хитрая лисичка!

Дѣти пробѣжали въ эту минуту по аллеѣ:

— Идите-ка сюда!—закричалъ Керваллонъ.

Ребятишки подбѣжали, держась за руки.

Онъ толкнулъ ихъ къ Денизѣ.

— Вотъ вамъ новая мамá, мои милашки, — сказалъ онъ. — Довольны ли вы?

— О, да! очень довольны! — съ убѣжденіемъ и въ одинъ голосъ отвѣчали Беатриса и Бернаръ, прижавшись къ Денизѣ, которую обнималъ Керваллонъ.

Всѣ четверо, счастливые, простояли такъ съ минуту въ цвѣтущемъ саду, озаренныя лучами заходящаго солнца, какъ ореоломъ счастья и любви.

КОНСТИТУЦІОНАЛІЗМЪ

И

А. Т Ъ Е Р Ъ

Discours parlementaires de M. Thiers, t. I, II, III. — Paris, 1879.

СТАТІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

VIII *).

Министерство Казимира Перье, образованное поздно вечеромъ 11-го марта 1831 года и официально возвѣщенное 13-го, составляетъ эпоху въ исторіи французскаго конституціонализма. Оно опредѣлило характеръ іюльской монархіи, выработало программу дѣйствій, правда, незамысловатую, — и эту программу Казимиръ Перье, какъ свое политическое завѣщаніе, оставилъ своимъ будущимъ преемникамъ. Программа эта была самая гибельная для политическаго и соціальнаго развитія Франціи, фатальная для самой іюльской монархіи, и хотя послѣдняя рушилась только спустя семнадцать лѣтъ послѣ смерти Казимира Перье, но тѣмъ не менѣе не кто иной, какъ этотъ злополучный министръ, долженъ по всей справедливости считаться однимъ изъ главныхъ виновниковъ этого крушенія.

Принадлежа къ чрезвычайно богатой банкирской фамиліи,

---

*) См. выше: ноябрь, 205 стр.

Казиміръ Перье былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей буржуазіи. Очутившись во время реставраціи въ лагерѣ побѣжденныхъ, буржуазія, какъ читатель уже знаетъ, повела вмѣстѣ съ другими недовольными элементами общества энергическую борьбу противъ порядка, не желавшаго, чтобы буржуазія, какъ она претендовала на то, была «всѣмъ» въ государствѣ, чтобы королевская власть, аристократія, дворъ были покорными орудіями въ ея рукахъ. Оппозиція буржуазіи была полна эгоизма, ее страшилъ произволъ настолько, насколько онъ могъ быть обращенъ противъ нея; отсутствіе строгихъ гарантій политической свободы гражданъ возмущало ее только въ той мѣрѣ, въ какой оно могло отзываться на ея собственныхъ интересахъ! У нея не было никакихъ идеаловъ, она не знала высокихъ стремленій, чуждыхъ всякихъ сословныхъ выгодъ. Благо народа, предоставленіе ему всей свободы для достиженія широкаго политическаго и соціальнаго развитія, признаніе за нимъ права располагать своею судьбою—все это было для буржуазіи одни «слова, слова и слова», отсюда, само собою разумѣтся, должны были проистекать крайняя узкость идей, отсутствіе логическаго предвидѣнія будущаго, предполагающаго ширину мысли, словомъ—чрезвычайная ограниченность политическаго кругозора, недопускаящая спокойнаго и справедливаго отношенія къ новымъ зарождающимся силамъ, къ новымъ выплывающимъ наружу требованіямъ насильственно устраненныхъ до сихъ поръ отъ всякаго участія въ управленіи общественныхъ слоевъ.

Казиміръ Перье былъ именно выразителемъ такой буржуазіи. Во время реставраціи онъ стоялъ въ рядахъ оппозиціи, хотя и не игралъ выдающейся роли. Онъ никогда не принадлежалъ къ числу непримиримыхъ; напротивъ, онъ держался того мнѣнія, что съ реставраціей можно поладить и даже заключить союзъ подъ условіемъ, чтобы она передала всю власть въ руки буржуазіи. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ могущество буржуазіи, и не сомнѣвался въ томъ, что обезсиленная старая монархія вынуждена будетъ рано или поздно сдаться на капитуляцію и склонить свою гордую голову передъ золотымъ мѣшкомъ буржуазіи. Вотъ почему онъ не желалъ полнаго разрыва съ старшею линіею Бурбоновъ и возведенія на престолъ Орлеанской династіи, предпочитая извѣстное неизвѣстному. Сильная королевская власть, но сильная только буржуазіей—вотъ каковъ былъ его политическій идеалъ, и этотъ идеалъ до такой степени мирился съ реставраціей, что когда наступила критическая минута, появились іюльскіе декреты, и вызванное ими волненіе готово

уже было перейти въ революцію, то и тогда Казиміръ Перье не отказался предложить свои услуги расшатавшемуся трону Карла X. Когда крушеніе реставраціи сдѣлалось уже совершившимся фактомъ, и мѣсто послѣднаго настоящаго Бурбона занялъ герцогъ Орлеанскій, Казиміръ Перье тотчасъ же примирился съ такимъ совершившимся фактомъ и далъ блестящее доказательство своему примиренію, принявъ званіе министра безъ портфеля въ первомъ же образованномъ министерствѣ іюльской монархіи.

Болѣе вѣрный, чѣмъ кто-либо другой самому себѣ, Казиміръ Перье сдѣлался однимъ изъ главныхъ вдохновителей политики «сопротивленія» — борьбы съ законными стремленіями передовой партіи, не желавшей, чтобы іюльская революція была эскамотирована въ пользу исключительно одной буржуазіи. На первыхъ порахъ, когда впечатлѣнія іюльскихъ дней были еще слишкомъ живы, пока роль «первыхъ любовниковъ» новой монархіи разыгрывали Лафайетъ, Дюпонъ, Барро, очевидно, что Казиміръ Перье долженъ былъ оставаться въ тѣни. Онъ могъ выступить на сцену только тогда, когда реакція почувствовала себя настолько окрылившеюся, чтобы развернуть свои силы. Онъ спокойно выжидалъ своего часа, увѣренный, что часъ этотъ долженъ скоро пробить. Ожидать ему пришлось недолго. Съ одной стороны, слѣпой страхъ — этотъ опасный совѣтчикъ въ политическихъ дѣлахъ, съ другой — желаніе заглушить поскорѣе память о незаконномъ или революціонномъ происхожденіи іюльской монархіи, заставили Луи-Филиппа отдаться въ распоряженіе Казиміра Перье и предоставить ему управленіе государствомъ. Шагъ этотъ для Луи-Филиппа не былъ легокъ, такъ какъ личныя свойства новаго перваго министра были ему хорошо извѣстны.

Это былъ человѣкъ безгранично-самолюбивый и въ такой же мѣрѣ высокомерный, но обладавшій энергіею, твердостью воли, переходившею въ упрямую настойчивость. Рядомъ съ своей волей онъ не терпѣлъ ничьей другой воли, онъ не выносилъ не только того, чтобы кто-нибудь былъ выше его, но чтобы кто-либо стоялъ наравнѣ съ нимъ: король, министры, палата должны были быть его подчиненными, которымъ онъ могъ бы приказывать. Все должно было слушаться его, все повиноваться. Такимъ онъ желалъ быть, такимъ онъ хотѣлъ казаться, такимъ ему удалось остаться и въ глазахъ его потомства, въ глазахъ большинства историковъ, провозглашающихъ его однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ министровъ, которымъ когда-либо обладала Франція. Въ дѣйствительности же нѣтъ мнѣнія болѣе ошибочнаго, хотя и крайне распространеннаго. Казиміръ Перье вовсе не имѣлъ тѣхъ

качествъ, которыя составляютъ необходимую принадлежность замѣчательнаго государственнаго человѣка. Образованіе его, даже по свидѣтельству его панегиристовъ, какъ французскихъ, такъ и нѣмецкихъ, на подобіе Гильбранда, было крайне поверхностное, кругъ его идей былъ самый узкій, не позволявшій ему видѣть дальше завтрашняго дня, умъ у него былъ не глубокій, никогда не поражавшій смѣлостью и оригинальностью воззрѣній, словомъ — нравственный уровень его былъ самый посредственный. Наконецъ, выдающихся талантовъ у него не было. Чѣмъ же тогда можетъ быть объяснено то значеніе и то вліяніе, которое онъ сумѣлъ пріобрѣсти себѣ въ короткій періодъ своего влстительства? Онъ зналъ, чего онъ хотѣлъ, у него была опредѣленная цѣль, и къ достиженію этой цѣли онъ шелъ, повидимому, неуклоннымъ путемъ, не сворачивая съ дороги, оставаясь вполне равнодушнымъ къ тому, что будутъ о немъ говорить и какъ будутъ его судить. Въ этомъ заключалась его сила, его успѣхъ, которому содѣйствовала его надменность, самоувѣренность, полное пренебреженіе отношеніе ко всѣмъ окружающимъ, начиная отъ короля и кончая послѣднимъ чиновникомъ.

Что касается до цѣли, то она была очень ясна, это — установленіе такой конституціонной монархіи, въ которой преобладающую роль должна была играть королевская власть, опирающаяся на богатые классы общества; палата депутатовъ должна была состоять изъ представителей этихъ богатыхъ классовъ; что же касается народа, то онъ долженъ былъ выполнять хорошо знакомую ему роль стада барановъ, безропотно позволяющаго себя стричь. Стремленіе къ осуществленію этой цѣли естественно должно было заставить іюльскую монархію свернуть съ того единственнаго пути, который обезпечивалъ за ней продолжительное существованіе, т.-е. съ пути правдиваго конституціонализма, совершенно не отвѣчавшаго политическимъ идеаламъ Казимира Перье. Средства для достиженія такой цѣли были для самовластнаго министра не менѣе ясны, чѣмъ и самая цѣль. Они были крайне просты и заключались въ энергической борьбѣ, въ настойчивомъ и безповоротномъ преслѣдованіи всего и всѣхъ, кто не былъ съ нимъ за-одно; въ подавленіи всякаго протеста противъ своеволія правительства, противъ нарушенія тѣхъ принциповъ, которыми только и могла быть сама іюльская монархія. «Все, что не со мной — то противъ меня», таковъ въ сущности былъ принципъ Казимира Перье, и все, что было не съ нимъ, онъ стремился раздавить, оправдываясь тѣмъ, что онъ долженъ побороть анархію, которая какъ *bête noire* всюду преслѣдовала

его, которую онъ видѣлъ вездѣ и во всѣхъ, за исключеніемъ самого себя. Каждая смѣлая мысль, каждое независимое слово, каждое напоминовеніе о необходимости большаго простора, болѣе свободы—казалось ему проявленіемъ духа анархіи, который онъ призванъ уничтожать. Онъ стремился создать такую правительственную власть, которая желѣзнымъ кольцомъ обвила бы всю Францію и заставила бы притаять ея дыханіе. Онъ выражалъ эту мысль словами: «Франція должна чувствовать, что она управляется».

И цѣль, которую преслѣдовалъ Казиміръ Перье, и средства для ея осуществленія не изобличали замѣчательнаго государственнаго человѣка, не доказывали ни глубины ума, ни особой изобрѣтательности. Цѣль его была цѣлю просто богатаго банкира, думающаго, что силу, вліяніе и власть должны имѣть только люди, сидящіе на золотыхъ мѣшкахъ; средства же свои, и притомъ много усовершенствованныя и лучше приспособленныя, онъ могъ видѣть въ полномъ примѣненіи въ Австріи, Пруссіи того времени, и въ особенности у насъ, въ Россіи. Но смѣлость, съ которою онъ выставялъ ихъ на видъ, твердость, съ которою онъ рѣшился проводить ихъ, импонировали; буржуазія увидѣла въ Казимірѣ Перье своего божка, которому усердно молилась; король, министры, палаты покорно принимали его приказанія, понимая, что онъ защищаетъ «ихъ» дѣло. Къ какимъ конечнымъ результатамъ должна была привести такая защита,—про то вѣдало будущее.

Чѣмъ меньше было достоинства въ отношеніяхъ короля, министровъ и большинства палаты къ Казиміру Перье, тѣмъ болѣе послѣдній выказывалъ свое властолюбіе и надменность. Новый министръ не выносилъ никакого противорѣчія своимъ взглядамъ и своимъ рѣшеніямъ, откуда бы это противорѣчіе ни исходило: онъ требовалъ и отъ короля, и отъ министровъ и отъ двора безпрекословнаго исполненія своей воли. Поступая такимъ образомъ, Казиміръ Перье отлично сознавалъ, что онъ имѣетъ на то право, что онъ явился необходимымъ человѣкомъ, что реакція возложила на него всѣ свои надежды, и потому каждый разъ, что онъ встрѣчалъ хотя бы только косой взглядъ, онъ со смѣлостью бросалъ въ лицо самому королю свою отставку.

Луи-Филиппъ вовсе не былъ человѣкомъ, особенно склоннымъ стушевываться передъ какимъ-либо изъ своихъ министровъ; напротивъ, онъ даже не мирился съ конституціоннымъ положеніемъ: «король царствуетъ, но не управляетъ»;—онъ всегда желалъ играть первую роль, желалъ, чтобы начинъ всякой мѣры

исходилъ отъ него самого, онъ не допускалъ, чтобы совѣтъ министровъ собирався подъ инымъ предсѣдательствомъ, чѣмъ его собственнымъ; онъ требовалъ, чтобы всѣ дипломатическія депеши поступали прямо къ нему; словомъ—онъ желалъ, чтобы онъ, король, а не первый министръ, держалъ въ рукахъ первую скрипку; но страхъ передъ такъ-называемой анархіей и желаніе освободиться отъ кошмара «логическихъ послѣдствій іюльской революціи» были такъ велики, что онъ рѣшился принести имъ въ жертву и свою любовь къ дѣйствительной власти, и свое самолюбіе, въ надеждѣ, впрочемъ, что онъ своею хитростью съумѣетъ обойти самого Казимира Перье. Надежда эта, впрочемъ, не осуществилась, а Казимиръ Перье заставилъ его выпить до дна горькую чашу униженія. Случай, происшедшій въ первый же день министерства Перье, долженъ былъ доказать Луи-Филиппу, что въ своемъ первомъ министрѣ, какъ говорятъ французы—*il a troupé son maître*. Вечеромъ 11-го марта, образовалось министерство Перье. 12-го, первый министръ вошелъ въ кабинетъ короля, и его первыми словами были: «Ваше величество, я прошу васъ принять мою отставку!»

Недоумѣніе Луи-Филиппа было велико. Чтó же случилось? Казимиръ Перье, проходя мимо залы, гдѣ сидѣли старшій сынъ Луи-Филиппа, герцогъ Орлеанскій, сестра короля, извѣстная своимъ умомъ *madame Adélaïde*, и нѣкоторые придворные, замѣтилъ, что наслѣдникъ престола и сестра короля поклонились ему недостаточно любезно. «У меня достаточно враговъ въ палатѣ, внѣ палаты, съ которыми нужно бороться, чтобы имѣть время бороться еще съ врагами, стоящими у подножія престола». Луи-Филиппъ призвалъ своего сына и свою сестру, и тѣ должны были присоединить свою просьбу къ просьбѣ короля, чтобы Казимиръ Перье не настаивалъ на отставкѣ. Первый министръ умилился и торжествующимъ вышелъ изъ кабинета короля.

Но это было только начало. Казимиръ Перье принялъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя какъ нельзя болѣе уязвляли короля. До его вступленія въ министерство, король имѣлъ обыкновеніе предсѣдательствовать въ совѣтѣ министровъ, и совѣтъ этотъ всегда собирався во дворцѣ. Благодаря этому предсѣдательству, король могъ имѣть прямое вліяніе на рѣшенія министровъ, и въ случаѣ надобности оказывать давленіе въ ту или другую сторону. Луи-Филиппъ до такой степени дорожилъ этимъ правомъ, что когда, во время министерства Лафитта, случилось однажды такъ, что засѣданіе совѣта началось въ его отсутствіе, то онъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ своему старшему сыну со словами: «Какъ,

безъ меня! это отвратительный примѣръ. Бѣги скорѣе туда». Казиміръ Перье, желавшій устранить короля отъ прямого вмѣшательства въ дѣла и подчинить его своей власти, объявилъ, что впредь засѣданія министровъ будутъ происходить у него на квартирѣ, и чтобы еще сильнѣе дать почувствовать королю и вмѣстѣ всему обществу, что отнынѣ не король даетъ направленіе политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней, а онъ, Казиміръ Перье, гордый вождь буржуазіи, — онъ приказывалъ каждый разъ печатать въ «Мониторѣ», что въ такой-то день засѣданіе министровъ происходило у президента совѣта. Но этого было мало Казиміру Перье. Король требовалъ, чтобы его старшій сынъ, наслѣдникъ престола, всегда присутствовалъ въ засѣданіяхъ совѣта министровъ. Казиміръ Перье на-отрѣзъ отказалъ въ этомъ требованіи, и Луи-Филиппъ долженъ былъ склониться передъ волею своего министра. И по другимъ вопросамъ Казиміръ Перье дѣйствовалъ по отношенію къ королю не менѣе настойчиво и не щадилъ его самолюбія. Король завелъ обыкновеніе, что всѣ важныя государственныя бумаги, всѣ дипломатическія депеши поступали прямо къ нему, и онъ уже препровождалъ ихъ предсѣдателю совѣта. Случалось даже такъ, что король нѣкоторыя бумаги скрывалъ отъ своего перваго министра. Такъ вышло однажды съ весьма важною дипломатическою нотою во время министерства Лафитта. Казиміръ Перье не желалъ, чтобы съ нимъ повторилось что-либо подобное, и потому потребовалъ, чтобы всѣ бумаги поступали къ нему, какъ отвѣтственному министру, и что онъ самъ уже будетъ представлять королю тѣ изъ нихъ, которыя признаетъ за нужное. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдалъ приказаніе, чтобы въ «Мониторѣ» не было печатаемо ничего, исходящаго изъ кабинета короля, безъ его, Казиміра Перье, на то согласія. Такое деспотическое отношеніе къ королю находило себѣ оправданіе въ принципахъ конституціонализма, хотя Казиміръ Перье въ сущности очень мало заботился о нихъ. Что онъ не руководствовался этими принципами, видно уже изъ того, что то же властолюбіе онъ выказывалъ и по отношенію къ остальнымъ министрамъ, и даже въ своемъ обращеніи съ палатою. На министровъ онъ смотрѣлъ какъ на мелкихъ чиновниковъ, обязанныхъ ему строгимъ подчиненіемъ; онъ двигалъ ими какъ пѣшками, приказывая дѣлать то или другое. Чтобы показать, что министерство — это онъ, Перье, и больше никто, онъ выдвигалъ въ палатѣ, какъ маріонетокъ, остальныхъ министровъ, которые должны были, какъ попугаи, повторять слова ихъ начальника. Каждая попытка къ самостоятельности какого-либо изъ министровъ имѣ

строго наказывалась, и посягавшій на нее министръ обрывался какъ школьникъ. Такъ, однажды одинъ изъ министровъ, графъ д'Аргу, во время засѣданія палаты, всталъ-было съ министерской скамьи и направился къ трибунѣ, чтобы возразить что-то одному изъ ораторовъ. Казиміръ Перье, не считавшій нужнымъ возражать, остановилъ его громко сказанными словами: «ici, d'Argout!» Очевидно, что при такомъ обращеніи съ министрами, напоминавшемъ отношенія господина къ своей собацѣ, ни одинъ самостоятельный и уважающій себя человѣкъ не могъ войти въ составъ министерства Казиміра Перье.

Отношеніе его къ палатѣ депутатовъ отличалось не меньшею рѣзкостью; онъ требовалъ отъ этой палаты, чтобы она, такъ сказать, стушеввалась за его фигурой; чтобы она думала, какъ думалъ онъ, чтобы она принимала рѣшенія, заранѣе продиктованныя первымъ министромъ. Всякія пренія его раздражали; онъ требовалъ, чтобы палата ему вѣрила на слово, чтобы она поддерживала его даже тогда, когда онъ, по собственному сознанию, ошибался. «Однажды, передаетъ въ своихъ мемуарахъ его горячій поклонникъ Гизо, онъ принималъ депутатовъ, членовъ большинства, которые явились къ нему, чтобы представить свои возраженія противъ какой-то мѣры, и дать ему почувствовать, что по этому вопросу часть его сторонниковъ его покинетъ. Въмѣсто всякаго отвѣта, онъ вскрикнулъ, сверкая глазами: «Очень мнѣ нужны мои друзья, когда на моей сторонѣ правда! Они должны меня поддерживать, когда я дѣлаю ошибку», — и съ этими словами онъ повернулся и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ». И нужно сказать, большинство этой палаты, цѣплявшееся за свое депутатское званіе, и болѣе всего опасавшееся распущенія, на которомъ настаивала передовая партія съ первыхъ же дней послѣ установленія іюльской монархіи, вполне заслуживала такого обращенія. Люди, выбранные въ депутаты для борьбы съ реставраціей, желавшей задушить народныя вольности, теперь сами вооружались противъ всего, что должно было содѣйствовать установленію серьезнаго, а не призрачнаго только конституціонализма.

Если Казиміру Перье не стоило большого труда подчинить своей суровой власти короля, министровъ и трепетавшее за свою судьбу большинство палаты депутатовъ,—за то совсѣмъ иною задачею было для него наложить узду на взволнованное общество и заставить это общество преклониться предъ авторитетомъ властолюбиваго министра. Такая задача, если не превышала самолюбія и самомнѣнія Казиміра Перье,—за то оказалась зна-

чительно превышающею его силы. Энергія, рѣшительность, послѣдовательность въ дѣйствіяхъ всегда производятъ сильное впечатлѣніе на малоразвитое въ политическомъ отношеніи общество; такія свойства озадачиваютъ его, и оно способно слѣпо и съ довѣріемъ идти по указываемому ему пути, хотя бы этотъ путь и не отвѣчалъ его дѣйствительнымъ интересамъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находилось французское общество, уже богатое политическимъ опытомъ и тотчасъ задающее вопросъ: куда такой путь долженъ привести? Если на этотъ вопросъ оно не получаетъ удовлетворительнаго отвѣта, тогда, пожалуй, силой, убійствами, разстрѣливаніемъ сотенъ и тысячъ людей, можно заставить его, и то на время, подчиниться, но чтобы оно добровольно подчинилось пагубному вліянію и отказалось бы распоряжаться своею собственною судьбою, этого добиться отъ французскаго общества невозможно даже и дѣйствительно выдающемуся своимъ умомъ и способностями государственному человѣку, а не только Казиміру Перье, этому сильному человѣку только тогда, когда онъ находился въ столкновеніи съ слабыми.

Вліяніе Казиміра Перье на французское общество было прямо противоположно тому, на какое рассчитывалъ и онъ самъ, и король, и вся та буржуазія, которая пряталась за него, какъ за надежную непроницаемую броню, и мечтала, что онъ своею суровою внутреннею политикою установитъ ея власть на незыблемыхъ основахъ. Казиміръ Перье явился, чтобы обуздать, вырвать съ корнемъ «анархію» — и между тѣмъ эта «анархія» или, называя ее собственнымъ именемъ — вполне естественныя и благородныя стремленія передовой части общества добиться до необходимаго расширенія политической свободы, этой главной, могущественной союзницы всѣхъ общественныхъ успѣховъ, не только ее унималась, но все громче и громче возвышала свой голосъ, угрожая подчасъ даже существованію самой монархіи. Въ странахъ, гдѣ политическое развитіе находится еще въ эмбриологическомъ состояніи, рѣшительныя и суровыя мѣры наводятъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, такой трепетъ и страхъ, что общество съѣживается и становится дѣйствительно, согласно поговоркѣ, тише воды, ниже травы; совсѣмъ другое впечатлѣніе производить реакція на общество развитое, богатое политическимъ опытомъ. Такимъ именно было французское общество, когда Казиміръ Перье задался мыслью обуздать его, принизить и вмѣстѣ задушить давно уже таившіяся въ немъ стремленія глубоко засадить въ землю дерево свободы. Реакціонная политика Казиміра Перье достигла только одного результата: она обострила либе-

ральное движеніе, сформировала республиканскую партію, которая еще въ іюльскіе дни находилась почти въ зародышѣ, людей недовольныхъ превратила въ людей озлобленныхъ, изъ которыхъ народилась немногочисленная, правда, но все же террористическая партія, находившая себѣ удовлетвореніе въ цѣломъ рядѣ покушеній на царевубійство. Словомъ, положеніе, въ которомъ оставилъ Францію Казиміръ Перье послѣ своей смерти, было несравненно болѣе мрачно, нежели то, въ какомъ онъ засталъ ее при своемъ вступленіи въ министерство.

Капитальною ошибкою Казиміра Перье, когда онъ сталъ во главѣ правительства, было то, что онъ съ одной стороны черезъ-чуръ разсчитывалъ на свою силу, на свою рѣшительность, съ другой—слишкомъ поверхностно смотрѣлъ на недовольство, сказывавшееся во французскомъ обществѣ. Онъ, какъ всѣ близорукіе люди, приписывалъ это недовольство искусственному поджиганію различныхъ противоправительственныхъ партій,—въ то время, какъ это недовольство лежало въ самомъ порядкѣ вещей, и оно-то именно питало эти партіи и объясняло ихъ *raison d'être*. Положеніе правительства, хотя въ значительной степени и по его собственной винѣ, было дѣйствительно не изъ легкихъ. Всѣ партіи, какъ онѣ ни были противоположны другъ другу, были недовольны. Буржуазія, по крайней мѣрѣ ея самая вліятельная часть, составлявшая такъ-сказать опору іюльскаго трона, была недовольна, такъ какъ находилась въ постоянномъ страхѣ, что у нея вынудятъ такіа уступки демократическому духу, которыхъ она вовсе не расположена была дѣлать. Этотъ страхъ не давалъ ей увѣренности въ прочности установившагося порядка, а неувѣренность въ немъ мѣшала въ коммерческихъ дѣлахъ, ея спекуляціи, ея всевозможнымъ выгоднымъ предпріятіямъ. Она желала политическаго господства, достигла его, но радость обладанія имъ ежедневно, ежечасно омрачалась безпокойствомъ и страхомъ за его потерю. Причины недовольства партіи легитимистовъ слишкомъ понятны, чтобы на нихъ нужно было настаивать. Она признавала себя ограбленною; она считала, что у нея вырвали добычу, на которую она вѣками привыкла смотрѣть какъ на свое законное достояніе. Естественно, что она не желала примириться съ мыслью объ ея невозвратной утратѣ. Она стремилась возвратить себѣ ускользнувшую изъ ея рукъ власть, политическое могущество и связанныя съ нимъ матеріальныя выгоды. Выпустить изъ рукъ оружіе, значило отказаться отъ надежды вернуть доброе старое время, значило признать себя побѣжденною, отъ чего такъ далеко была эта слѣпая партія. Она и не покидала оружія, а,

напротивъ, искала каждый день новаго повода, чтобы если ужъ не ранить, то по крайней мѣрѣ оцарапать своего врага; этотъ врагъ олицетворялся въ образѣ новаго Макбета—Луи-Филиппа.

Несравненно болѣе серьезно и болѣе внушительно было недовольство передовой партіи, начинавшей выдѣлать изъ себя партію республиканскую. Она охватывала собою различные слои общества, она имѣла многочисленныхъ адептовъ во всѣхъ классахъ общества, она черпала свою силу въ рабочемъ населеніи, въ національной гвардіи, въ молодежи, въ интеллигенціи страны. Всѣ эти различные элементы надолго, можетъ быть, примирились бы послѣ іюльской революціи съ правдивымъ конституціонализмомъ, но новое правительство не сумѣло энергично взяться за дѣло политическаго обновленія и съ первыхъ же своихъ шаговъ показало, что оно не стоитъ на высотѣ выпавшей на его долю задачи. Передовая партія должна была проститься съ надеждою не только на осуществленіе своего идеала, но и на установленіе такого порядка вещей, который не будетъ мѣшать постепенному, медленному, законному осуществленію ея завѣтныхъ стремленій, олицетворявшихся въ томъ государственномъ устройствѣ, въ тѣхъ принципахъ, которые возвѣстила большая революція.

Вполнѣ естественно, что при такомъ положеніи недовольство должно было вырасти весьма быстро, и если на него могла имѣть какое-нибудь вліяніе реакціонная политика Казимира Перье, то развѣ только одно: это—содѣйствовать его усилению и превращенію людей недовольныхъ въ людей раздраженныхъ и даже озлобленныхъ. Такое раздраженіе не замедлило выдти наружу на первыхъ же порахъ дѣятельности Казимира Перье. Нѣсколько дней спустя послѣ образованія министерства, Казимиръ Перье выступилъ передъ палатой, чтобы провозгласить свою программу. Воздавъ по шаблону честь іюльской революціи, онъ перешелъ тотчасъ къ тому, какъ онъ понимаетъ основной принципъ этой революціи. «Іюльская революція установила правительство, а вовсе не открыла собою періодъ анархіи. Она вовсе не перевернула соціальныя порядки, а коснулась только политическаго устройства. Цѣль ея была установленіе свободнаго, но правильнаго правленія. Вотъ почему насиліе не должно служить ни внутри, ни внѣ страны, характеромъ нашего правительства. Всякій призывъ къ силѣ внутри страны, всякое воззваніе къ народному возстанію внѣ ея, составляетъ нарушеніе принципа революціи..... Что касается до внутренней политики, то наша обязанность чрезвычайно проста: намъ нѣтъ никакой надобности производить какой-нибудь большой конституціонный опытъ. Наши учреж-

денія опредѣлены хартіей 1830 года. Нужно, чтобы порядокъ былъ поддержанъ, чтобы законы исполнялись, чтобы власть уважалась. Общество нуждается въ законномъ порядкѣ и во власти, такъ какъ отсутствіе порядка и власти возбуждаетъ недовѣріе, — этотъ единственный источникъ затрудненій и опасности настоящей минуты. Мы имѣемъ притязаніе возстановить довѣріе. Мы обращаемся ко всѣмъ добрымъ гражданамъ, чтобы они не теряли довѣрія; правительство не только ихъ не оставитъ, но оно никогда не поколеблется стать во главѣ ихъ. Пусть они вѣрятъ въ нашу твердую рѣшимость не потерпѣть никакого нарушенія общественнаго спокойствія, никакого попятнаго шага на власть закона. Франція завоевала свои права; она свободна, но она перестала бы ею быть вслѣдствіе безпорядка. Нѣтъ безпорядка безъ угнетенія, и власть, которая поддерживаетъ общественное спокойствіе, обезпечиваетъ свободу. Всякое возмущеніе есть преступленіе, какимъ бы знаменемъ оно ни прикрывалось. Всякое насиліе есть начало анархіи. Мы предложимъ вамъ законы, направленные къ подавленію насилія и возмущенія. Для спокойствія и для чести Франціи необходимо, чтобы она не представлялась въ глазахъ цѣлаго міра охваченною насиліемъ и страстью...»

Нужно-ли говорить, что эта вступительная рѣчь Казимира Перье вызвала гомерическій восторгъ большинства палаты депутатовъ, которая не переставала покрывать ее шумными одобреніями, громомъ рукоплесканій. Большинство палаты заранѣе уже торжествовало свою побѣду: оно, внимая льстившимъ ея слуху словамъ, готово было уже вѣрить, что господство буржуазіи обезпечено, и что всѣмъ надеждамъ «анархіи» или передовой партіи нанесенъ непоправимый, смертельный ударъ. Большинство палаты и богатая буржуазія должны были, впрочемъ, скоро убѣдиться, что радость ихъ была слишкомъ преждевременна, что между словомъ и дѣломъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи лежитъ еще цѣлая бездна.

Насколько велика была радость консервативной и реакціонной части общества, настолько же велико было озлобленіе, вызванное этою рѣчью не только въ передовой партіи, но даже и среди умѣренной партіи, имѣвшей въ палатѣ своихъ представителей въ лицѣ Лафайета, Одилона Барро и нѣкоторыхъ другихъ. Передовая партія, разумѣется, не могла ошибиться въ значеніи этой рѣчи. Это былъ вызовъ, объявленіе войны, громко заявленный поворотъ къ прошлому, несмотря на завѣренія въ вѣрности революціи, въ желаніи обезпечить гражданамъ свободу, неразрывную съ порядкомъ. Всѣ такіе слова эта партія цѣнила

по достоинству. Она очень хорошо знала, что чѣмъ сильнѣе дуетъ вѣтеръ реакціи, тѣмъ чаще правительство говоритъ о порядкѣ. Не было никогда такого реакціоннаго правительства, которое не прикрывало бы своихъ гибельныхъ для народа цѣлей словами: порядокъ и законность!—хотя первое означаетъ сплошь и рядомъ самый худшій изъ беспорядковъ, а второе—попраніе всѣхъ законовъ, всѣхъ правъ человѣческихъ. Французское общество, пережившее не одну политическую бурю, хорошо понимало значеніе этихъ словъ въ устахъ Казимира Перье, и раздраженіе его только усиливалось профанаціею слова—свобода, которое никакъ не мирилось съ обѣщаніемъ обуздать «анархію», такъ какъ подъ послѣднею разумѣлось совсѣмъ не то, что въ дѣйствительности означаетъ это слово. Подъ анархіею реакціонная партія съ Казиміромъ Перье во главѣ понимала все то, что не мирилось съ такою системою управленія, которая обезпечивала бы господство извѣстной группы общества въ ущербъ интересамъ цѣлаго народа. Вотъ почему требованіе серьезнаго народнаго представительства, расширеніе избирательныхъ правъ, требованіе свободы печати, не обставленной залогами, штрафами, запрещеніями, требованіе честности въ управленіи государственными доходами и имуществами, требованіе свободы гражданамъ безпрепятственно сходиться для обсужденія того или другого занимающаго вопроса, требованіе, чтобы община, департаментъ пользовались самоуправленіемъ, безъ давленія центральной власти, наконецъ, не требованіе даже, а одно заявляемое желаніе, чтобы условія соціальнаго устройства измѣнились настолько, чтобы рабочіе классы не подвергались систематическому вырожденію, благодаря непосильному и притомъ плохо вознаграждаемому труду—все это обзывалось однимъ именемъ: анархія! Рѣчь новаго министра, возвѣщенная имъ политическая программа встрѣтила серьезный отпоръ въ независимой печати. Программа эта была разобрана, какъ говорится, по косточкамъ, и было доказано какъ дважды два четыре, что въ программѣ этой не заключалось ничего новаго, что вся она состоитъ изъ давно брошенныхъ лохмотьевъ, въ которые рядились по очереди всѣ люди, проникнутые реакціоннымъ духомъ. Программа эта въ дѣйствительности ничѣмъ не отличалась отъ программы Вилеля, министра Людовика XVIII, и даже въ большей ея части подъ нею подписался бы Полиньякъ. Рѣзкая полемика, начатая противъ министерства Казимира Перье такими журналистами какъ Armand Marrast и Armand Cagrel, ясно говорила о томъ, какъ далеко уклонилась іюльская монархія отъ тѣхъ началъ, которыя должны были лечь

въ основу ея политики. Оппозиція Арманъ Карреля была наиболѣе знаменательна.

Въ исторіи французской журналистики Арманъ Каррель по своимъ способностямъ, по своему таланту, по своей непоколебимой честности, занимаетъ едва-ли не первое мѣсто. Воспитанникъ одной изъ высшихъ военныхъ школъ Saint-Cyr, онъ уже тамъ обратилъ на себя вниманіе стойкостью своихъ убѣжденій, направленныхъ противъ порядка, созданнаго реставраціей. По выходѣ изъ школы онъ поступилъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, но прослужилъ не долго, вынужденный выйти въ отставку политическими обстоятельствами. Это время было полно заговоровъ противъ реставраціи, и Арманъ Каррель не остался отъ нихъ въ сторонѣ. Признавая войну, начатую реставраціей съ Испаніей—незаконною, направленною противъ независимости испанской націи, онъ бросился въ эту войну, но сталъ не въ ряды французскаго войска, а въ ряды волонтеровъ, по болѣе части французовъ, рѣшившихся съ оружіемъ въ рукахъ защищать независимость сосѣдняго народа. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ заключенія, судъ надъ Арманъ Каррелемъ возвратилъ ему свободу. Служебная дѣятельность для него закрылась, и онъ съ жаромъ отдался литературной работѣ. Онъ выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько сочиненій, онъ помѣщалъ въ журналъ свои работы, но всѣ эти труды не давали предчувствовать еще настоящаго блестящаго, сильнаго публициста, какимъ онъ оказался въ дѣйствительности, когда вмѣстѣ съ Тьеромъ и Минь основалъ газету «National» въ послѣдніе, предсмертные часы реставраціи. Одна сопостановка его имени рядомъ съ Тьеромъ указываетъ уже на то, что въ началѣ своей редакторской дѣятельности Арманъ Каррель не принадлежалъ къ крайней партіи. Онъ мирился съ конституціонной монархіей, но онъ требовалъ только, чтобы этотъ конституціонализмъ выражался на дѣлѣ, а не на словахъ. Вотъ почему, когда взамѣнъ реставраціи установилась іюльская монархія, Арманъ Каррель не только не былъ въ числѣ враговъ новаго порядка, находившихъ такую замѣну недостаточною, но онъ прямо объявлялъ себя въ числѣ друзей новой монархіи, и если ему приходилось нападать на ту или другую политическую мѣру, то нападки эти долго не носили на себѣ характера систематической оппозиціи. «Принципъ прогресса, говорилъ онъ, побѣдилъ удушливый принципъ возврата къ старому»; король, палаты, народъ могутъ смѣло идти вмѣстѣ для достиженія лучшаго будущаго. Весь вопросъ можетъ быть сведенъ къ скорости движенія,—сдѣлано-ли будетъ десять или сто

лье въ часѣ. Онъ говорилъ такимъ образомъ, когда думалъ, что не найдется такихъ безразсудныхъ людей, которые захотѣли бы еще разъ испробовать старую, безапелляціонно осужденную систему. «Мы завоевали въ принципѣ истинное представительное правленіе» — и ему казалось невозможнымъ, чтобы іюльское іравительство когда-либо отказалось отъ своего существеннаго, единственно жизненнаго начала, которое Арманъ Каррель выражалъ словами: «la souveraineté du peuple représentée par la souveraineté des majorités parlementaires». Такъ разсуждалъ Арманъ Каррель во время медоваго мѣсяца іюльской монархіи. Когда же стали сказываться нѣкоторые зловѣщіе признаки, когда начали раздаваться голоса, что іюльская революція имѣла цѣлью замѣнить одну династію другой, тогда у Арманъ Карреля начинаютъ звучать раздраженные ноты, хотя онъ и не доходитъ еще до разрыва съ правительствомъ. «Если кто-либо воображаетъ себѣ, что іюльскія событія не сдѣлали ничего иного, какъ замѣнили одно собственное имя другимъ собственнымъ именемъ... тотъ горько заблуждается». Разрывъ этотъ произошелъ только тогда, когда Казимиръ Перье сдѣлался первымъ министромъ, возложивъ на себя миссію задуть «анархію». Когда программа Казимира Перье выяснилась во всей полнотѣ, когда обнаружилось, что іюльская монархія измѣняетъ своему существенному принципу, тогда Арманъ Каррель пересталъ ее поддерживать своимъ мощнымъ перомъ, онъ перешелъ въ рѣшительную оппозицію, говоря, что младшая линія Бурбоновъ нашла въ лицѣ Казимира Перье своего Полиньяка.

Съ этого времени полемика Армана Карреля противъ іюльской монархіи принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ, и нападенія его имѣли тѣмъ болѣе вѣсъ, тѣмъ болѣе сильное вліяніе на общество, что всѣ очень хорошо знали, — Арманъ Каррель вовсе не принадлежитъ къ разряду писателей утопистовъ. Его предшествовавшая умѣренность доказывала, что не терпѣніе, не увлеченіе крайними идеями настроили его враждебно къ системѣ Казимира Перье, а глубокое внутреннее убѣжденіе, что іюльская монархія круто своротила съ строгаго конституціоннаго пути. Если я задержалъ вниманіе читателя, посвятивъ нѣсколько строкъ личности Армана Карреля, то только потому, что въ теченіи этого разсказа, посвященнаго исторіи развитія французскаго конституціонализма, намъ не разъ еще придется встрѣтиться съ именемъ этого отважнаго бойца за политическую свободу.

Удары, наносимые Казимиру Перье Арманъ Каррелемъ и

его товарищами по журнализму, были такъ сильны, что гордый и властолюбивый министр не могъ оставаться къ нимъ равнодушнымъ. Казимиръ Перье, принадлежа къ образованному и политически развитому обществу, слишкомъ хорошо понималъ великое значеніе печати, чтобы питать сладкую, но вмѣстѣ жалкую увѣренность, что сила печати можетъ быть убита одними преслѣдованіями. Убѣжденіе это должно было въ немъ только окрѣпнуть, когда онъ увидѣлъ, что послѣ цѣлаго ряда процессовъ значеніе печати не только не было умалено, но еще значительно выросло. Вотъ почему онъ рѣшился повести борьбу съ печатью, пользуясь ея же оружіемъ, то-есть перомъ, и оффиціальная газета стала наполняться статьями и замѣтками, исходившими изъ кабинета перваго министра. Къ такого рода борьбѣ можно было бы относиться только съ сочувствіемъ, если бы обѣ стороны пользовались одинаковыми правами, одинаковой свободою дѣйствій. Но когда правительство, пользуясь печатнымъ словомъ, прибѣгаетъ, за недостаткомъ достаточно сильныхъ аргументовъ для убѣжденія своихъ противниковъ, къ суровымъ преслѣдованіямъ, и этимъ путемъ казнить за противорѣчіе его взглядамъ, тогда оффиціальная и оффиціозная печать вызываетъ въ обществѣ одни насмѣшки и презрѣніе. При такомъ отсутствіи равенства сторонъ, изъ которыхъ одна вольна говорить все, что ни вздумается, а другая—часто не смѣетъ даже отвѣчать изъ страха преслѣдованія,—очевидно, что ни одинъ уважающій себя писатель не рѣшится марать свое имя участіемъ въ оффиціальному изданію. «Развѣ не требуется, въ самомъ дѣлѣ,—съ ироніей говоритъ Арманъ Каррель, — большое мужество со стороны правительства, чтобы выступить на арену публицистики со всѣми тѣми средствами, которыми оно располагаетъ и которыхъ лишены его противники. Правительство имѣетъ полтора милліона франковъ, отпускаемыхъ на чрезвычайные расходы полиціи, чтобы создавать, если ему угодно, журналы или писать тѣ газеты, которыя захотятъ съ нимъ имѣть дѣло... Правительство,—продолжаетъ Каррель далѣе въ одной изъ своихъ блестящихъ статей, направленныхъ противъ Казимира Перье,—клеветаетъ на своихъ враговъ, сколько ему угодно; никакой законъ ему этого не запрещаетъ, такъ какъ дѣло идетъ только о гражданахъ; но если какой-нибудь журналъ оппозиціи ясно видитъ тайныя намѣренія, темныя замыслы правительства, если онъ смѣло объявить о томъ, что возбуждаетъ подозрѣніе, тогда найдутся законы, которые обвинять его въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ правительству короля. Выраженіе правительства короля

до такой степени дурно опредѣлено, что нѣтъ такого порицанія, выраженного по поводу любого министерскаго дѣйствія, которое не могло бы показаться г. Персилю (прокурору того времени), какъ вызванное желаніемъ выставить министровъ достойными презрѣнія и ненависти»...

Нападенія печати тѣмъ болѣе раздражали Казимира Перье, что онъ надѣялся, — его суровый тонъ и заявленная рѣшимость водворить «порядокъ» произведутъ впечатлѣніе и заставятъ либеральную печать, если и не пѣтъ ему хвалебные гимны, то все-таки понизитъ тонъ ихъ полемики. Надежда эта не осуществилась, печать сдѣлалась еще болѣе нервна, болѣе язвительна и въ значительной степени парализовала Казимира Перье,ставляя его зауряднымъ реакціонеромъ. Оффиціальная и оффиціозная пресса, внушаемая первымъ министромъ, стала каждый день толковать о «преступной печати». Очень скоро оказалось, что во всемъ, что возмущало партію «сопротивленія», виновата одна «преступная» печать. Реакціонная программа Казимира Перье не встрѣчала сочувствія во всѣхъ слояхъ общества, — виновата «преступная печать»; присяжные оправдывали лица, обвиненія которыхъ добивалось правительство — виновата «преступная» печать; открывались злоупотребленія различныхъ правительственныхъ агентовъ — виновата «преступная» печать. Словомъ, что бы ни случилось, во всемъ и всегда, прежде всего сыпались обвиненія на «преступную» печать. Арманъ Каррель былъ, разумѣется, какъ нельзя болѣе правъ, когда онъ задавался вопросомъ: «чего же, наконецъ, отъ насъ хотятъ? Чтобы мы молчали? Въ такомъ случаѣ нужно возстановить цензуру... Скажите, скажите громко, что свобода печати васъ оскорбляетъ, но не говорите о проступкахъ печати, объ ея уклоненіяхъ; не дѣлите печать на категоріи, не говорите, что существуютъ преступныя — и добросовѣстныя: такъ какъ преступность печати можетъ быть только признана присяжными, а едвали найдутся присяжные, которые рѣшатся сдѣлаться сообщниками вердикта объ обычной преступности, бросаемаго въ тотъ или другой журналъ, или въ ту или другую категорію журналовъ...»

Не одна, впрочемъ, печать тревожила новое министерство и вызывала его гоненія. Гнѣвъ Казимира Перье вмѣстѣ съ печатью раздѣляли и тѣ многочисленныя политическія общества, которыя возникли во Франціи еще во время реставраціи, и теперь собирались совершенно открыто, не скрывая своихъ дѣйствій, не пугая тайной. Собранія ихъ были доступны почти всѣмъ: то,

что говорилось, то, что рѣшалось, тотчасъ же дѣлалось обще-извѣстнымъ. Это были родъ политическихъ клубовъ, нисколько не страшныхъ для правительства, относящагося съ уваженіемъ ко всѣмъ мнѣніямъ и предоставляющаго гражданамъ просторъ въ ихъ словахъ и поступкахъ. Всѣ такія политическія общества, существовавшія подъ различными названіями, какъ-то: «Друзья народа», «Друзья отечества», «Общества правъ человѣка», «Общества свободы, порядка и прогресса» и другія были въ дѣйствительности довольно безобидны и стали пріобрѣтать значеніе только тогда, когда правительство рѣшилось ихъ преслѣдовать. Не было почти ни одного политическаго дѣятеля, который не принадлежалъ бы къ одному изъ такихъ обществъ, и участіе въ нихъ такихъ лицъ, какъ Лафайетъ, Дюпонъ, Барро, прямо говорило, что общества эти не были революціонныя. Къ такимъ обществамъ принадлежали даже такія лица, какъ Гизо, Броль и нѣкоторые другіе корифеи партіи «сопротивленія», но—сдѣлавшись министрами, они вышли изъ нихъ. Существованіе такихъ политическихъ союзовъ Казиміръ Перье считалъ однимъ изъ проявленій «анархіи», и потому рѣшился положить имъ конецъ. Какъ сильно было во французскомъ обществѣ чувство протеста противъ реакціоннаго духа, восторжествовавшаго со вступленіемъ въ министерство Казиміра Перье, можно было видѣть потому, что не успѣлъ Казиміръ Перье произнести свою первую рѣчь, какъ во всѣхъ оппозиціонныхъ газетахъ появился статутъ «Національнаго общества» съ приглашеніемъ всѣхъ гражданъ вносить свои имена въ списки этого общества, открытые во всѣхъ редакціяхъ. Каждый членъ этого общества, открытою цѣлью котораго была выставлена борьба не на жизнь, а на смерть съ чужеземцами и Бурбонами, если бы когда-либо тѣ или другіе пожелали снова оказать давленіе на судьбу Франціи, долженъ былъ вносить ежемѣсячно двадцать пять сантимовъ. Въ нѣсколько дней это общество имѣло нѣсколько тысячъ членовъ. Не только вся передовая партія сдѣлалась членами этого союза, но и люди болѣе умѣренные приняты въ немъ участіе. Депутаты, члены магистратуры, многіе военные внесли свои имена въ списки этого общества. Вступленіе въ него Лафайета, генерала Ламарка, Барро и нѣкоторыхъ другихъ вліятельныхъ членовъ оппозиціи, придало этому обществу особое значеніе. Правительство не ошиблось въ смыслѣ, какой оно должно было имѣть. Общество это въ дѣйствительности должно было служить какъ-бы выраженіемъ того чувства недовольства, которымъ встрѣчено было министерство Перье.

Казиміръ Перье не замедлилъ отвѣтить на этотъ вызовъ. Деспотъ по натурѣ, самолюбивый до-нельзя, онъ раздражался при всякомъ встрѣчаемомъ имъ сопротивленіи. «Правительство требуетъ повиновенія»,—говорилъ Казиміръ Перье въ появившемся циркулярѣ, въ которомъ всѣ лица, гдѣ-либо служація, приглашались немедленно выйти изъ этого общества. Многіе изъ выдающихся дѣятелей первыхъ мѣсяцевъ іюльской монархіи были уволены отъ своихъ должностей за нежеланіе подчиниться приказанію властолюбиваго министра. Настойчивость Казиміра Перье торжествовала, но торжество это было губительно для неокрѣпшаго трона Луи-Филиппа. Единственный результатъ, достигнутый суровымъ министромъ, былъ тотъ, что большинство этихъ обществъ не исчезло, но скрылось подъ землю, въ тайнѣ принимая рѣшенія, которымъ явно слѣдовала передовая партія. А какое же можетъ быть сомнѣніе, что общество, дѣйствующее при дневномъ свѣтѣ, гораздо менѣе опасно, чѣмъ то, которое дѣйствуетъ подъ землею. Правительство очень скоро должно было въ этомъ убѣдиться. Казиміръ Перье, уничтожая «анархію», подавляя смуту, въ дѣйствительности работалъ больше, чѣмъ кто-либо другой для того, чтобы смута эта росла и крѣпла. Очень скоро она и выразилась въ уличныхъ волненіяхъ и въ покушеніяхъ на жизнь короля.

Казиміръ Перье, упорствуя въ томъ, что только крутыя мѣры могутъ возстановить спокойствіе, внесъ въ палату проектъ закона о незаконныхъ сборищахъ, думая, что суровымъ закономъ можно будетъ предупредить всякое уличное движеніе. Большинство палаты, рѣшившееся слѣпо слѣдовать за своимъ новымъ вождемъ, незамедлило принять и этотъ законъ. Не долго пришлось ждать Казиміру Перье, чтобы убѣдиться, что реакціонная мѣра никогда не способна водворить спокойствіе въ обществѣ. 5-го апрѣля, слѣдовательно меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Казиміръ Перье принялъ въ свои руки бразды правленія, въ судѣ начался громкій процессъ по обвиненію нѣсколькихъ лицъ въ безпорядкахъ, вызванныхъ процессомъ министровъ Карла X. Главными обвиняемыми явились Годфроя Каваньякъ, Гинаръ, оба артиллерійскіе офицеры, и Трела—предсѣдатель «Общества друзей народа». Процессъ этотъ вызвалъ необычайную агитацію во французскомъ обществѣ, которая легко объяснялась, съ одной стороны, положеніемъ этихъ людей, съ другой тою любовью, которою они пользовались среди парижскаго населенія. Люди эти были извѣстны какъ главные дѣятели іюльской революціи, во время которой они готовы были жертвовать своею жизнію для

торжества праваго дѣла, и вотъ теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, правительство, вышедшее изъ революціи, сажало ихъ на скамью подсудимыхъ, по обвиненію въ тяжеломъ государственномъ преступленіи. Массы народа стали стекаться съ утра 5-го апрѣля къ зданію суда, и появленіе подсудимыхъ встрѣчено было шумною уличною манифестаціею. Когда они заняли свои мѣста на скамьѣ подсудимыхъ, публика, наполнявшая залу засѣданій, поспѣшила выразить имъ свою симпатію громкими неудержимыми привѣтствіями. Полные достоинства, сильные сознаниемъ своей нравственной правоты, подсудимые съ первыхъ же своихъ словъ превратились изъ обвиняемыхъ въ обвинителей. Они не старались оправдывать свое поведеніе, но они нападали съ необычайною энергіею на злоупотребленія той системы, которую усвоило его правительство. Самые популярныя люди оппозиціи, въ томъ числѣ Лафайетъ, явились въ судъ, чтобы дать показанія въ пользу подсудимыхъ. Въ продолженіе десяти дней, пока тянулся процессъ, общественный термометръ показывалъ сильный жаръ. Гордые и смѣлыя рѣчи, раздававшіяся въ залѣ судебного засѣданія, проникали въ толпу и вызвали всеобщій энтузіазмъ. На слабую обвинительную рѣчь прокурора, лучшія силы французской адвокатуры и сами подсудимые отвѣчали также обвинительными рѣчами, но только полными убѣжденія, таланта и страсти. Въ залѣ суда впервые послѣ длиннаго перерыва раздалось громкое слово, заставившее содрогнуться правительство іюльской монархіи. Одинъ изъ подсудимыхъ Годфроа Каваньякъ не побоялся произвести въ упоръ правительству свое республиканское *profession de foi*: «сегодня представляется мнѣ наконецъ случай произнести слово, которое такъ многіе подвергаютъ остракизму, и я объявляю, безъ всякой аффектаціи, но и безъ всякаго страха, сердцемъ и убѣжденіемъ: я республиканецъ!» Слово это, брошенное со скамьи подсудимыхъ, какъ обухомъ ударило партію «сопротивленія». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слово это не произвело бы такого сильнаго впечатлѣнія, если бы не существовало убѣжденія, что оно найдетъ себѣ сильный отголосокъ въ значительной части населенія не одного Парижа, но и многихъ другихъ большихъ центровъ Франціи. Каваньякъ выразилъ громко то, что чувствовалось многими, и съ этого дня, можно сказать, республиканская партія, вполне раздробленная и неорганизованная еще въ іюльскіе дни, является какъ-бы сплоченною и сознательно существующею. Таковъ былъ первый, самый непосредственный результатъ реакціонной политики Казимира Перье.

Каваньякъ, рѣшившись высказать громко то, что другіе сознавали, можетъ быть, еще не совсѣмъ ясно, далъ, такъ-сказать, общій тонъ процессу. Въ теченіи нѣсколькихъ дней правитель-ство не могло не сознать себя обвиняемымъ, на котораго обрушивались тяжелые удары. Іюльская монархія не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ, она не исполнила своихъ обѣщаній, она не измѣнила тому принципу, во имя котораго борившіеся на жизнь и на смерть сложили передъ нею свое оружіе — таковъ былъ постоянный refrain, который раздавался въ стѣнахъ судебной залы. Почти съ самаго начала процесса существовала увѣренность, съ каждымъ днемъ все укрѣплявшаяся, что присяжные засѣдатели вынесутъ всѣмъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ. Увѣренность эта оправдалась: 15-го апрѣля, при крикахъ восторга и громахъ аплодисментовъ подсудимые были объявлены свободными отъ суда. Восторгъ охватилъ парижское населеніе, которое наперекоръ только-что обнародованному закону, воспрещавшему всякія сборища, собиралось толпами на улицахъ, площадяхъ и громко торжествовало оправданіе подсудимыхъ, какъ одержанную славную побѣду. Правительство выставило войска, и не много было нужно, чтобы дѣло получило кровавый исходъ. Онъ былъ предупрежденъ, благодаря умѣренности обѣихъ сторонъ. Слишкомъ недавно еще народъ и войско шли дружно рука объ руку, чтобы теперь, по прошествіи всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вступить между собою въ отчаянный бой. Если съ этой стороны дѣло обошлось для правительства благополучно, тѣмъ не менѣе прочности іюльской монархіи былъ нанесенъ значительный ущербъ. До этого процесса, была партія, требовавшая значительнаго расширенія и обновленія политическихъ устоевъ, была партія недовольныхъ, желавшая, чтобы фраза о верховной власти народа перешла въ дѣло, и эта партія готова была примириться съ монархіею не божественнаго права, конечно, но съ монархіею, основанною на строгомъ конституціонализмѣ, чуждомъ всякаго обмана и дѣйствительно обезпечивающемъ права и власть народа. Теперь же образовалась партія, объявившая войну не тому или другому направленію внутренней политики іюльской монархіи, но самому монархическому принципу. Казиміръ Перье, желая душиť своею образомъ понимаемую имъ анархію, въ дѣйствительности душилъ своими собственными руками монархію.

Оправдательный приговоръ Каваньяка, Трела и Гинара, вынесенный парижскими присяжными, не обошелся, разумѣется, безъ того, чтобы судъ присяжныхъ не подвергся нареканіямъ, и

чтобы не раздались крики о томъ, что «анархія» проникла и въ судъ. Но какъ ни велико было негодование правительства, во Франціи однако никто не подумалъ о томъ, чтобы изъять подобныя дѣла изъ юрисдикціи суда присяжныхъ. Негодование, которое не скрывала реакціонная партія, свободно могло переступать черезъ край, безъ того, чтобы судъ присяжныхъ долженъ былъ опасаться какихъ-либо для него непріятныхъ послѣдствій. Въ продолженіи всего двухъ мѣсяцевъ, съ 15 апрѣля по 15 іюля 1831 г., передъ судомъ присяжныхъ прошли пять однородныхъ процессовъ, и по всѣмъ этимъ дѣламъ присяжные выносили оправдательные вердикты.

Система устрашенія, которою желалъ дѣйствовать Казиміръ Перье, явно достигала прямо противоположнаго результата тому, на который онъ рассчитывалъ. Неблагопріятные исходы политическихъ процессовъ, не только не исчезнувшее, но, напротивъ, усилившееся общественное броженіе должно было, казалось, убѣдить правительство, что путь, избранный имъ, не можетъ привести къ добру, но Казиміръ Перье не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые умѣютъ сознавать свои ошибки и съ достоинствомъ въ нихъ сознаваться. Напротивъ, чѣмъ болѣе сопротивленіе встрѣчалъ онъ своимъ планамъ и мѣрамъ, тѣмъ съ болѣею настойчивостью проводилъ онъ ихъ до конца.

Съ какимъ бы довѣріемъ ни относилось правительство къ системѣ, проводимой первымъ министромъ, оно все-таки не могло не видѣть, что положеніе страны представляется довольно опаснымъ. Луи-Филиппъ очень быстро утратилъ ту искусственную популярность, которая была создана ему услужливыми людьми въ первые дни вступленія его на престолъ. Имя его ничего не говорило, оно не выражало собою торжества новаго порядка надъ старымъ; онъ слишкомъ сильно заботился о своей власти и о тѣхъ выгодахъ, которыя съ нею соединены, и слишкомъ мало думалъ о томъ, чтобы пріобщить къ этой власти народъ. Коренное обновленіе политической системы, широкія преобразованія во всѣхъ отрасляхъ государственнаго устройства—вотъ что могло создать прочность его престола, но онъ былъ слишкомъ мелокъ по своей натурѣ для роли преобразователя. Рядомъ съ королемъ стояла палата депутатовъ, но и она не больше, если еще не меньше короля, внушала къ себѣ довѣрія. Она представляла собою какъ-бы обломки реставраціи, коловшіе глаза обществу. Послѣднее негодовало, видя упорство палаты сохранять за собою законодательную власть, отъ которой она должна была отказаться тотчасъ послѣ іюльской революціи. Палата не

только не внушала къ себѣ уваженія, но общество относилось къ ней какъ къ вредной помѣхѣ, препятствовавшей дальнѣйшему развитію политическихъ учреждений. Министерство 13-го марта возбуждало ненависть и раздражало неуспокоившіяся еще страсти. При такихъ условіяхъ естественно, что недоувѣріе должно было рости съ каждымъ, днемъ и во всѣхъ слояхъ общества вызывать тревожное состояніе. Какъ ни самонадѣянъ былъ Казиміръ Перье, но и онъ долженъ былъ сознать, что ему нужно было для проведенія своей системы опираться на что-нибудь болѣе сильное, чѣмъ та дряхлая палата, которой такъ не хотѣлось умирать. Такую опору онъ могъ найти въ новой палатѣ, избранной на основаніи новаго избирательнаго закона. Этотъ новый законъ, понизившій избирательный цензъ съ 300 на 200 франковъ, — чѣмъ возвысилъ всю цифру избирателей съ 94,500 на 166,500, — не могъ быть, разумѣется, страшенъ для правительства, которое было твердо увѣрено, что составъ новой палаты снова окажется ему благопріятнымъ. Казиміръ Перье зналъ, что при цензѣ въ 200 ф. палата все-таки будетъ состоять изъ представителей буржуазіи, а при томъ вліяніи или, вѣрнѣе, давленіи, которое онъ рѣшился оказать при выборахъ, онъ рассчитывалъ, что большинство палаты составитъ изъ людей ему преданныхъ. Вотъ почему, тотчасъ послѣ окончанія апрѣльскаго процесса, едва успокоилось уличное движеніе, Казиміръ Перье рѣшился, наконецъ, на распушеніе старой палаты. 20 апрѣля, состоялось торжественное закрытіе сессіи, въ присутствіи Луи-Филиппа, а вскорѣ затѣмъ появился и декретъ о распушеніи палаты и назначеніи выборовъ.

Если правительство надѣялось почерпнуть новую силу въ новой палатѣ, то той же надеждой проникнута была и оппозиція. Какъ ни слабо измѣнился составъ избирателей, тѣмъ не менѣе оппозиція рассчитывала, что, благодаря подъему общественнаго настроенія, вызванному революціей, ей удастся одержать, если не полную побѣду на выборахъ, то все-таки измѣнить нѣсколько въ свою пользу отношеніе реакціоннаго большинства къ либеральному меньшинству. Надежда эта основывалась на томъ, что въ основу новыхъ выборовъ ляжетъ капитальный вопросъ о наслѣдственности пэріи, относительно котораго общество раздѣлялось на два рѣзкіе лагерь. Правительство и вся реакціонная партія, вмѣстѣ съ легитимистами, желали сохраненія наслѣдственности пэріи, видя въ ней одинъ изъ необходимыхъ элементовъ монархическаго принципа. Партія прогрессивная желала уничтоженія наслѣдственной пэріи, совершенно правильно доказывая,

что такое привилегированное сословіе совершенно несовмѣстно съ демократическимъ строемъ, который долженъ быть освобожденъ отъ всяческихъ обломковъ стараго порядка. Буржуазія, составлявшая, благодаря имущественному избирательному цензу, значительное большинство депутатовъ, въ этомъ вопросѣ разошлась съ правительствомъ. Наслѣдственная пэрія была для нея все равно, что бѣльмо на глазу, она постоянно напоминала ей о преимуществѣ аристокрагіи передъ ней, буржуазіей, а такое напоминаніе было для нея, стремившейся къ исключительному господству, вполнѣ ненавистно. Вотъ почему буржуазія во время новыхъ выборовъ должна была чувствовать себя между двухъ огней. Съ одной стороны, ей желательно было послать въ палату людей, раздѣляющихъ взгляды и направленіе министерства; съ другой—она желала, чтобы ея представители разрушили послѣднюю цитадель того строя, при которомъ аристократія была всѣмъ, а буржуазія ничѣмъ. Она надѣялась этимъ утвердить свое окончательное господство. Такимъ настроеніемъ буржуазіи оппозиція надѣялась воспользоваться, чтобы доставить торжество своей партіи, но до собранія новой палаты оставалось еще цѣлыхъ три мѣсяца, и это время не прошло спокойно для министерства Казимира Перье. Передовая партія рѣшилась пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы доказать правительству, что система устрашенія, придуманная новымъ министромъ, ни къ чему не поведетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отчаявшись добиться отъ іюльской монархіи устройства такого конституціоннаго порядка, который бы гарантировалъ права цѣлаго народа, а не одного сословія, эта партія начала упорную борьбу съ монархическимъ принципомъ. Такое настроеніе очень скоро выплыло наружу. Въ медовый мѣсяцъ іюльской монархіи было рѣшено, что въ воспоминаніе славныхъ іюльскихъ дней всѣ боровшіеся въ эти дни за свободу получаютъ медаль, для ношенія на груди. Изготовлено было большое количество такихъ медалей, на одной сторонѣ которыхъ красовалась надпись: «дана королемъ французовъ». Рѣшено было, что раздача этихъ медалей обставлена будетъ большою торжественностью, что въ назначенный день король явится въ домъ Инвалидовъ и лично будетъ вручать каждому изъ участниковъ революціи такую медаль, причемъ получавшій ее долженъ былъ приносить присягу на вѣрность королю. Казимиръ Перье разсчитывалъ, что такое торжество произведетъ впечатлѣніе, популярность короля вырастетъ, а присяга свяжетъ всѣхъ получившихъ медали, большинство которыхъ принадлежало къ передовой партіи. Разсчетъ этотъ оказался однако ошибочнымъ. За нѣсколько времени до

раздачи медалей, устроено было многолюдное собраніе подъ предсѣдательствомъ Гарнье-Паже, на которое собралось до 800 человекъ, имѣвшихъ право на полученіе медали. На этомъ собраніи произносились горячія республиканскія рѣчи, въ которыхъ доказывалось, что не именемъ короля, а именемъ націи могутъ быть даны такія медали, что король присвоиваетъ себѣ право, котораго онъ не имѣетъ, и что требованіе присяги не можетъ быть допущено. Мы дрались во имя націи, а не во имя короля, мы не хотимъ медалей съ именемъ короля—таковъ былъ смыслъ рѣшенія, принятаго собраніемъ. Огромное большинство участниковъ въ іюльскихъ дняхъ не должны были явиться для полученія медалей. Министерство поняло, что затѣянное торжество потерпитъ жестокое фіаско, и король, вмѣсто пріобрѣтенія популярности, еще болѣе упадетъ въ глазахъ населенія. Вслѣдствіе этого правительство вынуждено было отказаться отъ задуманной торжественной сцены, и раздача медалей происходила очень скромно въ мѣріяхъ.

Чувство раздраженія противъ монархическаго принципа высказалось еще сильнѣе по другому случаю, служившему какъ-бы продолженіемъ апрѣльскаго процесса. Передовая партія желала отпраздновать оправданіе Каваньяка и другихъ подсудимыхъ, и въ честь ихъ устроила банкетъ въ ресторанѣ Vendanges de Bourgogne. На этомъ банкетѣ произнесено было нѣсколько рѣчей уже въ чисто республиканскомъ духѣ, и затѣмъ по окончаніи банкета присутствовавшіе на немъ, въ сопровожденіи толпы народа, двинулись съ пѣніемъ «Марсельезы» по улицамъ Парижа къ Вандомской колоннѣ. Правительство, желая оправдать свое реакціонное направленіе, раздувало каждый такой случай, и часто въ своихъ официальныхъ и офиціозныхъ журналахъ изображало эти уличныя манифестаціи въ гораздо болѣе яркомъ свѣтѣ, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Такъ создался рассказъ, что будто бы во время банкета въ честь Каваньяка и его сподвижниковъ, во время одной изъ страстныхъ рѣчей, одинъ изъ присутствовавшихъ поднялъ къ верху обнаженный кинжалъ и произнесъ: à Louis Philippe! Официальные органы пользовались подобнымъ рассказомъ, чтобы, обращаясь къ избирателямъ, говорить: выбирайте между нами и нашими противниками. Между тѣмъ подобные рассказы вовсе не подтверждались, и оппозиціонная печать съ полнымъ правомъ утверждала, что агенты правительства съ умысломъ изобрѣтаютъ подобные факты, чтобы запугивать общество.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ продолженіи трехъ мѣ-

сяцевъ, истекшихъ до созванія новой палаты, въ то время, когда приготавливались выборы, весьма часто происходили уличныя движенія, часто оканчивавшіяся крайне печальными столкновеніями между толпою и полиціей, жандармами и даже войсками. Но нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что само правительство вызывало эти столкновенія, придавая необыкновенную важность появленію гдѣ-нибудь немногочисленной даже группы людей, предававшихся безобидному пѣнію «Марсельезы», высылая на встрѣчу такимъ группамъ цѣлые отряды полицейскихъ, жандармовъ и взводы солдатъ. Раздраженіе было въ воздухѣ, но правительство старалось его по возможности больше подогрѣвать, чтобы получить право на другой день въ своихъ органахъ торжественно заявить, по выраженію Арманъ Карреля, что «анархія снова подняла одну изъ своихъ ста головъ». «Оппозиціонная печать съ большимъ мужествомъ, подвергая себя отвѣтственности, судебнымъ преслѣдованіямъ, доказывала, что во всѣхъ этихъ волненіяхъ правительству принадлежитъ роль подстрекателя». «Несомнѣнно, — писалъ тотъ же Арманъ Каррель, — что существуютъ люди, начинающіе эти манифестаціи, но кто ихъ продолжаетъ, кто ихъ увеличиваетъ, кто ихъ пропагандируетъ? Тѣ, которымъ это выгодно. А кому выгодны эти волненія, если не правительству, которое ихъ эксплуатируетъ и бросаетъ въ лицо оппозиціи въ борьбѣ его съ нею; которое пользуется ими для своихъ незаконныхъ поступковъ.... которое старается отвлечь вниманіе Франціи отъ другихъ крупныхъ вопросовъ»... Въ словахъ этого замѣчательнаго журналиста была, разумѣется, значительная доля правды, хотя происхожденіе такихъ волненій слѣдуетъ все-таки искать нѣсколько глубже. Главнымъ образомъ они все-таки вызывались чувствомъ глубокаго неудовлетворенія, которое испытывало населеніе, мечтавшее о другомъ порядкѣ, чѣмъ тотъ, который водворялъ теперь Казиміръ Перье.

Подобныя манифестаціи часто оканчивались самыми прискорбными эпизодами, за которые правительство и оппозиція возлагали другъ на друга отвѣтственность. Такъ именно случилось съ манифестаціей, произведенной 14-го іюля. День годовщины взятія Бастиліи всегда считался народнымъ праздникомъ, и теперь, когда страсти съ обѣихъ сторонъ были одинаково возбуждены, день этотъ не могъ пройти безъ того, чтобы не ознаменоваться какимъ-нибудь событіемъ. За нѣсколько времени до 14-го іюля, болѣе горячіе умы передовой партіи рѣшили въ этотъ день еще разъ напомнить правительству, что реакція не поведетъ къ добру. Всюду распространялись прокламаціи, въ которыхъ населеніе приглашалось помянуть этотъ великій день

насажденіемъ «дерева свободы» на трехъ самыхъ обширныхъ и вмѣстѣ богатыхъ воспоминаніями площадяхъ, именно на «площади Согласія», переименованной изъ площади «Революціи», на площади Бастилии и наконецъ на *place de Grève*. Приготовленія къ манифестаціи дѣлались открыто, никто не желалъ ихъ скрывать отъ правительства, которое, слѣдовательно, если желало, имѣло полную возможность предупредить всякое волненіе. Правительство не сдѣлало ничего подобнаго. 14-го іюля, по направленію къ этимъ площадямъ двинулись незначительныя колонны по преимуществу молодежи съ трехцвѣтными кокардами на шляпахъ, съ намѣреніемъ на каждой изъ этихъ площадей посадить по дереву свободы. Самое благоразумное, разумѣется, было предоставить полный просторъ выполнить эту невинную забаву. Но правительство поступило не такъ; оно двинуло навстрѣчу войско противъ безоружной толпы, что рѣдко обходится безъ столкновеній. На *place de la Concorde* произошла стычка, и одинъ изъ молодыхъ людей палъ жертвою, проколотый штыками! Нѣтъ ничего удивительнаго, что крики негодованія, обѣты мести раздались со всѣхъ сторонъ. Побѣда для правительства была чрезвычайно легка, такъ какъ никто не думалъ и никто не приготовлялся къ серьезному движенію. Правительство оправдывало свое поведеніе тѣмъ, что такія манифестаціи направлены къ пробужденію кровавыхъ воспоминаній, но подобныя оправданія падали сами собою передъ дружнымъ напоромъ оппозиціонной печати, которая обвиняла правительство въ самой безчестной внутренней политикѣ. Эта печать доказывала, что Казиміръ Перье жаждалъ подобныхъ столкновеній, всячески вызывалъ ихъ, чтобы имѣть на другой день возможность сказать, что іюльская монархія была спасена отъ страшнаго заговора. Правительство возбуждало судебныя преслѣдованія противъ независимыхъ органовъ печати, обвиняло Армана Карреля и другихъ писателей въ возбужденіи къ нему ненависти и презрѣнія, но такія преслѣдованія оканчивались оправданіями честныхъ журналистовъ.

И не однимъ устрашеніемъ «анархіей» правительство старалось вліять на выборы въ новую палату. Казиміръ Перье самъ вмѣшался въ борьбу и болѣе чѣмъ кто-либо поддерживалъ officialную кандидатуру. «Я долженъ безъ всякихъ обиняковъ, писалъ онъ въ своемъ циркулярѣ префектамъ, высказать намѣренія правительства: оно не будетъ нейтральнымъ при выборахъ; оно не желаетъ, чтобы его администрація оставалась нейтральною. Безъ сомнѣнія, его воля прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы законы исполнялись съ строгимъ безпристрастіемъ, съ безупреч-

ною честностью.... Но между административнымъ безпристрастіемъ и безразличнымъ отношеніемъ ко всѣмъ мнѣніямъ—разница громадная. Правительство убѣждено, что его принципы отвѣчаютъ національному интересу: оно должно, слѣдовательно, желать, чтобы избирательныя коллегіи выбирали гражданъ, которые раздѣляютъ его мнѣнія и намѣренія. Оно не дѣлаетъ изъ этого тайны, и вы должны, подобно ему, объявить объ этомъ громко». Но такого вліянія на выборы Казимиру Перье показалось мало, и самъ король, въ виду этихъ выборовъ, предпринялъ путешествіе по части Франціи. Это путешествіе, тѣ рѣчи, которыя произносилъ въ различныхъ городахъ Луи-Филиппъ, представляются очень любопытными. Изъ нихъ ясно видно, какъ мало понималъ самъ король-гражданинъ значеніе истиннаго конституціонализма, и какъ министерство, отвѣтственное за все, что говорится королемъ, было въ дѣйствительности близко отъ идей стараго порядка. Постоянныя сообщенія о томъ, что «богиня мятежа» непрерывно держитъ въ своей власти населеніе Парижа, производило извѣстное впечатлѣніе во Франціи, и во многихъ мѣстахъ сказывалось опасеніе, что Франція стоитъ наканунѣ новой кровавой революціи. Луи-Филиппъ въ своихъ отвѣтахъ бралъ на себя заѣзженную роль спасителя Франціи. «Надежда предохранить Францію отъ измѣшества и безпорядковъ дала мнѣ рѣшимость принять престолъ, другого самолюбія у меня не было. Я употреблю всѣ мои усилія, чтобы избавить мою родину отъ бича анархіи, и поддержать національную честь и независимость противъ всѣхъ». Фальшь такого отвѣта была слишкомъ очевидна, чтобы оппозиціонная печать оставила ее безъ отвѣта. Если съ какой-либо стороны существовала опасность для Франціи быть брошенной въ анархію, такъ только со стороны правительства, которое, дѣлая видъ, что не понимаетъ, къ чему его обязывала іюльская революція, упорно не хотѣло уступить въ тѣхъ требованіяхъ государственнаго устройства, которыя къ нему предъявлялись. Оно старалось забыть, что самая іюльская революція была произведена во имя такого переустройства, и стремилось убѣдить въ невозможномъ, будто іюльская монархія была установлена для спасенія Франціи отъ анархіи. «Во что превращается верховная власть народа,—спрашивалъ Арманъ Каррель,—если позволительно утверждать вмѣстѣ съ г. Гизо и его друзьями, что Франція избрала герцога Орлеанскаго потому, что онъ былъ почти законнымъ преемникомъ, и потому, что не было другого средства избѣгнуть анархіи; если герцогъ Орлеанскій, вмѣсто того, чтобы быть избраннымъ королемъ и основывающимъ свою законность на свободномъ

избраніи народа, былъ не чѣмъ инымъ какъ необходимымъ узурпаторомъ; если, вмѣсто того, чтобы признавать, что ему оказана была великая честь, отличіе, услуга—тѣмъ выборомъ, который былъ сдѣланъ,—окажется наоборотъ, что онъ намъ сдѣлалъ честь и оказалъ услугу принятіемъ трона; если, вмѣсто того, чтобы быть обязаннымъ народу за самый фактъ избранія, онъ же будетъ благодѣтелемъ; если благодарность должны чувствовать тѣ, которые дали ему свои голоса, а не тотъ, который ихъ получилъ...» Либеральная печать не могла допустить, чтобы образовалась еще одна легенда о новомъ спасителѣ отечествѣ, она припоминала, при какихъ условіяхъ произошло избраніе герцога Орлеанскаго, тѣ обѣщанія, которыя дѣлались имъ и отъ его имени, и потому говорила: «пусть же не называютъ жертвой, удивительнымъ самоотверженіемъ, принятіе дара, сдѣланнаго Франціей, дара, который она каждый годъ должна возобновлять посредствомъ того *liste civile*, который, какъ утверждаютъ, не можетъ быть менѣе 18 милліоновъ..... Пора бросить эту низость языка, эту куртизанскую болтовню, которая погубила уже реставрацію увѣреніями, что ей обязаны благодарностью за октропрованіе хартіи, которой она не могла не дать. Притязаніе теперь то же самое: тѣ, которые не желали, чтобы между королевскою властью и страной существовалъ договоръ, не хотятъ допустить, чтобы въ 1830 г. былъ сдѣланъ народомъ свободный выборъ». Если, съ одной стороны, Луи-Филиппъ ярко выставлялъ на видъ то самопожертвованіе, которое онъ сдѣлалъ, принявъ предложенный ему тронъ, что представлялось, конечно, верховъ лицемѣрія, то, съ другой стороны, онъ со смѣлостью утверждалъ, что ни въ какомъ дальнѣйшемъ развитіи государственныхъ учрежденій нѣтъ вовсе надобности. Отвѣчая на рѣчь, сказанную ему провинціальнымъ предсѣдателемъ суда, который высказалъ пожеланіе, чтобы хартія 1830 г. получила необходимое развитіе, король между прочимъ сказалъ: «и я не меньше придаю цѣны тому, чтобы наши учрежденія получили твердость, но я признаюсь,—я съ удивленіемъ услышалъ, что вы называете ихъ только началомъ учрежденій. Наши учрежденія получили такое развитіе, что то, что остается сдѣлать, представляется ничтожнымъ по сравненію съ тѣмъ, что уже сдѣлано. Это именно тѣ учрежденія, которыя были защищаемы въ іюлѣ; это тѣ учрежденія, которыя нація желаетъ сохранить въ томъ видѣ, какъ они освящены хартіей 1830 года». Еслибъ король слово «нація» замѣнилъ словомъ «буржуазія», разумѣется, онъ былъ бы гораздо ближе къ истинѣ.

Хотя поѣздка короля и была предпринята съ цѣлію повліять

на выборы, но едва ли она принесла ту пользу, на которую рассчитывалъ Казиміръ Перье, не говоря уже о томъ, что такое вмѣшательство короля въ избирательную агитацію было вполне несогласно съ конституціоннымъ принципомъ. Наступившіе выборы, конечно, не могли имѣть слишкомъ большого значенія, такъ какъ народныя массы не принимали въ нихъ участія, устраненные слишкомъ высокимъ избирательнымъ цензомъ. Правительство, служившее выраженіемъ средняго богатаго сословія, было въ правѣ рассчитывать, что оно найдетъ себѣ поддержку въ тѣхъ, чьи интересы только и были близки его сердцу. По несчастью, въ выборы замѣшался вопросъ о наслѣдственности пэріи, и этотъ-то вопросъ, относительно котораго мнѣніе правительства было хорошо извѣстно, помѣшалъ полному торжеству Казиміра Перье. Оппозиція съумѣла имъ ловко воспользоваться, такъ что избиратели были поставлены въ недоумѣніе, какъ имъ слѣдовало вотиловать. Подавать голоса за правительственныхъ кандидатовъ, замуривъ глаза,—но въ такомъ случаѣ сохранится наслѣдственность пэріи, оскорблявшее чувство равенства буржуазіи. Поступить наоборотъ и подать голоса за оппозиціонныхъ кандидатовъ, но тогда, чего добраго, «необходимыя послѣдствія» революціи получатъ осуществленіе, что было не желательно двухсотъ-франковымъ избирателямъ, хотя въ сущности при большемъ политическомъ развитіи они поняли бы, что начала истиннаго конституціонализма, къ которымъ стремилась оппозиція, были бы для нихъ только выгодны. Ненависть къ наслѣдственности пэріи взяла верхъ и дала направленіе выборамъ. Избиратели прямо обращались къ кандидатамъ съ вопросомъ: какъ вы относитесь къ наслѣдственности пэріи? и, смотря по отвѣту, подавали за него голоса, или нѣтъ. Очень многіе правительственные кандидаты старались избѣгнуть прямого отвѣта и ограничивались двусмысленными заявленіями; другіе же принимали на себя нравственное обязательство подать свой голосъ за отмѣну этой наслѣдственности. Кандидаты оппозиціи могли смѣло высказывать по этому вопросу свое *profession de foi*, что, разумѣется, располагало въ ихъ пользу избирателей. Выборы кончились. Оба лагеря, и правительство и оппозиція, приписывали каждый побѣду себѣ. И на самомъ дѣлѣ трудно было опредѣлить, кто одержалъ верхъ. Въ палату вошло до двухсотъ новыхъ членовъ, относительно которыхъ нельзя было знать, на чьей сторонѣ они окажутся въ рѣшительную минуту. Такая неизвѣстность была ненавистна Казиміру Перье, и онъ, не дожидаясь преній по поводу отвѣтнаго адреса королю, когда неизбѣжно палата должна была высказать свое

одобреніе или неодобреніе политикѣ министерства 13-го марта, сдѣлалъ изъ вопроса о выборѣ президента палаты вопросомъ кабинета. Своимъ кандидатомъ Казиміръ Перье выставилъ депутата Жиро, человѣка мало вліятельнаго, почти неизвѣстнаго; оппозиція же противопоставила ему Лафитта, предшествовавшая дѣятельность котораго могла только вызывать сочувствіе, при сравненіи съ дѣятельностью Казиміра Перье. Палата раздѣлилась на два почти равносильные лагеря, такъ какъ большинство въ пользу кандидата министерства оказалось всего въ одинъ голосъ. Гордость надменнаго министра была уязвлена; онъ увидѣлъ, что ему придется бороться съ слишкомъ сильнымъ меньшинствомъ, и потому въ тотъ же день подалъ отставку.

Но какъ разъ въ это время произошло событіе, благодаря которому Казиміру Перье удалось сохранить власть. Событіемъ этимъ была вспыхнувшая война между Голландіей и только-что образованной Бельгіей, и такъ какъ Франція не могла оставаться равнодушною зрительницей того, что происходило на ея границѣ, то она порѣшила двинуть войска въ Бельгію для защиты ея отъ нападенія Голландіи. вмѣстѣ съ тѣмъ въ официальной газетѣ появилось лаконическое извѣстіе, что, въ виду усложнившихся обстоятельствъ во внѣшней политикѣ, министерство Перье взяло обратно свою отставку. Весьма, впрочемъ, возможно, что Казиміръ Перье послѣ первой вспышки гнѣва, вызванной неудачей при выборѣ президента палаты, отнесся болѣе хладнокровно къ своему положенію, и пришелъ къ тому выводу, что, пожертвовавъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ своихъ убѣжденій, убѣжденіемъ о необходимости сохраненія наслѣдственной пэріи, онъ встрѣтитъ въ палатѣ по всѣмъ другимъ вопросамъ покорное большинство. Въ самомъ дѣлѣ, представлялось совершенно невѣроятнымъ, чтобы страстный защитникъ интересовъ буржуазіи былъ отвергнутъ этой же самой буржуазіей. Пренія, вызванныя отвѣтнымъ адресомъ, показали, насколько справедливо было такое мнѣніе.

Король въ своей рѣчи, при открытіи палаты, между прочимъ, сказалъ: «Пора, наконецъ, чтобы совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ органовъ государственной власти мы положили предѣлъ продолжающимся волненіямъ, которыми питаются преступныя надежды какъ тѣхъ, которые мечтаютъ о возвращеніи падшей династіи, такъ и тѣхъ, которые все еще мечтаютъ о химерѣ республикѣ...» Этотъ параграфъ королевской рѣчи вызвалъ, разумѣется, страстные дебаты между сторонниками министерства и оппозиціей. Послѣдняя предъявила обвинительный актъ противъ системы

Казимира Перье, доказывая, что если на комъ лежитъ отвѣтственность за эти «продолжающіяся волненія», такъ именно на министерствѣ 13-го марта, которое своею реакціонной политикой постоянно раздражаетъ умы. Во время этихъ дебатовъ выступилъ впервые съ политическою рѣчью человѣкъ, не пропускавшій больше съ этого времени вплоть до 1877 года ни одного почти событія безъ того, чтобы не выражать о немъ своего мнѣнія, за исключеніемъ только одного перерыва въ нѣсколько лѣтъ, когда Франція лежала въ глубокомъ летаргическомъ снѣ, въ который она была ввергнута Наполеономъ III и его сподвижниками. Тьеръ выступилъ передъ палатой съ защитой министерства Казимира Перье, и эта защита человѣка, который былъ пока только извѣстенъ какъ либеральный писатель и редакторъ Армана Карреля, имѣла, конечно, для министерства большую цѣну. Въ первой своей политической рѣчи Тьеръ выказался тѣмъ, чѣмъ онъ оставался всю свою жизнь, т.-е. государственнымъ человѣкомъ, обладающимъ большою способностью съ ясностью и легкостью касаться всѣхъ вопросовъ, съ необычайнымъ искусствомъ скользить по ихъ поверхности, не вдаваясь въ подробный разборъ тѣхъ причинъ, которыми они вызваны, не поражая своихъ слушателей глубиною или оригинальностью своихъ идей, но рѣчь его была такъ логична, послѣдовательна, умна, что часто достигала своей цѣли, т.-е. убѣждала слушателей. Онъ взялъ на себя задачу, выступая передъ палатой, доказать, что все, что было сдѣлано съ момента іюльской революціи, сдѣлано прекрасно, что Франція пользуется самой широкой свободой, что администрація ея такова, что лучшей нельзя требовать, и что внѣшняя политика іюльской монархіи стоитъ выше всякихъ похвалъ.

Окидывая бѣглымъ взоромъ отношеніе правительства къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя должны обеспечивать политическую свободу страны, Тьеръ не находитъ ни одного упрека, который можно было бы сдѣлать. Избирательный законъ съ цензомъ въ 200 и 500 франковъ представляется для него самымъ либеральнымъ, настолько по крайней мѣрѣ, что оппозиція не могла желать ничего иного. «Я спрашиваю у всѣхъ добросовѣстныхъ людей, — говорилъ Тьеръ, — не пользуемся ли мы теперь всѣми правами, не пользуемся ли мы всѣмъ тѣмъ, что зовется свободой». Обращаясь къ отношенію правительства къ различнымъ партіямъ, онъ говорилъ такъ: «мнѣ часто приходилось слышать, что правительство преслѣдуетъ патріотовъ, и что оно щадитъ карлистовъ, почти относится къ нимъ съ любовью... Это правда,

что правительство возбуждало болѣе процессовъ противъ людей, которые зовутъ себя «исключительно патріотами», чѣмъ противъ карлистовъ; но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, это несчастный, но необходимый результатъ того, что зовется *законнымъ порядкомъ*. Одна партія работаетъ въ тиши, другая при дневномъ свѣтѣ, вызываетъ волненія, нападаетъ на правительство открытою силою; слѣдовательно, вполне естественно, по мнѣнію Тьера, что правительство преслѣдуетъ передовую партію, и оставляетъ въ покоѣ легитимистовъ. Разсуждая о внутреннемъ положеніи страны, Тьеръ не находитъ сказать ничего другого, онъ не сознаетъ необходимости задаться вопросомъ: отчего же партія «патріотовъ» находится въ постоянномъ волненіи, не объясняется ли это хотя бы только отчасти поведеніемъ самого правительства, неисполненіемъ тѣхъ преобразованій, которыя представлялись столь естественными послѣ іюльской революціи. Высказавъ справедливую мысль, что правительство погибаетъ не отъ ударовъ враговъ, но отъ своихъ собственныхъ злоупотребленій, Тьеръ доказываетъ ею, что правительство въ правѣ болѣе энергично преслѣдовать передовую партію, ту, которая боролась въ іюльскіе дни, въ то время, когда другіе, въ томъ числѣ и самъ Тьеръ, прятались по угламъ, такъ какъ эта партія составляетъ все-таки часть «правительственной партіи». Если правительство старается удержать и подавить извѣстную фракцію своей собственной партіи, то это доказываетъ, что оно дѣйствуетъ правильно, что оно мудро судить о своемъ положеніи; это доказываетъ, что оно задумывалось надъ причинами гибели предшествовавшихъ ему правительствъ. «Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ погибли правительства, которыя смѣнила іюльская монархія? Какъ кончилась революція 1789 г.? Развѣ соединенными на нее нападеніями? Нѣтъ; она погибла отъ собственныхъ злоупотребленій. Какъ закатилась громадная слава имперіи? Она злоупотребляла собой, она кончила самоубійствомъ. Наконецъ, реставрація, развѣ ее погубилъ одинъ изъ нашихъ заговоровъ? Нѣтъ, она убила себя добровольно, нарушая законы страны. Изъ того, что правительство выказываетъ больше заботливости сдержать свою собственную партію скорѣе, чѣмъ всякую другую, слѣдуетъ только, что оно лучше знаетъ свое положеніе, исторію и политику. Люди, вышедшіе изъ нашихъ рядовъ, ошибались, нападая съ оружіемъ въ рукахъ на правительство, основанное на принципѣ, который они сами защищали, и которому доставили торжество. Ихъ нужно жалѣть и опасаться. Я убѣжденъ, что въ нихъ настоящая опас-

ность, опасность самая серьёзная, которая угрожаетъ настоящему правительству».

Если можетъ быть дешевый способъ разсужденій, такъ это именно тотъ, къ которому прибѣгалъ Тьеръ. Довольный установленіемъ іюльской монархіи, послѣ продолжительнаго кошмара имперіи и реставраціи, онъ совершенно закрывалъ глаза на тѣ законныя требованія, которыя предъявлялись къ новому порядку. Порядокъ этотъ доставилъ политическое господство буржуазіи, къ которой принадлежалъ Тьеръ, точно также какъ реставрація желала доставить господство аристокраціи, добровольно преклонившейся передъ королевскою властью. Въ этомъ отношеніи эти два порядка походили другъ на друга. Если противъ реставраціи боролись не только буржуазія, но и остальное населеніе, то не было причины, чтобы это остальное населеніе не продолжало своей борьбы и противъ іюльской монархіи, если послѣдняя не желала понять, что задача ея гораздо шире, нежели служить выразительницей и представительницей одной буржуазіи. Когда іюльская монархія показала, что она не хочетъ удовлетворить инымъ требованіямъ, чѣмъ тѣ, которыми эгоистически довольствовалась буржуазія, тогда естественно прерванная-было борьба должна была снова возобновиться. И потянулся тогда длинный рядъ волненій, политическихъ процессовъ, взаимныхъ обвиненій и нападеній. Каждый день почти преслѣдовались газеты, каждый мѣсяцъ правительство открывало тайныя общества, заговоры, и чѣмъ суровѣе были мѣры, принимаемыя правительствомъ, тѣмъ энергичнѣе становились нападенія враговъ правительства. Последнее, разумѣется, одерживало легкія побѣды надъ отдѣльными людьми, надъ небольшими группами, но каждая такая побѣда подкашивала нравственный авторитетъ того «законнаго порядка», о которомъ говоритъ Тьеръ, пока, наконецъ, само правительство своими преслѣдованіями и своей реакціей не вырыло себѣ ямы, въ которую съ грохотомъ и провалилось. Тьеръ же, какъ въ своей первой, такъ и въ послѣдующихъ рѣчахъ, констатировалъ фактъ волненій, борьбы и набѣговъ передовой партіи, радовался легкимъ побѣдамъ правительства, но не заглядывалъ въ даль, не старался разсмотрѣть, куда же должно привести все растущее недовольство передовой партіи, благодаря которой и могла быть только установлена іюльская монархія. Онъ же, какъ государственный человѣкъ, долженъ былъ понимать, что нѣтъ и не можетъ быть такого правительства, какъ бы сильно оно ни казалось, на какую преданную армію оно бы ни опиралось, которое могло бы вести непрестанную и продолжительную внутреннюю

борьбу; что, несмотря на свое видимое торжество, на свои кажущіяся побѣды, на всѣ свои трофеи, въ образѣ уничтоженныхъ газетъ и журналовъ, громадныхъ тюремъ, переполненныхъ политическими преступниками, десятковъ воздвигнутыхъ эшафотовъ, все-таки это правительство вынуждено или уступить напору общественныхъ требованій, или пасть въ совершенномъ изнеможеніи отъ долго и систематически нанесенныхъ ему, хотя бы и не кровавыхъ, уколовъ.

Тьеръ не смотрѣлъ такъ далеко, и потому онъ съ необычайною смѣлостью утверждалъ, что политика Казимира Перье есть лучшая политика, какую только возможно себѣ представить. Принявъ на себя защиту министерства 13-го марта, Тьеръ не ограничился одною внутреннею политикой, онъ пришелъ къ защитѣ и вѣншней политики кабинета Казимира Перье, и нужно отдать ему справедливость, его воззрѣнія на отношеніе Франціи къ другимъ государствамъ Европы далеко не отличались тою поверхностностью, какую онъ выказалъ въ своихъ взглядахъ на внутреннія дѣла.

Не только оппозиція въ палатѣ, но и почти вся передовая партія была твердо увѣрена въ неизбежности европейской войны. Эта увѣренность проистекала главнымъ образомъ изъ желанія, чтобы Франція не осталась глуха къ тому призыву, который дѣлался ей изъ Бельгіи, Италіи и Польши. Революціонное движеніе въ этихъ странахъ было несомнѣнно вызвано іюльской революціей, и вся партія «движенія» требовала, чтобы Франція взяла на себя починъ освобожденія народовъ изъ-подъ власти абсолютизма. Люди передовой партіи думали, что политическая свобода только тогда твердо укрѣпится во Франціи, когда она процвѣтетъ и среди другихъ странъ, когда надъ этой свободой не будетъ постоянно висѣть Дамокловъ мечъ деспотизма, подъ властью котораго прозябали въ то время другіе народы Европы. Словомъ, они желали, чтобы Франція 30-хъ годовъ XIX стол. шла по слѣдамъ Франціи 90-хъ годовъ XVIII вѣка. Іюльская же монархія въ лицѣ Луи-Филиппа не только не желала ничего подобнаго, что представляется вполнѣ естественнымъ, но она, напротивъ, заискивала у абсолютныхъ государей, извиняясь за «катастрофу», которой она обязана была своимъ существованіемъ — что, конечно, совсѣмъ уже не отвѣчало достоинству великаго народа. Озлобленіе противъ подобнаго поведенія правительства по отношенію къ другимъ государствамъ достигло до крайней степени, и нужно сказать, что оно не ограничивалось только образованными классами, а проникло и въ рабочее населеніе.

Тьеръ въ своей рѣчи, защищая Казимира Перье, возсталъ противъ такого идеализма въ политикѣ. Идеализмъ этотъ, безспорно, былъ крайне вреденъ. Не будь его, быть можетъ великая революція не кончилась бы Наполеономъ I. «Я бы не оттолкнулъ пропаганды,—говорилъ Тьеръ,—какъ одного изъ средствъ войны, если бы она имѣла какую-нибудь дѣйствительность; но я бы желалъ, чтобы въ серьезныхъ обстоятельствахъ не питались иллюзіями. Пропаганда во время мира,—да, господа; но пропаганда во время войны—это химера, глупость. Думаете ли вы, что если бы свобода явилась при посредствѣ австрійскихъ штыковъ, то ея появленіе съ такимъ cortejo было бы принято съ удовольствіемъ? Нѣтъ, господа, если бы свобода предстала намъ въ іюлѣ въ такомъ видѣ, развѣ мы приняли бы ее? Я хочу свободы, я желаю ее не менѣе чѣмъ кто-либо другой, но я не принялъ бы ее изъ рукъ австрійцевъ. Такое чувство нужно предполагать и у другихъ народовъ. Когда вы понесете имъ свободу, они могутъ быть благодарны вамъ за порядокъ, но не за тотъ способъ, которымъ вы сдѣлали его. Я понимаю, чтобы свобода приходила черезъ журналы, черезъ литературу, чтобы всѣ народы питались тѣмъ, что происходитъ въ Парижѣ; но когда мы расположимъ наши бивуаки на ихъ поляхъ, на краю ихъ городовъ, иностранцы не благословятъ нашихъ усилій». Нужна была извѣстная смѣлость, чтобы выразить ту мысль, что война плохое средство для пропаганды свободы, какъ разъ въ то время, когда населеніе особенно волновалось событіями, которыя происходили, главнымъ образомъ, на берегахъ Вислы. Польскій вопросъ въ 30-хъ годахъ во Франціи сдѣлался почти французскимъ вопросомъ. Французы съ лихорадочнымъ жаромъ слѣдили за каждымъ движеніемъ той драмы, которая разыгрывалась подъ стѣнами Варшавы. Каждое дурное извѣстіе вызывало волненіе, уличное движеніе; народъ, молодежь собирались на улицахъ съ криками: *vive la Pologne! à bas les tyrans!* и часто эти движенія принимали тревожный характеръ. Сегодня толпа окружала домъ русскаго посольства и передъ этимъ домомъ выражала свое негодованіе, завтра толпа двигалась къ министерству иностранныхъ дѣлъ, съ цѣлю понудить его на какой-либо шагъ для спасенія возставшей Польши. Однимъ изъ обвиненій министерства Казимира Перье со стороны оппозиціи служило именно отношеніе его къ Польшѣ. Франція, — говорила оппозиція, подстрекала Польшу къ возстанію, Франція же и предала ее въ рѣшительную минуту. Тьеръ, принявшій на себя защиту министерства, не могъ не высказаться и по этому вопросу: «Что ка-

сается до Польши,—говорилъ онъ,—то нужно было бы обладать нечеловѣческимъ сердцемъ, чтобы не быть тронутымъ изумительными усиліями этой геройской націи, чтобы не желать, чтобы она воскресла среди народовъ и служила защитой для западной части Европы. Но справедливы ли тѣ упреки, которыя дѣлаются правительству по поводу Польши? Вмѣшаться въ дѣло Польши можно только посредствомъ переговоровъ, но не посредствомъ войны. Война! но развѣ возможно предлагать такое средство. Съ тѣхъ поръ, что война завязалась, съ тѣхъ поръ, что поляки съ такимъ геройствомъ сопротивляются русскимъ, каковы наши опасенія? — чтобы новый врагъ не присоединился для того, чтобы докончить эту несчастную націю; чтобы Пруссія и Австрія, дурное расположеніе которыхъ достаточно извѣстно, не послали каждая по 20,000 человѣкъ, чтобы атаковать Варшаву со стороны лѣваго берега Вислы. Кто помѣшалъ такимъ движеніямъ, которыя безповоротно привели бы немедленно къ гибели Польши? Это—миръ; такъ какъ прежде, чѣмъ вы двинулись бы ей на помощь, Польша была бы вычеркнута изъ списка націй. Очевидно, что вы удержали Пруссію и Австрію только миромъ...» Рѣчь Тьера была покрыта громкими рукоплесканіями, отвѣтныи адресъ королю въ духѣ министерства Казимира Перье былъ вотированъ значительнымъ большинствомъ; словомъ—Казимиръ Перье, въ значительной степени благодаря Тьеру—одержалъ полную побѣду. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта рѣчь вызвала окончательный разрывъ между партією «движенія» и Тьеромъ, и Арманъ Каррель въ одной изъ своихъ ѣдкихъ статей причислилъ Тьера, своего бывшего союзника, къ партіи «интригановъ». Оппозиціи не трудно было доказать, что политика Тьера,—это политика постоянного лавированія, что онъ скользитъ по вопросамъ, не касаясь ихъ сущности, что во всемъ, что онъ высказывалъ по поводу внутренней политики, крылась одна декламация, что во многомъ, что онъ говорилъ относительно внѣшней политики, сквозило самое поверхностное сужденіе. Вы толкуете, говорила ему оппозиція, по поводу польскаго вопроса, что только миръ спасъ Польшу отъ гибели; но если вы называете это спасеніемъ, то что же тогда гибель? Запугивая «анархіей» внутри, войной внѣ государства, Тьеръ всегда могъ рассчитывать имѣть на своей сторонѣ представителей буржуазіи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой рѣчи, министръ иностранныхъ дѣлъ генераль Себастьяни произнесъ въ палатѣ свою знаменитую фразу: «l'ordre règne à Varsovie!» Крикъ бѣшенства раздался какъ въ палатѣ, такъ и на улицѣ; всѣ очень

хорошо знали, что подъ словомъ «порядокъ» нужно разумѣть цѣлую рѣку крови. Въ продолженіи четырехъ дней Парижъ былъ въ неопisanномъ волненіи; извѣстіе о пораженіи собственной арміи не было бы принято съ большимъ отчаяніемъ, чѣмъ извѣстіе о паденіи Варшавы. Министерство обвинялось въ предательствѣ Польши, въ униженіи французской политики, протестъ готовъ былъ перейти въ возстаніе, на нѣкоторыхъ изъ парижскихъ улицъ выросли баррикады. Это волненіе отразилось въ палатѣ двумя запросами министерству, изъ которыхъ одинъ касался внѣшней, другой внутренней политики. Тьеръ въ обоихъ случаяхъ явился на помощь министерству. Въ своей рѣчи, посвященной внѣшней политикѣ, онъ выражалъ затаенную мысль правительства, заставлявшую его искать мира во что бы то ни стало: мысль эта та, что «война имѣла бы своимъ послѣдствіемъ революціонное правительство». Что же касается внутренней политики, то онъ прибѣгъ къ рутинному приему, закрывая правительство щитомъ, на которомъ стояли слова: безпорядокъ и анархія!—всегда настолько могущественныя, чтобы какъ одного человека увлечь за собою напуганную буржуазію. Ободренный громкими одобреніями большинства, Тьеръ не побоялся выражать, что іюльская монархія представляется въ его глазахъ идеаломъ, дальше котораго нечего искать. «Мы говоримъ, выражался онъ, что правительство должно всегда слушаться палаты; что по формѣ нашего правительства страна управляется сама собой; что въ этомъ отношеніи представительная монархія есть лучшая изъ республикъ. Въ самомъ дѣлѣ, граждане собираются, палата депутатовъ избирается ими; страна, при посредствѣ своихъ представителей, обсуждаетъ свои собственные дѣла; она не назначаетъ министровъ, но указываетъ на нихъ; она въ сущности назначаетъ ихъ путемъ своего вліянія: вотъ истинное правительство, которое мы называли верховною властью народа, въ томъ смыслѣ, что правительство дѣйствуетъ во имя народнаго блага». Изъ этой небольшой цитаты можно уже видѣть, какъ мало въ это время понималъ Тьеръ сущность истиннаго конституціонализма или, если и понималъ, то насколько неискренно было его желаніе, чтобы іюльская монархія превратилась въ серьезное конституціонное правительство. Развѣ словъ его о верховной власти народа не можетъ примѣнить къ себѣ самое абсолютное изъ абсолютныхъ правительствъ, выставляя на видъ, даже тогда, когда оно предается относительно страны самымъ бѣшеннымъ сатурналіямъ, что оно дѣйствуетъ во имя народнаго блага. Но большинство палаты вполнѣ удовлетворилось такими объясне-

ніями, и по инициативѣ Гизо, палата выразила Казиміру Перье свое полное довѣріе.

Торжество министерства было полное, но вскорѣ, впрочемъ, оно должно было омрачиться тою унизительною ролью, которую оно должно было разыграть въ вопросѣ о наслѣдственности пэріи.

Вопросъ о наслѣдственности пэріи, въ которой подразумевается вопросъ о составѣ второй палаты, имѣлъ, разумѣется капитальное значеніе съ принципиальной точки зрѣнія. Всякая наслѣдственность власти противна демократическому строю государства. Демократическій принципъ допускаетъ только по отношенію къ власти одно начало, это свободный выборъ гражданъ, выборъ, основанный на довѣріи къ лицу, на его личныхъ способностяхъ, личныхъ талантахъ, личной честности. Такъ какъ способности, талантъ, честность, это такія свойства, которыя могутъ, конечно, переходить, но еще чаще не переходятъ отъ отца къ сыну и т. д., то совершенно естественно, что демократическое начало не допускаетъ наслѣдственности власти, такъ какъ иначе оказалось бы, чему и въ прошломъ и въ настоящемъ слишкомъ много примѣровъ, что власть достанется въ руки человѣка ограниченного, тупого, злого, словомъ, лишеннаго всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя нужны для лица, облеченнаго властью. Чистая монархія божественнаго права предполагаетъ, что лицо, призванное стать во главѣ государства, всегда будетъ отличаться всѣми необходимыми качествами. Это есть извѣстная презумпція, находящая себѣ оправданіе именно въ принципѣ божественнаго права, не допускающаго никакой критики, никакого обсужденія. Въ прямомъ противорѣчій съ принципомъ божественнаго права стоитъ принципъ демократическій, основанный на верховной власти народа, который и предоставляетъ власть избраннымъ имъ съ полною свободою лицамъ.

Конституціонная монархія является компромиссомъ между этими двумя противоположными принципами, причемъ каждый изъ нихъ тянетъ въ свою сторону, въ одномъ случаѣ приближая конституціонную монархію къ принципу божественнаго права, въ другомъ къ принципу демократическому. Конституціонная монархія реставраціи очевидно ближе была къ первому изъ этихъ двухъ принциповъ, и потому естественно она окружала себя такими учрежденіями, какъ наслѣдственная пэріа, т.-е. привилегированною кастою людей, близкихъ къ престолу, черпающихъ у подножія трона обильныя милости, богатство, всяческія отличія. Эта каста противопоставляется народу, на нее опи-

рается монархъ, требуя отъ нея только преданности и повиновения. Іюльская монархія, вышедшая изъ революціи и призванная замѣнить реставрацію, должна была быть конституціонною монархіею, болѣе приближающеюся къ демократическому принципу. Если народъ согласился на сохраненіе наслѣдственной династіи, то это была уступка, изъ которой, разумѣется, не слѣдовало, чтобы онъ согласился на сохраненіе наслѣдственности власти другого еще учрежденія, несогласнаго съ демократическимъ началомъ. Учрежденія іюльской монархіи должны были быть приспособлены къ демократическому духу, иначе кровавая борьба была бы бесплодна; иначе не было основанія замѣнять старшую линію Бурбоновъ младшею. Вотъ почему отмѣна наслѣдственной пэріи являлась неизбѣжнымъ, логическимъ послѣдствіемъ новаго порядка.

Въ хартіи 1814 года была помѣщена статья 13-я, говорившая, что «власть законодательная принадлежитъ совокупно королю, палатѣ пэровъ и палатѣ депутатовъ департаментовъ. Затѣмъ, вполнѣ согласно съ характеромъ конституціонной монархіи реставраціи, хартія заключала въ себѣ ст. 27, которая опредѣляла, что «назначеніе пэровъ Франціи принадлежитъ королю. Число ихъ не ограничено: король опредѣляетъ ихъ санъ, назначаетъ ихъ пожизненно или дѣлаетъ наслѣдственными». Въ конституціи 1830 года статья 13-я осталась безъ перемѣны, за исключеніемъ слова: «департаментовъ», такъ какъ признавалось, что каждый депутатъ представляется депутатомъ Франціи, а не того или другого департамента. Но статья 27-я подлежала перемѣнѣ, и какъ ни поспѣшно была передѣлана хартія 1814 года, тѣмъ не менѣе палата, желавшая внести какъ можно менѣе существенныхъ перемѣнъ, остановилась въ раздумьи передъ статьею, устанавливающею наслѣдственность пэріи. Хотя въ конституціи 14-го августа 1830 г. законъ этотъ и остается безъ измѣненія, но въ § 68 было сказано: «Статья 23 (въ хартіи 1814 г. ст. 27). хартіи подлежитъ новому пересмотру въ сессію 1831 года».

Такимъ образомъ, вопросъ о составѣ второй палаты, о наслѣдственности пэріи былъ волей-неволей поставленъ на очередь. Какъ онъ будетъ разрѣшенъ—вотъ что занимало умы съ самаго возникновенія іюльской монархіи, вотъ что руководило направленіемъ послѣднихъ выборовъ въ палату депутатовъ. Луи-Филиппъ, несмотря на то, что при своемъ вступленіи на престолъ не жаловался, когда про него говорили, что онъ будетъ лучшею изъ республикъ,—не менѣе кого-либо другого дорожилъ атрибутами и прерогативами королевской власти. Ради-

калъ, и притомъ изъ самыхъ красныхъ, во время великой революціи, онъ былъ пропитанъ идеею о величій королевской власти стараго образца, и потому ни мало не желалъ разстаться съ наслѣдственною пѣріею. Его приближенные знали какъ нельзя лучше, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ того, чтобы законъ реставраціи остался въ полной силѣ. Это желаніе раздѣляла и вся реакціонная партія, которая видѣла въ уничтоженіи наслѣдственной пѣріи громадную уступку демократическому духу. Къ этой послѣдней партіи принадлежалъ и Казиміръ Перье, и король, призвавъ его къ власти, надѣялся, что ему удастся отстоять въ палатѣ дорогое для него учрежденіе. Но какъ ни велико было обаяніе на буржуазію Казиміра Перье, вся сила котораго заключалась въ непрестанномъ повтореніи словъ: я задую анархію!—тѣмъ не менѣе въ этомъ вопросѣ она рѣзко разошлась съ своимъ вождемъ и оказала ему рѣшительное сопротивленіе. Буржуазія вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что ея «кошелекъ долженъ исключительно служить источникомъ власти», и потому не желала, чтобы выше ея была поставлена каста людей, которой наслѣдственно принадлежала бы власть. Если она соглашалась на существованіе палаты не наслѣдственныхъ пѣровъ, то только потому, что была увѣрена, что ея представители займутъ тамъ подобающее имъ мѣсто. Не будь этой увѣренности, весьма возможно, что самая необходимость существованія второй палаты была бы подвергнута сильному сомнѣнію.

Вопросъ объ одной или двухъ палатахъ представляется однимъ изъ существенныхъ вопросовъ конституціонной системы. Въ 30-хъ годахъ было уже достаточно людей, которые отрицали необходимость второй палаты, которые спрашивали, къ чему она существуетъ, какое она должна имѣть значеніе? Если эта палата, которая раздѣляетъ съ палатою депутатовъ законодательную власть, состоитъ изъ наслѣдственныхъ членовъ, то въ такомъ случаѣ она является лишнимъ обломкомъ стараго порядка, враждебнымъ демократическому принципу. Если она состоитъ изъ лицъ, назначенныхъ представителемъ верховной власти, въ такомъ случаѣ, эта власть усиливается въ ущербъ власти представителей народа, что во всякомъ случаѣ не можетъ быть желательно. Если же, наконецъ, она состоитъ изъ выборныхъ членовъ, въ такомъ случаѣ она представляетъ собою лишнюю и ненужную копію палаты депутатовъ, служащую только поводомъ къ нежелательнымъ столкновеніямъ. Обыкновеннымъ аргументомъ въ пользу необходимости второй палаты служить то, что эта вторая палата служитъ противовѣсомъ палаты депутатовъ,

что она является сдерживающимъ элементомъ, способнымъ остановить слишкомъ быстрое теченіе недостаточно созрѣвшихъ преобразованій. Но такой аргументъ представляется очевидно несостоятельнымъ, такъ какъ онъ вытекаетъ изъ воззрѣнія на представителей народа, какъ на несовершеннѣйшихъ, нуждающихся въ постоянной опеѣ. Между тѣмъ такая опека не только тормазитъ дѣло, но она идетъ въ разрѣзъ съ демократическимъ принципомъ, верховною властью народа. Выразителемъ этой идеи о ненужности второй палаты явился одинъ изъ депутатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ замѣчательныхъ писателей Франціи, съ которымъ мы будемъ имѣть случай ближе познакомить читателя, — Корменень, оставившій послѣ себя цѣлый рядъ самыхъ ѣдкихъ и острыхъ памфлетовъ. «Они признаютъ перію, — говоритъ онъ о министрахъ, однимъ изъ самыхъ жизненныхъ элементовъ представительнаго правленія; перія, которая не представляетъ собою ни королевской власти, такъ какъ существуетъ король, ни демократіи, такъ какъ она не исходитъ изъ народа, ни аристократіи, такъ какъ нѣтъ болѣе аристократіи. Они имѣютъ притязаніе придать силу трону и самой періи, и не сознаютъ, что министерскія креатуры разобьются о популярность депутатовъ. Они обѣщаютъ открыть двери этой палаты знаменитостямъ страны, и не знаютъ, что независимые люди всегда будутъ относиться съ пренебреженіемъ къ политической власти, не вытекающей изъ выборовъ. Они не догадываются, что съ королевскимъ назначеніемъ, прямымъ и неограниченнымъ, ихъ палата пэровъ будетъ представлять не что иное какъ родъ государственнаго совѣта, переднюю двора, комиссію изъ чиновниковъ, связанныхъ министерскимъ игомъ, законодательную богадельню для стариковъ. Они желаютъ гармоніи между двумя палатами, и не видятъ, что одна, постоянно обновляемая, постоянно будетъ воодушевлена прогрессивнымъ духомъ, въ то время, какъ другая, по мѣрѣ того, что она будетъ старѣть, будетъ пятиться назадъ и не принесетъ съ собою въ разсмотрѣніе дѣлъ ничего иного какъ дряхлость ретрограднаго духа... Они воображаютъ въ ихъ иллюзіи, что перія можетъ служить скалою пріюта и безопасности, гдѣ будетъ искать убѣжища то умирающая свобода, то туда прислонится монархія противъ волны народныхъ сотрясеній; и они не припоминаютъ, что перія не могла спасти Людовика XVIII, 20-го марта, Наполеона послѣ Ватерлоо, Карла X, 29-го іюля, и что она не сумѣла защищать ни королевской власти, ни свободы, ни себя самой. Они опасаются, что безъ періи, безъ аристократіи, безъ наслѣдственности, въ

наши нравы, въ наши законы, въ наше правительство скоро проникнетъ республика, и они не видятъ, что дѣло почти уже сдѣлано»... Выводъ Корменена былъ тотъ, что вторая палата, какъ только мѣшающая единству дѣйствія политическаго организма, должна быть вовсе устранена.

Но это крайнее для того времени мнѣніе, которое и теперь еще, когда мы обогатились политическимъ опытомъ, съ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу, не могло встрѣтить многочисленныхъ сторонниковъ; политическій предразсудокъ о необходимости второй палаты былъ слишкомъ великъ, чтобы палата депутатовъ могла склониться въ пользу совершенной отмѣны палаты пэровъ. Для большинства палаты депутатовъ было достаточно и того, что она твердо рѣшилась не допускать наслѣдственности пэріи, и въ случаѣ надобности готова была даже купить это уничтоженіе наслѣдственности дорогою цѣною — пожертвованіемъ Казимира Перье. Но надобности въ такомъ жертвоприношеніи не оказалось. Казимиръ Перье, несмотря на свой узкій, ограниченный умъ, не могъ все-таки не понять, что борьба будетъ напрасна, что если онъ будетъ настаивать на сохраненіи наслѣдственности пэріи, то онъ утратитъ только власть, и потому этотъ человекъ, убѣжденія котораго выставлялись, какъ не уступающая никакому давленію гранитная скала, въ первый же разъ, что онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе, уступилъ, и ради сохраненія власти пожертвовалъ однимъ изъ самыхъ глубокихъ его убѣжденій — убѣжденіемъ въ необходимости наслѣдственности пэріи. Онъ внесъ въ палату ненавистный для него проектъ закона, въ силу котораго вторая палата должна была состоять только изъ пожизненныхъ членовъ, по назначенію короля. Даже этотъ проектъ Казимиръ Перье не могъ отстоять въ его первоначальномъ видѣ: палата депутатовъ стѣснила выборъ короля опредѣленіемъ извѣстныхъ категорій лицъ, изъ которыхъ король только и могъ назначать членовъ во вторую палату.

Несмотря на то, что проектъ объ уничтоженіи наслѣдственности пэріи исходилъ отъ самого правительства, ни королю, ни Казимиру Перье не хотѣлось окончательно проститься съ надеждою сохранить это лишнее звено съ старымъ порядкомъ, и потому защита наслѣдственности пэріи была поручена въ палатѣ людямъ, стоявшимъ близко къ престолу, но не принадлежащимъ къ министерству — Ройе-Коллару, Гизо и автору «Исторіи французской революціи» и страстному врагу реставраціи Тьеру.

Что Ройе-Колларъ и Гизо защищали наслѣдственность пэріи, въ этомъ, разумѣется, не было ничего удивительнаго. И тотъ, и

другой не были сторонниками демократическаго принципа, оба они были людьми переходной эпохи, отставшими отъ однихъ и не приставшими къ другимъ. Оба они признавали конституціонную монархію, но только того типа, который болѣе склоняется къ принципу стараго порядка. Въ устахъ Гизо были совершенно понятны слова, что только наслѣдственная палата служить вѣрною гарантіею прочности и свободы, для него это дѣйствительно была «истина, которую разумъ предчувствуетъ, которую опытъ подтверждаетъ, которую допускали, до 1830 года, почти всѣ просвѣщенные друзья конституціонной монархіи, и которую могутъ считать ни во что только сторонники демократической республики, потому что они вовсе не хотятъ монархіи». Для него конституціонная монархія настолько и имѣетъ цѣну, насколько она не отвергаетъ принципа наслѣдственности и ставитъ его рядомъ съ демократическимъ началомъ — избраніемъ. «Представительная монархія, — повторяетъ онъ въ своихъ мемуарахъ то, что онъ говорилъ съ трибуны, — можетъ соединить и заставить дѣйствовать вмѣстѣ эти два принципа: только благодаря этому она и представляетъ собою превосходное правительство, которое даетъ всѣмъ общественнымъ интересамъ, какъ гражданскимъ, такъ и политическимъ, какъ семьѣ, такъ и государству, какъ свободѣ, такъ и власти, лучшій залогъ силы и безопасности».

Если такія слова въ устахъ Гизо были совершенно понятны, то далеко того же самаго нельзя было бы сказать про Тьера, всегда выставлявшаго себя, какъ въ своихъ историческихъ трудахъ, такъ и въ своей публицистической дѣятельности, горячимъ защитникомъ демократическаго принципа. Между тѣмъ въ своей рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ, по поводу наслѣдственности пэріи, другими словами, болѣе живыми, онъ высказывалъ ту же мысль что и Гизо.

Взявшись защищать наслѣдственность пэріи, какъ необходимый элементъ представительной монархіи, Тьеръ выказалъ въ полномъ блескѣ всю эластичность своего ума, все богатство своего ораторскаго искусства, заключавшагося въ умѣньи вести легкую, поверхностную бесѣду по поводу самыхъ сложныхъ вопросовъ, всю разносторонность своего образованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ самая тема представляла такія трудности для защиты, что онъ волей-неволей долженъ былъ переполнить свою рѣчь цѣлою массою рѣзко бросающихся въ глаза парадоксовъ и софизмовъ. «Наблюденіе, — говорилъ онъ, — раскрыло всѣмъ публицистамъ три формы правительства: правительство чисто монархическое, правительство чисто-аристократическое, правительство чисто-демокра-

тическое». Каждое изъ этихъ трехъ правительствъ дурно. Чистая монархія дурна, потому что, рядомъ съ единствомъ воли, являются капризы государя, смѣна хорошихъ правителей дурными, придворныя интриги и т. п. Чистая аристократія нехороша, такъ какъ создаетъ духъ исключительности; наконецъ, при демократическомъ правительствѣ всегда является неустойчивость, рядъ непоследовательностей, смѣна смѣлости слабостью. Вотъ почему, по мнѣнію Тьера, явилась необходимость создать такое правительство, которое заключало бы въ себѣ всѣ хорошія стороны чистой монархіи, чистой аристократіи и чистой демократіи, и исключала всѣ дурныя. Такимъ правительствомъ и явилась представительная монархія, которая и соединяетъ въ себѣ королевскую власть, аристократію и демократію. Изъ этихъ трехъ элементовъ королевская власть, — какъ онъ выражался въ то время, хотя и не совсѣмъ справедливо, въ чемъ онъ скоро могъ убѣдиться — «къ счастью не оспаривается». Демократическое начало получило также право гражданства. «Въ древнія времена, среди республикъ древности, нельзя было обращаться къ странѣ, узнать ея мнѣніе — иначе, какъ цѣною часто самыхъ серьезныхъ безпорядковъ, этимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ шумныхъ собраній на публичныхъ площадяхъ... Представительная монархія представляетъ нѣчто болѣе прекрасное, болѣе высокое. Она призываетъ избранниковъ націи обсуждать ея интересы, и въ этихъ стѣнахъ форумъ древнихъ превратился (простите за выраженіе) въ салонъ честныхъ людей»... Третій элементъ: аристократія — оспаривается, и его-то Тьеръ беретъ подъ свою защиту. Онъ исходитъ изъ того положенія, которое онъ съ большою смѣлостью выставляетъ какъ аксіому, что между королевскою властью и демократическимъ собраніемъ долженъ существовать посредникъ, который сдерживалъ бы народныя страсти, и такимъ посредникомъ можетъ быть только наслѣдственная аристократія.

Никто лучше самого Тьера не доказываетъ, что въ пользу этого рутиннаго мнѣнія нельзя представить ни одного серьезнаго аргумента. Вся эта пространная часть рѣчи, посвященная доказательству необходимости наслѣдственной аристократіи, построена исключительно на разсужденіи, что народъ обуреваемъ страстями, что эти страсти будутъ отражаться на рѣшеніяхъ его избранниковъ, и вслѣдствіе этого общественный строй будетъ лишень устойчивости. «Прежде всего и во всемъ нужно постоянство. Нужно, чтобы правительство обладало имъ въ высокой степени; нужно, чтобы оно отличалось твердостью въ осуществленіи своихъ принциповъ; только этимъ путемъ оно достигнетъ величія».

Такое постоянство, по мнѣнію Тьера, составляетъ исключительный удѣлъ палаты пэровъ, которая «не зависѣла бы отъ страсти дня, т.-е. которая не была бы составлена путемъ выборовъ, которая одинаково дорожила бы короной, во имя своихъ консервативныхъ интересовъ, и страной, во имя своихъ владѣній и той роли, какую она въ немъ играетъ».

Тьера нисколько не смущало возраженіе, что достоинства, умъ, знаніе, таланты не переходятъ отъ отца къ сыну. «То, что я говорю, мнѣ кажется, разрѣшаетъ вопросъ. Что именно, сказалъ я, желаю я встрѣтить въ этой палатѣ? Традиціи. Но, господа, умъ не передается, — положимъ; но традиціи передаются, и этого достаточно для той цѣли, какую мы преслѣдуемъ». Такого рода положеніе, разумѣется, не могло дѣйствовать на палату убѣдительно.

Таимъ же парадоксомъ отдѣляется Тьеръ отъ другого возраженія, что наслѣдственная пэрія составляетъ привилегію, не согласную болѣе ни съ нравами, ни съ законами страны, что она противорѣчитъ духу іюльской революціи. Привилегія никакой нѣтъ, отвѣчалъ на это Тьеръ, есть одно — это общественная польза, и «если признано полезнымъ, дѣйствительно полезнымъ довѣрить нѣсколькимъ лицамъ наслѣдственное право участія въ составленіи законовъ, то это уже будетъ не привилегія, а право, такое же какъ и право королевской власти, основанной на общей пользѣ». Противникамъ его на это легко было отвѣчать, что они и дѣлали: если страна соглашается допустить привилегію королевской власти, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы она готова была терпѣть и другую привилегію наслѣдственной пэрії, тѣмъ болѣе, что польза ея не только не доказана, но доказано прямо противоположное.

Болѣе всего, разумѣется, Тьеръ разсчитывалъ на примѣръ Англіи. Тамъ — представительная монархія, которая постоянно идетъ впередъ по пути политическаго прогресса, тамъ — рядомъ съ королевскою властью и выборною палатою существуетъ наслѣдственная аристократія; слѣдовательно, заключалъ Тьеръ, нѣтъ никакого основанія, чтобы и конституціонная монархія во Франціи была устроена иначе. Но и этотъ доводъ Тьера былъ разбитъ въ пухъ и прахъ цѣлымъ рядомъ самыхъ замѣчательныхъ статей Армана Карреля, въ которыхъ онъ доказывалъ съ неопровержимою логикою, что то, что возможно въ Англіи, невозможно во Франціи, что въ Англіи существуетъ вѣками сильная аристократія, которая никогда не поступалась не только своими собственными правами, но защищала и права народа, что во Франціи ари-

стократія сама наложила на себя руку, что она была унижена, порабощена кардиналомъ Ришельё и Людовикомъ XIV, что французская аристократія, отказавшись въ минуту восторженнаго порыва отъ всѣхъ своихъ привилегій въ знаменитую ночь 4-го августа, затѣмъ, спохватилась и участвовала во всѣхъ заговорахъ европейскихъ государствъ противъ Франціи, что она двадцать разъ измѣняла своей родинѣ, и вырыла между собою и народомъ цѣлую пропасть, для которой нѣтъ достаточно земли, чтобы ее засыпать.

У Тьера, впрочемъ, былъ запасъ еще другого рода аргументовъ, болѣе приспособленныхъ для того, чтобы подѣйствовать на представителей буржуазіи. Эти аргументы сводились къ лести и къ запугиванію. Лстивые аргументы были таковы: въ каждомъ обществѣ существуютъ люди, которые выдвигаются впередъ своимъ талантомъ, своимъ богатствомъ, своими способностями. Эти люди передаютъ завоеванное ими положеніе своимъ дѣтямъ, и такимъ образомъ во всѣхъ профессіяхъ, въ торговлѣ, въ арміи, въ магистратурѣ, въ политикѣ появляются знатныя фамиліи, будутъ великіе банкиры, великіе промышленники, великіе фабриканты, и эти знатныя фамиліи будутъ между собою соединяться и образуютъ новую аристократію. Ей нужно будетъ дать выходъ, дать участіе во власти, ее нужно будетъ «нейтрализовать». Что вы сдѣлаете безъ наслѣдственной пэріи, которая послужитъ гаванью для этихъ знатныхъ семействъ. Представители буржуазіи могли, разумѣется, испытывать удовольствіе, любуясь тою картиною ихъ будущей знатности, которую Тьеръ рисовалъ имъ въ такихъ ослѣпительныхъ краскахъ, но эта картина была картиною будущаго, а въ настоящемъ они стояли передъ тою аристократіею, которая такъ недавно еще, по словамъ Тьера, имѣла право оскорблять буржуазію, безъ того, чтобы членъ этой буржуазіи имѣлъ даже право требовать удовлетворенія. Настоящее же всегда сильнѣе дѣйствуетъ на умы, нежели будущее.

Аргументы запугивающіе были иного рода. Палата депутатовъ—вотъ поле для честолюбія. Если вы уничтожите наслѣдственную пэрію и тѣмъ самымъ вытолбаете аристократію на большую дорогу, тогда члены ея, сильные своимъ именемъ, своими владѣніями, своимъ богатствомъ и положеніемъ, явятся передъ избирателями вашими конкуррентами въ палату депутатовъ, и тогда горе вамъ, представителямъ буржуазіи! аристократія сдумѣетъ сдѣлаться популярною, она заговоритъ языкомъ демократическимъ—и тогда «вы увидите, что въ палату депутатовъ явятся тѣ

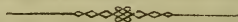
знатныя фамиліи, которыхъ вы не помѣстите въ палату пэровъ». Тогда аристократія сдѣлается дѣйствительно могущественна, и тогда дѣйствительно «у меня явится опасеніе за свободу моей родины». Читатель согласится, что нужно было большое пренебреженіе къ своимъ слушателямъ, чтобы рѣшиться излагать передъ ними подобныя соображенія.

Для конца своей рѣчи Тьеръ поберегъ самый сильный доводъ, по его мнѣнію, чтобы заставить палату вотировать наслѣдственность пэріи. Цѣль его была, быть можетъ, и не хороша, но самыя слова его, то, что онъ выражалъ, нельзя не признать справедливыми. Онъ допускаетъ предположеніе, что обѣ палаты будутъ выборныя. «Случится одно изъ двухъ: или оба выборныя большинства будутъ между собою согласны, или нѣтъ. Если они будутъ несогласны, тогда вы сдѣлаетесь свидѣтелями самой опасной борьбы, одного большинства противъ другого. Останется одно средство—распущеніе. Но тогда два большинства соединятся, и тогда что станетъ съ королевскою властью между двумя большимиствами, изъ которыхъ каждое на своей сторонѣ будетъ имѣть ту силу, которая дается выборами. «Не опасно ли ставить,—спрашиваетъ Тьеръ,—королевскую власть въ такое положеніе?» «Въ Соединенныхъ Штатахъ, продолжалъ онъ, были болѣе послѣдовательны; тамъ всему дали избирательный характеръ; тамъ исполнительная власть проистекаетъ изъ того и другого большинства палатъ; тамъ во всемъ послѣдовательны. Но два выборныя большинства въ присутствіи одной наслѣдственной власти, это—пагубное послѣдствіе. Правда, скажутъ нѣкоторые, да вѣдь это вовсе не значитъ доводить систему до абсурда, заставляя ее прійти къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Мы допускаемъ, что касается до настоящаго, королевскую власть, но мы вовсе не намѣрены возставать противъ того, что можетъ принести съ собою время. Я убѣжденъ, что касается до меня, что безъ наслѣдственной пэріи, намъ не нужны будутъ вѣка, чтобы прійти къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, и чтобы быть послѣдовательными, мы должны будемъ прибѣгнуть къ исполнительной власти, предоставленной избранію. Нужно, слѣдовательно, избирать между выборною системою Соединенныхъ Штатовъ и англійскою системою, испытанною въ продолженіе полутора столѣтій». Говоря такимъ образомъ, Тьеръ желалъ навести только страхъ на палату депутатовъ, предугадывая возможность не только отмѣны наслѣдственности пэріи, но и отмѣны наслѣдственной монархіи; но самъ онъ менѣе чѣмъ кто-либо другой допускалъ такую возможность, и былъ очень далекъ отъ мысли,

что, по прошествіи какихъ-нибудь сорока лѣтъ, онъ самъ сдѣлается избраннымъ представителемъ исполнительной власти французской республики.

Ни льстивыя слова, ни страхъ будущаго не подѣйствовали на большинство палаты депутатовъ, которое твердо рѣшилось похоронить наслѣдственную пэрію. Огромнымъ большинствомъ 206 голосовъ противъ 86, палата приняла проектъ закона, въ которомъ стояли слова: «Число пэровъ неограниченно. Ихъ званіе дается пожизненно и не передается правомъ наслѣдованія». Принятіе этого закона, хотя и внесеннаго самимъ министерствомъ Казимира Перье, было, однако, какъ для него, такъ и для всей реакціонной партіи тяжкимъ ударомъ. Къ чему была вся эта дерзость реакціи, къ чему предпринимались всѣ мѣры для того, чтобы задержать общество на пути его развитія,—если въ концѣ-концовъ іюльская монархія все-таки вынуждена была сдѣлать шагъ впередъ по направленію къ демократическому принципу, который одинъ способенъ расчистить поле для установленія новаго строя народной жизни.

Евг. Утинъ.

ИЗЪ ПУШКИНСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ТРИ ПИСЬМА ¹⁾.

I *).

А. С. Пушкинъ—С. И. Тургеневу.

Поздравляю васъ, почтенный Сергей Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію приѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами, и подышать чистымъ Европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ каран-

---

¹⁾ Эти документы находились въ архивѣ покойнаго Николая Ивановича Тургенева, и съ обязательной готовностію сообщены мнѣ его семействомъ. Считаю излишнимъ распространяться объ ихъ важности особенно въ нынѣшнее время, когда общественное вниманіе съ новой силой обращено на все касающееся до Пушкина. Письмо Сергія Львовича (отца Александра Сергѣевича)—знаменательно тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о дѣятельномъ участіи Александра Ивановича Тургенева въ судьбахъ нашего великаго поэта, о томъ участіи, которымъ по праву гордится все семейство Тургеневыхъ. Одно изъ писемъ поэта, написанное въ Кишиневѣ, вскорѣ послѣ его ссылки, адресовано Александру Ивановичу; другое, изъ Одессы — младшему изъ братьевъ Тургеневыхъ, Сергію Ивановичу, только что возвратившемуся изъ Константинополя, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ при посольствѣ; оба письма бросаютъ яркій свѣтъ и на тогдашнее положеніе поэта, и на строй его мыслей и убѣжденій.

Ив. Тургеневъ.

Парижъ. 28-го окт. 1880.
9-го ноября.

*) Текстъ писемъ печатается съ точнымъ соблюденіемъ ореографіи оригинала.
Ред.

тинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня какъ зараженнаго какой то либеральною чумою. — Скоро-ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? обнимите тамъ за меня милаго нашего Муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана ¹⁾ брата его; Его Преосвященству писалъ я письмо на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло о моемъ изгнаніи — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виноватъ, полученное отъ васъ письмо я черезъ два дни перечитываю — но до сихъ поръ неотвѣчалъ — надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнитъ — а Долгорукой меня забылъ.

Пушк.

21 авг. (1821 г.?)

II.

А. С. Пушкинъ — А. И. Тургеневу.

Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣньемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашу сѣверь. Не странно-ли что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дожидаться большихъ неприятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — Вандакъ, придворный .... и мѣлкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякой разъ какъ мнѣ случалось побить Молдавскаго Боярина. Правда — но за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гиспанской революціи. Не знаю Воронцовъ посадилъ-ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи Кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаанной музыки, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю пустятъ-ли этаго бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякой случай, попробую. Послѣдняя пере-

¹⁾ Николай Ивановича Тургенева.

мѣна министерства обрадовала бы меня въполнѣ, еслибы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва-ли можетъ оную вознаградить. Простите милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено Кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ — цалую руку К. А. Карамзиной и Княгинѣ Голицыной *constitutionnelle ou Anti-constitutionnelle mais toujours adorable comme la liberté!*

А. П.

14 juillet (1823 г.?)

III.

С. Л. Пушкинъ — А. И. Тургеневу.

Я бы желалъ чтобъ въ заключеніи біографическихъ записокъ о покойномъ Александрѣ сказано было, то что сохраниться въ сердцѣ и памяти моей до послѣдней минуты моей жизни. — Александръ Ивановичъ Тургеневъ былъ главнымъ, *единственнымъ* орудіемъ помѣщенія его въ Сарско-Сельской *Импер.* Лицѣй и ровно чрезъ 25-ть лѣтъ, онъ же проводилъ тѣло его на вѣчное, послѣднѣе жилище!

Вотъ почтеннѣйшій и любезный Александръ Ивановичъ записка которою я просилъ бы васъ передать К. П. А. Вяземскому, какъ одному изъ Издателей Собранія Сочиненіевъ А. — Да узнаетъ Россія, что вамъ она обязана любимымъ ею Поэтомъ, а я какъ отецъ, поставляю за утѣшительною обязанность изъяснить вамъ все чѣмъ исполнено мое сердце. — Неблагодарность никогда не была моимъ порокомъ. Простите будьте вездѣ счастливы какъ будете вездѣ любимы. — Не знаю увижу ли васъ, но покуда живѣ, буду любить, и вспоминать о васъ съ благодарностію.

Искренно - почитающій васъ

Сергѣй Пушкинъ.

Іюня 4-го 1837.

Москва.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1880.

I.

— *Н. С. Лѣсковъ. Мелочи архіерейской жизни. Картинки съ натуры. Второе изданіе, вновь авторомъ пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное, съ тремя приложеніями. Спб. 1880.*

Трудъ г. Лѣскова, печатавшійся впервые, если не ошибаемся, въ газетѣ, въ настоящемъ изданіи является передъ читателями въ третій разъ—успѣхъ, который объясняется, быть можетъ, не столько талантомъ извѣстнаго романиста, сколько новостью и особеннымъ интересомъ сюжета. „Архіерейская жизнь“ была предметомъ несомнѣнно новымъ; до самаго послѣдняго времени архіерейская жизнь и архіереи были закрыты отъ всякаго литературнаго прикосновенія: какъ во времена Гоголя о чиновникѣ можно было говорить только до извѣстнаго чина, а выше этого чина литература не могла осмѣлиться ихъ затрогивать, такъ или даже еще больше она не могла говорить объ архіереяхъ, — конечно, за исключеніемъ тона благоговѣйной покорности и „притрепетности“. Возможность ввести наконецъ этотъ предметъ въ литературное сужденіе можетъ стать очень важнымъ фактомъ въ развитіи нашей печати; наша печать есть доселѣ единственный органъ общественнаго мнѣнія, — стало быть, еще новая сторона нашей жизни начала бы входить въ наше сознаніе. И эта сторона безспорно—до чрезвычайности важная. Архіереи—главные представители нашей церковности, и, какъ ни твердятъ славянофилы объ абсолютномъ превосходствѣ нашей церковной идеи и обычая надъ западными, на дѣлѣ наша „община“ не имѣла въ церковномъ дѣлѣ никакого голоса; о представителяхъ церковности она буквально не могла пикнуть, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о существѣ церковнаго обычая... Какую существенную роль не только въ

жизни церковной, но и въ цѣлой общественной жизни и образованіи нашемъ играли „архіереи“, объ этомъ нечего много говорить. Какъ представители „церкви“, они вліяли на всю національную жизнь; въ частности, они были (и суть) непререкаемыми правителями и церковными судьями своихъ епархій, и духовенство, черное и бѣлое, было ихъ безотвѣтными слугами; они вмѣшивались самымъ дѣйствительнымъ образомъ въ судьбы русскаго образованія и литературы; въ вѣдѣніи высшаго чернаго духовенства была духовная цензура, — которая до послѣднихъ дней налагала тяжелую руку на произведенія науки, если онѣ сколько-нибудь касались идей, какія она считала неприкосновенными, — такъ что нѣсколько свободная литература богословская была немыслима, и дѣйствительно не существовала; высшее духовенство опредѣляло характеръ народной религіозности, преслѣдовало расколъ и — порождало его, и т. д. Однимъ словомъ, вопросъ объ „архіереяхъ“ есть одинъ изъ глубочайшихъ вопросовъ нашей общественности, входящій въ самые основные процессы національной жизни.

Г. Лѣсковъ, впрочемъ, взглянулъ на предметъ нѣсколько поуже. Точка, изъ которой отправляется его изложеніе, состоитъ въ слѣдующемъ:

„Съ легкой руки смоленскихъ корреспондентовъ, — говоритъ онъ въ предисловіи ко второму изданію своей книги, — въ теченіи 1878 года русскою печатью сообщено очень много интересныхъ и характерныхъ анекдотовъ о нѣкоторыхъ изъ нашихъ архіереевъ. Значительная доля этихъ разсказовъ такъ невѣроятна, что человѣкъ, незнакомый съ епархіальною практикою, легко могъ принять ихъ за вымыселъ; но для людей, знакомыхъ съ клировою жизнью, они имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это не чьи-либо праздныя или злонамѣренныя измышленія, а настоящая, живая правда, списанная съ натуры и притомъ отнюдь не съ злою цѣлюю.

„Свѣдущимъ людямъ извѣстно, что среди нашихъ „владыкъ“ никогда не оскудѣвала непосредственность, отъ которой порою весьма не легко доставалось клиру и даже цѣлой епархіи, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и съ этой точки зрѣнія разсказы ничего не открыли новаго¹⁾, но досадно, что они остановились, показавъ, какъ будто умышленно (?), только одну сторону этихъ интересныхъ нравовъ, выработавшихся подъ особенными усло-

¹⁾ Мы думаемъ, что напротивъ это было именно очень ново — въ печати, которая до послѣдняго времени могла говорить объ этихъ предметахъ не иначе, какъ въ лицемѣрномъ тонѣ панегириковъ.

віями оригинальной исключительности положенія русскаго архіерея, и скрыли (?) многія другія стороны архіерейской жизни.

„Невозможно согласиться, будто всѣ странности, которыя рассказываются объ архіереяхъ, напущены ими на себя произвольно, и я хочу попробовать сказать кое-что въ *защиту* ¹⁾ нашихъ владыкъ, которые не желаютъ защищать себя сами и не находятъ иныхъ защитниковъ, кромѣ тѣхъ благочестивыхъ смиренниковъ, которые всякую рѣчь о епископахъ считаютъ великимъ грѣхомъ и оскорбленіемъ вѣры.

„Благоговѣйная почтительность людей этого послѣдняго *сорта* можетъ приносить имъ большое удовольствіе (а иногда и *выгоды*), но она не помогаетъ дѣлу, которое сведено къ очень странному положенію. Общество, весьма недружелюбно относящееся къ епархіальнымъ начальникамъ (?), не знаетъ (?), что оно само, если не всецѣло, то въ весьма значительной мѣрѣ, поддерживаетъ то самое положеніе вещей, которое впослѣдствіи создаетъ причины къ его неудовольствіямъ.

„Правъ ли я или неправъ, но имѣю основаніе думать, что извѣстное выраженіе Ларошфуко: „всякое правленіе впору своему народу“,—одинаково можетъ быть прилагаемо къ различнымъ видамъ управленія и, между прочимъ, даже къ нашему „архіерейско-владычному“.

„Изъ моего житейскаго опыта я имѣлъ возможность не разъ убѣждаться, что наши владыки и даже самые непосредственнѣйшіе изъ нихъ по своимъ оригинальностямъ, отнюдь не такъ нечувствительны и недоступны воздѣйствіямъ общества, какъ это представляютъ корреспонденты. Объ этомъ я и хочу рассказать кое-что, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы отнять у нѣкоторыхъ обличеній ихъ очевидную односторонность, сваливающую непосредственно все дѣло на однихъ владыкъ и не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ положеніе и на отношеніе къ нимъ самаго общества. По моему мнѣнію, наше общество должно понести на себѣ самомъ хоть долю укоризнъ, адресуемыхъ архіереямъ, для которыхъ настала пора похлопотать о своего рода эмансипаціи“...

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ *защитой*.

Мы не будемъ пересказывать содержаніе книги г. Лѣскова: о ней много говорилось въ газетахъ, а если кому не случалось этого читать, мы совѣтовали бы прочесть самую книгу; она занимательна,—какъ бы мы ни думали о степени прочности взглядовъ автора. Она не только занимательна; она есть и нѣкоторая литературная за-

¹⁾ Курсивъ автора.

слуга,—такъ какъ авторъ затронулъ новый предметъ. Но съ болѣе общей точки зрѣнія книга г. Лѣскова очень не удовлетворяетъ: въ ней есть и большія неполноты, и неловкости.

Намъ кажется, что къ числу послѣднихъ принадлежитъ самая задача „защиты“. Если ужъ авторъ думалъ, что послѣдняя необходима, то надо было точнѣе выяснитъ—какіе есть упреки, отъ которыхъ надобно защищать; и затѣмъ, едва ли для „защиты“ достаточно тѣхъ нѣсколькихъ анекдотическихъ разсказовъ, которые составляютъ книгу г. Лѣскова. Въ противоположность архіереямъ, о „жестокостяхъ“ которыхъ авторъ самъ слышалъ „ужасные разсказы“, онъ приводитъ рядъ другихъ владыкъ, которые отличались высокимъ, истинно христіанскимъ благодушіемъ и кротостью; онъ передаетъ случаи, изъ которыхъ оказывается, что пастыри вовсе не остаются равнодушны къ общественному мнѣнію, и что если бываютъ недостатки въ характерѣ ихъ правленія, то виновато въ томъ и самое общество; разсказываетъ примѣры мягкаго отношенія даже строгихъ владыкъ къ человѣческой слабости, снисхожденія къ недостаткамъ, истекающимъ отъ суровости нѣкоторыхъ, именно брачныхъ законовъ; думаетъ, что подобное благодушное отношеніе къ паствѣ преобладаетъ въ большинствѣ владыкъ; во всему этому авторъ говорить о томъ, какъ связываетъ архіерея обычай, что онъ не можетъ „выйти“ изъ своего дома, а можетъ только выѣхать торжественно въ каретѣ, съ колокольнымъ звономъ,—обычай, который затрудняетъ его простыя отношенія съ паствой, отдаляетъ его отъ общества и стѣсняетъ его самого.

Разсказывая—порядочно растянуто—обо всемъ этомъ, авторъ прибавляетъ еще, что теперь сами владыки чувствуютъ неудобство стараго своего положенія, и что многіе недостатки этого быта уже отошли въ исторію.

Таковы существенныя мысли „защиты“. Средствомъ ея служатъ разсказы объ архіереяхъ, которыхъ зналъ или о которыхъ слышалъ авторъ. Число этихъ владыкъ не велико,—шесть-семь, и читателю невольно кажется, что этотъ матеріалъ очень недостаточенъ для выясненія предмета. Это—не такъ-называемые „типы“, въ которыхъ еще можно было бы совмѣстить основныя господствующія черты наблюдаемаго явленія, а отдѣльныя реальныя личности, безъ сомнѣнія характерныя, но все-таки случайныя, и потому не изображающія цѣлаго.—При трудности задачи, можно было бы довольствоваться и этими очерками, если бы авторъ ограничилъ свою цѣль указаніемъ матеріала; но, какъ мы видѣли, онъ именно хочетъ ставить общій вопросъ, а общій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ съ такимъ количествомъ данныхъ.

И дѣйствительно, въ предѣлахъ изложенія самого автора, „защита“ оказывается недостаточной. По его собственному признанію, состояніе низшаго духовенства есть „жалкая приниженность“ (стр. 15): невозможно, конечно, представить себѣ, чтобы духовенство, находящееся въ подобномъ состояніи, могло обладать желаемымъ авторитетомъ или быть настоящимъ руководителемъ въ нравственной жизни народа и образованныхъ слоевъ общества. Самъ авторъ признаетъ вопіющіе недостатки юридическаго быта духовенства; справедливо указываетъ высокую важность вопроса объ устройствѣ духовнаго суда, „такъ какъ отъ него зависитъ клиръ, а отъ хорошаго или дурного клира зависитъ развитіе духовной жизни народа, *до сихъ поръ* (со временъ крещенія Руси!) еще весьма мало и весьма неудовлетворительно наставленнаго въ христіанскомъ ученіи“,—и самъ замѣчаетъ, что нынѣшній духовный судъ „отстаивается людьми, для которыхъ благосостояніе церкви и всего духовенства стоитъ ниже какихъ-нибудь привилегій епископской власти—хотя бы даже привилегій, не принадлежащихъ ей по точному смыслу каноновъ“ (стр. 215). Кто же эти люди?

Первое изданіе книги г. Лѣскова вызвало возраженія, гдѣ, между прочимъ, въ опроверженіе его указывалось благотворное вліяніе, производимое въ кругу уѣзднаго и сельскаго духовенства архіерейскими объѣздами: по словамъ возраженія, архіерейскій объѣздъ бывалъ (и конечно, бываетъ?) „что-то въ родѣ сошествія ангела, прилетающаго возмутить и сдѣлать снова цѣлебными застоявшіяся воды сельской купели“ (стр. 191). Самъ г. Лѣсковъ, взявшійся защищать владыкъ, усумнился въ полной точности этого сравненія, и противопоставилъ ему выписки изъ попавшагося въ его руки дневника, писаннаго однимъ священникомъ кievской епархіи въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ. Кіевской епархіей правилъ тогда Филаретъ Амфитеатровъ (котораго авторъ напрасно называетъ также Амѣнтеатровымъ), знаменитый своею мягкостію и кротостію, и однако, въ откровенныхъ разсказахъ сельскаго священника, пріѣздъ даже этого Филарета былъ далеко не слетаніемъ ангела, а страхомъ и трепетомъ, заставлявшимъ и здравомыслящаго автора дневника терять всякое спокойствіе и соображеніе. Наѣзды викарія Филарета прямо заставляли опасаться „жезла“ строгости и буквально бояться за свои „лядвіи“; авторъ дневника радовался, когда послѣднія оставались цѣлы. Авторъ употребилъ много страницъ на опроверженіе сдѣланнаго ему возраженія; но онъ, кажется, могъ просто сослаться на фактъ, извѣстный всѣмъ, кто сколько-нибудь видѣлъ и знаетъ быть провинціальнаго духовенства.

Что касается мѣстной церковной администраціи, то опять можно

было бы сослаться прямо на „глазь народа“, который далъ бы достаточное понятіе о томъ, что такое есть консисторія и особенно ея секретарь.

Авторъ вообще мало обратилъ вниманіе на то, въ какой большой степени вопросъ объ „архіереяхъ“, поднятый имъ, связанъ съ вопросомъ о положеніи цѣлаго духовнаго сословія, имъ подчиненнаго, и насколько характеръ сословія прямо опредѣляется его властями. О положеніи и дѣятельности нашего духовенства было очень много говорено въ послѣднее время въ нашей печати, и, между прочимъ, очень справедливо указано на тѣ отрицательныя послѣдствія, къ какимъ приводитъ положеніе нашего духовенства относительно общества и народа: въ обществѣ — крайнее распространеніе религіознаго индифферентизма, или увлеченія лордомъ Редстокомъ, г. Пашковымъ, ирвингианствомъ, спиритизмомъ и мистицизмомъ; въ народѣ — неослабѣвающая расколъ и распространеніе новыхъ сектъ, какъ штунда, въ борьбѣ съ которой церковная власть или бывала совсѣмъ безсильна, или становилась сильна только приглашеніемъ полиціи, и т. п. Если она не гнушалась этимъ послѣднимъ средствомъ въ вопросѣ религіи, она не выигрывала въ уваженіи, и самой цѣли не достигала. Въ прежнее время литература совсѣмъ молчала объ отношеніяхъ церковной власти къ расколу; теперь стало общимъ мѣстомъ въ газетныхъ толкахъ, что распространеніе новыхъ сектъ есть прямой указатель паденія авторитета клира въ народныхъ массахъ, что заброшенные, оставленные безъ наученія, способнаго дѣйствовать на сердца, эти массы начинаютъ сами искать духовной пищи — на свой страхъ. Въ кругу общественномъ, въ дѣлѣ образованія и литературы, церковная власть также держалась запретительной системы. Церковные вопросы были для свѣтской литературы контрабандою; развитіе общественныхъ понятій шло однако мимо запрещеній и внѣ церковной традиціи; отсюда — тотъ же разладъ, идущій и до нашихъ дней.

Эти вопросы церковной жизни тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ характеромъ іерархіи, въ рукахъ которой была именно постановка этихъ отношеній. „Защита“ должна бы состоять вовсе не въ перечисленіи благочестивыхъ владыкъ; они всѣ могутъ быть такъ мудры и благочестивы, какъ нѣкоторые изображаемые г. Лѣсковымъ іерархи, но вопросъ все-таки останется.

Какъ сильный аргументъ своей защиты г. Лѣсковъ приводитъ изреченіе Ларошфуко (вотъ понадобился!), что-де „всякое правленіе впору своему народу“; но если ужъ стоять на этой мнимой мудрости, то нечего было бы „защищать“, — дѣло было бы ясно; — однако авторъ защищаетъ: стало быть, кому-то, можетъ быть многимъ, не

„впору“? Изреченію французскаго мудреца можно противопоставить другое соображеніе: общество, если оно не совѣмъ китайское, все-таки развивается и растетъ въ своихъ понятіяхъ и требованіяхъ; унаслѣдованныя формы жизни становятся тѣсны и бываютъ наконецъ ему совѣмъ не впору. Это безспорно происходило и происходитъ и съ нашимъ обществомъ — доказательство этому то, что самимъ правительствомъ пачинаемы были реформы, весьма противорѣчившія наслѣдованнымъ порядкамъ. Наше общество живо отозвалось на планы реформъ, и его настроенію надобно даже приписать извѣстное вліяніе на самое возникновеніе этихъ плановъ: въ обществѣ нашлись глубоко убѣжденные исполнители. Что существовавшіе ранѣе порядки были уже не „впору“, это очевидно. Но наше общество все-таки крайне стѣснено въ выраженіи своихъ нуждъ, — и особенно стѣснено было въ области предметовъ церковныхъ: они были вполне въ рукахъ церковной власти, и духовная цензура истребляла всякую тѣнь независимаго сужденія и критики. Въ такихъ условіяхъ тѣмъ большая, тѣмъ болѣе строгая обязанность лежитъ именно на тѣхъ, въ чьихъ рукахъ лежитъ управленіе дѣломъ и инициатива. И въ этой именно области сдѣлано было всего менѣе; какіе слѣдовали результаты изъ этой бездѣятельности, мы сейчасъ говорили. Г. Лѣсковъ, несмотря на Ларошфуко, нашелъ нужной „защиту“.

Въ приложеніяхъ, которыя авторъ присоединилъ ко второму изданію, разсматриваются нѣкоторые частные вопросы нашей церковной жизни. Остановимся на одномъ, который характеризуетъ и положеніе вещей, и взгляды апологета. Г. Лѣсковъ даетъ довольно большой трактатъ о „тайнобрачіи“ и бракахъ сомнительнаго свойства. Съ цѣлью „защиты“ авторъ рассказываетъ, что при трудности у насъ развода, при строгости церковныхъ правилъ относительно браковъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства, происходитъ много запутанныхъ и прискорбныхъ положеній, въ которыхъ нерѣдко помощь является именно со стороны владыкъ: ихъ мудрость и благодушіе смягчаютъ для человѣческой слабости суровость закона. При этомъ случаѣ г. Лѣсковъ сообщаетъ свѣдѣнія объ особомъ родѣ „тайнобрачія“, гдѣ бракъ, „пѣтый въ церкви“, оказывается въ сущности недѣйствительнымъ. Дѣло въ томъ, что священники бываютъ иногда въ недоумѣніи, можно ли совершить бракъ; иногда возбуждаютъ сомнѣніе самыя лица, желающія вступить въ бракъ, иногда можно подозрѣвать при этомъ темныя цѣли, напримѣръ желаніе обобрать неопытную невѣсту, и т. п. Священникъ благоразумный и порядочный отклоняетъ отъ себя вѣнчаніе подобныхъ свадебъ; но находятся другіе, которые не останавливаются на подобныхъ недоумѣніяхъ и смѣло вѣнчаютъ — кого бы ни попало, разумѣется за должное вознаграж-

деніе, которое, впрочемъ, при этой смѣлости, доставляющей большую практику, становится даже не чрезмѣрнымъ. Оказывается, что при этомъ употребляется иногда особенный пріемъ, рассчитанный на невнимательность самихъ вѣнчающихся или ихъ круглое незнаніе церковныхъ обрядовъ, и который тѣмъ легче удастся, что необходимыхъ свидѣтелей въ подобныхъ случаяхъ берется поставлять самъ священникъ. Пріемъ заключается въ томъ, что священникъ вовсе и не совершаетъ брака, а, напримѣръ, просто отпоетъ молебенъ, и даже запишетъ это—только не въ обыкновенную „обыскную“ книгу, а въ *другую*, якобы черновую тетрадь. Г. Лѣсковъ слышалъ подробное объясненіе этой процедуры отъ одного „протоіерея“, который характеризуется у него какъ „человѣкъ, стоящій на высотѣ своего пастырскаго призванія, имѣющій умъ тонкій и проникательный, а знаніе сердца человѣческаго самосовѣршеннѣйшее“; въ другомъ мѣстѣ тотъ же протоіерей изображается какъ „большой практикъ“ (стр. 240, 244).

Разсуждая, пока безъ объясненій отца протоіерея, о подобной формѣ „тайнобрачія“, намъ кажется, совершенно ясно, что такое устройство браковъ, „пѣтыхъ въ церкви“ и тѣмъ не менѣе вовсе не дѣйствительныхъ и даже не существовавшихъ, есть самое наглое насмѣхательство надъ таинствомъ. Еслибъ совершенію таинства мѣшали какія-либо препятствія, священникъ долженъ отказать въ немъ; но если его просятъ совершить *бракъ*, а онъ продѣлываетъ подобную штуку, поступокъ не находитъ никакого извиненія; онъ не совершаетъ, конечно, недозволительнаго брака, но онъ совершаетъ съ самымъ таинствомъ ту вещь, которая — въ другихъ случаяхъ — точно квалифицируется закономъ какъ обманное дѣйствіе.

Посмотримъ теперь, какъ разсуждаетъ восхваляемый г. Лѣсковымъ „протоіерей“. „Протоіерей“ очень осуждалъ такой способъ дѣйствій, — который, между прочимъ, практиковался однимъ хорошо знакомымъ ему священникомъ; но въ то же время „протоіерей“ находилъ не мало извиненій такимъ продѣлкамъ и—при менѣе грубомъ исполненіи — не видѣлъ бы въ нихъ особой бѣды. Однажды, протоіерею случилось даже, благодаря недѣйствительности совершеннаго брачнаго обряда, развязать нелѣпое положеніе одной знакомой ему барышни. Длинные разсужденія и разсказы „протоіерея“ кажутся г. Лѣскову образцомъ „проницательности“, „знанія человѣческаго сердца“; можетъ быть. Мы несогласны съ авторомъ только въ одномъ: по его мнѣнію, протоіерей есть *человѣкъ* „стоящій на высотѣ своего пастырскаго призванія“; по нашему мнѣнію, это—религіозный циникъ, всего менѣе стоящій на высотѣ пастырскаго призванія.

Г. Лѣсковъ не мало говоритъ о православіи, его успѣхахъ и

потеряхъ въ настоящее время; но изъ сказаннаго выше читатель вѣроятно видѣлъ уже характеръ его пониманія этого предмета, и мы прибавимъ только нѣсколько словъ объ изложеніи. Книга не лишена занимательности, но литературное достоинство ея умѣренное. Авторъ увлекся беллетристикой и ввелъ много лишняго и растянутаго, безъ чего сюжетъ могъ легко обойтись; напр. исторія генерала Я—ля, исторія дяди Никса, исторія семейства Т. (стр. 116 и слѣд.) и друг., и въ послѣдней смѣло можно было бы выбросить нѣкоторыя неопытныя подробности о болѣзненности архіерея.

Еще одно небольшое замѣчаніе. Г. Лѣсковъ, если не ошибаемся, принадлежитъ къ числу тѣхъ немалочисленныхъ писателей, которые, не довольствуясь тѣмъ, что они—несомнѣнно русскіе, желаютъ считаться особенно, спеціально русскими людьми. Такіе писатели какъ-бы надѣваются на себя литературную поддевку, любятъ щеголять знаніемъ тѣхъ или другихъ (почти всегда мелочныхъ) тонкостей русскаго быта (часто, тутъ же рядомъ, не умѣя понять въ немъ вещей самыхъ крупныхъ), и также знаніемъ русскаго языка, заботами объ его чистотѣ. „У меня,—говоритъ авторъ,—остается еще много клочковъ и обрѣзковъ или, какъ нынче говорятъ *по русски, кутуровъ*“ (стр. 16). Кто знаетъ „по-русски“, тому извѣстно, что такъ и въ такомъ смыслѣ это слово вовсе не употребляется. Но жаль, что авторъ, такъ желающій блюсти чистоту русскаго языка, позабывшись и самъ употребляетъ немало иностранныхъ словъ—безъ надобности.

II.

— Изъ воспоминаній жандарма, 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ двухъ частяхъ. А. И. Ломачевского. Спб. 1880.

Книга г. Ломачевского есть одинъ изъ самыхъ интересныхъ разсказовъ изъ недавняго прошлаго, какіе являлись у насъ въ послѣднее время. Историческіе журналы очень расплодили теперь и у насъ эту отрасль исторіографіи, и это—большая ихъ заслуга. Еще очень недавно подобные разсказы были почти невозможны, или возможны только въ формѣ казеннаго восхваленія высокопоставленныхъ дѣятелей; историческія свѣдѣнія о близкомъ прошедшемъ передавались устными разсказами и рукописными статьями—совсѣмъ какъ въ средніе вѣка; допущенная исторія излагала только торжественную, официальную и показную сторону событій. Это шло совершенно въ параллель съ недопущеніемъ никакой критики современныхъ общественно-политическихъ событій и явленій... Понятно однако, что если только общество должно было выдти изъ ребяческаго, полу-созна-

тельнаго состоянія, одна изъ первыхъ его потребностей должно было быть знаніе своей исторіи.

Эта исторія въ тѣ времена была невозможна, и общество было въ туманѣ относительно своей собственной судьбы, своего прошедшаго и настоящаго... Въ послѣднее время очень въ ходу обвиненія противъ общества, обвиненія въ апатіи, бездѣятельности и безучастіи къ его существеннѣйшимъ интересамъ. Намъ эти обвиненія кажутся если не несправедливыми (потому что фактъ дѣйствительно есть), то односторонними. Въ самомъ дѣлѣ, — не говоря уже о томъ, что „дѣятельность“ и настоящее „участіе“ общества къ своимъ интересамъ возможны только тогда, когда общество имѣетъ какія-либо средства къ заявленію своей самодѣятельности, право на какую-нибудь свободную инициативу (а послѣдняго у насъ совсѣмъ нѣтъ), — не говоря уже объ этомъ, имѣетъ ли общество даже теперь обстоятельную и правдивую исторію своего недавняго прошлаго, — исторію, которая должна была бы стать основаніемъ его дѣйствительнаго самосознанія? Конечно, не имѣетъ.

Что иное положеніе вещей было бы для самого общества желательно, что оно ищетъ своей правдивой исторіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ распространеніе и успѣхъ спеціально историческихъ журналовъ, основанныхъ въ послѣднее время. Но настоящей исторіи недавняго времени все-таки еще нѣтъ: духъ Устрялова еще парить, напримѣръ, хотъ надъ „Русскимъ Архивомъ“.

Книга г. Ломачевскаго состоитъ изъ двухъ частей: „Виленская драма“ и „Голубой мундиръ“. Первая часть, лѣтъ восемь тому назадъ, была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ и многимъ читателямъ вѣроятно очень памятна. Въ ней разсказывается исторія политическаго процесса, который веденъ былъ въ Вильнѣ въ 1839—40 годахъ и гдѣ авторъ, тогда жандармскій майоръ, былъ однимъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи. „Мятежъ 1831 года былъ подавленъ, — разсказываетъ г. Ломачевскій, — но съ того времени и по 1840-й годъ включительно, въ Варшавѣ, Кіевѣ, Гроднѣ и Вильнѣ не прекращались такъ-называемыя политическія слѣдствія, какъ надъ недовольными новымъ складомъ вещей мѣстными агитаторами, такъ и проникавшими въ край заграничными эмигрантами, задачей которыхъ было — распространеніе въ массѣ народа, и особенно въ воспримчивой и доброй по природѣ молодежи, либеральныхъ идей, привитіе туземцамъ непримиримой ненависти къ правительству русскому и усиленная поддержка завѣтной и страстно любимой поляками мысли о возможности восстановленія самобытнаго существованія Польши въ соединеніи съ искусственно ополяченною Литвою“. Въ февралѣ 1839 казненъ былъ въ Вильнѣ одинъ изъ эмиссаровъ за-

границныхъ, Симонъ Конарскій, но еще продолжались розыски его сообщниковъ и послѣдователей. „Виленскіе монастыри, обращенные въ тюрьмы, были наполнены арестантами разныхъ отгѣнковъ. Весной 1840 захвачены были намѣревавшіеся бѣжать за-границу два студента и одинъ гимназистъ, и это подало поводъ къ новому грандіозному процессу, въ которомъ случилось и г. Ломачевскому принять участіе.

„Закипѣло шумное дѣло (послѣ поимки упомянутыхъ сейчасъ бѣглецовъ) — рассказываетъ г. Ломачевскій. Начались новые аресты, поднялась страшная суета; зазвенѣли колокольчики, поскакали жандармы, полетѣли эстафеты, возобновились старыя, давно знакомыя слѣдователямъ, вопросы, смѣшались и перепутались съ новыми, и черезъ 6 мѣсяцевъ дѣло, повидимому, округлилось, разъяснилось и приближалось уже къ развязкѣ... Къ чести искусныхъ и торжествующихъ слѣдователей новый страшный заговоръ, казалось, обнаруженъ былъ вполне, виновные схвачены, несомнѣнныя улики преступленія найдены, — недоставало только собственнаго признанія главнѣйшихъ заговорщиковъ, въ которомъ при существованіи уликъ не было особой нужды“...

Такъ стояло дѣло, когда предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи былъ назначенъ полковникъ В. И. Назимовъ (впослѣдствіи попечитель московскаго учебнаго округа и генераль-губернаторъ западныхъ губерній) и въ составъ комиссіи поступилъ г. Ломачевскій. Назимовъ, хотя нашелъ „чрезвычайно дурное содержаніе арестантовъ“ и „неимовѣрный хаосъ, запутанность и безпорядокъ“ въ дѣлопроизводствѣ, но вполне повѣрилъ результатамъ слѣдствія. Тогдашній генераль-губернаторъ западнаго края Мирковичъ и окружный жандармскій генераль Фрейгангъ были убѣждены, что дѣло было ведено какъ нельзя лучше и что оно нуждается только въ полномъ завершеніи. Но г. Ломачевскій (мы слѣдуемъ его разсказу, которому не имѣемъ основанія не довѣрять, хотя и не можемъ провѣрить) съ самаго перваго вступленія въ комиссію замѣтилъ что-то странное. Онъ попалъ на очную ставку, гдѣ одинъ изъ подсудимыхъ уличалъ другого въ принадлежности къ заговору, но уличалъ съ такими подозрительными приѣмами, спрашивая глазами одного изъ слѣдователей, что г. Ломачевскій пришелъ въ недоумѣніе, которое еще усилилось, когда уличаемый сталъ ему жаловаться (какъ новому лицу), что хотя онъ уже сознался въ вещахъ, которыя могутъ привести его на висѣлицу, отъ него требуютъ еще признанія въ вещахъ, о которыхъ онъ не имѣетъ никакого понятія, признанія въ заговорѣ, котораго онъ не знаетъ, и что одинъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи даже пускалъ въ ходъ побои, чтобы добиться отъ него такого признанія. Г. Ломачевскій сталъ пристальнѣе вглядываться въ дѣло, и мало-по-малу, при боль-

шихъ усиліяхъ, при трудной борьбѣ съ упрямымъ предубѣжденіемъ главныхъ властей, ему удалось выяснитъ себѣ и Назимову, что въ этомъ процессѣ совершается гнуснѣйшій обманъ правительства, что „обширный заговоръ“ есть изобрѣтеніе одного изъ членовъ слѣдственной комиссіи; послѣдній сдѣлалъ своимъ орудіемъ одного изъ подсудимыхъ, 17-лѣтняго мальчика, который, поддавшись его общаніямъ или угрозамъ, послушно оговаривалъ всѣхъ, кого ему указывали, сочинялъ „улики“, составилъ, наконецъ, цѣлый списокъ мнимыхъ заговорщиковъ,—списокъ этотъ, будто бы укрывшійся отъ прежнихъ внимательнѣйшихъ обысковъ, нашелся зашитымъ въ воротникѣ его шинели!

Между прочимъ, дѣло было построено на томъ, что будто бы въ Вильнѣ, въ извѣстное время, скрытно проживалъ и агитировалъ одинъ польскій эmissаръ: забрано было множество людей, будто бы укрывавшихъ этого эmissара, будто бы строившихъ съ нимъ планы возстанія, и т. д. Но когда возникли сомнѣнія, то сдѣланы были заграничныя справки объ этомъ эmissарѣ, и по нимъ оказалось, что въ то время, когда эmissаръ будто бы составлялъ заговоры и писалъ реестры своихъ соучастниковъ въ Вильнѣ, на самомъ дѣлѣ онъ находился за границей!

Наконецъ, несмотря на упорство генераль-губернатора и жандармскаго окружного генерала, дѣло было окончательно выяснено,—впрочемъ только тогда, когда во главѣ комиссіи поставлено было новое лицо, одинъ изъ довѣреннѣйшихъ генераловъ императора Николая. Слѣдствіе о мнимомъ заговорѣ, который былъ просто выдуманъ однимъ изъ членовъ комиссіи, злобнымъ „фанатикомъ“,—какъ называетъ его самъ г. Ломачевскій,—было прекращено; невинно схваченные освобождены; члены комиссіи, придумавшіе и допустившіе это вопіющее злоупотребленіе, подверглись взысканіямъ или были высланы изъ Вильны.

Авторъ подробно рассказываетъ свою дѣятельность въ этихъ событіяхъ, благодаря которой и обнаружилась постыдная инквизиціонная интрига. Его роль въ этомъ дѣлѣ приноситъ ему великую честь. Онъ приводитъ замѣчательный фактъ,—какіе рѣдки,—что самъ императоръ Николай Павловичъ въ официальномъ рескриптѣ призналъ и свое заблужденіе относительно этого дѣла, — новая черта его извѣстной правдивости.

Но какъ ни счастливо кончилось это дѣло, оно раскрываетъ передъ нами одну изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ нашей новѣйшей исторіи. Прошло десять лѣтъ со времени возстанія, но все еще длилось болѣзненное настроеніе общества, которое поддерживалось эмиграционными возбужденіями и со стороны администраціи встрѣчало

самыя жестокія кары: администрація не думала чѣмъ-нибудь успокоивать умы, она оставляла ихъ волноваться и бродить, но застигала ихъ съ суровѣйшимъ преслѣдованіемъ, когда броженіе выходило наружу какими-нибудь выраженіями польскаго патріотизма, отъ дѣйствительныхъ попытокъ заговора до школьныхъ фантазій молодежи. Между русскимъ и польскимъ обществомъ не было и признаковъ сближенія; напротивъ, такого рода политика, если это можно назвать политикой, еще болѣе отдаляла обѣ стороны другъ отъ друга, и сдѣлала возможнымъ, послѣ столькихъ мѣръ, взрывъ 1863, который былъ попыткой отчаянной, и совершенно безнадежной. Разсказъ г. Ломачевскаго въ нашей литературѣ открывалъ чуть не въ первый разъ закулисную сторону нашей укротительной политики, и объясняетъ очень многое въ событіяхъ. „Виленская драма“ не могла дѣйствовать примирительно; она приводила въ ужасъ и негодованіе самихъ представителей русской власти, когда они ее поняли. Правда, она разрѣшилась благополучно, и виновники злоупотребленія получили нѣкоторое возмездіе, впрочемъ далеко не соотвѣтствовавшее ихъ дѣяніямъ; но трудно думать, чтобы злоупотребленіе ограничилось только этимъ случаемъ, гдѣ оно было открыто. Г. Ломачевскій,—не допускавшій возможности подобныхъ дѣйствій,—попалъ въ комиссію чистымъ случаемъ; прежніе ея члены не способны были или не желали видѣть дѣйствій главнаго вожака инквизиціонной интриги, и поддерживали ее. Авторъ самъ указываетъ намъ одного своего коллегу, который, при разборѣ этого процесса, на вопросъ, неужели можно оставить дѣло такъ и осудить невинныхъ, былъ за послѣднее, на томъ основаніи, что „они всѣ здѣсь виноваты, ракаліи“ (стр. 49, 76).

Во второй части своей книги г. Ломачевскій разсказываетъ нѣсколько эпизодовъ своей жандармской практики въ томъ же западномъ краѣ. Въ началѣ, по поводу недавняго закрытія III Отдѣленія авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ исторіи и первоначальномъ предназначеніи этого вѣдомства и, не защищая его, указываетъ однако его полезныя стороны: воспоминанія изъ собственной практики должны относиться къ этимъ лучшимъ сторонамъ. По своему положенію жандарма, г. Ломачевскій имѣлъ возможность оказать немаловажныя услуги многимъ людямъ, нуждавшимся въ покровительствѣ и защитѣ; онъ спасалъ другихъ, несправедливо заподозрѣнныхъ, и т. п. Признавая вполне его заслугу въ этихъ случаяхъ, можно однако думать, что самая сущность учрежденія нимало отъ этого не выигрываетъ: одинъ въ полѣ не воинъ, и одиночные случаи ничего не доказываютъ, а какую славу составило себѣ это учрежденіе въ цѣломъ и вообще, это не трудно было видѣть хотя бы по тѣмъ газетнымъ статьямъ, какія

привѣтствовали его уничтоженіе. Его главный, и, къ удивленію, мало оцѣнявшійся вредъ, заключался въ томъ, что оно стояло и дѣйствовало внѣ закона: въ общественномъ смыслѣ оно дѣйствовало развращающимъ образомъ даже въ лучшихъ случаяхъ, потому что пріучало общество думать, что законъ ничего не значитъ, когда есть цѣлое учрежденіе, дѣйствующее внѣ закона. Г. Ломачевскій сообщаетъ нѣсколько прекрасныхъ фактовъ своей дѣятельности. Но чѣмъ объясняется вліяніе, помогавшее ему дѣлать эти добрыя дѣла? Ничѣмъ инымъ, какъ страхомъ учрежденія, которое онъ собою представлялъ. Ему случалось устранять несправедливѣйшія подозрѣнія; но другіе его сослуживцы, дѣятели этого вѣдомства и не думали объ ихъ устраненіи и давали имъ полный ходъ, — примѣры приведены въ его же книгѣ.

III.

— Peter the Great. By Eugene Schuyler. („Scribner's Monthly Illustrated Magazine for the people, conducted by J. G. Holland“, New York 1880, april—september).

Въ началѣ нынѣшняго года мы указали первыя главы труда г. Скайлера. Въ дальнѣйшихъ книжкахъ „Скрибнерова Магазина“ появились новыя главы этого труда, именно съ апрѣля по сентябрь (последнихъ нумеровъ журнала мы еще не имѣемъ въ рукахъ), главы X—XXVII, заключающія: избраніе Ивана царемъ вмѣстѣ съ Петромъ и царевны Софьи правительницами; волненія раскола; усмиреніе стрѣльцовъ; дѣтство и юность Петра; его первый бракъ; внутреннее правленіе Софьи; заключеніе вѣчнаго мира съ Швеціей и Польшей; посольства въ Вѣну и Парижъ; дѣла съ турками и татарами; второй крымскій походъ; последнюю борьбу между Софьей и Петромъ, побѣду Петра и мщеніе; описаніе нѣмецкой слободы въ Москвѣ, и ея вліянія на Петра; фейерверки и потѣшныя битвы. Рассказывая исторію Петра читателямъ, мало или совсѣмъ незнакомымъ съ русской жизнью и стариной, авторъ не ограничивается передачей событій, но старается въ то же время выяснять ихъ историческое происхожденіе, вводитъ подробности быта и нравовъ въ разныхъ слояхъ и сторонахъ старой русской жизни. Это, конечно, только прибавляетъ занимательности разсказу, который вообще ведется живо, наглядно и интересно. Не малымъ достоинствомъ труда г. Скайлера является внѣшняя обстановка сочиненія, — многочисленныя и почти всегда прекрасно выполненныя иллюстраціи (гравюры) — самаго разнообразнаго содержанія: портреты главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ, изображенія городовъ, церквей, бытовыхъ предметовъ, какъ вооруженіе, иконы,

регалии, медали и другія достопримѣчательныя вещи, бытовныя сцены по старымъ рисункамъ и картинамъ новѣйшихъ художниковъ, и т. п. Выборъ иллюстрацій сдѣланъ вообще весьма хорошо, и ихъ обиліе составляетъ весьма существенное подспорье разсказу—очень рѣдкое для насъ, при дорогой цѣнѣ и однако очень плохомъ качествѣ нашихъ иллюстрацій. Журналъ Скрибнера (ежемѣсячный), предназначенный „для народа“, считаетъ подписчиковъ сотнями тысячъ (его цѣна—1 шиллингъ за книгу, величиной въ книжку *Revue des Deux Mondes*), и огромныя средства даютъ ему возможность такого внѣшняго совершенства, о какомъ не могло бы и мечтать русское изданіе. Онъ обильно иллюстрированъ гравюрами, такого достоинства, какія у насъ можетъ поставлять развѣ только Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

Авторъ, какъ это отмѣчено въ журналѣ, „сохраняетъ за собой всѣ права“: для нашей литературы было бы пріятнымъ пріобрѣтеніемъ изданіе его труда на русскомъ языкѣ съ тѣми же иллюстраціями, какими украшено американское изданіе. — А. А.

IV.

- *Politische Geschichte der Gegenwart*, von W. Müller. XIII. Das Jahr 1879. Berlin, 1880.
- *Europäische Staatenkunde*. Mit Benutzung der hinterlassenen Manuscripte Oscar Peschel's bearbeitet von Otto Krümmel. Erster Band, erste Abtheilung. Leipzig, 1880.

Тюбингенскій профессоръ Мюллеръ, уже въ тринадцатый разъ издающій исторію минувшаго года, принадлежитъ къ числу квасныхъ нѣмецкихъ патріотовъ, безусловно поклоняющихся князю Бисмарку и до сихъ поръ еще не пришедшихъ въ себя отъ побѣдъ 1870 года. Литературное дарованіе его самое незначительное, его такъ-называемая „Политическая исторія нашего времени“—не что иное, какъ сухой перечень фактовъ; но за отсутствіемъ другихъ, подобныхъ изданій, она можетъ служить не бесполезной справочной книгой, почему мы и обращаемъ на нее вниманіе читателей. Само собою разумѣется, что большею или меньшею полнотою отличаются лишь тѣ отдѣлы книги, которые посвящены западно-европейскимъ государствамъ; изъ фактовъ русской жизни авторъ отмѣчаетъ только то, что касается внѣшней политики и соціально-революціонной пропаганды. Подобно многимъ другимъ нѣмецкимъ писателямъ, Мюллеръ одобряетъ въ примѣненіи къ Россіи всѣ реакціонныя мѣры, считая ихъ необходимыми и неизбежными; широкія реформы кажутся ему,

наоборотъ, опасными и несвоевременными.—Другое сочиненіе, названное нами въ началѣ этой замѣтки, также заключаетъ въ себѣ много справочнаго матеріала, но имѣетъ и другое, болѣе серьезное значеніе. Въ основаніи его лежатъ данныя, собранныя извѣстными, недавно умершими географомъ Пешелемъ и хорошо разработанныя однимъ изъ учениковъ послѣдняго, Крюммелемъ. Вышедшая до сихъ поръ первая часть перваго тома обнимаетъ собою — кромѣ общихъ замѣчаній о климатѣ, фаунѣ, флорѣ и этнографіи Европы,—описаніе Россіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Великобританіи. Отдѣлъ, касающійся Россіи, обработанъ отчасти на основаніи русскихъ источниковъ, съ тщательностью, къ которой не приучили насъ нѣмецкіе писатели о Россіи; но тамъ, гдѣ нельзя ограничиться однѣми цифрами, гдѣ нужно сдѣлать какой-нибудь общій выводъ, Пешель—или Крюммель—далеко не всегда оказывается безпристрастнымъ и осторожнымъ. Такъ, напримѣръ, насъ увѣряютъ, что земля, находящаяся въ общинномъ владѣніи, вездѣ и всегда подвергается ежегоднымъ передѣламъ; что русскому крестьянину чужда, вслѣдствіе этого, привязанность къ родной землѣ и родному дому (ужъ не передѣляются ли ежегодно и крестьянскіе дома?); что отсутствіемъ такой привязанности обуславливается, въ свою очередь, страсть русскихъ крестьянъ къ переселеніямъ (обуславливается ли она, между прочимъ, и нуждою—объ этомъ авторъ не упоминаетъ); что земледѣліемъ они занимаются безъ любви къ дѣлу, что вообще они способны ко всякой работѣ, но совершенно лишены выдержки, постоянства въ трудѣ. Повторяя эти старыя общія мѣста, авторъ признаетъ, однако, что освобожденіе крестьянъ подѣйствовало на нихъ благотворно, и приписываетъ упадокъ помѣщичьихъ хозяйствъ не *лѣности* рабочихъ, а неумѣлости помѣщиковъ, въ-расплохъ застигнутыхъ экономическимъ переворотомъ. — Переведенная на русскій языкъ, книга Пешеля—Крюммеля была бы хорошимъ дополненіемъ къ сочиненію Э. Реклю: „Земля и Люди“, четвертый томъ котораго появился недавно въ русскомъ переводѣ. Французскій авторъ знаетъ насъ какъ нельзя лучше съ фізіономіей страны и народа, чего нѣмецкіе авторы вовсе даже и не предпринимаютъ; но нѣкоторые вопросы, въ особенности статистическіе, разработаны у послѣднихъ полнѣе, чѣмъ у перваго. Сюда относятся, напримѣръ, вопросы о распредѣленіи поземельной собственности въ Великобританіи, о сравнительной населенности разныхъ частей этого государства, о главныхъ основаніяхъ его промышленнаго и торговаго могущества. Опасность истощенія англійскихъ каменноугольныхъ копей, у Реклю затронутая лишь мимоходомъ, въ „Europäische Staatenkunde“ освѣщена множествомъ любопытныхъ данныхъ. По расчету парламентской

коммиссіи, работавшей около десяти лѣтъ тому назадъ, англійскія каменноугольныя копи заключали въ себѣ тогда около 92 милліардовъ тоннъ угля, къ которымъ, при усовершенствованіи техническихъ приѣмовъ, могутъ присоединиться еще 56, въ настоящее время (за слишкомъ большой глубиной) недоступныхъ для разработки. Мнѣнія о томъ, на сколько времени хватитъ этотъ запасъ, были весьма различны; одни, основываясь на современной потребности въ углѣ, утверждали, что полное истощеніе копей наступитъ не раньше четвертаго тысячелѣтія по Р. Х.—другіе, въ виду постоянно возрастающаго потребленія угля, полагали, что его не станетъ уже черезъ триста или четыреста лѣтъ. Отдалить истощеніе копей можно, по мнѣнію нѣмецкихъ авторовъ, не посредствомъ запрещенія вывоза угля за границу, а посредствомъ болѣе экономнаго его расходованія, которому уже давно положено начало. Сто лѣтъ тому назадъ для приготовленія одной тонны желѣза тратилось девять тоннъ угля, сорокъ лѣтъ тому назадъ—три тонны съ половиной, въ началѣ семидесятыхъ годовъ—лишь около двухъ тоннъ. Развиваясь все больше и больше, техника достигнетъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе блестящихъ результатовъ, параллельно съ которыми будутъ идти усовершенствованія въ способѣ добыванія угля.

V.

— *Brigitta*, Erzählung von Berthold Auerbach. Stuttgart, 1880.

Если мы упоминаемъ еще разъ о новой повѣсти Ауэрбаха, затронутая уже вскользь въ предисловіи г. В. К. къ извлеченію изъ романа: „*Frau Venus*“ („Вѣстникъ Европы“, № 9), то только потому, что мы поставили себѣ за правило слѣдить за всѣми вновь появляющимися произведеніями писателей, вошедшихъ въ серію статей г. З. З. о „современномъ романѣ“. Въ примѣненіи къ нѣмецкимъ романистамъ, эта задача представляетъ весьма мало привлекательнаго; вотъ уже четвертый разъ, что намъ приходится констатировать упадокъ таланта Шпиллхагена и Ауэрбаха. „*Бригитта*“—скучная и безцвѣтная автобіографія женщины, посвятившей себя уходу за больными въ глазной лечебницѣ. Она встрѣчаетъ между ними человѣка, бывшаго причиной несчастья и смерти ея отца, колеблется между чувствомъ мести и чувствомъ долга, увлекается первымъ, потомъ раскаивается и, чтобы загладить свою вину, служитъ ненавидимому ею человѣку, до самой его смерти. Искать въ этомъ разсказѣ характеровъ, типовъ, психологическаго анализа, ожив-

ленныхъ картинъ, даже внѣшняго интереса—было бы совершенно напрасно; это просто анекдотъ, растянутый на нѣсколько сотъ страницъ и подкрашенный самой заурядной моралью. Ничто не напоминаетъ въ немъ Ауэрбаха первыхъ „Деревенскихъ разсказовъ“; нѣтъ ни одной черты, въ которой отражалась бы жизнь современной нѣмецкой деревни, проявлялось бы міросозерцаніе нѣмецкаго крестьянина. Изъ всѣхъ крупныхъ беллетристовъ нашей эпохи мы не можемъ назвать ни одного, конецъ дѣятельности котораго такъ мало соотвѣтствовалъ бы ея началу; сравнить Ауэрбаха, въ этомъ отношеніи, можно только съ Корнелемъ, послѣднія трагедіи котораго извѣстны самимъ французамъ только по эпиграммѣ Буало: „après Agésilas—hélas! mais après Attila—holà!“—К. К.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

По поводу вопроса о психологіи чувствованій.

Въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ напечатана рецензія г. К. К. на мою книгу: „Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Спб. 1880“. Повидимому, авторъ ея вообще сочувствуетъ нашему направленію въ разработкѣ психологическихъ вопросовъ, и подобно намъ самимъ, принадлежитъ къ школѣ научныхъ эмпириковъ, которые считаютъ бесполезнымъ залетать въ высокія сферы отвлеченностей, а потому убѣждены въ большей производительности основательнаго анализа фактовъ, данныхъ въ опытѣ, внѣшнемъ и внутреннемъ. Въ его критикѣ на книгу г. Соловьева (В. Евр., августъ) также видно, что и онъ считаетъ опаснымъ для науки — придавать абсолютную вѣру „словамъ“ и искать позади отвлеченныхъ терминовъ языка дѣйствительныхъ сущностей предметовъ. Отъ такой ошибки давно могло бы уберечь философовъ одно изслѣдованіе Дж. Ст. Милля „О заблужденіяхъ“ (во II т. его Логики), откуда прямо можно было бы почерпнуть рядъ блистательныхъ принципіальныхъ возраженій противъ такой системы отвлеченныхъ терминовъ, какъ система г. Соловьева. Но большинство философовъ пренебрегаетъ внимательнымъ изученіемъ такихъ *спеціальныхъ* сочиненій,

какъ логика Милля, и потому прежнія ошибки постоянно повторяются новыми поколѣніями мыслителей. Весьма не велико до сихъ поръ число людей, критически относящихся къ самому органу человѣческой мысли. Есть, впрочемъ, и еще одна важная черта, сближающая насъ съ нашимъ критикомъ. Эта черта состоитъ въ признаніи законности приѣма внутренняго опыта. Полное отрицаніе этого орудія изслѣдованія вошло въ моду со времени Ог. Конта. Но въ настоящее время эта мода начинаетъ понемногу исчезать: даже нѣкоторые фізіологи начинаютъ понимать, что „полная фізіологія мозга невозможна будетъ до тѣхъ поръ, пока психологія не опредѣлитъ психическихъ элементовъ, которые должны служить руководствомъ при изслѣдованіи центральной нервной системы“ (ср. Fournié, médecin à l'institution des sourds-muets: Essai de psychologie. Paris. 1877). А можетъ ли психологія опредѣлить эти элементы, не прибѣгая вовсе къ приѣму внутренняго опыта? Необходимо только, чтобы она постоянно повѣряла свои выводы уже открытыми законами фізіологіи и біологіи. Изъ внѣшняго опыта долженъ быть взятъ, стало быть, только масштабъ для провѣрки субъективныхъ психологическихъ понятій. Раздѣляя съ нами, очевидно, этотъ общій взглядъ, авторъ рецензіи тѣмъ не менѣе, при разборѣ подробностей нашей системы, какъ будто забываетъ сущность главнаго нашего принципа и критикуетъ нѣкоторые наши положенія съ точки зрѣнія обычнаго значенія словъ. Но разберемъ его возраженія по порядку.

Главный и первый упрекъ нашего рецензента состоитъ въ томъ, что наша *классификація ощущеній* произвольна, т.-е. что произвольны главнымъ образомъ тѣ *параллели*, которыя мы проводимъ между различными ощущеніями, внѣшними и внутренними. Таблицу этихъ параллелей мы здѣсь не станемъ приводить, такъ какъ она помѣщена въ статьѣ рецензента (стр. 360). Этотъ послѣдній совершенно естественно начинаетъ съ разбора самаго слабаго пункта нашей классификаціи, именно, съ анализа параллели между внѣшними ощущеніями слуха и внутренними ощущеніями, связанными съ субъективными процессами сознанія. Нельзя не пожалѣть только, что авторъ критики не привелъ при этомъ нашихъ собственныхъ оговорокъ, предшествующихъ анализу этой двойной группы ощущеній. „Только одна параллель, говоримъ мы (на стр. 453), можетъ возбудить *серьезное сомнѣніе*, а именно между слуховыми ощущеніями и органическими, связанными съ субъективною работою сознанія. Тутъ мы дѣйствительно стоимъ лицомъ къ лицу съ *гипотезою*, далеко не такъ просто разрѣшимою. Но намъ *кажется* все-таки, что есть факты, до известной степени оправдывающіе эту гипотезу“. Едва ли можно было осторожнѣе выразиться! Четыре ограниченія вывода на шести

строкахъ печатнаго текста! Затѣмъ мы все-таки приводимъ рядъ соображеній въ пользу означенной параллели, противъ которыхъ по крайней мѣрѣ доводы нашего рецензента безсильны. Мы указываемъ на „особенное вліяніе музыки и вообще впечатлѣній слуха на субъективные процессы сознанія, на ходъ развитія чувствованій и стремленій, въ особенности страстей“; далѣе, на „связь музыкальныхъ наклонностей съ особннымъ богатствомъ субъективной жизни“; на „воспріимчивость къ музыкѣ въ индивидуумахъ и народахъ въ періодѣ наибольшаго подъема чувствительности (въ періоды молодости и любви)“. На всѣ эти соображенія рецензентъ съ своей стороны замѣчаетъ: „особенное богатство субъективной жизни—явленіе столь же обычное въ живописцѣ, въ скульпторѣ, въ поэтѣ, какъ и въ композиторѣ или виртуозѣ“; „влюбленный воспріимчивъ къ музыкѣ, но не менѣе воспріимчивъ къ красивому виду, къ лунному свѣту, къ обаянію тихой лѣтней ночи“; „дикарь любитъ звуки мѣднаго инструмента не больше, чѣмъ яркіе цвѣта или пеструю татуировку“... „Еслибъ мысль г. Грота была вѣрна, глухота вела бы за собою прекращеніе или крайнее ослабленіе субъективныхъ процессовъ сознанія; на самомъ же дѣлѣ мы этого не видимъ“. Въ примѣчаніи нашъ критикъ прибавляетъ еще, что „глухонѣмота не можетъ быть принимаема въ расчетъ потому, что она вообще несомѣстима съ широкимъ и правильнымъ развитіемъ личности“. Этотъ послѣдній фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но отсюда все-таки не слѣдуетъ, чтобы глухонѣмота не могла быть принимаема въ расчетъ, если бы факты указывали, что глухонѣмые обнаруживаютъ особенную бѣдность субъективной жизни. Но мы однако не безъ причины подобныхъ соображеній въ свою пользу не приводили,—во-первыхъ, потому, что психологическія наблюденія надъ глухими и глухонѣмыми съ указанной точки зрѣнія никогда не производились, и, стало-быть, матеріалъ для какихъ-нибудь достовѣрныхъ заключеній въ этой области совершенно отсутствуетъ; во-вторыхъ, потому, что если бы даже обнаружилось большое число фактовъ, повидимому, противорѣчащихъ нашему заключенію, то и тогда имъ можно было бы дать подобающее объясненіе. Дѣло въ томъ, что развитіе человѣка обуславливается не одною личною жизнью, а въ еще бѣдшей мѣрѣ, пожалуй, опредѣляется наслѣдственными предрасположеніями. Поэтому, если индивидуумъ, лишенный слуха, имѣетъ наслѣдственное предрасположеніе къ богатой субъективной жизни, имѣетъ темпераментъ чувствительный и страстный, то лишеніе органа, извнѣ регулирующаго развитіе его чувствованій и страстей, можетъ развѣ только повліять на направленіе этого развитія, но никакъ не уничтожить его. Внутреннія ощущенія, связанныя съ субъективными процессами сознанія,

скорѣе даже усилятся и достигнутъ болѣе тонкости по тому закону, что каждый процессъ, при ослабленіи процесса дополнительнаго, становится интенсивнѣе. Подобнымъ же образомъ, напр., слѣпота на одинъ глазъ часто усиливаетъ воспріимчивость другого. Вообще нашъ рецензентъ, повидимому, упускаетъ изъ виду, что мы проводимъ параллель только между *ощущеніями* субъективныхъ процессовъ и слуховыми. Интенсивность *самыхъ процессовъ* въ организмахъ, одаренныхъ наслѣдственными свойствами, стоитъ совершенно независимо отъ интенсивности ощущеній, такъ какъ, при связности всѣхъ моментовъ органической дѣятельности, извѣстный процессъ, не находя себѣ пищи въ однихъ ощущеніяхъ—и выраженія въ однихъ движеніяхъ, обыкновенно съ нимъ связанныхъ, можетъ легко приспособить къ своимъ цѣлямъ другой рядъ ощущеній и движеній, служащихъ въ другихъ случаяхъ совершенно инымъ потребностямъ. Такъ, напр., познавательная дѣятельность ума, лишенная обычнаго органа доставляющаго ей главный матеріалъ,—органа зрѣнія, можетъ приспособить для своихъ надобностей другой какой-нибудь органъ, напр., осязанія (сильное развитіе органа осязанія или органа слуха у слѣпыхъ). Другое было бы дѣло, если бы рѣчь шла объ организмахъ, совершенно *новыхъ*, не одаренныхъ наслѣдственными предрасположеніями: въ нихъ глухота непременно вела бы къ крайнему ослабленію чувствованій и вообще волненій; но въѣдъ такихъ организмовъ въ настоящее время нѣтъ и быть не можетъ,—стало быть, выводъ критики основанъ на *незаконномъ* сближеніи извѣстныхъ процессовъ съ соотвѣтствующими имъ ощущеніями.

Другое его возраженіе, основанное на вкусахъ дикаря, намъ представляется простымъ смѣшеніемъ понятій. Развѣ мы говоримъ о томъ, что любить каждый человѣкъ? Мы говоримъ только о томъ, *въ чемъ* любовь его, въ совершенно спеціальному значеніи этого слова, т.-е. любовь, какъ привязанность къ другимъ существамъ, находитъ главную пищу для себя — чтó ее поддерживаетъ и всего лучше выражаетъ. Нашъ критикъ очевидно смѣшалъ два различныя значенія термина „любить“, чтó невозможно было бы въ другихъ языкахъ, напр. въ англійскомъ, гдѣ этимъ двумъ понятіямъ соотвѣтствуютъ совершенно различныя слова (like и love).

Остаются первыя два возраженія, наиболѣе серьезныя. Влюбленный дѣйствительно воспріимчивъ не только къ музыкѣ, но и къ красивому виду, и къ лунному свѣту. Но мы этого и не отрицали. Для насъ важно только то, что музыка служитъ главнымъ и самымъ вѣрнымъ отраженіемъ нашихъ чувствъ, причемъ музыка въ обширномъ смыслѣ слова обнимаетъ не только гармонію тоновъ, но и гармонію словъ, т.-е. членораздѣльныхъ звуковъ—въ поэзіи, такъ какъ и эта послѣдняя прежде

всего дѣйствуетъ на слухъ. Напротивъ, живопись и скульптура гораздо болѣе служатъ выраженіемъ нашихъ идей и объективныхъ ощущеній, чѣмъ чувствъ и стремленій. Отсюда наклонность къ составленію и воспроизведенію пѣсней у всѣхъ народовъ и людей въ эпоху низкаго развитія ума и въ эпоху преобладанія чувствительности. Вѣдь не приходитъ же имъ въ голову выражать свои печали и радости, свои желанія и страсти—въ картинахъ и изваяніяхъ. Далѣе, и въ развитыхъ обществахъ музыкальное воспроизведеніе служитъ обычнымъ способомъ воплощенія субъективной жизни человѣка: романсы исключительно посвящены изображенію чувствъ и страстей. Даже театральныя представленія, имѣющія своимъ предметомъ изображеніе субъективной жизни человѣчества, ставятъ главною своею основою музыкальную композицію (опера). Да и вообще, если бы можно было вычеркнуть изъ жизни человѣка всѣ его чувства, волненія и страсти, то музыка и поэзія, въ тѣсномъ значеніи слова, потеряли бы всякій смыслъ. Критикъ указываетъ далѣе на тотъ фактъ, что не только виртуозъ отличается особеннымъ богатствомъ субъективной жизни, но и живописецъ, и скульпторъ, и поэтъ. Последняго мы оставимъ въ сторонѣ—въ виду всего сказаннаго нами о родствѣ музыки и поэзіи. Что же касается до живописца и скульптора, то, говоря о богатствѣ ихъ субъективной жизни, приходится понимать терминъ „субъективной жизни“ уже совершенно въ другомъ значеніи. Подъ богатствомъ субъективной жизни часто подразумѣвается не только обиліе чувствъ и страстей, но и интенсивность, и разнообразіе идей, вообще продуктовъ внутренней, *теоретической* дѣятельности сознанія, въ противоположность внѣшней, *практической*. Вообще не надо забывать, что почти всѣ термины психологическіе, вслѣдствіе долгихъ колебаній, выпавшихъ на долю нашей науки, употребляются въ нѣсколькихъ, иногда даже противоположныхъ, значеніяхъ, и понятіе „субъективнаго“ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу самыхъ шаткихъ. Если основательно разобрать вопросъ, какая область сознанія всего богаче у живописцевъ и скульпторовъ, то окажется, что они живутъ гораздо болѣе представленіями и ощущеніями объективными, чѣмъ чувствомъ. Иногда, конечно, и въ произведеніяхъ живописи и скульптуры изображаются аффекты и чувства, но даже и въ этихъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ скорѣе изображаются идеи объ этихъ состояніяхъ, чѣмъ самыя состоянія,—тогда какъ музыка непосредственно воплощаетъ чувства и волненія. Это различіе кажется намъ весьма существеннымъ, тѣмъ болѣе, что живописецъ иногда прямо даже пренебрегаетъ чувственнымъ эффектомъ своей картины на зрителя, чтобы правдивѣе выразить свою идею. Ради этой идеи ему прощается голый реализмъ. Напротивъ, реализмъ въ музыкѣ допускается только

въ предѣлахъ гармоніи; самые диссонансы являются только средствомъ ярче отгѣнить гармонію; музыка, которая бы исключительно была основана на диссонансахъ, заставила бы бѣжать на край свѣта, тогда какъ картина, изображающая самыя безобразныя явленія жизни, высоко цѣнится, если содержитъ въ себѣ истину. Такимъ образомъ, повторимъ опять, доводы рецензента противъ указанной выше параллели ощущеній теряютъ свои силы. За всѣмъ тѣмъ, мы по прежнему будемъ признавать ея гипотетичность, пока новые факты или подтвердятъ ее окончательно, или наглядно опровергнутъ. Вѣроятность этой гипотезы пока весьма значительна, и мы согрѣшили только тѣмъ, что въ своей книгѣ недостаточно подтвердили свое сопоставленіе примѣрами, и тѣмъ самымъ способствовали возникновенію указанныхъ недоразумѣній въ мысляхъ нашего почтеннаго критика.

Авторъ рецензіи находитъ, впрочемъ, и другія наши параллели слабыми и недостаточно мотивированными. Въ недостаточной мотивировкѣ свой классификаціи, происшедшей главнымъ образомъ отъ экономіи мѣста и времени и вслѣдствіе излишняго довѣрія къ проницательности читателей, мы охотно сознаемся. Но правильность нашихъ параллелей мы надѣемся отстоять и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

Прежде всего рецензентъ находитъ, что не одни только зрительныя ощущенія служатъ внѣшними средствами контроля для объективныхъ, т.-е. познавательныхъ, процессовъ сознанія,—что и звуковыя въ равной мѣрѣ служатъ этой цѣли. Опять отвѣтимъ, что мы нигдѣ не говорили, чтобы *одни* зрительныя ощущенія контролировали познавательную дѣятельность человѣка. Мы разумѣли только преимущественное значеніе этихъ послѣднихъ въ указанномъ отношеніи, и могли бы, въ свое оправданіе, опереться на авторитетъ Вундта, краснорѣчиво доказывающаго въ своемъ сочиненіи „Душа человѣка и животныхъ“, что $\frac{9}{10}$ нашего познавательнаго матеріала черпается нами изъ ощущеній зрительныхъ. Если такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что нельзя ставить контрольную силу этихъ послѣднихъ въ сферѣ познанія на одинъ уровень съ регулирующимъ значеніемъ прочихъ группъ внѣшнихъ ощущеній. Въ своемъ собственномъ опытѣ мы постоянно находимъ подтвержденіе этому выводу: всегда, совершенно даже инстинктивно, мы спѣшимъ провѣрить вѣрность ощущеній слуховыхъ, осязательныхъ, вкусовыхъ и т. д. зрительными ощущеніями, т.-е. *взглядомъ* на форму, цвѣтъ, величину и другія особенности предмета. Напротивъ, повѣрять зрительное ощущеніе слуховыми или осязательными намъ весьма рѣдко приходится въ голову и только въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ основаніе предположить въ предметѣ особыя, специфическія свойства, доступныя

какимъ-нибудь другимъ чувствамъ и интересующія насъ въ данную минуту. Извѣстно также, что подъ *наблюденіемъ*, какъ методомъ научнаго изслѣдованія, мы почти исключительно разумѣемъ совокупность сознательныхъ зрительныхъ воспріятій. Всѣ главные приемы наблюденія, въ какой бы ни было наукѣ, предполагаютъ участіе глаза, безъ котораго никакіе точные выводы немыслимы. Кромѣ того, въ своихъ параллеляхъ мы указываемъ главнымъ образомъ на примитивныя, первоначальныя отношенія процессовъ воспріятія, а не на тѣ, которыя являются продуктомъ дальнѣйшаго ихъ осложненія и развитія. Первоначально же ощущенія зрительныя служатъ не только главными, но и единственными почти орудіями познавательной дѣятельности. Животныя, у которыхъ слухъ весьма плохо развитъ, которыя вовсе лишены членораздѣльной рѣчи, и у которыхъ органы осязанія имѣютъ самое грубое устройство (переднія лапы четвероногихъ), почти всецѣло черпаютъ свои знанія о внѣшнемъ мірѣ изъ зрительныхъ ощущений, такъ какъ обоняніе, которое у иныхъ весьма сильно развито, очевидно не столько обогащаетъ ихъ умъ, сколько руководитъ низшими ихъ инстинктами: самая односторонность обонятельныхъ ощущений мѣшаетъ имъ быть источникомъ ясныхъ представленій о предметахъ. Точно также и умъ ребенка, еще не владѣющаго своими членами и не понимающаго членораздѣльной рѣчи, въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ жизни, дающихъ ему, какъ извѣстно, такой огромный процентъ знаній, сравнительно съ позднѣйшими годами, обогащается представленіями объ окружающихъ предметахъ и явленіяхъ почти исключительно при помощи зрѣнія. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, роль, которую мы приписали зрительнымъ ощущеніямъ, очевидно не вымыслена.

Далѣе, нашъ критикъ думаетъ, что ощущенія, связанныя съ воспріятіемъ, имѣютъ точку соприкосновенія не только съ ощущеніями мускульными, но и съ зрительными, слуховыми и т. д. Опять и это замѣчаніе едва ли подрываетъ нашу классификацію. Подъ внутренними ощущеніями, связанными съ воспріятіемъ, мы разумѣемъ ощущенія въ самыхъ органахъ воспріятія, напр. ощущенія щеко-танія, колотья, напряженія и т. д., вообще всѣ такъ-называемыя нервныя, въ тѣсномъ значеніи этого слова, задача которыхъ — предупредить сознаніе о неправильностяхъ, могущихъ произойти въ функционированіи упомянутыхъ органовъ. Эти ощущенія въ нѣкоторыхъ аппаратахъ воспріимчивости такъ незначительны, что, напр., можно перерѣзывать глазной нервъ и иными путями раздражать глазъ, не вызывая почти никакихъ органическихъ ощущений, въ родѣ боли или натяженія, а лишь специфическія ощущенія, свойственныя данному органу (искра, блески въ 'глазу). Такіе факты въ экономіи

организма, вѣроятно, объясняются тѣмъ, что самая дѣятельность органовъ воспріятія исключительно внѣшняя, зависящая совершенно отъ условій среды, а потому и ощущенія, ее контролирующія, должны по преимуществу быть того же внѣшняго характера. Спрашивается: какія же внѣшнія ощущенія исполняютъ подобное назначеніе? Зрительныя, слуховыя и т. д., т.-е. ощущенія цвѣтовъ, тоновъ, звуковъ и проч., служатъ всегда какимъ-нибудь инымъ цѣлямъ, и такъ какъ, въ силу нашей организаціи, они весьма медленно и слабо утомляютъ органы, то естественно, что они плохо способны контролировать ихъ дѣятельность. Но извѣстно, что, сверхъ *специфическихъ* ощущеній органовъ чувствъ, во всѣхъ воспріятіяхъ играютъ болѣе или менѣе значительную роль ощущенія мышечныя, которыми опредѣляются форма, величина, вѣсъ, разстоянія и вообще всѣ количественныя отношенія предметовъ. Эти-то ощущенія, которыя мы назвали *внѣшними* въ виду того, что причины, ихъ вызывающія, лежатъ во внѣшней средѣ, а не въ организмѣ ¹⁾, и являются, безъ сомнѣнія, главными средствами контроля въ дѣятельности органовъ чувствъ, такъ какъ они отражаютъ количественную сторону внѣшнихъ раздраженій, т.-е. указываютъ на ихъ интенсивность и продолжительность, чтò и служитъ наилучшимъ критеріемъ при опредѣленіи степени нормальности функцій означенныхъ органовъ. Такимъ образомъ, и эта третья параллель совершенно законна.

Далѣе, нашъ рецензентъ недоумѣваетъ: на какомъ основаніи ощущенія, связанныя съ движеніемъ, поставлены въ параллель съ ощущеніями осязательными, а не мускульными? Подъ ощущеніями, связанными съ движеніемъ, мы разумѣли въ своей книгѣ органическія мышечныя ощущенія, регулирующія изнутри движенія нашихъ членовъ и служащія показателями процессовъ питанія въ мускулахъ. Отдѣленіе этихъ органическихъ мышечныхъ ощущеній отъ прежде разсмотрѣнныхъ внѣшнихъ, какъ мы указали въ своемъ сочиненіи, не наше личное измышленіе: необходимость его признана Вундтомъ и многими другими психологами фізіологической школы. Вопросъ о передаточныхъ аппаратахъ этихъ органическихъ мышечныхъ ощущеній еще весьма спорный, и гипотезы фізіологовъ (напр. Генле, Шписса, Эйленбурга и др.) о способѣ сообщенія органическихъ раздраженій изъ мускуловъ въ центры весьма разнообразны (см. Volkmann, Psychologie, I, 295). Тѣмъ не менѣе, самая польза

¹⁾ Противъ наименованія этихъ мускульныхъ ощущеній внѣшними нельзя приводить того соображенія, что непосредственный источникъ ихъ въ *центральной* иннервации, такъ какъ во всѣхъ ощущеніяхъ самый механизмъ въ сущности внутреннихъ, а не внѣшній—внѣ организма могутъ лежать только поводы или толчки, вызывающіе этотъ механизмъ къ дѣятельности.

разграниченія мускульныхъ ощущеній, периферическихъ и центральныхъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Что касается до вопроса, могутъ ли тѣ и другія быть признаны соотвѣтствующими по своему назначенію въ экономіи организма, то на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Уже не говоря о томъ, что внѣшнія мускульныя ощущенія служатъ для контроля совершенно иныхъ процессовъ—воспріятія, какъ мы это видѣли выше,—самыя движенія, съ которыми они связаны, обыкновенно безсознательны и инстинктивны. Такимъ образомъ, отношеніе интенсивности внѣшнихъ и внутреннихъ мускульныхъ ощущеній почти во всѣхъ органахъ обратное: чѣмъ значительнѣе внѣшнія мускульныя ощущенія, тѣмъ слабѣе внутреннія (въ высшихъ органахъ чувствъ), и напротивъ—чѣмъ интенсивнѣе внутреннія, тѣмъ слабѣе внѣшнія (въ нижнихъ конечностяхъ). Бѣльшее или меньшее соотвѣтствіе въ величинѣ тѣхъ и другихъ мы находимъ лишь въ верхнихъ конечностяхъ. Но достаточно самой возможности контраста между ними, чтобы отвергнуть предположеніе объ ихъ параллелизмѣ. Напротивъ, осязательныя ощущенія, какъ мы постоянно убѣждаемся въ своемъ опытѣ, служатъ важнѣйшимъ регуляторомъ въ движеніяхъ нашихъ членовъ—рукъ, ногъ и туловища. Они постоянно предохраняютъ насъ отъ промаховъ въ этихъ движеніяхъ; безъ помощи осязанія мы бы вѣчно спотыкались и падали, брали бы не тѣ предметы, какіе намъ требуются, натыкались бы въ темнотѣ на мебель и на стѣны и т. д. Самая привычка ходьбы, какъ давно показали изслѣдованія психологовъ, пріобрѣтается дѣтми исключительно благодаря осязательнымъ ощущеніямъ. Точно также привычка правильного хватанія предметовъ и держанія ихъ въ рукахъ не могла бы быть пріобрѣтена безъ помощи осязанія. Стало быть, контролирующее значеніе осязательныхъ ощущеній во всѣхъ процессахъ движенія организма достаточно ясно.

Наконецъ, нашъ рецензентъ возражаетъ противъ параллелизма между органическими ощущеніями кровообращенія и внѣшними тепловыми. „Касаясь поверхности тѣла, кожи, говоритъ онъ, тепловыя ощущенія могутъ не имѣть ничего общаго съ процессомъ кровообращенія, а достигнувъ извѣстной степени интенсивности, они вліяютъ столько же на процессъ кровообращенія, сколько и на процессъ дыханія“. На это мы отвѣтимъ, что и самыя поверхностныя, мѣстныя тепловыя раздраженія несомнѣнно оказываютъ дѣйствіе на кровообращеніе, если не всего организма, на чемъ мы и не думали настаивать, то по крайней мѣрѣ того органа, на который дѣйствуютъ тепло и холодъ, а этого достаточно для того, чтобы наше сопоставленіе было признано вѣрнымъ. Что касается до вліянія большого тепла и холода на процессъ дыханія, то вліяніе это несомнѣнно

косвенное, а не прямое: ускоряя кровообращеніе и сократительныя движенія сердца, интенсивная теплота, по связи дѣятельности сердца и легкихъ, оказываетъ косвенное дѣйствіе и на дыхательные процессы. Если же теплота и холодъ, сверхъ того, вліяютъ на составъ окружающаго организмъ атмосфернаго воздуха, какъ это въ дѣйствительности часто бываетъ, то при этомъ ихъ дѣйствіе на легкія тѣмъ болѣе должно быть признано косвеннымъ, а не прямымъ. Напротивъ, на процессъ кровообращенія теплота и холодъ дѣйствуютъ прямо и непосредственно, вызывая сокращеніе или растяженіе кровеносныхъ сосудовъ. Вотъ, почему ощущенія температурныя мы признали по преимуществу средствами контроля надъ процессомъ кровообращенія.

Противъ остальныхъ параллелей — между ощущеніями: 1) обонятельными и связанными съ дыханіемъ; 2) вкусовыми и связанными съ пищевареніемъ; 3) половыми и связанными съ выдѣленіемъ, — нашъ критикъ ничего не возражаетъ, изъ чего можно заключить, что онъ считаетъ ихъ правильными. Поэтому, доказавъ фиктивность всѣхъ недостатковъ, которые онъ думалъ найти въ прочихъ пяти случаяхъ, мы, конечно, отказываемся признать его выводъ, что наша классификація ощущеній неправильна. А въ такомъ случаѣ, и проистекающія *отсюда*, по его мнѣнію, „неправильности и натяжки въ классификаціи чувствованій и чувствъ“, при ближайшемъ разсмотрѣніи должны оказаться мнимыми. Остановимся подробнѣе на разборѣ этихъ неправильностей и натяжекъ, на сколько они отмѣчены рецензентомъ.

Какъ скоро правильно различіе и даже, до извѣстной степени, обратное отношеніе между ощущеніями мускульными, внѣшними и внутренними или органическими, то совершенно законно теоретически — отдѣленіе отрицательнаго страданія при ощущеніи недостатка мышечной иннерваціи отъ такого же страданія при ощущеніи насильственнаго покоя. Непріятныя чувствованія перваго рода, какъ мы обозначили скобками въ текстѣ, по нашему мнѣнію, представляютъ весьма рѣдкое явленіе, и это понятно, какъ скоро мы признали, что движенія органовъ, связанныя съ процессомъ воспріятія, болѣею частью автоматичны и возникаютъ безсознательно. Тѣмъ не менѣе, есть случаи, когда мы испытываемъ болѣе или менѣе ясно подобныя чувствованія, напр. когда мы стараемся опредѣлить глазомъ величину или форму весьма отдаленнаго предмета, и сознаемъ, что всѣ перемѣщенія оптическихъ осей для этого недостаточны. Сознавая такую недостаточность соотвѣствующихъ мышечныхъ иннервацій для предположенной цѣли, мы испытываемъ отрицательное неудовольствіе, имѣющее совершенно другой характеръ и другой смыслъ, чѣмъ отрицательное страданіе, ощущаемое при насильственномъ

покоѣ какихъ-нибудь нашихъ органовъ, напр., ногъ—когда мы принуждены часа три-четыре высидѣть, не вставая, на какомъ-либо публичномъ чтеніи. Приведемъ другой примѣръ, еще болѣе наглядный. Когда мы бѣжимъ, что называется, во весь опоръ, чтобы догнать ѣдущаго впереди въ экипажѣ пріятеля своего, которому хотѣли бы сообщить важное дѣло, и сознаемъ, что всѣ наши усилія напрасны и недостаточны, то неудовольствіе наше имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ если мы принуждены идти медленно, потому что нашъ спутникъ хромаетъ, между тѣмъ какъ мы сами чувствуемъ приливъ энергіи къ нижнимъ конечностямъ и желали бы дать полный ходъ этой энергіи. Нашъ критикъ, можетъ быть, возразитъ намъ, что въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ недостатка мышечной иннерваціи мы страдаемъ скорѣе положительно, чѣмъ отрицательно, ибо ощущаемъ родъ утомленія и чрезмѣрнаго напряженія въ органахъ. Но на это мы ему отвѣтимъ, что въ обоихъ случаяхъ можно предположить и совершенную свѣжесть, и большой избытокъ силъ въ этихъ органахъ, при отсутствіи возможности разомъ воспользоваться имъ для предположенной дѣли. А затѣмъ, останется, конечно, возможность совпаденія отрицательнаго страданія отъ недостатка иннерваціи съ положительнымъ страданіемъ отъ чрезмѣрнаго периферическаго напряженія мышцъ. Такое совпаденіе не только не противорѣчитъ, но очевидно даже благопріятствуетъ предположенію, что есть два рода чувствованій, связанныхъ съ мускульною дѣятельностью, моменты которыхъ обыкновенно не согласуются другъ съ другомъ. Такъ, бываютъ случаи, когда—неудовольствіе недостаточной иннерваціи сопровождается болѣе или менѣе замѣтнымъ + удовольствіемъ нормальнаго периферическаго возбужденія мышцъ, или когда + удовольствие нормальной мышечной иннерваціи совпадаетъ съ + страданіемъ ненормальнаго периферическаго напряженія мускуловъ. Последняго рода смѣшанное состояніе мы лично не разъ испытывали, при посѣщеніи парижской выставки 1878 года: глаза едва поворачивались въ своихъ орбитахъ отъ усталости, а между тѣмъ мы не утрачивали способности наслаждаться разнообразными отношеніями предметовъ въ пространствѣ. Сила центральной иннерваціи при этомъ, очевидно, переживала энергію мускульной системы. Такимъ образомъ, не мы, а нашъ почтенный критикъ допустилъ маленькую натяжку, желая соединить въ одинъ классъ разнородное.

Далѣе, ему кажется гадательнымъ классъ отрицательныхъ страданій при очень слабыхъ ощущеніяхъ въ органахъ осязанія, возбуждающихъ только щекотаніе кожи. Въ признаніи самостоятельности этого класса страданій мы слѣдовали физиологу Ришэ, считающему ощущенія щекотанія и зуда—*особой* модификаціей боли (Rech. s. la

sensib., 323 и слѣд.), причемъ онъ указываетъ, что Броунъ-Секвартъ шелъ еще далѣе, пробуя выдѣлить ощущенія щекотанія въ совершенно оригинальную группу явленій чувствительности (*pallesthésie*). Мы же съ своей стороны позволили себѣ только отнести эти неприятыя ощущенія къ категоріи *отрицательныхъ* страданій въ виду того, что и фізіологія признаетъ ихъ источникомъ слишкомъ легкое, *недостаточное* раздраженіе нашей периферической поверхности. Далѣе, сопоставленіе этихъ ощущеній съ ощущеніями насильственного покоя было вызвано тѣмъ соображеніемъ, что средствомъ для прекращенія какъ тѣхъ, такъ и другихъ, одинаково является движеніе соотвѣтствующихъ органовъ, — на томъ же основаніи мы соединили ихъ въ послѣдствіи въ одну группу первичныхъ чувствъ подъ рубрикою „чувства стѣсненія“. Каждому извѣстно по собственному опыту, что ощущенія легкаго щекотанія или зуда въ кожѣ прямо вызываютъ потребность перемѣнить положеніе тѣла и вслѣдъ за симъ ощущеніе насильственного покоя, если что-либо препятствуетъ этой перемѣнѣ. Точно такъ и обратно: ощущеніе насильственного покоя обыкновенно вызываетъ ощущенія щекотанія и ползанія мурашекъ на поверхности кожи тѣхъ органовъ, движеніе которыхъ стѣснено. Наконецъ, что касается до совѣта связать съ чувствомъ стѣсненія, бездѣйствія—ощущенія недостаточной мышечной иннерваціи, которыя по нашей теоріи служатъ однимъ изъ источниковъ развитія чувства нетерпѣнія, бездѣйствія,—то разсмотрѣнное выше различіе периферическихъ и центральныхъ мускульныхъ ощущеній не позволяетъ намъ воспользоваться этимъ совѣтомъ. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ достаточно понятно, почему мы поставили ощущенія слишкомъ слабой иннерваціи въ связъ съ чувствомъ нетерпѣнія, а не бездѣйствія: дѣйствіе можетъ и быть на лицо, но въ то же время можетъ не приводить ни къ какимъ результатамъ, вслѣдствіе чего и является тягостное состояніе нетерпѣнія, неудовлетвореннаго ожиданія.

Нашъ критикъ недоумѣваетъ далѣе, на чемъ основанъ параллелизмъ между чувствованіями напряженнаго волненія или возбужденія и дисгармоніи слуховыхъ впечатлѣній. „Въ напряженномъ волненіи, говоритъ онъ, можетъ не быть никакого противорѣчія, никакой дисгармоніи; съ другой стороны, дисгармонія можетъ существовать не только между слуховыми, но и между зрительными впечатлѣніями“. На это возразимъ, что весь вопросъ въ томъ, какъ понимать терминъ „дисгармоніи“. Въ тѣсномъ значеніи слова терминъ „гармонія“ и „дисгармонія“ обыкновенно принято прилагать только къ впечатлѣніямъ слуха, и мы имѣли полное право дать имъ также специальное значеніе въ своей классификаціи. Ограничивать и даже видоизмѣ-

нять значеніе научныхъ терминовъ есть неотъемлемое право всякаго специалиста. Что же касается до самой связи упомянутыхъ двухъ классовъ ощущеній, то она составляетъ лишь частный случай рассмотрѣнной выше общей связи ощущеній слуховыхъ и органическихъ, связанныхъ съ субъективными процессами, вѣроятность которой, какъ намъ кажется, мы достаточно доказали. Въ дополненіе къ выше сказанному мы только прибавимъ, что всякій самъ не разъ испытывалъ конечно, что ощущеніе дисгармоніи въ слуховыхъ впечатлѣніяхъ неизбѣжно ведетъ къ ощущенію ненормальнаго внутреннего возбужденія, и наоборотъ, что всякое ненормальное внутреннее возбужденіе исчезаетъ подъ вліяніемъ гармоническихъ слуховыхъ впечатлѣній. Этимъ послѣднимъ фактомъ пользуются часто, какъ средствомъ укрощенія припадковъ психическаго расстройства: хорошая музыка наиболѣе способна утишать (усмирять) всякія ненормальныя душевныя волненія и болѣзненную игру страстей.

Намъ возражаютъ далѣе, что чувство возстановленнаго согласія ничѣмъ не отличается отъ чувства возстановленной гармоніи. На это и отвѣчать нечего: скажемъ опять, что разграниченіе и отождествленіе различныхъ терминовъ языка есть личное право каждого въ наукѣ, если только онъ можетъ доказать, что существуютъ предметы, которые должно разграничивать или сближать,—а это мы уже достаточно доказали. Такимъ образомъ, и второй выводъ нашего почтеннаго критика, что мы произвольно *сближаемъ разнородное и разъединяемъ однородное* — очевидно основывается лишь на цѣломъ рядѣ недоразумѣній, легко устранимыхъ при ближайшемъ анализѣ мотивовъ, нами руководившихъ.

Отъ анализа частныхъ рецензентъ переходитъ къ критикѣ самыхъ принциповъ. Онъ полагаетъ вообще, что мы даемъ „слишкомъ абсолютное значеніе“ различію положительныхъ и отрицательныхъ чувствованій, которое однакоже, по его словамъ, „имѣетъ безъ сомнѣнія твердое фізіологическое основаніе“. Ему кажется, что въ виду тѣхъ примѣровъ, которые мы сами привели въ своей книгѣ, отклоненія отъ послѣдовательности чувствованій удовольствія и страданія, нами признанныя, не могутъ быть названы только кажущимися, видимыми. Это возраженіе уже прямо основано на томъ, что критикъ не такъ понялъ наши слова, въ чемъ — весьма вѣроятно — мы сами виноваты. Называя отклоненія отъ правильнаго оборота чувствованій кажущимися и видимыми, мы вовсе не разумѣли, чтобы выпаденіе нѣкоторыхъ звеньевъ не было реальнымъ, дѣйствительнымъ фактомъ. Мы хотѣли только сказать, что если, напр., отрицательное удовольствіе прямо слѣдуетъ за положительнымъ, минуя + страданіе, то это не значитъ еще, чтобы не было никакого утом-

ленія въ органѣ, т.-е. того фізіологическаго условія, которое могло вызвать + страданіе; напротивъ, возможность отрицательнаго удовольствія по прекращеніи дѣятельности показываетъ ясно, что истощеніе тканей было, хотя чувство утомленія по какимъ-нибудь причинамъ и не дошло до сознанія субъекта. Съ другой стороны, если интенсивность отрицательнаго удовольствія, повидимому, не оправдывается интенсивностью предшествующаго утомленія, то надо предполагать, что въ предъидущихъ оборотахъ дѣятельности по какимъ-нибудь причинамъ выпадалъ моментъ возстановленія тканей и соотвѣтствующаго отрицательнаго удовольствія, вслѣдствіе чего въ настоящемъ оборотѣ, такъ-сказать восполняется неправильность прежнихъ круговоротовъ дѣятельности. Вообще мы разумѣли, что отдѣльные обороты дополняютъ другъ-друга, такъ что въ цѣломъ, in Durchschnitt, какъ говорятъ нѣмцы, величина различныхъ моментовъ чувствительности остается *соотносительною*. Такимъ образомъ, мы и не думали отрицать, какъ упрекаетъ насъ критикъ, чтобы въ отдѣльныхъ случаяхъ работа не могла быть неравносильна наслажденію, а усталость—страданію. Мы только держались и держимся убѣжденія, что подобные частные случаи диспропорціональности не только не измѣняютъ общаго закона, но еще болѣе подтверждаютъ его, ибо вполне объясняются имъ, какъ скоро взять совокупность большого числа случаевъ съ точки зрѣнія ихъ взаимнаго дополненія. Ошибка наша состояла только въ томъ, что мы недостаточно точно выяснили смыслъ своего понятія о *кажущемся* характерѣ отклоненій въ порядкѣ чувствованій. Упрекъ, что мы сосредоточили все свое вниманіе на фізіологической сторонѣ процесса, упустивъ изъ виду сторону психологическую, по этому самому тоже имѣетъ лишь отрицательное значеніе. Мы только не разобрали подробно вліянія психическихъ условій на указанные отклоненія, хотя вполне допускаемъ подобное вліяніе. Толкованіе фактовъ, въ родѣ того, что „трата накопившейся въ насъ энергіи можетъ не доставлять намъ ни малѣйшаго наслажденія, если сопряжена съ трудомъ, скучнымъ и ненавистнымъ“, или что „любимая, вдохновляющая работа можетъ быть продолжаема съ наслажденіемъ, несмотря на крайнюю усталость“, не только можетъ вполне согласоваться съ нашей теоріей, но даже лишь съ точки зрѣнія этой теоріи и можетъ быть правильнымъ. Такъ, ассоціація впечатлѣній скуки съ какимъ-нибудь трудомъ, дѣйствуя подавляющимъ образомъ на нашу энергію и вызывая гораздо большія усилія ума при выполненіи задачи, чѣмъ какихъ она требуетъ въ другихъ случаяхъ, естественно весьма быстро производитъ истощеніе силъ и вызываетъ утомленіе въ соотвѣтствующихъ органахъ. Наоборотъ, интересъ и вдохновеніе способны утроить и учетверить энергію ума

и другихъ членовъ, т.-е. могутъ служить источникомъ продолжительнаго притока силъ къ данному органу изъ прочихъ частей организма, такъ что работа будетъ сопровождаться чувствомъ удовольствія долго послѣ того, какъ обычный запасъ умственныхъ силъ будетъ уже исчерпанъ. Иначе сказать, психическіе мотивы могутъ столько же вліять на возрастаніе и уменьшеніе количества энергіи въ тканяхъ, какъ и чисто фізіологическіе: питаніе органовъ можетъ усиливаться и ослабляться соотвѣтственно психической оцѣнкѣ ихъ дѣятельности. Все это нисколько не противорѣчитъ нашей теоріи, потому что за симъ трата силъ, какимъ бы путемъ онѣ ни были пріобрѣтены, все-таки будетъ происходить по указаннымъ нами законамъ. Упрекъ въ „абсолютизмъ“, стало быть, незаслуженный — мы только настаивали на *всеобщности* законовъ, управляющихъ смѣною чувствованій.

Рецензентъ упрекаетъ насъ, далѣе, въ чрезмѣрномъ стараніи удовлетворить правилалъ *симметріи* въ нашей классификаціи чувствованій, вслѣдствіе чего нѣкоторые звенья ея искусственны и могли бы быть выброшены совершенно. Конечно, этотъ новый упрекъ не можетъ имѣть никакой цѣны, пока онъ не подтвержденъ фактами, ибо стремленіе къ симметріи и къ полнотѣ перечисленія вполне законно само по себѣ, лишь бы оно не противорѣчило дѣйствительнымъ отношеніямъ явленій. Перейдемъ же прямо къ тѣмъ фактамъ, которыми нашъ критикъ оправдываетъ свое обобщеніе. Онъ находитъ, напр., незаконнымъ различіе $+$ удовольствія, связаннаго съ правильнымъ кровообращеніемъ, отъ отрицательнаго удовольствія, связаннаго съ возстановленнымъ кровообращеніемъ, — такъ какъ „возстановленное кровообращеніе и есть правильное“. Совершенно вѣрно, но если такъ, то и вообще разграниченіе $+$ и $-$ удовольствій незаконно, потому что въ конечномъ своемъ результатѣ соотвѣтствіе траты накопленію веществъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ соотвѣтствія накопленія силъ ихъ тратѣ: въ обоихъ случаяхъ одинаково является задачею полное равновѣсіе въ тканяхъ. Различіе состоитъ только въ томъ, какой процессъ предшествуетъ и какой слѣдуетъ. Мы сочли разницу въ преемствѣ этихъ процессовъ достаточною для противоположенія $+$ и $-$ удовольствій; самъ критикъ, какъ мы видѣли, призналъ законность этого основанія, — поэтому мы не видимъ, отчего въ одномъ случаѣ должно отрицать то, чтó признано въ другихъ, совершенно тождественныхъ. Органы кровообращенія дѣйствуютъ по тѣмъ же законамъ, какъ и всѣ прочіе: и ихъ ткани способны тратиться и возстановляться, а слѣдовательно и въ этой сферѣ отправленій должно различать нормальную положительную молекулярную работу тканей отъ нормальной отрицательной. Вопросъ

можетъ быть только о бѣльшей или меньшей сознательности процессовъ обоого типа и о названіяхъ, при помощи которыхъ лучше всего обозначить контрастъ соотвѣтствующихъ состояній удовольствія. Мы охотно сознаемся, что наши опредѣленія неудачны; но вѣдь критикъ взираетъ не противъ названій, а противъ самыхъ понятій, имъ соотвѣтствующихъ.

Тѣ же замѣчанія примѣнимы и къ возраженію, направленному противъ различія + и — удовольствій въ области процессовъ воспріятія: закрывая съ наслажденіемъ глаза послѣ утомительнаго смотрѣнія въ даль, мы испытываемъ совершенно иного рода удовольствіе, чѣмъ когда наслаждаемся видомъ красивой мѣстности. Споръ опять можетъ касаться только обозначеній. Въ области умственной дѣятельности то же самое: можно ли смѣшивать удовольствіе умственнаго отдыха, состоянія чисто пассивнаго, съ удовольствіемъ умственной работы, состоянія активнаго. Удовольствіе сна (т.-е. засыпанія) есть типическое проявленіе ощущеній первой группы, удовольствіе вдохновленной творческой работы—такое же проявленіе ощущеній второго рода.—Стало быть, и въ классификаціи *чувствованій*, какъ съ точки зрѣнія общихъ принциповъ, такъ и въ отношеніи къ частностямъ, едва ли можно открыть какія-либо существенныя неправильности и натяжки.

Перейдемъ къ критикѣ *классификаціи первичныхъ чувствъ*. Во-первыхъ, если мы приводили по нѣскольку терминовъ для обозначенія того же первичнаго чувства, то это не значитъ, чтобы мы признавали ихъ совершенно тождественными: мы хотѣли только полнѣе выразить каждый классъ чувствъ, обозначивъ различныя, хотя и сходныя между собою, проявленія его. Такъ, грусть и ревность одинаково имѣютъ причиною невозможность достигнуть желаннаго общенія съ любимымъ существомъ. Во-вторыхъ, если мы употребляли близкіе по своему обычному значенію термины для выраженія совершенно различныхъ идей, то къ тому побуждалъ насъ недостатокъ словъ. Самъ критикъ упоминаетъ, что мы называемъ первичныя чувства—за отсутствіемъ спеціальной для нихъ терминологіи,—именами, выработанными для чувствъ болѣе сложныхъ, вообще въ обыкновенной рѣчи удовлетворяющими другимъ цѣлямъ. Мы нарочно просили читателя отвѣчаться отъ всѣхъ *обычныхъ* ассоціацій словъ и вникнуть въ самыя идеи, ими обозначаемыя. Между тѣмъ нашъ критикъ становится именно на точку зрѣнія этихъ обычныхъ ассоціацій. Нельзя же разбирать научную терминологію на основаніи степени ея соотвѣтствія съ совершенно случайной популярной терминологіей. Замѣтимъ еще, что нѣкоторые наши понятія совершенно невѣрно поняты рецензентомъ. Такъ, онъ

думаетъ, что подъ взаимодѣйствіемъ организмовъ, „animal contact“, мы разумѣемъ только половое ихъ общеніе, между тѣмъ какъ и любовь родительская, и дѣтская, и дружба, и любовь къ ближнимъ, и патріотическая любовь (къ своему народу) обнимаются этимъ понятіемъ, хотя и въ различной степени, потому что одни виды любви первоначальнѣе, другіе образуются позднѣе. Бэнъ тоже считаетъ „animal contact“ основою всѣхъ привязанностей человѣка и животныхъ ¹⁾. Стало быть, подъ ревностью мы сами разумѣли и „гнѣвъ собаки, когда хозяинъ ея ласкаетъ другую собаку, и досаду ребенка, когда мать его ласкаетъ другого ребенка“. Въ возраженіяхъ противъ нашего понятія о первичныхъ чувствахъ есть только одна важная сторона, на которой мы въ заключеніе и остановимся.

Нѣсколько разъ нашъ критикъ настаиваетъ на той мысли, что отдѣльныя первичныя чувства не могутъ быть сведены къ *одному* источнику, къ *одной* группѣ ощущеній. Но въ подтвержденіе этой мысли приводятся опять такія соображенія, которыя весьма легко опровергнуть. Дѣло касается происхожденія чувства страха и злобы,—перваго изъ примитивныхъ чувствованій, связанныхъ съ процессомъ дыханія, второго изъ такихъ же чувствованій, связанныхъ съ процессомъ питанія. „Не всякая опасность, говоритъ рецензентъ, отражается прежде всего на органахъ дыханія: извѣстенъ страхъ, наводимый на животныхъ ядовитыми змѣями, а между тѣмъ послѣднія дѣйствуютъ на своихъ враговъ не удушеніемъ и не удавленіемъ“. Но здѣсь очевидно идетъ рѣчь объ условіяхъ возникновенія не первичной, а вторичной, уже обобщенной, формы страха. На этой ступени развитія, какъ мы сами указываемъ, страхъ вызывается *всякой опасностью*, какому бы органу она ни грозила. Точно также, если „чувство злобы возбуждается при видѣ соперниковъ въ половомъ подборѣ“, то и тутъ мы уже имѣемъ дѣло съ чувствомъ вторичной, а не первичной сложности. Въ послѣднихъ двухъ главахъ нашего сочиненія такія недоразумѣнія были бы невозможны. Тамъ, между прочимъ, подробно разъясняются причины, почему интеграція *разнородныхъ* чувствованій совпадаетъ только съ третичною и съ еще болѣе высокими ступенями ихъ осложненія (стр. 541 и др.).

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны признать, что возраженія почтеннаго критика ничего существеннаго не могутъ измѣнить въ нашей теоріи. Все прегрѣшеніе наше состоитъ только въ

---

¹⁾ Видами этого animal contact являются какъ дружеское пожатіе руки, такъ и поцѣлуй матери, такъ и объятіе ребенка.

слишкомъ большой сжатости изложенія. Многое осталось еще неяснымъ для нашихъ читателей. Что касается до правильности самой теоріи, то мы думаемъ вообще, что не *логическими* разсужденіями она можетъ быть опровергнута, а развѣ только *фактическими* данными и наблюденіями, намъ неизвѣстными, и притомъ фактами, строго проверенными на цѣломъ рядѣ случаевъ,—такъ что ошибочное толкованіе ихъ уже невозможно. Логическое же построеніе нашей теоріи уже потому должно быть правильно, что она является результатомъ весьма долгаго размышленія и изученія фактовъ, а равно и неоднократно повѣрки выводовъ этими послѣдними. Всѣ тѣ логическіе промахи, которые еще были допущены нами въ первоначальной обработкѣ нашей теоріи (въ статьѣ Rev. philos.) въ время были нами замѣчены и тщательно исправлены. Подобная задача не трудна, если нѣтъ предвзятыхъ метафизическихъ теорій, которыя бы вліяли на анализъ, и если изслѣдователь во всякую минуту готовъ отказаться отъ своихъ выводовъ, какъ скоро явятся факты, съ ними несомвѣстимые. Между тѣмъ, именно въ такомъ положеніи находились мы во время работы: не разъ, подѣ вліяніемъ новыхъ наблюденій, мы уже готовы были измѣнить свои заключенія; но потомъ ближайшій анализъ обыкновенно убѣждалъ насъ, что тревога была напрасная. Тѣмъ не менѣе мы и впредь будемъ готовы отказаться отъ своихъ положеній, если точное, фактическое изученіе психической жизни животныхъ и человѣка докажетъ ихъ несостоятельность. Мы только защищались отъ упрековъ, неоснованныхъ на такомъ *точномъ* изученіи.

А теперь позволимъ себѣ указать еще на одну сторону дѣла. Всякая новая теорія приобретаетъ особенную важность, если она имѣетъ какое-нибудь серьезное *практическое приложеніе*. Поэтому, чтобы выяснитъ, насколько стоитъ труда и силъ основательно проверить наши выводы спеціальнымъ изученіемъ того же предмета, мы рассмотримъ вопросъ о *практической примѣнимости* нашей теоріи. Въ своей книгѣ, въ виду ея строго научнаго характера, какъ диссертациі на ученую степень, мы воздержались отъ всякаго разговора о практическомъ приложеніи нашихъ выводовъ, напр., въ рѣшенію *нравственныхъ* вопросовъ. Да будетъ же намъ позволено въ настоящемъ случаѣ хотя бы слегка коснуться этого интереснаго предмета.

Каждому читателю болѣе или менѣе извѣстенъ контрастъ двухъ метафизическихъ доктринъ, именующихъ себя *оптимизмомъ* и *пессимизмомъ*. Сущность первой изъ нихъ состоитъ въ предположеніи, что нашъ міръ есть лучшій изъ возможныхъ міровъ, и что всякое зло въ мірѣ оправдывается необходимостью рельефнѣе отгѣнить

добро и, такъ-сказать, поднять его цѣну. Иначе сказать, добра въ мірѣ болѣе, чѣмъ зла: зло есть только неизбежное и даже полезное дополненіе добра,—чѣмъ далѣе міръ развивается, тѣмъ болѣе онъ совершенствуется и тѣмъ слабѣе становится въ немъ доля зла. Сущность пессимизма состоитъ, наоборотъ, въ признаніи нашего міра за худшій изъ міровъ возможныхъ или, по крайней мѣрѣ, за совокупность золь, среди которыхъ добро занимаетъ лишь незначительное мѣсто, откуда естественно вытекаетъ, что міръ составляетъ продуктъ печальной и безсознательной, хотя и роковой, необходимости, и что лучше было бы, если бы онъ вовсе не существовалъ. Конечно, чѣмъ далѣе міръ развивается, тѣмъ онъ ниже падаетъ—тѣмъ болѣе растетъ пропорція зла и тѣмъ печальнѣе становится судьба человѣка. На ряду съ этими противоположными доктринами время отъ времени пробовала возвысить свой голосъ теорія, посредствующая между ними и ихъ примиряющая, сущность которой состоитъ въ предположеніи, что добро и зло распределены въ мірѣ поровну, что пропорція зла не возрастаетъ и не уменьшается, что временный прогрессъ смѣняется потомъ снова регрессомъ, и что тотъ же самый круговоротъ въ развитіи человѣчества и всего міра постоянно снова возвращается. Но не имѣя строго научныхъ основаній и того внутреннего *обаянія*, какъ воззрѣніе пессимистическое и оптимистическое, эта теорія неспособна была побороть своихъ соперницъ, и пессимизмъ съ оптимизмомъ, по-очереди, снова продолжали находить себѣ представителей среди самыхъ гениальныхъ мыслителей. Поэтому каждая изъ этихъ крайнихъ доктринъ имѣла свою славную исторію и оказывала серьезное вліяніе на ученія *моралистовъ* всѣхъ вѣковъ. Самымъ знаменитымъ представителемъ сознательнаго оптимизма былъ Лейбницъ. Пессимизмъ достигъ своего высшаго апогея въ самое послѣднее время—въ ученія Шопенгауэра и его послѣдователей.

Нѣтъ сомнѣнія, что главная основа контраста оптимизма и пессимизма лежитъ въ противоположныхъ воззрѣніяхъ философовъ на природу удовольствія и страданія. До половины XVIII в., когда большинство философовъ вѣрило въ абсолютное значеніе понятій добра и зла и объективировало эти понятія въ идеѣ особыхъ сущностей, лежащихъ во внѣшней дѣйствительности, эти доктрины могли еще находить себѣ оправданіе и *внѣ* психологическаго ученія объ удовольствіи и страданіи. Но со времени развитія, съ одной стороны, критической философіи, установившей различіе между ноуменами и феноменами, съ другой стороны—утилитаристической доктрины, которая неизбежно привела къ сознанію относительности указанныхъ понятій, единственнымъ серьезнымъ оплотомъ для оптимизма и пессимизма осталось ученіе о природѣ и взаимныхъ отношеніяхъ явле-

ній удовольствія и страданія. Это лучше всего подтверждается на примѣрѣ Шопенгауэра, пессимизмъ котораго, какъ извѣстно, главнымъ образомъ основывается на признаніи отрицательнаго значенія явленій удовольствія и на фактахъ, будто бы доказывающихъ преобладаніе, въ жизни организмовъ, страданій и печалей надъ удовольствіями и радостями. Откуда слѣдуетъ, что если бы какая нибудь психологическая теорія, вполне достовѣрная, могла доказать полную равноправность и постоянное равновѣсіе удовольствій и страданій въ существованіи одушевленныхъ организмовъ, и въ то же время опровергнуть факты мнимаго преобладанія страданій надъ удовольствіями, то пессимизмъ, а равно и оптимизмъ неизбежно потеряли бы всякое серьезное основаніе и утратили бы свое научное вліяніе, такъ что у метафизиковъ одною задачею стало бы меньше.

Впрочемъ, опроверженіе фактовъ, приводимыхъ пессимистами,—совершенно праздная задача, потому что эти факты сами по себѣ ровно ничего не доказываютъ: фактическія основанія, приводимыя пессимистами, основаны большею частью на сравненіи величинъ *несоизмѣримыхъ*, а въ лучшихъ случаяхъ они опровергаются фактами противоположнаго характера. Для примѣра достаточно припомнить извѣстный парадоксъ Шопенгауэра, что преобладаніе зла надъ добромъ вытекаетъ, между прочимъ, изъ сравненія страшныхъ страданій, испытываемыхъ животнымъ, употребляемымъ въ пищу другимъ животнымъ,—съ ничтожнымъ удовольствіемъ, оцущаемымъ этимъ послѣднимъ при поглощеніи своей добычи. Другой такой же парадоксъ—сравненіе числа людей, постоянно гибнущихъ отъ войнъ и различныхъ мирныхъ предпріятій,—съ числомъ тѣхъ, которые пользуются результатами всѣхъ этихъ предпріятій. Въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, упускаются изъ виду два соображенія: 1) что можно сравнивать другъ съ другомъ лишь удовольствія и страданія, испытываемыя каждою особою организмовъ въ отдѣльности; и 2) что можно считать зломъ въ отношеніи къ тѣмъ или другимъ особямъ только тѣ событія, которыя служатъ для нихъ источникомъ дѣйствительныхъ страданій (половина людей, гибнущихъ на войнѣ, погибаетъ моментально безъ всякихъ мученій и почти безсознательно, не говоря уже о томъ, что смерть предстоитъ всякому человѣку, и что смерть на войнѣ или въ угольныхъ копяхъ, если взять всю совокупность случаевъ, едва ли тяжелѣе смерти отъ различныхъ болѣзней на своей собственной постели). Такимъ образомъ, опроверженіе фактовъ, на которые пессимисты указываютъ, совершенно бесполезно, потому что оцѣнка этихъ фактовъ въ большинствѣ случаевъ основана на какой нибудь логической ошибкѣ. Остается, стало быть, только доказать, что удовольствія и страданія каждой лич-

ности всегда пребываютъ въ равновѣсіи—и тогда философскій пессимизмъ и оптимизмъ окончательно теряютъ свой кредитъ. Намъ кажется, что подобное доказательство можетъ быть съ успѣхомъ основано на нашей теоріи чувствованій, если только признать главныя ея положенія, и въ этомъ мы видимъ именно практическое ея приложеніе и несомнѣнную ея *важность*, если она будетъ окончательно оправдана фактами и принята наукою. Посмотримъ, въ чемъ можетъ состоять означенное доказательство.

Равнопрязность явленій удовольствія и страданія достаточно подтверждается теоріею положительныхъ и отрицательныхъ формъ того и другого, которая, какъ сознаются сами критики наши, имѣетъ твердыя фیزیологическія основанія. Стало быть, весь вопросъ въ томъ, насколько удовольствія и страданія, несмотря на кажущіяся исключенія, остаются въ дѣйствительномъ *равновѣсіи* другъ съ другомъ. Мы уже настаивали выше на томъ, что количественная величина отдѣльныхъ моментовъ чувствительности должна быть признана одинаковою, если брать не отдѣльные случаи, а извѣстную ихъ совокупность, такъ какъ равновѣсіе, нарушенное въ одномъ оборотѣ чувствованій, восстанавливается въ другомъ или третьемъ... Пояснимъ эту мысль примѣромъ. Положимъ, что отношеніе количествъ $+$ и $-$ удовольствія и страданія въ одномъ оборотѣ выражается цифрами $8 : 5 : 4 : 2$; въ другомъ оборотѣ— $5 : 6 : 8 : 11$; въ третьемъ— $0 : 2 : 4 : 1$; тогда въ четвертомъ оборотѣ, въ которомъ равновѣсіе восстанавливается, оно должно будетъ выразиться цифрами $5 : 7 : 6 : 4$, если только предположить, что величина отрицательнаго неудовольствія, предшествующаго дѣятельности органа= 5 , такъ какъ въ такомъ случаѣ сумма всѣхъ четырехъ проявленій—страданія, а за нимъ и $+$ удовольствія и $+$ страданія и $-$ удовольствія должна быть= 18 . Конечно, восполненіе недостающихъ величинъ можетъ наступить и ранѣе и позже, т.-е., говоря математическимъ языкомъ, въ N -номъ оборотѣ, но отъ этого, разумѣется, дѣло не измѣнится.

Теперь, мы признали уже, что этотъ выводъ можетъ окончательно подтвердиться только продолжительнымъ изученіемъ фактовъ и даже, вѣрнѣе говоря, лишь тогда, когда будетъ найденъ способъ точнаго, математическаго измѣренія величины удовольствій и страданій, на что можно вполне надѣяться въ виду того, что уже найденъ (психопсихиками) способъ измѣрять величину объективныхъ ощущеній. Но это не мѣшаетъ намъ признать и теперь значительную вѣроятность указанной гипотезы, подтвердить ее всѣми доступными для насъ средствами и спросить себя, къ какимъ послѣдствіямъ она можетъ повести и какое вліяніе она можетъ оказать на различныя другія отрасли знаній. Главное соображеніе, подтверждающее означенную

гипотезу, основано на *субъективности* всѣхъ состояній чувствительности: не внѣ насъ, а въ самомъ организмѣ или въ сознаніи нашемъ лежатъ причины нашихъ наслажденій и страданій; внѣ организма и сознанія лежатъ только поводы и толчки къ образованію чувствованій, самый же характеръ и величина послѣднихъ зависятъ отъ внутреннихъ причинъ. Такая субъективность чувствованій и чувствъ достаточно выяснена связью ихъ съ отношеніемъ энергіи и дѣятельности въ различныхъ органахъ и въ сознаніи. Далѣе, субъективность чувствованій имѣетъ результатомъ ихъ *относительность*, которая, какъ указано въ нашей книгѣ, давно признана всѣми психологами и въ пользу которой собрано столько фактовъ въ сочиненіяхъ о чувствованіяхъ, начиная съ монографіи Декарта. Предполагая, что эти факты извѣстны не всѣмъ читателямъ, приведемъ ихъ нѣсколько.

Извѣстно, что самое печальное, по нашему мнѣнію, событіе иными людьми, близко въ немъ заинтересованными, принимается совершенно спокойно; самое радостное извѣстіе иными встрѣчается равнодушно. Богатство не всѣхъ утѣшаетъ, а, напротивъ, многихъ людей тяготитъ; крайняя бѣдность иными переносится терпѣливо и безъ видимыхъ страданій. Самая смерть для многихъ людей служитъ источникомъ радости. Словомъ сказать, какой бы фактъ изъ опыта человѣческаго мы ни взяли, всегда найдутся люди, которые въ своей жизни отнесутся къ нему совершенно не тѣмъ способомъ, какимъ бы мы ожидали на основаніи ходячей его оцѣнки. Отсюда всѣ теоретическія заключенія о страданіяхъ и удовольствіяхъ нашихъ ближнихъ въ той или другой обстановкѣ весьма рѣдко оправдываются дѣйствительностью. Такъ, мы думаемъ, напимѣръ, часто, что „народъ“ весьма несчастливъ и сильно страдаетъ отъ грязи, нищеты и необразованности, и потомъ весьма удивляемся, если оказывается, что деревенскій людъ нисколько не несчастнѣе себя чувствуетъ, чѣмъ мы сами. Точно также мы жалѣемъ людей, лишившихся всѣхъ своихъ близкихъ или пораженныхъ жестокими болѣзнями,—между тѣмъ *de facto* оказывается, что нѣкоторые изъ нихъ наслаждаются жизнію не меньше нашего, конечно, въ своемъ родѣ. Во всѣхъ языкахъ существуютъ даже особые термины, которыя прекрасно выражаютъ *исходъ* различныхъ бѣдствій человѣческихъ даже и тогда, когда была дѣйствительная печаль и съ виду непоправимое несчастье. Таковы слова: утѣшеніе, покорность судьбы (*résignation*), смиреніе предъ обстоятельствами и т. д. Всѣ подобныя понятія обозначаютъ фактъ неизбѣжности *субъективной реакціи* сознанія противъ каждаго страданія, постигшаго человѣка. Стереотипная фраза, что всякое страданіе имѣетъ свой конецъ, заключаетъ въ себѣ глубокой психологической смыслъ. Дѣйствительно, какъ бы велико ни

было бѣдствіе—сознаніе, вслѣдствіе внутреннихъ психологическихъ законовъ, непременно рано или поздно реагируетъ на него и является снова счастье, пропорціональное величинѣ испытанныхъ страданій. Конечно, виды реакціи весьма разнообразны: иной находитъ утѣшеніе въ оборотной сторонѣ самыхъ несчастій, его постигшихъ, другой—въ совершившихся событіяхъ, и притомъ иногда въ другихъ событіяхъ своей жизни или въ другихъ наслажденіяхъ, иногда въ религіозныхъ утѣшеніяхъ или въ соображеніяхъ нравственного и философскаго характера, наконецъ, въ худшихъ случаяхъ—въ смерти (т.-е. въ процессѣ умиранія) и въ надеждѣ на будущее возмѣщеніе. Въ этомъ и заключается самая глубокая, органическая основа религіи и вообще вѣрованій человѣка, какъ послѣдняго прибѣжища для сознанія, стремящагося найти исходъ страданіямъ въ какихъ-нибудь радостяхъ, гдѣ дѣйствительность не указываетъ путей къ выходу изъ неестественнаго состоянія, тамъ пускаются въ ходъ ресурсы неистощимой фантазіи, и цѣль все-таки достигается. Даже въ самомъ жестокомъ способѣ расплаты съ жизнью—въ самоубійствѣ—есть своя доля остраго наслажденія, вознаграждающаго за всѣ испытанныя бѣдствія. Оттого самоубійцы весьма часто послѣ одной, двухъ неудачъ снова возвращаются къ попыткамъ осуществить свою мечту: этого бы не случилось, если бы лишеніе себя жизни доставляло одни только физическія страданія.

Все сказанное можно резюмировать въ слѣдующихъ выводахъ: 1) каждое несчастное (по ходячей оцѣнкѣ) событіе въ жизни человѣка доставляетъ ему страданія только въ томъ случаѣ, если балансъ предъидущихъ страданій и удовольствій даетъ субъективный просторъ для развитія новыхъ страданій, т.-е. если величина прежнихъ удовольствій и страданій была одинаковая или если величина удовольствій превышала величину страданій (въ этомъ послѣднемъ случаѣ новыя страданія, конечно, будутъ интенсивнѣе); 2) когда балансъ предъидущихъ удовольствій и страданій препятствуетъ развитію новыхъ страданій, т.-е. когда величина страданій уже и безъ того превышаетъ величину испытанныхъ удовольствій, то самое несчастное событіе будетъ встрѣчено человѣкомъ равнодушно или спокойно или даже прямо вызоветъ состояніе, противоположное ожидаемому (оттого дѣйствіе каждаго новаго удара судьбы на человѣка, испытаннаго бѣдствіями, все слабѣе и слабѣе); 3) каждое страданіе, разъ поразившее человѣка и составляющее непреложный фактъ въ его опытѣ, стремится найти себѣ возмѣщеніе въ какихъ-нибудь удовольствіяхъ и радостяхъ одинаковой съ нимъ интенсивности и почти всегда находитъ себѣ такое возмѣщеніе въ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ благахъ. Прибавимъ къ этому,

въ 4) что если бы одинъ изъ этихъ законовъ по необыкновенному стеченію обстоятельствъ все-таки былъ нарушенъ, то обыкновеннымъ и неизбежнымъ результатомъ такого нарушенія является психическое разстройство, служащее въ свою очередь лишь особымъ средствомъ природы во что бы ни стало осуществить свои законы. Такой взглядъ на психическое разстройство можетъ показаться страннымъ, но факты его подтверждаютъ: люди, сошедшіе съ ума отъ чрезмѣрнаго переполненія чаши своихъ бѣдствій, обыкновенно въ состояніи психическаго разстройства постоянно смѣются и воображаютъ себя окруженными веселыми картинами прошлаго, они разговариваютъ съ милыми имъ покойниками, или представляютъ себя въ обстановкѣ богатства, славы и власти, которыя въ нормальномъ состояніи, можетъ быть, никогда и не были ихъ удѣломъ. Такъ какъ при всемъ томъ и въ состояніи психическаго разстройства человѣку всегда доступна извѣстная, хотя и весьма низкая, степень сознанія, то очевидно, что фиктивные удовольствія, испытываемыя сумасшедшимъ, могутъ въ своей совокупности уравновѣсить прошлыя невзгоды и бѣдствія ¹⁾).

Отъ условій страданія перейдемъ къ условіямъ удовольствія. Удовольствіе точно также всегда находитъ себѣ возмѣщеніе въ страданіи того или другого рода. Оттого самые, повидимому, счастливые люди всегда находятъ источникъ для мученій—то въ болѣзняхъ, являющихся результатомъ слишкомъ счастливой обстановки, то въ новыхъ неудовлетворимыхъ желаніяхъ, то, наконецъ, въ пресыщеніи жизни и въ скукѣ, которая ихъ одолеваетъ. Поэтому-то

---

1) Въ параллель къ психическому разстройству, какъ средству возстановленія гармоніи между удовольствіями и страданіями, слѣдуетъ поставить проблески психической жизни во снѣ, въ такъ-называемыхъ сновидѣніяхъ. *Сновидѣнія* бываютъ пріятныя, радостныя, и непріятныя, гнетущія. Это различіе можно объяснить только субъективными мотивами, внутреннимъ балансомъ силъ, произвольнымъ результатомъ котораго и являются сновидѣнія. Извѣстно, что во снѣ мы особенно чутко воспринимаемъ органическія раздраженія, связанныя съ фізіологическимъ состояніемъ своихъ тканей. Воспоминанія прошедшихъ событій тоже даютъ обильный матеріалъ для сновидѣній и всакому извѣстно, что эмоциональный характеръ сновидѣній часто идетъ прямо въ разрѣзъ съ таковымъ же характеромъ предшествующей жизни наяву. Несчастные и опечаленные часто видятъ во снѣ сцены прошлой или воображаемой счастливой жизни. Счастливыхъ — наоборотъ, часто навѣщаютъ во снѣ тяжелые кошмары. Такимъ образомъ, сновидѣнія служатъ источникомъ ежедневнаго регулированія отношеній между удовольствіями и страданіями, постояннымъ орудіемъ возстановленія гармоніи между тѣми и другими, и только тогда, когда это природное средство организма въ борьбѣ съ дисгармоніей состояній чувствительности оказывается недостаточнымъ, наступаетъ психическое разстройство, какъ постоянная цѣль безконтрольных сновидѣній, въ которыхъ упомянутая дисгармонія, какъ бы она ни была велика, непременно рано или поздно устраняется.

полное счастье для человѣка невысказуемо и составляетъ своего рода утопію. Съ этой точки зрѣнія *зависть* къ обстановкѣ своихъ ближнихъ является такою же несообразностью, какъ и излишнее *состраданіе* къ ихъ судьбѣ. Мы завидуемъ богачу, завидуемъ человѣку властному, завидуемъ чьей-либо славѣ; но обыкновенно, если мы ближе всмотримся въ жизнь всѣхъ этихъ привилегированныхъ судьбою людей, то быстро разочаруемся, — они страдаютъ не меньше нашего: богатый страдаетъ отъ болѣзней, связанныхъ съ роскошью, отъ боязни потерять свое богатство, отъ недостатка дѣла и разнообразія удовольствій; сильный страдаетъ отъ заботъ и хлопотъ, связанныхъ съ властью, отъ боязни потерять еѣ, отъ тяготѣющей на немъ отвѣтственности и проч.; человѣкъ знаменитый часто тяготится приставаніемъ къ нему людей мелкихъ, нападками критиковъ и завистниковъ, утомленіями, которыя постоянно его преслѣдуютъ, невозможностью уединиться отъ толпы, наконецъ — въ лучшихъ случаяхъ — ожиданіемъ смерти, которая положить предѣлъ его торжествамъ и сравниваетъ его, знаменитаго, со всѣми прочими смертными. Эту неуловимость счастья отлично изображаетъ въ нѣсколькихъ повѣстяхъ (*A la recherche du bonheur. Paris. 1879*) одинъ молодой французскій фізіологъ и писатель, выступившій подъ псевдонимомъ Charles Erheure. Въ цѣломъ рядѣ такихъ разсказовъ этотъ писатель проводитъ мысль, что мы наслаждаемся, только пока стремимся къ счастью, а какъ достигнемъ его, такъ сейчасъ снова его лишаемся. Въ этой мысли есть, конечно, свои крайности, но общая идея, что счастье подчинено какимъ-то законамъ, лежащимъ *вне власти человѣка*, такъ что никогда онъ не можетъ ручаться, что поймалъ за хвостъ эту необыкновенную птицу, совершенно вѣрно. Такимъ образомъ, и условія удовольствія можно выразить въ тѣхъ же формулахъ, какъ и условія страданія: 1) каждое счастливое событіе доставляетъ человѣку удовольствіе только въ томъ случаѣ, если балансъ предъидущихъ состояній чувствительности даетъ субъективный просторъ развитію новыхъ удовольствій (равновѣсіе или предшествующій избытокъ страданія); 2) когда въ прежнихъ случаяхъ мѣра удовольствія превышала мѣру страданія, то самое счастливое событіе обыкновенно не приноситъ радостей, а, напротивъ, часто ведетъ къ какимъ-нибудь страданіямъ; 3) когда удовольствіе — фактъ совершившійся, то оно неизбежно находитъ себѣ возмѣщеніе въ послѣдующихъ страданіяхъ, какого бы рода они ни были. Наконецъ, 4) когда одинъ изъ этихъ законовъ нарушенъ, то послѣдствіемъ является или физическое разстройство организма, или психическое разстройство сознанія, причемъ въ обоихъ случаяхъ все-таки восполняется та доля страданій, отсутствіе которой вывело организмъ изъ состоянія нормаль-

наго. Поэтому, если помѣшательство является результатомъ излишества въ *удовольствіяхъ*, напимѣръ, результатомъ продолжительнаго пьянства, то оно всегда сопровождается страшными видѣніями и галлюцинаціями, вообще мученіями больного.

Конечно, равновѣсіе удовольствій и страданій до послѣднихъ дней жизни можетъ быть только приблизительное, но не абсолютное или идеальное. Во-первыхъ, интенсивность восполняющихъ другъ друга удовольствій и страданій рѣдко бываетъ вполне одинаковая; во-вторыхъ, при разнообразіи частныхъ оборотовъ дѣятельности и чувствительности въ сложномъ механизмѣ органической жизни, трудно предположить, чтобы во всѣхъ параллельныхъ и перекрещивающихся круговоротахъ равновѣсіе могло быть совершенно соблюдено. Но тотъ небольшой или же значительный остатокъ невозмѣщенныхъ удовольствій и страданій, который оказывается при послѣднемъ часѣ человѣка, по нашему убѣжденію, непременно покрывается въ самый моментъ смерти, т.-е. послѣдняго *разчета* съ жизнью. Этимъ совершенно объясняются разнообразныя и часто совершенно неожиданныя варіаціи въ послѣднихъ минутахъ человѣка. Человѣкъ, страшно страдавшій на одрѣ болѣзни, вдругъ въ послѣднія минуты жизни испытываетъ необыкновенное состояніе блаженства и успокоеніе. Напротивъ, человѣкъ, умиравшій спокойно, подвергается иногда въ послѣдній моментъ страшнымъ физическимъ мученіямъ и умираетъ въ болѣзненной агоніи. У иного, въ послѣдній часъ, пробуждаются воспоминанія о прежнихъ дурныхъ дѣлахъ и, несмотря на отсутствіе физическихъ мученій, онъ умираетъ въ страданіяхъ нравственныхъ. Другой, напротивъ, несмотря на физическія мученія, сопровождающія послѣдніе проблески сознанія, умираетъ счастливо вслѣдствіе сознанія своего нравственного совершенства, и т. д. Мы можемъ при этомъ легко наблюдать, что люди, всего *гармоничнѣе* прожившіе свой вѣкъ, умираютъ всего спокойнѣе и равнодушнѣе, часто даже совершенно безсознательно; напротивъ, люди, сильно страдавшіе и сильно наслаждавшіеся, всегда умираютъ бурно и въ послѣднія минуты сознанія испытываютъ сильныя радости или сильныя мученія. Замѣтимъ, что даже при отсутствіи *особыхъ* поводовъ въ тѣмъ или другимъ страданіямъ счастливый мучится, умирая, ибо долженъ разстаться съ своимъ счастьемъ; несчастный, напротивъ, умираетъ съ наслажденіемъ, ибо освобождается отъ своихъ несчастій. Если и бываетъ иногда, *повидимому*, наоборотъ, то это только значить, что счастье или несчастье были мнимыя, что оцѣнка собственной жизни была неискренняя или оцѣнка чужой жизни—невѣрная.

Такимъ образомъ, всѣ факты и соображенія подтверждаютъ наглядно, что рано или поздно, хотя бы на одрѣ смерти, равновѣсіе

между удовольствіями и страданіями совершенно восстанавливается. Недостаетъ для полнаго подтвержденія этой истины тѣхъ математическихъ измѣреній, о которыхъ мы говорили выше, но мы не сомнѣваемся, что и это подтвержденіе когда-нибудь явится. Но предположимъ даже, что эта истина только на 99 процентовъ вѣрна, что *рѣдкія* исключенія, которыхъ мы, впрочемъ, совершенно не допускаемъ, все-таки возможны. И тогда крайніе выводы пессимизма и оптимизма, въ виду необходимости исключеній, противоположныхъ и взаимно парализующихъ другъ друга, окажутся абсурдами, такъ что отрицательное вліяніе нашей теоріи на фантастическія построенія *метафизиковъ* будетъ самое осязательное. Теперь рассмотримъ еще болѣе важное вліяніе ея на рѣшеніе *нравственныхъ* вопросовъ.

Во-первыхъ, важно уже то, что она поведетъ къ признанію *полноты возмездія* за наши дѣла въ теченіи земного существованія и къ научному обоснованію этого предположенія. Сознаніе, что мы не можемъ безнаказанно превысить нормальную величину наслажденій, будетъ сдерживать погоню за удовольствіями въ ущербъ правамъ своихъ ближнихъ. Но за то на первый взглядъ можетъ казаться, что наша теорія должна вызвать полный *индифференцизмъ* челоуѣка къ своей судьбѣ и, пожалуй, абсолютный *квѣтизмъ* въ дѣятельности. Если счастье недостижимо, скажутъ намъ, —если всякое удовольствіе неизбѣжно ведетъ къ пропорціональному страданію, то очевидно, что челоуѣку не къ чему и стремиться, не о чемъ стараться, что и безъ всякой дѣятельности онъ достигнетъ тѣхъ же самыхъ результатовъ. Но правильность такого вывода только кажущаяся. Конечно, понятіе о *счастьѣ*, въ прежнемъ значеніи этого слова, сдѣлается абсурдомъ. Это понятіе придется измѣнить, найти ему новое содержаніе. Но мало-ли понятій челоуѣческихъ измѣнялось подъ вліяніемъ науки. Неудовлетворительность ходячаго понятія о счастьеѣ, какъ наибольшей суммѣ возможныхъ наслажденій, давно была замѣчена моралистами, и они надѣялись и старались восполнить ее ученіемъ о долгѣ, объ обязательствахъ челоуѣка къ ближнему, о добродѣтеляхъ и т. д. Тѣмъ не менѣе эти новыя понятія оставались *внѣ* понятія о счастьеѣ, т.-е. естественно изъ него не вытекали и являлись искусственными привѣсками. Всѣ подобныя недостатки могутъ быть устранены, если понятіе о счастьеѣ построить вновь на основахъ изложенной теоріи чувствованій. Тогда, какъ мы увидимъ ниже, всѣ обязательства челоуѣка войдутъ органически въ составъ самаго понятія о счастьеѣ и на долю моралистовъ выпадетъ сравнительно легкая работа *дедукціи* частныхъ принциповъ поведенія изъ одного общаго начала.

Дѣло въ томъ, что если только въ теченіе *цѣлой* жизни дости-

гается полное уравновѣшеніе удовольствій и страданій, и если послѣдовательность въ смѣнѣ удовольствій и страданій можетъ быть противоположная, то — *есть* къ чему стремиться человѣку, *есть* цѣль для его дѣятельности. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ по возможности заставлятъ удовольствія слѣдовать за страданіями, а не на оборотъ, и чтобъ, въ особенности, сдѣлать отрадными минуты послѣдняго расчета съ жизнію. Цѣль эта совершенно достойна всякихъ усилій для тѣхъ людей, которые знакомы съ психологическимъ закономъ, что главная прелесть жизни въ настоящей минутѣ, что каждое удовольствіе утрачиваетъ свою цѣну, какъ скоро эта минута прошла и наступила другая. Зная этотъ законъ, мы легко можемъ предвидѣть тѣ глубокія сожалѣнія, которыя отравятъ намъ послѣдній часъ жизни, если мы не будемъ выполнять указаннаго правила. Такъ какъ большинство людей сильно боится минуты смерти, то возможность по своему произволу смягчить это страшное событіе, сдѣлать его источникомъ наслажденія и радости, почти для всѣхъ людей можетъ служить достаточнымъ мотивомъ для направленія *своихъ* дѣйствій въ ту или другую сторону. Только неувѣренность, что мы можемъ повліять на характеръ послѣднихъ своихъ минутъ способна внушить индифферентизмъ къ своимъ поступкамъ. Съ другой стороны, возможность измѣнять произвольно порядокъ своихъ чувствованій и чувствъ можетъ также служить постояннымъ мотивомъ для направленія дѣятельности. Возможность въ будущемъ избѣгнуть страданій заставить налагать на себя жертвы въ настоящемъ. Наконецъ, возможность руководить въ извѣстной мѣрѣ своими чувствованіями или, лучше сказать, вліять на ихъ причины, должна быть понимаема и въ смыслѣ *выбора* однихъ страданій предпочтительно передъ другими и во избѣжаніе этихъ послѣднихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ можно, тоже благодаря закону равновѣсія, избѣгать такихъ страданій, которыя для насъ всего невыносимѣе. Какъ скоро признано различіе страданій и удовольствій, *нормальныхъ* и *ненормальныхъ*, болѣзненныхъ ¹⁾, такъ должно признать и естественность выбора или предпочтенія первыхъ вторымъ. Зная, что извѣстныя удовольствія ведутъ къ ненормальнымъ страданіямъ, мы будемъ ихъ избѣгать. Зная, что нормальными страданіями мы можемъ искупить излишество въ этихъ удовольствіяхъ, уже разъ допущенное, мы наложимъ на себя добровольно различныя кары и лишенія, чтобъ избѣгнуть послѣдующихъ ненормальныхъ страданій. Вообще мы будемъ предпочитать страданія отрицательныя, чтобъ избѣгнуть положительныхъ, страданія по-

¹⁾ Это различіе по нашей теоріи и сводится, въ концѣ-концовъ, къ *порядку* слѣдованія чувствованій.

ложительныя нормальныя и не слишкомъ интенсивныя, хотя бы и продолжительныя,—страданіямъ ненормальнымъ и невыносимымъ по своей жгучести и остротѣ. Въ результатѣ окажется, что всякій *трудъ*, какъ нормальное воплощеніе страданій, и всякое *лишеніе*, какъ нормальное воплощеніе страданій, представляютъ самое надежное средство къ достиженію относительнаго счастья, такъ какъ и трудъ, и лишеніе въ то же время неизбѣжно ведутъ къ послѣдующимъ нормальнымъ удовольствіямъ и не только предупреждаютъ другія страданія ненормальныя, но и устраняютъ необходимость такихъ же ненормальныхъ удовольствій, опасныхъ для будущаго нашего благосостоянія. Точно также окажется обратно, что всякое наслажденіе, не вытекающее изъ труда или лишенія, какъ ненормальное воплощеніе $+$ и $-$ удовольствій, должно быть избѣгаемо, потому что въ первомъ случаѣ оно поведетъ къ истощенію, усталости и болѣзнямъ, во второмъ—къ ненормальнымъ и мучительнымъ желаніямъ; вообще порядокъ чувствованій въ такомъ случаѣ былъ бы извращенъ, и страданія явились бы возмездіемъ за незаконныя удовольствія.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ соображеній придется, какъ мы сказали, измѣнить понятіе о *счастьи*. Счастье нельзя уже будетъ опредѣлять какъ совокупность возможно большаго числа удовольствій и радостей. Его должно будетъ понимать лишь какъ *возможно правильное и нормальное равновѣсіе удовольствій и страданій, столько же въ отношеніи къ качеству, сколько и въ отношеніи къ порядку снѣны этихъ послѣднихъ*. Задачею моралистовъ будетъ вывести изъ этого понятія о счастьѣ всѣ частныя принципы дѣятельности, органически вытекающіе изъ него, причемъ всѣ выводы этой научной морали, какъ мы отчасти уже видѣли, должны будутъ вѣроятно совпасть съ эмпирически—часто ощупью, добытыми принципами, которые проповѣдывали всѣ лучшіе моралисты и философы древности и христіанской эры, вообще всѣ величайшіе знатоки человѣческой природы. Такая научная мораль будетъ, конечно, основана на *утилитарныхъ* началахъ, но между нею и обыкновенными утилитарными доктринами будетъ все-таки громадная разниа уже потому, что она будетъ *естественна и научна*, тогда какъ эти послѣднія—болѣе или менѣе *искусственны и ненаучны*. Въ ней, по нашему мнѣнію, лежитъ также единственный путь къ соглашенію высокой христіанской морали съ выводами науки.

Конечно, метафизики, пожалуй, и въ этомъ ученіи откроютъ признаки либо пессимизма, насколько оно способно привести нѣкоторыхъ поверхностныхъ людей къ индифферентизму и апатіи,—либо оптимизма, насколько оно указываетъ болѣе глубокимъ натурамъ на естественный выходъ изъ апатіи и отчаянія. Но въ томъ-то и дѣло,

что наша теорія примиряетъ оба контраста, сглаживаетъ ихъ крайности и уравниваетъ ихъ шансы. Признаніе полного равновѣсія удовольствій и страданій повело бы къ отчаянію и пессимизму, если бы возможность различнаго качества и различной смѣны этихъ состояній не служила утѣшеніемъ и возбужденіемъ къ дѣятельности. Точно также, наоборотъ, эта послѣдняя возможность могла бы внушить надежду на достиженіе совершеннаго счастья, если бы законъ равновѣсія удовольствій и страданій не полагалъ предѣлъ несбыточнымъ мечтаніямъ. Стало быть, никакой опоры для фантастическихъ построеній метафизиковъ наша теорія не представляетъ.

Таково практическое приложеніе, которое мы ожидаемъ отъ дальнѣйшаго развитія ученія о положительныхъ и отрицательныхъ моментахъ въ круговоротѣ удовольствій и страданій. Оправдаются ли эти ожиданія, покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ самая возможность указанныхъ выводовъ изъ нашей теоріи уже должна служить поощреніемъ и даже самостоятельнымъ мотивомъ для дальнѣйшей разработки вопроса и для собиранія и описанія фактовъ и наблюденій, которые бы могли послужить къ его разъясненію.

Николай Гротъ.

Нѣжинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1880.

Новая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ законоположеній о печати. — Подобная же задача двадцать лѣтъ тому назадъ. — Возраженія въ средѣ прежней коммисіи противъ проекта закона о печати 1865 года. — Первое засѣданіе новой коммисіи 5 ноября. — Отчетъ государственнаго контроля по исполненію бюджета на 1879 годъ. — Общая характеристика отчетнаго года. — Отдѣльныя статьи его поступленій. — Налогъ соляной, и способы его возмѣщенія. — Обыкновенные расходы, и ихъ прогрессъ. — Чрезвычайные расходы, и безпомощность вѣдомствъ въ борьбѣ съ ними. — По поводу новой газеты „Порядокъ“.

I.

Еще въ послѣднихъ числахъ октября, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось офиціальное сообщеніе объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, предварительнаго совѣщанія, для обсужденія основныхъ началъ, которыми слѣдуетъ руководиться при предстоящемъ пересмотрѣ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній и временныхъ правилъ о печати; непосредственно затѣмъ должны были послѣдовать и засѣданія самой коммисіи, въ полномъ составѣ Высочайше назначенныхъ ея членовъ. Такимъ образомъ, въ ноябрѣ нынѣшняго года мы увидѣли себя въ томъ же положеніи, въ какомъ находились безъ малаго 20 лѣтъ тому назадъ, когда въ ноябрѣ же 1861 г., по Высочайше утвержденному докладу министра народнаго просвѣщенія, графа Пюत्याина, составлена была первая коммиссія изъ членовъ министерства народнаго просвѣщенія, завѣдывавшаго въ то время дѣлами о печати, и — министерства внутреннихъ дѣлъ; эта первая коммиссія имѣла задачей пересмотрѣть старый цензурный уставъ 1828 года и вообще изготovitъ матеріалы къ преобразованію цензуры. Въ ту эпоху опытъ цѣлыхъ десятковъ лѣтъ убѣдилъ всѣхъ въ невозможности остаться при прежнемъ порядкѣ вещей, хотя, при такомъ единствѣ убѣжденія,

оставалось еще много мѣста для разногласія по вопросу о новомъ порядкѣ; въ настоящее время, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, на которое мы имѣли случай когда-то указывать, 15-лѣтній опытъ убѣдилъ всѣхъ опять въ необходимости дать какое-нибудь болѣе прочное основаніе печати, которое менѣе бы рѣзко отличало положеніе нашей печати отъ положенія печати въ другихъ европейскихъ странахъ; вмѣстѣ съ этимъ, успѣли обнаружиться недостатки какъ временныхъ правилъ о печати 1865 года, такъ и практики, утвердившейся съ теченіемъ времени, подъ давленіемъ обстоятельствъ, лежавшихъ, по болѣе части, внѣ области печати, и часто — состоявшихъ въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ и вкусовъ того или другого администратора. Итакъ, по истеченіи періода 20 лѣтъ, мы стоимъ опять лицомъ къ лицу съ тѣмъ же самымъ вопросомъ; по-прежнему и теперь всѣ согласны въ необходимости пересмотра законоположеній о печати, и точно такъ же опять едва ли согласны всѣ относительно новаго порядка вещей. При такомъ сходствѣ того, что совершается на нашихъ глазахъ, и того, что, впрочемъ, совершалось также на нашихъ глазахъ, лѣтъ 20 тому назадъ, не бесполезно припомнить то, какъ оно тогда совершалось, и особенно интересно выслушать въ наше время, какія тогда уже дѣлались возраженія противъ той новой системы полумѣръ, которая вслѣдъ затѣмъ пріобрѣла силу закона.

Дѣло началось, какъ мы видѣли, въ ноябрѣ 1861 года и окончилось только въ апрѣлѣ 1865 года, — когда, наконецъ, были Высочайше утверждены временныя правила о печати. Мотивомъ къ реформѣ послужило собственно ходатайство графа Путятина объ установленіи залоговъ для временныхъ изданій, „какъ наиболѣе дѣйствительнаго средства къ ограниченію злоупотребленій печатнымъ словомъ“, и о переведеніи цензуры изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Члены этой коммисіи, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, поддерживая послѣднее предложеніе, заявляли вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о необходимости приступить вообще къ замѣнѣ предупредительной системы, господствовавшей до того времени, — системою судебно-преслѣдовательною.

Вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ, въ концѣ 1861 года, личная перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія не только не остановила начавшагося дѣла, но въ одномъ отношеніи даже ускорила, такъ какъ уже въ мартѣ того же года было упразднено главное управленіе цензуры, а надзоръ за печатью возложенъ временно на министерство внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ, коммиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго, еще прежде приступила къ составленію проекта новаго закона о печати, который и былъ за-

конченъ въ октябрѣ того же года. Но такъ какъ въ самомъ началѣ 1863 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ окончательной передачѣ цензурнаго управленія въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, то и окончательный проектъ устава о книгопечатаніи былъ переданъ туда же для утвержденія его законодательнымъ порядкомъ. Хотя министерство внутреннихъ дѣлъ получило готовое дѣло, но тѣмъ не менѣе оказалось необходимымъ составить новую комиссію для пересмотра работъ той комиссіи, подъ предсѣдательствомъ, впрочемъ, того же самого князя Оболенскаго. Первая комиссія употребила 9 мѣсяцевъ на составленіе проекта; вторая комиссія 6 мѣсяцевъ занималась пересмотромъ этой работы, съ января по іюнь 1863 года; въ іюнѣ вторичный проектъ устава о книгопечатаніи, замѣнившій трудъ первоначальной комиссіи, былъ разосланъ для просмотра въ подлежащія министерства — народнаго просвѣщенія, юстиціи и второго отдѣленія, т.-е. тѣхъ же самыхъ вѣдомствъ, представители которыхъ были членами комиссіи. На этотъ просмотръ ушло болѣе года, такъ какъ послѣдній отзывъ явился только въ сентябрѣ 1864 года, чтò дало, наконецъ, возможность представить все дѣло государственному совѣту, въ ноябрѣ 1864 года. Полгода спустя, въ апрѣлѣ 1865 года, проектъ устава о книгопечатаніи былъ Высочайше утвержденъ — и въ сентябрѣ того же года вступилъ въ дѣйствіе.

Въ прошедшей хроникѣ у насъ говорилось вообще о медленности нашихъ законодательныхъ работъ; настоящій случай только иллюстрируетъ высказанные тогда нами общіе взгляды на причины того и на средства къ устраненію подобной медленности. Но насъ занимаетъ въ эту минуту не самая процедура, а сущность дѣла. Законъ о печати 1865 года всѣмъ извѣстенъ; въ его недостаткахъ, съ одной стороны, а съ другой — въ избыткѣ послѣдовавшихъ мѣропріятій чисто-административнаго характера не сомнѣвается и само высшее правительство, такъ какъ оно приступило къ его пересмотру. Потому, не будемъ настаивать на общеизвѣстномъ; насъ болѣе занимаетъ то обстоятельство, что уже тогда, когда проектъ былъ представленъ на предварительный просмотръ вышеупомянутыхъ вѣдомствъ, онъ встрѣтилъ въ средѣ самихъ составителей сильныя возраженія, которыя не утратили своего значенія и до настоящаго времени. Все послѣдующее подтвердило ихъ основательность, а потому не излишне выслушать ихъ въ настоящую минуту. Въ декабрѣ 1863 года, министерство народнаго просвѣщенія, возвращая просмотрѣнный имъ проектъ, сопровождало его слѣдующимъ мнѣніемъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головнина:

„При вступленіи моемъ въ завѣдываніе цензурой, въ самомъ концѣ 1861 года, высшее управленіе ея сосредоточивалось въ коллегіальномъ учрежденіи (главное управленіе цензуры), а самое цензорованіе производилось какъ цензорами, состоявшими въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и многочисленными специальными цензурами другихъ вѣдомствъ. Правительство было недовольно цензурой, и находило, съ одной стороны, цензурныя постановленія недостаточными, а съ другой — въ цензурной практикѣ видѣло слишкомъ большую снисходительность. Литераторы, и въ особенности редакторы журналовъ и газетъ, жаловались на слишкомъ большую строгость цензуры, на произволъ цензоровъ, на медленность хода цензурныхъ дѣлъ, вслѣдствіе большого числа специальныхъ цензуръ, которымъ слѣдовало сообщать одну и ту же статью, и вслѣдствіе коллегіальныхъ формъ учрежденія, которое завѣдывало цензурою; жаловались на неизвѣстность имъ цензурныхъ постановленій, которыя оставались въ архивахъ и не были обнародованы. Наконецъ, сами цензоры тяготились неясностью, неполнотою и разнорѣчіемъ цензурныхъ постановленій, вслѣдствіе чего они были вынуждены дѣйствовать произвольно, причемъ они утверждали, что правительство требуетъ отъ цензурной практики несравненно болѣе строгости, нежели сколько требуется законами; говорили, что правительство само не сознаетъ ясно, чего оно хочетъ въ цензурѣ, и доказывали это измѣняющимися со дня на день требованіями и разнообразіемъ въ дѣйствіяхъ специальныхъ цензуръ разныхъ министерствъ, изъ коихъ одна пропускала то самое, что запрещалось другою — и наоборотъ“.

Картина такого положенія печати, а вмѣстѣ и цензуры, мало чѣмъ разнится отъ послѣдующаго, несмотря на прошедшее съ того времени почти двадцатилѣтіе: тѣ же взгляды и убѣжденія въ слабости цензуры, съ одной стороны, а съ другой — въ чрезмѣрной ея строгости и произволѣ; то же затруднительное положеніе для цензуры, обязанной нести отвѣтственность предъ всѣми вѣдомствами, безъ всякихъ прочныхъ, основанныхъ на законѣ положеній, которыя опредѣляли бы мѣру ея отвѣтственности и основательность притязаній. Всѣмъ памятенъ „случай“ съ Ив. С. Тургеневымъ въ 50-хъ годахъ, когда его статья о Гоголѣ была не пропущена цензурою въ С.-Петербургѣ — и разрѣшена цензурою же въ Москвѣ. На этихъ дняхъ телеграфъ принесть извѣстіе о прекращеніи газеты „Правда“ въ Одессѣ, издававшейся, слѣдовательно, подъ цензурою, за „вредное ея направленіе“, хотя газета, конечно, ничего не печатала такого, что не было бы разрѣшено цензурою. Но къ затрудненіямъ прежняго времени, со времени изданія закона 1865 года, присоединились новыя: въ отношеніи печати, одно и то же государство какъ-бы распалось на-двое — и нерѣдко повторялись случаи, что цензура провинціальная не позволяла перепечатокъ изъ столичныхъ безцензурныхъ изданій,

и такимъ образомъ, послѣднія играли для провинціи роль какой-то „лондонской“ печати.

Но посмотримъ, какъ предполагалось 20 лѣтъ тому назадъ устранить всѣ вышеупомянутыя недоумѣнія.

„Все сіе, — говорится въ томъ же мнѣніи, — приводило къ убѣжденію въ необходимости слѣдующихъ мѣръ:

„I. Немедленно собрать, привести въ ясность и напечатать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ постановленія и распоряженія правительства, состоявшіяся въ разное время по цензурѣ. — Трудъ сей былъ затѣмъ исполненъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

„II. Приступить къ пересмотру всѣхъ этихъ постановленій, также къ обзрѣнію бывшей у насъ цензурной практики, направленія литературы въ разное время, къ соображенію постановленій иностранныхъ государствъ по части цензуры и къ составленію проекта устава о книгопечатаніи. Вслѣдствіе сего въ теченіе года были составлены историческія записки о дѣйствіи у насъ цензуры, записка о направленіи журналистики, сборникъ статей недозволенныхъ цензурой, и учреждена особая коммиссія для пересмотра постановленій по дѣламъ книгопечатанія и составленія новаго устава, причемъ для соображеній коммиссіи выписаны изъ-за границы сборники тамошнихъ постановленій по сему предмету и извѣстѣйшія сочиненія, которыя касались онаго. Въ то же время, дабы узнать желанія и мысли самихъ литераторовъ о лучшемъ устройствѣ цензуры, многіе изъ этихъ лицъ приглашены были къ доставленію министерству народнаго просвѣщенія ихъ соображеній, которыя составили особую книжку; причемъ разрѣшено было разсуждать въ періодическихъ изданіяхъ о лучшемъ устройствѣ цензуры. Послѣдняя мѣра принесла весьма скоро пользу, ибо, ближайшимъ разъясненіемъ дѣла и сравненіемъ иностранныхъ законодательствъ, она показала всю невѣрность многихъ воззрѣній. При этомъ слѣдуетъ сказать, что въ то время (въ 1861 г.) была надежда на весьма скорое осуществленіе судебной реформы и предполагалось, что уставъ о книгопечатаніи можетъ выдти вслѣдъ за преобразованіемъ судовъ. Посему, *въ ожиданіи этой реформы* и возможности подвергать виновныхъ въ злоупотребленіи печатнымъ словомъ взысканію по суду, коммиссіи было предложено составить систему переходныхъ мѣръ отъ цензуры предварительной, неудовлетворяющей ни правительство, ни литературу, къ цензурѣ обратной“.

Въ ожиданіи судебной реформы, надобно было однако сдѣлать что-нибудь немедленно: улучшить и смягчить практику, отмѣнить прежніе обычаи, безъ всякой надобности стѣснявшіе литературу и печать. И вотъ, мы видимъ, въ пп. III и IV приводимаго нами „мнѣнія“ исчисляются подобныя мѣры, къ числу которыхъ относятся, прежде всего, „перемѣны въ личномъ составѣ цензурнаго управленія“; „ходатайство о постепенной отмѣнѣ спеціальныхъ цензуръ“; „дозволеніе всѣмъ газетамъ и журналамъ печатать частныя объяв-

ленія“; „разрѣшеніе весьма многимъ изъ нихъ получать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензуры“ и т. д.

„Цѣль всего этого—заключаетъ авторъ „мнѣнія“, состояла въ томъ, чтобъ идти къ большему простору печатнаго слова, причемъ преступленія онаго карались бы судомъ и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры“ (подчеркнуто въ подлин.).

Отчего въ послѣдствіи оказалось невозможнымъ „идти къ большему простору печатнаго слова“, и къ тому, чтобы „вывести болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры?“ Была ли виновна въ томъ сама литература, злоупотребившая первыми же дарованными ей льготами, въ ожиданіи новаго закона о печати, основаннаго на одномъ судѣ? Это—очень любопытный моментъ въ исторіи недавно-прошедшаго въ нашей печати. Авторъ „мнѣнія“ отвѣчаетъ самымъ обстоятельнымъ образомъ на эти вопросы—и авторитетъ его въ настоящемъ случаѣ долженъ быть поставленъ внѣ всякаго сомнѣнія:

„Исполненіе этого плана (напечатаннаго у насъ курсивомъ), говоритъ онъ, начало уже ознаменовываться весьма благотворными результатами. Въ обсужденіи многихъ важныхъ вопросовъ общественнаго нашего устройства литература заговорила спокойнымъ, обдуманномъ тономъ, и многіе ея органы, вмѣсто того, чтобы упорствовать въ безплодной оппозиціи правительству, старались служить ему опорой. Конечно, существовали печальныя уклоненія отъ этого правила, иногда нѣкоторые писатели вдавались въ излишества; но можно сказать утвердительно, что всякій разъ они встрѣчали себѣ отпоръ въ той же самой литературѣ. Къ несчастію, въ то самое время, какъ печать наша заявляла такъ успѣшно о достаточной зрѣлости своей для пользованія разумною свободою, произошли событія, недозволившія расширить ея права“.

Итакъ, оказывается, что измѣненіе во взглядахъ на печать, произведшее потомъ такое печальное вліяніе и на будущій законъ 1865 года, было вызвано не самою печатью, а событіями, лежавшими внѣ ея области. Правда, это вліяніе не зашло слишкомъ далеко; законъ 1865 г. не былъ возвращеніемъ къ прежнему порядку; въ немъ сдѣланъ былъ не одинъ шагъ впередъ: освобожденіе отъ предварительной цензуры, введеніе гласнаго суда—все это такіе факты, путемъ которыхъ печать дошла бы до правильнаго развитія, если бы то вліяніе не поставило законодательства на двойной, смѣшанный путь: оно пожелало одновременно идти впередъ, и сохранить прерогативы администраціи. Но надобно отдать справедливость тому времени: были люди, смотрѣвшіе спокойно на все, что совершалось на ихъ глазахъ; къ числу такихъ лицъ, очевидно, принадлежалъ и составитель приводимаго нами „мнѣнія“.

„Сознавая важныя достоинства новаго устава—говорить онъ—я считаю вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ, указать на тѣ стороны его, которыя нуждаются, по моему мнѣнію, въ измѣненіяхъ. Къ нимъ принадлежитъ, прежде всего, система административныхъ взысканій. Система эта получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было возстановить цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе приблизиться къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т.-е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и воздержность для умѣннаго пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, не въ состояніи развить въ литературѣ этихъ качествъ; опытъ убѣждаетъ, что, подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду. Не достигая, слѣдовательно, цѣли, какъ переходная мѣра, административныя предостереженія создаютъ много важныхъ неудобствъ для правительства: при существующемъ (въ 1863 г.) порядкѣ, цензоръ не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи, и какъ дѣйствіе цензора, такъ и статья, подвергнувшаяся запрещенію, становятся извѣстны лишь весьма ограниченному кружку лицъ. При системѣ же взысканій, административная кара постигаетъ статью уже тогда, когда она проникла въ публику; взысканіе не ослабляетъ произведеннаго ею впечатлѣнія, — напротивъ, вниманіе публики еще болѣе привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣла никакого права. Публика становится въ такихъ случаяхъ какъ-бы судьей между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ, почти всегда, сторону послѣдней. Мнѣ кажется, что подобное положеніе весьма невыгодно для правительственныхъ органовъ; уже по одному этому, если бы даже существовала у насъ система административныхъ предостереженій, то ради огражденія интересовъ и достоинства правительства нужно было бы стремиться къ ея отмѣненію...

„Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ (1860—63 гг.) я вообще нахожу предварительную цензуру несостоятельною для достиженія цѣлей правительства, и потому полагаю, что *всего бы полезнѣе вовсе отмѣнить оную, замѣнивъ прямо взысканіями по суду*; но такъ-какъ мнѣніе это не раздѣляется весьма многими, и нѣтъ ни малѣйшей надежды осуществить такое предположеніе, то я и допускаю вышеизложенныя переходныя

мѣры (административныя кары), какъ *временную* уступку обстоятельствамъ“.

Та „временная“ уступка теперь можетъ быть измѣрена съ точностью—15 лѣтъ;—и вотъ, мы стоимъ опять наканунѣ реформы закона о печати, которому пожелаемъ прежде всего быть не временною мѣрою, а полнымъ законодательнымъ актомъ, составленнымъ потому помимо вліянія текущихъ минутъ, единственно въ виду широко понятаго интереса тѣхъ двухъ безсмѣнныхъ факторовъ, которые будутъ продолжать жить и тогда, когда не останется, можетъ быть, и памяти отъ нашего поколѣнія; это—правительство и народъ.

Коммиссія по пересмотру закона о печати имѣла 5 ноября первое особое засѣданіе, въ полномъ составѣ своихъ членовъ: князя С. П. Урусова, графа М. Т. Лорисъ-Меликова, А. А. Абазы, А. А. Сабурова, М. С. Каханова, К. Н. Побѣдоносцева, Э. В. Фриша, Л. С. Макова и Н. С. Абазы — подъ предѣлательствомъ графа П. А. Валуева. Въ это засѣданіе были приглашены, по выбору коммиссіи, около десяти редакторовъ газетъ и журналовъ изъ Петербурга и Москвы. Въ первомъ засѣданіи, конечно, не могло быть рѣчи о подробностяхъ будущаго закона; печать могла только выразить свое мнѣніе о тѣхъ основахъ, на которыхъ покоились временныя правила о печати 1865 года, и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя не только не дали тѣмъ правиламъ дальнѣйшаго поступательнаго развитія, но даже почти возвратили печать ко временамъ до-реформеннымъ, съ тою только разницею, что цензурный уставъ 1828 года со всѣми своими дополненіями соотвѣтствовалъ общему до-реформенному строю, а временныя правила 1865 года, совокупно съ дальнѣйшими мѣропріятіями, стали въ разрѣзъ съ прочими реформами и сложившимся на ихъ основаніи новымъ строемъ жизни. Уставъ 1828 года имѣлъ даже одно преимущество: онъ не шелъ по двумъ дорогамъ, и при предварительной цензурѣ печать была столько же подчинена правительству, сколько и канцелярія; при правилахъ 1865 года, такого рѣшительнаго положенія не было, но зато явилась нерѣшительность со всѣми своими плодами. И нынѣшній разъ, представители печати выразились единодушно въ пользу, во-первыхъ, *закона*, который долженъ быть на этотъ разъ всероссійскимъ, а не петербургско-московскимъ, т.-е. долженъ обнять собою всю Россію,—какъ столичную, такъ и провинціальную печать, и, сверхъ того, стать незыблемо и выше всѣхъ административныхъ распоряженій, чтó и подобаешь закону, который можетъ отмѣняться тѣмъ же путемъ, какимъ и создается; во-вторыхъ, въ пользу *суда*, независимаго и публичнаго. Изъ приведенной нами краткой исторіи нашего послѣдняго законодательства

по дѣламъ печати, видно, что это — мысль не новая; наканунѣ 1865 года она высказывалась съ неменьшею силою, — но тогда она относилась къ будущему и могла казаться гадательною, проблематическою, — теперь же эта мысль является плодомъ многолѣтняго опыта. Если бы и на этотъ разъ не оказалось возможнымъ принять опытъ во вниманіе, то развѣ только въ силу изреченія одного изъ величайшихъ знатоковъ человѣческой природы: *scio meliora proboque, deteriora tamen sequor* — „знаю, что было бы лучше — и одобряю, а тѣмъ не менѣе слѣдую тому, что хуже“.

Мы вынуждены сказать нѣсколько словъ о самомъ засѣданіи комиссіи 5-го ноября, которому суждено послужить началомъ дальнейшей законодательной работѣ.

Въ „Голосѣ“ (№ 310), по поводу этого засѣданія, были напечатаны „10 пунктовъ“, въ которые „всѣ желанія и нужды улеглись“... „Согласитесь“ — продолжаетъ „Голосъ“: „серьезнѣе отнестись къ дѣлу печать не могла“; она „не только формулировала свои желанія, но и придавала точный и опредѣленный видъ своимъ потребностямъ“. Но во время засѣданія, ни эти, ни какіе другіе пункты не были предъявлены комиссіи отъ имени печати, и показались въ газетѣ нѣсколько дней спустя послѣ засѣданія; почему они не были представлены и оставались у кого-нибудь въ карманѣ, — авторъ статьи въ „Голосѣ“ оставляетъ безъ объясненія, и тѣмъ не менѣе продолжаетъ такъ: „Какъ же, послѣ этого (?), говорить, что печать въ дѣлѣ, ей столь близкомъ, „безпомощна“? Кто же рѣшится сказать, что печать не можетъ представить (т.-е. составить, но не представить) ничего положительнаго въ вопросѣ о печати, и что ей подѣ силу только *критиковать* то, что *создадутъ* другіе? Говорятъ однако, что то и другое было заявлено гг. членамъ „особаго совѣщанія“ — и заявлено не какъ личное мнѣніе *ораторствовавшего*, а отъ имени всей печати. Я — говоритъ авторъ статьи „Голоса“ — этому „говорятъ“ — не вѣрю: если что-нибудь подобное и было заявлено, то, вѣроятно, заявлявшій, увлекшись ролью оратора, сказалъ не то, что хотѣлъ и что имѣлъ право сказать. Словомъ, объясняю все недоразумѣніемъ и *буду ждать его разъясненій*. На такое разъясненіе я имѣю право — никто же не можетъ рекомендовать меня *импотентомъ*“.

Намъ очень легко какъ дать требуемое объясненіе, такъ и успокоить редакцію „Голоса“ относительно „импотенціи“. Достаточно для того рассказать, какъ происходило дѣло въ дѣйствительности.

Засѣданіе открылось обращеніемъ г. председателя къ редакторамъ съ предложеніемъ заявить комиссіи свои мнѣнія о нуждахъ печати и способахъ ихъ удовлетворенія. Вѣроятно, слишкомъ общій характеръ предложенія былъ причиною того, что въ первую ми-

нуту сдѣланный вызовъ остался безъ отвѣта со стороны присутствующихъ. Тогда г. предсѣдатель сдѣлалъ предположеніе, что гг. редакторы, вѣроятно, условились между собою предварительно относительно порядка, въ какомъ будутъ ими дѣлаться сообщенія; вслѣдствіе же новаго молчанія, онъ обратился уже къ лицу г. редактора „Голоса“—предложивъ ему взять на себя начало объясненій. А. А. Краевскій заявилъ коротко, что наша печать уже высказалась относительно предстоящей реформы въ смыслѣ необходимости отмѣнить административныя кары и замѣнить администрацію закономъ и судомъ; что съ этимъ онъ и всѣ редакторы совершенно согласны, и къ этому онъ ничего не имѣетъ присоединить. Когда послѣ новаго вызова г. предсѣдателя, послѣдовало новое молчаніе, онъ вторично обратился къ личному вызову, и на этотъ разъ пригласилъ редактора „Вѣстника Европы“ высказать свое мнѣніе.

Итакъ, въ томъ засѣданіи никто изъ гг. редакторовъ не говорилъ, да и не могъ говорить „отъ имени печати“, такъ какъ каждый изъ говорившихъ былъ вызываемъ поименно г. предсѣдателемъ, послѣ того какъ послѣдній тщетно и по нѣскольку разъ предлагалъ говорить желающимъ. Какъ отвѣчалъ ему на личный вызовъ, мы видѣли, редакторъ „Голоса“, такъ, въ томъ же качествѣ, долженъ былъ потомъ отвѣчать редакторъ „Вѣстника Европы“. Слова послѣдняго авторъ статьи „Голоса“ называетъ „недоразумѣніемъ“ и ожидаетъ „разъясненій“. Но чтобы удовлетворить его вполне, необходимо было бы привести подлинныя слова, записанныя стенографами, присутствовавшими въ „особомъ“ засѣданіи комиссіи; но мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи текста стенографическаго отчета, и потому должны ограничиться однимъ указаніемъ на то, что каковы бы ни были эти слова, они были сказаны въ присутствіи всѣхъ, имѣвшихъ полное право согласиться съ ними или не согласиться. Послѣ словъ редактора „Вѣстника Европы“, засѣданіе не было закрыто,—и г. предсѣдатель снова обратился къ гг. редакторамъ съ предложеніемъ выразить свои мнѣнія; всѣ они согласились съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ словахъ редактора „Вѣстника Европы“—съ мнѣніемъ, которое будто бы объявляло ихъ „импотентами“. Дѣло шло о предложеніи редактора „Вѣстника Европы“ просить комиссію о томъ, чтобы проектъ закона, составленный специалистами, былъ представленъ на обсужденіе, „критику“, печати, прежде нежели онъ превратится въ законъ; предложеніе это было мотивировано тѣмъ, что критика есть спеціальность печати — ея, какъ говорятъ французы, „слабость“. Вотъ эту-то нашу „слабость“ къ критикѣ, а не въ критикѣ, авторъ статьи „Голоса“ и принялъ за обвиненіе его въ „импотенціи“. Мы надѣемся, онъ теперь совершенно успокоился, если

только не питаетъ какого-нибудь глубокаго предразсудка противъ критики, которая, какъ и все на свѣтѣ, можетъ быть „легкою“, но можетъ быть также и „трудною“: все зависитъ отъ самого критика.

II.

Въ ряду исполненія нашихъ государственныхъ бюджетовъ послѣднихъ лѣтъ, бюджетъ 1879 года заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ—года нормальнаго, въ который наша народная жизнь, послѣ трехлѣтнихъ перипетій военнаго времени, вошла какъ будто въ обычную колею: народныя силы обратились къ мирному труду, торговля и промышленность приняли свое обыкновенное теченіе. Сверхъ того, 1879 годъ можетъ быть признанъ вообще среднимъ и по урожаю, и по событіямъ нашей внутренней и политической жизни. Отъ этого-то результаты, представляемые исполненіемъ бюджета 1879 г., важны не только въ непосредственномъ цифровомъ отношеніи, но и въ смыслѣ указателя платежныхъ силъ Россіи и будущности ея бюджетовъ.

Цифровыя данныя, представляемыя недавно появившимся въ печати отчетомъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи на 1879 г., таковы: обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ поступило—661.954,191 р.; обыкновенныхъ расходовъ произведено на—643.892,258 р. Такимъ образомъ, въ обыкновенномъ бюджетѣ оказывается даже излишекъ доходовъ въ 18 мил. р.,—результатъ почти столь же благопріятный, какъ и результатъ исполненія росписи 1878 года. Къ сожалѣнію, это лишь одна сторона дѣла: въ 1879 году, какъ и въ 1878, сверхъ обыкновенныхъ расходовъ есть еще *чрезвычайные*, вызванные минувшею войною. Хотя сумма ихъ въ 1879 году значительно меньше, нежели въ два предшествовавшіе года, она все-таки достигаетъ весьма почтенной цифры 132 м. р., предъ которою совершенно блѣднѣетъ 18-ти-милліонный остатокъ обыкновеннаго бюджета. Конечно, это не совсѣмъ лишаетъ указанный остатокъ значенія; расплата по расходамъ минувшей войны рано или поздно кончится; если не случится новой войны, или какой-нибудь экспедиціи, и если можно быть увѣреннымъ, что исполненіе нашихъ обыкновенныхъ бюджетовъ будетъ по результатамъ и на будущее время такъ же удачно, какъ въ два послѣдніе года, — то съ временными расходами, какъ бы они ни были велики, можно было бы пока помириться. Наоборотъ, если удачные результаты двухъ послѣднихъ лѣтъ не болѣе какъ счастливая случайность, которая никакимъ образомъ не можетъ служить ручатель-

ствомъ за будущее,—то необходимо удвоить осторожность и заботливость, чтобы переживаемая нами нынѣ тяжелыя послѣдствія войны не приняли еще болѣе остраго характера.

Чтобы рѣшить, какое изъ предположеній поставленной нами дилеммы вѣрнѣе, необходимо обстоятельно разсмотрѣть подробности исполненія государственной росписи 1879 г., въ связи съ результатами бюджетовъ прежнихъ лѣтъ,—на столько, разумѣется, на сколько даютъ намъ къ этому возможность данныя, представляемыя отчетами государственнаго контроля.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что указанная выше цифра дохода 1879 года почти на 45 м. р. превышаетъ смѣтное исчисленіе. При правильномъ веденіи государственнаго хозяйства этотъ фактъ былъ бы весьма знаменателенъ: онъ несомнѣнно свидѣтельствовалъ бы или о какомъ-нибудь новомъ источникѣ государственныхъ доходовъ, или о неожиданномъ развитіи производительныхъ силъ страны. Но въ данномъ случаѣ фактъ этотъ ничего не доказываетъ: статистика у насъ, какъ извѣстно, весьма слабо развита, официальная такъ же, какъ и неофициальная, и данныя, которыя берутся для смѣтныхъ исчисленій, особенно по доходамъ, весьма недостаточны,—что, нужно замѣтить, зависитъ между прочимъ отъ постоянныхъ колебаній во всѣхъ почти отрасляхъ казеннаго хозяйства и казенныхъ операций. Въ нашемъ хозяйствѣ, какъ и во многихъ нашихъ рѣкахъ, мель оказывается сегодня тамъ, гдѣ вчера была поляя вода, и наоборотъ. Насколько намъ извѣстно, господствующій пріемъ при смѣтныхъ исчисленіяхъ доходовъ—чисто механическій: смѣтныя цифры даннаго года выводятся по цифрамъ предшествовавшихъ лѣтъ, причемъ лишь въ незначительной степени принимается въ расчетъ то или другое обстоятельство, которое должно оказать вліяніе на большее или меньшее полученіе дохода по той или другой статьѣ. Лучшее доказательство этого—несоотвѣтствіе смѣтныхъ исчисленій съ дѣйствительно полученными доходами, причемъ разница въ общемъ результатѣ нерѣдко доходить до 30—40 м. р., хотя несомнѣнно, что невѣрное исчисленіе по многимъ отдѣльнымъ статьямъ взаимно покрывается. Другой общій фактъ по составленію смѣтъ—это крайняя осторожность при исчисленіи доходовъ; она такъ велика, что за послѣднія десять лѣтъ, съ 1870 по 1879 годъ включительно, общій итогъ полученныхъ въ дѣйствительности доходовъ больше исчисленныхъ по росписямъ на 270 м. р.,—среднимъ числомъ на 27 м. р. въ годъ. Разумѣется, если уже нельзя точно исчислить доходовъ, то лучше грѣшить избыткомъ осторожности, нежели ни на чемъ не основанной отваги, если бы (второе если)—это вело къ чему-нибудь; такъ искусный врачъ предпочитаетъ объявить болѣзнь опасною, и

послѣ какъ будто спасти жизнь, нежели — на оборотъ. Между тѣмъ, изъ отчетовъ по исполненію государственныхъ росписей мы видимъ слѣдующее: роспись, сведенная съ самымъ неустойчивымъ балансомъ, нисколько не мѣшаетъ щедрому отпуску сверхсмѣтныхъ кредитовъ въ теченіи года, не говоря объ экстренныхъ отпускахъ на военныя надобности и т. п. Такъ, напр., по росписи 1872 балансъ былъ сведенъ съ превышеніемъ лишь въ 4¹/₂ м. р., но это не помѣшало отпуску, въ теченіе года, сверхсмѣтныхъ кредитовъ слишкомъ на 40 м. р.; въ результатѣ, несмотря на 35-ти-милліонное превышеніе доходовъ противъ росписи, получился дефицитъ, хотя и весьма незначительный. Въ общемъ, превышеніе противъ росписи въ расходахъ за указанныя десять лѣтъ ни на волосъ не уступало превышенію дѣйствительно поступившихъ доходовъ, и составило тоже 270 м. р., и то только, разумѣется, благодаря весьма счастливому поступленію дохода двухъ послѣднихъ лѣтъ, а отчасти, несомнѣнно, и тому, что значительная доля такихъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ, которые должны бы занять мѣсто въ обыкновенномъ бюджетѣ, отнесены къ расходамъ экстраординарнымъ на потребности войны ¹⁾.

Съ бѣльшею основательностію можно признать благопріятнымъ результатъ исполненія росписи 1879 г. изъ сравненія его съ результатомъ 1878 года. Послѣдній годъ самъ по себѣ можетъ быть признанъ весьма счастливымъ: поступившіе въ этомъ году въ казну доходы представляютъ небывалую до того времени цифру въ 626 м. р., превышающую на 77 м. р. доходы предъидущаго года и на 50 м. р. цифру наиболѣе благопріятнаго изъ предшествовавшихъ лѣтъ — 1875 г. А теперь оказывается, что въ 1879 г. поступило доходовъ на 36 м. р. болѣе, чѣмъ въ 1878 году. Но, какъ мы уже замѣтили, дѣло не только въ блестящемъ цифровомъ результатѣ исполненія доходной росписи одного года, а гораздо болѣе въ томъ, на сколько такой результатъ можетъ служить ручательствомъ за будущее. Съ этой точки зрѣнія подробное разсмотрѣніе поступленій 1879 года по статьямъ отдѣльно едва ли можетъ произвести столь же успокоительное впечатлѣніе, какое производитъ общій итогъ ихъ.

Въ ряду доходныхъ статей бюджета главною въ смыслѣ указанія степени народнаго благосостоянія долженъ, несомнѣнно, считаться *податной сборъ* вмѣстѣ съ поземельнымъ и лѣснымъ налогами. Несмотря

¹⁾ Кстати прибавимъ, что общій результатъ исполненія государственной росписи за эти десять лѣтъ довольно благопріятный: въ итогѣ получается избытка доходовъ надъ расходами около 43 м. р., разумѣется въ предѣлахъ обыкновеннаго бюджета, не считая произведенныхъ въ 1876—79 гг. чрезвычайныхъ расходовъ на потребности войны, составляющихъ слишкомъ милліардъ.

на общее увеличеніе доходовъ въ 1879 противъ поступленій 1878 г., несмотря на то, что въ 1879 г. земледѣлію и промышленности было возвращено множество рукъ, отвлеченныхъ отъ нихъ въ предшествовавшіе годы войною, — сборъ этотъ не только не увеличился сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, но, напротивъ, значительно понизился. Въ прошлогоднемъ обзорѣ отчетъ по исполненію росписи 1878 года мы находили цифру поступленія въ томъ году какъ податей, такъ и поземельнаго и лѣснаго налога, 120 м. р., не особенно блестящею. Представляя увеличеніе противъ предшествовавшаго года, она однако не достигла размѣра поступленія 1875 года, несмотря на увеличеніе рабочихъ рукъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, и на упадокъ цѣнности кредитнаго рубля, облегчающій для земледѣльца и работника пріобрѣтеніе такого количества кредитныхъ рублей, какое нужно для уплаты подати. Въ 1879 году число рабочихъ рукъ увеличилось, цѣнность кредитнаго рубля не повысилась, а между тѣмъ сумма податныхъ сборовъ (117½ м. р.), не только уменьшилась на 2½ м. р. противъ 1878 года, но лишь на ½ м. р. превзошла поступленіе самаго неблагопріятнаго финансоваго года, — 1877-го. А между тѣмъ подати по всѣмъ частямъ имперіи поступали весьма равномерно; крупныя недоимки оказались лишь по двумъ губерніямъ: саратовской (385 т. р.) и харьковской (115 т. р.); изъ остальныхъ же 67 губерній, по 42 губерніямъ сверхъ оклада внесена даже часть недоимокъ прежняго времени, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что остававшаяся къ 1879 г. общая недоимка податного сбора въ 29½ м. р. пополнена лишь на 400 т. р. (не считая 863 т., сложенныхъ по безнадѣжности ко взысканію). Въ этомъ-то скудномъ пополненіи недоимокъ податного сбора въ годъ вполне благополучный нельзя не видѣть нѣсколько тревожнаго признака въ виду тяжелаго въ экономическомъ отношеніи настоящаго года.

Налогъ, взимаемый въ формѣ подати, ложится на среду, которая даже въ счастливое относительно время съ трудомъ его выдерживаетъ: въ бѣдственное же — онъ не только можетъ надолго подорвать его благосостояніе, но отзовется весьма невыгодно на финансовомъ положеніи государства, и безъ того не блестящемъ. Къ большому недобору въ податяхъ, какъ въ текущемъ, такъ и въ слѣдующемъ году, нужно подготовиться заранѣе и найти средства парировать невзгоду.

Самый обильный источникъ средствъ нашего государственнаго казначейства, какъ извѣстно, доходъ *питейный*. Въ 1879 году, онъ достигъ небывалой до этого времени цифры 228 м. р., превысившей на 16 м. р. смѣтное исчисленіе, и на 15 м. р. слишкомъ поступленіе 1878 года, и составляющей болѣе трети общей суммы государственныхъ доходовъ! Налогъ этотъ обладаетъ, повидимому, неистощимою

эластичностію, благодаря которой онъ выдерживаетъ успѣшно всевозможныя испытанія, которыя несомнѣнно весьма невыгодно отзывались бы на всякомъ другомъ налогѣ. Въ прежнее время онъ доставлялъ отъ 180 до 200 м. р. въ годъ; увеличеніе нормъ выхода спирта и уменьшеніе размѣра безакцизнаго перекура возвысило этотъ доходъ въ 1878 году до 213 м. р., а установленныя съ 1-го января 1879 г. новыя правила о производствѣ водокъ и торговлѣ ими, установленіе дополнительнаго акциза съ нихъ и увеличеніе акциза съ пива—тотчасъ же подняли этотъ доходъ еще на 13 м. р. Судя по этимъ примѣрамъ, можно думать, что и впредь при всякомъ новомъ увеличеніи размѣра налога казна будетъ получать все большій и большій доходъ. Но это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что, несмотря на возвышеніе налога, потребление продукта не уменьшается, а между тѣмъ только прогрессивное увеличеніе потребления можетъ считаться нормальнымъ и надежнымъ источникомъ государственнаго дохода. Придумывать ежегодно новыя формы обложенія одного и того же продукта невозможно; кромѣ того, чѣмъ сложнѣе и тяжеле налогъ, чѣмъ дороже издержки его взиманія,—тѣмъ болѣе повода къ злоупотребленіямъ, направленнымъ противъ оплаты этого налога. Поэтому, если и можно разсчитывать, что цифра питейнаго дохода въ будущемъ не уменьшится, то все-таки надѣяться на дальнѣйшее ея повышеніе нѣтъ никакого основанія, не говоря уже о томъ, что общее неблагопріятное положеніе страны не можетъ остаться безъ вліянія на размѣръ и этого дохода.

Третье мѣсто въ ряду доходныхъ статей нашего бюджета занимаетъ доходъ *таможенный*. Цифра его была исчислена въ росписи на 1879 годъ въ 75 м. р.; въ дѣйствительности поступило около 92 м. р.,—болѣе противъ смѣты на 16½ м. р., и болѣе поступленія 1878 года на 12½ м. р. Такое увеличеніе объясняется въ „Запискѣ“ государственнаго контроля установленіемъ съ 1879 г. пошлины съ хлопчатой бумаги (давшей около 2½ м. р.), а главнымъ образомъ, усиленіемъ ввоза заграничныхъ товаровъ.

Но цифра полученнаго въ 1879 году таможеннаго дохода вовсе не такъ велика, какъ это кажется съ перваго раза, по крайней мѣрѣ по отношенію къ количеству товаровъ, которые этою пошлиною оплачены. Оживленіе заграничной торговли послѣ застоя военнаго времени на столько естественно, что въ ближайшіе за войною годы непремѣнно слѣдовало ожидать ввоза и вывоза товаровъ, значительно усиленныхъ противъ обычной нормы. Между тѣмъ у насъ, какъ будетъ показано дальше, этого не случилось; ввозъ заграничныхъ товаровъ, насколько можно судить по количеству таможеннаго дохода, вовсе не увеличился сравнительно съ годами, предшествовавшими войнѣ. Причина

этого кроется въ неблагопріятномъ экономическомъ и финансовомъ положеніи Россіи и преимущественно въ низкомъ курсѣ нашего кредитнаго рубля; это понизило вообще наши покупныя средства, особенно по отношенію къ иностраннымъ товарамъ, такъ какъ паденіе цѣны кредитныхъ денегъ при покупкѣ предметовъ внутренняго производства не такъ замѣтно, какъ при покупкѣ предметовъ иностраннаго производства. Какъ сильно вліяніе этой причины, доказывается именно таможеннымъ доходомъ 1879 года. Повѣстно само собою, что для сравненія нельзя принимать цифры таможенныхъ доходовъ 1876 и 1877 гг.: съ 1877 г. введена оплата таможенной пошлины золотомъ; въ предвидѣніи этого купцы спѣшили оплатить пошлиною товаръ еще въ теченіи 1876, что увеличило таможенный доходъ этого года до небывалой цифры 71 м. р., но за то понизило доходъ 1877 г. до 52 м., несмотря на то, что въ 1877 г. пошлины взимались уже въ золотой валютѣ. Для сравненія, слѣдовательно, остается 1875 годъ, въ который таможеннаго дохода получено 62 м. р. Теперь пошлина взимается золотомъ, т.-е. съ извѣстной единицы товара берется столько же золотыхъ рублей, сколько до 1877 г. бралось кредитныхъ. Полученные въ 1879 году, 92 м. р. кредитныхъ на металлическую валюту, по курсу въ 26 пенсовъ за кредитный рубль, принятому при перечисленіяхъ государственнымъ контролемъ, составятъ съ небольшимъ 63 м. р. золотомъ. Но изъ нихъ нужно еще вычесть $2\frac{1}{2}$ м. р. новой пошлины съ хлопка; остается 61 м. р.: ими оплаченъ товаръ на $1\frac{1}{2}$, на 2% меньше по количеству товара, ввезеннаго въ 1875 году. Очень можетъ быть, что настоящая потребность въ заграничномъ товарѣ поддержитъ въ теченіи всего 1880 г. поступленіе таможенныхъ пошлинъ на высотѣ прошлогоднихъ цифръ (изъ цифръ, сообщаемыхъ таможенной смѣтой, видно, что въ теченіи первой половины настоящаго года пошлинъ съ привозныхъ товаровъ получено $42\frac{1}{2}$ м. р., на 2 м. р. болѣе противъ соответствующаго періода 1879 г.); не будь неурожая въ нынѣшнемъ году, можно бы, пожалуй разсчитывать на усиленный ввозъ еще въ будущемъ году, но затѣмъ онъ все-таки долженъ прекратиться, если не произойдетъ существенныхъ измѣненій въ нашемъ производствѣ. Товаръ изъ-за границы могутъ привезти намъ, разумѣется, не даромъ, а лишь въ обмѣнъ или на товаръ же, или на деньги, т.-е. на золотую и серебряную монету, которая получила бы такимъ образомъ характеръ мѣноваго товара. Но именно наши мѣновые запасы весьма слабы. Наша обрабатывающая промышленность, какъ извѣстно, до сихъ поръ настолько еще не развита, что ей не совсѣмъ подъ силу даже азіатскіе рынки: главный предметъ нашей отпускной торговли все еще сырыя произведенія и преимущественно хлѣбъ, но, какъ это было уже заявлено

въ печати, производство хлѣба у насъ не развивается, а падаетъ, и сократилось противъ прежняго на 10—15%, неурожай же нынѣшняго года, и безъ этого, долженъ оказать самое неблагоприятное вліяніе на нашу заграничную хлѣбную торговлю. Другой источникъ нашихъ сырыхъ продуктовъ—скотоводство—также „обрѣтается не въ авантажъ“; остаются лишь продукты лѣсные и рыба; о золотѣ и серебрѣ и говорить нечего: и то, и другое сдѣлалось легендарнымъ. Изъ всего сказаннаго для насъ очевидно, что въ ближайшемъ будущемъ слѣдуетъ предвидѣть не увеличеніе, а напротивъ значительное уменьшеніе таможеннаго дохода, цифра котораго весьма легко снова можетъ понизиться до цифры поступленія 1877 года.

Указанныя три доходныя статьи, какъ и въ прежніе годы, доставили въ 1879 году почти двѣ трети общей суммы государственныхъ доходовъ,—именно: 437 м. р.; на долю остальныхъ 33 статей, указываемыхъ въ объяснительной къ отчету государственнаго контроля запискѣ, приходится около 224 м. р. По большей части этихъ статей, именно по 21, произошло увеличеніе противъ поступленія 1878 года,—всего на сумму около 28 м. р.; по 12 уменьшеніе, на 16½ м. р., а если не считать оборотныхъ поступленій, пониженіе которыхъ означаетъ лишь только то, что одни вѣдомства менѣе нуждались въ услугахъ другихъ,—то всего на 9 м. р.

Такой результатъ, безъ сомнѣнія, можно было бы счесть сноснымъ, особенно въ виду того, что дѣло идетъ о сравненіи съ 1878 годомъ, который самъ по себѣ былъ удаченъ,—если бы только къ большей части статей, представляющихъ возвышеніе, нельзя было бы хотя отчасти отнести то, что сказано о доходахъ питейномъ и таможенномъ. Дѣйствительно, въ большей части случаевъ увеличеніе доходовъ можетъ быть приписано или увеличенію размѣра самаго налога, или обстоятельствамъ случайнымъ, нисколько не гарантирующимъ того, что доходъ этотъ снова не упадетъ въ слѣдующіе годы. Такъ, увеличеніе на 4 м. р. дохода отъ гербовыхъ пошлинъ зависѣло отъ возвышенія цѣны на гербовую бумагу и марки—и отъ введенія въ царствѣ польскомъ вексельной бумаги; пошлины разныхъ наименованій дали превышеніе дохода 1878 г.—на 2 м. р., вслѣдствіе возвышенія пошлины съ застрахованныхъ имуществъ и распространенія ея на всѣ необязательныя страхованія; 7 м. р. доставилъ вновь установленный съ 1879 г. сборъ съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и грузовъ большой скорости; наконецъ, соляной доходъ доставилъ излишка около 3½ м. р., но изъ нихъ 3 м. р. составляютъ возмѣщеніе недоимки и досрочное погашеніе акциза за прежнее время, и т. д.

Въ 1871 г. налогъ соляной доставилъ казнѣ 12½ м. р., въ 1872 году—13 м. р.; затѣмъ, до 1877 г. цифра его поступленія была

менѣе 12 м. р., а въ 1877 и 1878 гг. менѣе уже и 11 м. р. Въ 1879 г. получилось 13^{1/2} м. р., но если исключить упомянутые выше случайно поступившіе 3 м. р., то останется всего 10^{1/2} м. р. Такимъ образомъ, и въ 1879 году не нарушилось давно уже обнаружившееся въ соляномъ налогѣ направленіе къ постоянному пониженію, несмотря на то, что увеличивающееся народонаселеніе и развитіе народной промышленности требовали бы постоянного увеличенія расхода соли, имѣющей такую важность для питанія народа и для его хозяйства и составляющей ingredientъ многихъ производствъ. Всѣмъ памятно, вѣроятно, заявленіе только-что оставившаго свой постъ министра финансовъ о томъ, что день отмѣны солянаго налога онъ почтетъ „счастливейшимъ днемъ своей жизни“. Можно съ увѣренностію сказать, что едвали есть у насъ хотя одинъ даже и не государственный человѣкъ, который не раздѣлялъ бы въ этомъ отношеніи взгляда бывшаго министра финансовъ и не питалъ бы убѣжденія въ крайнемъ вредѣ этого налога для развитія народной промышленности, особенно скотоводства и рыболовства, не говоря уже о вредномъ влияніи недостаточнаго употребленія соли на народное здоровье. Если онъ до сихъ поръ оставался все-таки неотмѣненнымъ, то очевидно, только потому, что не признавалось возможнымъ лишить казну доставляемаго имъ десятка м. р., несмотря на то, что сохраненіе этого налога равносильно добыванью алтынномъ гроша: сама казна, принимая это слово въ самомъ узкомъ его значеніи, несомнѣнно много бы выиграла отъ развитія народнаго благосостоянія и промышленности, тѣсно связаннаго съ отмѣной этого налога, вредъ котораго не ограничивается тѣмъ, что цѣна соли поднимается на цифру взимаемаго акциза; налогъ поднимаетъ цѣну соли далеко не въ мѣрѣ акциза: самое взиманіе налога, независимо отъ его размѣра, порождаетъ затрудненія въ торговлѣ, болѣе содѣйствующія ея дороговизнѣ, нежели самый акцизъ. Быть можетъ, ко времени выхода нашей книги въ свѣтъ мы узнаемъ что-нибудь болѣе вѣрное, а не одни газетные слухи относительно предстоящаго уничтоженія солянаго налога; теперь же мы только можемъ пожелать, чтобы „сонъ былъ въ руку“. Притомъ, едва ли справедливо опасеніе въ невозможности замѣнить чѣмъ-нибудь соляной налогъ,—не говоримъ уже о томъ, что самая легкая экономія въ военныхъ расходахъ, одна была бы способна покрыть предстоящій недочетъ, и притомъ съ нѣкоторымъ возвратомъ и самому военному бюджету, такъ какъ войско получило бы соль на половину болѣе дешевую—и для людей, и для лошадей,—не говоримъ уже о томъ, что въ армію послѣ поступали бы болѣе здоровые солдаты.

Но и помимо того,—у насъ есть предметы, остающіеся до сихъ поръ не обложенными въ пользу казны,—напримѣръ, карты,

составляющія такое же, если еще не большее веселіе Руси, какъ и зелено-вино. Правда, карты и теперь уже обложены налогомъ въ пользу Воспитательнаго дома, но способъ взиманія этого налога таковъ, что надбавка къ нему приблизительно въ размѣрѣ 50% стоимости картъ останется совершенно нечувствительною; это доказывается, между прочимъ, тѣми дополнительными поборами въ 50%, во 100% и болѣе, которые взимаются съ картъ не только въ разныхъ клубахъ, но и въ частныхъ домахъ. Мы не знаемъ, въ какомъ количествѣ расходятся карты, но что это количество очень велико, — несомнѣнно. Смѣло можно рассчитывать, что 50-ти-процентный налогъ на карты доставитъ отъ 2 до 5 м. въ годъ. Разумѣется, этимъ налогомъ должны быть обложены не только новыя карты, но и игранныя, пускаемыя вновь въ употребленіе, напр., въ клубахъ за печатью клубовъ. Кромѣ того, самый налогъ былъ бы гораздо производительнѣе, если бы казна, за соотвѣтствующее ежегодное вознагражденіе, приобрѣла у Воспитательнаго дома право фабрикаціи картъ и подчинила ее общимъ условіямъ казеннаго производства и установленнымъ порядкамъ контроля. Поручиться же теперь въ правильности карточного производства весьма трудно: невыгоды отдѣльнаго контроля учреждений императрицы Маріи заключаются въ томъ, что дѣятельность этого контроля и ея результаты остаются внѣ всякой гласности, да и вообще контроль, находящійся въ составѣ и вѣдѣніи того же самаго вѣдомства, которое онъ обязанъ контролировать, не болѣе какъ — призракъ.

Налогомъ на карты, повторяемъ, весьма эластичнымъ и главное вполне рациональнымъ и даже гигиеническимъ, такъ какъ онъ былъ бы направленъ противъ сидячей жизни и ея вредныхъ послѣдствій, — казна могла бы возмѣстить часть дохода, утрачиваемую отмѣной налога соляного, весьма антигигиеническаго; другая часть скоро вознаградилась бы косвенными доходами съ улучшеннаго скотоводства и развившихся рыбныхъ промысловъ.

Возвращаясь къ дальнѣйшему обозрѣнію доходныхъ статей, съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, что въ числѣ ихъ есть и такіе, по которымъ увеличеніе доходности можетъ быть приписано улучшенію экономическихъ народныхъ условій или улучшенію казеннаго хозяйства, таковы: доходъ отъ лѣсовъ, налоги за право торговли, поступленія отъ продажи недвижимыхъ имуществъ, паспортныя пошлины (часть увеличенія зависитъ отъ возвышенія цѣны на гербовую бумагу), доходъ отъ горныхъ промысловъ и налоговъ, пособія казнѣ изъ постороннихъ источниковъ и доходъ телеграфный.

Изъ статей, по которымъ оказалось уменьшеніе дохода, главная по суммѣ — это поступленіе отъ желѣзныхъ дорогъ по передачѣ

частнымъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ Николаевской, Варшавско-Вѣнской и Тереспольско-Брестской. Любопытно, что вся недоимка, въ 2 м. р. слишкомъ, оказалась за Николаевской дорогой, едва ли не самой прибыльной. Впрочемъ, эти 2 м. р.—сухая бездѣлица въ ряду тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя или не доплачиваются казнѣ или вымогаются отъ нея желѣзными дорогами по многочисленнымъ рубрикамъ смѣтъ доходныхъ, расходныхъ и специальныхъ. Объ этомъ ниже намъ придется еще говорить.

Резюмируя сказанное, мы можемъ повторить, что 1879 годъ, судя конечно только по цифрамъ поступленій, весьма удачный. Общій итогъ дохода превзошелъ на 36 м. р. доходъ 1878 г., который, въ свою очередь, представляетъ повышеніе въ доходахъ противъ ближайшаго года на 77 м. р., а противъ средней цифры доходовъ послѣдняго десятилѣтія (съ 1868 г. по 1877 включительно) на 108 м. руб. Но, во-первыхъ, блестящій результатъ исполненія доходной росписи 1879 г. нисколько не служить порукою, какъ это видно изъ подробнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ статей, не только за естественное прогрессивное развитіе доходности ихъ на будущее время, но и за то, что въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ не окажется поразительнаго пониженія въ любой изъ рубрикъ. Во-вторыхъ, при сравненіи цифры дохода 1879 года съ годами предшествовавшими, мы не обратили пока вниманія на одно обстоятельство, которое однако совершенно измѣняетъ результаты сравненія. Мѣрою его служилъ для насъ кредитный рубль, но пока—мы не принимали въ расчетъ, что цѣнность этого рубля постоянно и весьма значительно измѣнялась; а если мы введемъ эту разницу въ наши расчеты, то окажется, что доходность 1879 года не только не выше доходности предшествующихъ лѣтъ, но гораздо ниже. Такъ, доходъ 1875 года, въ 576½ м. р., при переложеніи на франки, по среднему курсу этого года въ 345 сант. за кредитный рубль, составитъ 1,989 м. франковъ; доходъ 1876 года, въ 559¼ м. рублей, по курсу 325 сант.—1,817 м. фр.; доходъ же 1879 года въ 662 м. р., по курсу 255½ сант. даетъ лишь 1,691½ м. фр.! Другими словами, доходъ 1875 г., въ 576 м. р., былъ меньше дохода 1879 г., въ 662 м. р.,—но *лучше*, такъ какъ за него тогда давали почти 2 миллиарда франковъ, а за доходъ 1879 г.—только 1 миллиардъ 700 милліоновъ франковъ.

Что этотъ дѣйствительный доходъ играетъ гораздо бѣльшую роль въ результатѣ нашихъ фивансовыхъ государственныхъ оборотовъ, нежели номинальная его цифра,—мы покажемъ по обзорѣ итгоговъ отчета по расходамъ.

III.

Переходимъ къ расходамъ. По росписи 1879 года, обыкновенные расходы были исчислены въ суммѣ—610.715,991 р. Въ дѣйствительности израсходовано: 643.892,258 р. на обыкновенныя потребности, и 132.109,316 р. на расходы чрезвычайные, вызванные бывшею войною и военными операціями въ Закаспійскомъ краѣ. Сверхъ того, на сумму 35.711,228 р., вмѣсто исчисленныхъ по смѣтѣ 9.367,757 р., произведено расходовъ временныхъ, экстраординарныхъ, покрываемыхъ специально опредѣленными ресурсами (на устройство желѣзныхъ дорогъ и другіе относящіеся къ нимъ расходы, на устройство портовыхъ сооружений, постройку Литейнаго моста и пр.). Такимъ образомъ, общій итогъ расходовъ составитъ 811.712,802 р., болѣе поступившихъ доходовъ (662 м. р.) на 150 м. руб. Но, разумѣется, при обсужденіи результатовъ исполненія государственной росписи за 1879 годъ не могутъ быть принимаемы въ расчетъ ни расходы чрезвычайные на войну, ни временные экстраординарные, такъ какъ ни тѣ, ни другіе не могутъ быть оплачены изъ обыкновенныхъ доходовъ, покрываются специально заключенными на этотъ предметъ займами и оказываютъ вліяніе на обыкновенный бюджетъ лишь въ мѣрѣ необходимыхъ ежегодныхъ средствъ на уплату процентовъ и погашенія. Если же остановиться на расходахъ обыкновенныхъ, то оказывается, что ихъ, сравнительно съ доходами, произведено менѣе 18 м. р.; остатокъ хотя и меньше того, какой получился въ 1879 г. (24¹/₂ м. р.), но все-таки весьма значительный. Впрочемъ, для насъ важна цифра расходовъ не съ этой только стороны; для насъ важно опредѣлить, насколько удачный балансъ сведенія росписи 1879 г. (если только принимать во вниманіе расходы „обыкновенные“) подаетъ надежду на такіе же результаты въ будущемъ. Для этого необходимо прослѣдить составныя части произведенныхъ въ 1879 году расходовъ и сравнить цифру ихъ съ цифрой предшествовавшихъ лѣтъ.

Постоянное возвышеніе расходовъ (обыкновенныхъ—о нихъ только и будетъ рѣчь) давно уже стало нормальнымъ явленіемъ нашего бюджета и притомъ такъ, что сумма этого возвышенія постоянно увеличивается: въ 1865 году государственные расходы простирались до 396¹/₂ м. р.; въ 1875 году—до 543¹/₂ м. р., т.-е. въ теченіе 10 лѣтъ увеличились на 47 м. р.; въ 1878 году возросли уже до 600¹/₂ м. р.; слѣдовательно, въ три года на 57 м. р., а въ 1879 году противъ 1878 г. разомъ на 43 м. р. Наибольшее увеличеніе произошло по системѣ государственнаго кредита; въ 1875 г. по этой статьѣ израсходовано всего 107¹/₂ м. р.; въ 1878 году 140 м. р., а въ 1879

году 172 $\frac{1}{2}$ м. р. Такое быстрое возвышеніе этого расхода есть, разумѣется, результатъ, прежде всего, тѣхъ займовъ, которые были совершены для веденія войны и для уплаты процентовъ по консолидированнымъ облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, а также и паденія цѣнности кредитнаго рубля, въ валютѣ котораго исчисленъ этотъ расходъ, хотя проценты и погашенія по иностраннымъ займамъ производятся звонкой монетой. Дальнѣйшаго, по крайней мѣрѣ значительнаго, паденія нашего курса ожидать нѣтъ основанія, но тѣмъ не менѣе расходъ по системѣ государственнаго кредита на будущіе годы выйдетъ, очевидно, далеко изъ предѣловъ цифры 1879 года: по смѣтѣ на 1881 годъ онъ исчисляется уже въ суммѣ 184 м. р., слѣдуетъ ожидать однако, по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, что и къ этой суммѣ потребуются дополнительныя ассигнованія ¹⁾).

Изъ сопоставленія увеличенія расходовъ по системѣ государственнаго кредита съ общей цифрой увеличенія расходовъ 1879 г. видно, что по другимъ статьямъ и вѣдомствамъ увеличеніе это сравнительно невелико. Тѣмъ не менѣе, однако, увеличеніе существуетъ и притомъ постоянное и непрерывное, и причину его прежде всего слѣдуетъ искать въ дороговизнѣ, или, другими словами, въ низкой стоимости нашего кредитнаго рубля. Въ самомъ дѣлѣ, если подобно тому, какъ мы сдѣлали съ доходами, мы, для сравненія, переведемъ на франки, расходы 1875 и 1879 года, то получимъ для 1875 года—1,874 м. франк., а для 1879 года—1,645 м. франк. Намъ могутъ замѣтить, что для измѣренія количества дохода не совсѣмъ правильно принимать за мѣру металлическую монетную единицу, такъ какъ размѣръ бѣльшей части государственныхъ расходовъ нисколько не зависитъ отъ курсовой стоимости рубля и не увеличивается отъ ея паденія, напримѣръ: содержаніе, выдаваемое чиновникамъ, плата за нанимаемыя для казны помѣщенія и т. п. Даже цѣна многихъ предметовъ казеннаго довольствія не повысилась; они приобрѣтаются не дороже того, что стоили нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это отчасти справедливо. Дѣйствительно, при колебаніи курса нашего кредитнаго рубля—и это чуть ли не главная невыгода такого колебанія—цѣны поднимаются и падаютъ неравномѣрно. Поэтому многіе предметы и особенно трудъ оплачиваются прежнимъ количествомъ кредитныхъ единицъ, хотя онѣ и потеряли въ теченіи четырехъ лѣтъ 25% своей внутренней стоимости. Но это справедливо только отча-

¹⁾ Всѣхъ долговъ государственнаго казначейства числятся къ 1881 году приблизительно 82 $\frac{1}{2}$ м. гульденовъ; 113 м. фунтовъ стерлинговъ; 564 м. франковъ и 1,905 м. рублей. Сверхъ того, къ августу 1880 г. находилось въ обращеніи государственныхъ кредитныхъ билетовъ на 716 м. и еще временно выпущено кредитныхъ билетовъ на 368 м. р.

сти. Во-первыхъ, многіе предметы казеннаго потребленія, сохраняя номинально прежнюю цѣну, несомнѣнно потерпѣли въ качествѣ; это прежде всего примѣнимо къ труду агентовъ правительства: уменьшеніе цѣнности ихъ содержанія на 25⁰/₀, или, какъ у насъ принято выражаться, дороговизна заставила ихъ искать по бѣльшей части дополнительныхъ постороннихъ занятій, съ ущербомъ служебнымъ, или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Во-вторыхъ, въ доказательство разительнаго вліянія курса на сводъ государственной росписи, мы можемъ привести соображенія иного порядка. Выше мы сказали, что балансъ нашихъ обыкновенныхъ бюджетовъ за послѣднія 10 лѣтъ представляетъ превышеніе въ доходахъ на 43 м. р., т.-е. среднимъ числомъ на 4 м. слишкомъ въ годъ. Но примемъ за норму равновѣсіе между доходами и расходами. Въ 1879 г. оказалось превышеніе въ доходахъ на 18 м. Весь этотъ избытокъ покрывается избыткомъ поступленія таможенныхъ сборовъ. Между тѣмъ въ 1879 году увеличены питейные налоги и налогъ гербовый, вновь установлены налогъ на хлопчатую бумагу и желѣзнодорожный сборъ. Доходы, доставленные всѣми этими налогами, не оказали никакого благопріятнаго вліянія на балансъ именно потому, что, по нашему убѣжденію, поглощены паденіемъ цѣнности кредитнаго рубля.

Какъ мы показали выше, въ сущности, въ 1879 году доходы наши противъ прежнихъ лѣтъ не только не увеличились, но даже уменьшились, какъ это видно изъ переложенія цифръ нашего бюджета въ металлическую валюту. Но бѣда въ томъ, что уменьшеніе это не облегчило ни плательщиковъ, ни казны. Наши налоги, прямые и косвенные, преимущественно падаютъ на трудъ, а именно на трудъ-то и не оказало вліянія паденіе цѣны кредитнаго рубля; трудъ не сталъ дороже: поденщикъ, чиновникъ, приказчикъ, литераторъ, швея, учитель и учительница получаютъ за свой трудъ теперь столько же, сколько и прежде; кредитный рубль въ 255 сантимовъ стоимостью добывается ими такимъ же количествомъ работы, какимъ добывался и рубль въ 345 сантимовъ. А между тѣмъ рублей теперь приходится уплачивать больше, не только за удовлетвореніе необходимыхъ потребностей жизни, мясо, хлѣбъ и пр., но и въ казну: приходится платить лишній рубль при поѣздкѣ по желѣзной дорогѣ, лишнія копѣйки при каждомъ пріобрѣтеніи гербовой марки и т. п. Ничего не выиграла казна отъ уменьшенія расходовъ: въ 1879 г. расходы уменьшились противъ 1875 г. на 300 м. франковъ, на столько же какъ разъ уменьшились и доходы. Но и это равновѣсіе достигнуто лишь путемъ установленія новыхъ налоговъ, т.-е. новымъ отягощеніемъ плательщиковъ, которое должно отзываться невыгоднымъ образомъ на поступленіи податныхъ сборовъ. Затѣмъ, такъ

какъ и теперь уже расходы значительно сократились противъ прежняго, то нечего и думать о дальнѣйшемъ ихъ сокращеніи. Въ самомъ дѣлѣ расходы эти не только не велики, но весьма малы сравнительно съ другими европейскими государствами. Такъ, государственные расходы Франціи по общему бюджету, независимо отъ экстраординарныхъ и спеціальныхъ, составляютъ болѣе 2.700 м. франковъ; расходы Австріи—около 2.100 м. фран., а у насъ въ 1879 г., какъ показано выше, только 1.645 м. фран. Между тѣмъ, народонаселеніе Франціи составляетъ около 43 м., народонаселеніе Австріи—не болѣе 38 м., а Россіи—слишкомъ 85 м. жителей, не говоря уже о громадной разницѣ въ величинѣ территорій.

Указывая на ограниченность расходной части нашего бюджета, мы вовсе не хотимъ сказать, что у насъ не производится расходовъ лишнихъ и ненужныхъ; такіе расходы есть, и скорѣйшее окончаніе трудовъ высшей коммиссіи по сокращенію государственныхъ расходовъ дѣло вовсе не лишнее; стѣдуетъ только вспомнить широкую расточительность по отношенію къ разнымъ видамъ казеннаго имущества—отъ отвода слишкомъ широкихъ казенныхъ квартиръ до раздачи обширныхъ казенныхъ земель. Но дѣло въ томъ, что рядомъ съ такими излишними расходами есть много вопіющихъ потребностей, не находящихъ себѣ удовлетворенія—по недостатку средствъ.

Расходы не могутъ быть сокращены; съ другой стороны, какъ мы показали выше, едва ли можно рассчитывать на дальнѣйшее увеличеніе доходовъ,—при существующей нынѣ системѣ налоговъ; напротивъ, слѣдуетъ ожидать ихъ уменьшенія, а такое уменьшеніе въ одинъ неблагопріятный годъ можетъ поглотить остатки бюджетныхъ балансовъ многихъ лѣтъ. Выдти изъ такого положенія однѣми канцелярскими финансовыми комбинаціями, разумѣется, невозможно. Для этого путь одинъ: развитіе народной производительности, немыслимое безъ развитія общественныхъ силъ. На финансовой администраціи лежитъ обязанность открыть производительности болѣе широкіе пути, устранить обстоятельства, ея связывающія, отмѣнить налоги, подрывающіе народную промышленность, и озаботиться равномернымъ ихъ распредѣленіемъ; прекратить поддержку изъ средствъ казны разныхъ сомнительныхъ операцій—*дутьихъ*, по выраженію бывшаго министра финансовъ, регулировать отношеніе къ средствамъ государственнаго казначейства, государственнаго банка и привести въ общедоступную ясность операціи послѣдняго, возбуждающія въ обществѣ столько толковъ и сомнѣній и не мало способствующія подрыву нашего государственнаго кредита, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ общедоступной ясности,—сомнѣнія неизбѣжны.

Разумѣется, нашъ перечень—не болѣе какъ общія мѣста; задача

въ томъ, что именно сдѣлать и какъ. Усилія къ разрѣшенію этой задачи мы въ правѣ ожидать отъ новаго министерства финансовъ, которое тѣсно связывается въ общемъ представленіи съ убѣжденіемъ въ сознанный необходимости *коренного* измѣненія по нѣкоторымъ отраслямъ существующей финансовой системы, каковы: податная, денежная, банковая и пр.; хотя, конечно, не слѣдуетъ забывать, что результаты спеціальной финансовой политики находятся сами въ тѣсной зависимости отъ направленія общей государственной политики, какъ то уже давно было замѣчено однимъ изъ французскихъ министровъ финансовъ.

IV.

До сихъ поръ мы говорили только объ обыкновенномъ бюджетѣ; но есть еще расходы чрезвычайные.

Минувшая война вмѣстѣ съ Ахалтекинской экспедиціей стоила намъ, какъ видно изъ отчета государственнаго контроля, по счетамъ, сведеннымъ къ 1 января 1880 года, болѣе милліарда рублей. Но это еще не окончательный результатъ. Несомнѣнно, по расчетамъ за время войны съ Турціею произведены уплаты и въ текущемъ году, и предстоятъ еще въ будущемъ, какъ, напр., окончаніе счетовъ съ подрядчиками,—не говоря о продолжающейся и, разумѣется, не дешево стоющей Ахалтеинской экспедиціи. Расходы эти удовлетворены на счетъ сдѣланныхъ займовъ, и къ числу текущихъ обыкновенныхъ расходовъ, какъ мы уже замѣтили, отнесены быть не могутъ; но на балансъ сведенія государственной росписи они несомнѣнно оказываютъ вліяніе не только увеличеніемъ расхода на уплату процентовъ и погашенія, но и тѣмъ, что въ весьма значительной мѣрѣ содѣйствуютъ паденію цѣны кредитнаго рубля, столь сильно вліяющему въ свою очередь, какъ мы показали выше, на увеличеніе государственныхъ расходовъ.

Не менѣе тягостное вліяніе на положеніе нашихъ финансовъ имѣютъ отношенія къ казнѣ желѣзнодорожныхъ обществъ, этого вампира, высасывающаго изъ государственнаго казначейства послѣдніе соки. Предѣлы, которые мы должны себѣ поставить въ нашемъ разсмотрѣніи финансовыхъ результатовъ исполненія росписи 1879 г., не позволяютъ намъ войти въ подробности по этому предмету; ограничимся лишь короткими свѣдѣніями. Мы указывали недоборъ съ желѣзныхъ дорогъ въ доходныхъ статьяхъ, но цифра его—ничто въ сравненіи съ быстрымъ ростомъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ долговъ казнѣ. По ссудамъ на уплату процентовъ и погашенія по акціямъ и облигаціямъ

и на постройку желѣзныхъ дорогъ и за уступленные обществамъ запасы топлива и матерьяловъ къ 1879 году, казна считала за желѣзными дорогами 541^{1/2} м. р.; къ 1 января 1880 года этотъ долгъ составлялъ уже 605 м. р., независимо отъ увеличенія долга желѣзныхъ дорогъ желѣзнодорожному фонду! Несмотря на такіе громадные долги, несмотря на то, что въ рукахъ правительства находится, сверхъ того, желѣзнодорожныхъ акцій на сумму около 80 м. р. и облигацій на сумму до 800 м. р., правительству все еще не удалось установить серьезный надзоръ за оборотами желѣзнодорожныхъ обществъ, въ которыхъ допускаются въ ущербъ казнѣ не только упущенія, но и злоупотребленія. Какъ извѣстно, много лѣтъ уже усилія и государственнаго контроля, и министерства финансовъ направлены на учрежденіе правильной и дѣйствительной ревизіи оборотовъ желѣзныхъ дорогъ,—но эти усилія до сихъ поръ остаются безъ видимыхъ результатовъ. Желѣзныя дороги по прежнему эксплуатируютъ казну, въ то же время плохо служа обществу. Въ чемъ загадка такого безсилія названныхъ выше вліятельныхъ вѣдомствъ, пользующихся еще содѣйствіемъ министерства путей сообщенія и особой желѣзнодорожной комиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Баранова,—мы рѣшить затрудняемся. Для насъ остается вопросъ, заключаются ли они только въ трудности самаго дѣла, или еще въ искусномъ и мало замѣтномъ противодѣйствіи съ различныхъ сторонъ, прямо заинтересованныхъ въ томъ, чтобы возможно дольше сохранилась неурядица, господствующая въ этой области государственнаго хозяйства. Но какъ бы ни велики были затрудненія, какъ бы ни сильны были противодѣйствія, вѣроятно, найдутся, наконецъ, рѣшимость и средства преодолѣть какъ тѣ, такъ и другія.

Съ будущаго года, редакція нашего журнала расширяетъ кругъ своей дѣятельности, присоединяя къ своему ежемѣсячному изданію — ежедневное, подъ названіемъ: „Порядокъ“. Говорить здѣсь о цѣли, о направленіи новой газеты, значило бы говорить читателямъ „Вѣстника Европы“ о томъ, что имъ и безъ того можетъ быть болѣе или менѣе извѣстнымъ. Конечно, газета, идя тѣмъ же самымъ путемъ, подходитъ ко всему ближе, и потому имѣетъ и возможность большее обнять, и обязанность высказаться иногда прежде нежели фактъ отойдетъ въ область исторіи, а иногда даже предвидѣть возможность того или другого факта и своевременно отнестись такъ или иначе къ ожидаемому его появленію. Въ этомъ состоитъ вообще отличіе каждой газеты отъ журнала, помимо всякаго вопроса о направленіи ея.

Предполагая извѣстнымъ направленіе новой газеты, мы однако тѣмъ не менѣе желали бы сказать нѣсколько словъ о томъ направленіи самого общества, въ какомъ суждено ей застать его въ моментъ своего появленія. Искать такого общественнаго направленія мыслей у насъ можно только въ печати, и то—насколько она находитъ средствъ къ тому, чтобы служить выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Въ послѣднемъ отношеніи мы не можемъ не признать чувствительной разницы между положеніемъ вещей въ концѣ нынѣшняго года и—въ началѣ его: печать пріобрѣла, говоря относительно, болѣе возможности служить своему главному назначенію, нежели какъ то было еще не такъ давно. Это обстоятельство отчасти объясняетъ и самое намѣреніе наше расширитьсвою дѣятельность: еще въ началѣ этого года, если бы и была возможность открыть новую газету, то едва ли бы стоило тѣмъ воспользоваться: не говорить одному, не говорить вдвоемъ—разница не большая, если только тутъ есть какая-нибудь разница.

Благодаря новымъ, сравнительно лучшимъ условіямъ нашей печати, въ ней явилось отраженіе болѣе вѣрное и точное тѣхъ главныхъ теченій, которыя всегда скрывались въ нѣдрахъ общества; теперь они дѣлаются почти осязательными. Но взаимная борьба ихъ, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ полна недоумѣній, по крайней мѣрѣ со стороны искреннихъ представителей двухъ главныхъ теченій. Между ними, время отъ времени, являются, правда, посредники, старающіе выяснить обѣимъ сторонамъ, что, на примѣръ, можно спорить о преимуществахъ кухни французской, англійской,—но всѣ должны согласиться въ томъ, что нельзя жить безъ пищи. Еще недавно у насъ К. Д. Кавелинъ заключилъ свою полемику съ г. Достоевскимъ, въ его роля славянофила, прекрасными, по нашему мнѣнію, и полными правды словами:

„— Стало быть, скажете вы мнѣ, и вы тоже мечтаете о томъ, чтобъ мы стали *европейцами*?—Я мечтаю, отвѣчу я вамъ, только о томъ, чтобъ мы перестали *говорить* о нравственной, душевной, христіанской правдѣ, и начали поступать, дѣйствовать, *жить* по этой правдѣ! Черезъ это мы не обратимся въ европейцевъ, но перестанемъ быть восточными людьми, и будемъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чтó мы есть по природѣ,—русскими“.

Изъ словъ К. Д. Кавелина, можно заключить, что, послѣ всѣхъ оттѣнковъ партій славянофильскихъ и западническихъ, онъ не теряетъ надежды на то, что, можетъ быть, мы доживемъ наконецъ до появленія „русской“ партіи, въ которой соединятся разумные интересы всѣхъ противниковъ. Нельзя не согласиться вообще, что положеніе „русской“ партіи въ Россіи было бы дѣломъ и новымъ, и оригинальнымъ. Но это, повидимому, еще партія будущаго, а потому возвратимся къ наличному положенію вещей.

Всего менѣе можно говорить о такъ-называемыхъ „западникахъ“—и по очень простой причинѣ: всего менѣе до сихъ поръ и они могли высказывать свои мысли и направленіе въ ихъ цѣлости; этимъ неудобствомъ не рѣдко даже пользовались ихъ противники, зная, что кругъ ихъ объясненій особенно сжатъ и ограниченъ. Справедливость требуетъ сказать, что и сами противники западниковъ, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ своихъ теорій, пользовались только относительно бѣльшимъ просторомъ мысли, но также далеко не безусловнымъ,—только они зато и не имѣли бы права жаловаться на стѣсненія печати, такъ какъ такія стѣсненія все же должны были бы имъ напоминать то старое, доброе время московскихъ царей XVI, XVII в., гдѣ они ищутъ своихъ идеаловъ, и къ которому желаютъ протянуть руку черезъ голову Петра Великаго.

Но какъ бы то ни было, славянофилы все же имѣли для себя относительно болѣе простора и могли потому высказываться яснѣе, а потому ихъ теорія въ печати получила болѣе рельефныя очертанія, и по той же причинѣ особые свойства ея выступаютъ несравненно нагляднѣе. Въ представленіи массы, славянофилы ратуютъ за народность въ ея чистомъ видѣ, какой она имѣла до Петра В.; западники оказываются слѣпыми подражателями западной цивилизаціи. Въ сущности, это—одна игра словъ: то, что славянофилы называютъ народностью, правильнѣе было бы назвать совершенно иначе; чѣмъ для насъ въ позднѣйшія времена служилъ Западъ Европы, тѣмъ нѣкогда служила Византія, и то, что теперь называютъ западничествомъ, въ тѣ времена справедливѣе было бы называть не народностью, а византійствомъ, и нашу литературную партію, называемую славянофильствомъ, также было бы гораздо справедливѣе считать византіефильствомъ,—и дѣйствительно, многіе изъ принциповъ, защищаемые ими, только и можно объяснить вліяніемъ Византіи на нашу древнюю цивилизацію. Наши славянофилы какъ-будто сами не замѣчаютъ того, что нѣкоторыя ихъ идеи, какъ византійскія, имѣютъ гораздо менѣе общаго съ русскою народностью, нежели иныя идеи западно-европейскія.

Кромѣ того, и въ идеяхъ западно-европейскихъ нужно дѣлать большое различіе: западная Европа XVIII вѣка и XIX вѣка далеко не одно и то же—а между тѣмъ, у насъ говорятъ безразлично объ европеизмѣ и о западникахъ. Европа и до сихъ поръ имѣетъ сама приверженцевъ стараго режима и новаго режима; о чемъ же говорить славянофилы, когда они упрекаютъ нашихъ западниковъ въ стремленіи къ подражательности западной Европѣ? Они правы, если возстаютъ у насъ противъ Европы, перенесенной къ намъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, и отвергнутой теперь самую Европой; это своего рода евро-

пейское византийство; но новѣйшая Европа представляетъ нѣчто совсѣмъ другое — полнѣйшее отрицаніе старой Европы, которая у насъ однихъ сохранилась во многихъ отношеніяхъ почти въ неприкосновенности,—какою она была на Западѣ въ XVIII вѣкѣ.

Итакъ, въ настоящую минуту, мы продолжаемъ быть свидѣтелями тѣхъ же теченій нашей общественной мысли, какія уже давно замѣчаются въ нашей исторіи: съ одной стороны, приверженцы древняго византизма, считающіе себя защитниками народности; съ другой—приверженцы европейской цивилизаціи XVIII вѣка, такого же византизма, имѣющаго много общаго и вмѣстѣ много враждебнаго съ тѣмъ византизмомъ; наконецъ, есть группа людей, которые полагаютъ, что Россія должна идти рука-объ-руку не съ московской Русью и не съ Европой, отошедшей въ область исторіи, а съ тою, которая живетъ и движется на нашихъ глазахъ, которая вовсе не требуетъ отъ насъ отреченія отъ народности, какъ она никогда не требовала отреченія отъ народности у нѣмца, англичанина, итальянца; будучи европейцами, всѣ они сохраняютъ не менѣе насъ свои народныя черты; но Европа, быть можетъ, ожидаетъ отъ насъ отреченія отъ всего того, что, благодаря московской Руси и старой Европѣ, находится въ полной дисгармоніи съ современнымъ обще-европейскимъ порядкомъ. Западная Европа справедливо потому видитъ въ насъ не одно наше, но и свое прошедшее, съ которымъ она боролась у себя еще не такъ давно; славянофилы, нападая на западниковъ, также попрекаютъ ихъ въ большей части случаевъ старою Европой, изгнанной давно уже изъ самой Европы, и пріютившейся у насъ; и дѣйствительно, въ XVIII вѣкѣ, мы перенесли къ себѣ Европу, а потомъ какъ-бы забыли перемѣнить ее на новую, какъ то случилось въ самой Европѣ.

Замѣчательно, что въ матеріальномъ порядкѣ вещей мы никогда не видимъ никакого различія въ мнѣніяхъ: всѣ одинаково стараются пользоваться благами цивилизаціи новой Европы; но въ мірѣ идей, одни, во имя народности, питаютъ нѣжность къ той эпохѣ нашего существованія, когда народный духъ былъ подавленъ византизмомъ, а другіе—къ другой, когда къ намъ вторглась старая Европа съ своимъ бюрократизмомъ и остатками феодализма; на долю третьихъ,—осталось думать, что одно поступательное движеніе съ новою Европой могло бы насъ сдѣлать не пассивными свидѣтелями ея успѣховъ и паразитами, но производительными участниками въ общей умственной и политической жизни европейскихъ народовъ,—и только тогда о нашихъ спорахъ въ печати не могъ бы сказать одинъ изъ любимѣйшихъ русскихъ поэтовъ — того, что онъ сказалъ въ 50-хъ годахъ:

Въ столицахъ шумъ, гремятъ вѣти,
 Кипитъ словесная война,
 А тамъ, во глубинѣ Россіи—
 Тамъ вѣковая тишина.
 Лишь вѣтеръ не даетъ покою
 Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
 И выгибаются дугою,
 Цѣлуясь съ матерью-землею,
 Колосья безконечныхъ нивъ...

Какое положеніе займетъ наша газета, при наличномъ существованіи тѣхъ трехъ главныхъ теченій общественной мысли?—Но мы уже сказали, что это опредѣляется отчасти прошлымъ нашего журнала;—болѣе близкое опредѣленіе нужно предоставить самому дѣлу.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 ноября, 1880.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ СЕССИЯ.

Прошло немало времени съ тѣхъ поръ, какъ я нарушилъ обычный порядокъ моихъ корреспонденцій о парламентскихъ дѣлахъ, такъ какъ въ послѣдней мѣѣ пришлось говорить о реальныхъ училищахъ, которыхъ, впрочемъ, я намѣренъ еще разъ коснуться въ концѣ этого письма. Между тѣмъ, необходимо обозрѣть протекшіе два мѣсяца въ политическомъ отношеніи; отличительнымъ характеромъ ихъ является то обстоятельство, что ходъ событій совершается необыкновенно медленно и непримѣтно, такъ что въ настоящую минуту результатъ ихъ представляется совершенно гадательнымъ.

Крупныхъ, чрезвычайныхъ событій въ этотъ промежутокъ времени не было. Короткое время, восточный вопросъ имѣлъ угрожающій видъ, но опасность очень быстро миновалась, и у насъ, гдѣ вопросъ этотъ наименѣе тревоженъ, не принималось ровно никакихъ мѣръ, которыя могли бы навести на мысль о существованіи опасности. Князь Бисмаркъ по обыкновенію жилъ вдали отъ Берлина, на этотъ разъ въ Фридрихсруэ; такъ же, какъ и до сихъ поръ, занимается онъ почти исключительно иностранной политикой, и его представителямъ ничего другого не остается, какъ исполнять однѣ формальности. Поэтому

здѣсь въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ на Вильгельмштрассе тихо, какъ въ монастырѣ, и я полагаю, что господа, тамъ засѣдающіе, хотя у нихъ и нѣтъ недостатка въ занятіяхъ, должны очень скучать. Въ систему канцлера входитъ также полное отсутствіе гласности въ дѣлахъ, и если бы здѣсь не привыкли получать извѣстія изъ всѣхъ столицъ Европы, то жалобамъ не было бы конца. Что канцлеръ играетъ весьма дѣятельную роль въ „великой“ политикѣ, это явствуетъ изъ тысячи обстоятельствъ, но какого рода эта роль — рѣшить нельзя, такъ какъ о его дѣятельности говорится въ печати лишь въ общихъ словахъ. Дипломатія всѣхъ странъ солидарна въ томъ отношеніи, что всегда требуетъ бѣльшей или меньшей тайны.

Съ внѣшней стороны, обстоятельства характеризовались тѣмъ, что князь Бисмаркъ былъ сначала представленъ здѣсь въ лицѣ парижскаго посланника, князя Гогенлоэ, а когда князь Гогенлоэ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Австрію, то представителемъ Бисмарка явился графъ Лимбургъ-Штирумъ, сравнительно молодой еще человѣкъ; о дипломатическихъ талантахъ его до сихъ поръ ничего не было слышно, да онъ и случая не имѣлъ ихъ выказать, такъ какъ до сихъ поръ былъ посланникомъ только въ Веймарѣ, гдѣ и не происходило важныхъ политическихъ событій. Когда Гогенлоэ вернулся изъ отпуска, онъ вдругъ внезапно заболѣлъ тифомъ, какъ здѣсь говорили, и графъ Лимбургъ-Штирумъ долженъ былъ продолжить свое представительство. Въ это самое время стали толковать о пополненіи дипломатическаго персонала, въ которомъ съ самой кончины статс-секретаря фонъ-Бюлова существовалъ пробѣлъ. Публикѣ уже извѣстно было, что князь Гогенлоэ не намѣренъ оставаться въ Берлинѣ, вѣроятно потому, что ему гораздо больше нравится жить въ Парижѣ, такъ какъ тамъ онъ совѣтъ какъ у себя дома и чувствуетъ себя гораздо независимѣе, чѣмъ здѣсь, по сосѣдству съ княземъ Бисмаркомъ; послѣдній — шила въ мѣшкѣ не утаишь — далеко не пріятный начальникъ для подчиненныхъ, какъ бы они ни были высоко поставлены. Поэтому съ самаго начала предвидѣли, что князь Гогенлоэ пробудетъ здѣсь самое большое до конца года, и что затѣмъ онъ снова уѣдетъ въ Парижъ. Въ Парижѣ его представлялъ фонъ-Радовицъ, о дѣятельности котораго знаютъ и въ Россіи. Радовицъ еще очень молодой человѣкъ, и хотя ему предсказываютъ очень большую карьеру, но по всей вѣроятности его считаютъ еще слишкомъ молодымъ, чтобы предоставить ему первенствующій постъ въ дипломатіи. Безъ сомнѣнія онъ получитъ постъ посланника въ Константинополь, занимаемый въ настоящую минуту графомъ Гацфельдомъ, который играетъ интереснѣйшую роль въ исторіи кризиса — если только позволено употребить это выраженіе — нѣмецкой дипломатіи.

Говорятъ, что графъ Гацфельдъ пользуется полнымъ довѣріемъ Бисмарка, и послѣдній убѣжденъ, что изъ числа всѣхъ выдающихся личностей онъ особенно талантливый дипломатъ, и вслѣдствіе этого канцлеръ возымѣлъ намѣреніе сдѣлать графа статсъ-секретаремъ. Что за симъ слѣдуетъ, составляетъ только одинъ слухъ, но онъ подтверждается съ столькихъ сторонъ, что его можно считать фактомъ. Говорятъ, что Бисмаркъ наткнулся на самыя сильныя препятствія въ попыткѣ назначить графа Гацфельда на этотъ постъ. Препятствія эти двоякаго рода: во-первыхъ, финансовыя дѣла Гацфельда такъ разстроены, что ему невозможно вернуться въ Берлинъ; во-вторыхъ, семейныя отношенія его не таковы, чтобы въ здѣшнемъ обществѣ онъ могъ разсчитывать на радушный пріемъ. При такихъ обстоятельствахъ Бисмарку, чтобы сломить сопротивленіе, пришлось снова пригрозить отставкой и даже подать въ отставку. Такъ по крайней мѣрѣ сообщали въ иностранныхъ газетахъ изъ источника, какъ увѣряли, оффиціального; затѣмъ, въ здѣшнихъ оффиціозныхъ листкахъ все дѣло представлялось чистѣйшей выдумкой, хотя имъ и не удалось убѣдить въ этомъ публику. Настоящая дѣятельность графа Гацфельда въ Константинополѣ кажется весьма удачна, такъ какъ Германія пользуется тамъ большимъ вліяніемъ, и всѣ примирительныя попытки посланника до сихъ поръ увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Графъ былъ такъ же счастливъ и въ прежней своей дѣятельности, но тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ небольшого кружка людей, затрогиваемаго его назначеніемъ непосредственно, у него много противниковъ. Такъ, напримѣръ, распутать финансовыя дѣла графа взялъ на себя крупнѣйшій изъ здѣшнихъ банкирскихъ домовъ, и не безъ основанія замѣчаютъ, что не совсѣмъ прилично, чтобы человѣкъ столь высоко поставленный былъ чѣмъ-нибудь обязанъ такой значительной денежной фирмѣ. Самъ Бисмаркъ когда-то самымъ положительнымъ образомъ высказался въ этомъ смыслѣ, а именно: что безусловная независимость государственнаго человѣка является первымъ условіемъ его дѣятельности. Затѣмъ, противъ назначенія графа Гацфельда дѣлаютъ также возраженія и политическаго свойства, и главнымъ образомъ правая сторона. Онъ сынъ той самой графини Гацфельдъ, которая, какъ извѣстно, состояла въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Лассалемъ, и говорятъ, что въ 1848 г. онъ, будучи въ то время еще очень молодымъ человѣкомъ, игралъ въ Дюссельдорфѣ роль, нѣсколько компрометирующую позднѣйшаго дипломата. Для реакціонеровъ это удобный предлогъ къ обвиненіямъ канцлера, тѣмъ болѣе, что и другой изъ самыхъ близкихъ и выдающихся совѣтниковъ Бисмарка, Бухеръ, тоже былъ въ 1848 году вождемъ демократической партіи. Въ другихъ странахъ болѣе привыкли къ переменѣмъ

политическихъ мнѣній, чѣмъ въ Германіи, и не съ такой горечью бросаютъ прошлое въ лицо политическимъ дѣятелямъ. Въ Германіи повидимому считаютъ, что каждый одиночный фактъ въ жизни человека обязываетъ его на всю жизнь: такъ, Бисмарка вѣчно укоряютъ за то, что онъ сказалъ и сдѣлалъ въ 1847 г., а Бухера за то, что тотъ сказалъ и сдѣлалъ въ 1848 г., причемъ оба стояли на двухъ противоположныхъ сторонахъ, такъ какъ первый перешелъ отъ консерваторовъ къ умѣреннымъ либераламъ, а второй отъ крайнихъ либераловъ къ умѣреннымъ консерваторамъ. При этомъ, оба ни одной минуты не скрывали переменъ въ своихъ убѣжденіяхъ, но предали ее, если можно такъ выразиться, полной гласности. Въ мечтательномъ обожаніи англійскаго парламента отправился Бухеръ въ 1849 г. въ Англію и послѣ основательнаго изученія парламентскихъ порядковъ пришелъ къ убѣжденію, что они слишкомъ приукрашиваются при описаніи ихъ, а что въ дѣйствительности страдаютъ многими несовершенствами, какъ и всѣ человѣческія учрежденія. Результатомъ этого изученія англійскихъ порядковъ была книга Бухера о парламентаризмѣ, и если прочитатъ ее теперь, то нельзя не посмѣяться надъ задорнымъ тономъ и демократическими замашками автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать справедливости его аргументовъ; и, кромѣ того, въ нихъ мы не найдемъ ни одного пункта, который бы ставилъ его въ противорѣчіе съ его теперешнимъ положеніемъ, такъ какъ онъ не игралъ тутъ никакой политической роли, а былъ лишь пособникомъ канцлера въ дѣлѣ внѣшней политики; на этомъ полѣ могутъ сходиться самыя различныя партіи въ странѣ. Что касается внутреннихъ дѣлъ, то ему не было случая выражать о нихъ свое мнѣніе гласно или играть въ нихъ видную роль. Но онъ всегда былъ противникомъ манчестерской школы, и вмѣстѣ со всей партіей Katheder-соціалистовъ боролся противъ современнаго экономическаго порядка, основаннаго на безусловной индивидуальной свободѣ. Побѣдить или нѣтъ это воззрѣніе, никто не можетъ предсказать этого съ точностью, но оно, конечно, имѣетъ многое за себя и насчитываетъ въ числѣ приверженцевъ много ученыхъ и даровитыхъ людей.

Какъ бы то ни было, а Бисмарку удалось побѣдить затрудненія съ этой стороны, и въ январѣ мѣсяцѣ Гацфельдъ пріѣдетъ сюда. Но этимъ еще не исчерпывается вышеупомянутый кризисъ, и почва все еще колеблется подъ ногами. Когда Гогенлоэ выздоровѣлъ, онъ поѣхалъ къ своему брату, герцогу фонъ-Ратиборъ, въ замокъ Рауденъ въ Верхней-Силезіи, повидимому затѣмъ, чтобы поправиться послѣ болѣзни. Герцогъ находился въ ту пору здѣсь, какъ президентъ палаты господъ, и уѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ или, вѣрнѣе, послѣ

него. Въ Рауденъ пріѣхали также кардиналъ Гогенлоэ и австрійскій генераль Гогенлоэ, такъ что тамъ собрались всѣ члены фамиліи. Какая была собственно цѣль этого съѣзда, остается загадкой, разрѣшить которую тѣмъ труднѣе, что для того нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Съ другой стороны, указываютъ на то, что заявленіе, сдѣланное княземъ Гогенлоэ о томъ, что онъ ѣдетъ поправляться послѣ тифа въ Рауденъ, лежащій въ самой холодной и непривѣтливой части Верхней-Силезіи, совсѣмъ неправдоподобно. Слѣдуетъ, конечно, упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ, не придавая ему однако особеннаго значенія. Князь Гогенлоэ всегда былъ вѣрнымъ приверженцемъ германской національной политики и однимъ изъ горячихъ поклонниковъ Бисмарка. Еще нынѣшнимъ лѣтомъ онъ высказалъ одному посѣтителю — и тогда это обстоятельство произвело извѣстное впечатлѣніе — что хотя занятія его въ Берлинѣ и утомительны, а пребываніе въ немъ не такъ пріятно, какъ въ Парижѣ, но за то онъ имѣетъ наслажденіе пользоваться личными сношеніями съ княземъ Бисмаркомъ. Тотъ фактъ, что послѣ такого заявленія считается возможнымъ отчужденіе между нимъ и канцлеромъ, служить доказательствомъ того, въ какомъ изолированномъ положеніи стоитъ канцлеръ даже въ тѣхъ кружкахъ, которые не враждебны ему въ принципѣ.

Общее мнѣніе таково, что даже великіе люди не могутъ безнаказанно обособляться отъ окружающаго ихъ міра, какъ это дѣлаетъ Бисмаркъ съ давнихъ уже поръ и все болѣе и болѣе ограничивается своимъ домомъ и своей семьей. Міръ состоитъ не изъ однихъ актовъ и документовъ, но также и изъ людей, и эти люди, взятые въ отдѣльности, могутъ быть очень слабы и незначительны, но въ концѣ-концовъ опредѣляютъ исторію своего народа. Вмѣстѣ съ уединеніемъ, въ которое добровольно заключается канцлеръ, въ немъ растетъ озлобленіе и недовѣріе ко всему свѣту. Онъ сравнительно великій человѣкъ и оказалъ большія услуги единству Германіи; но—хотя это и несправедливо,—однако въ исторіи такое явленіе повторяется довольно часто, и его можно даже признать особенностью нѣмецкаго народа, а именно: что нація и въ особенности большинство въ парламентѣ слишкомъ легко забываетъ прежніе свои взгляды относительно Бисмарка. Положеніе ухудшается еще и тѣмъ, что настоящій образъ дѣйствія Бисмарка усиливаетъ тотъ застой въ дѣлахъ Германіи, который наступилъ послѣ войны и достаточно объясняется послѣдствіями войны. Всѣ говорятъ, что въ жизни народовъ столѣтія значатъ то же самое, что годы въ жизни отдѣльныхъ лицъ. И поэтому трудно современникамъ судить о перемѣнахъ, совершающихся на ихъ глазахъ. Несомнѣнно, что въ наше время жизнь пошла ускореннымъ

ходомъ, всѣ народы тѣснѣе сблизились между собою, конкуренція между ними растетъ со дня на день, и кто думаетъ, что какой-нибудь народъ можетъ не считаться со своимъ временемъ, тотъ находится въ странномъ заблужденіи. Между тѣмъ, если мы оглянемся на десятилѣтіе, протекавшее со времени послѣдней, столь удачной для Германіи войны, то невольно придемъ къ убѣжденію, что этотъ промежутокъ времени пережить нѣмецкимъ народомъ не съ такою пользою, какъ это могло бы и должно было бы быть. Нѣмцы съ самаго начала показали, что побѣда не опьянила ихъ; тщетно было бы искать доказательствъ шовинизма, въ томъ родѣ, какъ онъ существуетъ и проявляется во французской арміи и во французскомъ народѣ; съ другой стороны, правительство преслѣдовало исключительно мирную политику и дало доказательства того, насколько императоръ Вильгельмъ и его совѣтчики были серьезны, говоря, что могущество германской имперіи не только не грозитъ опасностью міру, но, напротивъ того, должно служить ручательствомъ.

Эти два пункта я охотно признаю, но за то мы проглядѣли много важныхъ вещей. То, что французскими милліардами мы распорядились неправильно, чтобы не сказать бессмысленно—на этотъ счетъ всѣ согласны въ настоящее время. Еще никто не представилъ критики финансоваго хозяйничанья въ эпоху денежнаго изобилія, произведеннаго уплатой французской контрибуціи; быть можетъ, найдется человѣкъ, который покажетъ, какъ тогда всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ глупили. Послѣ неслыханнаго самодовольства въ этомъ отношеніи, наступило такое же неумѣренное уныніе и отчаяніе и застой въ дѣлахъ, продолжающійся и по 'сіе время, и какъ разъ потому, что довѣріе убито. Затѣмъ величайшей задачей націи было послѣ войны упрочить имперію и развить ея организмъ. Для германской имперіи выкроили, какъ извѣстно, съ величайшей поспѣшностью конституцію изъ конституціи сѣверогерманскаго союза, причемъ еще жестоко исказили ее, благодаря отдѣльнымъ договорамъ съ Виртембергомъ и Баваріей, такъ что явилось весьма неуклюжее зданіе, и вдохнуть въ него силу и живучесть должно было бы быть общимъ желаніемъ и стремленіемъ. Конечно, дѣло это окружено было величайшими трудностями. Партикуляризмъ не умиралъ вполне даже въ эпоху величайшаго національнаго воодушевленія; переговоры, которые велись съ южно-германскими государствами объ образованіи германской имперіи въ главной квартирѣ въ Версали, въ моментъ, когда народный восторгъ достигъ своего апогея, свидѣлствуютъ о томъ,—и это свидѣтельство было бы еще печальнѣе, если бы участники высказались безъ обиняковъ, чего они еще не сдѣлали. Оглядываясь назадъ, приходится сказать, что заинтересованныя стороны

не могли иначе поступать при существующихъ обстоятельствахъ; однако, если мы оставимъ въ сторонѣ ихъ личную отвѣтственность, то все же должны сказать, что судьбы народа зависятъ отъ рѣшенія, принимаемаго имъ самимъ, или черезъ посредство своихъ представителей. Но удовлетворительной и возвышенной, при этомъ ретроспективномъ обзорѣ протекшаго десятилѣтія, мы найдемъ лишь первую сессію рейхстага, происходившую весной 1871 года, хотя уже тогда можно было прослѣдить первые зародыши будущихъ несогласій. „Мы достигли“, такъ сказалъ тогда императоръ въ своей тронной рѣчи, „того, къ чему стремились нѣмцы искони, — единства и органическаго устройства, безопасности нашихъ границъ, независимости въ развитіи нашихъ національныхъ правъ. Духъ, одушевляющій нѣмецкій народъ и которымъ проникнуто его образованіе и нравы, не менѣе, чѣмъ конституція имперіи и ея воинская сила, предохраняютъ Германію среди ея побѣдъ отъ попытки злоупотребить своей силой, добытой черезъ единство. Значеніе, которое Германія придаетъ собственной независимости, дѣлаетъ ее готовою уважать независимость всѣхъ другихъ государствъ и народовъ, слабыхъ, какъ и сильныхъ. Новая Германія, какой она вышла изъ огненнаго испытанія настоящей войны, будетъ служить вѣрнымъ залогомъ европейскаго мира, потому что она достаточно сильна и самостоятельна, чтобы исключительно предаться устройству своихъ внутреннихъ дѣлъ“. Немного дней спустя послѣ того, какъ были произнесены эти слова, уже произошло первое столкновеніе: ультрамонтаны пожелали въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь выкинуть то мѣсто, въ которомъ говорилось, что новый германскій императоръ не будетъ вновь держаться той итальянской политики, которую преслѣдовали императоры старой Германіи и для которой жертвовали лучшими силами страны. Тотъ день былъ въ извѣстной степени первымъ днемъ культурной борьбы, и его надо припомнить для того, чтобы ясно представить себѣ, насколько упалъ національный духъ въ настоящее время, когда желаютъ представить культурную борьбу какъ неразумныя дѣйствія правительства и его раболѣпныхъ друзей. Въ тѣ мартовскіе дни 1871 г. въ рейхстагѣ господствовалъ истинно-национальный духъ, собраніе громаднымъ большинствомъ вотировало полное довѣріе правительству, но хотѣло также, съ своей стороны, заявить, что желаетъ, чтобы правительство воздерживалось отъ всякаго вмѣшательства во внѣшнія и въ особенности въ итальянскія дѣла. Тогда клерикалы немедленно выступили впередъ и захотѣли помѣшати этому заявленію, такъ какъ оно становилось поперекъ вмѣшательства въ зацигу папы, какъ имъ того хотѣлось. Съ той минуты, какъ

имъ не удалась эта попытка, они оставались неизмѣнно враждебны нѣмецкому правительству. Что касается вопроса: правильны ли были всѣ мѣропріятія, какія принимало противъ нихъ съ теченіемъ времени нѣмецкое правительство,—то его слѣдуетъ оставить открытымъ, такъ какъ ни одинъ человѣкъ вообще не можетъ поручиться за то, что всѣ его дѣйствія и во всякое время бываютъ правильны; но что борьба стала неизбѣжной—это безспорно. Она была несчастіемъ для государства; но каждое государство подвержено такимъ несчастіямъ; совсѣмъ тѣмъ можно уже теперь указать на нѣкоторыя ошибки правительства: оно, пожалуй, слишкомъ далеко зашло въ своихъ мѣропріятіяхъ и законодательныхъ проектахъ; д-ръ Фалькъ, игравшій главную роль въ культурной борьбѣ, нѣсколько грубая и жесткая личность, строгій бюрократъ, и несомнѣнно вызывалъ больше антипатіи и сопротивленія, чѣмъ это было безусловно неизбѣжно; но гораздо большую ошибку сдѣлали политическія партіи, которыя, будучи вообще національно настроены и вполне согласны съ правительствомъ въ необходимости культурной борьбы, не имѣли необходимаго терпѣнія и спокойствія, а главное—самообладанія, чтобы сосредоточить всѣ свои усилія на достиженіи ближайшей и важнѣйшей цѣли, а именно—окончанія культурной борьбы, но тотчасъ же выставили впередъ свои интересы и произвели диверсію, которою хорошо дисциплинированные клерикалы немедленно воспользовались. Такимъ образомъ, произошло то, что культурная борьба продлилась цѣлыхъ десять лѣтъ, и шансы на ея окончаніе такъ же невѣрны, какъ и въ началѣ. Конечно, чтобы не впасть въ пессимизмъ, слѣдуетъ сдѣлать одну оговорку. Опасное вліяніе клерикаловъ въ Германіи и въ особенности въ Пруссіи вызвано главнымъ образомъ чрезвычайной слабостью прежнихъ правительствъ, а именно: короля Фридриха-Вильгельма IV, раздѣлявшаго мечту о томъ, что въ католическомъ духовенствѣ слѣдуетъ видѣть вѣрнѣйшую опору трона и вслѣдствіе этого постоянно расширявшаго его права, хотя оно при всякомъ удобномъ случаѣ давало чувствовать, что считаетъ себя вполне равноправнымъ съ правительствомъ и отнюдь не желаетъ приносить ему въ жертву свои личные интересы. Если бы въ настоящее время былъ заключенъ миръ, хотя бы даже на такихъ основаніяхъ, какъ майскій проектъ текущаго года, унижительный какъ бы то ни было для національнаго самосознанія, все же бы это далеко не возстановило прежняго порядка, потому что на практикѣ весьма многое зависитъ отъ начальства, и большая разница, когда оно дѣйствуетъ въ національномъ духѣ или же идетъ навстрѣчу желаніямъ клерикаловъ, какъ оно это дѣлало съ 1848 по 1870 г., т.-е. почти тридцать лѣтъ сряду. Далѣе, не слѣдуетъ забывать, что разъ война только-что

окончена и миръ заключенъ, не очень-то удобно снова начинать войну. Все равно: идетъ ли рѣчь о кровавой распрѣ или о такой, гдѣ кровь не проливается, какъ при культурной борьбѣ. Она стоила громадныхъ жертвъ клерикаламъ, и если бы они сегодня по заключеніи мира снова захотѣли призвать къ борьбѣ мелкое духовенство, то оно по всей вѣроятности отвѣтило бы: „нѣтъ“. Поэтому не слѣдуетъ также слишкомъ строго судить и ультрамонтанъ, если они не принимаютъ авансовъ, дѣлаемыхъ имъ правительствомъ, хотя и навлекаютъ на себя этимъ упрекъ въ непримиримости. Они не такъ глупы, чтобы не понять, какой дурной видъ имѣла навязанная имъ при открытіи Кёльнскаго собора сдержанность, но они находились въ очень затруднительномъ положеніи. Если бы они не держались поодаль отъ праздника, то восторгъ, и безъ того бывший великимъ, былъ бы еще больше, и праздникъ послужилъ бы еще сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что не только ни о какомъ преслѣдованіи католиковъ нѣтъ и рѣчи, на чтò главнымъ образомъ напираютъ ультрамонтаны въ своей борьбѣ, но и то, что массѣ народа вовсе непріятно враждебное отношеніе къ правительству и что она была бы довольна окончанію распри. Но ультрамонтаны одновременно съ участіемъ въ празднествѣ подали бы поводъ къ новымъ переговорамъ, которые все-таки ни къ чему иному привести не могли, какъ къ вышеупомянутому проекту, а онъ, несмотря на значительныя уступки, все же не допускаетъ и мысли о прежней независимости духовенства, между тѣмъ оно ни о чемъ иномъ, кромѣ этой независимости, и слышать не хочетъ. Нѣтъ недостатка въ доказательствахъ, что правительство или даже самъ Бисмаркъ готовы снова повторить ультрамонтанамъ, если они выкажутъ уступчивость, майскія предложенія. Но до сихъ поръ они еще ничего не отвѣчали на эти предложенія, а самъ проектъ нанесъ сильный ударъ популярности Бисмарка, и произведеніе его путемъ коалиціи консерваторовъ и ультрамонтанъ вызвало бы громадную оппозицію, для которой всѣ бы либеральныя партіи соединились.

Здѣсь, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы повторить, хотя вкратцѣ, парламентскую исторію послѣдняго десятилѣтія; но я хочу указать лишь на нѣкоторые главные пункты. Въ первой половинѣ либеральная партія поспорила изъ-за вопроса о депутатскомъ содержаніи. Бисмаркъ съ тѣхъ поръ, какъ предложилъ для имперской конституціи всеобщую подачу голоса, потребовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ необходимую поправку ея, отмѣны депутатскаго содержанія; требованіе это было справедливо и весьма разумно: всеобщая подача голоса съ депутатскимъ содержаніемъ дѣлаетъ

представительное собраніе цѣлью самыхъ низменныхъ денежныхъ разсчетовъ.

Каждый знаетъ и видитъ ежедневно, какъ быстро ведутся дѣла рейхстага, гдѣ нѣтъ депутатскаго содержанія, тогда какъ прусская палата, гдѣ депутаты получаютъ содержаніе, работаетъ чрезвычайно медленно. Отдѣльно взятое депутатское содержаніе кажется ничтожно—прусскій депутатъ получаетъ суточныхъ пятнадцать марокъ, но въ общей сложности оно составляетъ почтенную сумму. Кромѣ того, депутаты изъ низшихъ слоевъ общества гораздо охотнѣе идутъ въ парламентъ, когда въ немъ дается депутатское содержаніе. Тѣ знаменитые польскіе крестьяне изъ Верхней-Силезіи, которые засѣдали въ 1848 г. въ національномъ собраніи и такъ юмористически описаны Густавомъ Фрейтагомъ, получали три талера въ сутки и слѣдующимъ образомъ распредѣляли эти деньги: одинъ талеръ они по условію отдавали своимъ избирателямъ, другой тратили на себя и, по своимъ понятіямъ, жили въ полномъ изобиліи и роскоши, а третій—несли въ сберегательную кассу. Не слѣдуетъ забывать, что нѣмцы народъ весьма экономный, чтобы не сказать скупой, и въ особенности когда дѣло коснется идеальныхъ и политическихъ цѣлей. Деньги являются въ политикѣ факторомъ первостепенной важности; англичанамъ и американцамъ это хорошо извѣстно; въ Германіи же охотнѣе жертвуютъ кровью, чѣмъ деньгами. Правда, социаль-демократы собрали деньги для содержанія своихъ депутатовъ въ рейхстагѣ, но хотя эта сумма очень незначительна, но тѣмъ не менѣе и имъ трудно было собрать ее; что же было бы, если бы вмѣсто десятка депутатовъ имъ пришлось содержать два десятка?

Но либеральная партія постоянно поднимала въ рейхстагѣ вопросъ о суточномъ содержаніи. Очевидно было, что практическаго результата изъ этого не воспослѣдуетъ, потому что правительство твердо рѣшило удержатъ безвозмездность депутатскаго званія. Время отъ времени какой-нибудь депутатъ замѣчалъ, что достоинство рейхстага страдаетъ отъ такого безцѣльнаго возбужденія вопросовъ, но тѣмъ не менѣе вопросъ о денежномъ вознагражденіи депутатамъ всплывалъ въ каждую сессію, вносился въ очередной порядокъ дѣлъ и отвергался правительствомъ.

Вспомнимъ затѣмъ о чрезмѣрной работѣ, какой потребовали судебныя уставы. Пренія въ рейхстагѣ за это десятилѣтіе уже образуютъ въ стенографическомъ архивѣ внушительную бібліотеку, значительную часть въ ней составляютъ пренія объ организаціи юстиціи и судебныхъ уставовъ. Разумѣется, нельзя порицать того, что рейхстагъ усидчиво трудился надъ созданіемъ единства права въ Германіи, и достигъ этой цѣли; но онъ убилъ для ея достиженія массу парла-

ментскихъ, т.-е. умственныхъ силъ. Эти умственные силы, по моему крайнему разумѣнію, такъ же ограничены, какъ и всякая другая сила. Плодовитѣйшій писатель видитъ наконецъ наступленіе такого дня, когда онъ чувствуетъ, что весь истомился и сталъ безплоденъ, какъ истощенная почва. Парламентская дѣятельность націи не изъята изъ общихъ законовъ, управляющихъ всѣми явленіями человѣческаго духа. То, что заключено въ этихъ томахъ, составляетъ умственную силу, которая извлечена изъ почвы національнаго духа и разума, и истощила эту почву. Парламентское производство шло такъ быстро, что никакой человѣкъ не могъ совладать съ нимъ, и черезъ это пропалъ весь прогрессъ, связанный съ опытомъ. Далѣе, въ этихъ безконечныхъ парламентскихъ преніяхъ всѣ предметы обсуждались такъ часто, что каждый, кто только слѣдилъ за политической жизнью, считаетъ всѣ эти вещи рѣшенными и, разумѣется, рѣшенными въ томъ смыслѣ, какой ему хочется. И вотъ стоятъ эти мнимыя истины точно фигуры на шахматной доскѣ, и каждый двигаетъ ими въ ту сторону, какъ ему вздумается, и увѣряетъ, что вѣрность его хода не подлежитъ сомнѣнію, а противникъ его утверждаетъ то же самое о своемъ ходѣ. Отъ этой путаницы понятій, отъ этого крайняго утомленія происходятъ такія болѣзненные явленія, какъ то, что ультрамонтаны снискиваютъ успѣхъ своей діалектикой, призрачность и вздорность которой должна была бы быть понятна школьнику. Съ величайшей серьезностью утверждаютъ они сегодня здѣсь, что они самая консервативная партія, завтра тамъ, что они самая либеральная; безспорные факты отрицаются ими съ безпримѣрнымъ нахальствомъ, и самыя фантастическія исторіи выдаются за достовѣрные факты. Духъ человѣческій насчитываетъ все тотъ же кругъ способностей, и если въ настоящее время логика такъ понизилась въ Германіи, то это происходитъ только отъ того, что политическое, т.-е. парламентское производство все пересилило, и произвело такое равнодушіе, какое нельзя побѣдить безъ насильственныхъ мѣръ. Парламентаризмъ по самой сущности своей основанъ на томъ, что послѣднее рѣшеніе принадлежитъ парламенту, въ этомъ сходятся всѣ его приверженцы, и считаютъ, что рѣшеніе всякихъ вопросовъ никакъ не должно быть дѣломъ специалистовъ, но дѣломъ парламентскаго большинства, такъ какъ всѣ спеціалисты въ мірѣ бываютъ односторонни, и эту односторонность долженъ исправлять парламентъ. До сихъ поръ это воззрѣніе господствуетъ, но нисколько не устраняетъ на дѣлѣ того, что всѣ законы пишутся все-такі спеціалистами.

Какую крупную роль игралъ въ рейхстагѣ вопросъ о монетной системѣ! Въ этомъ вопросѣ весьма немногіе что-нибудь смыслятъ; въ пар-

ламентъ съ трудомъ можно было бы набрать десятокъ людей, которые въ немъ что-либо понимаютъ или слынутъ за понимающихъ! Руководителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ, какъ извѣстно, Бамбергеръ, товарищъ большого банкирскаго дома. Можно безошибочно сказать, что всѣ эти законы суть дѣло рукъ этого человѣка, а между тѣмъ они играютъ болѣе важное значеніе для народнаго благосостоянія, чѣмъ всякіе другіе. Итакъ, здѣсь мы видимъ, что дѣломъ руководить одинъ человѣкъ или нѣсколько. Иначе стоитъ дѣло относительно судебныхъ уставовъ. Юридическая карьера въ Германіи является основаніемъ для всякаго высшаго политическаго поста. Юристовъ въ каждомъ парламентѣ насчитывается очень много. Эти люди испытываютъ естественное желаніе проводить свои идеи въ жизнь. Каждый чувствуетъ себя призваннымъ и дѣйствительно призванъ къ законодательнымъ трудамъ, насколько они касаются права. Такимъ образомъ, назначаются коммиссія за коммиссіей, а кто въ нихъ не попадетъ, тотъ можетъ проводить свое мнѣніе въ общихъ засѣданіяхъ или частнымъ образомъ вліять на другихъ депутатовъ. Юристы работаютъ надъ законопроектами, на нихъ набрасываются другіе юристы, поправка слѣдуетъ за поправкой, наконецъ, коммиссія выработаетъ какой-нибудь проектъ, не особенно связанный. Затѣмъ проектъ вносится въ парламентъ, тутъ посыплются бурныя рѣчи и новыя поправки, и изъ всего это происходитъ иногда такая безсвязная и противорѣчивая исторія, что редакціонная коммиссія, куда проектъ поступаетъ окончательно, и гдѣ всѣмъ орудуютъ два, три подчиненныхъ лица, съ трудомъ придаетъ ему человѣческій образъ. Кто поручится за то, что какая-нибудь изъ этихъ поправокъ, вотируемыхъ часто собраніемъ въ минуту досады, не представляетъ собою самую безумную вещь и не содержитъ въ себѣ зародыша будущей гибели всего закона? Но, помимо всего этого, умственный трудъ, поглощаемый всѣмъ этимъ, громаденъ. Возьмите то, что было высказано и написано объ уголовномъ кодексѣ! Можно сказать, что онъ является совершеннѣйшимъ выраженіемъ убѣжденій современныхъ юристовъ, и, несмотря на то, уже обозначились въ немъ многіе промахи и недостатки. И хуже всего то, что какъ разъ судебные уставы—организация судовъ, гражданское судопроизводство и т. д.—выражающіе убѣжденія юристовъ и просвѣщенное общественное мнѣніе, на практикѣ представляютъ такъ много неудобствъ и ошибокъ, что ослабляютъ уваженіе со стороны массы къ подобнымъ трудамъ.

Если я показалъ, что трудъ по выработкѣ судебныхъ уставовъ былъ великъ, что даже вопросъ о денежномъ содержаніи депутатамъ отнялъ немало времени у рейхстага, если, далѣе, я порицалъ непрактичность парламентскаго дѣлопроизводства, то, само собой раз-

умѣется, я долженъ включить въ кругъ своего обзора и пренія о военной организаціи. При той объективности, какой я стараюсь всегда придерживаться, я воздержусь отъ обсужденія вопроса, насколько необходимо было для Германіи послѣ 1870 г. увеличеніе военныхъ силъ. Съ одной стороны, мы имѣемъ мнѣнія военныхъ — и представителемъ ихъ является графъ Мольтке, который при всякомъ удобномъ случаѣ коротко и ясно высказывалъ, что положеніе Германіи послѣ войны отнюдь не безопасное; напротивъ того, она возбудила зависть въ сосѣдяхъ, и ей придется долгое время простоять подъ ружьемъ, если она хочетъ удержать въ будущемъ свои завоеванія. Графъ Мольтке всегда заявлялъ при этомъ о своей великой любви къ миру, и нѣтъ резона не вѣрить ему; точно такъ и король Вильгельмъ постоянно толковалъ о своемъ миролюбіи. И здѣсь нѣтъ также ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ искренности этихъ заявленій; напротивъ того, во многихъ случаяхъ выяснилось, что императоръ желаетъ во что бы то ни стало дожить въ мирѣ остатокъ своихъ дней, что и понятно при его преклонныхъ лѣтахъ. Оппозиція сосредоточилась на одномъ пунктѣ: она говоритъ именно и увѣряетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что нисколько не желаетъ ослабить военное могущество своего отечества, но что сокращеніе срока службы будетъ достаточно для того, чтобы значительно уменьшить военные расходы. Военные же авторитеты утверждаютъ, что такое сокращеніе срока службы невозможно, потому что уже и теперь, несмотря на законный трехлѣтній срокъ службы, весьма значительное число солдатъ служить въ дѣйствительности всего лишь два года съ нѣсколькими мѣсяцами. Поэтому я оставляю этотъ вопросъ въ сторонѣ, но, становясь на практическую точку зрѣнія, говорю, что оппозиціонной партіи слѣдовало бы взвѣснить: возможно ли при существующихъ обстоятельствахъ достигъ той цѣли, какую она себѣ поставила. На этотъ вопросъ приходится заранѣе отвѣчать: нѣтъ. Какъ ни тяжело для націи бремя, налагаемое военнымъ бюджетомъ, впечатлѣніе, произведенное послѣдней войной, все еще слишкомъ сильно, чтобы большинство захотѣло сократить его. Въ послѣднюю войну всѣ убѣдились въ преимуществахъ большой и готовой къ бою арміи и убѣдились также и въ томъ, отъ какого испытанія можетъ спасти страну такая армія, и какъ она вознаграждаетъ за тѣ издержки, какихъ стоила; словомъ, народъ убѣдился въ послѣднюю войну, какъ выгодно для него, когда границы государства охраняются арміей, и когда война ведется не на нѣмецкой или прусской почвѣ, какъ это велось столѣтіями. Три раза оппозиціонная партія выходила на бой съ правительствомъ изъ-за военного вопроса: въ первый разъ въ шестидесятихъ годахъ, въ пе-

ріодъ великой реорганизаціи, и затѣмъ два раза въ теченіи послѣдняго десятилѣтія, когда зашла рѣчь о военномъ бюджетѣ срокомъ на нѣсколько лѣтъ, и, наконецъ, когда обсуждался военный законъ, посредствомъ котораго увеличилась армія. Всѣ три кампаніи совершились такъ, что оппозиціонная партія не имѣла ни малѣйшаго успѣха и только расчистила путь консерваторамъ, безусловно поддерживавшимъ правительство въ этомъ случаѣ. Это было, слѣдовательно, помимо всякихъ принципиальныхъ соображеній, крупной практической ошибкой; вѣдь не въ томъ дѣло, чтобы нужно было убѣждать народъ въ томъ, что большая армія требуетъ большихъ жертвъ и что было бы весьма пріятно ограничиться небольшой арміей: въ этомъ ни одинъ человѣкъ не сомнѣвается. Дѣло идетъ только о томъ, возможно ли въ настоящее время такое сокращеніе арміи, а въ этомъ отношеніи большинство народа вѣритъ больше правительству и его военнымъ сподвижникамъ, чѣмъ оппозиціонной партіи. Оппозиціи совѣтуютъ примириться съ такимъ фактомъ, хотя такую точку зрѣнія и называютъ оптимизмомъ, но во всѣхъ политическихъ дѣлахъ оптимизмъ вещь весьма естественная, какъ это выказалось въ послѣднюю войну, и послѣ нея, у французовъ, которые ни одной минуты не отчаивались въ своемъ положеніи, но твердо вѣрили въ то, что блистательно выпутаются изъ всѣхъ затрудненій, что и подтвердилось на опытѣ. Напротивъ того, доктринѣрство нѣмцевъ осуждаетъ ихъ на самую безотрадную точку зрѣнія. Существуетъ одна нѣмецкая поговорка, которую, быть можетъ, трудно передать буквально по-русски, и потому я сообщаю ее въ перифразѣ: мальчикъ отморозилъ себѣ зимою руки и говорить:—по дѣломъ моему батькѣ! зачѣмъ онъ мнѣ не купилъ рукавицъ. Такъ поступаетъ и наша оппозиція. Правительство не исполнило ея желанія въ военныхъ дѣлахъ—и оппозиція впередъ утверждаетъ, что все должно вслѣдствіе этого идти худо и теперь дѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы доказать это, и съ радостью твердить, что правительству по дѣломъ, если народу приходится плохо. Та же исторія повторяется съ теперешними законами о налогахъ. Система свободной торговли, господствовавшая въ Германіи съ начала шестидесятыхъ годовъ по семидесятые годы, обнаружила на практикѣ такіе недостатки, надъ которыми долженъ былъ призадуматься всякій государственный человѣкъ. Бисмаркъ счелъ нужнымъ исправить эти недостатки и отдѣлился отъ людей, съ которыми такъ долго работалъ за-одно, отъ Кампгаузена и Дельбрюка, такъ какъ эти послѣдніе ни въ чемъ не хотѣли ему уступить и ни на волосъ уклониться отъ своихъ принциповъ. Въ продолжительной и ожесточенной борьбѣ, которая велась изъ-за реформы налоговъ, побѣда мало-по-малу осталась за Бисмаркомъ и

правительство рѣшило подождать нѣкоторое время, чтобы увидѣть, каково будетъ дѣйствіе новой таможенной и торговой системы. Разумной политикой со стороны оппозиціонной партіи было бы дѣйствовать дружными силами при существующихъ условіяхъ, но этого какъ разъ не случилось. Такое очень неблагопріятное положеніе дѣлъ доказываетъ только, что духъ партій раздѣдаетъ Германію, и сами партіи не даютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, въ какой мѣрѣ могутъ онѣ дѣйствовать въ духѣ своей партіи, не нарушая общихъ интересовъ. За весьма рѣдкими исключеніями, каждая партія, по крайней мѣрѣ каждая „національная“ партія всегда бываетъ убѣждена, что, отстаивая интересы своей партіи, она вмѣстѣ съ тѣмъ отстаиваетъ интересы страны и дѣйствуетъ ко благу государства. Провести точныя границы въ этомъ случаѣ является скорѣе дѣломъ инстинкта, нежели—опредѣленныхъ, строгихъ правилъ. Въ Германіи имѣется еще то неблагопріятное обстоятельство, что существуетъ антинаціональная партія ультрамонтанъ; и ультрамонтаны, конечно, заключаютъ въ себѣ патріотическіе элементы, но трудно оспаривать, что въ большинствѣ случаевъ сердце тянетъ ихъ къ Риму, и при всякомъ столкновеніи между Римомъ и туземнымъ правительствомъ, они принимаютъ сторону перваго. Но въ средѣ ультрамонтанъ существуетъ небольшая фракція, которую самымъ рѣшительнымъ образомъ слѣдуетъ назвать антинаціональной, какъ, напр., приверженцы стараго ганноверскаго королевскаго дома, такъ-называемые Гвельфы, и нѣкоторые другіе приверженцы порядковъ 1866 г., все еще питающіе надежду на ихъ возстановленіе. Къ этому присоединяются еще поляки, датчане, и т. д., такъ что, въ общей сложности, этотъ, выражаясь мягко, не вполне національный элементъ достаточно силенъ, чтобы обострить разладъ въ другихъ партіяхъ, хотя въ ихъ національныхъ чувствахъ нельзя сомнѣваться. Но, къ сожалѣнію, это сознаніе до сихъ поръ мало вліяло на единодушіе остальныхъ партій и до самыхъ послѣднихъ дней мы постоянно были свидѣтелями печальнаго и неестественнаго зрѣлища, какъ различныя партіи ищутъ союза съ центромъ, хотя онѣ должны же знать, что этимъ наносятъ ущербъ національному дѣлу. Этой вины не чужда ни одна партія, даже консервативная, что объясняется тѣмъ фактомъ, что Бисмаркъ въ послѣдніе два года велъ себя нерѣшительно, и то дружелюбно относится къ центру, то снова поворачивался къ нему спиной. Къ вѣщей путаницѣ, при первомъ же вѣянніи, такъ-называемаго, консервативнаго духа изъ правой выдѣлилась самая крайняя партія, съ ожесточеніемъ преслѣдующая всѣ завоеванія либерализма и стремящаяся разрушить все, что въ послѣднія времена было сдѣлано въ этомъ направленіи, и свирѣпо набрасывается на все, что хоть сколько-

нибудь можетъ быть заподозрѣно въ либерализмѣ. Хотя эта партія до сихъ поръ насчитываетъ мало приверженцевъ, и врядъ ли приобрѣтетъ ихъ много, но о силѣ партіи никогда нельзя судить по ея численности, а скорѣе по той энергіи, съ какою она проводитъ свои принципы, и по тѣмъ жертвамъ, какія она готова имъ принести. Прежде всего это реакціонное движеніе возникло въ области церкви, откуда идетъ лозунгъ, что всѣ дѣйствія и неурядицы новѣйшаго времени проистекаютъ отъ усиливающагося невѣрія населенія, и что этому пособить можно, требуя строгой вѣры и изгоняя всякое подобіе раціонализма изъ церковнаго ученія и практики. Кто посмотритъ безпристрастно на то, что совершается вокругъ, тотъ увидитъ, что большая масса евангелическаго населенія и самая образованная часть его отнюдь не враждебна религіознымъ вѣрованіямъ, а, напротивъ того, сознаетъ въ нихъ живую потребность, но не хочетъ подчиняться строгимъ требованіямъ лютеранской ортодоксальности, и потому избѣгаетъ церкви. И вотъ что замѣчательно: подобно тому какъ въ политической сферѣ нельзя съ опредѣленностью сказать, какая собственно партія владѣетъ истиннымъ догматомъ, такъ и въ области евангелической церкви невозможно рѣшить, кто собственно въ ней истинный руководитель. Прогрессивная партія пережила такое явленіе, что самые видные изъ ея вожаковъ, бывшіе въ продолженіи долгихъ лѣтъ ея славой и гордостью, вынуждены были, разойдись въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ мнѣніемъ большинства членовъ, выдѣлиться, и затѣмъ были оплеваны и заброшены грязью кликой, которую не знаешь какъ и назвать и какъ объяснить притязанія ея на господство. То же самое повторяется и въ церкви. Новѣйшія учрежденія въ этой области, и главнымъ образомъ—церковное уложеніе, присвоили церкви извѣстное самоуправленіе съ нѣкоторыми ограниченіями. Это самоуправленіе опирается на собраніе или, вѣрнѣе сказать, на нѣсколькихъ собраніяхъ различныхъ инстанцій. Въ составѣ этихъ собраній выразилось мнѣніе страны, и при этомъ оказалось, что либеральныя воззрѣнія если и не принадлежатъ большинству, то во всякомъ случаѣ очень распространены; но противная сторона пользуется своимъ временнымъ перевѣсомъ, чтобы вытѣснять либеральныя воззрѣнія изъ всѣхъ церковныхъ мѣстъ, и такимъ образомъ мы были свидѣтелями диковинныхъ вещей, а именно: что люди, давно и безупречно исполнявшіе свои обязанности, были смѣщаемы или увольняемы при назначеніи ихъ на новую должность, потому что считаются недостаточно ортодоксальными. Случаи эти имѣютъ настолько мѣстный интересъ, что я не буду говорить о нихъ въ подробности; но упомянуть о нихъ необходимо, такъ какъ они, кажется, въ связи съ общими симптомами и объясняютъ

застой, все болѣе и болѣе усиливающийся и вызывающій весьма печальныя явленія.

Результатомъ этого застоя и отсутствія истинно полезной дѣятельности является также и то печальное явленіе, которое теперь свирѣпствуетъ въ Германіи подъ именемъ юдофобства и повергаетъ въ удивленіе всю Европу. Первые вспышки этого движенія проявились уже давно, и о многихъ фазисахъ его развитія уже было говорено здѣсь.

Такъ какъ къ послѣднему движенію послужила, собственно говоря, выходка придворнаго проповѣдника Штöкера, одареннаго всѣми талантами агитатора и перенесшаго такъ-называемый еврейскій вопросъ въ народную среду, и сначала съ прикрасами, а затѣмъ и безъ прикрасъ высказавшаго, что нѣмецкій народъ долженъ оберегаться отъ евреевъ, если не хочетъ подпасть ихъ господству. Это движеніе очень сильно и въ литературѣ. Можно было бы наполнить страницу вашего журнала названіями книгъ и сочиненій, уже появившихся объ этомъ вопросѣ и продолжающихся появляться; большинство ихъ очень грубо и очевидно предназначено для необразованной публики; нѣкоторыя же написаны очень умно и талантливо. Нельзя было бы создать цѣлую отрасль литературы по этому вопросу, если бы онъ не заинтересовалъ такъ публику. Вы знаете изъ прежнихъ моихъ писемъ, что даже такой степенный историкъ, какъ Трейчке, вмѣшался въ дѣло и высказался противъ евреевъ. Было бы, конечно, ошибочно предполагать, что подобное движеніе можетъ принять такіе размѣры безъ всякаго основанія. Я уже раньше указывалъ на тѣ пункты, которые слѣдуетъ принять во вниманіе. Нельзя отрицать, если хочешь быть добросовѣстнымъ, что еврейскій вопросъ обставленъ въ Германіи нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ культурныхъ странахъ. Я не стану говорить о Россіи, гдѣ права еврейства все еще ограничены законодательствомъ, и гдѣ большинство ихъ стоитъ на такой низкой степени образованія, что они не могутъ еще играть той роли, какую играютъ ихъ единовѣрцы въ Западной Европѣ. Во Франціи, Англіи, Голландіи, Италіи, число евреевъ такъ ничтожно, что ихъ нечего и принимать въ соображеніе, и они тамъ чрезвычайно легко ассимилируются съ остальнымъ населеніемъ, хотя ихъ все еще можно признать. Въ Германіи, въ настоящее время, число евреевъ простирается до 500,000 при общемъ населеніи въ 45 милліоновъ. Это число кажется очень ничтожно, но оно весьма значительно, если мы взвѣсимъ отношенія и сообразимъ, какъ неравномѣрно распредѣляется еврейскій элементъ. Въ одномъ Берлинѣ проживаетъ 50,000 евреевъ, т.-е. почти столько же, сколько во всей Франціи; въ большихъ торговыхъ городахъ: Франкфуртъ-на-Майнѣ,

Бреславль, Гамбургъ, частью и въ Лейпцигъ, отношеніе приблизительно то же, что и въ Берлинъ,—быть можетъ, даже еще значительнѣе. Оставляю въ сторонѣ жалобы на богатство и ростовщичество евреевъ и займусь только однимъ пунктомъ, а именно: допусканіемъ евреевъ на судейскія мѣста. Судейская карьера открыта евреямъ всего какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ и наплывъ ихъ въ нее колоссаленъ. Одинъ компетентный человѣкъ, засѣдающій въ экзаминаціонной комиссіи для юристовъ, человѣкъ, свободный отъ всякой неприязни къ евреямъ, увѣрялъ меня, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ половину всѣхъ экзаменующихся составляютъ евреи, и что во всѣхъ судебныхъ палатахъ существуетъ огромный приростъ еврейскаго элемента. Называйте это какъ хотите, осуждайте какъ предразсудокъ, а никто не будетъ оспаривать то, что для массы народа весьма непріятно сознавать, что такая важная отрасль общественной жизни все болѣе и болѣе переходитъ въ руки расы, которая во многихъ отношеніяхъ чужда нѣмецкому характеру и обычаю. Нельзя порицать евреевъ за то, что они всячески усовершенствуютъ свой умъ и свои способности; нельзя отрицать, что въ юридической, какъ и въ медицинской и научной карьерѣ они выказываютъ необыкновенныя дарованія и чрезвычайную энергію, благодаря которымъ часто берутъ верхъ надъ своими христіанскими конкуррентами. Извѣстно, что за исключеніемъ большихъ городовъ и крупнѣйшихъ университетовъ, существуетъ стремленіе по возможности не приглашать еврейскихъ ученыхъ на каѳедры и въ университеты, кромѣ тѣхъ только случаевъ, когда это является неизбѣжнымъ, потому что нѣтъ другого выбора. Компетентные люди и тутъ увѣряли меня, что эти случаи повторяются все чаще и чаще, и можно думать, что чисто нѣмецкое племя уже не въ состояніи въ настоящее время удовлетворить увеличивающихся потребностей въ этомъ направленіи. Я часто высказывалъ свое мнѣніе, что съ такими фактами нельзя бороться посредствомъ политическихъ доктринъ. Можно тысячу разъ повторять, что просвѣщенію и гуманности нашего столѣтія противно выказывать антипатію къ племени, живущему въ странѣ и равному передъ закономъ всему остальному населенію, а грубый фактъ все же будетъ существовать, и если даже въ настоящее время,—въ чемъ я не сомнѣваюсь,—это анти-еврейское движеніе и уляжется, то снова возгорится въ непродолжительномъ времени, такъ какъ вліяніе еврейскаго населенія все растетъ и не предвидится противъ него никакого оплота.

Но для того, чтобы очертить движеніе въ его послѣдней стадіи, разскажу слѣдующее.

Послѣ Берлина самый большой городъ гдѣ всего сильнѣе про-

является борьба противъ евреевъ, это Бреславль, столица Силезіи. Тамъ уже происходили самыя печальныя сцены. Причина этого та, что притокъ евреевъ сюда изъ Польши еще замѣтнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, гдѣ волна его уже нѣсколько разбилась. Сравнительно въ Бреславлѣ суды еще сильнѣе наводнены евреями, чѣмъ въ Берлинѣ, и еврейскій референдарій является тамъ типическимъ лицомъ. Поземельная собственность въ городѣ и въ окрестностяхъ тоже перешла главнымъ образомъ въ руки евреевъ, и многое другое соединяется и дѣлаетъ вопросъ жгучимъ. Крупнѣйшая и старѣйшая газета, существующая уже 150 лѣтъ, „Schlesische Zeitung“ приняла враждебное евреямъ направленіе, и евреи объявили ее въ опалѣ за это, такъ что въ первую же четверть года, какъ это случилось, отпало 800 подписчиковъ, а во вторую четверть вдвое больше. Натурально, такой образъ дѣйствій не могъ повести къ примиренію, и газета, послѣ того какъ пережила эту невзгуду, обрушилась на евреевъ еще съ болѣшимъ ожесточеніемъ. Въ Силезіи и въ Берлинѣ юдофобское движеніе перешло наконецъ изъ оборонительнаго состоянія въ наступательное, и составляется петиція къ имперскому канцлеру, которая теперь ходитъ по рукамъ, для собранія какъ можно больше подписей; въ ней требуютъ законодательныхъ мѣропріятій для того, чтобы остановить усиленіе и распространеніе еврейскаго элемента. Въ числѣ прочаго требуется ограниченіе права переселенія евреевъ и допущенія ихъ въ судейскія должности. До сихъ поръ еще неизвѣстно, можетъ ли эта петиція разсчитывать на большую массу подписей. Въ первую минуту ея появленія либеральныя газеты пытались было убить ее молчаніемъ, но вскорѣ увидѣли, что этого сдѣлать нельзя и вынуждены были напечатать ее и подвергнуть критикѣ. Тѣмъ временемъ произошелъ эпизодъ, который въ дѣйствительности ничтоженъ до смѣшнаго, но произвелъ однако сильное впечатлѣніе, какъ это всегда бываетъ, когда сосудъ переполнится и когда одной капли довольно, чтобы онъ пролился. Въ вагонѣ конной желѣзной дороги два учителя, принадлежащіе къ антисемитической партіи, говорили о Штöкерѣ и о еврейскомъ вопросѣ. Въ ихъ разговоръ вмѣшался одинъ еврей, по имени Канторовичъ; высказано было взаимно нѣсколько непріятныхъ вещей, и въ заключеніе этотъ самый Канторовичъ далъ пощечину одному изъ учителей. Затѣмъ онъ довелъ этотъ случай до свѣдѣнія начальства гимназіи, гдѣ служили учителя, до военныхъ властей, такъ какъ одинъ изъ учителей былъ офицеръ резерва и до газетъ, какъ доказательство ужасающаго преслѣдованія евреевъ, существующаго въ настоящее время въ Берлинѣ. Въ весьма либеральномъ собраніи городскихъ депутатовъ, одинъ изъ депутатовъ поднялъ вопросъ объ этой исторіи и потребовалъ

преданія учителя, принадлежащаго къ городской гимназіи, суду. Но этого мало: нѣсколько высокообразованныхъ лицъ, главнымъ образомъ профессоровъ, и въ числѣ ихъ такія знаменитости, какъ Моммсенъ, Ватенбахъ, Вирховъ, Киргофъ и т. д., напечатали протестъ противъ вышеупомянутой петиціи, причемъ объявили, что считаютъ юдофобство, выразившееся въ этой петиціи, позоромъ нашего столѣтія.

Пренія въ палатѣ депутатовъ въ продолженіи двухъ дней, по этому же вопросу, были оживленнѣйшія. Въ первый день сравнительно было спокойно, но на второй день засѣданіе было такъ бурно, что нельзя было слышать ораторовъ. Бой собственно происходилъ между правой и ультрамонтанами, съ одной стороны, и прогрессистами и сессіонистами—съ другой. Центральныя партіи, національ-либеральная и фрей-консервативная держались въ сторонѣ отъ преній, не имѣвшихъ, разумѣется, никакихъ результатовъ, даже такъ-называемаго нравственнаго. Правительство держалось строжайшаго нейтралитета, какъ того и слѣдовало ожидать уже потому, что оно отказалось отвѣчать на запросъ. Но запросъ имѣлъ ту хорошую сторону, что нѣсколько успокоилъ умы. Послѣ бури наступило затишье, хотя оно будетъ непродолжительно; ручательствомъ тому служить дисциплинарное слѣдствіе, назначенное городскими властями Берлина и Бреславля надъ чиновниками и учителями, участвовавшими въ агитаціи противъ евреевъ.

Я долженъ быть очень кратокъ, чтобы исполнить свое обѣщаніе поговорить о реальныхъ училищахъ, о которыхъ я писалъ въ прошломъ письмѣ. Министръ народнаго просвѣщенія фонъ-Путткамеръ совершенно отвергъ тѣ предложенія, которыя вызвали мое прошлое письмо, и вопросъ остается безъ всякаго движенія. Во всей этой области, впрочемъ, мало новаго. При обычной перемѣнѣ ректора въ университетѣ въ прошломъ октябрѣ, ректоръ выступилъ въ защиту классическаго образованія, и очень рѣзко высказался противъ реальнаго образованія. Обыкновенно эти рѣчи печатаются впослѣдствіи, но на этотъ разъ этого не сдѣлали, вслѣдствіе ея необыкновенной рѣзкости, и поэтому я не могу разбирать ее въ подробности. За то реальное образованіе торжествовало побѣду въ томъ отношеніи, что здѣсь, въ Берлинѣ, недавно открыто новое реальное училище, названное въ честь бывшаго министра народнаго просвѣщенія—Фальковской реальной школой. Она основана по новѣйшимъ, наилучшимъ правиламъ. При ея освященіи присутствовало, кромѣ д-ра Фалька, нѣсколько значительныхъ особъ, и вообще все дѣло считается крупнымъ городскимъ событіемъ. Эта школа является седьмымъ реальнымъ училищемъ пер-

ваго разряда въ Берлинѣ и имѣеть, какъ и всѣ другія, право выдавать аттестаты зрѣлости для поступленія на философскій факультетъ. Высоко-образованный человѣкъ, городской шумляртъ Кауеръ говорилъ по этому случаю рѣчь и коснулся въ ней настоящей борьбы между гимназіями и реальными училищами.

При существующей нормѣ, такъ сказалъ онъ, гимназіи и реальные училища почти равны другъ другу во всѣхъ частяхъ своей внѣшней организаціи; у нихъ одинъ и тотъ же девятилѣтній срокъ ученія, то же число классовъ, такіе же экзамены, учителя равнаго образованія и пользуются одинаковыми правами и получаютъ одинаковое жалованье. Несмотря на то, гимназія открываетъ доступъ ко всѣмъ высшимъ житейскимъ сферамъ, тогда какъ ученикамъ реальныхъ школъ ограничивается доступъ въ университеты. Городскимъ общинамъ какъ, напр., Берлину, которыя основываютъ и содержатъ реальные школы, слѣдовало бы видѣть личный интересъ въ томъ, чтобы вести агитацію въ пользу расширенія правъ реальныхъ училищъ; берлинскій же магистратъ отклонилъ это, потому что не видитъ пути къ разрѣшенію этой задачи. Гимназіи имѣютъ передъ реальными школами то преимущество, что обладаютъ естественной растяжимостью и столѣтней традиціей. Но въ продолженіи этого времени, несмотря на постоянство своихъ принциповъ, онѣ испытали много превращеній, и теперешнее ихъ устройство отнюдь не таково, чтобы не допускало никакой перемѣны и никакого усовершенствованія. Учебное начальство тоже раздѣляетъ мнѣніе о необходимости реформировать обѣ формы училищъ. При этомъ имѣется въ виду въ гимназіяхъ расширить преподаваніе естественныхъ наукъ, въ реальныхъ училищахъ преподаваніе языковъ, и такимъ образомъ обѣ школьныя системы еще болѣе сблизятся между собой; но такому отягощенію обѣихъ сторонъ должно соотвѣтствовать облегченіе въ другихъ учебныхъ сферахъ. Главной задачей педагогики будетъ обуздать рвеніе тѣхъ, кто обременяетъ учениковъ учебнымъ матеріаломъ, и такъ приспособить послѣдній, чтобы безъ пониженія умственного уровня умственная пища легче бы усвоивалась, а именно ограничена бы была чисто механическая сторона умственного труда. Конечно, тутъ-то мы и наталкиваемся на затрудненія и на различія въ мнѣніяхъ, и для успѣшнаго разрѣшенія ихъ ораторъ рекомендовалъ предоставить высшимъ учебнымъ заведеніямъ возможно бѣольшую свободу дѣйствія въ составленіи учебныхъ программъ.

Онъ предлагаетъ для этого раздѣлить учебныя программы на двѣ части: одну постоянную и обязательную, другую свободную и подвижную, чѣмъ достигнется разнообразіе формъ для учебныхъ заведеній и приспособленіе ихъ къ особымъ мѣстнымъ и обществен-

нымъ условіямъ. Съ другой стороны, необходимо сохранить и укрѣпить единство національнаго образованія. Если мѣсто теперешняго рѣзко выраженнаго дуализма гимназій и реальныхъ школъ займетъ разнообразіе формъ, то въ педагогической области наступитъ продолжительный миръ.

Присутствіе д-ра Фалька на этомъ празднествѣ доказываетъ, до какой степени живуче всеобщее къ нему уваженіе и симпатія. Его преемникъ, фонъ-Путтеамеръ, хотя онъ въ школьномъ собственно дѣлѣ слѣдуетъ по стопамъ Фалька, далеко не пользуется такой же популярностью.

Въ настоящее время онъ пустилъ въ ходъ новое предпріятіе: съ нѣкоторыхъ поръ различные педагоги занимаются вопросомъ о введеніи практическаго обученія въ нѣмецкія школы, какъ оно уже существуетъ въ нѣкоторыхъ странахъ, а именно: въ Даніи, Швеціи и Голландіи. Подъ этимъ обученіемъ понимаютъ главнымъ образомъ изученіе различныхъ ремеселъ, какъ, напр., переплетнаго, коробочнаго мастерства, столярнаго, плетенія корзинъ изъ прутьевъ, издѣлій изъ соломы и пр. и пр. Изъ всѣхъ странъ, гдѣ обученіе этимъ мастерствамъ введено въ школы, первое мѣсто принадлежитъ Даніи и Швеціи. Одинъ ротмистръ, фонъ - Клаузенъ-Клаасъ, уже двадцать лѣтъ какъ старается о проведеніи въ жизнь новой педагогической идеи. Этотъ интересный и заслуженный человѣкъ состоялъ первоначально въ гарнизонѣ одного маленькаго городка, гдѣ для его дѣтей не представлялось никакой пригодной школы, и потому онъ открылъ школу у себя дома. Онъ былъ того мнѣнія, что не одни и только чисто умственные занятія способствуютъ полному развитію ребенка, но также и физическая ловкость и мастерство. Опытъ показалъ, говорилъ онъ, что, за немногими исключеніями, природа одарила каждого ребенка какими-нибудь спеціальными способностями; задача родителей и школы состоитъ въ томъ, чтобы открыть эти способности. Ожиданія ротмистра оправдались; многіе родители довѣрили ему своихъ дѣтей. Ротмистръ основалъ школу для дѣтей всѣхъ классовъ общества.

Позднѣе его перевели въ Копенгагенъ, гдѣ онъ устроилъ такую же школу. Для того, чтобы вполне отдаться педагогической дѣятельности, онъ вышелъ изъ военной службы, читалъ лекціи въ различныхъ мѣстностяхъ своего отечества и принималъ участіе въ учительскихъ и педагогическихъ съѣздахъ и собраніяхъ. Во многихъ мѣстахъ королевства онъ основалъ такъ-называемые „Hausfleiss-Vereine“. Въ 1873 г. послѣдовало основаніе всеобщаго датскаго „Hausfleissgesellschaft“, главная задача коего состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать небольшимъ мѣстнымъ обществамъ и отдѣльнымъ лич-

ностямъ, интересующимся этимъ дѣломъ, устроить образцовый музей изъ школьныхъ издѣлій и школу для обученія преподавателей, доставлять модели и сырье, а также и заказы на работы. Въ послѣдующіе годы по всей Даніи и Швеціи раскинулась цѣлая сѣть мѣстныхъ „Hausfleisvereinen“, и въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, газета издаваемая бывшимъ ротмистромъ, „Nordisk Hudsflids Tidende“, служить умственнымъ центромъ движенія. Всеобщее „Hausfleisgesellschaft“ въ Копенгагенѣ направляетъ все дѣло, мѣстныя общества основываютъ школы, въ которыхъ обучаютъ началамъ различныхъ ремеслъ. Эти рабочія школы посѣщаются какъ дѣтьми, такъ и взрослыми; ученики платятъ двѣ кроны въ мѣсяцъ и за это имѣютъ еженедѣльно два вечера на обученіе. Въ Германіи, сколько мнѣ извѣстно, первый человѣкъ, обратившій вниманіе на этотъ вопросъ былъ Шенкендорфъ, служившій первоначально въ телеграфномъ вѣдомствѣ, а въ настоящее время городской совѣтникъ въ Гёрлицѣ. Онъ недавно издалъ книгу: „Der praktische Unterricht, eine Forderung der Zeit an die Schule, sein erzieherischer, volkwirthschaftlicher und socialer Werth“. Breslau 1880.

Министръ фонъ-Путткамеръ отправилъ нѣсколько чиновниковъ своего вѣдомства и во главѣ ихъ весьма способнаго человѣка, тайнаго совѣтника Шнейдера, которые взяли себѣ въ помощники выше-названнаго Эмиля Шенкендорфа, въ Скандинавію—для точнѣйшаго ознакомленія съ рабочими школами, и нѣтъ сомнѣнія, что если наблюденія этихъ лицъ окажутся благопріятными, то явятся попытки основать эти школы и у насъ—въ Германіи.

Такъ какъ я заговорилъ о педагогикѣ, то позвольте мнѣ рекомендовать одинъ журналъ, котораго я только-что получилъ первый номеръ и который при первомъ же взглядѣ показался мнѣ заслуживающимъ рекомендаціи. Онъ называется: „Rundschau über das Unterrichtswesen aller Länder“, и редактируется д-ромъ Конце, а издается Вильгельмомъ Ислейбомъ въ Берлинѣ. Ежемѣсячно будутъ даваться двѣ тетради за очень дешовую плату. Не знаю, существуютъ ли уже въ другихъ странахъ подобныя изданія; оно существенно отличается отъ остальныхъ педагогическихъ листковъ. Судя по программѣ, оно дѣйствительно даетъ прекрасную картину общаго движенія въ области учебнаго дѣла.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

11/23 ноября, 1880.

LXII.

Дуэль.

Было 9 часовъ вечера. Горюдокъ Вошанъ, безмолвный и мрачный, засыпалъ подъ холоднымъ ноябрьскимъ дождемъ. Въ улицѣ Реколлѣ, одной изъ самыхъ узкихъ и пустынныхъ квартала Сень-Жанъ, оставалось освѣщеннымъ окошко въ третьемъ этажѣ стараго дома, съ дырявыми водосточными трубами, изъ которыхъ струились цѣлые потоки. То была квартира мадамъ Бюрль; она сидѣла передъ тощимъ огонькомъ изъ сухихъ виноградныхъ вѣтокъ, въ то время какъ ея внукъ Эдуардъ готовилъ уроки при тускломъ свѣтѣ лампы.

Квартира, стоившая 160 франковъ въ годъ, состояла изъ четырехъ огромныхъ комнатъ, которыя никакъ нельзя было натопить зимою. Самая большая служила спальней для мадамъ Бюрль; ея сынъ, капитанъ Бюрль, казначей полка, занималъ комнату подлѣ столовой, выходившую окнами на улицу, а маленькій Эдуардъ, съ своей желѣзной кроватью, помѣщался въ огромной гостиной съ заплесневѣлыми обоями, гдѣ гостей не принимали. Скучная мебель капитана и его матери изъ массивнаго краснаго дерева, во вкусѣ имперіи, сильно пострадавшая отъ походной жизни, совсѣмъ пропала въ высокихъ, темныхъ комнатахъ. Холодный, жесткій полъ, окрашенный въ красную краску, леденилъ ноги; ковровъ не было, только передъ креслами лежали маленькіе, потертые коврики, величиной съ ладонь,—ихъ жалкій видъ бросался въ глаза даже среди этой нищеты, въ этой пустынѣ, гдѣ вѣтеръ свободно дулъ сквозь щели дверей и оконъ.

Передъ каминомъ сидѣла мадамъ Бюрль, въ креслѣ, обитомъ желтымъ бархатомъ, и глядѣла, какъ догорали послѣдніе угольки—упорнымъ бессмысленнымъ взглядомъ, свойственнымъ старымъ людямъ, переживающимъ про себя прошлое. Такъ проводила цѣлые дни эта высокая, прямая старуха съ серьезнымъ, какъ-бы застывшимъ лицомъ, и тонкими, никогда не улыбававшимися губами. Вдова полковника, умершаго наканунѣ своего производства въ генералы, мать капитана, котораго она сопровождала въ походахъ, она приоб-

рѣла какую-то военную выpravку, выработала извѣстныя идеи о долгѣ, чести, патриотизмѣ, заставлявшія ее держаться сурово, точно будто ее вымуштровала строгая военная дисциплина. Рѣдко можно было услышать отъ нея жалобу. Когда ея сынъ овдовѣлъ, проживъ пять лѣтъ съ женою, она принялась за воспитаніе Эдуарда съ такою же строгостью, какъ сержантъ, которому поручено воспитаніе рекрутовъ. Она не спускала ребенку ни одной шалости, ни одного дурачества, не позволяла ему ложиться спать до полуночи, и сама не ложилась, если его уроки еще не были готовы. Подъ ея неумолимой ферулой росъ кроткій Эдуардъ, блѣдный, молчаливый, хилый мальчикъ съ большими свѣтлыми глазами.

Одна идея угнетала мадамъ Бюрль, въ долгіе часы ея неподвижнаго молчанія: ея сынъ не оправдалъ ея надеждъ. Эта мысль наполняла ея существованіе, и она перебирала въ умѣ всю свою жизнь съ того момента, какъ у нея родился ребенокъ, которому она прочила блестящую, славную карьеру, вплоть до теперешней жалкой гарнизонной жизни, съ ея скучными и монотонными днями, вплоть до паденія, выразившагося должностію казначея, дальше которой ему уже не пойти. А между тѣмъ его первые шаги на военномъ поприщѣ наполнили ея гордостью; одно время она могла вѣрить въ осуществленіе своихъ мечтаній. Почти тотчасъ по выходѣ изъ Сень-Сирской школы, Бюрль покрылъ себя славою въ битвѣ при Сольферино, овладѣвъ непріятельской батареей во главѣ небольшого отряда; его наградили орденомъ, журналы прославляли его храбрость, онъ былъ признанъ однимъ изъ храбрѣйшихъ солдатъ арміи. И вотъ, мало-по-малу, герой опустился, растолстѣлъ, обрюзгъ, сдѣлался трусомъ. Въ 1870 году, онъ все еще былъ капитаномъ, попался въ плѣнъ при первой стычкѣ, и вернулся изъ Германіи взбѣшенный, клянясь, что его не заставятъ больше драться, что это слишкомъ глупо. Оставить армію онъ не могъ, по неспособности къ какому нибудь другому дѣлу; и вотъ онъ добился должности казначея, говоря, что такимъ образомъ его по крайней мѣрѣ оставятъ спокойно умереть. Это было тяжелымъ ударомъ для мадамъ Бюрль. Все пропало, и съ той поры она застыла въ суровой позѣ со стиснутыми зубами.

Вихрь пронесся съ удвоенною силою на улицѣ Реколлѣ, дождь забарабанилъ въ окно. Старуха подняла глаза отъ потухшаго огня, чтобы увѣриться, не заснулъ ли Эдуардъ за латинскимъ переводомъ. На этомъ двѣнадцатилѣтнемъ ребенкѣ сосредоточивались теперь всѣ ея надежды, на него перенесла она свои упорныя мечты о славѣ. Сначала она ненавидѣла его, также какъ и его мать, хорошенькую кружевницу, на которой капитанъ имѣлъ глупость жениться, ослѣп-

ленный страстью, и не имѣя возможности сдѣлать её своей любовницей. Потомъ, когда мать умерла, а отецъ погрязъ въ порокахъ, мадамъ Бюрль сосредоточила всѣ свои мечты на этомъ жалкомъ, хрупкомъ существѣ, которое она вырастила съ большимъ трудомъ. Она стремилась сдѣлать изъ него героя, какого не вышло изъ Бюрля, и съ суровымъ безпокойствомъ слѣдила за его развитіемъ, стараясь во что бы то ни стало развить въ немъ мужество. Мало-по-малу, ослѣпленная страстью, она убѣдила себя, что нашла свой идеаль. Ребенокъ, мягкій и мечтательный отъ природы, чувствовалъ физическое отвращеніе къ военному ремеслу; но такъ какъ онъ ужасно боялся своей бабушки, такъ какъ, притомъ, онъ былъ очень кротокъ и послушенъ, то и говорилъ съ покорнымъ видомъ, что будетъ солдатомъ.

Между тѣмъ, мадамъ Бюрль замѣтила, что переводъ не подвигается. Усыпленный шумомъ бури, Эдуардъ спалъ съ перомъ въ рукѣ, съ открытыми глазами, устремленными на бумагу. Тогда, не говоря ни слова, она постучала пальцами о край стола, Эдуардъ привскочилъ, открылъ словарь и съ лихорадочною поспѣшностью принялся его перелистывать. Старуха собрала въ кучку вѣтки, и безуспѣшно пыталась опять зажечь ихъ. У ней была всего одна служанка въ настоящее время, ежедневно приходившая на три часа, чтобы вымыть посуду и убрать комнаты. Старуха разорилась еще въ то время, когда вѣрила въ своего сына, и онъ прокутилъ ея небольшія деньжонки. Да и теперь онъ продолжалъ разорять семью; всѣ деньги проматывались имъ на сторонѣ; въ домѣ царила нищета, голыя комнаты, холодная кухня. Мать никогда не говорила ему объ этомъ, такъ какъ все-таки считала его главой. Тѣмъ не менѣе она иногда содрогалась при мысли, что Бюрль можетъ еще надѣлать бѣдъ. Въ такомъ случаѣ, Эдуарду нельзя было бы даже вступить въ армію. Ея могутъ мечты окончательно рухнуть.

Она встала, чтобы поискать въ кухнѣ виноградныхъ вѣтокъ, какъ вдругъ двери затряслись отъ страшнаго порыва вѣтра, одинъ ставень былъ вырванъ, вода изъ дырявыхъ трубъ, подъ напоромъ вѣтра, хлынула на стекла цѣлымъ потокомъ. И среди этого гвалта она съ удивленіемъ услышала звонокъ. Кто бы это могъ придти въ такой часъ и въ такую погоду. Бюрль не возвращался раньше полночи, если только вообще возвращался. Она отворила дверь; на порогѣ появился офицеръ, промокшій насквозь, и проклинавшій погоду на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Чортъ возьми!.. Вотъ проклятая погода!

Это былъ майоръ Лагиттъ, старый служака, служившій подъ начальствомъ полковника Бюрля, въ тѣ счастливые дни, когда госпо-

жѣ Бюрль жилось хорошо. Начавъ съ кантониста, онъ достигъ должности батальоннаго командира, не столько благодаря уму, сколько благодаря храбрости; но тутъ недугъ, выразившійся въ сокращеніи мускуловъ бедра вслѣдствіе раны, заставилъ его принять постъ майора. Онъ даже прихрамывалъ немного; но говорить ему объ этомъ не слѣдовало, такъ какъ онъ не хотѣлъ признаваться въ этомъ.

— Это вы, майоръ,—сказала мадамъ Бюрль, еще болѣе удивленная.

— Да, чортъ побери!—проворчалъ Лагиттъ,—и только моя преданная любовь къ вамъ могла заставить меня шляться по улицамъ подъ этимъ проклятымъ дождемъ... Въ такую погоду и патера не вытащишь за дверь.

Онъ отряхнулся, цѣлыя рѣки текли на полъ съ его сапогъ. Потомъ осмотрѣлся вокругъ себя.

— Мнѣ непременно нужно видѣть Бюрля... Неужто этотъ лѣнтяй уже улегся спать?

— Нѣтъ, онъ еще не возвращался,—сказала старуха своимъ жесткимъ голосомъ.

Майоръ казался вѣдь себя. Онъ закричалъ съ бѣшенствомъ.

— Какъ! не возвращался! Такъ значить они надули меня въ кофейнѣ, у Mélanie, вы знаете!.. Пришелъ я туда, а служанка смѣется мнѣ въ носъ, увѣряя, что капитанъ пошелъ спать. Ахъ, чортъ возьми! я зналъ это, мнѣ хотѣлось выдрать ее за уши.

Онъ утихъ нѣсколько и зашагалъ по комнатѣ, смущенный, взволнованный. Мадамъ Бюрль твердо смотрѣла на него.

— Вамъ нужно говорить лично съ самимъ капитаномъ?—спросила она наконецъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ.

— И я не могу передать ему ваши слова?

— Нѣтъ.

Она не настаивала. Но продолжала стоять, устремивъ взоръ на майора, который, казалось, не могъ рѣшиться уйти. Наконецъ, гнѣвъ снова овладѣлъ имъ.

— Тѣмъ хуже! тысяча чертей!.. Такъ какъ я уже пришелъ, нужно вамъ узнать въ чемъ дѣло... Этакъ, можетъ быть, будетъ лучше.

Онъ усѣлся передъ каминомъ, какъ будто бы въ немъ пылалъ огонь, и вытянулъ свои ноги въ грязныхъ сапогахъ. Мадамъ Бюрль хотѣла сѣсть въ свое кресло; но тутъ замѣтила, что Эдуардъ, побѣжденный усталостью, опустилъ голову на страницы лексикона. Сначала, приходъ майора прогналъ его дремоту; потомъ, видя, что на него не обращаютъ вниманія, онъ не могъ противиться сну. Ма-

дамъ Бюрль хотѣла ударить его по худенькимъ рученкамъ, бѣлѣвшимъ при свѣтѣ лампы, но Лагиттъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, не будите этого бѣднаго мальчугана... Пусть его спитъ, ему совсѣмъ не надо слышать насъ.

Старуха усѣлась въ кресло. Наступило молчаніе. Оба смотрѣли другъ на друга.

— Ну! конченъ балъ!—сказалъ наконецъ майоръ, подкрѣпляя свою фразу свирѣпымъ движеніемъ подбородка.—Сквернавецъ Бюрль сдѣлалъ пакость!

Мадамъ Бюрль не дрогнула, не вскрикнула. Она только поблѣднѣла, и еще болѣе окаменѣла въ своемъ креслѣ. Майоръ продолжалъ:

— Я давно уже чую бѣду и хотѣлъ даже какъ-то поговорить съ вами объ этомъ. Бюрль слишкомъ много тратилъ денегъ, и при этомъ имѣлъ какой-то глупый видъ, не предвѣщавшій ничего добраго... Но никогда не могъ бы я подумать... Ахъ, чортъ возьми! Нужно же быть дуракомъ, чтобы рѣшиться на подобную мерзость!

Тутъ онъ свирѣпо ударилъ кулакомъ по колѣну, задыхавшись отъ негодованія. Старуха должна была задать прямой вопросъ.

— Онъ укралъ?

— Вы не можете себѣ представить!.. Не правда-ли?—я самъ никогда не провѣрялъ его! Я принималъ его счета, подписывалъ ихъ. Вы знаете, какъ это дѣлается въ совѣтѣ. Только во время ревизіи, такъ какъ полковникъ у насъ маніакъ, я говорилъ ему: „блюда свою кассу, старина, я отвѣчаю за нее“. И я былъ спокоенъ... Однако, въ послѣднее время, когда онъ совсѣмъ завертѣлся, когда до меня стали доходить довольно грязные слухи, я сталъ попристальнѣе вникать въ его книги, сталъ провѣрять его счета. На видъ все было въ порядкѣ, книги велись исправно...

Онъ остановился, приливъ бѣшенства былъ такъ силенъ, что ему нужно было отвести душу.

— Ахъ, чортъ возьми! чортъ возьми! чортъ возьми!.. Меня не столько бѣситъ его мошенничество, сколько отвратительное поведеніе по отношенію ко мнѣ. Онъ поддѣлъ меня,—понимаете вы это, мадамъ Бюрль! Чортъ возьми, неужто онъ считаетъ меня старымъ болваномъ!

— Значитъ, онъ укралъ?—снова спросила мадамъ Бюрль.

— Сегодня вечеромъ,—началъ майоръ, немного успокоившись,—я выходилъ изъ-за стола, когда пришелъ Ганьё... Вы знаете Ганьё, мясникъ на углу площади Эрбъ. Тоже прескверный мошенникъ: получилъ подрядъ на мясо и сбываетъ въ нашъ гарнизонъ всѣхъ дохлыхъ коровъ департамента!.. Хорошо! я принимаю, какъ слѣдуетъ эту

собаку, и вотъ онъ открываетъ мнѣ всю штуку. Ахъ! славныя дѣла, нечего сказать! Оказывается, что Бюрль всю провизію забиралъ у него въ долгъ, надавалъ ему цѣлую кучу росписокъ, въ которыхъ самъ чортъ сломить ногу; короче сказать, — задолжалъ ему 2000 франковъ, и вотъ мясникъ объявляетъ, что онъ обо всемъ расскажетъ полковнику, если ему не заплатятъ... Хуже всего, что эта скотина Бюрль, чтобы обмануть меня, представлялъ мнѣ каждую недѣлю фальшивыя росписки и безъ церемоніи подписывался за Ганьё. Сыграть такую штуку со мной! съ своимъ старымъ товарищемъ! Чтобъ ему!

Майоръ вскочилъ, вытянулъ кулаки по направленію къ потолку, и снова упалъ на стулъ. Мадамъ Бюрль повторила еще разъ:

— Онъ укралъ, этого слѣдовало ожидать.

Потомъ, не проронивъ ни слова въ осужденіе сына, замѣтила только:

— Двѣ тысячи франковъ, но у насъ ихъ нѣтъ... Въ домѣ наберется, пожалуй, франковъ тридцать.

— Я такъ и думалъ, — сказалъ Лагиттъ. И знаете, на кого онъ просадилъ все это? На Мелані, которая сдѣлала изъ него совершеннаго идіота. Охъ! женщины! Я говорилъ, что онѣ погубятъ его. Я не понимаю, что это за чортъ такой! Онъ только на пять лѣтъ моложе меня, и до сихъ поръ кутить безъ удержа. Какой проклятый темпераментъ!

Наступило молчаніе. На улицѣ дождь полилъ съ удвоенной силой, и мрачное безмолвіе уснушаго городка нарушалось трескомъ черепицъ и трубъ, которыя ураганъ сбрасывалъ на мостовую.

— Ну, — сказалъ майоръ, вставая, — сидя здѣсь — не можешь горю. Вы предупреждены, я отправляюсь во-свояси.

— Что дѣлать? къ кому обратиться? — бормотала старуха.

— Не отчаявайтесь, надо попытаться... Еслибъ только у меня были эти двѣ тысячи франковъ — но вы знаете, что я не богатъ.

Онъ смутился и замолчалъ. Этотъ старикъ, не имѣвшій ни жены, ни дѣтей, пропивалъ все жалованье до полушки, и проигрывалъ въ экарте все, что не уходило на коньякъ и полынную водку. При всемъ томъ, онъ былъ очень честенъ.

— Все равно! продолжалъ онъ, остановившись на порогѣ, — я рыщу этого негодяя. Я переверну небо и землю... Бюрль, сынъ полковника Бюрля, будетъ осужденъ за воровство! Полно! развѣ это возможно! Это была бы кончина міра! По-моему, лучше было бы взорвать городъ!... Громъ и молнія! не огорчайтесь такъ сильно. Все это еще мучительнѣе для меня.

Онъ крѣпко пожалъ ей руку и спустился по лѣстницѣ, пока она

свѣтила ему. Поставивъ лампу на столъ, она на минуту остановилась передъ Эдуардомъ, который продолжалъ спать, опустивъ голову на раскрытый лексиконъ. Длинные, бѣлокурые волосы придавали ему сходство съ дѣвочкой. На минуту она задумалась, нѣжность мелькнула на жесткомъ, суровомъ лицѣ; но это было слабое и мимолетное чувство, которое она тотчасъ же подавила усиленіемъ холодной воли. Она хлопнула ребенка по рукѣ, говоря:

— Эдуардъ, твой переводъ!

Ребенокъ проснулся, испуганный, дрожащій и принялся быстро перелистывать словарь. Въ эту минуту майоръ Лагиттъ, неосторожно затворившій за собою дверь на улицу, получилъ такой потокъ воды на голову изъ дыряваго жолоба, что его ругательства донеслись до слуха мадамъ Бюрль, даже сквозь грохотъ бури. Потомъ воцарилась тишина, нарушаемая только скрипомъ пера Эдуарда. Мадамъ Бюрль снова усѣлась передъ каминомъ въ своей обычной позѣ, суровая, сосредоточенная на своей идеѣ, устремивъ взоръ на потухшіе прутья.

II.

„Café de Paris“, содержавшееся вдовой Мелани Кортъе, находилось на Дворцовой площади, обширной, неправильной и усаженной пыльными вѣзами. Въ Вошанѣ говорили обыкновенно: „будешь ты у Мелани?“ За первой, довольно широкой залой, находилась другая, называвшаяся „Диваномъ“, очень узкая, уставленная вдоль стѣнъ широкими скамейками, обитыми бархатомъ, съ четырьмя маленькими столиками по угламъ. Здѣсь-то Мелани, посадивъ за выручку служанку Фрозину, проводила вечера съ немногими постоянными, интимными посѣтителями, о которыхъ въ городѣ говорили: „онъ членъ Дивана“. Это отличало человѣка; съ этихъ поръ его имя произносилось не иначе, какъ съ улыбкой, выражавшей въ одно и то же время презрѣніе и скрытую зависть.

Мадамъ Кортъе овдовѣла на 26-мъ году. Ея мужъ, каретникъ по ремеслу, неслыханно изумилъ Вошанъ, получивши въ наслѣдство отъ дяди „Café de Paris“; жену онъ привезъ въ одинъ прекрасный день изъ Монпелье, куда ѣздилъ каждые полгода за винами. Онъ старался поднять репутацію своего заведенія, и вмѣстѣ съ запасами привезъ женщину, безъ сомнѣнія такую, какую ему было нужно для достиженія своей цѣли. Гдѣ онъ ее подобралъ — осталось навсегда неизвѣстнымъ; женился же онъ на ней, только испытавъ ее полгода за выручкой. Впрочемъ, мнѣнія относительно Мелани раздѣлились въ Вошанѣ: одни находили ее величественной, другіе называли ее

бой-бабой. Это была высокая женщина, съ крупными чертами лица, съ жесткими курчавыми волосами, закрывавшими ей лобъ. Никто, однако, не отказывалъ ей въ умѣннѣи „обольщать людей“. У ней были прекрасные глаза, которыми она умѣла пользоваться: посѣтители Дивана, подъ вліяніемъ этихъ глазъ, блѣднѣли и становились сговорчивыми. Потомъ, прошелъ слухъ, что она очень хорошо сложена; это любятъ на югѣ.

Кортъе умеръ странною смертію. Ходили слухи о ссорѣ между супругами, о нарывѣ, образовавшемся вслѣдствіе удара ногой въ животъ. Впрочемъ, Мелани очутилась въ очень затруднительномъ положеніи, такъ какъ кафе далеко не процвѣтало. Кортъе прокучивалъ дядюшкины деньги, истребляя самъ свои вина и играя на бильярдѣ. Одно время думали, что она должна будетъ продать его. Но ей нравилась эта жизнь; да и дѣло уже было налажено. Съ нею достаточно нѣсколькихъ посѣтителей; большая зала пусть остается пустой. Итакъ, она ограничилась тѣмъ, что оклеила Диванъ бѣлыми обоями съ золотомъ и перемѣнила барканъ на скамейкахъ. Сначала она просиживала въ немъ съ какимъ-то аптекаремъ; потомъ явились фабрикантъ вермишели, стряпчій, отставной судья. Такимъ образомъ, кафе оставалось открытымъ, хотя посѣтителей не набиралось ежедневно и двадцати человѣкъ. Начальство смотрѣло сквозь пальцы на это заведеніе, такъ какъ внѣшнія приличія были соблюдены, и много почтенныхъ людей оказались бы скомпрометтированными, еслибы оно сунуло въ него свой носъ.

По вечерамъ, въ большой залѣ постоянно собирались пять-шесть мелкихъ рантье поиграть въ домино. Умеръ Кортъе; „Café de Paris“ приняло подозрительный видъ,—никто ничего не замѣчалъ, и всѣ продолжали собираться по прежнему. Такъ какъ въ гарсонѣ не оказывалось больше надобности, Мелани отказала ему отъ мѣста; теперь осталась только Фрозина, которая и зажигала единственный газовый рожокъ, въ углу, для посѣтителей рантье. Иногда, однако толпа молодыхъ людей, воспламененныхъ слухами, ходившими по городу, рѣшалась войти къ Мелани и оглашала залу шумнымъ и притворнымъ смѣхомъ. Но ихъ принимали съ видомъ холоднаго достоинства; имъ не удавалось видѣть хозяйку, или, если она и присутствовала въ залѣ, то смотрѣла на нихъ съ презрѣніемъ, приводившимъ ихъ въ смущеніе. Мелани была слишкомъ умна, чтобы надѣлать глупостей; она умѣла поставить свое заведеніе на приличную ногу. Между тѣмъ какъ большая зала оставалась неосвѣщенной, за исключеніемъ уголка, въ которомъ мелкіе рантье машинально передвигали свои домино, она сама прислуживала посѣтителямъ Дивана, была съ ними любезна, но безъ вольностей, и самое бѣльшее, если позволяла себѣ

въ забывчивости опереться на плечо того или другого изъ нихъ, чтобы слѣдить за игрою въ экарте. Ссоръ никогда не случалось; едва замѣтна была глухая ревность, которая только припиоривала ихъ страсть. Мелани обладала искусствомъ сдерживать и удовлетворять всѣхъ.

Однажды вечеромъ, эти господа, примирившіеся другъ съ другомъ, были непріятно поражены, заставъ въ Диванѣ капитана Бюрля. Оказалось, что онъ случайно зашелъ утромъ выпить водки и, оставшись наединѣ съ Мелани, бесѣдовалъ съ ней. Когда онъ опять пришелъ вечеромъ, Фрозина прямо провела его въ маленькую залу. Черезъ два дня Бюрль первенствовалъ въ Диванѣ, что, впрочемъ, не обратило въ бѣгство ни аптекаря, ни фабриканта, ни страпчаго, ни отставного судью. Маленькій и очень толстый капитанъ страстно любилъ высокихъ и толстыхъ женщинъ. Въ полку его! прозвали „юбочникъ“, за его ненасытную страсть къ женщинамъ, за его волчій голодъ, который онъ готовъ былъ удовлетворять гдѣ угодно и чѣмъ угодно; чѣмъ жирнѣе былъ кусокъ, тѣмъ сильнѣе разгорался его аппетитъ. Всякій разъ, какъ офицеры и даже простые солдаты встрѣчали какую-нибудь непомѣрно жирную женщину-великаншу, задыхающуюся отъ собственнаго жира — они восклицали, не обращая вниманія на то, была ли она въ лохмотьяхъ или разодрѣта въ шелку: „вотъ еще кусочекъ для этого проклятаго юбочника!“ Онъ не брезгалъ ничѣмъ, и въ полку предсказывали, что женщины сгубятъ его. Понятно, что Мелани, славившаяся своимъ сложеніемъ, овладѣла имъ вполне и безвозвратно. Онъ сталъ ея рабомъ. Черезъ какихъ-нибудь полгода онъ совсѣмъ отупѣлъ отъ страсти, хотя нисколько не похудѣлъ. Его глаза, блестящіе на заплывшемъ жиромъ лицѣ, постоянно слѣдили за глазами молодой женщины, съ выраженіемъ покорной и безпокойной собаки. Онъ съ какимъ-то самозабвеніемъ восторгался ея жесткими курчавыми волосами, ея широкимъ мужскимъ лицомъ, съ большими глазами; и опасаясь, что она лишитъ его пропитанія, какъ онъ выражался, онъ соглашался на все, отдавалъ все, готовъ былъ повергнуться въ грязь, чтобы она перешла черезъ него. Какой-то сержантъ охарактеризовалъ его положеніе въ нѣсколькихъ словахъ: „юбочникъ нашелъ свою нору — въ ней онъ и завязнетъ“. Человѣкъ, погребенный заживо!

Было около 10 часовъ, когда майоръ Лагиттъ свирѣпо отворилъ дверь „Café de Paris“. На мгновеніе черезъ открытую настежь дверь мелькнула Дворцовая площадь, мрачная, превратившаяся въ сплошное озеро желтоватой грязи, волновавшейся подъ страшнымъ ливнемъ. Майоръ, промокшій на этотъ разъ до костей, оставляя за со-

бой цѣлую рѣку, прямо подошелъ къ конторкѣ, за которой Фрозина читала романъ:

— Дрянъ! — закричалъ онъ: — ты смѣешься надъ военными?.. Ты стоишь...

И поднявъ руку, готовясь нанести ударъ, способный убить быка. Маленькая служанка отскочила въ ужасѣ, между тѣмъ какъ буржуа разинули рты, не понимая въ чемъ дѣло. Но майоръ не сталъ терять времени; онъ толкнулъ дверь Дивана и нагрянулъ на Бюрля и Мелани какъ разъ въ ту минуту, когда послѣдняя нѣжно поила капитана громомъ съ маленькой ложечки, какъ кормятъ любимаго чижа. Въ этотъ вечеръ пришли только судья и аптекаръ, но оба рано удалились, огорченные. А Мелани, которой нужно было на завтра 200 франковъ, воспользовалась случаемъ, и была нѣжище обыкновеннаго.

— Ну, ну, милашка... Подставь свой ротикъ... Вотъ такъ! хорошо, мой поросеночекъ!

Капитанъ, красный, съ посоловѣлыми глазами, облизывалъ ложку съ видомъ глубокаго наслажденія.

— Чортъ побери! — заревѣлъ майоръ, появляясь на порогѣ: — такъ ты прячешься теперь за юбками! Мнѣ говорятъ, что ты не приходилъ, меня выпроваживаютъ за дверь, въ то время, какъ ты киснешь здѣсь!

Бюрль вздрогнулъ и оттолкнулъ грогъ. Мелани съ гнѣвомъ стала передъ нимъ, какъ будто желая прикрыть его своимъ грузнымъ тѣломъ. Но Лагиттъ устремилъ на нее спокойный и твердый взглядъ.

— Оставьте насъ, — сказалъ онъ просто.

Съ минуту она не рѣшалась. Потомъ, блѣдная отъ ярости, пошла искать Фрозину.

Когда они остались одни, майоръ Лагиттъ сталъ передъ капитаномъ, скрестивъ руки на груди, и, наклонившись къ нему, — крикнулъ:

— Подлецъ!

Ошеломленный капитанъ хотѣлъ разсердиться, но не успѣлъ.

— Молчи!.. Ты гнусно надулъ пріятеля. Ты всучилъ мнѣ фальшивыя росписки, которыя могли привести на галеры насъ обоихъ. Развѣ это честно? Развѣ такъ шутятъ съ тѣми, кого знаютъ тридцать лѣтъ?

Бюрль, опустившійся снова на стулъ, побагровѣлъ. Его члены тряслись какъ въ лихорадкѣ. Майоръ продолжалъ, стуча кулакомъ по столу:

— Итакъ, ты проворовался, какъ писарь, и для кого? для этой клячи... Пускай бы ты воровалъ для матери, это было бы честнѣе. Но, чортъ возьми! Пачкаться съ такой дрянью въ такомъ вертепѣ,

— вотъ что меня бѣситъ! Говори? какъ можешь ты, въ твои годы, возиться съ такой бой-бабой! Не отпирайся, я васъ засталъ сейчасъ на вашихъ мерзостяхъ.

— Ты тоже играешь въ карты,—пробормоталъ капитанъ.

— Да, чортъ возьми, я играю въ карты!—возразилъ майоръ, бѣшенство котораго удвоилось отъ этого замѣчанія, и я скотина, что играю, потому что на это уходитъ все мое жалованье, и потому что это вовсе не служить къ чести французской арміи! Но, тысячи чертей, если я играю, то не ворую... Издохни самъ, оставь умирать съ голоду свою мать и своего мальчишку, но не трогай кассу, и не вводи въ затрудненіе друзей.

Онъ замолчалъ, наступило тяжелое молчаніе; Бюрль сидѣлъ, безмысленно выпучивъ глаза. Съ минуту тишина нарушалась только стукомъ сапогъ майора.—И ни одной полущки!— снова заговорилъ онъ съ бѣшенствомъ.—Ну, что!—весело тебѣ будетъ межъ двухъ жандармовъ! Ахъ! мерзавецъ!

Онъ успокоился, взялъ Бюрля за руку и заставилъ встать съ мѣста.

— Пойдемъ, пойдемъ! Нужно попытаться теперь же сдѣлать что-нибудь: я не засну спокойно... У меня явилась одна мысль.

Въ большой залѣ, Мелани вполголоса разговаривала съ Фрозиной. Увидѣвъ обоихъ мужчинъ, Мелани рѣшилась подойти къ Бюрлю и сказала нѣжнымъ голосомъ.

— Какъ? вы уже уходите, капитанъ?

— Да, онъ уходитъ,—возразилъ Лагиттъ грубо,—и надѣюсь, что его нога не будетъ больше въ вашей грязной норѣ.

Испуганная служанка потянула назадъ свою хозяйку,—пробормотавъ: „пьяница“. Въ одно мгновеніе майоръ размахнулся, чтобы дать пощечину—руки у него уже давно чесались. Обѣ женщины нагнулись, ударъ коснулся только шиньона Фрозины, приплюснулъ на немъ чепчикъ, и сломалъ гребень. Это возбудило негодованіе рантье.

— Чортъ возьми! — идемъ! сказалъ Лагиттъ, выталкивая Бюрля на улицу.—Если я останусь здѣсь, то уничтожу ихъ всѣхъ.

Чтобы перейти площадь, имъ приходилось брести въ водѣ по щиколотку. Дождь, гонимый вѣтромъ, струился по ихъ лицамъ. Капитанъ шелъ молча; майоръ снова принялся ругаться и еще съ большимъ бѣшенствомъ упрекать его въ низости. Время ли теперь шлаться по улицамъ? Если бы онъ не нагнулъ, оба лежали бы теперь въ своихъ постеляхъ, вмѣсто того, чтобы шлепать по грязи. Потомъ, онъ сталъ говорить о Ганьѣ. Мошенникъ, продававшій испорченное мясо, отъ котораго болѣлъ животъ у всего полка! Черезъ

восемь дней наступить срокъ его контракту. Увидимъ, согласятся ли опять принять его услуги.

— Это мое дѣло, я сдѣлаю по-своему,—ворчалъ майоръ.—Скорѣе позволю отрубить себѣ руку, чѣмъ доставлю хоть одно су барыша такому отравителю.

Онъ поскользнулся, попалъ по колѣно въ воду, и прибавилъ, едва выговаривая слова отъ ярости:

— Ты знаешь, я иду къ нему... Я войду къ нему, ты подождешь меня на улицѣ... Я посмотрю, что затѣваетъ эта гадина, и пусть-ка онъ попробуетъ идти завтра къ полковнику, какъ угрожалъ мнѣ... Мясникъ! чортъ возьми! компрометтировать себя, связавшись съ мясникомъ! Ахъ! у тебя нѣтъ гордости! вотъ чего я никогда не прощу тебѣ!

Они добрались до площади Эрбъ. Въ домѣ Ганьё огни уже были погашены, но Лагиттъ началъ стучать изо всѣхъ силъ, и ему отперли. Оставшись одинъ въ темнотѣ, капитанъ Бюрль не подумалъ даже поискать себѣ защиты отъ дождя. Онъ остался около лѣстницы, подъ дождемъ; все перепуталось въ его головѣ. Онъ не ощущалъ скуки, онъ потерялъ всякое сознаніе времени. Домъ, съ закрытыми дверями и окнами, казался вымершимъ; онъ безсознательно смотрѣлъ на него. Когда майоръ вернулся спустя часъ времени, капитану показалось, что онъ только-что ушелъ.

Лагиттъ не произнесъ ни слова. Бюрль не осмѣлился его спрашивать. Съ минуту они искали другъ друга въ темнотѣ. Потомъ пошли по темнымъ улицамъ, по которымъ вода стремилась точно по ложу рѣки. Они шли рядомъ, разсѣянные и безмолвные; майоръ, погрузившись въ молчаніе, пересталъ даже ругаться. Однако, переходя черезъ Дворцовую площадь и видя, что „Café de Paris“ остается освѣщеннымъ, онъ толкнулъ Бюрля въ плечо, говоря:

— Если ты когда-нибудь вернешься въ эту нору...

— Не бойся!—перебилъ капитанъ, не давая ему кончить фразу.

И протянулъ ему руку. Но Лагиттъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я провожу тебя до дому. Такъ я по крайней мѣрѣ буду увѣренъ, что ты не вернешься сюда нынѣшнею ночью.

Они продолжали свой путь. Снова наступило молчаніе. На улицѣ Реколле оба замедлили шаги. Наконецъ у дверей, вынувъ ключъ изъ кармана, капитанъ рѣшился.

— Ну?—спросилъ онъ.

— Ну,—отвѣчалъ майоръ суровымъ голосомъ,—я такой же недодай, какъ и ты... Да, я сдѣлалъ мерзость... Ахъ! проклятіе,—чортъ бы тебя побралъ! Солдатамъ придется еще три мѣсяца ѣсть падалъ.

И онъ объяснилъ, что Ганьё, отвратительный Ганьё—продувная

бестія, и мало-по-малу заставилъ его войти съ нимъ въ сдѣлку: онъ общалъ не жаловаться полковнику, онъ дарилъ 2,000 франковъ, замѣнивъ фальшивыя росписки настоящими; но въ награду за это требовалъ, чтобы майоръ обезпечилъ ему поставку мяса, на будущихъ торгахъ. Условіе было заключено.

— Ну,—сказалъ Лагиттъ,—какіе же барыши получаетъ это животное, если дѣлаетъ намъ подарокъ въ 2,000 франковъ.

Капитанъ Бюрль, задыхаясь отъ волненія, схватилъ обѣ руки своего стараго друга и сжалъ ихъ изо всей мочи. Онъ едва могъ пробормотать слова благодарности. Мерзость, на которую рѣшился майоръ, чтобы спасти его, трогала его до слезъ.

— Это только для перваго раза,—бормоталъ майоръ.—Нельзя было сдѣлать иначе... Чортъ возьми! не имѣть въ карманѣ 2,000 франковъ! Этого довольно, чтобы возненавидѣть карты... Тѣмъ хуже для меня! Я не важная особа... Только слушай, не вздумай опять приняться за старое, и чортъ меня побери, если я вторично сдѣлаю то же, чтò теперь.

Капитанъ Бюрль обнялъ его. Когда онъ ушелъ, майоръ съ минутою простоялъ у двери, чтобы увѣриться, пошелъ ли тотъ спать. Потомъ, такъ какъ пробило полночь, и дождь по прежнему лилъ на заснувшій въ потемкахъ городъ, онъ медленно направился домой. Мысль о солдатахъ мучила его. Онъ останавливался, громко говорилъ дрожащимъ, полнымъ нѣжнаго сожалѣнія, голосомъ:

— Бѣдняги!—сколько падали наглотаются они за 2,000 франковъ!

III.

Въ полку всѣ пришли въ изумленіе. Бюрль порвалъ связь съ Мелани. Черезъ недѣлю это стало доказаннымъ, неопровержимымъ фактомъ: капитанъ не ступалъ въ кафе ни ногой, говорили, что аптекарь занялъ теплое мѣстечко, къ великому горю отставнаго судьи. И еще болѣе невѣроятное обстоятельство,—капитанъ Бюрль не выходилъ больше изъ дому. Онъ рѣшительно сдѣлался домохозяиномъ, всѣ вечера проводилъ передъ каминомъ, спрашивая уроки у маленькаго Эдуарда. Его мать, ни однимъ словомъ не намекнувшая ему о дѣлѣ съ Ганьё, въ присутствіи его сохраняла суровое молчаніе, сидя въ своемъ креслѣ; но ея свѣтлый взглядъ доказывалъ, что она считала его исцѣленнымъ.

Спустя двѣ недѣли, майоръ зашелъ однажды вечеромъ обѣдать къ Бюрлямъ. Онъ чувствовалъ нѣкоторую неловкость, при свиданіи

съ ними, не за себя, конечно, но за капитана, въ которомъ боялся возбудить непріятныя воспоминанія. Однако, такъ какъ капитанъ исправился, онъ хотѣлъ пожать ему руку и пообѣдать съ нимъ. Это было ему пріятно.

Бюрль сидѣлъ въ своей комнатѣ, когда пришелъ Лагиттъ. Его приняла мадамъ Бюрль. Сказавъ, что онъ будетъ у нихъ обѣдать, онъ прибавилъ, понизивъ голосъ:

— Ну?

— Все благополучно,—отвѣчала старуха.

— Никакого обмана?

— Рѣшительно никакого... Ложится спать въ 9 часовъ, ни разу не уходилъ, и съ виду вполне счастливъ.

— А, чортъ возьми! это мило!—воскликнулъ майоръ —Я зналъ, что ему необходимо задать хорошую встряску. Онъ еще не совсѣмъ превратился въ деревяшку, животное!

Когда явился Бюрль, онъ пожалъ ему руку изо всей мочи. И вотъ, сидя передъ каминомъ, прежде чѣмъ садиться за столъ, они завели приличную бесѣду, прославляли прелести домашнего очага. Капитанъ объявилъ, что ему хорошо только дома; что когда онъ сниметъ свои подтяжки, надѣнетъ туфли и развалится въ своемъ креслѣ — то не помѣняется участію съ самимъ королемъ. Майоръ поддакивалъ, наблюдая за нимъ. Хорошее поведеніе не заставило его похудѣть,—онъ растолстѣлъ еще больше, глаза заплыли жиромъ, губы по прежнему оставались мясистыми. Онъ полудремалъ, застывъ въ своемъ жиру, и повторялъ:

— Семейная жизнь, — лучше ничего не можетъ быть... Ахъ, семейная жизнь!

— Это все прекрасно,—сказалъ майоръ, обезпокоенный нѣсколько его чрезмѣрною тучностью, но не нужно ни въ чемъ крайности... Дѣлай иногда моціонъ, посѣщай по временамъ кафе.

— Кафе! Зачѣмъ?... Здѣсь у меня все есть, чтó для меня нужно. Нѣтъ, нѣтъ, я буду сидѣть дома.

Эдуардъ прибиралъ свои тетради и книги, и Лагиттъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ служанку, которая вошла накрыть на столъ.

— Ба! вы завели прислугу, сказалъ онъ, обращаясь къ мадамъ Бюрль.

— Нельзя было иначе,—отвѣчала она со вздохомъ.—Мои ноги отказываются служить, все хозяйство было запущено... Къ счастью, дядя Каброль предложилъ мнѣ свою дочь. Вы знаете Каброля—старикъ, который подметаетъ рынокъ?... Онъ не зналъ, чтó ему дѣлать съ Розой. Я учу ее стряпать.

Служанка вышла изъ комнаты.

— Сколько же ей лѣтъ?—спросилъ майоръ.

— Нѣтъ еще семнадцати. Она глупа, грязна. Но я плачу ей только десять франковъ въ мѣсяцъ, и она ѣстъ только одинъ супъ.

Когда Роза возвратилась съ кучей тарелокъ, Лагиттъ, который мало интересовался дѣвушками, слѣдилъ за ней взглядомъ, удивленный ея безобразіемъ. Она была маленькаго роста, очень смуглая, слегка горбатая, съ лицомъ обезьяны, съ приплюснутымъ носомъ, огромнымъ ртомъ, острыми зеленоватыми глазками. Широкія плечи и длинныя руки показывали большую силу.

— Боги! какое рыло!—сказалъ майоръ, разсмѣявшись, когда служанка вышла за солью и перцемъ.

— Ба!—небрежно пробормоталъ Бюрль,—она очень услужлива, дѣлаетъ все, что угодно, и во всякомъ случаѣ годна на то, чтобы мыть посуду.

Обѣдъ удался какъ нельзя лучше. Былъ супъ съ капустой и рагу изъ баранины. Эдуарда заставили рассказывать о коллежѣ. Мадамъ Бюрль, желая показать, какъ онъ милъ, нѣсколько разъ предлагала ему свой любимый вопросъ: „не правда ли, ты хочешь, быть военнымъ?“, и слабая улыбка мелькала на ея блѣдныхъ губахъ, когда ребенокъ съ боязливой покорностью ученой собаки, отвѣчалъ: „да, бабушка“. Капитанъ Бюрль положилъ локти на столъ, и медленно, сосредоточенно пережевывалъ пищу. Было очень жарко; единственная лампа, стоявшая на столѣ, не освѣщала всей комнаты и по угламъ царилъ мракъ. Хозяева и гости были счастливы счастіемъ бѣдныхъ людей, которые не могутъ мѣнять тарелокъ для каждаго блюда, и которыхъ пирожное, поданное въ концѣ обѣда, приводитъ въ несказанный восторгъ.

Роза, тяжелые каблуки которой заставляли трястись столъ, когда она прислуживала обѣдающимъ, не произнесла еще ни слова. Она подошла къ капитану и спросила его хриплымъ голосомъ:

— Угодно вамъ сыру, сударь?

— А? что?—сказалъ Бюрль, вздрогнувъ.—Ахъ, да, сыру... Давай тарелку.

Онъ отрѣзалъ кусокъ швейцарскаго сыра, между тѣмъ какъ Роза смотрѣла на него своими острыми глазами. Лагиттъ смѣялся. Съ самаго начала обѣда, Роза сильно забавляла его. Онъ вполголоса шепталъ капитану:

— Нѣтъ, знаешь ли, я нахожу ее комичной! Такого носа и рта нигдѣ не увидишь. Пошли ее когда-нибудь къ полковнику — ради забавы. Пусть посмѣется.

Ея безобразіе просто восхищало его. Онъ позвалъ ее.

— Дай же и мнѣ сыру, моя милая.

Она подошла къ нему съ тарелкой; онъ началъ рѣзать сыръ, но остановился, глядя на нее и смѣясь отъ всей души; его очень забавляло, что одна ноздря у ней была шире другой. Роза, совершенно серьезная, дожидалась, пока онъ кончитъ смѣяться.

Она убрала со стола и исчезла. Бюрль тотчасъ же заснулъ передъ каминомъ, между тѣмъ какъ майоръ и мадамъ Бюрль бесѣдовали вполголоса. Эдуардъ снова принялся за свои уроки. Воцарилась тишина — тишина, присущая буржуазнымъ семьямъ, собирающимся побесѣдовать у камина. Въ девять часовъ Бюрль проснулся, зѣвая и объявилъ, что пойдетъ спать; онъ извинялся, но глаза его слипались. Когда, черезъ полчаса, майоръ собрался уходить, мадамъ Бюрль тщетно искала Розу, чтобы посвѣтить ему; должно быть, она уже поднялась къ себѣ наверхъ, — настоящая курица, храпитъ по двѣнадцати часовъ сряду.

— Не будите никого, сказалъ Лагиттъ, отворивъ дверь. — Мои ноги не лучше вашихъ, но, держась за перила, я авось останусь цѣль... Ахъ! я очень счастливъ. Ваши печали кончились. Я наблюдалъ за Бюрлемъ и готовъ поклясться, что онъ не выкинетъ никакой штуки. Чортъ возьми! пора было ему отвязаться отъ юбокъ. Дѣло принимало скверный оборотъ.

Майоръ уходилъ успокоенный. Хозяева — славный народъ; да и стѣны, точно стеклянныя, никакой мерзости нельзя скрыть.

Больше всего его радовало, въ сущности, отсутствіе необходимости провѣрять счета капитана. Разъ Бюрль сдѣлался хорошимъ семьяниномъ, онъ могъ подъ ними подписываться съ закрытыми глазами. Однако, онъ постоянно слѣдилъ за нимъ. Росписки были въ порядкѣ, итоги подведены вѣрно; никакой неправильности. Черезъ мѣсяцъ майоръ только перелистывалъ бумаги, и свѣрялъ итоги, какъ это онъ всегда дѣлалъ раньше. Но однажды утромъ, безъ всякаго недовѣрія — просто потому, что закуривалъ въ это время трубку, онъ пробѣжалъ глазами одно сложеніе, и нашелъ ошибку въ тридцать франковъ; въ итогѣ было прибавлено 30 франковъ, чтобы уравновѣсить счета; притомъ, ошибки въ слагаемыхъ числахъ не могло быть, такъ какъ онъ свѣрилъ ихъ съ роспиской. Это показалось ему подозрительнымъ; онъ ничего не сказалъ Бюрлю, но сталъ провѣрять всѣ счета. На слѣдующей недѣлѣ — новая ошибка въ 19 франковъ. Тогда имъ снова овладѣло безпокойство; онъ рѣшился все пересмотрѣть, провѣрить, потѣя, ругаясь, съ головой, трещающей отъ цифръ. И въ каждомъ сложеніи онъ открылъ воровство въ нѣсколько франковъ; цифры были самыя жалкія, ничтожныя — десять, девять, одиннадцать франковъ, въ первыхъ счетахъ они доходили до четырехъ, трехъ франковъ; а въ одномъ случаѣ Бюрль ограничился даже по-

лутора франками. Около двухъ мѣсяцевъ капитанъ такимъ образомъ обворовывалъ кассу. Свѣривши счеты, майоръ увидѣлъ, что полученный имъ урокъ уgomонилъ его только на недѣлю. Это открытіе окончательно взбѣсило его.

— Тысяча чертей!—ревѣлъ онъ наединѣ самъ съ собою, стуча кулакомъ по бумагамъ:—это еще грязнѣе! Фальшивыя росписки Ганье—это по крайней мѣрѣ смѣло... А тутъ онъ унижается, точно кухарка, которая крадетъ два су... Подчищать счеты! стянуть полтора франка! Чортъ возьми!.. Да имѣй же хоть сколько-нибудь гордости, негодай! Стащи всю кассу разомъ и прокучивай ее съ своими бабами!

Это жалкое, позорное воровство приводило его въ негодованіе; въ то же время онъ бѣсился—на то, что былъ вторично обманутъ такимъ глупымъ и простымъ способомъ. Онъ всталъ, и два часа шагаль по комнатѣ внѣ себя, не зная что дѣлать, ругаясь во все горло.

— Рѣшительно, это пропащій человѣкъ! Надо дѣйствовать... Если я стану ревизовать его каждое утро, это не помѣшаетъ ему каждый вечеръ класть въ карманъ два—три франка... Но, громъ и молнія, куда онъ ихъ дѣваетъ? Не выходитъ больше изъ дому, ложится спать въ девять часовъ—все у нихъ идетъ такъ прилично, мило! Неужто эта каналья имѣетъ еще пороки, которыхъ никто не подозрѣваетъ.

Онъ подошелъ къ столу, сложилъ всѣ недостающія суммы, оказалось—545 франковъ. Откуда достать эти деньги? ревизія была близко; вздумай только полковникъ повѣрить хоть одно сложеніе, и весь обманъ открытъ. На этотъ разъ Бюрль пропалъ!

Это убѣжденіе успокоило майора. Онъ пересталъ ругаться, онъ сидѣлъ неподвижно, представляя себѣ отчаяніе мадамъ Бюрль. Въ то же время ему было такъ горько при мысли о самомъ себѣ, что его сердце, казалось, готово было разорваться. Онъ повторялъ, что только друзья могутъ такъ отравлять вашу жизнь.

— Хорошо,—бормоталъ онъ,—слѣдуетъ прежде всего разузнать въ чемъ дѣло. Затѣмъ, всегда будетъ время дѣйствовать.

Онъ отправился въ контору Бюрля. Явившись туда, онъ замѣтилъ чью-то юбку, мелькнувшую въ дверяхъ. Надѣясь выслѣдить добычу по горячему слѣду, онъ проскользнулъ за ней и прислушался. Это была Мелани; онъ узналъ ея томный, жирный голосъ. Она жаловалась на посѣтителей Дивана, говорила о двухстахъ франкахъ, которыхъ не можетъ достать; къ ней уже приходили пристава, все описано и будетъ продано съ молотка. И такъ какъ капитанъ отнѣкивался, говоря, что у него нѣтъ ни одного су въ карманѣ, она за-

лилась слезами. Она говорила ему „ты“, называла его „милашкой“, и майору показалось даже, что она встала со стула, чтобы сѣсть на колѣни къ Бюрлю. Но она тщетно истощала всѣ средства, и соблазны, должно быть, не имѣли успѣха, потому что глухой голосъ капитана постоянно повторялъ: „невозможно! невозможно!“ Часъ спустя, Мелани ушла взбѣшенная. Удивленный такимъ оборотомъ дѣла, майоръ подождалъ съ минуту и вошелъ къ капитану. Онъ нашелъ его вполне спокойнымъ, и, несмотря на страстное желаніе обругать его на всѣ корки, удержался, рѣшившись прежде всего узнать истину.

Контора ничѣмъ не напоминала о мошенничествѣ. Передъ столомъ, на креслѣ капитана лежалъ почтенный кожаный кружокъ; въ углу касса была крѣпко заперта, ничего подозрительнаго. Наступала весна, съ улицы доносилось пѣніе чижей. Все было въ порядкѣ, папки издавали запахъ старой бумаги, внушавшій довѣріе.

— Это, кажется, Мелани вышла отсюда?—спросилъ Лагиттъ.

Бюрль пожалъ плечами и пробормоталъ:

— Да... Она опять надоѣдала мнѣ, все просить ссудить ей 200 франковъ... Не будетъ ей отъ меня ни гроша!

— Будто?—возразилъ майоръ, чтобы испытать его:—мнѣ говорили, что ты опять сошелся съ ней.

— Я!.. Ну, нѣтъ! слуга покорный! Я радъ, что отдѣлался отъ всѣхъ этихъ гадинъ.

Лагиттъ ушелъ, совершенно сбитый съ толку. Куда же онъ дѣвалъ эти 545 франковъ? Уже не принялся ли этотъ разбойникъ за вино и карты, бросивъ женщину? Онъ рѣшился зайти вечеромъ къ Бюрлю, захватить его въ-расплохъ; можетъ быть, расспрашивая его и его мать, удастся добиться истины. Но къ вечеру нога его жестоко разболѣлась; съ нѣкотораго времени она положительно отказывалась служить, такъ что майоръ долженъ былъ ходить, опираясь на палку, чтобы не слишкомъ замѣтна была хромота. Эта палка приводила его въ отчаяніе; приходилось записаться въ инвалиды, какъ онъ выражался сердито и жалобно въ одно и то же время. Однако, вечеромъ онъ заставилъ себя подняться съ кресла, и, опираясь на палку, среди темной ночи побрелъ въ улицу Реколле. Было девять часовъ, когда онъ пришелъ туда. Дверь на улицу была полуотворена; онъ остановился перевести духъ на площадѣ третьяго этажа, какъ вдругъ говоръ въ верхнемъ этажѣ поразилъ его слухъ. Любопытство заставило его подняться по лѣстницѣ. Въ глубинѣ корридора, на-лѣво, онъ замѣтилъ полосу свѣта, выходившую изъ плохо притворенной двери; но тутъ его сапоги закрипѣли, дверь затворилась; и онъ остался въ темотѣ.

„Что я за дурак!“ подумаль онъ.— „Какая-нибудь кухарка ложится спать—вотъ и все“.

Однако, какъ можно тише подошелъ къ двери и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ. Два голоса разговаривали между собой. Онъ остолбенѣлъ. То были „каналья“ Бюрль и дурнушка Роза.

— Ты обѣщаль мнѣ три франка,—сердито говорила служанка.— Давай три франка.

— Милая моя, я принесу ихъ тебѣ завтра,—возразилъ капитанъ умоляющимъ голосомъ.— Сегодня я не могъ... Ты знаешь, что я всегда исполняю свои обѣщанія.

Капитанъ, стоя, топтался на одномъ мѣстѣ. Онъ подошелъ къ ней.

— Полно! не упрямься...

— Отстанешь ли ты отъ меня!—закричала Роза злымъ голосомъ.— Я закричу, я все расскажу старухѣ... Принеси три франка.

Она уперлась на этихъ трехъ франкахъ, какъ какое-то упрямое животное. Бюрль сердился; потомъ, думая смягчить ее, вытащилъ изъ кармана горшочекъ съ вареньемъ, добытый имъ въ шкапу у матери. Роза взяла и тотчасъ же принялась опустошать его, безъ хлѣба, рукояткой вилки, которая валялась въ ея комнатѣ. Варенье было очень вкусно. Но когда капитанъ готовъ былъ уже думать, что она смягчилась,—она оттолкнула его съ прежнимъ упорствомъ.

— Не видала я твоего варенья!.. Мнѣ нужно три франка!

При этомъ послѣднемъ требованіи майоръ поднялъ палку—ему хотѣлось высадить двери. Онъ задыхался. Чортъ возьми! вотъ проклятая! И подумать, что съ такой тварью связался капитанъ французской арміи! Онъ забывалъ о подлости Бюрля, онъ готовъ былъ задушить эту дрянъ за ея требованія. Но онъ удержался, чтобы слушать дальше.

— Ты обижаешь меня,—повторялъ капитанъ, — меня, который всегда былъ такъ добръ къ тебѣ... Я подарилъ тебѣ платье, потомъ серьги, потомъ маленькіе часы... Ты даже не носишь моихъ подарковъ.

— Еще бы! чтобы испортить ихъ!.. Папá прячетъ мои вещи.

— А деньги, которые я тебѣ передаваль.

— Папá отдаетъ ихъ на проценты.

Наступило молчаніе. Роза обдумывала.

— Слушай, если ты поклянешься принести мнѣ 6 франковъ завтра вечеромъ... Становись на колѣни и клянись, что принесешь шесть франковъ... Нѣтъ, нѣтъ, на колѣни.

Майоръ, шатаясь, отошелъ отъ двери и остановился на площадкѣ, прислонившись къ стѣнѣ. Ноги его подкашивались, онъ размахивалъ въ темнотѣ палкой, точно саблей. Ахъ, чортъ возьми! онъ понималъ

теперь, почему Брюль не выходитъ больше изъ дома и ложится спать въ девять часовъ. Славное превращеніе, нечего сказать!

— Но, чортъ возьми!—произнесъ майоръ вслухъ, — отчего онъ бросилъ Мелани?—Онъ старался что-нибудь придумать. Что дѣлать? Войти къ нимъ, и обоихъ угостить палкой? это была его первая мысль — потомъ онъ вспомнилъ о бѣдной старухѣ, внизу. Ба! самое лучшее оставить ихъ въ покоѣ. Отъ капитана больше нечего ожидать. Когда человѣкъ упалъ до такой степени, его остается только зарыть въ землю, какъ падалъ, которая заражаетъ окрестность; если его опять спасти, скрывши его воровство, онъ завтра же примется за старое, онъ начнетъ наконецъ воровать копѣйки и покупать ячменный сахаръ для какой-нибудь нищенки. Чортъ возьми! деньги французской арміи! честь знамени! имя Брюля, это почтенное имя, которое теперь топчется въ грязь! Чортъ возьми! это не можетъ такъ кончиться!

На минуту майоръ смягчился. Если бы еще у него были эти 545 франковъ;—но у него не было ни гроша! Вчера, получивъ пенсію, и наливавшись коньяку, какъ сапожникъ, онъ проигрался въ пухъ и прахъ—и теперь по-дѣломъ едва волочить ноги. Онъ нерѣшительно спустился по лѣстницѣ и позвонилъ къ мадамъ Бюрль. Прошло пять добрыхъ минутъ; наконецъ, сама старуха отворила ему.

— Извините,—сказала она, Я думала, что это соня Роза еще не ложилась... Надо пойти растолкать ее.

Майоръ остановилъ ее.

— А Бюрль?—спросилъ онъ.

— О! храпитъ съ 9 часовъ... Вы бы постучались къ нему.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я только зашелъ пожелать вамъ спокойной ночи.

Въ столовой, Эдуардъ на своемъ обычномъ мѣстѣ только-что доучилъ уроки, и былъ страшно испуганъ; его худыя, блѣдныя руки дрожали. На сонъ грядущій бабушка читала ему рассказы о битвахъ, чтобы развить въ немъ семейное мужество. Въ этотъ вечеръ ребенокъ испытывалъ сильное нервное потрясеніе, слушая исторію „Мстителя“, корабля, наполненного умирающими и поглощенного моремъ.

Мадамъ Бюрль попросила у майора позволенія окончить чтеніе. Потомъ, когда послѣдній матросъ крикнулъ: „да здравствуетъ республика!“—она торжественно закрыла книгу. Эдуардъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

— Ты слышалъ?—сказала старуха:—обязанность каждого французскаго солдата—умереть за отечество.

— Да, бабушка.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и, дрожа отъ страха, пошелъ въ свою большую комнату, гдѣ малѣйшій трескъ панелей приводилъ его въ трепетъ.

Майоръ слушалъ съ важнымъ видомъ. Да, чортъ возьми, честь всегда останется честью, и онъ ни за что не позволитъ этому животному Бюрлю обезчестить бѣдную старуху и этого мальчугана. Если шалунъ такъ любитъ военное дѣло, онъ не долженъ краснѣть, поступая въ Сенъ-Сирскую школу. Однако, онъ еще колебался, когда мадамъ Бюрль взяла лампу, чтобы проводить его. Проходя мимо комнаты капитана, она съ удивленіемъ увидѣла въ двери ключъ, чего никогда не случалось прежде.

— Войдите же въ нему, — сказала она майору. — Для него вредно такъ много спать.

И прежде чѣмъ онъ могъ помѣшать ей, отворила дверь и остолбенѣла, увидѣвъ, что комната пуста. Лагиттъ побагровѣлъ и такъ растерялся, что она сразу поняла въ чемъ дѣло, припомнивъ тысячи мелкихъ фактовъ.

— Вы это знали, вы это знали, — пробормотала она. — Отчего же вы не предупредили меня?.. Боже мой! У меня въ домѣ, рядомъ съ комнатою сына! И навѣрное опять укралъ, я чувствую это!

Она стояла, точно окаменѣвъ, блѣдная, какъ полотно. Потомъ прибавила зловѣщимъ голосомъ:

— Слушайте: я согласилась бы видѣть лучше его мертвымъ!

Лагиттъ схватилъ ея руки, крѣпко пожалъ ихъ, и ушелъ — ему сдавило горло, онъ боялся заплакать. Ахъ, чортъ возьми! теперь онъ рѣшилъ, какъ ему поступить.

IV.

Общая ревизія ожидалась въ концѣ этого мѣсяца. Майоръ имѣлъ передъ собою еще 10 дней. На слѣдующій день, онъ, хромя, поплелся въ Café de Paris, и потребовалъ кружку пива. Мелани поблѣднѣла, Фрозина боязливо принесла пиво, опасаясь получить пощечину. Но майоръ, казалось, былъ очень спокоенъ; приказалъ принести стулъ, вытянулъ на него ногу, потомъ спокойно выпилъ пиво; просидѣвъ въ кафе около часа, онъ замѣтилъ на площади двухъ офицеровъ, батальоннаго командира Морандо и капитана Дусе. Онъ помахалъ имъ палкой, приглашая войти.

— Зайдите же, выпить пива! — крикнулъ онъ имъ, когда они приблизились.

Офицеры не осмѣлились отказаться. Когда служанка подала имъ пиво, Морандо спросилъ у майора.

— Такъ вы теперь ходите сюда?

— Да, здѣсь очень хорошее пиво.

Глаза капитана Дусѣ лукаво заискрились.

— Ужь не посящаете ли вы Диванъ, майоръ?

Лагиттъ засмѣялся, вмѣсто отвѣта. Тогда они начали подшучивать, намекая на Мелани. Онъ добродушно пожималъ плечами. Это, во всякомъ случаѣ, славная баба, и тѣ, которые дѣлають видъ, что плюють на нее, рады были бы сойтись съ ней.

Потомъ обернувшись къ выручкѣ, онъ сказалъ, стараясь соорудить любезную мину:

— Мадамъ, еще пива!

Мелани была такъ удивлена, что сама принесла кружку. Когда она подошла къ столу, майоръ удержалъ ее и сдѣлалъ умильное лицо; онъ даже до того расхотѣлся, что слегка потрепалъ ее по рукѣ, которую она положила на спинку стула. Тогда и она, привыкшая и къ тумакамъ, и къ ласкамъ, приняла любезный видъ, думая, что этому развалившемуся старикашкѣ, какъ она называла его въ разговорахъ съ Фрозиной, забрела въ голову какая-нибудь дичь.

Дусѣ и Морандо смотрѣли другъ на друга. Какъ! этотъ проклятый майоръ занялъ мѣсто того юбочника! Ахъ! канальство! вотъ будетъ смѣха въ полку!

Вдругъ Лагиттъ, наблюдавшій за площадью въ раскрытую дверь, воскликнулъ:

— Эй! Бюрль!

— Да, онъ всегда выходитъ въ это время,—сказала Фрозина, которая тоже подошла къ нимъ.—Капитанъ проходитъ здѣсь каждый день подъ вечеръ, возвращаясь изъ конторы.

Майоръ вскочилъ, не смотря на свою больную ногу, оттолкнулъ стулъ, и закричалъ:

— Эй, Бюрль... Иди же! Выпей съ нами пива!

Смущенный капитанъ машинально подошелъ, не понимая, какимъ образомъ Лагиттъ могъ очутиться у Мелани вмѣстѣ съ Дусѣ и Морандо. Это совершенно сбило его съ толку. Онъ остановился на порогѣ, еще не рѣшаясь войти.

— Еще кружку!—скомандовалъ майоръ.

Потомъ, обратившись къ Бюрлю, продолжалъ:

— Что-жъ ты?.. Входи же, и садись. Не бойся—тебя не съѣдятъ.

Когда капитанъ усѣлся, всѣмъ стало неловко. Мелани принесла пиво; руки ея слегка дрожали; она боялась, какъ бы не случилось исторіи, изъ-за которой закроютъ ея заведеніе.

Теперь ее беспокоила любезность майора; она попыталась уйти, когда майоръ пригласилъ ее выпить что-нибудь съ этими господами. Но онъ распоряжался здѣсь какъ дома, приказалъ Фрозинѣ принести

стаканчикъ полынной водки, и Мелани принуждена была сѣсть между нимъ и капитаномъ. Онъ повторялъ:

— Я хочу, требую уваженія къ дамамъ... Будемъ рыцарями, чортъ возьми! Здоровье нашей мадамъ!

Бюрль, уставивъ глаза въ кружку, насильственно улыбался. Оба офицера, шокированные такимъ тостомъ, уже два раза пытались уйти. Но майоръ удерживалъ ихъ—съ проклятіями. Къ счастью, зала была пуста. Только мелкіе рантье, за своимъ столомъ, доигрывали свою обычную послѣобѣденную партію, оборачиваясь при каждомъ ругательствѣ, скандализированные такимъ шумнымъ обществомъ и готовясь пригрозить Мелани, сказавъ ей, что они перейдутъ въ Café de la Gare, если военщина водворится въ ея заведеніи. Цѣлая туча мухъ жужжала надъ грязными столами, которые Фрозина мыла только по субботамъ. Спрятавшись за выручкой, служанка опять принялась за свой романъ.

— Что-жъ ты не чокаешься съ мадамъ Мелани? сердито сказалъ майоръ Бюрлю.—Будь по крайней мѣрѣ вѣжливы.

И такъ какъ Дусѣ и Морандо опять хотѣли уйти, онъ закричалъ:

— Подождите же, чортъ возьми! мы пойдемъ вмѣстѣ... Это животное не умѣетъ вести себя, какъ слѣдуетъ.

Оба офицера остановились, удивленные внезапнымъ гнѣвомъ майора. Мелани собиралась умиротворить гостей по-своему и положила обѣ руки на руки обоихъ мужчинъ, съ заигрывающей улыбкой.

Но Лагиттъ сказалъ:

— Нѣтъ, оставьте меня... Зачѣмъ онъ не чокнулся со мною? Я не позволю оскорблять васъ... Наконецъ, онъ мнѣ надоѣлъ, это животное!

Бюрль поблѣднѣлъ при такомъ оскорбленіи, всталъ и сказалъ,—обращаясь къ Морандо:

— Что съ нимъ такое? онъ позвалъ меня, чтобы поссориться... Пьянъ онъ, что ли?

— Тысяча чертей!—заревѣлъ майоръ.

И въ свою очередь поднявшись съ мѣста, закатилъ здоровую пощечину капитану. Мелани едва успѣла отвернуться, чтобы и ей не досталось. Поднялся страшный шумъ. Фрозина вопила за прилавкомъ такъ, какъ если бы ее били. Мелкіе рантье забились за столъ, ожидая, что вотъ эти солдаты вытащатъ свои сабли и заколютъ другъ друга. Тѣмъ временемъ Дусѣ и Морандо держали капитана за руки, чтобы помѣшать ему схватить за горло майора и потихонько толкали его къ двери. Выйдя за двери, они немножко успокоили его, объявивъ, что Лагиттъ кругомъ виноватъ.

Полковникъ будетъ судьей въ ихъ дѣлѣ, потому что они сегодня же вечеромъ перескажутъ ему все, въ качествѣ свидѣтелей. Когда имъ удалось спровадить Бюрля, они вернулись въ кафе, гдѣ Лагиттъ, ужасно взволнованный, чуть не плачущій, прикидываясь спокойнымъ, допивалъ пиво.

— Послушайте, майоръ,—сказалъ батальонный командиръ,—вѣдь это нехорошо съ вашей стороны... Капитанъ ниже васъ по чину и ему не разрѣшатъ драться съ вами.

— О! увидимъ,—отвѣчалъ майоръ.

— Но что же онъ вамъ сдѣлалъ? Онъ даже не говорилъ съ вами... Два старыхъ товарища... какъ это нелѣпо!

Майоръ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою.

— Тѣмъ хуже! онъ мнѣ надоѣлъ.

И кромѣ этого отъ него ничего нельзя было добиться. Надоѣлъ, да и все тутъ. Скандалъ однако вышелъ колоссальный. Общее мнѣніе въ сущности было таково, что Мелани, разъяренная тѣмъ, что капитанъ ее бросилъ, заставила майора, попавшагося ей въ лапы, прибить того. Кто бы ожидалъ этого отъ этой старой образины Лагитта послѣ всѣхъ гадостей, которыя онъ говорилъ о женщинахъ? Въ свою очередь, онъ попался; и, несмотря на всеобщее негодованіе, эта исторія превратила Мелани въ героиню; она стала внушать страхъ, вмѣстѣ съ любопытствомъ, а заведеніе ея стало процвѣтать.

На другой день полковникъ призвалъ къ себѣ майора и капитана. Онъ строго распекъ ихъ, упрекая въ томъ, что они безчестятъ армію, таскаясь по вертепамъ. Чтò они будутъ дѣлать теперь, такъ какъ имъ нельзя разрѣшить дуэли? Со вчерашняго дня этотъ вопросъ занималъ весь полкъ.

Извиненій со стороны Лагитта, повидимому, нельзя было допустить, благодаря пощечинѣ, однако такъ какъ Лагиттъ еле двигался на своихъ разбитыхъ ногахъ, то полагали, что примиреніе совершится, если полковникъ того потребуетъ.

— Послушайте,—говорилъ полковникъ,—берете ли вы меня въ третейскіе судьи?

— Извините, полковникъ,—перебилъ майоръ,—я принесъ вамъ просьбу объ отставкѣ... Вотъ она. Это все улаживаетъ. Потрудитесь назначить день поединка.

Бюрль поглядѣлъ на него съ удивленіемъ. Съ своей стороны полковникъ нашелъ нужнымъ сдѣлать ему нѣсколько замѣчаній.

— Вы предпринимаете весьма рѣшительный шагъ, мой милый Лагиттъ... Вамъ осталось всего только два года до полной выслуги...

Но снова майоръ перебилъ его, говоря сердито:

— Это мое дѣло.

— О! разумѣется... Ну что-жъ, я отошлю ваше прошеніе объ отставкѣ, и какъ только оно будетъ принято, назначу день поединка.

Подобная развязка озадачила полкѣ. Какая муха укусила майора, что ему не терпится подрататься съ старымъ товарищемъ Бюрлемъ? И опять пошли толки про Мелани и ея очарованія; всѣ офицеры теперь бредили ею, предполагая, что она, должно быть, въ самомъ дѣлѣ обворожительна, если могла вскружить голову такому старому кремню. Батальонный командиръ, Морандо, встрѣтившись съ Лагиттомъ, не скрылъ отъ него своихъ опасеній. Если онъ не будетъ убитъ, чѣмъ онъ станетъ жить? вѣдь у него не было состоянія, а половинной пенсіи ему едва ли хватить на кусокъ хлѣба. Въ то время, какъ Морандо говорилъ, Лагиттъ вращая глазами, глядѣлъ въ пространство съ упорствомъ ограниченного человѣка. Потомъ, когда тотъ сталъ разспрашивать его о причинахъ его ненависти къ Бюрлю, онъ повторилъ свою фразу, сопровождая ее все тѣмъ же неопредѣленнымъ жестомъ:

— Тѣмъ хуже! онъ мнѣ надоѣлъ!

Каждое утро въ казармахъ солдаты и офицеры повторяли одинъ и тотъ же вопросъ:—Ну что, отставка принята?

Дуэли ждали съ большимъ любопытствомъ и со страстью обсуждали ея вѣроятный исходъ. Большинство полагало, что Лагиттъ будетъ заколотъ, какъ цыпленокъ, потому что нельзя драться въ его годы, съ ногой почти парализованной, которая не дастъ ему даже хорошенько защититься. Иные однако качали головой. Конечно, Лагиттъ никогда не блисталъ умомъ, онъ извѣстенъ даже своей тупостью; но когда-то онъ былъ первымъ рубакой полка и, начавъ службу рядовымъ, дослужился до чина эскадроннаго командира, благодаря только храбрости своего сангвинического темперамента, не сознававшего опасности. Напротивъ того, Бюрль слылъ за труса и плохо владѣлъ оружіемъ. Ну, да посмотримъ! И волненіе росло, потому что отставка все не приходила.

Всѣхъ безпокойнѣе и взволнованнѣе былъ, конечно, самъ майоръ Лагиттъ. Восемь дней прошло; общая ревизія начиналась завтра. Объ отставкѣ ни слуху, ни духу. Онъ боялся, что прибилъ стараго друга, подалъ въ отставку безъ толку, не устранивъ этимъ скандала ни на секунду! Если онъ будетъ убитъ, то не увидитъ ничего этого; а если онъ убьетъ Бюрля, какъ онъ на это рассчитывалъ, то дѣло будетъ затушено, честь арміи спасена и мальчугану можно будетъ поступить въ Сенъ-Сирское училище. Но, тысячу чертей! очень нужно было этимъ чернильнымъ душамъ въ министерствѣ торопиться! Майору не сидѣлось на мѣстѣ; онъ бродилъ передъ почтамъ

томъ, сторожилъ почтальоновъ, ходилъ за справками къ полковнику, чтобы узнать, не получена ли отставка? Онъ лишился сна и пересталъ стыдиться своей хромоты и, изо-всей мочи опираясь на палку,ковылялъ безъ зазрѣнія совѣсти.

Наканунѣ общей ревизіи онъ шелъ къ полковнику, чтобы узнать: не пришла ли отставка, какъ вдругъ остановился въ смущеніи; въ нѣсколькихъ шагахъ онъ увидѣлъ m-me Бюрль, которая вела Эдуарда въ коллежъ. Она его еще не видѣла послѣ исторіи и не дѣлала никакихъ шаговъ съ своей стороны. Очень взволнованный, онъ посторонился, чтобы пропустить ее. Ни тотъ, ни другая не поклонились другъ другу, и это заставило мальчугана удивленно вытаращить глаза. М-me Бюрль, выправившись во весь свой высокій ростъ, съ холоднымъ и строгимъ видомъ задѣла платьемъ майора, не дрогнувъ. А онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ съ умиленіемъ.

— Тысяча чертей! я, должно быть, не мужчина!—проворчалъ онъ, глотая слезы.

Когда онъ входилъ къ полковнику, одинъ капитанъ, понавшійся ему на встрѣчу, объявилъ:

— Ну, дѣло въ шляпѣ! бумага только-что получена.

— А!—пробормоталъ онъ, поблѣднѣвъ какъ смерть. И ему снова представилась старуха, ведущая ребенка за руку. Подумать, что онъ такъ страстно желалъ прихода этой бумаги—и вотъ теперь она мучила ему душу!

Поединокъ произошелъ на другой день поутру, на дворѣ казармы, позади небольшой стѣны. Воздухъ былъ свѣжъ, и свѣтило ясное солнце. Лагитта пришлось почти снести на рукахъ на мѣсто поединка. Одинъ изъ свидѣтелей велъ его подъ руку, а другою онъ опирался съ трудомъ на палку.

Бюрль съ опухшимъ, одутловатымъ лицомъ, казалось, спалъ стоя, точно онъ всю ночь передъ тѣмъ кутилъ. Ни одного слова не было сказано. Всѣ спѣшили поскорѣе кончить.

Капитанъ Дусе, одинъ изъ свидѣтелей, смѣрялъ шпаги и, подавъ ихъ, отступилъ, говоря:

— Начинайте, господа.

Бюрль тотчасъ же напалъ, желая испытать Лагитта, чтобы знать, чего ему слѣдуетъ отъ него ждать: вся эта исторія казалась ему какимъ-то непонятнымъ кошмаромъ. Правда, порою зарождалось въ немъ подозрѣніе, но онъ съ трепетомъ гналъ его, потому что смерть глядѣла ему при этомъ въ лицо, а онъ не могъ повѣрить, чтобы другъ сыгралъ съ нимъ такую штуку, чтобы уладить дѣло. Къ тому же, нога Лагитта нѣсколько успокоивала его. Онъ слегка ранилъ его въ плечо или руку, и этимъ все дѣло кончится.

Въ продолженіи двухъ минутъ шпаги скрещивались съ легкимъ стукомъ стали. Потомъ капитанъ, отбивъ ударъ, напалъ въ свою очередь.

Но къ майору возвратилась его бывлая ловкость, и онъ отбилъ ударъ такимъ контръ-ударомъ, что если бы захотѣлъ, то капитанъ былъ бы проколотъ насквозь. Тотъ поспѣшилъ стать въ оборонительное положеніе, поблѣднѣвъ, какъ смерть, и сознавая, что онъ въ рукахъ у этого человѣка, пощадившаго его на этотъ разъ. Онъ понялъ, наконецъ, что тотъ его дѣйствительно собирается казнить.

Тѣмъ временемъ Лагиттъ, крѣпко стоя на своихъ больныхъ ногахъ, которыя вдругъ точно окаменѣли, ждалъ. Пронеслось нѣсколько смертельно-тревожныхъ секундъ. Оба противника глядѣли другъ на друга. Въ мутныхъ глазахъ Бюрля мелькнула какъ-бы мольба о пощадѣ; онъ зналъ, за чтó долженъ умереть, и какъ ребенокъ общалъ, что больше не будетъ. Но взглядъ майора былъ непреклоненъ: такъ нужно!—и онъ душилъ въ себѣ состраданіе, не слушалъ своего добраго сердца.

— Кончимъ!—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

На этотъ разъ онъ напалъ. Точно молнія сверкнула въ воздухѣ. Шпага его разсѣкла воздухъ съ-права на-лѣво, повернулась—и затѣмъ прямымъ и страшнымъ ударомъ вонзилась въ грудь капитана, который рухнулъ какъ пласть, даже не пикнувъ.

Лагиттъ вытащилъ шпагу и машинально воткнулъ ее въ землю, чтобы вытереть лезвее, не спуская все время глазъ съ своего бѣднаго негоднаго Бюрля, лежавшаго на спинѣ, лицомъ вверхъ. Онъ повторялъ, задыхаясь отъ волненія:

— Тысяча чертей! тысяча чертей!

Его увели, ноги не повиновались ему. Свидѣтелямъ пришлось вести его подъ руки, потому что онъ не могъ даже опираться на палку.

Два мѣсяца спустя, майоръ плелся по солнышку въ пустынной улицѣ Вошана, и вдругъ снова столкнулся носъ къ носу съ m-ше Бюрль и маленькимъ Эдуардомъ. Оба были въ глубокомъ траурѣ. Онъ хотѣлъ избѣжать встрѣчи съ ними; но ноги плохо повиновались ему, а тѣ прямо шли на него, не ускоряя и не замедляя шага. У Эдуарда было все то же кроткое личико, точно у испуганной дѣвочки. M-ше Бюрль была такъ же сурова и непреклонна. Лагиттъ отступилъ подъ ворота дома, чтобы дать ей дорогу, какъ вдругъ она остановилась передъ нимъ и протянула ему руку. Онъ колебался, но, наконецъ, взялъ ее и пожалъ; но при этомъ такъ дрожалъ, что рука старухи тряслась въ его рукѣ. Оба молчали и глядѣли другъ на друга.

— Эдуардъ, — сказала наконецъ бабушка, — пожми руку майору. Ребенокъ повиновался, не понимая въ чемъ дѣло. Майоръ очень поблѣднѣлъ. Онъ едва осмѣлился коснуться нѣжной ручки ребенка. Потомъ, понимая, что долженъ же сказать что-нибудь, придумалъ только спросить:

— Вы по прежнему рассчитываете отдать его въ Сенъ-Сиръ?

— Разумѣется, когда ему выйдутъ годы, — отвѣчала m-me Бюрль.

Двѣ недѣли спустя Эдуардъ умеръ отъ тифозной горячки. Разъ вечеромъ бабушка перечитала ему рассказъ про битву „Мстителя“, чтобы закалить его, и въ ту же ночь у него открылся бредъ. Онъ умеръ отъ страха.

Эмиль Зола.

Подписка на памятникъ Н. В. Гоголю въ Россіи, и Густаву Флоберу во Франціи.—10 ноября, Высочайше разрѣшено Обществу любителей Россійской Словесности, въ Москвѣ, открыть въ имперіи подписку на составленіе капитала для сооруженія памятника Н. В. Гоголю. Въ то же засѣданіе была принята первая подписная сумма въ 5000 рублей отъ П. П. Демидова, князя Санъ-Донато, и вмѣстѣ постановлено обратиться ко всѣмъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ.

Одновременно съ этимъ, во Франціи образовался Комитетъ изъ литераторовъ, подъ предсѣдательствомъ В. Гюго, для сооруженія памятника Густаву Флоберу; во всѣхъ французскихъ газетахъ уже появилось воззваніе Комитета къ обществу, извѣщающее о приѣмѣ подписки у Артура Мейера, редактора «Gaulois», въ Парижѣ, избраннаго казначеемъ Комитета. На памятникъ предполагается издержать 15.000 фр.; половина этой суммы уже собрана; мѣсто подарилъ городъ Руанъ, родина Флобера; бюстъ выполнить извѣстный скульпторъ Гильомъ.

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1880 году.

Въ 1880-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	ЭКЗ.		ЭКЗ.		ЭКЗ.
1. Херсонск. .	253	23. Нижегород.	58	45. Дагест. обл.	35
2. Кіевская. .	219	24. Обл. В. Дон.	58	46. Лифляндск.	34
3. Харьковск..	139	25. Иркутская .	55	47. Самарская .	34
4. Тифлисская.	128	26. Смоленская.	55	48. Витебская .	32
5. Екатеринос.	126	27. Оренбургск.	54	49. Сыръ-Д. об.	32
6. Полтавская.	115	28. Московская.	52	50. Минская. .	31
7. Пермская. .	114	29. Симбирская.	51	51. Ковенская .	30
8. Варшавск. .	105	30. Костромская	49	52. Уфимская .	28
9. Таврическ..	102	31. Рязанская .	49	53. Люблинская	27
10. Черниговск.	96	32. Пензенская .	48	54. Астраханск.	25
11. Казанская .	90	33. Новгородск.	47	55. Вологодская	25
12. Тамбовская.	90	34. Тверская . .	46	56. Томская . .	24
13. Орловская .	88	35. Ярославская	46	57. Ставропол. .	23
14. Бессарабск.	83	36. Кубанск. об.	43	58. Акмол. об.	22
15. Саратовск. .	81	37. Виленская .	42	59. Сѣдлецкая .	22
16. Воронежск..	76	38. Могилевск..	40	60. Елисаветпол.	21
17. Подольская.	76	39. Вятская . .	38	61. Бакинская .	20
18. Курская . .	75	40. Калужская .	37	62. Эриванская.	20
19. Волынская .	69	41. Псковская .	37	63. Кутаисская.	20
20. Тульская . .	64	42. Терская об.	37	64. Петроковск.	20
21. Владимірк.	62	43. Забайк. об.	36	65. Енисейская .	19
22. С.-Петербур. .	60	44. Гродненская	35	66. Курляндск.	19

67. Архангельс.	18	77. Примор. об.	13	87. Батумская .	6
68. Эстляндская	18	78. Семипал. об.	13	88. Сухумск. ок.	6
69. Семирѣченс.	18	79. Заравш. окр.	12	89. Выборгская.	4
70. Тобольская .	18	80. Радомская .	12	90. Кульдж. р.	3
71. Калишская .	17	81. Сувалкская .	12	91. Черном. ок.	2
72. Ферганская .	17	82. Кѣлецкая . .	10	92. Закасп. в. окр.	1
73. Ломжинская .	16	83. Плоцкая . .	9	93. Закасп. окр.	1
74. Олонецкая .	14	84. Якутск. об.	9	94. С.-Мих. губ.	1
75. Карская. об.	13	85. Амурск. об.	8		
76. Нюландская	13	86. Уральск. об.	8		4179

II. Въ С.-Петербургѣ. 1284

III. Въ Москвѣ 530

IV. За границей 161

Всего: экз. 6154

А. Хомиховскій

Экспедииторъ редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1880 ГОДУ.

А—вой, А. Итальянская Новелла и Декамеронъ (фев., 5; мар., 197; апр., 575).

А-п-въ. Земскія ходатайства въ 1876 и 1877 гг. (іюнь, 778).

Андреевъ, Е. Н. По поводу вопроса о преобразованіи нашихъ школъ (окт., 832).

Андреевскій, С. А. Мракъ (іюнь, 709).

Аппенковъ, П. В. Замѣчательное десятилѣтіе, 1838 — 1848 гг. (январь, 216; фев., 461; мар., 5; апр., 457; май, 5).— Общественные идеалы А. С. Пушкина (іюнь, 595).

Б. Н. Стихотворенія: I. На закатѣ. II. Тоска по родинѣ. III. Надъ бездною (апр., 710).

Бехтеревъ, В. Вотяки, ихъ исторія и современное состояніе (авг., 621; сент., 141).

В—нь, А. Чтѣ дѣлается въ Болгаріи? По поводу книги г. Немировича-Данченко: «Послѣ войны» (сеп., 418).

Весницъ, Л. П. Наши пожары (іюль, 301).

Воропоновъ, О. О. Мелкій земельный кредитъ и крестьянскія переселенія (окт., 712). По вопросу о вліяніи земельного надѣла на благосостояніе (ноябрь, 386).

Голенищевъ-Кутузовъ, Гр. А. А. На выставкѣ М. Антокольскаго. I. Къ Мефистофелю. II. Безвозвратная потеря. III. У памятника молодой дѣвушкѣ (іюнь, 421).—Стихотвореніе ** (іюнь, 638).

Горизонтовъ, П. П. Послѣдній изъ мопиканъ (окт., 613).

Гротъ, Н. Я. По поводу вопроса о психологіи чувствованій (дек., 839).

Данилевскій, Г. П. На Индію. Историч. повѣсть (дек., 512).

Зависѣцкій, Ю. Г. По принципу. Романъ (авг., 522; сеп., 79; окт., 441).

Зола, Эм. Парижскія письма: LV. Вознагражденіе литературнаго труда во

Франціи (мартъ, 420). — LVI. Мадамъ Сурди (апр., 829). — LVII. Стендаль и его труды (май, 360). — LVIII. Художество и администрація художествъ (іюнь, 858). — LIX. Гюставъ Флоберъ, какъ писатель и человѣкъ (іюль, 353). — LX. Жакъ Дамуръ (авг., 821). — LXI. Изъ современныхъ газетныхъ нравовъ (окт., 784). — LXII. Дуэль (дек., 921).

Иностранцевъ, А. А. Человѣкъ каменнаго вѣка, у Ладожскаго озера (май, 272).

К. А. Нѣсколько вопросовъ по поводу разсужденій о нашемъ «Третьемъ сословіи» (апр., 857).

Кавелинъ, К. Д. Мефистофель Антокольскаго (іюль, 389). — Письмо О. М. Достоевскому (ноябрь, 431).

Карецкій, А. Г. Общественно-медицинскіе этюды. I. Дифтеритъ, его исторія и борьба съ нимъ (май, 211; іюнь, 686).

Коршъ, В. Ө. Послѣдній романъ въ жизни Лассала (мар., 117). — Сестры, изъ новаго романа Эберса (май, 176). — Судьбы прусской монархіи отъ Фридриха-Великаго до іенскаго погрома (іюнь, 554). — Родъ Мирабо (іюль, 112; авг., 655). — Нѣмецкая камелія (сент., 223). — Вольтеръ его жизнь и сочиненія (окт., 572; нояб., 158; дек., 617).

Костомаровъ, Н. И. Руина. III. Гетманство Самойловича (іюль, 202; авг., 401; сент., 5).

Кулишеръ, М. П. Изъ сравнительной исторіи труда (дек., 457).

Л. А. Законы буръ (май, 390). — Старинныя дѣла: III. Дядя Ваня (іюль, 1).

Линейкинъ, Петръ. Гимназическая переписка (нояб., 85).

Лихачевъ, В. С. Изъ Иеронима Лорма (сент., 350; окт., 611). — Миѣчскій герой. Стих. (дек., 493).

Л—нъ. Микенскія и троянскія раскопки Шлимана (май, 405).

Манифестъ о кончинѣ Государыни Императрицы (іюнь, 1).

Миѣчскій, П. Солнце (май, 236). — На чужомъ пиру (нояб., 151).

Н. Изъ дневника познанскаго учителя. Разсказъ Литвоса (мар., 179).

Н. Л. Путешествіе въ Θεодосію (май, 141).

Назаревъ, В. Н. Современная глушь: XIV. Мученикъ захолустя (мар., 53).

Орд. К. Наши 252 представителя (апр., 713).

Орловъ, А. И. Сербскія мелодіи (нояб., 200).

Островскій, А. Н. и Н. Я. Соловьевъ. Дикарка. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ (январь, 5). — Застольное слово, произнесенное на обѣдѣ общества любителей россійской словесности, въ Москвѣ (іюль, XVII).

Отъ редакціи. По поводу «Воспоминаній» П. В. Анненкова (май, 412).

П. А. Съ Пушкинскаго праздника въ Москвѣ (іюль, XXI).

П. Л. Германія среди другихъ государствъ Запада (январь, 445).

Петрушевскій, А. Ө. Суворовъ, полковой командиръ (дек., 684).

Полонскій, Яковъ П. 26-е мая 1880 г. Стих. (іюль, XIV).

Потѣхинъ, Алексѣй. Деревенскіе мірѣды: I. Дѣдушка Николай Ивановичъ (апр., 553). II. Старый Покровскій дяконъ (май, 101).

П—ская, О. Съ волками жить... Сцены и характеры изъ новаго романа г-жи Уйда: «Moths» (іюнь, 487).

Пушкинъ, А. С. Первое стихотвореніе, напечатанное въ іюльской книгѣ московскаго «Вѣстника Европы», 1814 г. (іюль, I).

Пыпинъ, А. Н. Польскій вопросъ въ русской литературѣ (фев., 703; апр., 686; май, 239; окт., 681; нояб., 281). — Некрологъ: И. И. Срезневскій (мартъ, 447).

Р. М. Общая картина народнаго просвѣщенія въ Европейской Россіи (январь, 367).

Р—ій, М. Стихотворенія (дек., 510).

Раппъ, Е. К. Русскій расколъ и законодательство (апр., 507; май, 68).

Р—въ, П. Наша золотопромышленность и ея условія (мар., 354).

Ренъяръ, А. Наука и литература въ современной Англии. Письмо одиннадцатое (январь, 332).—Письмо двѣнадцатое (июль, 77).

С. С. Вятское земство (окт. 838).

Свистунова, М. П. Новый помѣщикъ. Романъ Мавра Юкая. Съ венгерскаго (фев., 640; мар., 251; апр., 620).

С—кій, А. Празднества въ Кельнѣ по поводу окончанія собора (ноябрь, 411).

Спасовичъ, В. Д. Маркизъ А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ (окт., 493; нояб., 241).

Стасовъ, В. В. Живописецъ Александръ Андреевичъ Ивановъ (январь, 111).

Стороженко, Н. И. Новая книга о Макіавелли (июнь, 759).

Стоюнинъ, В. В. Князь Антиохъ Кантемиръ въ Парижѣ (авг., 577; сент., 173).

Т. Н. Въ камерѣ прокурора (декабрь, 494).

Тверской, П. Издалека и вблизи. Деревенскіе очерки (сент., 311; окт., 536).

Тихонравовъ, Н. С. А. С. Пушкинъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи московскаго университета, 6 іюня 1880 г. (авг., 706).

Тургеневъ, И. С. Письмо въ редакцію, и нѣсколько словъ по этому поводу (фев., 843).—Пергамскія раскопки (апр., 767).—Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи общества любителей російской словесности, по поводу открытія

памятника А. С. Пушкину, въ Москвѣ (іюль, IV).—Изъ Пушкинской переписки три письма (декабрь, 819).

Утинъ, Евг. Конституціонализмъ и А. Тьеръ (январь, 244; фев., 737; нояб., 205; декабрь, 770).

Феттерлейпъ, К. Забѣтка, по поводу «Разсказа очевидца о московскомъ бунтѣ 1648 года» (фев., 895).

Цертелевъ, Ки. Д. Н. Стихотворенія: I. Я жду тебя. II. Сегодня гляжу на тебя я уныло. III. Мы долго шли (январь, 330).

Э. А. Наполеонъ за кулисами и на сценѣ (іюнь, 639; іюль, 151).—Новая защита женскихъ правъ (нояб., 343).—Слишкомъ хороша (декабрь, 714).

Эртель, А. И. Ночь подъ Рождество. Разсказъ (январь, 187).—Записки Степняка: I. Ночная поѣздка.—II. Отъ одного корня (фев., 511).—III. Обличитель.—IV. Полоумный (мар., 286).—V. Степная сторона.—VI. Мужичокъ Сигнѣй и мой сосѣдь Чухвостиковъ (іюнь, 424).—VII. Визгуновская экономія (сент., 272).—VIII. Баринъ Листарка.—IX. Мои домочадцы (ноябрь, 35).

Ю. Духовные христіане: I. Духоборцы. II. Молокане. III. Общіе (нояб., 5).

Я. Ю. Безымянная (фев., 777).

Ядринцева, П. М. Наши выселенія и колонизація (іюнь, 438).

Z. Z. Современный романъ въ его представителяхъ: IV. Викторъ Гюго (январь, 286).—V. Гюставъ Флоберъ (авг., 469).—VI. Братья Гонкуры (окт., 640).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.— Январь:—Отчетъ государственнаго контроля за 1878 г.—Возрастаніе доходов.—Сверхсметные и чрезвычайные расходы.—Балансы отчета.—Экономическое значеніе бумажныхъ денегъ.—Примѣръ Америки.—Вопросъ объ обще-церковныхъ свѣчныхъ заводахъ.—Результаты желѣзно-дорожнаго налога.—Труды желѣзно-дорожной комиссіи.—Формальное и живое изслѣдованіе дѣла.—Почтовая статистика за 1878 годъ и практическіе выводы изъ нея (стр. 422).—Февраль: Процессъ Ревенскихъ, и его окончательное рѣшеніе.—Общіе вопросы изъ области наслѣдственнаго права въ Россіи.—Новѣйшая реформа закона о наслѣдствѣ въ Финляндіи и ея главныя черты.—Кто такое „мы“ въ „Надеждахъ и Разочарованіяхъ“, проф. А. Д. Градовскаго.—Толки и слухи о необходимости централизаціи у насъ школьнаго дѣла.—Пріютъ малолѣтнихъ преступниковъ въ Саратовѣ, и общіе результаты его дѣятельности.—Бюджетъ города Петербурга и его существенныя данныя (стр. 823).—Мартъ: Учрежденіе верховной распорядительной комиссіи.—Слово къ жителямъ столицы ея главнаго начальника.—По поводу событія пятаго февраля.—Февраль 1855—февраль 1880 г.—Основныя положенія тюремнаго преобразованія и новаго уголовнаго кодекса.—Предполагаемыя измѣненія въ пенсіонномъ уставѣ.—Преобразованія въ лицѣ и училищѣ правовѣдѣнія.—Что нужно прежде: мѣры или люди? (стр. 392).—Апрѣль: Третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи.—Отзывы въ печати на обращеніе правительства къ общественной поддержкѣ.—Начальныя городскія училища въ С.-Петербурѣ.—Настоящее положеніе нашихъ военно-учебныхъ заведеній.—Вопросъ объ

усыновленіи незаконно-рожденныхъ дѣтей.—Улучшенія состава присяжныхъ заседателей.—Новая газета „Берегъ“ о реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.—Къ свѣдѣнію редакціи „Голоса“ (стр. 772).—Май: Прѣжніе политическіе процессы въ ихъ связи съ послѣдующими.—Степень участія въ нихъ учащейся молодежи.—Подпольная и „надпольная“ печать.—Есть ли въ Россіи партіи?—Облегченіе участи лицъ, подвергшихся административной высылкѣ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1878 г.—Требы и ихъ вознагражденіе.—Мѣры къ развитію церковной проповѣди.—Сообщеніе объ открытіи новыхъ городскихъ училищъ С.-Петербурга, и перемѣна въ министерствѣ народнаго просвѣщенія (стр. 321).—Іюнь: Четырнадцать лѣтъ тому назадъ и теперь.—Смыслъ единодушія нашей печати по вопросамъ народнаго просвѣщенія, и выводъ изъ того въ „Спб. Вѣдомостяхъ“.—По поводу приближающагося 50-лѣтія со времени основанія классической системы въ Россіи.—Сущность „системы графа Толстого“, и задачи ближайшаго будущаго.—Пятнадцатилѣтіе нашей безцензурной печати.—Общее направленіе законодательства о печати и практика съ 1865 по 1880 годъ.—Современное ея положеніе.—Обычныя возраженія противъ свободы печати, и ея desiderata (стр. 797).—Іюль: Торжественный актъ начальныхъ училищъ города Петербурга, 30 мая.—„Матеріалы“ по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи.—Историческая судьба этого вопроса за послѣднее время, и общіе выводы изъ „Матеріаловъ“.—Пересмотръ нѣкоторыхъ постановленій нашего таможеннаго тарифа.—Поплины на металл, металлическія издѣлія и машины.—Вопросъ о безпошлинномъ провозѣ

сельскохозяйственных орудій и машинъ.
—Значеніе экспертизы въ вопросахъ этого рода.—Отвѣтъ „Отголоскамъ“ (стр. 326).
—Августъ: Новый взглядъ на наши партіи.—Отношеніе вопроса о партіяхъ къ свободѣ печати.—Введеніе мировыхъ установлений въ прибалтійскихъ губерніяхъ.
—Исторія остзейской судебной реформы; два главные ея фазиса и вѣроятная будущность.—Отмѣна обряда публичной казни.—Имущественный цензъ при выборахъ въ мировые судьи.—Отправленіе воинской повинности въ Петербургъ. — „Московскія Вѣдомости“ о системѣ гр. Толстого и о противникахъ ея (стр. 759). — Сентябрь: Шестое августа.—Старый и новый піетизмъ.—Проповѣдь такъ-называемыхъ пашковцевъ, и значеніе ея для современнаго русскаго общества.—Вѣро-терпимость, какъ идеалъ ближайшаго будущаго, и дѣла о религіозныхъ преступленіяхъ, какъ характеристика настоящаго.—Уголовная статистика за 1877 г. въ имперіи и царствѣ польскомъ.—Пятидесятилѣтній юбилей бар. А. И. Дельвига, и новыя пожертвованія на техническое образованіе.—По поводу „новаго плана“ преподаванія наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Германіи (стр. 386). —Октябрь: Отголоски нашей печати.—Сенаторскія ревизіи и общественное изслѣдованіе.—Административная реформа внизу и вверху.—Вопросы о преобразованіи перваго департамента сената, о комитетѣ министровъ и о „кабинетѣ“.—Рѣчи г. министра народнаго просвѣщенія въ Ярославѣ и Калугѣ.—Отвѣтъ „Zeitung für Stadt und Land“.—Смѣгченіе по преобразованію института инженеро-вѣ путей сообщенія (стр. 742). —Ноябрь: Новый доводъ въ пользу пересмотра нашихъ законовъ о печати.—Необходимость облегченія провинціальной прессы.—Причины, вообще замедляющія у насъ законодательную дѣятельность, и средства къ ея ускоренію.—Формы общественного содѣйствія.—Роль реакціонной печати.—Программа газеты „Русь“.—Новый „Вѣстникъ“ псковскаго земства, и его „ответственная“ редакція (стр. 361).

—Декабрь: Новая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ законоположеній о печати.—Подобная же задача двадцать лѣтъ тому назадъ.—Возраженія въ средѣ прежней коммиссіи противъ проекта закона о печати 1865 года.—Первое засѣданіе новой коммиссіи, 5 ноября. — Отчетъ государственнаго контроля по исполненію бюджета на 1879 годъ. Общая характеристика отчетнаго года. — Отдѣльныя статьи его поступленій.—Налогъ соляной и способы его возмѣщенія.—Обыкновенные расходы и ихъ прогрессъ.—Чрезвычайные расходы и безпомощность вѣдомствъ въ борьбѣ съ ними. — По поводу новой газеты „Порядокъ“ (стр. 869).

II. Корреспонденціи: I. Берлинъ: Общее положеніе дѣлъ въ Германіи (февр., 849).—Сессія рейхстага предъ пасхальными вакаціями (апр., 806). — Бисмаркъ и политическія партіи (іюнь, 837).—Германія, обозрѣваемая съ птичьаго полета (августъ, 788). — Наши реальныя школы (октябрь, 762). — Парламентская сессія (декаб., 898).—II. Лондонъ: Чего ожидать отъ Гладстона (февр., 878). — Парламентскіе выборы 1880 года (май, 345).—Дебютъ кабинета Гладстона (авг., 806).—Первая сессія новаго парламента (ноябрь, 395).

III. Литературное Обзорѣніе. — Январь: I. Курсъ исторіи русской литературы, М. А. Орлова. Русскіе писатели, В. Острогорскаго, вып. I и II. — II. Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель, вып. I.—III. Янъ Жижекъ, В. Томка.—А. А. IV. Соціологія, Евг. Дероберти.—К. К. (стр. 391).—Февраль: I. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. III. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности имп. академіи наукъ, т. XX, № 5.—А. А.—II. Губернскій Городъ Владиміръ, А. П. Субботина. — III. Синезій философъ, А. Остроумова.—IV. L'Eglise chrétienne, par E. Renan, t. VI.—V. Der Forstmeister, v. B. Auerbach.—К. К.—Портретная Галерея русскихъ литераторовъ и т. д., съ біографіями, изд. К. Шапиро (стр. 802). —

Мартъ: I. Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи 1855—1880 гг. Сост. п. р. г.-л. Богдановича. Т. I—IV. М. Б.—II. Заботы патриота, В. Волчка.—А. А.—III. Нравственная философія утилитаризма, А. Мальцева.—*La morale anglaise contemporaine*, par M. Guuau.—IV. Ученіе Оригена о св. Троицѣ, В. Волотова.—V. Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, А. Субботина.—VI. Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и творчества, Эд. Даудена.—VII. *La philosophie expérimentale en Italie* par. A. Espinas.—К. К.—Еще два слова о руководствѣ г. Орлова.—А. А. (стр. 315).—Апрѣль: I. М. Ковалевскій, Англійская конституція и ея историкъ.—II. Н. Куплевасскій, Административная юстиція въ Западной Европѣ: Франція.—III. Янжулъ, Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ.—IV. И. Кошкарровъ, нужды русскаго народа.—V. Ежегодникъ министерства финансовъ, в. X.—К. К.—VI. *Peter the Great*, by Eug. Schuyler, I и II.—А. А. (стр. 746).—Май: I. Всеобщая исторія литературы, вып. 1-й, п. р. В. О. Корша.—II. Курсъ гражданскаго права, ч. III-я, К. Побѣдоносцева.—III. Э. Фриманъ, Общій очеркъ исторіи Европы, въ двухъ переводахъ: Я. Г. Гуревича и М. Стратилатова.—IV. Земскій Ежегодникъ за 1877 годъ. Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи.—Труды коммиссіи по техническому образованію, и отчетъ о школахъ русскаго технического общества.—Замѣтка о пермской брошюрѣ прот. Евгенія Попова, и о казанской книгѣ проф. Флоринскаго: Лечебникъ для народнаго употребленія.—К. К. (стр. 296).—Іюнь: I. Солнышко, А. Радоужскаго.—С. И.—II. Письма къ Погодину, вып. 2 и 3, съ примѣч. Н. Попова.—Сочиненія Ю. Самарина, т. V.—Сборникъ археологич. института, кн. 1—3, изд. п. р. Н. В. Калачова.—А. А.—III. Лѣтописи и памятники древнихъ народовъ: Египтяне, Бругша, пер. Г. К. Властова.—Критическія наблюденія, вып. I: Зодче-

ство древняго Египта, А. Прахова.—Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI, П. Лучицкаго. Опыты по исторіи англійской конституціи, Э. Фриманъ и В. Стебсъ, пер. М. Ковалевскаго.—Народный кадастръ, В. Трирогова.—Матеріалы для изученія землевладѣнія и пр. въ Россіи, вып. I.—К. К.—Замѣтка о книгѣ г. Лисицкаго: *Le marquis Wielopolski etc.* Т. I.—В. (стр. 719).—Іюль: I. Новости иностранной исторической литературы: Зибель, Маурепбрехеръ и Шассенъ.—II. Государственная власть въ европейскомъ обществѣ, А. Блока.—III. Исторія политическихъ ученій въ Соединенныхъ Штатахъ, ч. I. С. Фортунатова. *Spielhagen, Quisisana*.—К. К.—(стр. 272).—Августъ: I. Критика отвлеченныхъ началъ, Владиміра Соловьева.—Позитивизмъ и „Критика отвлеченныхъ началъ“, В. Соловьева; В. Д. Вольсона.—Пути къ рациональному міровоззрѣнію, 2 ч. Ипполита Панаева.—Философія Шопенгауера, часть I, князя Д. Цертелева.—Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства, часть третья, А. фонъ-Фрикена.—Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности. Выпускъ второй.—К. К.—II. Путешествіе по Китаю въ 1874—75 гг. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Писецкаго. Въ двухъ томахъ.—А. А.—(стр. 730).—Сентябрь: I. Красный крестъ въ тылу дѣйствующей арміи, въ 1877—78 гг., Н. Абазы.—М. М.—II. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ, Николая Грота.—Изученіе психологіи; ея предметъ, область и методъ. Д. Г. Льюиса. Редакція перевода и этюдъ: „Льюисъ, какъ психологъ“, П. Д. Боборыкина.—Общественный строй Англии въ концѣ среднихъ вѣковъ, М. Ковалевскаго.—Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ новое время (XVI и XVII ст.), Виктора Гольцева.—Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. Таганцева.—Къ вопросу о податной реформѣ; обзоръ системъ земскаго поземельнаго обложенія, А. Полѣнова. К. К.—(стр. 352).

—Октябрь: I. Дневникъ писателя. Еже-
мѣсячное изданіе. Единственный выпускъ
на 1880 годъ. О. Достоевскаго.—В. В.—
П. Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.
—Очеркъ изъ исторіи русской литера-
туры въ эпоху преобразованія, Петра
Морозова. Спб. 1880.—Извѣстія Констан-
тина Багрянороднаго о сербахъ и хор-
ватахъ. Историко-этнографическое изслѣ-
дованіе Константина Грота. Спб. 1880.—
A. A.—III. Mittheilungen der Litaui-
schen Literärischen Gesellschaft.—К. В.
— (стр. 811). — Ноябрь: I. Всеобщая
исторія литературы, составл. п. р. В. О.
Корша, вып. II, III и IV.—II. О нѣкото-
рыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ про-
тивъ евреевъ, Д. А. Хвольсона, второе
изданіе.—III. Новыя изданія министер-
ства государственныхъ имуществъ и цен-
тральнаго статистическаго комитета.—
IV. Нѣжинскій уѣздъ, А. Руссова.—V.
Труды комиссіи по изслѣдованію кустар-
ной промышленности въ Россіи, вып. 4 и
5-й.—К. К.—VI. Воцареніе императри-
цы Анны Иоанновны, Д. А. Корсакова.
Н. И. Костомарова. (стр. 308). —
Декабрь: I. Мелочи архіерейской жизни,
Н. С. Лѣскова. II. Изъ воспоминаній
жандарма, А. И. Ломачевскаго. III. Peter
the Great, by Eugen Schuyler (Scribner's
Magazine: april—september).—A. A.—IV.
Politische Geschichte der Gegenwart, v.
Müller; Europaeische Staatenkunde, v.
Krümmel. V. Brigitta, v. B. Auerbach.
—К. К. (стр. 822).

IV. Библиографическій Листокъ.

—Январь: —Собраніе сочиненій Гёте,
Н. В. Гербеля, т. IX и X. —Гекторъ
Сервадакъ, Ж. Верна. —Жизнь дѣтей,
вып. 2-й.—Волшебныя сказки Музеуса.—
Фантастическія сказки, съ нѣмец., пер.
А. Степановой и О. Гримма.—Февраль:
Сборникъ Рус. Ист. Общества, т. XXVI.
—Семейство Разумовскихъ, А. А. Ва-
сильчикова, т. I.—А. А. Ивановъ, изда-
ніе М. Боткина.—Сочиненія Лермонтова,
4-е изданіе.—Мартъ: Исторія Россіи съ
древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева,
т. XXIX.—Макиавелли, какъ политическій

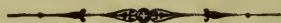
мыслитель, А. С. Алексѣева.—Исторія
корабля, въ двухъ томахъ, Н. Боголю-
бова.—Князь Серебряный, Н. Трескина.
—Апрѣль: Всеобщая исторія литерату-
ры, п. р. В. О. Корша. Вып. 1-й.—Князь
Серебряный, гр. А. К. Толстого, 4-е изд.
—Экономическое значеніе машинъ, О. Е.
Орлова.—Полное собраніе сонетовъ Шек-
спира, въ перев. Н. Гербеля.—Польскія
сказки, изложенныя по Войницкому и Ба-
линскому.—Май: Исторія русской церкви,
Е. Голубинскаго, т. I.—Исторія педаго-
гики, К. Шмидта, т. III.—Земля и Люди
Эл. Реклю, т. IV.—Историческая христо-
матія по новой и новѣйшей исторіи,
Л. Г. Гуревича, т. II.—Іюнь: Сборникъ
русск. истор. общества, т. XXVIII.—Все-
общая исторія литературы, п. р. В. Кор-
ша, вып. 2-й.—Путешествіе по Китаю,
П. Пясецкаго, т. I.—Пути къ рационально-
му мировоззрѣнію, Ипп. Панаева.—Пор-
ретная галерея рус. литер., учен. и ар-
тистовъ, К. Шапиро, вып. 2-й. —Іюль:
Puschkiniana. Каталогъ Пушкинской би-
бліотеки. —Очерки Пушкинской Руси,
В. Острогорскаго.—Воцареніе имп. Анны
Иоанновны, Д. Корсакова.—Люди старого
вѣка, Г. Есипова.—Уходъ за здоровыми
и больными дѣтьми, д-ра Гетца. —Ав-
густъ: Господа Головлевы, сочиненіе
М. Е. Салтыкова.—Исторія русской сло-
весности, древней и новой.—Сочиненіе
А. Галахова. Изданіе второе, съ пере-
мѣнами.—Русскіе Палеологи сороковыхъ
годовъ, Николая Барсукова.—Торжество
открытія памятника А. С. Пушкину въ
Москвѣ 6 іюня 1880 г.—Сентябрь: О
нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ
противъ евреевъ, Д. А. Хвольсона. —
Викторъ Рагозинъ: Волга. Томъ I.—От-
кровенное слово о важнѣйшихъ событіяхъ
нашей внутренней жизни за послѣднее
двадцатипятилѣтіе, Л. Доброва.—Вѣнокъ
на память Пушкину.—Октябрь: Исторія
славянскихъ литературъ, А. Н. Пыпина
и В. Д. Спасовича, т. II. —Всеобщая
исторія литературы, п. р. В. О. Корша,
вып. 3-й и 4-й.—Сравнительная стати-
стика Россіи и западно-европ. государствъ,
Ю. Э. Янсона, т. II, отд. I.—Книга для

чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Сост. К. К. Абаза. — Ноябрь: Сочиненія Державина, Я. Грота, т. VIII. — Введеніе въ исторію общиннаго устройства, Г. Мауэра. — Научныя бесѣды, И. Ф. Ціона, т. I. — Князь Борисъ Щеглятевъ, историческій романъ П. А. Салманова. — Декабрь: Трудные годы, А. Градовскаго. — Сельскій Сборникъ. Д. А. Соколовскаго. — Основныя положенія теоріи экономической политики, проф. Иванюкова. — Братъ и сестра, повѣсть для дѣтей, А. Н. Анненской. — Всеобщая исторія литературы, вып. 5-й и 6-й, п. р. В. Корша. — Полное собраніе сочиненій Шекспира т. III, изд. 3-е, п. р. Н. В. Гербеля.

V. Извѣстія. — I. Отчетъ о дѣятельности комитета „Общества для достав-

ленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“ на 1879 годъ. — II. Отъ комитета по сооруженію въ городѣ Пятигорскѣ памятника поэту Лермонтову. — (Янв. 456). — Изъ отчета комитета общества для пособія нуждающимся студентамъ императорскаго московскаго университета, за 1878—79 годъ (Фев. 899). — Отчетъ секретаря общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и отчетъ казначея общества за 1879 г. (Апр. 867). — Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: Отчетъ казначея, смѣта и свѣдѣнія о состояніи высшихъ женскихъ курсовъ (Май 415). — Отъ комитета по сооруженію памятника поэту Лермонтову (Окт. 877). — Подписка на памятникъ Н. В. Гоголю въ Россіи, и Густаву Флоберу во Франціи. (Дек. 948).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

НОВАЯ—ДЕКАБРЬ, 1880.

Книга двѣнадцатая.—Ноябрь.

	СТР.
Духовные христане. — Очеркъ. — I. Духоворцы. — II. Молокане. — III. Общiе. — Ю.	5
Записки Степняка. — VIII. — Баринъ Листарка. — IX. Мои домочадцы. — А. И. ЭРТЕЛЯ.	35
Гимназическая переписка. — Изъ шестидесятихъ годовъ. — ПЕТРА ЛИНЕЙКИНА.	85
На чужомъ пиру. — Стих. Н. МИНСКАГО	151
Вольтеръ, его жизнь и сочиненiя. — II. — В. Ѳ. КОРША.	158
Сервскiя мелодiи. — Стих. А. И. ОРЛОВА	200
Конституціонализмъ и А. ТЪЕРЪ. — Статья третья. — ЕВГ. УТИНА	205
Маркизь А. Велепольскiй, его жизнь и политикъ. — VI-IX. — В. Д. СПАСОВИЧА.	241
Польскiй вопросъ въ русской литературѣ. — VIII. — Окончанiе. — А. Н. ПЫПИНА. Хроникъ. — Литературное Обзорiе. — I. Всеобщая исторiя литературы, составл. п. р. В. Ѳ. Корша, вып. II, III и IV. — II. О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненiяхъ противъ евреевъ, Д. А. Хвольсона, второе изданiе. — III. Новая изданiя министерства государственныхъ имуществъ и центрально-наго статистическаго комитета. — IV. Нѣжинскiй уѣздъ, А. Руссова. — V. Труды комиссiи по изслѣдованiю кустарной промышленности въ Россiи, вып. 4 и 5. — К. К. — VI. Вопаренiе императрицы Анны Иоанновны, Д. А. Корсакова. — Н. И. КОСТОМАРОВА.	281
Новая защита женскихъ правъ. — Alex. Dumas-fils: Les femmes qui tuent, et les femmes qui votent. — А. Э.	343
Внутреннее Обзорiе. — Новый доводъ въ пользу пересмотра нашихъ законовъ о печати. — Необходимость облегченiя провинциальной прессы. — Причины, вообще замедляющiя у насъ законодательную дѣятельность, и средства къ ея ускоренiю. — Формы общественнаго содѣйствiя. — Роль реакцiонной печати. — Программа газеты „Русь“. — Новый „Вѣстникъ“ псковскаго земства, и его „отвѣтственная“ редакцiя.	364
По вопросу о влiянii земельнаго надела на благосостоянiе. — Заимтка. — Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА	386
Корреспонденцiя изъ Лондона. — Первая сессiя новаго парламента. — Р. Празднества въ Кельнѣ по поводу окончанiя собора. — Письмо въ редакцiю. — А. С. — КИЙ.	395
Письмо Ѳ. М. Достоевскому. — К. Д. КАВЕЛИНА.	411
Библиографическiй Листокъ. — Сочиненiя Державина, Я. Грота, т. VIII. — Введенiе въ исторiю общиннаго устройства, Г. Мауэра. — Научныя бесѣды, И. Ф. Цюна, т. I. — Князь Борисъ Щеглятевъ, историческiй романъ П. А. Салманова.	431

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

СТР.

Изъ сравнительной исторіи труда.—Очерки.—М. И. КУЛИШЕРА	457
Миническій герой.—Стих. В. С. ЛИХАЧЕВА	493
Въ камерѣ прокурора.—Разсказъ съ натуры.—Н. Т.	494
Стихотворенія.—I. Родинъ.—II. Небо закутано въ тучи свинцовыя.—III. Изъ Гейне.—М. Р.—II	510
На Индію.—Историческая повѣсть изъ временъ Петра В.—Въ двухъ частяхъ.—Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО	512
Вольтеръ, его жизнь и сочиненія.—III-IV.—Окончаніе.—В. Ѳ. КОРША	617
Суворовъ, полковой командиръ.—Изъ нашей военной исторіи XVIII-го вѣка.—А. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО	684
Слишкомъ хороша.—Изъ повѣсти Андре Жерара.—А. Э.	714
Конституціонализмъ и А. Тьеръ.—Статья четвертая.—ЕВГ. УТИНА	770
Изъ Пушкинскихъ переписки.—Три письма.—Сообщено семействомъ Н. И. ТУР-ГЕНЕВА	819
Хроника.—Литературное Обзорѣніе.—I. Мелочи архіерейской жизни, Н. С. Лѣскова.—II. Изъ воспоминаній жандарма, А. И. Ломачевскаго.—III. Peter the great („Scribner's Magazin“, april-september), by Eugene Schuyler.—А. А.—IV. Politische Geschichte der Gegenwart, von W. Müller;—Europäische Staatenkunde, von Krümmel, B. I, 1.—V. Brigitta, v. B. Auerbach.—К. К.	822
По поводу вопроса о психологии чувствованій.—Письмо въ Редакцію.—Н. Я. ГРОТА	839
Внутреннее Обзорѣніе.—Новая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ законоположеній о печати.—Подобная же задача двадцать лѣтъ тому назадъ.—Возраженіе въ средѣ прежней коммиссіи противъ проекта закона о печати 1865 года.—Первое засѣданіе новой коммиссіи, 5 ноября.—Отчетъ государственнаго контроля по исполненію бюджета на 1879 г.—Общая характеристика отчетнаго года.—Отдѣльныя статьи его поступленій.—Налогъ соляной и способы его возмѣщенія.—Обыкновенные расходы и ихъ прогрессъ.—Чрезвычайные расходы, и безпомощность вѣдомствъ въ борьбѣ съ ними.—По поводу новой газеты „Порядокъ“	869
Корреспонденція изъ Берлина.—Парламентская сессія.—К.	898
Парижскія Письма.—LXII.—Дуэль.—ЭМ. ЗОЛА	921
Извѣстія.—Подписка на памятникъ Н. В. Гоголю въ Россіи, и Г. Флоберу во Франціи	948
Матеріалы журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1880 г.	949
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ въ 1880 г.	951
Библиографическій Листокъ.—Трудные годы, А. Градовскаго.—Сельскій Сборникъ, Д. А. Соколовскаго.—Основные положенія теоріи экономической политики, проф. Иванюкова.—Братъ и Сестра, А. Н. Анненской.—Всеобщая исторія литературы, вып. V и VI, и. р. В. Корша.—Полное собраніе сочиненій Шекспира, т. III, и. р. Н. В. Гербеля.	

15p

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 083834306